К.О.Б. имени И.И. Лажечникова

9873

050
Р-С. 2 | Русская
старина. 1905 г.
1091б.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

413

050
Р-С.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1905.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

25235 1916
491

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1905 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“ 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Записки Порфирія Николаевича Глѣбова [1].

28-го октября.

Сегодня утромъ, по обыкновенію, былъ у Кноринга. Бумаги все такія же, какъ и вчера, одна ничтожная канцелярская переписка, а о настоящемъ вооруженіи ни слова.

Между прочимъ, интересно было мнѣ узнать отъ самого Кноринга о взятіи Кинбурна союзниками. Они бомбардировали его два раза 30-го октября въ продолженіе четырехъ часовъ и 5-го—въ продолженіе пяти часовъ. Гарнизонъ весь сдался. Орудій тамъ было до 200 и пороху до 5 тыс. пудовъ, и все это досталось въ руки непріятеля. По словамъ плѣнныхъ офицеровъ французскихъ, съ которыми самъ государь разговаривалъ,—наша артиллерія въ Кинбурнѣ дѣйствовала превосходно. Правда, снаряды, попадавшіе въ борты канонерскихъ лодокъ, не пробивали ихъ, а потому были и недѣйствительными, но зато навѣсными выстрѣлами нанесли имъ много вреда; изъ нашего гарнизона убито и ранено всего 85 чел., а остальные 1.500 всѣ живыми взяты въ плѣнъ. Быть можетъ, французы и лгали, желая польстить государю; но это единственный источникъ, изъ котораго въ настоящее время могли мы имѣть свѣдѣніе объ участи кинбурнскаго гарнизона.

Кинбурнъ сдался 5-го октября. Со стороны Очакова взорвали Николаевскую батарею. На это, говоритъ Кнорингъ, имѣлъ онъ вы-

[1] См. „Русскую Старину“ мартъ 1905 г.

сочайшее разрѣшеніе, чтобъ не дать непріятелю предлога бомбардировать и Очаковъ. Взорвали также и единорожную батарею по-пустому; но это случилось отъ недоразумѣній, отъ поспѣшности офицера. Теперь снова рождается у меня недоумѣніе: для какой цѣли сооружать укрѣпленныя мѣста безъ самостоятельной обороны? При появленіи непріятеля,—или попадаются они дешево въ руки непріятеля, или мы сами взрываемъ ихъ на воздухъ!

Сегодня утромъ Кнорингъ отдалъ мнѣ визитъ; сидѣлъ у меня болѣе часу.

На мѣсто Шабельскаго назначенъ Гельфрейхъ, который уже отправился въ Крымъ. Про Гельфрейха идетъ молва, что онъ съ хорошими военными способностями. А при настоящихъ обстоятельствахъ, когда Севастополя уже не стало, и когда можно ожидать полевыхъ дѣлъ, армія должна имѣть хотя одного хорошаго кавалерійскаго генерала.

29-го октября.

Сегодня, въ Главной квартирѣ, въ Бахчисараѣ, должна быть большая суматоха. Государь, великіе князья и герцогъ мекленбургскій уже тамъ. Они останутся въ Бахчисараѣ сегодняшній и завтрашній день, а потомъ возвратятся: государь, великій князь Михаилъ Николаевичъ и герцогъ—прямо въ Петербургъ, а великій князь Николай Николаевичъ—снова сюда, но надолго ли, не извѣстно. Великій князь Константинъ Николаевичъ и теперь здѣсь, но 1-го ноября, говорятъ, уѣзжаетъ также въ Петербургъ.

Большое было оживленіе въ Николаевѣ, пока здѣсь былъ Дворъ. Ежедневные смотры и парады по утрамъ, а послѣ царскаго обѣда—музыка на бульварѣ и гулянье. Государь и всѣ великіе князья всегда присутствовали на этомъ гуляньѣ. Стеченіе публики ежедневно было большое, особенно женскаго пола; кажется, всѣ дамы николаевскія сговорились, чтобъ не пропускать ни одного гулянья. Разумѣется, нѣкоторыя изъ нихъ были такъ счастливы, что имѣли случай и пококетничать съ молодыми великими князьями, которые держали себя здѣсь чрезвычайно популярно и находили удовольствіе быть въ толпѣ, въ сумеркахъ. Разсказываютъ даже про одну вечернюю бесѣду, которую будто бы велъ великій князь Николай Николаевичъ съ одною изъ николаевскихъ дамъ, сидя съ нею вдвоемъ на скамеечкѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ гуляющихъ. Услышавъ отъ своего высокаго собесѣдника, что онъ особенно любитъ женщинъ высокаго роста, а дама „en question“, хотя и очень хорошенькая, но росту была небольшаго, она тотчасъ же прошипала: „Ахъ! какъ бы я желала быть высокаго роста!“ Разсказываютъ также, что въ Николаевѣ

проживаетъ какая-то миловидная дѣва — Морозова, столько же хорошенькая, сколько и тщеславная. Великій князь Николай Николаевичъ и на нее обратилъ вниманіе и даже, говорятъ, будто бы удостоивалъ эту тщеславную красавицу неоднократнымъ своимъ посѣщеніемъ. Разумѣется, такое высокое вниманіе къ красотѣ въ конецъ вскружило голову прекрасной дѣвы, и она по цѣлымъ днямъ только и болтаетъ, что — когда „Николай Николаевичъ“ былъ у нихъ, что — когда „Николай Николаевичъ“ её замѣтилъ на гуляньѣ, — или на парадѣ, что — когда „Николай Николаевичъ“ говорилъ съ нею въ саду, наединѣ, или при свидѣтеляхъ; словомъ, только и рѣчи, что про „Николая Николаевича“. На эту пору пріѣхалъ къ Морозовымъ дальній ихъ родственникъ, какой-то морской офицеръ. Прислушиваясь къ болтовнѣ своей родственницы, онъ сначала думалъ, что она вспоминаетъ о Николаѣ Николаевичѣ Зыбулкинѣ или Вислоуховѣ, общихъ ихъ знакомыхъ франтахъ николаевскихъ; однако, наконецъ, рѣшился спросить,—кто это такой Николай Николаевичъ, о которомъ она такъ часто и фамильярно вспоминаетъ. — „Какъ! кто такой? Да ты развѣ не знаешь?“—Если бъ зналъ, то не сталъ бы и спрашивать, отвѣчалъ морякъ.—„Да это великій князь!“— Какъ! великій князь??—„Ну да, самъ великій князь, его императорское высочество!“—Съ этимъ словомъ, морякъ бросаетъ свою сигару, застегивается на всѣ пуговицы и почтительно говоритъ:—Виноватъ, извините, не зналъ... я совсѣмъ думалъ о другомъ Николаѣ Николаевичѣ... и потому позволялъ себѣ говорить съ вами по обыкновенію безцеремонно... но теперь... мнѣ уже не подобаетъ... и т. д. Не знаю, справедливъ ли и этотъ анекдотъ, но записываю его, какъ слышалъ.

Государь на бульварѣ встрѣтилъ одного кирасирскаго офицера, который не отдалъ ему чести. Онъ тотчасъ же послалъ его на гауптвахту, сказавъ ему: „вы могли не узнать во мнѣ государя, но, по формѣ, должны были видѣть, что я генералъ, а потому и должны были отдать мнѣ честь“.

Провожденіе времени членовъ императорской фамиліи распредѣлено было слѣдующимъ образомъ: вставали всѣ рано. По утрамъ никакихъ пріемовъ парадныхъ, оффиціальныхъ; являлись только по дѣламъ. Даже въ день своего рожденія, 13-го октября, великій князь Михаилъ Николаевичъ никого не принималъ, и только немногіе, въ томъ числѣ и я, удостоились урывкой, при проходѣ его послѣ обѣдни,— отъ государя на свою половину, поздравить его. Все утро посвящалось занятіямъ. Великіе князья почти ежедневно объѣзжали укрѣпленія оборонительныхъ линій, слѣдили лично за поспѣшностью земляныхъ работъ, за вооруженіемъ и т. п., или бывали въ Адмиралтействѣ, присутствовали на смотрахъ и на парадахъ. Въ 4 часа—

обѣдъ у его величества. Послѣ обѣда гулянье на бульварѣ, который тянется у самаго дворца,—до 5 часовъ вечера. Потомъ занятія кабинетныя. Ежедневно въ это время я являлся съ бумагами къ великому князю Михаилу Николаевичу и почти ежедневно видѣлъ великаго князя Николая Николаевича—также за работою. Въ 10 часовъ собирались къ великимъ князьямъ ихъ приближенные и играли въ карты. Иногда приходилъ въ это время на половину великихъ князей и государь. Ужинали ихъ высочества у государя съ весьма немногими, которые удостоивались приглашенія отъ его величества. Такъ проходили дни за днями, и надо сказать, что присутствіе въ Николаевѣ членовъ императорской фамиліи принесло большую пользу. Не будь ихъ, и десятой части не сдѣлали бы того, что сдѣлали теперь для укрѣпленія г. Николаева. Теперь уже не успѣли августѣйшіе гости наши и уѣхать, а все охладѣло, и замѣтно, что по всѣмъ частямъ руки у дѣятелей опустились. Но замѣтнѣе всего это—по части артиллерійской. Кнорингъ вовсе не заботится о вооруженіи, а думаетъ только объ учрежденіи своего глупаго управленія. До сихъ поръ отношенія мои къ нему самыя пріятныя, могу сказать, дружескія, но все-таки я вижу въ немъ человѣка самаго мелкаго и пустаго.

30-го октября.

Вотъ образчикъ безтолковости Кнорнига. Вчера прислалъ онъ ко мнѣ записку отъ великаго князя генералъ-адмирала, при коей приложена вѣдомость всему артиллерійскому имуществу, которое имѣется въ здѣшнихъ морскихъ магазинахъ; въ запискѣ его высочество требуетъ, чтобъ представлена была ему опись тѣмъ припасамъ, въ которыхъ мы можемъ нуждаться, и не позже, какъ завтрашняго числа, т. е. сегодня. Сообразивъ, въ чемъ именно, по предметамъ лабораторнымъ и арсенальнымъ, встрѣтится для вооруженія Николаева надобность, я приблизительно составилъ требуемую великимъ княземъ опись и приказалъ уже ее переписывать, какъ Кнорингъ потребовалъ меня къ себѣ. Не вникнувъ въ мое распоряженіе, онъ сталъ упрямо доказывать мнѣ, что въ настоящее время невозможно съ точностью опредѣлить, въ чемъ именно можемъ нуждаться, потому что земляныя работы не на всѣхъ еще укрѣпленіяхъ окончены, и не всѣ еще орудія поставлены, а потому въ этомъ смыслѣ и приготовить донесеніе его высочеству. Сколько ни доказывалъ ему, что намъ не слѣдуетъ отказываться отъ того, что самъ великій князь предлагаетъ намъ,—при томъ не представивъ ему описи,—не исполнимъ мы и его повелѣнія,—Кнорингъ упорно настаивалъ на своемъ и окончательно приказалъ мнѣ, чтобъ я приготовилъ одно только донесеніе, и въ томъ смыслѣ,

какъ онъ объяснилъ мнѣ. Нечего дѣлать, надо было отмѣнить переписку на-бѣло составленной уже мною описи и сдѣлать такъ, какъ онъ приказывалъ, что̀ я и исполнилъ, просидѣвъ за письменнымъ столомъ за полночь. Когда же, рано утромъ, явился я къ нему съ черновыми бумагами,—первое слово, которое спросилъ онъ меня: „гдѣ же опись имуществу, которую требуетъ великій князь?“—Да вы не приказали ее составлять.—„Какъ не приказалъ, помилуйте!“—Да я вчера вамъ докладывалъ... — „Помилуйте, да этакъ мы ничего не успѣемъ сдѣлать, все будемъ только докладывать, надо дѣло дѣлать, а не докладывать“—и пошелъ городить такую дичь, что я просто въ тупикъ сталъ и не захотѣлъ болѣе отвѣчать ему. Вотъ съ какимъ гусемъ пришлось мнѣ служить. Начальники бываютъ двухъ родовъ: одни—смирные, съ полнымъ сознаніемъ своего ничтожества, и потому безъ оглядки ввѣряющіе себя въ распоряженіе другихъ; таковъ нашъ дѣдушка, и съ нимъ Крыжановскому служить прекрасно; другіе же, столь же ничтожные и неспособные, какъ и первые, но самолюбивые и заносчивые; они собьютъ съ толку всякаго, кто желаетъ пособить бездарности ихъ; таковы—Ш—скій и Кнорингъ, хотя оба, быть можетъ, и люди добрые, но служить съ ними—Боже упаси!

31-го октября.

Вотъ и другой образчикъ безтолковаго упрямства Кноринга. Рербергъ предлагаетъ перевезть изъ Тирасполя въ Николаевъ 8 осадныхъ орудій; кромѣ одного, всѣ остальные негодныя, съ разстрѣлами; при томъ, такого калибра, котораго у насъ и безъ того много. Не взирая на это, Кнорингъ сталъ настаивать, чтобы орудія были перевезены, и я успѣлъ только въ томъ, чтобъ онъ повременилъ. Быть можетъ, надумается. Касательно же разстрѣловъ, доложилъ я ему соотвѣтствующій приказъ военнаго министра.

А у большей части осадныхъ орудій, которыя называетъ Рербергъ, разстрѣлъ болѣе одной линіи. Для чего же перевозить ихъ, и въ такое позднее время, когда они къ употребленію негодны; тѣмъ болѣе, что въ орудіяхъ этого калибра недостатка у насъ нѣтъ. Кажется, ясно какъ день, а Кнорингъ и этого не видитъ; досаднѣе же то, что онъ не хочетъ видѣть, когда и глаза ему открываютъ!

Получилъ сегодня письмо отъ Колобова. И онъ бѣжитъ изъ Крыма, просится въ шестимѣсячный отпускъ. Повидимому, Крыжановскій не слишкомъ удерживаетъ стариковъ-командировъ. Едва заикнулся Пущинъ, какъ его тотчасъ же уволили отъ командованія батареею; то же теперь дѣлаютъ и съ Колобовымъ. Но молодые командиры замѣнятъ ли старыхъ? Опытности старослуживыхъ у нихъ нѣтъ и

быть не можетъ, а между тѣмъ, и не отличаются они, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ я знаю, молодечествомъ и лихостью.

Вчера, 30-го октября, государь ночевалъ въ Симферополѣ. Въ Крыму онъ посѣтилъ не только Бахчисарай, но и Сѣверную сторону; нѣтъ сомнѣнія, что ходилъ и по батареямъ. Воображаю, какъ много воодушевило присутствіе августѣйшаго гостя наши войска. Изъ Симферополя поѣдетъ государь уже прямо въ Петербургъ, не останавливаясь. Отсюда генералъ-адмиралъ долженъ выѣхать сегодня вечеромъ. Всѣ эти придворныя новости сообщилъ мнѣ Кнорингъ. Слухи о Крымѣ носятся, но невѣрные. Разсказываютъ, напримѣръ, будто бы союзники вторично вышли въ большихъ силахъ изъ Евпаторіи и направились на наши сообщенія, къ Тре-Абламъ, на дорогу, ведущую изъ Перекопа въ Симферополь, и будто бы наши гренадеры зашли имъ въ тылъ и стали между ими и Евпаторіей. Это просто сказка. Не такъ благопріятели наши глупы, чтобъ могли попасться въ такую западню, и, къ сожалѣнію, не такъ мы умны, чтобъ могли поймать ихъ. Но другой слухъ правдоподобнѣе, и именно, говорятъ, будто бы большія силы союзники сосредоточиваютъ въ Евпаторіи и въ Керчи, чтобъ съ этихъ двухъ противоположныхъ одинъ другому пунктовъ дѣйствовать въ одно время на наши сообщенія; Байдарскую долину очистили, и на позиціяхъ Севастопольскихъ оставили войскъ весьма немного, столько, сколько нужно для обороны этихъ крѣпкихъ позицій.

Занятія мои у Кнорнига, по-прежнему, канцелярскія. Они меня нисколько не утомляютъ, но пользы отъ нихъ для вооруженія я никакой не вижу.

2-го ноября.

Спицынъ говоритъ, что картину Севастополя 5-го октября 1854 года, первый день бомбардировки, легко нарисовать можетъ всякій. Возьми полотно, да покрой его сверху до низу сѣрой краской, вотъ и картина готова.

Дѣйствительно, въ этотъ день не было ни малѣйшаго вѣтра, и пороховой дымъ густымъ облакомъ охватилъ весь Севастополь.

Новаго—ничего. Въ Крыму, говорятъ, все спокойно. Погода сухая и морозы. Завтра ждутъ сюда великаго князя Николая Николаевича.

3-го ноября.

Вчера вечеромъ, совсѣмъ неожиданно, явился ко мнѣ Васильевъ или Гасперскій, одинъ изъ самыхъ старыхъ моихъ знакомыхъ, съ которымъ я отчаянно кутилъ еще въ прошлую турецкую кампанію, въ 1828 и 1829 годахъ, потомъ встрѣчался также довольно часто

за бокаломъ вина въ Польшѣ, въ 1831 году; наконецъ, видѣлся съ нимъ и въ Петербургѣ. Онъ очень умный и способный человѣкъ, но пройдоха страшный: святаго у него ничего нѣтъ. Служилъ онъ и въ пѣхотѣ, и въ кавалеріи, былъ старшимъ корпуснымъ адъютантомъ и числился по генеральному штабу, сынъ любви—получилъ при рожденіи польскую фамилію Гасперскій, но просилъ, чтобы фамилію эту ему перемѣнили, и, послѣ польской кампаніи, покойный государь уважилъ его просьбу, повелѣвъ называться ему Васильевымъ; послѣ чего, въ чинѣ маіора, назначенъ былъ онъ состоять при Муравьевѣ, бывшемъ курскомъ губернаторѣ, откуда за недобрыя дѣла былъ отчисленъ по кавалеріи, подвернулся въ это время къ какой-то вдовѣ съ состояніемъ, загадочно какъ-то на ней женился, вышелъ въ отставку и, наконецъ, теперь вновь поступилъ въ ополченіе подполковникомъ и начальникомъ дружины. Я уже очень давно, болѣе 10 лѣтъ, потерялъ его изъ виду, но, зная его прежнюю невоздержную жизнь, полагалъ, что онъ уже давнымъ давно отдыхаетъ въ сырой землѣ, какъ вдругъ вчера является онъ ко мнѣ такимъ же молодцомъ, какимъ былъ и прежде. Удивительно—какъ это онъ могъ уцѣлѣть послѣ всѣхъ тѣхъ болѣзней, которыя перенесъ. Смотря на него и вслушиваясь въ его разговоръ, умный и находчивый, я въ мысляхъ переносился въ былое, въ лѣта безумной моей молодости, и посѣщеніе его наводило на меня и чувство пріятное, и грустное. Много, много съ этимъ человѣкомъ дѣлалъ я дурачествъ всякаго рода,—и онъ мнѣ тогда очень нравился; можно сказать, что онъ тогда мнѣ былъ такъ же милъ, какъ Мефистофель Фаусту. Никогда я въ немъ не обманывался, всегда видѣлъ въ немъ человѣка безъ строгихъ правилъ, но умъ его и манера вкрадчивая меня къ нему привязывали.

Государь утвердилъ медали за Севастополь. Новость эту привезъ великій князь Николай Николаевичъ, пріѣхавшій сюда сегодня изъ Крыму въ 2 часа по полудни. Въ Крыму послѣ посѣщенія государя все ожило. Вся армія въ полушубкахъ, въ новыхъ шинеляхъ и въ большихъ сапогахъ. По словамъ великаго князя, церемоніальный маршъ—какъ въ гвардіи. О непріятелѣ слуху никакого; на всѣхъ пунктахъ спокойно. Письменныя занятія мои съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Сегодня проработалъ у Кнорринга цѣлое утро. Въ 3 часа вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ, и онъ просилъ меня каждый день у него обѣдать. Сношенія мои съ нимъ пока самыя пріятныя. Не знаю, что будетъ дальше.

5-го ноября.

Сегодня, 5-го ноября, въ 3 часа по полудни и великій князь Николай Николаевичъ оставилъ Николаевъ. Теперь уже изъ царской фамиліи никого здѣсь нѣтъ.

Наконецъ, склонился Кнорингъ на занятія настоящимъ дѣломъ,—вооруженіемъ. Сегодня я составилъ ему подробную вѣдомость объ орудіяхъ всѣхъ калибровъ, которыя поставлены уже на укрѣпленіяхъ объ орудіяхъ въ запасѣ и о тѣхъ, которыя ожидаются изъ разныхъ мѣстъ. Онъ такъ обрадовался этой вѣдомости, что черновую тотчасъ же повезъ къ великому князю.

Вотъ еще образчикъ—какъ онъ понимаетъ свое дѣло, или, вѣрнѣе—какія Тотлебенъ внушаетъ ему нелѣпости по части артиллерійской.

Всего орудій на-лицо и въ ожиданіи 866; если выстрѣлить изъ каждаго орудія по одному разу, полагая въ зарядъ среднимъ числомъ 8 ф. пороха, то понадобится для одного выстрѣла изъ всѣхъ орудій—148 п. 8 ф.; но они предположили—изъ каждаго орудія въ день дѣлать 60 выстрѣловъ, на что̀ понадобится въ день пороха 8 берк. 92 пуда, а въ мѣсяцъ 266 берк. 760 пуд. Цифра безумная! Предположивъ, что непріятель будетъ брать Николаевъ такъ же долго, какъ и возился съ Севастополемъ, 11 мѣсяцевъ,—для такой обороны потребуется, по предположеніямъ Кнорингa и Тотлебена, 2.934.360 пуд. пороха. Нечего сказать, хорошо разсчитано! Но какъ упрямъ этотъ, человѣкъ! Когда я сталъ доказывать ему, что такъ разсчитывать нельзя, и никогда такого количества пороха Россія дать Николаеву не въ состояніи, на это онъ отвѣчалъ: „Ну, какъ хотятъ, а если желаютъ, чтобы Николаевъ оборонялся, пусть даютъ, что намъ надо“. Чтобы образумить его, я долженъ былъ повести его ко мнѣ и въ этой самой книгѣ указать ему достовѣрныя свѣдѣнія о количествѣ пороха, какое расходовалось въ Севастополѣ. Этимъ только я и могъ остановить его отъ глупости, которую замышлялъ онъ сотворить внесеніемъ своихъ предположеній о порохѣ въ отчетностяхъ главнокомандующему.

По-моему можно составить слѣдующее предположеніе, и то въ размѣрахъ самыхъ большихъ. Предположить на укрѣпленіяхъ дѣйствующихъ орудій—500; если выстрѣлить изъ каждаго орудія по одному разу зарядомъ 8 ф., понадобится для этого пороху 100 пуд. Назначить, какъ въ Севастополѣ, въ мѣсяцъ 26 дней обыкновенной стрѣльбы и 4 дня усиленной, для первой предположивъ 10 выстрѣловъ на орудіе, а для второй—50.

По этому предположенію для всѣхъ 500 орудій въ мѣсяцъ потребуется 46 тыс. пуд., а въ 11 мѣсяцевъ 506 тыс. пудовъ.

И эти числа огромныя, особенно если взять предположеніе, что у насъ для цѣлой арміи во всѣхъ складахъ южной Россіи заготовлено съ небольшимъ 100 тыс. пудовъ пороху.

6-го ноября.

А вчера мы препорядочно подгуляли: Павловъ, Зимницкій и я въ клубѣ. Это сборище моряковъ; кромѣ ихъ, никого другаго и не видать. Послѣ преферанса—начинается на всѣхъ столикахъ банкъ и штосъ; моряки мечутъ, моряки и понтируютъ, вовсе не подозрѣвая, что это игра запрещенная. При томъ, всякій можетъ пріѣзжать сюда не записывая фамиліи и не платя за входъ ни копѣйки.

Костюмъ также не стѣснительный: кто въ чемъ хочетъ; кажется, пріѣзжай и въ халатѣ, и никто на это не обратитъ вниманія. Одно не хорошо, то, что преобладающее занятіе—карты. Всякій озабоченъ только тѣмъ, чтобы составить себѣ партію; бесѣды никакой. Впрочемъ, это условіе всѣхъ клубовъ русскихъ—вечеръ и часть ночи убивать за картами. Непосвященному въ это занятіе въ клубѣ дѣлать нечего. Сегодня утромъ засталъ у Кноринга графа Стакельберга, да еще какого-то генералъ-адъютанта (Бенкендорфъ), возвращающихся изъ Крыма. Оба—люди обходительные и привѣтливые, много толковали о Крымѣ и о тамошнихъ событіяхъ, но ничего замѣчательнаго не сказали. Потомъ подъѣхали Перелешинъ и еще какой-то морской штабъ-офицеръ съ перевязанной головой. Съ ними сейчасъ заговорили о Севастополѣ. Перелешинъ говорилъ, что на тамошнихъ батареяхъ много рвало у насъ орудій, и все Луганскаго завода; народу отъ этого погибло много. И здѣсь, заключилъ онъ, если бы мнѣ пришлось стоять на батареяхъ, я не опасался бы снарядовъ непріятельскихъ, но остерегался бы своихъ орудій, такъ они непрочны. И дѣйствительно, на здѣшнихъ укрѣпленіяхъ много поставлено орудій Луганскаго завода, и все—пушки 24-хъ фунтовыя, хотя мы и знаемъ, что онѣ непрочны.

Обѣдалъ у Павлова; передъ обѣдомъ прочиталъ бумагу Пихельштейна: самая придирчивая! Сейчасъ поймешь, что требуютъ хабары. Вѣрно, добрякъ Павловъ скупъ на это. Боже мой, когда-то у насъ прекратятся всѣ эти пакости! Не успѣли еще замолкнуть пушечные выстрѣлы, а уже канцелярскія клязы начались. Будь я на мѣстѣ Павлова, и одна такая бумага заставила бы меня—или надѣлать рядъ глупостей, или бѣжать изъ службы. Но Павловъ разсудительнѣе меня. На него бумага никакого не произвела дѣйствія; прочитавъ ее, онъ даже не почесалъ свою лысину. Съ такимъ темпераментомъ на всякомъ мѣстѣ ужиться можно. Замѣчательно, что въ этой бумагѣ—Пихельштейнъ, на основаніи какихъ-то дошедшихъ до него слуховъ, дѣлаетъ строгій выговоръ и замѣчаніе Павлову за то, что онъ будто бы, по полученіи казенныхъ съ почты конвертовъ, не самъ ихъ распечатываетъ, а приказываетъ ихъ распечатывать въ канцеляріи;

и вся бумага, на 4 страницахъ, наполнена подобными придирчивыми дурачествами.

7-го ноября.

Вчера ночью пріѣзжалъ сюда изъ Крыма курьеръ. Ко мнѣ бумагъ никакихъ, кромѣ посылки сигарной изъ Кіева. На счетъ лафетовъ Рерберга странно какъ-то отозвались на имя Кноринга изъ управленія. Вездѣ люди. Дѣло теперь объясняется. Сначала Крыжановскій сгоряча одобрилъ лафеты и, вѣроятно, такъ и доложилъ главнокомандующему; теперь же въ своемъ промахѣ сознаться не хочетъ и отстаиваетъ дурное и непрочное.

8-го ноября.

Кнорингъ хотя и упрямъ по-прежнему, однако, кажется, начинаетъ уже сдаваться на убѣжденія разсудка. Сегодня утромъ поставилъ я его въ тупикъ слѣдующимъ резономъ:

— Положимъ, сказалъ я ему,—что вы имѣете право не руководствоваться постановленіями и составлять ваши соображенія по вооруженію Николаева на основаніи того, что дѣлалось въ Севастополѣ. Но гдѣ возьмете вы эти данныя? Изъ голословныхъ увѣреній Тотлебена, Генериха, Спицына или моихъ. Но, вѣдь, эти данныя не только могутъ быть невѣрныя, но совершенно противорѣчащія одно другому. Вспомните, какъ на этомъ самомъ мѣстѣ Спицынъ докладывалъ вамъ, что пушки чугунныя Луганскія совершенно напрасно забраковали, что этихъ пушекъ у него на батареяхъ въ Севастополѣ было очень много, стрѣляли изъ нихъ полными зарядами ежедневно, и въ продолженіе всей осады ни одной пушки не разорвало. И что жъ? Не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ этого является къ вамъ Перелешинъ и на этомъ самомъ мѣстѣ вамъ докладываетъ, что Луганскія пушки никуда не годятся, что въ Севастополѣ очень много ихъ разорвало, отъ чего и народу погибло довольно, и что, при концѣ осады, изъ этихъ пушекъ перестали даже и стрѣлять. Вотъ вамъ образчикъ разительный, какія данныя можно пріобрѣсть отъ изустныхъ бесѣдъ: объ одномъ и томъ же одинъ говоритъ одно, а другой—совсѣмъ другое, и оба, повидимому, имѣютъ авторитетъ, прослуживъ съ нѣкоторою извѣстностью при оборонѣ Севастополя на оборонительной линіи. Такъ будетъ и съ другими данными. Одинъ будетъ вамъ говорить одно, а другой—другое. Кто правъ, и кому изъ нихъ вѣрить? А если данныя будутъ невѣрны и неточны, то и всѣ сообщенія ваши едва-ли заслужатъ одобреніе высшихъ инстанцій.

Кажется, что это на него подѣйствовало; по крайней мѣрѣ, онъ согласился, чтобы въ отчетностяхъ остались соображенія въ томъ

видѣ, какъ я ихъ составилъ, предоставивъ однако себѣ впослѣдствіи войти о своихъ соображеніяхъ съ особыми представленіями.

Бутаковъ, — флигель-адъютантъ и начальникъ штаба у Метлина, тотъ самый, который такъ славно командовалъ пароходомъ „Владиміръ“, и съ которымъ познакомился я послѣ паденія Севастополя, па Михайловскомъ укрѣпленіи, долженъ быть славный человѣкъ. Наружность, по крайней мѣрѣ, много говоритъ въ его пользу. Незамѣтно въ немъ никакой заносчивости, ни фанфаронства, чѣмъ, къ сожалѣнію, отличаются нѣкоторые герои севастопольскіе. Простъ въ обращеніи; съ умнымъ и кроткимъ лицомъ, въ чертахъ котораго, однако, проявляется энергія и сила воли; учтивый и внимательный ко всѣмъ; онъ мнѣ очень понравился съ перваго раза. При послѣднемъ свиданіи съ нимъ, между прочимъ, онъ мнѣ говорилъ, что предполагаютъ кромѣ Николаева укрѣпить Одессу и Симферополь такъ, чтобы эти три пункта могли служить опорой для будущихъ дѣйствій Крымской арміи. Большая часть экипажей Черноморскаго флота выходитъ изъ Николаева въ Архангельскъ и въ Петербургъ для усиленія экипажей Балтійскаго флота. Выходитъ, моряковъ въ самомъ Николаевѣ останется уже немного. Сегодня у Кноринга видѣлся съ Шереметевымъ, бывшимъ адъютантомъ покойнаго великаго князя Михаила Павловича и женатымъ на княжнѣ Голицыной. Такой онъ худощавый и чахоточный, какимъ былъ прежде; къ тому же онъ и постарѣлъ. Онъ теперь служитъ въ ополченіи московскомъ. Видно, что въ душѣ — патріотъ, сильно сочувствуетъ настоящимъ событіямъ,—словомъ, русскій боляринъ. Такихъ людей пріятно встрѣчать въ рядахъ ополченцевъ.

Передъ обѣдомъ курьеромъ явился къ Кнорингу юный Майдель, тотъ самый, съ которымъ я жилъ въ Орта-Каралесъ; привезъ онъ и мнѣ изъ Главной квартиры два письма. Онъ—племянникъ Кноринга. Но какую сдѣлалъ глупость и вѣтренность! Въ данномъ ему предписаніи значится, чтобы онъ получилъ свѣдѣнія въ Бериславлѣ отъ полковника Иванова и эти свѣдѣнія доставилъ бы командующему Южной арміей, а онъ, не прочитавъ предписанія, явился въ Бериславль къ Иванову, отдалъ ему пакетъ и, не дождавшись отъ него требуемыхъ свѣдѣній, вскочилъ въ телѣжку и поскакалъ далѣе. Хорошо, что еще мы прочитали это предписаніе и объяснили ему, какую онъ сдѣлалъ вѣтренность. Нечего дѣлать, пришлось бѣдному юношѣ снова скакать въ Бериславль, а оттуда опять черезъ Николаевъ въ Одессу, куда переѣхала уже отсюда Главная квартира Южной арміи.

Странная судьба моя! Богъ наградилъ меня семействомъ, но въ такое время моей жизни, когда нельзя мнѣ пользоваться семейнымъ счастьемъ. Весь вѣкъ проволочилъ холостякомъ, а женился тогда,

когда нельзя быть вмѣстѣ съ женой, и вмѣсто счастья, которымъ такъ во-время пользуются другіе—пришлось мнѣ только горевать по семьѣ. Неужели и на закатѣ дней моихъ судьба не сжалится надо мной и не подаритъ мнѣ нѣсколько лѣтъ жизни спокойной, независимой и безбѣдной? Кажется, я забылъ бы о всѣхъ тревогахъ и несчастіяхъ, такъ долго угнетающихъ меня, если бы могъ укрыться подалѣе отъ людей, отъ ихъ глупостей и злобы, отъ ихъ тщеславія, суеты, бѣготни, даже отъ ихъ ласкъ и вниманія—въ какомъ-нибудь сельскомъ уединеніи въ тепленькой комнатѣ за книгой, сигаркой во рту, съ дѣтьми...

Майдель говорилъ, будто передъ отъѣздомъ его изъ Крыма, у непріятеля, на Сапунъ-Горѣ, страшный былъ взрывъ, такъ что отъ этого взрыва дрогнула и Мекензіева гора. Полагаютъ, что взлетѣло на воздухъ до 15 тыс. пудовъ пороха, но отъ чего произошелъ взрывъ,—въ Главной квартирѣ не извѣстно. Дай-то Богъ, чтобъ хотя подобными несчастіями, да одолѣть намъ врага. Теперь въ Крыму все успокоилось; какъ мы, такъ и они, сидимъ въ землянкахъ, да грѣемся около огоньковъ. Серьезныхъ покушеній со стороны непріятеля не ожидаютъ; развѣ будутъ какія-нибудь ничтожныя авангардныя схватки. Но что скажетъ весна??.

9-го ноября.

Сегодня у Кнорінга былъ большой обѣдъ для дамъ, а кто онѣ,—Богъ ихъ знаетъ; если же судить по манерамъ и наружному облаченію,—то должно быть—неважныя. Изъ кавалеровъ обѣдали—я, какой-то морской штабъ-офицеръ, вѣроятно, родственникъ дамъ, да еще Шереметевъ, который мнѣ очень нравится. Видно, что онъ человѣкъ прекрасной души; о воспитаніи и говорить нечего, — баричъ—въ настоящемъ значеніи слова. Послѣ обѣда я откровенно сказалъ ему, что, въ настоящую эпоху, пріятно встрѣтить въ облаченіи ополченца—такого человѣка, какъ онъ.

10-го ноября.

Работаю много,—почти по цѣлымъ днямъ. Сегодня предложилъ Кнорингу вытребовать до 2 тыс. пѣхоты, чтобъ заблаговременно обучить этихъ людей пріемамъ при орудіяхъ и ознакомить съ артиллерійскою службою на батареяхъ, для чего и приготовилъ докладную записку командующему войсками николаевскаго гарнизона. Кнорингъ согласился, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ толковать о томъ, что сначала надо узнать положительно, сколько у насъ изъ моряковъ будетъ прислуги при орудіяхъ, что 2 тыс. пѣхотинцевъ мало, а надо 8 тысячъ и тому подобные вздоры. Я не знаю, какъ я не вышелъ изъ себя,

встрѣчая въ каждомъ вопросѣ такое упрямое противорѣчіе, ни на чемъ не основанное. Тутъ надо дорожить временемъ, котораго впереди у насъ немного; дай Богъ, чтобы намъ дали и 2 тыс. пѣхотинцевъ, и успѣемъ ли мы и ихъ обучить артиллерійскому дѣлу, а онъ затѣваетъ вопросъ о 8 тыс., цѣлой дивизіи и о морской прислугѣ! Переписка объ этомъ затянется на мѣсяцъ и на два, и кончится тѣмъ, что намъ или ни одного не дадутъ солдата изъ пѣхоты, или дадутъ ихъ тогда, когда уже поздно будетъ что-нибудь съ ними сдѣлать.

Сегодня завтракалъ у Кнорнига, проѣздомъ черезъ Николаевъ,— Хрулевъ. Встрѣтился онъ со мною по-товарищески. Здоровье его поправилось; одною рукою совсѣмъ не владѣетъ, но другою кое-какъ себѣ прислуживаетъ;—хотя съ трудомъ, но рюмку ко рту себѣ подноситъ. Посѣдѣлъ только сильно. Неповоротливый, неразговорчивый и нахмуренный, какимъ былъ и прежде. Съ трудомъ вырвешь у него какое-либо слово; все молчитъ, да куритъ сигару. Теперь онъ ѣдетъ въ Одессу, а потомъ отправится въ Петербургъ. Отпускъ ему данъ на 2 съ половиною мѣсяца. По его словамъ, теперь дѣлъ уже никакихъ ожидать въ Крыму нельзя; говорилъ онъ также и то—когда его спрашивали,—что государь въ Симферополѣ чрезвычайно обошелся съ нимъ милостиво. Когда же являлся къ государю въ Симферополѣ голова севастопольскій, то онъ ему сказалъ: „надѣюсь, что скоро опять возвратитесь въ Севастополь". Изъ этихъ словъ Хрулевъ выводитъ заключеніе, что, быть можетъ, и война скоро кончится, но я изъ нихъ вижу только, что государь не теряетъ надежды скоро вновь владѣть Севастополемъ. Отъ такой надежды до заключенія мира—далеко! Мнѣ очень хотѣлось заставить говорить поболѣе Хрулева, но не могъ успѣть въ этомъ: молчаливъ, какъ рыба. И о своихъ подвигахъ ни слова! Замѣтно еще, что громкая слава, которую онъ пріобрѣлъ, — нисколько не вскружила ему голову. Такъ же простъ въ обращеніи со всѣми, какимъ былъ и прежде. Онъ—человѣкъ съ твердой головою, умный и съ сильнымъ характеромъ. Жаль только, что образованія въ немъ никакого. Онъ—герой, но не славный генералъ, въ настоящемъ значеніи слова. При томъ, кажется, и правительство разумѣетъ его какъ человѣка не совсѣмъ чистаго. Поэтому, быть можетъ, и не дѣлаютъ его генералъ-адъютантомъ; между тѣмъ, какъ по подвигамъ въ Севастополѣ, кому же, какъ не ему, быть возведеннымъ въ это званіе; за Севастополь сдѣлали генералъ-адъютантомъ кн. Урусова, кн. Васильчикова, Тотлебена.

Ждутъ сюда графа Сакена и Коцебу; оба ѣдутъ на короткое время въ Одессу въ отпускъ. Сегодня мой милый Кнорингъ расшумѣлся. Вѣдомость по вооруженію кончили только вчера, и къ сегодняшнему

25 235

дню едва успѣли переписать ее для командующаго арміею, а онъ вздумалъ, чтобъ сегодня же на почту было послано по экземпляру— военному министру, Безаку, Сержпутовскому, Тотлебену и, въ добавокъ, къ великому князю генералъ-фельдцейхмейстеру. Да это столько письма, что съ нашими писарями едва-ли можно написать и въ недѣлю, а онъ захотѣлъ въ нѣсколько часовъ и, по обыкновенію, сталъ говорить разный вздоръ, что можно писать вѣдомость по диктовкѣ, на нѣсколько рукъ, писать и днемъ и ночью, что такъ, дескать, дѣлалось у него прежде, и т. п. Да если бы исполнили его приказаніе, то такую бы нагородили чепуху, что никто ее и не разобралъ бы! Теперь переписываетъ вѣдомость одинъ хорошій и надежный писарь, а я все-таки не отвѣчаю, чтобъ въ ней не было ошибокъ; что же бы было, если бы стали писать ее по диктовкѣ писаря-самозванцы, безграмотные и безтолковые, которыхъ набрали мы изъ батарей. Вышла бы такая же чушь, какъ и онъ самъ. Нечего сказать, больно безтолковъ, но человѣкъ добрый и честный. Не надо только круто идти ему наперекоръ, а съ нимъ можно временемъ все сладить.

12-го ноября.

Вчера проѣздомъ черезъ Николаевъ остановилась у Павлова Олимпіада Григорьевна Крыжановская, сопровождаемая изъ Кіева адъютантомъ Крыжановскаго, Боборыкинымъ. Она ведетъ себя прилично, скромно и не подаетъ малѣйшаго вида, что она жена начальника; при томъ, должно быть, прекрасная жена и добрая мать. Въ продолженіе этой войны, то и дѣло, что она въ разъѣздахъ: то слетаетъ въ Кіевъ — пригрѣть дѣточекъ, то прикатитъ въ Симферополь, Бахчисарай, Орта-Каралесъ, или даже на Инкерманскія высоты, чтобы утѣшить и разсѣять мужа. Поэтому имѣлъ я полное основаніе сказать ей вчера, что она эту кампанію такъ же дѣлаетъ, какъ и мы, и что если за войну въ Крымѣ будутъ медали, то и ей слѣдуетъ медаль. Изъ Кіева Боборыкинъ привезъ слѣдующія новости: тамошній комендантъ Панаевъ умеръ отъ апоплексіи. Покойникъ былъ исполненъ добра и безкорыстія. Не на что было даже похоронить его; послѣ смерти его—въ домѣ нашли всего три цѣлковыхъ. А по роду службы своей (онъ былъ инженеромъ), онъ могъ бы набить порядочно себѣ карманъ. Даже въ Кіевѣ, въ бытность свою комендантомъ, онъ явилъ рѣдкій примѣръ безкорыстія. Устраивали еще при мнѣ огромныя помѣщенія, противъ госпиталя на Печерскѣ, для склада значительнаго числа запасовъ провіантскихъ. Разумѣется, инженеры тотчасъ же вызвались составить смѣту для этихъ построекъ и вогнали ее ни болѣе, ни менѣе, — какъ въ 470.000 рублей серебромъ

Слава Богу еще, что круглое число, а то они имѣютъ обыкновеніе, для большей правдоподобности, къ сотнямъ тысячъ прибавлять копейки и даже четверти копеекъ. Нечего сказать, люди аккуратные! Васильчиковъ, испугавшись такой страшной суммы, отнесся къ коменданту. Панаевъ, какъ инженеръ, вникнувъ въ смѣту и родъ построекъ, которыя требовались для запасовъ провіантскихъ, объявилъ, что для этихъ построекъ достаточно ассигновать не 470 тыс., а всего 60 тыс. рублей. Кромѣ того, по усиленной просьбѣ Васильчикова, самъ взялся и построить всѣ помѣщенія. И что же? Всѣ постройки обошлись казнѣ всего 54 тысячи серебромъ. Возвращая оставшіяся 6 тыс. рублей, Панаевъ извинялся — о ч е н н о, что ошибся въ своей смѣтѣ,— назначивъ—вмѣсто 54 тыс. крупнымъ числомъ 60 тыс. руб. Пріятно слушать разсказы о такихъ рѣдкихъ въ наше время примѣрахъ честности и безкорыстія! По словамъ Боборыкина, и Крыжановскій, и весь городъ оцѣнилъ прекрасныя достоинства покойника и со слезами проводилъ его на могилку.

Разставаясь съ Боборыкинымъ, я просилъ его сказать въ Главной квартирѣ, что пока съ Кнорингомъ лажу, и что онъ пока, повидимому, весьма мной доволенъ, но что меня чрезвычайно тяготитъ неопредѣленность моего положенія, и что, если можно, то чтобы опредѣлили: останусь ли я въ Николаевѣ, и на долго ли? Кромѣ дѣлъ семейныхъ, которыми я могъ бы распорядиться, если бы зналъ, что останусь постоянно при Кнорингѣ, я не получаю никакого содержанія, ни жалованья, ни фуражныхъ; всѣ мои аттестаты въ Главной квартирѣ.

14-го ноября.

Вчера, 13-го ноября, около 8-ми часовъ вечера, получена была изъ Петербурга телеграфическая депеша отъ великаго князя Михаила Николаевича на имя Кнoринга слѣдующаго содержанія: „Полковника Глѣбова можете оставить при себѣ на столько времени, сколько вамъ нужно; когда же не будете имѣть въ немъ надобности, то отправить его снова въ Крымскую армію“. Депешу эту утромъ рано Кнорингъ прислалъ ко мнѣ съ вопросомъ: „что дѣлать?“ Рѣшили, и написали Крыжановскому, что на основаніи такого повелѣнія великаго князя Кнорингъ полагаетъ необходимымъ оставить меня при немъ по крайней мѣрѣ до весны будущаго года. Независимо отъ письменныхъ занятій, по моимъ свѣдѣніямъ и опытности я могу быть полезнымъ ему помощникомъ и по самому вооруженію, такъ что на время отсутствія его изъ Николаева можно съ полной довѣренностью возложить на меня всѣ распоряженія по части артиллерійской, относящіяся до вооруженія. И эту бумагу, е д и н с т в е н н у ю можно сказать, про-

диктовалъ мнѣ самъ Кнорингъ. Такимъ образомъ, положеніе мое нѣсколько сдѣлалось опредѣлительнѣе. Поэтому я тотчасъ же послалъ эстафету къ женѣ, чтобы она катила сюда вмѣстѣ съ братомъ Викторомъ.

Какъ Кнорингъ боится оскорбить меня. Вчера я у него не обѣдалъ, а онъ уже подумалъ, что я сержусь на него. На это отвѣчалъ я ему, что я не въ такой степени щепетильный, но что не обѣдалъ потому, что былъ въ банѣ. Дѣйствительно, вчера вмѣстѣ съ Кесаремъ мы пожуировали въ его банѣ. А большой добрякъ этотъ человѣкъ! Сколько въ немъ готовности услужить мнѣ. Не успѣю я и заикнуться о чемъ-нибудь, а онъ ужъ предлагаетъ свои услуги. Такъ и теперь, въ ожиданіи моей жены онъ уже началъ хлопотать и о квартирѣ, и о мебели. Спасибо ему! Вообще, въ этотъ періодъ службы моей я много встрѣтилъ людей, нелицемѣрно мнѣ преданныхъ, которые премного мнѣ оказали участія и одолженій разнаго рода, какъ напр.: Павловъ, Колобовъ, Володковичъ, Потаповичъ, оба Ростовцевы, Пущинъ, Лосьевъ, Марковъ, Крыжановскій, даже Шабельскій и Кнорингъ. Послѣдніе три, разумѣется, расположены ко мнѣ какъ начальники, и на дружбу ихъ разсчитывать не могу и не долженъ.

Николаевъ не унываетъ. Балъ за баломъ. И вчера въ собраніи толкотня была порядочная. Дѣвченокъ много, и все свѣженькія, только ростомъ не велички, но кавалеровъ и не перечтешь: и гусары, и уланы, и кирасиры, и артиллеристы, и ополченцы, и пѣхотинцы, но болѣе всѣхъ моряковъ. Все оживлено донѣльзя, — крутятся и летаютъ по залѣ, сломя голову, какъ будто предчувствуютъ, что Николаевъ существуетъ послѣднюю зиму. Такого рода сборища не должно разсматривать со стороны приличія, комфорта, или роскоши; поэтому и нечего говорить объ освѣщеніи, о нарядахъ дамскихъ, объ ихъ манерахъ, о прислугѣ; но особенно не стоитъ говорить о буфетѣ, такъ онъ безпорядоченъ. Вѣрно, у всѣхъ прыгавшихъ и бѣгавшихъ дамъ вчера горло засохло отъ пыли и жару, а, между тѣмъ, ни одна изъ нихъ не могла добыть себѣ не только стакана лимонаду, но и даже стакана воды. Почтенные ополченцы, эти сѣрые волки, не танцовали. Одни изъ нихъ разъигрывали отчаянныхъ московскихъ франтовъ, съ лорнетомъ въ одномъ глазѣ, ломаясь вокругъ танцующихъ; остальные же атаковали буфетъ и, ворвавшись въ него открытою силою, заняли его со всѣхъ концовъ, такъ что никому и подойти нельзя было къ водкѣ. Я съигралъ двѣ пульки съ Метлинымъ, да еще съ какимъ-то адмираломъ, объигралъ ихъ порядочно, потомъ поглазѣлъ съ полчаса на танцующую молодежь и уѣхалъ ужинать къ Павлову. Предъ началомъ бала бесѣдовалъ съ Бутаковымъ. Онъ очень обремененъ письменными занятіями. У нихъ теперь въ штабѣ большая кутерьма,

устраиваютъ участь раненыхъ и искалѣченныхъ, отправляютъ нѣсколько экипажей въ Петербургъ, Астрахань и Архангельскъ, принимаютъ рекрутъ, изъ нихъ 10 т. сдаютъ въ сухопутное вѣдомство, и т. п. Но о сношеніяхъ своихъ съ Метлинымъ Бутаковъ не говоритъ ни слова.

А въ концѣ бала подошелъ ко мнѣ Генерихъ. Онъ имѣетъ репутацію самаго свѣдущаго инженера, но, къ сожалѣнію, преданъ излія-ніямъ Бахусу, что̀ замѣтно и изъ его физіономіи. Болѣзнь эта помрачаетъ разсудокъ у самаго умнаго и свѣдущаго человѣка. Немудрено послѣ этого, что и Генерихъ, разговорившись со мною объ артиллеріи и артиллеристахъ, въ сужденіяхъ своихъ обнаружилъ много нелѣпостей. Но интереснѣе всего то, что, по его понятіямъ, Крыжановскій у насъ никуда не годится, а самый свѣдущій артиллеристъ—Хрулевъ. Разумѣется, съ человѣкомъ такихъ убѣжденій спорить не слѣдуетъ; поэтому я и отошелъ отъ него подалѣе.

Былъ и Вилькенъ. Это старичекъ смирный и, повидимому, честный. Положеніе его въ Николаевѣ самое незавидное. Онъ самъ не знаетъ, чѣмъ командуетъ и кто его начальники.

Сегодня Кнорингъ былъ не въ духѣ. Его разсердила бумажонка Метлина. Вмѣсто тѣхъ запасовъ, арсенальныхъ и лабораторныхъ, которыхъ Кнорингъ просилъ у генералъ-адмирала, Метлинъ предлагаетъ ему нѣсколько кусочковъ армяку и болѣе ничего, а тутъ родился еще другой вопросъ, не знаю съ чьего разрѣшенія вздумалъ Кнорингъ придѣлывать ударные молотки къ орудіямъ сухопутнаго вѣдомства, а Метлинъ, какъ кажется, и на это не совсѣмъ согласенъ.

Все это взбѣсило Кноринга, а поэтому, будучи не въ своемъ разсудкѣ, онъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ полудикимъ, приказалъ мнѣ написать командующему арміей, чтобы онъ рѣшилъ окончательно — кому въ Николаевѣ распоряжаться артиллеріей: ему или Метлину? Кромѣ того, и подчиненность его младшимъ, Панфилову и Мейеру, не даетъ ему покоя. А сегодня, какъ нарочно, полученъ высочайшій приказъ, чтобы никто не вмѣнялъ себѣ въ предосужденіе, когда, бывъ старшій чиномъ, въ порядкѣ службы и по распредѣленію должностей, подчиненъ будетъ младшему.

„Въ семъ положеніи, онъ долженъ исполнять приказанія лица, надъ нимъ предпоставленнаго, безъ всякаго пререканія, а въ случаяхъ, касающихся службы—относиться рапортами“. Сводъ воен. пост., часть 2, кн. I ст. 418.

До сихъ поръ онъ вовсе не хотѣлъ относиться къ Панфилову бумагами, а писалъ все въ штабъ. И теперь не рѣшается на рапорты, а приказалъ мнѣ спросить бумагою командующаго арміей, чтобы онъ опредѣлилъ отношенія его къ Панфилову и Мейеру. Ка-

жется, кончится, наконецъ, тѣмъ, что его спустятъ какъ неуживчиваго. И хорошо сдѣлаютъ! Для вооруженія Николаева путнаго онъ ничего не сдѣлаетъ: я въ этомъ убѣжденъ, какъ нельзя болѣе. Если онъ теперь, когда все покойно, такъ суетится, что теряетъ голову—что же будетъ весною, когда настанетъ горячее время и потребуются распоряженія по части артиллерійской относительно вооруженія? Засуетится самъ, какъ угорѣлая кошка, и собьетъ съ толку всѣхъ другихъ.

Сегодня по телеграфу Кнорингъ донесъ великому князю генералъ-фельдцейхмейстеру, что онъ полагаетъ необходимымъ оставить меня при немъ по крайней мѣрѣ до весны будущаго года, о чемъ и вошелъ съ представленіемъ къ начальнику артиллеріи. Депешу эту самъ я носилъ въ телеграфическую контору.

15-го ноября.

Сегодня Кнорингъ совсѣмъ другой человѣкъ и на все сговорчивъ, и кротокъ, какъ дѣвочка. Этимъ настроеніемъ его я воспользовался, и всѣ серьезныя дѣла, которыя висѣли вчера надъ нами страшной тучей, сегодня разрѣшились росой.

Вмѣсто того, чтобъ жаловаться командующему арміею на Метлина, написали къ самому Метлину бумагу, въ которой просимъ, чтобъ онъ сказалъ намъ опредѣлительнѣе,—какими именно припасами изъ морскихъ магазиновъ можетъ онъ съ нами подѣлиться на случай осады Николаева. Правда, въ бумагѣ этой не обошлось безъ маленькаго жала, которое, безъ сомнѣнія, Метлинъ почувствуетъ, но подѣломъ ему,—самъ первый началъ пикироваться съ Кнорингомъ. Насчетъ же неловкаго положенія, въ которое поставленъ Кнорингъ, состоя въ подчиненности Метлина, Панфилова, даже Мейера, всѣ моложе его по старшинству въ чинахъ, то объ этомъ отнеслись къ командующему арміею письмомъ, въ томъ вниманіи, чтобъ такая подчиненность не причтена была ему въ укоръ, какъ будто онъ состоитъ въ командѣ младшихъ по приговору статей свода военно-грѣховнаго.

16-го ноября.

Съ нѣкотораго времени я сталъ замѣчать, что Панфиловъ,—командующій войсками николаевскаго гарнизона, какъ будто искоса на меня смотритъ. Приписывая это къ тому, что я еще къ нему не являлся, рѣшился сегодня поѣхать къ нему. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Кнорингъ былъ такъ милъ, что самъ вызвался представить меня Панфилову. Адмиралъ насъ принялъ, разумѣется, какъ пельзя болѣе внимательно и вѣжливо. Разговоръ былъ о большомъ числѣ

заболѣвающихъ и умирающихъ ополченцевъ, и о томъ, что они невыгодно и тѣсно размѣщены по квартирамъ и обременены слишкомъ много земляными работами. Между прочимъ, узнали и новость: Метлину поручено наблюдать за производствомъ инженерныхъ работъ. Новый щелчокъ Кнорингу. Кому же ближе дать бы такое порученіе, какъ не ему, вооружающему укрѣпленія, а его обошли и дали Метлину. Вообще замѣтно, что Кнорингу не довѣряютъ; для чего жъ было назначать его сюда?

Въ Одессѣ Хрулеву давали торжественный обѣдъ въ клубѣ,—и были рѣчи, и на эти рѣчи пришлось Хрулеву отвѣчать, а онъ не Демосѳенъ. Вообще, какъ слышно, въ Одессѣ много веселятся, и готовятся къ декабрю большіе балы. Туда посылался Тотлебенъ.

Начинаю уже чувствовать, что здоровье мое отъ слишкомъ усиленныхъ занятій разстраивается: и сонъ тревожный, и голова побаливаетъ, и аппетитъ пропадаетъ. Надо сдержать себя; не слишкомъ затягиваться—дѣло не медвѣдь—не убѣжитъ, а не то, пожалуй, и совсѣмъ расклеюсь.

Вчера Павловъ разсказывалъ, какіе казусы въ этомъ году случились около Николаева съ коммиссіонерами. Одинъ везъ два милліона червонцами, понесли лошади, и убили его и ямщика; честный вахтеръ, ѣхавшій вмѣстѣ съ коммиссіонеромъ и уцѣлѣвшій при паденіи, собралъ всѣ разсыпавшіеся изъ разбитаго боченка червонцы и полностью доставилъ ихъ по назначенію. Но другой коммиссіонеръ не такъ распорядился. Онъ везъ 150 т. р. сер. Доѣхавъ до Екатеринослава и перемѣнивъ тамъ подорожную на другое имя, свернулъ съ дороги, такъ что слѣды его пропали, да и удралъ за границу, оставивъ въ Россіи мать и семейство. Этотъ, впрочемъ, былъ изъ поляковъ.

18-го ноября.

Вчера у Павлова были разные господа въ гостяхъ,—какой-то камеръ-юнкеръ, да два морскихъ штабъ-офицера. Замѣчательно, что и моряки относятся о Метлинѣ, какъ о скрягѣ. Въ самомъ дѣлѣ, непостижимо, какъ это, при настоящихъ обстоятельствахъ, человѣкъ этотъ рѣшается отказывать артиллерійскому вѣдомству въ матеріалахъ, потребныхъ для вооруженія здѣшнихъ укрѣпленій, тогда какъ матеріаловъ этихъ въ морскихъ магазинахъ тьма тьмущая. Вотъ образчикъ его скряжничества. Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ, приказалъ при гарнизонѣ построить станки для п. мортиръ; когда же недостало дубоваго лѣса, то его высочество приказалъ взять оный изъ адмиралтейства. Объ этомъ дѣлѣ Метлинъ открылъ ничтожную переписку, сталъ допрашивать Павлова—сколько именно ему лѣса надо, и для какой

потребности, и все это продолжалось, пока великій князь былъ въ Николаевѣ. Но едва его высочество изволилъ отсюда выѣхать, какъ Метлинъ отозвался, что дубовые брусья ему самому нужны, а потому онъ ни одного бревна въ гарнизонъ отпустить не можетъ. Вотъ онъ—каковъ, этотъ господинъ Метлинъ.

Я недоумѣвалъ, почему М—еръ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, но главное, родной братъ воспитателя нынѣшняго государя, слѣдовательно, съ нѣкоторыми правами на милостивое вниманіе монарха, занимаетъ столь невидное мѣсто,—коменданта въ Николаевѣ. Но теперь это объяснилось: М—еръ довольно пустой и совершенно ни къ чему не способный человѣкъ, при томъ отъявленный вральманъ:—что ни скажетъ, то солжетъ. Вѣроятно, съ этой стороны знаютъ его и при дворѣ, и вотъ причина, почему держатъ его комендантомъ въ Николаевѣ, гдѣ онъ пользы никакой не приноситъ, но за то и вреднымъ быть не можетъ.

19-го ноября.

Сегодня день былъ для меня тревожный. Едва пришелъ къ Кнорингу, какъ началъ съ нимъ спорить. Мастерскія у Павлова гуляютъ, а Кнорингъ вообразилъ себѣ, что не имѣетъ права приказать гарнизону строить мортирные станки. Сколько я ни толковалъ, что за эти станки всякій скажетъ ему спасибо, Кнорингъ не переставалъ упорствовать. Кончилось наконецъ тѣмъ, что послали телеграфическую депешу къ Безаку—строить ли мортирные станки, или нѣтъ. Потомъ начался новый споръ. Командующій арміею возложилъ на Кноринга всѣ распоряженія касательно перевозки орудій и снарядовъ изъ Херсона въ Николаевъ, и на бумагѣ такъ ловко вывели, что какъ будто даны ему для этой операціи огромныя перевозочныя средства, между тѣмъ какъ на дѣлѣ выходитъ, что у него нѣтъ ни одной лошади и ни одного вола, и всего шесть дрогъ и пять крѣпостныхъ передковъ. Разумѣется, на шести дрогахъ не перевезешь болѣе 200 т. пуд. однихъ снарядовъ, не говоря уже объ орудіяхъ. Но чтобъ объяснить все это Кнорингу, надо было мнѣ много труда и краснорѣчія. Едва-едва согласился онъ написать бумагу къ Непокойчицкому.

Не успѣли мы возвратиться съ укрѣпленій, какъ Метлинъ прислалъ за мною курьера. Вотъ чего я ожидалъ, и чего пуще всего опасался—стать между двухъ огней: между Метлинымъ и Кнорингомъ. Претензія Метлина мнѣ была извѣстна, и я напередъ зналъ, что онъ станетъ говорить мнѣ, во-первыхъ, о безтолковости Кноринга, во-вторыхъ, о своихъ магазинахъ, и почему онъ не можетъ опредѣлить тѣхъ запасовъ, въ которыхъ мы нуждаемся. Оно такъ и случи-

лось. Хотя въ душѣ я и не оправдывалъ, относительно магазиновъ морскихъ, дѣйствія Метлина, но наперекоръ не шелъ противъ его мыслей, потому что это ни къ чему не повело бы: что можно дозволить себѣ съ Кнорингомъ, того нельзя съ Метлинымъ; цѣль же моя единственная — потушить вопросъ и какъ-нибудь его уладить. Но, къ сожалѣнію, не успѣлъ ни въ чемъ, а отложили до будущаго свиданія. Впрочемъ, воспользовался этимъ случаемъ и разсказалъ Метлину про его артиллерійскую экспедицію, какъ она на бумагу Павлова отъ 20-го окт. отвѣтила только 16-го ноября, чрезъ что̀ мастерскія гарнизона ничего не работали, и о чемъ Кнорингъ имѣетъ право запросить Метлина не какъ начальникъ артиллеріи, а какъ генералъ-адъютантъ. Это, повидимому, нѣсколько подѣйствовало на Метлина, и онъ призадумался. Посмотримъ, что будетъ послѣ завтра; но если и удастся мнѣ потушить возникшій вопросъ, едва-ли успѣю потушить вражду между ними. Родится скоро новое столкновеніе.

21-го ноября.

Вчера, 20-го ноября, сотворилъ глупость и пребольшую. Въ клубѣ сѣлъ въ эралашъ по какому-то чертовскому счету и проигралъ болѣе 50 р., а послѣ ужина вздумалъ понтировать, чего я уже болѣе десяти лѣтъ себѣ не позволяю, и проигралъ 100 р. А нашему брату, небогатому, да при томъ женатому, сжечь въ одинъ вечеръ 150 р.—глупо.

22-го ноября.

Вотъ уже третій день, какъ Кнорингъ уѣхалъ въ Одессу, откуда вернется не ранѣе, какъ завтра на ночь. Безъ него я имѣлъ время хорошенько провѣрить нашу отчетность по вооруженію и нашелъ въ ней много невѣрностей, которыя, разумѣется, надо исправить. А все отъ Павлова: сколько человѣкъ этотъ добръ и обязателенъ въ частныхъ сношеніяхъ, столько же безсмысленъ и тупъ въ служебныхъ. Я даже не постигаю, какъ въ такое время могутъ оставить его командиромъ гарнизона, и увѣренъ, что онъ не сведетъ концовъ по своему управленію. На Спицына также я не слишкомъ много надѣюсь.

А вчера новое дурачество я сотворилъ,—напился пьянъ. Моряки пригласили обѣдать во вновь открытую здѣсь гостиницу, которая прежде, довольно долго, существовала въ Севастополѣ, и въ Николаевѣ открыта подъ названіемъ Севастопольской, да и стали предлагать тосты—за возрожденіе скорѣйшее Севастополя, милаго всѣмъ сердцамъ русскимъ; за возрожденіе черноморскаго флота; за три могилки—Корниловскую, Истоминскую и Нахимовскую; за рус-

скую полевую артиллерію, и т. д. Какъ было отказаться отъ такихъ тостовъ?—Бокалъ за бокаломъ, стаканъ за стакаломъ, и не успѣлъ опомниться, какъ уже былъ пьянъ. А тутъ явилась гитара, да пошли русскія пѣсни, да еще хоровыя, и кончилось тѣмъ, что совсѣмъ пьяный возвратился я домой въ часу 9-мъ вечера и не поѣхалъ даже на балъ въ собраніе. Сегодня, благодаря Бога, чувствую себя порядочно, но ночью страшно голова болѣла.

Сегодня въ первый разъ былъ въ Николаевскомъ театрѣ. Снаружи онъ обѣщаетъ немного, но внутри все прилично и даже съ комфортомъ: кресла покойныя, разставлены не тѣсно; бенуары и ложи съ нѣкоторою претензіею на роскошь; освѣщеніе порядочное; оркестръ морскаго экипажа весьма порядочный; сцена хоть куда; и маленькія пьесы, водевили, идутъ такъ хорошо, что, право, можно не скучать, слушая ихъ; но за то драматическіе актеры и актрисы изъ рукъ вонъ плохи. Впрочемъ, меня тѣшили не актеры, а публика почтенная, состоявшая всего изъ двухъ дамъ и сотни офицеровъ всевозможныхъ родовъ службы. Публика эта не стѣснена въ проявленіи своихъ ощущеній ни приличіемъ, ни полицейскими агентами. Она громко высказываетъ, и по-своему, что ей нравится и что не нравится. Одинъ кричитъ: „хорошо, ребята!“; другой: „славно спѣла Протасова!“; или: „молодецъ Пилони!“ Когда же занавѣсъ опускается, — страшный въ театрѣ подымается крикъ и гамъ. Одни кричатъ во все горло: „всѣхъ, всѣхъ!“; другіе же: „никого, никого!“ Среди этихъ вызововъ раздаются и разные крики, подражаніе кошкамъ и собакамъ, разныя мяуканья и лаянье. Но интереснѣе всего, что не даютъ актрисамъ пѣть куплеты: едва которая изъ нихъ раскроетъ ротъ, какъ уже кричатъ: „бисъ, бисъ!“; другіе же: „постойте, господа, еще рано“. И во все продолженіе спектакля подобные возгласы не прекращались, что̀ меня чрезвычайно забавляло. Въ этой свободѣ общественныхъ увеселеній видѣлъ я, что начальство, въ настоящую эпоху, не стѣсняетъ военный людъ. Пускай, дескать, себѣ побѣснуются; настанетъ весна, и тогда многіе усмирятся и успокоятся на времена вѣчныя. Вообще замѣтно, что правительство теперь снисходительно смотритъ на всѣ проказы офицеровъ; не стѣсняютъ ихъ даже формою. Всякій ходитъ въ чемъ хочетъ. На балахъ, даже въ собраніи, всѣ въ фуражкахъ и сюртукахъ. Кути и гуляй, ребята, пока еще васъ не поизрасходовали ради пользы, чести и славы Россіи. Для молодежи, которая уцѣлѣетъ, эпоха настоящая надолго останется памятною.

Утромъ былъ у Метлина и говорилъ съ нимъ искренно. Сущность моего разговора была слѣдующая: „Надо потушить возникшій споръ. Справедливость на сторонѣ Кноринга. Не онъ поднялъ этотъ вопросъ, а самъ генералъ-адмиралъ, полагавшій необходимымъ,

чтобъ артиллерійское вѣдомство знало, что вы ему изъ магазиновъ вашихъ удѣлить можете, дабы могло оно сообразить, на что можетъ разсчитывать, и что должно искать изъ другихъ источниковъ. Къ тому же, его высочество сообщилъ Кнорингу, что онъ приказалъ вамъ передать ему списокъ запасамъ, которые можете вы удѣлить артилеристамъ, и что приказаніе это будетъ исполнено. Кнорингъ не уступитъ, онъ упрямъ; будьте великодушнѣе его, уступите; не подымайте вопроса, въ которомъ вы не будете правы". Разумѣется, всѣ эти доводы смягчалъ я разными сладенькими прилагательными, но ничто на старика не подѣйствовало; такъ же упрямъ, какъ и Кнорингъ. Вопросъ же этотъ заключается въ слѣдующемъ: генералъ-адмиралъ, предъ отъѣздомъ изъ Николаева, препроводилъ къ Кнорингу подробную вѣдомость всѣмъ запасамъ, хранящимся въ морскихъ магазинахъ, съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ, что ему понадобится изъ этихъ запасовъ для вооруженія. Кнорингъ на это отозвался, что онъ не можетъ, въ настоящее время, опредѣлить—чего и сколько изъ запасовъ морскихъ магазиновъ ему понадобится для вооруженія, но представилъ списокъ всѣмъ вообще предметамъ, какъ арсенальнымъ, такъ и лабораторнымъ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться впослѣдствіи надобность. На это его высочество изволилъ сообщить, что онъ приказалъ Метлину передать списокъ тѣмъ запасамъ, которые онъ можетъ удѣлить для Николаевскихъ укрѣпленій, и съ тѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. Метлинъ, по отъѣздѣ его высочества, списки составлять не хочетъ, а Кнорингъ настаиваетъ, чтобъ списокъ былъ составленъ,—и война междоусобная возгорѣлась!...

25-го ноября.

Сегодня, 25-го ноября, только возвратился Кнорингъ изъ Одессы. Новаго ничего не привезъ. Былъ тамъ на балу у Лидерса, да славно покушалъ у Анненкова и Крузенштерна, особенно у этого послѣдняго, по словамъ Кноринга, поваръ отличный. Вотъ и все, что сказалъ онъ мнѣ объ Одессѣ; что же касается до дѣлъ нашихъ, то о нихъ, выходитъ, онъ ничего узнать не могъ. На все, говоритъ, буду отвѣчать на бумагѣ...

26-го ноября.

Сегодня измучился, какъ собака. Утромъ, вмѣстѣ съ Кнорингомъ, поѣхали по укрѣпленіямъ и пробыли тамъ до 5-го часа, повѣряя орудія на одной оборонительной Херсонской линіи, отъ Буга до Ингула. Нечего сказать, батареи вооружены порядочно, если только орудія не будутъ разрываться. Особенно подозрительны 24 ф. Луганскаго завода. Вообще оба фланга линіи, по мѣстности, слабы. Теперь

всѣ батареи въ жалкомъ видѣ: грязь и вода затопили ихъ. Пороховые погреба всѣ перестраиваютъ, и заряды, которые хранились въ этихъ погребахъ, едва-ли будутъ годны; всѣ они отсырѣли, а многіе и подмочены. Работы земляныя не всѣ еще окончены, и, повидимому не слишкомъ горячо подвигаютъ ихъ впередъ. Гроза прошла, и руки у всѣхъ опустились. Таковъ ужъ русскій человѣкъ: громъ не грянетъ, онъ не перекрестится. Едва-ли къ веснѣ совсѣмъ будемъ мы готовы для встрѣчи непріятеля: придется подъ выстрѣлами достраивать то, что не успѣемъ кончить теперь. А времени, кажется, довольно было, чтобъ укрѣпить Николаевъ со всѣхъ сторонъ на славу. Въ два года многое можно было здѣсь сдѣлать.

Кнорингъ рѣшительно объявляетъ войну канцелярскую Метлину.

Сегодня настоятельно отъ меня потребовалъ, чтобъ я ему заготовилъ бранные манифесты. Мое дѣло исполнить, но къ чему все это поведетъ? Метлинъ не такой человѣкъ, чтобъ испугался угрозъ на бумагѣ. Онъ понимаетъ Кнорингa, и ему не уступитъ. Какъ грустно видѣть, что въ такое время, вмѣсто того, чтобъ дѣлать дѣло, занимаются вздорами, и кто же? Люди, поставленные во главѣ всѣхъ: грустно!

Чѣмъ болѣе вглядываюсь я въ Кнорингa, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что онъ человѣкъ честный, благородный, безкорыстный, даже по характеру мягкій; при томъ исполненъ усердія и желанія быть полезнымъ, но въ такой степени безтолковый, что, при всей доброй его волѣ, рѣшительно ни для чего неспособный, развѣ только болтать вздоры съ дамами. И такому человѣку довѣрили вооруженіе Николаева! До сихъ поръ не слышалъ я отъ него ни одной здравой мысли, которая могла бы быть съ пользою примѣнена къ дѣлу. Что ни вздумаетъ, то все—или нелѣпость, вовсе къ дѣлу не примѣнимая, или же мелочь, какъ, напримѣръ, сосчитать на батареяхъ всѣ заряды, чтобъ провѣрить—куда дѣвался какой-нибудь фунтъ пороха, котораго недостаетъ по отчетностямъ. Между тѣмъ, какъ о важной операціи, какъ, напримѣръ,—доставкѣ артиллерійскаго имущества изъ Херсона въ Николаевъ,—онъ вовсе и не заботится, какъ будто дѣло это до него и не касается. Просто—шутъ нарядный.

27-го ноября.

Я чувствую, что обязанность моя въ настоящее время самая серьезная, что мнѣ на плечахъ надо вынести этотъ трудъ, не только безъ содѣйствія, но даже и безъ вѣдома Кнорингa, человѣка, рѣшительно ни къ чему не способнаго. Поэтому, я и рѣшился принять на себя, на отвѣтственность совѣсти, вооруженіе Николаева. Дай только Богъ, чтобъ онъ не мѣшалъ мнѣ и не сбивалъ меня съ прямаго

пути, а я надѣюсь, что буду не безполезенъ для артиллерійской части по вооруженію. Но для этого надо отказаться отъ всѣхъ разсѣянностей и совсѣмъ сосредоточиться на дѣлѣ;—мало того, что работать по нѣсколько часовъ сряду, надо по цѣлымъ днямъ обдумывать работу, чтобъ не упустить чего-нибудь изъ виду. Но прежде всего необходимо образумить морское вѣдомство, внушить ему, что не оно, а Кнорингъ—полный хозяинъ на укрѣпленіяхъ, иначе ничего не сдѣлаемъ.

Новостей не слыхать никакихъ. Сегодня получилъ письмо отъ Колобова изъ Симферополя, и тотъ ничего не пишетъ; выходитъ, все тамъ спокойно. Разсказываетъ только, будто бы французовъ перебѣгаетъ къ намъ много изъ Евпаторіи, и всѣ оборванные, и голодные, изъ чего заключаютъ, что они на зимовкѣ терпятъ большую нужду. Но правда ли это? Что-то не вѣрится. И въ Севастополѣ перебѣжчики ужасы разсказывали про своихъ, а между тѣмъ оказалось, что они тамъ лучше содержались, чѣмъ наши. Значитъ, не всякому слуху вѣрь.

28-го ноября.

Сегодня, 28-го ноября, изъ Крыма пріѣхалъ Исаковъ, флигель-адъютантъ и начальникъ штаба у Липранди, командира 6-го пѣхотнаго корпуса, и остановился у Кнoринга. По словамъ Исакова, въ Крыму все тихо и спокойно; непріятель ведетъ себя чрезвычайно скромно, уступилъ намъ перевалъ и Байдарскую долину, вовсе не стрѣляетъ на Сѣверную сторону, только устраиваетъ батареи на Южной, занявъ весьма малую часть оной. По высочайшему утвержденію, осталось въ Крыму всего 2 корпуса, но укомплектованные людьми другихъ корпусовъ, которые идутъ формироваться сюда, въ томъ числѣ и 6-й пѣхотный корпусъ. Теперь изъ корпусныхъ командировъ остались въ Крыму только Сухозанетъ да Сакенъ: первый зимуетъ въ Орта-Каралесъ, а послѣдній, вмѣстѣ съ Главною квартирою, въ Бахчисараѣ. Сухозанетъ дѣятеленъ донельзя; самъ объѣзжаетъ всѣ тропинки, и вообще всѣ распоряженія его дѣльныя. Сакенъ, по обыкновенію, читаетъ акаѳисты Богородицѣ. Касательно взрыва на Сапунъ-горѣ Исаковъ говоритъ, что онъ былъ ужасный и, если вѣрить словамъ перебѣжчиковъ, то погибло отъ этого взрыва у нихъ до 1.500 человѣкъ и множество лошадей. Разсказывалъ также, что гг. французскіе офицеры вздумали было охотиться вдоль Черной рѣчки; но наши казачки—не промахъ, многихъ изъ нихъ перехватили, болѣе 10 оберъ- и одного штабъ-офицера. Въ Евпаторіи сидятъ также смирно. Шейдеманъ, съ своею пѣхотною бригадою, стережетъ Сѣверную сторону, Хрущевъ стоитъ на Инкерманѣ, а Веселитскій на Мекен-

зіевой горѣ. Вотъ и всѣ новости, которыя узналъ я сегодня отъ Исакова.

А Кнорингъ, мой милый, успѣлъ сотворить глупость. Помимо меня приказалъ Спицыну, такому же безтолковому, какъ и онъ самъ, перенесть заряды отсырѣвшіе въ блиндажи, чтобъ тамъ высушить ихъ. Панфиловъ, начальникъ гарнизона, узнавъ объ этомъ, сообщаетъ ему бумагою, что такое распоряженіе находитъ онъ неудобнымъ и проситъ указать другое помѣщеніе для сушки зарядовъ отсырѣвшихъ. Такими подобными вздорами онъ и даетъ всякому Панфилову право бить его по носу. Не знаю, что придумаетъ онъ отвѣчать на эту бумагу.

Ѣздили сегодня въ адмиралтейство, чтобъ повѣрять тамъ орудія, состоящія въ запасѣ. И тутъ обнаружился мой милый Кнорингъ глупцомъ. Не вѣритъ онъ оффиціальному донесенію артиллерійской экспедиціи касательно числа орудій, состоящихъ въ запасѣ, а самъ сталъ считать ихъ по словамъ какого-то морскаго офицера,—который докладывалъ ему на словахъ, что такое-то орудіе годно, а такое негодно. Хорошо, что кончилось, наконецъ, тѣмъ, что самъ офицеръ этотъ сталъ въ тупикъ, и не зналъ—какое назвать орудіе годнымъ или негоднымъ, такъ какъ они всѣ вмѣстѣ безъ разбору сложены въ разныхъ мѣстахъ адмиралтейства. Рѣшили отнестись снова въ экспедицію, чтобъ она доставила нумераціи всѣмъ орудіямъ годнымъ. А не стань офицеръ въ тупикъ, хорошо бы повѣрилъ онъ орудія—насчиталъ бы вмѣстѣ съ годными половину и негодныхъ. Послѣ этого какъ удивляться, что у насъ все идетъ чортъ знаетъ какъ, когда подобнымъ людямъ даютъ столь важныя порученія, какъ, напримѣръ, вооруженіе Николаева. А если доживемъ до весны, что тогда-то будетъ!

Пуще всего меня безпокоитъ то, что я не увѣренъ въ точности цифръ, которыя пошли въ отчетность департаменту. Но какъ повѣрить ихъ? Положимъ, орудія и лафеты, состоящіе на укрѣпленіяхъ и въ запасѣ, повѣрить еще можно, но какъ повѣрить снаряды и порохъ? Для этого надо назначить цѣлую коммиссію. Досаднѣе же всего то, что кромѣ Кноринга и всѣ подчиненные его безтолковые донельзя, такъ что ни одному нельзя повѣрить на бумагѣ, ни Павлову, ни Спицыну. Оба безграмотные, и оба безтолковые.

1-го декабря.

Въ эти дни много было мнѣ и дѣла, и хлопотъ. Два раза по цѣлымъ утрамъ таскался въ адмиралтейство съ Кнорингомъ. Считали орудія, состоящія въ запасѣ. Онъ много смекаетъ на Бруна, котораго зналъ я въ Кіевѣ. Оба въ одинаковой степени—мало того, что без-

толковы, но просто безсмысленны. Не хотѣлъ онъ сначала писать къ Панфилову рапортами, такъ какъ онъ старше его въ чинѣ. Для этого сочинили письмо къ Лидерсу и просили его опредѣлить служебныя отношенія Кноринга къ обоимъ вице-адмираламъ,—и къ Метлину, и къ Панфилову. Лидерсъ очень мило отвѣчалъ, разрѣшивъ ему во всемъ относиться прямо къ нему, а съ помянутыми адмиралами сноситься въ такихъ только случаяхъ, когда признаетъ нужнымъ просить ихъ содѣйствія. Кажется, такой отзывъ командующаго арміею вполнѣ развязалъ ему руки, а онъ, между тѣмъ, какъ нарочно приказалъ теперь всѣ бумаги писать къ Панфилову рапортами, тогда какъ до полученія отзыва Лидерса—не хотѣлъ даже сноситься съ этимъ адмираломъ и отношеніями, а все писали докладными записками въ штабъ. Какъ объяснить такой скачокъ? Просто сумасшествіемъ, или, вѣрнѣе,—сумасбродствомъ. А вотъ еще новый образчикъ его безсмысленности: вчера, не дождавшись меня, удралъ онъ одинъ на укрѣпленія Малой Коренихи и Варваровки, чтобы сосчитать тамъ на батареяхъ орудія, и провозился цѣлое утро, до 4-го часа. Но интереснѣе всего, что, вернувшись домой, ничего съ собою не привезъ; напротивъ,—не только не повѣрилъ числа орудій, но еще болѣе перепуталъ общій итогъ. Считалъ, считалъ и ничего не сосчиталъ, такъ что завтра приходится мнѣ самому ѣхать. Вотъ каковъ этотъ Кнорингъ! Поистинѣ, во всякое другое время я не захотѣлъ бы и недѣли служить съ нимъ вмѣстѣ, но теперь я долженъ принести себя въ жертву. Но бываютъ минуты невыносимыя, когда видишь, что этотъ господинъ, вмѣсто того, чтобъ способствовать настоящему дѣлу, сбиваетъ только все и всѣхъ съ толку.

Вчера у Кноринга обѣдали Исаковъ и генералъ-лейтенантъ Энгельгардтъ, начальникъ какой-то пѣхотной дивизіи, а сегодня также Исаковъ и, кажется, Астафьевъ, генералъ-адъютантъ. Интереснаго, дѣльнаго разговора не было, а все мололи чепуху. Но сегодня, за обѣдомъ, я долго всматривался въ Исакова. Поразительное сходство его съ государемъ, особенно когда его величество былъ еще наслѣдникомъ; вылитый портретъ его! Удивляюсь я только, какъ это такъ скоро могъ Исаковъ приловчиться къ нарѣчію и манерамъ придворнымъ. Какъ я знаю,—воспитывался онъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ этимъ штукамъ не обучаютъ; потомъ изъ корпуса выпущенъ въ полевую конную артиллерію, гдѣ также придворныя штукъ-манеры не въ употребленіи. Вѣрно дома еще научился болтать по-французски, а потомъ, когда пріѣхалъ изъ арміи въ Петербургъ и поступилъ въ академію, сталъ тереться своимъ прекраснымъ тѣломъ около столичныхъ львицъ, и натерся!.. Хорошо въ немъ только то, что незамѣтно никакой заносчивости. Держитъ себя скромно и учтиво. Но, какъ

начальникъ штаба, долженъ быть онъ неважный. Это сейчасъ же замѣтно.

3-го декабря.

Вчера до того измучился, что до сихъ поръ еще не могу отдохнуть. Утромъ, вмѣстѣ съ Спицынымъ, поѣхали сначала въ Малую Корениху. Это верстъ 13 или 14 отъ города. Морозъ былъ большой, градусовъ 10, если не болѣе. Гололедица страшная, при томъ дорога большею частью пролегаетъ по косогору, такъ что нѣтъ никакой возможности ѣхать въ экипажѣ, заднія колеса котораго безпрестанно скатываются съ дороги. Пришлось идти почти всю дорогу пѣшкомъ по гололедицѣ.

Наконецъ, Метлинъ отозвался. Какъ и надо было ожидать, въ своей бумагѣ онъ высказалъ прямо, что Кнорингъ—д—къ, и ничего не понимаетъ, поэтому и трудно вразумить его. Такую бумагу оставить безъ вниманія нельзя. Мой Кнорингъ закипѣлъ и зашумѣлъ; много наговорилъ нелѣпостей, одна другой противорѣчащихъ; сталъ требовать, чтобы сейчасъ же написать донесеніе къ Лидерсу и послать оное съ курьеромъ; потомъ, чтобы снять копіи со всѣхъ дѣлъ и представить ихъ по начальству, и многое въ родѣ этого; но кончилось, наконецъ, тѣмъ, чтобы заготовить донесеніе къ командующему арміею къ завтрашнему дню и въ донесеніи этомъ просить назначить на мѣсто его другаго. Давно бы пора! Но интереснѣе всего, что и въ самомъ пылу бѣшенства проявляется у него порядочная доза малодушія,—угрожаетъ, а самъ труситъ,—хотѣлъ бы съѣсть Метлина цѣликомъ, да боится. И мнѣ чудится, что не пошлетъ онъ бумагу къ Лидерсу, какую слѣдовало бы при такомъ важномъ казусѣ. Пылъ его къ завтрашнему дню совсѣмъ остынетъ. А при настоящей обстановкѣ, оставаться ему здѣсь, на этомъ мѣстѣ, никакой нѣтъ возможности. Третьяго дня въ адмиралтействѣ чиновники показывали намъ запасные станки и орудія, имѣя въ своихъ рукахъ описи какъ тѣмъ, такъ и другимъ; Кнорингъ приказалъ непремѣнно доставить ему эти описи въ тотъ же день, чтобы изъ нихъ заимствовать свѣдѣнія въ отчетность. Чиновники, разумѣется, отвѣчали: „слушаемъ-съ“,—а между тѣмъ и до сего времени описей нѣтъ и, вѣроятно, ихъ и не будетъ. Но такую штуку могли выкинуть съ Кнорингомъ чиновники не иначе, какъ съ приказанія самого Метлина, который теперь рѣшительно будетъ дѣлать все, чтобы отнять у благопріятеля своего всякую возможность исполнить возложенное на него порученіе по вооруженію. Какъ на укрѣпленіяхъ, такъ и въ запасѣ, почти все принадлежитъ морскому вѣдомству. Поэтому Кнорингу шагу нельзя сдѣлать, чтобы не столкнуться носъ съ носомъ съ Метлинымъ, а при

всякомъ такомъ столкновеніи достанется по носу непремѣнно не Метлину, а Кнорингу, во-первыхъ, потому, что не морское вѣдомство, а мы въ немъ нуждаемся, и во-вторыхъ, потому, что они разумнѣе и толковитѣе насъ въ тысячу разъ. Неужели же еще долго не будетъ положенъ конецъ всѣмъ этимъ вздорамъ!

Сегодня обѣдалъ у Кнoринга вмѣстѣ съ Исаковымъ,—Меньковъ, извѣстный Петръ Кашинъ. Я познакомился съ нимъ еще лѣтомъ въ Главной квартирѣ. Онъ человѣкъ очень умный и игралъ роль въ Крыму, по вліянію его на главнокомандующаго. Теперь онъ назначенъ начальникомъ штаба во 2-й пѣх. корпусъ. За обѣдомъ у Кнoринга онъ былъ менѣе разговорчивъ, нежели бывало, у дѣдушки, гдѣ въ продолженіе цѣлаго стола только и слышны были его разсказы, оживленные, веселые и занимательные. Кнорингъ не пропустилъ этого случая, чтобъ не показать какъ Менькову, такъ и Исакову,—своей бранной переписки съ Метлинымъ. Но оба они пожимали только плечами, не обвиняя и не оправдывая ни ту, ни другую сторону.

4-го декабря.

Морозы держатся; скользко, но транспортамъ двигаться можно, только не на волахъ. А объ орудіяхъ нашихъ, которыя идутъ сюда изъ Севастополя, ни слуху, ни духу. Наврядъ по такой гололедицѣ могутъ они на волахъ подвигаться впередъ.

Ничего нѣтъ непріятнѣе, какъ служить съ глупымъ начальникомъ. Кромѣ того, что никто въ грошъ его не ставитъ, и всѣ представленія его остаются безъ вниманія,—самъ онъ не умѣетъ оцѣнить трудъ и заслугу подчиненныхъ. Въ продолженіе одного этого мѣсяца я много трудился и, могу сказать, не безъ пользы,—привелъ, если не въ порядокъ, то въ извѣстность всѣ наши средства по вооруженію, составилъ нѣсколько отчетностей; чрезъ меня подготовляются перевозочныя средства изъ Херсона въ Николаевъ, водворилъ порядокъ въ канцелярской перепискѣ, а хотя бы Кнорингъ за все это сказалъ: спасибо. Онъ даже и не видитъ, что по вооруженію, въ цѣломъ Николаевѣ, одинъ только я и забочусь, другіе же — или вовсе ничего не дѣлаютъ, или дѣлаютъ разные вздоры: въ этомъ послѣднемъ разрядѣ, разумѣется, первое и самое почетное мѣсто занимаетъ самъ Кнорингъ. Если бъ не настоящія обстоятельства, я не остался бъ съ нимъ ни за какія блага и двухъ дней, такъ онъ мнѣ надоѣлъ и опротивѣлъ своими глупостями. Но теперь и думать нельзя отсюда куда-нибудь проситься. Надо выждать, пока на мѣсто его вышлютъ другаго. А это непремѣнно должно случиться. Къ Лидерсу о кознях Метлина бумага написана мною серьезно. Въ ней выставлены всѣ

удары по носу, которые успѣлъ уже получить Кнорингъ, въ продолженіе одного мѣсяца отъ морскаго вѣдомства, и ихъ — много; въ заключеніе же сказано: „Убѣждаясь изъ всего вышеизложеннаго, что В. А. Метлинъ, на утвержденіе котораго представляются всѣ мои распоряженія, такъ какъ средства по вооруженію исключительно сосредоточены въ морскомъ вѣдомствѣ, не только уклоняется отъ содѣйствія мнѣ къ исполненію возложеннаго на меня Его Императорскимъ Величествомъ порученія, но и лишаетъ меня къ тому всѣхъ средствъ; при томъ не предвидя, чтобы отношенія эти могли измѣниться впослѣдствіи, я вмѣняю себѣ въ священную обязанность заблаговременно обо всемъ донести в. в—ству, съ тѣмъ, чтобы оградить себя отъ могущей пасть на меня отвѣтственности за важныя упущенія, которыя могутъ произойти по сооруженію здѣшнихъ оборонительныхъ линій. При этомъ, долгомъ считаю еще доложить, что, при вступленіи моемъ въ настоящую должность, зная изъ прежнихъ примѣровъ объ уклончивости морскаго вѣдомства къ содѣйствію артиллерійскому управленію, въ самыхъ правильныхъ и законныхъ его требованіяхъ, я докладывалъ объ этомъ Е. И. В. ген.-фельдцейхмейстеру, на что̀ Его Высочество изволилъ отозваться, что съ подчиненіемъ морской части вашему в—тву всѣ ожидаемыя мною затрудненія должны быть устранены. Но если и при настоящихъ условіяхъ—требованія мои по вооруженію не выполняются безпрекословно, и если я долженъ, вмѣсто содѣйствія, получать отъ морскаго вѣдомства однѣ непріятности и читать въ служебной перепискѣ выраженія подобныя тѣмъ, какія дозволилъ себѣ В. А. Метлинъ помѣстить къ старшему его по старшинству въ чинѣ и генералъ-адъютанту, то я, по долгу присяги, не могу долѣе исполнять возложенной на меня обязанности, поэтому преубѣдительнѣйше прошу объ увольненіи меня отъ настоящей должности“. Кажется, довольно ясно. — Согласится ли онъ только пустить эту бумагу, а она непремѣнно положила бы конецъ всѣмъ здѣшнимъ кознямъ. Вчера я еще замѣтилъ, что онъ пылитъ только на словахъ, и, вѣроятно, станетъ возить эту бумагу ко всѣмъ своимъ знакомымъ,—Астафьеву, Исакову, Менькову, чтобъ они дали ему совѣтъ, и, если пошлетъ бумагу, то съ большими измѣненіями. Мое дѣло я сдѣлалъ; изложилъ все, какъ есть, а тамъ пускай будетъ, что будетъ; мѣшаться уже болѣе не стану!

Да и вообще—о дѣлахъ далъ себѣ слово ничего съ нимъ не говорить, такъ какъ онъ никакого резона не понимаетъ.

6-го декабря.

Вчера, 5-го декабря, я отдохнулъ; почти ничего не дѣлалъ. Обѣдалъ у Павлова и вечеръ провелъ у него. Спорили много о Метлинѣ,

Кнорингѣ, дисциплинѣ въ русскихъ войскахъ, и особенно у моряковъ, о патріотизмѣ русскаго дворянства, и т. п. Но надо сказать что споръ былъ безтолковый. Всякій говорилъ свое, не слушая другихъ. Особенно безсмысленно восхищался патріотизмомъ русскихъ дворянъ Зимницкій, артиллерійскій капитанъ, человѣкъ ума ограниченнаго, при томъ немного хвастунъ, фатъ и фанфаронъ. Павловъ называетъ его московскимъ франтомъ. Нельзя сказать, чтобъ русскіе дворяне вообще не скорбѣли объ унизительномъ и тяжкомъ положеніи, въ которое теперь поставлена Россія, тѣмъ болѣе, что оно чувствительно для ихъ кармана. Нельзя также сказать, чтобъ среди дворянъ не было истинныхъ патріотовъ, готовыхъ за отечество на всевозможныя пожертвованія и видящихъ въ униженіи Россіи свое личное, собственное униженіе. Но такихъ весьма немного. Чувство патріотизма нераздѣльно съ чувственнымъ развитіемъ и образованіемъ, чѣмъ, къ сожалѣнію, большинство дворянъ нашихъ похвалиться не можетъ. Въ ополченіяхъ, по единогласному отзыву всѣхъ начальниковъ ихъ, большая часть офицеровъ—пьяницы и негодяи. Значитъ, не патріотизмъ подвинулъ ихъ, а нищета, крайность. Богатые—дали деньги, а бѣдные—облачились въ сѣрые кафтаны. Къ нимъ присоединились чиновники мелкіе и недоросли изъ дворянъ, нигдѣ не служившіе, но числящіеся по какому-либо вѣдомству въ званіи XIV класса. Этихъ заманили эполеты и офицерскій, военный чинъ. Но самая большая часть пошла отъ того, что у ней сапогъ не было. Каждый изъ этихъ получилъ около 300 руб. на сапоги, при томъ, окладъ по чину, весьма достаточный, чтобъ круглый годъ напиваться водкою. Слѣдовательно, въ сформированіи ополченцевъ нисколько не проявляется патріотизмъ русскаго дворянства, тѣмъ болѣе, что подвинулось оно на это не само собою, а высочайшимъ указомъ. Равномѣрно, нельзя заключать о патріотизмѣ дворянъ по тѣмъ, дѣйствительно, огромнымъ пожертвованіямъ, которыя они приносятъ на усиленіе способовъ для войны. Дворяне западныхъ губерній, господа его мосци, безъ сомнѣнія, ежедневно молятъ своего католическаго Бога объ истребленіи москалей до единаго, а между прочимъ, и эти дворяне, наравнѣ съ русскими, жертвуютъ—и деньгами, и хлѣбомъ, и водкою, и волами, и подводами, словомъ, всѣмъ, что потребуютъ отъ нихъ мѣстные начальники. Но развѣ такое дѣяніе можетъ назваться пожертвованіемъ. Такъ и въ русскихъ губерніяхъ—весьма немногіе сами собою и охотно несутъ свою лепту на алтарь отечества; большая же часть изъ нихъ охаетъ, ворчитъ, хмурится, а кто посмѣлѣе, тотъ и кричитъ, и ругается, а все-таки, по требованіямъ мѣстныхъ властей, даетъ, что отъ него требуютъ. Пробудится развѣ одинъ патріотизмъ животный, или, вѣрнѣе, чувство самосохраненія,

когда непріятель проникнетъ въ предѣлы Россіи, какъ 12-мъ году. О! тогда всякій схватится за топоръ и за вилу, не ожидая на это никакихъ именныхъ указовъ. Но теперь, пока еще рѣшается восточный, а не русскій вопросъ,—въ массахъ народныхъ нашихъ—патріотизма я не вижу. Большее или меньшее вліяніе русской дипломатіи въ Царьградѣ,—это такой отвлеченный вопросъ, который, право, занимаетъ весьма немногихъ.

О, малодушный изъ малодушнѣйшихъ Кнорингъ! Какъ я и замѣтилъ съ перваго раза, гнѣвъ его примѣшивался съ робостью. Цѣлое утро вчерашнее посвящено было на совѣщанія съ разными господами о смягченіи бумаги, и многое въ ней перемарали; потомъ согласились даже дерзкую бумагу Метлина оставить дома и вообще, безъ всякихъ приложеній, представить на благоусмотрѣніе Лидерса, въ выраженіяхъ самыхъ скромныхъ и почтительныхъ, только о томъ, что морское вѣдомство не слишкомъ поспѣшно исполняетъ требованія Кнорингa, наконецъ рѣшили, чтобъ я отправился къ Бутакову и уладилъ съ нимъ всю эту брань—миромъ, сказавъ ему, что, дескать, Кнорингъ соглашается вполнѣ, что онъ не уменъ, а потому и проситъ возвратить ему его бумагу, а онъ возвратитъ послѣднюю бумагу Метлина. Нечего дѣлать,—надо было оправиться къ Бутакову для подобныхъ переговоровъ. Сегодня получится отвѣтъ:—согласился ли нашъ врагъ на предложенный ему ультиматумъ. И съ такою ничтожностью Богъ привелъ служить мнѣ!

Исаковъ вчера говорилъ, что въ Крыму былъ сдѣланъ нашими поискъ, захватили въ плѣнъ до 13 французовъ, но сами потеряли убитыми и ранеными до 130 человѣкъ. Оно—неутѣшительно. Толковалъ со мною также много Исаковъ о великихъ князьяхъ и ихъ антуражѣ. Николай Николаевичъ—самаго добраго и мягкаго сердца, но, по молодости, пылитъ и не даетъ еще настоящаго значенія своимъ словамъ.

Карсъ нашими взятъ. Но о подробностяхъ этого событія ничего не извѣстно. Говорятъ также, будто умеръ фельдмаршалъ, князь Паскевичъ. Четыре дня тому назадъ Панютинъ сообщилъ сюда чрезъ телеграфъ, что фельдмаршалъ боленъ безъ надежды на выздоровленіе. Сказать правду, потеря для Россіи не велика. Онъ уже устарѣлъ для настоящихъ событій и не принималъ ровно въ нихъ никакого участія, доживалъ только свой вѣкъ въ Варшавѣ. Заслуга его одна, что онъ во-время снялъ осаду Силистріи, а не то, пожалуй, продлись эта осада, пришлось бы намъ крестить прикладомъ и противъ австрійцевъ.

Какъ я и ожидалъ, ультиматумъ нашъ не принятъ Метлинымъ. „Я не ребенокъ“,—отвѣчалъ онъ:—„и знаю, что дѣлаю. Пускай Кно-

рингъ на меня жалуется, я буду умѣть отвѣчать на его жалобы". Нечего дѣлать, рѣшили бумагу переписывать къ Лидерсу; но хотя она и много смягчена, однако все-таки принесетъ какой-нибудь результатъ: или разведутъ двухъ друзей, или одного подчинятъ другому. Во всякомъ случаѣ, пострадаетъ Кнорингъ. Его, безтолковаго, не промѣняютъ на Метлина.

7-го декабря.

Еще третьяго дня посланъ въ Одессу курьеромъ Богдановичъ, съ жалобою на Метлина и вообще на морское вѣдомство. Замѣчательно, что какъ только Богдановичъ уѣхалъ, артиллерійская экспедиція и Метлинъ стали отзываться на тѣ бумаги, которыя давно уже имъ посланы, и на которыя прежде они и отвѣчать не хотѣли. Выходитъ, поняли, что могутъ взять ихъ къ допросу. Да и Спицынъ взялся за свой тупой умишка. Представилъ списокъ людямъ, которые состоятъ на батареяхъ, собственно для артиллерійскихъ работъ. Изъ этого списка видно, что людей весьма достаточно, между тѣмъ какъ на словахъ, при мнѣ, нѣсколько разъ докладывалъ Кнорингу, будто людей вовсе нѣтъ, такъ что некому даже и сметать снѣгъ съ платформъ. Разумѣется, объ этомъ его запросили—бумагою за нумеромъ. Надо и его вывезти на чистую воду. Вообще, Спицынъ, въ должности начальника артиллеріи оборонительной линіи, такъ же неудаченъ, какъ неудачно и назначеніе Кнорингa начальникомъ всей артиллеріи въ Николаевѣ. Какъ тотъ, такъ и другой, — безтолковы и не свѣдущи въ одинаковой степени. Но Спицынъ, сверхъ сего, и лѣнивъ: любитъ по утрамъ ничего не дѣлать, а вечеромъ отдохнуть. Немудрено, что до сихъ поръ еще нельзя на укрѣпленіяхъ завести никакого порядка. Вездѣ—ералашъ!—что же будетъ весною?

Вчера, говорятъ, проѣхалъ чрезъ Николаевъ графъ Сакенъ въ Одессу; туда же ждутъ и Коцебу, начальника главнаго штаба; тамъ теперь и Липранди. Но этотъ, говорятъ, скоро прибудетъ сюда; не извѣстно только, возложатъ ли на него обязанности наблюдать за правильнымъ и скорѣйшимъ вооруженіемъ Николаева.

10-го декабря.

Вчера вечеромъ навѣстили меня Чернобаевъ, Павловъ и Зимницкій. По словамъ Чернобаева, заболѣвающихъ и умирающихъ здѣсь, въ Николаевѣ, очень много, такъ что въ госпиталяхъ и нѣтъ болѣе мѣста для больныхъ. Оно и не мудрено; большая часть солдатъ и ратниковъ въ такіе страшные морозы живутъ въ землянкахъ или сараяхъ безъ печей. Говорилъ также Чернобаевъ, что третьяго дня

проѣзжалъ изъ Крыма въ Николаевъ — Пироговъ. По его словамъ, около Евпаторіи смертность большая; гренадеры падаютъ, какъ мухи. Пироговъ относитъ это къ дурной водѣ. Толковали также о томъ, будто набираются уже охотники, чтобъ сжечь фрегаты непріятельскіе, затертые льдомъ въ Лиманѣ и въ устьѣ Бога.

Но правда ли это? Кажется, господа эти безнаказанно прозимуютъ въ ихъ столь неловкомъ положеніи; замерзнутъ только нѣкоторые изъ нихъ.

Озеровъ сегодня уѣхалъ въ Крымъ. Это тотъ самый, который съ Меншиковымъ былъ въ Константинополѣ; значитъ—одинъ изъ немногихъ, участвовавшихъ въ поджогѣ теперешняго пожара. На видъ—онъ скромный и умный, походитъ немного на Н. П. Денисьева. Жаль, что не было случая заставить говорить его о событіяхъ, которыхъ былъ онъ свидѣтелемъ. Теперь Озеровъ поѣхалъ въ Главную квартиру, чтобъ состоять при князѣ Горчаковѣ въ качествѣ дипломатическаго чиновника. Сегодня же передъ обѣдомъ явился къ Кнорингу князь Волконскій, зять фельдмаршала. Теперь онъ уже полковникъ, флигель-адъютантъ, и командуетъ Муромскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Я зналъ его, когда еще онъ былъ ничтожнымъ офицеромъ въ Павловскомъ полку, и потомъ, разбогатѣвъ и женившись на дочери Паскевича-Эриванскаго, поступилъ адъютантомъ къ покойному великому князю Михаилу Павловичу. Теперь онъ идетъ съ полкомъ изъ Крыма—комплектоваться. По словамъ его—фельдмаршалъ еще живъ, но былъ дѣйствительно отчаянно боленъ, при смерти. За обѣдомъ разсказывалъ Исаковъ о Меншиковѣ, какъ онъ нечаянно встрѣтился съ генераломъ Баумгартеномъ. Это было вечеромъ. Князь стоялъ у своей палатки, а Баумгартенъ ѣхалъ верхомъ. Князь остановилъ его и спросилъ:—кто онъ такой? Когда Баумгартенъ отозвался, князь взялъ его за руку и сказалъ ему: „я очень радъ, что вы сюда пріѣхали; здѣсь все дураки, и порядку никакого нѣтъ“. Это было наканунѣ инкерманской битвы—21-го или 22-го октября. Вскорѣ послѣ этого, Баумгартена и послали въ Севастополь. Сначала князь, повидимому, очень былъ имъ доволенъ, а потомъ разлюбилъ его. Въ январѣ Исаковъ вошелъ въ палатку къ Меншикову и засталъ его больнымъ въ постели. „Въ Севастополѣ никакого порядку нѣтъ“, — сказалъ князь; „а этотъ Баумгартенъ — страшный интриганъ; всѣхъ своими интригами сбиваетъ съ толку“. Такъ вотъ каковъ этотъ георгіевскій кавалеръ—Баумгартенъ. Теперь, говорятъ, онъ совсѣмъ затертъ. Разсказывалъ также весьма подробно Исаковъ о пріѣздѣ Попова къ Меншикову, и какъ онъ его затеръ, назначивъ сначала состоять при 6-мъ пѣх. корпусѣ, а потомъ отправилъ въ Севастополь. Насилу Поповъ могъ вырваться изъ неловкаго положенія, въ которое былъ поставленъ Меншиковымъ.

11-го декабря.

А взятіе Карса—событіе немаловажное. Если Россія не радуется торжественно этой побѣдѣ, то потому только, что мы привыкли бить турокъ, и всякая побѣда, одержанная надъ ними, намъ кажется дѣломъ весьма естественнымъ и обыкновеннымъ; но одержи мы подобную побѣду надъ французами,—какое бы пошло торжество по всей Россіи! Но побѣда надъ этими шельмецами не такъ легко достается, какъ полагаютъ у насъ нѣкоторые патріоты, воспоенные квасомъ и сивухой. Долго еще ждать Россіи, пока сыны ея станутъ колотить французовъ такъ же легко, какъ колотятъ почтенныхъ османцевъ вотъ уже почти цѣлый вѣкъ. Для этого нужно намъ засѣсть за азбуку и начать учиться тому, чему на Западѣ давно уже научились.

12-го декабря.

Сегодня новый споръ съ Кнорингомъ: вздумалъ было онъ исправлять ту бумагу, которую написалъ я съ такой любовью, могу даже сказать съ поэтическимъ увлеченіемъ, а именно: бумагу о соображеніяхъ—сколько потребуется всего орудій для здѣшнихъ укрѣпленій, какого калибра, назначеніе на батареяхъ каждаго калибра, потомъ—сколько у насъ имѣется на лицо всевозможныхъ орудій наибольшихъ, большаго и меньшаго калибровъ, наконецъ—сколько и какихъ затѣмъ недостаетъ и лишнихъ и т. п. Для составленія такой бумаги много наведено было справокъ и много стоило мнѣ труда; всякую цифру надо было повѣрять, сличать, вычислять. А онъ вздумалъ было вклеивать въ такую серьезную бумагу свои ребяческія соображенія о томъ, что дѣлалось подъ Севастополемъ, и все это съ голословныхъ показаній разныхъ лицъ, забивъ въ свою голову, будто бы послѣ Севастополя никакія уже постановленія не имѣютъ мѣста. Но на этотъ разъ вступился уже я за мои убѣжденія, серьезно и не взирая на всѣ его крики и восклицанія, настоялъ на своемъ, и бумага осталась въ томъ видѣ, какъ я ее составилъ. Но спорили по крайней мѣрѣ цѣлый часъ. Ужасно какъ упрямъ этотъ пѣтухъ; но все-таки скажу, что человѣкъ онъ добрый и благороднѣйшій; безтолковъ только до крайности!

Вчера отъ скуки и отъ усталости послѣ занятій отправился я въ собраніе на балъ. Народу всякаго было много, въ томъ числѣ Панфиловъ, Кнорингъ, Волконскій, Исаковъ, Бутаковъ, все люди дворцовые, кромѣ Панфилова. Но болѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе Дараганъ, офицеръ императорскаго стрѣлковаго полка. Дѣйствительно, рѣдко можно встрѣтить такихъ красивыхъ мужчинъ. Да и

прекрасный костюмъ императорскихъ стрѣлковъ чрезвычайно идетъ ему къ лицу. Онъ служилъ прежде въ кавалергардахъ, а потому и немудрено, что и манеры у него приличныя. Не взирая на общее на него вниманіе, въ которомъ невольно проявляется удивленіе не только дамъ, но даже и мужчинъ, держитъ онъ себя скромно, не ломается и танцуетъ очень мило. Воображаю, что такой молодчикъ у многихъ дамъ задѣлъ ретивое, но одна, кажется, зашевелила и его. Кромѣ Дарагана, между ополченцами много и другихъ мужчинъ, весьма красивыхъ, которые, какъ кажется, поотперли старичка Кнорингa отъ тѣхъ, за которыми онъ ухаживалъ. По крайней мѣрѣ, замѣтно было, что вчера Кнорингъ на балу былъ не въ духѣ, а сегодня, ни къ селу, ни къ городу, сталъ злословить Дарагана, что у него и зубовъ нѣтъ и проч.

13-го декабря.

А непріятельскія суда затерло льдомъ не случайно. Напротивъ, сами собою выбрали зимовку въ Лиманѣ и остановились въ боевомъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ батарей Кинбурнскихъ. Вотъ почему и не такъ легко завладѣть ими. Надо взять Кинбурнъ открытою силою, а это будетъ намъ стоить много жертвъ; потомъ, сразиться съ флотомъ, что̀ также не совсѣмъ можетъ обойтись намъ дешево. Во всякомъ случаѣ операція эта немаловажная, и за успѣхъ ея отвѣчать трудно. Да послужитъ это урокомъ для тѣхъ франтовъ, которые, не зная о настоящемъ положеніи дѣлъ, позволяютъ себѣ осуждать распоряженія старшихъ.

15-го декабря.

Наконецъ Кнорингa порѣшили. Сегодня получена отъ Лидерса бумага: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ вашему превосходительству возвратиться въ С.-Петербургъ. Начальника артиллеріи въ Николаевѣ избрать по моему усмотрѣнію. Сообщая сіе вашему превосходительству, увѣдомляю, что начальникъ штаба ввѣренной мнѣ арміи, который вслѣдъ за симъ отправляется въ Николаевъ, сообщитъ вамъ, кому вы должны передать вашу должность“. Давно бы пора! Но что будетъ со мной? Неужели злая судьба готовитъ мнѣ новый ударъ? Измучившись въ разлукѣ съ моими милыми, я, наконецъ, въ предположеніи, что останусь здѣсь до весны, рѣшился ихъ сюда выписать изъ-за далека и въ самое скверное время года, чтобы хоть сколько-нибудь оживить себя, поживши съ ними подъ одной крышей 2 или 3 мѣсяца. И что же? Наканунѣ ихъ пріѣ

ѣзда, а, быть можетъ, и въ самый день ихъ пріѣзда, меня отсюда выпплютъ, и куда же? Опятъ въ этотъ проклятый Крымъ, который такъ и дышетъ могилами! Не знаю—достанетъ-ли у меня силъ, чтобы перенесть этотъ новый ударъ? Непокойчицкій сегодня уже здѣсь, и сегодня вѣрно все уже будетъ рѣшено на счетъ того, кто долженъ заступить мѣсто Кноринга.

16-го декабря.

Вопросъ быть или не быть мнѣ въ Николаевѣ еще не рѣшенъ. Впрочемъ, Кнорингъ говорилъ мнѣ сегодня, что онъ предложитъ Непокойчицкому меня одного оставить здѣсь по вооруженію, и тогда только дѣло пойдетъ, какъ по маслу. Спасибо ему за это, но не отъ него, а отъ Метлина будетъ зависѣть,—кому поручатъ вооруженіе, а Метлинъ, вѣроятно, предложитъ преимущественно кого-нибудь изъ моряковъ. Мнѣ все равно, чѣмъ бы здѣсь не быть, только чтобы остаться до весны, чтобы пожить вмѣстѣ съ моей семьей!

Утромъ являлся я къ Непокойчицкому, и онъ принялъ меня очень привѣтливо, но о дѣлахъ не говорилъ ни слова. Сегодня же вопросъ рѣшится.

Метлинъ предлагаетъ назначить по вооруженію полковника Ильина, управляющаго артиллерійской экспедиціей, а Кнорингъ хлопочетъ за меня. Непокойчицкій въ нерѣшимости, не беретъ на себя рѣшить этотъ вопросъ и хочетъ повезти его на рѣшеніе къ командующему арміей, для чего и вытребовалъ отъ меня свѣдѣнія—въ которомъ году произведенъ я въ полковники. Но это, какъ я полагаю, однѣ уловки хитросплетныя. Непокойчицкому не хочется наотрѣзъ самому отказать Кнорингу, у котораго онъ и остановился; но, безъ сомнѣнія, сдѣлается такъ, какъ желаетъ Метлинъ. Теперь онъ въ Николаевѣ—главное лицо, и нѣтъ причины отказать ему въ его ходатайствѣ о назначеніи сюда по вооруженію Ильина; развѣ не захотятъ совсѣмъ отдаться въ руки моряковъ. Мнѣ сдается,—кончится тѣмъ, что меня выпроводятъ отсюда, въ Крымъ.

19-го декабря.

Наконецъ, участь моя рѣшилась. Третьяго еще дня Непокойчицкій потребовалъ меня къ себѣ въ 9 ч. вечера и объявилъ, что командующій арміей назначаетъ меня на мѣсто Кноринга; вчера же получилъ объ этомъ предписаніе отъ Непокойчицкаго. Оба управленія: и Кноринга, и Вилькена, поступаютъ въ мое вѣдѣніе. Титулъ мой: „Начальникъ артиллеріи николаевскихъ укрѣпленій“.

Сегодня долженъ былъ являться къ Непокойчицкому, Панфилову и Метлину. Оба послѣдніе приняли меня хорошо. Не знаю, что будетъ дальше, но пока—много надежды, что съ Метлинымъ я буду ладить.

Сегодня, ровно въ 3 часа по полудни, пріѣхала въ Николаевъ моя семья. Всѣ они здоровы, слава Богу!

Записки стараго актера.

V [1]).

Просматривая въ общихъ чертахъ короткое правленіе Островскаго, нельзя не признать, что и этому великому знатоку сцены, отдававшемуся дѣлу всей душой, много вредило, какъ и нашему предсѣдателю по совѣщанію, его доброе сердце, увлеченіе, безконтрольное довѣріе къ окружающимъ. У такихъ людей, каковъ былъ Александръ Николаевичъ, всегда есть склонность создавать себѣ идоловъ подъ впечатлѣніемъ хорошихъ словъ, завѣреній, поклоненій и такъ далѣе, а это и ведетъ незамѣтно для нихъ къ подчиненію чужой и иногда—злой волѣ.

Идолы и кумиры не всѣ и не всегда стремятся къ правдѣ и справедливости, которыми въ душѣ такъ безкорыстно, такъ искренно, сердечно дорожилъ Александръ Николаевичъ. Его поэтическая душа не могла бороться съ неправдой, замаскированной дружбой; у такихъ людей любовь и вѣра нераздѣльны. Я не хочу этимъ сказать, что у идоловъ и кумировъ дружбы не было совсѣмъ, она была безусловно, но съ извѣстнымъ интересомъ, т. е. дружба дружбой, а и мои дѣла, мое положеніе, должны процвѣтать отъ нея.

Скажу, и это не бѣда; за немногими исключеніями, въ родѣ Александра Николаевича, къ несчастью, большинство людей именно такихъ. Но тяжело видѣть то, что вошедшіе во вкусъ всякихъ подсказываній и подталкиваній производятъ ихъ съ великой охотой, даже

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1905 г.

безъ пользы для себя, но непремѣнно во вредъ кому или чему-нибудь. Многое изъ такихъ дѣйствій тяжело отразилось не только на людяхъ, а главное и на дѣлѣ, которому служили мы, благодаря тому же довѣрію и увлеченію идолами. Конечно, только чистые люди, неспособные сами ни на какую сдѣлку съ совѣстью, легко поддаются воздѣйствію на себя кумировъ и идоловъ, но это сознаніе не умаляетъ потери, какую понесло искусство, благодаря его „непротивленію злу". Тяжело было сознавать, что этотъ мощный человѣкъ, котораго само искусство столько лѣтъ ожидало, какъ своего реформатора, очистителя отъ застоя и плѣсени, за много лѣтъ накопившейся до него, и, наконецъ, вотъ онъ!.. Сколько радости принесъ онъ съ собой!.. Сколько надеждъ и упованій возлагалось на него, и вдругъ— богатырь безсиленъ, имъ руководятъ маленькіе ничтожные пигмеи и заставляютъ его принимать участіе въ ихъ мелкихъ личныхъ дѣлишкахъ. И богатырь поддается и съ увлеченіемъ тратитъ свои богатырскія силы на недостойную и вредную игру.

По желанію варшавскаго генералъ-губернатора І. В. Гурко, видѣть московскую драматическую труппу въ Варшавѣ, министръ Императорскаго двора прислалъ циркуляръ А. Н. Островскому, съ требованіемъ отпустить всѣхъ артистовъ, которыхъ онъ найдетъ нужнымъ, на одинъ мѣсяцъ въ Варшаву на извѣстномъ, опредѣленномъ положеніи объ артистахъ. Труппа отправилась 6-го мая 1886 года.

Оканчивая опредѣленное число спектаклей, мы, по желанію губернатора и всего русскаго общества, должны были дать сверхъ опредѣленнаго числа еще два спектакля, которые уже и были назначены. Вдругъ изъ Москвы была получена телеграмма о скоропостижной смерти всѣми обожаемаго Александра Николаевича. Это извѣстіе произвело на всю труппу такое потрясающее впечатлѣніе, что о продолженіи спектаклей не могло быть и рѣчи. Вотъ гдѣ было искреннее, неподдѣльное общее горе. Снисходя къ такой тяжкой утратѣ, губернаторъ разрѣшилъ прекратить спектакли.

Возвратились въ Москву разбитые, удрученные; тяжело было думать объ этой незамѣнимой потерѣ. Но время исцѣляетъ все.

Въ то время, по настоянію главнаго режиссера, у насъ бывали и лѣтніе спектакли, одинъ, два въ недѣлю; конечно, театръ пустовалъ всегда, но онъ рѣшительно настаивалъ, чтобы они не прекращались.

На этотъ разъ, всѣ были отпущены, и спектаклей не было, къ великому огорченію режиссера, хотя и было взято обязательство, чтобы перваго августа всѣ были въ сборѣ.

Наступилъ августъ, всѣ съѣхались, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которые предусмотрительно взяли отпуски. Мытарство для прибывшихъ было великое!.. Всякій день режиссеръ назначалъ никому не

нужныя репетиціи, само собой опѣ никогда не могли состояться, такъ какъ участвовать въ нихъ должны были и взявшіе отпуски. Но издѣвательство продолжалось, несмотря ни на что. Не явиться значитъ накликать на себя множество еще и другихъ непріятностей.

Сидимъ въ „курилкѣ“, болтаемъ отъ нечего дѣлать.

Вдругъ знакомый голосъ:

— Здравствуйте, господа!..

— Боже мой!.. дорогой Н. А. Чаевъ. Всѣ вскочили, какъ одинъ человѣкъ, и бросились встрѣчать дорогаго гостя. Начались разспросы, какими судьбами, утромъ, въ непоказанное время заглянули къ намъ?

— Да что, господа!.. я, признаться, и ночи-то пересталъ спать покойно, бѣда мнѣ грозитъ.

— Какая?—Что такое?

— Да что!.. Вѣдь меня приглашаютъ занять мѣсто покойнаго Александра Николаевича.

Такое неожиданное и пріятное извѣстіе разомъ встрепенуло всѣхъ. Да кому же и быть замѣстителемъ, какъ не ему, Н. А. Чаеву.

— Боюсь, господа!.. страсть, какъ боюсь, не осилишь, пожалуй!.. Александръ Николаевичъ, онъ ближе меня былъ къ театру-то, да вѣдь и сила была!.. Могучая!.. ему что?!.. онъ дѣлу хозяинъ. А я съ своимъ-то дѣломъ цѣлые года возился, да приводилъ въ порядокъ, признаться, отъ театра-то и поотсталъ. Положимъ, Малый театръ мнѣ въ душу залегъ крѣпко; еще студентикомъ бѣгалъ сюда душу отводить, родной вѣдь онъ мнѣ, вашъ Малый театръ, да и вы-то всѣ, точно близкіе родные, а боюсь, не осилишь!.. Вѣдь горе-то мнѣ тогда какое будетъ. Да и къ моему-то дѣлу привязался, бросить не хочется. Вспомнишь, когда поступилъ, какой тамъ хаосъ былъ!.. все врозь, безпорядокъ, гдѣ что попало стояло, время-то, вѣка-то перепутаны!.. А теперь посмотришь, и сердце радуется, всякая вещь на своемъ мѣстѣ, послѣдовательно, по исторіи, вѣкъ за вѣкомъ!.. оно и пріятно. Тутъ, конечно, дѣло живое, да и люблю-то я его очень; все бы такъ, все бы хорошо!.. а страшно!.. ну, какъ не осилишь?

Слушая эти рѣчи и зная его давно, цѣлые десятки лѣтъ,—думалось: „душа ты человѣкъ!... Нѣтъ въ тебѣ и тѣни того, что часто, ежеминутно приходится видѣть вокругъ себя.

„Все топорщится, все силится вылѣзть изъ собственнаго футляра, чтобы казаться выше, больше, разумнѣй, честнѣй: смотрите, молъ, на меня, каковъ я есть!..

„А ты? ты скажешь такъ, какъ чувствуешь, не только нѣтъ въ тебѣ желанія блеснуть, похвалиться, вотъ, молъ, я что сдѣлалъ!.. а и о дѣйствительномъ подвигѣ ты скорѣй умолчишь, и способенъ самъ

умалить свои достоинства, когда другіе увидятъ и оцѣнятъ ихъ. Нѣтъ, особенные это люди!... Люди—„не отъ міра сего“.

Прошло не больше недѣли, узнаемъ, слава Богу, согласился наконецъ.

И вотъ у насъ — достойный преемникъ Островскаго. Признаюсь, боялся я за него! Вѣдь еще добрѣе былъ онъ, еще мягче и довѣрчивѣе Александра Николаевича!.. Окрутятъ его, окрутятъ!.. Бѣда съ этими рыцарями „безъ страха и упрека“.

VI.

Репетиція въ Маломъ театрѣ, и всѣ ожидаютъ пріѣзда Н. А. въ первый разъ послѣ назначенія его завѣдующимъ сценой. При входѣ его всѣ участвующіе на репетиціи встрѣчаютъ его дружными, долго несмолкаемыми аплодисментами. Онъ сконфуженъ, скромно раскланивается.

— Позвольте, позвольте, господа, за что же это? я еще ничего... только приступаю!.. Буду всей душой стараться на пользу общаго дѣла, а тамъ, что Богъ дастъ.

Успокоился, сѣлъ.

— А страшно, господа, право, страшно, какъ не осилишь, бѣда!..

И съ этого дня Н. А. крѣпко принялся за работу.

Все идетъ хорошо, всѣ распоряженія, объясненія, совѣты, указанія необыкновенно интересны.

На одну изъ репетицій привезъ Сергѣя Андреевича Юрьева и, вводя въ курилку, торжественно доложилъ:

— Велизарія къ вамъ веду, господа.

А въ это время, дѣйствительно Сергѣй Андреевичъ видѣлъ уже весьма плохо. Усадилъ его читать трагедію Лопе-де-Вега, которую онъ перевелъ, трагедія назначалась къ постановкѣ. Тутъ, конечно, важно было не чтеніе Юрьева, а тѣ объясненія, какія давалъ онъ. Но старикъ прочелъ одинъ актъ, утомился и поручилъ второй читать Н. А.; онъ прочелъ до половины, тоже съ объясненіями и заявилъ старику:

— Ну, братъ, Сергѣй Андреевичъ, мы всѣ утомились отъ репетиціи. Назначимъ читку, тогда прочтемъ все.

Вообще съ поступленіемъ Н. А., насъ на репетиціяхъ часто стали посѣщать такіе дорогіе гости, какъ Н. И. Стороженко, А. Н. Весе-

ловскій, а ихъ присутствіе, конечно, всегда приносило несомнѣнную пользу дѣлу.

И такъ Н. А. быстро освоился съ дѣломъ, и больше не довелось слышать онъ него: „пожалуй, не осилишь“. И мои опасенія, что его „умные да ловкіе“ — окрутятъ, оказались напрасны. Какъ ни старался самый умный да ловкій своими угожденіями и мягкими совѣтами въ постановкѣ, въ распредѣленіи ролей предложить, подсказать, Н. А. какъ-то особенно просто и удачно отпарировалъ эти совѣты. Но въ этихъ отпарированіяхъ можетъ быть и скрывалось его преждевременное устраненіе.

Подходилъ къ концу годъ неустанной и плодотворной дѣятельности Н. А.; не мало было у него заботы о многихъ измѣненіяхъ, которыя намѣчалъ и надѣялся постепенно вводить, измѣняя тѣмъ устарѣлые, отжившіе порядки. Но, видно, и ему не суждено было очистить старое, заросшее болото отъ прежняго засоренія, твердо осѣвшаго еще при крѣпостныхъ порядкахъ, и устойчиво оно сопротивлялось новымъ, свободнымъ дѣятелямъ сцены. И вотъ, нежданно, негаданно, всѣ были поражены извѣстіемъ: Н. А. получилъ отъ дирекціи глубокую благодарность и какую-то денежную награду за управленіе, и покидаетъ службу.

Какимъ путемъ, какими щелями шла, проползала эта гнусная интрига, для всѣхъ осталось непроницаемой тайной, о которой можно было только догадываться, и каждому предоставлялось дѣлать свои предположенія.

Эпилогъ трагедіи, разыгранный съ этимъ дорогимъ для театра человѣкомъ, былъ ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ: цѣлыя десять лѣтъ Н. А. почти никуда не выходилъ изъ дома и къ себѣ никого не принималъ, тѣмъ болѣе театральныхъ. На всѣ вопросы окружающихъ близкихъ отвѣчалъ только односложными словами: „да“ и „нѣтъ“. Только чудомъ спасся онъ отъ окончательной гибели. И къ великому счастью всѣхъ, теперь онъ опять сталъ прежнимъ, любящимъ, душевнымъ Н. А.

VII.

Съ удаленіемъ Н. А. Чаева, все приняло прежній порядокъ; какъ существовало до него и Островскаго.

То же режиссерское управленіе сценой и репертуаромъ, тѣ же жалобы и неудовольствія всѣхъ. Пьесы Островскаго уже не появлялись

на репертуарѣ не только два раза на одной недѣлѣ, а проходили и цѣлые мѣсяцы, какъ будто вмѣстѣ съ драматургомъ умерли и его произведенія.

Нашъ симпатичный предсѣдатель-начальникъ вышелъ изъ своего невольнаго заточенія и опять сталъ появляться на сценѣ, даже иногда заглядывалъ въ курилку, но не надолго. Былъ по-прежнему простъ, внимателенъ ко всѣмъ. Такъ же, какъ и прежде, со всякой бѣдой, несчастьемъ, даже домашнимъ, всѣ шли къ нему открыто, свободно, съ полной увѣренностью, что если отъ него зависѣло помочь бѣдѣ, то онъ поможетъ непремѣнно.

Съ выходомъ въ отставку Майкова, новая должность завѣдывающаго хозяйственной частью нѣкоторое время оставалась не замѣщенной; но разъ ужъ она была учреждена, конечно, охотниковъ на нее было много. Наконецъ, по распоряженію высшаго начальства, т. е. петербургскаго, назначенъ на эту должность нѣкто господинъ К—въ, но безъ тѣхъ полномочій, какія были предоставлены Майкову. Его дѣятельность главнымъ образомъ была направлена на закупки всего, что̀ необходимо было для театровъ, школы и даже самой конторы, что̀ и исполнялось имъ съ полнымъ усердіемъ. Обходя разныя помѣщенія въ театрахъ, школѣ, уборныхъ актеровъ, онъ внимательно высматривалъ, что нужно перемѣнить, дополнить, и не медля дѣлалъ это тамъ, гдѣ находилъ нужнымъ. Такъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, явясь въ спектакль, мы были удивлены обстановкой всѣхъ уборныхъ. Во-первыхъ, всѣ старыя зеркала были сняты и замѣнены новыми, въ золотыхъ рамкахъ (штампованные багеты). Зеркала были безспорно хорошія, но необыкновенно неудобныя для гримировки: одно краснитъ, другое бѣлитъ, почему всѣ и просили хозяина возвратить намъ старыя, къ которымъ привыкли. Новыя были вынесены въ складъ, а старыя опять водворены на своихъ мѣстахъ. Кромѣ того, вмѣсто кожаныхъ неудобныхъ стульевъ была поставлена мягкая мебель, цинковые умывальники, полы обиты превосходной клеенкой, все очень хорошо и удобно. Въ женскихъ уборныхъ также зеркала, мягкая мебель и превосходные гардеробные орѣховые шкафы, а вмѣсто двери огромное зеркало, тоже краснившее или бѣлившее, но для осмотра себя въ костюмѣ представлявшее очень удобное нововведеніе.

Нашелъ онъ, что надъ сценой Малаго театра, при таяніи снѣга, вода просачивается и каплетъ на сцену; хотя никто изъ насъ этого никогда не замѣчалъ. Потому былъ купленъ толь и наняты работники обить имъ весь плафонъ надъ сценой. Когда часть плафона была обита, страшный жаръ отъ освѣщенной сцены поднимался вверхъ, и сцена, уборныя, весь зрительный залъ, корридоры наполнялись такимъ

удушливымъ, ѣдкимъ запахомъ толя, что публика уѣзжала изъ театра, не выдерживая этого отвратительнаго запаха.

Мы же, несчастные, должны были до конца претерпѣвать эту муку. Наконецъ, стали поступать жалобы къ управляющему, который какъ нарочно это время былъ занятъ Большимъ театромъ, и онъ собственной властью приказалъ остановить работу и немедленно снять то, что уже было сдѣлано. Тутъ только всѣ вздохнули свободно.

Вообще, хозяйственная часть, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ тискахъ Майкова, почувствовала, наконецъ, свободу и изъ угнетеннаго, почти трагическаго положенія перешла въ легкую комедію, иногда даже съ нѣкоторымъ водевильнымъ оттѣнкомъ. Что ни день, то новость, улучшенія, украшенія повсюду, лишь бы нашлось мѣсто, куда помѣстить, даже—втиснуть.

Сколько времени продолжалось такое хозяйство, съ увѣренностью сказать не могу, но прекратилось оно только съ отмѣной новой должности завѣдывающаго и съ переходомъ хозяйственной части въ вѣдѣніе управляющаго конторой, какъ это и было всегда до поступленія Майкова.

Всѣ стали замѣчать, что нашъ начальникъ опять часто сталъ посѣщать школу, и скоро оказалось, что уже у него давно созрѣлъ цѣлый планъ основать правильные драматическіе курсы. Были приглашены профессора Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій, для чтенія лекцій. Г. Н. Ѳедотова, ввиду прежняго поступка дирекціи, не пожелала принять участіе. Тогда онъ обратился съ предложеніемъ къ А. П. Ленскому и О. А. Правдину. Александръ Павловичъ, этотъ дивный, энергичный художникъ, принялъ предложеніе, а Осипъ Андреевичъ Правдинъ, хотя и потерпѣвшій нѣкоторый незаслуженный афронтъ при закрытіи классовъ, не могъ устоять и отказаться отъ любимаго дѣла, и, такимъ образомъ, оба со всей энергіей принялись за работу.

Прошло десять лѣтъ, и труженики создали молодую, даровитую труппу. Но увы!.. принуждены были влить молодое вино въ старые мѣхи!.. А талантливая молодежь долгое время должна была пробавляться тѣмъ, что, какъ говорится, на тебѣ, небоже, что мнѣ не гоже!

А отъ дѣйствій главнаго режиссера даже и такіе тузы, каковы ихъ учителя, не могли отбивать своихъ птенцевъ и давать имъ надлежащую дорогу.

Въ силу данной власти главному режиссеру, онъ также скромно и увертливо продолжалъ свою работу, прикрывая шкурой ягненка свои волчьи склонности. Чтобы окончательно избавиться отъ нареканія одной части труппы, недовольной составленіемъ репертуара и раздачей ролей, онъ задумалъ поставить между собой и недоволь-

ными, по его мнѣнію, болѣе подходящія ширмы. При управляющемъ конторой состоялъ чиновникъ особыхъ порученій нѣкто П—въ. Что дѣлалъ раньше этотъ П., какія у него были порученія, этого, вѣроятно, никто не зналъ, да и врядъ-ли кого это интересовало знать, такъ какъ онъ совсѣмъ не касался сцены, а если и появлялся иногда, то очень скромно, и всегда въ сюртукѣ или пиджакѣ, пройдетъ и исчезнетъ. Вдругъ замѣчаетъ, что П. очень часто сталъ присутствовать въ режиссерской, сталъ понемногу принимать участіе, подавать совѣты, одобряемые тутъ же режиссеромъ. А дальше, разъ какъ-то вечеромъ ужъ онъ явился въ мундирѣ, какъ-бы инспекторъ репертуара. Оффиціально этого назначенія не было, да и мундиръ чиновника отъ мундира инспектора, кажется, ничѣмъ не отличается; вѣроятно, онъ былъ надѣтъ больше для апломба. Тѣмъ не менѣе ширма была поставлена и, чуть какое-нибудь заявленіе неудовольствія со стороны нерасположенной къ режиссеру партіи, онъ прямо сталъ заявлять: „Потрудитесь обратиться къ П., это не мое распоряженіе“. А тотъ, конечно, уже раньше получилъ указанія, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Общимъ протестомъ труппа могла бы ограничить многія дѣйствія режиссера, но въ томъ-то и бѣда, что у насъ всегда между собой существовали недоразумѣнія. Все что-то дѣлимъ, съ чѣмъ-то считаемся и ни счесть, ни раздѣлить не можемъ, да и никогда не раздѣлимъ.

Это странное явленіе, какъ передавали мнѣ провинціальные актеры, существуетъ во всѣхъ труппахъ. И благодаря общему несогласію, даже враждебности, одни протестовали, другіе оправдывали, ублажали, восхищались его дѣйствіями не только по постановкѣ пьесъ, но и нѣкоторыми поступками уже завѣдомо неблаговидными, конечно, лишь бы эти поступки не касались моихъ интересовъ. Это разногласіе и давало ему полную свободу дѣйствій, въ этой розни онъ черпалъ свою силу.

Осуждать или удивляться, что нашъ начальникъ проникся полнымъ довѣріемъ къ нему, его опыту и пониманію своего дѣла, было бы несправедливостью, такъ какъ онъ ясно видѣлъ у многихъ артистовъ чуть-ли—не благоговѣніе къ режиссеру.

Талантливой молодежи начальникъ не могъ не сочувствовать уже потому, что они явились какъ результатъ основанныхъ имъ курсовъ, но даже и тутъ соглашался съ мнѣніемъ режиссера, который находилъ, что еще рано давать имъ серьезное дѣло.

Вотъ почему, выходя съ курсовъ, молодежь терпѣла во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ что высказалъ мнѣ одинъ изъ талантливѣйшихъ молодыхъ людей:

— Эта Академія (т. е. Малый театръ) своими проклятыми распорядками намъ совсѣмъ дышать не даетъ.

И только „Новый театръ“, до котораго не касался главный режиссеръ, гдѣ дѣйствовали А. П. Ленскій и А. М. Кондратьевъ (нынѣшній главный режиссеръ), далъ возможность молодежи не закиснуть, не замереть въ его тенетахъ, какъ на моихъ глазахъ закисли и замерли многіе, конечно, въ прежнее недоброе время.

Поставленной ширмѣ, скрывавшей дѣйствія режиссера, актеры однако не дали развернуться, когда она стала замѣтно склоняться къ этому, и ограничили ея дѣйствія только присутствіемъ на репетиціяхъ, безъ права голоса.

VIII.

Минуло пятнадцать лѣтъ правленія основателя драматическихъ курсовъ, наступилъ шестнадцатый. Дѣла театра шли прекрасно, несмотря на извѣстные тормозы, улучшались съ каждымъ годомъ во многихъ отношеніяхъ, курсы обновляли и пополняли мѣста отживающихъ и состарѣвшихся работниковъ молодыми талантами. Но вотъ что не было предусмотрѣно: на курсахъ можетъ образоваться талантливыхъ людей больше того, сколько дирекція рѣшила ежегодно принимать на дѣйствительную службу, а отказывать завѣдомо даровитымъ тоже не могло входить въ ихъ разсчеты.

Такимъ образомъ въ теченіе десяти лѣтъ существованія курсовъ явилась новая, сильная труппа, арена дѣятельности которой была очень стѣснена. Въ такомъ положеніи дѣло и находилось довольно долго.

Эта ли причина или иная, но по распоряженію высшаго начальства, конечно, петербургскаго, въ Москву ѣдетъ уполномоченный П—въ устроить, что нужно. Вотъ когда я еще лишній разъ убѣдился въ ловкости и изворотливости нашего режиссера. Засѣданіе уполномоченнаго съ своими и нашими чиновниками происходило въ фойэ Малаго театра. У насъ на сценѣ въ это время шла репетиція чего-то не важнаго. Я зашелъ въ режиссерскую и вижу изъ-подъ сцены по желѣзной лѣстницѣ подымается ко мнѣ режиссеръ: онъ присутствовалъ на засѣданіи въ фойэ. На немъ, буквально, лица нѣтъ, все искажено злобой, глаза горятъ какимъ-то особеннымъ блескомъ; можетъ быть, я и преувеличилъ, но мнѣ казалось, что я слышалъ легкое скрежетаніе зубовъ. Первый вопросъ, невольно вырвавшійся у меня: „что съ тобой?“ И тутъ я уже дѣйствительно ясно услышалъ скрежетъ зубовъ.

*

— А то, что тамъ возмущены громадными окладами, которые вы всѣ получаете!... И будутъ сокращать, сокращать всѣмъ, и... тутъ онъ назвалъ близкое ему лицо, которому такъ же, какъ и ему самому, будетъ сбавка.

Меня позвали на сцену, и я оставилъ его въ этомъ ужасномъ ражѣ. Уѣзжая съ репетиціи и вспоминая состояніе, въ которомъ оставилъ его, признаюсь, подумалъ: дѣло не въ сокращеніи, а вѣрнѣе, что онъ получилъ головомойку!... За что?... Это меня не интересовало, но я былъ увѣренъ, что не ошибся.

Дня четыре я не былъ въ театрѣ, и что тамъ творилось, не зналъ. Наконецъ, явясь на спектакль, вхожу въ режиссерскую и вижу необыкновенно восторженное настроеніе режиссера, во всѣхъ движеніяхъ, не свойственный ему, широкій размахъ.

— Ну, какъ идутъ ваши засѣданія?

— Великолѣпно!... Уполномоченный, братецъ, прелестнѣйшій человѣкъ!...

— А твои какъ дѣла?

— Мнѣ прибавка, сравниваютъ съ петербургскими режиссерами.

Оказалось дальше, не только ему, а еще и близкому ему лицу то же прибавка.

— Молодецъ, подумалъ я. Въ какихъ-нибудь четыре дня успѣлъ одолѣть новаго уполномоченнаго! Да это гипнотизмъ, не иначе!...

Между тѣмъ въ коммиссіи, во главѣ съ уполномоченнымъ, состоялось такое рѣшеніе: ввиду образовавшейся огромной драматической труппы (при Верстовскомъ вся труппа состояла изъ тридцати человѣкъ мужчинъ и женщинъ, теперь же въ ней около двухъ сотъ человѣкъ) снять частный театръ, что̀ дастъ возможность молодымъ силамъ практиковаться подъ руководствомъ А. П. Ленскаго и режиссера А. М. Кондратьева. Театръ снятъ на десять лѣтъ, отдѣланъ и названъ: „Новымъ театромъ“.

Казалось, все устроилось хорошо.

Однако по отъѣздѣ уполномоченнаго, мы узнаемъ, что нашъ управляющій, къ великому огорченію большинства, оставляетъ службу. А на его мѣсто пріѣдетъ новый управляющій театрами.

Со вступленіемъ новаго, Т—го, конечно, начались и новые порядки и назначенія. Разбираться въ дѣйствіяхъ новаго начальника считаю себя не въ правѣ потому, что мнѣ пришлось служить при немъ очень недолго. За полгода до моего оставленія службы пріѣхалъ въ Москву новый директоръ театровъ кн. В—кій, и мы опять должны были представляться и слушали его вступительную рѣчь, нѣсколько длинную, по своему содержанію раздѣленную на двѣ добрыя половины. Въ первой директоръ высказалъ много похвалъ труппѣ, грани-

чащихъ съ панегирикомъ; а во второй половинѣ, касаясь книжки постановленій объ обязанностяхъ артистовъ, онъ штудировалъ ее съ необыкновеннымъ усердіемъ, но въ такой странной и неожиданной формѣ, что живо воскресилъ въ моей памяти времена Шаховскихъ, Верстовскихъ, произносившихъ такія же рѣчи, по формѣ и выраженію, въ своихъ собственныхъ крѣпостныхъ театрахъ.

Тогда, конечно, они вызывали понятный страхъ въ слушателяхъ, вѣдь это были сороковые и пятидесятые годы, но теперь, въ двадцатомъ столѣтіи, они вызвали у насъ совсѣмъ иное чувство.

Общій обзоръ положенія сценическихъ дѣятелей за шестьдесятъ лѣтъ.

Въ 1853 году я поступилъ на службу, и долго мнѣ пришлось служить съ актерами не только 30-хъ, а даже двадцатыхъ годовъ. Сопоставляя ихъ съ замѣстителями, т. е. шестидесятниками и семидесятниками, видишь огромную разницу между тѣми и другими. Оставляю въ сторонѣ перемѣну во взглядахъ на пріемы, руководившіе первыми въ своемъ сценическомъ творчествѣ, а возьму только интересы, преобладавшіе въ то время, и ихъ отношенія между собой.

Начну съ матеріальной стороны прежнихъ дѣятелей сцены. Для актера перваго разряда, т. е. занимающаго исключительно главныя роли, годовое содержаніе заключалось въ 1.143 рубляхъ. Какъ сравнительно ни дешева была жизнь того времени, но 95 рублей въ мѣсяцъ были весьма скудны, если принять во вниманіе, что на эти средства нужно было имѣть и собственный, такъ называемый, городской гардеробъ (исключая костюмы). Дирекція это понимала, а потому первымъ и вторымъ актерамъ ежегодно назначались полубенефисы. Много они приносили заботъ и хлопотъ, цѣлую уйму непріятностей каждому, а въ денежномъ отношеніи или совсѣмъ ничего, что̀ бывало чаще, или крайне мизерную сумму. Бенефисы дирекція обусловливала такъ: всѣ расходы хотя и высчитывались ей на половину, но въ дѣйствительности для актера они во много разъ превышали расходы дирекціи. Во 1-хъ, счетъ вели чиновники, а всѣмъ извѣстно, что своя рука—владыка. Репетиціи бенефису цѣликомъ ставились въ счетъ одному бенефиціанту, а этотъ счетъ былъ тоже не малый: освѣщеніе сцены, уборныхъ, корридоровъ; выписка пьесъ,

переписка ролей и великое множество иныхъ, побочныхъ расходовъ, которые иногда доходили до ста рублей и болѣе. Во-вторыхъ, дирекція имѣла контрагента по печатанію афишъ въ лицѣ Степанова, содержателя типографіи, на такихъ условіяхъ: все, что нужно для дирекціи, афиши, билеты, бланки, книги, печаталось безплатно. За это дирекція предоставляла ему право со всѣхъ частныхъ афишъ, въ томъ числѣ и съ насъ, брать цѣну, какую ему заблагоразсудится. И дѣйствительно, онъ широко пользовался этимъ правомъ; напримѣръ, за сто двадцать пять афишъ, онъ представлялъ счетъ въ контору, къ удержанію съ бенефиціанта отъ 80 до 120 рублей и болѣе. Другія типографіи не имѣли права печатать ни о какихъ увеселеніяхъ и, на основаніи заключеннаго контракта, подвергались огромному штрафу. Протестовать, жаловаться было некуда, такъ какъ сама дирекція устроила эту кабалу.

Цѣны мѣстамъ въ театрѣ были маленькія: бельэтажъ 6 рублей и всѣ другія сообразно съ этой цѣной. О повышеніи бенефисныхъ цѣнъ никто и не помышлялъ, такъ какъ и по казенной сборы бывали очень слабы, да дирекція никакой надбавки и не разрѣшила бы.

И вотъ первый артистъ, любимецъ публики, недѣли черезъ двѣ послѣ бенефиса (это еще самый короткій срокъ, а то проходилъ мѣсяцъ и больше, все зависѣло отъ бухгалтера, котораго для скорости требовалось „просить—особо“, а иначе-ему некогда, онъ занятъ), актеръ приглашается получить сумму; опредѣлить размѣръ ея весьма трудно,— такъ она бывала разнообразна. Н. М. Никифоровъ, любимецъ публики, хотя и не занималъ первыхъ ролей въ серьезныхъ пьесахъ, послѣ одного бенефиса получаетъ увѣдомленіе изъ конторы, что за бывшій такого-то числа бенефисъ, не покрывшій расходовъ, дирекція взыскиваетъ съ него 40 копѣекъ, которыя и будутъ удержаны изъ его жалованья. Нерѣдко такіе актеры, какъ И. В. Самаринъ, получалъ отъ 25-ти до трехъ сотъ рублей, что̀ считалось уже необыкновенной удачей. Думаю, что для наглядной оцѣнки матеріальнаго положенія актеровъ того времени эти два примѣра, далеко не исключительные, достаточны. При этомъ долженъ сказать, что окладъ жалованья первыхъ артистовъ не у многихъ достигалъ опредѣленной цыфры 1.143, а большинство, какъ, напримѣръ, тотъ же Самаринъ, получалъ всего семьсотъ рублей, и прослужа 22 года, только по высочайшему повеленію, не въ примѣръ прочимъ, былъ награжденъ пенсіей, какъ артистъ перваго разряда, въ 1.143 рубля.

Матеріальные недостатки не вызывали въ актерахъ того времени никакихъ жалобъ и сѣтованій, даже мечта о полученіи бо̀льшихъ суммъ никѣмъ и никогда не высказывалась. Каждый зналъ предѣльную цыфру, на которую, идя извѣстнымъ порядкомъ, могъ разсчиты-

вать, и потому денежные вопросы не имѣли мѣста въ нашемъ кругу. До оставленія службы Верстовскимъ, труппа Малаго театра представляла изъ себя одну большую, дружную семью; конечно, при этомъ нельзя забывать о пословицѣ: „въ семьѣ не безъ урода“, но ихъ я оставляю въ сторонѣ. Общая любовь къ театру, сценѣ соединяла всѣхъ, особенно нашихъ стариковъ, съ дѣтства сжившихся другъ съ другомъ. Все это вмѣстѣ взятое отгоняло прочь всякіе иные интересы. А импровизованная аудиторія—кофейня Печкина—поддерживала стремленіе къ общему дѣлу. Каждый вечеръ или утро кто-нибудь изъ актеровъ, бывшій вчера въ кофейной, отдавалъ отчетъ о томъ, что говорилось, разбиралось на этомъ собраніи, и всѣ съ жадностью вслушивались въ сказанія нашихъ дорогихъ, незабвенныхъ учителей-наставниковъ. Такимъ бесѣдамъ посвящалось почти все свободное время, какъ на репетиціяхъ, такъ и въ спектакляхъ.

Любовь къ театру, къ сценѣ такъ была велика, что не мало примѣровъ, когда актеръ, покидая театръ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, какъ Г. С. Ольгинъ, Ѳ. Н. Усачевъ, не выживали и года послѣ отставки; не старость и болѣзнь вызывали эту преждевременную смерть, а тоска по сценѣ, какъ и констатировалась она докторами-психіатрами.

Интересно показать цыфры полученія жалованья мелкими актерами; можно только удивляться, какъ они могли существовать на такое содержаніе. Напримѣръ, очень многіе изъ нихъ получали по 48 рублей въ годъ, эта сумма медленно повышалась такимъ порядкомъ: 50, 75, 80, 100 и, наконецъ, доходила до 200 рублей въ годъ, что̀ считалось уже значительнымъ содержаніемъ. Только въ 1853 году дирекція поняла, что жить молодому человѣку или дѣвушкѣ на четыре рубля въ мѣсяцъ—невозможно, и 200 рублей въ годъ для вновь выпускаемыхъ экстерныхъ воспитанниковъ стало нормой.

Въ первой части моихъ записокъ, говоря о посѣтителяхъ Малаго театра, я назвалъ ихъ: „нашей публикой“. Теперь она замѣтно стала пополняться среднимъ купечествомъ и богатымъ мѣщанствомъ, уже не только на святкахъ и масляницѣ, а какъ постоянные посѣтители; благодаря имъ, и бенефисы актеровъ становились полнѣе; нерѣдко на долю даже средняго актера приходилось пятьсотъ и шестьсотъ рублей. Въ это же время дирекція рѣшила пополнить содержаніе и первыхъ актеровъ. Такъ какъ въ силу закона жалованье не могло быть увеличено, а между тѣмъ время брало свое, годъ отъ году все дорожало, жить и одѣваться на сцену прилично становилось прямо невозможнымъ,—дирекція рѣшила сдѣлать такъ: обойти жестокій законъ и хоть немного помочь выйти изъ тяжелаго положенія многихъ актеровъ, назначивъ для этого поспектакльную плату, но весьма

скромныхъ размѣровъ,—въ три рубля и исключительно для первыхъ актеровъ. Играя до ста спектаклей въ годъ, триста рублей, конечно, были значительной поддержкой для многихъ. Эта ничтожная цыфра въ скоромъ времени перевернула вверхъ дномъ всѣ отношенія между собой актеровъ, замолкли прежніе интересы къ любимому дѣлу. А незадолго до этого и аудиторія прекратила свое существованіе, освѣжающихъ притоковъ не стало, а старые уроки всѣ цѣликомъ были забыты и принесены въ жертву—тремъ рублямъ за спектакль. И изъ спокойнаго общаго настроенія получилось необыкновенное возбужденіе страстей, началась азартная игра, зависть, недружелюбіе замѣтно свивало себѣ гнѣздо, уготовляя его и для будущихъ поколѣній. Прежнія любимыя темы объ искусствѣ, литературѣ, о дѣлахъ сцены замѣнились разговорами о новомъ источникѣ дохода, такъ сильно поднявшемъ бюджетъ актера, и все неудержимо стало стремиться пополнить свое скудное содержаніе такимъ простымъ способомъ.

Разъ явилась эта лазейка обхода жестокаго параграфа, мало по малу, къ платѣ стали присоединяться и вторые, даже умѣлые—третьи актеры, и первоначальные три рубля выростали уже въ пять, семь, десять, пятнадцать и наконецъ достигли цыфры для первыхъ актеровъ—въ сорокъ пять рублей. А съ этимъ вмѣстѣ закралась и другая злоба дня; не проходило ни одного утра, вечера безъ жалобъ на то, что мѣсяцъ на исходѣ, а я всего сыгралъ семь разъ, тогда какъ раньше никогда не меньше 12, 15-ти. И, смѣшно, право, увѣряютъ, что этотъ мѣсяцъ я случайно не попалъ въ текущій репертуаръ!.. а почему же такой-то попадаетъ? То же должно быть—случайно!..

Все это высказывалось раздраженно, злобно. Однимъ словомъ, ни о чемъ иномъ разговоровъ больше не было.

„У васъ въ Маломъ театрѣ обрѣлась новая Калифорнія!..“ говорили служащіе въ Большомъ театрѣ, гдѣ этой платы не полагалось. И такъ, чѣмъ больше увеличивалось число получающихъ плату, тѣмъ тяжелѣе становилось молодежи и вообще всѣмъ не сумѣвшимъ ее получить. Каждый желалъ захватить роль, какая бы она ни была—все равно. Даже премьеры перестали пошвыривать неинтересными ролями, какъ бывало прежде, а брали все, стараясь доводить число разъ до двадцати въ мѣсяцъ. Все молодое опустило руки и тосковало безъ дѣла. Люди, преданные искусству, проклинали ужасную плату, которая не только остановила общее развитіе, а поселила еще непріязнь другъ къ другу. Благодаря этой платѣ, сцена потеряла очень много даровитыхъ людей.

Въ общество стали проникать вѣсти объ огромныхъ полученіяхъ актеровъ, и нерѣдко приходилось слышать отъ многихъ очень зажиточныхъ и образованныхъ людей о желаніи поступить въ театръ

особенно этими желаніями изобиловали матери взрослыхъ дочерей, каждая увѣряла, что ея дочь чувствуетъ страстное влеченіе къ драматическому искусству. Но пока все ограничивалось высказываніемъ сокровенныхъ мыслей, а въ сущности это было только начало того, что произошло впослѣдствіи.

Въ 1882 году была назначена высочайше утвержденная коммиссія по театральному вѣдомству; членами ея избраны три литератора: А. Н. Островскій, Д. В. Аверкіевъ и А. А. Потѣхинъ. Они и постановили слѣдующее: поспектакльную плату и бенефисы замѣнить опредѣленнымъ годовымъ жалованьемъ въ размѣрѣ: отъ 600 рублей до 12.000. Сумма 1.143 рубля считалась по-прежнему предѣльной, какую долженъ получать актеръ, а остальную считать дополнительной. Это раздѣленіе имѣло то соображеніе, чтобы пенсія не превышала законной суммы.

Говорятъ, „нѣтъ худа безъ добра“, значитъ, „нѣтъ и добра безъ худа“. Уничтоженіе поспектакльной платы и такія громадныя назначенія, какъ 12.000, замѣтно удовлетворило всѣхъ; молодежь опять стала входить въ дѣло, и казалось, что миръ и любовь сошли, наконецъ, къ намъ, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ не знавшимъ душевнаго покоя. Но это только казалось, актеры дѣйствительно успокоились, за то съ другой стороны надвигались бѣды и грозили еще болѣе важными послѣдствіями.

Общество, видя, что въ Калифорніи, какъ удачно назвали Малый театръ, артисты открыли еще болѣе богатыя розсыпи, тоже неудержимо стали стремиться попытать свои силы на театральныхъ подмосткахъ, гдѣ все такъ просто, „даромъ слова меня Богъ не обидѣлъ, возьми роль, выучи, разговаривай себѣ какъ по писанному и загребай золото пригоршнями, да еще плюсъ: неувядаемая слава. А тамъ глядишь, и памятникъ!.. Это тоже чего-нибудь да стоитъ“.

Точно такими словами, съ великимъ убѣжденіемъ и полной увѣренностью, доложилъ мнѣ нѣкій развязный джентльменъ. Я сначала не понялъ о какомъ памятникѣ онъ говоритъ? А когда спросилъ, какой памятникъ? то получилъ очень интересный отвѣтъ: „А Щепкину-то!..“. Тутъ только я вспомнилъ изреченіе: „плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ“.

Второй экземпляръ: одна интеллигентная мамаша, опредѣляя дочь на драматическіе курсы, пресерьезно доказывала мнѣ, что нигдѣ такъ хорошо нельзя устроиться молодой интеллигентной дѣвушкѣ, какъ въ Маломъ театрѣ. „Конечно, я не говорю о такихъ суммахъ, какія получаютъ, напримѣръ—Ермолова или Ѳедотова!.. но хоть положимъ пять тысячъ!.. А назовите мнѣ, гдѣ на другой службѣ она можетъ получать такую сумму“?..

Вразумлять такихъ мамашъ мудрено, да и расплодилось ихъ великое множество. Консерваторія, Филармоническое общество не въ силахъ были вмѣстить всѣхъ желающихъ и съ ума сходящихъ отъ любви и страсти къ драматическому искусству, чѣмъ, конечно, не преминули воспользоваться „ловкіе да умные люди“. Открылась цѣлая масса драматическихъ школъ, съ преподаваніемъ мимики, дикціи, пластики, гримировки и кромѣ этого множества вздорныхъ, совсѣмъ ненужныхъ предметовъ. Пользуясь непониманіемъ учащихся ихъ, бѣдняжекъ заставляли размазывать свои физіономіи красками по указанію ловкихъ преподавателей. И кто, кто не открывалъ этихъ классовъ-ловушекъ!.. Одинъ, пользуясь своимъ болѣе или менѣе извѣстнымъ именемъ, другой тѣмъ, что произвелъ впечатлѣніе въ какой-то роли на домашнемъ спектаклѣ, третій—самъ долго учился у знаменитости и ничему не выучился, такъ какъ съ позоромъ былъ изгнанъ изъ провинціи по бездарности и неприложимости къ сценѣ.

Вотъ къ чему привело открытіе Калифорніи и вотъ, что создала она: цѣлыя дивизіи актеровъ и актрисъ, вѣчно чающихъ наткнуться наконецъ на золотую жилу, т. е. устроиться тамъ, гдѣ существуетъ истинная Калифорнія.

Еще при назначеніи поспектакльной платы, которая годъ отъ году росла и увеличивалась, стала замѣчаться нѣкоторая излишняя роскошь на сценѣ въ дамскихъ нарядахъ и, съ увеличеніемъ платы, увеличилась и роскошь, а послѣ назначенія огромныхъ окладовъ она приняла уже совсѣмъ не желанные размѣры; во многихъ случаяхъ даже въ ущербъ правдѣ. Между тѣмъ „образцовая сцена“, какъ много разъ приходилось слышать этотъ отзывъ о ней, послужила указкой и для провинціи; тутъ вся забота отдавалась уже исключительно однимъ нарядамъ, и вмѣсто художественнаго творчества получилась какая-то выставка модныхъ платьевъ на сценѣ. Конечно, только въ такое смутное время и могла возродиться оперетка,—это незаконное дѣтище истиннаго искусства.

Сколько зла принесла она, разжигая своими циническими пріемами, поощряя разгулявшіяся страсти своихъ неразборчивыхъ посѣтителей!

Такое сосѣдство съ драмой и оперой не могло не отразиться вредно и на ихъ дѣлѣ.

Вотъ куда привели тѣ задачи, для разрѣшенія которыхъ пожертвовалъ всей своей жизнью основатель театра Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.

П. Р.

Восточная политика Наполеона.

V [1]).

Наполеонъ ждалъ отъ Персіи болѣе важныхъ услугъ; переговоры, которые онъ велъ съ этой державою въ Финкенштейнѣ, были вызваны обширными планами, направленными не только противъ Россіи, но и противъ Англіи, въ коихъ вылилась вся сущность его политики въ данный моментъ.

Первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ самимъ Фетъ-Али-ханомъ, который нуждался въ Наполеонѣ гораздо больше, нежели императоръ въ немъ. Когда грузинскій царь Ираклій II отдался, въ 1783 г., подъ покровительство Россіи и она ввела, послѣ его смерти, въ Грузію свои войска, то персидскій шахъ отказался признать протекторатъ Россіи надъ Грузіей, весьма естественно опасаясь вмѣшательства могущественной сосѣдней державы въ дѣла Закавказья.

Императоръ Александръ I также обратилъ вниманіе на Грузію и рѣшилъ упрочить въ ней русское владычество. Персы долгое время оказывали ему упорное противодѣйствіе не потому, что они были сильны, но потому, что Россія была въ то время занята дѣлами Западной Европы, собиралась заключить третью коалицію противъ Наполеона и не могла дѣйствовать особенно энергично.

Война съ Персіей, начавшаяся въ 1803 г., велась вяло, прерывалась перемиріями, продолжавшимися по нѣсколько мѣсяцевъ, коими новый шахъ Фетъ-Али не съумѣлъ воспользоваться, такъ какъ войско его было очень плохо. Его сынъ и наслѣдникъ престола Аббасъ-

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1905 г.

Мирза, принимавшій участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, былъ разбитъ русскими войсками при Аскеранѣ, 25-го іюня 1806 г., и Персія потеряла Баку и весь Дагестанъ; тѣмъ не менѣе она продолжала отстаивать свои права на Грузію и на бассейнъ рѣки Куры.

Фетъ-Али искалъ помощи у Англіи, которая потребовала въ вознагражденіе острова Харекъ и порты на Персидскомъ заливѣ. Но это требованіе показалось шаху чрезмѣрнымъ. Къ тому же союзъ, заключенный въ это время Россіей и Англіей противъ Франціи, разстроилъ планы тегеранскаго правительства.

Тогда шахъ обратился за помощью къ Наполеону.

„Русскій царь не подумалъ о томъ, что воробей не можетъ поселиться въ гнѣздѣ сокола и что логовище льва не можетъ служить убѣжищемъ для газели"—писалъ онъ Наполеону въ декабрѣ мѣсяцѣ 1804 г.—„произошли большія сраженія, наши храбрыя войска, привыкшія къ побѣдамъ, напали на врага съ саблями, шпагами, кинжалами и копьями. Двѣнадцать тысячъ русскихъ убито, остальные обращены въ бѣгство; будущей весною персы вторгнутся въ Россію и, если французы сдѣлаютъ то же, то они встрѣтятъ тамъ персовъ".

Все это было, конечно, преувеличено, но вѣдь нужно же было доказать Наполеону, что ему предлагали выгодный союзъ.

Вначалѣ Наполеонъ не обратилъ вниманія на предложенія персидскаго шаха; онъ не имѣлъ времени думать о возвращеніи Грузіи персамъ, хотя читалъ съ интересомъ донесенія Эскалона, французскаго коммерсанта изъ Константинополя, въ коихъ говорилось, что союзъ Франціи съ Персіей могъ подорвать бы англійскую торговлю въ Индіи. Наконецъ, Наполеонъ рѣшилъ послать въ Персію своихъ дипломатическихъ агентовъ, чтобы завязать съ нею правильныя торговыя сношенія.

Въ 1807 г. шахъ, чтобы ускорить исполненіе своихъ желаній, послалъ къ Наполеону чрезвычайнымъ посломъ Мирза-Ризу-хана, который убѣдился вскорѣ въ томъ, что императоръ былъ не прочь заключить съ Персіей настоящій союзъ. И, дѣйствительно, Наполеонъ успѣлъ уже взвѣсить размѣръ тѣхъ услугъ, какія могла ему оказать Персія, и рѣшилъ воспользоваться ими.

3-го апрѣля онъ писалъ шаху, что онъ побилъ массу русскихъ, пришедшихъ съ береговъ Дона, что Персіи необходимо соединиться съ султаномъ Селимомъ, врагомъ Россіи, и воспрепятствовать сношеніямъ англичанъ съ Индіей.

Тогда же Наполеонъ вызвалъ въ Финкенштейнъ Жобера, ѣздившаго въ 1805 г. съ дипломатической миссіей въ Персію, и приказалъ ему представить обстоятельный отчетъ объ этой миссіи. По разсказамъ Жобера, выѣхавъ 15-го мая 1805 г. изъ Константинополя, онъ

былъ задержанъ турками на персидской границѣ и заключенъ въ Баязетѣ въ подземную темницу, гдѣ онъ пробылъ восемь мѣсяцевъ. Когда же было получено извѣстіе о побѣдѣ подъ Аустерлицомъ, то онъ былъ освобожденъ и получилъ дозволеніе ѣхать далѣе. Въ Персіи его приняли съ распростертыми объятіями; такъ какъ „имя Бонапарта было уже столь велико, какъ и имя Александра; его называли не иначе, какъ великимъ императоромъ, и полагали, что онъ призванъ судьбою измѣнить физіономію Востока".

„Со времени восшествія на престолъ Фетъ-Али, въ Персіи царствуетъ порядокъ", говорилъ Жоберъ. „Главная армія, коей командуетъ Аббасъ-Мирза, состоитъ изъ очень смѣшаннаго элемента... но она многочисленна и храбра. За послѣдніе три года русскіе не могли одержать надъ ней никакой побѣды и не могли даже взять Эривани, которая защищена лишь земляными окопами и небольшими рвами; русскіе каждую осень возвращаются на зимнія квартиры въ Тифлисъ, куда они внесли распущенность нравовъ, которая считается въ Петербургѣ признакомъ европейской цивилизаціи.

„Персія ведетъ постоянныя торговыя сношенія съ Самаркандомъ, Бухарою, Тибетомъ, Кандагаромъ и Индіей. На базарахъ Тегерана можно встрѣтить болѣе 20.000 индусовъ, и всѣ они преисполнены ненависти къ англичанамъ".

Всѣ эти свѣдѣнія показались Наполеону благопріятными, и поэтому онъ принялъ весьма благосклонно персидскаго посла, который прибылъ въ Финкенштейнъ 26-го апрѣля.

Въ сущности, въ тотъ моментъ, Наполеонъ столько же нуждался въ Персіи, сколько эта держава нуждалась въ немъ; поэтому соглашеніе между ними легко могло состояться. Императоръ готовился къ рѣшительной борьбѣ съ Россіей: сопротивленіе, встрѣченное имъ съ стороны, показывало, что предстоящая кампанія будетъ сопряжена съ большими трудностями и могла затянуться надолго.

Поэтому нельзя было ничѣмъ пренебрегать и, въ то время, какъ Турція могла произвести диверсію на Дунаѣ, Персія могла со своей стороны отвлечь русскія силы на Кавказѣ, вслѣдствіе чего уменьшилось бы количество войскъ, кои Александръ I могъ сосредоточить на Вислѣ.

Фетъ-Али былъ не прочь взять на себя эту роль, но Наполеонъ ожидалъ отъ него бо́льшаго. Онъ разсчитывалъ, что союзъ съ Персіей дастъ ему возможность, если не помѣриться силами съ Англіей въ Индіи, то по крайней мѣрѣ потревожить ее и заставить ее послать свои войска въ Индію. Со времени похода въ Египетъ, воображеніе рисовало ему Индъ и Гангъ, какъ мѣстность, гдѣ могъ быть нанесенъ ударъ англійскому владычеству.

Для осуществленія этихъ, въ то время еще довольно туманныхъ, плановъ, Персія могла быть очень полезна Наполеону. Она могла отвлечь вниманіе англичанъ отъ Европы. Этимъ объясняется поспѣшность, съ какою были имъ начаты переговоры съ Персіей и заключеніе 4-го мая 1807 г. Финкенштейнскаго договора, коимъ Наполеонъ гарантировалъ неприкосновенность персидской территоріи, призналъ ея владѣтельныя права на Грузію и обязался употребить всѣ усилія дабы заставить Россію вывести оттуда свои войска. Франція со своей стороны обязывалась доставить Персіи столько полевыхъ орудій, ружей, артиллерійскихъ, инженерныхъ и пѣхотныхъ офицеровъ, сколько потребуетъ шахъ „для оборудованія своихъ крѣпостей и организаціи персидской артиллеріи и пѣхоты согласно новѣйшимъ требованіямъ европейскаго военнаго искусства“.

Персидскій шахъ обязывался прекратить всякія политическія и торговыя сношенія съ Англіей, объявить ей войну, захватить ея товары въ своихъ портахъ, присоединиться къ континентальной системѣ и употребить все свое вліяніе къ тому, чтобы побудить афганцевъ и прочія племена, населявшія Кандагаръ, вооружиться противъ Англіи и, наконецъ, двинуть свои войска въ англійскія владѣнія въ Индіи и оказать вооруженную помощь и содѣйствіе французской эскадрѣ, если бы таковая появилась въ Персидскомъ заливѣ, и французскому войску, если бы оно было послано въ Индію.

Отсутствіе въ Финкенштейнскомъ договорѣ какихъ-либо статей, касающихся военныхъ дѣйствій Персіи противъ русскихъ, и множество пунктовъ, касающихся Англіи, даютъ право заключить, что Наполеонъ былъ въ то время болѣе всего занятъ мыслію о томъ, чтобы нанести ударъ Англіи. Между тѣмъ Фетъ-Али, вступая въ союзъ съ Франціей, имѣлъ въ виду преимущественно Россію. Въ этомъ крылось недоразумѣніе, которое сказалось весьма скоро.

Еще до заключенія Финкенштейнскаго договора Наполеонъ рѣшилъ послать въ Тегеранъ чрезвычайное посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ-адъютантъ Гарданъ; въ то же время въ Персидскій заливъ было послано два фрегата съ подарками для шаха и его министровъ и съ ружьями и пушками для персидскаго войска. Двѣнадцать тысячъ хорошо вооруженныхъ солдатъ подъ предводительствомъ французскаго генерала могли, по мнѣнію Наполеона, сыграть видную роль въ улаженіи дѣлъ на Востокѣ и произвести ошеломляющее впечатлѣніе на англичанъ и русскихъ.

Пріѣздъ Мирза-Ризы и заключеніе франко-персидскаго договора нѣсколько замедлили отъѣздъ Гардана, но не измѣнили характера его миссіи.

Гардану было поручено повліять на персидское правительство въ

томъ смыслѣ, чтобы оно предприняло какъ можно скорѣе наступательныя дѣйствія противъ Россіи, согласилось дѣйствовать совмѣстно съ турками и дало бы обѣщаніе не заключать съ Россіей отдѣльнаго мира. Въ особенности Гардану было приказано, менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца, какъ можно подробнѣе изучить Персію и разъяснить шаху опасность, какой угрожало ему столь близкое владычество англичанъ. Словомъ, миссія Гардана должна была расчистить Франціи путь въ Индію.

Наполеонъ полагалъ, что къ тому времени, когда эта цѣль будетъ достигнута, онъ успѣетъ покончить съ Россіей; ея могущество будетъ сломлено и она будетъ вынуждена содѣйствовать ему въ его планахъ противъ Англіи.

Въ то время какъ Гарданъ направлялся въ Персію, французы заняли (24-го мая 1807 г.) Данцигъ и нанесли (14-го іюня) русскимъ пораженіе подъ Фридландомъ, что̀ дало имъ возможность занять Кёнигсбергъ и даже угрожать русской границѣ. Между тѣмъ въ Константинополѣ совершилась революція, свергшая съ престола султана Селима, и Наполеонъ могъ нарушить обязательства, принятыя имъ по отношенію къ Турціи, которой угрожала, повидимому, гибель.

Рущукскій паша Мустафа Байрактаръ отказался отъ мысли напасть на русское войско и отступилъ къ Дунаю. Оборонительный планъ дѣйствій, подготовленный Селимомъ, былъ оставленъ, и подъ руководствомъ генерала Себастіани былъ выработанъ новый планъ, угрожавшій русскимъ въ придунайскихъ княжествахъ. Согласно этому плану, правое крыло турокъ должно было опереться на Галацъ, при устьѣ Дуная; наиболѣе сильная часть ихъ арміи, перейдя Дунай, должна была двинуться къ Бухаресту и отрѣзать отступленіе правому флангу русскихъ, которые, подъ начальствомъ генерала Исаева, угрожали Виддину съ запада и пытались соединиться съ возставшими сербами, которые овладѣли Бѣлградомъ. Генералъ Михельсонъ, крайне встревоженный, началъ эвакуировать Бухарестъ.

Но атака турокъ была сломлена въ центрѣ, вслѣдствіе возмущенія янычаръ. Они отступили къ рѣкѣ, преслѣдуемые по пятамъ генераломъ Милорадовичемъ. Исаевъ, успокоившись за свои сообщенія съ центромъ, двинулся снова къ Неготину, чтобы придти на помощь Кара-Георгію и сербамъ, что̀ ему и удалось; онъ перешелъ 29-го іюня рѣку и соединился съ сербами у Паланки. 2-го іюля онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Гидрисъ-пашою и вынудилъ его запереться въ Неготинѣ, который онъ обложилъ.

Русская и сербская арміи занимали теперь длинную коммуникаціонную линію отъ устьевъ Дуная до границъ Босніи и Албаніи. Никогда еще русскіе не проникали такъ далеко въ глубь Оттоманской

имперіи; вся сѣверная граница Турціи была обнажена; русскіе даже перешли Дунай въ одномъ пунктѣ и угрожали лѣвому флангу охранявшаго его турецкаго войска.

Диверсія со стороны Турціи, на которую разсчитывалъ Наполеонъ, не удалась. Правый флангъ великой арміи не выполнилъ своей задачи.

Трудно повѣрить, чтобы Наполеонъ думалъ когда-либо о заключеніи съ Турціей прочнаго союза, безъ всякой задней мысли, внушенной ему честолюбивыми планами. Очевидно, онъ видѣлъ въ ней лишь средство необходимое для его военныхъ цѣлей и воспользовался имъ тогда, когда рѣшилъ нанести Россіи рѣшительный ударъ.

Себастіани, посланный въ Константинополь въ началѣ кампаніи 1806 г., добился разрыва между Портой и Россіей въ тотъ моментъ, когда французская армія вступила въ Польшу; всѣ дипломатическія традиціи французской монархіи, основанныя на союзѣ Турціи съ Польшею, входили въ стратегію императора Наполеона, который отнюдь не былъ сторонникомъ возстановленія старыхъ національностей и не стремился возродить или призвать къ жизни отжившіе народы.

Поляки, по мнѣнію Наполеона, не обладали достаточно зрѣлымъ политическимъ умомъ, чтобы получить независимость; а у турокъ не было ни одного изъ качествъ, которыя дали бы имъ возможность вернуть свое былое величіе. Подобно большинству современниковъ, Наполеонъ вѣрилъ въ близкое паденіе Оттоманской имперіи и не считалъ Турцію способной противодѣйствовать натиску Россіи; событія доказали справедливость этого взгляда.

Но пока Наполеону приходилось вести войну съ Россіей и съ Англіей, онъ всѣми силами старался предотвратить паденіе Турціи, чтобы не дать врагамъ, поставленнымъ въ болѣе благопріятныя условія, случая подѣлить наслѣдіе Оттоманской имперіи; онъ старался напротивъ вдохнуть жизнь въ ея одряхлѣвшее тѣло, чтобы она могла хотя временно помѣшать англичанамъ и русскимъ властвовать на Востокѣ, подобно тому, какъ онъ властвовалъ на Западѣ; это ему удалось, и миссія Себастіани была въ своемъ родѣ торжествомъ политики Наполеона. Опасность миновала, Россія понесла пораженіе подъ Фридландомъ и съ Турціей болѣе нечего было церемониться. Теперь Наполеонъ возлагалъ большія надежды на союзъ съ Россіей: возможно ли было отказаться отъ нихъ ради Турціи? Онъ не колебался ни минуты. Турція и Франція были врагами Россіи и Англіи, но это не означало, что онѣ должны быть союзницами. При томъ Наполеонъ не заключилъ никакого письменнаго обязательства съ султаномъ или хотя бы турецкимъ посланникомъ Эминъ-эффенди,

который слѣдовалъ за главной квартирой Великой арміи. Къ тому же Эминъ-эффенди не былъ сторонникомъ союза съ Франціей, и переговоры, которые были начаты между нимъ и Коленкуромъ въ Тильзитѣ, въ первыхъ числахъ іюня, вскорѣ послѣ константинопольскаго переворота, не привели ни къ чему. Франція и Турція не связали себя никакими письменными обязательствами.

Хотя Наполеонъ и писалъ нѣкогда „своему другу Селиму“ дружескія письма, каковыя могли имѣть между монархами силу обязательствъ, но они теряли всякое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Селимъ былъ свергнутъ съ престола, и Наполеонъ могъ дѣлать видъ, что онъ опечаленъ несчастіемъ, постигшимъ его „друга“, и откажетъ даже въ дружбѣ его преемнику, который держалъ Селима въ тюрьмѣ и угрожалъ ему смертью. Такимъ образомъ „дружба съ Селимомъ“ могла совершенно естественно быть поводомъ къ разрыву съ новымъ султаномъ.

Разумѣется, Наполеонъ не питалъ лично никакой дружбы къ Селиму, ибо онъ даже не зналъ его лично. Онъ любилъ въ его лицѣ султана, который могъ быть ему полезенъ въ войнѣ съ Россіей. Переворотъ, совершившійся въ Константинополѣ въ маѣ мѣсяцѣ, былъ для Наполеона удобнымъ предлогомъ оправдать внезапную перемѣну его политики. Союзъ съ Портой былъ вызванъ извѣстными обстоятельствами; когда онѣ миновали, то императоръ отказался отъ него безъ малѣйшаго сожалѣнія, довольный тѣмъ, что у него былъ поводъ худо ли хорошо объяснить свой поступокъ.

Впрочемъ, его сношенія съ Портою не были прерваны тотчасъ; они продолжались еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наполеонъ жертвовалъ Турціей, чтобы войти въ соглашеніе съ Россіей, но не настолько, чтобы дать царю возможность осуществить его честолюбивые планы на Константинополь и проливы. Онъ пользовался своими бывшими и вновь пріобрѣтенными союзниками для того, чтобы сдерживать тѣхъ и другихъ, насколько это было нужно для его цѣлей.

Хотя Наполеона трудно оправдать съ нравственной точки зрѣнія за то, что онъ измѣнилъ въ Тильзитѣ Турціи, но съ другой стороны не слѣдуетъ преувеличивать послѣдствій этой измѣны, на которую Порта въ свое время горько жаловалась. Быть можетъ, тильзитскій миръ былъ даже спасеніемъ для Турціи.

Современники не поняли истинной мысли Наполеона по отношенію къ турецкому вопросу. Подъ впечатлѣніемъ его похода въ Египетъ, видя, что Наполеонъ старался заключить съ Россіей миръ, многіе полагали, что онъ не только готовъ былъ допустить раздѣлъ Турціи, но даже хотѣлъ ускорить ея паденіе; въ доказательство этого приводили фактъ присоединенія къ Франціи Далмаціи. Во время тиль-

зитскаго свиданія общественное мнѣніе склонялось къ тому, что насталъ моментъ раздѣла Турціи, и что это составляло сокровенную цѣль политики французскаго императора.

Министръ Фридриха-Вильгельма III, Гарденбергъ, видѣлъ въ этомъ даже спасеніе Пруссіи и полагалъ, что это дастъ ему возможность играть въ Тильзитѣ видную роль при переговорахъ. 23-го іюня, еще до перваго свиданія царя съ Наполеономъ, онъ представилъ Александру I общій планъ замиренія, въ полной увѣренности, что онъ будетъ положенъ въ основу переговоровъ.

Согласно этому плану, предполагалось раздѣлить Турецкую имперію слѣдующимъ образомъ: Россіи предоставлялась Молдавія, Валахія, Болгарія, Румелія, Константинополь и проливы; Австріи—Далмація, Боснія и Сербія; Франціи—Греція и Іоническіе острова. Такимъ образомъ, Австрія и Россія, такъ же точно, какъ Пруссія, могли бы отказаться отъ своей части въ Польшѣ, которая была бы возстановлена и предоставлена саксонскому королю.

Вырабатывая этотъ планъ, Гарденбергъ воображалъ, что онъ выполняетъ этимъ одно изъ самыхъ завѣтныхъ желаній Наполеона.

Столь смѣлый планъ, свидѣтельствовавшій объ удивительной настойчивости, съ какою прусскій государственный дѣятель мечталъ объ увеличеніи монархіи Гогенцоллерновъ въ тотъ моментъ, когда самому существованію Пруссіи угрожала опасность, когда у Фридриха-Вильгельма III не было болѣе ни арміи, ни королевства, не удостоился одобренія Наполеона, который въ одно изъ первыхъ же свиданій съ королемъ прусскимъ заявилъ ему со свойственной ему рѣзкостью и рѣшительностью, что Гарденбергъ не пользуется его довѣріемъ и что онъ желалъ бы, чтобы представителемъ короля въ Тильзитѣ явился другой уполномоченный и что въ интересахъ самой Пруссіи ей слѣдовало бы даже имѣть первымъ министромъ другое лицо. И Гарденбергъ не только не принималъ никакого участія въ переговорахъ въ Тильзитѣ, но даже долженъ былъ оставить на нѣсколько мѣсяцевъ постъ перваго министра.

Въ моментъ свиданія императоровъ въ Тильзитѣ русское правительство, подъ вліяніемъ пораженія, понесеннаго русскими войсками подъ Фридландомъ, было готово принести нѣкоторыя жертвы и не могло, тотчасъ послѣ этого пораженія, думать о тѣсномъ сближеніи съ Франціей. Большинство совѣтниковъ Александра рѣшительно отвергали всякую мысль о союзѣ съ Наполеономъ.

Вотъ почему царь, желая прежде всего возстановить права короля прусскаго, выказывалъ готовность придти къ соглашенію съ Портой: соглашался отказаться отъ нѣкоторыхъ преимуществъ, обезпеченныхъ Россіи послѣдними договорами, отъ права для русскихъ военныхъ

судовъ свободнаго прохода чрезъ проливы, равно отъ своего права назначать господарей Молдавіи и Валахіи и соглашался очистить Придунайскія княжества, Іоническіе острова, Бокка-ди-Каттаро и отозвать свои суда изъ Средиземнаго моря.

Цѣною этихъ уступокъ онъ могъ избѣгнуть союза съ Франціей, къ которому у него тогда еще не лежало сердце и противъ котораго энергично возставалъ канцлеръ, баронъ Будбергъ и почти все русское дворянство.

Желая узнать тайныя намѣренія Наполеона, Александръ былъ не прочь побесѣдовать съ нимъ относительно положенія Оттоманской имперіи и ея возможнаго распаденія, выслушать предложенія Наполеона, и если бы онѣ оказались выгодными, вступить въ союзъ съ Франціей, пересиливъ свое отвращеніе къ нему и отвращеніе окружающихъ.

Наполеонъ дѣйствительно желалъ союза съ Россіей, но не хотѣлъ подписать съ нею договора, который создалъ бы изъ нея такого же врага Франціи, какимъ была Пруссія и Австрія. Онъ хотѣлъ заключить съ Александромъ дружеское соглашеніе противъ Англіи, хотѣлъ привлечь его къ своей „системѣ“. Баронъ Будбергъ не былъ подходящимъ человѣкомъ для подобнаго рода переговоровъ, и царь удовлетворилъ желаніе Наполеона, поручивъ ихъ князю Куракину. Но въ сущности переговоры велись самими монархами; министры были этотъ разъ только ихъ секретарями. Многія бесѣды происходили между ними даже съ глаза на глазъ.

Наполеонъ съ первыхъ же словъ заговорилъ о Востокѣ, объ Оттоманской имперіи, о необходимости неустанно слѣдить за ней, о предстоявшей монархамъ цивилизаторской миссіи, которая могла быть осуществлена изгнаніемъ изъ Европы турецкихъ варваровъ.

Говоря о необходимости возродить Востокъ, Наполеонъ былъ вполнѣ искренень. Но все же главною его цѣлью при этомъ было снискать расположеніе молодаго царя; онъ хотѣлъ связать его судьбу со своею, прельстить его перспективой блестящихъ побѣдъ и доказать ему всю выгоду союза съ Франціей.

О переворотѣ, совершившемся въ Константинополѣ, въ послѣднихъ числахъ іюня, Наполеонъ узналъ отъ своего посланника въ Вѣнѣ. Въ первый моментъ онъ приписалъ этотъ переворотъ внутреннимъ раздорамъ и полагалъ, что это не измѣнитъ относительно его политику Порты.

Первыя депеши Себастіани повергли Наполеона въ гнѣвъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали ему необходимый предлогъ считать себя свободнымъ отъ обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ Портѣ. Извѣстіе о переворотѣ вызвало восторгъ среди всѣхъ лицъ, которыя

смотрѣли недоброжелательно на усиленіе французскаго вліянія въ Турціи, французамъ были нанесены въ разныхъ мѣстахъ оскорбленія; и новый султанъ не позаботился даже извѣстить французскаго посланника о своемъ вступленіи на престолъ.

Все это не могло не вызвать неудовольствія Наполеона, и онъ былъ въ правѣ полагать, что ему нельзя долѣе разсчитывать на союзъ съ Турціей. И однажды, въ тотъ моментъ, когда онъ производилъ въ Тильзитѣ вмѣстѣ съ Александромъ смотръ войскамъ, Наполеономъ были получены депеши изъ Константинополя, которыя онъ тотчасъ показалъ своему новому другу.

„Вотъ, сказалъ онъ, велѣніе судьбы, изъ коего я вижу, что Турецкая имперія должна прекратить свое существованіе“.

Въ тотъ вечеръ они долго бесѣдовали о Константинополѣ и о великихъ дѣлахъ, которыя они могли бы тамъ совершить. Александръ былъ окончательно побѣжденъ; вопросъ о существованіи Турціи былъ поднятъ самою судьбою, и онъ не могъ рѣшить его безъ помощи Наполеона. Онъ всей душою предался союзу съ Франціей. Наполеонъ окончательно обворожилъ его.

Вышеразсказанная сцена съ упоминаніемъ о „велѣніи судьбы“ принадлежала вѣроятно къ числу тѣхъ театральныхъ эффектовъ, устраивать которые Наполеонъ былъ большой мастеръ, когда онъ хотѣлъ произвести на слушателя извѣстное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ, что царь относился съ недовѣріемъ къ его заманчивымъ предложеніямъ относительно Востока. И въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ вступилъ въ соглашеніе съ султаномъ, достигъ въ Константинополѣ блестящихъ успѣховъ, побѣдилъ вліяніе Россіи, и вдругъ онъ отказывался отъ союза съ султаномъ и отъ всей своей предшествующей политики? Александру трудно было повѣрить, чтобы все это было вполнѣ искренно. Но, узнавъ о сверженіи Селима и услыхавъ, съ какимъ раздраженіемъ Наполеонъ говорилъ о константинопольскихъ событіяхъ, императоръ повѣрилъ, что Наполеонъ рѣшилъ окончательно порвать съ Портою, и сталъ прислушиваться къ его заманчивымъ проектамъ относительно раздѣла Турціи и необходимости оттѣснить „варваровъ-турокъ“ въ Азію и согласился заключить съ нимъ союзъ. Наполеонъ такъ хорошо умѣлъ убѣждать, что и историки вслѣдъ за царемъ повѣрили, что императоръ французовъ мечталъ о раздѣлѣ Турціи между Франціей и Россіей.

Александръ хотѣлъ тотчасъ приступить къ выясненію частностей той политики, къ которой Наполеонъ привлекалъ его, но послѣдній уклонился отъ этого, сославшись на то, что ему предстояло рѣшить предварительно множество вопросовъ, которые не оставляли ему полной свободы дѣйствій на Востокѣ. Прежде всего, говорилъ онъ, на-

добно было организовать Европу, надобно было дать конституцію Германіи, великому герцогству Варшавскому, довершить организацію Неаполитанскаго королевства, развить континентальную систему, привлечь къ ней Австрію, Данію, Швецію, Португалію, Испанію и выждать, какъ отнесется Англія къ этой угрозѣ.

Вступая въ союзъ съ Наполеономъ, Александръ I имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Турцію, тогда какъ Наполеонъ несомнѣнно думалъ болѣе всего объ Англіи. Ихъ интересы не сошлись, и это было причиною возникшихъ между ними впослѣдствіи несогласій.

Наполеонъ хотѣлъ унизить Англію, въ этомъ заключалась для него самая настоятельная необходимость. Вотъ почему онъ забросалъ своего новаго союзника обѣщаніями; согласился даже облечь ихъ въ форму конкретныхъ обязательствъ, отложивъ только ихъ осуществленіе до болѣе удобнаго времени. Вотъ почему главныя статьи Тильзитскаго договора касаются преимущественно устройства новаго Прусскаго королевства.

Возстановленіе власти Фридриха-Вильгельма III было первымъ залогомъ дружбы Наполеона къ Александру I; такъ по крайней мѣрѣ представлялъ это Наполеонъ; въ 4 ст. Тильзитскаго договора было подробно оговорено, что императоръ Наполеонъ изъявилъ согласіе возвратить королю прусскому, союзнику е. в. императора всероссійскаго, большую часть его провинцій единственно изъ уваженія къ императору всея Россіи и въ доказательство его искренняго желанія связать оба народа узами несокрушимаго довѣрія и дружбы.

Любопытно остановиться подробнѣе на тѣхъ пунктахъ Тульзитскаго договора, которые касались Турціи.

Въ силу статьи 21-й, непріязненныя дѣйствія между войсками его величества императора всероссійскаго и войсками е. в. султана должны были немедленно прекратиться. По статьѣ 22-й, русскія войска должны были очистить Молдавію и Валахію; но означенныя провинціи не могли быть заняты войсками султана до обмѣна ратификацій предстоявшаго мирнаго договора, который имѣлъ быть заключенъ между Россіей и Портой. Въ силу статьи 23-й, е. в. императоръ всероссійскій согласился на посредничество императора французовъ, при веденіи переговоровъ и заключеніи обѣими имперіями выгоднаго и почетнаго мира.

Въ статьѣ 24-й говорилось, что срокъ, въ каковой обѣ высокія договаривающіяся стороны будутъ обязаны вывести свои войска изъ тѣхъ мѣстъ, которыя онѣ должны очистить въ силу договора, будетъ опредѣленъ особымъ соглашеніемъ, равно какъ и способъ выполненія различныхъ пунктовъ договора.

Все это было совершено понятно со стороны Наполеона, который

заботился о томъ, чтобы заключенный имъ договоръ доставилъ нѣкоторыя выгоды Турціи. Правда, ей не возвращали Крыма и Черноморскаго побережья, хотя это было неоднократно обѣщано Наполеономъ въ его письмахъ къ Селиму. Но Порта, собственно говоря, такъ мало содѣйствовала заключенію мира, что она и не могла особенно претендовать на это. Все же Наполеонъ поступилъ, какъ вѣрный и преданный союзникъ, выговоривъ, чтобы Портѣ были возвращены утраченныя ею провинціи. Но онъ далъ понять Александру въ разговорѣ—и царь твердо запомнилъ его слова, что онъ не будетъ настаивать на фактической эвакуаціи русскихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи; однако это не было включено въ письменныя условія договора, а между тѣмъ Наполеонъ долгое время отказывался признавать какія-либо иныя обязательства, кромѣ точнаго смысла письменнаго договора, всѣ статьи коего могли быть сообщены Портѣ.

Между тѣмъ существовали „дополнительныя секретныя“ статьи договора, въ коихъ было оговорено, что русскія войска обязуются передать французамъ мѣстность, извѣстную подъ названіемъ Бокка-ди-Каттаро, и что Іоническіе острова переходятъ въ полную собственность и подъ верховную власть императора Наполеона.

Себастіани было приказано держать эти статьи въ секретѣ отъ Порты, такъ какъ онѣ могли вызвать ея вполнѣ понятное удивленіе. Семь Іоническихъ острововъ составляли съ 1801 г. отдѣльную республику, подчиненную совмѣстному протекторату Порты и Россіи. Султанъ могъ быть недоволенъ, что его верховныя права были нарушены тогда, какъ онъ не принималъ никакого участія въ переговорахъ; появленіе же французовъ на побережьѣ Балканскаго полуострова и видимое желаніе Франціи вмѣшиваться въ судьбы Оттоманской имперіи могло возбудить фанатизмъ мусульманъ противъ христіанъ, слѣдовательно, было необходимо держать эти дополнительныя статьи въ тайнѣ отъ Порты, между тѣмъ обнародованныя статьи Тильзитскаго договора не гарантировали Александру никакихъ серьезныхъ выгодъ, и поэтому неудивительно, что общественное мнѣніе Россіи не одобрило ихъ. Всѣ видѣли жертвы, которыя приносила Россія, отказываясь отъ Придунайскихъ княжествъ и отъ побережья Средиземнаго моря, но никто не видѣлъ, какія выгоды она получила за это. Всѣ удивлялись внезапной любви Александра къ Наполеону и не мудрено: условія Тильзитскаго договора сводились къ тому, что Россія теряла свое положеніе на побережьѣ Балканскаго полуострова и въ княжествахъ а Порта освобождалась отъ всякаго вліянія и давленія со стороны Россіи.

Наполеонъ заставилъ Россію уступить и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечилъ себя ея помощью противъ Англіи—въ этомъ заключалась самая

существенная черта Тильзитскаго договора. Но Александру I были извѣстны еще болѣе секретныя статьи договора, нежели вышеупомянутые „дополнительные пункты“. Въ нихъ заключались всѣ тѣ обѣщанія, которыя связывали нѣкоторое время Александра съ Наполеономъ. Эти статьи касались оборонительнаго и наступательнаго союза, заключеннаго обоими монархами. По статьѣ 4-й этихъ секретныхъ условій, Александръ обязывался объявить Англіи войну, если она не заключитъ 1-го ноября 1807 г. мира съ Франціей, при чемъ ходъ переговоровъ, которые должны были происходить по этому поводу, былъ оговоренъ подробно; очевидно, Наполеонъ придавалъ этому дѣлу величайшее значеніе.

А въ статьѣ 8-й говорилось:

„Если бы, вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ Константинополѣ, Порта отказалась принять посредничество Франціи, или если бы, по принятіи ею этого посредничества, переговоры не привели въ теченіе трехъ мѣсяцевъ къ желаемому результату, то Франція будетъ дѣйствовать противъ Порты совмѣстно съ Россіей и обѣ великія договаривающіяся стороны заключатъ соглашеніе съ цѣлью избавить всѣ провинціи Оттоманской имперіи въ Европѣ, за исключеніемъ Константинополя и Румеліи, отъ ига и притѣсненій турокъ.

Въ послѣднихъ словахъ, которыя по тону совершенно не соотвѣтствуютъ обычнымъ дипломатическимъ актамъ, чувствуется, съ какою страстностью относился къ турецкому вопросу императоръ Александръ I. Наполеонъ согласился вѣроятно включить въ договоръ эти статьи, для того, чтобы показать царю, что онъ раздѣлялъ его чувства; это были слѣды его интимныхъ бесѣдъ съ царемъ. Согласно ст. 9-й, договоръ долженъ былъ храниться въ тайнѣ и не могъ быть сообщенъ ни одному изъ кабинетовъ безъ согласія другой договаривающейся стороны.

Въ Тильзитскомъ договорѣ видятъ нерѣдко, говоритъ А. Фурнье, проектъ раздѣла Европы въ томъ смыслѣ, что Наполеонъ предоставлялъ царю восточную часть, сохраняя за собою полное право на владычество надъ западной Европой. Это не вполнѣ вѣрно. Изъ отдѣльныхъ статей этого договора ясно видно, кто былъ побѣдитель и кто побѣжденный; Наполеонъ отнюдь не отказывался отъ своихъ видовъ на Турцію и не думалъ порвать сношеній съ Персіей. Поставленный во главѣ Варшавскаго герцогства новый саксонскій король былъ членомъ Рейнскаго союза и слѣдовательно находился подъ вліяніемъ французской политики. Это былъ крупный козырь въ рукахъ Наполеона, которымъ онъ могъ во всякое время воспользоваться противъ Россіи.

Вообще, въ договорѣ, заключенномъ 9-го іюля 1807 г., не было ни

одной статьи, которая указывала бы на то, что Наполеонъ измѣнилъ своей системѣ.

Турція весьма мало занимала его мысли во время пребыванія въ Тильзитѣ, она была для него не болѣе, какъ темой для разговора.

Единственная цѣль, которую онъ имѣлъ въ это время въ виду, была—раздавить своего непримиримаго врага, Англію. Труднѣе всего ему было привлечь на свою сторону Россію; онъ зналъ ея честолюбивые виды и боялся ея. Онъ опасался, чтобы она не вздумала слѣдовать на востокѣ той же политикѣ, какой онъ слѣдовалъ на западѣ, и чтобы подъ предлогомъ обезпеченія европейскаго равновѣсія она не вздумала сдѣлать такія же завоеванія на востокѣ, какія онъ дѣлалъ на западѣ. Въ глубинѣ души Наполеонъ конечно не особенно заботился о равновѣсіи Европы, а думалъ о пораженіи Англіи и пока эта цѣль не была достигнута, онъ считалъ неумѣстнымъ заботиться о чемъ-либо иномъ.

Положеніе Наполеона было самое выгодное, хотя русское войско и занимало большую часть Молдавіи и Валахіи, откуда, впрочемъ, Россія обязалась вывести его, за то Наполеонъ владычествовалъ въ Далмаціи и собирался занять Бокка-ди-Каттаро и Іоническіе острова. Такимъ образомъ онъ имѣлъ бы на западномъ побережьѣ Балканскаго полуострова превосходную операціонную базу, откуда онъ всегда могъ помѣшать дессанту русскаго войска на Дунаѣ.

А императоръ Александръ полагалъ, что Наполеонъ видѣлъ въ захватѣ этихъ земель только средство помочь Россіи совершить раздѣлъ Турціи, когда къ тому настанетъ благопріятный моментъ, и не удивлялся, что его союзникъ сосредоточивалъ огромные запасы оружія и провіанта въ Корфу и побуждалъ Мармона, назначеннаго губернаторомъ Далмаціи, дѣйствовать какъ можно энергичнѣе. И въ скоромъ времени всѣ маленькія укрѣпленныя мѣста и гавани на побережьѣ Далмаціи отъ Рагузы до Зары, какъ напр. Макарска, Спалато, Себеникo, были соединены съ городами, лежащими внутри страны, дорогами, по которымъ въ любой моментъ могли быть двинуты войска.

Такимъ образомъ Наполеонъ занялъ на побережьѣ Балканскаго полуострова такую позицію, что тамъ ничто не могло дѣлаться безъ его дозволенія и онъ могъ во всякое время защитить свои интересы на Востокѣ.

Новая политика Франціи и Россіи требовала новыхъ людей: Талейранъ, вѣрный старинымъ традиціямъ, не одобрялъ честолюбивыхъ плановъ Наполеона на Турцію, его сближенія съ Россіей и континентальной системы и долженъ былъ уступить постъ министра иностранныхъ дѣлъ Шампаньи.

Одновременно въ Петербургѣ на мѣсто барона Будберга, всег-

дашняго противника союза съ Франціей и поклонника Пруссіи, Австріи и Англіи, былъ назначенъ графъ Румянцевъ.

Императоръ Александръ и его новый министръ прекрасно понимали, какъ мало положительныхъ выгодъ сулилъ Россіи Тильзитскій договоръ, и поэтому сдѣлали все возможное, чтобы использовать все то, что заключалось въ формѣ обѣщаній въ секретныхъ статьяхъ договора, и Наполеону стоило не мало труда противостоять имъ.

Иванъ Захаровичъ Суриковъ (1841—1880) въ семьѣ своихъ литературныхъ преемниковъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Жизнь тѣхъ русскихъ писателей, которые вышли изъ народа и силой своей энергіи выбились изъ темной сельской или торговой среды, представляетъ особенный интересъ. Ихъ біографіи поучительны и сами по себѣ, важны онѣ и въ воспитательномъ смыслѣ. Собирая матеріалы для изслѣдованія о русскихъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ знаменитостяхъ, я остановилъ свое вниманіе на талантливомъ „пѣвцѣ труда и горя“, ярославцѣ Иванѣ Захаровичѣ Суриковѣ, вся жизнь котораго, по выраженію одного біографа, была „сплошной упорной борьбой за право жить, за цѣль своего существованія, потому что вопросъ о жизни тѣсно сливался здѣсь съ другимъ болѣе серьезнымъ вопросомъ о цѣли и смыслѣ жизни. На эту борьбу, которой не знаютъ счастливцы, ушло много силъ и здоровья нашего поэта. Онъ долженъ былъ шагъ за шагомъ, пядь за пядью отвоевывать у судьбы и признанье, и право быть поэтомъ. Такова судьба всѣхъ самоучекъ, каковымъ былъ Суриковъ, судьба всѣхъ жаждущихъ и стремящихся впередъ... Ему, сыну народа, подобно другимъ талантливымъ его сыновьямъ Кольцову и Никитину, пришлось вынести всю тяжесть борьбы, мучительнаго разлада и гнета и выйти побѣдителемъ... со сложенными на крестъ руками въ безмолвномъ гробу. Но и въ этомъ гробу, съ закрытыми глазами онъ будетъ достойнымъ примѣромъ для сотенъ юношей, идущихъ, подобно ему, по тому же торному пути и

несущихъ въ груди ту же жажду знанія и свѣта“ [1]). Раннее дѣтство Суриковъ провелъ въ с. Новоселовѣ, съ восьми лѣтъ былъ взятъ въ Москву, гдѣ и умеръ 24-го апрѣля 1880 года. Рожденный и вскормленный деревней, онъ всю жизнь мечталъ объ отдыхѣ на просторѣ русскихъ полей, и уже больной и разбитый, съ признаками тяжелой чахотки, угнетаемый суровой городской дѣйствительностью, онъ писалъ:

На ширь глухихъ полей, подъ тѣнь лѣсовъ густыхъ
Душа моя рвалась, — измучена тревогой,
И, можетъ быть, вдали отъ горькихъ слезъ людскихъ,
Я создалъ бы въ тиши здѣсь свѣтлыхъ пѣсенъ много...

Литература о Суриковѣ довольно обширна, но критики не сумѣли до сихъ поръ опредѣлить, въ чемъ именно заключается заслуга нашего поэта. Несмотря на всю популярность его среди читателей изъ народа, наблюдаемую въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, Сурикова очень мало знаетъ широкая публика [2]). Несмотря на всю простоту и задушевность его стихотвореній, правдивость и красоту его думъ и звуковъ, Суриковъ представляетъ слишкомъ небольшую величину самъ по себѣ. Но все его значеніе станетъ понятнымъ намъ только тогда, когда мы убѣдимся, что все старшее поколѣніе современныхъ намъ поэтовъ изъ народа воспитано на одномъ почти Суриковѣ, до сихъ поръ имъ однимъ вдохновляется, дорожитъ его завѣтами и иногда перепѣваетъ его лучшія творенія. Очень немногіе изъ нынѣшнихъ такъ называемыхъ поэтовъ-самоучекъ не изучили всего

---

[1]) Живописное обозрѣніе 1900, № 19, стр. 319.

[2]) Характернымъ примѣромъ послѣдняго наблюденія можетъ служить слѣдующій фактъ. 3-го августа 1901 года въ № 211 „Новостей“ помѣщена была перепечатка изъ „Нижегородскаго Листка“, въ которой приводятся образчики „кладбищенской поэзіи“, украшающіе одно изъ нижегородскихъ кладбищъ. „Среди безграмотнаго вздора, приводимаго въ этой замѣткѣ,—пишетъ въ редакцію этой газеты нѣкто В. Ю., — съ удивленіемъ останавливаешься на слѣдующихъ строкахъ:

Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ горемъ и тоскою.
Пріюти меня теперь ты
Рядышкомъ съ собой.

Гг. редакторамъ большихъ столичныхъ газетъ можно предъявить нѣсколько высшія требованія знакомства съ отечественною литературой, чѣмъ проявили „Новости“. Дѣло въ томъ, что приведенныя строки, высмѣянныя „Новостями“, принадлежатъ не кому иному, какъ... И. В. Сурикову, извѣстному поэту-крестьянину. Онѣ взяты изъ его извѣстнаго стихотворенія „На могилѣ матери“. Прибавимъ къ этому, что до сихъ поръ не разошлось послѣднее изданіе стихотвореній Ивана Захаровича, напечатанное К. Т. Солдатенковымъ еще въ 1884 году.

Сурикова, не считаютъ его своимъ литературнымъ наставникомъ. Въ началѣ 1890-хъ годовъ въ Москвѣ былъ основанъ „Кружокъ писателей изъ народа въ память Сурикова“, имѣвшій свои засѣданія, издававшій товарищескіе сборники стиховъ и собиравшій свѣдѣнія для подробной біографіи Ивана Захаровича [1]), которая, къ сожалѣнію, не была опубликована. Поэтому мы считаемъ очень интересными тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать въ недавнее время. Весьма любопытно, напримѣръ, письмо Сурикова къ И. Г. Воронину (1840—1883), крестьянину Рязанской губерніи, автору такихъ популярныхъ на Волгѣ пѣсенъ, какъ „Ты проснись, проснись, Волга-матушка!“ и другія [2]). Бывшее доселѣ неизвѣстнымъ, оно драгоцѣнно для исторіи дѣтства Сурикова.

„Ялта 25-го октября 1879 года.

„Дорогой мой другъ, Иванъ Григорьевичъ! Долго я не писалъ тебѣ. Думаю, что не сердишься ты на больного, разбитаго и нечающаго выздоровленія человѣка. Въ Ялтѣ не лучше мнѣ: и скука мучитъ, и кашель гнететъ, и желудокъ безпокоитъ; да прибавь къ этому еще крымскую лихорадку. Совсѣмъ измытарился твой Суриковъ, и не видать краю моимъ страданіямъ. Да, что и говорить?.. Спѣта моя пѣсенка, спѣта грустно и глупо. Сижу безъ денегъ, хотя и ожидаю ихъ отъ Барышева.

„Я думалъ, что крымская природа воскреситъ меня. Но здѣшній край созданъ для однихъ аристократовъ. Не по душѣ мнѣ эти южныя красоты и прелести. Я люблю природу во всей ея неподкрашенной красѣ. Дѣтство! хорошее, бѣдное (оно тѣмъ и хорошо) и мечтательное дѣтство! Почему мои думы устремлены теперь въ это дѣтство? Не къ смерти ли это? Ну, да все равно... По крайней мѣрѣ, пріятно его вспоминать, и мнѣ отъ этого дѣлается легче какъ будто. Какъ теперь помню я, сижу зимнимъ вечеромъ въ темной избѣ. Закоптѣ-

---

[1]) Въ послѣднемъ, посмертномъ изданіи стихотвореній И. З. Сурикова (Москва, 1884 г.) находимъ чрезвычайно обширную біографію нашего поэта, написанную покойнымъ Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ. Но эта біографія, съ вымышленными разговорами, лирическими отступленіями и философскими экскурсіями, даетъ очень мало біографическаго матеріала и можетъ быть скорѣе названа беллетристическими эскизами на почвѣ біографіи Сурикова. Чувствуя этотъ пробѣлъ, мы въ началѣ мая 1902 года обратились съ письмомъ въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“, прося лицъ, знавшихъ Сурикова, прислать намъ свои воспоминанія о немъ. Присланные намъ рукописные матеріалы мы печатаемъ въ настоящемъ очеркѣ.

[2]) Болѣе подробно о Воронинѣ см. въ нашей статьѣ „Друзья русскихъ самородковъ“ („Русская Мысль“, 1902 г., іюнь, стран. 160—163). Изданная Н. А. Соловьевымъ переписка Сурикова съ Ворониным прекращается на 1874 годѣ. (Стихотворенія, изд. 1884 г., стран. 3—18).

лыя, почти черныя стѣны давятъ меня своимъ зловѣщимъ мракомъ. Въ углу подъ потолкомъ нѣсколько такихъ же темныхъ ликовъ; словно и имъ не хочется нарушать общую мрачную картину. Въ избѣ—никого. Отца въ селѣ совсѣмъ нѣтъ, мать гдѣ-нибудь въ лѣсу или у сосѣдей, ребята на улицѣ. Я одинъ со своими мечтами. Съ печи слѣзть боюсь: холодно и страшно.

„И вдругъ на замерзшихъ окнахъ появляются золотые багровые лучи заходящаго солнца. Они начинаютъ играть тысячами переливовъ. То вдругъ станутъ такіе огромные, какъ индійскій дворецъ, къ которому подъѣзжаетъ Волхвъ Всеславьевичъ. То сдѣлаются они такими маленькими и живыми, какъ золотая рыбка, что вильнула хвостомъ и ушла въ синее море, когда пришелъ къ ней старикъ съ послѣдней просьбой отъ своей зазнавшейся старухи.

„А то вдругъ начнутъ эти лучи переливаться фіолетовыми красками, какъ весеннія фіалки, пестрящія своими бархатными глазками на зеленомъ лугу подъ лѣсомъ... Еще минута—и все окно покраснѣетъ, покраснѣетъ словно кровь Змѣя Горыныча, убитаго храбрымъ Алешей. И мнѣ дѣлается страшно, страшно. Одинъ мигъ, и ничего уже нѣтъ... И я спрашиваю самого себя: гдѣ онѣ, эти лучезарныя картины, куда ушли онѣ?

„И снова въ избѣ мрачно. Я ухожу еще глубже въ теплый тулупъ и закрываю глаза, чтобы уйти подальше отъ этого мрака.

„Такъ и счастье у человѣка, дорогой мой Иванъ Григорьевичъ! Появится его призракъ, озаритъ на мигъ истомленную душу, заронитъ въ нее лучъ свѣтлой надежды,—и опять уйдетъ куда-то за тридевять земель. А у бѣдняка счастье—то же морозное солнце. Освѣтитъ оно его тысячью переливовъ, самыхъ яркихъ и блестящихъ; а протянетъ къ нимъ онъ руку—какъ уйдетъ оно, освѣтивъ, но не согрѣвъ. И долженъ будетъ бѣднякъ еще глубже залѣзть въ свой тулупъ, тулупъ горя и нужды, чтобы обогрѣть бѣдное тѣло и его слабую душу, чтобы въ самомъ себѣ найти утѣшеніе [1]). Не смѣшно

[1]) На свое тяжелое матеріальное положеніе Суриковъ не разъ жаловался друзьямъ. „Недостаточность средствъ къ жизни,—писалъ Суриковъ И. Г. Воронину 1-го мая 1874 года,—принудила меня торговать угольми, и я торгую. Каждый день идетъ пересыпка изъ кулей въ другіе кули, и я хожу, какъ трубочистъ. Если тебѣ когда-нибудь вздумается представить, въ какомъ я видѣ нахожусь, взгляни на трубочиста, и будетъ предъ тобой другъ твой Суриковъ. Тяжело и черно сморкнешь—угольная пыль; откашлянешь мокроту—угольная пыль. О, нужда, чего ты не заставляешь дѣлать! Семья: жена, отецъ, больной женинъ братъ, еще женина сестра, и всѣ около меня — надежда одинъ я. Иногда становится такъ тяжело, что поневолѣ склонишь голову и опустишь руки“. Ср. въ письмѣ отъ 31-го октября 1872 года: „Вообрази себѣ трубочиста,—это буду я“. (Стихотворенія, Москва, 1884 г., стран. 4). „Бываютъ такія

ли тебѣ, Ваня, что и я теперь ожидаю какого-то счастья. Наканунѣ смерти-то? Помнишь у Беранже:

Въ больницѣ къ нищему предсталъ,
Предъ смертью, геній утѣшитель.
Взглянувъ, старикъ захохоталъ:
— Никакъ яснѣйшій небожитель?
Ужъ поздно: конченъ путь земной...

„И мой путь тоже конченъ. „Такъ бѣдный тѣшилъ бѣдняковъ...“— оканчиваетъ Беранже. А меня кто утѣшитъ, кто заставитъ засмѣяться? Мнѣ еще хуже, чѣмъ другимъ. Черкни, Ваня, пару словъ: что и какъ у васъ. Каждое письмо отъ немногихъ моихъ друзей доставляетъ мнѣ много радости; я ихъ много разъ перечитываю. Пиши и не забывай. Твой Суриковъ“.

Для характеристики отношеній этихъ двухъ поэтовъ-крестьянъ прибавимъ, что Воронину принадлежитъ пространный разборъ произведеній Сурикова, написанный по поводу втораго изданія его стиховъ и оставшійся неизвѣстнымъ біографамъ Сурикова. Самъ поэтъ, Воронинъ очень вѣрно опредѣлилъ музу Сурикова: „Эти бѣдныя, невеселыя картины русской жизни заключаютъ въ себѣ столько общаго, однообразнаго, что не могутъ дать таланту простора; ему необходимы и сильные характеры, и величіе природы, и сила, и глубина чувства,—писалъ Воронинъ.—Но условія его собственной жизни сложились такъ, что, кромѣ гнетущей нужды и горя, онъ ничего не встрѣчаетъ освѣжающаго, окрыляющаго его поэтическую душу. И вотъ нашъ поэтъ невольно берется за народныя былины, за старину, въ которыхъ такъ могуче и такъ своеобразно выражалось народное чувство. Онъ пишетъ „Садко“ и „Богатырскую жену“ изъ временъ князя Владиміра [1]). Понятно, что готовое содержаніе народныхъ былинъ, выражаемое только въ современной формѣ, могло бы дать поэту одну механическую работу; но поэтъ такъ глубоко прочувствовалъ жизнь былыхъ временъ и такъ по душѣ сродни пришлась она ему, что подъ его рукой изъ былины является художественное произведеніе. Особенно это можно сказать про „Богатырскую жену“. Разумѣется,

---

минуты, что при всей терпѣливости и стойкости моего характера дѣлается невыносимо тяжело, и радъ бы, завязавши глаза, бѣжать Богъ знаетъ куда! Но, что же изъ этого? Положимъ, я не пропаду, а другой? Что онъ безъ меня будетъ дѣлать, т. е. отецъ мой, который ежедневно меня нравственно терзаетъ и мучитъ,—онъ пропадетъ безъ меня... Господи! неужели я никогда не увижу хоть единаго свѣтлаго дня въ моей жизни“.

[1]) Послѣдняя помѣщена въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1875 годъ. Цитируемъ статью Воронина по черновой рукописи.

вся сила чувства таланта полагается здѣсь на изображеніе давно минувшей жизни, характеровъ и страстей жизни совершенно чуждой, или, по крайней мѣрѣ, имѣющей относительный интересъ.

„Было бы желательнѣе, конечно, чтобы это чувство было употребляемо на изображеніе современной нашей жизни. Но имѣетъ ли онъ возможность слѣдить во всѣхъ разнообразіяхъ за этой жизнью? Разумѣется, нѣтъ. Кромѣ той форточки, въ которую онъ принужденъ видѣть дѣйствительный міръ, располагаютъ ли его условія жизни къ литературному труду? Даетъ ли ему жизнь благотворныя впечатлѣнія? Нѣтъ, его окружаютъ бѣдность и борьба массы изъ-за куска хлѣба. Здѣсь одно стремленіе удовлетворить первыя потребности.

„Здѣсь кипитъ трудовое человѣчество, прикованное къ землѣ и ея мелкимъ интересамъ, не поднимающее своихъ взоровъ къ небу, къ тому суровому русскому небу, подъ которымъ живется свѣтло и тепло только счастливцамъ міра сего. Что же можетъ дать подобная жизнь для поэтической мысли?—Страданія, борьбу, лишенія, горе. Но для кого же интересно знать эту прозябающую, почти животную жизнь? Кому нужны эти картины гнетущей нищеты и добыванія куска хлѣба? Наконецъ, будетъ ли удовлетворено чувство поэта воспѣваніемъ безразсвѣтной доли собственной жизни и своихъ ближнихъ? Разумѣется, нѣтъ. Такимъ образомъ, чувство и воображеніе невольно будутъ искать другой области, другой жизни, въ которой болѣе широко, болѣе разнообразно проявлялась бы народная жизнь“.

Очень возможно, что такіе выводы Воронинъ сдѣлалъ подъ вліяніемъ того четверостишія, которое Суриковъ написалъ на подаренномъ ему экземплярѣ своихъ стихотвореній:

Все убито во мнѣ безразсвѣтной нуждой,
Все закидано грязью столицы;
Въ книгѣ жизни моей нѣтъ ни одной
Просвѣтляющей душу страницы.

Объ отношеніяхъ къ Сурикову двухъ другихъ поэтовъ-крестьянъ, А. Е. Разоренова и И. Д. Родіонова, извѣстно очень мало. Первый изъ нихъ ни разу не упоминается ни въ біографіи Сурикова, и всего два раза въ изданной его перепискѣ. Фамилію втораго можно только узнать въ томъ сокращеніи, которое не разъ фигурируетъ въ письмахъ самого Сурикова къ разнымъ лицамъ. Изъ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала мы узнаемъ, что не за долго до смерти

Ивана Захаровича, между нимъ и Алексѣемъ Ермиловичемъ Разореновымъ произошла по неизвѣстному поводу размолвка. Въ письмѣ отъ 29-го января 1880 года И. Родіоновъ писалъ Разоренову, между прочимъ, слѣдующее: „По поводу твоей размолвки съ Суриковымъ, право, не знаю, что сказать: „кто правъ, кто виноватъ,—судить не намъ". Во всякомъ случаѣ напоминать умирающему о смерти не слѣдуетъ, такъ же, какъ страдающему мозолями не слѣдуетъ наступать на мозоли... Извини, друже, письмо Сурикова куда-то запропастилось,—вѣрно, удрало вмѣстѣ съ моей музой; а потому я его и не могу возвратить тебѣ до тѣхъ поръ, пока оно не заблагоразсудитъ возвратиться ко мнѣ, то-есть пока ему не вздумается попасть мнѣ на глаза при разборѣ какихъ-нибудь бумагъ, сирѣчь, пока я не раздѣлаюсь съ лихорадкой и буду въ состояніи серьезно заняться отыскиваніемъ моихъ бѣглецовъ".

Неизвѣстно также, почему именно Разореновъ хотѣлъ получить обратно письмо Сурикова. Очевидно, въ немъ были нѣкоторыя данныя, которыя ему послѣ размолвки казались нѣсколько оскорбительными для его самолюбія. Тѣмъ не менѣе, послѣ того какъ Суриковъ умеръ, Разореновъ всегда отзывался съ полнымъ уваженіемъ о своемъ собратѣ по перу и посвятилъ его памяти слѣдующее стихотвореніе, названное имъ „На могилѣ И. З. Сурикова".

Миръ тебѣ, поэтъ почившій,
Другъ сердечный мой!
Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ горемъ и слезой! [1])
Я принесъ тебѣ завѣтный
Искренній поклонъ...
Пусть на вѣки безмятеженъ
Твой могильный сонъ.
Все тобой теперь забыто,—
Все покинулъ ты:—
Жизни горести, тревоги
Радости, мечты.
Въ жизни бѣдной, скоротечной
Мало ты гостилъ,
Но талантъ свой, Богомъ данный,
Въ землю не зарылъ.
Побѣждая мракъ и къ свѣту
Пробивая путь,
Спѣлъ намъ много пѣсенъ скорби,
Надрывая грудь.

[1]) У Сурикова въ стихотвореніи „На могилѣ матери":

Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ горемъ и тоской...

Въ этихъ звукахъ были слышны
Горе да тоска,
Въ нихъ сказались горе, мука,
Доля бѣдняка.
Много новыхъ, свѣтлыхъ пѣсенъ
Завѣщалъ ты намъ;—
Но едва-ли ихъ услышать
Намъ — твоимъ друзьямъ!
И въ борьбѣ съ тяжелой долей
Тѣломъ изнемогъ —
Въ эту мрачную могилу
Ты такъ рано легъ!..
Близки были мы съ тобою
Сердцемъ и душой...
Спи же съ миромъ! Скоро, скоро
Свидимся съ тобой!.. [1])

Разореновъ умеръ въ январѣ 1891 года и похороненъ въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Въ томъ же письмѣ, которое мы цитировали выше, Родіоновъ сообщаетъ Разоренову о своихъ литературныхъ дѣлахъ: „Нѣсколько стишинъ послалъ въ „Будильникъ“: напечатаютъ ли, не знаю. „Добрыню“ я передѣлалъ и препроводилъ его Сурикову для передачи Юрьеву въ „Русскую Мысль“. Очевидно, Суриковъ принималъ очень близко интересы молодыхъ поэтовъ изъ народной семьи и всячески имъ покровительствовалъ. Насколько намъ извѣстно, въ „Русской Мысли“ не появлялось стиховъ Родіонова, и надо думать, что протекція Сурикова не принесла Родіонову желанной пользы. Сохранилось очень интересное письмо Сурикова къ Родіонову. Приведемъ изъ него слѣдующій отрывокъ, драгоцѣнный для сужденія о литературныхъ вкусахъ самого Сурикова. „Меня обвиняютъ въ томъ,—пишетъ Иванъ Захаровичъ,—будто я пишу бѣдными риѳмами и заѣзженными размѣрами. Заступиться за меня слѣдовало бы кому угодно, только не мнѣ самому. Это было бы пошло и глупо. Когда я въ тысячный разъ услыхалъ какъ-то мнѣніе о моихъ стихотворныхъ недостаткахъ, то сейчасъ же присѣлъ къ столу и набросалъ слѣдующее стихотвореніе, которое должно служить для тебя, мой милый другъ, завѣтомъ на всю твою жизнь. Прочти его получше и всмотрись, какіе разнообразные здѣсь размѣры. Итакъ, Ваня, слушай!

О счастьѣ и грезахъ не пой,
Мой чистый и юный пѣвецъ.
Не думай, что долженъ ты пѣть, какъ нѣжный поетъ соловей.

[1]) Это стихотвореніе печатается нами по автографу Разоренова.

Ты трелью не тронешь сердецъ.
Пусть голосъ твой, словно стальной,
Поетъ лишь о бѣдахъ, страданьяхъ и нуждахъ несчастныхъ людей.
И если онъ будетъ разбитъ
О твердый сердецъ ихъ гранитъ,
Борьба пусть тебя не страшитъ...
Пой громче, смѣлѣй!

* * *

Послушай, мой другъ, я хоть старъ,
Увѣрить хотѣлъ бы я всѣхъ,
Что близко то время, когда мы безъ всякаго страха споемъ
Ту пѣснь не для праздныхъ утѣхъ,
Не пошлыхъ забавъ иль для баръ,
Но въ бѣдныхъ страдальцахъ той пѣснью вселимъ мы подъемъ,
И вѣру, что дружной толпой
За свѣтлой, желанной судьбой
Повѣрь, соловей нѣжный мой,
Мы смѣло пойдемъ [1]).

Намъ кажется, что то обвиненіе, о которомъ говоритъ Суриковъ, было далеко не безосновательно. Приведенное стихотвореніе производитъ впечатлѣніе желанія автора доказать, что онъ способенъ къ стихотворной эквилибристикѣ, и что эта условная черта очень удачно можетъ быть примѣнена къ такимъ въ сущности непригоднымъ въ этихъ цѣляхъ мотивамъ, какъ гражданскіе.

---

[1]) Въ первоначальной редакціи этого стихотворенія, сохранившейся въ черновыхъ бумагахъ Сурикова, оно читается такъ:

Лети, мой мечтатель, мой другъ-соловей
О счастьѣ, о грезахъ не пой
Мой юный пѣвецъ.
Но пой о страданіяхъ бѣдныхъ людей.
И если не тронешь ты сразу
Суровыхъ сердецъ,—
Пой громче, смѣлѣй!

Я вѣрю, ужъ близко то время, къ нему мы идемъ,
Когда не для праздныхъ и баръ,
Для забавъ иль утѣхъ:
Обиженнымъ пѣснью внушимъ мы подъемъ
Не шепотомъ робкимъ,
Но громко для всѣхъ, —
Ту пѣснь запоемъ!

Очень жаль, что въ изданіе К. Т. Солдатенкова не попала весьма интересная переписка Сурикова съ здравствующимъ поэтомъ-ярославцемъ Леонидомъ Николаевичемъ Трефолевымъ, авторомъ „Комаринскаго мужика Касьяна“. Письмо Сурикова къ Л. Н. Трефолеву имѣетъ въ нашихъ глазахъ такое же значеніе, какъ и приведенное выше письмо его же къ Родіонову. Благодаря этому письму, наше представленіе о поэтическихъ вкусахъ Сурикова настолько расширяется, что изъ традиціоннаго пѣвца горя и нужды онъ превращается въ поклонника искусства для искусства. До сихъ поръ не было извѣстно ни одного „античнаго“ стихотворенія Сурикова; помѣщаемая ниже „Ода“ Анакреона является новымъ доказательствомъ того, что одни жизненные мотивы не могли удовлетворить чувствъ и настроенія нашего пѣвца бѣднаго люда и что его высшіе запросы кидали его изъ стороны въ сторону. Приведемъ текстъ этого письма.

„Леня другъ. Попалась мнѣ ода Анакреона, переведенная прозой, и мнѣ пришла фантазія перефразировать ее и перевести стихами. Въ прозѣ она вотъ какъ: Дружно увѣнчавши чела наши розъ душистыми вѣнками, пьемъ и весело смѣемся. А подъ звуки лиры пляшутъ нѣжноногія дѣвы, потрясая тирсъ красивый, увитый густо плющемъ. Мягкокудрый отрокъ играетъ на пектидѣ (это родъ такого инструмента, на которомъ играли теосцы), и изъ устъ его благоуханныхъ несутся стройные звуки. И Эротъ златокудрый съ винодателемъ Ліэемъ и прекрасная Киприда на отрадномъ пирѣ, старцамъ сопируя, веселятся“. И вотъ переводъ-подражаніе. Въ немъ, разумѣется, много есть собственной фантазіи. Что жъ дѣлать? Я такой ужъ, знать, поэтъ, что ничего не могу перевести такъ, чтобы чего-нибудь да не ввернуть своего. Читай.

ПИРЪ.

(Переводъ-подражаніе Анакреону).

Изъ розъ душистыхъ мы вѣнки
На кудри наложили,
Подъ звуки лиры золотой
Смѣялись мы и пили.
Подъ звуки лиры золотой
И нашего напѣва [1]),
Красивый тирсъ держа въ рукахъ,
Кружились въ пляскѣ дѣвы.
И мягкокудрый мальчуганъ
Игралъ намъ на пектидѣ,
И виподатель богъ Ліэй
Лобзалъ уста Киприды.

[1]) На поляхъ „припѣва“.

И Фебъ туманной головой
Надъ чашею склонился,
И разрумяненный богъ Вакхъ
Подъ столъ уже свалился.
И веселъ былъ, и шуменъ пиръ,
И напились боги.
И позабыли про свои
Небесные чертоги.

И. Суриковъ.

1868 года, августа 15-го дня.

„Леня, это стихотвореніе не потеряй: черноваго его у меня нѣтъ, я его писалъ прямо. Прощай. Весь твой Суриковъ [1]).

Мы уже упоминали, что посмертное изданіе стихотвореній Сурикова появилось съ прибавленіемъ обширной біографіи его, написанной Соловьевымъ-Несмѣловымъ († 16-го декабря 1901 года въ Москвѣ), однимъ изъ лучшихъ друзей Сурикова [2]).

Когда я обратился къ покойному Николаю Александровичу съ просьбой сообщить какія-нибудь новыя свѣдѣнія о Суриковѣ, то онъ

---

[1]) Насколько намъ извѣстно, свою переписку съ Суриковымъ Л. Н. Трефолевъ приготовляетъ къ печати; приведенное письмо доставлено намъ поэтомъ-крестьяниномъ Максимомъ Леоновичемъ Леоновымъ. Въ концѣ 1875 года Суриковъ въ письмѣ къ Соловьеву-Несмѣлову называетъ г. Трефолева „даровитымъ своимъ пріятелемъ. Человѣкъ этотъ одинаковаго пошиба со мной и способенъ высказывать дѣтямъ (дѣло шло объ изданіи дѣтскаго журнала) жизненную правду въ очень изящной, художественной формѣ“. (Стихотворенія, Москва, 1884, стран. 45).

[2]) Нѣсколько чертъ изъ дружбы этихъ двухъ писателей отмѣчено въ статьѣ Козырева „Памяти Н. А. Соловьева-Несмѣлова“ („Педагогическій Листокъ“, изд. Е. Тихомировой, февраль 1902 г., стран. 115 — 119). Прибавимъ, что Соловьевъ относился по-дружески къ писателямъ изъ народа: къ Дрожжину, Козыреву, Воронину, Родіонову, Бѣлоусову, Нечаеву и др. На подаренномъ Козыреву фотографическомъ портретѣ Соловьевъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Чтобы жизнь наша, другъ, не была болотомъ; чтобы память о насъ не поросла полынью горькой иль чертополохомъ,—потрудимся, мой милый, духомъ и тѣломъ, и выйдемъ въ свое время изъ міра людского съ полнымъ сознаніемъ, что мы сдѣлали все, что смогли, рукъ не опускали, праздно жизнь не убивали, и объ насъ, другъ, тогда, быть можетъ, грѣшнымъ дѣломъ кто-нибудь добрымъ словомъ да и обмолвится. 16-го сентября 1874 года“. Эти слова вполнѣ характеризуютъ обликъ покойнаго писателя. По словамъ Ивана Андреевича Андреева, Солдатенковъ предлагалъ Соловьеву-Несмѣлову получить за біографію Сурикова тысячу или полторы тысячи. Но Николай Александровичъ взялъ только 500—700 рублей, прибавивъ: „Съ меня и этого довольно, Козьма Терентьевичъ, вѣдь стыдно наживать на памяти друга“.

отвѣтилъ въ письмѣ отъ 16-го апрѣля 1901 года слѣдующее: „Едва-ли вы найдете что-нибудь новое о Суриковѣ послѣ того, какъ я напечаталъ его біографію, основанную на разсказахъ самого Ивана Захаровича. Что же касается личныхъ воспоминаній о немъ, то они исчерпываются изданной уже нашей перепиской, отчасти же вошли въ мои предисловія къ изданіямъ стиховъ Сурикова въ 1875 и 1884 годахъ. Тѣмъ не менѣе, посылаю вамъ кое-какіе обрывки изъ того чернового матеріала, которымъ я не могъ въ свое время воспользоваться по разнымъ причинамъ. Вѣдь дѣло-то было двадцать лѣтъ тому назадъ! Если найдете что-нибудь интересное, то напечатайте".

При первомъ же знакомствѣ съ присланными мнѣ матеріалами, оказалось, что они интересны и содержатъ нѣсколько страницъ черновыхъ набросковъ и четыре совершенно законченныхъ отрывка, не вошедшихъ въ указанное изданіе.

Съ перваго же дня нашей встрѣчи Суриковъ сразу сдѣлался однимъ изъ дорогихъ моихъ друзей. Я цѣнилъ его не только за талантъ, но и за любовь къ труду. Когда оканчивались мои работы въ редакціи, то я часто ходилъ къ нему поговорить часокъ-другой. Лавочка Сурикова небольшая, да и товару въ ней немного—старые и новые гвозди, столярные и слесарные инструменты, замки разной величины, цѣлые и части ихъ, молотки, пилы, клещи, вязки ключей заржавѣвшихъ и красноватыхъ, и всякій желѣзный хламъ, отъ гайки до случайно найденной на улицѣ подковы. Среди всего этого товара, рядомъ съ похолодѣвшимъ чайникомъ, книги. Ихъ читаетъ самъ хозяинъ.

— Какъ ты, Иванъ Захаровичъ, съ книгами-то обращаешься? Да развѣ такъ можно? Вотъ у тебя стихотворенія Полонскаго, экземпляръ хорошій, Плещеевъ съ автографомъ. Ты бы хоть съ такими книгами поосторожнѣе, — говорю я ему.

— Что жъ дѣлать? — отвѣчаетъ Суриковъ. — Если на квартирѣ держать, то рѣдко читать придется, такъ какъ я самъ въ ней почти-что не сижу. А здѣсь онѣ всегда со мной.

Помню, какъ онъ горевалъ, когда изящно изданный томикъ стихотвореній Майкова какъ-то упалъ съ прилавка въ груду мелкихъ углей и чистыя страницы покрылись черными пятнами.

Здѣсь же Суриковъ велъ бесѣды съ своей музой.

Подбираетъ, напримѣръ, ключъ къ какому-нибудь замку, защемитъ его въ тиски, подпиливаетъ и вычищаетъ совсѣмъ заржавѣвшій отъ времени и сырости ключъ, и предъ нимъ раскрыта послѣдняя книжка „Вѣстника Европы" или „Дѣла", которые онъ выписывалъ въ складчину вмѣстѣ съ Козыревымъ и Родіоновымъ.

Бывало, мы споримъ такъ оживленно, такъ задорно, словно юнцы,

только-что поднявшіеся со своихъ школьныхъ скамей, и зачитывающіеся Добролюбовыми или Писаревымъ студенты,—а Иванъ Захаровичъ все свою думу думаетъ. Лицо его станетъ такое непривѣтливое, сосредоточенное. Вдругъ онъ нырнетъ за прилавокъ, схватитъ листокъ самой что ни на есть грязной оберточной бумаги и начнетъ писать на немъ своимъ длиннымъ плоскимъ карандашемъ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, это были тѣ стихотворные мотивы, которые неясно бродили до тѣхъ поръ въ его головѣ и проснлись наружу. Напишетъ онъ все, что́ долго, видимо, владѣло всѣмъ его существомъ, и снова просвѣтлѣетъ весь; опять за споръ принимается, и тутъ иногда во всю и развернется. Впрочемъ, это рѣдко случалось съ нимъ. Больше онъ замыкался въ себя и молча́лъ иногда по цѣлымъ часамъ, приводя насъ этимъ въ смущеніе.

Лучшія свои стихотворенія онъ писалъ по необходимости въ лавченкѣ, на холодѣ, среди ржаваго и пыльнаго хлама [1]), и просто иногда уму непостижимо, какъ это въ такой непривлекательной обстановкѣ могли рождаться такія отдѣланныя строфы, какъ эти:

Мнѣ доставались нелегко
Моей души больные звуки;
Страдалъ я сердцемъ глубоко,
Когда слагалась пѣсня муки.
Я въ пѣснѣ жилъ не головой,
А жилъ скорбящею душой,—
И оттого мой стихъ больной
Звучитъ тяжелою тоской...

„Суриковъ былъ суевѣренъ. У него были счастливые и несчастные дни. Придерживался онъ Пушкинской таблицы, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея сдѣлалъ дополненія. Своихъ отмѣтокъ онъ никому не

[1]) Для того, чтобы показать, насколько самостоятельны печатаемые нами отрывки Соловьева-Несмѣлова о Суриковѣ, приведемъ выдержку изъ подобнаго по содержанію его же разсказа: „Тутъ проводитъ цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера; тутъ и его мастерская для исправленія и подновленія испорченныхъ вещей, и его рабочій кабинетъ. Тутъ онъ работаетъ попеременно то молоткомъ, то перомъ. Отсюда вышли его лучшія произведенія. Вы удивляетесь, какъ среди такой обстановки можетъ работать мысль и выражаться въ картинныхъ, изящныхъ формахъ? Но вѣдь мысль не знаетъ лицепріятія: ей нѣтъ дѣла до костюмовъ, до наружныхъ отличій и т. п.; владѣнія ея повседневно, какъ владѣнія истины, свѣта, правды и добра. Дѣло въ томъ, что тутъ ея благотворной работѣ зачастую мѣшаютъ вѣчныя заботы дня, заботы о насущномъ хлѣбѣ, о томъ, какъ бы добыть денегъ на покрытіе разныхъ домашнихъ нуждъ и недостатковъ“. (Стихотворенія И. З. Сурикова, Москва. 1875 г. Предисловіе).

показывалъ, но эта черта характера не ускользнула отъ насъ. Я не разъ замѣчалъ, напримѣръ, что Иванъ Захаровичъ придаетъ значеніе суммѣ цифръ, которая получается при сложеніи нумеровъ извощиковъ, фонарей, домовъ, числа встрѣтившихся по дорогѣ прохожихъ, тумбъ, домовъ и т. д. Однажды Левитовъ остановился въ Петербургѣ въ домѣ съ нумеромъ 65-мъ. Узналъ объ этомъ Иванъ Захаровичъ и говоритъ какъ-бы про себя:

— Это мнѣ не нравится. Съ Александромъ Ивановичемъ случится бѣда.

„Странно, конечно, но мѣсяцевъ черезъ пять послѣ этого Левитовъ въ послѣдній разъ заболѣлъ, слегъ въ клиникѣ и умеръ. Суриковъ не любилъ, между прочимъ, ровныхъ цифръ. Не по душѣ приходилось ему, если покупатель предлагалъ десятки копѣекъ или же сдачу давалъ однимъ серебромъ. Иногда Суриковъ говорилъ, что у него нѣтъ мелочи, и, отсчитывая сдачу покупателю, давалъ нѣсколько лишнихъ копѣекъ. Другими словами, онъ переплачивалъ, лишь бы избѣжать ровныхъ цифръ.

— Какъ же это вяжется съ твоею религіозностью?—спросилъ я какъ-то Ивана Захаровича.

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ужъ очень я исковерканъ деревенскимъ воспитаніемъ: во всякую чертовщину вѣрю, а перевоспитать себя силъ не имѣю. Къ тому же, всякія неудачи...

„Не разъ мнѣ приходилось присутствовать при ссорахъ его съ отцомъ; Суриковъ припоминалъ, какъ отецъ отнесся къ его первымъ писательскимъ опытамъ. Человѣкъ темный, грубый, горькій пьяница и несдержанный въ своихъ поступкахъ, старикъ Захаръ Адріановичъ принесъ много огорченій своему сыну, котораго по-своему, быть можетъ, и любилъ.

— Зачѣмъ эти лодыри къ тебѣ шляются?—строго говоритъ Захаръ юному стихотворцу.—Что ты имъ, и что они тебѣ? Вѣдь кормить-то насъ они не будутъ.

— Это мои знакомые, товарищи будутъ...

— Я слышалъ, что ты имъ пѣсни какія-то пишешь... вотъ они съ сыта-то и лѣзутъ къ тебѣ, а у насъ работа... Отъ родителевъ достатки у нихъ, хребта своего не гнули; а у тебя обязанности есть. Что жъ дальше-то будетъ? Нынче гулянки, завтра гулянки—не линія это!

— Стихи я пишу; даръ у меня есть къ тому. Они тоже стихи послушать любятъ...

— Даръ, скажите... Дармоѣдство, такъ говори! Кто подарокъ-то тебѣ этотъ сдѣлалъ?

— Богъ!

— Грѣховодникъ! Изъ простой крестьянской избы... барченка изъ себя строитъ. Товарищи-то скажутъ! Они смѣются надъ тобой, дуракомъ несмысленнымъ, а ты и уши развѣсилъ. Понравилось! Вѣдь ты не махонькій, кажется! Съ пути тебя сбиваютъ. Не хочешь ли ты на Никольскій попасть, за стихи деньги получать, отца съ матерью кормить [1]).

Незадолго до смерти И. З. говорилъ друзьямъ стихи „Аккерманъ“:

Я странствовать люблю. И лишь наступитъ лѣто,
Какъ птица вольная, перелетаю я
Отъ пасмурныхъ небесъ — въ страны тепла и свѣта,
Отъ мрачныхъ береговъ — въ волшебные края.

Кромѣ отрывковъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній о Суриковѣ, Соловьевъ-Несмѣловъ передалъ намъ автографъ Ивана Захаровича, черновикъ не напечатаннаго его стихотворенія, съ поправками автора. Стихотвореніе это, писанное на листкѣ почтовой бумаги, относится, повидимому, къ числу раннихъ произведеній Сурикова и литературными достоинствами не отличается. Тѣмъ не менѣе, оно очень характерно въ томъ отношеніи, что показываетъ несомнѣнное вліяніе на нашего поэта Никитина. Приведемъ эту картинку:

За окошкомъ вьюга
Воетъ и шумитъ,
И въ избѣ лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ.
Молодая баба
У стола сидитъ,
На рукахъ ребенокъ
У нея кричитъ.
На дворѣ ужъ полночь.
Бабѣ не до сна:
Изъ города мужа
Въ горѣ ждетъ она [2]).
Онъ съ утра уѣхалъ,
Нагрузивши возъ,
На нужду - злодѣйку
Свой продать овесъ.
И теперь все нѣту...
Мучитъ ее страхъ...
И она качаетъ
Крошку на рукахъ [3]).
— Бай, бай, мой родимый,
Экой ты какой
Сталъ неугомонный!
Спи! Господь съ тобой!
На печи старуха
Кашляетъ, лежитъ,
И своей невѣсткѣ
Тихо говоритъ:
— Грудку-то, касатикъ,
Всю онъ надорветъ;
Положи-ка въ люльку:
Можетъ, и заснетъ.

---

[1]) Другая редакція этого діалога, повидимому исправленная, вошла въ посмертное изданіе стихотвореній Сурикова, стран. CXIII.

[2]) Прежде было: „Ждетъ-сидитъ она“.

[3]) Прежде читалось: И дитя качаетъ
Баба на рукахъ.

Гдѣ же это нашъ-то,
Гдѣ онъ запропалъ? [1])
За окномъ въ то время
Громко конь заржалъ.
И вскочила баба,
Не дослушавъ рѣчь,
И къ старухѣ крошку
Сунула на печь,
Такъ сказавъ: — „Возьми-ко;
Знать, пріѣхалъ самъ“...
И сама пустилась
Прямо къ воротамъ.
Отворивъ, впустила
Вѣрнаго коня,
И, взглянувши въ сани,
Ахнула она.
И, скрестивши руки,
Бѣдная стоитъ: [2])
Передъ ней безъ шапки
Пьяный мужъ лежитъ.
Въ сѣно онъ уткнулся
Голой головой [3]),
За мѣшки пустые
Держится рукой.
Кой-какъ горемыка
Мужа подняла,
И его чрезъ силу
Въ избу провела.
И, раздѣвши мужа,
Слышитъ, какъ у ногъ
На полу чуть слышно
Стукнулъ кошелекъ.
Кошелекъ тотъ съ полу
Баба подняла,
Пять копеекъ мѣди
Только въ немъ нашла.
Горемъ и досадой
Грудь у ней кипитъ
И она злодѣю
Мужу говоритъ:

Окончаніе этого стихотворенія намъ не извѣстно.

Воспоминанія Матвѣя Алексѣевича Козырева относятся къ тому времени, когда онъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ и торговалъ въ табачной лавочкѣ по Тверской-Ямской. Свою первую встрѣчу съ Суриковымъ Козыревъ описалъ въ разсказѣ „На пути-дорогѣ къ свѣту“, имѣющемъ автобіографическое значеніе. Здѣсь Суриковъ вы-

---

[1]) Прежнее чтеніе: Гдѣ ужъ это нашъ-то—
— Нашъ-то запропалъ?

[2]) Рукой Сурикова раньше было написано:
Отъ кручины-горя
Вся она дрожитъ.

Инымъ почеркомъ верхняя строка исправлена:
И всплеснувъ рук (ами).

[3]) Рукой Сурикова было написано:
Онъ лежитъ уткнувшись
Въ сѣно головой.

Другимъ почеркомъ на поляхъ этотъ стихъ замѣненъ:
Крѣпко спитъ, уткнувшись
Въ сѣно головой и т. д.

веденъ подъ фамиліей Краскина. Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ ненапечатаннаго „Автобіографическаго наброска“. Дѣло было во второй половинѣ 1860-хъ годовъ.

„Время шло,—пишетъ Козыревъ,—и одно писаніе стиховъ перестало уже удовлетворять меня. Явилось желаніе видѣть хотя-бы одну строчку напечатанной, а чтобы внизу красовалась моя фамилія. Бывая по праздникамъ въ трактирѣ нашей улицы и просматривая нѣкоторые журналы,—я видалъ въ нихъ немало стиховъ. При посредствѣ кого-то изъ знакомыхъ, я, наконецъ, узналъ, какимъ способомъ можно доставить стихи въ редакцію. Способъ, конечно, простой: письмо по почтѣ и ожиданіе, что отвѣтятъ въ почтовомъ ящикѣ журнала. И вотъ, стали появляться и отвѣты: „неудобно“, „плохо“, „это не стихи“ и т. д. Это и озадачивало меня, и удивляло: „Какъ не стихи“?—думалъ я,—когда я подгонялъ размѣръ длины стиховъ, строчка въ строчку, но и не подозрѣвая еще о существованіи какой-то метрической мѣры.

„Моимъ сочинительствомъ заинтересовался какъ-то одинъ изъ моихъ покупателей знаменитыхъ въ то время 3-хъ копѣечныхъ „Матвѣевскихъ“ папиросъ. Покупатель этотъ былъ почти сосѣдъ по лавкѣ, торговецъ старымъ желѣзомъ, мужчина мѣщанской складки, съ рыжей подстриженной бородкой, съ весноватымъ, покрытымъ красными жилками лицомъ. Звали его Иванъ Захаровичемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что тоже пишетъ и печатаетъ стихи, и просилъ меня показать, что такое я „сочиняю“.

„Стихи мои оказались, конечно, не стихами, а какой-то грубой, рубленой прозой; но и въ рубленой прозѣ, должно быть, сосѣдъ мой нашелъ проблески мысли, ибо постарался въ этотъ же разъ ознакомить меня съ построеніемъ и размѣромъ стиха. Для наглядности мой сосѣдъ принесъ мнѣ въ этотъ же день свои напечатанные въ мелкихъ народныхъ журналахъ стихи.

„Тогда только я узналъ, что сосѣдъ мой былъ тотъ самый Суриковъ, стихи котораго я читалъ еще подъ руководствомъ моей учительницы Натальи Ивановны. Но я никакъ не могъ подозрѣвать, что любимый мой поэтъ могъ скрываться въ длиннополомъ сюртукѣ и торговать старьемъ-желѣзомъ... Скоро и близко сошелся я съ Суриковымъ, несмотря на большую разницу въ нашихъ лѣтахъ: онъ былъ на десять лѣтъ старше меня.

„Это было въ концѣ 60-хъ годовъ, а сентябрьская книжка народнаго журнала „Грамотей“ за 1871 годъ принесла мнѣ первую, духовную, ни съ какою иною несравнимую радость: въ ней было напечатано мое первое стихотвореніе „Раздумье старика“. Моя радость была вмѣстѣ съ тѣмъ и радостью, и неожиданностью для Ивана За-

харовича. Въ писаніи я былъ крайне щепетиленъ: не могъ переносить ни поправокъ, ни литературныхъ рекомендацій. Не скажу, чтобы я избѣгалъ совѣтовъ и замѣчаній Ивана Захаровича, но онъ дѣлалъ указанія въ недостаткахъ моихъ писаній, не прибѣгая къ карандашу. Черезъ мѣсяцъ—два напечатано было и второе мое стихотвореніе въ журналѣ „Воскресный Досугъ“, издававшемся въ Петербургѣ.

Въ началѣ слѣдующаго 1872 года Москва готовилась къ открытію Всероссійской выставки. Сурикову вздумалось непремѣнно къ этому времени пріурочить изданіе сборника „Разсвѣтъ“, состоящаго исключительно изъ произведеній писателей-самоучекъ, которыхъ, по его мнѣнію, должно было быть немало на Руси. Кромѣ самого Сурикова, проживали тогда въ Москвѣ: А. Е. Разореновъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, торговецъ-мелочникъ овощнымъ товаромъ, написавшій очень немного, но извѣстный, какъ авторъ распѣваемой народомъ пѣсни—„Не брани меня, родная“; Е. Е. Жаровъ, сидѣлецъ питейнаго дома, книжечка неважныхъ стишковъ котораго только передъ тѣмъ вышла, и И. В. Родіоновъ, служившій артельщикомъ въ „Россійскомъ обществѣ транспортированія кладей“; первое стихотвореніе его появилось одновременно съ моимъ въ „Иллюстраціонной Газетѣ“. Появились объявленія о предстоявшемъ изданіи въ тѣхъ журналахъ, гдѣ мы печатались.

„Писателей изъ народа оказалось немного, но желающихъ быть таковыми была масса. Едва успѣли появиться объявленія, призывающія къ сотрудничеству въ сборникѣ на артельныхъ началахъ, какъ въ редакціи оказалась цѣлая туча корреспонденцій, состоящихъ преимущественно изъ стиховъ, хотя въ сборникѣ обѣщались печататься и прозаическія вещи. Редакторъ доставилъ все получаемое Ивану Захаровичу. Такъ или иначе, изъ массы посланнаго хлама было выбрано годное, а сборникъ вышелъ своевременно. Кромѣ жившихъ въ Москвѣ лицъ, въ немъ приняли участіе немногіе: С. Я. Дерунновъ,—самый старшій изъ современныхъ писателей-самоучекъ; С. А. Григорьевъ—нынѣ умершій; И. Е. Тарусинъ—тоже покойный; О. Матвѣевъ и еще два — три лица, которыя, кажется, этимъ и закончили свою писательскую дѣятельность.

„Для полноты именъ и количества необходимаго матеріала, Иванъ Захаровичъ посовѣтовалъ нѣкоторымъ изъ насъ напечатать свои вещи подъ псевдонимомъ и попробовать свои силы въ прозѣ. Въ результатѣ появилось: самъ Суриковъ написалъ два разсказа прозой и подписалъ ихъ „Новоселовъ“; Родіоновъ родилъ Евсѣева, изъ меня вышелъ Михаилъ Крюковъ, подъ этимъ псевдонимомъ я писалъ не мало впослѣдствіи, а два мои разсказа рѣшили мою дальнѣйшую

дѣятельность: Иванъ Захаровичъ посовѣтовалъ мнѣ окончательно перемѣнить стихи на прозу.

„Сборникъ успѣха не имѣлъ: авторы-издатели кромѣ убытка получили удовольствіе быть поруганными, особенно „Московскими Вѣдомостями“. Рецензенты высказывали удивленіе: какъ-де эти букашки осмѣливались выползать изъ щелей и заявлять о своемъ существованіи!.. Впрочемъ, мнѣ повезло отъ этой газеты: въ числѣ похваленныхъ вещей было и мое стихотвореніе“.

„Послушный совѣтамъ Ивана Захаровича, я, отъ времени до времени писалъ стихи, болѣе же сосредоточился на прозѣ“.

Савва Яковлевичъ Деруновъ, живущій въ Ярославской губерніи,— одинъ изъ старѣйшихъ поэтовъ-самоучекъ. Онъ началъ писать и печататься еще тогда, когда Суриковъ былъ мальчикомъ. Въ своей автобіографіи Деруновъ передаетъ намъ подробности двухъ встрѣчъ съ поэтомъ.

„Первая моя встрѣча съ Суриковымъ была у моего друга, крестьянина-поэта Ѳедора Ѳедоровича Вѣнцова. Съ нимъ я подружился еще въ 1850 году, а въ описываемое время, то-есть въ 1857 году, онъ служилъ приказчикомъ въ небольшой табачной лавочкѣ въ Зубовѣ. Когда я въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву сидѣлъ у Вѣнцова, къ нему пришелъ въ гости Иванъ Захаровичъ. Какъ теперь помню, во время нашей бесѣды въ лавочку вошелъ мущина средняго роста съ необыкновенно симпатичнымъ лицомъ и небольшими выразительными глазами. Густые русые волосы подстрижены были въ скобку, и въ общемъ онъ производилъ впечатлѣніе красиваго человѣка. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ словъ, которыми гость перекинулся съ Вѣнцовымъ, мы всѣ втроемъ пошли гулять по Зубовскому бульвару, а затѣмъ отправились по обыкновенію въ трактиръ попить чайку. Конечно, скоро разговоръ перешелъ на поэтовъ и поэзію. Суриковъ говорилъ мало.

„Въ то время Суриковъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Кольцова и Никитина. Онъ ихъ считалъ болѣе дорогими и близкими себѣ, чѣмъ остальныхъ поэтовъ, начиная хотя бы Пушкинымъ и Лермонтовымъ и кончая Некрасовымъ и Майковымъ. Менѣе извѣстныхъ поэтовъ, какъ онъ самъ сознавался, Суриковъ мало читалъ, а иностранныхъ и совсѣмъ почти не зналъ. Въ то время въ Москвѣ еще много толковъ возбуждала „Баллада“ графини Е. П. Ростопчиной, которую Вѣнцовъ все время называлъ „сіятельной“. Пом-

ню я, насколько были сильно впечатлѣніе, произведенное запрещеніемъ ея.

„Такимъ образомъ, Суриковъ въ первую нашу встрѣчу показался мнѣ застѣнчивымъ: онъ говорилъ какъ-то неувѣренно, скромно, по-юношески. Кромѣ того наше свиданіе продолжалось недолго, и я не вынесъ изъ него особенно сильныхъ впечатлѣній. Подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи я впослѣдствіи написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Юнцомъ на Зубовскомъ бульварѣ,
Ты, встрѣтясь первый разъ со мной, —
Ходилъ, и долго мы молчали,
Любуясь раннею весной.
На липахъ почки наливались,
Сіяло солнце надъ Москвой,—
Роднымъ восторженнымъ казался
Мнѣ взглядъ горящій, юный твой.
Мы сѣли, съ грустью говорили
О музѣ юныхъ нашихъ дней,
Съ надеждой, вѣрой и любовью
Желали лучшихъ пѣсенъ ей.
Навѣкъ разстались мы друзьями,
И полны жаждою любви
Другъ другу молвили, прощаясь:
— Пиши и счастливо живи!

Вторая встрѣча наша тѣсно связана съ возникновеніемъ кружка писателей-самоучекъ, душой котораго былъ Суриковъ. 1872 годъ— самый радостный годъ въ жизни нашихъ горемычныхъ поэтовъ изъ народа. Въ этомъ году вышелъ первый выпускъ сборника „Разсвѣтъ“, въ которомъ были напечатаны произведенія слѣдующихъ писателей крестьянскаго и мѣщанскаго происхожденія: Григорьева, Жарова, Козырева, Матвѣева, Назарова, Разоренова, Родіонова, Тарусина, мои и Сурикова.

Когда Суриковъ твердо рѣшилъ приступить къ изданію сборника, то вызвалъ меня въ Москву письмомъ. Онъ писалъ, что довольно намъ, самоучкамъ, лежать подъ спудомъ, что на насъ никто изъ настоящихъ писателей не хочетъ обращать вниманія, что намъ пора заговорить о себѣ и т. д.

Нечего и говорить, что я сейчасъ же собрался и пріѣхалъ въ Москву, захвативъ съ собой нѣсколько стихотвореній, которыя находилъ болѣе удачными [1]). За эти пятнадцать лѣтъ многое измѣнилось.

[1]) Время вторичнаго посѣщенія Деруновымъ Москвы опредѣляется еще письмомъ Сурикова къ Воронину отъ 10-го октября 1872 года. Суриковъ пишетъ, что Деруновъ видался съ нимъ и условился издать сборникъ общими средствами, а затѣмъ каждый изъ участниковъ получитъ число экземпляровъ пропорціонально взносу. (Стихотворенія, Москва. 1884 г., стран. 11).

Мой другъ Вѣнцовъ умеръ, Суриковъ уже пользовался извѣстностью. Мы съ нимъ поддерживали сношенія перепиской. Первое письмо отъ Сурикова я получилъ въ 1860 году. Суриковъ писалъ мнѣ, что ѣдетъ къ себѣ на родину въ Новоселово, а на обратномъ пути съ Волги заѣдетъ по Шекснѣ ко мнѣ погостить. Но, по неизвѣстнымъ для меня причинамъ, онъ проѣхалъ прямо въ Москву, и я напрасно его поджидалъ. Затѣмъ онъ написалъ мнѣ письмо въ 1864 году, послѣ того, какъ въ журналѣ „Воскресный досугъ“, среди очерковъ и разсказовъ изъ народной жизни, появились въ печати стихи самого Сурикова. Суриковъ не забылъ меня и подѣлился со мной своей первой литературной радостью.

Наконецъ, когда имъ была только написана былина „Садко“, напечатанная впослѣдствіи въ „Вѣстникѣ Европы“, то Суриковъ прислалъ мнѣ былину въ рукописи. Онъ зналъ, что я занимаюсь собираніемъ образцовъ народной поэзіи и этнографіей [1]), и просилъ, просмотрѣвъ рукопись, сообщить ему, насколько вѣрно изображенъ у него старинный русскій бытъ. Автографъ остался у меня и хранится до настоящаго времени, какъ драгоцѣнность.

Итакъ, въ 1872 году я пріѣхалъ въ Москву. Желѣзная лавка Сурикова помѣщалась тогда неподалеку отъ Смоленскаго вокзала на Тверской-Ямской. Мы пришли къ нему вмѣстѣ съ Козыревымъ. Первое, что меня поразило, это было то, что Суриковъ очень измѣнился наружностью. Его трудно было узнать; только острый взглядъ его и ярко-рыжіе, почти огненные, подстриженные въ скобку волосы напоминали юнаго Сурикова. Лицо заросло теперь густой бородой, которую онъ подстригалъ, какъ московскіе купчики [2]). Въ лавкѣ, пока мы сидѣли вчетверомъ, Суриковъ говорилъ очень мало. Мнѣ казалось, что онъ стѣсняется присутствіемъ своего отца-старика. Но когда мы перешли въ трактирчикъ и усѣлись за столомъ и чайниками, то Иванъ Захаровичъ сдѣлался разговорчивѣе. Въ то время буквально гремѣла по всей грамотной Россіи поэзія Н. А. Некрасова. Я восхи-

---

[1]) Въ сборникѣ „Разсвѣтъ“ была напечатана, между прочимъ, статья С. Я. Дерунова „Поэтическія и суевѣрныя воззрѣнія народа въ Пошехонскомъ уѣздѣ (Этнографическій очеркъ“), стран. 147—151. Первые три очерка той же серіи помѣщены въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

[2]) Сохранился слѣдующій анекдотъ о бородѣ Сурикова въ письмѣ самого поэта къ Барышеву (Мясницкому). Въ іюлѣ 1878 года Иванъ Захаровичъ писалъ изъ Саратовской губерніи: „Третьяго дня въ видѣ опыта я протанцовалъ нѣсколько кадрилей въ курзалѣ и нѣсколько полекъ,—ничего, не задохся. Бородища, братъ, у меня выросла здѣсь огромная. Товарищи мои, учителя, смѣялись даже:

Ты, братъ, своимъ дамамъ, танцуя польку, бородой всѣ глаза выхлесталъ!

щался некрасовской музой, которую считалъ оригинальной, хотя и однообразной, и высказалъ свой восторгъ моимъ друзьямъ.

— Я не могу такъ восторгаться Некрасовымъ, какъ вы,—возразилъ на это Суриковъ,—потому что въ его музѣ ничего нѣтъ поэтическаго. Это сухая проза, при томъ односторонняя и ординарная. Она не уноситъ насъ въ обширный міръ поэзіи и не даетъ силы, окрыляющей человѣка.

Когда мы разстались, я сказалъ Козыреву, что меня удивляетъ какая-то молчаливость, замкнутость Сурикова. На это Козыревъ ничего не отвѣтилъ, только рукой махнулъ; видно, и онъ не разъ страдалъ отъ этой именно черты въ характерѣ своего друга и наставника.

На другой день утромъ я снова пошелъ къ Сурикову, чтобы вступить въ переговоры относительно предполагавшагося изданія.

— Почему ты, Иванъ Захаровичъ, не заѣхалъ ко мнѣ въ Пошехонье?—спросилъ я его.

— Другъ мой,—отвѣтилъ онъ,—въ Рыбинскѣ я загулялъ и вмѣсто Шексны уѣхалъ на Москву. Со мной это нерѣдко бываетъ...

— Почему же ты пьешь?—говорю я.—Что за непростительная слабость!

— Товарищество и недовольство жизнью. Торговать мнѣ не хочется, лавка и товаръ меня тяготятъ. Мнѣ хотѣлось бы писать и писать... но писанія мои, т. е. стихи, даютъ мнѣ одни гроши, а писать прозой я не умѣю. Вы съ Козыревымъ счастливчики. По крайней мѣрѣ за ваши разсказы и стихи заплатятъ не грошъ, а цѣлыхъ пять грошей. И это уже лучше моего.

— Ты полюби, пріохоть себя къ прозѣ,—попробовалъ я утѣшить его,—она такъ же поэтична, какъ и стихи.

— Хотѣлъ полюбить, да не любится [1]); вотъ и торгую старьемъ,—съ грустью въ голосѣ заключилъ Суриковъ.

Разговоры наши были долгіе и сердечные. Я еще разъ пробовалъ перейти на тему о преимуществѣ прозы.

— Ты попробовалъ бы написать разсказъ изъ народнаго быта,—говорю я.

— Былъ такой случай, но теперь это невозможно. Прежде всего я мало знаю этотъ бытъ. Въ деревнѣ я бываю рѣдко, и житье-бытье

---

[1]) Тотъ же приблизительно взглядъ на прозу Суриковъ высказываетъ въ письмѣ И. Г. Воронину отъ 1-го мая 1874 года: „Прозой для меня писать—тяжело; хотя я и могу писать, у меня къ прозѣ не лежитъ сердце. Ты не подумай, что я на нее гляжу съ пренебреженіемъ: вовсе нѣтъ, я ее уважаю, но такъ какъ-то прозой писать мнѣ нѣтъ охоты. Прозой я писалъ, даже печаталъ (слѣдуетъ перечисленіе названій разсказовъ и журналовъ)... Въ прозѣ я, братъ, слабъ“. (Стихотворенія. Москва. 1884 г., стран. 15).

мужиковъ-родичей какъ-то далеко отъ меня, чтобы изображать его реально. Если въ стихахъ и не грѣшно иногда прикрасить, то въ прозѣ во всякомъ случаѣ мнѣ придется быть правдивымъ.

Въ тотъ же вечеръ передъ отъѣздомъ изъ Москвы, мы всѣ впрочемъ зашли въ фотографію и снялись на память о нашемъ свиданіи. Затѣмъ я получилъ отъ Сурикова нашу общую карточку вмѣстѣ съ выпиской изъ того нумера журнала „Бесѣда“, гдѣ была помѣщена рецензія на нашъ сборникъ „Разсвѣтъ“, подписанная буквами А. В. Суриковъ думалъ, между прочимъ, что эта рецензія была написана А. Н. Веселовскимъ.

Въ томъ же письмѣ Суриковъ прибавлялъ, что сдѣлалъ уже публикацію объ изданіи втораго выпуска „Разсвѣта“, о которомъ мы мечтали незадолго предъ этимъ въ Москвѣ. Но второму выпуску не суждено было появиться въ свѣтъ.

Наконецъ, третье наше свиданіе произошло въ 1876 году. Съ Суриковымъ произошла еще бо́льшая перемѣна. Онъ сильно исхудалъ, изрѣдка кашлялъ, придерживая рукой грудь, въ которой, казалось, было уже пусто...

— Съ выпивкой дѣло покончено совсѣмъ,—говорилъ Иванъ Захаровичъ.—Теперь сижу и работаю все надъ стихомъ. Технику моего стиха теперь поняли и оцѣнили. Теперь никто не можетъ упрекать меня въ пренебреженіи техникой.

Кто-то изъ собесѣдниковъ усомнился въ необходимости внѣшней отдѣлки стиха.

— О, техника — важное дѣло,—замѣтилъ Суриковъ.—Прочтите Кольцова. У него мало вниманія обращено на внѣшность стиха. И повѣрьте: появись стихи его позднѣе, не говорю уже, въ наше время, ими ни въ какомъ случаѣ не восхищались бы такъ, какъ это было сорокъ лѣтъ тому назадъ [1]).

Съ тѣхъ поръ мы ужь не видались. Суриковъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ изъ Москвы, уже больной, а затѣмъ изъ степей самарскихъ и изъ Крыма. Его письма продолжались почти до самой смерти. Подъ вліяніемъ извѣстія о кончинѣ Сурикова я написалъ въ 1880 году слѣдующія строки:

Предъ нами солнце ярко блещетъ;
Очнись, мой другъ! Кругомъ весна,
Родная Волга тихо плещетъ.
Ты ихъ любилъ—очнись отъ сна.

---

[1]) Въ письмѣ къ Воронину (безъ даты) 1872 года Суриковъ говоритъ, какъ трудно доставалась изящная форма стиха Кольцову, Никитину, Лермонтову Пушкину. (Тамъ же, стран. 6).

Послушай, милый... Звукъ несется:
То пѣсня пташки вдалекѣ.
Она о горестяхъ поется,
Что ты воспѣлъ, о той тоскѣ,
Что безпрестанно надрывала
Твою страдальческую грудь,
Что предъ тобой какъ тѣнь вставала
И не давала силъ вздохнуть.
Замолкли пѣсенъ переливы,
Затихла скорбь въ душѣ больной.
Но звуки пѣсенъ долго живы,
Припомнятъ ихъ въ странѣ родной.

Свою переписку съ Суриковымъ я частью уничтожилъ въ тяжелые для меня годы [1]), частью передалъ Леониду Николаевичу Трефолеву, который обѣщалъ ее напечатать. Я часто вспоминаю Сурикова, и въ 1900 году посвятилъ его памяти слѣдующее стихотвореніе:

Другъ умеръ. Двадцать лѣтъ въ землѣ
Лежишь... Вставай, отъ сна воскресни!
Послушай, тѣ же на селѣ
Поемъ съ тоскою наши пѣсни.
Лежишь, не слышишь, другъ, въ тиши
Друзей своихъ, ихъ пѣсенъ звуки,
Ихъ изстрадавшіяся души,
За счастье братьевъ слезы, муки...

Этимъ не исчерпываются еще матеріалы, доставленные намъ С. Я. Дерунovымъ [2]). Недавно престарѣлый поэтъ отыскалъ у себя около тридцати писемъ Сурикова къ нему, относящихся къ 1870 и самому началу 1880-хъ годовъ. Письма очень интересны, касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и заслуживаютъ того, чтобы были напечатаны цѣликомъ. Сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія распадаются на три самостоятельныя группы.

Первая изъ нихъ трактуетъ, главнымъ образомъ, о товарищескомъ сборникѣ „Разсвѣтъ“. Сотрудники его [3]) благодарятъ Дерунова за

---

[1]) Подробнѣе объ этихъ обстоятельствахъ въ рукописной автобіографіи Дерунова. 30-го октября 1873 года Суриковъ писалъ Воронину: „Д—въ (Дерунovъ) находится на порукахъ, его обвиняютъ за какую-то статью. Назначено слѣдствіе“. (Тамъ же, стран. 10).

[2]) Первоначальный текстъ „Воспоминаній“ былъ нѣсколько измѣненъ самимъ авторомъ уже послѣ того, какъ рукопись была приготовлена къ печати.

[3]) Письмо подписано слѣдующими лицами: Елизаровымъ, Жаровымъ, Родіоновымъ, Разореновымъ, Суриковымъ, Тарусинымъ, Козыревымъ и И. З. Новоселовымъ (псевдонимъ Сурикова).

присылку стихотвореній и просятъ о подобной присылкѣ и на будущее время; затѣмъ Суриковъ сообщаетъ предполагаемое содержаніе книги, говоритъ о трудности редактированія плохихъ произведеній, объ отношеніи къ сборнику критики, наконецъ, о второмъ выпускѣ. Съ каждымъ письмомъ надежды на возможность этого изданія дѣлаются слабѣе, пока итоги понесенныхъ имъ убытковъ не убѣждаютъ его въ безполезности выпускать второй томъ „Разсвѣта“.

Вторая группа матеріаловъ касается болѣзни самого Сурикова. Онъ жалуется своему другу на недомоганья, что прикованный къ постели онъ не можетъ работать, въ то время, какъ нужда гонитъ его въ лавку и т. д. Не разъ онъ упоминаетъ о своемъ буйномъ отцѣ, о своихъ писательскихъ невзгодахъ, о планахъ на будущее. Вопросъ о матеріальныхъ средствахъ сильно мучилъ Сурикова. Одно время онъ думалъ бросить торговлю и открыть библіотеку для чтенія, затѣмъ мечталъ о покупкѣ недорогой типографіи, наконецъ перешелъ къ мысли объ изданіи собственнаго журнала. Ничему изъ этого не пришлось осуществиться. Съ каждымъ годомъ письма дѣлаются печальнѣе, въ особенности, когда доктора нашли у него чахотку. Суриковъ мужественно ожидаетъ приближеніе смерти и не надѣется на выздоровленіе.

Послѣдній отдѣлъ—литературные успѣхи и неудачи его самого и друзей его по писательству. Суриковъ гордится первыми и близко принимаетъ къ сердцу вторыя. О тѣхъ писателяхъ, которыхъ зналъ и Деруновъ, сообщаются самыя отрывочныя извѣстія дѣловаго характера. Интересны характеристики тѣхъ лицъ, которыхъ Деруновъ совсѣмъ не зналъ и которыя сверхъ писемъ дѣлалъ съ большимъ мастерствомъ.

Иногда они спорили о талантливости того или инаго писателя-самоучки; отзывы Сурикова были весьма удачны. Для того, чтобы имѣть представленіе о письмахъ этой группы, приведемъ одно изъ нихъ, помѣченное 13-мъ мая 1873 года:

„На высылку тебѣ журнала „Грамотей“ я деньги отдалъ давно, но Н. И. Алябьевъ, продержавши ихъ мѣсяца полтора, возвратилъ мнѣ ихъ назадъ, сказавши: „Журналъ „Грамотей“ С. Я. Дерунову высылается“. Вѣроятно, ему взять съ тебя, какъ съ сотрудника, деньги на „Грамотей“ запретила совѣсть.

„Я. П. Полонскаго стихотвореній не нашелъ, поэтому и не высылаю: Логиновъ обѣщался мнѣ добыть,—тогда вышлю. Въ майской книжкѣ „Грамотея“ будетъ напечатано твое стихотвореніе „Пѣсня школьника“ (съ картинкою, гравированной Ю. Конденомъ, я эту гравюру видѣлъ у него). Повѣсть „Зазорныя дѣти“ и разсказъ „Народный учитель“ еще Н. И. Алябьевъ не прочиталъ, но бу-

дутъ ли они напечатаны, я не знаю; во всякомъ случаѣ я тебя увѣдомлю.

„Н. Г. Воронинъ просилъ меня засвидѣтельствовать тебѣ его почтеніе,—онъ прислалъ мнѣ для передачи въ журналъ „Грамотей“ статью „Очерки Приволжскаго края“ и просилъ меня ее просмотрѣть, но я ея еще не читалъ и сказать о ней ничего не могу. Пишу на скорую руку—а то нужно бы написать тебѣ кой-что побольше. Козыревъ, Родіоновъ, Григорьевъ, Разореновъ, Урусовъ тебѣ кланяются. Жду письма“.

Новости журнальнаго міра также занимали Сурикова, и онъ считалъ интереснымъ знакомить съ ними своего друга, жившаго въ глуши. Онъ пишетъ ему о новыхъ изданіяхъ, предпринимаемыхъ кружками московскихъ или петербургскихъ писателей, о рожденіи и кончинѣ журналовъ; иногда тонъ его писемъ принимаетъ мрачный характеръ. „Новаго я тебѣ сообщить ничего не могу,—пишетъ онъ 20-го сентября 1874 года,—въ литературѣ затишье...; да иначе и быть не можетъ при существующихъ въ настоящее время порядкахъ въ цензурѣ, которая всякую смѣлую мысль обрѣзываетъ или совсѣмъ зарѣзываетъ. Журналовъ новыхъ не разрѣшаетъ, изданія то и дѣло прихлопываетъ, поневолѣ всякая мысль сожмется до ничего. Нужно бы кое-что еще пописать, но привезли уголья, нужно сваливать, и посему-то кончаю письмо. Жму крѣпко, крѣпко твою руку и желаю тебѣ всего хорошаго“.

Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ половинѣ 1875 года, Суриковъ подробно говоритъ о новыхъ произведеніяхъ своихъ литературныхъ друзей, при чемъ въ концѣ письма прибавляетъ: „А я, братъ, я ничего не писалъ, кромѣ сей стишины. Страшное затишье... Грустно за самого себя.

Пусть потратилъ я силы безплодно,
Да какая жъ въ томъ польза другимъ,
Что я гибну во тьмѣ безъисходной?
Хохотать надъ безсиліемъ моимъ!
И погибну,—печаль не велика.
Не жалѣю я долю свою.
Все, что пошло, и грязно, и дико,
Истерзало мнѣ душу мою.
Съ дѣтскихъ лѣтъ выносилъ я лишенья,
Былъ охваченъ я мракомъ кругомъ,
И горячія къ свѣту стремленья
Заглушали во мнѣ кулакомъ.
Но шелъ къ цѣли я смѣло и гордо,
Не страшася ни бури, ни грозъ,
И теперь погибаю я гордо
Среди мрака, не выроня слезъ.

*

И ни смѣха людей, ни упрека,
Недостоенъ я, Боже мой,—нѣтъ!
Въ свѣтъ и истину вѣря глубоко,
Въ тьмѣ я свѣтлый прокладывалъ слѣдъ.

„Кромѣ этой стишины посылаю тебѣ черновую „Садко у морскаго царя"—она готовилась мною для втораго выпуска сборника „Разсвѣтъ"—и „Немочь". Прощай, другъ мой, и не забывай любящаго и уважающаго тебя И. Сурикова".

Знакомство съ Суриковымъ другаго поэта-крестьянина, Ивана Семеновича Ивина, относится къ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Въ это время отецъ Ивина получилъ мѣсто артельщика на Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, а сына отдалъ въ ученье по токарному ремеслу на заводъ Гоппера, срокомъ на пять лѣтъ. Фабричная обстановка мало располагала къ чтенію и писательству. Кромѣ лубочныхъ пѣсенниковъ Ивинъ ничего не читалъ за это время. Написанъ былъ всего одинъ разсказъ „Отъ любви до висѣлицы", изъ жизни мастеровыхъ, но всѣ свои писанія юноша никому не показывалъ, складывалъ ихъ въ маленькій сундучекъ, который сейчасъ же и запиралъ. Проработавъ около двухъ лѣтъ, Ивинъ ушелъ къ отцу. Тогда его опредѣлили въ запасные токарные рабочіе на той же дорогѣ, гдѣ служилъ отецъ. Жили они близъ Тверской заставы. „Неподалеку отъ насъ,—разсказывалъ Ивинъ,—была лавочка желѣзнаго старья, принадлежавшая поэту Сурикову. Отецъ мой зналъ Сурикова, потому что тотъ часто ходилъ къ своему другу артельщику, поэту-самоучкѣ, Григорьеву, служившему на той же станціи, гдѣ и отецъ.

„Однажды я отлучился съ квартиры, а сундучекъ свой почему-то не заперъ. Отецъ зачѣмъ-то сталъ рыться въ моемъ сундучкѣ и, конечно, нашелъ тамъ мои писанья и прочиталъ ихъ. Когда я вернулся, онъ притворно-строго спросилъ меня:

— Такъ ты, братъ, сочинительствуешь?

„ Я испугался и не зналъ, что отвѣчать. Но онъ, къ удивленію моему, не сталъ бранить меня, а только сказалъ, что мои сочиненія кажутся ему совсѣмъ плохими.

— А коли ты хочешь сочинять хорошо, — добавилъ онъ, — то я познакомлю тебя съ настоящимъ сочинителемъ—Суриковымъ.

„Я ужасно обрадовался, хотя въ то время ничего еще не слыхалъ о Суриковѣ.

„Правда, я тогда уже зналъ, что сочинители не какіе-нибудь давно

умершіе люди, а что они существуютъ и въ наше время, что они живутъ и пишутъ, но только я ничего о нихъ не зналъ и никого изъ такихъ писателей не читалъ. Отецъ сказалъ мнѣ, что Суриковъ сочинилъ пѣсню „Толокно“, которую тогда пѣли жены артельщиковъ, и еще о „Садкѣ, богатомъ гостѣ новгородскомъ“. Я ничего этого, повторяю, не читалъ, но былъ несказанно радъ, что увижу настоящаго сочинителя.

„Это было, какъ помню, въ маѣ мѣсяцѣ 1875 года. Мы отправились съ отцомъ въ лавочку Сурикова. Дорогой я думалъ, что сразу узнаю сочинителя, лишь только онъ заговоритъ, по его необыкновенному краснорѣчію. Я представлялъ себѣ писателя существомъ совершенно необыкновеннымъ, возвышеннымъ и особенно краснорѣчивымъ, не похожимъ на обыкновенныхъ людей. Когда мы вошли съ отцомъ въ лавку и отецъ, поздоровавшись съ какимъ-то рыжимъ, сутуловатымъ, съ длинными волосами и бородой, господиномъ въ длинноломъ сюртукѣ, заговорилъ съ нимъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ, вродѣ погоды, торговли и т. п., и онъ сталъ также „обыкновенно“ ему отвѣчать,—я никакъ не могъ допустить, чтобы это и былъ сочинитель. Хотя незнакомецъ говорилъ и бойко, но замѣтно картавилъ, неясно выговаривая букву „р“ и съ ярославскимъ акцентомъ, упирая на букву „о“.

„Отецъ пригласилъ его въ трактиръ чай пить. Тотъ согласился, и мы всѣ втроемъ пошли въ трактиръ, усѣлись за столикъ и спросили три пары чаю. Тутъ отецъ, указывая на меня, сказалъ господину:

— Это мой сынъ,—тоже сочиняетъ стихи и все проситъ меня отдать его учиться въ школу.

„Я дѣйствительно незадолго передъ тѣмъ просилъ объ этомъ у отца.

„Господинъ взглянулъ на меня и спросилъ:

— Да онъ хорошо ли знаетъ грамотѣ?

— О, онъ отлично читаетъ и пишетъ,—отвѣчалъ отецъ.

„Тутъ-то я и догадался, что это и есть Суриковъ. Онъ взялъ со стола какой-то иллюстрированный журналъ, раскрылъ его, указалъ какую-то сценку и велѣлъ мнѣ почитать вслухъ. Я сконфузился и началъ читать робко и плохо. Отецъ замѣтилъ мнѣ:

— А! Это, видно, не съ мужиками, которые хуже твоего знаютъ! Тамъ ты боекъ, а тутъ робѣешь!... Знать, тутъ получше твоего знаютъ?!...

„Суриковъ не настаивалъ дальше на чтеніи. Я робко признался, что „желаю учиться грамматикѣ для того, чтобы складно сочинять и грамотно писать“. Суриковъ на это сказалъ, что учиться надо, но что, если есть къ тому охота, то это можно сдѣлать и безъ школы, а дойти до всего самоучкой.

— Вотъ я же выучился самоучкой—добавилъ онъ, и, между прочимъ, сказалъ, что Кольцовъ, совсѣмъ не зная грамматики, писалъ стихи хорошо.

„И тутъ же Суриковъ началъ толковать о логичности въ сочиненіяхъ. Онъ говорилъ, что тотъ предметъ, о которомъ пишешь, долженъ быть ясно виденъ отъ начала и до конца, и чтобы онъ не былъ загороженъ и обставленъ разными другими предметами, не идущими къ дѣлу. Этому можно научиться изъ логики, а также и посредствомъ чтенія и развитія. Кое-что онъ и еще говорилъ въ томъ же родѣ, но я тогда плохо понималъ его и настаивалъ на томъ, что если учиться, то надо учиться въ школѣ; а то какъ же самоучкой? Вѣдь такъ ничего не поймешь. Суриковъ согласился съ этимъ. Онъ тутъ же далъ мнѣ книжку своихъ стихотвореній съ краткой біографіей и сказалъ:

— Изъ нея ты увидишь, какъ я жилъ и учился.

„Я былъ удивленъ и спросилъ:

— Это все ваши стихи?

— Да, всѣ мои, — отвѣтилъ онъ.

„Я очень обрадовался. Суриковъ сказалъ мнѣ, чтобы я какъ-нибудь зашелъ къ нему и принесъ свои стихи. Я поблагодарилъ его, и мы распростились. Дома я прочиталъ отцу стихи Сурикова, и они намъ обоимъ очень понравились.

„На слѣдующій день я принесъ къ Сурикову четыре стихотворенія. Онъ прочиталъ ихъ и сказалъ, что „стихи мои слабы по мысли, что въ нихъ почти одинъ наборъ словъ“, но все-таки, въ общемъ, одобрилъ и совѣтовалъ продолжать писать. Черезъ нѣсколько дней я принесъ Сурикову еще два моихъ стихотворенія; но эти стихи, по мнѣнію Сурикова, были тоже не лучше первыхъ. Но чѣмъ они были плохи—этого онъ мнѣ не объяснилъ. Онъ, вообще, былъ очень скупъ на объясненія; прочтетъ, бывало, стихи и скажетъ, что они или „слабы“ и „невыдержаны“ или „не логичны“, или же „не выработаны“ и „не отдѣланы“ и только; а не растолкуетъ, не объяснитъ хорошенько, чѣмъ именно они плохи, и какія въ нихъ есть наиболѣе слабыя, или наиболѣе хорошія мѣста. Я рѣшительно ничего не понималъ. Мнѣ было грустно, тяжело... Все это я приписывалъ единственно своему незнакомству съ грамматикой; желаніе учиться все болѣе и болѣе росло во мнѣ. Если бы я былъ образованъ,—думалъ я—зналъ бы грамматику, какъ Суриковъ, то могъ бы лучше писать“. И я свое желаніе учиться тутъ же выразилъ въ стихотвореніи „Мое стремленіе“.

Я стремлюся, я желаю
Научиться чтобъ всему,
Чтобы все понять, осмыслить,
Что доступно есть уму.

Почему жъ мои стремленья
Не найдутъ себѣ исходъ?
Или кто мнѣ въ томъ мѣшаетъ,
Или силъ недостаетъ?
Есть и много твердой воли,
И съ избыткомъ хватитъ силъ,
Но судьба не позволяетъ, —
Съ ней я дѣла не рѣшилъ.
И запасъ большой имѣлъ я
Выносящихъ, стойкихъ силъ,
Но, на волю вырываясь,
Ихъ безплодно погубилъ.
Не была бъ судьба преградой,
Все впередъ бы я пошелъ,
И съ какою бы отрадой
Цѣль желанную нашелъ и т. д.

„Въ третій мой приходъ къ Сурикову я показалъ ему это стихотвореніе. Онъ прочиталъ и сказалъ:

— И это стихотвореніе слабо и не выдержано.

— Да чѣмъ же оно не выдержано? Растолкуйте ради Бога! — просилъ я его.

„Онъ взялъ карандашъ и подчеркнулъ въ немъ нѣкоторыя строчки и сказалъ, что это нужно передѣлать. Я потомъ и передѣлывалъ его, и исправлялъ, но оно отъ этого, кажется, не стало лучше. Я его просилъ:

— Нельзя ли вамъ какъ-нибудь исправить мои стихи?

— Этого нельзя, — отвѣчалъ Суриковъ, — совсѣмъ неподходящее дѣло; другая мысль и другой слогъ,—это все равно, что къ черному приставить бѣлую заплату. Вообще дойти до того, чтобы писать хорошіе стихи, трудно: для этого надо быть, кромѣ таланта, человѣкомъ вполнѣ образованнымъ, или же много начитаннымъ и развитымъ. При этомъ Суриковъ совѣтовалъ мнѣ какъ можно больше читать и читать. Но читать было нечего, книгъ достать негдѣ, да и времени свободнаго не было...

„Я его спрашивалъ:

— Да какъ же вы-то до этого дошли?

— Такъ и дошелъ!—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Посмотри на меня: я прежде времени посѣдѣлъ и состарился!...

„И дѣйствительно, онъ въ то время былъ уже съ сильной просѣдью, несмотря на то, что ему было всего 35 лѣтъ. Онъ мнѣ сказалъ еще, что ему уже платятъ въ „Дѣлѣ“ 25 коп. за строку, а въ „Вѣстникѣ Европы“—50 коп. Придя домой отъ Сурикова, я сталъ убѣдительно просить отца, чтобы онъ отпустилъ меня учиться. Я говорилъ ему, что я токаремъ быть неспособенъ, что мнѣ недостаетъ

только знанія грамматики, чтобы писать хорошіе стихи, за которые будутъ платить мнѣ по 50 коп. за строку, какъ Сурикову. Конечно, плохимъ поэтомъ я не хотѣлъ быть".

И вотъ, послѣ неудачной попытки поступить въ учительскую семинарію, Ивинъ накупилъ на всѣ свои сбереженія старыхъ учебниковъ, начиная грамматикой и кончая всеобщей исторіей, и съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся изучать всю эту науку. Оказалось, что труднѣе всего было усвоить теорію словесности. Изъ чтенія исторіи литературы Ивинъ вынесъ также впечатлѣніе, что авторы писали не просто, а всегда проводили какую-нибудь мысль въ своихъ произведеніяхъ, создавали типы и т. д., что писать можно не одну только правду, а можно и выдумывать любые разсказы—лишь бы во всемъ была художественная правда. А такъ какъ простой народъ болѣе всего любитъ сказки, то Ивинъ и рѣшилъ писать сказки, проводя въ нихъ добрыя и полезныя мысли.

„Къ Сурикову я въ это время не ходилъ,—продолжаетъ Ивинъ,—некогда было... Только какъ-то разъ сбѣгалъ я къ нему, разсказалъ о неудачѣ своей насчетъ учительской семинаріи и прибавилъ, что я теперь учусь самоучкой, да плохо что-то понимаю. Онъ мнѣ на это сказалъ:

— И учись самоучкой, да читай побольше. Вотъ я же выучился, такъ что въ знаніи русскаго языка могу потягаться съ любымъ филологомъ.

„Это было весной 1874 года.

„Неудивительно, что ни одинъ изъ знакомыхъ не относился сочувственно къ моимъ занятіямъ и писательству, никто не поддержалъ меня, не одобрилъ, не научилъ ничему; а напротивъ, всѣ относились съ насмѣшкою и предубѣжденіемъ. Когда я наивно и довѣрчиво спрашивалъ у нихъ совѣта относительно формы стиха, то они надо мной только глумились, я просто терялъ голову, мучился и опускалъ руки. К—гъ, напр., называлъ мои стихотворенія глупыми и смѣшными „стишинами", а К—въ при встрѣчѣ со мной называлъ меня крестьяниномъ-поэтомъ, намекая этимъ на мою, будто бы, безграмотность. Даже Суриковъ, когда однажды я принесъ ему большое стихотвореніе подъ заглавіемъ „Цѣлый романъ", прочитавши его, тутъ же написалъ на немъ слѣдующее:

Ты этотъ свой романъ
Клади къ себѣ въ карманъ,
И тамъ храни его, храни,
Пока придутъ иные дни,
Когда ты умъ свой разовьешь,
И слабость этихъ думъ поймешь.

„Что было дѣлать? Я выражалъ въ стихахъ всѣ мои лучшія, задушевныя чувства и думы, писалъ просто обо всемъ, что Богъ поло-

житъ на сердце, но, разумѣется, безъ всякихъ правилъ знанія версификаціи, а надо мной глумились, хотя бы въ двадцати плохихъ стихахъ было пять—шесть хорошихъ. Мнѣніемъ Сурикова я очень дорожилъ. И если бы въ то время онъ прямо и откровенно сказалъ мнѣ, что „молъ, въ твоихъ стихахъ и признака нѣтъ талантливости", я бы далъ себѣ клятву во всю мою жизнь не написать ни строки, чего бы мнѣ это ни стоило; но онъ этого не говорилъ. Напротивъ, однажды я его категорически спросилъ:

— Иванъ Захаровичъ, есть ли у меня хоть какой-нибудь талантъ?

— У тебя талантъ есть и способность большая,—отвѣчалъ Суриковъ,—пиши, вырабатывайся, читай больше, и ты овладѣешь стихомъ, у тебя явится и образность, и оригинальность, словомъ, изъ тебя выйдетъ не плохой поэтъ".

На этомъ обрываются воспоминанія Ивина Суриковѣ.

Наиболѣе талантливымъ поэтомъ-крестьяниномъ послѣ Сурикова считается Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ, уроженецъ Тверской губерніи. Его автобіографическія записки напечатаны въ „Русской Старинѣ" за 1884 годъ. Знакомство Дрожжина съ Суриковымъ относится къ послѣднему году жизни Сурикова. Намъ извѣстны два письма Ивана Захаровича къ Дрожжину: первое написано изъ усадьбы Концы 20 ноября 1879 г., второе—изъ Москвы, 19 декабря того же года.

„Здоровье мое, голубчикъ, нисколько не поправляется,—пишетъ Суриковъ,— а становится день ото дня все хуже и хуже: пѣсенка моя, какъ видится, спѣта... Я работать ничего не могу, голова и душа отказались мнѣ служить; я съ величайшимъ трудомъ могу написать письмо—качель меня душитъ. Пиши, мой добрый, пока есть силы, а когда не будетъ силъ, тогда"... О стихахъ Дрожжина Суриковъ былъ очень высокаго мнѣнія. „Я васъ всегда глубоко уважалъ и уважаю за ваши труды,—писалъ онъ,—сердечно вамъ желаю трудиться и уйти дальше другихъ, рано сломившихся въ этой суровой борьбѣ съ обстоятельствами и средой".

Подъ вліяніемъ извѣстія о смерти Сурикова, Дрожжинъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Вешнее солнце пропало изъ глазъ,
Темная ночь наступила,—
Такъ передъ нами онъ, бѣдный, угасъ
Въ блескѣ таланта и силы.
Пой, терпѣливый, униженный людъ,
Пѣсни роднаго поэта,—
Въ нихъ воспѣвается честность и трудъ,
Слышится слово привѣта!

Наконецъ, кое-какія черты изъ біографіи Сурикова сообщаетъ московскій переплетчикъ Иванъ Андреевичъ Андреевъ, живущій на Знаменкѣ въ домѣ Михалкина, отецъ молодаго жанриста Владиміра Ивановича Андреева.

„Я зналъ Ивана Захаровича очень хорошо,—разсказываетъ намъ Андреевъ.—Человѣкъ онъ былъ общежительный и любилъ бесѣдовать на улицѣ со всякимъ людомъ, а въ моей мастерской у него было нѣсколько „пріятелей“ изъ рабочихъ. Особенно веселымъ онъ казался мнѣ въ послѣдніе годы жизни. Бывало, придетъ онъ ко мнѣ, дышетъ тяжело, едва духъ переводитъ, а все что-нибудь поетъ себѣ подъ носъ и надъ собой посмѣивается.

— Исхудалъ я, Иванъ Андреевичъ,—говорилъ онъ мнѣ,—такъ исхудалъ, что портки на мнѣ едва держатся. Пора отдохнуть Сурикову отъ его доли...

„Помню, меня очень поразило, когда онъ какъ-то сказалъ моей женѣ:

— Пѣсня моя спѣта, Пульхерія Константиновна. Скоро вы увидете, что нѣтъ Сурикова на свѣтѣ. Поплачьте немного!

„Онъ бралъ у меня книги для чтенія, которыя находились въ переплетѣ. Послѣ его смерти такъ и пропало за нимъ нѣсколько дорогихъ книгъ. Жена его—женщина простая, а куда дѣлась вся его библіотека—неизвѣстно. Познакомился я съ нимъ въ 1870—71 годахъ, когда мастерская моя помѣщалась на Дмитровкѣ при типографіи Мамонтова. Помню, онъ не разъ собирался купить какую-нибудь библіотеку для чтенія и этимъ существовать. Такъ какъ у меня было много знакомыхъ среди „книжниковъ“, то Суриковъ просилъ моего содѣйствія. На подаренномъ мнѣ экземплярѣ сборника стихотвореній Суриковъ написалъ:

Трудись и вѣруй въ дарованье:
Оно спасетъ тебя всегда;
Людская злоба не бѣда
Для тѣхъ, кто чтитъ свое призванье.
Придетъ пора, они поймутъ,
Что не напрасно ты трудился,
И тотъ, кто надъ тобой глумился,
Благословитъ твой честный трудъ!

„Впрочемъ, эти стихи относились не ко мнѣ лично.

„Иванъ Захаровичъ любилъ моего сына Володю. Когда тотъ узналъ, что Суриковъ стихи пишетъ, то сшилъ маленькую тетрадочку и просилъ его „вписать ему стишокъ на память“. Узнавъ о смерти Сурикова, Володя сталъ плакать и все жалѣлъ, что не получитъ уже тетрадки со стихами. Послѣ его похоронъ, мы собрались у Тѣстова

и помянули нашего друга обѣдомъ. Кромѣ тома стиховъ, у меня осталось нѣсколько портретовъ Ивана Захаровича, неизвѣстныхъ въ печати".

Черезъ два года исполнится 25-лѣтіе со дня смерти Сурикова. Было бы желательно, чтобы друзья и знакомые нашего поэта подѣлились съ читающей публикой своими воспоминаніями и чтобы кто-нибудь издалъ его интересную переписку, хранящуюся у частныхъ лицъ.

А. И. Яцимирскій.

Записки А. М. Линдена.

I.

Прибытіе на „Палладѣ“ въ Императорскую гавань и предположеніе въ ней укрѣпиться. — Отмѣна этой стратагемы. — Распоряженіе о вводѣ фрегата въ Амуръ. — Переходъ къ мысу Невельскаго. — Голодающая команда на Сахалинѣ и доставка ей провизіи. — У мыса Лазарева. — Прибытіе „Діаны“ и вѣсть о происшедшемъ на ней волненіи нижнихъ чиновъ. — Безплодныя усилія ввести „Палладу“ въ Амуръ. — Незаслуженный упрекъ.

Кто не знакомъ съ очерками плаванія фрегата „Паллада“ въ увлекательныхъ и художественныхъ разсказахъ Гончарова? Кто, зачитываясь этою книгою, мысленно не переносился въ отдаленные края, описанные такъ естественно и занимательно? У кого не появлялась улыбка, когда онъ, пробѣгая „Фрегатъ Паллада“, встрѣчался съ такими оригинальными типами, какъ „дѣдъ“, П. А. Тихменевъ, Б. Крюднеръ, П. А. Зеленой, Фаддеевъ, Терентьевъ и др.? Кого не занималъ этотъ, передвигавшійся по разнымъ морямъ и океанамъ, плавучій „особнякъ“, пріютившій въ себѣ цѣлый мірокъ людей со всею бытовою обстановкою своеобразной русской жизни и рѣчи. Мнѣ, какъ служившему на этомъ фрегатѣ сперва гардемариномъ, а потомъ мичманомъ, записки Гончарова были въ особенности интересны, такъ какъ я зналъ, кого именно авторъ подразумѣваетъ подъ тѣми или другими иниціалами. Перелистывая теперь страницы „Фрегата Паллада“, я невольно переношусь въ давно минувшія времена, предо мною воскресаютъ старые сослуживцы, изъ которыхъ большинства уже нѣтъ на свѣтѣ, я вспоминаю свою молодость и первые служебные шаги...

Приводя свои личные наброски въ порядокъ и намѣреваясь составить болѣе или менѣе связный итогъ всего видѣннаго и пережитаго, я отнюдь не имѣю въ виду быть запоздалымъ хроникеромъ „Палладской одиссеи“ и ограничусь только двумя, тремя эпизодами, относящимися къ самому концу плаванія фрегата, о которыхъ Гончаровъ не упоминаетъ.

По прибытіи 23-го мая 1854 года въ Императорскую гавань, адмиралъ Путятинъ, въ виду послѣдовавшаго уже съ англо-французами разрыва, находился въ самомъ неопредѣленномъ положеніи относительно старой расхлябавшейся „Паллады“, пѣсенка которой была уже спѣта и на смѣну которой шелъ фрегатъ „Діана“. Съ послѣднею почтою чрезъ Шанхай Путятинъ получилъ предписаніе ожидать дальнѣйшихъ распоряженій отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Какъ ни были чрезвычайны обстоятельства, вызвавшія такое распоряженіе, но самолюбіе Путятина было задѣто. Онъ не могъ примириться съ мыслію о подчиненности Муравьеву, съ которымъ находился въ одинаковыхъ чинахъ, но имѣлъ предъ нимъ преимущество, состоя въ званіи генералъ-адъютанта. Однако жъ въ Императорской гавани никакихъ отъ Муравьева указаній мы не застали, и было только извѣстно, что онъ спускается во главѣ особой рекогносцировочной экспедиціи внизъ по Амуру. Хотя непріятель еще не зналъ о существованіи Императорской гавани, но при обозрѣніи берега легко могъ открыть ее, а потому адмиралъ Путятинъ рѣшилъ, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, укрѣпиться въ Константиновскомъ затонѣ—одной изъ наиболѣе удобныхъ бухтъ этой гавани. Не теряя времени, приступили къ возведенію двухъ батарей, каждая на восемь орудій, которыя преполагалось снять съ одного борта фрегата, обращеннаго къ берегу. Такимъ образомъ при появленіи непріятельскаго судна въ Константиновской бухтѣ, оно было бы встрѣчено перекрестнымъ огнемъ двухъ батарей и орудіями вооруженнаго борта фрегата. Увлекавшійся иногда адмиралъ Путятинъ находилъ, что наша позиція обладала такою силою, что уподоблялась чуть ли не Гибралтару. Дѣйствительно, мы, можетъ быть, отразили бы нападеніе одного или много двухъ фрегатовъ, но если бы непріятель пришелъ въ составѣ эскадры, то, нѣтъ сомнѣнія, что онъ разгромилъ бы насъ въ пухъ и прахъ. Когда насыпка мерлоновъ и устройство платформъ подъ орудіе и пороховыхъ погребовъ близились уже къ окончанію, къ намъ прибылъ на шхунѣ „Востокъ“ Н. Н. Муравьевъ.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ призналъ однако жъ неудобнымъ оставлять фрегатъ въ Императорской гавани и окончательно пришелъ къ заключенію, что наилучшею мѣрою, при данныхъ условіяхъ, будетъ ввести „Палладу“ въ устье Амура.

Мы быстро изготовились къ плаванію и въ срединѣ іюня оставили Императорскую гавань, а дня черезъ два бросили якорь въ бухтѣ Декастри. Плаваніе изъ Декастри далѣе на сѣверъ по Татарскому проливу было не безъ препятствій. Кругомъ разстилались мели, картъ не было, фарватеръ не изслѣдованъ, густые туманы зачастую совершенно скрывали изъ виду берега. Приходилось подвигаться какъ-бы ощупью, по лоту. Несмотря на всѣ предосторожности, мы все-таки разъ врѣзались на мель, и фрегатъ порядкомъ-таки поколотило о грунтъ. Сойдя, однако же, благополучно на вольную воду, мы приблизились къ мысу Невельскаго. Тутъ отъ гиляковъ дошла вѣсть, что команда, оставленная шхуною „Востокъ“ на Сахалинѣ у рѣчки Дуэ для ломки каменнаго угля, израсходовавъ весь запасъ своей провизіи, находится въ бѣдственномъ положеніи. Адмиралъ Путятинъ приказалъ немедленно изготовить 12-ти-весельный катеръ, погрузить на него провизію и отвезти ее голодавшимъ.

Нужно замѣтить, что рѣчка Дуэ отстояла отъ мыса Невельскаго приблизительно миль на 70 и что, слѣдовательно, плаваніе безпалубнаго катера было до извѣстной степени рискованно. Но когда именно на меня было возложено порученіе доставить провизію, я былъ какъ нельзя болѣе доволенъ и счастливъ. Получивъ нужныя наставленія, я, въ 6-мъ часу вечера 29-го іюня, отвалилъ отъ борта и быстро подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ направился къ югу. Часа черезъ три сдѣлалось темно, и я, руководствуясь указаніями, взялъ курсъ напрямикъ къ Сахалину, чтобы на ночь пристать къ берегу. Но этого сдѣлать не удалось, такъ какъ хотя до берега было уже и недалеко, но въ темнотѣ слышался грохотъ сильнѣйшаго буруна, отъ котораго, при попыткѣ выскочить на берегъ, и катеръ, и мы легко могли бы погибнуть. Нечего дѣлать, нужно было отдалиться отъ берега и продолжать путь ночью. Между тѣмъ, полилъ дождь, и засвѣжѣвшій вѣтеръ принудилъ уменьшить парусность. Не выпуская изъ рукъ руля, я правилъ по компасу при свѣтѣ лампочки. Наконецъ, правая рука у меня положительно окоченѣла, и я сказалъ катерному старшинѣ смѣнить меня, но, къ удивленію, онъ началъ стонать и охать, говоря, что съ нимъ случился какой-то болѣзненный припадокъ. Ясно было, что моя катерная прислуга не на шутку струхнула и, по правдѣ сказать, было отъ чего: глухая ночь, свѣжій вѣтеръ, крупное волненіе и безразсудно очутившійся въ открытомъ морѣ гребной катеръ! Можно себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ разсвѣта.

Наконецъ, зарумянилась заря, и я разсмотрѣлъ окутанные туманомъ контуры сахалинскаго берега, въ разстояніи 5 или 6 миль отъ насъ. Направившись прямо въ берегъ, я приказалъ выкинуть весла, такъ какъ вѣтеръ стихъ. Прошелъ часъ или два, и мы пристали къ устью какого-то ручья. Къ счастью, на берегу оказалась гиляцкая полуразвалившаяся юрта, въ которой мы, промокшіе до костей, разведя огонь, начали отогрѣваться и просушивать свое платье. Но гдѣ, однако же, мы находились? Миновали ли уже рѣчку Дуэ, гдѣ бѣдствовали наши Робинзоны, или еще не доплыли до нея? Оріентироваться я не могъ, такъ какъ для этого не было никакихъ данныхъ, но вотъ показался гилякъ, и намъ удалось отъ него узнать, что тотъ ручей, къ которому мы пристали, называется Мгачъ и что до Дуэ еще далеко. Напившись чаю, мы продолжали путь вдоль берега, но уже подъ веслами, такъ какъ наступило безвѣтріе, и только къ вечеру вошли въ Дуэ. Тутъ мы нашли лейтенанта Н. Н. Савича и штурманскаго офицера И. Е. Моисеева, которые съ командою дѣйствительно терпѣли уже голодъ.

Сдавъ провизію, 1-го іюля я пустился въ обратный путь, захвативъ съ собою, какъ было приказано, Моисеева. Опять пришлось плыть ночью и опять съ приключеніемъ: у Моисеева сдѣлался какой-то пароксизмъ, и я не зналъ, какъ ему помочь. Наконецъ, 3-го іюля, я съ катеромъ подошелъ къ мысу Невельскаго, но уже „Паллады“ на прежнемъ мѣстѣ не было. Поднявшись на возвышенность, я увидѣлъ свѣжую могилу и на крестѣ надпись: „Здѣсь погребенъ шкиперъ фрегата „Паллада“ ластоваго экипажа поручикъ Истоминъ“. Это былъ типъ кропотливаго и безсловеснаго труженика въ скромной сферѣ завѣдыванія различными корабельными матеріалами. Изъ нижнихъ чиновъ онъ дослужился до офицерства, и въ послѣднее время тотъ недугъ, которымъ онъ давно уже страдалъ, обострился, обратившись въ злую, неизлѣчимую бугорчатку. Не разъ онъ говорилъ: „а сколько по моей спинѣ гуляло линьковъ и палокъ, вотъ они и отзываются“. Вдали виднѣлся нашъ фрегатъ, подвинувшійся уже значительно къ сѣверу, и вскорѣ я присталъ къ его борту. Командиръ Унковской былъ радъ, что и провизія доставлена благополучно и что сами мы возвратились здравыми и невредимыми послѣ четырехдневнаго отсутствія, но тутъ же прибавилъ, что, не довѣряя мнѣ, онъ настаивалъ предъ адмираломъ на командировкѣ не меня, а П. А. Зеленаго, какъ офицера уже болѣе опытнаго. Замѣчательно, что Путятинъ ни однимъ словомъ не обмолвился со мною, при какихъ условіяхъ и случайностяхъ было выполнено его порученіе, хотя мнѣ говорили, что онъ очень тревожился за участь отданнаго въ мое распоряженіе катера.

6-го іюля наша „Паллада“ передвинулась, наконецъ, къ мысу Лазарева, отъ котораго собственно и начинается лиманъ Амура, съ цѣлымъ лабиринтомъ разбросанныхъ во всѣхъ направленіяхъ отмелей. Прежде всего надо разобраться въ этомъ лабиринтѣ, чтобы дать себѣ отчетъ, насколько осуществимо приказаніе о вводѣ фрегата въ Амуръ, а потому было немедленно приступлено къ промѣру. Имѣвшіяся о глубинѣ фарватера свѣдѣнія были болѣе или менѣе голословны и, видимо, преувеличены. Оптимизму начальника „амурской экспедиціи“ Г. И. Невельскаго во всемъ, что касалось излюбленнаго его дѣтища—Амура, не было предѣловъ, и весь, охваченный какимъ-то экстазомъ, онъ то и дѣло твердилъ, что не только фрегаты, но и стопушечные корабли свободно могутъ войти въ его несравненную Миссисипи. Но добросовѣстно произведенный промѣръ частью съ гребныхъ судовъ, а частью съ колеснаго парохода „Аргунь“, построеннаго въ Шилкинскомъ заводѣ и спустившагося въ 1854 году по Амуру, показалъ, что на протяженіи 6 или 7 миль, между островами Хабимифъ и мысомъ Джаури, глубина не превышаетъ 15 футъ, а на самомъ барѣ, противъ острова Уюзюта—$13^1/_2$ футъ. Но мы все-таки надежды не теряли и одновременно съ промѣромъ принимали мѣры къ облегченію фрегата. Съ этою цѣлью съ него сгрузили все, что только можно было, но, тѣмъ не менѣе, онъ никакъ не поднимался выше 17 футъ. Тогда рѣшено было прибѣгнуть еще къ одной мучительной работѣ, заключавшейся въ подведеніи подъ корму пустыхъ желѣзныхъ цистернъ изъ-подъ прѣсной воды, герметически закупоренныхъ. Попытки эти, однако же, не имѣли успѣха: при всѣхъ усиліяхъ люди не могли выполнить эту работу, цѣпи и веревки рвались и цистерны всплывали наверхъ.

Между тѣмъ, въ срединѣ іюля прибылъ къ мысу Лазарева, подъ командою С. С. Лесовскаго, фрегатъ „Діана“, ставшій на якорѣ недалеко отъ „Паллады“ и возбудившій у насъ сенсацію, о которой я и хочу сказать нѣсколько словъ. Какъ только началось сообщеніе между двумя фрегатами, „діанскіе ребята“ не замедлили передать своимъ землякамъ на „Палладѣ“, что у нихъ былъ бунтъ и что командира хотѣли выбросить за бортъ. Какъ ни непріятно было начальству, но вѣсть эта быстро разнеслась по нашему фрегату. Впослѣдствіи мнѣ уже говорили офицеры съ „Діаны“, что практиковавшіяся у нихъ постоянныя зуботычины и линьки дѣйствительно вывели, наконецъ, людей изъ терпѣнія, и разъ, при одномъ авралѣ изъ груди команды вырвался какой-то зловѣщій стихійный гулъ, послышались какія-то невнятныя угрозы... Но порядокъ вскорѣ былъ возстановленъ старшимъ офицеромъ И. И. Бутаковымъ, составлявшимъ въ гуманномъ обращеніи съ

командою исключеніе, а потому и имѣвшемъ громадное на нее вліяніе [1]).

Между тѣмъ время уходило, наступила половина сентября, попытки провести фрегатъ „Палладу“ въ устьѣ рѣки по сѣверному фарватеру не удались и необходимо было на чемъ-нибудь остановиться. И вотъ командиръ Унковской порѣшилъ вернуться обратно къ мысу Лазарева, гдѣ все еще продолжала находиться „Діана“. При такомъ неблагопріятномъ исходѣ дѣла, по мнѣнію адмирала Путятина, ничего не оставалось дѣлать, какъ укрыть „Палладу“ опять въ той же Императорской гавани, куда и отвести ее подъ конвоемъ „Діаны“ съ тѣмъ, чтобы при появленіи непріятеля она немедленно могла быть затоплена, для чего заблаговременно и должно было устроить всѣ необходимыя приспособленія. На этомъ и было покончено.

Засимъ началась перетасовка личнаго состава. Волновавшійся экипажъ „Діаны“, предназначенной зимовать въ Николаевскѣ, былъ замѣненъ командою „Паллады“, съ которой также поступили на „Діану“, по личному избранію адмирала, артиллерійскій подполковникъ Лосевъ, К. Н. Посьетъ, мичмана: Зеленой, Колокольцовъ, Пещуровъ и юнкеръ Лазаревъ, а съ „Діаны“ были списаны И. И. Бутаковъ и М. А. Бирилевъ. Я и товарищъ мой Д. И. Гамовъ до такой степени были воодушевлены желаніемъ продолжать плаваніе, что просили Е. В. Путятина и насъ назначить на „Діану“, но благосклонно принятая просьба эта не была однако жъ уважена, въ виду полнаго комплекта офицеровъ.

За нѣсколько дней до отплытія обоихъ фрегатовъ отъ мыса Лазарева въ Императорскую гавань, а именно 14-го сентября (1854 г.) я былъ потребованъ къ адмиралу, который объявилъ, что онъ назначаетъ меня и мичмана князя Урусова съ „Діаны“ на зимовку въ Императорскую гавань для присмотра за „Палладою“, и что для сторожевой службы въ наше распоряженіе отряжается десять человѣкъ нижнихъ чиновъ. Распоряженіе это было для меня полнѣйшею и

[1]) Командиръ „Діаны“ С. С. Лесовской былъ очень образованнымъ и даже по природѣ не жестокосердымъ человѣкомъ, но онъ теоретически проникся усвоеннымъ во всемъ Черноморскомъ флотѣ въ тѣ времена взглядомъ, что доведеніе команды въ практическомъ морскомъ дѣлѣ до желательнаго совершенства, съ безукоризненною чистотою судна включительно, возможно только при безпощадномъ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній.

Адмиралъ графъ Путятинъ, близко познакомившійся съ Лесовскимъ во время плаванія на „Діанѣ“, сдѣлалъ о немъ такую аттестацію: „Лесовскій — прекрасный морской офицеръ и горячо преданъ своей спеціальности, но, вслѣдствіе запальчиваго характера, едва-ли способенъ съ успѣхомъ управлять отдѣльною и болѣе или менѣе обширною частью“. Несмотря на такую аттестацію, Лесовскій достигъ должности управляющаго морскимъ министерствомъ.

при томъ мало сулившею добра неожиданностію, но ничего не оставалось дѣлать, какъ безропотно подчиниться волѣ начальства. Открывавшаяся предо мною перспектива была самая мрачная. Предстояло провести семь мѣсяцевъ въ безпросвѣтной изолированности, безъ всякого сношенія съ внѣшнимъ сколько-нибудь культурнымъ міромъ и при томъ на пищѣ св. Антонія, такъ какъ ни свѣжаго мяса, ни огородныхъ овощей, напр. капусты и картофеля, достать было не откуда: кругомъ тундра, дебри и безмолвная, безлюдная тайга [1]). На рыбу тоже нельзя было разсчитывать, такъ какъ уловъ ея изъ-подъ льда требуетъ извѣстныхъ приспособленій и знанія, а мы ничѣмъ этимъ не обладали. Предстояло питаться исключительно одною солониною. А нужно же было какъ-нибудь и убивать время; книги, которыми насъ бы снабдили, мы бы быстро, въ какой-нибудь мѣсяцъ, отъ начала и до конца перечитали, о газетахъ и помину не могло быть. При суровѣйшихъ морозахъ и частыхъ снѣжныхъ буряхъ или, по мѣстному названію, пургахъ, нерѣдко нельзя было бы высунуть носа изъ жилья. А между тѣмъ, кто не знаетъ, что при инертной жизни, плохомъ безъ свѣжихъ продуктовъ питаніи и подавленномъ настроеніи духа въ такихъ негостепріимныхъ климатахъ, человѣкъ невольно впадаетъ въ гнилостный маразмъ, а затѣмъ незамѣтно къ нему подкрадывается непрошенная гостья въ видѣ цынги, бороться съ которою безъ врачебной помощи и безъ медикаментовъ трудно. Уже былъ опытъ зимовки въ Императорской гавани двухъ нашихъ судовъ (съ 1853 на 1854 годъ), и скорбутъ скосилъ чуть ли не на одну треть личный составъ этихъ судовъ, такъ что наши колонизаторскія попытки ознаменовались на первыхъ же порахъ насажденіемъ довольно разросшагося погоста. Такъ рисовалась въ моемъ воображеніи зимовка въ дикой и отверженной мѣстности, скованной семь мѣсяцевъ въ году льдомъ, но въ то же время—нужно правду сказать, представляющей изъ себя одну изъ превосходнѣйшихъ природныхъ гаваней.

Однако жъ гроза миновала, и адмиралъ, отмѣнивъ свое распоряженіе, разрѣшилъ командиру и офицерамъ „Паллады“, не поступившимъ на „Діану“, отправиться къ мѣсту своей службы въ Петербургъ, и бригъ бывшей Россійско-Американской компаніи „Охотскъ“ благополучно доставилъ насъ въ концѣ сентября въ Аянъ.

Выше было сказано, сколько энергіи и трудовъ мы затратили на неудавшійся вводъ „Паллады“ въ Амуръ. Все, что только въ силахъ

[1]) Въ описаніи входа въ Императорскую гавань, Гончаровъ между прочимъ говоритъ, что онъ видѣлъ сосну. Это ошибочно. На цѣлыя сотни верстъ къ западу отъ Татарскаго пролива ни одной сосенки нельзя встрѣтить, и она начинаетъ появляться только на берегахъ Амура въ той части его, гдѣ онъ прорѣзываетъ Хинганскій хребетъ.

человѣческихъ, было въ этомъ отношеніи сдѣлано, но никакими кабестанами и полиспастами нельзя было протащить чрезъ 14-ти футовую глубину судно въ 1.800 тоннъ, сидѣвшее въ водѣ 17 футъ. Между тѣмъ когда, по возвращеніи, въ февралѣ 1855 года въ Петербургъ, командиръ „Паллады“ флигель-адъютантъ Унковской являлся высшему начальству, то великій князь Константинъ Николаевичъ принялъ его очень сухо и почти не желалъ съ нимъ говорить. Унковской былъ озадаченъ такимъ пріемомъ, не зная, чему его приписать и въ чемъ его вина, но вскорѣ дѣло разъяснилось. Оказалось, что въ своемъ донесеніи Н. Н. Муравьевъ между прочимъ писалъ, что „если „Паллада“ не введена въ Амуръ, то только вслѣдствіе нежеланія адмирала (Путятина) и нерадѣнія командира (Унковскаго) и офицеровъ“.

Разумѣется, по прошествіи нѣкотораго времени истина была возстановлена.

II.

Отъѣздъ изъ Аяна.—Поселенцы на рѣкѣ Маѣ.—Иркутскъ.—Декабристы.—Шилкинскій заводъ.—Приготовленія къ Амурской экспедиціи.—Прибытіе въ Маріинскій постъ.—Бухта Декастри.—Новыя географическія наименованія.—Появленіе англійской эскадры и неудачная попытка десанта.—Парламентеръ.—Плаваніе вверхъ по Амуру Путятина.—Муравьевъ, Завойко, Невельской.—Зимовка въ Николаевскѣ.—Командировка на Сахалинъ.—Пароходъ „Америка“.

Изъ Аяна, факторіи Россійско-Американской компаніи, состоявшей изъ десятка домовъ, юртъ и церкви, я отправился въ Якутскъ такимъ же путемъ, какъ и за три мѣсяца до меня Гончаровъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Гончаровъ пробирался по непроходимымъ дебрямъ лѣтомъ, верхомъ на лошадяхъ, а мнѣ пришлось выстрадать таежный путь въ жесточайшіе морозы на нартахъ, частію на собакахъ, частію на оленяхъ до самаго урочища Нельхана. Отъ этого пункта начиналась уже дорога на лошадяхъ по льду рѣки Маи, впадающей въ Алданъ, но съ перегонами отъ 60 до 80 верстъ. Извѣстно, что для соединенія почтовымъ трактомъ Якутска съ Аяномъ Муравьевъ передвинулъ въ 1852 году на берега Маи поселенцевъ, которые, во время моего переѣзда въ 1854 году, начали испытывать на себѣ всѣ тяжкія невзгоды своего новаго водворенія. Только и слышались на всемъ шестиверстномъ протяженіи Маи жалобы, что не только хлѣбъ, но и огородныя овощи не родятся, что стужа невыносимая, что смерть коситъ людей отъ цынги и другихъ болѣзней,

и что всѣ они должны будутъ „околѣть“. Если бы Муравьевъ въ 1852 году могъ предусматривать, что не пройдетъ пяти—шести лѣтъ и соединительный путь между Забайкальемъ и Тихимъ океаномъ установится по Амуру, то онъ никогда бы не рѣшился на колонизацію береговъ чуть не приполярной рѣки Маи. Но, должно быть, твердой вѣры въ свои силы относительно занятія Амура онъ еще не имѣлъ и сдѣлалъ крупную ошибку въ попыткѣ оживить тотъ районъ, который самою природою былъ обреченъ на запустѣніе. Какъ-то странно было читать Гончарова, въ его „Фрегатѣ Паллада“, вѣроятно изъ угожденія Муравьеву, что и поселеніямъ на Маѣ предстоитъ цвѣтущая будущность, когда разовьется пароходство и закипитъ жизнь. Трудно въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы Гончаровъ серьезно могъ предполагать о какомъ-то расцвѣтѣ торгово-промышленной дѣятельности въ тундрахъ, скованныхъ десять мѣсяцевъ въ году невыносимыми морозами съ никогда нерастаивавшею почвою. Къ счастію, однако жъ, настрадавшихся майскихъ поселенцевъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, перевели въ Южно-Уссурійскій край, и Мая вновь обратилась въ пустыню, какою впрочемъ она по своему географическому положенію и должна быть. Кое-гдѣ только виднѣются теперь на берегахъ этой рѣки погосты съ убогими крестами, служащими безмолвными памятниками, что и здѣсь жили когда-то, хотя и недолго, русскіе люди...

Въ январѣ 1855 года я наконецъ добрался до Иркутска, гдѣ провелъ часть дѣтства и гдѣ встрѣтилъ многихъ старыхъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго, супругу его Марію Николаевну и сына Михаила Сергѣевича. Послѣдніе приняли меня какъ нельзя болѣе радушно.

На этотъ разъ мнѣ не суждено было однако жъ доѣхать до Петербурга, такъ какъ генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ объявилъ, что по случаю военнаго времени я долженъ возвратиться къ устью Амура и поступить въ составъ сибирскаго флотскаго экипажа. Такимъ образомъ я остался въ Иркутскѣ, гдѣ велъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, самую привольную жизнь, получая почти каждый день приглашенія то на обѣды, то на вечера. Какъ-то въ январѣ была устроена холостая пирушка, и въ числѣ приглашенныхъ находились и нѣкоторые декабристы. Одинъ изъ нихъ маленькій худенькій человѣчекъ, лѣтъ подъ 60, съ симпатичнымъ и въ высшей степени умнымъ выраженіемъ лица, невольно приковывалъ къ себѣ общее вниманіе. Послѣ второй, третьей рюмки онъ воодушевился, и глаза его оживились какимъ-то огонькомъ. Среди общаго разговора онъ подошелъ ко мнѣ и съ увлеченіемъ сообщилъ, что и онъ былъ морякомъ, но что эта карьера оборвалась, такъ какъ онъ сдѣлался го-

сударственнымъ преступникомъ... Тутъ, войдя уже въ паѳосъ, онъ началъ разсказывать всѣ детали разыгравшейся на Сенатской площади въ декабрѣ 1825 года драмы.—„Когда нашъ гвардейскій экипажъ, — говорилъ онъ,—гдѣ я служилъ лейтенантомъ, форсированнымъ маршемъ шелъ на площадь, я замѣтилъ, что барабанщикъ пересталъ бить наступленіе. Выхвативъ тотчасъ же у него барабанъ и подвѣсивъ его, я началъ самъ барабанить. Вѣдь мнѣ было всего 27 лѣтъ, и потому понятно мое увлеченіе!“ Это былъ декабристъ Михаилъ Карловичъ фонъ-Кюхельбекеръ, выпущенный изъ Морскаго корпуса въ 1815 году въ мичманы и плававшій кругомъ свѣта. Въ 1857 году онъ скончался, кажется въ Иркутскѣ, не воспользовавшись дарованною императоромъ Александромъ II амнистіею.

Въ мартѣ 1855 года я былъ командированъ за Байкалъ въ Шилкинскій заводъ, гдѣ мнѣ велѣно было принять участіе въ снаряженіи второй амурской экспедиціи (первая, какъ извѣстно, была въ 1854 году).

Когда рѣка Шилка была еще покрыта льдомъ, я доѣхалъ до Шилкинскаго завода, гдѣ была уже въ полномъ разгарѣ работа по постройкѣ баржъ нижними чинами сибирскаго линейнаго № 15 батальона подъ командою подполковника Андрея Андреевича Назимова. Вскорѣ прибылъ туда и М. С. Корсаковъ, и какъ я изумился, когда совершенно неожиданно получилъ отъ него оффиціальное предписаніе вступить въ должность временнаго коменданта Шилкинскаго завода. Мичманъ 21 года, и вдругъ въ роли коменданта! Теперь подобное назначеніе назвали бы чѣмъ-то опереточнымъ.

Въ апрѣлѣ пріѣхалъ служившій при Н. Н. Муравьевѣ Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій съ спеціальнымъ порученіемъ принять начальство надъ пятьюдесятью семьями, переселявшимися на низовья Амура. Онъ остановился у меня на квартирѣ, и его нерѣдко посѣщала пріѣхавшая проводить племянника, вдова свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго, бывшаго при императорѣ Николаѣ I министромъ Императорскаго Двора. Она приходилась родною сестрою декабриста С. Г. Волконскаго. Какъ-то разъ, въ отсутствіе М. С. Волконскаго, когда я оставался въ квартирѣ одинъ, вдругъ поздно уже вечеромъ, кто-то постучался въ окно, и я услышалъ голосъ старика С. Г. Волконскаго: „Linden, Linden, je viens passer la nuit chez vous“. Оказалось, что и онъ пріѣхалъ также изъ Иркутска для проводовъ своего сына. Разумѣется, я постарался окружить его удобствами и комфортомъ, на сколько могъ. Этотъ эпизодъ ночнаго визита какъ-то разгласился, и уже много лѣтъ спустя Н. Н. Муравьевъ всякій разъ при встрѣчѣ со мною не могъ удержаться, чтобы не сказать: „Linden, Linden, je viens passer la nuit chez vous“. Все это

онъ говорилъ, благодаря дѣйствительно одному комическому сопоставленію, бывшему у меня на квартирѣ въ тотъ вечеръ.

Работы по постройкѣ неуклюжихъ и примитивныхъ баржъ для сплава по Амуру людей и различныхъ грузовъ продолжались спѣшно и безостановочно. Весь подлежащій къ отправленію караванъ баржъ былъ раздѣленъ, по срокамъ отплытія изъ Шилкинскаго завода и сосѣднихъ станицъ, на три отдѣленія: первымъ руководилъ лично генералъ-губернаторъ Муравьевъ, вторымъ подполковникъ А. А. Назимовъ, а третьимъ полковникъ М. С. Корсаковъ. Я былъ назначенъ во второе отдѣленіе, которое, въ составѣ около 60 баржъ, тронулись въ путь въ концѣ мая. Мы плыли на этихъ, на живую нитку сколоченныхъ не то шаландахъ, не то корабляхъ, нагруженныхъ мукою, масломъ, скотомъ и т. п. совершенно, какъ аргонавты. Ни характера рѣки, ни фарватера никто не зналъ, описныхъ картъ не было, а потому баржи постоянно садились на мель, стягиваться съ которой было сопряжено съ величайшими муками. На ночь обыкновенно приставали къ берегу, но и эта процедура не обходилась безъ приключеній. М. С. Волконскій съ своими переселенцами спускался внизъ въ одномъ со мною отдѣленіи, и я часто навѣщалъ его флагманскую баржу. Болѣе мѣсяца плыли мы, или, правильнѣе сказать, двигались по теченію, куда только насъ увлекала вода, такъ какъ управлять баржами было невозможно, и наконецъ достигли Маріинскаго поста, основаннаго въ двухъ верстахъ отъ селенія Кизи. Еще не доходя приблизительно верстъ ста до мѣста назначенія, мы встрѣтили лодку съ мичманомъ Г. Д. Разгродскимъ, который сообщилъ, что суда камчатской флотиліи и вообще все управленіе Петропавловскаго порта перешло благополучно, по заранѣе составленному секретному плану, въ Николаевскъ. Сдѣлано это было такъ ловко, съ такимъ строгимъ соблюденіемъ тайны, что передвиженіе раннею весною 1855 года какъ самихъ судовъ, такъ и различнаго на нихъ казеннаго груза, дѣлъ, архива и семействъ служившихъ, совершенно ускользнуло отъ вниманія англо-французовъ.

Въ Маріинскомъ посту была учреждена главная квартира Н. Н. Муравьева. Почему-то ожидали со стороны союзниковъ нападеній или вторженія въ устье Амура и въ бухту Декастри. Англичане дѣйствительно два раза въ 1855 году навѣдывались въ бухту Декастри, но вовсе не съ цѣлью завладѣнія ею, а просто для рекогносцировки. Тѣмъ не менѣе была организована оборона устьевъ Амура, при чемъ Муравьевъ принялъ титулъ главнаго начальника военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, назначивъ своимъ начальникомъ штаба Г. И. Невельскаго, а дежурнымъ штабъ-офицеромъ кап.-лейт. князя Оболенскаго. Командованіе военно-морскими силами, которыя состояли

всего изъ двухъ боевыхъ судовъ—фрегата „Аврора“ и корвета „Ол - вуца“ было поручено В. С. Завойко, а мѣсто командующаго военно-сухопутными силами, состоявшими не болѣе, какъ изъ 4.000 человѣкъ, получилъ М. С. Корсаковъ. Адъютанту Муравьева А. Н. Сеславину было поручено командованіе войсками въ бухтѣ Декастри (человѣкъ 100 конныхъ казаковъ и человѣкъ 400 пѣшихъ). Такимъ образомъ очень громкіе титулы были приданы всѣмъ начальникамъ, а въ іюлѣ и я получилъ важное по имени, но въ сущности сводившееся къ нулю, званіе капитана надъ портомъ въ Декастри, куда я вслѣдъ за приказомъ и отправился. Разстояніе въ 25 верстъ отъ озера Кизи до Декастри пришлось совершить пѣшкомъ по густо заросшей хвойнымъ лѣсомъ тайгѣ, въ которой не было прорублено даже просѣки, при чемъ нога уходила въ мохъ чуть не по колѣна. Что за адская дорога! Въ Декастри изъ лиственичной и еловой коры я устроилъ себѣ баракъ, гдѣ и поселился, питаясь вмѣстѣ съ командиромъ роты казаковъ Помпеемъ Поликарповичемъ Пузино. Ежедневный обѣдъ нашъ состоялъ изъ супа на солонинѣ или рыбной похлебки и гречневой каши. Ни свѣжаго мяса, ни овощей, ни молока и въ помин не было, и лишь изрѣдка казаки-охотники приносили рябчиковъ и куропатокъ. Рыбы въ бухтѣ и рѣчкахъ вообще было довольно много, но ее не приноровились ловить. Климатъ въ Декастри и окружающихъ мѣстностяхъ ужасенъ и способенъ нагнать уныніе. Въ теченіе всего лѣта ясныхъ, солнечныхъ дней выдается всего не болѣе 5 или 6, а затѣмъ все дождь и пронизывающая сырость при сравнительно низкой температурѣ въ 8° или 9°. Что за печальный, отверженный край! Не даромъ въ продолженіе многихъ вѣковъ въ немъ не было обитателей, если не считать горсти жалкихъ, захудалыхъ гиляковъ.

Книгъ у насъ не было, а потому пришлось пополнять день игрою въ карты. Такъ проходило время. Непріятель, къ великой досадѣ Муравьева, жаждавшаго какой-нибудь стычки, не показывался. Въ іюлѣ онъ насъ посѣтилъ и, осмотрѣвъ бухту, далъ Сеславину различныя указанія, на случай прибытія французовъ, и между прочимъ приказалъ ручей, впадающій въ бухту съ западной стороны, назвать рѣчкою „Нелли“ [1]). Южный входный мысъ въ бухту, названный французскимъ мореплавателемъ Лаперузомъ, открывшимъ эту бухту, мысомъ Клостеръ-Кампъ (Монастырскій мысъ), Муравьевъ приказалъ назвать другимъ именемъ. „Помилуйте“, сказалъ онъ, „какіе въ нашъ вѣкъ монастыри. Сообщите“, обратился онъ къ Сеславину, „чтобы

[1]) Въ честь Елены Сергѣевны Молчановой, дочери декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

этотъ мысъ былъ наименованъ мысомъ „Сеславина“. Однако жъ на всѣхъ картахъ осталось и до сихъ поръ названіе „Клостеръ-Кампъ“.

Наконецъ въ сентябрѣ Муравьевъ со своею свитою оставилъ Амуръ и на американскомъ баркѣ „Пальметто“ отплылъ въ Аянъ для слѣдованія оттуда въ Иркутскъ. Въ сентябрѣ (1855 года) большая часть казаковъ была переведена въ Маріинскій постъ, а въ Декастри остались на зимовку не болѣе 100 казаковъ и артиллерійская прислуга двухъ горныхъ единороговъ. Мнѣ также велѣно было не двигаться нѣкоторое время изъ Декастри для наблюденія за выгрузкою американскаго барка „Берингъ“, который долженъ былъ доставить изъ Петропавловска семейство Завойки. Въ половинѣ сентября „Берингъ“ пришелъ, привезя между прочимъ для продажи различные колоніальные товары и напитки. Началась выгрузка, продолжавшаяся весь сентябрь, какъ вдругъ 3-го октября совершенно неожиданно показалась изъ-за мыса Клостеръ-Кампъ англійская эскадра, состоявшая изъ паруснаго фрегата „Сибиллъ“ и двухъ винтовыхъ корветовъ „Эйкаунтеръ“ и „Горнетъ“, которые вскорѣ и стали на якорь. Такъ какъ нашъ отрядъ состоялъ всего изъ 100 казаковъ, то рѣшено было англійскій десантъ на берегъ не выпускать, и, согласно съ этимъ планомъ, какъ только непріятельскія гребныя суда приблизились къ берегу, мы ихъ встрѣтили ружейнымъ и картечнымъ изъ двухъ горныхъ орудій огнемъ. Англичане какъ бы дрогнули, остановились и затѣмъ повернули назадъ, повидимому, не ожидая отпора, но при этомъ десантъ сильно отстрѣливался изъ ружей. Вслѣдъ за тѣмъ эскадра открыла бомбардировку, при которой у насъ были ранены и убиты 5 казаковъ. Дня чрезъ четыре къ намъ пришли изъ Маріинскаго поста подкрѣпленія, но какъ мы ни старались, имѣя уже численный перевѣсъ на нашей сторонѣ, заманить англичанъ на берегъ, послѣдніе на эту удочку не поддѣвались, а лишь время отъ времени пускали съ судовъ бомбы и конгреговы ракеты, стараясь, повидимому, сжечь наши вновь выстроенныя казармы, которыя съ судовыхъ марсовъ легко было разглядѣть. Къ счастію это имъ не удалось. Такъ шло время. 16-го октября возвратился изъ Николаевска американецъ Кушингъ, который на баркѣ „Берингъ“ (уже разгруженномъ) долженъ былъ отправиться обратно въ Америку, а такъ какъ у насъ своихъ гребныхъ судовъ не было, то мы вышли съ бѣлымъ флагомъ на самую опушку берега, при чемъ горнистъ трубилъ для вызова парламентера. На англійской эскадрѣ отозвались на наше приглашеніе, и вскорѣ прибылъ съ фрегата офицеръ, которому и объяснили, въ чемъ дѣло. Сеславинъ придалъ этому случаю какую-то уже излишнюю сентиментальность, предложивъ для командъ англійской эскадры свѣжее мясо, которое и для насъ было

очень и очень рѣдкимъ лакомствомъ. Британецъ поблагодарилъ, но предложеніемъ не воспользовался и, захвативъ съ собою Кушинга, отправился на свой фрегатъ. На другой день англійская эскадра, состоявшая, какъ мы узнали, подъ начальствомъ командора сэра Джорджа Элліота, снялась съ якоря и вышла изъ Декастри.

Малозначительное, само по себѣ, декастринское дѣло было сильно преувеличено, какъ это впрочемъ у насъ всегда бываетъ. Въ донесеніи было сказано, что ночью съ 3-го на 4-е октября англичане хоронили на островкѣ Обсерваторія своихъ убитыхъ, но это оказалось невѣрно, такъ какъ убитыхъ у англичанъ, по какому-то дѣйствительно чуду, вовсе не было, а лишь трое раненыхъ. По уходѣ непріятельской эскадры я нарочно ѣздилъ на упомянутый островокъ Обсерваторія и никакихъ признаковъ даже могилъ не нашелъ, хотя весь его исходилъ.

Въ концѣ октября я отправился изъ Декастри къ мѣсту прямой моей службы—въ Николаевскъ. Сперва я пытался добраться на лодкѣ, но Амуръ замерзъ, и пришлось ѣхать на собакахъ ночевать въ гиляцкихъ юртахъ среди блохъ, крысъ и вообще испытать всѣ прелести трехсотверстнаго переѣзда по льду Амура.

Еще лѣтомъ (1855 года) адмиралъ Путятинъ прибылъ въ устье Амура на шхунѣ „Хеда“, построенной въ Японіи командою съ погибшаго фрегата „Діана“, при чемъ онъ рѣшился возвратиться въ Петербургъ вверхъ по Амуру. Муравьевъ не встрѣтилъ къ этому препятствій и предоставилъ въ распоряженіе Путятина слабосильный винтовой катеръ „Надежда“, такъ какъ никакого другаго парохода и не было, за исключеніемъ парохода „Аргунь“, еще менѣе соотвѣтствовавшаго условіямъ борьбы съ противнымъ теченіемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень сильнымъ. На этомъ катерѣ Путятинъ со свитою въ началѣ іюля (1855 года) прибылъ въ Маріинскій постъ, гдѣ былъ съ почестями встрѣченъ Муравьевымъ, а затѣмъ 5-го іюля съ баржею на буксирѣ пустился въ дальнѣйшій путь. Путятина сопровождали: К. Н. Посьетъ, К. И. Лосевъ, А. А. Колокольцовъ, А. А. Пещуровъ, юнкера М. М. Лазаревъ и К. Ф. Литке. Это была первая попытка подняться вверхъ по Амуру, сопровождавшаяся голодовкою и вообще большими лишеніями, но оказавшая услугу географіи, произведя, насколько возможно было, бѣглую опись рѣки, частію промѣръ и опредѣливъ нѣсколько астрономическихъ пунктовъ. Душою этой картографической работы былъ А. А. Пещуровъ.

Муравьевъ былъ средняго роста, плотнаго тѣлосложенія и съ крѣпкимъ выносливымъ организмомъ. Въ его сѣрыхъ глазахъ свѣтились рѣшимость и непреклонная воля къ выполненію намѣченныхъ цѣлей, внушаемыхъ съ одной стороны патріотизмомъ, а съ другой

еще болѣе, кажется, стремленіемъ къ пріобрѣтенію славы и почестей. По своей сангвинической натурѣ и лихорадочной подвижности онъ не могъ ограничиться выполненіемъ заурядныхъ генералъ-губернаторскихъ функцій, указанныхъ закономъ, а поставилъ себѣ задачею такъ или иначе присоединить къ Россіи новые края, соприкасавшіеся съ Восточною Сибирью. И вотъ неизслѣдованный, почти миѳическій въ то время Амуръ—единственная въ Сибири рѣка, которая несла свои воды не въ Ледовитое море, а въ Восточный океанъ—открывалъ Муравьеву обширное поприще для его кипучей, жаждавшей иниціаторства, дѣятельности. На второй или третій годъ своего генералъ-губернаторства, въ 1850 году, онъ уже предпринялъ поѣздку въ Якутскъ, Охотскъ, Камчатку и оттуда на обратномъ пути въ Аянъ, гдѣ свидѣлся, какъ ранѣе было условлено, съ Невельскимъ, изслѣдовавшимъ на транспортѣ „Байкалъ“ устье Амура.

Ни одинъ изъ генералъ-губернаторовъ, до Муравьева, не предпринималъ путешествій по непроходимымъ дебрямъ на берега Охотскаго моря, а оттуда на допотопныхъ парусныхъ судахъ въ Камчатку, чтобы лично обозрѣть ввѣренный имъ край, но Муравьевъ, не колеблясь, преодолѣлъ всѣ трудности, лишенія и въ концѣ концовъ все-таки достигъ негостепріимнаго и туманнаго охотскаго побережья. Правительство не могло не оцѣнить этой необычайной энергіи, и на Муравьева сыпались награды и почести, какъ изъ рога изобилія. Пріѣхавъ въ Иркутскъ въ 1848 году въ чинѣ генералъ-маіора и имѣя лишь станиславскую звѣзду, онъ, въ теченіе тринадцати лѣтъ, получилъ генералъ-лейтенанта, генералъ-отъ-инфантеріи, званіе генералъ-адъютанта, графскій титулъ и ордена до Владиміра 1 ст. включительно. Въ 1861 году оставивъ мѣсто генералъ-губернатора, онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и затѣмъ почилъ на лаврахъ. И это всего на 52-мъ году жизни, при полномъ расцвѣтѣ силъ и способностей! Въ Сибирь онъ возвращаться не пожелалъ, хотя и говорилъ, что любитъ ее безгранично, но вѣроятно эта любовь была чисто платоническая... Полученный имъ безсрочный отпускъ, впредь до выздоровленія, далъ ему возможность жить во Франціи, за исключеніемъ одной зимы, которую Муравьевъ провелъ въ Царскомъ Селѣ.

Въ частныхъ и интимныхъ разговорахъ Муравьевъ иногда ѣдко критиковалъ дѣйствія центральнаго правительства и вообще слылъ за либерала. По прибытіи въ Иркутскъ (1848 годъ), онъ сблизился со многими декабристами, и охотно проводилъ время въ ихъ обществѣ, что̀ подало поводъ губернатору Пятницкому, получившему предложеніе подать въ отставку, сдѣлать на него въ Петербургъ доносъ. Послѣдній никакого впрочемъ вреда Муравьеву не сдѣлалъ, а Пят-

ницкій, не взвѣсившій всѣхъ шансовъ неравной борьбы, все-таки мѣсто потерялъ. Необходимо однако жъ замѣтить, что Муравьевъ былъ либераломъ лишь до поры до времени и, не вынося критики своихъ административныхъ распоряженій, быстро перемѣнялъ милость на гнѣвъ, какъ только кто-либо позволялъ себѣ осуждать тѣ или другія принимаемыя имъ мѣры, въ особенности касавшіяся Амурскаго края. Къ числу лицъ, на которыхъ обрушилось со всею силою негодованіе Муравьева, принадлежалъ декабристъ Д. И. Завалишинъ, жившій въ Читѣ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и даже нѣкоторымъ просвѣщеннымъ вліяніемъ на дѣла по управленію Забайкальскою областью. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Завалишинъ написалъ нѣсколько статей въ „Морскомъ Сборникѣ“, въ которыхъ указывалъ на существенныя оплошности, допущенныя при заселеніи лѣваго берега Амура и Уссури забайкальскими казаками и штрафованными солдатами. Онъ говорилъ, что многія мѣста для станицъ были избраны зря и неудачно, подвергаясь изъ года въ годъ наводненіямъ, что̀ заставляло переселенцевъ перекочевывать на новыя урочища, а такія повторительныя передвиженія не могли не сопровождаться затратами, а нерѣдко и разореніемъ. Кто въ тѣ времена былъ на Амурѣ, какъ напримѣръ я, и видѣлъ воочію неприглядную картину переселеній,—тотъ, разумѣется, скажетъ, что Завалишинъ писалъ правду, но Муравьевъ до такой степени противъ него озлился, что началъ настаивать о высылкѣ Завалишина изъ предѣловъ Восточной Сибири, что̀ въ концѣ концовъ ему и удалось. И вотъ этотъ выдающійся по уму и образованію старикъ, сроднившійся съ своею Читою, подъ конецъ жизни долженъ былъ волею-неволею переѣхать на жительство въ Москву.

При всей необузданности своего вспыльчиваго характера, Муравьевъ однако жъ подчинился умѣряющему внушенію окружавшихъ его лицъ, къ которымъ чувствовалъ расположеніе и довѣріе. Прибывъ въ Сибирь съ твердымъ намѣреніемъ искоренить во что бы то ни стало царившее тамъ взяточничество, Муравьевъ въ этомъ отношеніи былъ очень крутъ. Разъ какъ-то мелкій чиновникъ попался въ полученіи не то взятки, не то „благодарности“, и этого было достаточно для Муравьева, чтобы онъ заранѣе рѣшился его закатать. Случилось, что именно въ то время, когда отъ гнѣва Муравьевъ почти не владѣлъ собою, въ гостяхъ у него былъ Петръ Васильевичъ Козакевичъ [1]), который не постѣснился возразить, что этотъ чиновникъ обремененъ большимъ семействомъ, получая всего около 400 руб. въ годъ, что можетъ быть

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, адмиралъ, членъ военнаго и адмиралтействъ-совѣтовъ.

жена и дѣти его больны, и естественно, что въ такомъ безвыходномъ положеніи онъ легко могъ поддаться искушенію. Тутъ правительство виновато, продолжалъ Козакевичъ, что, оплачивая по-нищенски своихъ агентовъ, оно прямо наталкиваетъ ихъ искать волею-неволею побочныхъ средствъ къ существованію. Выслушавъ все это, Муравьевъ поникъ головою и вдругъ, измѣнивъ свое настроеніе, сказалъ: „а знаете, Петръ Васильевичъ, вѣдь вы правы"... и бѣдный чиновничекъ былъ пощаженъ.

Излюбленною страною Муравьева была Франція, но только Франція республиканская. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ Наполеону III и всегда констатировалъ, что Россія никогда не враждовала со Франціею-республикою, а воевала съ нею лишь при монархическомъ въ ней режимѣ. Англію Муравьевъ просто не переносилъ главнымъ образомъ благодаря исторически установившейся тамъ феодальной аристократіи, къ которой, гдѣ бы она ни была, онъ вообще относился враждебно. Его отталкивалъ отъ себя всякій человѣкъ, заносившійся важничаніемъ рода или богатства. Свою антипатію къ Англіи онъ распространялъ и на тѣхъ русскихъ, которые имѣли репутацію англоманов, какъ, напр., на свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, графа Евѳима Васильевича Путятина и другихъ. О нихъ онъ отзывался всегда язвительно.

О нашихъ генералахъ Муравьевъ былъ вообще не высокаго мнѣнія, такъ какъ, по словамъ его, и въ Турецкую войну 1829 года, и въ польскую кампанію 1831 года большинство ихъ оказалось вполнѣ несостоятельнымъ. Когда въ шестидесятыхъ годахъ была установлена новая форма, при чемъ генераламъ были присвоены, кажется, бѣлыя кепи, то Муравьевъ, довольный этимъ внѣшнимъ отличіемъ, обыкновенно иронизировалъ: „ну, что жъ, хорошо сдѣлали, теперь нетрудно будетъ генераловъ распознавать, и непріятелю легче будетъ ихъ подстрѣливать".

Вмѣстѣ съ тѣмъ и къ адмираламъ нашего флота онъ относился не менѣе строго, находя, что и русскіе флотоводцы не всегда отличались боевою рѣшимостію и отвагою. При этомъ, не чуждый знакомства съ военно-морскою исторіею, онъ обыкновенно ссылался на несчастнаго Ханыкова, который, командуя Балтійскимъ флотомъ, спустилъ, какъ извѣстно, кажется безъ выстрѣла, въ 1808 году флагъ предъ англійскою эскадрою, за что императоромъ Александромъ I былъ разжалованъ изъ полныхъ адмираловъ въ матросы, но до исполненія приговора отъ удара умеръ.

Этимъ пока я закончу замѣтки мои о Муравьевѣ-Амурскомъ, такъ какъ, стараясь, по возможности, не отступать отъ хронологическаго порядка, я буду еще имѣть случай говорить о немъ въ послѣдующихъ моихъ запискахъ.

Василій Степановичъ Завойко воспитывался не въ Морскомъ корпусѣ, а въ Черноморскихъ юнкерскихъ классахъ, гдѣ уровень не только общаго, но и спеціально морскаго образованія стоялъ очень невысоко. Никакихъ непосредственныхъ суммъ на содержаніе классовъ не отпускалось, и сколько-нибудь порядочныхъ преподавателей привлечь было трудно. Молодымъ офицеромъ Завойко участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи, но потомъ перешелъ въ бывшую Россійско-Американскую компанію, гдѣ очень долго служилъ. При посѣщеніи въ 1850 году Аяна, гдѣ находилась компанейская факторія, Муравьевъ познакомился съ Завойкою, бывшимъ въ то время въ Аянѣ начальникомъ факторіи, и предложилъ ему занять постъ военнаго губернатора вновь образованной Камчатской области. Завойко былъ хорошимъ, кропотливымъ хозяиномъ, лично входившимъ во всѣ детали своего маленькаго портоваго въ Петропавловскѣ хозяйства, ограничивавшагося впрочемъ только нѣсколькими ручными примитивными мастерскими и магазинами. Онъ заботился о пищѣ, одеждѣ и вообще бытѣ нижнихъ чиновъ, которые, нужно правду сказать, очень его любили, но съ офицерами былъ рѣзокъ, и при малѣйшей оплошности дѣлалъ имъ выговоры, не стѣсняясь выраженіями. Между прочимъ Завойко терпѣть не могъ, когда при докладахъ ему (это говорилъ мнѣ бывшій правитель его канцеляріи А. Д. Лохвицкій, впослѣдствіи енисейскій губернаторъ) ссылались на законы, возражая на это обыкновенно: „законы написаны для дураковъ и подлецовъ, а такъ какъ я ни тотъ, ни другой, то прошу законами не колоть мнѣ глазъ“. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ, состоя уже членомъ морскаго генералъ-аудиторіата, былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, при чемъ сохранилъ эполеты и содержаніе. Поселившись въ Каменецъ-Подольской губерніи въ благопріобрѣтенномъ на льготныхъ правахъ имѣніи, онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и, такъ сказать, порвалъ уже навсегда со службою, но тѣмъ не менѣе, бывши въ сущности аграріемъ, онъ продолжалъ, въ теченіе свыше двадцати пяти лѣтъ, получать чины, ордена, аренды. Умеръ Завойко въ 1897 году въ глубокой старости полнымъ адмираломъ.

Прибавлю къ тому, что я уже выше говорилъ о Невельскомъ, пылкую восторженность къ всецѣло охватившей его идеѣ занятія, хотя бы на первый разъ устьевъ Амура. Такой самоотверженный энтузіастъ именно и нуженъ былъ Муравьеву для непосредственнаго выполненія его завѣтныхъ плановъ.

Вотъ эти три лица: Муравьевъ, Завойко и Невельской, руководившіе первыми водворительными шагами на топкихъ тундрахъ, смежныхъ съ устьемъ Амура, сошлись тамъ лѣтомъ 1855 года, но прежней гармоніи между ними уже не было. Раздоры, вызванные разли-

чіемъ взглядовъ на самую пригодность края для колонизаторскихъ цѣлей—другими словами, борьба между пессимизмомъ и оптимизмомъ по отношенію къ обездоленной самою природою страны гиляковъ—сдѣлали свое дѣло (Я говорю о мѣстностяхъ, прилежащихъ къ устью Амура, такъ какъ объ Южно-Уссурійскомъ краѣ тогда не было и помину).

Завойко и Невельскаго Муравьевъ всегда признавалъ своими непосредственными сподвижниками, глубоко ему преданными. Оно дѣйствительно такъ и было прежде, но, передвинувшись на Амуръ, Завойко круто перемѣнилъ фронтъ. Окрыленный блестящимъ успѣхомъ Петропавловскаго сраженія, онъ сбросилъ съ себя маску вѣрнаго эпигона Муравьева и началъ открыто высказывать свое несочувствіе къ Амуру, возводя въ то же время на степень какой-то Аркадіи Камчатку и увѣнчанный лаврами Петропавловскъ. Этого уже было достаточно, чтобы навлечь на себя гнѣвъ Муравьева. Разошелся съ нимъ тоже и Невельской, и вѣроятно, я не ошибусь, если припишу обострившіяся отношенія соперничеству въ дѣлѣ занятія устья Амура: Муравьевъ и Невельской—каждый изъ нихъ хотѣлъ быть иниціаторомъ этого занятія.

Когда глубокою осенью 1854 года фрегатъ „Паллада“, какъ ни къ чему уже негодный, былъ, подъ конвоемъ фрегата „Діана“, отведенъ въ Императорскую гавань, то на немъ почему-то была отправлена и часть имѣвшагося на фрегатѣ пороха. Нѣсколько лѣтъ спустя я лично слышалъ отъ Муравьева такія слова: „не могу равнодушно и теперь вспомнить о засылкѣ пороха въ самый разгаръ войны въ Императорскую гавань, когда намъ дорогъ былъ въ Николаевскѣ каждый фунтъ пороха. Положимъ, сумасшедшему Невельскому могла придти подобная мысль, но какъ на нее согласился Е. В. Путятинъ“. Вотъ какъ измѣнилъ мнѣніе о Невельскомъ Муравьевъ.

Въ Маріинскомъ посту осталось на зимовку въ описываемое время (т. е. съ 1855 на 1856 годъ) шхуна „Востокъ“, командиръ которой Воинъ Андреевичъ Римскій-Корсаковъ былъ сильно возмущенъ какими-то невозможными требованіями Муравьева относительно плаванія шхуны. Онъ не могъ равнодушно говорить о Муравьевѣ. Впрочемъ, всѣ эти три лица въ 1856 году навсегда распростились съ Амуромъ и службою подъ начальствомъ Муравьева [1]).

---

[1]) Чего никогда не могъ простить Муравьевъ Римскому-Корсакову—это одно выраженіе, приведенное имъ въ оффиціальномъ донесеніи при обратномъ плаваніи въ Европу уже въ должности командира корвета „Оливуца“. Въ этомъ донесеніи между прочимъ онъ сообщалъ, что, устроивъ въ одномъ изъ пунктовъ захода походную изъ парусовъ баню, онъ первый выпарился въ ней, смывъ съ себя амурскую грязь.

Осенью (1855 года), а именно въ ноябрѣ, я пріѣхалъ на собакахъ, какъ выше говорилъ, въ Николаевскъ. Въ какіе-нибудь пять, шесть мѣсяцевъ густая, непроходимая чаща преобразилась чисто въ военное поселеніе, принявшее физіономію небольшаго городка, гдѣ госпиталь и казармы занимали первое мѣсто, но гдѣ въ то же время создалась и слободка семейныхъ нижнихъ чиновъ, состоявшая впрочемъ изъ невзрачныхъ, сколоченныхъ на скорую руку, избенокъ.—Но строиться, хотя и на тундристой, пропитанной мхомъ почвѣ, было не трудно, потому что матеріалъ для построекъ—ель и лиственница—былъ подъ рукою. Свалилъ лѣсъ, отесалъ бревно, и срубъ готовъ. Былъ выстроенъ также двухъэтажный деревянный домъ, въ верхнемъ ярусѣ котораго были устроены отдѣльные нумера, а нижнее помѣщеніе отведено подъ офицерскій клубъ. Вотъ въ одномъ изъ этихъ нумеровъ я съ моимъ товарищемъ Яковомъ Ивановичемъ Купріяновымъ и поселился. Наступила суровая зима, и шли дѣятельныя приготовленія къ отраженію какого-то воображаемаго нападенія союзниковъ на Николаевскъ. Съ этою цѣлью строился фортъ на отмели посреди Амура, и наблюдающимъ за работами, въ числѣ другихъ офицеровъ, былъ назначенъ и я. Приходилось вставать часа въ 4 ч. утра и отправляться въ трескучіе морозы, нерѣдко свыше 30°, на покрытую льдомъ отмель, отстоявшую отъ города почти на версту. Часто на работы являлся и неутомимый Завойко, укутанный, какъ и мы всѣ, въ „малахай, куклянку и торбою“. Чуть малѣйшая неисправность, суровый Завойко дѣлалъ немедленно разносъ въ самой безцеремонной формѣ, давая полный просторъ своей дискреціонной власти.

Большинство офицеровъ, сгруппировавшихся въ Николаевскѣ съ фрегатовъ „Паллада“, „Аврора“ и „Діана“, а въ томъ числѣ и я, столовались въ клубѣ, хозяйствомъ котораго завѣдывалъ штурманскій офицеръ изъ камчатскихъ уроженцевъ Кошелевъ. Меню состояло изъ рыбы, преимущественно осетрины, во всѣхъ видахъ съ добавленіемъ иногда презервовъ. Свѣжаго мяса, овощей, молока, яицъ мы совершенно и не знали. Послѣ обѣда я удалялся въ свой нумеръ пить черный кофе, и ко мнѣ обыкновенно заходили Михаилъ Алексѣевичъ Бирилевъ, А. Ф. Можайскій и инженеръ О. Ф. Рейнъ. Изъ этихъ лицъ состоялъ мой тѣсный кружокъ, украшеніемъ котораго былъ образованный и полный мѣткаго юмора Бирилевъ. Послѣдній жилъ въ слободкѣ вмѣстѣ со Шренкомъ [1]), и я часто проводилъ у него вечера въ умной и интересной бесѣдѣ.

Разъ въ недѣлю были въ клубѣ танцовальные вечера подъ звуки казачьяго хора трубачей, оставшихся зимовать въ Николаевскѣ. Дамы,

[1]) Впослѣдствіи академикъ и выдающійся этнографъ.

за исключеніемъ двухъ, трехъ, были все уроженки Камчатки, безъ всякаго образованія, произносившія вмѣсто с ш и наоборотъ. Никакой темы нельзя было подобрать для разговоровъ съ ними.

Въ началѣ апрѣля (1856 года) пришла въ Николаевскъ чрезъ Удской Острогъ на нартахъ почта. Какое оживленіе, какая общая радость! Только тотъ, кто зимовалъ въ такой разобщенной трущобѣ, какъ Николаевскъ, въ состояніи понять, какое магическое дѣйствіе производитъ слово „почта“ и соединенныя съ нимъ ожиданія получить вѣсти, хотя и запоздалыя, отъ родныхъ и знакомыхъ. Настроеніе всего общества становится какимъ-то возбужденнымъ, наэлектризованнымъ... Я также получилъ письмо, и на этотъ разъ отъ декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго, о которомъ я уже нѣсколько разъ упоминалъ. Вотъ текстъ этого симпатичнаго письма, которое привожу in extenso.

Иркутскъ, 14 января 1856 года.

„Многоуважаемый Александръ Михайловичъ, пользуюсь случаемъ къ вамъ писать, чтобы дать вѣсточку о себѣ и о сынѣ, а онъ самъ непишетъ, потому что усланъ неожиданно въ Ургу (на границѣ съ Монголіею). При сихъ строчкахъ прилагаю письмо, полученное мною на вашъ адресъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ,—но лѣтомъ не имѣлъ случая вамъ его доставить.

„Вы удивитесь, узнавъ, что жены моей въ Иркутскѣ нѣтъ,—съ высочайшаго разрѣшенія она возвратилась въ Москву, выѣхала въ августѣ, а въ половинѣ сентября была уже тамъ. Теперь я начинаю быть спокоенъ за близкихъ моему сердцу—жены съ дочерью; онѣ теперь въ климатѣ не суровомъ и при медицинскихъ средствахъ. Одного надо желать—возврата Миши на старую мою родину. Самъ Богъ и добрые люди помогутъ. Мнѣ же Сибирь не въ тягость, знаю, за что я здѣсь, и совѣсть спокойна. Сынъ не пишетъ, внезапно назначенъ къ отправкѣ, и дня два тому уже уѣхалъ, но онъ при отъѣздѣ поручилъ мнѣ передать его привѣтствіе, добрыя пожеланія и поздравить васъ съ славною обороною Декастри, гдѣ вы участвовали. Честь и слава подвигу Пузино, честь и слава распоряженіямъ Сеславина. Передайте имъ поздравленіе стараго инвалида 1812 года. Вы представлены къ Аннѣ съ мечами—авось въ кампанію 1856 года заслужите Георгія и чинъ, по крайней мѣрѣ желаю вамъ этого.

„Насъ моряки часто посѣщали, былъ Изыльметьевъ—герой Камчатки. Смотримъ съ уваженіемъ на этотъ морской мундиръ, столько прославившій себя и въ Севастополѣ, и въ Тихомъ океанѣ.

„Имѣю порученіе отъ Миши, а также прошу васъ и отъ себя

извѣстить насъ: былъ ли въ дѣлѣ Лисовскій [1]), и доволенъ ли имъ Сеславинъ. Не струсилъ ли юноша, такъ какъ не представленъ, а то былъ бы хорошій слуга. Попросите отъ Сеславина, по возможности и справедливо конечно, дать ходъ этому сиротѣ, судьбою оставленному на нашихъ рукахъ.

„Найдите случай написать намъ о Лисовскомъ.

„Вы знаете, что все, что до васъ относится—близко моему сердцу, а что я патріотъ, то доказалъ тѣмъ, что я въ Сибири.

„Весь вашъ Сергѣй Волконскій".

Но вотъ повѣяло весною, и всѣ стали съ нетерпѣніемъ ожидать вскрытія Амура, которое обыкновенно у Николаевска бываетъ между 2-мъ и 11-мъ мая. Въ одинъ изъ этихъ дней (1856 года) ледъ тронулся, а въ слѣдъ за нимъ съ верховьевъ пришла на лодкѣ почта, доставившая важное извѣстіе о заключеніи Парижскаго мира. Какая общая радость! Немедленно были прекращены всѣ военныя приготовленія, работы по сооруженію форта на отмели пріостановлены, и я былъ назначенъ для плаванія на винтовую шхуну „Востокъ". На ней, впрочемъ, я оставался недолго, такъ какъ уже въ іюлѣ (1856 года) меня потребовалъ къ себѣ командиръ Сибирскаго флотскаго экипажа Николай Николаевичъ Назимовъ и объявилъ о назначеніи меня съ 25-ю человѣками команды на островъ Сахалинъ, въ урочище Дуэ, для разработки каменнаго угля. Передо мною открывалась перспектива самая непривлекательная, но дѣлать было нечего, и, запасшись чаемъ, сахаромъ, книгами, какія только могъ достать, я перебрался на ботъ № 1, состоявшій подъ командою ластоваго прапорщика изъ камчадаловъ Новограбленнаго. 17-го іюля мы отплыли изъ Николаевска, но и въ самой серединѣ лѣта до того было холодно и сыро, что я долженъ былъ нарядиться въ кухлянку. Что за адскій климатъ! Прибывъ чрезъ нѣсколько дней въ Декастри, я засталъ уже тамъ состоявшаго при Муравьевѣ Н. М. Чихачова, командированнаго съ спеціальною миссіею водворить нашъ импровизованный горно-рабочій отрядъ на Сахалинѣ. Онъ очень удивился, что порученіе добычи каменнаго угля, совершенно незнакомое флотскому офицеру, выпало именно на меня. „Такъ это васъ назначили къ ломкѣ угля", сказалъ Чихачовъ, „какъ мнѣ васъ жаль".

Высадившись на берегъ, я расписалъ людей по работамъ: часть отдѣлилъ къ рубкѣ бревенъ и пилкѣ досокъ для избы, а часть къ разработкѣ угля. Скучно и однообразно потянулись дни. Питался я въ артели съ командою, вымѣнивая, впрочемъ, иногда отъ гиляковъ

[1]) Казачій хорунжій—сынъ декабриста, въ Декастринскомъ дѣлѣ не участвовалъ.

свѣжую рыбу. Вскорѣ домикъ былъ готовъ, и я перебрался въ него изъ палатки. Очутившись въ роли Робинзона Крузо, день я проводилъ такъ: утромъ напившись чаю, я отправлялся для обозрѣнія работъ ломки угля, которая производилась самымъ примитивнымъ способомъ. Хотя на меня и возложили обязанности горнаго инженера, но горная техника мнѣ была совершенно неизвѣстна, и добывали мы уголь только изъ обнаженныхъ пластовъ, безъ всякихъ шахтъ или штолень.

Осмотрѣвши работы, я обѣдалъ, а затѣмъ принимался за чтеніе. Между прочимъ, я тогда съ большимъ вниманіемъ проштудировалъ знаменитую „Теорію народонаселенія“ Мальтуса съ ея ариѳметическою и географическою прогрессіею увеличенія средствъ пропитанія и размноженія людей. Выводы оригинальные, смѣлые, но въ то же время мрачно рисующіе условія человѣческаго существованія! Наконецъ весь матеріалъ для чтенія я проглотилъ, и тогда наступила полная безсодержательность Сахалинскаго заточенія. Проходилъ уже августъ, какъ вдругъ 24-го числа (1856 года) я съ берега замѣтилъ на горизонтѣ дымокъ, а вскорѣ обрисовался и силуэтъ судна, которое къ величайшей моей радости оказалось вновь пришедшимъ изъ Нью-Іорка колеснымъ пароходомъ „Америка“. Ссылка моя на Сахалинъ окончилась, такъ какъ я былъ назначенъ на этотъ пароходъ, поступившій въ составъ Сибирской флотиліи и состоявшій подъ командою кап.-лейт. Бачманова. Старшимъ офицеромъ на немъ былъ кап.-лейт. Николай Яковлевичъ Шкотъ, а механиками три американца: Марроу. Барръ и Нортонъ, не говорившими, разумѣется, ни слова по-русски, а потому мнѣ пришлось быть ихъ переводчикомъ, такъ какъ я тогда уже болталъ сносно по-англійски. И такъ я поступилъ въ составъ офицеровъ новаго элегантнаго парохода, о которомъ заброшенная мѣстная флотилія, подъ названіемъ сперва Камчатской, а потомъ Сибирской, въ прежнія времена и мечтать не могла. Нагрузившись углемъ, мы отплыли въ Николаевскъ, гдѣ я представился новому начальнику края и морской части капитану 1 ранга Петру Васильевичу Козакевичу. Въ началѣ сентября мы отправились въ Аянъ съ различными пассажирами, а въ томъ числѣ съ С. С. Лесовскимъ.

По возвращеніи въ Николаевскъ нашему пароходу предстояла трудная, почти каторжная работа протащить изъ лимана въ Амуръ чрезъ двѣнадцати-футовый баръ американскій баркъ [1]) „Европа“, доставившій разные станки для устроивавшагося механическаго заведенія и два рѣчныхъ въ разобранномъ видѣ парохода. Только послѣ неимовѣрныхъ, сизифовыхъ усилій, затруднявшихся наступившими уже свирѣпыми морозами, намъ удалось наконецъ въ исходѣ октября

[1]) Трехъ-мачтовое парусное судно.

(1856 годъ) пробороздить „Европу“, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ Амуръ, и при томъ какъ разъ во-время, потому что рѣка вскорѣ замерзла.

Опять наша Усть-Амурская колонія на крайнемъ востокѣ очутилась въ совершенно изолированномъ положеніи отъ всего цивилизованнаго міра, такъ какъ почта могла прибыть только не ранѣе декабря.

Такимъ образомъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ намъ не суждено было знать, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ, и, за отсутствіемъ періодической печати, пришлось пробавляться мѣстными тривіальными интересами и сплетнями маленькаго городка. Но все-таки служба, такъ или иначе, шла своимъ чередомъ, и я былъ назначенъ наблюдать за сборкою рѣчныхъ пароходовъ, которые, получивъ названіе „Амуръ“ и „Лена“, къ веснѣ были спущены благополучно на воду.

Наступила весна 1857 года, и вслѣдъ за проходомъ льда, совершенно неожиданно прибылъ въ Николаевскъ на баржѣ съ верховьевъ Амура графъ Е. В. Путятинъ съ спеціальною цѣлью отправиться на пароходѣ „Америка“ къ устью недоступной для иностранцевъ рѣки Пейхо, а оттуда въ Тяньдзинъ для заключенія торговаго съ Китаемъ трактата. Опять пришлось встрѣтиться съ моимъ прежнимъ главнымъ наставникомъ, должно быть имѣвшимъ какое-то тяготѣніе къ востоку и ставшимъ въ этомъ отношеніи поперекъ дороги генералъ-губернатору Восточной Сибири Муравьеву. На этотъ разъ свиту Путятина, получившаго за экспедицію въ Японію графскій титулъ, составляли: Петръ Алексѣевичъ Пещуровъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, старый мой знакомый по „Палладѣ“, извѣстный синологъ архимандритъ Аввакумъ, докторъ и въ то же время драгоманъ китайскаго языка Татариновъ, военный инженеръ Ватовскій и капитанъ конной артиллеріи Баллюзекъ. Послѣдніе двое предназначались въ инструкторы китайскихъ войскъ на случай, если бы сынъ неба согласился принять ихъ. Прибылъ также вмѣстѣ съ графомъ Путятинымъ и вновь назначенный начальникомъ штаба сибирской флотиліи Н. М. Чихачовъ, который однако жъ, не вступая въ свою прямую должность, получилъ назначеніе командовать „Америкою“, а бывшему до него командиромъ парохода Шкоту пришлось поневолѣ занять второстепенное мѣсто старшаго офицера или же списаться, чего онъ не желалъ. Я былъ также оставленъ для службы на пароходѣ, и такимъ образомъ интересное плаваніе на пароходѣ „Америка“ отъ меня не ускользнуло.

III.

Отплытіе парохода „Америка“ съ посольствомъ.—Открытіе новыхъ гаваней.—Гамильтонъ.—Устье Пейхо и переговоры съ китайцами.—Посѣщеніе китайскихъ портовъ Гонконга и Кантона.—Зимовка въ Макао.—Вторичное прибытіе въ Печилійскій заливъ.—Покупка джонки.—Взятіе англо-французами фортовъ Таку.—Придирки французскихъ моряковъ.—Тяньдзинъ.—Неожиданно обвинительный вердиктъ.—Нѣсколько словъ о личности графа Путятина.—Прибытіе фрегата „Аскольдъ“.—Возвращеніе „Америки“ въ Николаевскъ.

Выйдя въ іюлѣ (1857 года) на пароходѣ изъ Николаевска въ иной уже, болѣе изысканной, обстановкѣ, подъ флагомъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, мы отправились сперва въ Дуэ на Сахалинѣ за углемъ и, принявъ полный его запасъ, продолжали путь далѣе къ югу, придерживаясь Татарскаго берега. Въ широтѣ около 44° была замѣчена небольшая въ берегѣ расщелина, которая показалась очень заманчивою. Пройти мимо, оставить безъ изслѣдованія этотъ несомнѣнный признакъ существованія внутренняго бассейна Путятину не хотѣлось, и вотъ нашъ пароходъ началъ смѣло приближаться къ берегу. Оказалось, что разрывъ берега велъ въ превосходную бухту, которой и была произведена опись, съ наименованіемъ ея бухтою св. Владиміра. Пройдя къ югу еще 15 миль, мы опять увидѣли прорѣзъ въ берегѣ и вновь открыли замѣчательную, закрытую отъ всѣхъ вѣтровъ гавань, названную св. Ольги, при чемъ одинъ изъ мысовъ былъ наименованъ моею фамиліею. Какъ-то странно, что подобныя географическія открытія невдалекѣ отъ устья Амура, занятаго еще въ 1851 году, совершались только спустя шесть лѣтъ! Продолжая плаваніе, мы зашли въ бухту корейскаго острова Гамильтонъ, а затѣмъ Желтымъ моремъ и Печилійскимъ заливомъ достигли устья рѣки Пейхо, гдѣ и бросили якорь въ четырехъ миляхъ отъ низменнаго едва замѣтнаго берега.

Безъ потери времени была послана китайскимъ властямъ нота о цѣли нашего прихода, и вслѣдъ затѣмъ начались переговоры. Китайцы, не желая вообще вступать въ какія бы то ни было сношенія съ европейскими варварами, затягивали донельзя обмѣнъ сообщеній по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Никакого толку добиться отъ мандариновъ было невозможно, а между тѣмъ быстро наступила осень, нужно было изъ Печилійскаго залива убираться, что̀ и сдѣлалъ Путятинъ. Распростившись съ унылымъ рейдомъ при устьѣ Пейхо, мы направились сперва въ Нагасаки, потомъ въ Шанхай, Нингпо, Фуджоуфу, Амой и, наконецъ, прибыли въ Гонконгъ. Здѣсь находились съ эскадрами англійскій посолъ лордъ Елгинъ и американскій Ридъ. При взаимныхъ визитахъ посланниковъ и адмираловъ салю-

тамъ не было конца, и команда наша, всего при шести орудіяхъ, просто измаялась отъ нихъ. Затѣмъ Путятинъ перешелъ въ сосѣднюю съ Гонконгомъ бухту, гдѣ занялъ стоянку французскій флотъ съ посломъ барономъ Гро и адмираломъ. Тутъ не обошлось безъ происшествія, охарактеризовавшаго, что Путятинъ со своею несдержанностью и видимо напускною холеричностію темперамента остался все тотъ же, какимъ мы его знали на „Палладѣ“. Дѣло въ томъ, что онъ желалъ первымъ отсалютовать французскому флагу. Орудія наши для салюта были готовы, и вотъ стали поднимать французскій флагъ, который къ несчастію преждевременно раскрутился, а потому его быстро спустили и начали вновь свертывать по морскому выраженію въ клубокъ, а между тѣмъ нашъ пароходъ все болѣе и болѣе приближался къ французской эскадрѣ. Наконецъ, скрученный въ клубокъ флагъ начали поднимать, и когда онъ былъ уже почти подъ клотикомъ, вдругъ съ флагманскаго фрегата „Audacieuse“ раздался салютъ съ развѣвавшимся на гротъ-брамъ-стельгѣ нашимъ военнымъ флагомъ. Хотя случилось именно то, чего по дипломатическому этикету не желалъ Путятинъ, но собственно говоря никакой особенной бѣды отъ этого не произошло, а между тѣмъ негодованію его не было конца, и при этомъ звучавшіе какъ-то фальшиво громы его обрушились главнымъ образомъ на меня. По окончаніи отвѣтнаго салюта Путятинъ, повидимому, успокоился и приказалъ мнѣ принести ему флагъ.

— Я научу васъ, сказалъ онъ, какъ нужно свертывать флагъ въ клубокъ, и если еще разъ случится что-либо подобное, то и за флагъ можно отдать подъ судъ.

Нужно ли говорить, что никакого серьезнаго значенія я этимъ словамъ не придалъ, зная, что и самъ Путятинъ изволилъ только шутить. Но вообще нельзя не сказать, насколько онъ былъ любезенъ и предупредителенъ къ своей дипломатической свитѣ, на столько онъ предъявлялъ высокомѣрную требовательность къ строевымъ чинамъ парохода, за исключеніемъ впрочемъ командира Н. М. Чихачова, къ которому относился очень сдержанно. Путятинъ посылалъ иногда меня за письмами на берегъ, и всякій разъ дѣлалъ выговоръ и сердился, если писемъ не было, и я ихъ не привозилъ.

Затѣмъ посѣтили мы Кантонъ, занятый союзниками. Пять тысячъ человѣкъ англо-французскаго войска держали въ полнѣйшемъ повиновеніи двухмилліонное населеніе города, которое могло бы, если бы сколько-нибудь обладало гражданскими доблестями, положительно забросать шапками эту горсть европейцевъ. Но у китайцевъ не существуетъ единомыслія, сплоченности, солидарности, и, при ужасающей нищетѣ, китайцу не до отвлеченныхъ идей о патріотизмѣ,

охраненіи своей національности или политическаго достоинства, а всѣ заботы исключительно сводятся къ тому, какъ бы сберечь свою шкуру и не умереть съ голоду. Представленіе о любви даже къ ближайшей своей родинѣ, напримѣръ, селу или городу—чуждо имъ.

Союзники учредили въ Кантонѣ свою полицію, назначивъ подручными и китайцевъ съ такою щедрою платою, о какой имъ не снилось и во снѣ. На сколько возможно все это было болѣе или менѣе приведено въ порядокъ. Изъ грязныхъ, душныхъ тюремъ были освобождены полумертвые, искалѣченные пытками китайцы, не то подсудимые, не то обвиненные. При осмотрѣ города мы заходили въ „Яменъ“ (присутственное мѣсто) и воочію видѣли эти подобія живыхъ существъ.

Хорошею иллюстраціею міросозерцанія китайцевъ служитъ извѣстный разговоръ между старожиломъ-европейцемъ и его другомъ китайскимъ ученымъ. Европеецъ спросилъ ученаго, что новаго на политическомъ горизонтѣ, а китаецъ ему отвѣтилъ, что, не получая жалованья, онъ не намѣренъ ломать голову надъ этимъ вопросомъ, а вотъ въ трибуналѣ иностранныхъ дѣлъ есть люди, спеціально оплачиваемые за веденіе политики; къ нимъ и нужно обратиться. Затѣмъ европеецъ коснулся религіи и человѣческой души. Китаецъ отвѣчалъ: „какъ тебѣ не стыдно заниматься подобными пустяками. Наше тѣло постоянно требуетъ такого за собой ухода, что мы елеле справляемся съ заботами о немъ, а ты говоришь о какой-то душѣ, которую при томъ никто никогда не видѣлъ“.

Замѣчу мимоходомъ, что въ Кантонѣ европейцы вообще рыбы не ѣдятъ, такъ какъ въ рѣкѣ плаваетъ масса человѣческихъ труповъ, которые, вѣроятно, служатъ отчасти пищею для рыбы.

Изъ Кантона мы перешли въ сосѣдній Макао—этотъ древнѣйшій европейскій пунктъ въ Китаѣ. Находясь при устьѣ Кантонской рѣки, островокъ Макао былъ уступленъ португальцамъ еще въ 1586 году и въ продолженіе трехъ вѣковъ служилъ очень бойкимъ торговымъ портомъ. Но съ основаніемъ въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія Гонконга вся торговля отъ апатичныхъ португальцевъ перешла къ англичанамъ. Теперь Макао потерялъ сколько-нибудь серьезное коммерческое значеніе. Графъ Путятинъ избралъ именно этотъ пунктъ для трехмѣсячнаго тамъ пребыванія, въ ожиданіи весны 1858 года, вѣроятно, въ виду его уединенія, ненарушаемаго никакими международными фестивалами. Помѣстился онъ со свитою въ нанятомъ на берегу бухты домѣ, а пароходъ „Америка“ оставался на якорѣ въ трехъ кабельтовыхъ отъ береговой резиденціи нашего посланника.

Однообразно потекла наша пароходная жизнь. Производились кое-

какія ученья команды, а въ свободное отъ службы время я читалъ, а иногда съѣзжалъ на берегъ погулять и послушать португальскій военный хоръ. Но всего болѣе я любилъ посѣщать расположенный на крутизнѣ съ чуднымъ на окрестности видомъ городской садъ, гдѣ находится гротъ Камоэнса. Тутъ, по преданію, знаменитый поэтъ писалъ свою Луизіаду.

На ютѣ парохода была устроена палатка или скинія и въ ней походная церковь, гдѣ архимандритъ Аввакумъ по праздникамъ и наканунѣ ихъ отправлялъ богослуженіе, въ присутствіи Путятина, пріѣзжавшаго для этого на пароходъ съ своей береговой резиденціи. Впрочемъ, онъ очень часто посѣщалъ въ Макао и католическіе костелы, гдѣ всегда усердно молился съ колѣнопреклоненіемъ. Во время великаго поста въ нашей походной церкви говѣли свита, мы, офицеры, и команда, а Путятинъ говѣлъ два раза—на первой и на страстной недѣляхъ. Надобно замѣтить, что Путятинъ, знавшій до тонкости церковный уставъ, дѣлалъ иногда замѣчанія Аввакуму, если онъ что-нибудь изъ всенощной пропускалъ. Это раздражало Аввакума и, въ въ концѣ концовъ, онъ сталъ недолюбливать Путятина. Какъ бы то ни было, а на пароходѣ, благодаря походной церкви, всѣ православные, хотя и далеко отъ Россіи, имѣли полную возможность исполнять всѣ требованія греко-восточной церкви. Но и тутъ отъ серьезнаго и до смѣшнаго—одинъ шагъ. Какъ-то разъ вошелъ въ каютъ-компанію послѣ исповѣди И. Я. Шкотъ, съ трудомъ сдерживая улыбку. Я спросилъ, въ чемъ дѣло? Оказалось, что его разсмѣшилъ Аввакумъ. Онъ задалъ вопросъ: не осуждаетъ ли Шкотъ начальство? Послѣдній отвѣтилъ, что грѣшенъ, и въ свое оправданіе привелъ Путятина, который разными назойливыми требованіями выводитъ его изъ терпѣнія и тѣмъ поселяетъ какую-то злобу въ его сердцѣ. Аввакумъ послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ: „да, и то правда, иногда попадется такой привередливый начальникъ, что трудно удержаться, чтобы внутренно его не выбранить“. Что за прелесть—этотъ своеобразный діалогъ между исповѣдникомъ и духовникомъ, и могъ ли онъ дѣйствительно не вызвать улыбки!

Приближалась весна (1858 года), и въ апрѣлѣ мы покинули однообразную, исполненную какой-то безмятежной идилліи, стоянку въ Макао, направившись опять въ Печилійскій заливъ. Прибывъ къ устью Пейхо, мы уже застали тамъ англійскую и французскую эскадры съ послами, лордомъ Елгиномъ и барономъ Гро, а также фрегатъ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ „Миннесота“ съ посломъ Ридомъ. Китайцы были нѣсколько смущены присутствіемъ довольно грознаго союзнаго флота, но, тѣмъ не менѣе, дѣлали всевозможныя увертки, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ „иностранныхъ чертей“,

Графъ Путятинъ принялъ на себя роль какого-то посредника между китайскими уполномоченными и союзными послами, но посредничество это, въ смыслѣ мирной развязки дѣла, успѣхомъ не увѣнчалось. Надо замѣтить, что Путятинъ въ это время уже былъ переименованъ изъ званія чрезвычайнаго посланника въ званіе императорскаго коммиссара, чѣмъ онъ былъ очень недоволенъ, такъ какъ при этомъ было уменьшено и его содержаніе, производившееся по званію посланника въ очень крупной суммѣ, а именно 36.000 рублей въ годъ.

Переговоры затягивались. Нашъ пароходъ перешелъ баръ, ставъ на якорь не болѣе, какъ въ одной милѣ отъ китайскихъ фортовъ Таку, возведенныхъ при устьѣ Пейхо. У Путятина родилась мысль пріобрѣсти небольшое палубное судно (водоизмѣщеніемъ не болѣе полутораста тоннъ), по конструкціи похожее на китайскую „джонку“, которая, по прибытіи въ Николаевскъ, могла бы быть очень полезною, какъ грузовая баржа, для плаванія въ устьѣ Амура. Мысль эта была осуществлена, и джонка куплена, кажется, за 900 или 1.000 долларовъ. О дальнѣйшей судьбѣ ея скажу ниже.

Между тѣмъ китайцы не соглашались на требованія союзниковъ относительно заключенія трактата, въ который была включена одна статья, наиболѣе для нихъ ненавистная, а именно по предоставленію права иностраннымъ посланникамъ жить въ Пекинѣ. На посланный ультиматумъ Китай отвѣчалъ отрицательно. Тогда союзники рѣшились прибѣгнуть къ силѣ. Въ одинъ изъ чудныхъ солнечныхъ дней въ началѣ мая, англійскія и французскія канонерки, имѣвшія на буксирѣ боты съ десантомъ, рѣшившись на приступъ, снялись съ якоря и начали форсировать входъ въ Пейхо. Предъ нами открывался рѣдкій случай видѣть почти съ одноверстнаго разстоянія, какъ на ладони, картину неравнаго боя между передовыми цивилизованными государствами и инертною желтокожею расою. Но нужно ли говорить, что въ данномъ случаѣ справедливость была на сторонѣ китайцевъ, которые и безъ того вынуждены были въ 1841 году открыть для европейской торговли пять своихъ коммерческихъ портовъ. Затѣмъ они умоляли европейцевъ оставить ихъ въ покоѣ, не вторгаться къ нимъ и понять наконецъ, что Китай не желаетъ имѣть никакого общенія съ Европою, въ особенности дипломатическаго при посредствѣ иностранныхъ посланниковъ въ Пекинѣ. Но англо-французы рѣшились силою заставить Небесную имперію открыть имъ новые рынки съ устраненіемъ всякихъ преградъ для миссіонерской дѣятельности, и вотъ тутъ-то наступило кровавое столкновеніе. Прошло нѣсколько минутъ какого-то зловѣщаго затишья, но наконецъ съ китайскихъ фортовъ раздались выстрѣлы, въ отвѣтъ на которые загрохоталъ громъ разрывныхъ снарядовъ, разсыпаемыхъ съ англо-французскихъ кано-

нерокъ. Смертоносные осколки бомбъ наводили панику на китайцевъ, у которыхъ артиллерійская техника находилась въ самомъ жалкомъ и первобытномъ состояніи. Мы съ парохода наблюдали этотъ, какъ выше сказано, неравный бой, но онъ продолжался не болѣе трехъ часовъ. Китайскіе верки были разрушены, и сыны Небесной имперіи, какъ и нужно было ожидать, обратились въ бѣгство, а затѣмъ вскорѣ водружены были въ устьѣ Пейхо англійскій и французскій флаги. Взявъ катеръ, я поѣхалъ осмотрѣть свѣжіе слѣды разгрома, и вотъ что я увидѣлъ: форты и окружающая ихъ мѣстность были усѣяны трупами китайцевъ, тогда какъ уронъ союзниковъ былъ очень незначителенъ, не превышая 50 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Такимъ образомъ загражденіе подступовъ къ Пекину было уничтожено, и союзные послы лордъ Елгинъ и баронъ Гро, а также американскій посланникъ Ридъ отправились на своихъ судахъ вверхъ по Пейхо въ Тяньдзинъ.

Дня черезъ два послѣ взятія фортовъ Таку (въ томъ же маѣ 1858 года), къ графу Путятину таинственно пріѣхали три мандарина, съ просьбою о принятіи графомъ на себя какого-то посредничества. Но просьба эта оказалась уже запоздалою, и, спустя нѣсколько часовъ, Путятинъ приказалъ мнѣ взять мандариновъ на нашу джонку и высадить ихъ на берегъ Пейхо въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ устья. Согласно съ такимъ приказаніемъ я отправился на джонкѣ подъ русскимъ военнымъ флагомъ вверхъ по рѣкѣ или правильнѣе по мутной илистой рѣчкѣ, не шире нашей петербургской Фонтанки. Пройдя безпрепятственно англійскую канонерку, стоявшую въ самомъ устьѣ Пейхо, я долженъ былъ миновать и французскую канонерку, расположившуюся на якорѣ на три или четыре кабельтова отъ англійской канонерки. Но, поровнявшись съ нею, я вдругъ услышалъ крики: „arretez, arretez“. Остановившись, я поѣхалъ къ французамъ, при чемъ командиръ объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ положительное приказаніе пропускать всѣ суда по рѣчкѣ, а оттуда не разрѣшать имъ подниматься вверхъ. Возразивъ ему о полученіи приказанія отъ нашего посланника, о поднятомъ на моей джонкѣ русскомъ военномъ флагѣ, я получилъ отвѣтъ, что тѣмъ не менѣе онъ не можетъ меня пропустить безъ особаго разрѣшенія изъ главной квартиры. Нечего было дѣлать, я отправился въ главную квартиру, но встрѣтилъ довольно суровый пріемъ со стороны начальника штаба, какого-то флотскаго капитана. Онъ мнѣ началъ высказывать, чтобы я не забывалъ о существованіи между союзниками и Китаемъ фактической войны и о необходимости принятія нѣкоторыхъ военныхъ предосторожностей, къ числу которыхъ между прочимъ относилось запрещеніе пропускать суда вверхъ по Пейхо. Напрасно я ему доказывалъ, что

ввѣренное мнѣ судно есть русская джонка, подъ русскимъ военнымъ флагомъ, что я являюсь только исполнителемъ приказаній нашего дипломатическаго представителя графа Путятина. Ничему этому придирчивый французъ не внималъ и, наконецъ, порѣшилъ на томъ, чтобы я передалъ китайскихъ чиновниковъ въ его руки, а уже онъ ихъ препроводитъ подъ конвоемъ въ тотъ пунктъ, гдѣ они пожелаютъ остаться. Мандариновъ или по-китайски „да-женей“ (великихъ людей) я захватилъ съ собою, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ препоручить ихъ участь французской главной квартирѣ. По возвращеніи на пароходъ и докладѣ всего происшедшаго, Путятинъ страшно негодовалъ, металъ громъ и молніи, объявилъ, что будетъ жаловаться французскому послу барону Гро и т. под.

Спустя дня два, Путятинъ, рѣшившись отправиться на пароходѣ въ Тяньдзинъ, гдѣ уже находились, какъ выше сказано, союзные послы, опять приказалъ мнѣ идти на джонкѣ впередъ.

— А если, ваше сіятельство, меня по-прежнему станутъ задерживать? — спросилъ я.

— Такъ пускай въ васъ стрѣляютъ, а все-таки идите! — отвѣчалъ графъ.

Поставивъ паруса, плыву на джонкѣ, прохожу англійскую канонерку и не встрѣчаю никакихъ съ ея стороны задержекъ, но съ французскаго авизо опять начали раздаваться крики „остановиться“. На этотъ разъ, однако жъ, я не обратилъ никакого вниманія на эти крики, продолжалъ путь, и никто въ меня не стрѣлялъ. Самъ по себѣ этотъ эпизодъ конечно совершенно ничтоженъ, но онъ характеризуетъ мелочную придирчивость французовъ, въ данномъ случаѣ неумѣстную и безцѣльную, и въ этомъ отношеніи англичане отличаются гораздо бо́льшимъ тактомъ.

Такимъ образомъ, имѣя джонку на буксирѣ, нашъ пароходъ прибылъ въ Тяньдзинъ, расположенный по обоимъ берегамъ рѣчки Пейхо. Видъ европейскихъ паровыхъ судовъ, впервые можетъ быть отъ сотворенія міра появившихся въ Тяньдзинѣ, представлялся китайцамъ какимъ-то навожденіемъ самого діавола: толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ цѣлыми днями стояла на берегу и глазѣла на англо-французскія суда и нашъ пароходъ. Гр. Путятинъ нанялъ, какъ разъ противъ стоянки парохода, домъ, куда и переселился со свитою.

Пребываніе наше въ Тяньдзинѣ (около полутора мѣсяцевъ) ознаменовалось нѣкоторыми перипетіями. Старшій офицеръ Н. Э. Шкотъ становился положительно невыносимымъ съ своими нервными и рѣзкими выходками противъ командира Н. М. Чихачова. Въ то же время онъ настойчиво приставалъ, чтобы его немедленно отправили на джонкѣ въ Николаевскъ на Амурѣ. Долго на это не рѣшались, но

наконецъ уступили неотвязчивой просьбѣ Шкота, назначили на джонку пять человѣкъ команды, снабдили провизіею и разрѣшили ему предпринять, такъ сказать на его рискъ, болѣе или менѣе безшабашное плаваніе. Потомъ я уже узналъ, что послѣ всевозможныхъ приключеній джонка все-таки достигла Николаевска, а спустя нѣкоторое время, находясь на буксирѣ пароваго судна, въ лиманѣ Амура, въ штормъ, затонула. Какія только не бываютъ случайности на водной стихіи! Злые языки впослѣдствіи говорили, что гр. Путятинъ, посылая на такой утлой ладьѣ, какъ джонка, Шкота, хотѣлъ будто бы преднамѣренно его погубить. Но это, разумѣется, совершенный вздоръ. По своимъ высоко-нравственнымъ убѣжденіямъ, Путятинъ былъ совершенно неспособенъ замыслить что-либо подобное, и если согласился на плаваніе джонки, то единственно только уступая неотступному ходатайству самого Шкота. Но нужно ли даже объ этомъ говорить? Послѣ отплытія Шкота я былъ назначенъ, вмѣсто него, старшимъ офицеромъ парохода.

Когда переговоры близились уже къ окончанію и завершились благополучною развязкою, я узналъ, что Н. М. Чихачовъ посылается курьеромъ съ какими-то депешами въ С.-Петербургъ, и дѣйствительно 6/18 іюня (1858 г.) я получилъ предписаніе отъ Путятина „принять пароходъ „Америка“ на законномъ основаніи отъ капитанъ-лейтенанта Чихачова и вступить въ завѣдываніе онымъ“. Процедура передачи парохода совершилась быстро, и по отъѣздѣ изъ Тяньдзина Чихачова я вступилъ въ новую, хотя и временную должность.

Не могу не занести въ свои записки два эпизода, случившіеся въ мое временное командирство.

Какъ-то разъ послѣ поднятія флага я ходилъ по палубѣ и вдругъ услышалъ, что съ берега проситъ прислать шлюпку вольнонаемный слуга архимандрита Аввакума Гаврило—малый лѣтъ 23-хъ. Шлюпка послана, и Гаврило, взойдя на пароходъ, объявилъ, что графъ Путятинъ приказалъ дать ему 20-ть линьковъ.

— Это за что? спросилъ я.

— Да за то, что я прокатился верхомъ на лошади мандарина, прибывшаго къ графу для переговоровъ.

Затѣмъ потѣшный Гаврило, къ моему изумленію, сдѣлалъ еще такое добавленіе:

— Александръ Михайловичъ, графъ приказалъ дать мнѣ двадцать „горячихъ“ линьковъ.

Разумѣется, я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ такого геройскаго самоотверженія неподражаемаго россіянина.

Однако жъ Аввакумъ былъ возмущенъ такою безцеремонною рас-

правою съ его вольнонаемнымъ слугою, которымъ онъ лично былъ очень доволенъ. Путятину онъ этого простить не могъ.

Со дня на день мы ожидали прибытія фрегата „Аскольдъ“, назначеннаго въ распоряженіе Путятина. Въ іюнѣ я получилъ приказаніе принять на пароходъ американскаго посланника Рида съ его свитою и отправиться изъ Тяньдзина на Печилійскій рейдъ. Совершивъ благополучно по узкой извилистой Пейхо плаваніе, я высадилъ американцевъ на фрегатъ ихъ „Миннесота“ и поѣхалъ на нашъ фрегатъ „Аскольдъ“, который наконецъ подъ командою флигель-адъютанта И. С. Унковскаго, прежняго командира „Паллады“, прибылъ 17-го іюня (1858 года) на Печилійскій рейдъ. Возвращаться въ Тяньдзинъ мнѣ уже не пришлось, такъ какъ Путятинъ спустился внизъ по Пейхо на лодкѣ, и, основавшись на „Аскольдѣ“, разрѣшилъ нашему пароходу возвратиться къ устью Амура, при чемъ командующимъ пароходомъ былъ назначенъ старшій офицеръ „Аскольда“ А. Н. Розенбергъ, а я низведенъ былъ опять на должность старшаго офицера.

Итакъ графомъ Путятинымъ въ Тяньдзинѣ 1-го (13-го) іюля 1858 года былъ заключенъ торговый трактатъ, но не дремалъ и энергичный соперникъ его по китайскимъ дѣламъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ. Онъ испросилъ разрѣшеніе на веденіе отдѣльныхъ, самостоятельныхъ переговоровъ съ Китаемъ относительно разграниченія приамурскихъ земель. Переговоры эти увѣнчались успѣхомъ, и въ городѣ Айгунѣ, на берегу Амура, Муравьевъ заключилъ лѣтомъ 1858 года, нѣсколько позже Тяньдзинскаго трактата, особый территоріальный договоръ, за который и былъ возведенъ въ званіе „графа Амурскаго“.

Послѣ 1858 года мнѣ уже никогда не приходилось имѣть какое-либо соотношеніе по службѣ съ графомъ Путятинымъ. Постараюсь, хотя сжато, очертить эту несомнѣнно выдающуюся личность.

О многихъ нашихъ адмиралахъ, какъ напр. о Грейгѣ, Лазаревѣ, Нахимовѣ, Корниловѣ, Бутаковѣ и другихъ были составлены довольно обширныя біографіи, о Путятинѣ же, кромѣ сухаго некролога, ничего въ морской періодической печати сказано не было, а между тѣмъ Путятинъ во многихъ отношеніяхъ былъ безспорно выдающимся дѣятелемъ.

Окончивъ курсъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ первымъ по выпуску, Путятинъ 1-го марта 1822 года былъ произведенъ въ мичманы и вскорѣ былъ отличенъ Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ. Онъ быстро познакомился съ техникою управленія парусами и вообще съ морскимъ дѣломъ, и въ этихъ практическихъ познаніяхъ пріобрѣлъ репутацію даровитаго спеціалиста. Привлеченный въ концѣ тридца-

тыхъ годовъ вмѣстѣ съ Корниловымъ къ составленію „Штата настоящаго вооруженія военныхъ судовъ“, Путятинъ отдался съ тѣмъ увлеченіемъ къ этой кропотливой работѣ, заключавшейся въ сухой регламентаціи расходованія корабельныхъ матеріаловъ, которое характеризуетъ избранныя и недюжинныя натуры. Лазаревъ гордился этою работою и, рекомендуя князю Меншикову (въ 1841 году) Путятина и Корнилова, какъ особенно талантливыхъ офицеровъ, далъ въ тоже время понять, что иниціатива изданія упомянутаго штата принадлежитъ не ему, Лазареву а его свѣтлости (Меншикову)... Не знаю, было ли это въ дѣйствительности такъ, или просто лишь соблюденіемъ, со стороны Лазарева, служебнаго этикета. Затѣмъ Путятинъ является въ должности энергичнаго и образованнаго командира корвета „Ифигенія“. Изъ разсказовъ сослуживцевъ (между прочимъ адмирала Аркадія Васильевича Воеводскаго) видно, что Путятинъ отличался, какъ судовый командиръ, особою горячностію и какою-то запальчивостію, доходившими до самозабвенія. Много, вѣроятно, тутъ было и чисто напускнаго изъ желанія порисоваться оригинальностію. Преданія гласятъ, что разъ, послѣ какого-то неудачнаго маневра, Путятинъ предложилъ съ отчаянія оплошавшему въ этомъ случаѣ офицеру „броситься съ нимъ за бортъ“, а другой разъ захлопнулъ крышку водяной цистерны, когда туда для осмотра влѣзъ старшій его офицеръ. Впрочемъ, въ Черноморскомъ флотѣ было вообще въ большемъ ходу со стороны вліятельныхъ корифеевъ этого флота забавляться подобными эксцентричностями. Вотъ сказаніе про адмирала Павла Степановича Нахимова. Бывши, какъ извѣстно, холостякомъ, тѣломъ и душою преданнымъ службѣ и морскому дѣлу, онъ враждебно относился къ женитьбѣ тѣхъ молодыхъ офицеровъ, которые обѣщали сдѣлаться бравыми и восторженными моряками. По мнѣнію Нахимова (навѣянному вѣроятно также стремленіемъ къ оригинальности), всякій хорошій морской офицеръ, разъ онъ женится, дѣлается уже безвозвратно потеряннымъ для флота. Адмиралъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Кернъ, бывши еще лейтенантомъ и пользовавшись репутаціею браваго моряка, былъ любимцемъ Нахимова. Вдругъ Кернъ, задумавъ жениться, пришелъ просить на это разрѣшеніе Нахимова. Послѣдній, насколько могъ, протестовалъ, отговаривалъ Керна отъ пагубнаго шага, но когда увидѣлъ, что все тщетно, то разразился такою тирадою: „мнѣ отраднѣе было бы васъ видѣть въ гробу, чѣмъ женатымъ“. Передаю, что слышалъ, а затѣмъ продолжаю о Путятинѣ. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ посланъ въ Каспійское море для усмиренія туркменъ, а по выполненіи этого порученія получилъ командировку въ Англію, гдѣ участвовалъ въ заказѣ различныхъ для морскаго вѣдомства предметовъ и въ разработкѣ техническихъ во-

просовъ по кораблестроенію. Въ Англіи Путятинъ оставался довольно долго и тамъ женился на англичанкѣ. О дипломатической его дѣятельности я говорилъ уже выше.

Въ шестидесятыхъ годахъ онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, но, говорятъ, Путятинъ долго колебался предъ тѣмъ, чтобы согласиться на это назначеніе. Предъ самымъ вступленіемъ Путятина въ новую должность произошелъ такой эпизодъ. Любя Петра Алексѣевича Пещурова, какъ сына, и оцѣнивая его способности, Путятинъ предложилъ ему занять мѣсто директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, но Пещуровъ, несмотря на лестное предложеніе, предугадывалъ ошибочный, по его мнѣнію, шагъ Путятина стать во главѣ крайне щекотливаго и неустойчиваго вѣдомства народнаго просвѣщенія и напрямикъ далъ такой отвѣтъ: „Нѣтъ, графъ, я не только отказываюсь отъ согласія на ваше предложеніе, но совѣтую и вамъ отказаться отъ вашего новаго шаткаго положенія“. Послѣдствія показали, что Пещуровъ, бывшій секретаремъ при Путятинѣ, во время плаванія на пароходѣ „Америка“, былъ настоящимъ пророкомъ.

Извѣстно, что однимъ изъ поводовъ, по которымъ Путятинъ долженъ былъ оставить постъ министра—было установленіе „матрикулъ“ или, другими словами, обложеніе студентовъ обременительными и непосильными сборами. Одновременно съ паденіемъ Путятина ходили по рукамъ такіе стихи:

Ломоносовъ и Державинъ,
Безъ матрикулъ и безъ взносовъ
Врата науки открывалъ,
Съ Путятинымъ теперь иная мода:
Онъ по обычаю ксендзовъ
Усѣлся съ кружечкой у входа,
И обираетъ бѣдняковъ.

По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ Путятинъ принадлежалъ къ числу строгихъ піэтистовъ: два раза въ годъ говѣлъ—на первой и страстной недѣляхъ великаго поста, самъ читалъ апостола, часы и т. п. Но все это отнюдь не мѣшало ему тотчасъ по окончаніи богослуженія безпощадно разносить офицеровъ за малѣйшія отступленія отъ порядка судовой службы. Тутъ уже проявлялось со стороны Путятина какое-то странное сочетаніе христіанскаго смиренія и въ то же время властности высшаго морскаго начальника. Будучи приверженцемъ православія и ритуальнаго церковнаго благолѣпія, Путятинъ въ то же время являлся до извѣстной степени и ультрамонтаномъ. Помню, какъ въ 1853 году мы на „Палладѣ“ пошли на острова Баши

спеціально для того, чтобы передать письма католическимъ миссіонерамъ отъ ихъ епископа въ Гонконгѣ.

По своимъ политическимъ взглядамъ Путятинъ былъ вѣрнымъ и преданнѣйшимъ слугою государя и интересовъ Россіи, но въ то же время въ немъ не было слѣпаго и односторонняго обожанія, quand même, всего русскаго, потому только, что оно русское. Какъ-то разъ на пароходѣ „Америка“ въ 1858 году я былъ свидѣтелемъ спора между нимъ и любимцемъ его П. А. Пещуровымъ. Въ концѣ спора,— о чемъ именно, хорошенько уже не помню, Пещуровъ сказалъ:

— Вы, графъ, такъ разсуждаете потому, что не любите Россіи.

— Почему же вы думаете, что я не люблю Россіи,—возразилъ полусерьезно, полушутя, Путятинъ, а затѣмъ продолжалъ:—впрочемъ, и дѣйствительно я, можетъ быть, космополитъ: вѣдь Іисусъ Христосъ національностей не признавалъ.

Еще одна черта Путятина: онъ умѣлъ выбирать людей и окружать себя талантливыми личностями. Напомню о К. Н. Посьетѣ, Н. М. Чихачовѣ, обоихъ Пещуровыхъ, А. А. Колокольцевѣ и др.

Въ числѣ представленныхъ былъ также архимандритъ Аввакумъ, такъ живо описанный, какъ человѣкъ чистѣйшей души и святой жизни, Гончаровымъ. У него уже былъ орденъ Владиміра 3-й степени, и очередною для него наградою, въ порядкѣ постепенности, долженъ былъ бы быть орденъ Анны 1-й степени, но Аввакумъ, какъ ни былъ онъ не отъ міра сего, вѣроятно, просто по капризу, заупрямился и наотрѣзъ заявилъ Путятину, чтобы онъ исходатайствовалъ ему, помимо Анны 1-й степени, прямо Владиміра 2-й степени, или же, чтобы вовсе ни къ чему его не представлялъ. Конечно, желаніе Аввакума было уважено.

Выше я говорилъ, что нашему пароходу разрѣшено было возвратиться къ устью Амура, и 17-го іюля 1858 года мы прибыли на „Америкѣ“ въ Николаевскъ.

Икотники и кликуши.

Къ исторіи русскихъ суевѣрій.

По архивнымъ источникамъ.

Занимаясь собираніемъ матеріаловъ къ исторіи колдовства и волшебства въ Россіи, я встрѣтилъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи два документа, которые въ половинѣ XVIII столѣтія всецѣло были относимы къ указаннымъ суевѣріямъ, но на самомъ дѣлѣ представляютъ такія явленія, которыя до сихъ поръ необъяснены научно—это возникновеніе двухъ тяжелыхъ болѣзней, страдавшія которыми лица получали названіе „икотниковъ“ и „кликушъ“.

При поступательномъ движеніи русскаго общества къ просвѣщенію и образованію, русскія суевѣрія, къ сожалѣнію распространенныя въ средѣ народа и до настоящаго времени, должно считать силами, задерживающими это поступательное движеніе, а потому изученіе суевѣрій необходимо какъ для трезвой борьбы съ ними, такъ равно и для всесторонняго выясненія историческаго хода нашего просвѣщенія.

Покойный Н. И. Костомаровъ, въ недавно появившейся въ печати запискѣ о введеніи въ преподаваніе въ Казанскомъ университетѣ „науки русскихъ древностей, или бытовой исторіи“ [1]), относилъ

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1904 г., стр. 610.

русскія суевѣрія къ матеріаламъ для изученія „настроенія народнаго духа“, которое, по его мнѣнію, составляетъ пробѣлъ въ родной исторіи и которое поэтому онъ предполагалъ въ Казани ввести въ университетскій курсъ.

Помѣщая въ дословной обработкѣ очерки двухъ найденныхъ документовъ, гдѣ все содержаніе, собственныя и географическія имена принадлежатъ подлиннику, мы считали бы себя вполнѣ удовлетворенными, если бы нашъ трудъ послужилъ толчкомъ къ рѣшенію вопроса: относится ли описываемая нами болѣзнь, называемая „икотою“, исключительно къ Россіи, или же она имѣетъ распространеніе въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ именно, въ какихъ условіяхъ и въ одинаковой ли формѣ или видоизмѣненной?

I.

Напускатели икоты [1]).

— Батюшка, Емельянъ Ивановичъ! помилуй меня бѣдную,— кричала, или, вѣрнѣе, вопила жена крестьянина села Запольскаго, Мезенскаго уѣзда, Евдокія Яковлева Давыдова, еще молодая женщина, катаясь и корчясь въ судорогахъ по полу своей избы въ январѣ мѣсяцѣ 1720 года.

— Голубчикъ братецъ, Захаръ Петровичъ! заступись за меня,— продолжала она причитывать, мутными, испуганными глазами озираясь по сторонамъ.

Бѣдная женщина только-что было встала утромъ и, умывшись, подошла къ печкѣ, чтобы положить въ нее дровъ. Вдругъ она почувствовала, точно ея „горло что-то затыкаетъ, а утробу надымаетъ кверху, сердце жметъ“, и почти тотчасъ же у нея явилась „великая икота“.

Съ крикомъ повалилась Авдотья на полъ и принялась биться, „точно въ лихорадкѣ“, въ то же время „нелѣпымъ гласомъ“ взывая къ „батюшкѣ“ Емельяну Ивановичу и „братцу“ Захару Петровичу.

Часа два мучилась и была въ безпамятствѣ Давыдова, руки и ноги ея сволокло, а лицо покрылось смертною блѣдностію. Наконецъ она очнулась, и когда мужъ спросилъ, кого она называла „батюшкой“ и братцомъ, то Авдотья отвѣтила:

---

[1]) Моск. Архивъ М. Ю. Книга Прав. Сената № 1369, л. 1—64.

— Помнишь въ наше село пріѣзжалъ бывый мезенскій дьячекъ Емельянъ Ивановъ Поповъ и останавливался близъ нашей избы; сказывали, что онъ напускаетъ икоту и что онъ же можетъ избавить отъ нея. Должно быть, я на него и говорила, а утверждать того не могу, на него ли; а что говорила, не помню, потому что была безъ разума и въ безпамятствѣ.

— Братцемъ же я называла сосѣда своего Захара Лукова, что въ той же болѣзни ичетъ.

— Да Захаръ вотъ уже два года, какъ умеръ,—возразилъ своей женѣ Давыдовъ.

— Въ безпамятствѣ мнѣ чудилось, да и теперь, какъ уже очнулась, кажется, что онъ живъ, и когда я называла его по имени, то точно „моей утробѣ становилось лучше“.

Страшно становилось мужу отъ разсказовъ жены: по многимъ подобнымъ случаямъ онъ зналъ уже, какая ужасная болѣзнь завладѣла Авдотьей.

Восемь лѣтъ послѣ начала, раза 3—4 въ годъ „къ погодамъ“ мучилась въ такихъ припадкахъ Давыдова; только „въ половинѣ девятаго года языкомъ она ни на кого говорить не стала“, но въ икотѣ и безпамятствѣ все-таки лежала „часа по два и по три“.

Въ деревнѣ Великодворской, Юромской волости, Мезенскаго уѣзда, въ концѣ тѣхъ же двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія, жили два брата-крестьянина Никифоръ и Осипъ Кирилловы Салмины. Люди они были зажиточные, но очень гордые. Односельчане не любили Салминыхъ.

18-го февраля 1729 г. Никифоръ Салминъ ѣхалъ съ возомъ сѣна отъ смежной деревни Бугаевской. У небольшаго Верхнеконскаго ручья, близъ Чушевой бани, стояло нѣсколько женщинъ и между ними крестьянская женка Елена Григорьева Кукина, по прозванью „Олисова“. Когда Салминъ поровнялся съ ними, Кукина вдругъ затряслась, заикала и, упавъ, стала биться по землѣ.

— Отецъ мой, Никифоръ Кирилловичъ, помилуй меня!—кричала при этомъ Олисова, что засвидѣтельствовали бывшія съ нею женщины.

— Сестрицы мои, Аграѳена Родіоновна, Евлампія Григорьевна, Ѳедосья Игнатьевна, заступитесь за меня!—выкрикивала она по именамъ тѣхъ женокъ, на которыхъ, какъ говорили, икотная болѣзнь была уже напущена Никифоромъ.

Часа два билась по землѣ Олисова, женки вспрыскивали ее водою изъ ручья, но это не помогало. Съ тѣхъ поръ, раза по три—четыре въ годъ нападали на нее припадки икоты, и въ нихъ она „языкомъ называла отцомъ и батюшкой“ Никифора Салмина.

Въ Великодворской же деревнѣ недалеко отъ Салминыхъ стояль дворъ тоже зажиточнаго крестьянина Саввы Гыткина. Никифоръ очень не взлюбилъ невѣстку Саввину Ѳедосью. Разъ весною того же 1729 года у избы Саввы, въ его присутствіи, на „затѣйное Ѳедосьино слово", Салминъ со злобою спросилъ женщину:

— Долго ли ты поживешь?

Спустя недѣлю Ѳедосья „заскорбѣла икотною болѣзнію, нелѣпымъ гласомъ стала называть Никифора Салмина отцомъ и батюшкой", а къ концу года умерла.

Зимою 1730 года Салминъ вмѣстѣ съ своею женою Софьею Алексѣевою днемъ пріѣхали въ деревню Тигляевскую и остановились у „мірской проруби". Недалеко отъ проруби стояла крестьянская женка Евдокія Окулева. Женка видѣла, какъ Салмины изъ саней принесли къ проруби деревянную скрыню и, вынимая изъ сундука живыхъ мышей, метали ихъ въ воду.

— Если же мышь плескалась въ водѣ и вскакивала на ледъ, — разсказывала Окулева—то Салмины палкою вновь откидывали ее въ прорубь. А того не досчитала, сколько всего мышей было, но близко десятка,—добавила впослѣдствіи женка.

Едва Евдокія вернулась домой отъ проруби, какъ надъ нею „явилась икотная болѣзнь". Женка въ безпамятствѣ начала биться по полу, причитывая:

— Батюшка Никифоръ Кирилловичъ! Матушка Софья Алексѣевна! пощадите меня.

Черезъ три часа припадокъ прошелъ, и Окулева сказала:

— Очень я испугалась, видѣвъ, какъ Салмины мышей въ воду метали.

Однако, припадки у Окулевой „къ погодамъ" стали повторяться. О происшествіи съ мышами она разсказывала всѣмъ односельчанамъ, и вскорѣ послѣ ея болѣзни еще надъ двумя крестьянскими женками и одной дѣвкой явились икотные припадки, во время которыхъ больныя въ безпамятствѣ называли Никифора Салмина и его жену „батюшкой и матушкою".

Великимъ постомъ 1730 г. на дворъ къ Салминымъ пришла крестьянская двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Татьяна Иванова.

— Тятька прислалъ меня взять у васъ его дерево, что правятъ на немъ сырыя скотинныя тюни!—обратилась дѣвочка къ бывшему на дворѣ родному брату Никифора Осипу Салмину.

— Убирайся вонъ со двора, подлое отродье!—крикнулъ на нее Осипъ.

— И сталъ онъ меня бранить всячески,—разсказывала дѣвочка,— и прыскалъ на меня изъ своего рта водою, а достальную воду, быв-

шую у него въ горшкѣ,—вылилъ на меня наотмашь!—съ плачемъ досказала отцу Татьяна.

Къ вечеру того же дня, какъ Иванова ходила къ Салминымъ, у нея „приключилась икотная болѣзнь, и въ языкахъ называла она Осипа Салмина отцомъ и батюшкой".

Когда припадокъ миновался, Татьяна о своемъ горѣ разсказала подругѣ сверстницѣ Пелагеѣ Глотовой. Спустя три дня и у послѣдней начались припадки икотной болѣзни, и называла она того же Осипа „отцомъ и батюшкой".

У одного изъ зажиточныхъ крестьянъ деревни Великодворской Ермолая Ларюкова была какъ-то „братчина". Между приглашенными гостями были Никифоръ и Осипъ Салмины, а также ихъ же односельчанинъ Дѣянъ Кузьминъ, котораго оба брата Салмины не любили за его „злорѣчіе".

Когда Ларюковъ сталъ обносить гостей пивомъ, то Осипъ, взявъ одинъ изъ стакановъ, поднесъ его Дѣяну Кузьмину. Послѣднему показалось, что Салминъ въ пиво что-то всыпалъ. Онъ опустилъ руку въ стаканъ и вынулъ оттуда „какія-то невѣдомыя травы, или коренья".

— Смотрите, православные, какъ меня Осипъ хотѣлъ испортить!—закричалъ Дѣянъ.

Озлобленіе мѣстныхъ крестьянъ противъ Салминыхъ и безъ того было сильное, а когда гости увидѣли вынутые изъ стакана коренья, то принялись бить Осипа. За него заступился братъ Никифоръ, и такъ какъ оба Салмины были очень сильны, то произошла общая свалка.

Нужно думать, что хозяинъ „братчины" на такихъ пирахъ являлся лицомъ священнымъ, потому что, какъ записано въ документѣ, ссорившіеся „увѣщаній хозяина Ларюкова послушались и бить Салминыхъ перестали".

Лѣтомъ 1730 г. у многихъ крестьянъ Юромской волости въ разныхъ деревняхъ въ большомъ числѣ началъ скотъ и овцы валиться. Много толковали крестьяне о томъ, отчего на нихъ „такая напасть нашла". Въ ихъ разговорахъ принимали участіе и женки, страдавшія икотною болѣзнію. И вотъ, когда надъ ними стали повторяться припадки, икотницы въ безпамятствѣ стали вопить, что „это Салмины падежъ на скотъ напущаютъ, для того они и въ Тигляевскую мірскую пролубь мышей метали".

Послѣ этихъ „воплей" крестьяне перестали доискиваться причины, а всею Юромскою волостію рѣшили прислать изъ всѣхъ деревень этой волости выборныхъ и, взявъ Салминыхъ, отправить ихъ въ Мезенскую канцелярію. Всѣхъ волостныхъ крестьянъ собралось

болѣе 50 человѣкъ, и все-таки они боялись взять обоихъ братьевъ вмѣстѣ. Узнавъ же, что Осипъ куда-то уѣхалъ, они нагрянули на ихъ дворъ и схватили Никифора Салмина съ женою Софьею.

Ночевать ихъ оставили въ томъ же домѣ подъ „мірскимъ карауломъ“. Но едва караульные поуспокоились, какъ Никифоръ, разорвавъ веревки, сталъ кричать крестьянамъ:

— Смотрите: ваши вязки держать меня не могутъ!—съ этими словами онъ схватилъ ножъ и сталъ имъ себѣ рѣзать горло. Караульные бросились ножъ отнимать. При борьбѣ Никифоръ „перерѣзалъ многимъ руки и шею вкровь“. Наконецъ его вновь связали.

— Лучше спустите меня въ воду, тамъ я скорѣе смерть найду, чѣмъ везти меня въ канцелярію!—хриплымъ голосомъ кричалъ онъ крестьянамъ, когда его посадили на скамью.

Къ ночи, когда всѣ улеглись и заснули даже сторожа, лежавшіе съ Салминымъ, то были разбужены необычайнымъ крикомъ Софьи Салминой.

— Помогите! Не дайте ему удавиться, онъ и добро знаетъ: можетъ отъ худобы совсѣмъ излѣчить.

Караульные зажгли огни. „Въ тѣсномъ мѣстѣ подъ передъизбьемъ“ они увидѣли Никифора Салмина. Веревку, которою былъ спутанъ, онъ уже развязалъ и, сдѣлавъ изъ нея петлю, прилаживалъ ее къ потолочному брусу. Никифоръ былъ такъ силенъ, что его, какъ показывали караульные, они „всѣ едва изъ тѣснаго мѣста вытянули“.

Еще сильнѣе скрутили Никифора караульные, а утромъ, заковавъ его въ ручныя и ножныя кандалы вмѣстѣ съ женою, повезли его „подъ мірскимъ карауломъ“ въ Мезенскую воеводскую канцелярію.

Когда Салминыхъ везли мимо дворовъ дѣвочки Пелагеи Глотовой и женокъ Ѳеклы Чубаровой и Дарьи Матвѣевой, также заболѣвшихъ икотою, то каждая изъ нихъ подбѣгала къ окну своей избы и кричала:

— Пожалѣйте моего батюшку Никифора Кирилловича, не вяжите и не бейте его.—Я вамъ того не велю,—кричала съ воплемъ каждая, а двое послѣднихъ женокъ такъ рвались вонъ изъ избы за Салминымъ, что ихъ едва удержали.

Дня черезъ два вернулся домой Осипъ Салминъ. Когда „мірскіе выборные“ явились его вязать, то онъ ихъ „съ силою оттолкнулъ и, выскочивъ, бросился бѣжать на улицу въ одной рубахѣ“. Караульные такъ испугались, что даже не преслѣдовали Осипа.

Черезъ нѣсколько дней „десятскій“ священникъ [1]) Юромской во-

[1]) Священникъ, вѣдѣнію котораго былъ порученъ извѣстный церковный округъ, называвшійся „десятиною“,—должность, соотвѣтствующая теперешнему значенію „благочиннаго“.

лости, Ѳедоръ Сковиковъ, прислалъ мірскимъ караульнымъ извѣщеніе, что Осипъ Салминъ скрылся въ клѣти его дома, что у него же въ домѣ живетъ его невѣстка, одержимая икотною болѣзнію, Агрипина Родіонова, которая называетъ Салмина „отцомъ и батюшкою".

Сверхъ ожиданія Осипъ не оказалъ никакого сопротивленія при взятіи его со двора о. Ѳедора. Только когда стали выводить его на улицу, священническая невѣстка Родіонова, выбѣжавъ изъ избы, съ воплемъ закричала:

— Не берите его отъ меня: онъ на меня икотную болѣзнь напустилъ!

Бѣдная женщина задрожала и, упавъ на землю, начала корчиться и биться въ припадкѣ.

Заковавъ Осипа такъ же, какъ и его брата, въ ручныя и ножныя кандалы, „мірскіе выборные" подъ крѣпкимъ карауломъ отправили въ Мезенскую канцелярію.

Въ канцеляріи всѣ трое Салминыхъ „при первомъ допросѣ, въ порчѣ людей, въ напусканіи на нихъ икоты и въ метаніи для волшебства въ Тигляевскую мірскую прорубь мышей не винились, а сказали, что все то взведено на нихъ по злобѣ напрасно".

Но такимъ сильнымъ людямъ, каковыми были Салмины, не страшна была плохенькая Мезенская тюрьма. Спустя два дня, послѣ допроса, „четвертаго іюля Никифоръ Салминъ съ женою и съ братомъ Осипомъ, какъ записано въ дѣлѣ, сбивъ кандалы, изъ-подъ караула бѣжали безвѣстно и въ сыску ихъ по многимъ поискамъ не объявилось".

Въ той же деревнѣ Тигляевской, гдѣ произошелъ случай съ мышами, какъ-то лѣтомъ 1730 г. нѣсколько крестьянскихъ парней играли въ „мячъ" на улицѣ. Вдругъ они увидѣли, что навстрѣчу имъ довольно скоро идетъ какой-то старикъ.

— Свадебный сторожъ, свадебный сторожъ!—закричали они, когда разглядѣли подходившаго, перестали играть и, за исключеніемъ одного—Ивана Яковлева, всѣ отошли въ сторону.

— Я его не боюсь!—крикнулъ своимъ товарищамъ оставшійся на мѣстѣ крестьянинъ.

Старикъ, оказавшійся мѣстнымъ жителемъ Онуфріемъ Титовымъ, слылъ за вѣдуна, въ домѣ у себя „онъ имѣлъ травы и коренья" и занимался тѣмъ, что за плату ѣздилъ по свадьбамъ для предохраненія молодыхъ отъ порчи.

Онуфрій подошелъ къ кучкѣ парней и, указывая на одного, оставшагося ихъ товарища, грознымъ голосомъ закричалъ имъ:

— Не смѣйте съ нимъ сбѣгаться—я не велю вамъ. Если же вы съ нимъ будете мячъ пинать, то онъ на васъ всѣхъ икоту напуститъ.

— Увидимъ, долго ли ты самъ людей будешь въ обманъ вводить! отвѣтилъ Яковлевъ.

Старикъ повернулся было къ нему, но потомъ одумался и, погрозивъ парнямъ пальцемъ, пошелъ по деревнѣ. Онъ миновалъ до конца улицу и вошелъ въ домъ крестьянской вдовы Аграѳены Григорьевой Большаковой. Въ избѣ лежалъ на печкѣ больной ея сынъ Устинъ.

— Что жъ ты не встаешь?—спросилъ Титовъ больнаго.

— Не могу, все еще въ недугѣ.

— Я бъ тебѣ мои слова молвилъ, ты бы тотчасъ оправился,— сказалъ Онуфрій, смотря на мать.—Пожитки есть, но видно мнѣ отъ васъ найму не будетъ!—съ неудовольствіемъ прибавилъ онъ и пошелъ изъ избы вонъ.

Онуфрія Титова въ деревнѣ Тигляевской не долюбливали какъ за его занятіе, такъ и вообще за „похвальныя слова“. Кромѣ того одна изъ крестьянскихъ женокъ Аграѳена Галактіонова была больна икотною болѣзнію и въ припадкахъ называла Титова „отцомъ и батюшкомъ“. Все это, вмѣстѣ взятое, повело къ тому, что крестьяне, получивъ согласіе „сотскаго“, нагрянули въ домъ Онуфрія, и первый, кто ворвался къ нему въ избу и связалъ Титова, былъ молодой парень Иванъ Яковлевъ. Но когда, послѣ отсылки Онуфрія въ Мезенскую канцелярію, Яковлеву предложили сдѣлать обыскъ травъ и кореньевъ въ домѣ Титова, то парень испугался и сказалъ:

— Нѣтъ, не могу: хотя Онуфрія въ избѣ и нѣтъ, но я все же боюсь, не напустилъ бы онъ на меня икотной болѣзни.

Титовъ же при допросѣ въ Мезенской канцеляріи сказалъ, что онъ „людей не порчивалъ и икотной болѣзни на нихъ не напускивалъ, Аграѳена же Галактіонова наговариваетъ на него напрасно по одной насердкѣ за то, что они съ нею продали цѣпь обще, а она запирается своимъ долгомъ“. До окончанія дѣла Титовъ оставленъ „подъ карауломъ“ въ канцеляріи.

Въ началѣ 1728 г. въ селѣ Большенисогорскомъ крестьянинъ Григорій Шихуринъ женилъ сына своего Василья. Во время всѣхъ свадебныхъ обрядовъ „ѣздилъ сторожемъ для береженья отъ порчи“ мѣстный крестьянинъ Ипатъ Клокатовъ, 50 лѣтъ. Въ самую же свадебную пирушку „сторожъ“ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, ему подавались лучшій кусокъ и первая чарка питья. Клокатовъ такъ наугощался, что къ концу вечера не могъ уже сидѣть за столомъ. Григорій Шихуринъ свелъ Ипата на „повѣти“, но сторожъ какъ-то тамъ неловко повернулся и съ трескомъ свалился на полъ.

Испуганный хозяинъ бросился къ нему на помощь. У сторожа уши и носъ были въ крови.

— Ты, кажется, сильно ушибся?—съ участіемъ спросилъ Григорій Клокатова.

— Молчи, Шихуринъ!—какъ-то самодовольно на всѣхъ посматривая, отвѣтилъ Ипатъ: завтра мнѣ не лѣкаря, а малыя робята исцѣлятъ все.

Въ 1729 году въ Николинъ день вешній у односельчанина Клокатова Трофима Суханова собрались „гости“. Сюда же неожиданно явился и незваный Ипатъ. Хозяину его присутствіе было непріятно, поэтому онъ обошелъ новаго гостя угощеніемъ. „Сторожъ“ на него обидѣлся и, позвавъ въ сосѣднюю комнату жену Суханова Наталью, сказалъ ей, но такъ, что и всѣ присутствовавшіе слышали:

— Я тебя, Наталья, пожалѣю: икоту напущу полегче—говоруху, она тебя не такъ станетъ мучить.

— Что же, Трофимъ, угостишь меня виномъ?—спросилъ потомъ Клокатовъ, выходя ко всѣмъ гостямъ.

Сухановъ отвѣтилъ Ипату, что онъ его къ себѣ не звалъ.

— Тогда я тебя испорчу!—закричалъ со гнѣвомъ „сторожъ“ и, ни съ кѣмъ не простившись, вышелъ вонъ.

Такъ какъ въ селѣ одинъ крестьянскій сынъ Ананій Лагуновъ былъ одержимъ икотною болѣзнію и Клокатова называлъ „отцомъ и батюшкомъ“, то Ипата взяли и отослали въ Мезенскую канцелярію. Здѣсь „сторожъ“ въ допросѣ показалъ, что „онъ людей не порчивалъ, икоты не напускивалъ, а словами похвалялся съ простоты“.

Въ 1725 году у крестьянина деревни Малописогорской Иларіона Улабышева родился второй сынъ. Роды были тяжелые, и жена Улабышева Марина почти всѣ шесть недѣль до взятія молитвы ребенку пролежала въ постели. Наконецъ она встала, а наканунѣ Троицына дня, въ который хотѣла взять молитву, къ вечеру пошла въ баню. Вернувшись домой, она стала себѣ готовить платье, но едва сняла его со стѣны, какъ почувствовала, что у нея „вздымается утроба“, вслѣдъ затѣмъ поднялась сильная икота, и Марина въ безпамятствѣ упала на полъ.

— Батюшка, отецъ родной Иванъ Трофимовичъ, заступись за меня! кричала Улабышева, корчась въ судорогахъ.

Когда, часа черезъ три, она пришла въ себя, то на вопросъ мужа сказала, что вѣроятно „языкомъ говорила“ на Ивана Трофимова Сибирякова, потому что слышала, что онъ можетъ отъ икоты избавлять.

Восемь лѣтъ послѣ того мучилась Марина припадками. Наконецъ своему „отцу духовному“ дала обѣщаніе сходить къ угоднику Артемію Веркольскому чудотворцу. Здѣсь она отслужила молебенъ и съ тѣхъ поръ „болѣе четырехъ лѣтъ языкомъ ни на кого говорить не

стала". Но въ остальномъ припадки или, какъ говорила сама Улабышева, „нутреная болѣзнь" продолжалась.

Оговоренному Мариной Ивану Трофимову фамилія была Поповъ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, односельчанинъ Улабышевой, и жилъ въ избѣ только вдвоемъ съ своей матерью-вдовой. Незадолго до болѣзни Марины онъ овдовѣлъ и вмѣстѣ съ женою потерялъ и новорожденнаго ребенка. Иванъ Трофимовъ былъ очень предпріимчивъ, любилъ разные промыслы и, какъ говорили, ради рыбной ловли побывалъ нѣсколько разъ въ Сибири, отчего и получилъ названіе „Сибиряковъ", совсѣмъ замѣнившее его фамилію. На своихъ земляковъ онъ смотрѣлъ свысока; тѣ, въ свою очередь, его не любили.

Однажды мать Сибирякова, Ирина Ларіонова, заспорила съ своимъ сосѣдомъ Панкратьемъ Емельяновымъ объ успѣхахъ ея сына.

— Что ты его хвалишь, когда онъ икоту можетъ напустить!— возразилъ ей Емельяновъ.

— А ты меня слушай!—сказала Ирина:—если меня поймаютъ въ икотномъ дѣлѣ, то я весь корень знаю, отчего дѣло пошло.

Кромѣ Марины, Сибирякова „отцомъ и батюшкой" называли еще двѣ женки и, кромѣ того, Аксинья Анхѣева явилась въ „сомнительной болѣзни". Лѣтомъ 1731 г. Иванъ Трофимовъ ушелъ въ Сибирь, въ его отсутствіе крестьяне выхлопотали указъ о взятіи его въ Мезенскую канцелярію. Едва Сибиряковъ вернулся домой и зашелъ подъ часовню въ анбаръ „выпить вина", то соцкой Орѣховъ съ выборными крестьянами выдти Ивана не пустили и, хотя его поймать, подъ часовней заперли. Но Иванъ Сибиряковъ „почалъ у дверей пяту ножомъ рѣзать и, выломавъ дверь, изъ-подъ часовни выскочилъ". Отмахиваясь отъ крестьянъ ножомъ, онъ бросился въ свой домъ и, схвативъ копье, лукъ и желѣзницы и, продолжая отмахиваться ножомъ отъ крестьянъ, убѣжалъ въ лѣсъ.

— Прирѣжь ихъ и сдѣлай гумномъ, хоть рѣпу сѣй! — кричала сыну мать, указывая на крестьянъ, когда Иванъ Трофимовъ побѣжалъ изъ дома.

Но, спустя какую-нибудь недѣлю, Сибиряковъ самъ явился въ Мезенскую канцелярію. Сюда же для очной съ нимъ ставки была доставлена „одержимая въ сомнительной болѣзни" Аксинья Анхѣева.

При допросѣ Сибиряковъ сказалъ, что икотной болѣзни онъ ни на кого не напускалъ, ни у кого не учивался и никого не учивалъ, потому что самъ того не умѣетъ. Чѣмъ же одержима Анхѣева, онъ не знаетъ.

Аксинья Анхѣева съ „очи на очи" съ Сибиряковымъ показала, что ни Иванъ и никто другой икотную болѣзнь на нее не напускивалъ, а по волѣ Божіей одержима она огневою болѣзнію.

— Только,—продолжала Аксинья,—когда я лежала въ огневой болѣзни, то рвотою выплюнула что-то мертвое, похожее...—запнулась Анхѣева:—на морскую рыбу канбалу. Другаго же ничего со мной никогда не бывало,—докончила она.

Сибирякова оставили „подъ карауломъ“ въ Мезенской канцеляріи, а Аксинью возвратили домой.

Въ слободѣ Окладниковой въ 1727 г., за недѣлю до Николина дня вешняго, мѣстные крестьяне Алексѣй Ульяновъ и Парѳенъ Хахилевъ въ денную пору мылись въ банѣ у послѣдняго. Ульяновъ вымылся раньше и сталъ одѣваться.

— Развѣ ты, Алексѣй, не видишь, что мою рубаху оболокалъ!—крикнулъ хозяинъ.

— И то, надо быть, ошибся!—отвѣтилъ ему Ульяновъ, снимая надѣтую было рубаху и беря другую. Алексѣй дождался, когда одѣлся и хозяинъ, и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ бани.

Наканунѣ самаго Николина дня, послѣ обѣда, Парѳенъ Хахилевъ вдругъ почувствовалъ „сжатіе сердца“, а вслѣдъ затѣмъ у него поднялась сильнѣйшая икота. Въ безпамятствѣ упалъ онъ на полъ и „нелѣпымъ гласомъ“ прикрикивалъ:

— Батюшка, Алексѣй Иванычъ Ульяновъ, заступись за меня!

Много мучился послѣ того въ икотной болѣзни Парѳенъ Хахилевъ и, наконецъ, по истеченіи 8-ми лѣтъ, по обѣщанію, отправился пѣшкомъ молиться святому Артемію Веркольскому чудотворцу. Вернувшись, послѣ отслуженія молебна у преподобнаго Артемія, Парѳенъ почувствовалъ сначала облегченіе, а вскорѣ икотная болѣзнь перестала его совсѣмъ мучить.

Называемый же имъ „отецъ и батюшка“ Алексѣй Ульяновъ слылъ въ деревнѣ за „недобраго человѣка“. Нерѣдко односельчане встрѣчали Алексѣя возвращавшимся съ пучками травъ и кореньевъ.

— Зачѣмъ они тебѣ?—спрашивали тогда крестьяне Алексѣя.

— То не ваше дѣло!—отвѣчалъ имъ обыкновенно Ульяновъ и, насупивъ брови, уходилъ отъ спрашивающаго.

Заболѣла какъ-то у Ульянова дочь, дѣвочка 10-ти лѣтъ, и чрезвычайно опасно. Крестная мать дѣвочки, Марья Онохина, совѣтовала отцу какъ можно скорѣе пригласить священника для причащенія заболѣвшей.

— Не твое дѣло, я знаю, что дать!—угрюмо отвѣтилъ ей Ульяновъ, и Онохина видѣла, какъ Алексѣй далъ проглотить своей больной дочери какой-то засохшій кусочекъ пшеничнаго хлѣба. Дѣвочка, однако, умерла, и Марья послѣ того прохода не давала Ульянову, что онъ не позвалъ къ ея крестной дочери священника.

Осенью 1736 г. у сосѣда Алексѣя, крестьянина Никиты Родю-

шина пропала овца, и нигдѣ онъ не могъ найти ея. Послѣ же выпуска скота въ поле, Никита вдругъ замѣтилъ пропавшую въ числѣ овецъ своего сосѣда Ульянова. Тотъ сталъ увѣрять, что овца его собственная, и въ доказательство указалъ, что на ней, какъ и на другихъ, сдѣланы имъ, Алексѣемъ, знаки—отрѣзаны уши.

— Уши-то ты ей отрѣзалъ,—возразилъ Родюшинъ,—а главную примѣту, бѣлое пятно у правой задней ноги, оставилъ! Эту примѣту всѣ наши знаютъ.

— Прости, братъ, покорыствовался твоею овцою,—отвѣтилъ Ульяновъ.—За то прокормилъ ее всю зиму вмѣсто тебя,—добавилъ онъ.

Родюшинъ промолчалъ, но тотчасъ же о присвоеніи Алексѣемъ овцы разсказалъ крестьянамъ, а тѣ такъ были возбуждены противъ Ульянова, что по ихъ доносу его взяли въ Мезенскую воеводскую канцелярію.

— Волшебства я въ себѣ никакого не имѣю и Парѳена Хахилева не порчивалъ,—показалъ на допросѣ въ канцеляріи Ульяновъ.—У исповѣди и причастія бываю повсягодно у своего отца духовнаго Юромской волости у священника Архангельской церкви Ѳедора Иванова.

— А кусочекъ хлѣба сухаго пшеничнаго, что найденъ у меня въ домѣ, есть Соловецкаго монастыря просвира. Она была принесена сорокъ лѣтъ назадъ дядею моимъ Никитою Щеркановымъ для дачи малымъ ребятамъ при смерти вмѣсто причастія. И дочери моей Маринѣ передъ смертью давалъ не ради раскола и ересей, но по случаю отдаленія священникова, а паче за распутнымъ временемъ.

— Что оное даваніе просвиры вмѣсто причастія противно правиламъ апостолъ и святыхъ отецъ, то чинилъ по невѣдѣнію спроста.

— Въ кражѣ овцы у Родюшина—виноватъ, и въ томъ воля ея величества,—отвѣчалъ Алексѣй.

— Взятые у меня въ домѣ коренья и травы сбирались мною не для порчи людей, а для звѣринаго промысла, по наученію названнаго дяди моего Никиты, который 10 лѣтъ назадъ умре,—продолжалъ Ульяновъ.—Волосъ морской цвѣтомъ бѣлый и черный—для утиной ловли, имъ подкуриваю плѣнницы и веревки, чтобъ онѣ не корчились; птица съ нихъ идетъ безъ всякаго шепту, переломленный носъ утичій—держатъ здѣсь же для удачи. Тонкими же травами бѣлаго цвѣта подкуриваю на огнѣ веревки для ловли зайцевъ, потому что зайцы въ нихъ идутъ прямо и не возвращаются.

— Запушечнымъ корнемъ подкуриваю неводъ для промысла бѣлыхъ рыбъ, которыя лучше въ него попадаютъ. А корешками маленькими съ ягодками подкуриваю уду для ловли красной рыбы, понеже она на этотъ запахъ идетъ.

Послѣ этого допроса Ульяновъ „съ пристрастіемъ“ допрашиванъ: показалъ прежнія рѣчи, что волшебствъ за собою не имѣетъ. До окончанія дѣла оставленъ „подъ карауломъ“ съ Мезенской канцеляріи.

Въ селѣ Лампожнѣ въ 1737 году наканунѣ самаго праздника Рождества Христова „на утряной зорѣ“ дѣвка Ирина Ѳедорова мыла избу крестьянина Ѳедора Варакснна. Случайно сюда же пришла десятилѣтняя дѣвочка Марья Макарова. Иринѣ надоѣло присутствіе дѣвочки, и въ сердцахъ она ей крикнула.

— Когда тебя чортъ унесетъ отсюда!

Возвратившись домой, Ѳедорова въ тотъ же день разнемоглась, сердце ея сжалось, утроба вверхъ поднялась, въ корчахъ упала она на полъ и въ порывахъ сильнѣйшей икоты принялась кричать:

— Отецъ Дмитрій Дмитріевичъ! не трогай меня бѣдную, батюшка, заступись за меня!

Придя въ себя, Ѳедорова роднымъ объяснила, что языкомъ называла, по всей вѣроятности, ихъ односельчанина Суворова, боясь его, что онъ сбираетъ травы и коренья и можетъ напустить болѣзнь.

Дмитрій Суворовъ, будучи взятъ въ Мезенскую канцелярію, показалъ, что онъ волшебствъ въ себѣ не имѣетъ, икотной болѣзни на Ирину Ѳедорову и ни на кого другихъ не напускивалъ, причащается ежегодно въ своей приходской церкви у отца духовнаго Михаила Иванова.

— А взысканные у меня травы и коренья,—сказалъ Суворовъ, подраничное ягилье, и тотъ корень они съ семействомъ ѣдятъ для пищи.—Березовыя губы—для втиранія силья заячья, чтобы не корчились.—А въ узолкѣ губа морская—для чищенья образовъ.

Такъ какъ Суворовъ, на предложенный ему вопросъ, отвѣтилъ, что „заговоровъ за собою никакихъ не знаетъ“, то до окончанія дѣла онъ оставленъ подъ карауломъ въ канцеляріи.

Мезенская воеводская канцелярія, куда одинъ за однимъ стали доставляться „напускатели икотныхъ болѣзней“, собрала свѣдѣнія объ общемъ количествѣ больныхъ въ уѣздѣ, таковыхъ оказалось 207 человѣкъ мужеска и женска пола, и въ числѣ ихъ до 50 человѣкъ, страдавшихъ икотою болѣе 10 лѣтъ и языками называющихъ „отцомъ и батюшкою“ дьячка Емельяна Попова, Никифора и Осипа Салминыхъ, Онуфрія Титова, Ипата Клокотова, Ивана Сибирякова, Алексѣя Ульянова и Дмитрія Суворова.

Односельчане названныхъ напускателей, при первыхъ допросахъ, показали, что „имѣютъ ли названныя лица въ волшебство, того они не знаютъ, токмо за добрыхъ людей они ихъ не признаваютъ, понеже по всему видно, что подлинно напускаютъ они на людей икотную болѣзнь“.

Такъ какъ „главныхъ напускателей“ Никифора и Осипа Салминыхъ, какъ называла ихъ Мезенская канцелярія, отыскано не было, а остальныя шесть лицъ виновными себя въ напусканіи икоты не признали, сказавъ при томъ, что волшебствъ въ себѣ не имѣютъ, количество же больныхъ все увеличивалось и достигло огромной цыфры болѣе 200 человѣкъ, то уѣздная канцелярія, не зная, что дѣлать, донесла о томъ Архангелогородской губернской канцеляріи. Послѣдняя, съ приложеніемъ „экстракта“ о ходѣ дѣла, представила таковое въ Сенатъ.

Пять разъ послѣ того губернская канцелярія „покорно просила указа“ по представленному дѣлу. Наконецъ 27-го іюля 1737 г. состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената. Соглашаясь съ мнѣніемъ Мезенской канцеляріи, предлагавшей „сослать напускателей въ Охотскъ или другое дальнее мѣсто, чтобы народу отъ нихъ поврежденія не было, потому что они въ напусканіи икоты и въ волшебствахъ не винились, а окольные люди сказали, что они напускали икотную болѣзнь“, Сенатъ приказалъ „напускателей дьячка Емельяна Попова съ товарищи послать на сибирскіе дальніе желѣзные заводы въ вѣчную работу“.

Но въ тяжелое время Бироновскаго произвола нашелся человѣкъ, иначе взглянувшій на дѣло. Графъ Михайло Гавриловичъ Головинъ, вице-канцлеръ, черезъ четыре дня послѣ сенатскаго рѣшенія, 2-го августа 1737 г. „изволилъ приказать Сенату по журналу 27-го іюля о напускателяхъ икотной болѣзни въ Архангельской губерніи учинить слѣдующее: послать на мѣста нарочнаго сыщика, человѣка добраго, и одержимыхъ въ болѣзни при лѣкарѣ освидѣтельствовать: находятся ли больные въ недугѣ отъ воли Божіи или отъ злаго наваждения. Лѣкарю тѣхъ болѣзнующихъ лѣчить и если можно совсѣмъ отъ недуга избавить. И какъ сыщикъ и лѣкарь объявятъ, тогда и надлежитъ разсужденіе имѣть, жесточе ли съ тѣми людьми поступить, или они явятся невиновными“.

Послѣ сообщенія рѣшенія графа М. Г. Головина въ Архангельскъ, сами одержимые икотой больные въ разспросахъ сказали, что хотя они и называли въ безпамятствѣ оговоренныхъ ими лицъ „отцами и батюшками“, только доказательствъ, что они на нихъ икоту или порчу напустили, больные не имѣютъ.

Разныхъ волостей крестьяне всего 279 человѣкъ сказками показали, что „дьячекъ Емельянъ Поповъ съ товарищи добрые-ль люди и напускали-ль они на кого икоту, а также—знаютъ-ли они за собою волшебство или заговоры, того они не вѣдаютъ“.

Сенатъ, получивъ эти свѣдѣнія, ударился въ другую крайность. „Чтобы простому народу не было прельщенія и зло въ даль распро-

страниться не могло", Сенатъ приказалъ для изысканія истины велѣть „двухъ или трехъ человѣкъ, одержимыхъ икотною болѣзнію, пытать въ застѣнкѣ, не притворно ли они на себя показанную болѣзнь объявляютъ". Не „напускатели", а больные обратились уже въ виновныхъ.

Архангелогородская губернская канцелярія, во исполненіе указа Сената, постаралась брать въ застѣнокъ не трехъ, а 7 человѣкъ больныхъ, и между ними названныхъ нами выше женокъ Авдотью Давыдову, Марину Улабышеву, дѣвку Ирину Ѳедорову и Парѳена Хахилева.

Взятые въ застѣнокъ были подыманы на виску и пытаны, биты плетьми и батожьемъ. И всѣ они съ пытки сказали, что „икотная болѣзнь подлинно на нихъ имѣется, а не притворна, въ томъ они утверждаются и готовы умереть за правду".

Только Марина Улабышева и Парѳенъ Хахилевъ добавили, что икотная болѣзнь „отъ нихъ нынѣ отошла по моленію ихъ святому Артемію Веркольскому".

Одна же изъ взятыхъ въ застѣнокъ женка Авдотья Павлова, при видѣ дыбы, тутъ же подверглась икотному припадку: „упала на землю безгласна, необыкновенное движеніе всѣмъ тѣломъ имѣла, а въ глазахъ и въ лицѣ измѣна была не малое время". Поэтому она и не была пытана.

Получивъ пыточныя рѣчи, Сенатъ наконецъ въ 1740 году 11-го января рѣшилъ дѣло. Такъ какъ виновныхъ,—сказано въ опредѣленіи,—не явилось, то взятыхъ какъ „напускателей" икотной болѣзни дьячка Попова съ товарищи 6 человѣкъ изъ-подъ караула освободить и впредь такимъ недѣльнымъ показаніямъ не вѣрить".

Дѣло о „икотникахъ" было рѣшено, но страшная болѣзнь на Мезени продолжалась, продолжается вѣроятно и нынѣ. По крайней мѣрѣ, Сергѣй Васильевичъ Максимовъ въ своей замѣчательной книгѣ: „Годъ на сѣверѣ" разсказываетъ, что въ Пинежскомъ уѣздномъ судѣ онъ нашелъ дѣло 1815 г. о томъ, какъ крестьянинъ Чухаревъ испортилъ икотою свою двоюродную сестру Лобанову и былъ наказанъ 35-ю ударами плети съ отдачею церковному публичному наказанію. С. В. Максимовъ говоритъ (стран. 568-я), что болѣзнью, мѣстно называемою „икотою", страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правую сторону рѣки Сѣверной Двины. Туземный народъ причину этой болѣзни приписываютъ злому духу, а нѣкоторые—порчѣ лихаго человѣка. „Между тѣмъ,—продолжаетъ С. В. Максимовъ,—оба уѣзда, Мезенскій и Пинежскій, наполнены гнилыми болотами, и мнѣ привелось видѣть нѣкоторыя мѣста болотъ при 20 градусахъ мороза непромерзшими и отдававшими свѣжимъ бѣлесоватымъ паромъ".

Пожелаемъ, вмѣстѣ съ С. В. Максимовымъ, строгаго научнаго „обслѣдованія“ указанной мѣстности и съ своей стороны—точнаго опредѣленія степени „гипноза“, который возможенъ при возникновеніи икотной болѣзни, такъ какъ, по нашему убѣжденію, вліяніе его въ приведенныхъ въ нашемъ очеркѣ примѣрахъ было несомнѣнно.

II.

Кликуши [1]).

Въ началѣ 1701 г. дочь крестьянина деревни Вакулиной, Новгородскаго уѣзда, Ненила Еремѣева, 16 лѣтъ, вышла замужъ за солдата Сидора Ржавчикова. Свадьбу праздновали въ домѣ отца невѣсты. И вотъ когда молодые пріѣхали изъ церкви и Ненила сѣла на скамью за столъ, вдругъ она „почувствовала, что ее внутри какъ огнемъ зажгло“. Всѣ замѣтили, что молодая сразу необыкновенно покраснѣла.

— Охъ, тошно, тошно мнѣ!—закричала она и съ этими словами упала на полъ и стала биться въ судорогахъ.

Послѣ припадка, продолжавшагося около часа, когда молодые остались одни, Ненила сказала мужу:

— Мню я, что приключившаяся скорбь учинилась не отъ порчи ли нашего крестьянина Никиты Иванова: онъ хотѣлъ меня замужъ взять, только я за него не пошла.

— Завтра мы уѣдемъ ко мнѣ,—отвѣтилъ Ненилѣ мужъ:—тогда Богъ съ нимъ.

Молодые поселились въ самомъ Новгородѣ. Мѣсяца черезъ два, въ праздникъ Благовѣщенія, когда молодые были у обѣдни въ соборѣ, Ржавчиковъ замѣтилъ, что во время пѣнія Херувимской жена его вдругъ покраснѣла.

— Что съ тобою?—спросилъ ее мужъ.

Молодая молчала и молилась. Когда же священникъ возгласилъ: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“,—Ненила съ плачемъ „не своимъ голосомъ“ на всю церковь закричала:

— Охъ, тошно, тошно мнѣ!

Такъ какъ она стояла у стѣны, то сначала пальцами стала царапать стѣну, потомъ стала биться головой и плечами о стѣну же, на-

[1]) Моск. Архивъ М. Ю. книга Сената № 1085, л. 436—452.

конецъ упала на полъ, разодрала все свое платье и ногтями стала щипать и рвать себѣ тѣло.

Всѣ руки были у Ненилы въ крови. Сидоръ посмотрѣлъ на лицо жены: оно было сине, а глаза—мутные, точно остановившіеся. При помощи добрыхъ людей онъ вынесъ жену изъ церкви и отвезъ домой. Черезъ полчаса она пришла въ себя и сказала, что ничего не помнитъ. Съ тѣхъ поръ припадки у Ненилы стали повторяться разъ или два въ мѣсяцъ и всегда въ одно время—когда бывала дома, то во время обѣдни, а когда стояла въ церкви, то въ пѣніе Херувимской.

Черезъ 4 года Сидоръ Ржавчиковъ умеръ, и Ненила, оставшись молодою вдовою, пошла жить въ Москву къ своей племянницѣ, женѣ дьячка Покрова Пресвятыя Богородицы, что̀ на Покровкѣ. Сорокъ лѣтъ прожила она вдовою у племянницы, состарилась, а болѣзнь, или какъ она называла—„скорбь“ ея не оставляла.

Въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка, по совѣту родныхъ, четыре раза ходила она въ вотчину князя Сергія Голицына село Богородское [1]) и стояла въ церкви, но лучше ей не стало, во время Херувимской пѣсни припадки повторялись, а въ послѣдній четвертый разъ она такъ неумолчно кричала и даже икала, что „по приказу князя Сергія Голицына была посажена на цѣпь и сидѣла всю обѣдню“. По возвращеніи въ Москву, припадки не прекращались; въ 1737 г. Ненилѣ минуло 54 года, и она ими мучилась по разу или по два въ мѣсяцъ.

Въ концѣ XVII вѣка одинъ изъ русскихъ офицеровъ Кандауровъ вывезъ изъ польскаго мѣстечка Копусти найденную имъ на улицѣ дѣвочку, только-что родившуюся. Въ Россіи ее окрестили и назвали Анисьею Ѳедоровою. Когда она подросла, то ее выдали замужъ за служителя Кандаурова Анкудина Васильева. Лѣтъ черезъ пять послѣ ихъ брака Анисья родила дочь и стала ее кормить. Спустя годъ, она опять почувствовала себя беременною и въ то же время, по ея словамъ, „у нея учинилась великая нестерпимая тоска и всюду ломота“. Анисья разсказала о своемъ состояніи ходившей къ ней знахаркѣ.

— У тебя въ утробѣ ребенокъ уже двухъ мѣсяцевъ,—отвѣтила Анисьѣ знахарка и посовѣтовала ей „по простому обычаю“ накидывать на животъ горшокъ.

Анисья знахарки послушалась, горшокъ накинула и стала ждать рожденія ребенка. Прошло семь мѣсяцевъ послѣ увѣренія знахарки, и Ѳедорова почувствовала приближеніе родовъ, мучилась ими два дня, но „только,—по ея словамъ, ничего не родила, а животъ собою опалъ“.

---

[1]) Въ дѣлѣ не сказано, какого уѣзда.

На слѣдующій день Анисья встала съ постели, а къ вечеру вдругъ почувствовала „тоску сердечную и ломоту во всемъ тѣлѣ“. Съ плачемъ и рыданіемъ упала она на полъ и, корчась въ судорогахъ, кричала:

— Охъ, тошно мнѣ, тошно!

Послѣ того припадки стали повторяться чрезъ два—три мѣсяца. Наканунѣ праздника „Всѣхъ скорбящихъ радости“ отправилась Анисья ко всенощной въ церковь Варламія Чудотворца, что̀ на Ордынкѣ, гдѣ имѣется чудотворный образъ во имя этой Божіей Матери. Ставъ въ церкви, Анисья при пѣніи „Хвалите имя Господне“ вдругъ зашаталась.

— Охъ, тошно, тошно мнѣ! закричала она „голосно“ и, упавъ въ судорогахъ, стала биться по полу. Окружавшіе ее люди вынесли Анисью изъ церкви и доставили домой.

Послѣ того дала она обѣщаніе и съѣздила въ Радовицкій монастырь Рязанской епархіи. Здѣсь Ѳедорова ежедневно въ теченіе недѣли „ходила пѣть молебенъ и святила воду Святителю Николаю, а іеромонахъ читалъ ей по требнику молитву о бѣснующихся. Однако, по возвращеніи домой, припадокъ повторился и опять въ церкви во время пѣнія „Хвалите имя Господне“.

Проживъ съ мужемъ 6 лѣтъ, Анисья его похоронила, а годъ спустя послѣ его смерти вновь вышла замужъ за купецкаго человѣка Антона Бочарникова, имѣвшаго свой „домишко“ въ приходѣ Св. Климента, папы Римскаго, за Москвою-рѣкою. Второй мужъ зналъ о болѣзни Анисьи еще до женитьбы на ней и для исцѣленія совѣтовалъ ей чаще ходить по богомольямъ.

На слѣдующій же годъ своего втораго брака, наканунѣ дня Прохора и Никанора, по обѣщанію пошла Анисья въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной. При чтеніи Евангелія съ нею случился припадокъ. Когда она очнулась, то увидѣла, что всенощная уже кончилась, она лежитъ въ церкви, а надъ нею стоятъ двѣ монахини.

— Игуменья приказала отвесть тебя въ палату, что подъ церковью, чтобы ты тамъ ночевала и молилась о своей болѣзни.

— А въ палатѣ этой,—разсказывала потомъ мужу Анисья,—лежатъ двѣ преподобныя: одна Алена, а другой имени не припомню; гробницы же преподобныхъ,—продолжала Анисья,—покрыты однимъ общимъ покровомъ, а на окнѣ той палатки стоитъ образъ оныхъ лежащихъ.—Здѣсь я и ночевала,—докончила разсказъ Анисья.

Въ тотъ же годъ, когда съ нею случился припадокъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, пришла Анисья осенью вновь въ церковь Варламія Чудотворца, что̀ на Ордынкѣ, къ обѣднѣ, по окончаніи которой въ числѣ прочихъ богомольцевъ акаѳистъ Божіей Матери стала

и она слушать. Когда акаѳистъ приходилъ къ концу, Бочарникова вдругъ зашаталась.

— Охъ, тошно, тошно мнѣ! закричала она, съ крикомъ падая на полъ и начиная биться въ судорогахъ.

— Когда всѣ бывшіе въ церкви молебщики, по окончаніи акаѳиста, ушли,—показалъ впослѣдствіи служившій священникъ Іоакимъ Венедиктовъ,—а Анисья, которую я въ нашей церкви неоднократно видалъ за службами, продолжала биться и кричать, сидя и лежа, то я по сожалѣнію къ ней и безъ ея просьбы по требнику Московской печати надъ нею, Анисьею, заклинательныя молитвы отъ духовъ нечистыхъ прочиталъ, а когда она пришла въ себя, то за чтеніе молитвъ съ нея ничего не взялъ.

Въ 1737 году Бочарниковой исполнилось 40 лѣтъ, а припадки черезъ два—три мѣсяца продолжались.

А 1737 годъ былъ отмѣченъ для жизни кликушъ тѣмъ, что императрица Анна Іоанновна рѣшилась подтвердить именной указъ Петра Великаго отъ 7-го мая 1715 г. Въ указѣ этомъ императоръ, описывая, какъ въ церкви Исаакія Далматскаго во время литургіи жена плотника Варвара Логинова кричала, будто испорчена, въ разспросѣ же винилась, что кричала она притворно, желая обвинить въ своей порчѣ плотника Григорья Софронова, избившаго въ ссорѣ ея деверя Евстафія Силуянова. Для того, чтобы отмстить Софронову за деверя, она и кричала нарочно, будто испорчена, чтобы сказать на Григорья и тѣмъ погубить его. Государь приказываетъ „кликушъ“ приводить въ приказы и чинить имъ розыски [1]).

Императрица Анна Іоанновна, собственноручно подписаннымъ указомъ Синоду 14-го ноября 1737 г., подтверждая приведенный выше указъ, замѣчаетъ, что „къ великому нашему неудовольству извѣстно учинилось, что въ Москвѣ въ церквахъ и монастыряхъ являются вновь новыя кликуши, которыя не токмо не унимаются, но имъ въ притворности и шалости свобода дается и сверхъ того надъ ними молитвы отправляются. Того ради намъ весьма удивительно, что духовный Синодъ на то смотрѣнія не имѣетъ, особливо же—что опредѣленный въ Москвѣ для синодальнаго управленія архіерей въ томъ должнаго по чину своему смотрѣнія и прилежнаго о благосостояніи благочестія попеченія не имѣетъ. И для того ради разсудили мы за потребно подтвердить, дабы такія суевѣрія, какъ наискорѣе, пресѣчены и искоренены были“.

Одновременно съ этимъ указомъ императрица посылаетъ также собственноручно подписанный рескриптъ 14-го же ноября своему род-

[1]) Первое Полн. Собр. законовъ № 2906.

ственнику по матери главнокомандующему Москвы, оберъ-гофмейстеру графу Семену Андреевичу Салтыкову. Въ немъ императрица замѣчаетъ, что „для искорененія суевѣрія, не токмо отъ архіерея, но и отъ васъ надлежащаго престереженія и пресѣченія не чинится, понеже мы полагались надежно на васъ, что вы тамо о всѣхъ такихъ дѣлахъ и приключеніяхъ смотрѣніе имѣть и ничего противнаго чинить допускать ревностное тщаніе прилагать не оставите, понеже бы за такія дѣла и неосторожности вы отвѣтствовать должны были. Для того вамъ повелѣваемъ явившихся въ Москвѣ кликушъ тотчасъ сыскавъ за караулъ взять и допросить и впредь надлежитъ вамъ крѣпчайшее смотрѣніе о такихъ суевѣрцахъ имѣть, до шалостей не допускать, но немедленно брать подъ караулъ. Имѣющему въ Москвѣ духовное управленіе архіерею учинить выговоръ: для чего онъ должность свою, о которомъ въ духовномъ регламентѣ изображено, пренебрегаетъ и на такія противныя приключенія смотрѣнія не имѣетъ [1]).

Во исполненіе высочайшаго указа, объявленнаго графомъ С. А. Салтыковымъ Московской духовной дикастеріи, женки Ненила Ржавчикова и Анисья Бочарникова взяты подъ караулъ дикастеріи и подъ „страхомъ смертной казни“ разспрашиваны. Здѣсь въ допросѣ женки разсказали свои „скорбныя повѣсти“, прибавивъ, что онѣ при болѣзняхъ бываютъ въ безпамятствѣ безъ всякаго притвора, а волшебствъ и заговоровъ за собою не имѣютъ.

Послѣ допросовъ женки были выданы на „поруки“, чтобы съ Москвы не съѣзжать и при первомъ требованіи явиться къ суду немедленно.

„О чтеніи же Варлааміевскимъ попомъ Венедиктовымъ молитвы надъ женкою Анисьею, — сказано въ документѣ, — и о ночеваніи ея въ палаткѣ Новодѣвичьяго монастыря“ духовная дикастерія постановила донести Св. Правит. Сѵноду немедленно“.

Этимъ дѣло и кончается.

И. С. Бѣляевъ.

[1]) Рескрипта къ графу Салтыкову въ „Полномъ Собраніи законовъ“ совсѣмъ не напечатано, какъ равно не напечатано и тѣхъ приведенныхъ нами мѣстъ указа императрицы Синоду, которыя касаются этого учрежденія и недостатка попеченія со стороны московскаго архіерея.

Изъ жизни императора Николая Павловича.

Прослужа въ войскахъ гвардіи около 20 лѣтъ, изъ коихъ большую часть въ царствованіе государя Николая Павловича, я былъ свидѣтелемъ многаго, достойнаго сообщенія, а многое слышалъ отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Въ печати появляются разсказы, анекдоты изъ жизни незабвеннаго государя Николая, частію небывалые, частію искаженные, такъ нельзя же умолчать и истину, показывающую величіе государя; стоя на краю гроба, мнѣ было бы непростительно унести съ собою нѣкоторыя воспоминанія.

Вотъ что мнѣ передавалъ дядя мой, бывшій тогда командиромъ гвардейскаго полка.

Во время маневровъ близъ Краснаго Села, императоръ Николай Павловичъ принялъ на себя командованіе одной изъ сторонъ маневрировавшихъ. Въ числѣ командуемыхъ имъ войскъ находилась 2-я гвардейская кавалерійская дивизія. Въ разгарѣ боя, государь отдаетъ приказаніе флигель-адъютанту отвезти такое-то приказаніе начальнику этой дивизіи. Тотъ, выслушавъ государя разсѣянно, суетливо, ускакалъ. Начальникъ дивизіи, встрѣчая его, спрашиваетъ: „вѣрно, приказаніе“. А у того, пока ѣхалъ, приказаніе изъ головы выскочило. Начальникъ дивизіи по своему соображенію говоритъ ему: „не то ли приказано сдѣлать?“ Онъ отвѣчаетъ: „да“, такъ какъ ничего не помнилъ. Оказалось, что соображеніе это было совершенно противно тому, что государь прислалъ ему. Императоръ замѣтилъ, что дивизія не исполнила его приказанія и тѣмъ испортила весь маневръ дня. По окончаніи маневровъ государь въ присутствіи всѣхъ начальниковъ

частей дѣлаетъ строгій выговоръ начальнику дивизіи за неисполненіе его приказанія. Но тотъ, видя гнѣвъ государя, не осмѣлился оправдываться, хотя не чувствовалъ за собою вины, ибо исполнилъ только переданное ему адъютантомъ. Окончился маневръ того дня, флигель-адъютантъ, посланный съ приказаніемъ, угрызаемый совѣстью, рѣшается идти къ императору и чистосердечно высказать вину свою, отъ которой понесъ гнѣвъ государя невинный въ томъ генералъ. Николай Павловичъ благодаритъ его за благородное сознаніе своей вины и за то, что далъ ему случай загладить напрасный гнѣвъ свой. При томъ отдаетъ приказаніе, чтобы на другой день, передъ началомъ маневра, собрались къ его ставкѣ всѣ начальники частей. Въ числѣ ихъ утромъ былъ и начальникъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, конечно, сконфуженный и въ ожиданіи еще новыхъ упрековъ за незаслуженную вину. Государь императоръ, выйдя, подзываетъ его и спрашиваетъ мягкимъ голосомъ: „ты спалъ спокойно?“ Тотъ совсѣмъ растерялся и началъ что-то: „ваше величество, я имѣлъ несчастіе“. „Да“, продолжаетъ государь, ты выслушалъ гнѣвъ мой, но ты сознавалъ, что не былъ виноватъ, а я неспокойно спалъ. Флигель-адъютантъ (назвалъ фамилію) благородно и чистосердечно сознался мнѣ, что онъ забылъ мое приказаніе и что ты оттого сдѣлался виноватымъ. Прости меня, все забыто“. Нечего пояснять, какъ поразило и какъ тронуло это всѣхъ присутствующихъ, не говоря уже о самомъ мнимо-виновномъ. Вѣчная, добрая память нашему мудрому царю-рыцарю. Хотя я вполнѣ увѣренъ былъ въ подлинности этого историческаго факта, но все же желательно было услышать отъ кого-нибудь подтвержденіе его, и вотъ недавно, въ домѣ одного пріятеля, я встрѣтилъ генерала, близкаго къ усопшему великому князю Николаю Николаевичу. Зашла рѣчь о прежней службѣ въ гвардіи. Между прочимъ я разсказалъ и это проявленіе великой души государя. При этомъ генералъ сказалъ мнѣ: „все то, что вы сейчасъ намъ говорили, разсказывалъ слово въ слово великій князь, и разсказъ вашъ совершенно вѣренъ“.

Въ старые годы, послѣ лагеря, солдаты гвардейскихъ полковъ отпускались на вольныя работы, съ условіемъ: приносить часть заработныхъ денегъ въ харчевую сумму, остальныя могли употреблять на свои нужды и надобности. Вновь назначенный командиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, никогда не служившій въ гвардіи, представилъ проектъ не отпускать гвардейскихъ солдатъ на работу, пояснивъ, что стыдно солдату гвардіи русскаго царя пріобрѣтать себѣ деньги работами. Это льстивое выраженіе заинтересовало, и составленъ былъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича изъ дивизіонныхъ и полковыхъ командировъ, для обсу-

жденія такъ этого вопроса, такъ и другихъ предложеній генерала. Командующій въ то время гвардейскою пѣхотою генералъ-адъютантъ Арбузовъ громогласно и рѣзко порицалъ проектъ, почему и не былъ включенъ въ число членовъ комитета.

Хотя большинство членовъ его тоже были противъ проекта, но, видя, что цесаревичъ склоненъ къ принятію его, замалчивали. При началѣ лагеря въ томъ году, состоялся обычный объѣздъ лагеря императоромъ Николаемъ Павловичемъ. До начала зари, онъ вошелъ въ свою палатку, поставленную среди лагеря лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; вслѣдъ за нимъ вошелъ военный министръ съ портфелью. Нѣсколько минутъ спустя, камердинеръ государя разыскивалъ генерала Арбузова, котораго государь изволилъ требовать. Когда Арбузовъ явился въ палатку, императоръ обратился къ нему со словами: „вотъ военный министръ докладываетъ мнѣ постановленіе комитета, чтобъ не увольнять солдатъ на работы послѣ лагеря. Мнѣ извѣстно, что ты былъ противъ этого. Желаю теперь знать: перемѣнилъ ты мнѣніе, или остаешься съ тѣмъ же“. Арбузовъ рѣшается отвѣтить: „мое мнѣніе, ваше императорское величество, смѣю доложить то, что гвардейскій солдатъ вашъ пришелъ отъ сохи и—уйдетъ къ сохѣ; такъ зачѣмъ же ему отвыкать отъ какого-нибудь болѣе тяжелаго труда. Кромѣ того, изъ заработанныхъ имъ денегъ, улучшалось его продовольствіе, и оставалось ему на свои нужды и надобности, почему они живутъ привольнѣе“. На это государь возразилъ: „такъ ты все-таки при своемъ; этакой упрямый старикъ“. Арбузовъ отвѣчалъ: „я смѣлъ только выразить мнѣніе свое, а затѣмъ будетъ исполнено такъ, какъ изволите приказать“. Послѣ того государь отпустилъ его, но когда онъ дошелъ до дверей палатки, слышитъ голосъ царя: „Алексѣй Ѳедоровичъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, однако знай, что я на тебя не сержусь“. Арбузовъ, поклонившись, отвѣчалъ: „очень счастливъ, ваше величество“. Послѣдствія показали, какъ „упрямый“ старикъ былъ правъ. Полковые командиры стали докладывать, что харчевые суммы истощились, что требуется помощь отъ казны, для улучшенія довольствія. Государь чаще началъ назначать смотры, парады, даруя солдатамъ по рублю; но этотъ рубль шелъ не ему, а въ харчевую сумму записывался. Много лѣтъ спустя, когда Арбузовъ былъ командующимъ войсками, оставшимися для защиты гор. Петербурга во время Крымской войны, государь Александръ Николаевичъ, между прочими разговорами, выразился ему: „да, я вспоминаю, какъ вы были тогда правы, возставая противъ предложенія не работать гвардейскому солдату“.

Вотъ примѣръ его великодушія. Служа старшимъ адъютантомъ въ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, я жилъ на Сергіевской. Однажды

въ зимній вечеръ показалось зарево пожара. Говорятъ, кавалергардскія казармы горятъ. Я немедленно поѣхалъ туда, въ надеждѣ видѣть императора, такъ какъ онъ всегда выѣзжалъ на большіе пожары, или когда горѣли казенныя зданія. Пожарные уже работали на крышѣ конюшенъ. Черезъ нѣсколько времени послышался звучный голосъ императора. Все ожило: пожарные усерднѣе застучали топорами. Явился полковой командиръ, и на вопросъ государя о причинѣ пожара доложилъ: „по винѣ младшаго вахмистра, который сознался и арестованъ“. На требованіе государя привести его, предсталъ великанъ въ шинели безъ шапки, съ растерянным лицомъ. „Это ты мнѣ зажегъ казармы?“, строго спросилъ государь. „Да яжъ, ваше императорское величество“, отвѣчалъ солдатъ. „Разскажи, какъ дѣло было“, говоритъ государь. „Оце я повечеръ раздовалъ овесъ конямъ, а тутъ прибигли и кажутъ: старшій вахмистръ зове. Я огарокъ свички притуливъ въ овесъ, что въ мишку, и побигъ. Тамъ тее да сее, пробавился, вернувсь, а въ чуланѣ горитъ, и взойти не можно“. Послѣ этого государь сказалъ ему: „ты знаешь, какое наказаніе ты заслуживаешь?“ Онъ отвѣчалъ простодушно: „да вжешь, ваше императорское величество, коли виноватъ, то виноватъ, что хотитъ, то и робитъ со мною“. При началѣ такого объясненія лицо государя прояснилось, и по временамъ набѣгала улыбка. „Выпустить этого хохла“, сказалъ онъ полковому командиру: „и не взыскивать“.

Въ 1852 году въ августѣ мѣсяцѣ были обычные маневры гвардіи. Подойдя къ Гатчинѣ, первая гвардейская дивизія, по окончаніи маневра, начавшагося въ 5 часовъ утра, стала на бивуакъ не въ дальнемъ разстояніи отъ дворца. По обыкновенію ставка государя была поставлена на правомъ флангѣ Преображенскаго полка. Я, служа штабъ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, былъ дежурнымъ по дивизіи, почему долженъ былъ ожидать пріѣзда государя въ свою палатку. Тутъ же находился и командиръ л.-гв. Преображенскаго полка генералъ Катенинъ. Положительно было извѣстнымъ, что государь пріѣдетъ въ палатку, но его долго не было. Наконецъ узнали мы, что, по окончаніи маневра, онъ, отпустивъ большую часть свиты, поѣхалъ осматривать выставленные аванпосты. Наконецъ увидѣли приближающагося къ бивуаку государя Николая Павловича; за нимъ уже слѣдовалъ одинъ только рейткнехтъ. Выслушавъ мой рапортъ, онъ всталъ съ лошади видимо до крайности утомленный, ноги были врозь, стоялъ нѣсколько согнувшись. Онъ раза два потянулся, поднявъ руки отъ локтей, и произнесъ: „охъ, усталъ“, но затѣмъ, сдвинувъ ноги, выпрямляясь, произнесъ: „ну, да Сашѣ будетъ легко“, твердымъ шагомъ пошелъ въ палатку. Тутъ выказалась удивительная сила воли, забота и любовь къ сыну.

Впослѣдствіи мы видѣли, какъ сыну было легко, получивъ наслѣдіе въ дни Севастопольскаго побоища, но надо сознаться, что это тяжкое бремя было все-таки облегчено царемъ Николаемъ: онъ подготовилъ, закалилъ тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые своей храбростью и стойкостью въ Севастополѣ удивили весь міръ.

Не лишне здѣсь упомянуть, какъ подготовлялъ государь свои войска къ перенесенію боевыхъ невзгодъ.

Иногда назначались осенніе маневры: грязь, слякоть, дождь съ крупой. Стоятъ полки, усталые отъ перехода, промокшіе, полуголодные, и вотъ показывается величавая фигура императора. Онъ тоже промокъ, доносится его звонкій, симпатичный голосъ, выражающій благодарность и похвалы, и все забыто: нѣтъ усталости, высохли и какъ бы сыты, всѣ вытянулись и готовы въ огонь и воду. Таково было магическое вліяніе его надъ войсками.

Для зажженія минъ, и при другихъ требованіяхъ до 1840 года употреблялся очень неудобный и не всегда вѣрный способъ, почему многіе занимались изысканіемъ лучшаго.

У насъ въ Россіи, какъ извѣстно, еще въ 20-хъ годахъ дѣйств. стат. совѣт. баронъ Шилингъ первый началъ заниматься опытами приспособленія гальванизма къ вожженію минъ. Говорятъ, что опыты были даже удачны, въ нѣкоторой степени, но, какъ онъ не хотѣлъ передавать свой секретъ инженерному вѣдомству, дѣло это заглохло.

Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность великимъ княземъ, былъ генералъ-инспекторомъ инженерной части, и очень усердно занимался развитіемъ службы въ саперныхъ батальонахъ и тоже сознавалъ этотъ недостатокъ. Почему, когда огласились важныя открытія академика Якоби, по приспособленію гальванизма, государю пришла мысль приспособить его къ зажженію минъ, для чего повелѣлъ образовать особую команду при лейбъ-гвардіи саперномъ батальонѣ, изъ саперныхъ офицеровъ и части нижнихъ чиновъ, и пригласить академика Якоби совмѣстно съ ними заняться приспособленіемъ гальванизма, что̀ и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, какъ на сушѣ, такъ и на водѣ; подробное изложеніе начала и веденія этого дѣла изложено мною въ „Русскомъ Инвалидѣ“, 18-го января 1898 года, а задолго передъ тѣмъ было описано въ „Русскомъ Архивѣ“. Безспорно то, что открытіе это по мысли и указанію императора при полномъ, живомъ участіи къ нему, всецѣло составляетъ славу его; можно сказать, только руки его не участвовали въ этомъ, и перешло изъ Россіи во всѣ концы міра для многочисленныхъ потребностей. У насъ оно началось какъ бы незамѣченнымъ и не вполнѣ оцѣнимо, и только возбуждало нѣкоторое любопытство, можетъ быть, потому, что въ началѣ держа-

лось въ большомъ секретѣ; но и когда огласилось, не пользовалось большимъ вниманіемъ.

Во всѣхъ странахъ выдающіяся событія и важныя, полезныя открытія ознаменовываются чѣмъ-нибудь, и въ принятые сроки 25 и 50 лѣтъ гласно приводятся въ память.

Отъ начала этого важнаго открытія прошло уже болѣе 60 лѣтъ, и можно думать, что мало кто знаетъ, кому принадлежитъ слава его.

Не слѣдуетъ ли увѣковѣчить память этого открытія хотя постановкою бюста императора Николая I въ залѣ гальванической команды, и при немъ мраморную доску съ начертаніемъ времени открытія.

Какъ императоръ Николай Павловичъ преслѣдовалъ зло и настойчивъ былъ къ открытію истины, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Въ 50-хъ годахъ появилась въ Петербургѣ компанія, или, какъ ее называли тогда, шайка труболетовъ, которая затягивала легкомысленную молодежь въ неоплатные долги, ссужая деньгами на огромные проценты, переписывая векселя и проч. продѣлки. Для пресѣченія зла составлена была коммиссія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Во время дѣйствія этой коммиссіи пріѣхалъ въ Петербургъ съ женой, изъ юго-западнаго края, одинъ князь съ реноме богатаго человѣка, но богатство еще не перешло къ нему въ руки, а принадлежало отцу его, который далъ ему довѣренность на управленіе имѣніями и при случаѣ на продажу части ихъ. Онъ вскорѣ попалъ въ руки труболетовъ, давалъ векселя, переписывалъ и наконецъ принужденъ былъ уже продавать имѣнія. Запутавшись совершенно въ дѣлахъ своихъ, онъ наконецъ бѣжалъ за границу. Оставшаяся въ Петербургѣ жена его, очень умная женщина, знавшая во всѣхъ подробностяхъ несчастныя дѣла мужа и какими способами его опутывали, лично передала обо всемъ государю и просила его защиты. Этимъ случаемъ раскрыты были передъ государемъ какъ лица, занимавшіяся ростовщичествомъ, такъ и способы ихъ ремесла. Николай Павловичъ приказалъ, чтобы образованная коммиссія занялась дѣлами князя и чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ лично доложилъ ему о послѣдствіяхъ изслѣдованія.

Въ свое время министръ докладываетъ, что никакихъ беззаконій коммиссія не нашла. Тогда государь приказалъ, чтобы шефъ жандармовъ назначилъ отъ себя довѣренныхъ лицъ въ составъ этой коммиссіи, а по окончаніи изслѣдованій должны были доложить ему дѣло совмѣстно министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ; опять явились невинные. Тогда государь зоветъ къ себѣ бывшаго главнокомандующаго, наслѣдника цесаревича, передаетъ ему вкратцѣ неудавшееся преслѣдованіе зла, которое онъ знаетъ въ подробности, и

тутъ же назначаетъ военно-судную коммиссію подъ предсѣдательствомъ одного самаго дѣльнаго члена генералъ-аудиторіата, а цесаревичу поручаетъ назначить отъ себя, въ составъ этой коммиссіи, 6 гвардейскихъ полковниковъ, говоря, что онъ вполнѣ увѣренъ, что они не поддадутся никому соблазну, займутся дѣломъ усердно и внимательно, и что черезъ нихъ откроется ему истина. Въ тотъ самый день г. начальникъ штаба главнокомандующаго, увидѣвъ меня на балѣ въ Дворянскомъ собраніи, передалъ мнѣ всѣ эти подробности и объявилъ, что цесаревичъ назначилъ меня въ составъ коммиссіи. При этомъ военному министру дано повелѣніе, чтобы предсѣдатель военно-судной коммиссіи генералъ-отъ-инфантеріи Б. еженедѣльно присылалъ государю записку въ собственныя руки о ходѣ занятій, а по окончаніи дѣла сдѣлалъ бы ему личный докладъ при военномъ министрѣ. Въ ту же ночь у всѣхъ извѣстныхъ труболетовъ былъ произведенъ обыскъ, они отвезены въ Петропавловскую крѣпость.

Въ числѣ ихъ, престарѣлый опытный адвокатъ, хотя не дававшій денегъ въ ростъ, но руководившій дѣлами и, кромѣ того, богатый гвардейскій полковникъ, уволенный въ тотъ же день въ отставку, какъ послѣ оказалось, который скупалъ беззаконно имѣнія князя, не сознавая даже, что онъ творитъ беззаконіе, а по своей неопытности, безпечности и слѣпому довѣрію къ адвокату. Имѣя въ виду крупный для себя интересъ, онъ поддался предложеніямъ адвоката и подписывалъ, какъ надо думать, не читая. Труболеты, имѣя много лицъ, коихъ реноме пострадало бы, если бы при обыскѣ найдены были ихъ росписки, векселя, въ вечеру того дня были уже извѣщены о предстоящей имъ грозѣ, и, конечно, большая часть бумагъ и деньги были ими переданы въ близкія и надежныя руки. Арестованные были небольшаго чина: отставной чиновникъ, бывшій нѣкогда писарь военно-походной императорской канцеляріи, обладавшій сотнями тысячъ рублей, капитанъ гвардейской инвалидной команды, бывшій нѣкогда вахмистръ гвардейскаго конно-піонернаго эскадрона, тоже съ большимъ капиталомъ, помѣщикъ юго-западнаго края, получившій отъ отца въ наслѣдіе пятнадцать тысячъ рублей, а въ годъ арестованія владѣвшій уже нѣсколькими тысячами душъ; адвокатъ въ свое время жилъ роскошно, но въ послѣднее время пріупалъ, можно полагать, отъ старости, болѣзни и большихъ расходовъ на то, чтобы выпутаться изъ грозившей бѣды.

На третій день коммиссія открыла уже засѣданіе въ отведенномъ для нея домѣ, въ Петропавловской крѣпости. Предсѣдатель еженедѣльно отправлялъ въ собственныя руки государя требуемую докладную записку. Иногда она возвращалась назадъ съ собственноручною замѣткою государя, иногда съ благодарностью за то, что предвидятъ

исполненіе его желанія выяснить зло. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ нашего почти ежедневнаго сидѣнія въ крѣпости; но наступило время, политическія обстоятельства заняли весь досугъ и вниманіе императора, записки отъ предсѣдателя болѣе не требовалось, и, по окончаніи дѣла, оно съ приговоромъ было предоставлено военному министру, который передалъ его въ генералъ-аудиторіатъ, а тотъ счелъ правильнымъ передать с.-петербургскому генералъ-губернатору. Приговоръ судной коммиссіи состоялся: надъ отставнымъ полковникомъ — освободить отъ наказанія, остальные приговорены къ ссылкѣ. Подъ шумъ Восточной войны всѣ эти труболеты, какъ слышно было, отдѣлались легко, понеся наказаніе только содержаніемъ въ крѣпости. Къ этому не лишнимъ считаю дополнить нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія. Какъ я писалъ выше, наканунѣ ареста всѣ они были извѣщены о предстоящей грозѣ, и одинъ изъ нихъ по окончаніи уже дѣла сознался чистосердечно, что, собравшись въ тотъ вечеръ для совѣщанія, они сдѣлали складчину въ 50.000 рублей для поднесенія членамъ коммиссіи, но тутъ одинъ изъ нихъ образумился, сказавъ: напрасно дѣлаете, вѣдь эти господа такъ глупы, что денегъ не возьмутъ, и мы только больше запутаемся. Престарѣлый адвокатъ заболѣлъ во время суда и былъ переведенъ въ военно-сухопутный госпиталь, куда, смотря по состоянію здоровья его, мы ѣздили цѣлою коммиссіею, или же одинъ изъ членовъ привозилъ его въ экипажѣ, и тогда изъ жалости къ нему, и чтобы подкрѣпить его здоровье, передъ засѣданіемъ или послѣ, катали его по Александровскому парку. Во время производства дѣла предстало очень интересное открытіе: одинъ изъ членовъ коммиссіи, ѣхавши вечеромъ на извозчикѣ и имѣя обыкновеніе разговаривать съ нимъ, спрашивалъ: какого уѣзда, помѣщичій или государственный крестьянинъ. Извощикъ отвѣчалъ: помѣщичій. Далѣе на вопросъ, кто же владѣлецъ, извощикъ отвѣчалъ: да былъ какой-то (фамилія адвоката), а теперь такой-то (фамилія одного изъ членовъ послѣдней слѣдственной коммиссіи). На вопросъ, какъ же имѣніе перешло къ новому владѣльцу, куплено по купчей, извощикъ отвѣчалъ: нѣтъ, оно куплено не было, а было какое-то дѣло, Богъ ихъ знаетъ, и вотъ мы поступили къ новому барину. Этотъ оригинальный разговоръ, переданный намъ на другой день, очень насъ заинтересовалъ, и рѣшено было экспромптомъ спросить адвоката: какъ перешло его имѣніе въ другія руки, и не откроетъ ли онъ чистосердечно истину; но онъ былъ человѣкъ бывалый. На сдѣланный внезапно вопросъ онъ взялся за голову, разразился жалобами, что память потерялъ, и черезъ нѣсколько минутъ понесъ такую околесную, что ничего ровно нельзя было понять.

Выраженное, при началѣ дѣла, вниманіе и довѣріе императора къ

судной коммиссіи давали полную надежду, что при добросовѣстномъ и успѣшномъ выполненіи порученнаго, мы вознаграждены будемъ царскимъ „спасибо“; начавшіяся военныя тревоги потребовали болѣе вниманія и „спасибо“ за боевыя заслуги. Кромѣ спокойной совѣсти, что добросовѣстно исполнили свой долгъ, не малое удовольствіе доставилъ намъ подсудимый адвокатъ. Когда на судѣ былъ прочитанъ приговоръ, адвокатъ почувствовалъ себя дурно; спросивъ воды и отдохнувъ, онъ всталъ довольно бодро и обратился къ предсѣдателю съ просьбою дать ему слово, на что̀ предсѣдатель отвѣчалъ, что всѣмъ имъ въ свое время предоставлено было говорить, оправдываться, а теперь приговоръ объявленъ и судъ закрывается. Тогда онъ вновь просилъ, докладывая, что рѣчь его будетъ посторонняя, независящая отъ этого дѣла; получивъ разрѣшеніе, онъ началъ: „ваше высокопревосходительство и гг. члены, приговоръ вашъ строгъ, но совершенно справедливъ. Я, какъ юристъ, могу засвидѣтельствовать, что дѣло велось законно, правильно и со вниманіемъ къ несчастному положенію подсудимыхъ. Съ своей стороны позвольте выразить мнѣ глубочайшую признательность за ваше вѣжливое ко мнѣ вниманіе, снисхожденіе и заботы о больномъ старикѣ. Вы были такъ добры, что давали мнѣ случай, при заключеніи моемъ, вдохнуть чистый, оживляющій меня воздухъ, бравши меня изъ госпиталя“.

Императоръ Николай Павловичъ всегда самъ распредѣлялъ прибывающихъ рекрутъ въ полки гвардіи. Во время Крымской войны, для защиты Петербурга и его окрестностей оставались резервные гвардейскіе полки и резервныя части гренадеръ и арміи. Командующій этими войсками былъ генералъ-адъютантъ Арбузовъ, а я состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ этихъ войскъ. При распредѣленіи рекрутъ государемъ находились командующій войсками и дежурный штабъ-офицеръ.

Лѣтомъ 1854 г., во время пребыванія государя въ Петергофѣ, получено было приказаніе: представить въ назначенный день прибывшихъ рекрутъ, для распредѣленія въ полки гвардіи, поставивъ ихъ къ часу прибытія государя изъ Петергофа въ корридорѣ Іорданскаго подъѣзда Зимняго дворца. Къ назначенному часу прибылъ императоръ и прошелъ въ свой маленькій угольный кабинетъ, что̀ въ нижнемъ этажѣ. Мы привыкли къ точности, съ которой государь выходилъ въ назначенное имъ время; но въ этотъ день прошло $^1/_2$ часа, прошелъ часъ, государя нѣтъ. Наши рекруты, вышедшіе изъ казармъ рано утромъ, начинаютъ обомлѣвать, почему позволено имъ было садиться на мѣста, гдѣ стояли. Прошелъ еще часъ, но ожиданія тщетны, что̀ начало насъ безпокоить. Тогда генералъ Арбузовъ рѣшается идти къ кабинету, чтобы узнать отъ кого-нибудь о причинѣ, я тоже подошелъ

ближе. Минутъ черезъ десять вижу: старикъ Арбузовъ возвращается, какъ бы шатаясь; я приписалъ это усталости его. Онъ отводитъ меня въ сторону и говоритъ: „Боже, какое горе“,—и слезы потекли у него изъ глазъ; „какое неудовольствіе нашему царю, передаю по секрету, какъ сказалъ мнѣ князь Орловъ, котораго я нашелъ въ пріемной. По пріѣздѣ государя, Нессельроде привезъ ему депешу, полученную изъ Вѣны, въ которой Австрія предлагаетъ снять осаду Силистріи и перевести войска за Дунай; въ противномъ случаѣ ставитъ свою армію въ тылъ нашей. Государь до крайности огорченъ и взволнованъ“.

Минутъ черезъ 20, дали знать, что государь скоро выйдетъ.

Наконецъ, появился императоръ.

Лицо его поразило насъ; оно было неузнаваемо: блѣдно-зеленое, осунулось, какъ бы вытянулось, прекрасные глаза его были неподвижны, но онъ шелъ твердою поступью. Поздоровался съ рекрутами, но уже глухимъ и не звучнымъ своимъ голосомъ и, взявъ мѣлъ, началъ писать на груди рекрутъ №№ полковъ. Во все время онъ не проронилъ ни одного слова; окончивъ, удалился тою же твердою поступью въ свой кабинетъ. Бываютъ впечатлѣнія, потрясающія душу до глубины ея, которыя навѣки не изглаживаются изъ памяти. Хотя прошло полвѣка, этотъ видъ незабвеннаго нашего государя и теперь стоитъ предо мною. И въ день кончины его, мнѣ казалось, что часъ полученія злосчастной депеши былъ началомъ долгой, предсмертной его агоніи. Я часто видѣлъ его послѣ того и всегда съ выраженіемъ глубокаго душевнаго страданія.

Вотъ мои воспоминанія о днѣ его кончины: въ войскахъ и въ городѣ не было никакихъ слуховъ о тяжелой болѣзни государя. Я жилъ въ офицерскомъ домѣ л.-гв. Семеновскаго полка, а штабъ расположенъ былъ вблизи, въ казармѣ. 18-го февраля 1855 года, рано утромъ, пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ генерала Арбузова и передалъ отъ него, что ночью онъ вызванъ былъ въ Зимній дворецъ чрезъ фельдъегеря князя Орлова, куда немедленно поѣхалъ, взявъ съ собою близъ живущаго адъютанта. Близъ кабинета государя онъ нашелъ графа Адлерберга и князя Орлова въ страшно удрученномъ состояніи. Князь Орловъ передалъ ему, что государь въ безнадежномъ состояніи. Въ то же время былъ приглашенъ и графъ Блудовъ для написанія уже манифеста о вступленіи на престолъ наслѣдника цесаревича. Генералъ Арбузовъ приказалъ, чтобы я передалъ приказаніе его во всѣ части войскъ: служить молебны о здравіи государя и прислать адъютантовъ въ Зимній дворецъ. Разославъ всѣхъ конныхъ и пѣшихъ вѣстовыхъ и писарей на извозчикахъ, я возвращался домой изъ штаба, какъ догналъ меня адъютантъ л.-гв. Семеновскаго полка и доложилъ, что государь скончался, что приказано служить въ войскахъ панихиды

и что императоръ Александръ Николаевичъ приказалъ прибыть всѣмъ начальникамъ частей, къ 2 часамъ дня, въ Зимній дворецъ, на его половину.

Семеновскій полкъ, отслуживъ молебенъ о здравіи, вышелъ изъ церкви и вновь возвратился въ нее для служенія панихиды. Общее впечатлѣніе было невыразимо тяжелое. Надо припомнить, что это было въ самый разгаръ Севастопольскаго побоища.

Въ назначенный часъ, въ числѣ другихъ и я стоялъ въ пріемной новаго государя. Онъ вышелъ со слезами на глазахъ, держа въ рукѣ листъ бумаги, и угнетеннымъ голосомъ произнесъ: „Господа, мы лишились отца, благодѣтеля нашего; увѣренъ, что вы раздѣляете вполнѣ мою скорбь и скорбь всей Россіи. Вотъ его духовное завѣщаніе, которое я прочту вамъ“. Стоя на правомъ флангѣ, я видѣлъ тоже писанное на листѣ бумаги, ибо государь повернулся къ окну. Его величество, между прочимъ, сколько помню, читалъ: „благодарю мою гвардію, спасшую Россію 14-го декабря, благодарю вѣрную и преданную мнѣ армію. Я любилъ всѣхъ васъ всей душою. Я старался улучшить положеніе ваше и, если чего не достигъ и не сдѣлалъ, то только потому, что или не могъ, или не успѣлъ“. Послѣ этого генералъ Арбузовъ спросилъ государя, когда прикажетъ приводить войска къ присягѣ. Получилъ отвѣтъ: „это зависитъ отъ васъ; сегодня или завтра“. Войска были приведены къ присягѣ на другой день, а мы всѣ собравшіеся отправились въ большую церковь Зимняго дворца, гдѣ находился священникъ и привелъ насъ къ присягѣ. Дня черезъ два или три приказано было собраться въ Зимній дворецъ всѣмъ офицерамъ гвардіи. Государь обратился съ тѣми же словами, какъ и къ начальникамъ частей, прибавивъ: „Увѣренъ, что вы будете служить съ тѣмъ же усердіемъ, какъ служили моему отцу; вы—моя гвардія и всегда будете близки мнѣ. Положеніе тяжелое, но Богъ милостивъ. Я твердо уповаю, что Онъ поможетъ намъ перейти къ лучшему“. Такая твердая надежда на Бога насъ всѣхъ ободрила.

Какъ иногда возникали переселенія [1]).

Случилось это въ 1869—70 годахъ въ глуши, въ самыхъ дебряхъ Бѣлоруссіи, куда едва-ли кто-нибудь и когда-нибудь заглядывалъ. Теперь эта мѣстность оживилась—ее насквозь прорѣзала желѣзная дорога, а съ нею ворвался духъ прогресса-цивилизаціи. Отъ Луцкой волости до мѣстечка Глубокаго, гдѣ теперь станція, верстъ двадцать, а до своего уѣзда до гор. Дисны верстъ сто будетъ. На малорослыхъ бѣлорусскихъ лошадкахъ чуть не полтора сутокъ ѣзды приходилось. И само это торговое мѣстечко Глубокое, такое живое и живописное съ двумя громадными костелами, представляло изъ себя жалкое собраніе еврейскихъ лачужекъ-конуръ, маленькихъ, въ два окна, почернѣвшихъ и полуразрушенныхъ, въ которыхъ и допустить нельзя, чтобы жили люди. Однимъ словомъ, глушь и дичь страшная.

При длинномъ, въ струнку вытянувшемся, селеніи Луцкомъ на пригоркѣ, особнякомъ, сейчасъ черезъ ручей, съ дряннымъ прыгавшимъ мостикомъ, въ половодье обязательно смываемомъ до тла, несмотря на каменья, постоянно наваленные по краямъ кривыхъ бревенъ, стояло новенькое волостное правленіе, въ которомъ жилъ только одинъ волостной писарь, да при немъ старикъ сторожъ; больше никого... рѣшительно ни души; а напротивъ, черезъ дорогу, пролегавшую мимо этого присутственнаго мѣста—центра управленія всей очень обширной Луцкой волости, точно нарочно, чтобъ увеличить уединеніе

[1]) Волость, уѣздъ, деревни и фамиліи не вымышлены, самое событіе до мелочей дѣйствительно. Писаремъ былъ именно я, уѣхавшій въ то время, по вызову служить въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

новенькаго зданія, сползало внизъ къ безконечному болоту живописное кладбище съ убогими крестами и голыми бугорками, такъ что изъ оконъ правленія можно было, во время самыхъ разборовъ дѣлъ, видѣть назидательное напоминаніе о тщетѣ всего земнаго...

Однажды, такъ среди лѣта, пожалуй близко уже къ августу, получилась въ этомъ волостномъ правленіи бумага, послужившая началомъ и источникомъ неисчерпаемаго количества смутъ, толковъ, совѣщаній, а потомъ даже разореній, бѣдъ и горя многимъ и многимъ семьямъ тихихъ, незлобивыхъ бѣлоруссовъ,—смутамъ, охватившимъ не одну Луцкую волость, а перешедшимъ и на другія сосѣднія.

Нехитрая и незлобивая была эта бумага, сочинялась и писалась она въ столицѣ, въ какомъ-нибудь роскошномъ кабинетѣ, въ теплѣ и холѣ, на мягкихъ креслахъ, за дорогимъ письменнымъ столомъ, писалась и сочинялась любвеобильнымъ вельможей, съ головы до пятъ проникнутымъ заботами о благѣ отечества, о благѣ пейзана, о лучшемъ устройствѣ и матеріальномъ обезпеченіи меньшаго брата — мужика, обиженнаго и недостаточно надѣленнаго землею. Гдѣ, кѣмъ и какъ обиженнаго и обиженнаго ли—все равно, писать было можно, и писалось и посылалось по всѣмъ дебрямъ и захолустьямъ отечества, повѣщать недостаточно довольнымъ своимъ житьемъ на отцовской сѣдибѣ о возможности бросить ее и идти въ земли Ханаанскія.

Однимъ словомъ, это былъ министерскій циркуляръ, приглашавшій и нашихъ бѣлоруссовъ, какъ вѣроятно и многихъ другихъ и не бѣлоруссовъ, переселиться на свободныя казенныя земли въ Новоузенскій и Бугурусланскій уѣзды Самарской губерніи. Не упомню я точно этого циркуляра, а потому и не могу вдаваться въ подробности его содержанія, помню только одно, что переселенцамъ назначалось къ отводу въ тѣхъ уѣздахъ до 15 десятинъ удобной земли на душу. Озадачила эта бумага благодушное волостное правленіе, поставила въ тупикъ и вѣчно бывшаго подъ хмѣлькомъ старика сторожа Ѳаденча, съ которымъ писарь любилъ подчасъ бесѣдовать и дѣлиться новостями; на безлюдьи и Ѳаденчъ былъ находкой и подспорьемъ; такъ и теперь.

„Надоть за старшиной сбѣгать“ внушительно изрекъ Ѳаденчъ и, не отдаляя словъ отъ дѣла, тутъ же взялся за шапку и поплелся въ Луцкую, благо недалеко. Тамъ онъ и остался. Старшина пришелъ, и пришелъ скоро, а Ѳаденчъ застрялъ въ шинкѣ у Ицки, на томъ краю села. Къ Ицкѣ всегда близко и лишь бы предлогъ только идти на село.

Старшина Станиславъ Самковичъ, несмотря на свою неграмотность, человѣкъ былъ умный, замѣчательно памятливый, честный и благородный въ высшей степени. Такихъ способныхъ, дѣльныхъ и энергичныхъ людей рѣдко встрѣтишь и между образованными, бывалыми, понатершимися богатѣями крестьянами.

Посовѣтовавшись и потолковавши между собою, писарь и старшина рѣшили не черезъ старостъ объявить этотъ циркуляръ по сельскимъ обществамъ, потому что могли исказить, переврать его и надѣлать Богъ знаетъ какихъ неурядицъ, а собрать волостной сходъ и на немъ прочитать министерское приглашеніе и по возможности объяснить его, да и то, гдѣ эта Самарская губернія и какія также земли могутъ быть подходящими нашимъ лучанамъ, живущимъ по озерамъ, ручьямъ, между холмовъ и болотъ, сплошь чередующихся одни съ другими.

Да и то сказать—особой нужды въ переселеніи не видѣлось, безземельныхъ немного, а надѣлы тутъ по уставнымъ грамотамъ даны не подушные, а участковые—прямо на каждый дворъ или домохозяина въ деревнѣ назначался участокъ земли въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ. Такъ, Луцкая имѣла по 12 десятинъ на дворъ, Ласица по $9^1/_2$, Борейки—по 22, кажется, и т. д., а выгоны общіе. Но участками земля только росписана была, а на самомъ же дѣлѣ крестьяне земли свои имѣли въ общихъ поляхъ и опредѣляли ихъ періодически, а луга дѣлили ежегодно. Но кромѣ того въ волости были еще трехдесятинники изъ дворовыхъ, т. е. получившіе по три десятины изъ помѣщичьей земли, были и безземельные батраки, совсѣмъ ничего не получившіе. Вотъ развѣ къ этимъ послѣднимъ примѣнилось бы переселеніе въ Бугурусланскій или тамъ въ какой другой уѣздъ, но изъ нихъ ни одинъ не двинулся и не подумалъ объ этомъ. Съ одной стороны на переходъ туда надобны средства, а приглашеніе ихъ не обѣщало и предлагало и коштъ и обзаведеніе свои собственныя на новомъ мѣстѣ, а съ другой — не привыкшіе къ домохозяйству — вѣчно живущіе по найму батраки и безземельники ничего привлекательнаго не видѣли въ путешествіи на поиски за синицей въ небѣ, и ни одинъ изъ нихъ, повторяю, не двинулся.

И такъ назначили день, созвали сходъ, а домъ волостнаго правленія построенъ былъ такъ, что въ одномъ концѣ его помѣщалась канцелярія, въ другомъ жилъ писарь, обширное же пространство середины зданія между этими двумя помѣщеніями составляло залъ съ земляным поломъ, съ деревянными столбами, подпиравшими балки поперекъ зала, и со скамьями по стѣнамъ. Роскошный залъ этотъ, изрѣдка освѣщавшійся сальными свѣчами, „шабашувками“, такъ какъ такія свѣчи употреблялись евреями по шабашамъ, т. е. по субботамъ, назывался „сборней“ и вмѣщалъ до 200 и болѣе человѣкъ. Въ настоящее время, несмотря на рабочую пору, залъ биткомъ набился; тутъ были не только ближніе: Щетки, Ласицкіе или Лашуки, а прибыли и Борейковцы, и Лабуци, и Лозовики и проч., прибыли издалека за двѣ и за три мили (т. е. верстъ за 20); собрались и чинно бесѣ-

довали, то сидя на полу и на скамьяхъ, то стоя группами и ожидая дальнѣйшаго. Шелъ смутный слухъ, передаваемый на разные лады, что царь-отецъ зоветъ на другую землю, что приказъ пришелъ—читать будутъ. Между группами прохаживались старосты съ медалями на шеѣ, пріостанавливаясь то тамъ, то тутъ, и вставляя свои замѣчанія.

Но вотъ отворилась и дверь въ канцелярію, на порогѣ стоялъ старшина, въ сѣромъ, домашняго сукна, длинномъ пальто, съ костяными пуговицами, отороченномъ чернымъ сукномъ или шнуромъ, и подпоясанный краснымъ поясомъ, приглаженный и опрятный, съ бритымъ подбородкомъ и подстриженными усами, что здѣсь въ обычаѣ—всѣ бритые, особенно же католики, съ бородой никого не встрѣтишь, и волосы коротко подстригались; потому, казалось, что собрались всѣ солдаты, особенно же при короткихъ сѣрыхъ доморощенныхъ пиджакахъ сходство становилось полнымъ. Встрепенулась толпа, засуетились всѣ и надвинулись густо къ старшинѣ. Задніе тѣснили переднихъ, напирали, стоялъ гулъ, но никакого безпорядка или безчинства и въ поминѣ не было, да и никогда не бывало. Нѣсколько мгновеній, и полная тишина окутала толпу. Не лишнимъ замѣтить, что на волостной сходъ приходили не одни выборные, а набиралось не мало и всякаго желающаго, и подчасъ сходы, особенно интересные и захватывающіе близко крестьянскія нужды, собирали большое число народа, несмотря даже на то, что приходилось идти и за десятки верстъ, запасаясь и ячменной лепешкой и хлѣбушкомъ, и возвращаясь домой поздней ночью.

— Вотъ, братцы, началъ старшина, пришла изъ губерніи бумага, не пожелаетъ ли кто изъ малоземельныхъ или безземельныхъ въ другую сторону выѣхать въ Расею, въ Самарскую губернію; ѣхать своимъ коштомъ, а тамъ дадутъ по 15 десятинъ на душу,—да вотъ писарь вамъ почитаетъ, а тамъ обсудите міромъ.

Поднялся шумъ, говоръ, выборные засуетились, разговаривали другъ съ другомъ, образовывались группы, но старшина крикнулъ: „Тихо!.. Слухайте!“ и писарь, медленно отчеканивая фразы, читалъ министерскій циркуляръ.

Выслушали, опять зашумѣли и повидимому недоумѣвали: почему къ нимъ обращаются съ приглашеніемъ на переселеніе? не просили они, не жаловались, да еще и не успѣли какъ слѣдуетъ освоиться съ открывшейся для нихъ новой жизнью—волей и свободнымъ распоряженіемъ своимъ трудомъ, временемъ и хозяйствомъ; положеніемъ, при которомъ всѣ свои силы они могли приложить къ своей землѣ, къ своему дому, къ своему благосостоянію. Не переселеніе имъ нужно было, а какое-нибудь оживленіе промысловъ, торговли, чтобы

полегче или поближе было наличную деньгу заработывать, а то ея-то нѣтъ, и не видать и взять не откуда. Ленъ сѣяли и продавали евреямъ—мелкимъ скупщикамъ, перепродававшимъ его въ десятыя руки и сплавлявшимъ въ Ригу по Двинѣ; соль возили изъ Докшицъ, даже Шклова, Витебска, арендовали въ складчину фольварки панскіе, дрова въ Глубокое продавали и т. п.

Старосты собрались въ канцеляріи, тамъ были и судьи, и сборщикъ податей, и непремѣнно Ѳадей, не слѣзавшій съ денежнаго сундука, на немъ и спавшій и обѣдавшій. Здѣсь шло жаркое объясненіе все по переселенческому вопросу, и общее заключеніе сводилось къ тому, что нѣтъ, не для насъ и не намъ-де нужны эти самарскія земли.

Къ такому же выводу пришелъ и мірской волостной сходъ.

— Намъ не надо, намъ что жъ, куда тамъ ходить за землей, чего искать... раздавались голоса, „тутъ родились, тутъ и помирать будемъ“ и т. п., но кое-гдѣ прорывалось:—„Чаму жъ нѣ, можить тамъ лѣпѣй; тамъ говорудъ земля добра пятнаста десятинъ, 20 десятинъ добре. Писаря поспрошаць“...

Объясненія вышедшихъ къ своимъ обществамъ старостъ, смѣшавшихся съ толпой, сводились къ принятому заключенію; что-де не про насъ эта бумага, намъ некуда и не по что идти. Потолковали, погомонили, перешли къ другимъ дѣламъ, кстати пользуясь сходомъ, предложеннымъ на обсужденіе его старшиною, или поднятымъ старостами, и потянулись кто куда: кто къ Ицкѣ, кто къ свояку, а кто домой.

Вернулись по домамъ выборные, и, повидимому, извѣстіе о землѣ по пятнадцати десятинъ на душу, гдѣ-то тамъ въ Россіи, у россіянъ нисколько не потревожило мирныхъ лучанъ, не возбудило ни особыхъ толковъ, ни желаній искать земли за горами и долами, и какъ всякое неподходящее дѣло оставлено втуне и забыто за болѣе насущными и, такъ сказать, больно отзывавшимися на сердцѣ заботами. А ихъ на ту пору подвертывалось много, охъ, какъ много, и какъ непривычно тяжело только-что освобожденному изъ крѣпостной, да еще какой польской, зависимости, бѣлоруссу было разбираться въ нихъ. Только-что прошла повѣрочная коммиссія, исправлявшая уставныя грамоты, съ землемѣрами, съ планами, въ натурѣ обходившая границы; тутъ о выкупныхъ платежахъ шли толки, училища начали заводить, а больнѣе всего вѣроисповѣдный вопросъ поднимался и врывался въ семьи не то православныхъ, не то уніатовъ, не то католиковъ и не давалъ также робкому и загнанному крестьянину, привыкшему къ безпрекословному повиновенію и снимавшему чуть не за версту шапку передъ всякимъ паномъ и даже не паномъ, а лишь имѣвшимъ подобіе его.

*

Но волость Луцкая—большая волость, и надѣлы и земли въ ней очень разнообразны, и потому не диво, если могли найтись уголки, а въ этихъ уголкахъ люди, которые недовольны были своимъ положеніемъ и своей жизнью, пригнетены нуждой и бѣдностью и съ завистью смотрѣвшіе на достатокъ и избытокъ своихъ сосѣдей въ той же волости, но въ другихъ обществахъ и деревняхъ. Имъ сладкимъ соблазномъ пала на душу возможность имѣть столько земли, что даже борейковцы, получившіе по двадцать двѣ, да по двадцать пять десятинъ на домохозяина, и сравняться не посмѣютъ. Вѣдь въ Самарской губерніи сулятъ по пятнадцати на душу, а три души сорокъ пять десятинъ возьмутъ, да какой земли, самой удобной, самой урожайной—пшепной земли, о какой здѣсь и помину нѣтъ; ячмень, овесъ и тѣ самъ-пятъ, вотъ какъ у насъ. Что напримѣръ хоть тѣ же лучане съ своими 12-ю десятинами песку да подзолу. Холодныя,—плохія земли, не выживешь, не то, что платить повинности. Эхъ, добре, добре,—паномъ бы зажилъ цѣлый застѣнокъ (т. е. отдѣльное небольшое имѣньице), а то и фольваркъ и къ жиду не надо идти за деньгами на подушныя, или выкупъ вносить.

И недалеко приходилось бы искать такихъ глубоко встревоженныхъ лучанъ, и днемъ и ночью на работѣ и въ хатѣ грезившихъ самарскими землями. Въ самомъ селеніи Луцкомъ подъ бокомъ волостнаго правленія, въ бѣдной въ два оконца, почернѣвшей и полураскрытой избенкѣ, жилъ Лукашъ Кудушка, отдѣлившійся отъ братановъ (уже начинался бичъ крестьянскаго благосостоянія—раздѣлъ, раздробленіе земли на мелкіе куски), съ женой и двумя мальчишками, изъ которыхъ одному 12-ть, другому лѣтъ 8-мь было. На его долю что-то около четырехъ десятинъ пришлось по раздѣлу, разбитыми, узенькими въ шагъ, полосками мѣстахъ въ двѣнадцати, по косогорамъ и урочищамъ, во всѣхъ трехъ поляхъ и съ покосами даже. Какъ тутъ жить—какъ быть. Старшій мальченка уже второй годъ по чужимъ людямъ деньги зарабатывалъ; да и какія деньги—восемь, десять рублей въ лѣто. И задумался Лукашъ не на шутку и на-яву сталъ бредить и разговоры повелъ все о пятнадцати десятинахъ.

Не одинъ разъ заходилъ онъ и къ писарю узнать поподробнѣе о переселеніи и подѣлиться наболѣвшими мыслями, говаривалъ и съ старшиной и настолько настойчиво и убѣдительно началъ проповѣдывать о переселеніи, мѣшая правду съ своими фантазіями, что вокругъ него вскорѣ образовалась цѣлая партія, если и не раздѣлявшая еще вполнѣ его пламеннаго желанія поскорѣе отправиться на новыя мѣста, то во всякомъ случаѣ не только не противорѣчившая ему, но поддакивавшая и подзадоривавшая какъ самого проповѣдника, такъ и его слушателей. Долго ли, коротко ли, а увлеченіе

Лукаша и его сторонниковъ сообщилось многимъ, не только десятинникамъ, но полнымъ домохозяевамъ, владѣвшимъ цѣлыми участками по уставнымъ грамотамъ и выкупнымъ актамъ, и не прошло двухъ недѣль, какъ собрался сельскій сходъ, на которомъ много галдѣли и всѣхъ перекричалъ Лукашъ, а тамъ пошла добровольная складчина, сборъ и снаряженіе Лукаша ходокомъ въ Самарскія земли.

Волость не мѣшалась въ дѣла сельскихъ обществъ, и частныя ихъ предпріятія обсуждались и рѣшались самостоятельно, домашнимъ образомъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ дѣлалось дѣло тихо, спокойно, въ своемъ кругу, гдѣ каждый зналъ своихъ сообщественниковъ, зналъ и всю подноготную нуждъ и достатковъ другъ друга, и такимъ образомъ всѣ, пожелавшіе принять участіе въ командировкѣ соглядатаи въ земли ханаанскія, были обложены самымъ аптекарски безпристрастнымъ размѣромъ сбора и охотно несли свои гроши (т. е. деньги) въ общую казну.

Всѣ эти подробности дошли до свѣдѣнія волостнаго правленія только тогда, когда Лукашъ Кудушка со старостой и нѣсколькими стариками явился просить исполненія формальностей,—выдачи увольнительнаго свидѣтельства и паспорта, а вмѣстѣ совѣтовъ и указаній, какъ и куда ему надо путь держать, кого просить и объ чемъ хлопотать на-перво. Все это онъ получилъ безъ задержки, и на слѣдующій же день Лукаша, снабженнаго всѣми нужными бумагами и полнаго всевозможныхъ свѣдѣній о Самарѣ, которыя онъ, конечно, перезабылъ и перепуталъ, уже провожали въ далекій путь, искать, гдѣ лучше для себя и для собратій.

Въ крестьянствѣ всегда такъ; долгихъ сборовъ не бываетъ, разъ рѣшено и маршъ въ дорогу, хоть бы за тридевять земель, какъ теперь и Лукашъ, отправившійся точно на другую планету. Черезъ недѣлю о Лукашѣ и помину даже не было; время страдное—некогда, и только по праздникамъ, когда народъ собирался кучками у чьей-нибудь избы покалякать о томъ, о семъ, поднимались вопросы и о Лукашѣ: гдѣ онъ, и что онъ, и ждали вѣстей. Вѣсти не приходили долго. Свое общество, пославшее Лукаша, молчало и терпѣливо ждало, вполнѣ увѣренное, что вѣсти будутъ, а другіе пока мало интересовались походомъ Лукаша.

Почтовой конторы по близости не было, и даже въ мѣстечкѣ Глубокомъ, торговомъ центрѣ околодка съ кермашами (т. е. базарными днями) и постояннымъ наплывомъ окрестныхъ жителей, не было и помину о почтовой станціи, а приходилось ѣхать въ Заборье, отъ волости верстъ за 18, одиноко стоявшее на почтовомъ трактѣ изъ Докшицъ въ гор. Дисну и снабжавшее пятидесяти-верстный районъ скуд-

ной корреспонденціей. Волостной почтарь, исправно два раза въ недѣлю ходившій на почту и разносившій всѣ вѣсти по усадьбамъ пановъ, по церквамъ и фольваркамъ, однажды, вытряхая суму съ разными пакетами, письмами и даже нѣсколькими газетами, вытрясъ и письмо съ вѣстями отъ Лукаша. Адресовано оно было старостѣ, за которымъ сейчасъ же побѣжалъ Ѳадеичъ, на этотъ разъ измѣнившій себѣ и не оставшійся у Ицки, а вернувшійся вмѣстѣ со старостой и двумя-тремя сельчанами, пойманными случайно на улицѣ или въ усадьбѣ.

Писалъ Лукашъ послѣ цѣлой страницы поклоновъ и тому и другому, что ѣхалъ на Питеръ, что тамъ никакого толку не добился, хоть пробовалъ дойти до самого министра, да не допустили; что теперь онъ въ Самарской губерніи, былъ у самого губернатора и послали-де его въ Новоузеньскій уѣздъ, куда и отправляется. О земляхъ говорятъ разное: есть добрыя, а есть и плохія—пустыри, что вообще земли тяжелыя и нашими лошадьми не возьмешь, что наконецъ урожаи бываютъ большіе, а иной и все высохнетъ; засухи до тла выжигаютъ. Послѣ вторичныхъ поклоновъ и пану старшинѣ и старостѣ и всему обществу обѣщалось, что все подробно напишетъ, какъ прибудетъ на мѣсто.

Письмо это староста сообщилъ своему обществу, и оно очевидно произвело впечатлѣніе; показалось, что вѣдь не ахти какъ трудно добраться до тѣхъ мѣстъ, откуда Лукашъ писалъ. Вотъ онъ благополучно дошелъ до земли и земля оказалась хорошая, да и не можетъ быть худой, если зовутъ туда,—что жъ, братцы, надо ѣхать. Вѣсти о письмѣ съ новыхъ мѣстъ быстро разошлись по окрестности и затронули сосѣднія волости, въ которыхъ еще только шли смутные толки о зовѣ къ переселенію; заявились ходоки отъ сосѣдей за вѣстями. Одни только борейковцы оставались безучастны къ поднимавшемуся движенію и саркастически смѣялись надъ горячими сторонниками переселенія. Имъ хорошо было смѣяться въ своемъ обильномъ и покосами, и землей углу, а другимъ не въ моготу приходилось; нѣкоторыя волости очень бѣдны и разорены были, напр. Верхнянская, бывшее помѣстье Снитко. И такъ, первое письмо Лукаша стало искрой, упавшей на подготовленный матеріалъ, и послужило толчкомъ къ осуществленію неясно сознаваемой еще необходимости уходить съ родныхъ мѣстъ. Но разъ надумавши важное дѣло, крестьянинъ упорно идетъ къ его осуществленію и никакими преградами не остановить его; всякія преноны дѣлаютъ только настойчивѣе и горячѣе его стремленіе къ осуществленію задуманнаго, и въ нихъ онъ сейчасъ же видитъ умыселъ удержать его, по какимъ-нибудь ухищреніямъ, съ задней мыслью, чтобы не допустить его до счастья, чтобы воспользоваться его долей.

Недовѣріе тогда растетъ, переходитъ въ озлобленіе, и, уходя въ свои завѣтныя думы, онъ начинаетъ скрываться, тайно приводить въ дѣло задуманное и поступитъ такъ, какъ разсудилъ самъ, или какъ разсудилъ міръ. Тайна въ такихъ случаяхъ сохраняется такъ крѣпко, что отдѣльные члены, терпя за исполненіе рѣшенія міра, не выдадутъ своихъ никогда и героями, хотя очень скромными, повидимому, въ дѣйствительности же не уступающими православнымъ классическимъ, идутъ и подъ розгу, и въ каторгу, и хоть на смерть.

И здѣсь въ настоящемъ случаѣ, послѣ письма Лукаша, многіе начали лелѣять, какъ драгоцѣнное сокровище, мысль уйти въ Самарскую губернію и, словно боясь, чтобъ ее не похитили, чтобы не остановило что-нибудь ихъ рѣшенія уйти на новыя мѣста, стали исподволь, понемногу подтягиваться, — собирать деньги, продавать лишнее, искать заработка, оставляя свое дѣло втуне; на базарахъ въ Глубокомъ замѣчалось большее противъ обычнаго оживленіе, однимъ словомъ, чуялось что-то такое, выходившее изъ рамокъ обыденной жизни, обыденныхъ хлопотъ и заботъ.

Прошло еще нѣкоторое время, и Заборье снова выслало, черезъ волостнаго почтаря письмо съ самарскимъ штемпелемъ; писалось въ немъ, что землю получилъ на три души, земля дѣльная, приписался къ такому-то обществу, звалъ семью къ себѣ,—все продать и ѣхать. Писалъ еще Лукашъ, что тоска беретъ,—народъ другой, приладиться трудно, а луга богатѣющіе, а хлѣбъ такой стоитъ, что коннаго въ немъ не видать—такъ съ шапкой и уйдетъ.

Семья Лукаша Кудушки скоро собралась, землю продали братанамъ за 60 рублей, лошадь, коровушку, хлѣбъ — весь скарбъ домашній. Избу тоже Татыршихѣ бобылкѣ, словомъ, собрали до двухъ сотенъ. Бабы ревмя ревѣли, двое ребятишекъ, славные такіе, бѣловолосые и голубоглазые, въ сѣрыхъ свиткахъ, крѣпко держались за материну юбку и пугливо высматривали, прячась другъ за дружку. Провожать собралась чуть-ли не вся деревня, много было и изъ окрестныхъ селеній; а говору, толкамъ и причитаньямъ и конца не было.

Ушли и они. Прошло нѣсколько дней, и въ волостное правленіе явились еще двое переселенцевъ—трехдесятинникъ Петрусь Лалыка и домохозяинъ Янъ Бука, просили паспортовъ и увольненія, принесли подати и недоимки. Вслѣдъ за ними еще шестеро, а тамъ дошли слухи, что народъ поднимается и съ другихъ деревень.

Относительно Лалыки препятствій не имѣлось, а о второмъ, какъ домохозяинѣ, обязанномъ выкупнымъ актомъ платить 49 лѣтъ за выданный ему въ надѣлъ участокъ земли, приходилось подумать.

Старшина горой стоялъ противъ переселеній. Куда тамъ отпускать народъ за тысячи верстъ, отрываться отъ родной земли, отъ дѣдов-

щипы, которая вспоила и вскормила не одно поколѣніе, разрываться связаннымъ другъ съ дружкой вѣковыми узами. Никогда ничего подобнаго у насъ здѣсь и слыхомъ не было слыхать, не то чтобы видомъ видать. И для чего все это? Что жить тамъ лучше, легче, что нужды той, лапъ тѣхъ еврейскихъ когтистыхъ не будетъ, правда ли это—славны бубны за горами и тамъ, и вездѣ мужику одно житье—работа и кусъ чернаго хлѣба... такъ лучше же тутъ со своими вмѣстѣ коротать жизнь, а не ѣхать Богъ знаетъ куда и искать невѣдомаго счастья.

Переселяться, такъ всѣмъ переселяться — всѣмъ міромъ, всѣми силами, одинъ другому помочь бы могъ, а по одному—погибель только. Такъ разсуждалъ старшина и недружелюбно смотрѣлъ на переселенческія затѣи.

Противодѣйствовать явно онъ не могъ и противъ міра идти никогда бы не рѣшился, но его возмущало поднимавшееся движеніе, въ которомъ онъ не видѣлъ никакого прока, кромѣ разоренія да неурядицы; потомъ пугали и самые размѣры, которые неожиданно приняло это движеніе, грозившее чѣмъ-то страшнымъ, тѣмъ болѣе, что и по сосѣднимъ волостямъ народъ поднимался и какъ будто ждалъ, что будетъ здѣсь, въ Луцкой.

Естественно, что къ просьбамъ Лалыки и Буки старшина отнесся совсѣмъ недоброжелательно. Прежде всего прочелъ имъ наставленіе, а затѣмъ наотрѣзъ отказалъ Букѣ, какъ домохозяину, въ увольненіи изъ общества.

— Да, пане старшина, яжъ не бросаю землю, я продаувъ ее Язюку; обчество на сабе бярецъ паруку, я скотъ продаувъ и хлѣбъ продаувъ и ничого не заставивъ сабѣ, чого жъ я тута робицъ буду, усе равно жебравать! (нищенствовать).

— Не могу и не могу,—былъ рѣшительный отвѣтъ старшины.

— Ну, хоть паспортъ дайте,—кланялся Бука.

— И паспорта не дамъ, не получишь, не пущу, какъ хочешь, братъ. А что разорился—твоя вина, сперва спрошать надо было, а потомъ продавать.

Пошелъ тогда Янекъ Бука къ посреднику, верстъ за тридцать пять, жаловаться, что ему не даютъ паспорта, что онъ въ заработки собрался, а его-де не пускаютъ безъ всякой причины. И принесъ онъ отъ посредника бумагу съ запросомъ: какъ, что и почему?

Дѣло, въ связи съ поднимавшимся волненіемъ, было серьезное, и старшина поѣхалъ самъ съ объясненіемъ и докладомъ обо всемъ происшедшемъ и нарождавшемся вопросѣ о переселеніи. Какъ объяснилъ онъ все начальству и о чемъ просилъ — неизвѣстно, только вскорѣ собранъ былъ волостной сходъ и пріѣхалъ самъ мировой.

Категорически объявилъ онъ сходу, что никого изъ домохозяевъ, какъ обязанныхъ выкупомъ каждый своего участка, онъ не пуститъ выселяться, земли продавать и хозяйства разорять; что если кто неотложно хочетъ уйти, пусть внесетъ всю выкупную сумму сполна, тогда воленъ будетъ и продавать и выѣзжать, теперь же переселеніе допускается только безземельнымъ батракамъ и десятинникамъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ.

На народѣ это распоряженіе мироваго посредника отразилось очень тяжело. Молча выслушали его. Ни слова протеста или возраженія и т. п., но за то потомъ долго не расходились и толковали, что это не такъ, что тутъ что-то неладное кроется, что правду скрываютъ, не паны ли просятъ не пускать народъ; не паньщину ли опять затѣваютъ. Вотъ шли бы они сами на Самарскія пустыя земли, а эти намъ оставили; то бы добре было. А что же выкупъ заплатитъ тотъ, кто землю возьметъ; передалъ участокъ — ну, другой и будетъ платить. Нѣтъ, не ладно... правду скрываютъ.

И народъ заволновался, селенія побѣднѣе стали осаждать волость просьбами, запросами, разспросами, гулъ стоялъ, и недовѣріе росло. Чѣмъ бы все это кончилось, одинъ Богъ знаетъ-вѣдаетъ. Все-таки, принявши во вниманіе, что народъ въ тѣхъ мѣстахъ нерѣшительный, спокойный и покорный, можно предположить, что потолковали бы, поворчали, да и замолчали.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно бы случилось, что старшина энергичнѣе началъ проповѣдывать всю непригодность для нашего народа бросать родныя мѣста и уходить, и дѣйствовалъ настолько успѣшно, что многіе сторонники Лукашева толка перешли на его, старшины, сторону, но на грѣхъ подвернулось тутъ такое, чего никто не ожидалъ, да и предположить даже было невозможно; грянулъ громъ совсѣмъ не изъ тучи, а изъ чего-то несообразнаго и смѣшнаго даже. Хорошо еще, что гроза и миновала Луцкую волость и разразилась надъ сосѣдней Поставской, и все-таки лучане обязаны этимъ дисциплинѣ и порядку, къ которому пріучены были какъ удачными мировыми посредниками, такъ и въ особенности толковостью и распорядительностью старшины.

Весь сыръ-боръ загорѣлся, и сказать стыдно, изъ-за бабы, изъ-за простой нехитростной бабы, которая, какъ снѣгъ на голову, не вѣсть какъ и откуда свалилась на Луцкую волость и перенеслась въ Поставщину.

Поставцы, бывшіе крѣпостные князя Витгенштейна, несмотря на сосѣдство съ лучанами, были какъ будто въ другомъ краю свѣта, такъ отрѣзали ихъ отъ лучанъ лѣса и болота. И народъ тамъ былъ какой-то другой—дикій какой-то—суровый, непокладистый и своевольный. Деревни ихъ стояли все въ какихъ-то трущобахъ, то среди лѣсныхъ

распашекъ, въ лощинахъ, то между холмами, такъ что своихъ видали они очень рѣдко, а многіе такъ и помирали поколѣніями, не выходя за округи своихъ селеній, весь міръ Божій граничилъ для нихъ родными лѣсами да болотами.

Такъ вотъ, нечаянно какъ-то, какъ грибъ выростаетъ въ теплую влажную ночь, такъ словно изъ земли появилась солдатка Прасковья. Пріѣхала она, по ея словамъ, прямо изъ Питера, а въ дѣйствительности неизвѣстно откуда, пріѣхала съ мужемъ-солдатомъ, теперь отслужившимъ срокъ и вернувшимся на родину, въ деревню Щетки. Онъ былъ лучанинъ, а она поставская. Прибыла эта чета и заявилась прямо въ волость, требуя указать имъ, гдѣ должны они поселиться и гдѣ приписаны по семьѣ солдата, какого-то Зубовича, или что-то въ этомъ родѣ. Они желали примкнуть къ этой семьѣ, прибавить къ ней лишніе рты, но никакъ уже не лишнія руки.

По всему было видно, что прибывшіе какіе-то проходимцы, которымъ нечего уже было дѣлать въ столицѣ, и они явились ловить рыбу въ захолустьи бѣдной далекой родины. Захудалыхъ родственниковъ родные приняли, если и не особенно охотно, то все-таки въ достаточной степени радушно. Въ крестьянствѣ сознаніе долга, обязанности, права чтется свято, и никакіе законы такъ не охраняютъ этого права, какъ право обычное, какъ святое сознаніе своихъ обязанностей передъ міромъ и передъ родными. Зубовичъ ушелъ изъ семьи — въ семью и вернулся.

У прибывшихъ гостей денегъ было немного, ровно какихъ-нибудь рубль—два, да и скарбъ тоже ничтожный, за то солдатъ былъ бравый, видный молодецъ, въ косую сажень ростомъ и пропорціонально росту недалекъ и тихъ. Онъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ жены своей Прасковьи.

Прасковья же, женщина не первой уже молодости, высокая, худая, морщинистая, съ желтыми злыми глазами и ухарскими разбитными ухватками, производила впечатлѣніе понатерпѣвшейся и видавшей виды проходимки. Въ карманъ за словомъ она не полѣзетъ и закидаетъ, заговоритъ, перекричитъ десятокъ самыхъ зубастыхъ мужиковъ. И дѣйствительно, она сейчасъ же смекнула, какъ создать себѣ положеніе и обезпечить свое вліяніе среди простаго и довѣрчиваго люда, чуть не съ благоговѣніемъ смотрѣвшаго на прибывшихъ издалека и видавшихъ виды не то пановъ, не то своихъ—не разберешь.

Неистощимый запасъ разсказовъ о петербургской жизни, о томъ, что она не только у пановъ тамъ жила, а даже у самихъ министровъ, что самого царя-батюшку не одинъ разъ видѣла, что и дойти до него знаетъ какъ и даже помочь во всякомъ дѣлѣ можетъ, совсѣмъ одурманилъ слушателей, и толки о Прасковьѣ пошли по окрестности, и

извѣстность ея выросла такъ скоро, что не успѣли оглянуться, какъ къ ней стали стекаться на паломничество десятками.

Да и сама она много способствовала расширенію своей славы визитами по родственникамъ своимъ и мужнинымъ, проживавшимъ и въ ближнихъ и въ дальнихъ деревняхъ, въ Поставщинѣ...

Вопросъ о переселеніи, о земляхъ въ Самарской губерніи сейчасъ же попалъ на зубокъ Прасковьѣ и нашелъ благодарную почву. Разсужденіямъ ея на эту тему не было конца, а кругомъ такъ и лѣзли за разспросами жаждущіе правды, но такой, которая совпадала бы съ собственнымъ желаніемъ. Всѣмъ такимъ слушателямъ да и вообще заинтересованнымъ переселеніемъ мерещилось, что Прасковья, какъ оракулъ, все знаетъ, что отъ нея-то и можно узнать истину всю, и она научитъ, какъ добыть Самарскія земли. И потянулся къ ней народъ со всевозможными приношеніями, кто яицъ кузовку тащилъ, кто курицу, кто холста, хлѣба, словомъ, всего, что можно достать было въ крестьянскомъ обиходѣ.

Прасковья охотно принимала приношенія и несла жаждущимъ правды такую околесицу, что запутывалась сама и запутывала слушателей настолько, насколько паукъ опутываетъ неосторожную муху липкой паутиной. Все было пока тихо и мирно, и паломники къ ней шли, и она перебиралась по деревнямъ и никому въ домекъ не могло придти, что сѣетъ Прасковья сѣмя недоброе, что изъ ея проповѣдничества можетъ выдти и Господь вѣдаетъ какое зло. Такъ какъ она была Поставская, то переселенческія идеи въ искаженномъ и исковерканномъ видѣ перенесла въ Поставщину и такъ подняла и взбудоражила дикихъ поставцевъ, что возбудила тамъ цѣлое волненіе. Трудно въ точности опредѣлить, что она именно проповѣдывала, такъ какъ отъ слышавшихъ ее невозможно было добиться правды, да конечно изъ нихъ каждый по-своему толковалъ и понималъ ея розсказни и объясненія, но все-таки суть состояла въ томъ, что батюшка царь помѣщичьи земли будетъ раздавать крестьянамъ и надѣлять ихъ лѣсами, что это только скрываютъ, что Самарскія земли обѣщаютъ-де для отвода глазъ, а она, Прасковья, все доподлинно знаетъ, такъ какъ жила въ нянькахъ у самого государева министра и все это ей извѣстно и вотъ если бъ сама поѣхала въ Петербургъ, то все бы выхлопотала, все устроила.

Первымъ дѣломъ поставцы цѣлыми обществами повалили въ свою волость (т. е. въ волостное правленіе), требуя царскія бумаги (т. е. циркуляра министерскаго о переселеніи въ Самарскую губернію) и разспрашивая о томъ, будутъ ли нарѣзать имъ панскія земли. Лучане тоже самовольно собрались въ волостное правленіе и тоже требовали правды. Старшина толково и энергично объяснилъ собравшимся все,

что ему казалось убѣдительнымъ, и хоть очень мало разувѣрилъ лучанъ въ неосновательности ихъ надеждъ и желаній, но все-таки успѣлъ поколебать упованія, возлагаемыя на Прасковью и на ея глупыя рѣчи. Старостамъ приказалъ немедля все сообщать, что дѣлается по деревнямъ, а солдатку Прасковью выпроводить изъ волости, куда заблагоразсудитъ, пригрозивъ ей арестомъ, а въ случаѣ чего неладнаго представить прямо въ волость.

Свѣдала ли Прасковья или само дѣло такъ сложилось, только она исчезла и по слухамъ пребывала въ Поставской волости, гдѣ ее чуть не на рукахъ носили. Увлекшаяся своей ролью и огромнымъ вліяніемъ на толпу, Прасковья начала и сама вѣрить въ истину своихъ вымысловъ и непогрѣшимость проповѣднической миссіи и потому чрезвычайно обаятельно дѣйствовала своими экзальтированными рѣчами на толпы простодушныхъ слушателей. Прельщенные росказнями пройдохи, крестьяне начали секретно собирать между собою деньги на посольство Прасковьи въ Петербургъ. Часть лучанъ также примкнула къ этому добровольному побору, и въ короткое время наша министерская нянька, снабженная двумя стами рублей, уже катила въ Петербургъ хлопотать у самого министра, а то дойти и до царя батюшки, чтобы землю у пановъ отобрать и передать крестьянамъ.

Съ нетерпѣніемъ ждали возврата Прасковьи. Мужъ ея оставался въ Поставщинѣ; онъ никакого активнаго участія въ дѣяніяхъ жены не принималъ и только поддакивалъ ей въ нужныхъ случаяхъ, а по большей части напивался отъ добровольныхъ приношеній. Можно было предполагать, что Прасковья не вернется, но какъ было сейчасъ замѣчено, она такъ прониклась сама своими же выдумками, настолько вѣрила имъ, что не на шутку придавала серьезное значеніе своей миссіи.

Она вернулась... и собрала своихъ послѣдователей въ лѣсу, въ глухомъ мѣстѣ, тамъ сдавала отчетъ о своей поѣздкѣ, тамъ съ увлеченіемъ описывала свои подвиги и насколько можно было узнать отъ нѣкоторыхъ, бывавшихъ на этихъ сборищахъ лучанъ, сообщила, что дошла до министра государева, передала ему лично просьбу о передачѣ земли и отобраніи ея отъ пановъ, что министръ обѣщалъ все это исполнить и прислать бумаги въ волость.

Сходки продолжались въ лѣсахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ въ большой тайнѣ отъ начальства и съ такимъ успѣхомъ, что даже старосты нѣсколькихъ обществъ не только принимали въ нихъ участіе, а стали коноводами. Несмотря, однако, на всю таинственность, слухи о сходбищахъ дошли до властей и заставили ихъ не на шутку встревожиться.

Въ Луцкой волости, а вѣроятно и въ Поставской, получена была

бумага съ требованіемъ немедленно и подробно сообщить, какъ о переселенческомъ движеніи, такъ и о всѣхъ безпорядкахъ и волненіяхъ среди крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось арестовать и выслать въ становую квартиру солдатку Прасковью.

Сообщить многаго не приходилось, въ Луцкой волости сходбищъ не было и, очевидно, въ виду всего творившагося въ Поставщинѣ, лучане замолкли и выжидали, чѣмъ окончится все тамъ. Уволенный изъ общества и получившій паспортъ Лалыка ушелъ уже въ Самарскую губернію, а Бука оставался, пережидая, въ неопредѣленномъ положеніи, что выпадетъ на его долю, и большее время пропадалъ въ Поставской волости, участвуя въ тамошнихъ сходкахъ. Прасковья исчезла. Напрасно искали ее, она такъ таинственно укрывалась крестьянами въ непроходимыхъ дебряхъ, по лѣснымъ избушкамъ и сараямъ, что только немногіе избранные знали, гдѣ можно было бы найти ее въ данное время.

Между тѣмъ, поставцы сильно волновались. Вызываемые въ волостное правленіе сельскіе старосты скрывали истину, сообщали невѣрныя свѣдѣнія и сами становились въ непріязненное отношеніе къ волости. Народъ ждалъ бумаги изъ Питера — бумаги не было. Сходки въ лѣсахъ собирались и принимали зловѣщій характеръ. Наконецъ приказано было собрать волостной сходъ, и прибыли на него и посредникъ и становой приставъ съ сотскими и письмоводителемъ, очевидно, что ожидалось что-нибудь выходящее изъ ряда дѣлъ обычныхъ.

Вопреки обычнаго числа выборныхъ и то неохотно и не въ полномъ числѣ собравшихся въ очень разбросанной Поставской волости, одной изъ обширнѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ въ уѣздѣ, на этотъ сходъ прибыло такое большое число народа, что онъ толпами стѣснился на площади мѣстечка Поставы передъ домомъ волостнаго правленія и бурлилъ около своихъ коноводовъ, ожидая объявленія царской бумаги, навѣрно присланной по Прасковьину ходатайству.

Что именно и какъ толковалъ мировой посредникъ, а потомъ становой приставъ, вышедшіе на высокое крыльцо правленія окружавшей ихъ толпѣ, трудно было разобрать за гуломъ голосовъ и довольными возгласами, которые заглушали ихъ рѣчь, а надвигавшая толпа заставила, наконецъ, войти въ правленіе. Шумъ и оранье тогда поднялись невообразимые, болѣе назойливые полѣзли вслѣдъ за властями съ криками и требованіемъ объявить имъ царскую бумагу. Канцелярія правленія биткомъ набилась народомъ, который все еще напиралъ и съ угрозами приступалъ къ властямъ.

Приставъ вскочилъ на скамью и пробовалъ успокоить бунтовщиковъ, но озвѣрившаяся толпа бросилась на старостъ, сотскихъ и

старшину, сорвали съ него цѣпь съ медалью и направились къ становому.

Становой приставъ потерялъ почву, все обаяніе власти пропало въ глазахъ толпы и ожидать отъ нея повиновенія было бы напраснымъ; оставалось одно—искать спасенія, и становой приставъ перешагнулъ въ низко расположенное окно и, вскочивъ на лошадей, ускакалъ восвояси.

Спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ расторопности одного изъ сотскихъ, успѣвшаго заблаговременно выбраться изъ толпы и приготовить лошадей, поставленныхъ имъ съ противоположной стороны сборной избы. Мировой посредникъ уѣхалъ нѣсколько раньше. Онъ видѣлъ, что тутъ дѣлать было нечего и рисковать на полученіе непріятностей было бы неблагоразумно. Старшину не тронули, старостъ тоже, и, погалдѣвъ, народъ въ недоумѣніи бродилъ до поздней ночи по мѣстечку.

Опасаясь развитія дальнѣйшаго волненія, которое могло принять опасныя послѣдствія, начальство настойчиво предписывало розыскать и арестовать Прасковью, какъ подстрекательницу, но ее скрывали такъ тщательно, что всѣ поиски оказались напрасными и слѣдъ ея исчезъ. Толковали все, что она опять уѣхала въ Петербургъ. Однако дѣло это принимало такой характеръ, что для успокоенія расходившагося народа приходилось прибѣгчуть къ крутымъ мѣрамъ; и вотъ не прошло и недѣли, какъ черезъ Луцкую волость зашагали ряды солдатъ, направляясь въ Поставы. Лучане струхнули и попрятались въ свои норы; они чуяли, что и сами причастны къ Поставскому дѣлу, и боялись поплатиться, но для Луцкой волости все прошло мимо, гроза пронеслась стороной.

По деревнямъ Поставской волости солдаты были размѣщены постоемъ, бушевавшіе зачинщики арестованы и отправлены въ уѣздъ. Нашлась и Прасковья. Солдаты, разошедшіеся по всѣмъ закоулкамъ волости, свѣдали и о ея мѣстопребываніи; самымъ спокойнымъ образомъ она была доставлена въ становую квартиру и оттуда выбыла навсегда изъ предѣловъ этихъ далекихъ захолустій Бѣлоруссіи. Благодаря своевременно и благоразумно принятымъ мѣрамъ, волненіе прекращено было въ самомъ началѣ, безъ крутыхъ мѣръ и всевозможныхъ экзекуцій; прошелъ мѣсяцъ, и все приняло свой обычный характеръ, и жизнь въ недавно взбудораженномъ уголкѣ потекла будничнымъ чередомъ. И сами лучане забыли думать о переселеніи и выбросили изъ головы эту блажь. Бука снова потянулъ лямку на своемъ участкѣ, и надъ нимъ подтрунивали подчасъ и сердили разспросами о Самарѣ. Къ бо̀льшему успокоенію послужило одно письмо отъ Лукаша, въ которомъ онъ горько сѣтовалъ на свою долю, жалѣлъ

объ „ойцовщинѣ“ и писалъ, что все-де тутъ не по-нашему, и солнце палитъ, и дождь бьетъ, и лѣсу нѣтъ, ни озеръ, ни болотъ родныхъ, кругомъ ровно да гладко; бросилъ бы все да вернулся назадъ, коли бъ можно было.

Такъ и окончилась переселенческая горячка въ Луцкой волости, къ полнѣйшему удовольствію старшины, долго еще вспоминавшаго эту разруху, чуть не поднявшую всю волость на ноги и могшую перевернуть вверхъ дномъ всю мирную жизнь глухаго уголка Дисненскаго уѣзда.

А. А. Лебедевъ.

Письма П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому.

1.

Дуббельнъ, 18-го августа 1862 г.

Письмо вашего превосходительства отъ 15-го я получилъ вчера вечеромъ поздно, и потому не могъ отвѣчать съ первою почтою.—Премного благодаренъ вамъ за подробное извѣщеніе о всемъ, что у васъ дѣлается. Cela me tient au courant. О вашемъ компромиссѣ по рекрутскому дѣлу не очень жалѣю, хотя бы я остался при своемъ мнѣніи, если бы совѣщаніе происходило при мнѣ. Въ предложенной вами формѣ, въ видѣ временной мѣры и въ лицѣ кандидата,—рѣшеніе представляетъ менѣе неудобствъ. Я настаиваю на общемъ принципѣ, что посредникамъ не слѣдуетъ давать ни одного лишняго шага, а напротивъ убавлять ихъ ходъ, гдѣ можно. Je n'aime pas les amis de nos ennemis et tant que nous n'aurons pas des juges inamovibles, je ne comprendrai pas l'inamovibilité des Посредники, auxquels on tend toujours à donner des attributions administratives [1]).

Отношеніе кн. Голицына о Барановскомъ при семъ возвращаю. Содержаніе письма г-жи Барановской мнѣ уже было извѣстно и доказываетъ, что ея мужъ не умѣетъ держать своего дома въ порядкѣ,

[1]) „Я не люблю друзей нашихъ враговъ и пока у насъ не будетъ несмѣняемыхъ судей, я не понимаю несмѣняемости посредниковъ, которымъ все хотятъ придать административное значеніе". Въ засѣд. Госуд. Сов. 13-го августа 62 г. обсуждался проектъ нѣкоторыхъ измѣненій въ рекрутскомъ уставѣ (въ виду предстоявшаго въ 1863 г. набора), при чемъ предполагалось ввести мировыхъ посредниковъ въ составъ рекрутскихъ присутствій, но согласно заявленію А. Г. Тройницкаго рѣшено, на одинъ только разъ, допустить къ участію въ означенныхъ присутствіяхъ одного изъ кандидатовъ къ мировымъ посредникамъ.

что для губернатора необходимо. Я уже убѣдился его собственными письмами въ необходимости его уволить, но это пока между нами. На счетъ Бороздны вопросъ рѣшится послѣ вопроса въ Петрозаводскѣ.

Записку Назимова [1]) пока я оставляю здѣсь. Не знаю, рѣшусь ли я отправить отсюда къ государю, съ notes marginales, какъ я сдѣлалъ съ запискою кн. Васильчикова [2]) по тому же вопросу, или же оставлю до перваго личнаго доклада.—Давно уже я собираюсь взяться за западный вопросъ, но мнѣ мѣшалъ вопросъ польскій. Пока тамъ дѣло не приметъ нѣсколько болѣе опредѣленнаго оборота, нельзя выходить изъ круга Nazimoviana et Wasiltchikoviana.—Что слышно изъ Польши? Но я вѣрю только источникамъ, чуждымъ Крыжановскому, Пильсудскому и т. п.

По дѣлу о политико-экономическомъ комитетѣ географическаго общества [3]) оказалось слѣдующее. Я полагалъ, что захватилъ съ собою бумаги, полученныя изъ комитета.—Вышло, что онѣ остались въ Петербургѣ.—У меня въ столѣ,—или у Шидловскаго,—не помню. Прошу васъ спросить Шидловскаго,—а Корнилову [4]) отвѣчать за меня, что мое заключеніе будетъ сообщено управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія (кажется, такъ мнѣ поручено сдѣлать) и затѣмъ представлено въ наступающемъ сентябрѣ мѣсяцѣ. Все дѣло въ томъ, по моему мнѣнію, чтобы гораздо менѣе распространяться о комитетѣ и не давать ему никакой полукомпетенціи extra muros, напримѣръ, не говорить о томъ, что онъ можетъ приглашать должностныхъ лицъ въ свои засѣданія, а равно и не предполагать, что какія-либо мѣста или лица попросятъ его заключеній. Все это совершенно выходитъ изъ первоначальной колеи, ему предназначавшейся такими учредителями, каковъ былъ я.—Введенъ онъ въ другую колею такими учредителями, каковъ Безобразовъ [5]). Кромѣ печати и засѣданій географическаго общества у него не должно быть точекъ соприкосновенія съ публикой. Тѣмъ менѣе можно будетъ вмѣшиваться въ происходящія intra-muros. Если бумаги у Шидловскаго, то можно бы поручить кому-нибудь составить проектъ новой редакціи правилъ о пол.-экон. комитетѣ.

---

[1]) Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, въ то время генералъ-губернаторъ въ Вильнѣ, представилъ записку о преобразованіяхъ въ Западномъ краѣ.

[2]) Князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ былъ въ то время кіевскимъ генералъ-губернаторомъ.

[3]) При письмѣ отъ 15-го августа А. Г. Тройницкій писалъ П. А. Валуеву запросъ комитета министровъ о политико-экономическомъ комитетѣ, въ виду того, что дѣло о немъ П. А. взялъ съ собою.

[4]) Ѳедоръ Петровичъ Корниловъ—въ то время управляющій дѣлами комитета министровъ.

[5]) Владиміръ Павловичъ—академикъ.

Касательно помѣщенія хозяйственнаго департамента я уже писалъ вашему превосходительству, что кромѣ carte blanche не могу имѣть никакого мнѣнія. О пермскомъ губернаторѣ я отвѣчалъ. О таганрогскомъ градоначальникѣ [1]) я весьма плохаго мнѣнія. По ростовскому дѣлу [2]) посылаю вамъ безъимянную записку. Мнѣ кажется, что губернатора слѣдуетъ рѣшительно поддержать, а Мартенса и К° скрутить.

По какому поводу уѣзжаетъ гр. Шуваловъ? [3]). Я объ этомъ ничего не знаю. Департаментъ общественныхъ дѣлъ,—alias канцелярія наградныхъ списковъ и раскольничьихъ дѣлъ,—давно нуждается въ переливкѣ. Но некогда слѣпить форму.

Посылаю вамъ сегодня просмотрѣнный мною здѣсь проектъ статьи о зем. хоз. учрежденіяхъ. — Предполагалось напечатать краткое извѣщеніе о сущности предстоящихъ по сему предмету преобразованій. Окончательнаго высочайшаго на то разрѣшенія еще нѣтъ. Прежде чѣмъ испросить оное, я желалъ бы имѣть по сему предмету мнѣніе кн. В. А. Долгорукова [4]) и гр. В. Н. Панина [5]). Прошу васъ, по исправленіи статьи и по моимъ указаніямъ in margine сообщить одинъ экземпляръ кн. Долгорукову, а другой гр. П—ну. Но прошу васъ также особо наблюсти за исправленіемъ. Мою мысль вы вполнѣ усмотрите изъ моихъ отмѣтокъ. Особо рекомендую вамъ замѣтку о податныхъ сборахъ.

L'impôt de répartition est le dada de ces M. M. et leur idéal serait que Votre cocher et Votre cuisinier contribuassent à taxer Votre maison d'Odessa [6]).

Что угодно было вамъ сдѣлать по рязанскому дѣлу о забранныхъ у кое-кого предосудительныхъ бумагахъ? Сдѣлайте милость не посылайте никого изъ министерства. — Губернаторы должны пріучаться дѣйствовать своими средствами съ присовокупленіемъ голубой подкладки.

По слѣдствію о фальшивыхъ деньгахъ нельзя ли употребить бывшаго костромскаго вице-губернатора Виноградскаго? [7]). Je n'ai pas

---

[1]) Контръ-адмиралъ Лавровъ съ 15 октября 1856 г. до 21 октября 1864 г.

[2]) Отъ екатериновскаго губернатора Извольскаго, которому тогда подчинялся ростовскій округъ, требовались объясненія и потомъ сообщались англійскому посольству.

[3]) Гр. П. А. Шуваловъ управлялъ департаментомъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

[4]) Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ—въ то время шефъ жандармовъ.

[5]) Въ то время—министръ юстиціи.

[6]) Подоходный налогъ составляетъ завѣтную мечту этихъ г.г., и ихъ идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы вашъ кучеръ и вашъ поваръ участвовали въ оцѣнкѣ вашего одесскаго дома.

[7]) Съ 10 мая 1857 г. до 9 марта 1862 г.

d'opinions arrêtée à son sujet et il a de l'intérêt à m'en donner une bonne [1]). Если у насъ не сыщется бойкаго предсѣдателя, можно-бы Виноградскимъ подбить небойкаго.

Кажется, я отвѣчалъ на все. Извините длину моего посланія и неразборчивость почерка. Сегодня двѣ недѣли, какъ я выѣхалъ. Много ли? А инымъ и это пожалуй покажется многимъ. Rendez moi le service, je Vous en prie, de faire sonner de divers côtés, combien c'est peu, combien je suis dans le cas d'avoir physiquement et moralement be soin de loisir etc etc. Cela peut m'être utile pour m'épargner l'humeur, que me donneraient les gens, qui me diraient que je suis revenu gras et gros de Dubbeln [2]).

Прощайте. До скораго свиданія, душевно вамъ преданный

Валуевъ.

2.

Дуббельнъ, 14-го августа 1862 г.

Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ!

Спѣшу благодарить ваше превосходительство за интересное и любезное письмо ваше отъ 12-го; приношу еще и другую, искреннѣйшую благодарность,—за тотъ отдыхъ, за то удовольствіе быть здѣсь и не быть тамъ, которыми я вамъ обязанъ. Вижу, изъ сообщаемыхъ вами свѣдѣній о поѣздкѣ государя, что, съ позволенія вашего, я могу безъ особыхъ затрудненій промедлить возвращеніемъ до 29-го, о чемъ я уже просилъ Шидловскаго [3]) вамъ доложить. Въ вашихъ рукахъ every thing is safe [4]).

Сожалѣю, что вы не указали, хотя кратко, въ чемъ заключаются предположенія К. И. Чевкина [5]). Вижу, что вы ему сочувствуете.

---

[1]) Я еще не составилъ себѣ опредѣленнаго о немъ мнѣнія, а ему выгодно, чтобы оно было хорошимъ.

[2]) Окажите имъ пожалуйста услугу, разглашая направо и налѣво, что это не много, что мнѣ необходима передышка, въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Это можетъ принести мнѣ пользу, оградивъ меня отъ раздраженія, которое вызывалось бы замѣчаніями иныхъ господъ, что я возвратился изъ Дубельна и здоровымъ и полнымъ.

[3]) Михаилъ Николаевичъ Шидловскій былъ въ то время правителемъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, потомъ одесскимъ градоначальникомъ (1865—1868 гг.).

[4]) Всякое дѣло безопасно.

[5]) А. Г. Тройницкій 12-го августа между прочимъ писалъ, что въ четвергъ 9-го августа былъ въ совѣтѣ министровъ, гдѣ обсуждался вопросъ объ устрой-

Слѣдовательно, предполагаю, что что-нибудь да будетъ. Если онъ не имѣлъ другаго противника, кромѣ кн. Горчакова [1]), то результатъ могъ быть предусмотрѣнъ. Кн. Горчаковъ всегда увлекается и при томъ не можетъ, въ вопросахъ этого рода, выходить изъ общихъ мѣстъ. Онъ не знаетъ ни въ чемъ подробностей, кромѣ дипломатическихъ дѣлъ. Чевкинъ всегда мастеръ въ подробностяхъ. Онъ потому-то и не строитель, что онъ рѣзчикъ. Желаю, чтобы на сей разъ онъ измѣнилъ самому себѣ. Вы не упоминаете ни о комъ другомъ. Рейтернъ [2]) вѣроятно былъ за Чевкина, и это хорошій знакъ, потому что Рейтернъ, какъ и мы всѣ, желаемъ желѣзныхъ дорогъ и сознаемъ ихъ необходимость.

Насчетъ предсѣдательства въ извѣстной вамъ слѣдственной коммиссіи [3]) я могу только сказать, что ни Анненскій, ни Пильсудскій мнѣ не внушаютъ особаго довѣрія, первый потому, что онъ мягокъ, второй потому, что я вообще не желаю, чтобы мнѣ его навязали. Это уже не первая попытка. Онъ мнѣ ничѣмъ неизвѣстенъ кромѣ Варшавскихъ fiasco. Пусть онъ продолжаетъ ихъ пидѣ, а не въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но кого же взять? Анненскій все-таки лучше; но онъ чиномъ, сколько помню, ниже члена отъ министерства финансовъ. Нѣтъ ли кого между вице-губернаторами, не слишкомъ отъ насъ далекими? Можно бы выписать, и на этомъ испытать. Спасскій? [4]) Шатохинъ? [5]). При министерствѣ состоитъ Казначеевъ [6]), бывшій псковскій управляющій палатою государственныхъ имуществъ, человѣкъ настойчивый и крутой. Впрочемъ, вы на мѣстѣ рѣшите, какъ это устроить. Можно всегда перемѣнить предсѣдателя.

Насчетъ помѣщенія для хозяйственнаго департамента я заранѣе на все согласенъ.

ствѣ желѣзной дороги на югѣ Россіи, въ которомъ мнѣнія К. И. Чевкина и кн. А. М. Горчакова расходились; принято было мнѣніе перваго. См. вышедшій въ Одессѣ въ 1900 г. „Южно-Русскій Альманахъ“, стран. 10.

[1]) Александръ Михайловичъ—въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Михаилъ Христофоровичъ—въ то время управлялъ министерствомъ финансовъ.

[3]) О фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

[4]) Владиміръ Никифоровичъ Спасскій былъ съ 25-го мая 1862 г. до 13-го марта 1864 г. московскимъ вице-губернаторомъ, а потомъ, до 1-го ноября 1868 г. калужскимъ губернаторомъ.

[5]) Платонъ Александровичъ Шатохинъ былъ съ 27-го февраля 1859 г. до 1-го января 1865 г. черниговскимъ вице-губрнаторомъ, а потомъ, до 4-го марта 1866 г. владимірскимъ губернаторомъ.

[6]) Алексѣй Гавриловичъ Казначеевъ былъ управляющимъ Псковскою палатою государственныхъ имуществъ въ 1858—1862 гг. Умеръ въ 1888 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника—въ званіи сенатора.

Письма Барановскаго [1]) возвращаю. То и другое носятъ печать времени. Губернаторъ наставляетъ министерство, считаетъ меня реакціонеромъ, говоритъ о потребностяхъ времени и обстоятельствахъ времени, какъ редакція „Сѣверной Пчелы“, однимъ словомъ, нервозенъ. Если ничего неожиданнаго не случится, то все это можетъ полежать.

А „Сѣверная Почта“? До сихъ поръ, хотя я и просилъ Шидловскаго, не вижу ни одного №. Что слышно объ Очкинѣ, о Клевановѣ? Бороздина можетъ также подождать моего пріѣзда. Изъ Петрозаводска ни одного слова. Видно фл.-ад. Голынскій [2]) не на шутку занятъ.

Архангельскій губернаторъ [3]) могъ бы пріѣхать попозже. Пока я просилъ бы извѣстить его только о томъ, что меня нѣтъ.

Кажется, я отозвался на всѣ статьи вашего письма. Еще разъ благодарю васъ и поручаю себя вашей дружеской памяти. Здѣсь мнѣ до сихъ поръ покоя было немного. Четвертаго дня очутились въ Дуббельнѣ всѣ три остзейскіе губернаторы, генералъ-губернаторъ и два бургомистра. При нихъ не отдохнешь.

Весь вашъ Валуевъ.

3.

Москва 13-го декабря 1862 г.

Письма вашего превосходительства отъ 11-го и 12-го мною получены. По дѣламъ Гл. Комитета я нисколько не тревожусь. Il n' est même peut-être pas inutile de mettre un peu d'eau dans le vin de certain collaborateur très zélé, mais pas toujours impartial et calme [4]). Pour le reste, пока я на своемъ мѣстѣ, гр. Блудову, кн. Гагарину и К° и гр. Панину меня взять подъ опеку не удастся. Прошу васъ къ моему пріѣзду приказать приготовить точную, но сжатую справку о пунктахъ спора по нашимъ дѣламъ, и непремѣнно тотъ перечень представленій мр-ва, о которомъ я говорилъ передъ отъѣздомъ. То и другое мнѣ необходимо для предстоящей кампаніи въ комитетѣ. Главнѣе то, чтобы,

---

[1]) Георгій Ивановичъ, въ то время, саратовскій губернаторъ, въ восьмидесятыхъ годахъ почетный опекунъ Московскаго присутствія опекунскаго совѣта.

[2]) Флигель-адъютантъ Голынскій былъ командированъ въ Олонецкую губернію по поводу разлада между губернаторомъ и другими должностными лицами.

[3]) Арандаренко, Николай Ивановичъ, съ 30-го ноября 1856 г. до 17-го апр. 1863 г.

[4]) Пожалуй даже не безполезно слегка разбавить водою вино иныхъ сотрудниковъ, очень рьяныхъ, но не всегда безпристрастныхъ и хладнокровныхъ.

по моемъ пріѣздѣ, Бутковъ торопилъ докладъ всѣхъ важныхъ дѣлъ по мр-ву в. д. Сдѣлайте одолженіе попросить его очень объ этомъ.

Кѣмъ прислана статья о дворянскомъ балѣ въ „Сѣв. Почту“? [1]) Она совершенно невѣрна и даже не безъ умысла, ибо кн. Гагарину приписывается принятіе на себя расходовъ, понесенныхъ дворянствомъ, а не предводителемъ. Прошу васъ отъ себя отправить о томъ справку къ П. А. Тучкову, [2]), ибо меня она уже здѣсь не застанетъ. Желательно, чтобы это было сдѣлано безъ замедленія.

Посылаю къ вамъ записку Ахмата [3]). Ему слѣдуетъ сообщить о высочайшемъ разрѣшеніи дать ходъ публикаціи [4]), если сего еще не сдѣлано.

Здѣсь все благополучно, кромѣ моего здоровья, которое свихивается. Но во Владимірѣ un petite tempête dans un verre d'eau. Капгеръ [5]) и Самсоновъ [6]) воюютъ. Самсоновъ...—виноватъ во многомъ, а Капгеръ, просвѣщенный въ калужскихъ Аѳинахъ Алкивіадъ, — въ кое-чемъ. Онъ началъ ex-professo читать калужскія теоріи, въѣхалъ во владимірскій міръ на конькѣ высочайшаго одобренія его отчета, обошелся съ тамошними illustrations какъ Александръ, — не Христіановичъ, а Македонскій,—послѣдствія очевидны. Что же касается до Самсонова, то онъ не стоитъ qu'à propos de lui on parle de Macédoine [7]). Я послалъ туда Б... на 24 часа, чтобы передать отъ меня Самсонову, что я не желаю никакого éclat во время выборовъ и ожидаю, что онаго не будетъ. Но такъ какъ Б. витіеватъ, то я приказалъ ему черезъ 24 часа быть назадъ, чтобы не успѣть наговорить слишкомъ много. Ожидаю его въ ночь.

По остзейскому комитету до праздниковъ трудно много сдѣлать, а на праздникахъ можно. Впрочемъ скажите Шульцу [8]), чтобы онъ

---

[1]) „Сѣв. П.“ 1862 г. № 269, 11 дек. о балѣ въ честь ихъ величествъ, данномъ московскимъ дворянствомъ 6 дек. 1862 г.

[2]) Тучковъ Павелъ Алексѣевичъ—въ то время московскій генералъ-губернаторъ.

[3]) Вѣроятно подразумѣвался Ахматовъ—оберъ-прокуроръ Св. Синода.

[4]) Объ учрежденіи особаго присутствія объ улучшеніи быта православнаго духовенства.

[5]) Александръ Христіановичъ Капгеръ, сенаторъ, производилъ тогда ревизію Владимірской губерніи.

[6]) Съ 18 окт. 1861 г. до 1 янв. 1865 г. владимірскимъ губернаторомъ былъ ген.-м. Самсоновъ, Александръ Петровичъ.

[7]) Чтобъ изъ-за него вспоминать Македонію.

[8]) Павелъ Антоновичъ Шульцъ, сверхъ прямыхъ обязанностей вице-директора деп-та духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій—былъ дѣлопроизводителемъ остзейскаго комитета; нынѣ сенаторъ, дѣйств. тайн. сов.

подготовилъ и приготовился. По западному вопросу я послалъ сегодня къ государю записку, написанную мною собственноручно на 24 страницахъ folio.

Насчетъ наградъ по „Сѣв. Почтѣ“ поговоримъ. Je n'aime pas les fournées, ni le trop de hâte. Nous payons bien. Ce n'est pas pour faire comme si nous payons mal [1]).

Прощайте. Надѣюсь до свиданія въ воскресенье.

Весь вашъ Валуевъ.

4.

Въ отвѣтъ на вашу замѣтку препровождаю при семъ записку Мельникова, бывшую въ разсмотрѣніи государя въ Москвѣ, проѣздомъ въ Нижній-Новгородъ. Къ ней приложена записочка Тучкова, которому ее показывалъ кн. Долгоруковъ. О противорѣчіи съ фактомъ относительно Геннадія я упоминаю въ запискѣ по вопросу о расколѣ, которая отправится въ Ливадію въ будущую субботу, а до отправленія вамъ будетъ представлена. Помѣщеніе статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ [2]) не цензурно, но не противно моимъ планамъ. Я поднимаю вопросъ въ полномъ объемѣ, но не иду до признанія, какъ желаетъ услыхать г. Мельниковъ, а до терпимости.

О Гродн. адресѣ можно будетъ упомянуть въ „Сѣв. Почтѣ“.

Весь вашъ Валуевъ.

---

[1]) Я не люблю ни массъ, ни поспѣшности. Мы хорошо платимъ. Это не для того, чтобы поступать какъ при плохой платѣ.

[2]) Въ сентябрьской книжкѣ „Русск. Вѣстн.“ 1862 г. появилась статья Кустодіева „Къ матеріаламъ исторіи раскольнической литературы“.

Изъ архива Ѳ. В. Булгарина [1]).

Письмо Г. Р. Державина къ барону К. О. Маркловскому.

Милостивый государь мой, баронъ Карлъ Осиповичъ!

Письмо вашего превосходительства отъ 18 дня февраля получилъ. Какъ прежде, такъ и нынѣ благодарю за здѣланную мнѣ честь доверенностью вашею, относительно решенія тяжбы вашей, съ графомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ и его сонаслѣдниками. Прошу прислать бумаги ваши и снабдить супругу вашу или кого вамъ угодно будетъ законною доверенностію, какъ на здѣланіе подлѣжащихъ объясненій по дѣлу вашему, такъ и на учиненіе записи отъ крѣпостныхъ дѣлъ, что вы рѣшеніе мое съ вашей стороны безъ малѣйшаго противурѣчія исполните. Иначе я къ разбирательству приступить не могу, какъ то и соперники ваши на сіе мое требованіе словесно соглашаются, но еще письменнаго отъ нихъ въ томъ отношенія не получилъ. Коль скоро пришлется, то и начнется дѣло написаніемъ записи. Пребывая впрочемъ съ почтеніемъ и преданностью вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ [2]).

24-го февраля 1800 г. С.-Петербургъ.

---

[1]) Продолженіе, см. „Рус. Стар“., 1903, № 12, стран. 601—609.

[2]) Имя адресата устанавливается свидѣтельствомъ „Сѣвернаго Архива“ за 1823 г.; здѣсь, въ приложеніи къ части VI, данъ, на отдѣльномъ листѣ, „Снимокъ подписей историческихъ лицъ россійскихъ и иностранныхъ“, гдѣ воспроизведена fac-simile и подпись Державина изъ публикуемаго письма. Тамъ же, въ „Смѣси“, стран. 459, въ „Изъясненіи снимковъ и показаніи источниковъ, изъ коихъ они почерпнуты“, отмѣчено: „подпись русскаго Пиндара,

Почему Гречъ и Булгаринъ не были на празднествѣ И. А. Крылова [1]).

(Автографъ Н. И. Греча).

Мысль о торжествованіи юбилея почтеннаго И. А. Крылова возникла впервые, 19-го января, въ дружеской бесѣдѣ литераторовъ и художниковъ у Н. В. Кукольника. Онъ первый подалъ къ тому поводъ [2]). Къ нему пристали Гречъ, Карлгофъ и нѣкоторые другіе. Надлежало испросить соизволеніе начальства. Что было ближе, какъ обратиться къ находившемуся тутъ же старшему адъютанту корпуса жандармовъ, г. Владиславьеву, который охотно принялъ на себя довести о томъ до свѣдѣнія графа А. Х. Бенкендорфа, чрезъ начальника его штаба [3]). Тутъ же учредители положили выбрать, для исполненія этой мысли, комитетъ, составивъ его изъ А. Н. Оленина, В. А. Жуковскаго, графа Мих. Ю. Віельгорскаго, К. П. Брюлова, Карлгофа и Греча. Чрезъ нѣсколько дней Н. В. Кукольникъ объявилъ Гречу, что государь изъявилъ всемилостивѣйшее согласіе на сіе торжество, и что вскорѣ послѣдуетъ оффиціальное о томъ увѣдомленіе учредителямъ. Между тѣмъ, Гречъ, 29-го января, получилъ письмо В. А. Жуковскаго съ просьбою о раздачѣ 30 пригласительныхъ билетовъ на сей праздникъ и съ подписнымъ листомъ, на которомъ были напечатаны имена учредителей, а имя Греча исключено. Что было ему дѣлать? Безпрекословно принять первую обиду и тѣмъ приготовиться ко второй и такъ далѣе. „Удалися отъ зла и сотвори благо!“ сказалъ онъ самъ себѣ, и въ тотъ же часъ отослалъ билеты назадъ съ письмомъ, въ которомъ сказалъ, что не имѣетъ случая

Гавріила Романовича Державина, снята съ письма его къ генералъ-маіору барону Марковскому, доставлено К. Ѳ. Рылѣевымъ“. Письмо воспроизводимъ съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

[1]) Такъ озаглавлена хранящаяся въ карловскомъ архивѣ рукопись Н. И. Греча, современная разсказанному въ ней эпизоду (1838 г.). Позднѣе, въ своихъ „Запискахъ“ (стран. 498—502) Гречъ снова изложилъ тотъ же случай, но въ болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ, при чемъ въ печатномъ разсказѣ исчезли нѣкоторыя бытовыя черты, сохраненныя въ публикуемой нынѣ рукописи и характерныя для „внѣшнихъ условій“ тогдашней литераторской жизни. Что касается происхожденія рукописи, то она—или черновая того письменнаго показанія, которое отобралъ у Греча генералъ Дубельтъ („Записки“, стран. 501), или—проектъ отвѣта лицамъ, видѣвшимъ въ отказѣ Греча быть на юбилеѣ Крылова недоброжелательство къ баснописцу (по этому поводу тогда возникла даже полемика въ „Сѣв. Пчелѣ“ и Литерат. прибавл. къ „Русскому Инвалиду“ между Гречемъ, Воейковымъ и Жуковскимъ).

[2]) Въ „Запискахъ“ мысль о чествованіи Крылова Гречъ приписывалъ уже себѣ („Записки“, стран. 499).

[3]) Леонтія Вас. Дубельта.

раздать ихъ, да и самъ не можетъ участвовать въ торжествѣ. Онъ не могъ вообразить, чтобъ отказъ отъ приглашенія частныхъ людей на обѣдъ могъ причесться ему въ вину. Такой винѣ подвергается онъ нѣсколько разъ въ годъ, не будучи въ состояніи участвовать на всѣхъ публичныхъ испытаніяхъ въ казенныхъ заведеніяхъ или во всѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ академіи, на которыя приглашаютъ его начальства оныхъ оффиціально и не требуя платы. Какъ больно ему было это исключеніе, можетъ судить всякій, кто знаетъ его тридцатилѣтніе труды на поприщѣ словесности и дружбу, связующую его въ теченіе двадцати осьми лѣтъ съ почтеннымъ И. А. Крыловымъ. Булгаринъ, узнавши объ этомъ исключеніи его друга, съ своей стороны также рѣшился не быть на обѣдѣ, поѣхалъ къ И. А. и объяснилъ ему все дѣло. Крыловъ согласился, что онъ и Гречъ совершенно правы. Наканунѣ празднества Булгаринъ вызвалъ Греча изъ Михайловскаго театра и объявилъ о сообщеніи ему воли государевой [1]), чтобы всѣ литераторы участвовали въ завтрашнемъ праздникѣ. Тутъ разбирать было нечего. Гречъ вынулъ изъ бумажника 50-рублевую ассигнацію и послалъ сына своего къ Смирдину за билетомъ. Между тѣмъ это внезапное обстоятельство жестоко его взволновало: онъ воротился въ кресла и не могъ тамъ высидѣть до конца. Кровь приступила у него къ головѣ, и онъ принужденъ былъ со средины спектакля отправиться домой, почувствовалъ жестокую лихорадку, не спалъ всю ночь и на другой день всталъ въ совершенномъ разстройствѣ. Это можетъ засвидѣтельствовать врачъ его, П. В. Богословскій, за которымъ онъ послалъ, и который, давъ ему лекарство, совѣтовалъ поберечься и въ тотъ день не выходить. Гречъ написалъ объ этомъ обстоятельствѣ генералу Дубельту и сказалъ, что вмѣсто себя посылаетъ на обѣдъ сына. Въ то же время написалъ онъ И. А. Крылову письмо, въ которомъ поздравилъ его съ торжествомъ и объявилъ, что не можетъ быть на оном ъ [2]). Впрочемъ, если бы здоровье и позволило ему туда ѣхать, то представилось тому другое препятствіе. Смирдинъ объявилъ, что всѣ билеты розданы. Полевой, которому также велѣно было туда явиться, досталъ билетъ, пошелъ на празднество и долженъ былъ испить чашу огорченій [3]).

---

[1]) Послѣднія шесть словъ—вмѣсто зачеркнутыхъ: объявилъ ему, что генералъ Дубельтъ пріѣзжалъ къ нему и объявилъ волю государя... Н. П.

[2]) Письмо Греча къ И. А. Крылову отъ 2-го февраля 1838 г. напечатано въ Сборникѣ статей отд. русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ, т. 6, Спб., 1869, стран. 309 (второй пагинаціи). Тамъ же, въ „Матеріалахъ для біографіи Крылова“ В. Ѳ. Кеневача собраны письма и другіе документы, относящіеся къ юбилею Крылова.

[3]) По позднѣйшему разсказу Греча, „когда встали изъ-за стола, подвыпившій дѣйствительный статскій совѣтникъ Карлгофъ подошелъ къ сотруднику

Между тѣмъ Гречъ на другое же утро, по словамъ бывшихъ на торжествѣ, описалъ оное, для помѣщенія въ „Сѣверной Пчелѣ“, и послалъ рукопись къ предсѣдателю цензурнаго комитета, князю Дондукову-Корсакову, который извѣстилъ его, что препроводилъ оную къ г. министру народнаго просвѣщенія [1]), предоставившему себѣ право разсматривать и одобрять къ печатанію статьи о семъ торжествѣ въ журналахъ.

Спросятъ, можетъ быть, что такъ встревожило и взволновало Греча? Вотъ что. По объявленіи ему о томъ, что непремѣнно должно ѣхать на торжество, онъ вообразилъ себѣ, что имя его было исключено изъ списка учредителей самимъ государемъ. Мысль о томъ, что могли подумать, будто онъ не хотѣлъ исполнять высочайшую волю или вздумалъ показывать неудовольстіе на рѣшеніе монаршее, терзала его несказанно. Теперь онъ успокоился, удостовѣрясь, что имя его исключено было рукою такого же подданнаго, какъ онъ самъ, уже по изъявленіи на проектъ торжества высочайшаго изволенія [2]). Только бы не дѣлать противнаго волѣ государя, только бы не навлекать на себя его неблаговоленія—а впрочемъ хоть подъ военный судъ!

Письмо М. Н. Загоскина къ Н. И. Гречу.

9-го апрѣля 1824, Москва.

Почему же ты думаешь, любезный и почтенный Николай Ивановичъ, что я такъ скоро забываю своихъ пріятелей?—а особливо тѣхъ, коихъ дружбою я могу гордиться. Нѣтъ, мой милый другъ,—я еще не богатъ и не знатенъ, такъ забывать старыхъ пріятелей [3]) мнѣ было бы вовсе не къ лицу.—Съ величайшимъ удовольствіемъ выполню желаніе твое,—я же хотя не имѣю чести знать г-на Булгарина, но весьма уважаю его какъ отличнаго литератора,—и надобно сказать правду, у насъ только и есть два истинно хорошихъ журнала—твой и г-на Булгарина [4]),—„Вѣстникъ Европы“ походитъ на старика, который былъ когда-то любезенъ, но теперь выжилъ изъ ума и подчасъ бываетъ очень скученъ. Я чуть было къ вамъ не

пашему Полевому (Николаю Алексѣевичу) и сказалъ ему: „явился, и. . . . . ., когда приказали“. Полевой, безчиновный литераторъ, проглотилъ обиду, не сказавъ ни слова“. Записки, стран. 501.

[1]) С. С. Уварову.

[2]) Въ „Запискахъ“ (стран. 499) Гречъ приписываетъ свое исключеніе изъ списка министру С. С. Уварову.

[3]) Съ Гречемъ Загоскинъ былъ знакомъ по Петербургу, гдѣ жилъ до 1820 года.

[4]) „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“.

пріѣхалъ въ Петербургъ—мнѣ отъ имени театральнаго комитета было сдѣлано весьма выгодное предложеніе [1])—пять тысячъ рублей жалованья и много другихъ аграментовъ, но семейственныя дѣла мои приковали меня къ старушкѣ Москвѣ. Портфейль мой отмѣнно тощъ,—я рѣшительно не имѣю времени заниматься литературою; однако, несмотря на это, могу дать тебѣ вѣрное слово, что черезъ мѣсяцъ, а ужъ никакъ не болѣе какъ черезъ два, пришлю нѣсколько сценъ изъ новой моей комедіи въ стихахъ, которую кое-какъ урывками пишу мѣсяца три. Вмѣстѣ съ ними пришлю я нѣсколько сценъ также въ стихахъ изъ комедіи моего пріятеля, который еще неизвѣстенъ, но обѣщаетъ весьма много. Прощай, мой почтенный и любезный другъ, поздравляю тебя и все любезнѣйшее и почтенное семейство твое съ праздникомъ.

Душою тебѣ преданный искренній другъ М. Загоскинъ.

Письмо его же къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ!

Давно бы надобно было мнѣ благодарить васъ за прекрасный вашъ подарокъ, а и того болѣе, за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, помѣстя посредственные стихи мои въ Альманахъ, наполненный произведеніями первоклассныхъ драматическихъ писателей нашихъ [2]).—Лучше поздно, чѣмъ никогда,—пословица не оправданіе, но къ несчастію я лучшаго оправданія не имѣю; дѣла, заботы, безпрерывныя занятія по службѣ—все это такъ старо, такъ обыкновенно! И въ какой службѣ, при какихъ занятіяхъ нельзя найти нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобъ написать одно письмо. Итакъ позвольте мнѣ, просто, безъ всякихъ краснорѣчивыхъ предисловій, поблагодарить васъ, признаться въ моей винѣ и попросить не досадовать на безпечность человѣка, который искренно васъ уважаетъ, какъ отличнаго литератора и одного изъ издателей лучшихъ журналовъ нашихъ.

Принося вамъ еще разъ чувствительную мою благодарность, съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю остаться, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою М. Загоскинъ.

PS. Прошу васъ напомнить обо мнѣ любезному Николаю Ивановичу Гречу и сказать ему, что насъ здѣсь очень забавляетъ куріоз-

---

[1]) Раньше, въ 1817 г., въ СПБ. Загоскинъ служилъ помощникомъ члена по репертуарной части.

[2]) Въ изданномъ Булгаринымъ альманахѣ „Русская Талія“ на 1825 г. напечатаны отрывки изъ комедіи въ стихахъ Загоскина: „Благородный Театръ“. Слѣд., письмо, не имѣющее хронологической даты, написано не ранѣе 1825 г.

ный г-нъ Полевой; въ послѣдней книжкѣ онъ преважно разсуждаетъ объ экзаметрахъ, несмотря на то, что имѣлъ неосторожность провраться и сказать, что у Жуковскаго есть необычайнаго размѣра стихи, а именно: ямбическіе въ шесть стопъ съ половиной!! У васъ надъ нимъ стали бы смѣяться, а здѣсь, въ столицѣ, какого-то полумордовскаго и полу-французскаго просвѣщенія, находятъ, что онъ мастеръ своего дѣла.

Письмо его же къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше [1]). Вы напрасно стараетесь увѣрять меня, что никогда не были моимъ литературнымъ врагомъ,—въ этомъ я не сомнѣвался, а и того менѣе могу сомнѣваться теперь. Всякій разъ, когда вы говорите о моемъ весьма посредственномъ дарованіи, мнѣ остается только кланяться и благодарить васъ—тѣмъ болѣе, что похвала ваша истинно для меня дорога и приноситъ мнѣ почти столько же чести, сколько всякое новое ругательство какого-нибудь Бѣлинскаго или Краевскаго — этихъ корифеевъ лоскутнаго ряда нашей словесности [2]). Теперь я обращаюсь къ вамъ съ всепокорнѣйшей моей просьбою: не гнѣвайтесь на меня, почтен-

[1]) Упоминаемое здѣсь письмо Ѳ. В. Булгарина къ Загоскину напечатано въ „Рус. Стар.“, 1902 г., № 9, стран. 632—633. Въ немъ Булгаринъ увѣрялъ, что не онъ писалъ нѣкогда въ „Сѣв. Пчелѣ“ неблагопріятную для Загоскина критику на „Юрія Милославскаго“; затѣмъ просилъ Загоскина сотрудничать въ „Сѣв. Пчелѣ“ небольшими статьями.

[2]) Нѣкогда Загоскинъ отзывался о Булгаринѣ иначе. Когда въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1830 г. (№№ 7, 8 и 9) появилась рѣзкая критика на „Юрія Милославскаго“ (по свидѣтельству Н. И. Греча, она была написана, дѣйствительно, не Булгаринымъ, а сотрудникомъ „Пчелы“, А. Н. Очкинымъ, хотя по порученію Булгарина), Загоскинъ писалъ къ М. Е. Лобанову: „Вчера я заглянулъ въ „Сѣверную Пчелу“... Неизмѣнный другъ Грибоѣдова, чувствительный Ѳаддей, ополчился противъ дерзкаго Русскаго, который хочетъ писать о русскихъ не хуже Поляка, и наканунѣ выхода въ свѣтъ „Димитрія Самозванца“ ругаетъ сочиненіе, написанное въ томъ же родѣ. Ну, есть ли стыдъ въ этихъ литературныхъ торгашахъ! И я хорошъ! Упоминать о стыдѣ, когда дѣло идетъ о парнасскихъ лоскутникахъ Гречѣ и Булгаринѣ... Извини, мой другъ, что я запачкалъ письмо мое именами сихъ журнальныхъ гаеровъ“. Полное собраніе соч. М. Н. З—на, изд. 1898 г., т. 1, стран. LXVII (письмо отъ 22-го января 1830 г.). На защиту романа Загоскина, имѣвшаго въ публикѣ необычайный успѣхъ, выступилъ противъ Булгарина А. Ѳ. Воейковъ; ихъ жаркая полемика кончилась отдачею Булгарина, Воейкова и Греча подъ арестъ на гауптвахтѣ. См. „Записки“ Н. И. Греча, стран. 458—463; также „Рус. Архивъ“, 1882 г., т. III.

нѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! Я почелъ бы за честь быть вашимъ сотрудникомъ—но истинно не могу. Да и вы сами бы раскаялись, если бы я принялъ ваше, во всѣхъ отношеніяхъ лестное, предложеніе. Вы не можете себѣ представить, до какой степени облѣнилось мое воображеніе—повѣрите ли, что я иногда мѣсяца по два сряду не могу приняться за перо. Кажется, трудно ли написать въ годъ книжку, какъ напримѣръ, „Москва и москвичи“, а я до сихъ поръ не кончилъ еще второй выходъ—да и не знаю, когда кончу, не смотря на то, что долженъ торопиться, потому что продалъ этотъ второй выходъ Ольхину и онъ ждетъ его съ нетерпѣніемъ [1]). Судите же по этому, могу ли я обѣщаться написать что-нибудь для „Сѣверной Пчелы“, когда не знаю, кончу ли въ нынѣшнемъ году то, что началъ? А сверхъ того вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ трудно писать небольшія статейки—это для меня истинно галерная работа. Я по природѣ моей болтунъ, и чтобы написать что-нибудь не вовсе ничтожное, мнѣ нуженъ просторный размѣръ, а пуще всего не срочное время—одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ ужасъ и дѣлаетъ ни на что неспособнымъ. Нѣтъ, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, вы стали бы каяться, если бы я принялъ ваше предложеніе. Хотите ли имѣть вѣрное понятіе о томъ, что я теперь въ литературномъ отношеніи?—Я ни дать ни взять И. А. Крыловъ—разумѣется, только безъ его таланта. Ну какъ вы думаете, весело ли имѣть такого сотрудника? Повѣрьте моему честному слову: если бъ у меня было что-нибудь, я съ радостію послалъ бы къ вамъ и сталъ бы гордиться именемъ вашего сотрудника.

Теперь позвольте мнѣ съ вами поссориться.—Боитесь ли вы Бога, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ—вы одинъ изъ нашихъ первостатейныхъ писателей—и едва-ли не самый народный—а не знаете Москвы. Да это рѣшительно ни на что не походитъ! Пріѣзжайте къ намъ въ Бѣлокаменную, вы найдете тамъ человѣка, который встрѣтитъ васъ съ открытыми объятіями,—этотъ человѣкъ, хотя не знаетъ васъ лично, но давно васъ любитъ—и вѣрно никто во всей Москвѣ не покажетъ вамъ ее такъ хорошо, какъ онъ [2]).

Прощайте! Обнимаю васъ съ искренними чувствами пріязни и уваженія. Пріѣзжайте въ Москву! Вашъ всей душою

Михаилъ Загоскинъ.

6-го октября 1843 г. Москва.

---

[1]) Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издаваемыя М. Н. Загоскинымъ. Выходъ первый, М., 1842; выходъ второй, М., 1844.

[2]) Объ извѣстной страсти Загоскина показывать Москву пріѣзжимъ смотри у И. И. Панаева, Литературныя воспоминанія, Спб., 1888, стран. 164—166.

Письмо П. П. Свиньина къ Н. И. Гречу.

(По секрету).

Любезнѣйшій Николай Ивановичъ!

Имѣя надобность, по семейнымъ дѣламъ и для окончанія моего огромнаго предпріятія, быть два года на свободѣ, я рѣшился бы прекратить свои „Отечественныя Записки“, еслибъ ты разсудилъ дать мѣсто въ твоемъ журналѣ и газетѣ нѣкоторой части матеріаловъ, кои я собралъ въ продолженіе 10 лѣтъ и изъ коихъ есть много весьма любопытныхъ и драгоцѣнныхъ! А потому, если ты хочешь меня взять себѣ въ сотрудники, то я объявлю, что всѣ мои матеріалы передаю вамъ и буду для васъ трудиться; сталобыть—читатели „Отечественныхъ Записокъ“ перейдутъ къ „Сыну Отечества“—въ коемъ можно на будущій годъ сдѣлать особенное отдѣленіе для Отечественныхъ Свѣдѣній и даже прибавить по 5 рублей цѣны на полученіе „Сына Отечества“.—Но ты это знаешь лучше меня, а мнѣ остается просить тебя подумать, погадать и мнѣ сказать чистосердечно—угодно ли тебѣ мое предложеніе, какія могутъ быть твои кондиціи и требованія? Впрочемъ, могу тебя увѣрить, что все, въ чемъ я ни обяжусь—выполню совершенно, въ точности (не хуже Воейкова?) и даже болѣе, чѣмъ буду обѣщать, ибо и въ Парижѣ и вездѣ буду вашимъ усерднымъ корреспондентомъ, буду доставлять вамъ самыя вѣрныя и свѣжія вѣсти. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоего отвѣта, прося тебя, пока, оставить мое предложеніе между нами.

Преданный тебѣ Пав. Свиньинъ [1]). 27-го апрѣля 1823 г.

NB. Сообщи Булгарину, какъ о немъ отзывается Дмитріевъ, вѣрно, ему будетъ пріятно, и письмо пришли назадъ.

Письмо его же къ Ѳ. В. Булгарину.

Посылаю вамъ, почтенный Ѳаддей Венедиктовичъ, стишки, кои я отнялъ у Ѳедорова для „Сѣверной Пчелы“ вашей. Если найдете ихъ сообразными съ цѣлію вашею, то напечатайте ихъ, а не-то пришлите мнѣ обратно. Прошу также возвратить мнѣ съ подателемъ мои куранты, кои можете опять получить, когда будете имѣть въ нихъ нужду.

Вашъ покорнѣйшій слуга Пав. Свиньинъ. 1825. 25-го ноября.

---

[1]) Павелъ Петровичъ Свиньинъ (1788—1839), писатель и журналистъ, собиратель русскихъ древностей и предметовъ искусства. Съ 1818 по 1823 г. издавалъ „Отечественныя Записки“.

Приложеніе.

Князю А. А. Шаховскому.

(На представленіе Аристофана).

20-го ноября 1825 г.

Для взоровъ и ума плѣнительный обманъ:
Аѳины предо мной, и живъ Аристофанъ!
Возникнулъ лавръ его,—тобою:
Аристофанъ на сѣверѣ предсталъ,
И въ творчествѣ твоемъ участникомъ онъ сталъ.
Шлескъ Россіянъ гремитъ съ Аѳинскою трубою [1]).
Аристофанъ — въ твой славный день —
Къ вѣнку безсмертія тебѣ путеводитель;
Но хмурится Плутархъ—Менандра Грацій чтитель [2])
И ропщетъ Еврипида тѣнь.

Письмо А. М. Римскаго-Корсакова къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь мой Ѳаддей Венедиктовичъ!

Вслѣдствіе письма вашего я всѣ средства прилагалъ на умноженіе подписавшихся на изданіе вашего полезнаго журнала, одобреннаго публикою, (неразобранное слово) большое удовольствіе читателямъ его.—Виленскій университетъ подписался на 10 экземпляровъ, а я съ великою пріятностію продолжаю мою подписку и на будущій годъ. А затѣмъ имѣю честь приложить здѣсь 517 рублей за одиннадцать взятыхъ экземпляровъ, съ возвращеніемъ 9 билетовъ, не розданныхъ по единственной причинѣ незнанія почти всѣхъ здѣшнихъ обывателей хорошо нашего языка.

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю къ вамъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугою Римскій-Корсаковъ [3]).

22-го декабря 1823 г. Вильно.

---

[1]) Въ піесѣ „Аристофанъ“ аѳиняне при звукахъ трубъ подносятъ ему вѣнецъ за комедію „Всадники“.

[2]) Плутархъ въ сравненіи Аристофана съ Менандромъ очень невыгодно отзывался объ Аристофанѣ и предоставилъ пальму Менандру.

Аристофанъ былъ наиболѣе врагомъ Еврипиду и всю свою язвительность обратилъ на сего знаменитаго трагика. Примѣч. автора.

[3]) Генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ (1753—1840); въ 1812—1830 гг. управлялъ литовскими губерніями.

Письмо Д. В. Дашкова къ Ѳ. В. Булгарину.

(1824).

Прочитавъ на-дняхъ 3-й № С. О., я не смѣлъ благодарить гг. издателей (слишкомъ снисходительныхъ ко мнѣ, а къ другимъ, можетъ быть, слишкомъ строгихъ) за то, что имъ угодно было сказать о Путешествіи на Аѳонъ. Ихъ похвала такъ велика, что напомнила невольно мнѣ о покойномъ моемъ панегирикѣ покойному графу Хвостову. Но я душевно благодарю ихъ, отъ имени грековъ и правды, за сказанное о мнимой турецкой терпимости.

Думая, что читателямъ С. О. пріятно будетъ видѣть въ семъ журналѣ извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи древнихъ памятниковъ въ Аѳинахъ, спѣшу доставить м. г. Ѳаддею Венедиктовичу полученный мною сегодня изъ Константинополя листокъ Смирнской газеты. Fas est et ab hoste doceri. В. Дашковъ [1]).

2-го февраля.

Письмо П. А. Катенина къ Н. И. Гречу.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Столько имѣлъ я неудовольствій по словесности и театру, что совершенно отъ нихъ отсталъ и желалъ бы забыть [2]). Живучи въ глуши, я ничего не знаю, что у васъ дѣлается, и потому могу только вамъ сказать, чтобы вы, буде угодно что изъ моихъ напечатанныхъ стиховъ, обратились съ этимъ къ моему другу Андрею Андреевичу

---

[1]) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ (1784—1839), литераторъ и критикъ, впослѣдствіи государственный дѣятель и министръ юстиціи. Въ 1818—1820 гг. состоялъ при русской миссіи въ Константинополѣ, гдѣ въ то время погибло много грековъ, при чемъ Дашковъ не одно семейство спасъ отъ смерти. Соч. „Аѳонская гора. Отрывокъ изъ путешествія“, издано въ Спб., въ 1824 г.; къ этому же году, вѣроятно, относится и письмо, лишенное хронологической даты. Упоминаемый въ письмѣ „панегирикъ покойному графу Хвостову“ относится къ эпизоду 1812 г., когда Дашковъ былъ исключенъ изъ Вольнаго общ. любителей словесности за привѣтственную рѣчь графу Д. И. Хвостову, гдѣ слогомъ шишковской „Бесѣды“ иронически превозносилъ бездарныя творенія графа. См. „Рус. Стар., 1884, № 7.

[2]) Въ 1822 г. Катенинъ, изъ-за одной театральной исторіи, былъ высланъ изъ С.-Петербурга. См. „Дѣло о неприличномъ поведеніи въ театрѣ отставнаго полковника Катенина и о высылкѣ его изъ С.-Петербурга, съ воспрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы“, въ ст. Ив. Кубасова „Театральныя интриги въ 1822 году“; „Рус. Стар.“, 1901, № 11, стран. 293—304. Катенинъ сотрудничалъ въ „Сынѣ Отечества“.

Жандру; онъ въ Петербургѣ, и я все совершенно отдаю на его волю. Мнѣ же, пожелавъ вамъ добраго здоровья, а „Сыну Отечества“ счастливаго продолженія, остается только съ почтеніемъ пребыть вашимъ покорнымъ слугою Павелъ Катенинъ.

Кологривъ, іюня 18-го 1824 г.

Письмо А. И. Левшина къ Ѳ. В. Булгарину.

(1824).

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ!

Много благодарю васъ за принятіе въ службу моихъ казаковъ, а еще болѣе за присылку Архива. Давно бы поручилъ я покровительству вашему еще нѣсколько новыхъ дѣтей моихъ; но служба не даетъ мнѣ времени заняться образованіемъ ихъ. Видѣть же свои произведенія въ свѣтѣ безъ всякаго воспитанія отеческому сердцу больно. Давно зналъ я, что наша Ѳемида рѣдко ладитъ съ музами; теперь еще болѣе въ томъ увѣренъ. Но дѣлать нечего; не намъ, людямъ политически и физически привязаннымъ къ послужнымъ спискамъ, суждено примирить ихъ. Бьюсь объ закладъ, что Гомеръ, Тацитъ, Горацій, если бы они жили съ нами, не обошлись бы безъ 14 класса.

За всѣми сими препятствіями, желая сдержать мое слово, посылаю вамъ извѣстія о Сарайчикѣ, обѣщанныя въ одномъ изъ примѣчаній къ Статистическому обозрѣнію уральскихъ казаковъ. Думаю, что статья сія не замараетъ почтеннаго Архива вашего. Если такъ, то одолжите меня отпечатаніемъ оной 30 экземпляровъ на бѣлой бумагѣ отдѣльно. Монеты, о которыхъ я въ ней говорю, ожидаютъ вашихъ приказаній. Если вы съ Френомъ въ сношеніяхъ, и если онъ возьмется ихъ объяснить, увѣдомьте меня. Онѣ невредимы съ того дня, какъ увидѣли во второй разъ свѣтъ: я даже не сводилъ съ нихъ ржавчины; я боялся ихъ тронуть. Словомъ, я поступилъ съ ними, какъ 75-лѣтній старикъ съ 15-лѣтнею дѣвушкою.

Прощайте! Будьте счастливы, здоровы и веселы.

Съ истиннымъ почтеніемъ, съ душевною преданностью и съ надеждою прислать вамъ въ скоромъ времени нѣсколько киргизскихъ воспоминаній, честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Левшинъ [1]).

[1]) Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, государственный дѣятель, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта (1799—1879). Въ началѣ 20-хъ годовъ ревизовалъ по порученію министерства государственныхъ имуществъ казенныя земли въ области войска Уральскаго; особенно заинтересовался положеніемъ киргизъ.

Письмо В. И. Туманскаго къ Ѳ. В. Булгарину [1]).

(1824 г.).

Давно собирался я написать тебѣ нѣсколько словъ, любезный Сарматъ-Ѳаддей Венедиктовичъ, но служба, дружба и лѣнь препятствовали мнѣ исполнить до сихъ (поръ?) доброе мое намѣреніе. Ты, конечно, на меня не сердишься, ибо увѣренъ, что я тебя не забылъ. Я читаю твой архивъ у Левшина, который по-прежнему то очень сухъ, то очень занимателенъ. Трудись, любезный мой, ты одинъ можешь гибкостью своего ума и умѣньемъ заводить связи съ людьми свѣдущими дарить насъ каждые 15 дней умными статьями! А что твои прибавленія? Присылай ихъ намъ пожалуйста. На-дняхъ доставлю тебѣ и своихъ стиховъ. У меня все поэмы въ головѣ—авось удастся! Кланяйся нашей остроумной сволочи (sic): Гречу, Рылѣеву, Бестужеву, Корниловичу, поцѣлуй свою красавицу и вспомни обо мнѣ, когда будетъ перо въ рукахъ. Туманскій.

Письмо его же къ А. А. Бестужеву.

Николаевъ, 5-го іюня 1825 г.

Въ моихъ разъѣздахъ по Херсонской губерніи видѣлся я съ рифмоплетомъ Зайчевскимъ [2]), который просилъ меня доставить къ тебѣ, остроумный и милый Сашенька, стишки свои для напечатанія въ „Звѣздочкѣ“ [3]). Прилагая ихъ при этой запискѣ и самъ исполняя

Въ „Сѣверномъ Архивѣ“ Булгарина печаталъ статьи, упомянутыя въ этомъ письмѣ: 1) Историческое обозрѣніе (происхожденія и послѣдующей судьбы Уральскихъ казаковъ; „Сѣв. Арх.“, 1823, ч. 6, № 12, стран. 381 слл.; 2) Статистическое обозрѣніе (земли и состоянія) Уральскихъ казаковъ, 1823, ч. 7, № 14, стран. 101 слл., № 15, стран. 163 слл.; 3) Извѣстія о древнемъ городѣ Сарайчикѣ; 1824, ч. 9, № 4, стран. 179 слл.; 4) О просвѣщеніи киргизъ-кайсаковъ: отрывки изъ описанія ордъ казачьихъ; 1825, ч. 18, № 24, стран. 313 слл. Судя по времени напечатанія статьи о Сарайчикѣ, письмо слѣдуетъ отнести къ 1824 году.

[1]) Писано на оборотѣ письма А. Левшина къ Булгарину. См. выше, стр. 210.

[2]) Ефимъ Петровичъ Зайцевскій, поэтъ (род. въ нач. XIX в., умеръ въ 1860 г.); сотрудничалъ въ „Телескопѣ“, „Сынѣ Отечества“, „Литературной Газетѣ“, „Маякѣ“ и въ альманахахъ.

[3]) Альманахъ „Звѣздочка“ на 1826 г., изд. А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева, арестованный послѣ 14-го декабря и не появлявшійся въ свѣтъ (перепечатанъ въ „Рус. Стар.“, 1883, № 7, стран. 43—100). Стиховъ за подписью Зайцевскаго въ „Звѣздочкѣ“ не имѣется; самому В. И. Туманскому тамъ принадлежатъ стихотворенія: 1) Пѣсня; 2) Элегія; 3) Къ С*** и 4) Греческая

желаніе моего Парнасскаго собрата, я кланяюсь низенько тебѣ, Рылѣеву и всѣмъ моимъ Петербургскимъ друзьямъ, а впослѣдствіи буду писать побольше и подѣльнѣе.

Туманскій.

Письмо Ѳ. Ѳ. Кокошкина къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь мой, Ѳаддей Венедиктовичъ!

Простите снисходительно, что, безпрерывно озабоченный поспѣшными усиліями открыть одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ театровъ въ Европѣ; а впослѣдствіи — чрезмѣрно затруднительнымъ — по новости всего—продолженіемъ на ономъ спектаклей [1]), я до сего времени не свидѣтельствовалъ вамъ совершенной признательности моей за прекрасный мнѣ подарокъ вашей очень, очень занимательной Таліи [2]), которую я и всѣ здѣсь читали и читаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Весьма желательно бы было, чтобъ сего рода повременныя изданія чаще у насъ появлялись:—и если бы могли вмѣщать критическіе разборы новыхъ драматическихъ нашихъ произведеній и вообще успѣховъ театральнаго искусства, на обоихъ столичныхъ театрахъ, то, нѣтъ сомнѣнія, много бы способствовали къ усовершенствованію сценическихъ нашихъ зрѣлищъ, которыя, въ свою очередь, установили бы, доселѣ весьма еще нерѣшительный, вкусъ нашей публики.

Пользуясь первыми свободными днями, я долгомъ поставляю въ знакъ истинной благодарности моей доставить вамъ экземпляръ моей комедіи [3]); примите оную какъ свидѣтельство истиннаго уваженія и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю быть,

Милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга,

Ѳедоръ Кокошкинъ.

Москва, 10-го ч. февраля 1825 г.

элегія. О Туманскомъ: 1) Стихотворенія В. И. Т—го. Спб., 1881; 2) Письма В. И. Т—го и неизданныя его стихотворенія. Черниговъ, 1891, изд. гр. Г. А. Милорадовича; 3) С. Брайловскій. В. И. Т—ій. Біографическій и историко-литературный очеркъ, съ приложеніемъ неизданныхъ произведеній поэта. Пантеонъ Литературы, 1890, сентябрь и октябрь; 4) Его же, рецензія на изданіе писемъ Т — го (1891). Журн. Мин. Народ. Просвѣщ., 1891, августъ, отд. II, стран. 446—453; 5) В. И. Т—ій. Изъ его бумагъ. Сообщ. С. Брайловскій. „Рус. Стар.“, 1890, № 8, стран. 378—386; 6) В. Ѳ. Саводникъ. Забытый поэтъ „Пушкинской плеяды“. В. И. Туманскій. „Русск. Вѣстникъ“, 1902, № 2, стран. 544—563.

[1]) Съ 1823 по 1831 г. Кокошкинъ управлялъ московскимъ театромъ.

[2]) Альманахъ „Русская Талія“ на 1825 г., изд. Ѳ. В. Булгаринымъ.

[3]) „Воспитаніе, или вотъ приданое“, комедія въ стихахъ, 1824 г.

Письмо К. И. Арсеньева къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ!

Съ согласія вашего препровождаю при семъ отпечатанные листы Исторіи народовъ и республикъ древней Греціи; покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, не быть слишкомъ строгимъ въ оцѣнкѣ труда моего, конечно, не совершеннаго, по крайней мѣрѣ благонамѣреннаго; для меня лестно бы было, ежели бъ вы въ листахъ сихъ нашли что-нибудь достойнымъ помѣщенія въ журналѣ, вами издаваемомъ. Позвольте надѣяться, что вы примете на себя трудъ прочитать, хоть бѣгло, мою первоучинку на такомъ литературномъ поприщѣ, которое слишкомъ трудно и для меня совсѣмъ ново; прежде появленія книги моей въ свѣтъ я желалъ бы слышать объ ней ваше откровенное мнѣніе, которымъ я дорожу такъ много, желалъ бы васъ имѣть первымъ моимъ судьею и цѣнителемъ моего слабаго историческаго таланта.

При изложеніи происшествій я старался показывать причины оныхъ и слѣдствія благодѣтельныя или гибельныя для народовъ; описывая политическое бытіе грековъ, имѣлъ также въ виду познакомить моихъ читателей (будущихъ) и съ гражданскою жизнію ихъ; всего же болѣе обращалъ я вниманіе на военныя событія по обязанности моей преподавателя во многихъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ — отъ того описанія мои сраженій найдете вы, можетъ быть, слишкомъ подробными и утомительными; во второй части моего сочиненія помѣщено особенною статьею довольно пространное обозрѣніе успѣховъ образованности грековъ, предмета, который въ исторіи греческой составляетъ весьма важное отдѣленіе. Впрочемъ, точное показаніе порядка матерій, содержащихся въ моей книгѣ, я буду имѣть честь доставить вамъ, въ непродолжительномъ времени, ежели вы сочтете это нужнымъ.

Примите при семъ увѣренія въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и истинной преданности, съ каковымъ навсегда честь имѣю пребывать вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

К. Арсеньевъ [1]).

29-го апрѣля 1825 г.

---

[1]) Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, статистикъ, историкъ и географъ, впослѣдствіи академикъ (1789—1865). Въ 1821 г., вмѣстѣ съ другими профессорами Спб. универс., подвергся разгрому Рунича, усмотрѣвшаго въ его соч. „Начертаніе статистики Россійскаго государства“—„обдуманную систему невѣрія и правилъ зловредныхъ и разрушительныхъ“; въ 1828 г. избранъ преподавателемъ наслѣдника престола. „Исторія народовъ и республикъ древней Греціи“ Арсеньева вышла въ свѣтъ въ Спб., въ 1825—26 гг.

Письмо И. К. Кайданова къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ!

Всепокорнѣйше прошу васъ включить меня въ число всеохотнѣйше подписавшихся на полученіе издаваемаго вами Сѣвернаго Архива и на сей 1827 годъ, и сдѣлать распоряженіе, дабы нумера онаго журнала доставляемы мнѣ были въ Царское Село. Слѣдующіе за сіе 45 р. прилагаю у сего. Вмѣстѣ же съ симъ покорнѣйше прошу васъ вышедшіе уже въ свѣтъ въ семъ текущемъ году нумера онаго журнала вручить подателю сего, для доставленія мнѣ.

И за долгъ и за особенное себѣ удовольствіе поставляю въ первую мою бытность въ С.-Петербургѣ побывать у васъ. Желаю только, чтобы приходъ мой къ вамъ не былъ mal à propos.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга

И. Кайдановъ [1]).

26-го февраля 1827 г. Царское Село.

Письмо И. И. Дмитріева къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ!

Обрадованный третьимъ объявленіемъ вашимъ о скоромъ выходѣ сочиненія вашего, подъ названіемъ Россія, спѣшу препроводить къ вамъ, милостивый государь, назначенную вами сумму за книгу и доставленіе оныя въ Москву на мое имя.

Пользуясь же симъ случаемъ, покорнѣйше прошу васъ принять увѣренія въ признательности моей къ вамъ за лестное упоминаніе иногда о моихъ старомодныхъ бездѣлкахъ, равно какъ въ искреннемъ уваженіи литературныхъ вашихъ занятій.

Между тѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Москва 27-го іюля 1836 г.

---

[1]) Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ, педагогъ и писатель, авторъ извѣстныхъ учебниковъ по исторіи; съ 1811 г. профессоръ Царскосельскаго лицея. Благопріятный отзывъ о „Краткомъ начертаніи Всемірной Исторіи“ Кайданова былъ данъ въ „Сѣвер. Архивѣ“ 1823 г., ч. 5, мартъ, № 5, стран. 385—386.

Письмо К. П. Масальскаго къ Ѳ. В. Булгарину.

(1847 г.).

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ!

Отъ души благодарю васъ за отзывъ вашъ о Сынѣ Отечества въ № 1 „Сѣверной Пчелы“.

Въ довершеніе одолженія извѣстите публику вкратцѣ, что моя первая книжка, въ 33 листа съ половиною печати большаго формата, вышла уже 1-го января, и назовите нѣкоторыя статьи, которыя вы сочтете того достойными. При этомъ покорнѣйше прошу васъ оговорить опечатку, вкравшуюся въ № 1 „Сѣверной Пчелы“. Тамъ сказано, что годовое изданіе „Сына Отечества“ стоитъ съ пересылкою 15 руб. сер., а безъ пересылки 12. Но во всѣхъ разосланныхъ объявленіяхъ, какъ отъ М. Д. Ольхина, такъ и отъ почтамта, сказано, что годовая цѣна этого журнала 15 рублей серебромъ. За пересылку къ иногороднимъ или за доставку на домъ въ С.-Петербургѣ прилагается за весь годъ 1 руб. 50 коп. сер.

Оговорка эта необходима, чтобы не произошло по почтамту и въ магазинахъ Матвѣя Дмитріевича замѣшательства. Исполненіемъ моей покорной просьбы крайне меня обяжете.

Прочиталъ я 1 книжищу „Отечественныхъ Записокъ“ и духомъ сокрушился. Что за слогъ, что за статьи! Именъ извѣстныхъ писателей—ни одного! Одинъ Майковъ, да еще молодой Тургеневъ. Еще, правда, есть статья о судебной медицинѣ въ Китаѣ, какого-то доктора изъ Кяхты. Тутъ поэтическія картины о ранахъ, трупахъ, выкидышахъ, зародышѣ, родахъ, съ анатомическими замѣчаніями г. Краевскаго. Не хочетъ ли онъ поступить изъ журналистовъ въ повивальныя бабки? Лучше бы статью эту онъ уступилъ какому-нибудь медицинскому журналу. Тамъ бы ее прочитали врачи и акушеры. И европейская медицина для не-врачей скучная и сухая матерія! А Краевскій потчиваетъ своихъ читателей китайскою медициною, да еще не простою, а судебною. Еще очень хороша у него статья: Событія въ отечествѣ. Ну ужъ событія! Важнѣе онъ ничего не подмѣтилъ. Надобно дивиться терпѣнію публики. О критикѣ его и говорить нечего.

Вы давно обѣщали сдѣлать мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ. Не найдете ли возможнымъ пожаловать ко мнѣ въ будущій понедѣльникъ, 6 января, отобѣдать. У меня будутъ близкіе родственники, мои компаніоны по изданію журнала М. Д. Ольхинъ и К. И. Жернаковъ, и мои сотрудники. Крайне обязали бы имѣющаго честь быть

съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ преданнѣйшимъ слугою К. Масальскій [1]).

4-го января.

Письмо А. И. Михайловскаго-Данилевскаго Ѳ. В. Булгарину.

Однажды изъявили вы желаніе, милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ, услышать правдивый разсказъ объ Аустерлицѣ. Потому рѣшаюсь препроводить къ вамъ повѣсть о сей битвѣ и о сопровождавшихъ ее событіяхъ.

Удостойте благосклоннымъ принятіемъ усердное приношеніе.

Нашъ добрый пріятель, Николай Алексѣевичъ, сказывалъ мнѣ, что у васъ есть книга La Russie envahie par les allemands. Хоть вы сказали однажды, что просить книгу для прочтенія такъ же грѣшно, какъ заимствовать фракъ, или жилетъ, однако жъ преступаю наставленіе, признавая его впрочемъ совершенно справедливымъ.

Съ душевнымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою

22-го ноября. М.-Данилевскій [2]).

Письмо В. А. Вонлярлярскаго къ Ѳ. В. Булгарину.

Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ.

Имѣя честь препроводить при семъ вновь вышедшій романъ мой „Большая Барыня“, прошу васъ покорнѣйше не отказать мнѣ въ одолженіи объявить о выходѣ его въ „Сѣверной Пчелѣ“. Искренно желаю при томъ, чтобы первое отдѣльно изданное произведеніе мое заслужило одобреніе журнала вашего, который такъ снисходительно отзывался о слабыхъ твореніяхъ вашего, милостивый государь покорнѣйшаго слуги Василья Вонлярлярскаго.

Сообщ. **Н. Пиксановъ.**

---

[1]) Константинъ Петровичъ Масальскій (1802—1861), романистъ. Упоминаемая въ письмѣ „книжица Отеч. Записокъ“ есть первый нумеръ журнала за 1847 г. къ этому году надо отнести и письмо Масальскаго), гдѣ помѣщена повѣсть И. С. Тургенева „Бреттёръ“, стихотвореніе А. Н. Майкова „Palazzo“ и статья Ал. Татаринова „Способы изслѣдованія причинъ насильственной смерти, употребляемые китайцами“.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, военный историкъ.

Изъ архивныхъ мелочей.

Указъ о размѣрѣ денежной суммы, подлежащей выдачѣ графу А. В. Суворову, въ итальянскую кампанію 1799 г. Указъ нашему кабинету. На отправленіе генералъ-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго всемилостивѣйше повелѣваемъ выдать ему ассигнаціями тридцать тысячъ рублей и производить во все время пребыванія его у соединенныхъ армій серебромъ по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ.

Павелъ.

С.-Петербургъ, февраля 15-го дня 1799 г.

Прибытіе опальнаго фельдмаршала Суворова въ Боровичскую вотчину [1]). Графъ Суворовъ доставленъ въ городъ Боровичи сего мая 5-го числа и въ вотчинѣ своей того уѣзда на высочайше повелѣнномъ основаніи жительствуетъ, о чемъ и имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести.

Высочайшій выговоръ генералъ-фельдмаршалу Эльмпту. Господинъ генералъ-фельдмаршалъ Эльмптъ. Получа отъ васъ рапортъ отъ 3-го сего мая, Я долженъ вамъ сказать, что генералъ-маіоръ Поль имѣлъ право арестовать маіора Липинскаго, какъ офицера своего полку, происшествіе сіе совсѣмъ до васъ не касалось, и вы напрасно объ ономъ меня рапортовали, почему и рекомендую впредь въ чужія дѣла не мѣшаться. Вамъ благосклонный Павелъ.

Въ Павловскѣ. 8 іюля 1797 г.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ генерала-отъ-инфантеріи Архарова.

Случай неосторожной ѣзды (1798 г.) [1]). Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ. По дошедшему ко мнѣ рапорту отъ перновскаго коменданта полковника Зубкова, извѣстился Я, что перновскій купецъ Мелцеръ, ѣхавъ очень скоро на улицѣ на дрожкахъ, раздавилъ полугодоваго мальчика, за каковую его неосторожность повелѣваю вышеписаннаго купца Мелцера посадить на дюнамюндскую крѣпость на шесть недѣль, на хлѣбъ и на воду. Пребывая вамъ благосклонный, Павелъ.

Первый зубокъ у императора Николая I. Имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, что 20-го числа сего мѣсяца у Его Императорскаго Высочества Николая Павловича прорѣзался на нижней деснѣ еще зубокъ, при каковомъ случаѣ боли и безпокойства почти вовсе не примѣтно было, тѣмъ паче, что Его Императорское Высочество совершенно веселъ и въ вожделѣнномъ состояніи здравія находится. Генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ.

21-го апрѣля 1797 г.

Письмо вдовы гр. А. В. Суворова съ благодарностью за вторичное назначеніе ея сына въ военную службу. Всемилостивѣйшій Государь. Неизреченныя милосердія Вашего Императорскаго Величества въ возстановленіи незабвенной памяти покойнаго супруга моего, въ роды родовъ, и переименованіи юнаго его сына въ сродную ему военную службу, не имѣвъ счастія лично исполнить всеподданническій долгъ, дерзаю пасть къ освященнымъ стопамъ всеавгустѣйшаго монарха и повергнуть къ нимъ всеподданнѣйшее благодареніе. Со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшая покойнаго генералиссимуса жена, княгиня италійская, графиня Варвара князь Иванова дочь Суворова-Рымникская.

Изъ Москвы. 13 мая 1801 г.

Императоръ Павелъ I, «милователь музъ и наукъ». Письмо П. В. Голенищева-Кутузова съ благодарностью за вниманіе къ его трудамъ. Всемилостивѣйшій Государь. Милосердое воззрѣніе и Высочайшее вниманіе, коими Ваше Императорское Величество благоволили удостоить слабыя произведенія пера моего, ободряютъ меня и возрождаютъ въ духѣ моемъ новую бодрость къ прославленію великихъ дѣлъ Вашихъ. Безцѣнный же даръ, отъ освященной руки Вашей мною полученный, наполняетъ сердце

[1]) Высочайшій указъ генералъ-лейтенанту Бенкендорфу.

мое безпредѣльною признательностію. Примите, Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйшее сихъ чувствъ изъявленіе, при чемъ осмѣливаюсь съ благоговѣніемъ подтвердить, что вся жизнь моя, всѣ мои поступки, всѣ труды мои будутъ имѣть цѣлію то, чтобы всегда быть достойнымъ Высочайшаго Вашего благоволенія. Раболѣпно повергая себя къ освященнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества изъ глубины души взываю, не преставайте, Всемилостивѣйшій Государь, миловать музъ, науки и безпредѣльнымъ усердіемъ къ Вамъ, яко къ земному Божеству пылающаго, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшаго Павла Г. Кутузова.

Москва, ноября 21-го дня 1799 г.

Торжественная пальба на тульскихъ улицахъ въ 1812 г. [1]). Тульскій губернскій прокуроръ доноситъ, что 28-го прошедшаго сентября въ губернскомъ городѣ Тулѣ, около 9-ти часовъ вечера, во время отправленія всенощнаго бдѣнія, назначенъ по случаю публичнаго молебна о побѣдѣ надъ непріятелемъ, произошла пушечная пальба, были везены съ факелами пушки и стрѣляли по улицамъ, отчего стекла въ Дѣвичьемъ монастырѣ и въ нѣкоторыхъ домахъ перебиты. Жители города, не знавшіе о причинѣ сей пальбы, были весьма встревожены; многіе выбѣгали изъ церквей; ѣдущіе же въ городъ страшились въѣзжать въ оный, думая, что туда ворвался непріятель, такъ что волненіе сдѣлалось всеобщимъ. Прокуроръ, желая знать о причинѣ происшествія, освѣдомился, что оное происходило послѣ пиршества, случившагося у полковника Михайлы Свѣчина, и что пальба по улицамъ производилась шедшими чиновниками.

По сообщенію сего отношенія управляющему военнымъ министерствомъ, послѣдовала резолюція „23 ноября потребовано отъ Свѣчина объясненіе о семъ происшествіи, давъ замѣтить ему, что поступокъ его не можетъ быть одобренъ; ордеръ о семъ къ нему направить къ тульскому губернатору для доставленія Свѣчину“.

Пожалованіе кн. Лопухину «преимущества» употреблять ливрею придворныхъ цвѣтовъ [2]). Во уваженіе отличнаго усердія вашего къ службѣ Нашей, древняго происхожденія рода вашего и той вѣрности, какову предки ваши всегда къ своимъ государямъ сохраняли и вы, отправляя возлагаемыя на васъ должности, сохраняете, и въ воздаяніе за труды ваши, всемилостивѣйше жа-

[1]) Отношеніе министра юстиціи къ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, 31-го октября 1812 г., № 5291.

[2]) Высочайшій именной указъ 11-го марта 1799 г. кн. Лопухину.

луемъ вамъ преимущество употреблять для своей ливреи цвѣта, придворную нашу ливрею составляющіе.

Пребываю Императорскою милостью Нашею всегда вамъ благосклонный Павелъ.

Просьба бывшаго флигель-адъютанта Дмитріева-Мамонова о дозволеніи ношенія мундира. Милости и правосудіе, изъявляемыя повсечасно Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, подали мнѣ дерзновеніе обременить Ваше освященное вниманіе всеподданнѣйшею моею просьбою.

Съ 1770 г. продолжалъ я военную службу. Будучи двадцать лѣтъ офицеромъ, достигъ до чина генералъ-маіора и въ семъ званіи находился даже четыре года въ царствованіе блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, бывъ при томъ двора Ея флигель-адъютантомъ. По кончинѣ Ея назначенъ былъ шефомъ Софійскаго мушкетерскаго полка. Отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ и болѣзни моей, воспретившихъ мнѣ всесовершенно болѣе продолжать военную службу, принужденнымъ нашелся просить о своей отставкѣ, которую въ 1797 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ и получилъ по желанію моему, но безъ позволенія носить мундиръ.

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, Вашимъ воззрѣніемъ мою долговременную и безпорочную службу и окажите мнѣ Вашу милость, въ сравненіе со многими, пользоваться правомъ имѣть мундиръ армейскій.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій генералъ-маіоръ Иванъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

1801 г. 16-го апрѣля. Москва.

Подметная записка 1797 г. [1]). Въ повиновеніе Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества устава, 8-й части, 2-ой главы, 2-го пункта всеподданнѣйше доношу.

Въ городѣ Переяславлѣ у нѣкоторыхъ жителей появилась записка, которую у сего всеподданнѣйше подношу.

Поелику жъ Высочайшая Вашего Императорскаго Величества особа какимъ ни есть тунеядцемъ тутъ вмѣщена, то почелъ долгомъ производить полицейское изслѣдованіе, по которой оказалось, что сія записка сочинена въ Кіевѣ и оттоль прислана. Я извѣстилъ господина генералъ-маіора и кіевскаго коменданта Вигеля объ ономъ.

Подполковникъ, переяславскій комендантъ Яковъ фонъ-Фокъ.

Марта 21-го дня 1797 г. Переяславль.

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе подполковника фонъ-Фока.

Къ этому донесенію приложена записка.

Прислано отъ его султанскаго величества турецкаго государя Россійскому Императору Павлу Петровичу при случаѣ вступленія Его на престолъ:

1) На 30 милліоновъ рублей золота на военный убытокъ въ продолженіе семилѣтней войны, Россіей претерпѣнный;

2) Кольцо въ 500.000 рублей, въ коемъ часы въ мѣсяцъ единожды заводятся;

3) Всякихъ иностранныхъ звѣрей изъ звѣринца на милліонъ;

4) Всякихъ дорогихъ камней не поставленныхъ цѣною;

5) Два ковра, вышитые золотомъ, обложены жемчугомъ и другими дорогими камнями, въ томъ числѣ два зерна жемчугу по 30 золотниковъ вѣсу; одинъ для лошадей, а другой для постилки;

6) 70 бокаловъ въ 300.000 рублей;

7) Два камушка изъ рѣки Ефрата такой свѣтлости, какъ свѣчи горятъ и желтый цвѣтъ имѣютъ, въ милліонъ рублей;

8) Для Императора на 600.000 рублей изъ брилліантовъ;

9) Кровать золотая, которую везти на двухъ лошадяхъ;

Всего на 314 милліоновъ 400.000, кромѣ звѣрей и другихъ неоцѣненныхъ подарковъ.

Отношеніе Управляющаго военнымъ министерствомъ къ С. К. Вязьмитинову объ отобраніи судовъ отъ частныхъ лицъ (13 августа 1812 г.). Пріемля всѣ мѣры къ испроверженію и малѣйшихъ покушеній непріятельскихъ на здѣшнюю столицу, я полагаю необходимо нужнымъ всѣ суда, находящіяся при берегахъ Чудскаго озера, когда надобность востребуетъ, отъ жителей отобрать. Почему побуждаюсь отнестись къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою о предписаніи гражданскимъ губернаторамъ С.-Петербургскому, Псковскому, Эстляндскому и Лифляндскому, чтобы они, по отношенію къ нимъ нарвскаго коменданта генералъ-маіора Яфимовича, приказали земскимъ начальникамъ тотчасъ всѣ означенныя суда, при берегахъ Чудскаго озера находящіяся, начиная отъ рѣки Наровы, по правую и по лѣвую сторону, до рѣки Великой, по Везенбергскому уѣзду, и на рѣкѣ Эмбахъ, впадающей изъ Дерпта, отъ жителей отобрать и доставить въ мѣсто, которое указано будетъ отъ него, г. Яфимовича.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

I.

Подъ вліяніемъ быстраго развитія техническихъ знаній, коимъ ознаменовалась вторая половина девятнадцатаго вѣка, и тѣхъ многочисленныхъ усовершенствованій, которыя внесены имъ въ жизнь, измѣнился кореннымъ образомъ не только внѣшній видъ городовъ и условія городской жизни, но измѣнились и требованія гигіены и самые взгляды и обычаи, и люди считаютъ уродливымъ то, что всего лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ казалось вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ, забывая, что не такъ давно жизнь была лишена самыхъ примитивныхъ удобствъ.

Хотя водоснабженіе городовъ, ихъ освѣщеніе и удаленіе изъ нихъ нечистотъ далеки отъ совершенства, но эти отрасли городскаго хозяйства сдѣлали въ послѣднее время такіе успѣхи, что мы можемъ оцѣнить тотъ комфортъ, какимъ пользуются нынѣ жители большихъ городовъ, только воскресивъ въ своей памяти, хотя бы въ общихъ чертахъ, ту картину, какую она представляла такъ сравнительно въ недавнее время.

Печальное освѣщеніе улицъ масляными фонарями, деревянныя бочки, въ которыхъ водовозы развозили по городу воду, немощеныя, утопавшія въ грязи улицы, деревянные тротуары или мостки—все это памятно еще многимъ старожиламъ Петербурга. Не лучше были въ первой половинѣ истекшаго столѣтія условія жизни въ другихъ большихъ европейскихъ городахъ и, какъ это ни покажется на первый взглядъ невѣроятнымъ, даже въ самомъ Парижѣ, этомъ міровомъ городѣ, который стоялъ всегда во главѣ цивилизаціи и былъ законодателемъ моды и всего изящнаго.

Любопытныя данныя относительно этого находимъ въ сочиненіи

Henry Havard'a „L'art et le comfort dans la vie moderne. Le bon vieux temps" (искусство и комфортъ въ современной жизни. Доброе старое время), изъ котораго заимствуемъ маленькую историческую справку изъ бытовой жизни этого культурнаго центра.

Не такъ давно, говоритъ Гаваръ, не далѣе какъ въ царствованіе Людовика-Филиппа, слѣдовательно, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, въ Парижѣ существовали еще старинные дома, которые были лишены свѣта, воздуха и всякихъ удобствъ. Ихъ некрасивые, мрачные фасады выходили на узкія, темныя, вонючія улицы, посреди которыхъ протекалъ грязноватый ручеекъ. При отсутствіи сточныхъ трубъ, нѣкоторыя улицы превращались въ дождливый день въ настоящіе пруды, а пожарнымъ приходилось время отъ времени выкачивать воду изъ затопленныхъ подваловъ.

Во дворахъ, во время дождя, вода падала каскадами съ крышъ, изливалась по многочисленнымъ желобамъ, пѣнилась и журчала вдоль стѣнъ, унося съ собою со двора всевозможные отбросы и принимая вслѣдствіе этого самые разнообразные оттѣнки: черный, бѣловатый, голубоватый, зеленый. По этимъ отбросамъ можно было составить себѣ понятіе объ образѣ жизни обитателей дома; тутъ попадались и обрѣзки ситца, и чайные листья, и лепестки искусственныхъ цвѣтовъ, кусочки бумаги, обрѣзки металловъ... и все это вмѣстѣ съ кухонными отбросами выносилось дождевой водой на улицу.

Нужно ли говорить, что внутренность домовъ, содержавшихся крайне неопрятно, вполнѣ соотвѣтствовала внѣшнему виду двора. Убогая, грязная лѣстница, зимою обледенѣлая, а лѣтомъ пропитанная всевозможными ароматами, вела въ квартиры, въ которыхъ комнаты были расположены неудобно и имѣли между собою сообщенія, или не имѣли отдѣльныхъ выходовъ. Посреди квартиры шелъ свинцовый желобъ, по которому спускались хозяйственные отбросы; эти желоба, вмѣстѣ съ первобытнаго устройства мѣстами первой необходимости, являлись для города очагами заразы и эпидемій, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи водопроводовъ приходилось скупиться на воду, которая развозилась ведрами.

Вода, которую черпали изъ Сены, представляла собою настойку микробовъ, но такъ какъ въ то время о нихъ не имѣли еще понятія, то парижане считали ее самой здоровой питьевой водой; однако они не всегда имѣли въ достаточномъ количествѣ и этой зараженной воды. Такъ напримѣръ въ 1795 г. ледъ на Сенѣ былъ такъ толстъ, что водовозы были вынуждены привозить воду издалека и приходилось платить 15 и даже 20 су за пару ведеръ.

Плохо снабженныя водою улицы скудно освѣщались громадными фонарями, которые грузно раскачивались надъ головою прохожихъ.

Мрачный, молчаливый фонарщикъ, подпоясанный кожанымъ передникомъ, на которомъ виднѣлись слѣды прогорклаго липкаго масла, появлялся на улицѣ три раза въ день, въ извѣстный часъ, неся на головѣ желѣзный ящикъ, въ которомъ помѣщались бутылки съ масломъ.

Задерживая движеніе экипажей, онъ спускалъ фонарь, обрѣзалъ свѣтильню, подливалъ въ фонарь масло, зажигалъ его или гасилъ, повторяя эту операцію у каждаго фонаря.

Такова была своеобразная, типичная физіономія Парижа во время первой имперіи и реставраціи, т. е. въ 1820—1840 гг. девятнадцатаго вѣка.

По мѣрѣ того, какъ мы станемъ углубляться въ прошлое, эта картина становится еще менѣе привлекательной, а между тѣмъ Парижъ уже десять вѣковъ тому назадъ былъ воспѣтъ поэтами, историками, философами, какъ идеальный городъ, который „сіялъ подобно царицѣ надъ другими городами, былъ источникомъ знаній, источникомъ живой воды, изливающимъ свои плодотворныя воды на весь міръ“.

Извѣстный французскій писатель Монтень (род. 1533, † 1592 г.) изображалъ Парижъ 16-го вѣка городомъ „многолюднымъ, обладавшимъ всевозможными удобствами жизни“, „центромъ хорошаго вкуса, ума и всего изящнаго“.

Также отзывались о немъ иностранцы: напримѣръ, англичанинъ, докторъ Листеръ [1]) писалъ: „Надобно сознаться, что это одинъ изъ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ Европы, гдѣ путешественникъ можетъ найти развлеченіе на цѣлые полгода“. Соотечественникъ и современникъ Листера, сэръ Джонъ Эвелинъ отзывался о Парижѣ съ такою же похвалою, а англичане, какъ извѣстно восторгаются, не легко. Люди, побывавшіе въ Парижѣ,—пишетъ совѣтникъ Неймецъ, отъ него въ такомъ восторгѣ, что имъ уже послѣ того ничто не нравится, все кажется имъ не стоющимъ вниманія“.

„Я не могу привыкнуть жить вдали отъ Парижа“,—говорилъ италіанецъ, аббатъ Галліани; а одинъ голландецъ присовокуплялъ, что „нажить состояніе можно вездѣ, но пользоваться своими средствами можно только въ Парижѣ“.

Такія же похвалы воздавались Парижу во всѣ времена.

Посмотримъ же, что такое представлялъ собою этотъ городъ въ 16-мъ вѣкѣ, когда Монтень, отзывъ котораго приведенъ выше, восторгался его „красотою, просторомъ и всевозможными удобствами“.

По свѣдѣніямъ, сохранившимся въ архивахъ, по стариннымъ ко-

---

[1]) Martin Lister, лейбъ-медикъ, естествоиспытатель (р. 1638, † 1712 г.).

ролевскимъ указамъ и полицейскимъ протоколамъ можно заключить, что воспѣтый современниками Парижъ эпохи возрожденія походилъ на тѣ провинціальные города добраго стараго времени, жители которыхъ, какъ-бы лишенные природою всякаго обонянія и деликатности, обливали прохожихъ изъ оконъ, опоражнивая на улицу содержимое своихъ ночныхъ сосудовъ и самые интимные свои отбросы. Обычай выливать на улицу все то, для чего приспособлены нынѣ самыя укромныя мѣстечки, можно назвать классическимъ, ибо онъ существовалъ въ глубокой древности.

Въ настоящее время даже трудно себѣ представить, какой запахъ издавали плохо вымощенныя улицы Парижа, которыя, вслѣдствіе недостатка воды, мелись весьма рѣдко и были пропитаны веществами, издававшими ѣдкій отвратительный запахъ.

Неудивительно, что правительство старалось бороться съ этимъ ужаснымъ зломъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ распоряженія полиціи, изданныя въ 1522, 1525 и 1539 гг., коими, подъ страхомъ строгаго наказанія, предписывалось устраивать въ домахъ необходимыя удобства, а жильцамъ воспрещалось выкидывать на улицу свои отбросы.

Къ сожалѣнію, эти благоразумныя предписанія не имѣли, повидимому, никакого дѣйствія. Они были вызваны страхомъ передъ чумою, которая опустошала въ то время Парижъ и Францію, а когда опасность миновала, они были забыты.

Сто лѣтъ спустя, по свидѣтельству Tallemant des Réaut, въ парижскихъ предмѣстьяхъ была такая глубокая, липкая и невылазная грязь, что экипажъ кардинала Ришелье, возвращавшагося однажды въ Парижъ, увязъ въ предмѣстьи Saint-Antoine. Идти во время дождя по самымъ лучшимъ улицамъ Парижа—было немыслимо, и всѣ тѣ, кои по обязанностямъ службы были вынуждены выходить изъ дома, какъ-то дворяне, судьи, врачи, отправлялись къ мѣсту служенія не иначе какъ верхомъ. Блестящіе придворные сановники отправлялись во дворецъ также верхомъ, имѣя за спиною своихъ женъ. Зрѣлище весьма оригинальное!

Эта отвратительная грязь, это ужасное зловоніе существовали весь 17-й вѣкъ. Докторъ Листеръ, коего восторженный отзывъ приведенъ выше и котораго, слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать въ пристрастіи, объясняетъ это обиліе грязи мѣстоположеніемъ города, окруженнаго холмами. По его словамъ, въ городѣ былъ, кромѣ того, распространенъ сильный запахъ сѣрной кислоты.

Одинъ изъ французскихъ коллегъ Листера, докторъ Куртуа, сдѣлалъ слѣдующій любопытный и поучительный опытъ. Онъ приказы-

валъ каждое утро счищать зеленый налетъ мѣдной ржавчины, покрывавшій принадлежности его камина, но на слѣдующій день онѣ оказывались снова покрыты этимъ налетомъ. Это наблюденіе производилось вплоть до 1663 г., когда начали удалять съ улицъ нечистоты.

Одинъ изъ корреспондентовъ маркизы де-Баллеруа (de-Balleroy), де-Жирарденъ, разсказываетъ, что 1-го сентября 1716 г. Людовикъ XV отправился къ г-жѣ де-ла-Ферте и провелъ у нея нѣсколько часовъ, пока въ его аппартаментахъ снимали траурное убранство, повѣшенное по случаю кончины Людовика XIV, и что г-жа де-ла-Ферте была такъ любезна, что приказала „надушить улицу Ришелье“ въ самомъ ея началѣ, гдѣ былъ очень дурной воздухъ.

Порчѣ воздуха не мало способствовало то обстоятельство, что мясники и колбасники рѣзали быковъ, барановъ, телятъ и свиней въ самомъ городѣ и спускали кровь въ канавки, находившіяся по бокамъ улицъ, и что въ чертѣ города вплоть до 1780 г. находились кладбища.

Къ тому же, по вечерамъ, люди не стѣснялись исполнять свои надобности на улицахъ, а днемъ они вели себя еще безцеремоннѣе въ публичныхъ садахъ и даже въ саду, находившемся подъ королевскими окнами. Нѣкоторыя аллеи Тюильери служили обитателямъ этого квартала для цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ прогулкою. „Террасы этого сада издавали такой зараженный воздухъ, что на нихъ не было возможности гулять“, говоритъ одинъ современникъ, описывая эти порядки столь откровенно, что его разсказъ не было бы возможности воспроизвести въ настоящее время въ печати.

Графъ д'Анживилье, завѣдывавшій королевскимъ дворцомъ, приказалъ вырыть ивы, въ которыхъ находили убѣжище нескромные посѣтители, и соорудилъ извѣстныя мѣста, гдѣ за незначительную плату можно было укрыться отъ постороннихъ взоровъ. Но это прекрасное нововведеніе было встрѣчено недоброжелательной и злостной критикой и устроителя обвиняли въ томъ, что онъ хотѣлъ создать себѣ этимъ доходную статью.

Таковы были малопривлекательныя условія, въ которыхъ жили изящныя маркизы, бродившія въ напудренныхъ парикахъ и фижмахъ по аллеямъ Версаля, плѣняя поэтовъ, которые сочиняли въ честь ихъ изящные мадригалы и сонеты.

Но если жители Парижа не могли лѣтомъ открывать окна своихъ домовъ, чтобы не вдыхать зараженный воздухъ парижскихъ улицъ, то, быть можетъ, зимою они пользовались всѣми удобствами хорошо натопленнаго помѣщенія, гдѣ они могли укрыться отъ сырости и холода?

Отнюдь нѣтъ. Не говоря уже о болѣе отдаленномъ времени, о мрачной эпохѣ среднихъ вѣковъ, когда, по описаніямъ современниковъ, рѣки замерзали на продолжительное время и бѣдняки замерзали въ своихъ

постеляхъ, немногимъ лучше были условія жизни и въ блестящую эпоху французской монархіи, которая славилась блескомъ, роскошью и утонченностью придворной жизни.

Самая плохенькая желѣзная печь, отапливающая въ настоящее время какую-нибудь скромную квартирку, представляетъ собою болѣе совершенный способъ отопленія по сравненію съ тѣмъ, который употреблялся въ ту эпоху у самыхъ богатыхъ и знатныхъ лицъ и даже при дворѣ.

Трудно было бы повѣрить, если бы о томъ не говорилось въ самыхъ достовѣрныхъ мемуарахъ современниковъ, что Людовикъ XIII, Людовикъ XIV и Людовикъ XV жестоко страдали отъ холода въ Луврѣ, Фонтенебло, Марли и Версалѣ.

Изъ любопытной переписки матери регента французскаго престола, съ Мазарини, мы узнаемъ, что въ 1695 г. на королевскомъ столѣ замерзали вода и вино, а въ 1709 г. по случаю сильнаго мороза были закрыты театры и пріостановленъ разборъ дѣлъ въ судѣ. Не говоря уже объ этихъ исключительныхъ годахъ, мы находимъ въ дневникѣ, въ который заносились свѣдѣнія о здоровьѣ Людовика XIV (Journal de la santé de Louis XIV), длинный перечень всевозможныхъ простудныхъ болѣзней, начиная отъ насморка и кончая упорными катаррами, отъ которыхъ то и дѣло страдалъ вслѣдствіе простуды „величайшій король на землѣ“.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя г-жа Помпадуръ писала брату, что во дворцѣ, въ Марли, въ разныхъ комнатахъ температура была такъ различна, что придворныя красавицы и лица самыя приближенныя королю потрясали стѣны дворца въ апрѣлѣ мѣсяцѣ своимъ кашлемъ, „какъ будто въ декабрѣ“.

Въ домахъ простыхъ гражданъ дѣло обстояло, конечно, еще хуже. Изъ неуютныхъ комнатъ выходили прямо на холодныя площадки; плохо пригнанныя двери не запирались плотно, пропуская рѣзкій холодный вѣтеръ; примитивнаго устройства рамы плохо предохраняли отъ стужи; когда же замерзали рѣки, то прекращался подвозъ дровъ.

О простомъ народѣ и говорить нечего: тутъ разыгрывались картины самой ужасающей нищеты, доводившей народъ до отчаянія, до грабежа. Такъ, съ 5-го января по 2-е февраля 1709 г. отъ голода и холода въ Парижѣ умерло двадцать четыре тысячи человѣкъ. 1716 г. былъ еще ужаснѣе.

Чтобы спасти себя какъ-нибудь отъ замерзанія въ тогдашнихъ огромныхъ, неуютныхъ комнатахъ, дамы и кавалеры прибѣгали къ всевозможнымъ ухищреніямъ.

Въ разсказахъ современниковъ о знаменитомъ салонѣ г-жи Рам-

булье [1]), повѣствуется, что хозяйка дома принимала гостей на постели, всунувъ ноги въ мѣшокъ изъ медвѣжьей шкуры и накутавъ на голову множество платковъ, и говорила шутя, что зимою она глохнетъ и начинаетъ слышать только на Пасхѣ.

Извѣстный писатель Малербъ, спасаясь отъ холода, надѣвалъ по нѣсколько паръ чулокъ и, чтобы не спутаться и не надѣть на одну ногу больше чулокъ, чѣмъ на другую, онъ приказывалъ мѣтить ихъ подрядъ всѣми буквами азбуки и однажды сказалъ Расину: „Сегодня у меня надѣто ихъ до буквы л“, т. е. 11 паръ.

Принцессы и аристократки чуть не до 18-го вѣка принимали посѣтителей въ постели. Такимъ образомъ возникли знаменитыя „Ruelles“ (проходы между кроватью), въ которыхъ помѣщались гости. Позднѣе, знаменитая г-жа Рамбулье, которая давала тонъ Парижу и была законодательницей модъ, начала устраивать у себя альковы и ввела въ употребленіе ширмы, что̀ давало возможность устроить въ большой комнатѣ маленькое отдѣленіе и сдѣлать ее такимъ образомъ уютнѣе.

Что касается извѣстной г-жи Ментенонъ, которая не могла и въ своемъ высокомъ положеніи забыть, что она чуть не замерзла въ молодости, живя у своей родственницы Нельянъ (Neuillant), то она устроила себѣ въ квартирѣ нишу: это былъ какъ-бы большой исповѣдальникъ, задрапированный съ трехъ сторонъ матеріей, чтобы въ немъ не продувалъ вѣтеръ. Таковыя ниши были устроены для Ментенонъ во всѣхъ королевскихъ дворцахъ.

Такой же исторической мебелью былъ боченокъ знаменитой г-жи Дюдеванъ (Жоржъ Зандъ), которая прятала въ него ноги, сохраняя ихъ отъ сквознаго вѣтра.

Нельзя не упомянуть также о многочисленныхъ и разнообразныхъ приспособленіяхъ для согрѣванія тѣла: о разныхъ грѣлкахъ, наполненныхъ горячей водою и угольями, мѣхахъ, жаровняхъ для ногъ и т. п., которыя въ настоящее время вышли изъ употребленія и описаніе которыхъ заняло бы цѣлый томъ.

Хотя во дворцахъ и въ частныхъ домахъ существовали печи весьма внушительныхъ размѣровъ, но онѣ топились далеко не такъ хорошо, какъ можно было предположить по ихъ монументальному виду, не говоря уже о томъ, что ихъ было крайне недостаточно.

Въ Сенъ-Клу, напримѣръ, было такъ мало печей, что герцогиня Орлеанская просыпалась, зимою, каждое утро, въ страхѣ, что ея люди замерзли или озноблены отъ холода.

---

[1]) Маркиза Екатерина Рамбулье (1588—1665 г.), хозяйка знаменитаго парижскаго салона.

Что касается огромныхъ каминовъ, которые устраивались во дворцахъ, то, по словамъ современниковъ, они поджаривали тѣхъ, кто сидѣлъ близко отъ нихъ, вызывали приливы крови, головныя боли, кашель и насморкъ, тогда какъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ камина застывали ноги отъ сильной тяги, которая образовывалась въ комнатѣ. Кромѣ того, эти злополучные камины постоянно дымили, и самые просвѣщенные умы того времени, самые талантливые, нерѣдко геніальные люди изыскивали средства устранить этотъ дымъ и копоть; но всѣ старанія не приводили ни къ чему, и въ половинѣ семнадцатаго вѣка (1642 г.) архитекторъ Саво признается въ своемъ сочиненіи „Architecture française des Bastiments particuliers“, что самое практическое средство, чтобы не задохнуться отъ дыма—это „пріотворить окно или дверь, дабы притокъ воздуха освѣжилъ комнату и установилъ тягу“.

Изъ этого мы видимъ, что столь воспѣтый въ средніе вѣка „домашній очагъ“ доставлялъ даже обитателямъ дворцовъ и замковъ не мало горя и заставлялъ не мало прекрасныхъ глазъ проливать слезы.

Нерѣдко случалось, что дома стояли необитаемыми и ихъ даже никто не покупалъ изъ-за того, что въ нихъ невыносимо дымили печи и камины. Эта мука продолжалась до 18-го вѣка.

„Поѣздка въ Бельвю [1]) была не особенно пріятна,—писалъ маркизъ д'Аржансонъ (30-го ноября 1750 г.),—ибо въ комнатахъ вѣчно стоялъ дымъ“.

„Моя комната выходитъ въ садъ,—писала г-жа Жанлисъ,—и я была бы очень довольна ею, если бы мой каминъ не дымилъ“.

Если печи дымили такимъ образомъ у г-жи Помпадуръ и Жанлисъ, то можно себѣ представить, что было у болѣе скромныхъ людей.

Только во второй половинѣ 18-го вѣка въ отопленіи жилыхъ помѣщеній были сдѣланы значительныя улучшенія, послѣ того какъ народилась цѣлая литература, посвященная вопросу объ усовершенствованіи способовъ отопленія, да и то достигнутые результаты далеко не соотвѣтствовали положенному на это труду. Любопытно, что камины перестали дымить какъ разъ въ то время, когда, съ изобрѣтеніемъ спичекъ, исчезла надобность поддерживать въ нихъ во всякое время, день и ночь, огонь, чтобы имѣть нѣсколько горячихъ угольковъ, о которые зажигались сѣрныя спички, загоравшіяся только отъ соприкосновенія съ горящимъ тѣломъ.

Трудно себѣ представить, какъ мало свѣта проникало въ город-

---

[1]) Bellevue—замокъ, построенный Людовикомъ XV въ 1748 г. для маркизы Помпадуръ.

скія жилища, въ то время, когда самые великолѣпные дома Парижа стояли въ узкихъ, темныхъ, извилистахъ улицахъ.

Извѣстнѣйшія красавицы семнадцатаго вѣка, прославленныя своимъ изяществомъ и граціей, не пренебрегали заброшенными теперь кварталами, гдѣ солнце не заглядывало въ дома круглый годъ и гдѣ зимою темнѣло уже въ два часа дня.

Маленькій совѣтъ, который мы находимъ въ одномъ латинскомъ сочиненіи 16 вѣка, принадлежащемъ перу извѣстнаго философа Эразма, даетъ лучше всего понятіе о томъ, какъ скудно было въ ту эпоху искусственное освѣщеніе домовъ. Надобно замѣтить, что книга эта, озаглавленная „Civilité puérile“, была посвящена лицу высокопоставленному, а именно молодому Генриху Бургундскому.

„Когда вамъ нужно будетъ снять нагаръ со свѣчи“, пишетъ Эразмъ, „снимите ее прежде всего со стола и, снявъ нагаръ, бросьте его немедленно въ пепелъ или затопчите ногою, чтобы не доставить присутствующимъ непріятности смраднымъ запахомъ“.

Эразмъ могъ бы присовокупить: „остерегайтесь обжечь пальцы, другъ мой, такъ какъ это случается нерѣдко съ самыми знатными людьми“.

Изъ этихъ немногихъ словъ мы видимъ, что и высокопоставленныя лица довольствовались сальной свѣчей, съ которой они снимали нагаръ пальцами.

Даже въ театрахъ сальныя свѣчи были замѣнены лампами только въ 1784 г., а средній классъ общества не далѣе какъ въ половинѣ 19 вѣка долженъ былъ удовлетворяться неопрятными и противными сальными свѣчами.

Единственный, впрочемъ весьма существенный прогрессъ состоялъ въ томъ, что нагаръ снимался не пальцами, а щипцами.

Но и это скромное освѣщеніе не всегда можно было имѣть въ достаточномъ количествѣ. Такъ, напр., въ 1709 г., вслѣдствіе суровой зимы много скота погибло отъ холода и парижанамъ пришлось не разъ ложиться спать въ потемкахъ. Эта непріятная исторія повторялась во времена Регентства, съ тою разницей, что этотъ разъ виною въ этомъ было нѣсколько важныхъ сановниковъ, которые, пользуясь покровительствомъ герцоговъ Бурбонскихъ, скупили все сало, которое имъ удалось достать. Цѣна 1 ф. сальныхъ свѣчей доходила тогда до 9 франковъ.

Но, разумѣется, и эти жалкія свѣчи были большимъ прогрессомъ сравнительно съ плошками и факелами, которые употреблялись для освѣщенія раньше; можно себѣ представить, что было за освѣщеніе: красноватый свѣтъ, напоминавшій зарево, застилаемый густымъ ѣдкимъ дымомъ, который разъѣдалъ глаза и горло. А между тѣмъ

сколько поколѣній не знали инаго свѣта: факела долгое время фигурировали на всѣхъ королевскихъ празднествахъ.

Много пришлось поработать ученымъ и техникамъ, чтобы дойти шагъ за шагомъ до изобрѣтенія лампъ, которыя были съ теченіемъ времени превзойдены газомъ. Этотъ послѣдній вызвалъ восторгъ французскаго общества, которое, на первыхъ порахъ было буквально „ослѣплено“ имъ.

II.

Ежели существовавшій въ 17 вѣкѣ обычай принимать посѣтителей въ постели кажется намъ, въ настоящее время, въ высшей степени страннымъ, равно какъ и обыкновеніе совершать туалетъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, соблюдавшееся въ теченіе двухсотъ лѣтъ королевами, принцессами и женщинами самой безупречной добродѣтели, то еще изумительнѣе былъ, совершенно не поддающійся объясненію, обычай принимать не только близкихъ знакомыхъ, но даже оффиціальныхъ посѣтителей, на „стульяхъ“, предназначенныхъ для столь интимнаго употребленія, что о нихъ даже не принято упоминать въ обществѣ.

А между тѣмъ этотъ обычай существовалъ несомнѣнно; доказательствомъ того служитъ роскошь, съ какою отдѣлывались эти предметы домашняго обихода, начиная съ 14 вѣка.

Такъ, напр., король Іоаннъ Добрый [1]) заказалъ художнику Жирару два такихъ стула, которые были отдѣланы бархатомъ и украшены миніатюрами, для принцевъ, своихъ сыновей; это доказываетъ безспорно, что эту мебель лицезрѣли въ извѣстные моменты избранные люди. Насколько ихъ работа была художественна, можно судить по цѣнѣ: каждый стулъ обошелся 64 фр.—сумма по тому времени огромная, если принять во вниманіе, что такой же простой стулъ стоитъ всего 33 су.

Хотя наши понятія о королевскомъ достоинствѣ плохо вяжутся съ этимъ страннымъ обычаемъ, но въ томъ, что онъ существовалъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ этотъ фактъ засвидѣтельствованъ извѣстнѣйшими писателями, заслуживающими полнаго довѣрія. Такъ, напр., Монтень подтрунивалъ надъ принцами, которые

---

[1]) Іоаннъ Добрый, второй король Франціи изъ дома Валуа, царствовавшій съ 1350—64 г.г.

„рѣшали важнѣйшія дѣла, возсѣдая, вмѣсто трона, на стулѣ...“, а извѣстный Сенъ-Симонъ подтверждаетъ, что величайшая милость, какую Людовикъ XIV могъ оказать своимъ придворнымъ чинамъ, состояла въ дозволеніи присутствовать при этихъ, далеко не торжественныхъ моментахъ.

„Отслушавъ по утру обѣдню, Людовикъ XIV возвращался во внутренніе покои“, повѣствуетъ маркизъ Данжо [1]), „переодѣвался, затѣмъ садился на свой „стулъ“, при чемъ присутствовали высшіе сановники. „Впослѣдствіи, послѣ перенесенной большой операціи, Людовикъ XIV приказалъ перенести эту августѣйшую мебель къ г-жѣ Ментенонъ, и ея присутствіе въ аппартаментахъ строгой подруги монарха было признано всѣми за знакъ самой очевидной привязанности и величайшаго благоволенія“.

Примѣръ короля не остался, конечно, безъ подражателей,—сановники и даже придворныя дамы и принцессы, привыкнувъ съ дѣтства къ подобному зрѣлищу, не старались искоренить его, а поддерживали своимъ примѣромъ. Очаровательная горцогиня Бургундская очень любила бесѣдовать со своими приближенными, сидя на своемъ „стулѣ“.

Подобный обычай существовалъ до паденія монархіи, и мебель, подвергшаяся нынѣ гоненію, въ то время никого не шокировала. Самыя высокопоставленныя лица позволяли себѣ по ея поводу шутки, которыя были бы сочтены нынѣ въ высшей степени непристойными.

Тѣ 274 „стула“, которые находились въ одномъ только Версалѣ, заявляли, разумѣется, довольно недвусмысленно о своемъ присутствіи, наполняя дворецъ специфическимъ запахомъ, и если жилище короля было наполнено подобными испареніями, то можно себѣ представить, что представляли собою дома мѣщанъ и жилища простолюдиновъ; но, разумѣется, ихъ „стулья“ не имѣли столь монументальныхъ размѣровъ, какъ во дворцахъ, и не играли никакой роли въ общественныхъ отношеніяхъ, ихъ даже старались скрыть отъ постороннихъ взоровъ, придавая имъ какой-нибудь особенный видъ, напр., видъ сложенной стопки книгъ (!).

Въ высшей степени антигигіеничны были и многія другія условія обстановки, вслѣдствіе отсутствія въ домашнемъ обиходѣ предметовъ первѣйшей необходимости.

Такъ, напр., хотя употребленіе ложекъ было извѣстно въ глубокой древности, но еще въ 17 вѣкѣ ложки употреблялись въ ограниченномъ числѣ; вилокъ же въ то время не существовало вовсе.

---

[1]) Маркизъ Danjeau оставилъ мемуары, или дневникъ придворной жизни при Людовикѣ XIV за 1684—1720 г.г., изд. въ 1854 г. Авторъ описываетъ въ немъ событія дня безъ всякихъ коммертаріевъ, совершенно объективно, что̀ придаетъ его разсказу большую цѣнность.

Въ 14, 15 и 16 вѣкѣ, въ среднемъ классѣ не было принято класть на столъ для каждаго лица отдѣльную ложку, такъ что нѣсколько человѣкъ должны были ѣсть одной ложкой. Еще отвратительнѣе было то, что за отсутствіемъ глубокихъ тарелокъ, которыя еще въ 1655 г. считались во Франціи большой рѣдкостью, той же ложкой черпали изъ общей миски; этотъ отвратительный обычай существовалъ довольно долго.

Герцогу Монтозье [1]) принадлежитъ честь введенія въ употребленіе вилокъ, къ чему общество, по свойственной людямъ косности, отнеслось крайне несочувственно.

„Нуженъ былъ высокій авторитетъ этого человѣка, чтобы провести это нововведеніе“, пишетъ Сенъ-Симонъ.

Теперь трудно себѣ представить, что изящныя дамы и кавалеры двора Людовика XIV брали съ блюда руками куски мяса и дичи, облитые соусомъ, а между тѣмъ это было такъ. Разумѣется, они старались дѣлать это какъ можно изящнѣе, и тогдашніе „Сборники хорошаго тона“ полны соотвѣтственными совѣтами. Мясо рекомендовалось, напр., брать осторожно тремя пальцами, не держать долго руку въ блюдѣ, подносить кушанье ко рту не двумя, а одной рукою, при чемъ выражалось пожеланіе, чтобы руки были какъ можно чище, и рекомендовалось „не обсасывать пальцы, если они были грязны или жирны, и не обтирать ихъ о платье, а объ скатерть или салфетку“.

Но эти мудрыя правила соблюдались, повидимому, не особенно строго даже людьми, принадлежавшими къ высшему обществу, и послѣ появленія вилокъ многіе долго еще ѣли преспокойно руками. Въ исходѣ 16-го вѣка эти манеры приводили въ ужасъ болѣе деликатныхъ людей, которые старались ввести въ употребленіе вилки, но всѣ ихъ попытки потерпѣли полное фіаско. Не только обыкновенная публика, но даже самые передовые люди и философы энергично протестовали противъ этого нововведенія, которое было аттестовано „непохвальнымъ сибаритствомъ, болѣе достойнымъ толпы гермафродитовъ, нежели сильной и могучей націи“.

Всесильный и властный „обычай“ объявилъ этому нововведенію яростную войну; его считали опаснымъ для нравовъ и поэтому ненавистнымъ.

Всѣ преимущества этого нововведенія были оцѣнены только изящными кавалерами двора Генриха III. Королева Маргарита, Генрихъ IV и принцъ Генрихъ Конде первые начали употреблять вилки. Людовикъ XIII былъ съ дѣтства пріученъ употреблять всѣ принадлежности такъ называемаго „прибора“ и, по разсказамъ его врача, бу-

[1]) Montauzier, p. 1610 † 1690 г.

дучи ребенкомъ, отбивалъ по столу воинственные марши ножомъ и вилкой. Поэтому онъ и впослѣдствіи пользовался ножомъ и вилкой, но ни его супруга, ни племянница, ни его сынъ, король Людовикъ XIV, не послѣдовали этому примѣру. Современные мемуары Мотвиля, г-жи Монпансье и другихъ лицъ не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

И такъ мы видимъ, что въ эпоху, когда наука и искусство стояли уже на высокой степени развитія и когда общественная и придворная жизнь достигла утонченныхъ формъ, люди были лишены въ обыденной жизни самыхъ элементарныхъ удобствъ; они страдали отъ холода, отъ недостатка свѣта, жили при самой антигигіенической обстановкѣ; мало того, они не имѣютъ даже никакого понятія о времени, ибо у нихъ не было часовъ.

Въ настоящее время, благодаря усовершенствованію часовыхъ механизмовъ, всякій можетъ быть точенъ и аккуратенъ, и намъ кажется непонятнымъ, какъ могла возникнуть поговорка, что „аккуратность есть вѣжливость королей“.

Между тѣмъ возможность знать въ точности время была нѣкогда дѣйствительно исключительной привилегіей царственныхъ особъ.

Начиная съ глубокой древности, оффиціальная и частная жизнь монарховъ подчинялась до мельчайшихъ подробностей неумолимому этикету. Въ этомъ отношеніи мелочныя требованія этикета, соблюдавшіяся при дворѣ Людовика XIV, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ церемоніаломъ, который соблюдался въ Византіи, а послѣдній былъ лишь слабымъ отголоскомъ этикета, господствовавшаго въ древности при азіатскихъ дворахъ.

Но монархъ могъ быть аккуратенъ въ распредѣленіи своего времени только при условіи, чтобы король въ точности зналъ время, а для этого, за неимѣніемъ часовъ, приходилось имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстное число опытныхъ лицъ, спеціальное занятіе коихъ состояло въ томъ, чтобы слѣдить за движеніемъ солнца и, руководствуясь этимъ, опредѣлять время; само собою разумѣется, это преимущество могло быть принадлежностью только царственныхъ лицъ.

Обычай содержать при дворѣ особыхъ чиновниковъ для опредѣленія времени существовалъ во многихъ странахъ очень долгое время послѣ того, какъ были изобрѣтены механическіе часы, а въ Ватиканѣ, какъ это ни покажется невѣроятнымъ, онъ соблюдался до 1903 г., т. е. до вступленія на папскій престолъ нынѣшняго папы Пія X. До этого года этикетъ не позволялъ папѣ смотрѣть на часы, такъ что, хотя Левъ XIII имѣлъ множество великолѣпныхъ часовъ, но онъ не употреблялъ ни однихъ изъ нихъ, и каждый разъ, какъ ему надобно было знать время, онъ долженъ былъ обращаться къ камерарію.

Что касается обыкновенныхъ смертныхъ, то они не имѣли возможности точно знать время; имъ приходилось руководствоваться звономъ колоколовъ церквей и монастырей, съ коими сообразовалась вся городская жизнь: открывались и закрывались городскія ворота, начиналась торговля на рынкахъ, а вечеромъ стихало движеніе.

Въ настоящее время жизнь настолько осложнилась, что безъ точнаго знанія времени для многихъ было бы немыслимо точное исполненіе своихъ обязанностей и ужъ, конечно, было бы невозможно путешествовать съ нынѣшней изумительной быстротою.

Конечно, люди путешествовали и въ 17 и 18 вѣкѣ и даже раньше, но тогда это было сопряжено съ огромными затрудненіями.

Въ то время все было неопредѣленно, начиная съ часа отъѣзда, а о времени пріѣзда и говорить нечего, оно никогда не могло быть опредѣлено даже приблизительно и находилось въ зависимости отъ тысячи случайностей. Да и въ пути приходилось испытывать не мало хлопотъ и непріятностей.

Во Франціи правильное почтовое сообщеніе было установлено только въ царствованіе Людовика XI (царствовалъ съ 1461—1483). Это было большимъ удобствомъ для купцовъ, для учащихся и вообще для всѣхъ дѣловыхъ людей.

Что касается сановниковъ, принцевъ и лицъ богатыхъ, то ихъ путешествіе напоминало исходъ евреевъ изъ Египта; они не только тащили съ собою подставныхъ лошадей, но вмѣстѣ съ ними отправлялись въ путь ихъ семейства, капелланы, пажи, придворные, а за ними ѣхали телѣги съ кроватями, почетными сѣдалищами, столовой и кухонной посудой, церковной утварью и множествомъ слугъ, конюховъ, оруженосцевъ и вассаловъ.

Этотъ обременительный способъ путешествія существовалъ очень долго.

Въ мемуарахъ итальянца Бенвенуто Челлини описывается, что свита короля Франциска I [1]), даже во время самыхъ незначительныхъ его путешествій, состояла не менѣе какъ изъ 1.200 всадниковъ и 18 тысячъ пѣшихъ людей. Сто лѣтъ спустя, герцогиня Мантуанская, посѣтивъ Францію и Парижъ, явилась въ сопровожденіи 230 всадниковъ.

Съ такой пышностью путешествовали, впрочемъ, не одни принцы и принцессы. Въ „Oeconomies royales“ Sully находимъ любопытное описаніе небольшаго путешествія, совершеннаго г-жею де-Ліанкуръ въ аббатство Мобюиссонъ, близъ Понтуаза.

„Впереди ѣхали слуги и пажи, за которыми несли герцогиню де-

[1]) Вступилъ на престолъ въ 1515 г.

Ліанкуръ на носилкахъ, окруженную сонмомъ слугъ. За ними слѣдовало множество вьючныхъ муловъ, телѣгъ и каретъ съ женскою прислугою, которыя то и дѣло увязали въ грязи, опрокидывались и подвергались всевозможнымъ случайностямъ, во время которыхъ жизнь самой герцогини и ея слугъ подвергалась не разъ опасности".

Лѣтъ 50 спустя, Мазарини, отправляясь на Фазаній островъ [1]), окружилъ себя по истинѣ царской роскошью. Его личную свиту составляли 60 маршаловъ, генераловъ и статсъ-секретарей, коихъ конвоировалъ небольшой отрядъ войска. Кромѣ того, при Мазарини состояло 16 пажей и 150 слугъ. Позади слѣдовало безчисленное множество всякихъ телѣгъ и семь экипажей, предназначавшихся лично для Мазарини, и нѣсколько верховыхъ лошадей, коихъ вели подъ уздцы и которыя были покрыты такими роскошными, шитыми золотомъ, чепраками и попонами, что ихъ употребили впослѣдствіи на украшеніе церковнаго алтаря и хора.

„То, что считалось пригоднымъ для вьючныхъ животныхъ", пишетъ Ломени де-Бріеннъ, ѣхавшая съ Мазарини, „было сочтено впослѣдствіи годнымъ для Бога. Какая богатая тема для размышленій!"

Съ появленіемъ каретъ, которыя были заимствованы во Франціи изъ Италіи и вошли окончательно въ употребленіе при Маріи Медичи, въ началѣ 17-го вѣка, въ способѣ передвиженія произошелъ радикальный переворотъ.

Лѣтъ 50 передъ тѣмъ, въ 1550 г., въ Парижѣ было всего три кареты. Одна изъ нихъ принадлежала королевѣ, супругѣ Генриха II, который употреблялъ ее для переѣзда изъ Лувра въ городскую ратушу, другая—ея дочери, и третья—Іоанну де-Ливаль, который, по причинѣ чрезмѣрной тучности, не могъ ѣздить верхомъ.

Несмотря на безспорное удобство, которое представляла ѣзда въ экипажѣ, въ особенности для женщинъ, каретамъ долгое время предпочитали носилки, и путешествіе въ экипажѣ считалось до конца 16-го вѣка исключительной привилегіей царственныхъ лицъ. Сама Марія Медичи, при жизни Генриха IV († 1610 г.), путешествовала не иначе, какъ въ носилкахъ, а супругъ сопровождалъ ее верхомъ.

Мужчины долгое время относились съ презрѣніемъ къ ѣздѣ въ экипажѣ.

„Я не переношу продолжительнаго сидѣнья въ каретѣ, въ носилкахъ или въ лодкѣ,—писалъ Монтень;—я ненавижу всякій иной способъ передвиженія, кромѣ какъ верхомъ на лошади".

Вслѣдствіе отвратительнаго состоянія дорогъ, ѣзда верхомъ счи-

[1]) Островъ Фазаній или Конференціи—небольшой островокъ на рѣкѣ Бидасоа, составляющей границу между Испаніей и Франціей, на которомъ въ 1659 г. былъ заключенъ Пиренейскій миръ.

талась долгое время самымъ надежнымъ и быстрымъ способомъ передвиженія между отдѣльными пунктами, такъ что пересылка экстренныхъ и важныхъ бумагъ вплоть до появленія желѣзныхъ дорогъ производилась при помощи курьеровъ, скакавшихъ во весь опоръ.

Насколько это было быстрѣе ѣзды въ экипажѣ, показываетъ слѣдующій примѣръ: курьеръ, посланный изъ Парижа къ Генриху III [1]) съ извѣстіемъ о кончинѣ его брата, Карла IX, былъ въ пути 13 дней; если бы онъ ѣхалъ въ экипажѣ, то ему пришлось бы ѣхать не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

Въ царствованіе Людовика XIV число экипажей значительно умножилось; ихъ насчитывали уже тысячами; распространеніе ихъ имѣло, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на частную и общественную жизнь Европы и на самую физіономію городовъ.

При появленіи первыхъ экипажей, улицы Парижа были такъ узки, что по нимъ могли двигаться только пѣшеходы. По словамъ одного юмориста-англичанина, „онѣ были до того узки, что простая тачка едва могла повернуться на нихъ“.

Можно было бы думать, что новые экипажи, приспособленные къ узкимъ извилистымъ улицамъ, по коимъ имъ приходилось передвигаться, были легкіе, маленькіе, не стѣсняли уличнаго движенія, на самомъ же дѣлѣ эти первобытные экипажи было тяжеловѣсны и неуклюжи и до того громоздки, что ихъ едва тащила четверка лошадей.

Тяжелыя, неповоротливыя, онѣ двигались съ трудомъ не только по тогдашнимъ улицамъ, но даже по большимъ дорогамъ. Къ счастью, въ 17 и 18 вѣкѣ людямъ некуда было особенно спѣшить.

„Что касается меня, писала г-жа Севинье [2]) своей дочери, то меня нисколько не стѣсняетъ быть въ дорогѣ хоть цѣлый мѣсяцъ“.

Въ этихъ немногихъ словахъ вылилась вся философія терпѣливыхъ путешественниковъ того времени.

Въ 1689 г. г-жа Севинье совершила поѣздку въ Руанъ, столицу Бретани. Она ѣхала въ каретѣ, въ сопровожденіи герцогини де-Шонъ (Chaulnes). Герцогъ, который управлялъ этой провинціей, заготовилъ для нихъ по всему пути подставныхъ лошадей. Пріѣхавъ въ Ренъ, прелестная маркиза писала своей дочери, что онѣ „проѣхали 100 лье въ восемь съ половиной дней“, слѣдовательно, онѣ ѣхали по 11 лье

---

[1]) Генрихъ III—герцогъ Анжуйскій, избранный, благодаря происканъ его матери, Екатерины Медичи, на польскій престолъ, получивъ, годъ спустя, извѣстіе о кончинѣ своего брата, Карла IX, возвратился во Францію и вступилъ на французскій престолъ.

[2]) Маркиза де-Севинье извѣстна своей перепиской съ дочерью, которая служитъ образцомъ эпистолярнаго стиля.

въ день. Такая быстрая ѣзда очень утомила обѣихъ путешественницъ, и онѣ жаловались на то, что онѣ совсѣмъ измучены.

Въ 18 вѣкѣ, когда вошло въ обыкновеніе ѣхать день и ночь, не останавливаясь, путешествія стали совершаться значительно быстрѣе.

Въ 1778 г. Вольтеръ, въ ту пору 84-лѣтній старецъ, отправился, по просьбѣ всего ученаго міра Парижа, изъ своего уединеннаго мѣстопребыванія въ Ферне въ столицу, чтобы присутствовать при первомъ представленіи своей трагедіи „Ирены".

Все было обдумано, подготовлено, предусмотрѣно, чтобы путешествіе могло совершиться съ волшебной быстротою и возможно меньшимъ утомленіемъ. И что же?

Вольтеръ ѣхалъ пять дней и пять ночей разстояніе, которое ѣдутъ нынѣ не болѣе 12 часовъ. Двѣ родственницы Вольтера выѣхали двумя днями раньше на почтовыхъ, и ферпейскій патріархъ догналъ ихъ въ Фонтенебло.

Но для того, чтобы ѣхать съ такой „головокружительной" быстротою, надобно было принадлежать къ высшей аристократіи или, по крайней мѣрѣ, къ высшему финансовому міру. Надобно было сыпать золотомъ, посылать впередъ курьеровъ, которые приготовляли на станціяхъ лошадей и устраняли все, что могло вызвать задержку. Надобно было имѣть, кромѣ того, экипажъ, который могъ бы вынести переѣздъ по отвратительнымъ дорогамъ.

Но тутъ уже приходилось считаться съ всевозможными, иногда весьма печальными случайностями.

Какъ бы прочепъ ни былъ экипажъ, но поломанныя оси и рессоры, порванныя постромки были неизбѣжными спутниками всякаго путешествія. Волей-неволей приходилось останавливаться для починки экипажа, нерѣдко ночью, среди пустыннаго края, гдѣ путешественники подвергались всевозможнымъ опасностямъ. Счастливымъ могъ почитать себя тотъ, кому не выпадало на долю довершить путешествіе пѣшкомъ, какъ это случилось съ извѣстнымъ англійскимъ романистомъ Стерномъ [1]), который явился въ Ліонъ пѣшкомъ, а за нимъ ѣхала телѣга, запряженная волами, съ его багажомъ и обломками кареты.

Подобные случаи были такъ часты, что авторы юмористическихъ разсказовъ, романсовъ, комическихъ оперъ и драматическихъ произведеній 18 вѣка основывали на нихъ зачастую фабулу своихъ произведеній: поломанный или опрокинувшійся экипажъ и вызванная этимъ невольная остановка и случайная встрѣча служили удобнымъ мотивомъ для завязки интриги.

[1]) Стернъ, авторъ извѣстнаго юмористическаго романа: „Сентиментальное путешествіе", р. 1713, † 1768 г.

Таковы были безчисленныя затрудненія, съ коими путешественникамъ приходилось считаться еще въ началѣ 19 вѣка; такъ путешествовали тогда самыя высокопоставленныя лица, а всѣ тѣ, кои не имѣли средствъ ѣздить въ экипажѣ, должны были, какъ въ прежнее время, совершать поѣздки верхомъ. Впрочемъ, уже въ концѣ 17 вѣка появились общественныя кареты или дилижансы, коими могли пользоваться лица, для которыхъ путешествіе верхомъ было недоступно по ихъ комплекціи и лѣтамъ, но эти кареты двигались съ ужасающей медленностью, проѣзжая не болѣе 10 лье въ день. Легко себѣ представить, каково было путешествовать въ этихъ экипажахъ при тѣснотѣ внутри экипажа и страшныхъ ухабахъ и невылазной грязи большихъ дорогъ.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнаго Фонда) въ восьми большихъ книгахъ.

Цѣна по подпискѣ безъ пересылки 20 рублей, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при выдачѣ I книги уплачивается 7 рублей, а затѣмъ 3 р. при выдачѣ II книги и по 2 рубля при выдачѣ III, IV, V, VI и VII книгъ, VIII же книга будетъ выдана безплатно.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія цѣна будетъ повышена. Въ отдѣльной продажѣ I и VII кн. по 3 р. 50 к., II, IV, V, и VI по 4 р., III—2 р. 50 к., VIII—4 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи **М. М. Стасюлевича**, въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

Дозв. цена. Спб., 13 апрѣля 1905 г.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Павелъ Дмитріевичъ
РУДАКОВЪ.

Императоръ Александръ I послѣ занятія Москвы.

(Изъ записокъ Попова).

Тѣмъ долѣе Наполеонъ оставался въ Москвѣ, тѣмъ болѣе успокоивались въ Петербургѣ. Впрочемъ, тамъ опасались нашествія не столько съ этой стороны, сколько отъ Полоцка и Риги. Но бездѣйствіе маршала Макдональда и успѣхи гр. Витгенштейна разсѣяли опасенія. „Теперь ясно, писалъ гр. Местръ министру иностранныхъ дѣлъ сардинскаго короля, что Наполеонъ въ военномъ отношеніи сдѣлалъ большую ошибку, теперь его положеніе весьма плохое и онъ не достигъ своей цѣли. Фельдмаршалъ получилъ значительныя подкрѣпленія и получаетъ ежедневно. Тормасовъ и Чичаговъ слѣдуютъ къ Смоленску, гр. Витгенштейнъ къ Витебску. Французы взяты во флангъ и имъ угрожаетъ большая опасность и пр. и пр. Да, еслибы ополченцы были старые солдаты, если бы съ обѣихъ сторонъ было равенство въ дарованіяхъ, если бы всякій исполнялъ свой долгъ, если бы австрійцы не задержали Тормасова, если бы страхъ не овладѣвалъ умами и пр. и пр. Вотъ сколько „если“. Это страшная задача, которая не можетъ не тревожить всякаго разумнаго человѣка“.

Графъ Местръ, постоянно вращаясь въ высшихъ кругахъ Петербургскаго общества, передавалъ носившіеся въ нихъ слухи и выражавшіяся мнѣнія; но, конечно, какъ человѣкъ самостоятельный, оцѣ-

нивая ихъ съ своей точки зрѣнія и добавляя собственными соображеніями. Едва-ли эти условія возможнаго успѣха Россіи надъ Наполеономъ, выраженныя имъ въ видѣ сомнѣнія, не принадлежатъ ему преимущественно, какъ гражданину Западной Европы, которому, по его словамъ, такъ „часто приходилось въ это время присутствовать при похоронахъ многихъ государствъ и династій, но никогда я не былъ такъ сильно пораженъ какъ тѣмъ, что вижу теперь, потому что я не видалъ, чтобы колебалось такое великое зданіе". Но черезъ недѣлю онъ писалъ уже съ нѣкоторою увѣренностью: „Наполеонъ надѣялся подписать миръ въ Москвѣ и обманулся. Россія держится хорошо, ея армія ежедневно увеличивается. Меньшія арміи, но тоже значительныя, подходятъ къ операціонной линіи французовъ, зима приближается. Такимъ образомъ положеніе Наполеона становится чрезвычайно опаснымъ и, по всѣмъ разсчетамъ вѣроятности, онъ долженъ понесть пораженіе".

„Я также знаю очень хорошо, что такой великій скоморохъ долженъ непремѣнно выкинуть какое-нибудь необыкновенное колѣнцо. Я и не утверждаю ничего; я говорю только, что онъ находится въ великой опасности".

Въ тотъ день, когда при Черншинѣ шло сраженіе, названное Тарутинскимъ, и Мюратъ былъ разбитъ (7-го октября), онъ писалъ: „Русскіе получили подкрѣпленіе, они очень хорошо настроены, храбрости необыкновенной и весьма раздражены противъ непріятеля. Что-то будетъ? Положеніе Наполеона становится тяжелымъ. По общему здѣсь мнѣнію ему предстоитъ одно изъ двухъ: или дать генеральное сраженіе, или отступать. Я скорѣе повѣрю первому предположенію; простое ничѣмъ не скрытое отступленіе не совмѣстно съ непреклонною гордостью этого человѣка. И такъ еще будутъ драться и можетъ быть уже дерутся, когда я пишу эти строки".

Въ опасности того положенія, въ какое поставилъ себя императоръ Наполеонъ, углубившись далеко внутрь страны и долго оставаясь въ Москвѣ, были увѣрены всѣ и, можетъ быть, болѣе всѣхъ самъ императоръ Александръ Павловичъ, въ которомъ это убѣжденіе поддерживалъ Бернадотъ, наслѣдный принцъ шведскій. Соболѣзнуя нашимъ потерямъ, негодуя на коварную и корыстную политику Англіи въ отношеніи къ Россіи и Швеціи, онъ постоянно увѣрялъ императора, что война должна окончиться въ пользу Россіи. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, слѣдовало воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое поставилъ себя противникъ, и сдѣлать его безвыходнымъ для него и его арміи. Воспользуется ли имъ нашъ престарѣлый фельдмаршалъ? Гр. Местръ, сообщая своему двору приведенныя уже свѣдѣнія и предполагая, что Наполеонъ непремѣнно

дастъ большое сраженіе, писалъ въ то же время: „Если русскіе по возможности будутъ дѣйствовать хорошо, знаете ли, чего я боюсь еще? Не того, чтобы фельдмаршалъ не выигралъ сраженія, потому, что какъ я писалъ уже вамъ, не въ тотъ день выигрываются сраженія, когда они происходятъ; но на другой, а иногда два-три дня спустя". Извѣщая прежде о Бородинскомъ сраженіи, какъ о побѣдѣ русскихъ, онъ прибавлялъ однако жъ, что можно считать сраженіе побѣдоноснымъ и только для того изъ противниковъ, кто послѣ него пойдетъ впередъ, а не станетъ отступать, т. е. который воспользуется успѣхомъ и извлечетъ изъ него всѣ выгоды. „Если Бонапартъ выиграетъ сраженіе, продолжаетъ онъ, то онъ можетъ угрожать намъ здѣсь. Но почему онъ его выиграетъ? развѣ наши свинецъ и желѣзо не такъ же убиваютъ, какъ и его, развѣ русскіе офицеры не могутъ скомандовать: „пали"? Я опасаюсь не столько за спасеніе, сколько за честь, я боюсь, чтобы мы не спаслись пошло (platement). Вотъ чего особенно боюсь! Если русскіе уничтожатъ Наполеона, они поправятся, но если только выгонятъ или нанесутъ ему потери, то занятіе Москвы останется замѣтнымъ шрамомъ.

„Чего бы я не далъ, чего бы не сдѣлалъ, чтобы доставить лучшее торжество императору сдѣлаться благодѣтелемъ и идоломъ человѣческаго рода". Въ приведенныхъ словахъ отражаются два различные взгляда на дѣйствія кн. Кутузова, которыя выражались въ разныхъ кругахъ Петербургскаго общества того времени.

Отступленіе послѣ Бородинскаго сраженія императоръ считалъ ошибкою и въ этомъ смыслѣ извѣщалъ о немъ наслѣднаго шведскаго принца. „Чего я опасался, писалъ онъ ему, то и случилось. Князь Кутузовъ не съумѣлъ воспользоваться прекрасною побѣдою 26-го августа. Послѣ постоянныхъ отраженій сильныхъ нападеній Наполеона въ продолженіе дней 24, 25 и 26, такъ что въ послѣдній день непріятель, понеся огромныя потери, въ 6 часовъ по полудни прекратилъ сраженіе и подвинулся назадъ на четыре версты, оставляя намъ поле сраженія, Кутузову недостало смѣлости напасть на него въ свой чередъ и онъ сдѣлалъ такую же ошибку, которая помрачила намъ день Прейсишъ-Эйлау, а испанцамъ и англичанамъ дни Талавейра и Бюзакао, отступивъ на другой день. Позиція, которую онъ занималъ, по его словамъ, сдѣлалась слишкомъ пространна для войскъ послѣ потерь, понесенныхъ ими въ эти славные три дня.

„Эта непростительная ошибка повлекла за собою оставленіе Москвы, потому что не нашлось никакой удобной позиціи. Но Москва досталась непріятелю—опустѣлая. Изъ всѣхъ ея жителей въ ней остались одни дворники. Эта потеря жестока, я долженъ сознаться, но болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ.

По крайней мѣрѣ она послужитъ мнѣ поводомъ представить всей Европѣ наибольшее доказательство, какое только я могу, моего постоянства (persèvèrance) въ продолженіе войны противъ ея угнетателя, потому что послѣ этой раны всѣ другія будутъ простыми царапинами. Я повторяю вашему королевскому высочеству торжественное увѣреніе, что болѣе, нежели когда-нибудь, я и народъ, во главѣ котораго я честь имѣю стоять, рѣшились продолжать войну и скорѣе похоронить себя подъ развалинами имперіи, нежели войти въ соглашенія съ этимъ новымъ Аттиллою“ [1]).

Наслѣдный шведскій принцъ съ большимъ довѣріемъ относился къ военнымъ соображеніямъ фельдмаршала. „Онъ не разстается съ планомъ сраженія при Бородинѣ, какъ писала, находившаяся въ то время въ Стокгольмѣ, г-жа Сталь кн. Кутузовой и безпрестанно говоритъ о немъ съ восторгомъ, передайте это вашему знаменитому супругу“ [2]).

Получивъ извѣстія изъ Петербурга о занятіи Москвы непріятелемъ, онъ писалъ императору: „не зная причинъ, по которымъ генералы вашего величества сочли нужнымъ оставить древнюю столицу имперіи, я не позволю себѣ никакихъ замѣчаній въ этомъ отношеніи и ограничусь выраженіемъ грусти, которую причинило мнѣ такое извѣстіе. Императоръ Наполеонъ достигъ своей цѣли, онъ поразилъ Европу изумленіемъ и полагаетъ этимъ занятіемъ устрашить васъ и принудить подписать условія мира, которыя онъ предложитъ. Но пока онъ находится во главѣ арміи, которая многочисленнѣе вашей, то эта слава на другой же день можетъ помрачиться. Если ваши генералы не собрали еще своихъ силъ, чтобы дать сраженіе, то его бюллетени разнесутъ вѣсть повсюду и внушатъ ужасъ и отчаяніе между народами, которыхъ взоры и надежды обращены на васъ. Хотя величіе души вашего величества выше этого событія, однако же я умоляю немедленно собрать новыя войска, чтобы постепенно вводить ихъ въ составъ дѣйствующей арміи; воюютъ, имѣя людей; а подъ знаменами вашими ихъ можетъ быть много. Безъ сомнѣнія кн. Кутузовъ далъ приказаніе Молдавской арміи двинуться на Минскъ или на Смоленскъ, а гр. Витгенштейнъ, разбивъ корпусъ, который находился передъ нимъ, пойдетъ на Витебскъ и войдетъ въ сообщеніе, хотя черезъ отдѣльные отряды, съ Молдавскою арміей. Эти двѣ арміи, соединившись, могутъ въ странѣ, которую займутъ, образовать народное ополченіе, снабдивъ его ружьями, которыя найдутъ въ французскихъ складахъ. Впрочемъ, если ваше величество всѣхъ этихъ силъ не могли бы снабдить ружьями, то они могутъ быть вооружены пиками.

---

[1]) Письмо изъ Петербурга отъ 19-го сент. 1812 г.

[2]) Письмо изъ Стокгольма отъ 28-го сент. н. ст. 1812 г.

„Я постоянно готовъ исполнить предположенія, о которыхъ мы условились съ вашимъ величествомъ и отъ которыхъ неминуемо послѣдуетъ очищеніе областей, занятыхъ французскими войсками. Но въ случаѣ, если бы вашему величеству пришлось испытать нѣкоторыя новыя неудачи и вы должны бы отложить диверсію, то прошу вспомнить все, что было условлено между нами въ Або, и вѣрить, что мои чувства къ вамъ суть и останутся всегда неизмѣнными“ [1]). Изъ приведеннаго письма видно, что Бернадоту былъ вполнѣ извѣстенъ планъ дѣйствій, который былъ разсчитанъ на отступленіе непріятеля и на совокупное дѣйствіе противъ него при Березинѣ,—тотъ планъ, который фельдмаршалъ получилъ отъ императора лишь только тогда, какъ вступилъ съ войсками въ Тарутинскій лагерь. Очевидно, при свиданіи съ императоромъ въ Або онъ зналъ уже о немъ, а можетъ и самъ принималъ участіе въ составленіи этого плана. Получивъ письмо императора, изъ котораго онъ узналъ о томъ франговомъ движеніи, которое предпринялъ послѣ оставленія Москвы фельдмаршалъ, устраивая укрѣпленный лагерь въ Тарутинѣ, и о войскахъ, двинутыхъ въ подкрѣпленіе, какъ ему, такъ и гр. Витгенштейну, онъ понялъ его намѣренія и съ полною увѣренностію въ успѣхъ предпріятія, писалъ государю: „обманутый въ своихъ надеждахъ принудить васъ къ миру, императоръ Наполеонъ попытается напасть, если еще этого не сдѣлалъ, на кн. Кутузова, чтобы открыть себѣ дорогу на Калугу и Тулу, и если одержитъ успѣхъ, то обратится на Чичагова. Однако же все заставляетъ меня предполагать, что подкрѣпленія, которыя получилъ кн. Кутузовъ, дадутъ ему способы самому начать наступленіе. Всѣ же ваши корпуса вмѣстѣ, государь, могутъ поддерживать битву въ продолженіе нѣсколькихъ дней, и я убѣжденъ, что императоръ Наполеонъ окончитъ тѣмъ, что будетъ пораженъ, потому что арміи вашего величества, постоянно пополняя свои потери, будутъ всегда превышать числомъ его войска, которыя, находясь далеко отъ своихъ средствъ, слѣдующихъ изъ Польши и внутренней Германіи, не могутъ получать подкрѣпленій“ [2]). Получая потомъ постоянно извѣстія о сраженіяхъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и дальнѣйшемъ преслѣдованіи Наполеона, онъ высоко цѣнилъ заслуги кн. Кутузова. Г-жа Сталь, поздравляя княгиню Кутузову, что она имѣетъ счастіе быть супругою „великаго генерала, на которомъ почіетъ судьба міра“, прибавляла: „скажите ему, что наслѣдный принцъ шведскій восхищается имъ и готовъ ему помогать. Боже мой, какъ я завидую вамъ; можетъ ли быть прекраснѣе судьба, какъ быть женою великаго че-

[1]) Письмо изъ Стокгольма отъ 6-го окт. н. ст. 1812 г.
[2]) Письмо изъ Стокгольма отъ 10-го ноября н. ст. 1812 г.

ловѣка. Скажите генералу Милорадовичу, что я приготовляю ему лавровый вѣнокъ, какъ достойному сподвижнику своего полководца“ [1]). Но до извѣстій о сраженіяхъ при Краснômъ императоръ иначе относился къ кн. Кутузову. Если онъ и не вполнѣ довѣрялъ тѣмъ доносамъ, которые безпрерывно получалъ противъ него изъ главной квартиры, однако же они не могли не производить дѣйствія и не возбуждать сомнѣній, которыя онъ прямо и рѣшительно выражалъ самому фельдмаршалу. Что касается до общественной молвы, то мнѣнія раздѣлялись. Послѣ извѣстій о сраженіи при Маломъ Ярославцѣ и о томъ, что Наполеонъ вынужденъ отступать по опустошенной имъ Можайской дорогѣ, гр. Местръ писалъ своему правительству: „все, что бы ни говорили о прежнемъ образѣ дѣйствій фельдмаршала, но въ этомъ случаѣ онъ не уронилъ ни своего достоинства, ни достоинства Россіи“. Но описывая затѣмъ бѣдствія, которыя испытываютъ непріятели во время отступленія, онъ говоритъ: „естественно однако же спросить: но для чего же это сопровожденіе съ фланга, къ чему эти задержки? Если французы ослаблены, если казаки одни могутъ обращать ихъ въ бѣгство и брать пушки, если у нихъ нѣтъ ни хлѣба, ни фуража, ни одежды и пр. и пр., для чего же вмѣсто всѣхъ этихъ процессій не напасть на нихъ прямо и съ разу не покончить дѣло? На это я не нахожу отвѣтовъ, въ этомъ-то и состоитъ великая задача настоящаго времени. Извѣстность фельдмаршала не похожа на извѣстность гр. Витгенштейна, у котораго нѣтъ порицателей. Первая какъ будто пріостановлена и не можетъ обойтись безъ дальнѣйшихъ событій. Если онъ возьметъ Бонапарта или доведетъ его до положенія такого безчестнаго, что за нимъ послѣдуетъ его паденіе, кн. Кутузовъ будетъ безсмертнымъ, какая бы ни была его дѣйствительная заслуга въ этихъ событіяхъ; но если онъ упуститъ чудовище съ значительною частію его арміи, если Бонапартъ успѣетъ утвердиться въ Польшѣ, свободно пополнить войска и весною вновь начать кампанію, то фельдмаршалъ сдѣлается на всегда цѣлію насмѣшекъ. Надо подождать! А между тѣмъ судятъ различно о кн. Кутузовѣ. Страсти и здѣсь примѣшиваются ко всему, какъ и вездѣ, и даже болѣе, нежели вездѣ, потому что я думаю, во всей вселенной нельзя найти другаго мѣста, гдѣ бы сужденія были до такой степени преувеличены и страстны, какъ въ этой прекрасной столицѣ. Мнѣ, который одинаково чуждъ какъ страны, такъ ея страстей, мнѣ представляется возможнымъ упрекнуть кн. Кутузова только въ двухъ случаяхъ, которые я не могу объяснить“. Во-первыхъ, онъ упрекаетъ его за то, что онъ сказалъ, что оставленіе Москвы было послѣдствіемъ сдачи

[1]) Письмо изъ Стокгольма отъ 6-го декабря н. ст. 1812 г.

Смоленска. Онъ считаетъ это выраженіе жестокимъ поступкомъ въ отношеніи къ Барклаю-де-Толли, а во-вторыхъ, что подъ Москвою въ полдень онъ сказалъ гр. Ростопчину, что будетъ защищать ее, а вечеромъ оставилъ. Оба эти случая и вызвали гнѣвъ со стороны, какъ Барклая-де-Толли, такъ и гр. Ростопчина. „Друзья гр. Ростопчина, продолжаетъ гр. Местръ, въ этой столицѣ, и Головины въ особенности, безпощадно нападаютъ на фельдмаршала: они говорятъ: онъ только-что отступалъ во время своего 26-дневнаго начальствованія, онъ отдалъ разграбленію Москву и всю губернію, онъ предалъ еще разоренію три уѣзда (Медынь, Малоярославецъ и Боровскъ)“ и пр. и пр. Съ другой стороны враги гр. Ростопчина, которыхъ не малое число, восклицаютъ: „какой полководецъ, какія познанія, какая великолѣпная кампанія, онъ постепенно разрушаетъ непріятеля, истребляетъ его по частямъ, избѣгая кровопролитія и пр. и пр.“. „Для посторонняго зрителя это представляется или с м ѣ ш н о ю трагедіею или п е ч а л ь н о ю комедіею“ [1]). Такъ и было настроено праздное общество, успокоенное побѣдами Витгенштейна за свою безопасность и мало заботившееся о судьбѣ отечества. Каждое извѣстіе о кн. Кутузовѣ, каждое его семейное письмо возбуждало любопытство и толковалось обѣими сторонами по-своему. Но кн. Кутузовъ писалъ не часто, письма его были кратки, о ходѣ событій онъ говорилъ вообще, не распространяясь въ подробностяхъ и не выражая своихъ предположеній и намѣреній, какъ гр. Витгенштейнъ въ письмахъ къ своей супругѣ, ходившихъ по рукамъ. Только одно письмо фельдмаршала къ его супругѣ составляло исключеніе и было распространено въ обществѣ, конечно, ею. Вотъ оно: „30 октября. Не помню деревни, верстъ съ сорокъ отъ Смоленска [2]). Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, но хворалъ очень поясницею, такъ что не могъ на лошади сидѣть. Я получилъ твое письмо, за которое благодарю того, кто вложилъ письмецо въ твоемъ письмѣ ко мнѣ. Скажи, что онъ ангелъ и что если я обожаю женщинъ, то это только для того, что она того пола (М. А. Нарышкина), и если бы она была мужчина, тогда бы мнѣ всѣ женщины были равнодушны. Бенигсена почти къ себѣ не принимаю и скоро отправлю. Сегодня я много думалъ о Бонапарте и вотъ что мнѣ показалось: si on peut prendre la peine de bien juger la conduite continuelle de Bonaparte, on peut se persuader jusqu'à l'évidence qu'il n'a jamais sçu, ou n'a jamais pensé à enchâiner la Fortune, au con-

---

[1]) Депеша 27-го октября (8 ноября) 1812 г. Correspond. diplom., т. I, стран. 226—230.

[2]) 30-го окт. главная квартира фельдмаршала была въ дер. Лобковѣ. Военн. Журн. полков. Толя.

traire. Cette femme capricieuse voyant une production si singulière que cet homme, un mélange de tous les vices, un mélange, dit-on, de tant et tant de monstruosités, que par pur caprice elle s'en est emparé et le mène comme un enfant à la lisière; mais, voyant après beaucoup d'années et son ingratitude et la manière dont-il abusait de sa protection, elle l'a laissé là en disant: fi, le vilain, voilà un vieillard, poursuivait-elle, qui a toujours adoré mon sexe, qui l'idolâtre encore et qui n'a-jamais été ingrât envers nous; il a toujours aimé à être conduit par une femme. Pour me délasser de toutes les horreurs au quelles j'ai participé, je m'en vais lui donner les bras, puor quelque temps au moins.

(Если со вниманіемъ разсмотрѣть постоянный обзоръ дѣйствій Бонапарта, можно до очевидности убѣдиться, что онъ никогда не умѣлъ и не думалъ привязать къ себѣ фортуну; наоборотъ. Эта причудливая женщина, видя такое странное явленіе въ этомъ человѣкѣ, смѣсь всѣхъ пороковъ, смѣсь всѣхъ чудовищностей, овладѣла имъ изъ одной прихоти и вела какъ ребенка на поводкахъ; но увидавъ, послѣ многихъ лѣтъ, его неблагодарность и какъ онъ злоупотреблялъ ея покровительствомъ, она оставила его, сказавъ: фи, негодяй! Вотъ старичекъ, продолжала она, который всегда обожалъ мой полъ и который никогда не былъ неблагодаренъ къ намъ и всегда любилъ находиться подъ руководствомъ женщины; чтобы избавиться отъ всѣхъ ужасовъ, въ которыхъ я участвовала, я дамъ ему свою руку, по крайней мѣрѣ нанѣкоторое время). Письмо это получишь чрезъ Фигпера—здѣшній партизанъ. Погляди-ка на него пристально; это человѣкъ необыкновенный; я эдакой высокой души еще не видалъ; онъ фанатикъ въ храбрости и въ патріотизмѣ и, Богъ знаетъ, чего онъ не предприметъ. Начавъ отъ Бородина, непріятель отъ нашей главной арміи потерялъ 209 пушекъ; почти примѣру нѣтъ. Дѣтямъ благословеніе, вѣрный другъ, Михайло гр. Кутузовъ".

Это письмо распространилось въ обществѣ и конечно возбудило толки. Гр. Местръ сообщилъ его содержаніе своему двору. „Великая задача того времени" о дѣйствіяхъ фельдмаршала, которой разрѣшенія онъ ожидалъ отъ будущихъ происшествій, разрѣшилась весьма скоро—цѣлымъ рядомъ извѣстій, приходившихъ одни за другими о сраженіяхъ при Красномъ [1]). Петербургъ ликовалъ, торжественные пѣлись молебны въ Казанскомъ соборѣ и читались донесенія фельдмаршала, который былъ почтенъ титуломъ свѣтлѣйшаго кн. Смоленскаго. Извѣщая объ этихъ побѣдахъ свой дворъ, гр. Местръ говоритъ: желалъ бы, чтобы „ласточка" донесла ихъ скорѣе до

[1]) „Сѣвер. почта" № 92.

Кальяри. „Одно изъ дѣйствій этой великой трагедіи окончилось, ожидаемъ другаго“ [1]), т. е. переправы черезъ Березину, о которой извѣстія также не замедлили послѣдовать.

Наслѣдный принцъ шведскій зорко слѣдилъ за нашими военными дѣйствіями и порывался принять участіе въ борьбѣ противъ „общаго врага“, какъ называлъ онъ Наполеона. Черезъ нашего посланника въ Стокгольмѣ Сухтелена ему доставлялись подробныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣлъ, и сверхъ того самъ императоръ излагалъ ихъ въ перепискѣ съ нимъ, продолжавшейся непрерывно. Предполагая сдѣлать высадку въ Германіи въ тылъ французамъ, онъ вынужденъ былъ медлить, потому что Россія въ это время не могла удѣлить ему обѣщаннаго корпуса войскъ, а Англія обманывала и Россію и Швецію. „Нельзя не сожалѣть, писалъ онъ императору, о потерянномъ нами времени; но мы можемъ лишь утѣшить себя тѣмъ, государь, что не можемъ ни въ чемъ упрекнуть самихъ себя въ этомъ случаѣ. На однихъ англичанъ должно пасть осужденіе. Недовѣрчивые до послѣдней степени, они дѣйствуютъ противъ Россіи и Швеціи, какъ тормозъ. Я отдаю справедливость принцу-регенту, его честности и желанію быть полезнымъ для общаго дѣла; но страхомъ министерства передъ криками оппозиціи и его желаніемъ руководить военными дѣйствіями на континентѣ только могутъ быть объясняемы замедленія и проволочки. Однако жъ оно могло и теперь еще можетъ присоединиться къ договору, заключенному между вашимъ величествомъ и Швеціею, по крайней мѣрѣ въ отношеніи того, что касается до Норвегіи, оставивъ вопросъ о Зеландіи до послѣдующихъ переговоровъ. Но не однѣ эти жалобы мы можемъ предъявить противъ Великобританіи. Исполненіе уже подписанныхъ ею условій устранено подъ разными предлогами, а предложенныя денежныя вспомоществованія еще не сдѣланы. Между тѣмъ выгоды всей Европы и наши вынуждаютъ насъ переносить такой образъ дѣйствій въ надеждѣ, что наша снисходительность приведетъ британское правительство къ соблюденію правилъ болѣе великодушныхъ и честныхъ. Я имѣлъ уже честь просить ваше величество побудить С.-Джемскій кабинетъ присоединиться къ петербургскому договору и конвенціи, заключённой въ Дабо, если онъ хочетъ дѣйствовать добросовѣстно. Я не понимаю, почему онъ можетъ защищать Данію или Пруссію, которыя находятся въ войнѣ съ нами. Это присоединеніе Великобританіи для насъ тѣмъ болѣе необходимо потому, что ея флоты господствуютъ надъ всѣми морями и не можемъ же мы ввѣриться ея произволу, необезпеченному никакими договорами, и будемъ еще счи-

[1]) Депеша отъ 13/25 ноября 1812; Corresp. diplom., т. I, стран. 259—261.

тать себя счастливыми, если даже, по заключеніи договора, она перестанетъ опасаться измѣны съ нашей стороны". Англія не желала конечно привлечь къ союзу съ нею Швецію цѣною Норвегіи и Зеландіи. Въ виды ея политики вовсе не входило усиливать какоелибо изъ морскихъ государствъ, а напротивъ она стремилась къ тому, чтобы обезсиливать каждое изъ нихъ и въ этомъ смыслѣ она постоянно дѣйствовала такъ во время своихъ войнъ съ Наполеономъ. Помогать Россіи и ея союзникамъ противъ него—она была готова; но только тогда, когда бы ходъ происшествій показалъ, что побѣда останется на сторонѣ Россіи, и что не она будетъ побѣждена и вынуждена заключить миръ съ Наполеономъ, а наоборотъ. Поэтому она не только не входила въ новыя обязательства, но и всѣми способами отклоняла исполненіе уже заключенныхъ условій. Но ходъ происшествій уже принималъ такой оборотъ, что сѣтованія на Англію со стороны наслѣднаго шведскаго принца скоро должны были прекратиться, и онъ могъ принять желанное имъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ" [1]).

Императоръ, въ отвѣтъ на его письмо, писалъ ему: „я исправно извѣщалъ васъ о нашихъ неудачахъ, справедливость требуетъ, чтобы я также поступилъ и въ отношеніи къ нашимъ успѣхамъ, которыми съ нѣкотораго времени увѣнчиваются дѣйствія русскихъ войскъ". Императоръ описалъ успѣшныя дѣйствія гр. Витгенштейна противъ маршаловъ Сенъ-Сира и Виктора и взятіе Полоцка, побѣду гр. Штейнгеля надъ Баварскимъ корпусомъ, тарутинское сраженіе, послѣдствіемъ котораго было оставленіе Москвы непріятелемъ, сраженіе при Малоярославцѣ, послѣ котораго онъ былъ вынужденъ отступать по опустошенной дорогѣ на Можайскъ. „Императоръ Наполеонъ съ этого уже времени, продолжалъ государь, т. е. со времени сраженія при Малоярославцѣ, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія черезъ Калугу проникнуть въ плодородныя наши губерніи, оставивъ армію, самъ отправился впередъ по дорогѣ въ Смоленскъ, отдавъ приказъ, чтобы вся армія слѣдовала той же дорогою. Но чтобы лучше скрыть свое движеніе, онъ двинулъ одинъ корпусъ на Медынь, какъ будто бы онъ намѣревался обойти съ лѣваго фланга нашу армію къ Калугѣ, между тѣмъ какъ гвардія и вся армія уже двигалась на Можайскъ. Если бы фельдмаршалъ Кутузовъ съумѣлъ разгадать намѣреніе непріятеля, онъ могъ бы рѣшительно перерѣзать ему путь отступленія, двинувшись на Юхновъ и оттуда на Вязьму; но онъ это замѣтилъ тогда, какъ непріятель находился уже между Можайскомъ и Гжатскомъ, и онъ только могъ слѣдовать

[1]) Письмо изъ Стокгольма отъ 10-го окт. н. ст. 1812 г.

вблизи за нимъ. Его авангардъ подъ начальствомъ Платова нанесъ пораженіе непріятелю при Колоцкомъ монастырѣ, а Милорадовичъ при Вязьмѣ". Описавъ какъ эти дѣйствія, такъ и дѣйствія Чичагова противъ Шварценберга и Ренье, императоръ заключалъ: „зная вашу дружбу ко мнѣ, я увѣренъ, что вы примете участіе въ этихъ хорошихъ извѣстіяхъ, которыя во всякомъ случаѣ должны сильно способствовать общему дѣлу и потому будутъ вамъ любопытны" [1]).

Бернадотъ благодарилъ императора за сообщеніе подробныхъ свѣдѣній и поздравлялъ съ успѣхомъ военныхъ дѣйствій. „Усилія, которыя ваше величество предприняли для спасенія вашей имперіи, писалъ онъ въ отвѣтъ императору, мнѣ дали уже понять, какія будутъ послѣдствія этой борьбы, и я предвижу, до какого положенія будетъ доведенъ императоръ Наполеонъ. Но его изобрѣтательный геній и огромныя средства, которыми онъ можетъ располагать въ Германіи, еще могутъ дать возможность ему оспаривать успѣхъ на Вислѣ, если мы не поспѣшимъ разрушить его роковое вліяніе, перенесясь на континентъ. Туда, государь, должны быть теперь направлены всѣ усилія. Германія—сердце Европы; перенеся туда наши дѣйствія, мы принудимъ императора Наполеона отодвинуться отъ вашихъ границъ и поспѣшить на Эльбу, чтобы воспрепятствовать захватить Магдебургъ и крѣпости по Одеру. Лишь только я появлюсь въ Германіи, всѣ мои желанія будутъ заключаться въ томъ, чтобы представить новыя доказательства искренности моихъ чувствъ къ вашему величеству и содѣйствовать вамъ установить то равновѣсіе, которое такъ давно нарушено. Я готовъ помогать вамъ, и черезъ пятнадцать дней послѣ того, какъ вы меня извѣстите, я могу двинуться, потому что по распоряженію короля въ нашихъ портахъ готовы всѣ средства, чтобы перевезть насъ на поприще военныхъ дѣйствій. Письма частныхъ лицъ и иностранцевъ, высланныхъ изъ Петербурга, распустили здѣсь слухъ, что по занятіи Москвы императоръ Наполеонъ идетъ на Петербургъ и будто бы достигъ уже Твери и что Петербургъ будетъ оставленъ. Эти извѣстія произвели испугъ, а люди злонамѣренные ихъ распространяли, и враги Россіи думали ими воспользоваться. Неизмѣнный въ моихъ правилахъ и особенной преданности лично вашему величеству, я поспѣшилъ заявить г. Сухтелену, что какой бы оборотъ ни приняла война вашего величества съ императоромъ Наполеономъ, Швеція скорѣе погребетъ себя подъ своими утесами, нежели измѣнитъ своей политикѣ. Король одобрилъ мой поступокъ и поручилъ б. Егерштрему оффиціально выразить то же мнѣніе г. Сухтелену, который вѣроятно не преминулъ извѣстить о

[1]) Письмо изъ Петербурга отъ 28-го окт. н. ст. 1812 г.

томъ ваше величество [1])". Прежде нежели императоръ получилъ это письмо, нашъ посланникъ при Стокгольмскомъ дворѣ уже извѣстилъ государя о твердомъ намѣреніи короля и наслѣднаго принца не отступать ни въ какомъ случаѣ отъ союза съ Россіею [2]). Благодаря наслѣднаго принца, императоръ писалъ ему: „твердость Россіи въ этой трудной борьбѣ теперь вознаграждается", и сообщалъ ему объ успѣхахъ русскихъ войскъ, о сраженіяхъ при р. Вопѣ, сдачѣ дивизіи Ожеро, о битвахъ подъ Краснымъ и дальнѣйшихъ движеніяхъ арміи [3]). Но слухи о побѣдахъ арміи кн. Кутузова уже достигли до Стокгольма и взволновали военныя наклонности прежняго боеваго маршала Франціи. Его завлекала и военная слава и желаніе отмстить человѣку, который такъ сильно оскорблялъ его и котораго судьба по его мнѣнію должна была рѣшиться въ Германіи. Онъ уговорилъ короля отправить нарочнымъ въ Россію графа Левенгельма, брата шведскаго посланника въ Петербургѣ, съ порученіемъ условиться о томъ, чтобы онъ могъ скорѣе предпринять высадку въ Германіи во главѣ русско-шведскихъ войскъ. Но едва гр. Левенгельмъ отправился въ путь, какъ ген. Сухтеленъ вручилъ ему письмо императора, подтверждавшее съ большими подробностями успѣшныя дѣйствія нашихъ войскъ. „Изъ сообщенныхъ свѣдѣній я вижу, отвѣчалъ онъ императору, что послѣдствія кампаніи окончательно опредѣлились, и все предвѣщаетъ, что если императору Наполеону и удастся достигнуть границъ Варшавскаго герцогства, соединиться съ гр. Шварценбергомъ и другими подкрѣпленіями, онъ будетъ держаться въ оборонительномъ положеніи за Вислою; но я еще надѣюсь, что адмиралъ Чичаговъ, на котораго я такъ много разсчитывалъ, нанесетъ ему послѣдній ударъ. Находясь уже въ окрестностяхъ Минска, онъ расположитъ свои войска такъ, чтобы запереть ему проходъ и такимъ образомъ исполнить ожиданія вашего величества и всей Европы. Наборы, которые производятся во Франціи, Италіи, Польшѣ и по всей Германіи, обличаютъ намѣреніе императора Наполеона еще испытать счастіе будущею весною. Ограничивъ линіею Вислы свои зимнія квартиры, онъ весною можетъ съ ихъ помощію одержать нѣкоторые успѣхи надъ отдѣльными корпусами вашего величества. Поэтому я считаю весьма важнымъ, чтобы наши дѣйствія начались не позднѣе конца апрѣля, или противъ Зеландіи, если Данія не войдетъ въ союзъ съ нами, или въ Германіи, если датское правительство приметъ предложенныя ему условія. Ему представляется удобный случай и, если онъ не воспользуется имъ,

[1]) Письмо изъ Стокгольма отъ 25-го ноября н. ст. 1812 г.
[2]) Депеша Сухтелена изъ Стокгольма отъ 20-го сент.—1-го окт. 1812 г.
[3]) Письмо изъ Петербурга отъ 16-го ноября 1812 г.

мы не можемъ себя ни въ чемъ упрекать, потому что будетъ законно все, что бы мы ни предприняли противъ его владѣній. Я не скрою отъ вашего величества, что чрезвычайно бы желалъ, чтобы датскій король приступилъ къ тѣмъ началамъ, которымъ честь обязываетъ его слѣдовать, равно какъ и необходимость спасти свое политическое существованіе. Въ этомъ случаѣ успѣхъ нашихъ дѣйствій не замедлится, и 70 тысячъ русскихъ и шведовъ, соединясь съ 10 тысячами норвежцевъ и 30-ю датчанъ, могутъ внесть войну въ Германію, которую я не перестаю считать сердцемъ Европы и средоточіемъ могущества императора Наполеона. Эта армія, усиленная нѣмецкими патріотами, которые простираютъ къ намъ руки, навѣрное распространитъ свои успѣхи до Рейна, взявъ въ тылъ войска, дѣйствующія противъ васъ.

„Когда Германія будетъ освобождена, ваше величество не будете опасаться ни Австріи, ни Порты и можете дать новое устройство Германской имперіи и безъ всякихъ затрудненій присоединить къ своей имперіи Польское королевство. Я часто размышлялъ о тѣхъ предположеніяхъ, которыя ваше величество сообщили мнѣ въ Або,— разсчитывалъ, какими способами они могли бы удаться и, не вдаваясь въ преувеличенныя надежды, могу увѣрить ваше величество, что по всѣмъ извѣстіямъ, которыя приходятъ ко мнѣ изъ Франціи, полагаю, что успѣхъ ихъ представляется весьма вѣроятнымъ. Но они могутъ быть приведены въ исполненіе только тогда, когда Германія будетъ избавлена отъ французскаго вліянія. Умоляю ваше величество поспѣшить образованіемъ того корпуса войскъ, который долженъ принять участіе въ этомъ великомъ событіи". Окончивъ письмо, наслѣдный принцъ получилъ извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Березину и сдѣлалъ къ нему такую приписку: „Я ожидалъ, государь, что, получивъ извѣстіе объ освобожденіи отъ враговъ вашей имперіи, я могу поздравить васъ и съ плѣномъ лично самого Наполеона. Случай былъ прекрасный; но слишкомъ много было бы хорошаго въ одно время и, если Провидѣнію угодно замедлить установленіе мира и освобожденія Европы, то слѣдуетъ подчиниться его велѣнію [1])".

Это письмо императоръ получилъ въ то время, когда уже собирался оставить Петербургъ и ѣхать къ арміи. Онъ отвѣчалъ наслѣдному принцу краткимъ письмомъ. Извѣщая о томъ, что Вильна занята уже нашими войсками, онъ писалъ: „что касается до дѣлъ Германіи и тѣхъ предположеній, которыя передалъ мнѣ гр. Левенгельмъ, то я полагаю, что мѣры, которыя мы можемъ предпринять, будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ, когда они примутъ болѣе рѣшительное направленіе [2])".

[1]) Письмо изъ Стокгольма отъ 17-го декабря н. ст. 1812 г.
[2]) Письмо изъ Петербурга отъ 6-го декабря 1812 г.

Дѣйствительно, отношенія Россіи какъ къ своимъ союзникамъ, такъ и своимъ противникамъ, еще недостаточно опредѣлились событіями; совершившіяся событія имѣли рѣшительное вліяніе только для нашего отечества. Цѣною великихъ жертвъ, жизнью и имуществомъ гражданъ всѣхъ сословій и состояній Россія справилась съ нашествіемъ непріятелей. Безпримѣрныя по числу войска перваго императора французовъ—были истреблены окончательно. Убогіе ихъ остатки, добитые голодомъ и морозами, убѣжавъ изъ Россіи, вносили смрадъ и заразу въ союзную съ ними Германію.

Европа, привыкшая къ успѣхамъ Наполеона, считавшая его непобѣдимымъ, была слишкомъ ошеломлена извѣстіями объ истребленіи его великой арміи и не успѣла еще одуматься и вглядѣться въ предстоящее будущее. Наиболѣе искренняя наша союзница Швеція, хотя и вызывала насъ на поприще дѣйствій въ Западной Европѣ и сама готова была принять участіе, замедлялась еще по двумъ причинамъ. Опираясь на одни собственныя средства и силы, она дѣйствовать не могла даже противъ Даніи, у которой желала отнять Норвегію. Ей нужно было напередъ получить условленный корпусъ русскихъ войскъ, въ соединеніи съ которымъ войска Швеціи, подъ начальствомъ наслѣднаго принца, могли бы представить достаточную силу, чтобы принять участіе въ общей борьбѣ, съ надеждою на успѣхъ. Но въ это время всѣ дѣйствующія силы Россіи устремлены были къ одной цѣли—для окончательнаго пораженія непріятеля. Стремясь къ этой цѣли, она не могла отдѣлить цѣлый корпусъ отъ своихъ войскъ для предположенной вмѣстѣ съ шведами высадки въ Германію, осуществленію которой препятствовало и время года. Не менѣе нужна была для Швеціи дружба и денежная помощь со стороны Англіи. Эта дружба обезпечивала ей безопасность на морѣ, необходимую для успѣха задуманнаго предпріятія; а деньги дали бы возможность приготовить войска къ походу, снабдивъ ихъ всѣми средствами.

Но правительство Англіи, хотя и вошло въ союзъ какъ съ Россіею, такъ и съ Швеціею, но еще съ недовѣріемъ относилось къ этому союзу и выжидало хода происшествій. Перемѣна русской политики послѣ Тильзитскаго мира внушила ей опасеніе. Она сомнѣвалась въ твердости характера русскаго императора и опасалось присутствія при немъ канцлера, гр. Румянцева, котораго всѣ считали приверженцемъ Наполеона и защитникомъ союза съ Франціею. Она опасалась, что послѣ этихъ неудачъ — первая половина похода и самая потеря Москвы—не могла, конечно, ей внушить довѣрія къ императору Александру, который можетъ согласиться вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ на миръ съ Франціею. Поэтому Англія не рѣшилась вдаваться вполнѣ въ новый союзъ, заключенный съ нею Россіей и Швеціею.

Данія, напуганная мыслью о томъ, что императоръ Наполеонъ отниметъ у ней Гольштейнъ, не рѣшилась также войти въ соглашеніе о союзѣ съ Англіею и сѣверными державами. Начаты были даже тайныя совѣщанія; но они не могли предвѣщать успѣха при тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Ненависть къ Англіи, весьма естественная послѣ разгрома Копенгагена и захвата ея флота англичанами, съ одной стороны, а съ другой союзъ съ Россіею съ условіемъ въ то же время союза съ Швеціею, вѣроятно, не могли способствовать успѣху совѣщаній. Союзъ съ Швеціею сопровождался бы для Даніи неизбѣжною потерею Норвегіи въ виду неопредѣленныхъ вознагражденій въ будущемъ, точно также еще неопредѣленномъ въ это время.

При такомъ положеніи отношеній къ союзникамъ, конечно, еще менѣе возможно было разсчитывать на враговъ, хотя и двусмысленныхъ, какова была Германія. О подручникахъ Наполеона, членахъ Рейнскаго союза, конечно, и рѣчи быть не могло. Но и двѣ великія германскія державы, Пруссія и Австрія, еще не разрывали союза съ Наполеономъ. Корпуса ихъ войскъ были въ составѣ его армій и находились еще въ предѣлахъ Россіи. Нѣмецкіе патріоты указывали на недовольство, распространенное во всемъ народѣ въ Германіи, на ненависть къ французскому господству, ожидали народнаго возстанія въ ней, которое придетъ на помощь какъ русскому войску, когда оно вступитъ въ предѣлы Германіи, такъ и высадкѣ шведско-русскихъ войскъ подъ начальствомъ Бернадота. Но въ это время и они начинали разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ. „О нашихъ соотечественникахъ мы думаемъ одинаково, писалъ гр. Мюстеръ, бывшій ганноверскій министръ изъ Лондона барону Штейну въ Петербургъ. Нѣтъ недостатка въ доброй волѣ, но она соединена съ такою осмотрительностью, что мы не можемъ ожидать никакого движенія противъ общаго врага со стороны обезлюдѣвшей Германіи до тѣхъ поръ, пока мы не придадимъ имъ надежду на успѣхъ и не доставимъ средствъ, чтобы вынудить ихъ стать подъ наши знамена, пока не покажемъ силы, арміи или крѣпкой позиціи, которыя могутъ защитить ихъ“ [1]). Баронъ Штейнъ, пріѣхавъ въ Россію, надѣялся возбудить движеніе въ Германіи и подвинуть общую ненависть къ французамъ и къ дѣйствію противъ нихъ, устроивъ пропаганду, которой средоточіе было въ Прагѣ, и руководилъ ею Грюнеръ; но съ тѣхъ поръ какъ его съ главными соумышленниками схватила австрійская полиція, тогда дѣятельность въ этомъ родѣ совершенно прекратилась, и Германія страдательно ожидала своего спасенія отъ помощи извнѣ.

---

[1]) Письмо изъ Лондона отъ 3-го ноября н. ст. 1812. Перетцъ, Stein's Leben, т. III, стран. 187.

Всѣ надежды нѣмецкихъ патріотовъ сосредоточивались на торжествовавшей надъ Наполеономъ Россіи.

Баронъ Штейнъ, еще въ началѣ сентября, представилъ императору записку о дѣлахъ Германіи. Она была написана послѣ извѣстій о Бородинскомъ сраженіи, возбудившемъ надежду на успѣхъ всей кампаніи, и до полученія въ Петербургѣ извѣстія о занятіи Москвы французами. „Общее положеніе дѣлъ въ настоящее время непремѣнно требуетъ постановить рѣшеніе въ отношеніи къ дѣламъ Германіи. Энергія русскаго народа, геройская храбрость войскъ, мудрость принятыхъ вашимъ величествомъ мѣръ,—писалъ онъ,—разрушили предположенія Наполеона овладѣть столицами, поразить всѣхъ ужасомъ и заставить подписать гибельный и унизительный миръ. Въ настоящее время позволительно надѣяться, что онъ погубитъ всѣ свои силы въ этой борьбѣ и не избѣгнетъ своей гибели. Необходимо ускорить этотъ исходъ, воспользовавшись силами Германіи, и составить планъ дѣйствій, по соглашенію съ Англіею и Швеціею, во 1-хъ, о способѣ возбудить и направить силы этой страны и, во 2-хъ, о началахъ будущаго устройства Германіи". Пользуясь всеобщею ненавистью къ французамъ въ Германіи, онъ совѣтовалъ возбудить народное возстаніе; но „не прибѣгать до тѣхъ поръ къ этому средству, пока не будетъ сдѣлана высадка войскъ, которая могла бы оказать ему защиту и придать значеніе". Страну между Эльбою, Изелемъ, Рейномъ и Тюрингскимъ лѣсомъ онъ считалъ наиболѣе удобною для высадки и совѣтовалъ немедленно привесть въ исполненіе эту мѣру, чтобы не дать времени Наполеону предупредить ее и воспользоваться наборомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ людей, способныхъ носить оружіе, для своихъ войскъ. „Если дѣйствительно хотятъ воспользоваться средствами страны, которую займутъ,—писалъ онъ,—необходимо устроить центральное управленіе, которое придало бы возстанію единство, силу и правильность, чтобы оно устраивало его и направляло. Дѣйствовать въ этомъ случаѣ посредствомъ старыхъ управленій значило бы раздѣлять силы и возлагать обязанности на многочисленныхъ и часто неспособныхъ чиновниковъ и не воспользоваться средствами тѣхъ областей, которыхъ владѣтели находятся въ изгнаніи. Пришлось бы приступить къ предпріятію, которое требуетъ быстроты и единства въ дѣйствіяхъ, ввѣривъ его исполненіе ганноверскому правительству, котораго глава находится въ Лондонѣ, гессенскому, котораго глава—мелочной и скупой старикъ, правительству Фульды, которой католическій князь отличается своего рода воззрѣніями, грунсвикскому, но съ его представителемъ трудно справиться, ольденбургскому, которое, конечно, по своему благоразумію и нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ довѣрія; но я не думаю, чтобы у него достало силы заста-

вить совокупно дѣйствовать исчисленныхъ его товарищей, ихъ кабинеты, министровъ, генераловъ, лакеевъ и любовницъ. Необходимо также принять особенныя мѣры въ отношеніи тѣхъ странъ, которыя не принадлежатъ изгнаннымъ владѣтелямъ, какъ, напримѣръ, ганзейскіе города, герцогство Бергъ, и поэтому ходъ дѣлъ сдѣлается еще болѣе медленъ и сложенъ". Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ, баронъ Штейнъ предлагалъ совершенно особое учрежденіе, не имѣвшее ничего общаго съ прежде существовавшимъ устройствомъ Германіи. „Союзники, — писалъ онъ, — должны твердо выразить свою волю—уничтожить Рейнскій союзъ и пригласить всѣхъ нѣмцевъ соединиться для завоеванія своей свободы. Поэтому на все время, пока будетъ продолжаться война, они учреждаютъ „правительственный совѣтъ" въ странахъ, которыя будутъ заняты высадившимися войсками и гдѣ вспыхнетъ возстаніе, и этому совѣту будетъ присвоена диктаторская власть". Онъ совѣтовалъ ввести въ его составъ гр. Мюнстера въ качествѣ представителя Англіи, Брикмана, какъ представителя Швеціи, и ни на кого не позволялъ себѣ напередъ указывать, какъ на представителя русскаго императора. Онъ полагалъ также предоставить право изгнаннымъ владѣтелямъ назначить одного отъ всѣхъ ихъ члена въ этотъ совѣтъ. Этотъ совѣтъ долженъ былъ приглашать къ себѣ лицъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ, и посредствомъ ихъ дѣйствовать на другихъ и вызывать ихъ на всѣ пожертвованія для общаго дѣла освобожденія. Онъ долженъ былъ устроить въ военномъ и политическомъ отношеніи эти страны, опредѣлить, сколько онѣ должны поставить людей, денегъ, продовольствія, перевозочныхъ средствъ и направлять общественное мнѣніе. Онъ предполагалъ составить ополченіе въ 80 тыс. подъ начальствомъ „извѣстнаго генерала", учредивъ при немъ военный совѣтъ изъ генерала Вальмодена и полковниковъ Гнезенау и Грольмана, „который будетъ также подлежать отвѣтственности за военныя дѣйствія". Это ополченіе должно содержаться на мѣстныя средства и англійскія субсидіи. Въ основу его могутъ быть положены кадры германскаго легіона, составлявшагося въ Россіи. „Такимъ образомъ,—говоритъ баронъ Штейнъ,—война приметъ характеръ народный".

По изложеннымъ его предположеніямъ, всѣ правительства германскихъ государствъ совершенно устранялись отъ дѣла освобожденія ихъ отечества отъ ига французовъ и нѣмецкія ополченія ставились подъ защиту союзныхъ державъ: Россіи, Англіи и Швеціи, и поэтому въ одинаково враждебное положеніе какъ къ французамъ, такъ и къ своимъ правителямъ, находившимся въ союзѣ съ Наполеономъ, и которыхъ баронъ Штейнъ называлъ его префектами. Какое бы значеніе русскій императоръ ни придавалъ народнымъ ополченіямъ, едва-ли

онъ могъ сочувствовать подобному предложенію и при томъ въ то время, когда была представлена записка барономъ Штейномъ, оно оказывалось неисполнимымъ на дѣлѣ, а черезъ нѣсколько дней спустя, когда пришло извѣстіе о занятіи Москвы непріятелемъ, еще менѣе. Не говоря уже о томъ, что союзъ Россіи съ Англіею еще не достигъ зрѣлости и послѣдняя уклонялась еще отъ ревностнаго содѣйствія, самый германскій легіонъ, составлявшійся въ Россіи и который баронъ Штейнъ немедленно, въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ, предлагалъ переправить въ Швецію, въ такомъ ли находился положеніи, чтобы возможно было принимать его въ какой-нибудь разсчетъ?

Число перебѣжчиковъ было весьма незначительно, нѣмцы весьма усердно служили Наполеону. Плѣнные не изъявляли большой готовности вступать въ германскій легіонъ, и онъ составлялся чрезвычайно медленно. Чтобы пособить дѣлу, составлявшій его полковникъ Ахсеншильдъ вздумалъ было вербовать въ него въ Нарвѣ русскихъ подданныхъ. Но лишь только было получено объ этомъ извѣстіе въ Петербургѣ, государь запретилъ прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ [1]). Къ ноябрю мѣсяцу его составъ достигъ до 1.250 чел., когда велѣно было изъ Ревеля отправить его въ Финляндію и расположить у Ловизы и Борго. Въ германскомъ комитетѣ бар. Штейнъ не соглашался со взглядами его предсѣдателя, ревельскаго генералъ-губернатора, принца Августа Ольденбургскаго, укорялъ въ медленности и мелочности Ахсеншильда, негодовалъ на нашего фельдмаршала, что не доставляетъ плѣнныхъ нѣмцевъ для составленія легіона, и на англійское правительство, не принимавшее участія въ немъ. „Такъ какъ Англія, писалъ онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ гр. Мюнстеру въ Лондонъ, не даетъ никакихъ объясненій на счетъ германскаго легіона, то, по недостатку денегъ, приходится медленно его увеличивать, а между тѣмъ сегодня мнѣ сказалъ государь, что 600 вестфальцевъ съ оружіемъ и знаменемъ сдались Витгенштейну. Если бы въ арміи Кутузова было поболѣе человѣческаго смысла (menshenverstand) вмѣсто руссицизма (russizismus), то, конечно, увеличеніе шло бы успѣшнѣе [2])“. Нѣмецкій патріотъ, несмотря на высокія дарованія и образованность, не могъ понять инаго патріотизма, кромѣ нѣмецкаго, и укорялъ въ недостаткѣ именно такого патріотизма нашего фельдмаршала. Начальникамъ русскихъ войскъ и тѣмъ болѣе фельдмаршалу не было ни времени, ни охоты, конечно, производить разборъ плѣнныхъ по народностямъ и уговаривать нѣмцевъ вступить въ легіонъ. Они относились къ этому дѣлу такъ сказать случайно. Пріостановить для этой

[1]) Отношеніе бар. Ливена къ кн. Горчакову 27-го сент. 1812 г.

[2]) Письмо изъ Петербурга отъ 7-го ноября; Пертцъ, т. III, стран. 206—208.

цѣли преслѣдованіе непріятеля, конечно, никто бы изъ нихъ не рѣшился. Къ арміи Витгенштейна ихъ присоединялось болѣе, и въ послѣднее время бѣдствій наполеоновскихъ войскъ они переходили въ значительномъ количествѣ, даже съ оружіемъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ встрѣтилъ кн. Волконскій, посланный императоромъ съ частью войскъ въ уѣзды Сычевскій, Бѣльскій и Торопецкій, долженъ былъ его обезоружить и отправить въ Ревель, потому что и подъ русскими знаменами онъ началъ дѣйствовать такъ же, какъ подъ французскими, т. е. грабилъ русскія деревни [1]).

Во второй половинѣ записки, представленной императору, бар. Штейнъ изложилъ соображенія о будущемъ устройствѣ Германіи, освобожденной отъ ига Наполеона. „Послѣ уничтоженія Рейнскаго союза, говоритъ онъ, надо прямо выразить, что же займетъ его мѣсто. Нѣкоторые говорятъ о возстановленіи старой конституціи имперіи. Но какой? той ли, которая была создана Вестфальскимъ миромъ, или той, которую дерзко навязывала намъ Франція въ 1802 г. и тѣмъ установила зависимость отъ ней нѣмецкихъ государей? Для общихъ выгодъ Европы необходимо, чтобы Германія такъ была устроена, чтобы была въ силахъ охранять свою независимость, противостоять Франціи, открыть свои порты Англіи и предохранить Россію отъ вторженій французовъ. Этой цѣли можно достигнуть: 1) или составивъ изъ Германіи одну монархію, 2) или раздѣливъ ее теченіемъ Майна между Пруссіею и Австріею, или 3) въ обѣихъ этихъ частяхъ оставить нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, союзныхъ или съ Пруссіею, или съ Австріею.

„Всякое изъ этихъ устройствъ уже придастъ болѣе силы Германіи; но что касается до возстановленія старой германской конституціи, то я считаю это невозможнымъ и нежелательнымъ. Эта конституція не вытекала изъ желаній народа, просвѣщенныхъ опытомъ и знаніемъ своихъ потребностей; но была дѣломъ происковъ гордыхъ папъ, мятежнымъ свойствомъ германскихъ князей и вліяніемъ иностранныхъ державъ“.

Онъ представилъ въ краткомъ очеркѣ исторію Германіи, которая отъ 10 до 13 столѣтія была могущественною державою, но потомъ, обезсиленная постояннымъ раздробленіемъ владѣній и войнами, какъ внутренними, такъ внѣшними, дошла до того состоянія, что потеряла всякое единство и подпала подъ власть Франціи. „Таковъ очеркъ исторіи этой несчастной и обширной страны. Захотимъ ли мы послѣ столькихъ опытовъ возстановлять старое зданіе плохой конституціи? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ, что „вмѣсто того, чтобы ее возста-

[1]) Донесеніе императору отъ 26-го окт. 1812.

новлять безконечно, болѣе сообразно будетъ съ выгодами Европы вообще и Германіи въ особенности возстановить древнюю монархію, образовать имперію, которая бы, обладая всѣми способами нравственными, внѣшними силами, свободою и благоденствіемъ, могла бы служить оплотомъ противъ безпокойнаго властолюбія Франціи. Такой порядокъ дѣлъ соотвѣтствовалъ бы желаніямъ большинства народа съ того времени, какъ онъ былъ проданъ тѣми, которые должны были умѣть умирать за него и который видитъ въ нихъ измѣнниковъ, способныхъ только продолжать позорное его существованіе, продавая кровь своихъ подданныхъ. Оно должно быть желательно и для государей, потому что обезпечитъ ихъ существованіе, дастъ имъ настоящее благородное назначеніе—быть прирожденными руководителями великаго народа, вмѣсто пожизненной префектуры, которою они облечены, неопредѣленной въ отношеніи продолжительности, темной по ничтожному кругу дѣйствій.

„Если возстановленіе древней монархіи оказалось бы невозможнымъ, то въ такомъ случаѣ раздѣлу Германіи между Австріею и Пруссіею слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ возстановленіемъ прежней конституціи, если бы даже пришлось щадить самолюбія, входить въ сдѣлки съ эгоизмомъ и оставить изгнаннымъ государямъ ихъ владѣнія, поставивъ ихъ въ федеративныя отношенія съ главою германскаго отечества, въ области котораго они бы оказались“.

„Я не считаю нужнымъ оправдывать, заключалъ свою записку бар. Штейнъ, нѣкоторыя выраженія, которыя могутъ показаться слишкомъ сильными; я полагаю, что ихъ оправдаетъ важность предмета и тѣ чувства, которыя возбуждаютъ во мнѣ воспоминанія о несчастной родинѣ, преданной и порабощенной. При томъ я счелъ долгомъ говорить государю, главѣ огромной имперіи, языкомъ правды, потому что отъ его мудрости, добродѣтелей и могущества Германія ожидаетъ свободы и установленія устройства, которое обезпечило бы ей благоденствіе“ [1]).

Такой переворотъ въ Германіи, какой предлагалъ бар. Штейнъ, могла произвести только народная революція, такая же рѣшительная, какъ французская; но если бы она произошла, то вѣроятнѣе осуществились бы мечты о германской республикѣ одного изъ представителей „союза добродѣтели“ (Tugendbund) доктора Яна.

Какъ бы ни сочувствовалъ императоръ желанію освободить Германію отъ ига французовъ, но едва-ли приходило ему на мысль

[1]) Эта записка, помѣченная 5/14 сент. 1812 г. С.-Петербургъ, писана по-французски, какъ и всѣ другія, которыя б. Штейнъ подавалъ императору. У Пертца (Das Leben des Freih. v. Stein, т. III, стран. 140—148) она раздѣлена на двѣ и напечатана по-нѣмецки.

освободить ее отъ государственнаго строя, созданнаго ею самою, въ продолженіе многихъ вѣковъ ея существованія. По его взгляду, который онъ постоянно выражалъ потомъ въ отношеніи Франціи, это внутреннее дѣло самихъ народовъ. При томъ такая мысль представлялась совершенно невозможною при обстоятельствахъ того времени. Перенеся войну въ Германію, конечно, онъ не могъ возбуждать противъ себя всѣхъ ея государей и всѣ правительства и стало быть заставить ихъ еще тѣснѣе соединиться съ Наполеономъ. Но обстоятельства, при которыхъ бар. Штейнъ подалъ свою записку, были таковы, что можно было на неопредѣленное время отложить разсужденія о ней. Москва находилась во власти французовъ, Петербургъ былъ въ тревогѣ, опасаясь и ему грозившей опасности. Но лишь только обстоятельства перемѣнились и съ каждымъ днемъ приходили извѣстія объ успѣхахъ нашихъ военныхъ дѣйствій, грозившихъ совершеннымъ уничтоженіемъ непріятельскихъ войскъ, бар. Штейнъ, въ началѣ ноября, представилъ новую записку императору. „Французская армія, писалъ онъ, находится въ разложеніи отъ голода, болѣзней и оружія, Наполеонъ бѣжитъ, покрытый стыдомъ, въ бѣшенствѣ и отчаяніи. Вотъ послѣдствія мудрыхъ и сильныхъ мѣръ, предпринятыхъ вашихъ величествомъ, удивительной энергіи русскаго народа и храбрости войскъ. Но какія же могутъ быть прямыя и непосредственныя послѣдствія этихъ важныхъ событій? Они будутъ состоять въ измѣненіи свойствъ самыхъ военныхъ дѣйствій, поприща войны и всѣхъ отношеній къ иностраннымъ державамъ“. По его мнѣнію война изъ оборонительной должна перейти въ наступательную, т. е. выйти изъ предѣловъ имперіи, изъ областей, мало обработанныхъ, за границу. Она будетъ лишена помощи вооруженнаго народа и можетъ опираться на одну военную силу. „Поэтому, говоритъ онъ, она должна быть болѣе ученая (savante), болѣе бережливая въ отношеніи къ военнымъ средствамъ и тщательно разсчитанная на духъ тѣхъ народовъ, которыхъ желаютъ привлечь къ дѣйствію. Нельзя болѣе разсчитывать на степи, на опустошенія, на массы, на одну силу вещей, придется оспаривать каждый клочекъ земли, сберегать средства, имѣть вліяніе на жителей, нуженъ умъ, дѣятельность, чувство человѣчности (l'humanité, Menschheit), свободы мнѣній въ генералахъ, въ дисциплинѣ, въ отношеніи къ солдатамъ“.

Выборъ генераловъ представлялся особенно затруднительнымъ въ этомъ случаѣ бар. Штейну, потому что они должны съ большими военными дарованіями соединять качества, которыя привлекли бы къ нимъ иностранные народы, и не имѣть тѣхъ предразсудковъ, которые оскорбляютъ ихъ воззрѣнія и народность. Весьма счастливо, что самыя происшествія войны могутъ служить руководствомъ при этомъ

выборѣ. Блестящіе успѣхи, постоянные и важные, генерала графа Витгенштейна указываютъ на него, какъ на человѣка, который съ военными дарованіями соединяетъ характеръ смѣлый и предпріимчивый, обѣщающій побѣду. Его любятъ войска и всѣ его окружающіе, что̀ свидѣтельствуетъ о добротѣ и благорасположеніи его души. Поэтому нельзя не желать, чтобы ему была поручена армія, которой будутъ предназначены главныя дѣйствія въ предстоящей войнѣ. По мнѣнію весьма ученыхъ военныхъ людей, такое значеніе будетъ имѣть южная армія, т. е. та, которая будетъ находиться между Вартою, Силезіею и Эльбою. Ей будутъ предстоять самыя быстрыя и сложныя дѣйствія, поэтому она должна быть самою сильною, и начальствовать надъ нею долженъ тотъ, кто показалъ болѣе дарованій и смѣлости, кто отличается здравомысленными сужденіями и показалъ болѣе чистую любовь къ отечеству (un patriotisme pur), такія качества, по которымъ можно быть увѣреннымъ, что онъ не поддастся заблужденіямъ воображенія и себялюбія. Мнѣніе этихъ военныхъ основано на географическомъ положеніи страны, опирающейся на Богемскія горы и Силезскія крѣпости, оно господствуетъ надъ истоками Одера и Эльбы, угрожаетъ Саксоніи и даетъ возможность перенесть войну въ страну между Эльбою и Рейномъ. На другія арміи они смотрятъ, какъ на резервы или на вспомогательныя". Баронъ Штейнъ рѣчь повелъ вообще о генералахъ, а свелъ на главнокомандующаго большою и главною арміею, какъ будто его не существовало въ Россіи и предстояло дѣлать выборъ.

Когда войска вступятъ въ Германію, онъ совѣтовалъ, какъ и въ первой запискѣ, привлекать народъ къ дѣйствіямъ противъ непріятеля и присоединяться къ союзнымъ войскамъ, и съ этою цѣлію считалъ нужнымъ, чтобы при войскахъ находились лица „постоянно оставшіяся вѣрными благу ихъ отечества" и германскій легіонъ, который могъ бы пополняться. Что касается до германскихъ государей и правительствъ, то онъ относился къ нимъ уже съ меньшею строгостію. Онъ совѣтовалъ наблюдать надъ ними, направлять ихъ дѣйствія и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ овладѣвать ими. „Тѣ изъ государей, говоритъ онъ, которые соединятся для достиженія общей цѣли, должны обезпечить искренность и постоянство своихъ чувствъ, окруживъ себя людьми благомыслящими и отдавъ свои войска въ распоряженіе союзниковъ, которые въ то же время займутъ и устроятъ управленія въ тѣхъ владѣніяхъ, которыхъ государи останутся преданными Наполеону. Можно надѣяться, что Пруссія и Австрія поймутъ свои истинныя выгоды и, съ приближеніемъ русскихъ войскъ къ ихъ границамъ, окажутъ имъ поддержку и не захотятъ болѣе злоупотреблять властью, Богомъ имъ дарованною, надъ ихъ угнетенными

подданными. Другіе германскіе государи не скоро оставятъ ихъ тирана, потому что страхъ слишкомъ глубоко проникъ въ ихъ души, униженныя угнетеніемъ и чувствомъ своей слабости. Если эти предположенія осуществлятся, то прежде всего необходимо требовать отъ прусскаго короля, чтобы онъ оставилъ свое министерство и окружилъ себя лицами, которыя доказали чистоту своихъ правилъ и силу характера, какъ гр. Дона, Шенъ и Шарнгорстъ, и чтобы удалилъ отъ себя толпу низкихъ и презрѣнныхъ людей, которые не только не предохранятъ его отъ собственной его слабости, но будутъ стараться поддерживать ее въ немъ. Этимъ только способомъ онъ дастъ ручательство союзникамъ, что будетъ ихъ поддерживать и благопріятствовать имъ. Что касается до другихъ нѣмецкихъ государей, будутъ ли они упорствовать, или подчинятся немедленно, то они не имѣютъ никакого права на возстановленіе ихъ власти. Они находятся въ настоящее время въ враждебныхъ отношеніяхъ, и лишь только союзныя войска вступятъ въ Германію, то они могутъ дѣйствовать по праву завоеванія, такъ какъ укажутъ имъ собственныя ихъ выгоды. Даже изгнанные государи не имѣютъ права требовать ихъ возстановленія, потому что не принадлежатъ къ числу союзниковъ, отъ которыхъ исключительно зависитъ воспользоваться своими успѣхами, по ихъ усмотрѣнію послѣ изгнанія французовъ изъ Германіи". Поэтому онъ полагалъ, что союзникамъ слѣдуетъ принять въ руководство въ отношеніи къ Германіи слѣдующія правила: 1) Прусскій король долженъ отдать въ ихъ распоряженіе свои войска и окружить себя людьми достойными ихъ довѣрія. 2) Другія области Германіи по мѣрѣ ихъ занятія союзниками должны управляться отъ нихъ установленными властями, доставлять имъ продовольствіе и участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. 3) Судьба Германіи должна быть опредѣлена въ свое время, согласно съ дѣйствительными выгодами народа и Европы. „Очевидно, приведеніе въ исполненіе такихъ правилъ, говоритъ бар. Штейнъ, нельзя поручить главнокомандующему, который не обладаетъ ни познаніями, ни навыкомъ въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ, и не можетъ имѣть достаточно времени заниматься ими. Поэтому необходимо, лишь только войска перейдутъ границы, учредить при нихъ совѣтъ, въ которомъ участвовали бы уполномоченные отъ Россіи и Англіи". Бар. Штейнъ предполагалъ, что французскія войска могутъ только возбуждать жалость, а сопротивляться не могутъ, что побѣдоносный ходъ русскихъ войскъ увлечетъ за собою Австрію и Пруссію, и въ эту же осень можетъ быть очищена отъ французовъ вся Германія. Такъ онъ предполагалъ еще въ то время, когда непріятели были изгнаны только изъ предѣловъ древней Россіи и Вильна не была еще занята нашими войсками. Онъ пола-

галъ, что немедленно придется разрѣшать вопросъ о судьбѣ Германіи, въ рѣшеніи котораго, кромѣ Россіи и Англіи, должны принять участіе Австрія и Пруссія. Швецію же онъ полагалъ, что слѣдуетъ устранить за ея медленность въ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ, за слабость и отвратительное направленіе ея мятежнаго дворянства, враждебнаго Россіи".

Но кто же можетъ быть назначенъ со стороны Россіи, чтобы руководить политическими и правительственными дѣлами, когда ея войска вступятъ въ Германію?

Этотъ вопросъ занималъ бар. Штейна не менѣе того, кто будетъ начальствовать надъ нашими войсками. Если, считая кн. Кутузова неспособнымъ жертвовать выгодами Россіи въ пользу Германіи, онъ желалъ устранить его; то еще болѣе онъ искалъ устраненія отъ дѣлъ канцлера, гр. Н. П. Румянцева. „Остается только желать, чтобы августѣйшій государь, говоритъ баронъ Штейнъ, окружилъ себя людьми, наиболѣе заслуживающими уваженія по характеру, изъ всей обширной его имперіи, и чтобы тотъ, кому онъ довѣритъ исполненіе своихъ благородныхъ политическихъ предположеній, обладалъ силою духа, познаніями глубокими и обширными, умомъ могучимъ и возвышеннымъ. Но тотъ, кто отличается ложнымъ и фантастическимъ направленіемъ, котораго память, не обладая полезными истинами, обременена пустыми анекдотами, повѣствуемыми съ приторными и лукавыми пріемами, котораго руководитъ развращенное сердце разочарованнаго куртизана, не долженъ болѣе имѣть вліянія на соображеніе и препятствовать приводить въ исполненіе приняты рѣшенія и тѣмъ доводить въ отчаяніе истинныхъ слугъ великаго государя, котораго Провидѣніе поставило въ счастливое и блестящее положеніе сдѣлаться благодѣтелемъ настоящаго поколѣнія.

„Можно смѣло положиться на случай въ выборѣ лицъ, которыя могли бы его замѣстить. Стоитъ написать 10—12 именъ тѣхъ лицъ, которыя предполагались бы въ нѣкоторой степени годны для этой цѣли, положить ихъ въ вазу, тогда и можно съ увѣренностью сказать, что первый вынутый билетъ укажетъ на лицо, болѣе способное, болѣе почтенное, нежели тотъ, котораго удаленіе такъ желательно, извѣстный характеръ и образъ дѣйствій котораго находятся въ совершенномъ несогласіи съ намѣреніями его августѣйшаго повелителя".

Трудно подъ этими грубо набросанными красками узнать то лицо, которое имѣетъ въ виду бар. Штейнъ; но его переписка съ друзьями не оставляетъ никакого сомнѣнія. Чтобы наиболѣе убѣдить государя удалить своего перваго совѣтника, онъ представляетъ ему все величіе того положенія, которое ему предстоитъ. „Эпоха, которая открывается передъ вашимъ величествомъ, рѣшительна, она осуществляетъ десять

лѣтъ ожиданій, трудовъ, жертвъ, она составляетъ послѣдствіе многочисленныхъ, неслыханныхъ и непредвидѣнныхъ условій. Вы идете, государь, чтобы стать во главѣ европейскихъ державъ, вы должны совершить благородный долгъ благодѣтеля и возстановителя. Тѣ, которые будутъ непосредственными орудіями для исполненія вашихъ предначертаній, должны находиться на высотѣ ихъ признанія, они должны внушать большое довѣріе вашимъ союзникамъ и всей Европѣ. Выборъ такихъ лицъ представляется чрезвычайно важнымъ, они должны быть опредѣленныхъ мнѣній и уже извѣстныя. Принимаясь за великое дѣло возстановленія Германіи, вы, въ то же время, государь, удовлетворяете государственной потребности Россіи, обезпечивая этимъ возстановленіемъ ея неприкосновенность и безопасность, исполняете великодушныя намѣренія вашего сердца и пріобрѣтаете величайшую славу, соотвѣтствующую возвышеннымъ чувствамъ и характеру вашего величества“ [1]).

Приведенныя записки барона Штейна, казалось бы, показываютъ, что онъ питалъ полное довѣріе къ государю и отъ него ожидалъ какъ освобожденія, такъ и лучшаго устройства своего отечества; можетъ быть, такъ и было; онъ довѣрялъ и образу его мыслей и чувствамъ; но сомнѣвался въ силѣ характера и — въ русскомъ правительствѣ. „Необходимо, писалъ онъ графу Мюнстеру въ Лондонъ въ началѣ сентября, чтобы Англія взяла въ свои руки руководство германскими дѣлами и давала бы жалованье германскому легіону. Отъ людей, у которыхъ здѣсь власть и которые всѣмъ управляютъ, мы не можемъ ожидать никакихъ мудрыхъ, великихъ предначертаній при счастливомъ оборотѣ дѣлъ, а при несчастливомъ ни постоянной твердости, ни величія духа. Пользующіеся довѣренностію государя и ближайшіе къ нему люди—канцлеръ, гр. Аракчеевъ и полицеймейстеръ Балашовъ. Первый вамъ извѣстенъ; второй чрезвычайно ограниченъ, третій—хитеръ, недальновиденъ и несвѣдущъ въ великихъ историческихъ обстоятельствахъ; всѣ трое—склонны къ миру. Нѣтъ ни одного изъ окружающихъ императора сильнаго, благоразумнаго человѣка. Если сносно пойдутъ дѣла, выкажутъ твердость; если же плохо, то можно ожидать того, что было въ 1805 и 1807 гг. Главная причина такого образа дѣйствій заключается въ недостаткѣ глубины въ умѣ и сердцѣ, въ поверхностности. Можно по праву довѣряться храбрости войскъ, духу народа; сила есть, но некому руководить ею. Оставленіе Москвы—дѣло непростительное, противъ мнѣнія Беннигсена, Дохтурова и всей арміи. Потерянъ, конечно, только городъ; но большой,

[1]) Записка 4-го декабря 1812, Спб., нѣмецкій переводъ у Пертца, Das Leben des Fr. v. Stein, т. III, стран. 212—220.

многолюдный городъ. Нравственное впечатлѣніе важно какъ внутри Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, особенно на эти гнусные (niederträchtige) кабинеты, — Берлинскій и Вѣнскій“ [1]). Лондонскіе друзья барона Штейна раздѣляли его мнѣнія. Графъ Мюнстеръ, бывшій ганноверскій министръ, преданный Англіи, не только призывалъ ее къ тому, чтобы взять въ свои руки руководство дѣлами Германіи; но совѣтовалъ ей захватить и удержать за собою Голландію. Гнезенау писалъ ему, что въ Лондонѣ „Графа Румянцева считаютъ вполнѣ преданнымъ Франціи и полагаютъ, что онъ имѣетъ еще значительное вліяніе на дѣла и что, при неуспѣхѣ военныхъ дѣйствій, онъ можетъ еще усилиться. Если бы здѣсь были убѣждены, что императоръ Александръ останется твердымъ и при неуспѣхѣ и рѣшится продолжать войну“ [2]), то готовы сдѣлать всевозможныя пособія и жертвы. „Вліяніе Румянцева чрезвычайно вредно, отвѣчалъ ему немедленно баронъ Штейнъ, никто изъ союзниковъ не можетъ довѣрять ему“ и всѣми способами старался удалить его отъ дѣлъ [3]). Эти старанія усилились съ тѣхъ поръ, какъ начали приходить извѣстія объ успѣхахъ нашего оружія и, наконецъ, о бѣгствѣ Наполеоновской арміи и совершенномъ ея разложеніи. Но въ то же время эти успѣхи возбудили въ немъ сильное недовѣріе къ Россіи. „Дѣйствія русскихъ войскъ, писалъ онъ графу Мюнстеру, естественно имѣли вліяніе на общественное мнѣніе. Оно выражается различно. Одни надѣются, что, по изгнаніи французовъ, будетъ заключенъ миръ и Европа предоставлена своей участи; другіе желаютъ увеличенія имперіи до Вислы и преобладанія въ дѣлахъ континентальной Европы; третьи желаютъ, чтобы установленъ былъ порядокъ дѣлъ въ Европѣ, основанный на справедливости и истинной пользѣ народовъ. Само собою разумѣется, что третья партія самая слабая, хотя ея мнѣнія только и могутъ установить общій покой и будутъ приняты благопріятно какъ континентомъ, такъ и Англіею. Необходимо содѣйствовать тому, чтобы эта партія одержала верхъ. Въ этомъ случаѣ можно разсчитывать на благородный и свободный образъ мыслей императора“. „Къ партіи, которая желаетъ увеличенія имперіи, писалъ онъ ему черезъ нѣсколько дней, присоединяются всѣ поляки, они хотятъ возстановить Польшу какъ особое государство, съ особою конституціею, но соединенное съ Россіею. Поляки, которые имѣютъ вліяніе — Огинскій, Сапѣга, Любомірскій, зять гофмаршала графа Толстаго, который раздѣляетъ ихъ мысли.

---

[1]) Письмо отъ 25-го сент. изъ Петербурга, Пертцъ, т. III, стран. 174—176.

[2]) Письмо изъ Лондона отъ 1-го сентября н. ст. Пертцъ, т. III, стран. 176—180.

[3]) Письмо изъ Петербурга 17-го (29-го) сентября 1812 г. Пертцъ, т. III, стран. 180—183.

Армфельдъ, съ которымъ впрочемъ я нахожусь въ хорошихъ отношеніяхъ, суетится съ свойственными ему живостію, хитростію и пустотою, и варитъ и кипятитъ въ 77 горшкахъ политическія, военныя, финансовыя, европейскія и лапландскія предположенія“ [1]).

Мысль о присоединеніяхъ, замышляемыхъ нѣкоторыми русскими, и особенно о возстановленіи Польши, такъ его устрашала, что онъ усиленно требовалъ, чтобы Англія вступила въ руководство дѣлами Европы и помѣшала бы осуществленію этихъ предположеній. Съ Вальполемъ, который изъ Петербурга возвращался въ Англію, онъ отправилъ подробныя соображенія о будущемъ устройствѣ Германіи, такія же, какія представлялъ нашему императору, для доставленія министрамъ сентъ-джемскаго кабинета. Къ этимъ соображеніямъ онъ присовокуплялъ „что герцогство Варшавское долженъ удержать за собою саксонскій король; но, такъ какъ сѣверная граница Германіи должна быть исправлена, то часть трехъугольника между Силезіею и Пруссіею должна быть присоединена къ послѣдней. Россія слишкомъ велика и справедлива, чтобы требовать присоединеній и тѣмъ возбудить всеобщее недовѣріе. Данія принадлежитъ къ тѣмъ государствамъ, которыя для общей пользы Европы ничего не сдѣлали, и враждебна Англіи. Она никогда не принимала участія въ войнахъ противъ Франціи и не исполнила своего долга въ отношеніи къ Германіи за Шлезвигъ-Гольштейнъ и дѣлала Англіи затрудненія въ отношеніи торговли нейтральной и занимается теперь морскимъ разбоемъ. Норвегію и острова можно отдать Швеціи, Ютландію—Англіи, а Гольштейнъ и Шлезвигъ по Ейдеръ—присоединить къ сѣверной Германіи. Голландія должна быть соединена съ Англіею, которая должна войти въ соглашенія съ Германіей о свободѣ устій Рейна и Мааса“. Сверхъ того должна быть возстановлена „старая граница Германіи на западѣ по Маасу и Вогезамъ“ [2]).

Такимъ образомъ нѣмецкіе патріоты предлагали Англіи, если она приметъ подъ свое руководство дѣла Германіи, Голландію и Ютландію; но Россія, которую всѣми способами желали вывесть на поприще военныхъ дѣйствій изъ ея предѣловъ для освобожденія Германіи, должна была дѣйствовать безкорыстно и забывая о громадныхъ потеряхъ, причиненныхъ ей нашествіемъ Наполеона, въ войскахъ котораго находились контингенты всѣхъ германскихъ державъ. Всѣ стремленія были направлены къ тому, чтобы повліять на русскаго императора, который бы побудилъ Россію на безкорыстную службу въ

[1]) Письма изъ Петербурга отъ 2-го (14-го) и 7-го (19-го) ноября 1812 г. Пертцъ, т. III, стран. 204—208.

[2]) Пертцъ, das Leben des Fr. v. Stein, т. III, стран. 201—203 и вообще 7-й и 8-й отд., V кн.

пользу Германіи. Но, отдавая справедливость личнымъ качествамъ русскаго государя, они однако же знали, что онъ, представитель Россіи, не могъ жертвовать ея достоинствомъ, что онъ по опыту зналъ, что на Германію полагаться нельзя, потому что она не представляла единаго цѣлаго, а состояла изъ мелкихъ государствъ, которыя боятся большихъ, а большія, т. е. Австрія и Пруссія, изъ вѣковой вражды и соперничества между собою выдаютъ одна другую, и, наконецъ, что на нѣмецкій народъ надѣяться нельзя уже потому, что сами эти патріоты не надѣялись, чтобы онъ могъ встать противъ своего врага, иначе—какъ съ помощію другой, не германской державы.

Вопросъ о Польшѣ, такъ занимавшій германскихъ патріотовъ, не могъ не обращать на себя и вниманія императора, даже въ виду той цѣли, къ которой они стремились направить его дѣйствія, т. е. перенести войну въ предѣлы Германіи. Выводя войска къ Одеру, императоръ оставлялъ бы въ тылу ихъ герцогство Варшавское и не вполнѣ благонадежныя западныя губерніи. Рѣшаясь дѣйствовать внѣ предѣловъ Россіи, онъ долженъ былъ принять мѣры или расположить къ себѣ поляковъ, или поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы они не могли выступить враждебно. Изъ поляковъ, не измѣнившихъ Россіи и находившихся въ это время въ Петербургѣ, гр. Мих. Огинскій пользовался наибольшимъ довѣріемъ государя, который ему откровенно выражалъ свои виды въ отношеніи къ его соплеменникамъ. Въ послѣднихъ числахъ сентября (10-го октября) императоръ пригласилъ его къ себѣ. „Я нашелъ государя въ большемъ оживленіи, нежели прежде. „Наконецъ вы видите, сказалъ ему государь, когда онъ вошелъ въ его кабинетъ, что стараются войти въ мирные переговоры съ нами. Лористона посылали въ станъ Кутузова и мнѣ очень жаль, что онъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Кутузовъ слишкомъ уменъ (est trop fin), чтобы позволить себя обмануть увѣреніями въ чувствахъ дружбы Наполеона ко мнѣ; но я не хочу даже, чтобы могли подумать о возможности соглашеній между нами. При настоящихъ обстоятельствахъ и думать нельзя ни о какомъ соглашеніи до тѣхъ поръ, пока непріятель не будетъ за границами имперіи. Я надѣюсь, что съ помощію Божіею мы заставимъ его отступать, и если мои предположенія удадутся, то трудно Наполеону возвратиться во Францію или по крайней мѣрѣ это будетъ стоить ему огромныхъ жертвъ. Мои военныя предположенія опредѣлены. Кутузовъ будетъ дѣйствовать сообразно движеніямъ непріятеля у Москвы, я далъ приказанія Витгенштейну и Штейнгелю приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ; Чичаговъ находится на Волыни съ арміею, которая дѣйствовала противъ турокъ, и ему отданы подъ начальство всѣ войска, которыя предназначены для дѣйствій противъ Шварценберга. Выну-

дивъ его къ отступленію, что̀ непремѣнно должно случиться, онъ оставитъ противъ него корпусъ для наблюденія, а самъ пойдетъ на Минскъ. Я надѣюсь, съ помощію Божіею, мы не только заставимъ непріятеля очистить наши русскія губерніи, но и Бѣлоруссію и Литву. Я васъ призвалъ съ тою цѣлію, чтобы предупредить, что я намѣренъ обнародовать воззваніе къ полякамъ, подданнымъ имперіи. Я не желаю, чтобы ужасъ и отчаяніе сопровождали возвращеніе моихъ войскъ въ Литву. Конечно, тамошніе поляки вели себя не такъ, какъ слѣдовало; но большая часть изъ нихъ все-таки не потеряла права на мое покровительство и довѣріе къ нимъ, и я желаю, чтобы это воззваніе убѣдило ихъ въ этомъ. Я не теряю изъ вида тѣхъ предположеній, о которыхъ я говорилъ съ вами до начала войны".

Занятый единственно мыслію о возстановленіи Польши, хотя и подъ владычествомъ русскаго императора, гр. Огинскій полагалъ, что въ этомъ и должна состоять главная мысль предполагаемаго воззванія, нисколько не принимая въ соображеніе современныхъ обстоятельствъ. Императоръ объяснилъ ему, что цѣль этого воззванія должна заключаться въ томъ, чтобы не только выразить имъ свое благоволеніе, но чтобы оно служило и наставленіемъ для нашихъ генераловъ, которые бы согласовали съ нимъ свои дѣйствія, при вступленіи въ эти провинціи.

Для достиженія этой цѣли, возражалъ Огинскій, довольно дать наставленія генераламъ; но, по его мнѣнію „необходимо оживить надежду на возстановленіе Польши, лишь только успѣхи военныхъ дѣйствій дадутъ возможность".

„Конечно, отвѣчалъ императоръ, это само собою разумѣется. Вы знаете мои чувства въ отношеніи къ вашимъ соплеменникамъ. Они не тѣмъ мнѣ заплатили, какъ доказываетъ ожесточеніе, съ какимъ они дрались съ моими войсками; но я говорю о тѣхъ, которые дали себя увлечь пустыми обѣщаніями Наполеона, которыхъ онъ никогда бы не исполнилъ. Я не измѣняю своихъ убѣжденій и исполню слово, — когда настанетъ время. Но вы поймете конечно, что еще не время думать объ устройствѣ страны, когда дѣло идетъ о преслѣдованіи и уничтоженіи непріятеля". Но, уступая его настояніямъ, императоръ позволилъ приготовить проектъ воззванія въ томъ смыслѣ, какъ онъ желалъ, оставляя его на случай будущаго оборота дѣлъ.

Гр. Огинскій составилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ письма къ кн. Кутузову, въ которомъ выражалось нѣчто вродѣ благодарности его соплеменникамъ за ихъ измѣну. Конечно это письмо не было одобрено государемъ. При свиданіи съ нимъ въ концѣ октября мѣсяца, онъ сказалъ, соглашаясь какъ бы съ его мыслями, выраженными съ письмѣ къ нему, что въ настоящее время надо думать только

объ изгнаніи непріятеля за границы имперіи, отложивъ вопросъ о Польшѣ до болѣе благопріятнаго времени. „Я соглашаюсь также съ вами, говорилъ государь, что объ нашихъ успѣхахъ и пораженіяхъ непріятеля нельзя судить по взглядамъ петербургскаго общества. Я не раздѣляю того заблужденія, что будто бы намъ нечего бояться Наполеона, принужденнаго оставить Москву. Нельзя не обращать вниманія на огромныя средства, которыми онъ можетъ еще располагать, на замѣчательныя дарованія его генераловъ, мужество солдатъ, совершившихъ столько славныхъ кампаній. Возлагая прежде всего надежду на Провидѣніе, потомъ на климатъ, на мужество нашихъ войскъ, на любовь къ отечеству и усилія и жертвы народа и воспользовавшись ошибками Наполеона, мы восторжествуемъ, и война окончится такъ, какъ мы желаемъ; но и съ нашей стороны было сдѣлано много ошибокъ". Государь вошелъ въ подробное разсмотрѣніе военныхъ дѣйствій и изумилъ гр. Огинскаго своими военными познаніями. Обращаясь къ составленнымъ имъ проектамъ воззванія къ полякамъ и письма къ кн. Кутузову, государь въ видѣ вопроса выразилъ ему слѣдующія соображенія: „Не полагаете ли вы неудобнымъ обнародовать это воззваніе теперь или отправить къ кн. Кутузову то письмо, которое вы мнѣ прислали и которое почти то же, что и воззваніе. Будучи обнародовано по моему приказанію, оно будетъ напечатано въ газетахъ и послужитъ рѣшительнымъ выраженіемъ моихъ взглядовъ въ этомъ случаѣ? Не кажется ли вамъ, что еще не пришло время къ такому поступку и что, предваряя ходъ событій, мы не достигнемъ цѣли, которой желаемъ достигнуть? Если бы я провозгласилъ себя польскимъ королемъ, когда Наполеонъ съ своими войсками находился около Калуги, не показалось ли бы это хвастовствомъ (fanfaronade), совершенно мнѣ неприличнымъ? Поляки могли бы подумать, что къ такому поступку я вынужденъ обстоятельствами, что ихъ опасаюсь и хочу задобрить изъ видовъ политическихъ и своихъ выгодъ, что̀ совершенно не соотвѣтствовало бы моему образу мыслей. Съ другой стороны, если бы нашлись, какъ я предполагаю, преданные мнѣ поляки, которые предпочтительно предъ другими захотѣли бы видѣть меня своимъ королемъ, не были бы они поставлены въ опасное положеніе, если бъ захотѣли выразить ихъ образъ мыслей? Они сдѣлались бы несчастными жертвами Наполеона во время его отступленія черезъ Польшу. Я вамъ не говорю, чтобы я оставилъ свои намѣренія о возстановленіи Польши; но спрашиваю, не находите ли вы справедливыми мои соображенія? Послѣ всего того, что случилось, сближенія между мною и Наполеономъ быть не можетъ. Эта война не должна скоро окончиться. Надо, чтобы онъ палъ, или я! Когда я увижу его на краю погибели и лишеннымъ возможности вредить по-

лякамъ, я возстановлю Польшу. Я это сдѣлаю потому, что это согласно съ моими убѣжденіями, съ моими чувствами и даже выгодами моей имперіи, устроивъ такимъ образомъ сильную ограду для нея отъ всякаго внѣшняго нападенія. Я знаю, что встрѣчу много затрудненій и помѣхъ; но я это сдѣлаю, если не умру". Конечно, возраженій со стороны гр. Огинскаго и быть не могло, мечты должны были уступить мѣсто дѣйствительности. Все, что могъ государь сдѣлать для поляковъ въ это время,—это даровать помилованіе за ихъ измѣнническія дѣйствія. Передъ отъѣздомъ государя, конечно съ его дозволенія, А. С. Шишковъ пригласилъ къ себѣ гр. Огинскаго, Ваврженкаго и Любецкаго выслушать проектъ амнистіи литовскимъ полякамъ, который поручилъ ему составить императоръ [1]).

Все это совершалось вокругъ императора Александра Павловича въ то время, когда получены уже были извѣстія о томъ, что Наполеона не удалось поймать при переправѣ черезъ Березину и потому скораго окончанія войны предвидѣть было невозможно. Разсчеты на содѣйствіе Германіи составляли еще одно лишь предположеніе, которое могло имѣть успѣхъ въ виду силъ Россіи и безсилія ея противника. Мысль императора клонилась къ тому, чтобы усилить войска, онъ собирался уже оставить Петербургъ и ѣхать въ главную квартиру. 30-го ноября былъ обнародованъ манифестъ о новомъ рекрутскомъ наборѣ по 8 человѣкъ съ 500 душъ. „Хотя, говорилось въ немъ, по неизреченной къ намъ милости Божіей, огромныя непріятельскія силы побѣдоноснымъ нашимъ воинствомъ и храбрымъ народомъ сокрушены, и малые остатки оныхъ ищутъ спасенія своего въ поспѣшномъ изъ Россіи бѣгствѣ; однако же, для постановленія на твердомъ основаніи прочнаго мира и желаемаго спокойствія, нужно еще войскамъ нашимъ быть въ такомъ числѣ, которое бы достаточно было поддержать достоинство и славу имперіи. Рогъ сильнаго сломленъ, но предстоитъ еще надобность не дать снова возникнуть могуществу врага, и уменьшить власть его надъ другими слабѣйшими народами, которыхъ принуждаетъ онъ повиноваться и служить ему изъ страха. Пространная, богатая, миролюбивая Россія не ищетъ завоеваній, не алчетъ чужихъ сокровищъ, не дерзаетъ присвоять себѣ Богу единому приличной власти располагать престолами царей; она желаетъ только спокойствія и тишины каждому и всѣмъ. Но, при всей кротости и умѣренности своей, не потерпитъ и не можетъ терпѣть дать волю злобѣ устремляться на разрушеніе собственнаго ея и другихъ земель благоденствія. Всѣ свои силы напряжетъ она для обузданія дерзости и сохраненія вѣры своей и свободы. По симъ

[1]) Mémoires de Michel Oginsky, Paris, 1833, т. III, стран. 219—250.

причинамъ, сколько ни тяжко сердцу нашему обременять народъ частыми наборами рекрутъ, отрывая земледѣльцевъ отъ воздѣлыванія полей ихъ, но еще бы тяжелѣе было видѣть любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, не огражденныхъ достаточными силами отъ лютости дышущихъ злобою на нихъ враговъ, по дѣламъ которыхъ можно судить, какой жребій приготовляли они Россіи. Но да не сбудется пагубное ихъ желаніе! Надежда Богъ и храброе наше воинство. И такъ да пребудетъ оное въ томъ важномъ числѣ, какое необходимо нужно для достиженія тишины и удержанія тѣхъ преимуществъ, до которыхъ дошли мы столькими трудами, пожертвованіями и проліяніемъ крови. Разсмотрѣвъ зрѣло и уваживъ для пользы народной всѣ сіи обстоятельства, повелѣваемъ мы вновь произвесть рекрутскій наборъ, на основаніи изображенныхъ при семъ нижеслѣдующихъ постановленій. Молимъ Всевышняго, да содѣлаетъ впредь не нужными сіи чрезвычайныя и тягостныя мѣры“ [1]).

Послѣ принятія всѣхъ предварительныхъ мѣръ для приведенія въ дѣйствіе этого манифеста, императоръ, избѣгая собраній многочисленнаго народа, всегда сопровождавшаго его отъѣзды и пріѣзды, особенно въ это время, въ ночь 6-го декабря, отслушавъ напутственный молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, въ седьмомъ часу утра 7-го числа выѣхалъ изъ столицы. Быстро слѣдуя на перекладныхъ на Лугу и Порховъ, императоръ прибылъ въ Вильну 10-го декабря [2]). Враги гр. Румянцева радовались тому, что онъ остался въ Петербургѣ и не было сдѣлано распоряженій о томъ, чтобы онъ слѣдовалъ за императоромъ. Но бар. Штейна ни мало не смутило то, что и о немъ самомъ не было сдѣлано императоромъ никакихъ распоряженій. Прождавъ два дня послѣ отъѣзда государя, на третій онъ рѣшился написать ему слѣдующее письмо: „Государь! Необходимымъ послѣдствіемъ неизбѣжнаго и подтверждающагося уже разрушенія французскихъ войскъ будетъ занятіе сѣверной Германіи, а прежде всего Пруссіи до береговъ Эльбы.

„Управленіе этою частію Пруссіи естественно временное до соглашеній съ королемъ о союзѣ, вслѣдствіе чего ваше величество быть можетъ сочтете полезнымъ призвать меня къ вашей особѣ.

„Въ такомъ случаѣ я осмѣливаюсь просить васъ опредѣлить кругъ моихъ дѣйствій, дать мнѣ необходимое полномочіе, чтобы я могъ исполнить возлагаемыя на меня обязанности и позволить мнѣ самому безъ товарищей и помощниковъ, прямо и непосредственно отъ васъ получать приказанія“.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 25279, 25280.

[2]) „Сѣвер. почта“ 1812 г. №№ 99—101.

Это письмо императоръ получилъ въ Вильнѣ и подписалъ на немъ собственноручно: „напишите ему, чтобы пріѣхалъ (écrivez-lui qu'il arrive) [1])“. Кажется, они надоѣли своей назойливостью“.

[1]) Письмо изъ Петербурга отъ 9-го дек. 1812.

Дневникъ П. Д. Рудакова о войнѣ въ Малой Азіи въ 1854—1855 годахъ.

Въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., т. XL, помѣщены краткія біографическія свѣдѣнія о генералъ-лейтенантѣ Павлѣ Дмитріевичѣ Рудаковѣ (р. 10 января 1811 г., † 6 ноября 1879 г.) и начало его записокъ подъ заглавіемъ „Два эпизода изъ войны въ Азіатской Турціи“.

П. Д. Рудаковъ участвовалъ въ 1848—1849 гг. въ Венгерской кампаніи, а въ 1853—1855 гг. въ Кавказской войнѣ, по окончаніи которой оставилъ сначала фронтовую службу, а въ 1876 г. вышелъ въ отставку.

Послѣдніе годы своей жизни П. Д. Рудаковъ провелъ почти безвыѣздно въ имѣніи своей жены, селѣ Крестъ, Велижскаго уѣзда, Витебской губ.

Какъ видно изъ примѣчанія къ началу его Записокъ, онѣ заключали въ себѣ около 110 главъ, но изъ нихъ уцѣлѣли только 4 первыя главы, а остальныя были уничтожены авторомъ въ 1878 г., послѣ покушенія Соловьева на жизнь императора Александра II. Съ перваго раза такой поступокъ покажется страннымъ и непонятнымъ, но объясненіе его мы находимъ въ томъ сочувствіи, съ которымъ Рудаковъ относился къ энергическимъ и рѣшительнымъ мѣропріятіямъ М. Н. Муравьева во время польскаго мятежа 1863 г., о чемъ заявляетъ издательница его Записокъ. По ея словамъ, П. Д. Рудаковъ, преисполненный благоговѣнія къ памяти гр. М. Н. Муравьева Виленскаго, былъ

вполнѣ увѣренъ, что только такой человѣкъ, какъ онъ, можетъ спасти Россію, только такая желѣзная воля, такое самоотверженіе могутъ сломить крамолу и очистить землю русскую отъ ненавистнаго ей соціализма [1]). Вслѣдствіе такого отношенія къ Михаилу Николаевичу Муравьеву, Рудаковъ рѣшилъ, что ему, какъ русскому человѣку, не подобаетъ молвить слово противъ славнаго имени кого бы то ни было изъ Муравьевыхъ, и онъ въ нѣсколько часовъ уничтожилъ свой многолѣтній трудъ, имѣвшій цѣлью представить подробную и строгую критику дѣйствій Николая Николаевича Муравьева, какъ намѣстника Кавказа.

Въ началѣ своихъ Записокъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“, Рудаковъ даетъ краткій обзоръ событій, предшествовавшихъ кампаніи 1855 г. въ Азіатской Турціи, и довольно подробно останавливается на главныхъ военачальникахъ кн. Бебутовѣ, командовавшемъ Александропольскимъ отрядомъ, и кн. Андрониковѣ, командовавшемъ Гурійскимъ отрядомъ. Въ IV-ой главѣ онъ говоритъ о тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ Муравьевъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа, утомленнаго правленіемъ кн. Воронцова. Описывая прибытіе Муравьева въ Александрополь, онъ мѣтко характеризуетъ генераловъ, собравшихся для встрѣчи главнокомандующаго. Здѣсь передъ нами какъ живые встаютъ: Брюммеръ, кн. Гагаринъ, Майдель, Трегубовъ, Нирод̀ъ, Висмундъ, Тинутуровъ, Куколевскій, Невѣровскій, Ганзенъ, Ходзько, Баклановъ. Записки прерываются на представленіи кн. Бебутовымъ Муравьеву всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей.

Письма писаны съ Кавказа, во время военныхъ дѣйствій 1854—1856 гг., и составляютъ какъ бы отрывки изъ дневника очевидца. Къ сожалѣнію, сохранились далеко не всѣ письма Рудакова съ Кавказа.

Въ царствованіе императора Николая I было не въ обычаѣ,—какъ по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, такъ и по малой распространенности въ нашемъ обществѣ довѣрія къ слову частныхъ людей о политическихъ событіяхъ,—печатать корреспонденціи въ газетахъ, а въ особенности корреспонденціи съ театра войны. Вслѣдствіе этого письма П. Д. Рудакова, отличающіяся искренностью и сердечной теплотой и писанныя подъ живымъ впечатлѣніемъ происходившихъ сраженій и событій во время войны—являются прекрасной иллюстраціей къ свѣдѣніямъ о восточной войнѣ 1853 — 1856 гг., заключающимся въ тогдашнемъ оффиціальномъ военномъ органѣ „Русскій Инвалидъ“ и оффиціозныхъ политическихъ газетахъ — двухъ столичныхъ вѣдо-

[1]) „Рус. Стар.“ 1883 г., т. XL, стран. 549—550.

мостяхъ, С.-Петербургскихъ и Московскихъ, въ „Сѣверной Пчелѣ“ и издававшейся въ Тифлисѣ также оффиціальной газетѣ „Кавказъ“.

В. Корсакова.

I.

19-го ноября 1853 г., при выступленіи легкой № 6 батареи 18-й артиллерійской бригады изъ г. Каширы, Тульской губерніи, исправляющій должность Каширскаго уѣзднаго предводителя дворянства передалъ батареѣ образъ Спасителя, какъ благословеніе Каширскаго дворянства, выступающему противъ непріятеля войску. Купеческое и мѣщанское общества Каширы предложили хлѣбъ и соль, послѣ чего нижніе чины угощены закускою, а каширскій откупщикъ купецъ Нѣмчиновъ отпустилъ нижнимъ чинамъ по порціи водки, какъ въ городѣ, такъ и на слѣдующей станціи.

1854 г. 6-го февраля, станція Султанъ-Сала. Слухи насчетъ нашего назначенія чрезвычайно разнообразны, и потому я къ нимъ очень равнодушенъ. Судя же по громаднымъ приготовленіямъ, совершающимся передъ нашими глазами, можно полагать навѣрное, что работа будетъ нешуточная и вѣроятно скоро. Въ первыхъ числахъ марта проходимъ мы Ставрополь, а 8-го апрѣля должны быть въ Тифлисѣ. Что тамъ угодно послать Провидѣнію, все готовъ встрѣтить съ упованіемъ на милость Божію и съ твердой рѣшимостью исполнить свой долгъ какъ слѣдуетъ христіанину и русскому человѣку. Покамѣстъ еще до настоящаго не дошло, много терпимъ мы горя въ путешествіи своемъ. Въ первыхъ числахъ февраля здѣсь обыкновенно пашутъ, но теперь стоитъ такая зима, какой вѣроятно нѣтъ и подъ Москвою.

26-го генваря на станціи Гробовая застала насъ метель, къ счастью еще на дневкѣ, продолжавшаяся двое сутокъ и кончившаяся тѣмъ, что когда надобно было выступать, мы вырывали свои пушки изъ-подъ снѣгу, ихъ совершенно покрывшему. Потомъ началась оттепель съ такими вѣтрами, что трудно было сидѣть верхомъ на лошади. 1-го февраля выступили мы отъ станціи Голедневка къ Лысой Горѣ, подъ проливнымъ дождемъ въ 7 час. утра. Надобно было тащиться 28 верстъ, и мы пришли къ ночлегу въ 5-мъ часу при 10-ти градусахъ мороза. Можете вообразить послѣдствія таковой перемѣны погоды. Приходилось переправляться черезъ нѣсколько овраговъ, здѣсь называемыхъ балками, которыя наполнились водой, или, какъ говорятъ

здѣшніе жители, балки разыгрались. Люди перебирались по колѣно въ водѣ, а гдѣ и по поясъ. Потомъ когда начался морозъ, все платье покрылось ледяной корой, доходившей на ногахъ до весьма значительной толщины. Да и на квартирахъ-то бѣднымъ солдатамъ отогрѣванье плохое—и тѣсно, и холодно; ужъ конечно не даромъ носятъ названіе мученическаго воинства. Надобно удивляться, какъ Господь милуетъ. Судя по всѣмъ страшнымъ трудамъ и лишеніямъ, число больныхъ вообще очень умѣренно. Что касается до меня, благодаря Бога, переношу свою долю благополучно. По-прежнему ѣду постоянно верхомъ одинъ изо всей бригады. Молодежь по большей части ёжится въ саняхъ, изъ которыхъ прочіе командиры и совсѣмъ не выползаютъ...

Самые скучные періоды въ днѣ состоятъ для меня изъ вечеровъ. Страшно утомившись во время перехода и попавши въ какую-нибудь мерзенькую хаточку, чувствуешь себя совершенно неспособнымъ ни къ какому порядочному занятію. Преферансъ составляетъ единственное развлеченіе; хорошо еще, что есть у меня молодежь, способная къ этому дѣлу. Офицеры всѣ обѣдаютъ у меня, за столъ каждый день садится 10 человѣкъ, а къ чаю являются только со мною играющіе.

Вотъ вамъ, милые друзья мои, краткій, но вѣрный очеркъ моего препровожденія времени, конечно весьма однообразнаго и удовольствіями не обильнаго. Но за всѣмъ тѣмъ, скажу по совѣсти, что я положеніемъ своимъ вовсе бы не тяготился, если бы походъ былъ не зимній, или по крайней мѣрѣ хоть погодка стояла бы нѣсколько поблагопріятнѣе. А то горю не видишь конца. Натерпѣвшись досыта отъ снѣга, весною придется много потерпѣть отъ ростопели и отъ грязи.

8-е число. Доканчиваю письмо въ Ростовѣ, куда пришли вчера и выступаемъ нынче далѣе. Переправляемся черезъ Донъ. Здѣсь намъ велѣно вчера оставить каски, всѣ идемъ въ фуражкахъ по кавказскому положенію. Въ Ставрополѣ положено остановиться сутокъ на трое для принятія прибавленныхъ пушекъ.

1854 года, 6-го мая, селеніе Тамбовка. Весьма трудно опредѣлить не только что время, когда вы можете получить это письмо, но даже и когда оно можетъ быть отправлено. Мы теперь находимся въ такомъ мѣстѣ, откудова сообщеніе съ крещенымъ міромъ затруднительно. Судя по названію, надобно бы предполагать, что мы встрѣчаемъ весну въ Тамбовской губерніи. Но это очень ошибочно. Впрочемъ и вообще трудно опредѣлить, по мѣстности и по климату, гдѣ мы живемъ теперь, въ Азіи или въ Сибири?

Третьяго дня мы пришли сюда и расположились въ долинѣ, едва

начинающей очищаться изъ-подъ снѣга и окруженной со всѣхъ сторонъ горами, покрытыми снѣгомъ. По серединѣ этой долины озеро верстъ до 30 въ окружности, по берегу его размѣщены три селенія: Тамбовка, Родіоновка и Поки. Послѣднее—армянское, а первыя два населены духоборцами, состоящими преимущественно изъ господскихъ людей, бѣжавшихъ изъ Россіи, поселившихся въ Таврической губерніи и нѣсколько лѣтъ тому назадъ переселенныхъ сюда княземъ Воронцовымъ. Духоборцы вообще народъ довольно порядочный, трудолюбивый, занимающійся посѣвомъ ячменя и небольшимъ скотоводствомъ. Они вѣруютъ въ Пресвятую Троицу и въ Божію Матерь, а больше ни во что на свѣтѣ. Духовныхъ обрядовъ никакихъ не признаютъ и даже признаковъ ихъ не имѣютъ. Живутъ очень скромно и тихо. Собою большей частью красивы.

Отправляя насъ сюда изъ Тифлиса, все начальство поздравляло съ прекрасной стоянкой въ русскихъ деревняхъ, на озерѣ, изъ котораго можно черпать форель шапками. Тамбовка и Родіоновка населены дѣйствительно русскимъ народомъ, что̀ и въ самомъ дѣлѣ отрадно, потому что слышатся, по крайней мѣрѣ, родные звуки, сладкіе послѣ этой азіатской тарабарщины, опротивѣвшей донѣльзя. Но когда мы пришли сюда, озеро было покрыто льдомъ, поля—снѣгомъ, хаты, построенныя изъ каменьевъ нѣсколько на манеръ русскихъ съ земляными полами, почти затоплены водою, и кормъ, какъ для людей, такъ и для лошадей, въ самомъ скудномъ количествѣ. Ежедневно шелъ снѣгъ, или градъ, или дождикъ при сильномъ холодномъ вѣтрѣ. Все это для отдыха ни малѣйшихъ удобствъ не представляетъ.

10-го мая. Погода нѣсколько поисправилась. Вчерашній и нынѣшній день время ясно, хотя и холодно, полагаю отъ того, что окрестныя горы еще совершенно покрыты снѣгомъ. На озерѣ ледъ въ два дня совершенно исчезъ. Форель ловятъ удочками ребятишки, солдаты и даже офицеры. Мои снабжаютъ меня этою рыбкою. Простоявши на берегу часа два, охотники вынимаютъ штукъ до 50 форели, отлично вкусной, какъ для ухи, такъ и для жаркого. Вотъ единственная выгода, которою я здѣсь пользуюсь. Время же свое провожу преимущественно въ разныхъ занятіяхъ по службѣ, служащихъ приготовленіемъ къ бою, и поправкою многихъ поврежденій, сдѣланныхъ въ батареѣ этимъ ужаснымъ полу-годовымъ походомъ.

Мы стоимъ теперь на высотѣ едва-ли не большей Квинали, потому что отъ самаго Тифлиса подымались все вверхъ и изъ полной весны перешли вдругъ въ зиму. Самое грустное впечатлѣніе здѣсь дѣлаетъ то, что лѣсу или какого-нибудь деревца буквально не встрѣтишь ни одного прута. Деревья для стройки и дрова сюда приво-

зятся съ большимъ затрудненіемъ, откуда-то верстъ за 30 изъ страшной трущобы, подверженной нападенію турокъ.

11-го числа. Сейчасъ пришло предписаніе выступить впередъ къ Александрополю, верстъ на 40, въ духоборское же селеніе Орловку, гдѣ мы должны быть послѣзавтра. Для чего?—про то знаютъ старшіе. Но надобно думать, что дѣло клонится къ чему-нибудь серьезному. Въ Орловкѣ, если удастся, постараюсь прибавить что-нибудь къ этому писанію...

16-го мая. Орловка. Третьяго дня пришли мы сюда по мерзѣйшей дорогѣ, переправляясь во многихъ мѣстахъ черезъ ручьи, усыпанные большими камнями, по водѣ, доходившей иногда до лошадиной спины. Пути здѣсь вообще таковы, что въ Россіи немногіе рѣшились бы по нимъ ѣздить.

Орловка стоитъ на одной высотѣ съ Тамбовкою, и кругомъ есть еще нѣсколько духоборскихъ деревень, населенныхъ все духоборскою сектою. Между ними озера, изобилующія форелью, въ чемъ и заключается единственное мѣстное удобство. Можно досыта накушаться рыбки отлично вкусной и бывающей нерѣдко болѣе трехъ четвертей длиною. Снѣгъ на поляхъ и по озерамъ уже растаялъ. Но трава едва начинаетъ показываться, а окаймляющія нашу долину со всѣхъ сторонъ горы покрыты имъ въ изобиліи. Растенія, даже въ самыхъ деревняхъ,—не имѣется ни одного прута, что̀ производитъ весьма грустное впечатлѣніе. Впереди передъ нами съ правой стороны за горами въ 13 верстахъ начинается турецкая граница, откудова въ прошломъ году осенью вышло 100 человѣкъ турокъ, значительно разорившихъ Орловку, порубившихъ въ ней до 30 жителей, отогнавшихъ скотъ и увезшихъ много женщинъ съ собою. При появленіи нашемъ сюда и слухъ пропалъ объ этихъ канальяхъ.

Въ правой рукѣ отъ насъ лежитъ крѣпость Ахалкалаки въ 30 верстахъ, занятая Рязанскимъ полкомъ. Спереди въ 60 верстахъ Александрополь. По одному изъ этихъ двухъ направленій надобно будетъ двигаться. Ждемъ на это всякій часъ приказанія.

Здѣсь теперь, покамѣстъ, никакихъ военныхъ дѣйствій нѣтъ. Объ Европѣ же ни малѣйшихъ слуховъ до насъ не доходитъ. Мы какъ будто бы отдѣлены отъ нея неизмѣримою бездною.

Получать сюда письма и отправлять ихъ можно не иначе, какъ черезъ Александрополь, но мы еще не возстановили съ нимъ сообщенія. По дорогѣ шатаются турецкіе разбойники, дѣлающіе эти сообщенія затруднительными. Тѣмъ болѣе, что все время надобно ѣхать близко отъ границы.

19-го мая, утро. Сейчасъ получено приказаніе, чтобъ я съ двумя баталіонами Ряжскаго полка выступилъ завтрашній день къ крѣпости Ахалкалаки и присоединился къ отряду, тамъ находящемуся, а остальные два баталіона при полковомъ командирѣ пойдутъ къ Александрополю. Цѣль этого приказанія намъ неизвѣстна, но покамѣстъ никакія военныя дѣйствія еще не начинались и вообще здѣсь серьезныхъ дѣлъ не ожидаютъ. А все вниманіе обращено на Балтійское море и на европейскую Турцію. О тамошнихъ происшествіяхъ вы, конечно, имѣете болѣе насъ свѣдѣній. Въ нашу трущобу рѣшительно никакихъ вѣстей не доходитъ. Равно какъ и отъ насъ ихъ сообщать мудрено. Но, пользуясь настоящимъ случаемъ, я просилъ ряжскаго полковника переслать вамъ это письмо изъ Александрополя, куда онъ долженъ вступить 26-го числа. Когда вы его получите?... Болѣе полугода мы странствуемъ, претерпѣвая всѣ возможныя бѣдствія, и серьезнаго еще ничего не сдѣлали, но уже много потеряли народу и, по большей части, все людей самыхъ лучшихъ. Тѣ, которые поусерднѣе, больше трудятся и потому, разумѣется, скорѣе ослабѣваютъ, скорѣе получаютъ болѣзни, въ здѣшнихъ мѣстахъ чрезвычайно тяжелыя и нерѣдко смертельныя.

Крѣпость Ахалкалаки, 28-го мая. На прошлой недѣлѣ отправилъ я къ вамъ довольно большое письмо изъ Орловки на Александрополь. Но не знаю, скоро ли оно дойдетъ до васъ? Да и вовсе дойдетъ ли? Теперь представляется случай на Тифлисъ. Но какъ ѣдущій туда офицеръ торопится, я много писать не буду, а только скажу вамъ нѣсколько словъ о настоящемъ своемъ положеніи. 20-го числа вступилъ я съ баталіономъ Ряжскаго полка въ крѣпость Ахалкалаки, отстоящую въ 30-ти верстахъ отъ Орловки. Мѣсто было бы и довольно сносное, но погода постоянно стоитъ ужаснѣйшая. Всякій день дожди и нерѣдко съ градомъ. Никакъ не можемъ обсушиться и выбиться изъ грязи. Люди продолжаютъ хворать. Лошади плохо поправляются. Кругомъ видно множество горъ, вершины которыхъ еще совершенно покрыты снѣгомъ. Впрочемъ, на поляхъ зелень начинаетъ видимо подыматься.

Въ Ахалкалакахъ болѣе 1.000 жителей-армянъ, обитающихъ въ сакляхъ. Помѣщеніе для офицеровъ однако жъ сносное, кромѣ того, что жилища наши всякій день наполняются водой, пробивающейся отъ дождя сквозь потолки, на которыхъ ставить крыши здѣсь нѣтъ обычая. Вообще русскому человѣку въ этихъ странахъ быть ловко не можетъ. Впереди насъ, въ 70-ти верстахъ, находится главный александропольскій отрядъ, за которымъ мы, составляя резервъ его, въ случаѣ чего-либо, должны непосредственно дви-

гаться. Но объ покушеніяхъ идти впередъ покамѣстъ еще ничего не слыхать.

Надобно полагать, что дѣйствія наши должны зависѣть отъ европейскихъ событій. Читая „Инвалидъ“, не знаешь, что думать о неистовой злобѣ англичанъ и французовъ, считающихся народами образованными и ожесточившихся до такой степени противъ единовѣрцевъ своихъ въ защиту исламизма—судьбы Божіи неисповѣдимы. Его святая воля буди надъ всѣми нами.

Я совѣтовалъ бы вамъ выписывать „Инвалидъ“, въ настоящее время всегда полный интереса. Изъ него скорѣе всего будете знать и объ насъ.

31-го мая. Мы все еще находимся здѣсь и не имѣемъ никакого приказанія о движеніи. Александропольскій корпусъ также на мѣстѣ. Кругомъ насъ на границѣ собираются въ разныхъ мѣстахъ скопища турокъ, которые, впрочемъ, скрываются въ горахъ и никакихъ рѣшительныхъ движеній не предпринимаютъ. Здѣшній непріятель, кажется, вообще не страшенъ; но противъ насъ губительно дѣйствуетъ природа. Безпрерывно идутъ страшные дожди. Такая вездѣ ужасная грязь, что земля совершенно распустилась. Очень много умираетъ людей. О больныхъ и говорить нечего. А ахалкалакскій климатъ въ здѣшнихъ мѣстахъ считается лучшимъ. Сердце сжимается грустью, когда подумаешь, что еще не видали непріятеля, а въ батареѣ не достаетъ уже 5-й части людей. Когда-то Господь смилуется надъ нами. Не знаю, какъ другіе, но я, кажется, съ истиннымъ чувствомъ и смиреніемъ прибѣгаю къ святому Его покровительству.

Теперешнее наше квартированіе довольно грустно. Войска всѣ расположены подлѣ крѣпости (въ которой, по тѣснотѣ ея, помѣстить кромѣ больныхъ никого невозможно), въ мѣстечкѣ Ахалкалаки, отмѣнно грязномъ и съ виду непривлекательномъ. Дома, сложенные изъ известковаго камня съ плоскими крышами или, лучше сказать, совсѣмъ безъ крышъ, а только съ одними потолками, сквозь которые, по случаю безпрерывныхъ дождей, постоянно течетъ вода.

Офицерскія квартиры еще сносны, но бѣднымъ солдатамъ очень плохо. Жители-армяне занимаются маленькою мѣстною торговлею и образованія никакого не имѣютъ. Слѣдовательно, знакомства быть никакого не можетъ. Дождь и грязь мѣшаютъ занятіямъ по службѣ. Отъ нечего дѣлать принялся опять за преферансъ, забытый съ самаго Ставрополя. Самымъ пріятнымъ развлеченіемъ служитъ намъ чтеніе „Инвалида“, получаемаго отряднымъ начальствомъ, но эта радость достается рѣдко, потому что сообщенія наши затруднительны...

Александрополь, 18-го іюня. Вотъ уже восьмой день, какъ нахожусь я здѣсь. Батарею мою раздѣлили на 2 части. Четыре орудія оставили при ахалкалакскомъ отрядѣ, а четыре перевели сюда для составленія городскаго гарнизона. При чемъ велѣно находиться и мнѣ. Раздѣленіе части для командира есть обстоятельство чрезвычайно непріятное, но, положивши разъ за правило переносить все съ покорностью и твердо полагаться на промыселъ Божій, я на судьбу свою не ропщу.

Пріѣхавши сюда, я засталъ здѣсь страшное движеніе и суету, окружающія обыкновенно мѣстопребываніе главной квартиры, и тѣмъ болѣе замѣтныя, что отрядъ готовился къ походу. Извѣстія о многихъ побѣдахъ князя Андроникова, находящагося съ войскомъ своимъ верстахъ въ 200-хъ отъ Александрополя вправо и сильно побившаго турокъ около Озургетъ, страшнымъ образомъ волновали воображеніе нашихъ героевъ, жаждавшихъ случая отличиться. Наконецъ, 15-го числа все александропольское войско, состоящее приблизительно тысячъ изъ пятнадцати пѣхоты, и тысячъ изъ шести конницы, при 90 орудіяхъ, тронулось внутрь турецкой земли по дорогѣ къ Карсу. Сборный пунктъ былъ назначенъ въ 6-ти верстахъ отъ города.

Къ 10 часамъ собрался весь отрядъ и выстроился четырехугольникомъ на довольно обширной равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ возвышеніями. Посреди нѣ возвышался аналой съ образами, окруженный войсковыми священниками въ парадномъ облаченіи. Въ 10 часовъ явился командующій корпусомъ князь Бебутовъ съ многочисленною свитою и обскакалъ по рядамъ весь четырехугольникъ, поздравляя солдатъ съ походомъ. Громкія ура! болѣе получаса не переставали раздаваться по всѣмъ концамъ одушевленной долины. Въ 11 часовъ поднесли къ аналою полковыя знамена и началось молебствіе, торжественность котораго изобразить невозможно никакимъ перомъ и никакою кистью. До 20.000 воиновъ возносили къ Господу Силъ мольбы свои, конечно, въ это время искренно-теплыя, прося Его покровительства оружію православному и спасенія собственной жизни. Многіе преклоняли колѣна. День былъ прекраснѣйшій. Лучи солнца играли на штыкахъ, на орудіяхъ, на великолѣпномъ вооруженіи разнородныхъ всадниковъ. Главнокомандующій со свитою стоялъ передъ аналоемъ. Я, какъ человѣкъ, не имѣвшій тутъ части, присоединился къ ихъ обществу и помолился отъ глубины души за спасеніе удаляющихся товарищей, изъ которыхъ нѣкоторыхъ можетъ быть никогда не увижу.

По окончаніи молебствія, священники обошли все войско со святою водою, кропя солдатъ и оружіе.

Въ часъ отрядъ двинулся. Музыка и громкія пѣсни со всѣхъ сторонъ поколебали воздухъ. Пошли точно на какой-нибудь велико-

лѣпный пиръ. А между тѣмъ завтра предстояла встрѣча съ непріятелемъ,—и, конечно, многихъ не станетъ на свѣтѣ! Русскій человѣкъ—молодецъ!

Простившись съ товарищами и проводивъ глазами большую половину отряда, тянувшагося безконечною пестрою лентою между возвышеніями и незамѣтно вдали исчезавшаго, съ поникнутой головой отправился я назадъ въ Александрополь. Не стану разсказывать, что передумалъ и перечувствовалъ я на обратномъ пути, но только признаюсь, что отеръ у себя не одну слезу во время дороги. Городъ опустѣлъ совершенно. Движеніе по улицамъ исчезло. Здѣсь остались только два баталіона Ряжскаго полка съ дивизіономъ моей батареи. Мы расположились въ палаткахъ, въ верстѣ отъ города, подъ выстрѣлами крѣпости, въ которой также находится баталіонъ гарнизона. Теперь ждемъ со смутнымъ нетерпѣніемъ результатовъ движенія нашего отряда. Вчера онъ долженъ былъ встрѣтиться съ турецкой арміей, состоящей тысячъ изъ пятидесяти и находящейся въ укрѣпленномъ лагерѣ, верстахъ въ 35-ти отсюда. Если турки сробѣютъ, то побѣгутъ прятаться въ Карсъ, еще верстъ на 40 дальше. Если же нѣтъ, то, вѣроятно, сегодняшній или завтрашній день прибавится новый лавръ къ вѣнку князя Бебутова, много надеждъ увѣнчается блестящимъ успѣхомъ и много пылкихъ фантазій погибнетъ на вѣки.

Что касается до меня, то повторю еще разъ, что считаю за грѣхъ поддаться какому-нибудь себялюбивому чувству и готовъ принять съ вѣрой и покорностью все, что Господу угодно будетъ послать на долю мою, за честь и пользу любезнаго отечества.

Провожая дивизіонъ отъ Ахалкалакъ до Александрополя подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ, верстъ 30 слѣдовалъ я по турецкой границѣ, опредѣляемой маленькой рѣчкою Арпачаемъ, за которою по горамъ видѣлъ нѣсколько разъ толпы всадниковъ, никогда не рѣшавшихся потревожить мое путешествіе.

Покамѣстъ этимъ ограничиваются всѣ мои военные подвиги, и выстрѣлить ни разу не приходилось. Что будетъ дальше, зависитъ отъ воли Божіей. Если буду живъ, буду вамъ описывать...

19-е число. Нарочно отложилъ окончаніе до нынѣшняго утра, чтобы сообщить вамъ что-нибудь о главномъ отрядѣ. Вчера пріѣхалъ оттуда нашъ офицеръ съ приказаніями и сказывалъ, что турки отступаютъ безъ выстрѣла. Они бѣгутъ, вѣроятно, въ Карсъ, гдѣ хотятъ запереться. Крѣпость большая и очень сильная. Наши, вѣроятно, пойдутъ ее осаждать, а покамѣстъ остановились отсюда верстахъ въ 30 и расположены биваками. Что послѣдуетъ дальше, сообщу вамъ въ слѣдующемъ письмѣ. Мнѣ теперь въ Александрополѣ дѣла большаго

нѣту. Только очень скучно и грустно смотрѣть на заболѣвающихъ безпрестанно солдатъ. Климатъ здѣшній русскимъ людямъ пагубенъ.

25-е іюня. Прошла недѣля послѣ отправленія № 18, а у насъ перемѣны никакой еще нѣтъ. Главный отрядъ отошелъ отъ Александрополя верстъ на 30 и остановился передъ турецкимъ лагеремъ, почти на половинѣ дороги къ Карсу. Непріятельскій лагеръ изъ здѣшней крѣпости виденъ довольно ясно и обыкновенному глазу кажется бѣлою полосою, растянутою по скату горы, а въ зрительную трубу можно разсмотрѣть и палатки. Онъ укрѣпленъ, какъ говорятъ, очень сильно, но взять его предположено непремѣнно. Мы всякій день ходимъ на башни и смотримъ, не покажется ли пушечныхъ выстрѣловъ или какого-нибудь особеннаго движенія.

Изъ отряда также пріѣзжаютъ часто гонцы, но ничего новаго не привозятъ. Нынѣшній день, по утру, пошелъ одинъ баталіонъ пѣхоты и взводъ отъ моей батареи подъ командою Огіевскаго, для препровожденія транспорта съ деньгами и съѣстными припасами къ отряду. Послѣ завтра должны вернуться и можетъ что-нибудь поразскажутъ. Здѣсь теперь вообще скука смертельная. Главнѣйшее развлеченіе составляетъ сильно ожидаемый и весьма рѣдко случающійся привозъ изъ Ахалцыха или изъ Эривани большихъ турецкихъ огурцовъ или незрѣлыхъ вишенъ, абрикосовъ и персиковъ. Появленіе турецкихъ головъ, привозимыхъ иногда съ передовыхъ постовъ, также составляетъ маленькія варіаціи.

Азіатскіе наѣздники, состоящіе въ нашей службѣ, возятъ по улицамъ свои страшные трофеи на концѣ пикъ и потряхиваютъ ими съ большою ловкостью и самодовольствіемъ. Обычай варварскій—не знаю, почему не обратятъ строжайшаго вниманія на уничтоженіе его. Изъ дунайской арміи слуховъ никакихъ удовлетворительныхъ нѣтъ. Объ Балтійскомъ морѣ распространилось было довольно утѣшительное извѣстіе, что поганыхъ англичанъ порядочно отпотчивали подъ Кронштадтомъ; но я, покамѣстъ не прочитаю въ газетахъ, ничему не вѣрю. Врутъ безпрестанно. Погода здѣсь теперь нѣсколько установилась. Дожди идутъ рѣдко и небольшіе, но четвертаго дня былъ градъ величиною вообще съ большой орѣхъ, а многія градины равнялись съ грецкимъ орѣхомъ. Во всѣхъ домахъ съ сѣверной стороны, откуда былъ вѣтеръ, повыбило стекла.

Зелени, т. е. травы, на поляхъ показалось очень достаточно. Всѣ ближайшія горы ею покрыты. Но на высокихъ хребтахъ лежитъ еще снѣгъ, который, какъ говорятъ, и никогда не сходитъ. Снѣговая вершина Арарата здѣсь поднимается выше всѣхъ прочихъ. Въ ясную погоду она очень хорошо видна отсюда, хотя отстоитъ отъ Алексан-

дрополя на 200 верстъ. Во время оно, конечно, я не мало восхищался бы этою священною массою, но теперь, кажется, совсѣмъ потерялъ способность приходить въ восторгъ отъ чего бы то ни было.

1-го іюля. Новаго ничего нѣтъ, но я пишу всякую недѣлю, потому, чтобы вы не безпокоились на мой счетъ, зная, какъ близко я нахожусь отъ опасности. Нашъ отрядъ все стоитъ передъ турецкимъ лагеремъ, а мы всякій день лазимъ по крышамъ и наводимъ зрительныя трубки на то мѣсто, гдѣ бѣлѣются палатки, и ждемъ, не покажется ли около нихъ дымъ, огонь, или какое-нибудь движеніе. Однако все тщетно. Тайны военныхъ распоряженій извѣстны только главному начальнику. Третьяго дня Огіевскій возвратился изъ отряда: говоритъ, что тамъ напропалую веселятся. Цѣлый день раздается музыка, поютъ пѣсни, и солдаты забавляются разными играми. Все это происходитъ почти въ виду турокъ.

Нашъ Александрополь, напротивъ, очень унылъ. Мрачныя его строенія изъ сѣрыхъ камней безъ крышъ и таящіяся подъ землею сакли, представляющія по наружности груды каменьевъ, имѣютъ такой мрачный видъ, который наводитъ сильную грусть на душу. Городъ кажется развалинами, оставшимися послѣ большаго пожара. По улицамъ шатаются только оборванные грузины, да армяне самой отвратительной наружности, издающіе отъ себя особый смрадъ—неразлучный съ каждымъ туземцемъ.

Фрукты подвозить перестали. Турецкихъ головъ также нѣсколько дней ужъ не видалъ—однимъ словомъ, варьяцій никакихъ не имѣется. Отыскалъ я нѣсколько знакомствъ, по службѣ съ чиновниками въ крѣпости, изъ которыхъ есть и женатые. Познакомился также съ нѣкоторыми женами, притащившимися сюда ни вѣсть зачѣмъ и отправившими теперь своихъ мужей въ отрядъ. Но всѣ эти знакомства не доставляютъ мнѣ ни малѣйшаго развлеченія, а, кажется, только больше наводятъ скуку. Для меня легче встрѣчаться съ незнакомыми, нежели со знакомыми. Съ первыми, по крайней мѣрѣ, не надобно останавливаться и придумывать матеріи для разговоровъ, въ настоящее время мнѣ крайне тяжелыхъ. Одна и та же пѣснь начинаетъ надоѣдать—тема для толковъ извѣстная—проклятія Азіи, французамъ и англичанамъ.

Единственное утѣшеніе состоитъ въ воспоминаніяхъ о родимой Россіи, но здѣшніе жители ея не знаютъ и не понимаютъ.

8-го іюля. Опять особенно новаго ничего нѣтъ. Отрядъ нашъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ противъ турецкаго лагеря. Другъ на друга смотрятъ, но никто ничего не начинаетъ. Турки укрѣпились хорошо,

и атаковать ихъ трудно. Сами же они, хотя и больше нашего имѣютъ войска, на чистое поле выбираться не намѣрены. Долго ли такъ продолжится—знаетъ одинъ только Богъ, да главные начальники. Наше дѣло стоять и ждать. Изъ отряда черезъ каждые 3 или 4 дня приходятъ оказіи за разными продуктами, въ числѣ 1.000 и болѣе человѣкъ, которые, переночевавъ здѣсь, на другой день возвращаются. Прибытіе этихъ оказій составляетъ единственное наше развлеченіе. Тощный Александрополь оживаетъ. На улицахъ видно много офицеровъ, ходятъ безпрестанно солдаты и скачутъ всадники. Сверхъ того сообщаются взаимно новости, хотя содержаніемъ не обильныя, но все-таки въ живой бесѣдѣ духъ оживаетъ.

Объ европейскихъ событіяхъ мы, можно сказать, рѣшительно не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Грустно быть въ такомъ отдаленіи и даже не знать, что на родимой сторонѣ дѣлается.

Въ здѣшней крѣпости есть церковь, недавно построенная правительствомъ. Она имѣетъ видъ общій большей части русскихъ церквей, на манеръ Сучковской. Зданіе это, кромѣ духовнаго своего назначенія, имѣетъ ту прелесть, что видомъ своимъ напоминаетъ Россію; любоваться имъ составляетъ лучшее мое удовольствіе. По воскресеньямъ же и по праздникамъ ѣзжу туда молиться отъ глубины души Господу, да смягчитъ сердца, исполненныя ожесточеніемъ, и даруетъ спокойствіе міру, такъ обще теперь взволнованному.

Я дошелъ теперь до такого положенія, что возвращеніе въ родные предѣлы считаю невозможнымъ и никакъ не могу представить себѣ минуты, въ которую Господь привелъ бы увидѣть опять всѣхъ близкихъ сердцу. Между тѣмъ хотѣлось бы положить кости свои на родинѣ, а не въ этой варварской землѣ, населенной оборванными чучелами.

Впрочемъ, да будетъ во всемъ святая воля Его.

16-го іюля. Почти каждую ночь ожидаешь нападеніе баши-бузуковъ, т. е. турецкой конницы, состоящей изъ самыхъ отвратительныхъ оборванцевъ, давно желающихъ воспользоваться малочисленностью войска, охраняющаго Александрополь, но, повидимому, не имѣющихъ на это смѣлости.

Вотъ, прошедшую ночь я напролетъ всю не спалъ, ходя около заряженныхъ пушекъ и отдыхающихъ одѣтыхъ солдатъ, готовыхъ стать въ бой по первому выстрѣлу.

Лазутчики увѣдомили коменданта, что значительный отрядъ баши-бузуковъ вышелъ изъ лагеря къ Александрополю. Однако изъ этого, какъ и прежде, ничего не вышло; къ намъ никто не показывался—тревога вышла пустая. Но, согласитесь сами, удовольствія такого рода мало забавны.

Вишенъ и огурцовъ изъ Эривани давно не привозили; ѣсть, кромѣ говядины и баранины—нечего; любоваться снѣжными вершинами Алагеза или Арарата становится тошно. Вотъ вамъ грустная картина настоящей жизни моей.

Мнѣ Господь привелъ, совершенно неожиданно, быть участникомъ въ знаменитомъ Кюрукъ-Дарскомъ сраженіи. Соскучившись бездѣйствіемъ въ Александрополѣ, я воспользовался тѣмъ случаемъ, что одному взводу моей батареи досталось конвоировать до отряда транспортъ съ провіантомъ, и отправился посмотрѣть поближе на турокъ. Это было 19-е или 20-е число іюля, хорошенько не помню. 23-го числа, когда я имѣлъ уже приказаніе завтрашній день возвращаться съ обратной оказіей въ Александрополь, вдругъ князь Бебутовъ насъ оставилъ при отрядѣ, впредь до приказаній! Оказалось, что князь получилъ извѣстіе, черезъ лазутчиковъ, въ 8 ч. по полудни, что турки отправляютъ въ Карсъ часть своихъ тяжестей, сами же приготовляются къ ночному движенію, съ цѣлью или напасть на насъ, или отступить назадъ къ Карсу; послѣднее князь нашелъ болѣе вѣроятнымъ; а почему?—не знаю.

Вечеромъ часовъ въ 11 по всему лагерю были разосланы приказанія, чтобы войска послѣ полуночи снимали палатки и немедленно выходили на-легкѣ, безъ ранцевъ, строиться впереди первой линіи, такимъ порядкомъ, какъ будетъ указано [1]). Всѣ лишнія тяжести приказано отправить въ вагенбургъ, устроенный сзади лагеря, съ одной стороны на довольно крѣпкомъ отъ природы мѣстѣ, а съ другой—защищенный небольшимъ бастіономъ, подъ прикрытіемъ сапернаго баталіона и небольшой сборной команды при 10 орудіяхъ.

Двумъ ряжскимъ баталіонамъ, пришедшимъ изъ Александрополя съ транспортомъ, назначено, подъ начальствомъ своего полковаго командира, прикрывать арріергардъ, вмѣстѣ съ четырьмя орудіями, надъ которыми командованіе поручили мнѣ. Такимъ образомъ, отрядъ часа за два до свѣта находился уже на мѣстѣ, выстраиваясь въ двѣ походныя колонны. Чуть начало брезжиться, переднія части двинулись впередъ увеличеннымъ шагомъ, чтобы застигнуть скорѣе бѣгущихъ турокъ. Подобное распоряженіе доказываетъ ясно, что проницательный князь Бебутовъ, на этотъ разъ, попалъ въ большой промахъ.

Турки бѣжать не думали: армія ихъ, выстроенная также ночью въ боевой порядокъ, находилась у насъ съ лѣвой стороны и ожидала только разсвѣта, чтобы атаковать нашу позицію. Появленіе зари объяснило все дѣло... пошла страшная суматоха. Оказалось, что, вмѣсто движенія впередъ, намъ надобно выстроить фронтъ налѣво. По не-

[1]) Фронтомъ и поставленными въ нѣсколько рядовъ повозками. П. Р.

ожиданности этого маневра, исполненіе его произведено было въ большомъ безпорядкѣ. Находясь въ арріергардѣ, повозки котораго только-что начали устроиваться, мы не могли замѣтить турецкой арміи, скрытой отъ насъ въ лощинѣ, за пологою возвышенностью, и потому пришли въ большое изумленіе, когда увидѣли, что переднія наши колонны поворачиваютъ влѣво, съ чрезвычайной поспѣшностью, при чемъ послѣдовали скачки адъютантовъ и разныхъ искателей приключеній.

Но вотъ просвѣтлѣло еще немного, и на горѣ Каролѣ показались войска: это были турки, занявшіе ее передъ свѣтомъ, какъ главный пунктъ своего праваго фланга. Они втащили туда 2 орудія, сверху блеснулъ огонекъ, поднялось облако дыма и загремѣлъ первый выстрѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ впереди, съ лѣвой стороны, поле покрылось дымомъ и раздалась жестокая канонада; тогда мы, хотя и не видали за высотою, какъ сходились двѣ арміи, поняли ясно, въ чемъ заключается дѣло. Все вниманіе наше устремилось въ ту сторону, гдѣ гремѣли безпрерывно ружейная и пушечная пальба и громкое „ура“ нѣсколько разъ уже огласило воздухъ... Но не прошло четверти часа, какъ я услышалъ кругомъ себя голоса, говорящіе: „смотрите, смотрите, вѣдь это турки“. Я поглядѣлъ впередъ и увидалъ дѣйствительно значительныя массы пѣхоты и конницы, шевелившіяся въ лощинѣ, верстахъ въ двухъ передъ нашей позиціей. Они, вѣроятно, были тамъ скрыты, съ намѣреніемъ обойти нашъ правый флангъ, и теперь, когда по разсчету ихъ наступила пора, начали выдвигаться впередъ.

— „И то турки! Да, кажется, что на насъ идутъ“, послышалось тотчасъ же. Прискакалъ адъютантъ, съ приказаніемъ оставить двѣ роты для прикрытія перевязочнаго пункта и вагенбурга, а остальнымъ шести ротамъ съ артиллерію двигаться впередъ навстрѣчу показавшемуся вновь непріятелю.

Полковой командиръ Ряжскаго полка, полковникъ Ганецкій, повелъ самъ колонну. Отошедши впередъ съ полъ-версты и видя, что турки уже приближаются, Ганецкій началъ выстраиваться,—я приказалъ снять съ передковъ и дать первый выстрѣлъ.

Вслѣдъ затѣмъ, турки, имѣвшіе передъ нами, какъ оказалось, орудій 22, открыли жестокій огонь.

Держась твердо намѣренія слѣдовать въ воспоминаніяхъ моихъ цѣли нравственно-наблюдательной, а не исторической, я не стану описывать всѣхъ подробностей дѣла, продолжавшагося часовъ до 11, скажу только о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Часа два стояли ряжцы противъ турецкой пѣхоты, осыпавшей ихъ убійственнымъ батальнымъ огнемъ. Нѣсколько разъ, обѣ стороны пробовали бросаться

въ штыки другъ противъ друга, но ни одна не имѣла успѣха. Ряжцы, поражаемые огнемъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, начали было ослабѣвать, какъ прибытіе генерала Багговута, съ нѣсколькими дивизіонами драгунъ и 4-мя орудіями конной артиллеріи, возстановило ходъ дѣла. Турки, взятые во флангъ картечнымъ огнемъ вновь прибывшихъ пушекъ и убѣдившіеся ясно, что армія ихъ въ центрѣ разбита, начали отступать и вскорѣ побѣжали въ совершенномъ безпорядкѣ.

Много турокъ порубили и человѣкъ до 800 захватили въ плѣнъ. Преслѣдованіемъ распоряжался генералъ Багговутъ; онъ гналъ, съ конницею, бѣгущихъ почти до самаго лагеря ихъ; пѣхота не могла слѣдовать за кавалеріей, и потому мы отъ него немного отстали.

Наконецъ, отъ князя Бебутова, котораго съ главнымъ отрядомъ мы потеряли совсѣмъ изъ вида, получено приказаніе остановиться. Непріятель былъ разбитъ окончательно, на всѣхъ пунктахъ, и бѣжалъ, оставивши намъ 15 пушекъ, много знаменъ, ружей и разныхъ другихъ трофеевъ. Болѣе 6.000 турокъ легло убитыми на полѣ сраженія, 1.800 чел., въ томъ числѣ до 100 офицеровъ, забрано въ плѣнъ.

Кюрукъ-Дарское сраженіе принадлежитъ къ числу самыхъ блистательнѣйшихъ эпизодовъ нашей военной славы. Зарифъ-паша, турецкій главнокомандующій, при самомъ началѣ кампаніи, имѣлъ армію, превосходящую числомъ отрядъ князя Бебутова больше, нежели вдвое; увеличивъ ее значительно войсками, взятыми изъ Ардагана и остатками войскъ, разбитыхъ подъ Челокомъ, онъ имѣлъ около 60.000 войска, когда рѣшился атаковать нашъ 18-ти тысячный корпусъ.

Несоразмѣрность въ силахъ огромная! Солдаты имѣютъ даръ, выражаясь простыми словами, очень вѣрно и хорошо опредѣлять самыя сложныя вещи. Мнѣ случилось нечаянно слышать, послѣ сраженія, разговоръ двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ другому: „Ну, братъ, ужъ подлинно, что мудреная была штука, какъ мы одолѣли этихъ басурманъ! Куда на нихъ ни глянешь—вездѣ стѣна, а какъ посмотришь на своихъ—вездѣ ворота!“ Оно такъ и было дѣйствительно, но ворота сломили стѣну!

14-го августа. На прошлой недѣлѣ я вамъ писалъ. Да и новаго ничего не было, равно какъ теперь. У насъ покамѣстъ все идетъ прежнимъ порядкомъ, Александрополь обратился въ огромный госпиталь. Въ каждомъ почти окнѣ видишь лазаретные халаты и перевязанныя головы. У каждыхъ воротъ то же самое. Костыли также встрѣчаются въ большомъ изобиліи. Въ крѣпости, построенной возлѣ самаго города, есть большой госпиталь почти на 3.000 человѣкъ; но тамъ и прежде было много больныхъ обыкновенными болѣзнями, а когда

стали подвозить раненыхъ, помѣщеній не достало и потому заняли для нихъ всѣ лучшіе дома въ городѣ. Многихъ и здѣсь уже пріобщили къ числу преставившихся на полѣ чести, а все еще много осталось. Чѣмъ больше всматриваешься, тѣмъ болѣе убѣждаешься, какъ велика была надъ нами милость Господня въ роковой день 24-го іюля. Сраженіе это названо не на поляхъ Хаджи-Вали, какъ я вамъ писалъ и какъ хотѣли назвать его, а при селеніи Курюкъ-Дара. Такъ вы прочтете о немъ въ „Инвалидѣ“. Плѣнныхъ турокъ отправили въ Тифлисъ, кажется, съ тѣмъ, чтобъ везти во внутрь Россіи. Здѣсь ихъ много осталось ранеными, которыхъ лѣчатъ вмѣстѣ съ нашими.

Главный отрядъ нашъ отошелъ верстъ на 15 назадъ, отодвинувшись нѣсколько влѣво, во избѣжаніе заразительнаго смрада, который началъ оказываться на поляхъ, гдѣ было сраженіе, отъ зарытыхъ труповъ. Ихъ надобно считать тысячъ около пяти людей и около тысячи лошадей. Лагерь нашихъ войскъ стоитъ теперь отъ города верстахъ въ 14 и въ хорошую погоду виденъ отсюда простымъ глазомъ. Многіе между городомъ и отрядомъ ѣздятъ даже безъ прикрытія. Турки начали собираться въ нѣсколькихъ верстахъ сзади своего прежняго лагеря, оставивши его вѣроятно тоже потому, что онъ близокъ къ полю сраженія. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ дѣлъ никакихъ ожидать нельзя. Но что скажетъ сентябрь — извѣстно одному Господу. Подъ стѣнами родимой Москвы сентябрь считался у насъ самымъ вожделѣннымъ мѣсяцемъ, оканчивавшимъ всѣ наши годовые военные труды и заботы, а здѣсь? О!—здѣсь ни мѣсяцевъ, ни дней вожделѣнныхъ не существуетъ. Не видать конца, когда Господу угодно будетъ укротить праведный гнѣвъ Свой и смилостивиться надъ грѣшными жителями нашего міра, дѣйствительно забывшими въ кичливой дерзости всякій страхъ ко всемогуществу Божію. Читая политическія новости, невольно содрогаешься при видѣ той неистовой злобы, которая все больше и больше одолѣваетъ поганыхъ островитянъ и подлаго властителя Франціи, превзошедшихъ въ ожесточеніи нехристей и старающихся увлечь за собой большую половину Европы. Чѣмъ все это кончится—извѣстно Его святому Промыслу. Но покамѣстъ можно только сказать навѣрное одно, что въ нынѣшнемъ году я съ вами не увижусь. Что дастъ милость Божія въ 1855 г.? Покоримся безропотно волѣ Всемогущаго и будемъ ждать Его милости...

20-го августа. Въ нашемъ главномъ отрядѣ всею кавалеріею командовалъ генералъ-лейтенантъ Багговутъ, человѣкъ очень храбрый и заслужившій себѣ блистательную военную репутацію. Въ послѣднемъ сраженіи мы съ нимъ часто встрѣчались и тѣмъ еще болѣе

скрѣпили свое знакомство, начатое нѣсколько прежде. Онъ женатъ на тверитянкѣ, кажется Бѣжецкаго уѣзда, урожденной Ермолаевой, женщинѣ очень бойкой, ловкой и любезной. Она оставалась въ Александрополѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дамами, мужья которыхъ проводили бивачную жизнь на поляхъ Хаджи-Вали. Въ началѣ прошлаго мѣсяца я встрѣтился съ генеральшей у коменданта, гдѣ, признавшись землякомъ, хорошо съ нею познакомился. Между прочими разговорами она сказала мнѣ, что у нея старшій сынъ похороненъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ. А когда услышала, что въ настоящее время обрѣтаются тамъ мои дѣти, спросила: знаю ли я Вадбольскихъ, съ которыми она очень дружна. На удовлетворительный мой отвѣтъ, начала описывать ихъ достоинства и заключила тѣмъ, что намѣрена высватать непремѣнно которую-нибудь изъ нихъ мнѣ въ сожительницы. Я объявилъ, что, всегда далекій отъ подобнаго процесса, въ настоящее время вовсе къ нему не гожусь, но Елизавета Дмитріевна этого ничего въ уваженіе не принимаетъ, а хочетъ непремѣнно дѣйствовать.

Все это я намѣревался вамъ описать, какъ теперь получаю разсказъ Фаины о знакомствѣ съ Вадбольскими. Другой, пожалуй, вывелъ бы изъ этого какія-нибудь предсказательныя заключенія, но я, признаюсь, отъ этой мысли очень далекъ и нахожусь дѣйствительно въ такой апатіи, что позабылъ о существованіи женщинъ. Багговутъ и съ женою, на прошлой недѣлѣ, отправился по болѣзни въ Тифлисъ, откудова намѣревается проѣхать въ Петербургъ на Москву. Они взяли монастырскій адресъ и хотѣли непремѣнно видѣть дѣтей. Если въ самомъ дѣлѣ они въ Москвѣ будутъ, примите ихъ хорошенько. Генералъ же разскажетъ вамъ вѣроятно, какъ Господь привелъ намъ вмѣстѣ отбыть благополучно кровавый день 24-го іюля.

Фаина желаетъ получить свѣдѣнія о нашихъ общихъ военныхъ знакомыхъ—съ удовольствіемъ ихъ сообщаю. Евреиновъ съ дивизіономъ находится въ Ахалкалакахъ, при немъ Эглау и Колосовъ, бывшій со мною въ сраженіи. У меня здѣсь теперь Огіевскій и Тиньковъ. Воронковъ въ отрядѣ все время стоитъ въ первой линіи, батарея его дѣйствовала отлично. Кубаркина батарея также отличилась; но самъ онъ ею, по болѣзни, въ дѣлѣ не командовалъ, а теперь и вовсе отъ нея отказался и третьяго дня уѣхалъ къ женѣ въ Тифлисъ лѣчиться. Клингенъ въ сраженіи не былъ, прикрывая съ 6 орудіями обозъ. Остальныя два орудія его батареи были у меня подъ командою Ожигова, котораго я перевелъ отъ себя въ 8-ю легкую еще при началѣ похода, вслѣдствіе монастырской исторіи. Но теперь мы съ нимъ давно уже совершенно помирились. Вотъ, кажется, и всѣ, кого знаете.

*

2-го сентября. Я теперь промедлилъ отвѣтомъ цѣлыхъ 8 дней, потому что прошлую пятницу ѣздилъ въ отрядъ принести поздравленія главнымъ нашимъ начальникамъ, получившимъ уже высочайшія награды за сраженіе. Корпусному командиру, князю Бебутову, государь пожаловалъ Андрея Первозваннаго, орденъ, котораго въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ въ Россіи до сихъ поръ никто не получалъ. Помощнику его, генералъ-адъютанту князю Барятинскому, — Георгія 3-й степени, нашему начальнику артиллеріи, генералъ-лейтенанту Брюммеру, человѣку храбрѣйшему, имѣвшему значительное вліяніе на побѣду,— тоже Георгія 3-й степени. Начальникъ штаба, полковникъ Невѣровскій, человѣкъ еще очень молодой, произведенъ въ генералъ-маіоры.

Всѣ награды отличнѣйшія, показывающія, что государь остался очень доволенъ побѣдою. Онъ разрѣшилъ представить и всѣхъ остальныхъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, къ наградамъ по усмотрѣнію начальства. Говорятъ, что теперь представленіе уже пошло, и я могу считать себя полковникомъ съ 24-го іюля. Но, повторяю еще разъ, что бы мнѣ ни дали, всѣмъ останусь доволенъ. Чинъ, котораго еще въ прошломъ году на Ходынскомъ полѣ лишило меня Іудино отродіе, не можетъ теперь доставить мнѣ много удовольствія. Милость Божію, оказанную надо мною въ такой ужасной опасности, считаю лучшимъ для себя награжденіемъ.

Курьеръ съ наградами прискакалъ изъ Петербурга въ отрядъ 22-го августа, въ день коронаціи во время самаго молебствія. Монаршія милости произвели во всѣхъ великій восторгъ, выраженный первоначально единодушнымъ „ура!“ и потомъ многими обѣдами, другъ другу даваемыми.

Въ субботу, 28-го августа, всѣ артиллерійскіе командиры, начиная съ Брюммера, дѣлали обѣдъ кн. Бебутову. По этому случаю я оставался два дня въ отрядѣ. Пированіе было великое, ѣли и пили на славу. Съ 2-хъ часовъ по полудни, т. е. какъ начался обѣдъ, до 10-ти вечера около столоваго шатра гремѣли неумолкаемо музыки всѣхъ полковъ и раздавались веселые напѣвы пѣсельниковъ. Разныя игры и пляски поддерживали общее расположеніе духа. Въ 8 час. вечера былъ пущенъ небольшой, но приличный фейерверкъ.

Все это, конечно, шло живо, шумно и весело, но на меня никакого бы особеннаго впечатлѣнія не сдѣлало, если бы происходило на Ходынкѣ въ виду Петровскаго парка. А то какъ подумаешь, что мы пировали такъ въ виду турокъ, которыхъ опять собралось уже, какъ говорятъ, около 60.000 и которыхъ передовыя палатки ясно рисовались передъ глазами нашего 18.000-го отряда, то невольно изумишься отвагѣ и удали русскаго человѣка, смѣло глядящаго въ лицо смерти и безотчетно уповающаго на Промыселъ Господень. Всѣмъ нижнимъ

чинамъ, участвовавшимъ въ сраженіи, государь изволилъ пожаловать по 3 цѣлковыхъ на человѣка и многимъ георгіевскіе кресты. Вотъ вамъ краткое изображеніе нашего военнаго пиршества, въ замѣнъ описанія блистательнаго фейерверка, даннаго Желтухинымъ въ кадетскомъ лагерѣ.

24-го сентября. Сашу [1]) хвалю за то, что онъ съ любовью смотритъ на портретъ Бебутова; князь нашъ дѣйствительно военачальникъ умный, дѣльный и заслуживающій всякаго уваженія. Подъ его распоряженіемъ поколотивши добрымъ порядкомъ турокъ, мы прибавили новый листочекъ къ лавровому вѣнку славы русскаго оружія и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили такое спокойствіе краю, какимъ здѣшніе жители давно ужъ не пользовались. По всей границѣ уборка полей идетъ точно въ мирное время. А въ городѣ, кажется, вовсе забыли думать о непріятелѣ, котораго ни единой души въ окрестностяхъ не показывается.

Третьяго дня князь дѣлалъ рекогносцировку и доходилъ до мѣста бывшаго турецкаго лагеря, никого не встрѣтивши. Теперь оно пусто. Говорятъ, что турки, оставивши сильный гарнизонъ въ Карсѣ, собираются теперь около Арзерума. Это отъ насъ болѣе 300 верстъ, и потому до весны нельзя ожидать никакого дѣла. Впрочемъ мы все-таки должны стоять здѣсь въ сборѣ до тѣхъ поръ, покамѣстъ выпадетъ снѣгъ, чего надобно ожидать около половины ноября. Время у насъ стоитъ превосходное, очень теплые дни и довольно сносныя ночи. Между тѣмъ какъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ бушевали безпрестанныя грозы, часто съ ужаснымъ градомъ. Дни были жаркіе, а ночи очень холодныя. Теперь, слава Богу, и больныхъ стало меньше. По фруктовой части со здѣшними мѣстами я также значительно примирился. Изъ Эривани привозятъ намъ всякой всячины въ изобиліи. Базаръ заваленъ горами фруктовъ, и все очень дешево, надобно только не лѣниться выбрать хорошее изъ множества дряни. Фунтъ винограда стоитъ 3 коп. сер., десятокъ персиковъ—8 к., десятокъ дуль такихъ, какихъ въ Москвѣ и за 3 цѣлковыхъ не купишь,—20 коп. Арбузъ—15 коп., дыня—тоже и все это самое лучшее. Грузины же и армяне покупаютъ гораздо дешевле. За то они истребляютъ все безъ разбора. Надо удивляться ихъ желудкамъ, поглощающимъ неимовѣрное количество всякой мерзости. Я и офицеры мои всякій день ѣдимъ очень много лакомства, но при этомъ мнѣ все-таки очень грустно, что нынѣшній годъ не удалось видѣть ни одной ягодки родимой земляники, клубники, малины, смородины и крыжовника. Огурцами считаю себя

[1]) Сынъ П. Д. Рудакова.

также очень обиженнымъ. Недѣли двѣ удалось мнѣ попользоваться зелененькими, средней величины огурчиками, покупаемыми по копѣйкѣ сереб. за штуку; все же остальное время приходится возиться съ огромными огурчищами, величиною почти съ тыкву, мягкими и безвкусными—а это любимый мой овощъ.

1-го октября. Меня судьба забросила дальше всѣхъ—и куда же?—къ подножію Арарата въ сосѣдство земнаго рая. Первый находится отсюда верстахъ въ 150. Снѣжныя вершины его въ ясные дни очень чисто рисуются передо мною на голубомъ небѣ. Сліяніе Тигра и Евфрата, обозначающее мѣсто появленія на свѣтъ первородныхъ людей, Адама и Евы, отстоитъ отъ Александрополя верстахъ въ 200. Сколько условій для игры воображенія!

Но увы!—Воображеніе мое теперь совершенно уснуло; оно такъ переполнено матеріальными неудобствами, меня окружающими, и такъ высушено тоскою по милой родинѣ, что душа больше ни о чемъ не мечтаетъ, какъ о Шагаровѣ, о Москвѣ, о Дѣвичьемъ полѣ, о Ходынкѣ, даже о Каширѣ, мѣстахъ самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ прозаическихъ, но близкихъ сердцу.

Приведетъ ли Господь все это увидѣть!

У насъ здѣсь покамѣстъ все обстоитъ благополучно. Отрядъ придвинулся еще ближе къ городу и расположился отсюдова верстахъ въ 6-ти, но все еще за Арпачаемъ, составляющимъ турецкую границу. Скажу вамъ, что французскіе и англійскіе ораторы неправильно оспариваютъ важность Кюрукъ-Дарской побѣды, не имѣвшей, повидимому, результатовъ. Князь Бебутовъ, разбивши съ 17.000 человѣкъ—60.000, далъ возможность къ существованію всѣмъ пограничнымъ жителямъ и спасъ отъ погибели цѣлый край до самыхъ Кавказскихъ горъ. Если бы отрядъ нашъ не устоялъ, все бы это погибло, равно какъ и самый Тифлисъ. Что же сказать о побѣдѣ князя, когда западные крикуны хвастаются взятіемъ Аланда, гдѣ нѣсколько тысячъ орудій и въ шестеро большее число войскъ захватили горсть храбрыхъ, уничтоживши безъ всякой нужды Бомарзундское укрѣпленіе и погубивши съ обѣихъ сторонъ безъ надобности много народу.

По всѣмъ признакамъ, у насъ въ нынѣшнемъ году дѣла никакого не ожидается. А всѣхъ очень занимаетъ полученное на-дняхъ извѣстіе, что союзники сдѣлали высадку въ Крымъ и сошлись уже съ нашими войсками. Говорятъ, будто бы первая встрѣча была въ пользу нашу, но что вышло далѣе—неизвѣстно. Ждемъ каждую минуту разъясненія. Результатъ крымскихъ дѣлъ долженъ имѣть огромное вліяніе на ходъ кампаніи, до сихъ поръ совершенно неопредѣленной.

8-го октября. Завтрашній день предполагаю подняться со своимъ батарейнымъ штабомъ въ Ахалкалаки, чтобы приготовить тамъ все хозяйство на зиму. Отрядъ послѣ 15-го числа придвинется къ самому городу и мой дивизіонъ обѣщаютъ въ концѣ октября отпустить въ Ахалкалаки, гдѣ назначено зимовать батареѣ.

Выѣзжая изъ Александрополя, съ одной стороны, я доволенъ, что могу нѣсколько отдохнуть и устроиться на постоянномъ мѣстѣ, съ другой же стороны весьма сожалѣю о томъ, что лишусь возможности вести съ вами аккуратную переписку.

Конверты изъ Ахалкалакъ посылаются сюда, равно какъ и получаются отсюдова съ нарочными казаками, отправляемыми не въ одинаковое время, и потому необходимо будутъ встрѣчаться большіе промежутки въ нашей корреспонденціи.

Но какъ же быть?—Надобно покоряться необходимости и дѣлать съ своей стороны, что возможно. Продолжайте писать ко мнѣ прежнимъ порядкомъ. Здѣсь остается нашъ бригадный штабъ, гдѣ теперь адъютантомъ Ровинскій. Онъ обѣщался доставлять ко мнѣ переписку сколько можно аккуратнѣе...

Военныя дѣйствія въ нашемъ краю, на нынѣшній годъ, кажется, совершенно прекратились, что доказываетъ и мое отправленіе въ Ахалкалаки; если бы что-нибудь ожидалось, то бы не отпустили.

Но въ Крыму разыгрывается теперь, а всего вѣрнѣе, что уже разыгралась страшная драма.

Ахалкалаки. 4 ноября. Вотъ скоро исполнится мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ сюда, а отъ васъ все нѣтъ извѣстія, и этому конечно причиной не вы, но трущоба, въ которой я обрѣтаюсь.

Военныя дѣла наши на этотъ годъ, кажется, совершенно успокоились. Ожидаемъ только снѣгу, чтобы расположиться съ зимнимъ комфортомъ. Около Александрополя про турокъ нѣтъ слуха, но войска все еще стоятъ лагеремъ подъ самымъ городомъ, въ томъ числѣ и мой одинъ дивизіонъ подъ командою Эглау. Жду съ нетерпѣніемъ его возвращенія,—съ самой весны не видалъ своей батареи въ полномъ составѣ.

Здѣсь говорятъ, будто бы на-дняхъ были дѣла въ Гуріи и подъ Баязетомъ, разумѣется, удачныя... но это еще требуетъ подтвержденія.

Крымскія дѣла больше всего занимаютъ общее вниманіе. Тамъ идетъ страшная рѣзня. По частнымъ извѣстіямъ, кажется совершенно вѣрнымъ, есть свѣдѣніе, что подъ Севастополемъ два англійскихъ корабля взлетѣли на воздухъ, а два остались на мели, въ конецъ уничтоженные. Арміи подъ стѣнами этого города жестоко дерутся, и

кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Господь Богъ не оставитъ покровительствомъ Своимъ оружіе православное. Бого-отступники полумусульмане, гораздо поганѣйшіе самихъ турокъ, едва-ли уплетутся по добро восвояси.

Много есть въ той сторонѣ моихъ добрыхъ товарищей. Не всѣ они возвратятся конечно живыми и невредимыми. Но больше всѣхъ интересуетъ меня Сорокинъ, да сохранитъ его Господь своею милостью.

Сильно пламя, раздуваемое по всей Европѣ торгашами-островитянами. Когда и какой будетъ конецъ ему—извѣстно одному Всевышнему, надобно уповать, что православіе не погибнетъ. Я теперь въ Ахалкалакахъ провожу жизнь очень мирную, точно въ Каширѣ. Утро посвящаю занятіямъ хозяйственнымъ, хлопочу объ устройствѣ зимнихъ помѣщеній людямъ и лошадямъ, о поправкѣ артиллеріи, обоза, конской и людской аммуниціи, о заготовленіи ячменя и сѣна. Овесъ въ здѣшнихъ краяхъ не существуетъ даже и по названію.

Погода все еще стоитъ очень хорошая. Вершины окрестныхъ хребтовъ совершенно уже покрылись снѣгомъ, но на равнинахъ не было еще ни одной снѣжинки. Осенью, когда внизу идетъ дождикъ, на горахъ, обыкновенно, выпадаетъ снѣгъ.

Подлѣ Ахалкалакъ есть горка, маленькая въ сравненіи съ другими своими сосѣдями, но на нее по самой меньшей мѣрѣ надобно всходить полчаса. Видомъ похожа на шапку, потому что со всѣхъ сторонъ имѣетъ одинаковый спускъ. Взобравшись на каменистую вершину ея, я часто любуюсь окрестностями, состоящими изъ пространства верстъ до 50 въ квадратѣ, усѣяннаго холмами, полями, лугами, аулами, небольшими озерами, страшными оврагами, даже лѣсами, отстоящими отсюдова верстахъ въ 30, прорѣзаннаго во многихъ мѣстахъ бѣлыми отъ пѣны ручьями и обставленнаго со всѣхъ сторонъ снѣговыми ширмами... Картина великолѣпная!—но всегда наводящая на душу мою самое грустное настроеніе. То ли дѣло мать родная—Россія. Тамъ все уютно: или все бѣло, или все зелено! Въ прошломъ году около этого времени я пріѣзжалъ прощаться съ вами въ Москву уже на саняхъ, а теперь только приготовляю лѣсъ для постройки саней, считаемыхъ здѣсь большою рѣдкостью.

16-го декабря. У насъ помаленьку наступаютъ морозы и третьяго дня выпалъ порядочный снѣгъ. Я себѣ устроилъ сани—инструментъ въ здѣшнихъ мѣстахъ довольно диковинный. Армяшки смотрятъ на него съ изумленіемъ, а барыни, жены нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ, сильно атакуютъ просьбами ихъ покатать. Нравы тутъ первобытные, и взрослые не далеко ушли отъ малолѣтнихъ.

Дивизіонъ мой на прошлой недѣлѣ возвратился изъ Александро-

поля, натерпѣвшись страшнаго холода. Теперь вся батарея собрана вмѣстѣ, и какъ-то стало повеселѣй. Кажется, будто стоишь въ Каширѣ. Оно и точно здѣсь все такъ же мирно, какъ и тамъ, только потеря многихъ хорошихъ и любимыхъ мною солдатъ, да отдаленіе отъ близкихъ сердцу напоминаютъ тяжко о горечи настоящаго положенія. Турки по-прежнему благоразумны. Никакихъ шалостей не затѣваютъ, и вѣроятно и впередъ бы отъ нихъ отказались, если бъ не были подбиваемы европейскими мерзавцами, носящими, къ сожалѣнію, названіе христіанъ. Варварское ожесточеніе, съ которымъ эти изверги стараются истребить несчастный Севастополь, превосходитъ всякое описаніе. Далѣе 24-го октября, т. е. когда была вылазка генерала Даненберга, мы извѣстія не имѣемъ. Но, конечно, надобно полагать, что въ настоящую минуту все уже кончено. А чѣмъ?—страшнымъ истребленіемъ съ обѣихъ сторонъ народа. Ушли ли негодяи просто, или овладѣвши Севастополемъ—это почти все равно, а на ходъ войны едва-ли будетъ имѣть вліяніе. За что же пролито столько крови? Мы отстаивали свою землю. А они куда лѣзли? Вотъ истинные подлецы.

Чѣмъ-то Богъ посѣтитъ насъ на будущій годъ. Если война не кончится зимой, 55-ый годъ будетъ очень тяжелъ. Конечно, каждый встрѣтитъ его въ смутномъ ожиданіи.

Александрополь, 8-го января 1855 г. Пишу къ вамъ опять изъ Александрополя, куда попалъ совершенно неожиданно, но только по дѣламъ мирнымъ, а не военнымъ. Командиры наши всѣ разсѣялись. Воронковъ и Кубаркинъ перешли служить въ Россію. Назимовъ передъ праздниками поѣхалъ въ отпускъ. Съ его протекціей это удалось ему обработать. Я остался старшимъ въ бригадѣ, и потому меня назначили оною командовать. На этомъ основаніи надобно было пріѣхать въ Александрополь, гдѣ находится бригадный штабъ. Такое командирство дѣло почетное, но только въ хозяйственномъ отношеніи не выгодное. Въ Ахалкалакахъ держу офицерамъ столъ, и здѣсь человѣкъ 5 всякій день у меня будутъ обѣдать. Хозяйство на 2 дома очень начетисто. Но что же дѣлать, какъ-нибудь надо справляться. Къ веснѣ Назимовъ долженъ возвратиться. Да въ теченіе этого промежутка, я думаю съѣздить мѣсяца на полтора въ Ахалкалаки, которыхъ тихая жизнь мнѣ приходится совершенно по вкусу. Здѣсь же очень суетно. Много начальства и всегда надобно быть, какъ говорится,—на чеку.

Выгода одна—аккуратное полученіе вашихъ писемъ, весьма несвоевременно доходившихъ до Ахалкалакъ. Вотъ теперь 3 письма разомъ отправлены были ко мнѣ отсюдова и разошлись со мною на

дорогѣ; не знаю, скоро ли опять сюда возвратится. Чай отъ васъ получилъ большею частью въ видѣ сѣнной трухи. Ящикъ, вѣроятно, сдѣланъ былъ плохо и потому совершенно изломался. Въ Тифлисѣ сдѣлали новый, въ который, взявши полтора цѣлковыхъ, уложили остатки чая, клочки потертой бумаги и осколки дерева и все это переслали ко мнѣ. Теперь попиваю, да похваливаю. Впрочемъ чай вкусомъ дѣйствительно очень хорошъ. За неаккуратную же укладку, если она производилась дома, остается попенять тому, кто ею занимался, а если въ лавкѣ, то если судьба приведетъ возвратиться, хозяина шибко разбраню. Ему должно быть хорошо извѣстно, что пересылка вещей за нѣсколько тысячъ верстъ и при томъ черезъ горы, требуетъ нѣсколько болѣе тщательности, нежели въ какую-нибудь сосѣднюю къ Москвѣ губернію.

Теперь дожидаюсь съ нѣкоторымъ страхомъ дѣтскаго портрета и боюсь, чтобъ онъ не подвергся чайной участи...

Крымскія дѣла, повидимому, еще не кончились... У насъ все обстоитъ тихо и смирно. Вмѣсто Воронцова ѣдетъ новый главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Муравьевъ. Весною на военныя дѣла здѣшняго края онъ будетъ имѣть большое вліяніе, а что затѣетъ—неизвѣстно.

20-го января. Письмо ваше за № 28, при которомъ слѣдовало бы получить и портретъ, пришло на прошедшей почтѣ, но безъ портрета. По случаю большихъ заваловъ въ горахъ нѣсколько тяжелыхъ почтъ остановились на вашей сторонѣ Кавказскаго хребта въ ожиданіи, пока расчистятъ дорогу. Когда это кончится, Богъ знаетъ, но такая остановка крайне меня огорчаетъ. Тѣмъ болѣе, что ожидаемую мною почту можетъ и совсѣмъ засыпать снѣгомъ. Я хотя описывалъ вамъ свойство заваловъ, но кто ихъ не видалъ, тотъ не можетъ представить себѣ полнаго о нихъ понятія...

Здѣсь время мое проходитъ не скучно. Князь Василій Осиповичъ [1]) ко мнѣ очень ласковъ, равно какъ и все остальное начальство. Военныхъ знакомыхъ очень много. По воскресеньямъ бываютъ собранія очень хорошія. Для этого избрано помѣщеніе въ крѣпости. Съѣзжаются до 20 дамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма недурны. Въ кавалерахъ же большое изобиліе. На берегу Арпачая, составляющаго турецкую границу въ верстѣ отъ непріятельской земли, прекрасная музыка, каждое воскресенье гремитъ отъ 8 часовъ вечера до 2-хъ полуночи, увлекая въ шумномъ вихрѣ вальса, галопа, польки и мазурки беззаботную молодежь, отъ души веселящуюся на краю бездны.

---

[1]) Бебутовъ.

Расшевеливаются иногда люди и не совсѣмъ молодые, глядя на общее одушевленіе, но я никакъ не въ состояніи заразиться этимъ восторгомъ... Совсѣмъ состарился! Солидныя карточки составляютъ единственное мое развлеченіе. Впрочемъ, если Господь приведетъ воротиться, въ Москвѣ надѣюсь ожить опять. Берегу свои душевныя ощущенія для этого счастливаго времени.

Несмотря на неслыханное ожесточеніе, гибельно разражающееся въ Крыму, гдѣ таится теперь извѣстная одному Господу развязка будущихъ событій, есть надежда, что враги наши начинаютъ нѣсколько образумливаться и постигать всю несправедливость злобы своей.

Совѣтую Аннинькѣ, которую много благодарю за ея милыя письма, отыскать въ послѣднихъ нумерахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за декабрь рѣчи, говоренныя въ англійскомъ парламентѣ лордами Кобденомъ и Брайтомъ, выражающимися съ удивительною силою и справедливостью о настоящей политикѣ Англіи. Рѣчи эти, поразительныя своею истиною, кажется, не могутъ остаться безъ сочувствія въ народѣ, взволнованномъ умышленно людьми подлыми и безчестными...

26 февраля... Награды за 24-ое іюля генераламъ и штабъ-офицерамъ вышли. Назимовъ произведенъ въ генералы, я—въ полковники. Награждены и многіе другіе въ отрядѣ, которыхъ вы не знаете. Взаимнымъ поздравленіямъ не было конца. Князь Василій Осиповичъ расцѣловалъ меня при самыхъ лестныхъ пожеланіяхъ.

Можете теперь выставлять на адресѣ слово—полковнику. Да прошу васъ заказать у извѣстнаго вамъ Князева, на Тверской близъ Ауербахова магазина, мнѣ эполеты артиллерійскіе съ 18 №, самые лучшіе форменные, на тотъ фасонъ, которымъ онъ мнѣ всегда дѣлалъ, и когда будутъ готовы, чтобъ выслалъ ко мнѣ въ Александрополь. А вы заплатите ему, что будетъ стоить съ пересылкой изъ экстренной суммы.

Ахалкалаки. 8-го марта. Я вамъ обѣщалъ прислать подробное описаніе поѣздки своей въ Эривань, что̀ теперь, прибывши благополучно сюда 3-го числа, намѣреваюсь исполнить, но только едва-ли буду въ состояніи исполнить это хорошенько, потому что нахожусь въ самомъ мрачномъ расположеніи духа по случаю полученной нами третьяго дня горестной для всей Россіи вѣсти [1]). Что за несчастныя настали для насъ времена? Бѣда идетъ за бѣдою. Тогда какъ разсу-

[1]) Писано подъ впечатлѣніемъ кончины императора Николая I († 18 февраля 1855 г).

докъ опытный и твердая воля были такъ для государства нужны, Провидѣнію угодно было посѣтить насъ новымъ несчастьемъ. Конечно судьбы Божіи неисповѣдимы. Надо надѣяться, что Господь не допуститъ погибнуть православію, что Онъ умудритъ разумъ новаго монарха нашего и укрѣпитъ сердце его въ смутную для царства годину. Но все-таки нельзя же не поскорбѣть отъ глубины сердца о покойномъ императорѣ, мужѣ твердомъ и мудромъ, искренно любившемъ Россію и ничего не щадившемъ для славы ея. Да успокоитъ душу его Господь въ царствѣ небесномъ на лонѣ своей благодати! Будемъ объ этомъ молиться и постараемся вѣрною и ревностною службою новому государю доказать, что мы не были недостойны отеческихъ попеченій и заботливости его покойнаго родителя.

Но приступаю къ дѣлу.

Въ середу на первой недѣлѣ, полу-больной выѣхалъ я изъ Александрополя, въ сопровожденіи бригаднаго адъютанта Ровинскаго, взятаго для веденія письменныхъ дѣлъ по службѣ, Петрова, необходимаго для попеченій объ особахъ нашихъ, и „Нормана“ [1]), составлявшаго наше дорожное развлеченіе и постоянную заботу. Бѣдняжка подвергался на пути большимъ опасностямъ въ молоканскихъ деревняхъ и татарскихъ аулахъ отъ великаго множества злѣйшихъ и огромнѣйшихъ собакъ. Бѣжать за почтовыми ему было трудно и сажать его съ собою, хотя онъ и шибко добивался этой чести, было нельзя, какъ по случаю весьма тѣсныхъ повозокъ, такъ и потому, что онъ постоянно несъ на себѣ до полу-пуда грязи. Вездѣ же, гдѣ мы останавливались, онъ получалъ ласки, похвалы и дань всеобщаго восхищенія.

Ровинскій—человѣкъ мыслящій и любитель литературныхъ занятій, велъ путевыя записки. Петровъ пыхтѣлъ сильно, перекладывая на каждой станціи вещи.

Отъ Александрополя до Дилижани—небольшаго селенія—надобно проѣхать 100 верстъ, перевалившись черезъ двѣ горы, Дону-Джуръ и Аманлы, по-здѣшнему не очень значительныя, но по-нашему почти—гигантскія. Каждая имѣетъ около версты вертикальной высоты. Дорога по этимъ горамъ и окружающимъ ихъ высотамъ, верстъ на 50, идетъ по глубокому снѣгу. Далѣе же къ Дилижани она начинаетъ спускаться и переходитъ въ весну. Передъ Дилижанью мѣстность особенно живописна. Верстъ 12 надобно ѣхать по глубокому ущелью, поросшему лѣсомъ. Деревья висятъ надъ головами путниковъ. На днѣ бушуетъ ручей небольшой, но гремучій и бѣлѣющій пѣною.

Въ Дилижани надобно было своротить съ Тифлисской дороги, по

[1]) Собака П. Д. Рудакова.

которой мы ѣхали изъ Александрополя, и сдѣлать перевалъ черезъ Ишакъ-Мейданской хребетъ, чрезвычайно высокій и большую часть года покрытый снѣгомъ. Такимъ образомъ, подымаясь въ гору верстъ 15, изъ весны мы очутились въ глубокой зимѣ. По Ишакъ-Мейданскому хребту до спуска съ него къ Эривани надобно ѣхать верстъ 60 все по снѣгу. Тутъ устроены 4 станціи—Чубуклы, Ахты, Фонтанка и Эйляръ. По дорогѣ между первою и второю приходится проѣзжать мимо Гокчинскаго озера, имѣющаго 80 верстъ въ длину и 40 въ ширину. Эта огромная масса воды, заключенная между скалами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣетъ дна и находится на такой высотѣ, о которой страшно подумать. Она возвышается надъ окружающими ее равнинами, съ одной стороны надъ Эриванской, на $^3/_4$ версты, а съ другой—надъ Елисаветпольскою на версту съ четвертью. Подлѣ Гокчинскаго озера дорога пролегаетъ верстъ 10, лѣпяся по горамъ и вися надъ водой. Лѣтомъ, говорятъ, она довольно удобна, но зимою, будучи почти ежедневно заметаема снѣгомъ, несмотря на то, что всякій день прочищаютъ ее, дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узка, что двумъ повозкамъ разъѣхаться невозможно. Сани наши, двигавшіяся по узкой тропинкѣ, покатой къ озеру, весьма часто готовы были, кажется, слетѣть въ водяную, бездонную бездну съ отвѣсныхъ скалъ, имѣвшихъ высоты саженъ до 50 и болѣе. Пѣшкомъ идти было невозможно по глубокому по колѣно снѣгу. Трудно, кажется, найти человѣка, у котораго бы сердце не замерло въ подобномъ случаѣ; между тѣмъ встрѣчавшіеся намъ погонщики огромнѣйшихъ каравановъ верблюдовъ, очень часто дѣлающіеся безвозвратными жертвами Гокчинскаго озера, весьма флегматически двигались по гибельному пути, покрикивая безпрестанно на своихъ подчиненныхъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающія ихъ страсти.

Саженяхъ въ 300 отъ берега возвышается изъ воды скала, имѣющая до двухъ верстъ въ окружности. На ней видны развалины языческаго храма, разрушеннаго въ 365 году просвѣтителемъ Арменіи, царемъ Тиридатомъ, воздвигшимъ тутъ монастырь, существующій и понынѣ. Видъ озера, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ гигантскими скалами, съ его каменнымъ островомъ, покрытымъ древними развалинами и едва замѣтными жилыми монастырскими постройками,—великолѣпенъ. Любуясь этой дивной картиной, забываешь опасности, ее окружающія.

Верстъ за 20 отъ Эривани начинается спускъ съ Ишакъ-Мейданскаго хребта. Проѣхавши внизъ верстъ до 10, изъ глубочайшаго снѣга мы очутились въ веснѣ: поля зеленѣли, почки на деревьяхъ завязывались. Эривань, какъ и всѣ окрестныя съ нею селенія, утопаетъ въ садахъ. Растительность тутъ изумительна. Миндаль, персикъ, слива,

черешня, вишня, виноградъ и многія другія лакомства, изобильно произраразростающія въ садахъ эриванскихъ, составляютъ значительную отрасль промышленности для жителей. Въ концѣ апрѣля, когда всѣ деревья въ цвѣту, климатъ тутъ бываетъ очарователенъ. Воздухъ дышетъ нѣгой и ароматами. Зато въ концѣ мая, когда начинаютъ поспѣвать фрукты, Эривань дѣлается нестерпима; вся зелень сгоритъ, жара доходитъ до неимовѣрной степени. Миріады, ничѣмъ неизгоняемыхъ мошекъ, безпощадно терзаютъ несчастнаго человѣка. Являются фаланги, скорпіоны, тарантулы и разныя другія прелести, которыхъ, благодаря Бога, не существуетъ ни въ Александрополѣ, ни въ Ахалкалакахъ. При мнѣ на дворѣ у одного нашего полковника поймали фалангу. Нечего сказать, милый звѣрокъ! Въ Эривани я нашелъ многихъ своихъ сослуживцевъ.

Время первоначальнаго основанія Эривани покрыто мракомъ неизвѣстности, но процвѣтать она начала подъ владычествомъ персіянъ. Въ 1583 г. была завоевана турками. Въ 1635 опять перешла къ персіянамъ, а въ 1827 была взята Паскевичемъ и обращена потомъ въ губернскій нашъ городъ. Старая крѣпость, построенная турками, теперь поправлена и служитъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ всей области. Въ 50 верстахъ отъ города находится Араратъ, такъ явственно видимый, какъ будто бы до него было только полчаса ѣзды.

Пробывши въ Эривани сутки, я отправился въ Эчміадзинскій монастырь, знаменитѣйшій въ древней Арменіи и теперь самый главный у разсѣянныхъ по лицу всей земли армянъ. Главный храмъ его сооруженъ въ 303 г. по Рож. Хр., царемъ Тиридатомъ Великимъ, по указанію Св. Григорія, просвѣтителя Арменіи. Монастырь нѣсколько разъ переходилъ въ руки персіянъ и турокъ, но главныя стѣны остались тѣ же самыя, которыя поставлены при первоначальномъ его основаніи. Слово Эчміадзинъ на армянскомъ языкѣ значитъ: Сошелъ Единородный. Подлѣ монастыря находятся двѣ церкви; одна во имя Св. дѣвы Рипсины, воздвигнутая на мѣстѣ ея мученической смерти; другая, называемая Гангадзъ, построена въ 641 году патріархомъ Нерсесомъ III надъ мощами Св. Григорія, просвѣтителя Арменіи. Послѣдняя находится теперь въ полуразрушенномъ видѣ. Во второй еще служатъ, но внутренность ея совершенно бѣдна. Монастырская церковь сохранила еще много внутреннихъ украшеній превосходной рельефной, особеннаго характера, работы. Живопись ея, также особеннаго стиля, весьма замѣчательна. Въ особенномъ отдѣленіи церкви сохраняются многія духовныя сокровища: копье, которымъ былъ прободенъ бокъ Спасителя, мощи многихъ апостоловъ и угодниковъ, часть Святаго Креста и кусокъ Ноева ков-

чега. Вообще видно, что монастырь пользовался нѣкогда большимъ благосостояніемъ и могуществомъ. Зданія его обширны. Всѣ постройки носятъ отпечатокъ древности и величія. Но теперь онъ, хотя и считается главною резиденціею грузинскихъ и армянскихъ экзарховъ, особенныхъ признаковъ вліянія своего не представляетъ. Въ настоящее время онъ служитъ убѣжищемъ какой-нибудь сотнѣ монаховъ и нѣсколькимъ патріархамъ, которыхъ едва-ли не главное сокровище составляетъ пріемная патріаршая палата, дѣйствительно замѣчательная по азіатскому вкусу своего убранства и по особенной живописи.

Въ этой древней обители не замѣтно никакихъ слѣдовъ появленія богомольцевъ, такъ усердно посѣщающихъ наши православныя святыни.

Въ монастырскихъ зданіяхъ, въ самой оградѣ, помѣщенъ теперь штабъ Ряжскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ аулахъ около монастыря; по этому случаю онъ кипитъ жизнію, хотя сдѣлался похожъ на казарму. Я остановился у полковаго командира, полковника Ганецкаго, съ которымъ познакомился близко во время похода и былъ вмѣстѣ въ сраженіи. У него ночевалъ 3 ночи и отъ него ѣздилъ въ Амаратъ, еще за 30 верстъ, для осмотра 8-ой легкой батареи.

Клингена нашелъ выздоровѣвшимъ, часть его въ порядкѣ, а самый аулъ Амаратъ очень печальнымъ мѣстомъ, замѣчательнымъ только тѣмъ, что находится верстахъ въ 14 отъ подножья Арарата. Ну, ужъ посмотрѣлъ я на эту знаменитую въ священной исторіи массу земли, покрытую неизмѣримой глубины снѣгами. Фигура Арарата не живописна и на видъ кажется обыкновенною по здѣшнимъ мѣстамъ горою, а между тѣмъ на самой вершинѣ его никогда не была нога человѣческая. Для того же, чтобъ обогнуть кругомъ его основаніе, надобно проѣхать верстъ 200.

Обратный путь до Александрополя шелъ совершенно по прежнему маршруту и прежнимъ порядкомъ. Опять повисѣли надъ Гокчинскимъ озеромъ, тонули въ снѣгу и тряслись на колесахъ. Ровинскій писалъ путевыя записки, Петровъ пыхтѣлъ, перекладывая вещи, „Норманъ“ томился отъ усталости, но между тѣмъ не пропускалъ случая отчаянно атаковать попадавшихся намъ по дорогѣ непріятелей его—ишаковъ.

Проѣхавъ верстъ 40 отъ Дилижани со станціи Кимлякъ, мы повернули вправо на Безабдильскій хребетъ, на который подымались часа полтора верхами, а вещи наши везлись на вьюкахъ. Зимою черезъ Безабдиль нѣту повозочной дороги. Верстъ 6 подъемъ шелъ довольно легкій, но, къ вершинѣ болѣе полу-версты, надобно было взбираться по страшной крутизнѣ. Верхняя площадка Безабдиля въ поперечникѣ имѣетъ саженъ 15; поднявшись на нее, мы были пора-

жены прекраснѣйшей картиной. Подъ ногами нашими, страшно глубоко, открылась Гергерская равнина со своимъ урочищемъ—Гергеры, состоящіе изъ нѣсколькихъ солдатскихъ слободокъ, построенныхъ на манеръ русскихъ деревень, среди которыхъ отличаются казенныя постройки—бѣленькія и чистенькія; съ вершины Безабдиля имѣютъ видъ чрезвычайно живописный. Спускъ къ нимъ очень великъ и довольно опасенъ, особенно зимой, лѣпясь около горы, того и гляди, что при малѣйшемъ неосторожномъ шагѣ лошади скатишься въ бездну. Однако, благодаря Бога, мы спустились благополучно. Въ Гергерахъ и сосѣднемъ съ ними урочищѣ Джелалъ-оглу нашелъ я многихъ своихъ сослуживцевъ, съ которыми и провелъ время весьма пріятно. На 16-ый день послѣ своего выѣзда возвратился благополучно въ Александрополь совсѣмъ здоровый. Теперь же нахожусь въ Ахалкалакахъ, гдѣ предполагаю встрѣтить праздникъ. Говѣть здѣсь очень хорошо; въ армянской церкви на одной сторонѣ ея разбили нашу дивизіонную церковь. Служба прекрасная съ весьма порядочными полковыми пѣвчими. Покамѣстъ же провожу цѣлые дни на ученьи; ждемъ новаго намѣстника, который всѣхъ очень строго смотритъ. Только о томъ и думаемъ, какъ бы ему получше на первый разъ представиться. О туркахъ же вовсе забыли думать, да и они ведутъ себя очень умно—насъ ничѣмъ не тревожатъ. Это не то, что въ Крыму, гдѣ не только некрещеные, но и крещеные нехристи белены объѣлись. Въ Александрополь предполагаю пріѣхать на послѣднихъ дняхъ праздника, съ которымъ васъ уже поздравлялъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Восточная политика Наполеона.

VI [1]).

Согласно рѣшенію русскаго и французскаго правительствъ, было немедленно приступлено къ выполненію статей Тильзитскаго договора.

Командирамъ русскихъ судовъ, находившихся въ Средиземномъ морѣ, дано было приказаніе войти въ Черное море проливами, если на это послѣдуетъ согласіе Порты, въ противномъ случаѣ вернуться въ Россію чрезъ Гибралтаръ и Атлантическій океанъ, гдѣ они могли найти во французскихъ портахъ продовольствіе и убѣжище. Было приказано также эвакуировать Каттаро и Іонические острова, откуда русскія войска должны были возвратиться въ Тріестъ или Венецію.

Россія отказалась отъ всякаго вліянія на Средиземномъ морѣ. Это плохо вязалось съ надеждою петербургскаго правительства, что Россія извлечетъ изъ союза съ Франціей выгоды для усиленія своего вліянія на Балканахъ, въ Константинополѣ и Архипелагѣ.

Мармону было приказано послать гарнизонъ въ Каттаро и возстановить дружественныя отношенія съ черногорцами, которые все время поддерживали русскихъ и тревожили границу Далмаціи. Подобно большинству славянскихъ племенъ, населявшихъ Балканскій полуостровъ, черногорцы разсчитывали на Россію, ненавидѣли Францію, ставя ей въ вину ея дружескія отношенія къ Портѣ.

1-го сентября 1807 г. генералъ Бертье, назначенный генералъ-губернаторомъ Іоническихъ острововъ, переселился на островъ Корфу, гдѣ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1905 г.

были сосредоточены въ скоромъ времени огромные запасы провіанта и военныхъ снарядовъ.

Необходимо было, какъ можно скорѣе, извѣстить Порту о послѣдовавшихъ событіяхъ и прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Это было возложено на графа Гильемино [1]), которому было приказано отправиться немедленно въ Молдавію, дабы сообщить о заключеніи мира русскому генералу Михельсону и великому визирю и подготовить заключеніе между ними перемирія. Изъ Молдавіи онъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь и сообщить Портѣ касающіяся ея статьи договора, генералу Себастіани было повелѣно добиться на это согласія Дивана и выяснить ему поворотъ, происшедшій во французской политикѣ. Конечно, это порученіе не могло быть пріятно человѣку, единственною заботою котораго, за послѣднее время, было завязать тѣсныя сношенія между Портой и Франціей, и направить Турцію противъ Россіи. Положеніе Себастіани было тѣмъ болѣе затруднительно, что ему велѣно было отнестись къ турецкому правительству бережно, не возстановлять его противъ Франціи и добиться согласія Порты на пропускъ русскихъ судовъ изъ Средиземнаго моря въ проливы, и хотя ему было сообщено, что Каттаро и Іоническіе острова переходятъ во владѣніе Франціи, но его просили держать это въ тайнѣ. Наконецъ ему было поручено склонить султана назначить въ Парижъ своего посланника и принять посредничество Франціи.

Первыя мѣры, принятыя новымъ турецкимъ правительствомъ, были враждебны Франціи. Бывшій султанъ Селимъ приказалъ пропустить 600 французскихъ канониpовъ, прибывшихъ изъ арміи, расположенной въ Далмаціи, Мустафа отмѣнилъ приказъ своего предшественника и просилъ Себастіани оффиціально написать Мармону, чтобы эти солдаты были отозваны.

Себастіани полагалъ даже, что его присутствіе въ Константинополѣ могло быть невыгодно для интересовъ Франціи: такъ какъ онъ пользовался особой благосклонностью Селима, то новый султанъ не могъ относиться къ нему доброжелательно. Вообще, со времени переворота, Себастіани держалъ себя довольно холодно и сдержанно. И это вскорѣ встревожило турецкихъ министровъ. Они искали съ посланникомъ свиданія и высказали ему свое твердое намѣреніе сохранить дружбу Франціи. Когда же Себастіани заявилъ имъ, что для этого нужно энергично продолжать войну съ Россіей, то 8-го іюня появился гатти-шерифъ, коимъ подданнымъ султана торжественно возвѣщалось о томъ, что война будетъ продолжаться; рейсъ-эффенди выразилъ

[1]) Графъ Арманъ-Карлъ Гильемино р. 1774 † 1840 г.

даже Себастіани свое сожалѣніе по поводу низложенія Селима, на что́ французскій посланникъ холодно промолчалъ.

14-го іюня Себастіани получилъ отъ Порты и препроводилъ Талейрану оффиціальную ноту, коей турецкое правительство обязывалось дѣятельно продолжать войну и не заключать съ врагами Франціи отдѣльнаго мира, а на случай, если бы было приступлено къ переговорамъ, Порта послала своему посланнику въ Варшавѣ полномочія для участія въ общемъ конгрессѣ въ качествѣ „представителя союзной Франціи“ державы.

Когда же турецкіе сановники выразили Себастіани желаніе знать дальнѣйшія намѣренія французскаго правительства, то онъ отвѣчалъ имъ, что „при заключеніи мира, Франція поставитъ непремѣннымъ условіемъ обезпеченіе независимости и неприкосновенности Оттоманской имперіи и потребуетъ отмѣны всѣхъ статей, которыя могли угрожать свободѣ Блистательной Порты“.

Себастіани считалъ необходимымъ довести это немедленно до свѣдѣнія Дивана въ виду того, что англійскіе агенты дѣлали попытки возобновить переговоры съ Портой, а въ Тенедосъ прибылъ полковникъ Поццо-ди-Борго съ полномочіями отъ царя, который предлагалъ туркамъ эвакуировать Молдавію и Валахію и дружескія услуги Россіи для умиротворенія Сербіи, если они согласятся заключить миръ, или, по крайней мѣрѣ, соблюдать нейтралитетъ.

Прибывъ въ Тенедосъ 9-го іюня, Поццо-ди-Борго обратился къ Дивану съ заявленіемъ, въ которомъ излагалъ затруднительное политическое положеніе Франціи, могущество союзниковъ и истинные интересы Порты.

Нѣсколько дней спустя прибылъ въ Константинополь новый англійскій посланникъ, сэръ Педжетъ, который выразилъ прежде всего отъ имени своего правительства неодобреніе дѣйствіямъ своего предмѣстника Арбутнота и адмирала Дукворта и свое сожалѣніе по поводу февральскихъ и мартовскихъ событій.

Между представителями Англіи, Россіи и Порты начались тайные переговоры. Себастіани былъ предупрежденъ объ этомъ, поспѣшилъ въ Диванъ, сердился, угрожалъ прервать всякія сношенія съ Портою, даже покинуть Константинополь. Его едва удалось успокоить.

Переговоры были прерваны. Онъ потребовалъ, чтобы Поццо и Педжету были даны самые положительные отвѣты, которые не оставили бы имъ никакой надежды на соглашеніе съ Портой, и редактировалъ ихъ самъ совмѣстно съ муфтіемъ.

Сэру Педжету было заявлено, что онъ не будетъ принятъ султаномъ до эвакуаціи Египта и всѣхъ пунктовъ, занятыхъ англичанами далѣе Мальты, и что вообще всѣ вопросы политики могли обсуждаться

Турціей не иначе, какъ при участіи Франціи. Поццо-ди-Борго было сдѣлано еще болѣе энергичное заявленіе:

„Блистательная Порта, говорилось въ немъ, предпочла бы быть погребенной подъ развалинами, нежели заключить договоры, которые ее вынуждали подписать силою. Поэтому она требуетъ, чтобы Россія не вмѣшивалась болѣе въ управленіе Молдавіей и Валахіей, ни въ торговыя или религіозныя дѣла подданной райи султана, однимъ словомъ, ни въ какія внутреннія дѣла Турціи. Кромѣ того, Порта требуетъ, чтобы Россія возвратила захваченную ею часть Грузіи и эвакуировала Іоническіе острова".

Изъ вышеприведеннаго видно, что Порта была преисполнена наилучшими намѣреніями по отношенію къ Франціи и, благодаря уступчивости Турціи, всѣ недоразумѣнія, возникшія между нею и этой державой послѣ майскаго переворота, разсѣялись.

26-го іюня рейсъ-эффенди написалъ Талейрану самое дружеское письмо, въ которомъ высказывалась надежда, что узы, связывавшія союзныя націи, упрочатся, и подтверждалось, что таково было самое искреннее желаніе Порты.

Это письмо разошлось въ пути съ посланными одновременно Талейраномъ письмами изъ Тильзита, въ которыхъ онъ извѣщалъ турецкихъ министровъ о заключеніи перемирія между Франціей и Россіей; обѣщалъ, что въ случаѣ переговоровъ о мирѣ, интересы Порты будутъ обезпечены; но давалъ понять, что французское правительство не было ни къ чему обязано, что оно было свободно въ своихъ дѣйствіяхъ, присовокупляя, что турецкій посланникъ отказался заключить съ Франціей какой бы то ни было договоръ и что слѣдовательно Порта не была въ правѣ что-либо требовать.

Рейсъ-эффенди отвѣчалъ Талейрану немедленно, что онъ признаетъ въ принципѣ перемиріе для турецкихъ войскъ, находящихся на Дунаѣ; и выразилъ надежду, что Вахидъ-эффенди, которому не были сообщены результаты переговоровъ, происходившихъ въ Тильзитѣ, будетъ допущенъ къ участію въ конгрессѣ, который будетъ созванъ для заключенія мира.

Султанъ, съ своей стороны, подтвердилъ свою увѣренность въ томъ, что державы не уклонятся отъ существующаго союза.

Какъ видно, поведеніе новаго турецкаго правительства по отношенію къ Франціи было, въ общемъ, вполнѣ корректно.

Но встревоженное по поводу переговоровъ, происходившихъ въ Тильзитѣ, оно обращалось за разъясненіями къ французскому посланнику, который не могъ сказать ничего положительнаго, ибо „онъ самъ блуждалъ въ потьмахъ".

Между тѣмъ относительно условій мира ходили самые разнорѣ-

чивые слухи, проникшіе мало-по-малу черезъ Австрію на берега Дуная. Такъ какъ въ точности никто ничего не зналъ, то слухи изобрѣтались и воображеніе работало въ этомъ направленіи очень дѣятельно.

Въ Босніи говорили объ окончательномъ раздѣлѣ Оттоманской имперіи; о томъ, что Боснія и Герцеговина будутъ присоединены къ Далмаціи, Грецію отойдетъ къ Итальянскому королевству, которое будетъ именоваться Адріатическимъ королевствомъ; Сербія отойдетъ къ Австріи, Молдавія и Валахія къ Россіи.

Въ Австріи уже появилось множество французскихъ офицеровъ; ихъ было много также въ Венеціи и Корфу.

Несмотря на это, турки пребывали по-прежнему въ бездѣйствіи и только старались воспользоваться обстоятельствами, чтобы подавить возстаніе въ Сербіи.

Одинъ паша сообщалъ Дивану изъ Дунайской арміи:

„Императоръ французовъ заключилъ миръ и возвратился въ Парижъ. Въ подписанномъ договорѣ нѣтъ рѣчи о Турціи; онъ предоставилъ насъ во власть Россіи. Это сообщили мнѣ два офицера изъ арміи генерала Михельсона. Видите, какъ вы поступили неосмотрительно, возложивъ всѣ надежды на Францію и обязавшись вести переговоры съ Россіей и Англіей не иначе, какъ съ ея согласія“.

Слухъ объ измѣнѣ Франціи быстро разнесся въ Константинополѣ; французы подверглись на улицахъ оскорбленіямъ; ихъ положеніе въ городѣ, гдѣ такъ легко можетъ быть возбужденъ фанатизмъ, сдѣлалось опаснымъ.

Турецкіе министры были глубоко взволнованы, хотя они не высказывали этого въ своей оффиціальной перепискѣ съ французскимъ правительствомъ. Себастіани старался вначалѣ успокоить ихъ, увѣрялъ, что Франція не броситъ Порты, что цѣлость и неприкосновенность Турціи будутъ обезпечены, что надобно выждать, пока будутъ опубликованы статьи договора.

Но когда эти статьи были наконецъ доведены до всеобщаго свѣдѣнія, то между турецкими министрами и французскимъ посланникомъ произошелъ весьма крупный разговоръ.

„Императору Наполеону не слѣдовало ратификовать мирнаго договора, не посовѣтовавшись со своимъ союзникомъ—султаномъ, говорили министры; Турція принесена въ жертву; всѣ обѣщанія Франціи касательно неприкосновенности Турціи нарушены; нельзя допустить, чтобы Придунайскія княжества послѣ эвакуаціи русскихъ войскъ не были заняты войсками султана“.

Они дали полную волю своему гнѣву; такъ какъ Франція бросила ихъ, измѣнила Портѣ, то они „не считаютъ себя болѣе связан-

ными съ нею и начнутъ переговоры съ англійскимъ посланникомъ; это не трудно, ибо онъ недалеко, онъ ожидаетъ ихъ въ Тенедосѣ".

Себастіани отвѣчалъ, что императоръ Наполеонъ будетъ разсерженъ и навѣрное дастъ имъ почувствовать это. Ему пришлось даже возвысить голосъ, чтобы заставить ихъ смолкнуть и прекратить засѣданіе, которое становилось бурнымъ.

Въ оффиціальной корреспонденціи турецкіе министры держались совершенно инаго тона. Рейсъ-эффенди писалъ Талейрану, что Порта довольна заключеніемъ мира и полученными ею отъ Франціи дружественными увѣреніями, и послалъ полномочія Мухибу-эффенди, турецкому посланнику въ Парижѣ, для веденія переговоровъ о мирѣ съ Россіей и заключенія союзнаго договора съ Франціей.

Отношенія Себастіани къ Портѣ вскорѣ улучшились, и 23-го августа онъ могъ сообщить о томъ, что Диванъ присоединяется ко всѣмъ статьямъ Тильзитскаго договора, признаетъ французское посредничество, и рѣшилъ послать въ Парижъ для участія въ переговорахъ вмѣстѣ съ Мухибъ-эффенди—улема.

Очевидно, Диванъ рѣшилъ слѣдовать такой системѣ: продолжать войну съ Англіей, выполнить въ точности всѣ статьи Тильзитскаго договора, какъ будто онѣ были выработаны съ согласія султана, не дать такимъ образомъ Наполеону ни малѣйшаго повода къ нареканіямъ, къ разрыву, и, строго придерживаясь союза съ Франціей, не допустить, чтобы франко-русскій союзъ повелъ къ гибели Турціи.

Въ началѣ сентября Шампаньи писалъ Себастіани безъ обиняковъ, что отнынѣ вся Европа присоединилась къ Франціи противъ Англіи; нейтральныхъ державъ болѣе не существуетъ; надобно быть на той или на другой сторонѣ; Портѣ не будетъ дозволено лавировать между ними. Оттоманское правительство надѣялось, писалъ онъ, вернуть Крымъ и возстановить свои прежнія границы; надежды несбыточныя при его слабости и господствующей въ Турціи анархіи. Войска султана безсильны; перемиріе, заключенное Франціей, спасаетъ ихъ отъ окончательнаго истребленія и обезпечиваетъ Портѣ обладаніе Молдавіей и Валахіей, которыя она не въ состояніи завоевывать обратно. Къ тому же между Франціей и Портой не существуетъ никакого договора; турецкій посланникъ не хотѣлъ ничего подписать; въ бытность свою въ Варшавѣ и въ Данцигѣ, онъ выказалъ рѣшительное нежеланіе принять участіе въ серьезныхъ переговорахъ. Всѣ обязательства, принятыя Наполеономъ по отношенію къ султану Селиму носили вполнѣ личный, дружественный характеръ; быть можетъ императоръ подтвердилъ бы тѣ же чувства его преемнику, но султанъ Мустафа цѣлыя двѣ недѣли не извѣщалъ его о своемъ вступленіи на престолъ, не послалъ императору ни письма, ни оффиціальнаго посольства.

„Могъ ли императоръ отказаться отъ почетнаго мира ради столь непостояннаго, своенравнаго и жестокаго правительства?... Если Порта признаетъ условія мира, то она получитъ Молдавію и Валахію и можетъ „прозябать“ еще нѣкоторое время. Но, заключивъ миръ съ Англіей, она должна считать себя погибшей; она будетъ раздѣлена, ея политическое существованіе прекратится не далѣе какъ въ концѣ года“.

Таковы были угрозы, высказанныя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ по адресу Турціи.

Какъ только Гильемино прибылъ на берега Дуная, въ Слободзеѣ начались, при его посредничествѣ, переговоры о перемиріи между представителями Порты Галибъ-эффенди и Россіи—Лашкаревымъ“ [1]).

Совѣщанія продолжались 12 дней и были очень бурны, такъ какъ Галибъ-эффенди выражалъ при всякомъ удобномъ случаѣ свое неудовольствіе по поводу Тильзитскаго договора, говорилъ, что Турція была принесена въ жертву и что Россія и Франція условились не возвращать Турціи Молдавіи и Валахіи и т. д. При этихъ условіяхъ турецкій сановникъ отказывался заключить какія бы то ни было условія. Гильемино былъ вынужденъ прибѣгнуть къ угрозѣ, что совѣщаніе будетъ прервано, и 24-го августа 1807 г. было наконецъ заключено перемиріе, въ силу котораго: 1) прекращались непріязненныя дѣйствія между Турціей и Россіей; 2) договаривающіяся стороны обязывались назначить уполномоченныхъ для заключенія мира и условились о томъ, что если переговоры не приведутъ къ желаемой цѣли, то перемиріе будетъ продолжено во всякомъ случаѣ до 21-го марта 1808 г.; 3) русскіе обязывались очистить княжества въ теченіе 35-ти дней со дня заключенія перемирія; въ то же время турки должны были отозвать свои войска съ Дуная, оставивъ гарнизоны только въ Измаилѣ, Брешковѣ и Галацѣ. Согласно 4-й статьѣ, изложенной весьма туманно, Россія и Порта не могли приступить къ упорядоченію управленія Придунайскими княжествами до пріѣзда уполномоченныхъ для веденія переговоровъ о мирѣ.

Наконецъ русскіе должны были возвратить суда и всѣ призы, взятые ими у турокъ, и отозвать свои суда изъ Тенедоса и Архипелага.

Многіе изъ этихъ пунктовъ могли вызвать возраженія со стороны Россіи, но русскій уполномоченный подписалъ ихъ безъ особенныхъ оговорокъ, такъ какъ русское правительство не придавало имъ серьезнаго значенія, заручившись изустнымъ обѣщаніемъ Наполеона смотрѣть сквозь пальцы на выполненіе даже такой важной статьи, какъ эвакуація княжествъ.

---

[1]) Лашкаревъ, Сергѣй Лазаревичъ, род. 1739, † 1814.

Гильемино справедливо опасался, что этотъ вопросъ вызоветъ не мало недоразумѣній, и на самомъ дѣлѣ, уже 5-го сентября Лашкаревъ сообщилъ Галибъ-эффенди, что, вслѣдствіе кончины главнокомандующаго Михельсона, эвакуація княжествъ замедлилась; и что когда перемиріе было ратификовано Мейендорфомъ, назначеннымъ на мѣсто Михельсона, и русскіе начали выводить свои войска, то турки устремились вслѣдъ за ними, грабя мирныхъ жителей, и такъ какъ невозможно было предоставить валаховъ грабежу, то эвакуація была пріостановлена.

Въ исходѣ сентября, по истеченіи срока, указаннаго въ договорѣ 24-го августа, Галибъ-эффенди и обратился съ жалобами къ французскому правительству; „турки отступили къ югу отъ Дуная, писалъ онъ, они въ точности выполнили условія перемирія. Русскіе же ничего не исполняютъ; они вмѣшиваются во внутреннее управленіе княжествъ, какъ будто они остаются ихъ властителями; собираютъ контрибуціи, назначаютъ и смѣняютъ должностныхъ лицъ. Они не отозвали своихъ войскъ, ссылаясь на то, что ими не получено новыхъ приказаній. Очевидно, они не намѣрены выполнить условій перемирія. Они отказываются возвратить суда, захваченныя ими въ Тенедосѣ подъ предлогомъ, будто адмиралъ Сенявинъ не получилъ еще оффиціальнаго текста перемирія. Кромѣ того они завели вновь подозрительныя сношенія съ сербами, которые, видимо, по-прежнему разсчитываютъ на нихъ“.

Самъ Себастіани писалъ, 6-го октября, согласно донесеніямъ, полученнымъ съ Дуная, что русскіе посылали въ Молдавію новыя войска.

15-го октября Галибъ-эффенди обратился къ Лашкареву съ оффиціальнымъ протестомъ, а 21-го октября назначенный командующимъ русскими войсками, на мѣсто Мейендорфа, кн. Прозоровскій сообщилъ Себастіани изъ Фокшанъ, что „его величество императоръ всероссійскій не утвердилъ тѣхъ статей договора о перемиріи, кои не соотвѣтствуютъ достоинству имперіи“.

Баронъ Мейендорфъ поступилъ неправильно, утвердивъ договоръ, заключенный 24-го августа,—писалъ между прочимъ новый главнокомандующій; ему слѣдовало обождать болѣе точныхъ приказаній; поэтому его дѣйствія не одобрены его величествомъ, и на его мѣсто назначенъ онъ, Прозоровскій.

Въ своемъ оффиціальномъ сообщеніи французскому правительству петербургскій кабинетъ отказывался возвратить Портѣ взятые у нея суда и военные снаряды, и утвердить ту статью договора, коей срокъ перемирія былъ продленъ до 21-го марта 1808 г., ссылаясь на то, что подобныя условія „совершенно необычны“ и что въ случаѣ во-

зобновленія военныхъ дѣйствій, они могли послужить только на пользу Портѣ.

Все это давало Россіи возможность продлить временную оккупацію Молдавіи и Валахіи; въ данный моментъ она ничего болѣе не желала, въ надеждѣ, что оккупація изъ временной могла превратиться въ постоянную.

14-го октября Шампаньи поручилъ генералу Савари, французскому посланнику въ Петербургѣ, потребовать отъ русскаго правительства объясненія по поводу проволочки въ эвакуаціи княжествъ, а нѣсколько дней спустя онъ извѣстилъ Себастіани, что императоръ Наполеонъ обратился къ императору Александру оффиціально съ жалобой по поводу того, что условія перемирія, заключеннаго въ Слободзеѣ, не были выполнены.

„Дайте понять султану“, присовокуплялъ Шампаньи пророческимъ тономъ, „не давая впрочемъ никакихъ положительныхъ обѣщаній, что все окончится благополучно“. Эти слова ни къ чему не обязывали.

Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: [1]) „поддерживайте на побережьи Адріатическаго моря дружественныя сношенія съ пашами... Императоръ отправился въ Италію и Венецію“.

Эта инструкція и поѣздка Наполеона очевидно были тѣсно связаны съ заботами, которыя внушали императору французовъ дѣла на Востокѣ. Онъ ясно понималъ, что для упроченія своего союза съ Россіей ему придется вскорѣ высказаться относительно княжествъ и либо выполнить обѣщанія, данныя Александру, либо сдержать его честолюбивые виды. Рѣшивъ принять окончательныя мѣры только въ крайнемъ случаѣ, Наполеонъ не желалъ быть застигнутымъ врасплохъ и хотѣлъ ближе изучить почву, еще мало изслѣдованную его дипломатіей.

Что касается Порты, то она не упускала случая подтвердить свои дружественныя чувства къ Франціи и въ то же время слѣдила съ величайшей тревогой за возроставшими притязаніями Россіи, опасаясь, что Наполеонъ будетъ вынужденъ удовлетворить ихъ. Боснійскій паша заявилъ французскому консулу Давиду, что по его мнѣнію между Портою и Россіей едва-ли могъ быть заключенъ миръ; „Русскіе дѣйствуютъ не чистосердечно относительно турокъ и относительно французовъ“, говорилъ онъ.

На самомъ же дѣлѣ турки окончательно утратили всякую вѣру въ дружбу Франціи; между ними ходилъ слухъ, что въ главной квартирѣ генерала Мармона, въ Далмаціи, и на всемъ побережьи Адріатическаго моря шла оживленная дѣятельность, что въ Бѣлградъ

[1]) Шампаньи—Себастіани, 16-го ноября 1807 г.

прибыло множество русскихъ офицеровъ, которые смѣшивались съ сербами, и что весною навѣрное вспыхнетъ война и быть можетъ французскія войска будутъ дѣйствовать совмѣстно съ русскими; тогда настанетъ конецъ Турціи.

Турки, со свойственнымъ имъ фатализмомъ, не принимали никакихъ мѣръ, рѣшивъ, что единственное ихъ спасеніе—не возбуждать гнѣва Наполеона, въ руки котораго они ввѣрили свою судьбу, между тѣмъ Турція съ ноября мѣсяца 1807 г. была не болѣе какъ игрушкою въ рукахъ Александра I и Наполеона, служа для осуществленія ихъ дипломатическихъ комбинацій, и восточный вопросъ едва не былъ ими рѣшенъ окончательно и при томъ весьма энергично. Что таковой исходъ былъ вполнѣ возможенъ, въ этомъ въ то время никто не сомнѣвался.

18-го ноября царь обратился къ Наполеону оффиціально съ просьбою признать за нимъ право удержать княжества за Россіей.

Маска была сброшена; со времени тильзитскаго свиданія всѣ переговоры, происходившіе между Россіей и Портой, были пустой комедіей. Уже 26-го сентября, въ тотъ моментъ, когда окончился срокъ, назначенный для эвакуаціи княжествъ, русское правительство, въ инструкціяхъ генералъ-лейтенанту Толстому, назначенному посланникомъ въ Парижъ, открыто заявило свое намѣреніе сохранить Молдавію и Валахію; разумѣется, это было нарушеніемъ 23-й статьи Тильзитскаго договора, но вполнѣ соотвѣтствовало словеснымъ обязательствамъ, принятымъ императорами. При томъ, оставаясь на Дунаѣ, русская армія могла быть весьма полезна Наполеону; съ одной стороны потому, что вліяніе англичанъ въ Константинополѣ возрастало, а главное, потому, что общественное мнѣніе Петербурга, относившееся крайне несочувственно къ союзу съ Франціей, было бы въ такомъ случаѣ вынуждено признать выгоды этого союза.

Со времени Тильзитскаго мира, тонъ русской дипломатіи замѣтно измѣнился. Въ то время она была готова принести нѣкоторыя жертвы; ей казалось естественнымъ поплатиться за пораженія, понесенныя съ Аустерлица до Фридланда; но инструкціи Толстаго были написаны въ совершенно иномъ духѣ: „если съ Портой будутъ вестись серьезные переговоры о заключеніи мира при посредствѣ Франціи“, говорилось въ этихъ инструкціяхъ, „то Россія должна будетъ получить вознагражденіе за тѣ военныя выгоды, отъ коихъ она откажется на Дунаѣ; она должна получить Бессарабію съ Хотиномъ и Черноморское побережье отъ Кубани до Поти и Ріона; кромѣ того она потребуетъ возстановленія прежнихъ договоровъ съ Портой, подтвержденіе привилегій Придунайскихъ княжествъ, если они не будутъ присоединены къ ней, и утвержденія автономіи Сербскаго княжества“.

Какъ видно, тонъ русской политики измѣнился, сообразно съ перемѣной, происшедшей, какъ полагали въ Петербургѣ, въ планахъ Наполеона относительно Турціи.

Въ Парижѣ такъ же точно, какъ въ Петербургѣ, русскій кабинетъ настоятельно требовалъ отъ французскаго правительства отвѣта по этому вопросу; онъ не признавалъ иныхъ послѣдствій, иначе смысла Тильзитскаго договора; онъ хотѣлъ получить свою долю барышей; Румянцевъ имѣлъ съ Савари продолжительныя бесѣды о „великомъ дѣлѣ“, по сравненію съ коимъ вопросъ о княжествахъ представлялся ничтожнымъ; главное было поживиться на счетъ остатковъ Оттоманской имперіи; Россія была готова принять планъ Гарденберга. Казалось, обстоятельства особенно благопріятствовали этому; „Австрія была безсильна“; а война съ Англіей была бы наилучшимъ для этого предлогомъ.

И дѣйствительно, ничто не могло быть выгоднѣе для Россіи, какъ соглашеніе между Портой и Англіей, если бы таковое было заключено, такъ какъ оно заставило бы Наполеона присоединиться къ взглядамъ царя. Но Порта держала себя вполнѣ корректно и не подавала никакого повода къ жалобамъ.

Тѣмъ не менѣе Россія старалась всѣми силами увлечь Францію и заставить ее присоединиться къ ея планамъ. Послѣ того какъ англичане бомбардировали Копенгагенъ, Англіи была объявлена 7-го ноября война, несмотря на то, что ея гавани были въ это время замерзши и слѣдовательно недоступны. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія указывала, что французскія войска еще не выступили изъ Пруссіи, и что поэтому Наполеонъ вполнѣ естественно долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на оккупацію княжествъ русскими войсками. Однимъ словомъ, императоръ Александръ рѣшительно не хотѣлъ отозвать свои войска съ береговъ Дуная и надѣялся даже перейти его, двинуться къ Константинополю и осуществить великіе планы Екатерины II.

Наполеонъ вскорѣ понялъ, что ему нельзя уклониться отъ этой политики, не погубивъ своего союза съ Россіей раньше, нежели онъ принесъ тѣ плоды, коихъ ожидалъ отъ него. Поэтому онъ постарался привлечь царя къ другимъ планамъ, не столь опаснымъ въ будущемъ, но болѣе полезнымъ для его собственныхъ цѣлей.

Швеція отказывалась присоединиться къ континентальной системѣ, закрыть свои гавани англичанамъ и объявить имъ войну; она попрежнему относилась враждебно къ Франціи и не выразила въ свое время ни малѣйшаго желанія принять участіе въ тильзитскихъ переговорахъ. Наполеонъ послалъ Бернадотта въ Померанію, гдѣ онъ подготовилъ походъ противъ Швеціи, и предложилъ царю поддержать его, введя свои войска въ Финляндію.

Царь отозвался на это, начавъ завоеваніе Финляндіи; хотя всѣ его помыслы были по-прежнему обращены къ Константинополю.

Наполеонъ былъ слишкомъ поглощенъ въ то время на Западѣ и осуществленіемъ континентальной системы, чтобы предаться всецѣло дѣламъ Востока, но онъ сознавалъ необходимость дать удовлетвореніе Россіи. 6-го ноября 1807 г. онъ далъ русскому посланнику, графу Толстому, аудіенцію, которая имѣла чрезвычайно важное значеніе. Толстой не былъ одержимъ, подобно Румянцеву и царю, „восточной лихорадкой“; подобно большей части русскихъ дворянъ, онъ ненавидѣлъ наполеоновскую Францію и былъ ярымъ противникомъ тильзитской политики; какъ вѣрный и преданный слуга царя, онъ повиновался инструкціямъ своего правительства, но не поддавался обаянію наполеоновскихъ рѣчей. Ему было поручено напомнить Наполеону его обѣщанія, выговорить Россіи право сохранить Молдавію и Валахію и добиться очистки, въ возможно скоромъ времени, прусской территоріи. Этой части своихъ инструкцій Толстой придавалъ особенное значеніе, такъ какъ ему не нравилось присутствіе французскихъ войскъ на Вислѣ, на границѣ великаго герцогства Варшавскаго, предстоящее возстановленіе коего возбуждало его гнѣвъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, Толстой потребовалъ, чтобы императоръ Наполеонъ, согласно условію Тильзитскаго договора, вывелъ свои войска изъ Пруссіи. На это императоръ замѣтилъ, что Пруссія не уплатила еще всей контрибуціи и что, если говорить о строгомъ соблюденіи Тильзитскаго договора, то и русскимъ войскамъ придется очистить Молдавію и Валахію. Онъ предлагалъ Толстому буквальное исполненіе Тильзитскаго договора, т. е. чтобы Россія и Франція эвакуировала одновременно Придунайскія княжества и Привислинскій край.

„Разумѣется, говорилъ Наполеонъ, онъ обѣщалъ императору Александру, устно, не настаивать строго на эвакуаціи княжествъ, но это было сказано въ дружеской бесѣдѣ, если же Россія настаивала, далеко не дружески, на немедленномъ отступленіи французовъ на западъ отъ Эльбы, то Франція въ правѣ требовать немедленнаго удаленія русскихъ за Прутъ. Но не такимъ тономъ слѣдовало бы говорить союзнымъ монархамъ. Поэтому Наполеонъ соглашался предоставить Молдавію и Валахію русскимъ; но хотѣлъ получить за это компенсацію въ Пруссіи, ибо это было единственное мѣсто, гдѣ онъ могъ получить ее, не прибѣгая къ оружію.

„Русскія войска останутся на Дунаѣ; французскія—въ Силезіи; остальная часть Пруссіи будетъ немедленно эвакуирована и освобождена отъ лежащихъ на ней повинностей“.

Толстой былъ внѣ себя отъ гнѣва. Мысль о новомъ раздѣлѣ

Пруссіи еще болѣе усилила его ненависть къ Франціи. Онъ едва сдержалъ себя въ присутствіи императора и на другой же день писалъ канцлеру Румянцеву, что императоръ французовъ навѣрное рѣшилъ погубить Пруссію, а вслѣдъ затѣмъ захочетъ передѣлать Польшу, урѣзать Россію и отбросить ее въ Азію, чтобы одному властвовать надъ міромъ.

Между тѣмъ Наполеонъ старался подкупить Толстаго, рисуя ему перспективу грандіознаго похода въ Индію союзныхъ русскихъ и французскихъ войскъ, совмѣстныхъ завоеваній въ западной Азіи, Персіи и своей готовности раздѣлить съ императоромъ Александромъ владычество міромъ. Толстой отвѣчалъ сухо, что это немыслимо, что, по его мнѣнію, это одни пустыя слова, коими хотятъ ввести Россію въ заблужденіе относительно истинныхъ намѣреній Франціи. Онъ не хотѣлъ поддаться обману, считая себя дальновиднѣе въ своей ненависти, нежели императоръ Александръ, увлекавшійся несбыточными самолюбивыми мечтами.

Въ то же самое время Коленкуръ, замѣнившій въ Петербургѣ Савари, говорилъ въ томъ же тонѣ русскому императору объ окончательномъ раздѣлѣ Турціи, къ которому придется вскорѣ приступить, о походѣ въ Персію и Индію, о громкой славѣ, которой онъ покроетъ Францію и Россію, Александра и Наполеона.

Александръ съ удовольствіемъ прислушивался къ этимъ рѣчамъ и былъ готовъ немедленно приступить къ обсужденію плана дѣйствій, взять карту и начертать на ней границы по направленію къ Константинополю и проливамъ.

На это Коленкуръ замѣтилъ, что онъ не былъ уполномоченъ дѣйствовать столь поспѣшно и что для рѣшенія этихъ вопросовъ союзникамъ придется снова имѣть свиданіе; ибо они одни могутъ вести переговоры, отъ которыхъ зависитъ судьба міра.

Донесенія Толстаго о новыхъ планахъ Наполеона и его видахъ на Силезію возобновили опасенія царя, и онъ былъ готовъ во всемъ согласиться со своимъ посланникомъ: союзъ съ Франціей не только не принесъ ему никакихъ выгодъ, не далъ намъ даже Молдавіи и Валахіи, которыя были уже заняты русскими войсками; но, вдобавокъ, Франція угрожала Россіи съ запада, занимая Силезію для того, чтобы поддержать великое герцогство Варшавское.

Русское общество имѣло полное право возставать противъ союза съ Франціей, оно озлобилось противъ политики Наполеона, которую называло вѣроломной и чрезмѣрно честолюбивой, и радовалось тому, что оно не ошиблось въ своей ненависти къ Франціи.

Царь видѣлъ на всѣхъ лицахъ неодобреніе, недовѣріе, какъ бы жалость, вызванныя тѣмъ, что онъ поддался обманчивымъ увѣреніямъ

„разбойника корсиканца". Это настроеніе русскаго общества въ связи съ упреками, которые онъ читалъ между строкъ въ письмахъ Толстаго и которые онъ слышалъ отъ вдовствующей государыни, могли имѣть самыя серьезныя послѣдствія, и неудивительно, что когда Александръ заявилъ, наконецъ, Коленкуру о своемъ согласіи предоставить Франціи Силезію, сохранивъ княжества, сталъ, въ ожиданіи окончательнаго отвѣта отъ Наполеона, нервенъ, раздражителенъ и при встрѣчахъ съ французскимъ посланникомъ говорилъ съ нимъ то раздраженнымъ тономъ, то бывалъ ласковъ и любезенъ.

Прошелъ январь, а между петербургскимъ кабинетомъ и французскимъ правительствомъ все еще обсуждался вопросъ о Силезіи. Общественное мнѣніе Петербурга было чрезвычайно возбуждено и хотя Коленкуръ пользовался лично успѣхомъ въ русскомъ обществѣ, но это не заставило его позабыть всю безполезность и тяготу союза съ Франціей. Отношенія становились все болѣе и болѣе натянутыми и угрожали разрывомъ съ Франціей.

Савари и Коленкуръ предостерегали по этому поводу Наполеона. Но онъ не особенно смущался этими сообщеніями. Чувствуя необходимость союза съ Россіей, онъ хотѣлъ достигнуть его путемъ возможно меньшихъ жертвъ и надѣялся, между прочимъ, на содѣйствіе Австріи, которой было невыгодно усиленіе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ особенности онъ разсчитывалъ на то, что Англія приступитъ, наконецъ, къ переговорамъ.

Но она была далека отъ этого. Лондонское правительство не только не испугалось блокады и не выказало ни малѣйшаго желанія начать переговоры, но въ тронной рѣчи, произнесенной въ январѣ 1808 г. при открытіи парламента, были даже высказаны самыя воинственныя намѣренія.

Такимъ образомъ Наполеону было настоятельно необходимо поддержать союзъ съ Россіей, и подъ вліяніемъ этихъ соображеній имъ было написано 2-го февраля 1808 г. императору Александру замѣчательное письмо, составляющее эпоху въ исторіи восточной политики Наполеона.

„Мой братъ, генералъ Савари только-что пріѣхалъ сюда. Я провелъ съ нимъ много часовъ, бесѣдуя о вашемъ величествѣ. Все, что онъ мнѣ передалъ, очень тронуло меня, и я хочу, не теряя ни минуты, поблагодарить васъ за вашу любезность ко мнѣ и къ моему посланнику.

„Вашему величеству извѣстны послѣднія рѣчи, произнесенныя въ англійскомъ парламентѣ, и принятое имъ рѣшеніе продолжать войну до послѣдней крайности. Имѣя это въ виду, я пишу непосредственно Коленкуру. Если ваше величество соблаговолите говорить съ нимъ,

то онъ передастъ вамъ мои взгляды. Мы можемъ достигнуть мира и упрочить нашу систему только путемъ крупныхъ и обширныхъ мѣропріятій. Если ваше величество найдете нужнымъ увеличить и усилить вашу армію, то вы можете разсчитывать на всяческую помощь и содѣйствіе съ моей стороны, насколько это будетъ отъ меня зависѣть; мною не руководитъ по отношенію къ Россіи ни малѣйшее чувство зависти, а единственно желаніе ей славы, благоденствія и расширенія. Если ваше величество пожелаете выслушать совѣтъ человѣка, питающаго къ вамъ самую искреннюю и нѣжную привязанность, то я скажу, что вашему величеству необходимо удалить изъ своей столицы шведовъ и отодвинуть въ эту сторону свои границы такъ далеко, какъ вы только пожелаете, въ чемъ я готовъ помочь вамъ всѣми возможными способами.

„Если бы 50.000-я армія, состоящая изъ русскихъ и французскихъ войскъ, съ прибавкою небольшой части австрійцевъ, пошла въ Азію чрезъ Константинополь, то, дойдя только до Евфрата, она заставила бы уже дрожать Англію и повергла бы ее на колѣна на континентѣ. Я имѣю возможность дѣйствовать въ Далмаціи, ваше величество—на Дунаѣ. Наша армія могла бы уже быть на Босфорѣ мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ мы условились бы дѣйствовать. Это имѣло бы отголосокъ въ Индіи и Англія была бы нами подчинена. Я не уклоняюсь ни отъ какихъ предварительныхъ договоровъ, необходимыхъ для достиженія столь великой цѣли. Но взаимные интересы нашихъ государствъ должны быть взвѣшены и обдуманы. Это можетъ быть осуществлено только при личномъ свиданіи съ вашимъ величествомъ или путемъ откровенныхъ совѣщаній между Румянцевымъ и Коленкуромъ и присылки сюда человѣка, вполнѣ посвященнаго въ нашу систему. Гр. Толстой—прекрасный человѣкъ, но онъ преисполненъ предубѣжденія и недовѣрія къ Франціи и далеко не стоитъ на высотѣ тильзитскихъ событій и новаго положенія, въ которое поставленъ міръ вслѣдствіе тѣсной дружбы, существующей между вашимъ величествомъ и мною. Все можетъ быть подписано и рѣшено до 15-го марта. Къ 1-му мая наши войска могутъ быть въ Азіи, а ваши войска одновременно въ Стокгольмѣ. Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, изгнанные съ Востока, будутъ подавлены тяжестью событій, коими будетъ насыщена атмосфера. Ваше величество предпочли бы такъ же, какъ и я, блага мира и спокойную жизнь среди нашихъ обширныхъ имперій, въ заботахъ объ ихъ благоденствіи и счастьи, насаждая въ нихъ искусства и блага администраціи; но враги человѣчества не хотятъ этого. Мы должны быть болѣе велики вопреки нашему желанію. Мудрость и политика предписываютъ намъ дѣлать то, что повелѣваетъ судьба, и идти туда, куда насъ

влечетъ неудержимый потокъ событій. Тогда этотъ рой пигмеевъ, которые не хотятъ понять, что настоящія событія таковы, что сравненія имъ надлежитъ искать въ исторіи, а не въ газетахъ прошлаго вѣка, преклонятъ колѣна и послѣдуютъ по пути, указанному вашимъ величествомъ и мною, и русскій народъ будетъ доволенъ славою, богатствомъ и благосостояніемъ, какія получатся какъ результатъ этихъ великихъ событій.

„Я излилъ, въ этихъ немногихъ строкахъ, вашему величеству всю свою душу. То, что свершилось въ Тильзитѣ (l'ouvrage de Tilsit), будетъ руководить судьбами міра. Быть можетъ нѣкоторое малодушіе побуждаетъ ваше величество, такъ же точно, какъ и меня, предпочесть существующее прочное благо тому, которое можетъ быть лучше и совершеннѣе въ будущемъ, но, что же дѣлать, коль скоро Англія этого не хочетъ; надобно признать, что настало время великихъ перемѣнъ и великихъ событій".

Это безспорно самое вдохновенное, самое краснорѣчивое письмо, когда-либо вышедшее изъ-подъ пера Наполеона, но которое содержитъ болѣе громкихъ фразъ, нежели положительныхъ обѣщаній. Наполеонъ предвозвѣщалъ въ немъ, какъ оракулъ, грядущія великія событія и перемѣны, которыя уже чувствовались обществомъ, приподнималъ завѣсу, скрывавшую судьбы мира, какъ будто онъ одинъ былъ призванъ руководить ими. Но всѣ эти громкія фразы не имѣли опредѣленнаго смысла, такъ какъ онѣ были весьма туманны. Также точно нельзя понимать буквально расточаемыя имъ увѣренія въ искреннѣйшей дружбѣ, ни его утвержденіе, что онъ былъ одушевленъ только „желаніемъ славы, благоденствія и расширенія Русской имперіи". Особенно достойно вниманія, что въ этомъ письмѣ не было рѣчи объ эвакуаціи Пруссіи, хотя это служило въ тотъ моментъ главнымъ камнемъ преткновенія при переговорахъ между Парижемъ и Петербургомъ и волновало болѣе всего русское правительство и графа Толстаго.

Наполеонъ не отказывался ни отъ одного изъ своихъ преимуществъ, не жертвовалъ ничѣмъ для Россіи. Онъ требовалъ отозванія Толстаго, который интересовался только Пруссіей, не поддавался его обаянію и вслѣдствіе своей ненависти къ Франціи былъ слишкомъ дальновиденъ. Упоминая въ своемъ письмѣ о Швеціи и Стокгольмѣ, объ Азіи и Индіи, Наполеонъ ни разу ни обмолвился ни о Константинополѣ, ни о Турціи, и хотя Коленкуръ уполномочивался имъ вступить въ переговоры съ русскимъ канцлеромъ, но эти переговоры, какъ увидимъ, не привели ни къ чему, и императоръ французовъ въ письмѣ отъ 2-го февраля не принялъ на себя въ этомъ отношеніи никакихъ обязательствъ, отложивъ рѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопро-

совъ до вторичнаго свиданія съ царемъ, которое онъ постарался однако оттянуть на сколько возможно.

Тѣмъ не менѣе Александръ I прочелъ между строкъ этого письма то, что онъ хотѣлъ видѣть въ немъ. Въ то время онъ только и мечталъ о Константинополѣ и поэтому придалъ туманнымъ намекамъ Наполеона положительный смыслъ или по крайней мѣрѣ сдѣлалъ видъ, что онъ понимаетъ ихъ въ этомъ смыслѣ.

Цѣль, которую имѣлъ Наполеонъ, была достигнута, онъ сохранилъ на время дружбу царя.

15-го марта, въ то самое время, когда происходили совѣщанія между Коленкуромъ и Румянцевымъ, Шампаньи писалъ, что императоръ Наполеонъ „желаетъ обезпечить миръ на континентѣ и употребитъ все свое стараніе къ тому, чтобы не допустить возобновленія непріязненныхъ дѣйствій между Портой и Россіей".

Наполеонъ, видимо, былъ даже болѣе склоненъ поощрить виды на Балканскій полуостровъ Австріи, нежели Россіи. Въ то самое время, когда было написано вышеприведенное письмо отъ 2-го февраля, онъ велъ съ Меттернихомъ, въ Парижѣ, продолжительныя бесѣды, въ которыхъ онъ изложилъ ему свои политическіе взгляды.

18-го января 1808 г. Меттернихъ бесѣдовалъ съ Талейраномъ: „Надобно, сказалъ послѣдній, посвятить васъ въ предстоящія событія. Всякое заблужденіе съ вашей стороны было бы болѣе нежели опасно; оно могло бы оказаться пагубнымъ для васъ. Императоръ лелѣетъ два проекта: изъ коихъ первый касается раздѣла Турціи, а второй—похода въ восточную Индію. Вы должны принять участіе въ обоихъ: французскіе и русскіе солдаты должны появиться только тамъ, гдѣ будутъ и австрійцы; французы, австрійцы и русскіе должны вступить въ Константинополь одновременно. Что вы скажете на это?"

Меттернихъ отвѣчалъ, что Австрія хотѣла бы скорѣе всего предотвратить „подобнаго рода перевороты".

— Вамъ не удастся, сказалъ Талейранъ, несмотря на всѣ ваши старанія, задержать прорвавшійся потокъ; если вы будете противиться этому, вы будете раздавлены; если вы останетесь безучастны, вамъ придется занять мѣсто въ ряду второстепенныхъ державъ".

— Вы полагаете, возразилъ Меттернихъ, что въ Петербургѣ желаютъ раздѣлъ Турціи?

— Да, тамъ желали этого гораздо раньше насъ, такъ какъ наша политика имѣла до послѣдняго времени цѣлью охранить Порту.

— Гдѣ же болѣе желаютъ этого?—въ Парижѣ или въ Петербургѣ?

— Прежде этого болѣе желали въ Петербургѣ, но я думаю, что въ настоящее время къ этому вопросу относятся одинаково.

— Обратятся ли къ намъ за содѣйствіемъ, если мы будемъ молчать?

— Нѣтъ, по вышеуказаннымъ причинамъ.

— Но если мы сами вмѣшаемся въ дѣло, примутъ ли наше участіе?

— Да, такъ какъ въ васъ будутъ очень нуждаться.

— Выработаны ли уже основные принципы, на коихъ долженъ совершиться раздѣлъ?

— Нѣтъ еще, но къ раздѣлу фактически уже приступлено, ибо даже Франція не въ состояніи заставить Россію эвакуировать Молдавію и Валахію.

Передавая этотъ разговоръ Стадіону, Меттернихъ высказалъ ему свои опасенія, что Наполеонъ встрѣтитъ затрудненія въ Испаніи и въ Португаліи.

— Тогда императоръ кинется на Турцію,—сказалъ онъ, такъ какъ онъ давно уже имѣетъ мысль нанести въ этомъ пунктѣ ударъ англійской торговлѣ.

— Намъ слѣдовало бы многимъ пожертвовать для сохраненія Порты; но соображенія политики должны ограничить наши желанія. Мы не можемъ спасти Турцію, слѣдовательно, мы должны принять участіе въ ея раздѣлѣ и постараться захватить наиболѣе крупную долю. Мы не можемъ ничего противопоставить стремленіямъ императора французовъ къ разрушенію и захватамъ; слѣдовательно, мы должны только оберегать себя отъ нихъ... Трудно допустить, чтобы Константинополь отдали русскимъ, и мнѣ кажется вполнѣ вѣроятнымъ, что изъ трехъ союзныхъ генераловъ французскій скорѣе всего захочетъ имѣть въ немъ свою главную квартиру".

26-го января 1808 г. Меттернихъ имѣлъ аудіенцію у Наполеона. Вотъ какъ онъ передавалъ о ней Стадіону:

— Императоръ сразу заговорилъ со мною о судьбѣ Оттоманской имперіи". „Мнѣ ничего не нужно", сказалъ онъ, „мнѣ не нужно никакихъ новыхъ пріобрѣтеній. Конечно, мнѣ было бы выгодно пріобрѣсти Египетъ и кое-какія колоніи, но это не можетъ быть компенсаціей за чрезмѣрное увеличеніе Россіи. Вы не можете также смотрѣть равнодушно на ея расширеніе, и я вижу, что насъ можетъ тѣсно сблизить только раздѣлъ Турціи, въ тотъ день, когда Россія..." Онъ спохватился и, проглотивъ слово „Россія", поправился: „Когда водворятся въ Константинополѣ, то вамъ понадобится помощь Франціи противъ Россіи, а вы будете нужны Франціи для того, чтобы служить имъ противовѣсомъ. Пока еще нѣтъ рѣчи о раздѣлѣ; но когда онъ наступитъ, я сообщу вамъ объ этомъ: вы должны участвовать въ немъ. Вы имѣете на Дунаѣ, съ географической точки зрѣнія, вполнѣ справедливыя претензіи (а таковыя, по-моему, однѣ имѣютъ значеніе").

Меттернихъ счелъ долгомъ оговориться:

— Но въ тотъ моментъ, когда сосѣдней державѣ угрожаетъ распаденіе, великой державѣ надлежитъ поддержать ее или быть, по крайней мѣрѣ, посвященной въ вопросы, которые должны возникнуть отъ подобнаго переворота".

— Вы совершенно правы, замѣтилъ императоръ, и сталъ разглагольствовать о русскихъ, объ ихъ невѣжествѣ, непостоянствѣ ихъ взглядовъ и принциповъ.

Онъ говорилъ вѣско, съ полнымъ знаніемъ дѣла и хотя бы онъ даже строилъ планы, разсчитывая на содѣйствіе русскихъ, во всякомъ случаѣ онъ не предоставилъ бы имъ руководить дѣломъ... Прошло уже два часа съ тѣхъ поръ, какъ было доложено о томъ, что поданъ завтракъ; мы уже прошли разъ пятьдесятъ взадъ и впередъ по его кабинету, когда онъ сказалъ наконецъ:

„Я ничего не могу прибавить къ сказанному мною; повторяю: вы сообщите своему двору, что, со времени Пресбургскаго мира, я не только не имѣлъ болѣе причины жаловаться на его поведеніе, но я даже весьма доволенъ строгимъ соблюденіемъ имъ послѣднее время нейтралитета; передайте, что о раздѣлѣ Турціи еще нѣтъ рѣчи; но какъ только онъ будетъ на очереди, вы не только примете въ немъ участіе, но вамъ будетъ предложено, какъ оно и подобаетъ, защитить и обсудить сообща ваши интересы и намѣренія".

Эти слова, произнесенныя всего шесть дней спустя послѣ письма 2-го февраля, даютъ возможность точнѣе составить себѣ понятіе относительно желаній Наполеона; онъ коснулся въ бесѣдѣ съ Меттернихомъ гораздо болѣе вопроса о Турціи, нежели въ письмѣ къ императору Александру I, и хотя видимо онъ еще не былъ увѣренъ въ Австріи и не рѣшилъ окончательно вопросъ объ ея участіи въ раздѣлѣ Турціи, но у него уже явилась мысль противопоставить Россіи Австрію, воспользоваться ею какъ оплотомъ противъ распространенія восточнаго варварства.

Однако наканунѣ войны съ Испаніей Наполеону было важно сохранить дружбу царя и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержать его честолюбивые замыслы; его письмо къ Александру I обезпечило достиженіе этой цѣли. Оно не было смертнымъ приговоромъ Турціи, о которой онъ едва упоминалъ въ этомъ письмѣ; онъ не говорилъ въ немъ даже объ уступкѣ Россіи Молдавіи и Валахіи; ничего не давая положительнаго, онъ обѣщалъ все.

Этимъ были спасены на нѣсколько мѣсяцевъ союзъ съ Россіей и неприкосновенность Оттоманской имперіи, и въ этомъ отношеніи письмо Наполеона можетъ считаться верхомъ дипломатическаго искусства.

*

Одинъ изъ дѣятелей Екатерининской эпохи.

Михайло Васильевичъ Поповъ.

Въ 1766 году на русскомъ книжномъ рынкѣ появилась небольшая книжка подъ заглавіемъ: „Двѣ повѣсти: Аристоноевы приключенія и рожденіе дѣтей Промиѳеевыхъ“, переводъ съ французскаго. Литература наша того времени была слишкомъ бѣдна какъ оригинальными, такъ и переводными произведеніями, и понятно, что и указанный переводъ, несмотря на свой невозможный языкъ, пріобрѣлъ читателей и былъ отмѣченъ въ литературныхъ кружкахъ. Для насъ, конечно, переводъ этотъ не имѣлъ бы никакого значенія, если бы переводчикъ, Михайло Васильевичъ Поповъ, не приложилъ къ нему своего письма къ замѣчательному русскому дѣятелю Николаю Ивановичу Новикову. Въ этомъ письмѣ М. Поповъ указываетъ на то, что читатель „не встрѣтитъ въ переводѣ сладости и красоты подлинника“, потому что переводчикъ „еще не довольно искусенъ во французскомъ нарѣчіи, которому еще учится, и при томъ также худо знающъ и въ россійскомъ словѣ“.—Казалось бы, что, обладая такими недостатками, нельзя было отважиться выступить съ печатнымъ переводомъ. Что же за причины заставили М. Попова рѣшиться на такой шагъ? Оказывается, что виною всему Николай Ивановичъ Новиковъ. Познакомившись съ М. Поповымъ, замѣтивъ любовь молодаго человѣка къ литературѣ, Новиковъ всѣми способами поддерживалъ эту любовь, поощрялъ автора къ занятіямъ. Самъ Новиковъ въ это время жилъ еще въ Петербургѣ и только-что приступилъ къ культурной работѣ, но и уже въ это время обладалъ всѣми тѣми достоинствами, при помощи которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ сумѣлъ организовать

въ Москвѣ и типографскую компанію, и цѣлый кружокъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ переводчиковъ, сыгравшихъ не малую роль въ исторіи нашего умственнаго развитія. Поповъ обѣщалъ Новикову напечатать свои произведенія и переводы и, такъ какъ ему приходилось уѣзжать изъ Петербурга, то онъ и рѣшилъ „исполнить обѣщаніе свое самымъ дѣломъ", издавая первый переводъ. Несмотря на то, что переводъ былъ плохъ—нельзя обвинить Новикова въ ошибочномъ мнѣніи о М. Поповѣ, онъ много работалъ надъ собою и добился наконецъ того, что сдѣлался однимъ изъ довольно видныхъ, хотя и второстепенныхъ дѣятелей литературы Екатерининской эпохи.

Біографическихъ данныхъ о Михаилѣ Васильевичѣ Поповѣ я не отыскалъ. Извѣстно только, по словарю Н. Новикова, что онъ былъ въ 1772 году коллежскимъ регистраторомъ и находился при коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Но недостатокъ біографическихъ данныхъ не такъ уже важенъ; біографіи литераторовъ Екатерининской эпохи очень скудны; большинство литераторовъ-переводчиковъ было мелкими чиновниками, воспитывалось въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и самообразованіемъ, стремленіемъ къ знанію достигало тѣхъ результатовъ своей дѣятельности, о которыхъ правильно можемъ судить только мы, отдаленные отъ нихъ чуть-ли не 150 годами. Личная жизнь слишкомъ мало вносила въ литературную дѣятельность, даже болѣе того—во многихъ случахъ личная жизнь и общественное служеніе—литературная дѣятельность—были діаметрально противоположны. Чтобы не утомлять читателя, достаточно вспомнить графа Павла Потемкина, извѣстнаго переводчика Руссо и не менѣе извѣстнаго своею смертью, — самоубійство — изъ-за темной и вполнѣ безнравственной исторіи на Кавказѣ.

Участіе М. Попова въ коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія говоритъ за то, что М. Поповъ выдѣлялся изъ ряда чиновниковъ, такъ какъ въ эту коммиссію приглашались для работы наиболѣе талантливыя личности.

Но если личная жизнь М. Попова намъ неизвѣстна, то мы можемъ довольно подробно прослѣдить его литературную дѣятельность, выяснить его profession de foi и указать на его значеніе для русской литературы. Спѣшимъ оговориться, что на всей дѣятельности М. Попова лежитъ отпечатокъ вліянія Новикова, и, такимъ образомъ, характеризуя М. Попова, мы тѣмъ самымъ добавляемъ характеристику и знаменитаго культурнаго борца блестящей Екатерининской эпохи.

Итакъ, выпустивъ въ 1766 году переводъ двухъ повѣстей, М. Поповъ продолжалъ свою дѣятельность. Въ 1768 г. появился уже оригинальный его трудъ: „Описаніе славянскаго языческаго баснословія, собраннаго изъ разныхъ писателей и снабженнаго примѣчаніями".

Это была книжка въ 12 долю листа, въ 48 нумерованныхъ страницъ. Предисловіе составителя занимало 12 ненумерованныхъ страницъ. Въ 1770 году появился романъ М. Попова „Древности Славянскія“ въ 3-хъ частяхъ и наконецъ въ 1772 году Поповъ рѣшилъ выпустить собраніе своихъ сочиненій подъ скромнымъ заглавіемъ „Досуги или собраніе сочиненій и переводовъ“, снабдивъ свою книжку эпиграфомъ изъ Сумарокова: „Свобода, праздность и любовь суть источники стихотворства“.

Какъ извѣстно, одною изъ сторонъ дѣятельности Новикова было изданіе памятниковъ русской дѣятельности, тѣхъ памятниковъ, которые имѣли громадное значеніе для нашей исторіи. Изданіе это, по выраженію другаго современника, Василія Рубана, было „изхищеніе изъ челюстей ѣдкія; избавленіе отъ гибели и новое воспріятіе чрезъ напечатаніе жизни“. И мы видимъ, что Михайло Поповъ тотчасъ послѣ переводовъ повѣсти „о Промиѳеевыхъ людяхъ“ погружается въ ту же самую древность славянскую, которую такъ любилъ и почиталъ его учитель Новиковъ, и старается популязировать эту древность для большой публики. Конечно, первая работа М. Попова „Славянское языческое баснословіе“ не имѣетъ историческаго значенія; она является не миѳологіей славянъ, оно сочинено самимъ авторомъ, и основной мотивъ къ этому сочинительству былъ слѣдующій. Образованное русское общество знало греческую и римскую миѳологію, она входила даже въ тогдашній курсъ наукъ. Въ литературѣ въ трескучей, звонкой одѣ то и дѣло попадались имена боговъ и богинь древнихъ грековъ и римлянъ; Лѣтній садъ—любимое мѣсто для гуляній петербуржцевъ—украшали мраморныя и алебастровыя статуи, выписанныя Петромъ Великимъ, Анною Іоанновною и Елизаветою Петровною изъ Италіи. Вакхъ и Меркурій, Венера спящая, она же освѣщающая Ендиміона, стояли по дорожкамъ и возбуждали любопытство зрителей. Славянскаго баснословія, славянской миѳологіи, кромѣ Перуна, Волоса, русалокъ и лѣшихъ, никто не зналъ, а большинство было склонно думать, что этой миѳологіи и не было. Такая мысль оскорбляла Попова; онъ указывалъ, что, съ одной стороны, „если бы древній нашъ вѣкъ изобиловалъ прилежными писателями, то увидали бы мы нынѣ такое же множество книгъ по миѳологіи, какъ и у грековъ, а съ другой стороны, если мы вникнемъ только прилежнѣе въ дѣла, до сего касающіяся, то найдемъ еще въ повѣствованіяхъ внѣшнихъ и домашнихъ писателей, въ простонародныхъ сказкахъ, пѣсняхъ, играхъ и обыкновеніяхъ, довольные того остатки и не вовсе истребленную память“. Далѣе М. Поповъ продолжаетъ: „увидимъ разнаго рода и качества боговъ и богинь, добрыхъ и злыхъ, добродѣющихъ и губящихъ, увеселяющихъ и ужасающихъ; усмотримъ

ихъ празднества, прорицанія, обряды и роды, найдемъ воды обоженныя, гады обоготворенные, лѣса освященные и разные законы ихъ дѣйствія и происхожденія".

Такимъ образомъ одною изъ побудительныхъ причинъ составленія этой книги былъ „патріотизмъ"; матеріалъ былъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ, въ видѣ словаря. Эта форма изложенія была излюбленною въ XVIII вѣкѣ. Въ предисловіи къ географическому лексикону Ѳ. Полунина, издатель Миллеръ пишетъ слѣдующія строки: „Въ нашъ вѣкъ во всей почти Европѣ въ обычай вошло преподавать науки по азбучному порядку „словарями". Затѣмъ Миллеръ задаетъ вопросъ: „Полезно ли то или нѣтъ?" и находитъ, что „высокія науки", т. е. философію, математику такъ преподавать нельзя, но историческія науки, такъ какъ онѣ состоятъ изъ именъ, можно. Словари составлялись и по географіи, и по исторіи, и по живописи, и по юриспруденціи, и по богословію. Такой словарь составилъ и Михайло Поповъ.

Но нельзя забывать, что словарь былъ изданъ въ 1768 году, когда вопросы религіи совершенно были изъяты отъ обсужденія, когда хотя съ одной стороны и была допущена свобода мнѣній, но она и каралась жестоко. И изданіе словаря могло почитаться вовсе не за желаніе извлечь изъ тьмы небытія преданія славянъ, а за желаніе поколебать устои Православной Церкви.

Такія соображенія, очевидно, приходили на мысль М. Попову, и онъ пишетъ слѣдующее: „И нынѣ толико уже утвердилася Россія въ истинномъ Христовомъ законѣ, что смотритъ съ презрѣніемъ на всѣ дерзкіе вихри заблужденій, стремящіеся поколебать ея зданіе, утвержденное на камени Православія. Слѣдовательно и самыя претыканія могутъ ей послужить въ вящшее утвержденіе и славу. Итакъ и сіе краткое описаніе славянскихъ языческихъ боговъ не можетъ ей быть противно [1]); потому что оно послужитъ ей лишь къ вящшему прославленію, изъясняя ощутительно глупую, смѣха и презрѣнія достойную языческую прелесть". Какъ видимъ, выражается авторъ очень сильно; конечно, въ настоящее время эта фраза ничего, кромѣ улыбки, вызвать не можетъ, но, очевидно, она написана вслѣдствіе многихъ серьезныхъ причинъ.

Матеріалъ М. Поповъ собиралъ не систематично; онъ самъ говоритъ, что пользовался всѣми книгами, какія онъ у себя имѣлъ или какія могъ сыскать для прочтенія, а также выбиралъ кое-что и изъ простонародныхъ сказокъ, пѣсенъ и игръ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ этого перваго опыта русской миѳологіи,

[1]) Курсивъ мой.

чтобы болѣе подробно познакомить съ нею читателя. Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе: „Домовыхъ или домашнихъ духовъ“: „сіи мечтательные (это-то домовой—мечтательный?!) полубоги у древнихъ грековъ и римлянъ назывались геніями, у славянъ защитителями мѣстъ и домовъ; а у нынѣшнихъ суевѣрныхъ простаковъ почитаются домашними чертями“. Надо отдать справедливость автору, что изъ подобнаго опредѣленія нельзя составить никакого понятія.

А вотъ еще не менѣе характерное мѣсто: „Корша или Хорсь, божество кіевское. Хотя не вѣдомо, какую силу и дѣйствіе приписывали ему наши праотцы, но, впрочемъ, по имени его можно, кажется, признать онаго Эскулапіемъ, или богомъ болѣзней, въ томъ или въ другомъ смыслѣ, ежели производить его названіе отъ глагола корчить“. И такихъ смѣлыхъ филологическихъ сближеній слишкомъ много въ данномъ баснословіи. Такъ, напримѣръ, имя богини Зѣвана или Зѣвонія, которая будто бы означала греческую Артемиду, производилось ни больше, ни меньше какъ отъ Зевса.

Но, конечно, въ книгѣ есть мѣста, и вѣрно передающія преданія старины глубокой. Такъ, довольно мѣтко сдѣлано описаніе лѣшихъ—не безъ прикрасъ и старанія сблизить ихъ съ греческими „сатирами“—„объ нихъ (т. е. лѣшихъ),—пишетъ М. Поповъ,—и понынѣ между чернью носится баснь, что они съ верха до половины тѣла имѣютъ станъ человѣческій, съ козьими на головѣ рогами, ушами и бородою, а отъ пояса внизъ простираются у нихъ козлиныя ноги. Когда они ходятъ между травою, то умаляются въ подобіе оныхъ, а когда бѣгаютъ по лѣсамъ, тогда сравниваются вышиною съ оными и кричатъ при томъ преужасно. Ходящихъ по лѣсу людей обходятъ кругомъ, аукаютъ знакомыми имъ голосами и водятъ ихъ такимъ образомъ по лѣсу до самой ночи, потомъ уносятъ ихъ во свои жилища и защекочиваютъ до смерти“. Пересказавъ правдиво народное преданіе, М. Поповъ сейчасъ же добавляетъ: „Разсказываютъ еще и болѣе объ нихъ чудеснаго; но я не хочу надокучить читателю сими пустошьми“—и въ этой фразѣ ярко отразился взглядъ классицизма на народныя преданія—взглядъ прямо противоположный современному. Для насъ народныя преданія неисчерпаемый источникъ для многихъ самыхъ разнообразныхъ выводовъ, для лжеклассики народное преданіе „пустошь“.

Таковъ былъ второй опытъ М. Попова. Книга, очевидно, понравилась читателю, такъ какъ она выдержала два изданія и, кромѣ того, была перепечатана въ его „Досугахъ“. Съ однимъ изданіемъ этого словаря, очевидно переработаннымъ и дополненнымъ, случился курьезъ, ярко характеризующій описываемую эпоху. М. Поповъ сдалъ рукопись въ типографію Морскаго кадетскаго корпуса и спокойно

ожидалъ корректуры. Ждать въ то время приходилось довольно долго, такъ какъ и набирали, не спѣша, и еще медленнѣе печатали. Напримѣръ, книгу „Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящей изъ 663 указовъ или статей въ государствованіи царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича всея Россіи самодержцевъ въ 1607 и 1621 годахъ, выбранный изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ“ печатался болѣе трехъ лѣтъ. Начатъ онъ былъ въ 1777 г. и законченъ въ первой половинѣ августа 1781 г.; положимъ, книга состояла изъ двухъ частей in 4^0 и въ первой было 236 страницъ текста, а во второй 231 стран., но все же промежутокъ очень значителенъ, на годъ около 200 страницъ, т. е. менѣе страницы въ день.

Весьма понятно, что, судя по этимъ примѣрамъ, М. Поповъ не очень безпокоился, не получая корректору, но когда онъ явился въ типографію, то ему заявили, что къ его рукописи и не приступили, такъ какъ она потерялась. Тѣмъ дѣло и закончилось, черновика не сохранилось, и Поповъ не могъ переиздать въ новомъ видѣ свой словарь.

Теперь перейдемъ къ главному труду М. Попова, къ его „Досугамъ“. Начинаетъ онъ свои „Досуги“ стихотворнымъ вступленіемъ, въ которомъ такъ опредѣляетъ свое profession de foi:

...Къ благу общему стремясь моимъ желаньемъ,
Хотѣлъ достойному достойное воздать,
И знаменитыхъ дѣлъ забвенье обуздать;
Невинному подать невинно упражненье,
И къ добродѣтели содѣлать побужденье;
Хотѣлъ безумному безумство отразить,
Порочному желалъ пороки омерзить,
Безчестныхъ обратить на путь хвалы и славы,
Иль обще всѣмъ подать невинныя забавы;
Хотѣлъ представити я страсти во стыдѣ;
Совѣтъ на нихъ и смѣхъ; злословія жъ нигдѣ;
Хотѣлъ читателя заставить ихъ бояться,
Тамъ гнѣваться на нихъ, а индѣ имъ смѣяться;
И рода разнаго ему явить скотовъ:
Безумцевъ, забіякъ, мотовъ, скупыхъ, плутовъ...

Задача, какъ видитъ читатель, слишкомъ обширна. Въ ней особенно характерны двѣ строчки, а именно:

Хотѣлъ представити я страсти во стыдѣ;
Совѣтъ на нихъ и смѣхъ; злословія жъ нигдѣ...

Въ этихъ строчкахъ видно знаменіе времени. Нельзя забывать, что еще Сумароковъ въ своей „Пчелѣ“ положилъ начало сатиры,

осмѣивая преимущественно подъячихъ. Въ первые годы царствованія Екатерины II сатира процвѣтала у насъ въ Россіи, сама императрица показала примѣръ, принявъ участіе или, вѣрнѣе, будучи редакторомъ журнала „Всякая Всячина“. Но Екатерина II очень своеобразно понимала сатиру, и сатирическій бичъ, смѣхъ Ювенала ей былъ вовсе не по сердцу. Какъ только появилась дѣйствительная сатира въ „Трутнѣ“—старикъ дѣдушка заворчалъ въ своей „Всякой Всятчинѣ“, указывая, что нельзя „злословіемъ“—какъ онъ называетъ сатиру Новикова—исправлять людей. И вотъ М. Поповъ желаетъ въ своей сатирѣ давать совѣты, заставлять смѣяться, но рѣшительно высказывается противъ злословія. Совѣты великой государыни, какъ оказывается, не пропадали даромъ.

Весьма понятно, что, начавъ писать стихи, М. Поповъ долженъ былъ отдать дань и „одѣ“—у него ихъ сравнительно немного и зовутся онѣ не одами, а „торжественными или похвальными стихами“. Тутъ есть и „Молитва“, въ которой высказывается пожеланіе „подражать примѣру Екатерины II“ и просьбы „и отвратя отъ насъ невѣжества напасти, достойными ты насъ Ея содѣлай власти“; есть тутъ и стихи на выздоровленіе отъ оспы, и торжественная пѣснь россіянъ и пр. Стихи эти не отличаются чѣмъ-либо особеннымъ отъ безчисленнаго количества одъ, появившихся въ то время.

Приведемъ одну строфу изъ хора на выздоровленіе Павла, пѣть ее долженъ цѣлый хоръ россіянъ:

О надежда сей державы
Красныхъ и блаженныхъ дней!
О, величія и славы
Нашихъ чадъ, Россіи всей!
Зримъ въ сей отрасли [1]) священной
Духъ царицы просвѣщенной,
И надежду славныхъ дѣлъ,
Чѣмъ великій Петръ гремѣлъ!

Надо сознаться, что послѣднія четыре строчки даже красивы. Здѣсь я позволю себѣ только нѣсколькими словами высказать свой взглядъ на оду и вообще на стихотворенія Екатерининской эпохи—думаю развить этотъ взглядъ болѣе подробнѣе и обоснованнѣе въ другой своей работѣ „Исторія книги въ Екатерининскую эпоху“. На оду и стихотвореніе XVIII вѣка нельзя смотрѣть какъ на поэтическое произведеніе; это была—чистая публицистика. Ежедневной прессы еще не существовало; нашъ прозаическій языкъ былъ въ зачаточномъ состояніи, только-что вырабатывался, писать на немъ было трудно, между тѣмъ

[1]) Т. е. въ Павлѣ.

для стиха были даны сравнительно блестящіе образцы Ломоносовымъ—и то, что въ настоящее время является предметомъ для „передовой статьи"—писалось въ то отдаленное отъ насъ время въ видѣ оды. Это положеніе можно доказать съ убѣдительною ясностью, но подробное доказательство отвлекло бы насъ далеко отъ предмета статьи. Чтобы покончить съ торжественными стихами М. Попова, укажемъ на „надпись князю Андрею Яковлевичу Хилкову, на книгу его, названную „Ядро Россійскія Исторіи". Безспорно, эта надпись создана подъ вліяніемъ Новикова. Надпись черезчуръ риторична, въ ней высказывается благодарность князю за то, что онъ „изторгнулъ изъ тьмы ироевъ росскихъ родъ" и проводится мысль, что Россія будетъ процвѣтать „краснѣй Аѳинъ и Рима".

Но торжественные стихи не прельщали М. Попова, и онъ болѣе упражнялся въ лирикѣ. Весьма понятно, что пѣсни и элегіи М. Попова—любовнаго содержанія, есть даже и одно стихотвореніе эротическое, въ которомъ разсказывается, какъ пастушекъ и пастушка наблюдали за парой мотыльковъ и какъ стали имъ подражать. Но среди этихъ заунывно-скучныхъ лжеклассическихъ потугъ на чувство есть два стихотворенія, которыя, быть можетъ, прямо заимствованы М. Поповымъ изъ народныхъ пѣсенъ, а если и переработаны, то—особенно первое—очень не много. Въ этихъ двухъ стихотвореніяхъ М. Поповъ является предшественникомъ Дельвигу. Позволяемъ себѣ одно изъ нихъ выписать цѣликомъ, а изъ другаго привести выдержку.

Первое стихотвореніе напечатано подъ нумеромъ XX въ отдѣлѣ „Любовныя пѣсни".

Ты безсчастной, доброй молодецъ,
Безталантная головушка!
Со младыхъ ты дней во несчастьѣ взросъ,
Со младыхъ лѣтъ горе мыкать сталъ:
Въ колыбели родной матери,
Пяти лѣтъ отсталъ мила отца,
Въ слезахъ прошелъ твой юный вѣкъ,
Въ стенаньѣ молоды лѣта.

* * *

Ты зазноба, ты зазнобушка,
Ты прилука молодецка,
Красна дѣвица, отецкая дочь!
Твои очи соколиныя,
Твои брови соболиныя,
Руса коса красота твоя,
Приманила къ себѣ молодца,
Прилучила горемышнова.

* * *

Въ красотѣ твоей дѣвической,
Въ твоей младости и разумѣ,
Чаялъ онъ сыскать отца и мать,
Онъ увидѣлъ родъ и племя все,
Онъ надѣялся размыкати
На устахъ твонхъ тоску и грусть;
Въ очахъ твонхъ надѣялся
Потопить свое безсчастье.

* * *

Ахъ! какъ ягодѣ калинушкѣ
Не бывать во вѣкъ малинушкой,
Не живать такъ горемышному
Вѣкъ во счастьѣ и во радости.
Красна дѣвица скончалася:
Полюбити отказалася
Горемыку добра-молодца,
Сиротину безталаннова.

* * *

Ты безсчастье, ты безгодье зло
До чево тебѣ домыкати
Сиротинушку, дѣтинушку,
Безталаннова, горемышнова!
Ужъ ни въ чемъ ему удачи нѣтъ,
Ни талану на бѣломъ свѣту:
Знать таланъ ево скрывается
Въ четырехъ доскахъ, въ сырой землѣ.

Другое подобное стихотвореніе, но уже не вполнѣ выдержанное въ народномъ духѣ, трактуетъ о молодой женѣ:

Не голубушка въ чистомъ полѣ воркуетъ,
Не вечерняя заря луга смочила,
Молода жена во теремѣ тоскуетъ,
Красоту свою слезами помрачила,

Причина горя: разлука съ молодымъ мужемъ; эта разлука такъ вліяетъ на жену:

Ты надежа, ты надежа, другъ сердешной!
Она вопитъ тутъ, и плача и вздыхая,
Во жестокой своей грусти, неутѣшной:
Мое сердце не змѣя сосетъ лихая,
Не отрава горемышну изсушаетъ.
Со тобой, мой свѣтъ, разлука сокрушаетъ.

Эта пѣсня безспорно подверглась болѣе тщательной обработкѣ—она риѳмована черезъ строчку—и потеряла до извѣстной степени свою прелесть. Всѣ остальныя лирическія стихотворенія явились прообразомъ для Пушкина, когда онъ сочинялъ пѣсенку Гринева къ Машѣ. Тѣ же „льзя“ „чаю“, „о извѣстіе ужасно“ и прочее.

Обѣщая дать изображеніе пороковъ и осмѣяніе ихъ, М. Поповъ написалъ притчу „Два вора“. Притча довольна характерна, особенно своимъ началомъ, въ которомъ авторъ дѣлаетъ характеристику современнымъ ворамъ. Эта характеристика слѣдующая:

Что есть во свѣтѣ воры,
О томъ не входятъ въ споры;
Но только, что они покроемъ не однимъ:
Иные въ золотѣ и титлами надуты,
Другіе въ сѣрякахъ и съ именемъ простымъ:
Одни политики, другіе просто плуты.

И М. Поповъ выводитъ двухъ воровъ—мужика съ большой дороги и чиновнаго, который „червонцы и рубли сбиралъ съ невиннаго народа“. Оба вора попадаются, наказаніе должно быть жестокое, но

Судьи калякаютъ: не столько лихъ большой
И оправляютъ вора;
Подъячи говорятъ: не столько лихъ меньшой
И оправляютъ вора —

авторъ говоритъ, что подобные поступки въ судахъ бываютъ слишкомъ часто, и задаетъ читателю вопросъ:

Скажи намъ, кто изъ нихъ достойнѣе кнута?

Одинъ разъ, и очень неудачно, М. Поповъ захотѣлъ нарисовать поэтичную картину пѣнія соловья, и вотъ что вышло изъ этой картины:

Свисталъ на кустикѣ когда-то соловей
Всей силою своей:
Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдругъ, вдругъ томно, нѣжно, звонко,
Стеналъ, хрипѣлъ, щелкалъ, скрипѣлъ, тянулъ, вилялъ...

И хотя авторъ увѣряетъ, что и разностью такой людей и птицъ плѣнялъ, но современный читатель согласится, что эта строфа напоминаетъ все еще профессора Тредіаковскаго, очевидно, развитіе языка не достигло того предѣла, когда возможно подыскать выраженія, чтобы образно представить пѣніе соловья.

Какъ извѣстно, Новиковъ былъ однимъ изъ первыхъ, заговорив-

шихъ объ освобожденіи крестьянъ. Если, благодаря условіямъ времени въ своихъ журналахъ Новиковъ не могъ слишкомъ открыто возставать противъ существовавшаго порядка, хотя многіе замѣтки и стихи по крестьянскому вопросу очень рѣзки, то нѣтъ сомнѣнія, что въ дружеской бесѣдѣ великій идеалистъ XVIII вѣка не стѣснялся, и его пылкая рѣчь лилась свободно, гармонично и широкимъ размахомъ онъ рисовалъ картину будущей желанной зари, моментъ освобожденія крестьянъ. Какъ рисовалось Новикову это великое событіе, вопросъ другой, но рѣчи о немъ, безспорно, были и производили глубокое, можно сказать, неизгладимое, впечатлѣніе на слушателей. М. Поповъ въ цитированномъ уже выше письмѣ къ Новикову пишетъ, между прочимъ, слѣдующую фразу: „Дружба ваша и пріязнь всегда для меня были драгоцѣнны и я ихъ навсегда потщусь сберечь, онѣ однѣ сильны были произвесть въ моемъ сердцѣ вѣчную къ вамъ дружбу и почтеніе“... И это была не только вѣжливая фраза, но въ ней заключалась голая правда. Совѣты и слова Новикова глубоко запали въ душу М. Попова, и онъ въ своихъ „Досугахъ“ помѣщаетъ надгробіе:

Въ гробницѣ сей лежитъ преславнѣйшій купецъ,
И вотъ какихъ онъ былъ товаровъ продавецъ,
Не рыбъ и не скотовъ, не птицъ и не звѣрей;
Да что жъ онъ продавалъ?.. Людей.

Надгробіе, надо сознаться, сильное, и оно наводило на рядъ серьезныхъ вопросовъ. Далѣе, пробуя свои силы въ драматическомъ искусствѣ, М. Поповъ написалъ двѣ вещи: комическую оперу въ въ стихахъ „Анюта“ и комедію „Отгадай, не скажу“. М. Поповъ не погнался за высокими сюжетами, а обратился въ первой вещи къ крестьянской жизни, а во второй къ средѣ небогатыхъ дворянъ. Обѣ вещи, и опера, и комедія напоминаютъ подобныя произведенія тогдашней французской литературы, почти не даютъ представленія о русской жизни, русское—только имена дѣйствующихъ лицъ. Но все же въ комической оперѣ „Анюта“ находимъ мѣста, которыя не могли понравиться многимъ лицамъ изъ общества того времени, а также попытки или вѣчные потуги на реализмъ и народность. Крестьянинъ Миронъ поетъ, напримѣръ, слѣдующіе куплеты:

Боярская забота:
Пить, ѣсть, гулять и спать;
И вся имъ въ томъ работа,
Штобъ деньги обирать.

Мужикъ сушись, крутиса,
Потѣй и работай:
И послѣ хоть взбѣсиса,
А денежки давай...

Другое дѣйствующее лицо, парень Филатъ, такимъ образомъ характеризуетъ дворянъ:

Такой, какъ ты, дѣтина
Гнался бъ на вороной
За зайцомъ по полянѣ,
Какъ дѣлаютъ дворяне.

Эти дѣйствующія лица относятся отрицательно и къ городской жизни; тотъ же Миронъ, напримѣръ, даетъ совѣтъ Филату:

Работайте, робята,
Сѣкирой и сохой:
Здѣсь [1]) жизнь хоть трудновата,
Да лучше городской;

Тамъ всякому поклоны,
Кому ни попадись:
Толчки безъ обороны
Примай тамъ, не лѣнись;

Тамъ всѣмъ надъ нами воля,
И всѣ съ насъ тянутъ сборъ;
А здѣсь намъ вся неволя
Боярской только дворъ.

Послѣдняя строчка тоже характерна и показываетъ отношеніе автора къ крестьянскому вопросу. Положимъ, авторъ хочетъ своимъ эпилогомъ смягчить всѣ эти рѣзкости. Тотъ же самый Филатъ, который находилъ, что дворянское занятіе гоняться за зайцами, восклицаетъ съ восторгомъ, получивъ подачку отъ дворянина:

Ахъ! милосливой мой и честной господинъ,
Прямой ты дворянинъ!

и сейчасъ поясняетъ, почему онъ такъ говоритъ. Филатъ поругался съ этимъ дворяниномъ и говоритъ, что если бы они такъ вели себя съ своимъ братомъ—крестьяниномъ, будь то хоть кумъ, хоть сватъ, то въ награду онъ не получилъ бы денегъ, а этотъ крестьянинъ ему

Да и бока бъ еще дубиной отломалъ!

Положимъ, эти слова Филата находятся въ прямомъ противорѣчіи съ такою его репликою:

И помни то, што такто и хресьяне
Умѣютъ за себя стоять, какъ и дворяне.

---

[1]) Здѣсь — въ деревнѣ.

Заставлять крестьянина говорить такія рѣчи—въ то самое время, когда дѣйствовали г-жи Простаковы и Скотинины—значитъ перерости свое время, быть идеологомъ новой, еще не наставшей лучшей поры.

Народность у М. Попова выразилась, какъ и у большинства нашихъ первыхъ писателей, стремящихся изображать крестьянскій бытъ, въ ломаніи и коверканіи языка. Крестьяне М. Попова говорятъ не на русскомъ языкѣ и не на какомъ-нибудь нарѣчіи, а на выдуманномъ авторомъ діалектѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ ругается Миронъ:

А! а! ты здѣся, охальница!
Безстыдная страмница!
Вотъ екъ ту ты куришь,
Злодѣйка, да дуришь

И еракъ ту меня ты слушашь , злохоманна!
И еракъ поштатъ, безумна! окаянна!

Или вотъ еще одно мѣсто, характерное не только по языку, но и по мысли:

А вонъ, сте, староста збиратца ѣхать въ городъ,
Такъ баялъ, што-бы всѣмъ складчину положить!
Алтынъ хоть по пятку; да міръ сталъ говорить,
Што ныня дѣ у насъ, Пафнутычъ, знать выть голодъ,
Такъ будютъ дѣ съ души копѣюкъ и по шти [1]),
Такъ станютъ и тово довольно псамъ на шти [2]).
Слышь у подъячова жона родила сына.

Въ этомъ отрывкѣ имѣются всѣ атрибуты крестьянской жизни XVIII вѣка: голодъ, поборы сельской власти, поборы подъячихъ, крестьянскій міръ — безгласный, несопротивляющійся... Картина тяжелая, но во всякомъ случаѣ правдивая! Заканчивается опера общимъ хоромъ:

Всѣхъ счастливѣй въ свѣтѣ тотъ,
Кто своей доволенъ частью!

Кажется, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ рѣдкое противорѣчіе между концомъ и тѣми взглядами, которые проводили дѣйствующія лица изъ крестьянъ. Они высказывали недовольство своей участью. Но взглядъ—всѣхъ счастливѣй въ свѣтѣ тотъ, кто своей доволенъ частью, былъ господствующимъ взглядомъ того времени. Онъ проводился въ философіи, его раздѣляли и доказывали его правильность даже выдающіеся люди XVIII вѣка.

Мы уже въ началѣ статьи указали, что М. Поповъ былъ пере-

[1]) Очевидно по три.
[2]) Шти — щи.

водчикомъ. Значеніе переводчиковъ въ нашей литературѣ XVIII вѣка еще не вполнѣ опредѣлено. Большинство переводчиковъ для насъ неизвѣстно, мы знакомы съ дѣятельностью только крупныхъ дѣятелей — Державина, Фонвизина, Новикова, Сумарокова и т. п.; ну а культурная работа незначительныхъ, второстепенныхъ писателей и переводчиковъ для насъ представляется таинственнымъ х—омъ. Можно сказать болѣе, для огромнаго большинства такъ называемой интеллигентной публики неизвѣстно, какія произведенія иностранной литературы были переведены во время царствованія Екатерины II, и до тѣхъ поръ, пока мы не выяснимъ вполнѣ, до деталей, ту культурную работу, которая была произведена въ это царствованіе, для насъ недостаточно понятно будетъ и движеніе декабристовъ и кружки 30-хъ годовъ. Начало этихъ движеній должно искать въ очень отдаленномъ прошломъ.

Дѣятельность М. Попова, какъ переводчика, характеризуется главнымъ образомъ переводомъ двухъ большихъ произведеній—двухъ пѣсенъ изъ „Дидактическія поэмы, на ѳеатральное возглашеніе, госп. Дората“ и „Освобожденный Іерусалимъ пройческой Тасовой поэмы“.

Театръ, какъ извѣстно, процвѣталъ въ вѣкъ Екатерины, которая и сама была авторомъ многихъ драматическихъ произведеній—театру приписывалось громадное воспитательное значеніе. М. Поповъ вѣрно угадалъ требованія публики, переведя прозою поэму Дората, которая формулируетъ всѣ требованія къ театру, предъявляемыя въ XVIII вѣкѣ. Въ подлинникѣ поэма состоитъ изъ трехъ пѣсенъ, но третью пѣснь—„воспѣвающую искусство и прелести оперы“, М. Поповъ не перевелъ, и вотъ на какомъ основаніи: „Не перевелъ я,—говоритъ онъ,—сколько для того, что не столь почелъ ее для насъ еще нужною, а болѣе остановили меня многія реченія, принадлежащія къ сей матеріи, которымъ перевода на нашемъ языкѣ еще нѣтъ и безъ чистаго выраженія коихъ исчезли бы всѣ красоты сея пѣсни“.

Съ подобною жалобою на недостатокъ словъ въ русскомъ языкѣ мы сталкиваемся почти у каждаго переводчика. Поповъ даетъ объясненіе, какъ онъ смотрѣлъ на переводъ. „Я не думаю, чтобы кто поставилъ мнѣ въ вину, что я не осмѣлился ее перевести, передѣлывая искусственныя именованія на свой салтыкъ; это бы былъ уродъ, оставить же ихъ не переведенными было бы еще гаже“. Взглядъ очень правильный для того времени. Далѣе Поповъ прибавляетъ: „но преображать прямо по-русски трудныя искусствъ реченія не моея силы, ниже должности есть дѣло. Я и такъ довольно отважился, преложивъ на нашъ языкъ нѣсколько словъ, встрѣтившихся мнѣ въ первыхъ двухъ пѣсняхъ“. Къ поэмѣ приложенъ списокъ этихъ словъ—

мы его приводимъ ниже,— читатель увидитъ, во-первыхъ, трудности, которыя испытывалъ переводчикъ XVIII вѣка, а во-вторыхъ, долженъ признать, что переводъ Попова довольно удаченъ. Вотъ этотъ списокъ, онъ не великъ, всего 25 словъ. Сохраняемъ правописаніе подлинника:

Accent, m. — возгласъ.
Acteur, m. — дѣйствователь.
Actrice, f. — дѣйствовательница.
Allégorie, f. — иносказаніе.
Bouffon, m. — кощунъ.
Cadence, f. — равногласіе.
Caractère, m. — свойство.
Chimère, f. — нелѣпость.
Compas, m. — окружлецъ.
Débit, m — зачинъ.
Déclamation, f. — возглашеніе.
Esquisse, f. — первоначертаніе.
Foïer, m. — огнеточіе, фокусъ.
Frivolité, f. — пустословіе, пустота.
Histrion, m. — скоморохъ.
Instinct, m. — естественность, природное стремленіе.
Monotone, f. — одногласность.
Parterre, m. — помостъ.
Réduit, m. — уходище.
Ridicule, m. — дурость.
Symétrie, f. — соразмѣрность.
Souffleur, m. — поправлятель, напоминатель.
Sympathie, f. — сострастіе.
Ton, m. — гласованіе, звукъ, звонъ.

Поэма Дората извѣстна; она суммировала всѣ требованія ложно-классической драмы и имѣла такое же значеніе, какъ и поэма Буало. Образцомъ перевода можетъ служить слѣдующее мѣсто—начало первой пѣсни: „Изобразитель разума, ты, почитающійся, на Парнассѣ и прорицалищемъ вкуса и соперникомъ Горація; твой гласъ умѣлъ подать наставленіе намъ въ блестящей наукѣ стиховъ: моя рука начертываетъ днесь науку ихъ возглашать. Ты, хотящая на послѣдокъ изыйти изъ твоихъ мрачностей и препоясаться лавромъ знаменитыхъ дѣйствовательницъ; заключи сіе желаніе, брегися въ ономъ поспѣшать: позналъ Θеатръ, прежде нежели на оной взойдетъ. Должно, должно долгое время, послѣдуя уму и благоразумію, учинить сперва во твоей наукѣ скрытное ученичество и дабы избавить себя отъ печальнаго раскаянія, совѣтоваться съ разумомъ и мыслить и чувствовать. Въ поучительныхъ своихъ играхъ почтенная баснь похваляетъ намъ дарованія превратнаго Протея, который, будучи искусный обладатель безчисленныхъ таинствъ, премѣнялъ, играяся, свой образъ и черты:

овогда въ видѣ пышнаго орла, посрамлялъ громъ; иногда подъ образомъ нечистаго пресмыкающагося влачился по землѣ; древомъ будучи, возвышалъ свою вершину струею, пожирающимъ огнемъ, разсыпался по воздуху, либо источникомъ разливался; бобромъ или львомъ поводилъ пламенною своею зеницею, и, вдругъ исчезнувъ, поднимался дымомъ. Истинное отъ тебя сокрыто подъ симъ возложеннымъ покровомъ. Кто же убо былъ сей Протей? Краснорѣчивый дѣйствователь, который обладалъ знаніемъ своего искусства, всякія страсти различалъ оттѣниваніе; изъявлялъ буйную стремительность витязя; изображалъ политику и превивающіеся ея сгибы; открывалъ прелести нѣтнаго чувствія; тамо трясся отъ бѣшенства, здѣсь проливалъ слезы, либо понуждалъ всѣхъ зрителей презирать мечтаніе жизни и величій...

Къ сожалѣнію, живя въ глухой провинціи, я не могъ достать поэмы въ подлинникѣ и провѣрить вѣрность перевода, но, какъ кажется, можно предположить, что М. Поповъ переводилъ чуть-ли не съ буквальною точностью, и по приведенному отрывку видно, что переводъ читался легко. Переводчикъ уже не могъ обвинять себя „въ худомъ знаніи русскаго слога“. Впрочемъ, о точности перевода можно судить по примѣчаніямъ, въ которыхъ М. Поповъ приводилъ параллельно для текста русскій и французскій—вотъ примѣръ:

Vous eussiez vu leurs yeux s'enflammer de fureur,
Et dans le même instant, par un effet contraire,
Leur front pâlir d'horreur et rougir de colère, т. е.:

Вы бы узрѣли ихъ очи воспламеняющимися отъ ярости и въ то же мгновеніе, по сопротивному дѣйству, чело ихъ блѣднѣющее отъ ужаса и рдѣющее отъ гнѣва.

Переводъ, какъ видитъ читатель, буквальный. Выпишемъ еще одинъ отрывокъ.—„Играешь ли ты Тартюффа? Наблюдай другіе законы (ранѣе говорилось объ исполненіи роли Альцестова); благоговѣйными и тихими звонами (ton) измѣряй твой гласъ: подражай таинственной улыбкѣ сего ханжи, когда его набожное око прилѣпляется ко Ельмирѣ; когда, оставивъ заблуждать нескромную руку, отъ щекочемыхъ колѣнъ воззводитъ ее даже до персей, со братолюбіемъ умышляетъ прелюбодѣйство и хочетъ подъ именемъ святости обезчестить своего брата; да видъ твой, по порядку, будетъ твердъ и паки умягченъ: тамо уничтоженъ будь; но здѣсь повелѣвай“.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ переводъ сыгралъ большую роль въ нашемъ театрѣ; артисты—хотя бы знаменитый Дмитревскій, имѣли и знали этотъ переводъ.

О переводѣ поэмы Тассо много говорить не приходится; всемірное значеніе этой поэмы извѣстно; извѣстно также, что и Херасковъ

подражалъ этой поэмѣ. Интересно было бы сравнить тексты перевода М. Попова и поэмы Хераскова, но въ настоящее время, по недостатку матеріала, эта задача для меня невыполнима.

Такова была литературная дѣятельность М. Попова. Если подвести итоги этой дѣятельности, то мы увидимъ, что она имѣла значеніе для русскаго общества. Во многомъ М. Поповъ являлся иниціаторомъ, какъ напримѣръ для театра, переведя поэму Дората. Взгляды М. Попова на главные вопросы русской жизни были правильны и просвѣщенны; въ самомъ коренномъ вопросѣ, въ крестьянскомъ, Поповъ принадлежалъ къ тому небольшому кружку лучшихъ русскихъ людей, которые явились предвозвѣстниками движенія просвѣтительной эпохи—60-хъ годовъ. Въ своихъ стихахъ Поповъ также дѣлалъ шагъ впередъ, онъ не писалъ торжественныхъ одъ, а написанныя имъ немногія оды отличались искреннимъ чувствомъ; его стихи уже говорятъ объ эпохѣ сентиментализма, которая должна была наступить въ скоромъ времени. Его любовныя элегіи нѣсколько напоминаютъ любовные стишки поэтовъ Карамзинской школы. Обыкновенно, поэты Екатерининской эпохи не высказывали въ своихъ произведеніяхъ субъективнаго чувства, это чувство проявлялось главнымъ образомъ помощью переложенія псалмовъ Давида. Но у Попова есть одно стихотвореніе, которое походитъ по своимъ мотивамъ на стихотворенія гораздо болѣе поздней эпохи. Вотъ это стихотвореніе:

О небо! для чего родился человѣкъ?
Не для сего ль, чтобъ весь онъ мучился свой вѣкъ:
Болѣзни, нищету и злость претерпѣвая,
Гнушался живота, кончину призывая?

Ахъ, нѣтъ! конечно намъ всещедро Божество
Не для мученія послало существо,
И разумъ нашъ, Его преславное творенье,
Не ко вреду намъ данъ, но въ пользу и спасенье.

Сей міръ, позорище премудрости небесъ,
Исполненный всѣхъ благъ, исполненный чудесъ,
Устроилъ намъ Творецъ Едемскимъ райскимъ садомъ;

Но наши глупости, пороки, суета,
И умствованій злыхъ и гордыхъ пустота
Преобратили намъ его изъ рая адомъ.

Это стихотвореніе могло появиться и въ Пушкинскомъ періодѣ.

М. Поповъ, какъ могъ замѣтить читатель, не былъ величиною перваго рода, онъ являлся рядовымъ работникомъ; такихъ, какъ онъ, было много, и чтобы ясно опредѣлить значеніе М. Попова, нужно разсмотрѣть его дѣятельность вмѣстѣ съ дѣятельностью другихъ подобныхъ же рядовыхъ работниковъ и переводчиковъ и литераторовъ. И только тогда получится правильная оцѣнка. Дѣйствительно, М. Поповъ не блисталъ, какъ большіе поэты и писатели этой эпохи, но онъ и ему подобные незамѣтно, но вѣрно клали камень за камнемъ того зданія, котораго постройку суждено закончить многимъ грядущимъ поколѣніямъ.

П. Столпянскій.

Русская печать на Прибалтійской окраинѣ.

(1816 — 1898).

(Историческій очеркъ).

На Прибалтійской окраинѣ, которою послѣдовательно владѣли нѣмцы, поляки и шведы, присоединенной къ Россіи Петромъ Великимъ, почти до самаго послѣдняго времени, мѣстное русское общество, равно какъ и все русское были поставлены въ какія-то совсѣмъ исключительныя условія. Генералъ-губернаторство, упраздненное по высочайшему повелѣнію лишь въ 1876 г., до того времени налагало особый отпечатокъ на эту окраину, какъ находящуюся въ особомъ положеніи. Съ упраздненіемъ генералъ-губернаторства начинается новый періодъ для Прибалтійской окраины, періодъ общенія и постепеннаго сліянія съ интересами общерусскими, государственными. Это сліяніе окраины съ прочими частями нашего обширнаго отечества замѣтно усиливается только въ царствованіе въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра Александровича и продолжается въ царствованіе нынѣшняго Верховнаго Вождя Россіи, Государя Императора Николая Александровича, Который въ русскомъ языкѣ и всемъ русскомъ видитъ: „прочный залогъ единенія (этой окраины) съ остальными областями Россіи“ [1]). Немаловажную роль въ этомъ единеніи играла мѣстная русская печать, указывая на пользу этого сліянія, разъясняя правительственныя мѣропріятія, отстаивая русскіе интересы и т. д., которой и посвящается настоящій очеркъ.

[1]) Собственноручная Е. И. В. отмѣтка на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія по поводу распространенія русской культуры въ Прибалтійскомъ краѣ. См. „Новое Время“, 1897 г., № 7779.

I.

Какъ ни странно, но фактически вѣрно то, что лицо, издавшее первую русскую газету на Прибалтійской окраинѣ—не было русскаго происхожденія, д-ръ богословскихъ наукъ и философіи Іоганнъ-Августъ Лебрехтъ Албанусъ [1]), издатель-редакторъ газеты: „Россійское еженедѣльное изданіе въ Ригѣ“, былъ потомокъ огерманизировавшейся итальянской фамиліи Албани, изъ которой, какъ извѣстно, происходили папа Климентъ XI и архіепископъ Франческо Мантуанскій. Родившись въ окрестностяхъ Лейпцига, 4-го декабря 1765 года, и окончивши въ 1789 году тамошній университетъ, Албанусъ въ томъ же году пріѣхалъ въ Ригу домашнимъ учителемъ. Уже въ 1792 году онъ состоитъ въ должности ректора Рижской Домской школы, а въ іюнѣ 1804 года состоялось его назначеніе на важный постъ директора училищъ Лифляндской губ., каковой онъ оставляетъ пятнадцать лѣтъ спустя, т. е. въ 1819 году.

Въ концѣ 1815 года, будучи директоромъ губернскихъ училищъ, Албанусъ, при содѣйствіи преподавателей сгорѣвшаго около того времени рижскаго Екатерининскаго училища, Сѣнгалевича и Гавріила Тверитинова, рѣшилъ издать „съ будущаго 1816 года, ежели сберется достаточное число подписавшихся, краткое еженедѣльное изданіе на россійскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Россійское еженедѣльное изданіе въ пользу рижскаго Екатерининскаго училища“, какъ гласитъ изданное еще въ октябрѣ 1815 года предварительное объявленіе. Какъ показываетъ самое названіе предполагаемаго изданія, впослѣдствіи измѣненное, первая русская газета на Прибалтійской окраинѣ была основана съ благотворительною цѣлью, что̀ подтверждается еще и слѣдующимъ извлеченіемъ изъ предварительнаго объявленія: „Вырученныя деньги за сіи листы будутъ обращены единственно въ пользу Екатерининскаго училища, и въ концѣ всякой четверти будетъ данъ читателямъ отчетъ о приходѣ и расходѣ“. Подписная плата на „Еженедѣльное изданіе“ необычайно высока и для того времени, а именно—20 руб. асс., что̀ объясняется благотворительной цѣлью изданія и ожидаемымъ небольшимъ числомъ подписчиковъ. „Еженедѣльное изданіе“ должна была выходить по слѣдующей программѣ:

„1) краткія извѣстія и записки касательно до училищъ, ученія и воспитанія; 2) краткое содержаніе важныхъ общихъ и занимательныхъ извѣстій,

[1]) Реке и Наперскій; словарь Прибалтійскихъ писателей и ученыхъ („Allg. Schriftsteller u Gelehrten Lexicon d. Provinc. Livland ext.“). Митава, 1827 г., т. I, стран. 19. Прибавленія и дополненія къ нему, Митава, 1859 г., т. I, стран. 5 и 6.

взятыхъ изъ вѣдомостей; 3) краткія повѣсти и замѣчанія разнаго содержанія, сколько позволитъ мѣсто; 4) при концѣ всякаго листка будутъ показаны вексельный и денежный курсъ; 5) объявленія".

Первый нумеръ „Россійскаго еженедѣльнаго изданія въ Ригѣ" [1]) предполагалось выпустить въ свѣтъ 8-го января 1816 года, но въ виду разныхъ задержекъ онъ появился почти цѣлый мѣсяцъ спустя, т. е. 5-го февраля, въ форматѣ двухъ четвертушекъ обыкновеннаго писчаго листа, отпечатанный яснымъ, средней величины шрифтомъ въ два столбца на великолѣпной, для того времени, бумагѣ. Въ теченіе года, т. е. до 1-го января 1817 года, вышли 53 нумера, заключающіе въ себѣ въ совокупности 212 страницъ текста.

Содержаніе „Еженедѣльнаго изданія", несмотря на мизерный объемъ его, довольно разнообразно, хотя носитъ явный педагогическій оттѣнокъ, что̀ иначе и быть не могло, въ виду того, что издатель-редакторъ его занималъ въ краѣ видный постъ по министерству народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе этого, почти во всѣхъ нумерахъ печатались извѣстія о разныхъ училищахъ, преимущественно замѣтки о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ разными лицами въ пользу учебныхъ заведеній въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Помѣщались отдѣльныя статьи, вродѣ „Существенныя преимущества публичнаго ученія передъ приватнымъ" (№№ 15—18), „Справедливыя требованія учителей отъ родителей и опекуновъ" (№ 27) и др. Авторомъ этихъ статей, по всей вѣроятности, является самъ Албанусъ, пользовавшійся газетою для изложенія своихъ взглядовъ на воспитаніе и обученіе. Точно также имъ составлено собраніе афоризмовъ: „Нѣкоторыя мнѣнія о воспитаніи", печатавшееся почти въ каждомъ нумерѣ „Еженедѣльнаго изданія". Всѣхъ афоризмовъ—105. Въ предисловіи къ нимъ издатель ихъ говоритъ слѣдующее:

„Издатель сихъ мнѣній о воспитаніи къ великому удовольствію былъ увѣренъ, что заключающаяся въ оныхъ истина не малое дѣлаетъ впечатлѣніе на сердца нѣкоторыхъ, а особливо молодыхъ читателей, а почему онъ и постарается, чтобы всякой нумеръ сего изданія безъ исключенія содержалъ въ себѣ нѣкоторыя, хотя иныя изъ нихъ другому по какимъ причинамъ и не понравятся. Истина часто бываетъ тамъ напоспительнѣ, гдѣ ее неохотно слушаютъ" [2]).

Несмотря на чрезвычайно тяжелую форму языка, „нѣкоторыя мнѣнія" довольно интересны. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается про 35-ти-лѣтняго человѣка, который

[1]) Безусловная библіографическая рѣдкость. Извѣстны только два существующихъ экземпляра, одинъ находится въ С.-Петербургской Императорской Публичной библіотекѣ, другой—въ библіотекѣ Домскаго музея въ Ригѣ.

[2]) Россійское еженедѣльное изданіе, Рига, 1816 г., № 4, стран. 13—14.

„не стыдился ходить въ нижній классъ Екатерининскаго училища и сидѣть съ маловозрастными дѣтьми, чтобы научиться тамъ читать, писать и счислять, и по всему тому, чему въ томъ училищѣ учатъ. Онъ весьма скоро успѣлъ, въ скоромъ времени вышелъ такимъ человѣкомъ, который щастливо и съ успѣхомъ можетъ исполнять общественную должность“,

поэтому:

„если кто въ малолѣтствѣ не могъ по собственной или чужой винѣ научиться чему-нибудь полезному, то тому не дѣлаетъ стыда, но еще больше приноситъ чести, когда онъ начинаетъ въ зрѣломъ возрастѣ учиться“ [1]).

Второй отдѣлъ газеты: „важныхъ, общихъ и занимательныхъ извѣстій“ цѣликомъ ушелъ подъ рубрику политическихъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ каждомъ нумерѣ „Еженедѣльнаго изданія“. Эту рубрику характеризуетъ слѣдующая выписка:

„Бонапарте на островѣ св. Елены учитъ теперь италіянскому языку дѣвицу N., которая прежде была комнатною дѣвушкою. Но какъ она весьма разумна и понятна, то онъ ей опредѣлилъ быть собесѣдницею при его столѣ.

Въ Курскѣ 27-го генваря стужа въ 23 градуса во время сильнаго дождя перемѣнилась въ теплоту въ 2 градуса.

Турецкій императоръ (?) объявилъ войну тунискому бею и т. д.“ [2]).

О какомъ бы то ни было извѣстномъ порядкѣ, а особенно направленіи, которое теперь обязательно для каждаго органа печати, конечно, не могло и рѣчи быть. Только съ половины года политическія извѣстія группируются по государствамъ.

Совсѣмъ скуденъ третій отдѣлъ газеты, отдѣлъ: „краткихъ повѣстей и замѣчаній разнаго содержанія“. Къ нему можно отнести напечатанный въ десятомъ нумерѣ отрывокъ „Взятіе Христа подъ стражу“ изъ шестой пѣсни „Мессіады“ Клопштока, въ стихотворномъ переводѣ Ал. Урываева,—довольно удачномъ, начинающемся такъ:

„Подобно какъ мудрецъ кончаясь пресловутый
Торжественныя тѣ благословитъ минуты,
Какъ члены всѣ его объемлетъ смертный хладъ,
Дороже дней другихъ сей часъ ему стократъ:
Тутъ міра Судіѣ едино послушанье;
Добру посвящено послѣднее дыханье;
Добромъ превознесенъ на горнюю степень,
Молодящійся мудрецъ счисляетъ каждый день,
Который увѣнчалъ однимъ благодѣяньемъ,
Увѣнчанный Творцовымъ воздаяньемъ.
Такъ свѣтлый ближился субботы тайный часъ,
Въ которомъ Дѣвы Сынъ, мирящій съ Богомъ насъ,
Какъ жертва чистая къ закланью устремился и т. д.“

[1]) Тамъ же, № 3, стран. 10.
[2]) Тамъ же, № 5, стран. 19.

Туда же принадлежатъ „Хоры, на торжество вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ“ и патетическіе „Стихи, поднесенные его сіятельству господину Рижскому военному губернатору, маркизу Паулуччи, на балѣ въ Муссѣ (нѣмецк. обществ. собраніе) 23-го октября 1816 г.“.

Извѣстій, имѣющихъ мѣстный интересъ и значеніе, въ газетѣ Албануса нѣтъ, за исключеніемъ свѣдѣній объ училищахъ, почти никакихъ. Понятно, что это замѣтно вліяло на число подписчиковъ, число которыхъ въ послѣдней четверти года сократилось болѣе чѣмъ на половину, такъ что Албанусъ уже въ ноябрѣ долженъ былъ объявить слѣдующее:

„Дабы заплатить за издержки, сопряженныя съ изданіемъ сихъ листковъ какъ-то: за наборъ буквъ, печатаніе, бумагу и переводъ, потребно въ годъ 1.560 рублей банковыми ассигнаціями; то не иначе иные листки могутъ быть выдаваемы, какъ только съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ собралось около 100 пренумерантовъ.

Губернскій училищъ директоръ А. Албанусъ“.

Рига, ноября 1816 года.

Но, къ сожалѣнію, требуемое количество подписчиковъ на русскую газету, въ Ригѣ, городѣ совершенно нѣмецкомъ, въ то время не нашлось, а понынѣ существующая типографія В. Гекера отказалась въ счетъ будущихъ благъ печатать „Россійское еженедѣльное изданіе въ Ригѣ“, то 53-й нумеръ его, вышедшій 30-го декабря 1816 года, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ нумеромъ перваго русскаго органа печати въ Прибалтійской окраинѣ.

II.

Спустя около пятнадцати лѣтъ послѣ прекращенія „Россійскаго еженедѣльнаго изданія“, въ Ревелѣ 1-го января 1832 года вышла въ свѣтъ первая книжка новаго русскаго органа печати на Прибалтійской окраинѣ, долженствующаго яко-бы „водворить русскій языкъ“, журнала философіи, педагогики и изящной литературы: „Радуга“. Книжка журнала была отпечатана въ типографіи наслѣдниковъ Линдфорса на удивительно жесткой, сѣроватой бумагѣ въ осьмую долю листа, объемомъ въ 42 + 16 страницъ. Подписная плата на новый журналъ, 12 книжекъ, была 15 руб. асс. Оставалось только радоваться новому органу русской печати, не зная, что появленіе его вызвано слѣдующими обстоятельствами:

Въ 1825 году въ Казанскомъ учебномъ округѣ состоялъ попечителемъ д. ст. сов. Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій [1]), оставившій о себѣ въ исторіи память своими странными и несчастными распоряженіями въ ввѣренномъ ему учебномъ округѣ. Вслѣдствіе поданной еще въ 1823 году тогдашнему министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну оффиціальной записки [2]), въ которой Магницкій доказывалъ необходимость изъятія изъ учебнаго преподаванія нѣкоторыхъ наукъ, по его мнѣнію вредныхъ для государства: философіи, естественнаго права и новой исторіи, а также за лживый доносъ на князя М. С. Воронцова, онъ по высочайшему повелѣнію былъ лишенъ должности попечителя и сосланъ въ Ревель на житье. Здѣсь ex-попечитель познакомился съ учителемъ русскаго языка Ревельской гимназіи, кандидатомъ философскихъ наукъ Московскаго университета, обрусѣвшимъ нѣмцемъ, Андреемъ Ивановичемъ Бюргеромъ, молодымъ, неопытнымъ человѣкомъ, въ которомъ и нашелъ послушнаго ученика своему ученію. Будучи лишенъ возможности распространять таковое практическимъ способомъ, Магницкій обратился къ теоретическому, и, въ цѣляхъ пропаганды своего ученія, подговорилъ Бюргера издать журналъ, при чемъ послѣдній долженъ былъ редактироваться имъ, Магницкимъ, а Бюргеръ—быть только номинальнымъ редакторомъ-издателемъ новаго журнала, которому было дано названіе „Радуга“.

Журналъ „Радуга“ никогда не имѣлъ намѣренія укрѣпить русскія начала въ краѣ, способствовать сліянію Прибалтійской окраины съ остальной Россіей, а лишь пропагандировать ученіе Магницкаго. „Радуга“ былъ журналомъ крайняго обскурантизма, подобно „Маяку“ и другимъ „погасительнымъ“ органамъ тогдашней русской печати. Это ясно видно уже изъ первой статьи первой книжки „Радуги“, 1832 г., озаглавленной: „Гдѣ мы ищемъ свѣта“, начинающейся такъ:

„Издали, изъ стѣнъ Москвы бѣлокаменной Западъ намъ представляется въ какомъ-то волшебно привлекательномъ сіяніи. Глубокомысленная Германія, просвѣщенная Франція, Англія! вы намъ Атлантиды мудрости. Не однѣхъ утонченностей житейскихъ, не одной внѣшней образованности ищемъ мы въ васъ; нѣтъ, просвѣщенія, высшаго просвѣщенія мы ожидаемъ отъ Байроновъ вашихъ, отъ Шеллинговъ, отъ Кузеней. Мы раболѣпно считаемъ себя невѣждами передъ вами“.

Въ статьѣ авторъ ея осмѣиваетъ стремленія „нашихъ россійскихъ интеллигентовъ“, которые во всемъ хотятъ „уподобиться Европѣ“, и увертываются „около французовъ и нѣмцевъ, какъ около солнцевъ“

[1]) А. Ѳ. Воейковъ. Домъ сумасшедшихъ. Примѣчаніе къ нему, „Русская Старина“, 1874 г., т. IX, стран. 607—608.

[2]) Н. Н. Мурзакевичъ: Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. „Русская Старина“, 1874 г., т. XI, стран. 273.

(стран. 3), желая набраться побольше мудростей Канта, Шеллинга, Кузена, Гегеля и др., присовокупляя, что:

„въ синей дали намъ золотомъ сверкаетъ материкъ Франціи, материкъ Германіи; мы съ негодованіемъ отвращаемся отъ черной земли отечественной, ногами нашими попираемой, и жаждемъ потонуть въ магическомъ свѣтѣ, окружающихъ въ глазахъ нашихъ сіи мнимыя солнца: но влетите лишь въ атмосферу ихъ, опуститесь лишь на нихъ: такой же черносѣрой материкъ будетъ подъ ногами нашими, какъ и въ нашемъ отечествѣ“.

Дальше авторъ совѣтуетъ читателю „вырваться изъ гибельнаго обаянія“ и искать

„не въ Парижѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ источника, откуда вытекаетъ свѣтъ жизни, а присоединить лепетаніе (sic!) наше къ голосу мудрыхъ (sic!) отечества, которымъ прежде слѣдовать не хотѣли... Для чего намъ въ стремленіи къ чистому вѣдѣнію всестороннѣй истины проходить снова всѣ пути, по коимъ шли Платонъ или Аристотель, Спиноза или Шеллингъ... Душа любомудрая! оставь изученіе мудростей человѣческихъ“.

Весьма интересно, кто подразумѣваются подъ словами: „мудрые отечества, которымъ прежде слѣдовать не хотѣли“, но очень можетъ быть, что Магницкій, несомнѣнный авторъ этой статьи, считаетъ себя однимъ изъ нихъ.

Далѣе идутъ статьи: „О поэзіи Данте“, „Философія Карла Экштейна“, „Переписка Жанъ Поля Рихтера съ Христіаномъ Отто“, „Голосъ надъ гробомъ Гегеля“ и др.

Въ послѣдней статьѣ очень интересны заключительныя слова:

„Да отпущено будетъ Гегелю въ мірѣ вѣчности земное мудрованіе его и да доступно будетъ философу жизнь, которой онъ не чаялъ! но да изгладятся съ смертью его и слѣды философіи его на землѣ“.

Начиная со второй книжки въ „Радугѣ“ печатается цѣлый рядъ статей какого-то М. Простодумова (Магницкаго?): „Отломки отъ философскаго мозаика степного отшельника“. Въ одной изъ нихъ [1]) мы встрѣчаемъ слѣдующую характеристику „Радуги“:

„«Радуга»... завѣтъ тишины послѣ волненія умовъ, надежда безопасности послѣ всемірнаго потопа превратныхъ и возмутительныхъ ученій“.

Для характеристики направленія „Радуги“ чрезвычайно интересна статья „Судьбы Россіи“ [2]). Прежде всего авторъ ея упрекаетъ исторіографа Карамзина въ томъ, что: „онъ тосковалъ о томъ, что Россія была подъ властью татаръ, сожалѣлъ, что сѣнь варварства, омрачивъ

[1]) „Радуга“, 1832 г., кн. III, стран. 150.
[2]) Тамъ же, 1833 г., кн. VIII, стран. 391—414.

горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу", а главное, зачѣмъ-де Карамзинъ увѣрялъ, что „россіяне сихъ вѣковъ, въ сравненіи съ другими европейцами, могли по справедливости назваться невѣждами". По мнѣнію автора цитируемой нами статьи, совершенно иной взглядъ есть у философіи о Христѣ:

„Она не тоскуетъ о томъ, что былъ татарскій періодъ, удалившій Россію отъ Европы. Она радуется тому, ибо видитъ, что угнетатели ея, татары, были спасителями ея отъ Европы... Угнетеніе татарское и удаленность отъ западной Европы были, можетъ быть, величайшимъ благодѣяніемъ для Россіи, ибо сохранили въ ней чистоту вѣры Христовой... Чтобы превзойти Европу, для этого Россія, вмѣсто сближенія съ Европою, удалялась отъ нея".

Дальше авторъ задаетъ читателямъ вопросъ: „Для чего Петръ пожертвовалъ народною личностью Россіи, снялъ съ нея національный характеръ ея, сдѣлалъ ее ученицею Европы?", и тутъ же отвѣчаетъ:

„Нѣтъ, все это (искусства, знанія, ассамблеи, бритье бородъ, снятіе кафтановъ) дѣлалъ Петръ съ Россіей для того, для чего нянька вмѣстѣ съ дитятей своимъ наряжаются, играютъ въ куклы и проч.; для того, для чего умный учитель одѣваетъ мысль свою въ понятія ученика своего и притворяется иногда такимъ же малодушнымъ (?), какъ и ученикъ его... Сближеніе съ Европою нужно было совсѣмъ не для нея (Россіи), какъ обыкновенно думаютъ, а для самой Европы и т. д.".

Вышеприведенныхъ выписокъ вполнѣ довольно для того, чтобъ понять, какого завѣдомо вреднаго „погасительнаго" направленія держался новый русскій органъ печати на Прибалтійской окраинѣ, въ которомъ только и было хорошаго, какъ прилагаемыя ежемѣсячно къ журналу „Остзейскія записки", гдѣ напечатано не мало очень интересныхъ данныхъ, относящихся къ исторіи Прибалтійской окраины, изъ которыхъ назовемъ: „О чумѣ въ Ревелѣ въ 1710 г.", „Жемчужная ловля въ Эстляндіи", „Латышская свадьба", и мн. др. Весьма цѣнно также помѣщенное здѣсь обстоятельное описаніе пребыванія Николая I въ Ревелѣ въ 1833 году и др.

Большая часть помѣщенныхъ въ „Радугѣ" статей не подписана ихъ авторами. Кромѣ статей Магницкаго, въ ней участвуютъ баснями и стихотвореніями нѣкто Гренъ и Н. Бенецкій, учитель русскаго языка Ревельскаго уѣзднаго училища [1]), а также Р. фонъ-Бергъ. Даже Магницкій не довольствовался лаврами за антистатьи философическія и пускается въ поэзію, помѣщая въ „Радугѣ" оду: „Дума надъ гробомъ Наполеона", заканчивающуюся такъ:

[1]) Н. Бенецкій издалъ въ Ревелѣ книжку „Басни и параболы", 1834 г.

„Злодѣй!—Но вотъ и твой бьетъ часъ послѣдній,
— Устало Небо ждать! Ахъ, если бъ хоть теперь
Ты могъ взглянуть на Небо
И имя произнесть Того,
Чьи на крестѣ объятья
Еще простерты и къ тебѣ!
— Но ты ужъ трупъ и—молнія блеститъ!“

Такое направленіе журнала не могло возбудить ничьи сочувствія. „Радуга“ никогда не пользовалась симпатіями публики, что̀ всего лучше доказывается малымъ числомъ ея подписчиковъ. Во второмъ году количество подписчиковъ едва-едва достигло—шестидесяти, и всѣ довольно чувствительныя издержки Магницкому пришлось покрывать изъ своихъ средствъ. Неисправный выходъ книжекъ журнала, (первая книжка 1833 года вышла вмѣсто 1-го января лишь въ мартѣ) возбудилъ неудовольствіе подписчиковъ—и „Радуга“ послѣ полуторагоднаго „сіянія“ прекратилась въ октябрѣ 1833 года, къ великому удовольствію всѣхъ здравомыслящихъ русскихъ людей.

Впрочемъ, многимъ покажется страннымъ, какъ могъ выходить въ тѣ памятныя времена строгой опеки надъ журналистикой органъ печати съ такимъ направленіемъ, какъ „Радуга“; какъ цензура могла допустить къ печатанію статьи, каковы: „Гдѣ мы ищемъ свѣта“, „Судьбы Россіи“ и мн. др. Здѣсь слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что Магницкій даже послѣ своего паденія имѣлъ вліяніе на нѣкоторыя сферы тогдашняго петербургскаго общества, благодаря чему неизвѣстному молодому учителю и при томъ лютеранину, какимъ былъ Бюргеръ, удалось получить разрѣшеніе на изданіе русскаго, мнимосерьезнаго, почти духовнаго [1]) журнала въ такомъ городѣ, какъ Ревель, гдѣ цензоромъ состоялъ чиновникъ мѣстнаго губернскаго правленія, баронъ Россильонъ [2]), лютеранинъ, весьма мало знакомый съ русскимъ языкомъ.

Вообще журналъ „Радуга“—одна изъ темныхъ страницъ въ исторіи русской провинціальной печати, блестяще подтверждающая слѣдующее изреченіе, приписываемое Сперанскому [3]): „Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревель! Туда ѣздятъ за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ заразитъ“. Остается утѣшиться тѣмъ, что органъ и пропаганда Магницкаго не имѣли никакого вліянія на Прибалтійскую окраину.

---

[1]) Въ „Радугѣ“ печатались и духовныя проповѣди.

[2]) Баронъ Вильгельмъ Россильонъ (Rossilon) родился (1778 г.) въ Марбургѣ въ Германіи. Впослѣдствіи служилъ въ австрійской кавалеріи.

[3]) „Русская Старина“, 1875 г., т. XIV, стран. 487.

III [1]).

Двадцать пять лѣтъ послѣ прекращенія органа Магницкаго, успѣвшаго отойти въ область преданій и забытаго всѣми, именно въ концѣ 1858-го года, въ Ригу, изъ внутреннихъ губерній, прибылъ нѣкто Александръ Иверсенъ, который, какъ выяснилось впослѣдствіи, задался цѣлью издать русскую газету въ Ригѣ, надѣясь подобнымъ предпріятіемъ сдѣлать выгодную аферу и поправить свои пошатнувшіяся матеріальныя дѣлишки. И, дѣйствительно, вскорѣ онъ выпустилъ объявленіе объ изданіи имъ Ригѣ русскаго органа печати: газеты новостей, общеполезныхъ свѣдѣній, литературы и промышленности, подъ названіемъ: „Остзейскій Вѣстникъ“. Къ объявленію былъ приложенъ пробный нумеръ новой газеты, въ которомъ сообщалось: объ открытіи подписки на „Остзейскій Вѣстникъ“, подписная цѣна на который была назначена 5 руб. въ годъ безъ пересылки, помѣщена корреспонденція изъ „Пчелы“, стихотвореніе редактора-издателя, весьма нелѣпое, написанное имъ девять лѣтъ тому назадъ въ Крыму, „фельетонъ“ о погодѣ и мн. другое.

Несмотря на невыгодное впечатлѣніе, произведенное пробныхъ нумеромъ „Остзейскаго Вѣстника“, предпріятіемъ А. Иверсена заинтересовались многіе. Рижскіе русскіе купцы К. М. Наумовъ, А. А. Лебедевъ, П. И. Бочаговъ и Г. Ф. Рудаковъ, старались привлечь подписчиковъ на новую газету, чѣмъ, по свидѣтельству самого А. Иверсена, „доставили значительное облегченіе началу этого дѣла“. Заинтересовалась и пишущая братія новымъ органомъ печати на Прибалтійской окраинѣ, приславшая, какъ напр. П. Л. въ Дерптѣ и П. И. Д. въ С.-Петербургѣ, литературный матеріалъ, оказавшійся для редактора-издателя вновь испеченной газеты слишкомъ обширнымъ и ученымъ, такъ какъ его же главное дѣло „не ученость и не литература, а торговля, промышленность, хозяйство, общепонятныя свѣдѣнія, спекуляціи-съ,—а не философія: такова атмосфера нашего города, и чуть-ли не нашего времени“.

Первый же нумеръ „Остзейскаго Вѣстника“, вышедшій 3-го января 1859 года, показалъ, что редакторъ новой русской газеты на окраинѣ, А. Иверсенъ, не имѣетъ ничего общаго съ литературой, а спеціальность его—аферы. Во-первыхъ, мы находимъ въ этомъ нумерѣ длиннѣйшую и скучнѣйшую біографію тогдашняго прибалтійскаго генералъ-губернатора князя Ал. Арк. Суворова, печатавшуюся вслѣдъ за

[1]) Эта глава излагается въ сильно сжатомъ видѣ вслѣдствіе того, что въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1896 г., іюль, стран. 161 и слѣд. была помѣщена статья Ч. Вѣтринскаго объ „Остзейскомъ Вѣстникѣ“ (первая русская газета въ Прибалтійскомъ краѣ).

первымъ еще въ десяти послѣдующихъ нумерахъ; эту біографію Иверсенъ по всей вѣроятности печаталъ, желая обратить на себя вниманіе, а можетъ быть получить и матеріальную поддержку со стороны высшаго губернскаго начальства. Во-вторыхъ, онъ пользуется такими пріемами для увеличенія числа своихъ подписчиковъ, которые сразу подняли его самого на смѣхъ. Напр. въ томъ же первомъ нумерѣ „Остзейскаго Вѣстника“, въ отдѣлѣ „смѣси“ Иверсенъ помѣстилъ слѣдующее приглашеніе, которое, ради курьеза, печатаемъ полностью.

„По воскресеньямъ, въ 5 часовъ по полудни собираются въ моей квартирѣ, въ гор. Ригѣ на Эфонійской улицѣ, въ домѣ подъ № 19-мъ друзья мои, любители просвѣщенія и русской литературы. За чашкою чая и сигарою (sic!) мы толкуемъ объ „Остзейскомъ Вѣстникѣ“, и обо всемъ, касающемся до безпрестаннаго улучшенія этой газеты относительно ея содержанія и технической ея части. Вмѣняю себѣ пріятнымъ долгомъ просить къ себѣ въ помянутое время для совѣщанія желающихъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Кромѣ радушнаго и нелицемѣрнаго съ моей стороны пріема ручаюсь и за то, что ни одинъ полезный совѣтъ или чистосердечный намекъ не будутъ оставлены мною безъ услышанія и искренней признательности. Ред.“.

Однако, какъ князь А. А. Суворовъ не обратилъ никакого вниманія на свою біографію въ „Остзейскомъ Вѣстникѣ“, такъ и это курьезное „Приглашеніе“, подкрѣпленное corpus delicti „чашкою чая и сигарою“, на рижскую публику не подѣйствовало, и Иверсенъ, кромѣ ядовитыхъ насмѣшекъ со стороны рижскихъ „Нѣмецкихъ вѣдомостей“ и публики ничего не пріобрѣлъ. Впослѣдствіи, Иверсенъ въ своемъ „Вѣстникѣ“ откровенно сознается въ этомъ, разсказывая, что къ нему по этому поводу „явилось уже пятеро любителей русской литературы, одинъ съ тѣмъ, чтобы попросить у меня взаймы денегъ, трое съ неоплаченными счетами за печать, бумагу и проч., и наконецъ одинъ, промотавшійся гусаръ, въ надеждѣ, что ему удастся покутить“. Точно также и первая передовица Иверсена, трактовавшая о томъ, что въ Ригѣ дрова дороги и что лучше употреблять торфъ, въ виду чего

„желая ознаменовать осуществленіе „Остзейскаго Вѣстника“ новымъ предпріятіемъ, соотвѣтствующимъ благимъ намѣреніямъ начальства, редакторъ этой газеты вызываетъ желающихъ вступить съ нимъ въ совѣщаніе и соглашеніе по предмету объ учрежденіи въ гор. Ригѣ, по предварительномъ на то испрошеніи разрѣшенія начальства, общества для добыванія, улучшенія и складки въ этомъ городѣ, для мелочной и оптовой продажи, запасовъ торфа“.

Итакъ, редакторъ третьяго русскаго органа печати на Прибалтійской окраинѣ желаетъ ознаменовать появленіе въ свѣтъ его—открытіемъ торфянаго склада оптомъ и въ розницу, яко-бы „соотвѣтствую-

щимъ благимъ намѣреніямъ начальства". Понятно, что послѣ такого печатнаго заявленія редактора о совмѣщеніи литературнаго дѣла съ торговымъ предпріятіемъ, многіе изъ тогдашнихъ русскихъ рижанъ брезгливо отвернулись отъ бойкаго аферпста, дѣла котораго съ каждымъ днемъ стали все хуже и хуже. Иверсенъ не умѣлъ придать „Остзейскому Вѣстнику" мѣстнаго интереса, печатаетъ на столбцахъ выходящей три раза въ недѣлю (по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ) газеты такія вещи, какъ длиннѣйшее „описаніе чудеснаго исцѣленія купеческой жены Глафиры Артамоновой 26-го сентября 1858 года" (№ 24), разсужденія Аскоченскаго изъ „Домашней Бесѣды", нелѣпый, наполненный разными ужасами французскій бульварный романъ „Креолка или мексиканская месть" (№ 27—39) и т. д., и, къ довершенію всего, анекдоты изъ „Искры".

Послѣ трехмѣсячнаго существованія дни газеты были сочтены, хотя Иверсенъ разными способами пробовалъ отдалить близкій конецъ ея, напр., обращаясь къ петербургскому издательскому дому Струговщикова, Пахитонова и Водова съ просьбой принять на себя издательство; обращается въ газетѣ съ „искреннѣйшей просьбой, нижайшимъ поклономъ, рукожатіемъ и челобитной къ русскимъ читателямъ" своимъ (№ 37), прося „рекомендовать (знакомымъ и близкимъ) газету изъ одолженія и участія" къ нему, „дружескимъ образомъ" и т. д., восклицая при этомъ:

„Ужели мы не сможемъ посадить и возрости въ саду нашего общества древо, въ тѣни котораго будетъ сладко отдохнуть и намъ и юнымъ нашимъ будущимъ поколѣніямъ?.. Ужели мы будемъ пребывать спокойно сложа руки, въ наше благословенное время, — время, когда и самые отдаленные жители нашего отечества,—жители восточной Сибири, Кавказа, сѣверной Финляндіи, Урала, Украйны и Амура, сотряхая съ крыльевъ своихъ бездѣйствіе и пошлые предразсудки, съ ужасающимъ Европу (sic!) самоотверженіемъ слѣдуютъ благодѣтельному зову Отца-Монарха, зову, приглашающему всякаго изъ насъ къ подвигамъ добра и просвѣщенія? Да благословитъ Господь не пережить этого посрамленія въ виду всего нашего отечества!"

Но „подвиги добра и просвѣщенія", иначе: подписку на „Остзейскій Вѣстникъ" русскіе рижане не совершали и „въ виду всего нашего отечества"—посрамились. 4-го апрѣля 1859 года „Остзейскій Вѣстникъ" тихо заснулъ навѣки, а злополучный редакторъ его куда-то скрылся, преслѣдуемый своими кредиторами.

IV.

Прошло еще десять лѣтъ, и вотъ въ Ригѣ, гдѣ многое успѣло измѣниться къ лучшему, появляется съ 1-го января 1869 года новая русская газета: „Рижскій Вѣстникъ“. Она была вызвана къ жизни не съ цѣлью сдѣлать при помощи ея выгодную аферу, не ради наживы или какъ средство для пропаганды вредныхъ ученій, а желала только служить русскому дѣлу на Прибалтійской окраинѣ честно и безкорыстно. Появленіе перваго нумера ея не было ни для кого неожиданностью, ибо было общественное дѣло, являясь плодомъ пробужденія въ русскихъ рижанахъ національнаго самосознанія въ началѣ памятныхъ шестидесятыхъ годовъ. По этому поводу въ первомъ нумерѣ „Рижскаго Вѣстника“ напечатано:

„Шесть лѣтъ тому назадъ русскіе рижане были столь же многочисленны, какъ и нынѣ, такъ же усердно хлопотали они о своихъ торговыхъ дѣлахъ и заботливо занимались своими промыслами, какъ и нынѣ, но въ Ригѣ не было русскаго общества. Многочисленные члены этой, нынѣ дружной семьи русской были съ давнихъ временъ разрознены между собою вѣрованіями, занятіями, воспитаніемъ и даже убѣжденіями; они были разбросаны и затеряны между инородческимъ населеніемъ Риги. Купцы чуждались приказчиковъ, старообрядцы недовѣрчиво относились къ православнымъ, служащіе люди едва знали о существованіи русскихъ въ Ригѣ, и въ то самое время, какъ верхній слой русскаго населенія чуждался общественности и самопознанія, простой рабочій народъ былъ погруженъ въ крайнюю бѣдность, невѣжество и распущенность.

Казалось, не было надежды склонить въ одно эту разбросанную, разрозненную массу людей, пробудить въ нихъ великое народное чувство и призвать къ разумной общественной дѣятельности. Но на самомъ дѣлѣ зло было не такъ велико: русское національное чувство не умирало въ русскихъ сердцахъ и ждало, почти безсознательно, минуты пробужденія отъ вѣковаго сна.

Пробужденіе это совершилось въ исходѣ 1862 г., и съ той поры, когда началось единеніе русскихъ рижанъ, они успѣли достигнуть въ общественной жизни замѣчательныхъ успѣховъ, которые заслуживаютъ полнаго нашего вниманія.

1862 и 1863 годы, столь знаменитые для всей Россіи, оставили неизгладимыя воспоминанія въ памяти русскихъ рижанъ. Рижане никогда не забудутъ тѣхъ достойныхъ согражданъ, которые умѣли воспользоваться пробужденіемъ въ нихъ народнаго и общественнаго сознанія, чтобы направить это чувство на общее благо и на созданіе тѣхъ учрежденій, которымъ русское общество Риги можетъ нынѣ по справедливости гордиться.

Сигналъ къ сближенію русскихъ рижанъ былъ поданъ во время празднованія тысячелѣтія Россіи; русское общество и приказчики устроили по этому поводу особыя торжественныя собранія, и на этихъ собраніяхъ въ первой разъ сошлись лица безъ всякаго различія вѣроисповѣданій. Но это еще недостаточно. Лучшими дѣятелями того времени была задумана всесословная вечерняя бесѣда. Впервые собрались въ Ригѣ въ одну дружную семью люди торговые, духовные, ученые, чиновники и военные. Все было устроено для

пробужденія народнаго чувства. Всѣ рѣчи, произнесенныя присутствовавшими, были полны патріотическаго одушевленія и направлены къ одной цѣли, — къ сліянію всѣхъ русскихъ рижанъ. На этой вечерней бесѣдѣ говорилось о величіи Россіи, о значеніи нашей окраины Прибалтійской и о необходимости усиленія нашего здѣсь значенія чрезъ укрѣпленіе въ себѣ привязанности къ своей народности посредствомъ общественнаго единенія и распространенія образованія. Тутъ были дѣлаемы различныя заявленія и предложенія, встрѣченныя общимъ сочувствіемъ. Единогласно было рѣшено учредить въ Ригѣ общественную библіотеку, основать русскій клубъ и общество пѣнія, а также издавать русскую газету".

„Изъ всего, что было задумано въ концѣ 1862 года оставалась безъ всякаго примѣненія мысль о русской газетѣ. Но вотъ настаетъ 1869 годъ и „Рижскій Вѣстникъ"—глашатай русскихъ рижанъ вступаетъ на свѣтъ и привѣтствуетъ русское общество Риги счастливыми пожеланіями успѣха и единодушія въ дѣлахъ общественнаго развитія".

Разрѣшеніе издавать и редактировать въ Ригѣ газету „Рижскій Вѣстникъ" было дано главнымъ управленіемъ печати 30-го ноября 1868 года, на имя коллежскаго совѣтника Евграфа Васильевича Чешихина, на основаніи слѣдующей программы: „I) правительственныя распоряженія, II) текущія событія, мѣстныя и заграничныя, III) торговыя и биржевыя извѣстія, IV) историческія, статистическія, этнографическія и вообще научныя свѣдѣнія, V) смѣсь, городскія извѣстія, VI) объявленія". Фактически Е. Чешихинъ не состоялъ издателемъ новой газеты, а только отвѣтственнымъ редакторомъ; хозяйственною же частью, по довѣренности отъ учредителей, завѣдывалъ рижскій 1-ой гильдіи купецъ Е. Я. Осиповъ.

Что касается до направленія новаго органа печати, то редакторъ его Е. В. Чешихинъ, будучи хотя „мало виднымъ, но глубоко убѣжденнымъ представителемъ благороднаго строя московскаго славянофильства 40-хъ и 60-хъ годовъ и горячимъ поклонникомъ А. С. Хомякова, Ю. Ѳ. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковыхъ и др." [1]), съ самаго начала руководства газетою, занялъ русскую точку зрѣнія на дѣла Прибалтійской окраины, установленную Ю. Ѳ. Самаринымъ въ его знаменитыхъ „Рижскихъ письмахъ" 1846 г., а также другими выдающимися русскими мыслителями, публицистами и патріотами того времени. Если къ этому прибавить, что Е. В. Чешихинъ былъ воспитанникомъ II-го отдѣленія философскаго факультета [2]) Московскаго университета въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ памятное время Гоголя и Бѣлинскаго, время профессорства Грановскаго и знаменитыхъ

[1]) „Русская Старина", 1898 г., т. XCIII, стран. 544, Ч. Вѣтринскій: Е. В. Чешихинъ.

[2]) Нынѣ II-е отдѣленіе философскаго факультета Московскаго университета переименовано въ математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета.

*

въ исторіи русскаго просвѣщенія кружковъ западниковъ и славянофиловъ, то станетъ ясно, что для новаго органа русской печати на Прибалтійской окраинѣ найти лучшаго руководителя было—въ то время—невозможно. Чешихинъ поставилъ себѣ задачею всѣми силами поддержать развитіе и посильно способствовать утвержденію русскихъ началъ на Прибалтійской окраинѣ. Его біографъ Ч. Вѣтринскій [1]) говоритъ, что „не было ни одного болѣе или менѣе серьезнаго вопроса въ общественной жизни, на который бы онъ не откликнулся и не написалъ нѣсколько горячихъ строкъ". И дѣйствительно, уже въ первой своей передовой статьѣ [2]) онъ выражаетъ пожеланіе: „чтобы и на нашъ уголокъ земли пролились тѣ общія улучшенія и преобразованія, которыми нынѣ наслаждается почти вся Россія", указывая при этомъ на ожидаемыя судебныя и городскія реформы, учрежденіе русскихъ учебныхъ заведеній и мн. другое. Въ одномъ изъ ближайшихъ [3]) нумеровъ Е. В. Чешихинъ удачно отражаетъ нападки Лейпцигскаго журнала „Пограничный Вѣстникъ" на обрусительную политику въ Прибалтійскомъ краѣ. На важное значеніе русскихъ учебныхъ заведеній указывается въ № 7-омъ, въ № 9-омъ идетъ рѣчь о задачахъ Прибалтійскаго Православнаго Братства, въ № 11-омъ о неудобствѣ дѣйствующаго городоваго положенія и т. д.

Уже этотъ краткій перечень краснорѣчиво указываетъ направленіе новаго русскаго органа. Всѣмъ сразу стало ясно и понятно, что „Рижскій Вѣстникъ"—органъ дѣльный и серьезный, имѣющій русскіе взгляды. Сама редакція называетъ свои взгляды „старорусскими" и, между прочимъ, въ одной изъ своихъ передовыхъ статей [4]) замѣчаетъ, что этотъ ея взглядъ „потому и вѣренъ, что онъ старорусскій, древній, завѣщанный нашими дѣдами и отцами и укрѣпленный лучшими русскими людьми". Слѣдствіемъ такого направленія было то, что на народившуюся въ Прибалтійскомъ краѣ новую русскую газету было обращено вниманіе и въ спискѣ ея абонентовъ перваго же года находимъ имя е. и. в. великаго князя Алексѣя Александровича.

Сначала „Рижскій Вѣстникъ" выходилъ на листѣ небольшаго формата въ четыре страницы по три столбца убористой печати на каждой, два раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ. Подписная цѣна, безъ доставки, 3 рубля въ годъ. Однако первый годъ для газеты въ матеріальномъ отношеніи былъ крайне труднымъ: образовался дефицитъ

---

[1]) Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ. Біографія. „Русская Старина", 1898 г., т. XCIV, стран. 313.

[2]) „Рижскій Вѣстникъ", 1869 г., № 1.

[3]) Иностранныя газеты о Россіи, статья Е. В. Чешихина, „Рижскій Вѣстникъ", 1869 г., № 5.

[4]) „Рижскій Вѣстникъ", 1869 г., № 105.

въ 6.957 руб. 06 коп. при бюджетѣ въ 10.708 руб. 85 коп. [1]), который былъ покрытъ жертвованіями лицъ, стоявшихъ во главѣ изданія. Одинъ Е. Я. Осиповъ жертвовалъ 3.800 рублей. Однако съ 1870 года газета начинаетъ выходить ежедневно и печатается въ собственной типографіи, устроенной при помощи Е. Я. Осипова, вообще много потрудившагося на пользу русскаго дѣла на Прибалтійской окраинѣ.

Заканчивая первый годъ своего изданія, редакція говоритъ, что „Рижскій Вѣстникъ“ съ первыхъ же поръ былъ поддерживаемъ словомъ сочувствія и одобренія „коренныхъ, основныхъ русскихъ людей нашего отечества и нашей окраины“. Дальше ею отражаются нападки прибалтійской нѣмецкой печати въ томъ, что она „сильно поощряетъ дѣйствія мѣстнаго православнаго братства“, является сторонникомъ „ненавистныхъ“ нѣмецкой печати „Московскихъ Вѣдомостей“, Каткова, „дерзкаго“ „Голоса“, и „заносчивыхъ“ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, уклоняется отъ прямаго своего назначенія „быть посредникомъ между печатью мѣстною нѣмецкою и общерусскою, быть защитникомъ мѣстныхъ порядковъ (sic), противъ нападокъ нерѣдкихъ въ русской періодической литературѣ на учрежденія и ходъ дѣлъ въ Прибалтійской окраинѣ“ и т. д. Редакція „Рижскаго Вѣстника“ на это вполнѣ резонно отвѣчаетъ, что всѣ русскія газеты могутъ быть только одного мнѣнія по прибалтійскому вопросу и прибавляетъ:

„Всѣ русскіе органы общественнаго мнѣнія, нерѣдко не согласные между собою въ вопросахъ частныхъ и второстепенныхъ, совершенно согласны между собою въ вопросѣ общемъ и единогласно утверждаютъ, что въ Россіи не можетъ быть мѣста ни чему иному, кромѣ Россіи, и не можетъ быть никакого другаго патріотизма кромѣ русскаго“ [2]).

1870 годъ въ матеріальномъ отношеніи для газеты былъ прямо убійственнымъ. Типографія газеты перешла къ К. Штальбергу, и въ концѣ года образовался дефицитъ въ 6.610 руб., покрытый жертвованіями „на изданіе“ въ Ригѣ и Москвѣ (кружокъ И. С. Аксакова). Что же касается до внутренняго содержанія изданія, то редактора нельзя винить ни въ чемъ, хотя до конца 1870 года газета не имѣла ни одного платнаго сотрудника. Только въ концѣ 1870 года непосредственное участіе въ газетѣ принялъ Э. М. Вавра. Редакторъ Чешихинъ проявлялъ необычайную энергію, не бросая газеты, хотя имѣлъ массу служебныхъ непріятностей изъ-за нея, а также непріятностей цензурныхъ, матеріальныхъ [3]) и т. д. Съ 1871 года издате-

[1]) Эти и послѣдующія цифры заимствованы нами изъ отчета о хозяйственной части „Рижскаго Вѣстника“ за 1869 — 1894 гг. „Рижскій Вѣстникъ“, 1893 г., № 291.

[2]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1869 г., № 105.

[3]) „Русская Старина“, 1898 г., т. XCII, страп. 547 и слѣд.

лемъ газеты сдѣлался купецъ А. Ф. Еноховичъ, благодаря которому въ четыре года его издательства жертвованія „на изданіе“ достигли 23 тыс. руб. Съ 1874 г. издателемъ „Рижскаго Вѣстника“ дѣлается опять Е. Я. Осиповъ, администраторомъ А. І. Липинскій, къ которому перешла бывшая типографія „Рижскаго Вѣстника“.

Публицистическая сторона изданія всецѣло осталась прежнею. Еще въ 1871 году редакція „Р. В.“ послѣ изложенія программы изданія говоритъ [1]):

„Рижскій Вѣстникъ“ есть частное изданіе, основанное, какъ мы неоднократно уже говорили, русскими людьми въ интересахъ русскаго населенія и православной церкви въ Прибалтійскихъ губерніяхъ съ прямою и непосредственною цѣлью предоставить здѣшнему русскому населенію возможность высказать на своемъ родномъ языкѣ и во всякое время свои мысли, потребности и справедливыя желанія... Эта цѣль и его назначеніе вполнѣ ясны и точны. Два года мы, по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности, служили именно этимъ, а не какимъ-либо другимъ цѣлямъ. Не мудрствуя лукаво, мы неизмѣнно, неуклонно имѣли въ виду только свое и своихъ, и вездѣ, насколько намъ то было доступно и возможно, старались уяснить и развить слѣдующія наши основныя положенія:

1) Прибалтійскія губерніи составляютъ нераздѣльную часть Россіи, и если пользуются нѣкоторыми особенными правами противъ прочихъ губерній, то пользуются на столько и до того времени, на сколько и пока то угодно его императорскому величеству, самодержцу всей Россіи.

2) Мѣстные законы для Прибалтійскихъ губерній исходятъ отъ единой власти самодержавной.

3) Въ силу этого, сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній Прибалтійскихъ обязателенъ всякому живущему въ сказанныхъ губерніяхъ до тѣхъ поръ, пока его императорскому величеству благоугодно не будетъ отмѣнять онаго.

4) Прибалтійскія привилегированныя корпораціи пользуются извѣстною автономіею, на сколько то угодно верховной власти.

5) Русскіе, латыши, эстонцы, нѣмцы, населяющіе Прибалтійскія губерніи, суть члены русскаго государства и принадлежатъ къ единой семьѣ русской. Въ силу этого: а) русскій языкъ въ администраціи, въ казенныхъ школахъ Прибалтійскихъ губерній и на рижской биржѣ долженъ занять подобающее ему мѣсто и б) задача будущаго развитія Прибалтійскаго края должна заключаться, какъ то наше правительство неоднократно уже выражало, не въ выдѣленіи этого края изъ общаго нашего отечества, а въ полномъ сліяніи его съ нашимъ государствомъ, т. е. да сподобятся и прибалтійцы тѣхъ благъ, которыя уже дарованы государемъ другимъ губерніямъ.

Таковы наши основныя положенія, служившія намъ въ теченіе двухъ прошлыхъ лѣтъ исходными пунктами всѣхъ нашихъ бесѣдъ. Мы, не стѣсняясь, говорили, что въ Россіи не можетъ быть мѣста ничему иному кромѣ Россіи, и не можетъ быть другаго патріотизма кромѣ русскаго, и никогда не забывали прибавлять, что эти слова и мнѣнія высказаны давнымъ давно нашею національною печатью, слѣдовательно, не составляютъ никакой новости. Мы не забывали также прибавлять, что намъ вовсе не постыдно раздѣлять мнѣній

[1]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1871 г., № 1.

нашей національной печати. Не имѣемъ ни малѣйшей причины отступаться отъ разъ принятаго направленія нашихъ бесѣдъ и отъ сейчасъ только указанныхъ нами основныхъ положеній, которыхъ мы держались прежде и которыхъ измѣнять не имѣемъ поводовъ. Характеръ нашихъ бесѣдъ и въ будущемъ сохранится тотъ же, какимъ былъ до настоящаго времени. Не смѣемъ хвалиться занимательностью и новостію бесѣдъ (быть слишкомъ строгимъ къ провинціальному изданію никакъ нельзя, вслѣдствіе мелкости его плаванія и множества подводныхъ камней и мелей), но смѣемъ завѣрить читателей, что и въ будущемъ не назовемъ бѣлаго чернымъ, а чернаго бѣлымъ, какъ не называли до настоящаго време.. скорѣе прекратимъ вовсе бесѣду, чѣмъ скажемъ, что $^{9}/_{10}$ меньше $^{1}/_{10}$".

Подобные вышеизложен мъ взгляды „Рижскій Вѣстникъ" высказываетъ [1]), начиная четвертый годъ своей дѣятельности. Подводя итоги пятилѣтней дѣятельности, редакція говоритъ [2]) слѣдующее:

„Наши читатели, поддерживавшіе насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ во весь пятилѣтній періодъ нашего изданія, знаютъ, что „Рижскій Вѣстникъ" основанъ въ 1869 году въ интересахъ русскаго населенія въ Прибалтійскомъ краѣ. Основатели „Рижскаго Вѣстника" думали тогда и думаютъ нынѣ, что всякое изданіе въ Прибалтійскомъ краѣ, на какомъ бы языкѣ оно ни печаталось, не можетъ и не должно служить никакимъ другимъ интересамъ, кромѣ русскихъ".

Въ 1875 году матеріальное положеніе газеты нѣсколько улучшилось, благодаря заботамъ Осипова и Липинскаго, и въ газетѣ стали принимать участіе нѣсколько новыхъ сотрудниковъ, изъ которыхъ назовемъ г.г. Мальцова, кн. Урусова, Желтова, Штанге и др., а въ концѣ этого періода началъ помѣщать отдѣльныя статьи и нынѣшній редакторъ „Рижскаго Вѣстника" Леонидъ Николаевичъ Витвицкій. Съ 1881 года газета выходитъ подъ издательствомъ И. А. Шутова (А. І. Липинскій сложилъ съ себя должность администратора еще въ концѣ 1879 года). Въ этомъ году матеріальныя обстоятельства газеты улучшаются, благодаря ежегодно получаемой „Р. В." субсидіи изъ государственныхъ средствъ, размѣромъ въ 5.000 рублей [3]). Субсидія эта была высочайше разрѣшена „Р. В." въ виду необходимости изданія русской газеты на Прибалтійской окраинѣ въ томъ направленіи, какого держалась эта газета.

Съ 1881 года начинается сравнительно обезпеченное существованіе газеты, вслѣдствіе чего улучшилось и внутреннее ея содержаніе. 30-го ноября 1882 года главное управленіе по дѣламъ печати утвердило дворянина Л. Н. Витвицкаго къ качествѣ втораго редактора

---

[1]) Тамъ же, 1872 г., № 1.
[2]) „Рижскій Вѣстникъ", 1873 г., № 290.
[3]) „Рижскій Вѣстникъ", 1893 г., № 245.

„Рижскаго Вѣстника“, съ каковаго времени послѣдній выходилъ при совмѣстномъ редакторствѣ Е. В. Чешихина и Л. Н. Витвицкаго въ теченіе пяти лѣтъ, при чемъ послѣдній завѣдывалъ мѣстнымъ отдѣломъ, а Чешихинъ—общимъ. Въ это время въ быту нашей Прибалтійской окраины совершилось не мало событій, имѣющихъ для нея весьма важныя послѣдствія, какъ, напр., ревизія сенатора А. Манасеина, за которою послѣдовалъ цѣлый рядъ реформъ и много др. Настало время осуществленія преобразованій, предсказанныхъ „Рижскимъ Вѣстникомъ“, и все болѣе расчищалась почва и для развитія единственной русской газеты края. Само собою разумѣется, что во всѣхъ совершившихся событіяхъ газета принимала самое горячее участіе, разъясняя населенію края ихъ значеніе, стараясь убѣдить общество въ пользѣ и необходимости преобразованій и ратуя противъ всего, что затрудняло и тормозило успѣшное осуществленіе задуманныхъ реформъ. Приводить обширныя выдержки изъ статей для характеристики дѣятельности газеты за это время нѣтъ надобности, да и это не позволяютъ скромные размѣры нашей статьи. Достаточно сказать, что ни направленіе, ни характеръ газеты въ основныхъ своихъ чертахъ не измѣнились съ той поры, что̀ впрочемъ ясно видно изъ слѣдующей небольшой цитаты. Привѣтствуя 1885 годъ, редакція говоритъ [1]):

„Какъ въ политическихъ дѣлахъ, такъ и въ экономическихъ начинаютъ все болѣе сказываться національныя вліянія, и проглядываетъ стремленіе освободиться отъ дорогой и унизительной опеки инородца и иноземца. Дай Богъ, чтобы это новое теченіе все болѣе расширилось и крѣпло и чтобы подъ вліяніемъ его соединились всѣ народности, населяющія обширную Россію, въ единое, могущее государственное тѣло. Это теченіе не прошло и мимо нашихъ Прибалтійскихъ губерній, хотя и пока не въ той мѣрѣ, какъ того, быть можетъ, желали бы искренніе патріоты и добрые слуги Русской земли. Но Римъ построенъ не въ одинъ день, точно также и политическое единство Россіи создавалось столѣтіями, а для успѣховъ культурнаго, такъ сказать, единенія вошедшихъ въ составъ ея народностей нужно также не мало времени. Только время съ его благодѣтельною, все уравнивающею и всепримиряющею силою способно сгладить всѣ противорѣчія, всѣ различія, всѣ остатки старины, мѣшающіе полному сліянію всѣхъ населяющихъ Россію народностей не только въ единое государственное тѣло, но и въ единый русскій народъ. Укрѣпленія этого теченія, въ тѣсной связи съ которымъ находится и улучшеніе положенія всѣхъ русскихъ людей на здѣшней окраинѣ, мы желаемъ отъ души, вступая въ новый годъ“.

Въ 1888 году редакція „Рижскаго Вѣстника“ понесла большую утрату. 2-го марта скоропостижно скончался первый редакторъ „Р. В.“

[1]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1885 г., № 1.

и одинъ изъ ея основателей Е. В. Чешихинъ. Въ посвященномъ ему некрологѣ [1]) читаемъ, что усопшій, ставъ во главѣ „Р. В.“:

„водрузилъ въ этомъ духовно отчужденномъ отъ отечества краѣ патріотическое знамя, на которомъ твердою рукою было начертано: „Въ русскомъ государствѣ не должно быть стремленій, чуждыхъ русскимъ государственнымъ интересамъ!“ Съ этимъ желаніемъ въ рукахъ, не уступая ни пяди, ни на минуту не сходя съ своего поста, почившій стоялъ неизмѣнно во главѣ основаннаго имъ изданія, не поддаваясь неблагопріятнымъ теченіямъ и перемѣнчивымъ вліяніямъ, и дожилъ до той минуты, когда выставленный имъ лозунгъ перешелъ всецѣло въ программу мѣропріятій, нынѣ осуществляемыхъ для духовнаго возсоединенія края съ имперіей“.

Память этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля на Прибалтійской окраинѣ русскіе почтили постановкой памятника на его могилѣ въ рижскомъ Покровскомъ кладбищѣ, съ надписью: „Русскіе рижане основателю и редактору первой русской газеты „Рижскій Вѣстникъ“ на Прибалтійской окраинѣ и автору первой русской исторіи Ливоніи Е. В. Чешихину [2])“. Его же памяти посвящено его сыномъ Всеволодомъ Е. Чешихинымъ прочувствованное стихотвореніе [3]), изъ котораго мы беремъ слѣдующія строфы, прекрасно характеризующія покойнаго:

„Онъ вѣритъ: отъ Руси не отпадетъ ужъ больше
Тотъ край, что отпадалъ отъ Швеціи и Польши —
И онъ заботится, чтобъ сросся черепокъ,
Желѣзомъ срѣзанный, съ стволомъ первопачальнымъ,
И чтобъ народности животворящій сокъ
Ту воскреснлъ бы вѣтвь!—Съ порывомъ идеальнымъ
Онъ это говоритъ, душою вѣчно юнъ
И честенъ, и уменъ, не лжецъ и не болтунъ.
Не лжецъ и не болтунъ! Онъ любитъ мысли ясность,
До лицемѣрья онъ не унижаетъ гласность —
Того не хочетъ знать, что въ прессѣ есть одинъ
Доходнѣйшій отдѣлъ — молчанья, замолчанья,
Который можетъ дать почетъ, деньгу и чинъ!
Онъ вѣдаетъ лишь трудъ и бѣдности страданье,
И современности не льститъ онъ безъ стыда:
Несвоевременна вѣдь истина всегда!“

Послѣ смерти Чешихина „Рижскій Вѣстникъ“ вплоть до сихъ поръ выходитъ подъ единоличнымъ редакторствомъ Л. Н. Витвицкаго,

---

[1]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1888 г., № 49.

[2]) Эта надпись несогласна съ дѣйствительностью, на что̀ указано и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1895 г., кн. 7, стран. 159. Въ дѣйствительности Чишихинъ—первый редакторъ четвертаго русскаго органа печати на Прибалтійской окраинѣ.

[3]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1893 г., № 291.

ближайшаго сотрудника и достойнаго преемника почившаго перваго редактора газеты. Спустя нѣкоторое время послѣ этого въ газетѣ стали принимать участіе А. П. Троицкій и П. В. Самбикинъ.

Матеріальное положеніе газеты начало также мало-по-малу улучшаться, ибо она завоевала себѣ много сторонниковъ. Въ 1888 году въ кассу газеты поступило [1]) отъ подписки, объявленій и розничной продажи газеты—10.597 р. 25 коп., въ 1889 г.—14.292 руб. 97 коп., въ 1890—20.300 руб. 46 коп., а въ 1891—23.292 руб. 05 коп. Продолжающееся развитіе матеріальныхъ средствъ дало редакціи возможность произвести не маловажныя улучшенія въ изданіи. Уже до 1894 года въ ней между прочимъ принимали участіе: П. Г. Руцкій, С. М. Нюренбергъ (Сергѣй Марковъ), теперешній секретарь редакціи, Всеволодъ Е. Чешихинъ и Василій Е. Чешихинъ (Ч. Вѣтринскій) [2]), М. М. Кояловичъ, С. П. Уманецъ [3]) и мн. др.

Въ 1893 году исполнилось двадцатипятилѣтіе „Рижскаго Вѣстника“. Четверть вѣка онъ былъ постоянно на стражѣ русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Многіе столичные органы печати посвящали статьи дѣятельности своего провинціальнаго собрата. Между прочимъ „Новое Время“ выразилось такъ [4]):

„Смѣлое правдивое направленіе газеты завоевало общественныя симпатіи, заставило вѣрить ей, разрушило легенду о необходимости государства въ государствѣ и, что можетъ быть важнѣе всего, разбудило заснувшее самосознаніе мѣстнаго русскаго общества. Смерть Чешихина и переходъ редактированія въ руки г. Витвицкаго, ближайшаго сотрудника покойнаго, не отразилось на направленіи газеты. „Рижскій Вѣстникъ“ крѣпнетъ и развивается, продолжая честно служить общественнымъ интересамъ, здраво и трезво относясь ко всѣмъ нуждамъ края. Большой трудъ выпалъ на долю этой газеты, не мало упорнаго труда предстоитъ и впереди, но за двадцать пять лѣтъ сдѣлано очень много, намѣчены многіе новые пути, и „Рижскій Вѣстникъ“, закончивъ свое первое двадцатипятилѣтіе, можетъ безбоязненно оглянуться назадъ“.

Въ 1897 году въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ принималъ участіе не безъизвѣстный русскій беллетристъ-публицистъ Сергѣй Сафоновъ (Срг. Печоринъ). Начиная съ 20-го декабря того же года, „Рижскій Вѣстникъ“, не увеличивая прежней подписной платы, 6 руб. въ годъ, сталъ выходить въ форматѣ самыхъ большихъ провинціальныхъ изданій. По этому поводу редакція газеты говоритъ слѣдующее [5]):

---

[1]) То же.

[2]) В. Е. и Всев. Е. Чешихины съ 1895 года въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ не участвуютъ.

[3]) Послѣдніе два, жившіе въ Петербургѣ, принимаютъ участіе въ газетѣ отдѣльными статьями и корреспонденціями.

[4]) „Новое Время“, 1894 г., № 6411.

[5]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1897 г., № 280.

„Приближаясь къ тридцатому году своего существованія, наша газета появляется сегодня передъ читателями въ обновленномъ видѣ: она опять нѣсколько выросла, соотвѣтственно росту здѣсь русскаго общества, органомъ котораго она была съ самаго своего основанія. Довольно медленно совершался этотъ ростъ, но иначе и быть не можетъ: культурно общественныя перемѣны всегда требуютъ много времени, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, а вѣдь росту и усиленію вліянія русскаго общества обстоятельства не всегда благопріятствовали".

По этому же поводу „Новое Время" пишетъ [1]):

„Теперь въ Прибалтійскомъ краѣ народились и новыя русскія изданія, но среди нихъ „Рижскій Вѣстникъ" съ честью продолжаетъ занимать передовое мѣсто борца за русскіе и государственные интересы, за которые онъ началъ ратовать еще тогда, когда въ краѣ было такъ мало раздѣлявшихъ ея взгляды и интересы. Искренно желаемъ дальнѣйшихъ и быстрыхъ успѣховъ почтенному органу русской печати".

Этими благопожеланіями одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ органовъ печати мы закончимъ краткій обзоръ тридцатилѣтней гражданской службы „Рижскаго Вѣстника", всецѣло направленной въ пользу вѣры, царя и отечества.

V.

Къ числу неудачныхъ попытокъ основать русскія газеты въ Прибалтійскомъ краѣ нужно отнести затѣю преподавателя французскаго языка А. С. Петрова и К. Г. Левенштейна издать въ Митавѣ, Курл. губ., русскую газету въ 1889 году, подъ громкимъ заглавіемъ „Прибалтійскій Край", первый нумеръ которой узрѣлъ свѣтъ Божій 28-го ноября 1889 года. Новая газета выходила 2 раза въ недѣлю на листѣ довольно большаго формата и, съ первыхъ поръ, была довольно интересной, возбудила оживленную полемику, отличалась содержательностью, полнотою мѣстныхъ, особенно городскихъ извѣстій. По свидѣтельству „Рижскаго Вѣстника" [2]), „Прибалтійскій Край", несмотря на свою внѣшнюю тщедушность, остро бралъ на зубы мѣстныя дѣла и дѣлишки, чутко стерегъ русскіе интересы и иной разъ довольно удачно выворачивалъ на изнанку все балтійское нутро". И дѣйствительно, вновь народившемуся органу русской печати хотѣлось только радоваться, ибо редакторъ его въ первомъ же нумерѣ обѣщалъ:

[1]) „Новое Время", 1897 г., № 7841.
[2]) „Рижскій Вѣстникъ", 1890 г., № 30.

„держаться русско-народно-историческаго пути, на первомъ планѣ ставить интересы государственнаго единства, раздѣлять убѣжденія покойнаго Каткова и т. д.“, привелъ тутъ же мнѣніе послѣдняго: „все истинно хорошее въ краѣ, все согласное съ требованіями справедливости и пользы государственной въ высшемъ значеніи этого слова, можетъ быть сохранено и упрочено, разъ оно не заключаетъ въ себѣ никакого антагонизма съ устоями нашей государственной системы, и составляетъ только элементъ живаго органическаго разнообразія въ общей національной жизни великаго цѣлаго“, словомъ, обѣщалъ массу хорошаго. Что касается до содержанія газеты, то, по заявленію А. С. Петрова, онъ имѣлъ много хорошихъ сотрудниковъ, обѣщалъ еженедѣльно прилагать къ газетѣ особыя литературныя прибавленія, „въ которыхъ найдутъ себѣ мѣсто лучшія произведенія русской литературы какъ въ прозѣ, такъ въ стихахъ“ и проч. и проч. и проч.

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ, какъ мы указали выше, новая газета была очень интересна, но только потому, что всѣ дѣла въ редакціи правилъ нѣкто М. К., скромный литературный дѣятель и корреспондентъ нѣкоторыхъ столичныхъ газетъ, а оффиціальный редакторъ А. С. Петровъ „все подписывалъ, что онъ ни подавалъ“. Издателю газеты, Н. Г. Левенштейну, матеріальныя жертвы, которыя требовались газетою, вскорѣ стали въ тягость и послѣ выхода въ свѣтъ 10-го нумера „Прибалтійскаго Края“ онъ отказался отъ своихъ издательскихъ правъ на него. М. К. послѣ ухода издателя тоже послѣдовалъ за нимъ, а А. С. Петровъ взялся самъ за редактированіе „Края“, обратившись вскорѣ затѣмъ въ главное управленіе по дѣламъ печати съ ходатайствомъ объ утвержденіи издателемъ русской газеты бердичевскаго мѣщанина Сруля Пфефермана—еврея. Все это дало поводъ митавскому корреспонденту „Рижскаго Вѣстника“ писать, что „у насъ на горизонтѣ показался еврей изъ Бердичева, намѣревающійся насаждать въ краѣ русскія начала“. Вскорѣ послѣ этого карты раскрылись вполнѣ.

Хотя еще въ 10-омъ нумерѣ „Приб. Края“ мы читаемъ слѣдующій редакціонный отвѣтъ нѣкоему Кр. въ Ригѣ: „Благодаримъ за привѣтствіе. Успѣхъ газеты превзошелъ наши собственныя ожиданія“, тѣмъ не менѣе, съ уходомъ Н. Г. Левенштейна и М. К—а, дѣла газеты стали изъ рукъ вонъ плохи, такъ, какъ во-первыхъ, Петровъ потерялъ матеріальный кредитъ, и, во-вторыхъ, содержаніе газеты ухудшилось до такой степени, что въ мѣстныхъ извѣстіяхъ мы находимъ о митавскихъ дѣлахъ вырѣзки изъ „Рижскаго Вѣстника“. Обѣщанныхъ „литературныхъ прибавленій“ А. С. Петровъ тоже не далъ за неимѣніемъ матеріала. Все это подѣйствовало на судьбы „Прибалтійскаго Края“, и хотя Петровъ довелъ съ нѣсколькими перерывами газету

до 29-го мая 1890 года, она успѣха не имѣла и 44-ый нумеръ ея былъ послѣднимъ.

Какія цѣли имѣлъ въ виду А. Петровъ, основывая русскую газету въ Митавѣ, не трудно угадать. Прикрываясь русскимъ знаменемъ, издатели газеты, евреи Левенштейнъ и Пфеферманъ, подговоренные первымъ, дали ему средства на изданіе газеты какъ на хорошій гешефтъ, который затѣмъ оказался невыгоднымъ и который поэтому ими былъ брошенъ. Вотъ въ какихъ цѣляхъ и при какихъ обстоятельствахъ иногда нарождались „русскіе“ органы печати на Прибалтійской окраинѣ!

VI.

Начало девяностыхъ годовъ въ исторіи провинціальной печати ознаменовано нарожденіемъ многихъ органовъ „благодѣтельной гласности“, которые возникали то и дѣло. Въ Прибалтійскомъ краѣ въ это время были основаны газеты: „Ревельскій Городской Листокъ“, „Дерптскій Листокъ“, „Прибалтійскій Листокъ“ и впослѣдствіи: „Либавскія Новости“.

„Ревельскій Городской Листокъ“, первый нумеръ котораго вышелъ 1-го апрѣля 1890 года, издавался Я. Кервомъ, съ цѣлью „ознакомить вновь прибывшихъ въ край русскихъ людей съ условіями мѣстнаго быта и постоянно указывать на нужды населенія, оттѣняя ихъ по различнымъ уголкамъ губерніи“.

Новая газета выходила ежедневно въ довольно большомъ форматѣ по слѣдующей программѣ:

„1) важнѣйшія правительственныя распоряженія; 2) служебныя назначенія и перемѣны въ личномъ составѣ присутственныхъ мѣстъ Эстляндской губерніи; 3) хроника мѣстныхъ происшествій; 4) обозрѣніе мѣстныхъ газетъ; 5) отчеты о засѣданіяхъ городской думы; 6) замѣтки, касающіяся экономическихъ и другихъ сторонъ мѣстной жизни; 7) судебная хроника; 8) Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ судѣ, мировыхъ съѣздахъ и у мировыхъ судей; 9) биржевыя и торговыя извѣстія; 10) небольшія повѣсти и разсказы; 11) смѣсь; 12) музыкальный и театральный отдѣлы; 13) репертуаръ театра, извѣщенія о концертахъ и другихъ общественныхъ увеселеніяхъ, 14) объявленія“.

Выпуская въ свѣтъ первый нумеръ „Ревельскаго Городскаго Листка“, издатель-редакторъ Я. Кервъ скромно заявляетъ:

„Всякій новый органъ печати обыкновенно считаетъ себя какъ бы обязаннымъ въ первомъ своемъ нумерѣ отрекомендоваться передъ публикой и на-ряду съ болѣе или менѣе широкими обѣщаніями высказать тѣ цѣли и за-

дачи, которыя изданіе предполагаетъ преслѣдовать. Да извинятъ насъ читатели, если мы отступимъ отъ этого обычая. Изданіе ежедневной русской газеты въ Ревелѣ дѣло не только новое, но по мѣстнымъ условіямъ и крайне трудное. Приступаемъ мы къ нему, не скроемъ, съ нѣкоторою боязнью за свои силы и умѣнье справиться съ тѣми препятствіями, которыя надлежитъ нашему предпріятію преодолѣть. Поэтому мы считали бы преждевременнымъ связывать себя какими-либо обѣщаніями, кромѣ тѣхъ, которыя изложены въ программѣ нашего изданія. За одно только можемъ поручиться, что мы будемъ всегда искренно стоять на почвѣ русскихъ государственныхъ интересовъ и съ величайшей готовностью и признательностью приметъ содѣйствіе всѣхъ лицъ, которымъ эти интересы дѣйствительно дороги и близки къ сердцу".

Добросовѣстное отношеніе къ дѣлу со стороны редактора-издателя дѣлали свое: „Ревельскій Городской Листокъ", „газета мѣстныхъ интересовъ, литературная и политическая", имѣла успѣхъ, хотя въ началѣ бороться съ трудными матеріальными обстоятельствами редактору было не легко. Вслѣдствіе этихъ же обстоятельствъ, добрая половина „Листка" состояла изъ перепечатокъ, преимущественно изъ нашихъ историческихъ журналовъ: „Историческаго Вѣстника" и „Русской Старины", а также изъ мелочей—смѣси. Однако, желая возбудить интересъ къ газетѣ, редакторъ въ фельетонѣ печатаетъ разсказы, въ печати появляющіеся впервые. Таковъ разсказъ М. М. Л. „Ужасная среда" о карьеристѣ, соблазнившемъ молодую еврейку и затѣмъ женящемся на перезрѣлой княжнѣ. Разсказъ оканчивается эффектными словами: „и онъ твердыми шагами вошелъ въ спальню жены"... Гораздо хуже романъ „въ двухъ частяхъ" какого-то Окнемяля: „На зарѣ новой жизни", имѣющій чуть-ли не сотни двѣ „продолженій".

По балтійскимъ вопросамъ „Ревельскій Городской Листокъ" примыкаетъ и постоянно опирается объ авторитетъ старшаго собрата своего: „Рижскаго Вѣстника", „Листокъ"—преимущественно мѣстный органъ, а потому заграничныхъ свѣдѣній—почти что совсѣмъ не имѣется. Безспорно большой, на нашъ взглядъ, интересъ имѣетъ отдѣлъ: „Къ исторіи края".

Съ 20-го октября того же года, съ согласія главнаго управленія по дѣламъ печати, права на „Ревельскій Городской Листокъ" переходятъ къ ближайшему сотруднику Я. Керва—Михайлу Ляшенко, который придаетъ „Листку" общегазетный колоритъ. По заявленію М. Ляшенки, онъ взялъ на себя изданіе „Листка" при безусловно невыгодныхъ для него условіяхъ, но смотрѣлъ на изданіе на Прибалтійской окраинѣ русской газеты какъ на святое общественное дѣло, требующее всѣ силы тѣхъ людей, которые справедливо видятъ въ обрусеніи края его счастье, его благо.

М. Ляшенко привлекъ къ изданію въ качествѣ сотрудниковъ нѣсколько новыхъ лицъ, каковы: проф. П. А. Висковатый, М. М. Ли-

сицынъ, А. П. Павловъ, о. Евгеній Рахманинъ, И. Л. Шаталовъ и др., пріобрѣлъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ края, а также въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Парижѣ. Желая расширить газету, дабы имѣть возможность выйти изъ узкой рамки, обусловленной настоящимъ заголовкомъ ея, М. Ляшенко исходатайствовалъ разрѣшеніе главнаго управленія по дѣламъ печати на переименованіе „Ревельскаго Городскаго Листка“ въ „Колыванъ“ [1]), подъ какимъ названіемъ газета выходитъ съ 1-го января 1891 года. Вообще, время редакторства Ляшенки—лучшее для нея въ публицистическомъ смыслѣ. „Колыванъ“ дѣйствительно твердо стоялъ за русскіе интересы и очень не пришелся по вкусу „балтамъ“, стоявшимъ во главѣ съ цѣлою оравою разныхъ „цейтунговъ“ за былые порядки и старое „золотое“ время.

Съ іюля мѣсяца 1891 года „Колыванъ“ увеличиваетъ свой форматъ, и дѣла его вполнѣ хороши, только въ 1892 году они ухудшаются, и 16-го сентября 1892 года газета „временно пріостанавливается до утвержденія новаго редактора-издателя“ [2]).

Но „пріостановка“ „Колывани“ длилась вплоть до начала будущаго года, когда „Правительственный Вѣстникъ“ сообщилъ о передачѣ М. М. Ляшенко права изданія „Колывани“ женѣ статскаго совѣтника Варварѣ Янчевецкой, о переименованіи послѣдней этой газеты въ „Ревельскія Извѣстія“ и о утвержденіи, въ качествѣ редактора послѣдней, ораніенбаумскаго мѣщанина Карла Васильевича Керра.

Новая издательница и редакторъ крещенной въ третій разъ газеты поставили дѣло на болѣе простыхъ началахъ и хотя удерживаютъ часть сотрудниковъ „Колывани“, привлекаютъ новыхъ, какъ: П. Васильева, Ю. Лоссовскаго, Г. Ганзена, д-ра Спренжена и мн. др., изгоняя собственныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ и Москвѣ, а также дорого стоющія спеціальныя телеграммы. Вслѣдствіе этого газета принимаетъ сильно мѣстный колоритъ, удержавшійся вплоть до сихъ поръ. Фельетонъ состоитъ всецѣло изъ перепечатокъ, особенно въ послѣдніе годы. Въ 1893 году „Ревельскія Извѣстія“ печатаютъ эстскую народную поэму „Сынъ Калева“ въ переводѣ Н. Алексѣева и надѣлавшую много шуму драму Германа Зудермана „Честь“. Съ уходомъ же К. В. Керра—издатель-редакторъ „Ревельскихъ Извѣстій“ В. Янчевецкая—себѣ по отношенію къ содержанію газеты не позво-

---

[1]) Древнее—въ лѣтописяхъ—названіе Ревеля!

[2]) „Колыванъ“, 1892 г., № 203 (696). Прекращеніе газеты вызвано тѣмъ, что г. Ляшенко затратилъ на улучшеніе изданія много средствъ, надѣясь на поддержку публики, но эти надежды, къ сожалѣнію, не оправдались.

ляетъ такой роскоши. Особенно въ 1896, 1897 и 1898 гг. „Ревельскія Извѣстія“ содержатъ въ себѣ массу перепечатокъ, и ножницы—главный сотрудникъ этой газеты. Зато—прекращенія бояться нечего, и помѣщенный въ № 1, 1893 года „Рев. Извѣстій“ стихъ Н. Н. Тамарина-Окулова:

„Съ вѣрою въ правду, съ душой обновленной
Будемъ свершать мы свой путь,
Сбросимъ мы иго апатіи сонной,
Мысль не допустимъ — заснуть“.

исполняется хоть послѣдней своей частью.

VII.

Въ сентябрѣ 1891 года въ университетскомъ городѣ Дерптѣ (нынѣ Юрьевъ) Лифл. губ. появилось предварительное объявленіе на „газету общественно-литературную и политическую: „Дерптскій Листокъ“. При ближайшемъ разсмотрѣніи крошечнаго пробнаго нумера новаго органа русской печати съ вышеприведеннымъ громкимъ заглавіемъ, редакторомъ котораго былъ И. А. Юркатамъ, а издателемъ А. И. Гренцштейнъ (издатель эстонской газеты „Olewik“), оказалось, что вновь нарождающійся „Дерптскій Листокъ“, во-первыхъ: выходитъ разъ въ недѣлю, подписная плата на оный—80 копѣекъ въ годъ, и цѣль его,—обученіе русскому языку мѣстныхъ обывателей.

Пробный нумеръ, отпечатанный въ двойномъ размѣрѣ, содержалъ въ себѣ: передовую статью редактора, въ которой говорилось, что „Листокъ всѣми мѣрами будетъ способствовать изученію и распространенію русскаго языка въ нашемъ краѣ“, статейку А. А. Нэу о „голодѣ“, замѣтку (съ портретомъ) о пятидесяти-годичной кончинѣ М. Ю. Лермонтова, разсказъ М. М. Лисицына о томъ, какъ онъ былъ „Въ гостяхъ у графа Льва Толстаго“, замѣтку С. М. Нюренберга о „маленькомъ недугѣ“ и т. д. Тутъ же была помѣщена слѣдующая программа изданія:

„I. Вопросы изъ области языка и педагогики; II. Свѣдѣнія и сообщенія изъ области школьной жизни; III. Свѣдѣнія и сообщенія о сельскомъ городскомъ общественномъ управленіи; IV. Судебныя извѣстія; V. Свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и промышленности; VI. Свѣдѣнія изъ области наукъ и художествъ; VII. Краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ; VIII. Беллетристика; IX. Иллюстраціи; X. Объявленія“.

Какъ заголовокъ газеты, такъ и программа „Листка“ въ пору чуть не самому большому и серьезному органу печати. Помѣстить десять отдѣловъ на четырехъ страницахъ малаго формата—вещь прямо-таки невозможная. Иллюстрацій, за исключеніемъ помѣщеннаго въ пробномъ нумерѣ портрета Лермонтова, нѣтъ никакихъ. Всѣ отдѣлы группируются подъ общую рубрику: „Разныя извѣстія“, состоящую изъ перепечатокъ. Въ газетѣ же помѣщены два—три очерка изъ русскаго быта, каковы: „На ловлѣ красной рыбы“ А. Потѣхина, „Картины Малороссіи“ Л. Поливанова, „Москва бѣлокаменная“ и др. Печать крупная и слова снабжаются удареніями. Большая часть „Листка“ ушла подъ біографіи нашихъ писателей. Такъ въ немъ помѣщены біографіи: Пушкина, Плетнева, Я. К. Грота, Вяземскаго, Кольцова, Фонвизина и мн. др.

Несмотря на благую цѣль, преслѣдуемую листкомъ, онъ черезъ годъ прекратился, не встрѣтивши въ мѣстномъ населеніи никакого сочувствія.

VIII.

Прямымъ продолженіемъ „Дерптскаго Листка“, но только на болѣе широкихъ основаніяхъ, была еженедѣльная политическая и литературная газета „Прибалтійскій Листокъ“, выходившая въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ) подъ редакторствомъ бывшаго редактора „Дерптскаго Листка“ И. А. Юркатама. Пробный нумеръ новой газеты, издателемъ которой состоялъ М. М. Лисицынъ, вышелъ еще въ концѣ декабря 1893 года на хорошей бумагѣ въ форматѣ: „Недѣли“ Гайдебурова, объемомъ въ 8 страницъ. Въ передовой статьѣ новой русской газеты между прочимъ было сказано, что „Прибалтійскій Листокъ“ желаетъ:

„принести посильную пользу въ изученіи мѣстными обывателями государственнаго языка, въ разъясненіи государственныхъ реформъ, служить объединенію эстовъ и латышей съ русскимъ народомъ на почвѣ общихъ духовныхъ интересовъ и потребностей и ставитъ себѣ задачею содѣйствовать сближенію Прибалтійской окраины съ центромъ, на началахъ примиренія народностей и взаимнаго ознакомленія культурнымъ путемъ, памятуя также изреченіе великаго патріота земли русской И. С. Аксакова, что „русскій народъ никакой народности не билъ и бить не охотникъ“.

На первыхъ порахъ нѣкоторые органы русской печати, какъ напр. „Московскія Вѣдомости“ и „Рижскій Вѣстникъ“, отнеслись къ вновь народившемуся органу русской печати съ явнымъ недовѣріемъ, на-

вѣяннымъ издателями газетъ вродѣ Петровыхъ, Пфефермановъ и К°. „Прибалтійскій Листокъ“ съ первыхъ же нумеровъ сталъ на какую-то среднюю почву, не проповѣдывая яростно обрусительную политику и не отрицая важности и громаднаго значенія русскаго дѣла на Прибалтійской окраинѣ. Сначала даже нѣкоторые нѣмецкіе органы балтійской печати германскаго направленія, какъ напр. „Dvina Zeitung“, „Ztg. f. Stadt und Land“ признали было „Листокъ“ чуть-ли не за своего союзника, но потомъ разочаровались и начинаютъ нападать на него, какъ въ былое время и на „Рижскій Вѣстникъ“, яко-бы не исполняющій прямаго своего назначенія: быть нѣмецкой газетой на русскомъ языкѣ.

Новая газета имѣла слѣдующіе постоянные отдѣлы: „Мѣстная и прибалтійская хроника“, „Внутреннія дѣла“, „Наша печать“ и „Краткій обзоръ политическихъ событій“, составляемые, кстати сказать, довольно интересно. Печатается много корреспонденцій, разсказовъ и стихотвореній.

И. А. Юркатамъ оставилъ редакторство въ листкѣ съ половины 1894 года, съ каковаго времени она редактируется М. М. Лисицынымъ.

Желая сдѣлать газету поинтереснѣе, Лисицынъ исходатайствовалъ разрѣшеніе главнаго управленія по дѣламъ печати на выпускъ въ качествѣ приложеній къ еженедѣльной газетѣ „Прибалтійскій Листокъ“ ежедневнаго листка телеграммъ, каковыя дѣйствительно выходили во время болѣзни и кончины государя Александра Александровича въ октябрѣ мѣсяцѣ 1894 года. Ежедневныя прибавленія не окупались и выпускъ ихъ былъ прекращенъ еще въ 1894 году.

Заканчивая первый годъ своей дѣятельности, редакція „Прибалтійскаго Листка“, между прочимъ, говоритъ [1]) слѣдующее:

„Мы поставили себѣ задачею служить сближенію Прибалтійской окраины съ центромъ на началахъ примиренія народностей и взаимнаго ознакомленія культурнымъ путемъ, памятуя также изреченіе великаго патріота земли русской И. С. Аксакова, что „русскій народъ никакой народности не билъ и бить не охотникъ“. Такое направленіе явилось новымъ въ мѣстной русской печати и возбудило оживленную полемику между „Прибалтійскимъ Листкомъ“ и нѣкоторой частью мѣстной русской печати. Но послѣ первыхъ же полемическихъ статей по этому поводу наши противники, къ большей выгодѣ русскаго дѣла на здѣшней окраинѣ, измѣнили свой тонъ въ обсужденіи мѣстныхъ дѣлъ, стали обнаруживать больше сдержанности по отношенію къ населяющимъ край народностямъ и стали далеко не такъ заносчиво самоувѣрены въ своихъ приговорахъ относительно общаго хода дѣлъ. Съ другой стороны, мѣстная не русская печать, узнавъ наше искреннее желаніе, защищая русское дѣло, относиться съ уваженіемъ къ правамъ и интересамъ представляемыхъ ею народностей,—отнеслась и къ нашему юному и скромному органу сочув-

[1]) „Прибалтійскій Листокъ“, 1894 г., №№ 51—52.

ственно, не разъ на своихъ страницахъ обращая вниманіе читателей на наше посильное стремленіе честно послужить общему дѣлу сближенія окраины съ центромъ".

Конечно, все, что говорится редакціей „Прибалтійскаго Листка" въ вышеприведенной нами выдержкѣ, принять за чистую монету—нельзя, но справедливо только то, что умѣренность „Листка" пріобрѣла ему много подписчиковъ и среди нерусскаго населенія края, особенно среди народныхъ учителей, которые почти поголовно становились корреспондентами-сотрудниками молодой газеты.

Для успѣха газеты въ Юрьевѣ, г. Лисицынъ, который, кромѣ того, содержалъ русскій книжный магазинъ, открылъ при ней безплатный кабинетъ для чтенія газетъ и журналовъ, доступный подписчикамъ ея. Дѣла газеты стали настолько хороши, что въ концѣ 1895 года издатель ея помышляетъ о перенесеніи изданія—въ Ригу. По этому поводу онъ пишетъ въ послѣднемъ нумерѣ „Листка" за 1895 годъ слѣдующее:

„Съ января наступающаго года изданіе нашей газеты переносится въ Ригу. Мы надѣемся, что перенесеніе это отразится благотворно и съ внѣшней и съ внутренней стороны на нашемъ изданіи. Съ нашимъ направленіемъ и руководящими взглядами, чуждыми пристрастія и партійности, наши читатели уже знакомы. Мы останемся имъ вѣрны всюду и вездѣ, куда бы ни переселились. Но издавать газету въ маленькомъ уѣздномъ, хотя и университетскомъ городѣ и въ центрѣ административной и торгово-промышленной дѣятельности края конечно не все равно. Не говоря уже о большой широтѣ захватываемыхъ интересовъ и открывающихся горизонтовъ, въ губернскомъ городѣ можно скорѣе и вѣрнѣе получить административныя новости, правильнѣе освятить и разъяснить многія явленія мѣстной жизни, мало понятныя изъ провинціальнаго далека".

Желая привлечь возможно большее число подписчиковъ, редакція хватается за нѣчто „американское". Еще въ 47-омъ нумерѣ „Листка" за 1895 годъ появилось слѣдующее объявленіе отъ редакціи ея, воспроизведенное нами со всей точностью:

„Безплатная художественная премія для подписчиковъ „Прибалтійскаго Листка" на 1896 г.

Желая доставить удовольствіе нашимъ годовымъ подписчикамъ, мы вошли въ соглашеніе съ художественной мастерской „Александра въ Парижѣ", извѣстной своими художественно исполненными картинками, чтобъ имѣть возможность предложить безплатно каждому изъ нашихъ подписчиковъ писанный масляными красками его собственный портретъ — по высланной въ нашу редакцію фотографической карточкѣ и съ приплатою къ подписной платѣ расходовъ по пересылкѣ. Ред."

Подобные не литературные пріемы въ какихъ-либо комментаріяхъ съ нашей стороны не нуждаются.

*

Первый нумеръ „Прибалтійскаго Листка“ за 1896 годъ выходитъ уже въ Ригѣ, въ сильно увеличенномъ объемѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція объявляетъ, что правильный выпускъ нумеровъ по случаю перенесенія газеты сюда отложенъ до апрѣля 1896 года. Редакція опять твердитъ, что

„Прибалтійскій Листокъ“ является газетою національной, будучи убѣжденъ однако, что русскій національизмъ долженъ быть чуждъ обскурантизма, нетерпимости и травли другихъ народностей“.

Однако, правильный выпускъ нумеровъ газеты начинается только съ начала мая этого года. Издательство газеты перешло номинально къ В. В. Троицкой, а фактически ея издателемъ состоитъ директоръ вагоннаго завода „Фениксъ“ въ Ригѣ А. А. Крюгеръ. Редактируется онъ по-прежнему М. М. Лисицынымъ.

А. А. Крюгеръ устроилъ для газеты собственную типографію и пригласилъ къ участію въ газетѣ нѣсколько постоянныхъ сотрудниковъ, какъ напр., Василія Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго), Всеволода Чешихина, Евг. Блюменталя (Евгеній Шаранцевъ), Б. Ю. Криндача (Каппа) и мн. др. Благодаря ему же, газета изъ недѣльной съ половины 1896 года превратилась въ ежедневную литературную, общественную и политическую газету съ обширной программой.

Съ 2-го іюня 1897 года редакторомъ „Листка“ подписывается издательница (номинальная) его В. В. Троицкая. Редакторомъ же приглашенъ бывшій членъ редакціи „Петербургскаго Листка“ Иванъ Соколовъ, подъ руководствомъ котораго „Листокъ“ сталъ довольно интересной газетой, занимающей не послѣднее мѣсто въ длинномъ спискѣ русскихъ провинціальныхъ изданій.

IX.

Въ заключеніе мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе на оригинальную попытку въ нашей ежедневной печати, каковымъ представляется издающаяся въ Либавѣ М. В. Юршевицомъ и Р. Нерингомъ газета „Либавскія Новости“, выходящая на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Органъ этотъ возникъ въ самое послѣднее время, въ 1897 году, редактируется М. В. Юршевицомъ довольно интересно и носитъ сильный мѣстный оттѣнокъ. Газета не пускается въ обсужденіе разныхъ животрепещущихъ вопросовъ Прибалтійскаго края, предоставляя это тремъ старшимъ русскимъ газетамъ „Рижскому Вѣстнику“, „Прибалтійскому Листку“ и „Ревельскимъ Извѣстіямъ“. Благодаря подписной цѣнѣ (2 руб. въ годъ безъ пересылки) оригинальная газета

пріобрѣла себѣ массу читателей и въ будущее смотритъ, спокойная за свою судьбу.

Оглядываясь теперь на слишкомъ восьмидесятилѣтнюю, хотя и не безпрерывную дѣятельность русскаго печатнаго слова на Прибалтійской окраинѣ, мы видѣли массу тяжелыхъ испытаній и горькихъ лишеній въ борьбѣ за существованіе свое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянное движеніе впередъ, т. е. то же, что и въ развитіи всего русскаго общества края, съ которымъ печать, какъ органъ его, неизбѣжно должна была идти рука объ руку, если она не хотѣла погибнуть. Всякій успѣхъ печати показываетъ, что русское общество двигается впередъ и, наоборотъ: тормозится развитіе послѣдняго, плетется коекакъ и печать, или же временно совсѣмъ прекращается. Но, сравнивая мысленно условія, при которыхъ приходилось существовать русской печати въ былое и настоящее время, мы чувствуемъ, что можемъ смотрѣть съ надеждою въ будущее. Если при самыхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ, русская печать хотя медленно и съ значительными перерывами все же развилась и заняла, наконецъ, видное мѣсто среди многочисленныхъ нерусскихъ органовъ печати Прибалтійской окраины, то мы можемъ смѣло надѣяться, что отнынѣ ея развитіе пойдетъ гораздо успѣшнѣе и русское печатное слово пріобрѣтетъ и здѣсь то руководящее значеніе и вліяніе, которымъ оно пользуется въ остальныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества. Для этого необходимо, конечно, чтобъ и само русское общество Прибалтійской окраины росло, входило въ силу и сообщало эту животворящую силу и русской печати Прибалтійскаго края, точно такъ же, какъ эта печать отдаетъ всѣ свои силы на служеніе ему и вмѣстѣ съ тѣмъ общему ихъ „русскому“ дѣлу.

Гаральдъ.

Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола.

Приказъ начальника гл. штаба его императорскаго величества.
СПБ. 1826 г. генваря 8 дня. № 2.

Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, по сдѣланнымъ открытіямъ и по показаніямъ соучастниковъ, оказался однимъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, стремящихся къ общему безпокойствію и нарушенію благосостоянія государства, имѣющихъ уже прежде за нѣсколько лѣтъ самыя злодѣйскія намѣренія противъ правительства и самой жизни блаженныя памяти покойнаго государя императора Александра Павловича. Въ то самое время, какъ по открытіи сего преступленія, приступлено было къ арестованію подполковника Муравьева-Апостола, онъ нанесъ нѣсколько ранъ полковому своему командиру подполковнику Гебелю и успѣлъ возмутить часть Черниговскаго пѣхотнаго полка, подъ тѣмъ же ложнымъ предлогомъ сохраненія вѣрности прежде данной присяги его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу. Онъ арестовалъ посланныхъ за нимъ фельдъегеря и жандармовъ, ограбилъ полковую казну, освободилъ закованныхъ каторжныхъ колодниковъ, содержавшихся въ Васильковской городской тюрьмѣ, и предалъ городъ неистовству нижнихъ чиновъ. Три роты подъ командою маіора Трухина остались вѣрными своему законному государю и ушли отъ мятежниковъ, а полковой адъютантъ, поручикъ Павловъ, спасъ полковую печать и бумаги. Главнокомандующій 1-ю арміею

предписалъ ближайшему корпусному командиру, генералу-отъ-инфантеріи князю Щербатову, отправиться самому съ нужнымъ числомъ войскъ для уничтоженія сей шайки злоумышленниковъ и для возстановленія прежняго порядка въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, употребляя къ тому мѣры должной строгости и не щадя бунтовщиковъ. Хотя можно было надѣяться, что сими мѣрами совершенно прекратятся послѣдствія сего преступленія, но для избѣжанія и малѣйшаго опасенія, если бы сверхъ ожиданія преступники могли скрыться отъ преслѣдованія генерала князя Щербатова, его императорское величество препоручилъ его высочеству цесаревичу принять на сіе время подъ начальство свое войска 3-го пѣхотнаго корпуса, для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго наказанія мятежниковъ.

Государь императоръ, принявъ за правило дѣйствовать со всею откровенностью предъ войсками, коихъ вѣрность и непоколебимость къ законной власти испыталъ при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: объявить имъ о всемъ вышеизъясненномъ, дабы, предавъ ихъ презрѣнію имя преступника Муравьева-Апостола, сдѣлать извѣстными имена подполковника Гебеля, маіора Трухина и поручика Павлова, заслуживающихъ непоколебимымъ усердіемъ своимъ уваженіе храбрыхъ и вѣрныхъ россійскихъ войскъ.

При самомъ утвержденіи сего приказа получено донесеніе отъ главнокомандующаго 1-ю арміею съ рапортомъ отъ командира 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенанта Рота къ генералъ-адъютанту князю Щербатову, въ копіи при семъ приложеннымъ, что возмущеніе Черниговскаго полка совершенно прекращено. Подписалъ начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ.

Рапортъ командира 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенанта Рота командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанту князю Щербатову, отъ 3-го генваря 1826 г. за № 13 изъ мѣст. Фастова (получ. 5 генваря въ 8 час. вечера).

Узнавъ по прибытіи моемъ вчерась на ночь въ дер. Мохначку, что подполковникъ Муравьевъ съ мятежниками, по полученнымъ извѣстіямъ о моемъ движеніи, оставилъ намѣреніе идти чрезъ Фастовъ въ Брусиловъ; перемѣнивъ свое намѣреніе, шелъ къ Бѣлой Церкви, въ надеждѣ успѣть овладѣть у графини Браницкой значительной суммой, я сего числа въ три часа по полуночи выступилъ съ кавалеріею и конной артиллеріею, давъ направленіе генералъ-маіору Гейсмару съ двумя орудіями и 3-мя эскадронами къ дер. Устимовкѣ; я же съ 5-ю эскадронами и 6-ю орудіями шелъ чрезъ Фастовъ, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступленіе, направивъ равномѣрно

по полуночи 12 ротъ пѣхоты съ 4-мя пѣшими орудіями съ Большаго Половецкаго на Малую Бѣлую Церковь. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ и по приближеніи, въ часъ по полудни, генералъ-маіора Гейсмара къ дер. Устимовкѣ, гдѣ мятежники защищались, но по нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ орудій положили оружіе. Подполковникъ Муравьевъ раненъ; братъ его застрѣлился; одинъ офицеръ убитъ, кромѣ другихъ раненыхъ и убитыхъ. О чемъ вашему сіятельству имѣю честь сдѣлать первое донесеніе.

Рапортъ командира 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенанта Рота отъ 3-го генваря 1826 г. за № 16 изъ с. Трилѣсы, главнокомандующему 1-ю арміею генералу-отъ-инфантеріи графу Сакену (получ. 6-го генваря въ 10 час. утра), объявленный при приказѣ начальника главнаго штаба его императорскаго величества отъ 9-го генваря за № 3.

Спѣшу донести вашему сіятельству чрезъ нарочнаго, что послѣ выступленія моего изъ мѣст. Поволоча, по двухдневномъ преслѣдованіи возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, имѣвшаго при себѣ 6 ротъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, я успѣлъ его окружить съ трехъ сторонъ. Середній отрядъ настигъ мятежниковъ на Устиновской высотѣ, близъ дер. Пологовъ (Васильковскаго уѣзда), гдѣ Муравьевъ-Апостолъ, увидя приближеніе нашихъ войскъ, построилъ мятежниковъ своихъ въ каре и, взявъ на руку, пошелъ прямо на орудія. Каре сей, бывъ принятъ картечнымъ огнемъ, разстроился; тогда кавалерія сдѣлала атаку, всѣ мятежники бросили оружіе и до 700 человѣкъ нижнихъ чиновъ сдались, равно какъ и самъ подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, который весьма тяжело раненъ картечью и сабельнымъ ударомъ въ голову, штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, поручикъ Быстрицкій, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и братъ Муравьева-Апостола, отставной подполковникъ; убиты же поручикъ Кузьминъ-Шипила и свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части подпрапорщикъ Муравьевъ-Апостолъ (также братъ подполковника); кромѣ сего ранено и убито нѣсколько нижнихъ чиновъ. Со стороны нашей нѣтъ ни раненыхъ, ни убитыхъ. Донося о семъ вашему сіятельству, имѣю честь испрашивать разрѣшенія, какъ поступать со взятыми и обезоруженными мятежниками, которые завтрашняго числа по приказанію моему будутъ отправлены за конвоемъ въ дивизіонную квартиру 9-й пѣхотной дивизіи, мѣст. Бѣлую Церковь, гдѣ они будутъ приведены къ присягѣ на вѣрное подданство его величеству государю императору Николаю Павловичу и содержаны подъ присмотромъ. Дѣлая вашему сіятельству мое донесеніе, что мятежъ совершенно прекращенъ, я считаю долгомъ присовокупить, что войска, употребленныя

для усмиренія онаго, оказали величайшее усердіе и похвальнѣйшій духъ. Нижніе чины, бывшіе съ Муравьевымъ-Апостоломъ, вообще не защищались и видно, что они только обманомъ были завлечены къ буйству. 1-я же гренадерская рота Черниговскаго пѣхотнаго полка не только не послѣдовала ихъ примѣру, но еще отстранилась отъ нихъ и примкнула ко мнѣ; что я отношу отличной твердости и достоинствамъ капитана оной Козлова. О семъ происшествіи донесено мною всеподданнѣйше его императорскому величеству сего числа за № 17.

Приказъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества.
Генваря 20-го дня 1826 г. № 7.

Черниговскаго пѣхотнаго полка первая гренадерская рота подъ начальствомъ капитана, что̀ нынѣ маіоръ, Козлова, при возникшемъ въ семъ полку мятежѣ, сохранила непоколебимую вѣрность къ престолу и, удаляясь отъ злоумышленниковъ, явилась къ настоящему начальству, гдѣ съ ревностью способствовала къ покоренію мятежниковъ. Государь императоръ, во вниманіе къ таковой вѣрности и отличному усердію, высочайше повелѣть соизволилъ всѣхъ чиновъ оной роты перевесть въ полки лейбъ-гвардіи. Подписалъ начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ.

Высочайшій приказъ 9-го генваря 1826 г. Г. СПБ.

Производятся за отличіе по службѣ:

Черниговскаго пѣхотнаго полка командиръ подполковникъ Гебель въ полковники.

Маіоръ Трухинъ въ подполковники.

Капитанъ Козловъ въ маіоры.

Поручикъ Павловъ 1-й въ штабсъ-капитаны.

Высочайшій приказъ 16-го генваря 1826 г.

Его императорское величество объявляетъ высочайшую благодарность: командиру 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенанту Роту 1-му, начальнику 3-й гусарской дивизіи генералъ-лейтенанту Ридигеру 1-му, генералъ-маіорамъ: командующему 9-й пѣхотной дивизіею Тихановскому 1-му и командиру 2-й бригады 3-й гусарской дивизіи барону Гейсмару, также гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ войскъ, находившихся при покореніи мятежниковъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, полковъ: гусарскихъ, принца Оранскаго, Александрійскаго, Маріупольскаго, Кременчугскаго пѣхотнаго, 17-го егерскаго, артиллеріи: 9-й бригады легкой № 2-го, конной № 5-го, ротъ и первой гренадерской роты Черниговскаго пѣхотнаго полка, за отлично исправное исполненіе возложеннаго на нихъ порученія и бывшимъ въ семъ отрядѣ

нижнимъ чинамъ всемилостивѣйше жалуетъ по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки вина на человѣка.

Высочайшій приказъ 28-го генваря 1826 г.

Высочайшее благоволеніе начальнику 25-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Гогелю за благоразумныя и соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры, принятыя по случаю возникшаго въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку возмущенія.

Высочайшій приказъ 27-го февраля 1826 г.

Его императорское величество объявляетъ высочайшее свое благоволеніе гусарскихъ полковъ: генерала графа Витгенштейна:

Порутчикамъ: Пьянковичу 2-му, Энгельгардту, Ракшанину и корнету Сендецкому.

Принца Оранскаго: штабъ-ротмистрамъ Ушакову, Адамовичу и Штеину.

Порутчику князю Корлбушъ-Воронецкому, корнетамъ Рославлеву и графу Ивеличу, за усердіе и вѣрность, оказанную ими при покореніи мятежниковъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.

Указъ Е. И. В. Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената.

По указу е. и. в. Правительствующему Сенатъ въ общемъ московскихъ департаментовъ собраніи слушали: предложеніе г. министра юстиціи ген.-отъ-инф.-и-кав. кн. Лобанова-Ростовскаго, что г. военный министръ за отсутствіемъ г. нач. гл. шт. е. и. в. препроводилъ къ нему, для внесенія въ Правительствующій Сенатъ, засвидѣтельствованную копію съ высочайше конфирмованнаго въ 12 день минувшаго іюля всеподданнѣйшаго доклада аудиторіатскаго департамента, Черниговскаго пѣхотнаго полка о штабсъ-капитанахъ Маевскомъ, баронѣ Соловьевѣ, порутчикахъ Сизиневскомъ, Петинѣ и другихъ, сужденныхъ за участіе въ произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ мятежѣ. Означенную копію съ всеподданнѣйшаго доклада аудитор. департамента онъ, г. министръ юстиціи, предложилъ Правительствующему Сенату, присовокупляя, что о исполненіи послѣдовавшей по оному докладу высочайшей конфирмаціи, какъ увѣдомилъ его, г. министра юстиціи, военный министръ, по воинской части надлежащее распоряженіе уже сдѣлано. Всеподданнѣйшимъ же докладомъ аудиторіатскій департаментъ его императорскому величеству въ высочайшее благоусмотрѣніе представлялъ заключеніе свое слѣдующаго содержанія: что по разсмотрѣніи дѣла находитъ оный департаментъ:

1-ое. Изъ подсудимыхъ шт.-кап. баронъ Соловьевъ и порутч. Сухиновъ, принадлежа тайному славянскому обществу, избравшему себѣ противозаконныя правила стремиться на испроверженіе установленнаго въ государствѣ порядка, были вѣрными сподвижниками и участниками во всѣхъ злыхъ замыслахъ возмутителя подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола; ибо они, Соловьевъ и Сухиновъ, въ то время, какъ Муравьевъ и братъ его, по высочайшему повелѣнію, арестованы Гебелемъ въ селеніи Трелѣсахъ, забывъ должное къ званію его уваженіе, для освобожденія Муравьевыхъ, вмѣстѣ съ ними и порутчиками Кузьминымъ и Щипиллою сдѣлали на Гебеля нападеніе, и отобравъ у часовыхъ ружья, причинили ему оными жестокія раны, потомъ съ возмущенными Муравьевымъ двумя ротами, когда вошелъ онъ въ городъ Васильковъ, изъ нихъ Сухиновъ, слѣдуя впередъ съ толпою возмущенныхъ солдатъ и повстрѣчавъ подполк. Трухина, съ частію нижнихъ чиновъ шедшаго навстрѣчу Муравьеву-Апостолу, окружилъ ихъ сею толпою, при чемъ сорваны были съ Трухина эполеты и шпага и онъ посаженъ на гаубтвахту, откуда тогда же выпущены всѣ арестанты, въ томъ числѣ и Соловьевъ, который, до вступленія еще Муравьева, пріѣхавъ въ Васильковъ, былъ Трухинымъ арестованъ; послѣ сего Сухиновъ, съ тою толпою отправясь въ квартиру полковаго командира, взялъ тамъ знамена и казенный ящикъ, а переночевавъ съ Муравьевымъ въ Васильковѣ и способствуя они, Соловьевъ и Сухиновъ, ему уговорить еще бывшія тамъ три роты присоединиться къ нимъ, находились оба при чтеніи полковымъ священникомъ на площади предъ всѣми ротами составленнаго Муравьевымъ-Апостоломъ и подпорутчикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ возмутительнаго катехизиса, наполненнаго оскорбительными выраженіями противу верховной власти съ превратнымъ истолкованіемъ текстовъ священнаго писанія, и потомъ провозгласивъ мнимую свободу, отправились изъ Василькова съ тѣми ротами подъ командою Муравьева-Апостола, имѣвшаго намѣреніе возмутить вблизи квартировавшія войска; но на пути бывъ преслѣдованы воинскимъ отрядомъ, изъ нихъ Соловьевъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, а Сухиновъ бѣжалъ, и, укрываясь въ разныхъ мѣстахъ, составилъ себѣ фальшивый паспортъ. Прапорщикъ же Мазалевскій, по вступленіи Муравьева-Апостола съ двумя ротами въ Васильковъ, тотчасъ присоединился къ нему, и, по приказанію его занявъ постъ караульнаго офицера на заставѣ, останавливалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Васильковъ; при чемъ взявъ подъ арестъ прибывшихъ туда двухъ жандармскихъ офицеровъ и произнося къ нимъ угрозы, посадилъ ихъ на гаубтвахту, отобралъ имѣвшіяся у нихъ деньги, далъ изъ оныхъ 25 рублей бывшимъ въ караулѣ солдатамъ на водку, а прочія до

ставилъ Муравьеву; потомъ, по повелѣнію его, переодѣвшись въ партикулярное платье и получивъ три возмутительныхъ катехизиса, отправился въ г. Кіевъ съ однимъ унт.-офицеромъ и тремя рядовыми, у коихъ велѣлъ спороть погоны, дабы не узнали, какой они дивизіи; а по прибытіи въ Кіевъ приказалъ бросить сіи катехизисы на улицахъ; однако при возвращеніи оттуда на дорогѣ былъ схваченъ и взятъ подъ арестъ; сверхъ того зналъ онъ, Мазалевскій, о существовавшемъ въ 3-мъ корпусѣ тайномъ обществѣ, но не донесъ о семъ начальству.

2-ое. Подпорутчикъ Быстрицкій до вступленія еще Муравьева-Апостола съ возмущенными имъ двумя ротами въ г. Васильковъ, былъ командированъ подполк. Трухинымъ въ мѣст. Германовку, для принятія подъ начальство свое состоявшей въ командѣ барона Соловьева 2-ой мушкетерской роты, прибылъ съ оною въ Васильковъ 31 дек. 1825 года, по выступленіи уже оттуда Муравьева-Апостола, и узнавъ, что онъ вооруженною рукою заставилъ всѣхъ повиноваться, рѣшился соединиться съ полкомъ единственно изъ боязни быть насильно захваченнымъ отъ однополчанъ его, или отъ самого Муравьева-Апостола, и потому, не остановясь въ Васильковѣ, пошелъ съ ротою въ сел. Мотовиловку, гдѣ сдалъ ее барону Соловьеву; потомъ находился при мятежникахъ до самаго пораженія ихъ и взятъ былъ воинскимъ отрядомъ съ оружіемъ въ рукахъ; а хотя Быстрицкій обстоятельствами дѣла не уличенъ въ принадлежности его тайному обществу и въ знаніи о настоящей цѣли Муравьева-Апостола и сообщниковъ его, но виновенъ Быстрицкій въ томъ, что по приходѣ въ г. Васильковъ съ ротою, не испросивъ отъ начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ оттуда и, передавъ роту въ руки мятежниковъ, самъ при нихъ остался, чѣмъ и сдѣлался сообщникомъ ихъ.

3-е. Шт.-кап. Маевскій, порутчики Петинъ и Сизиневскій и подпорутчикъ Войниловичъ, видя противозаконныя и возмутительныя дѣйствія Муравьева-Апостола, присоединились къ сообществу его и исполняли данныя отъ него повелѣнія; поелику изъ нихъ Петинъ, командуя 2-ою гренадерскою ротою, когда прибылъ къ нему Муравьевъ-Апостолъ изъ сел. Трилѣсъ послѣ причиненія тамъ увѣчья полковнику Гебелю, не старался узнать, для чего онъ приказалъ сей ротѣ быть въ готовности; а видя, что Муравьевъ-Апостолъ поилъ солдатъ водкою и говорилъ имъ: „служите за Бога и вѣру для вольности“, не воспротивился Муравьеву въ таковыхъ злыхъ его замыслахъ, но послѣдовалъ за нимъ съ тою ротою въ Васильковъ; естли же Петинъ, какъ объяснился предъ судомъ, не имѣлъ возможности противу угрозъ Муравьева воспротивиться, по крайней мѣрѣ при

началѣ еще возмущенія обязанъ былъ, замѣтивъ противозаконное Муравьева обольщеніе нижнихъ чиновъ, внушить имъ прямую ихъ обязанность; и тогда, буде бы они не послушались, изыскать средства отстать отъ мятежниковъ. Маевскій же, Сизиневскій и Войниловичъ, ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщниковъ его принуждены были исполнять волю ихъ, имѣли совершенную возможность, не подвергая жизнь свою опасности, удалиться отъ нихъ; ибо Маевскій, получа отъ Муравьева дозволеніе, ѣздилъ изъ Василькова въ селеніе Плисецкое, гдѣ квартировала бывшая въ командѣ его рота, для взятія оставшихся тамъ вещей и жалованья; Войниловичъ посыланъ Муравьевымъ съ приказаніемъ отъ него въ 1-ую гренадерскую роту, которая обще съ капитаномъ Козловымъ не присоединилась къ Муравьеву, и не повѣривъ никакимъ ложнымъ его обольщеніямъ, удалилась и ушла въ дивизіонную квартиру; а Сизиневскій, по выступленіи Муравьева-Апостола изъ Василькова, оставался еще тамъ нѣсколько времени съ тяжестями; но за всѣмъ тѣмъ они, Маевскій, Войниловичъ и Сизиневскій, не отставъ отъ мятежниковъ, послѣдовали за ними; а послѣ уже, какъ они, такъ и Петинъ, почувствовавъ заблужденіе свое, бѣжали и добровольно явились къ начальству.

4-ое. Подпорутчики Рыбаковскій, Кондыревъ и прапорщики князь Мещерскій, Апостолъ-Кегичъ и Бѣлелюбскій, по вступленіи Мурав. Апостола въ Васильковъ, были также присоединены имъ къ мятежнической его шайкѣ и изъ нихъ Рыбаковскій находился по приказанію его въ караулѣ у заставы, а послѣ всѣ они послѣдовали изъ Василькова за Муравьевымъ при возмущенныхъ ротахъ; но на пути отставъ отъ оныхъ, ушли и добровольно явились своему начальству. Предъ судомъ всѣ они объявили, что, боясь угрозъ, пристали къ мятежникамъ; а изъ дѣла видно, что съ Кондырева, когда повстрѣчался онъ съ Сухиновымъ и съ бывшею съ нимъ толпою нижнихъ чиновъ, сорваны эполеты, и тогда же онъ, Кондыревъ, вмѣстѣ съ подполковн. Трухинымъ посаженъ на гаубтвахту; Апостолъ же Кегичъ, возвращавшійся въ Васильковъ съ жандармскимъ порутчикомъ Несмѣяновымъ, былъ взятъ у заставы Мазалевскимъ и арестованъ, а Бѣлелюбскій, при вступленіи Муравьева въ Васильковъ, находясь въ караулѣ на гаубтвахтѣ и имѣя у себя нижнихъ чиновъ не болѣе 8 человѣкъ, не могъ сдѣлать никакого сопротивленія противъ мятежниковъ, которые заряженными пистолетами угрожали его лишить жизни; но въ то время, какъ онъ былъ ими посланъ снять караулы, скрылся, не исполнивъ того, и на другой уже день, случайно увидѣвъ его, Муравьевъ принудилъ слѣдовать за нимъ; сверхъ того полковн. Гебель и подполковникъ Трухинъ удостовѣрили, что Кондыревъ, князь

Мещерскій и Апостолъ-Кегичъ насильно были увлечены мятежниками и къ сообществу ихъ не принадлежали; а васильковскіе городничій и земскій исправникъ объяснили суду: городничій, что Кондыревъ приходилъ къ нему въ отчаяніи и слезахъ и, объявляя, что слѣдуетъ за Муравьевымъ по неволѣ, просилъ засвидѣтельствовать о семъ предъ начальствомъ, и что съ подобными объявленіями и просьбами также приходили къ нему, городничему, Рыбаковскій, Апостолъ-Кегичъ и князь Мещерскій, сказывая, что за всѣми ими былъ отъ Муравьева-Апостола особый надзоръ; а послѣдній, то есть земскій исправникъ, что Кондыревъ и Рыбаковскій точно являлись къ нему и спрашивали адъютанта Павлова; при чемъ Кондыревъ съ заплаканными глазами говорилъ, что онъ по принужденію Муравьева посланъ за Павловымъ. По сему вина ихъ, Рыбаковскаго, Кондырева, князя Мещерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, что послѣдовали за Муравьевымъ, не воспротивясь ему, заслуживаетъ снисхожденія, тѣмъ болѣе, что изъ сопротивленія однихъ ихъ, какъ въ полку младшихъ и въ командѣ своей никакихъ частей не имѣвшихъ, было бы безполезно.

5-ое. Хотя подпорутч. Молчановъ преданъ суду по случаю, что имѣлъ связь съ подпорутч. Вадковскимъ, его родственникомъ, который былъ членомъ тайнаго общества и пріѣзжалъ къ Муравьеву въ Васильковъ въ день произведеннаго имъ возмущенія; но Молчановъ по судопроизводству ни въ чемъ виновнымъ не оказался: ибо Вадковскій предъ отъѣздомъ своимъ къ Муравьеву читалъ только Молчанову полученную отъ Муравьева записку о томъ, что ихъ тайное общество открыто; однако не пояснялъ, въ чемъ именно оное состояло и, слѣдовательно, доносить начальству о томъ, чего Молчановъ настояще не зналъ и что прежде сего было открыто, почиталъ онъ уже ненужнымъ; при томъ и противу показаній Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ въ намѣреніи убить генералъ-лейтенанта Рота, онъ, Молчановъ, не сознался и по дѣлу нѣтъ въ томъ никакихъ доказательствъ. Соображая всѣ сіи обстоятельства съ прописанными въ сентенціи военнаго суда законами, аудиторіатск. д-ментъ признаетъ изъ подсудимыхъ барона Соловьева, Сухинова и Мазалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ ихъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни; сверхъ того полагаетъ: а) сообщниковъ подполковника Муравьева-Апостола порутчиковъ Кузьмина и Щипиллу, прапорщика квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, согласно съ мнѣніемъ главнокомандующаго 1-ою арміею, изъ списковъ выключить, какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ приличному христіанскому погребенію не дѣлать; но, поставя висѣлицу, къ вѣчному ихъ посрамленію, прибить

подъ оною имена ихъ. б) Подпорутчика Быстрицкаго за то, что, прійдя съ ротою въ Васильковъ, по выходѣ уже оттуда Муравьева-Апостола, и не испросивъ отъ начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ, и передавъ роту въ руки мятежниковъ, остался при нихъ и послѣ взятъ обще съ ними съ оружіемъ въ рукахъ, лиша чиновъ и дворянск. достоинства и переломя надъ головою его шпагу, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. в) Штабсъ-капит. Маевскаго, порутчиковъ Петина и Сизиневскаго и подпорутчика Войниловича, за исполненіе приказаній Муравьева-Апостола, видя дѣйствія его возмутительными и противозаконными, во уваженіе, что они, признавъ послѣ заблужденіе свое, отстали отъ него и добровольно явились начальству, лиша чиновъ и дворянск. достоинства, написать въ рядовые, опредѣливъ въ дальніе гарнизоны. г) Подпорутчиковъ Рыбаковскаго и Кондырева, прапорщиковъ князя Мещерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, не имѣвшихъ намѣренія къ возмущенію, но противу желанія ихъ увлеченныхъ съ собою Муравьевымъ-Апостоломъ и бѣжавшихъ отъ него, какъ скоро нашли случай, и тогда же явившихся къ начальству, пріемля во вниманіе неопытность ихъ и молодыя лѣта, посадить въ крѣпость на полгода, для возчувствованія оказаннаго ими при возмущеніи малодушія, и потомъ опредѣлить ихъ на службу. д) Подпорутчика Молчанова, какъ виновнымъ ни въ чемъ неизобличеннаго, освободивъ отъ суда и ареста, отправить на службу. е) За оказавшіяся въ недостаткѣ въ Черниговскомъ пѣхотн. полку послѣ происшедшаго въ ономъ мятежа аммуничныя вещи взыскать исчисленную Коммисаріатскимъ департаментомъ сумму 1.170 руб. $8^{3}/_{4}$ коп. съ имѣнія подсудимыхъ: Соловьева, Сухинова, Мазалевскаго, Быстрицкаго, Маевскаго, Петина, Сизиневскаго и Воиниловича, какъ признанныхъ по сему дѣлу виновнѣйшими. ж) Порутчика гусарскаго принца Оранскаго полка князя Коребушъ-Воронецкаго, который при производствѣ сего дѣла уличенъ въ несправедливомъ начальству донесеніи о взятіи якобы имъ въ селеніи Гребенкахъ во время означеннаго мятежа капитана Фурмана и рядоваго Башмакова съ 30-ю человѣками бунтовщиковъ и въ удержаніи у себя отобранныхъ у рядоваго Черниговскаго пѣхотн. полка Евдокима Степанова 18 рублей серебр., кои тотчасъ не возвратилъ, но доставилъ оныя уже по востребованіи начальствомъ, арестовать за тѣ неприличные поступки на 3 мѣсяца съ содержаніемъ на гаубтвахтѣ.

На подлинномъ высочайшая его имп. вел. конфирмація за собственноручнымъ его вел. подписаніемъ воспослѣдовала такова: „барона Соловьева, Сухинова и Мазалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства, и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ при собраніи командъ изъ полковъ 9 пѣх. дивизіи,

подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ ихъ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и о прочихъ, равно и касательно взысканія денегъ за растраченныя аммуничныя вещи быть по мнѣнію аудиторіатскаго департамента. Николай. Въ Царск. Селѣ, іюля 12 дня 1826 года". Приказали о сей высоч. его имп. велич. конфирмаціи, воспослѣдовавшей на докладѣ аудит. д—та съ прописаніемъ заключенія того д—мента, дать знать отъ Сената печатными указами, перечислено куда именно. Августа 9-го дня 1826 года.

Начальникъ артиллеріи гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, рапортомъ отъ 19-го іюля 1826 г. за № 1333 донесъ начальнику артиллеріи 1 арміи, генералу-отъ-артиллеріи кн. Яшвилю:

Государь императоръ 14-го числа сего мѣсяца при бывшемъ молебствіи и освященіи Исакіевской площади соизволилъ лично объявить мнѣ, что даритъ его императорскому высочеству генералъ-фельдцейхмейстеру двѣ 6 фунт. пушки и два $^1/_4$ пуд. единорога лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады легкой № 1 роты, дѣйствовавшіе 14-го декабря 1825 г. противъ мятежниковъ и разсѣявшіе ихъ, приказалъ отвезти сіи орудія того же дня во дворецъ его высочества и донесть ему о семъ прямо съ нарочнымъ курьеромъ.

Выполнивъ высочайшую волю, имѣю честь донесть о семъ вашему с—ву и покорнѣйше испрашиваю повелѣнія о выключкѣ подаренныхъ орудій и объ отпускѣ въ легкую № 1 роту вмѣсто ихъ другихъ орудій.

Предписаніе командира 7-й артиллерійской бригады командиру легкой № 2 роты.

По изслѣдованіямъ о тайномъ обществѣ открывается:

1) Что многіе изъ арестованныхъ офицеровъ, которые по формулярнымъ и кондуитнымъ спискамъ аттестованы были хорошо, оказались съ дурными умственными и нравственными свойствами, а нѣкоторые привязанными къ пьянству и игрѣ. Г. главнокомандующій арміею, усмотрѣвъ нѣсколько примѣровъ сему, не подверженныхъ ни малѣйшему сомнѣнію, и находя, что такая безпечность о подчиненныхъ или пагубное для службы снисхожденіе къ слабостямъ ихъ, даетъ ходъ къ чинамъ и степенямъ недостойнымъ, безполезнымъ и даже вреднымъ людямъ, препятствуетъ имъ раскаяться и исправиться, а другимъ даетъ поводъ къ развратy, требуетъ, чтобы аттестація была показываема по самой сущей справедливости, безъ малѣйшаго послабленія.

2) Что отлучки офицеровъ отъ своихъ мѣстъ не только по своимъ, но и по чужимъ полкамъ и ротамъ сдѣлались обыкновеніемъ до такой степени, что безпорядки сіи не считаются даже нарушеніемъ дисциплины. Наглость и легкомысліе молодыхъ офицеровъ положили тому начало, а слабость ротныхъ, баталіонныхъ и полковыхъ командировъ, собственное незнаніе ихъ службы, достоинства и правъ своего званія утвердили сіе зло такъ, что офицеры пользуются онымъ какъ бы своимъ правомъ. Почему г. главнокомандующій арміею предписываетъ о принятіи всѣми начальниками самыхъ строгихъ мѣръ, чтобы впредь офицеры оставались постоянно при своихъ мѣстахъ и не смѣли отлучаться отъ оныхъ иначе какъ по надобностямъ службы и тогда только въ законномъ порядкѣ, то-есть, чтобы отъѣзжая, изъ роты въ полковую штабъ-квартиру, каждый являлся прежде къ своему ротному и баталіонному командирамъ, и тоже исполнять сіе возвратившись. Порядокъ сей долженъ съ точностью распространяться на баталіонныхъ и полковыхъ командировъ, которымъ также нѣтъ надобности разъѣзжать по чужимъ полкамъ и баталіонамъ, какъ то дѣлали Тизенгаузенъ, Муравьевъ-Апостолъ и нѣкоторые другіе. Равнымъ образомъ штабъ и оберъ-офицеры не должны имѣть постояннаго пребыванія въ полковыхъ штабъ-квартирахъ, но непремѣнно въ тѣхъ ротахъ и даже капральствахъ, къ коимъ они причислены, и что, если впредь офицеръ встрѣченъ будетъ внѣ черты расположенія полка или артиллерійской роты, въ коей онъ состоитъ, безъ письменнаго вида отъ своего полковаго или ротнаго командира, то гражданское начальство имѣетъ порученіе арестовать таковаго и представить ближайшему начальству внутренней стражи, и въ такомъ случаѣ отвѣтственность падетъ на г.г. полковыхъ и баталіонныхъ командировъ, равно и начальниковъ артиллерійскихъ ротъ.

Объявляю о семъ вслѣдствіе повелѣнія г. начальника 7 пѣх. дивизіи отъ 22-го сего мая за № 858. Предписаніе сіе должно быть объявлено безъ исключенія всѣмъ г.г. офицерамъ ввѣренной вамъ роты и на ономъ каждый долженъ росписаться, что читалъ. Подписалъ полковникъ Савочкинъ.

Повелѣніе командира войскъ 3 пѣх. корпуса генералъ-лейтенанта Рота начальнику артиллеріи корпуса генералъ-маіору Богословскому 11-го мая 1826 г. № 1280.

Г. главнокомандующему арміею неоднократно доводимо было до свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ о полученныхъ отъ нѣкоторыхъ служащихъ офицеровъ письмахъ, гдѣ они увѣдомляли о происшествіяхъ, въ точности имъ неизвѣстныхъ, и о коихъ они не имѣли права входить въ разсужденіе, какъ-то на счетъ мятежа, тайнаго общества и

разныхъ распоряженій правительства; нынѣ его сіятельство вновь получилъ увѣдомленіе о письмѣ, писанномъ въ Москву однимъ офицеромъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, съ таковыми же нескромными извѣстіями и жалобою на непріятность службы, за что̀ и подвергъ его должному взысканію.

Увѣдомляя о семъ ваше превосходительство, я предлагаю предписать г.г. артиллерійскихъ ротъ командирамъ, дабы они, собравъ всѣхъ офицеровъ, объявили имъ о семъ съ присовокупленіемъ, что офицерамъ ни въ какомъ случаѣ не позволительно разглашать происшествія, до службы и правительства касающіяся, и тѣмъ употреблять во зло довѣренность, которая дѣлается сему званію, почему и требовать отъ нихъ, дабы въ письмахъ своихъ сообщали только то, что собственно до нихъ касается, не упоминая ни въ какомъ случаѣ о дѣлахъ, до службы и правительства относящихся. Подписалъ генералъ-лейтенантъ Ротъ.

Начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества—главнокомандующему 1 арміею. Рапортъ отъ 21-го апрѣля 1826 г. за № 656.

Изъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія государства, составивъ тайныя подъ разными наименованіями общества, старались привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами благонамѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто бы единственною цѣлью распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности, человѣколюбіе и проч., дабы впослѣдствіи уже, удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи. Хотя изысканіе комитета обнаруживаетъ, что изъ сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе при самомъ принятіи ихъ въ общества оставили оныя, а другіе оставались еще членами, не постигая тайныхъ цѣлей общества; но когда, вслѣдствіе состоявшагося 21-го августа 1822 года высочайшаго рескрипта на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требованы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ изъясненіемъ въ тѣхъ обстоятельствахъ: къ какой именно масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ, тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеписанныхъ обстоятельствахъ, не объявилъ о томъ въ выданномъ отъ него обязательствѣ, и многіе вѣроятно тогда заключили,

что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали къ онымъ безъ особенныхъ клятвъ, по одному обѣщанію. Таковое неисполненіе высочайшаго соизволенія, имѣя видъ умышленнаго сокрытія тѣхъ обществъ, должно бы подвергнуть виновныхъ строгому взысканію, но государь императоръ, желая употреблять мѣры строгости въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ и уменьшать число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія объ общемъ благоденствіи сіе позволяетъ, высочайше повелѣть соизволилъ истребовать по всему военному вѣдомству вновь обязательства отъ всѣхъ г.г. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, и если кто прежде къ какому-либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ, то съ подробнымъ изъясненіемъ въ обязательствѣ его; подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его и какія мѣры предполагались употреблять для достиженія той цѣли. При требованіи сихъ обязательствъ должно быть объявлено всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и проч., по обязательствамъ черезъ клятву или честное слово, и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія тѣ, кои содѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ безъ всѣхъ формъ, клятвъ и обязательствъ, чрезъ разговоры при встрѣчахъ внѣ ложъ, думъ, управъ, или знали о сихъ обществахъ, обязаны объяснять о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно, со всею откровенностью, и что сокрытіе того, послѣ сего оказаннаго монаршаго снисхожденія, подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію, какъ государственныхъ преступниковъ.

О сей высочайшей волѣ донося вашему сіятельству, я покорнѣйше прошу обязательства сіи, по собраніи ихъ, доставить ко мнѣ для доклада его императорскому величеству.

Генер.-фельдм. 27-го іюля 1826 г., за № 1627, далъ знать нач. арт. 1-й арміи, что отъ высоч. учрежден. коммиссіи для изысканія о злоумышленномъ обществѣ была представлена на благоусмотрѣніе государя императора записка, заключающая свѣдѣнія о прикомандированномъ къ гвард. конной арт-ріи прапорщ. конно-арт. № 9 роты графѣ Коновницынѣ, который по поступкамъ своимъ во время присяги его императорскому величеству навлекъ на себя подозрѣніе въ участіи съ сообщниками тайнаго злоумышленнаго общества. Его импер. вел., по разсмотрѣніи сей записки, повелѣлъ перевесть прап. графа Коновницына въ конную батарейную № 23 роту и препору-

чить его бдительному секретному надзору. Предписывается имѣть за нимъ строжайшій надзоръ и ежемѣсячно доносить о его поведеніи.

Нач-къ артиллеріи гвард. корпуса генер.-адъют. Сухозанетъ 19-го іюля 1826 г., за № 1333, донесъ нач-ку арт. 1-й арміи, что 14-го іюля при освященіи Исаковской площади государю имп-ру благоугодно было подарить его имп. в-ству ген.-фельдм. двѣ 6 фн. пушки и два $^1/_4$ пуд. единорога лейб.-гв. 1-й артиллер. бригады легкой № 1-й роты, дѣйствовавшія 1-го декабря прошлаго 1825 г. противу мятежниковъ, кои того же числа и отвезены во дворецъ вел. князя Михаила Павловича. Начальникъ арт. 1-й арміи 1-го августа, за № 790, донося о семъ вел. князю, проситъ объ исключеніи ихъ изъ списковъ бригады и о замѣщеніи другими.

Военный министръ—его имп. выс. ген-фельд-ру 24-го іюля 1832 г., № 6814.

Госуд. имп. высочайше повелѣть соизволилъ: при выдачѣ указовъ объ отставкѣ офицерамъ, которые принадлежали къ обществу злоумышленниковъ по происшествію 14-го декабря 1825 года, прописывать въ сихъ указахъ подробно все: за что и какъ означенные офицеры осуждены были верховнымъ уголовнымъ судомъ и какая объ нихъ послѣдовала высочайшая конфирмація, также вносить и запрещеніе въѣзжать имъ въ обѣ столицы имперіи. Подписалъ ген.-адъют. Чернышевъ.

13-го іюля 1826 года появился слѣдующій манифестъ:

Божіею Милостію
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный уголовн. судъ, манифестомъ 1-го іюня сего составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и государственн. безопасность дозволяли, обращены Нами къ надлежащему исполненію, и изданы во всеобщее извѣстіе.

Такимъ образомъ, дѣло, которое Мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники восприяли достойную ихъ казнь; Отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя произшествія, обязан-

постью Себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно седмь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа, явилась передъ Нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную, за кровь русскую, за Вѣру, Царя и Отечество на семъ самомъ мѣстѣ проліянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ Она расторгла завѣсу, указала зло, помогла Намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ—туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобы потушить умыслъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во правахъ русскихъ былъ сей умыслъ. Составленный горстью изверговъ, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную; но въ 10 лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя русское измѣною Престолу и Отечеству. Напротивъ, мы видѣли при семъ самомъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли, какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ; родственники отвергали и приводили къ суду подозрѣваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныя, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ, первою цѣлью умысловъ, была жизнь Александра Благословеннаго, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ же Промыслъ, коему благоугодно было при самомъ началѣ царствованія Нашего, среди безчисленныхъ заботъ и попеченій, поставить Насъ на семъ пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ Намъ крѣпость и силу совершить его. Слѣдственная коммиссія въ теченіе 5 мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностью, разборчивостью, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верх. уг. судъ, объявъ дѣло во всемъ пространствѣ государственной его важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, въ теченіе краткаго времени укрощено зло, въ другихъ правахъ долго неукротимое. Горестныя произшествія, смутившія покой

Россіи, миновались, и какъ Мы при помощи Божіей уповаемъ, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла изводящаго добро, самыя эти произшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ приуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенствованію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія Мы пріиземъ съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверзты въ Отечествѣ Нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія, все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ правительству. Въ государствѣ, гдѣ любовь къ монархамъ и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ: они могутъ таиться во мракѣ, но при первомъ появленіи, отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи государственнаго состава, каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и спокойный въ настоящемъ, можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенствованія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ Намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты Нами съ благоволеніемъ: ибо Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть Отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ

Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ Нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій и еще болѣе претитъ законъ христіанскій.

Въ Царскомъ Селѣ, 13-го іюля 1825 г.

На подл. написано „*НИКОЛАЙ*“.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, іюля 13-го дня 1826 г.

Аксаковы и цензура 1852 года.

Въ апрѣлѣ 1852 года въ Москвѣ издана была Иваномъ Аксаковымъ книга подъ заглавіемъ: „Московскій Сборникъ“, томъ первый, въ которомъ помѣщены статьи какъ самого издателя, такъ и другихъ писателей; въ однѣхъ изъ этихъ статей была выражаема неумѣренная преувеличенная скорбь о смерти писателя Гоголя, въ другихъ замѣчались темныя и двусмысленныя выраженія, или обнаруживался духъ славянофильства. Въ то же время генералъ-адъютантъ гр. Закревскій и министръ народнаго просвѣщенія обратили вниманіе московскаго цензурнаго комитета на неблаговидное направленіе Сборника.

Вскорѣ послѣ того гр. Закревскій увѣдомилъ, что московскіе славянофилы съ нѣкотораго времени дѣлаются болѣе и болѣе замѣтными; что цѣль ихъ произвести переворотъ въ русской литературѣ, не подражать иноземнымъ писателямъ, но искать для сочиненій своихъ предметовъ собственно русскихъ и народныхъ; что хотя доселѣ не обнаружено ничего существенно вреднаго въ этомъ направленіи, но упомянутые люди, подъ руководствомъ лицъ неблагонамѣренныхъ, легко могутъ получить опасное политическое направленіе.

Объ этомъ было всеподданнѣйше доложено государю императору и, въ іюлѣ мѣсяцѣ, по высочайшему повелѣнію, сообщено министру народнаго просвѣщенія, дабы на сочиненія въ духѣ славянофиловъ, какъ тѣхъ московскихъ писателей, которые поименованы гр. Закревскимъ, такъ и другихъ, было обращаемо со стороны цензуры особенное и строжайшее вниманіе; тогда же за означенными лицами учреждено секретное бдительное наблюденіе со стороны корпуса жандар-

мовъ. Сверхъ того цензоръ князь Львовъ, дозволившій къ напечатанію первый томъ „Московскаго Сборника“ и самъ отнесенный гр. Закревскимъ къ числу славянофиловъ, былъ вызванъ министромъ народнаго просвѣщенія въ С.-Петербургъ для сдѣланія ему строгаго внушенія, а вслѣдъ затѣмъ отставленъ отъ должности цензора.

Между тѣмъ Иванъ Аксаковъ представилъ въ московскую цензуру рукопись втораго тома „Московскаго Сборника“, и гр. Закревскій тотчасъ увѣдомилъ, что въ новомъ томѣ Сборника помѣщены статьи еще болѣе сомнительнаго содержанія, нежели было въ первомъ. Вслѣдствіе этого рукопись втораго тома была потребована чрезъ министра народнаго просвѣщенія и доставлена въ 3-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи.

По внимательномъ разсмотрѣніи этой рукописи, въ ней оказались слѣдующія статьи вреднаго направленія:

I. Статья Хомякова.

Еще въ первомъ томѣ „Московскаго Сборника“ была напечатана статья Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“, статья весьма сомнительнаго содержанія. Хомяковъ въ новомъ томѣ сборника помѣстилъ: „Нѣсколько словъ по поводу упомянутой статьи Кирѣевскаго“ и при этомъ развилъ собственный свой политическій взглядъ и славянофильскія мысли.

Хомяковъ неясно говоритъ, но видно, что христіанство, по его мнѣнію, требуетъ вольнаго дѣйствія личностей, равенства (стран. 5 на оборотѣ и 12 на оборотѣ), и что духъ христіанства чуждъ учрежденіямъ имперіи (стран. 13 на оборотѣ). Но это не достигло своей цѣли, въ древности, отъ того, что въ римской жизни все, даже религія и просвѣщеніе, принимали видъ юридическій и государственный; а побѣжденные римлянами народы западной Европы „были втиснуты силою въ желѣзныя формы административнаго просвѣщенія римскаго“ (стран. 7). Когда въ западной Европѣ устраивались государства, по примѣру Римскаго, въ то время „всю внутреннюю жизнь старались подвести подъ законы правомѣрности гражданской, назначая кругъ дѣйствія отдѣльнаго для каждой душевной силы, опредѣляя вѣсъ и мѣру каждаго проступка, вѣсъ и мѣру каждой мнимой заслуги человѣчества, и составляя какую-то таблицу счетоводства между Богомъ и Его твореніемъ, непонятную для насъ, сыновъ церкви православной (стран. 8 на оборотѣ). Голосъ преданія, заковавшагося въ мертвую формальность, утратилъ всякое значеніе, голосъ Божій въ писаніи замолкъ (стран. 9 на оборотѣ). Точно то же должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ“ (стран. 14).

Обоготвореніе политическаго общества было такъ сильно, что „западный человѣкъ не могъ понять самой церкви иначе, какъ въ государственной формѣ; ея единство должно было быть принудительнымъ, и родилась инквизиція, съ ея судомъ надъ совѣстью и съ казнью за невѣріе (стран. 8). Самые великіе дѣятели христіанскаго ученія не могли еще вполнѣ уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ. Лучшія и могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли сносить. Темнѣе становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ, какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую (14). Византіецъ не могъ дать полнаго права равенства съ собою тѣмъ народнымъ стихіямъ, которыя приливали къ нему съ сѣвера и готовы были своею свѣжею кровью укрѣпить составъ одряхлѣвшаго общества. Онъ пользовался славянами, онъ вполнѣ зависѣлъ отъ союза съ ними, и въ то же время не только не хотѣлъ признать ихъ братьями, но постояннымъ коварствомъ, утѣсненіемъ и гордостью болѣе оскорбительною, чѣмъ самыя утѣсненія, вселялъ въ нихъ вражду, которой еще не было“ (стран. 12 на оборотѣ). Сочинитель говоритъ, что западная Европа приняла эти понятія древнихъ, смѣшала ихъ съ христіанствомъ, и „тысячи лѣтъ было мало, чтобы обличить обманъ римскаго просвѣщенія; но онъ обличенъ, онъ сознанъ, или уже весьма близко время полнаго его сознанія; прежніе призраки разсѣяны логикою разсудка...; страшные, кровавые опыты не пугали западнаго человѣка: огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову (стран. 4 на обор. и 5). Слишкомъ за десять лѣтъ назадъ тому, когда вся Европа въ какомъ-то восторженномъ опьяненіи кипѣла надеждами и благоговѣла передъ своимъ собственнымъ величіемъ, у насъ уже слышались обличительные голоса, тогда встрѣчаемые самодовольною насмѣшкою, теперь оправданные исторіею и жизнію народовъ“ (стран. 3 на оборотѣ). Отъ разрѣшенія вопроса на счетъ западнаго и русскаго просвѣщенія, по словамъ Хомякова, „зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но можетъ быть и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній“ (стран. 4).

Приступая затѣмъ къ разсужденію о просвѣщеніи въ Россіи, Хомяковъ и тутъ болѣе углубляется въ мысли о политикѣ, нежели о просвѣщеніи. Обнаруживая вездѣ приверженность къ старинѣ (славянофильство), онъ выводитъ натянутыя заключенія о такомъ порядкѣ

дѣлъ въ древней Россіи, который не могъ быть въ монархическомъ государствѣ. По его мнѣнію, не только до призванія Рюрика, но и послѣ того, до царя Іоанна Грознаго русскій бытъ по преимуществу былъ общинный (стран. 16 на обор.). Сочинитель называетъ этотъ бытъ племенною общиною (стран. 17 на обор.), сельскими общинами (стран. 31 на обор.), племенными союзами (стран. 18), областною земскою жизнію (стран. 18 на обор.), общерусскимъ братствомъ (стран. 17 на обор.). Онъ говоритъ: „Великое слово: на землѣ миръ есть высшее благословеніе, ниспосланное небомъ новому человѣчеству; широкій миръ, великое братство—таково призваніе для всѣхъ; оно породило своихъ представителей въ князьяхъ, въ ихъ дружинѣ и въ духовенствѣ“ (стран. 17). „Въ земской думѣ сливалась мысль боярина съ мыслію гостя торговаго, и человѣка посадскаго, и обывателя сельскаго; судъ былъ общій, и губные старосты выбирались голосами всѣхъ жителей округи безъ исключенія“ (стран. 19 на обор.). Общій русскій бытъ „произвелъ дружину, въ которой личная отдѣльность была доведена до крайности и узаконена (стран. 16 на обор.). Мѣстная страсть требовала свободы своему произволу“ (стран. 17). Начало государствованія Рюрикова дома въ Россіи Хомяковъ называетъ союзомъ подъ княжескимъ правленіемъ, составившимся общею волею (стран. 15). Вскорѣ, по словамъ сочинителя, послѣдовало раздвоеніе въ Россіи: ибо князья имѣли свою, пришедшую съ ними, дружину, а со стороны народа явилась земская дружина (стран. 15 и она же на оборотѣ). Къ этому съ княжеской дружиной присоединилось мѣстничество; земщина не мѣстничилась; никакихъ слѣдовъ мѣстничества не видать въ боярствѣ новогородскомъ“ (стран. 16). „Такое раздвоеніе съ землею—продолжаетъ Хомяковъ, не могло оставаться безъ страшнаго вліянія на общую жизнь; такая полная, китайская формальность въ землѣ, крѣпкой только живыми своими началами, не могла не производить самыхъ гибельныхъ послѣдствій (стран. 16 на оборотѣ). Рюриковъ родъ часто раздиралъ землю русскую неправильными или сомнительными притязаніями своихъ членовъ на старшинство, и жадностью многихъ изъ нихъ къ увеличенію отчинъ (стран. 17 на обор.). Княжескій родъ, съ его шаткимъ престолонаслѣдіемъ, былъ склоненъ къ раздорамъ (стран. 20). Много крови было пролито въ борьбѣ, много искаженій допущено въ жизни: безчувствіе и сонное равнодушіе наложили печать свою на побѣжденныхъ; гордость и склонность къ злоупотребленію вкрались въ душу побѣдителей; тутъ опять было глубокое раздвоеніе въ душевномъ настроеніи, въ бытѣ и характерѣ образованности“ (стран. 18 на оборотѣ). Это раздвоеніе въ Россіи, разногласіе общиннаго быта народа съ властію княжескою, продолжалось до царя Іоанна Грознаго, который „сокрушилъ притязанія дружины и независимость“ (стран. 16 на оборотѣ).

„Тотъ же Іоаннъ, который на половину отрекся отъ своей родины, для подавленія боярства и всякой исключительной независимости, покровительствовалъ земщинѣ и оставилъ по себѣ въ народныхъ сказаніяхъ благодарное воспоминаніе“ (стран. 19 на обор.). Нѣкоторыя мѣста статьи Хомякова показываютъ, что онъ отдаетъ преимущество древнему общинному порядку дѣлъ передъ государственнымъ правленіемъ и надѣется, что прежній порядокъ у насъ будетъ возстановленъ. Онъ говоритъ: „новая великая задача (общинная жизнь), которая ставила насъ выше Византіи, была отчасти угадываема, и прекрасное предчувствіе ее отзывалось нерѣдко во многихъ вѣчнопамятныхъ словахъ и многихъ высокихъ дѣлахъ и учрежденіяхъ; но полное сознаніе было невозможно, а безъ сознанія было невозможно и направленіе; духъ цѣльнаго просвѣщенія не могъ побѣдить вещественныхъ препонъ, и исторія древней Руси, свидѣтельствуя съ одной стороны о великихъ и спасительныхъ шагахъ впередъ, которымъ мы обязаны почти единственно Православію, должна была свидѣтельствовать о множествѣ искаженій въ нравы и жизни, объ одичаніи и паденіи, которымъ объясняется позднѣйшее стремленіе къ началамъ чуждымъ и иноземнымъ (стран. 31 на обор.). Великъ и благороденъ подвигъ всякаго человѣка на землѣ; подвигъ русскаго исполненъ надежды. Не жалѣть о лучшемъ прошедшемъ, не скорбѣть о нѣкогда бывшей вѣрѣ должны мы, какъ западный человѣкъ; но, помня съ отрадою о живой вѣрѣ нашихъ предковъ, надѣяться, что она озаритъ и проникнетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ; помня о прекрасныхъ плодахъ Божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ правленіяхъ, безпрестанно исчезавшихъ въ смутѣ и мятежѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ въ будущей мирной и сознательной Руси... Русская земля предлагаетъ своимъ чадамъ... полюбить ее, ея прошлую жизнь и ея истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внѣшними наплывами, которыхъ не могъ избѣгнуть никакой народъ новой исторіи, создавшей неизвѣстное древности общество народовъ“ (стран. 33 на оборотѣ и 34).

Во всей статьѣ Хомяковъ показываетъ любовь свою къ отечеству; но онъ этой любви не ищетъ въ нашей исторіи тѣхъ событій, которыя клонятся къ поддержанію величія нынѣшней Россіи, а старается скрывать признаки какихъ-то общинъ, братства, въ родѣ общинъ коммунистовъ и фурьеристовъ; древнихъ государей нашихъ старается представить неимѣвшими самодержавной власти и все склоняетъ къ надеждамъ и желаніямъ, чтобы порядокъ общинный былъ возстановленъ въ нынѣшней Россіи. Хотя онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

статьи своей выражаетъ мысли и благонамѣренныя, но послѣднія остаются въ тѣни; и если онъ не имѣлъ возмутительной цѣли (ибо въ такомъ случаѣ не представилъ бы самъ сочиненія своего въ цензуру), то во всякомъ случаѣ умъ и занятія его получили направленіе весьма вредное.

II. Статьи Константина Аксакова.

Константинъ Аксаковъ написалъ статью: „Богатыри временъ великаго князя Владиміра, по русскимъ пѣснямъ“. Въ этой статьѣ изображены характеръ и подвиги Добрыни Никитича, Илья Муромца, Ставра, Рахдая и другихъ богатырей, а равно пиры и домашняя жизнь самого Владиміра, не такъ, какъ повѣствуетъ исторія, а какъ описывается въ древнихъ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

Подобно Хомякову, К. Аксаковъ старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же небывалаго въ Россіи общиннаго порядка дѣлъ. Въ одной пѣснѣ сказано, что Владиміръ, дѣлая пиръ у себя, приказалъ брать со всякаго званаго по 10 рублей, и К. Аксаковъ говоритъ: „весьма замѣчательное указаніе; и такъ этотъ княжескій пиръ—складчина; пиры - складчины—явленіе совершенно русское и древнее; вспомнимъ братчины, напримѣръ, братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста; это также чисто общинное явленіе; это вольное видоизмѣненіе самородной общины, ея отпрыскъ... Къ такимъ же общиннымъ явленіямъ, возникшимъ изъ самой коренной общины, причисляемъ мы артель и даже казацкое устройство“ (стран. 94 и она же на оборотѣ). Этого мало, даже въ хороводѣ сочинитель видитъ образъ русской общины (стран. 68). Изъ другихъ пѣсней К. Аксаковъ выводитъ, что богатыри сидѣли у Владиміра не по аристократическому праву породы и прибавляетъ: „аристократическое понятіе, образовавшееся на западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси; на богатырской скамьѣ сидѣли и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца) и наконецъ, Илья Муромецъ, крестьянинъ, всѣмъ имъ ровный почетъ“ (стран. 68 на обор.). Отношенія богатырей къ великому князу почтительны, но не подобострастны; они вольно собрались вокругъ него, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ кіевскимъ, охотно служатъ ему службу, но ни въ чемъ не выражается униженное или придворное ихъ отношеніе къ великому князю... Битва и подвиги, свадьбы и пиры составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится воля и приволье“ (стран. 69 на обор. и 70). К. Аксаковъ указываетъ на мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ Соловей разбой-

никъ называетъ великаго князя воромъ (стран. 111); богатырь Тугаринъ-Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя (стран. 82), а Алеша Поповичъ обругалъ ее.

Сверхъ того К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калина. Хотя это и непріятельскій царь, но сочинитель выписываетъ изъ пѣсни не подходящія выраженія.

Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частію напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ небывалыя въ Россіи общину, вольницу и дерзости богатырей противъ великаго князя!

Константинъ Аксаковъ написалъ еще примѣчанія къ статьѣ Шепинга: Купало и Коляда. Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ нѣсколько разъ опять упоминаетъ объ общинной жизни въ древней Россіи, утверждая, будто бы общинное начало неотъемлемо соединено съ существомъ славянина (стран. 168 и 169). Онъ говоритъ также: „Лѣсъ, поле, рѣка принадлежатъ всѣмъ; тамъ семья исчезаетъ“ (стран. 170).

Еще въ Сборникѣ находятся два стихотворенія Константина Аксакова, ничтожныя по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго духъ свободенъ и открытъ (стран. 176 на оборотѣ).

III. Статьи Ивана Аксакова.

Издатель Сборника, Иванъ Аксаковъ, помѣстилъ въ немъ нѣсколько и своихъ сочиненій, въ томъ числѣ два стихотворенія, подъ заглавіемъ: Подражанія еврейской поэзіи. Въ нихъ сочинитель, обращаясь къ человѣку, пребывающему въ бездѣйствіи, укоряетъ его за равнодушіе, тогда какъ въ мірѣ „кипятъ задачи“ и торжествуетъ зло; совѣтуетъ ему „стряхнуть ярмо благоразумія и вызываетъ его на дѣло общаго труда“. Оба стихотворенія темны, и отъ этой неясности смыслъ ихъ подозрителенъ (стран. 225 и 226).

„На царство лжи глядя не злобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего...
. . . . . .
Стряхни ярмо благоразумья,
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ души

Въ стремленьѣ къ истинѣ суровой
Не знай ни страха, ни стыда;
Позорь, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ горячимъ словомъ
На дѣло общаго труда!..
. . . . . .
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лишь истину добыть!“

„И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Высокихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла; и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался жребій скучный!..
. . . . . .
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій путь; есть подвигъ червячка:
Онъ точитъ дубъ.. долбитъ и капля камень!“

(Стран. 225 и 226).

Еще пять небольшихъ статей Ивана Аксакова помѣщены въ смѣси Сборника. Въ первой изъ нихъ: О замѣчательномъ ремесленномъ устройствѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи, сочинитель описываетъ, что близъ Ярославля находятся четыре деревни и одно село, принадлежащія разнымъ владѣльцамъ; что лѣтъ 10 тому назадъ въ этихъ деревняхъ, съ согласія помѣщиковъ, крестьяне дѣйствуютъ сами собою, управляясь всемірною сходкою и выбираемыми на ней бурмистрами и старшинами, которые остаются въ этомъ званіи „пока міру будутъ любезны“; помѣщики же въ дѣла ихъ вовсе не вмѣшиваются; что крестьяне занимаются работами, каждый по призванію, и изъ выработанныхъ денегъ отсылаютъ оброкъ помѣщикамъ, а остальную прибыль раздѣляютъ поровну между собою (стран. 345—349). Иванъ Аксаковъ благодаритъ помѣщиковъ, которые такимъ образомъ „даютъ крестьянамъ полную возможность жить и устраиваться посвоему, не заводя у нихъ новыхъ порядковъ, не насильствуя ихъ быта..., не преслѣдуя ихъ своимъ цивилизованнымъ попечительствомъ и какъ можно менѣе вмѣшиваясь въ ихъ управленіе“ (стран. 349 на оборотѣ). Сочинитель, находя въ устройствѣ упомянутыхъ деревень русскій общинный бытъ, полагаетъ, что важно и полезно изучать этотъ бытъ: ибо „не законы созидаютъ жизнь, и законами не вводятся въ бытъ народа нравственныя понятія, если они не находятъ опоры въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, во всемъ строѣ самой народной жизни“ (стран. 345). Онъ отдаетъ совершенное преимущество этому общинному быту въ деревняхъ надъ бытомъ нашихъ городовъ, го-

воря, что городской бытъ существуетъ на основаніяхъ не совсѣмъ русскихъ, что цивилизація городовъ возникла „на почвѣ корпорацій, привилегій—и тому подобныхъ стѣснительныхъ учрежденій, противныхъ русскому общинному быту“; что западный міръ, отрицающій пышное общественное благоустройство, „выстроилъ цѣлую грозную фалангу задачъ и вопросовъ общественныхъ, нравственныхъ, политико-экономическихъ, однако, едва-ли найдетъ онъ отвѣтъ всѣмъ этимъ задачамъ и вопросамъ, и едва-ли не должно поискать имъ разрѣшенія въ самородномъ, нетронутомъ еще источникѣ русской народной жизни“ (стран. 344 и она же на оборотѣ).

Въ пятой статьѣ: объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ, Иванъ Аксаковъ, какъ бы въ противоположность высокому, по его мнѣнію, общинному быту въ вышеозначенныхъ деревняхъ Ярославской губерніи, описываетъ жизнь въ самыхъ дурныхъ краскахъ. Тамъ, по его словамъ, смотрятъ сквозь пальцы на всѣ злоупотребленія и развратъ; чиновники не стыдятся взяточничества; помѣщики сѣкутъ своихъ музыкантовъ за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена; тамъ явились эманципированныя дамы и дѣвицы; даются дѣтскіе балы (нравственное душегубство дѣтей), благотворительныя лотереи, богоугодные спектакли, маскарады въ пользу бѣдныхъ дамскаго общества, тогда какъ для полученія денегъ на всѣ эти огромные расходы помѣщики разоряютъ крестьянъ своихъ (стран. 357—369). „Конечно,—пишетъ Ив. Аксаковъ,—много похожаго увидите вы и въ столицѣ; но за то въ столицѣ, и въ особенности въ Москвѣ, найдете вы всегда многочисленный кругъ людей, преданныхъ живымъ современнымъ интересамъ, съ серьезными взглядами на жизнь, съ строгими нравственными требованіями, людей, вырабатывающихъ намъ наше самосознаніе, неутомимо дѣйствующихъ на поприщѣ русской мысли и слова, неослабно трудящихся для общей пользы. Движеніе мысли не только не останавливается, но даже невольно сообщается и свѣтскому кругу, чуждому серьезныхъ занятій. Вотъ отчего въ столицахъ есть какая-то современность умственнаго и нравственнаго образованія, распространенная повсюду, есть какое-то общее знакомство съ настоящимъ положеніемъ всѣхъ задачъ и вопросовъ человѣчества (стран. 360). Если бъ провинція, вмѣсто того, чтобъ быть рабскою копіей съ копіи и подражать тѣмъ (столицамъ), которые, въ свою очередь, подражаютъ образцу чужеземному, постаралась сильнѣе скрѣпить свою связь съ народнымъ бытомъ, къ которому она собственно ближе, чѣмъ столицы, она могла бы получать важное значеніе въ дѣлѣ истинной русской образованности. Если бъ губернскіе жители, вмѣсто того, чтобы увлекаться блестящею пустотой столичной великосвѣтской жизни, пріобщились къ тому серьезному, отчасти

ученому движенію мысли, которое, въ послѣднее время, въ Москвѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вырабатываясь, стремится сдѣлать насъ людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей; если бъ, повторяемъ, губернскіе жители были не чужды этого направленія, то жизнь ихъ немногочисленнаго общества была бы полна постоянныхъ дѣльныхъ, небезплодныхъ интересовъ Провинціализмъ могъ занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго русскаго духа!" (стран. 369 на оборотѣ и 370).

IV. Статья князя Черкасскаго.

Князь Черкасскій помѣстилъ въ Сборникѣ статью: „О подвижности народонаселенія въ древней Россіи", въ которой сочинитель излагаетъ исторію крѣпостнаго состоянія въ нашемъ отечествѣ. Основная мысль и князя Черкасскаго та, что въ древней Россіи жизнь была общинно-семейная; что „русская волость есть не что иное, какъ аггрегатъ безчисленнаго множества мелкихъ общинъ, составленныхъ изъ семей (стран. 188); что порабощеніе, Варягское призваніе Рюрика оставило волость вольной общиною, платившею только извѣстную дань" (стран. 190). Потомъ кн. Черкасскій задаетъ себѣ вопросъ: „Какимъ образомъ вольные роды превратились въ подданныхъ смердовъ?" (стран. 188 на обор.). Отвѣтъ его на это тотъ, что „въ Россіи временъ Судебнаго (Іоанна III-го) союзъ общины разорванъ, право собственности надъ землями отъ общины перешло къ отвлеченному лицу государя и великаго князя, или ко множеству частныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ; наконецъ, крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, изъ прежней неограниченной свободы сохранилъ одно право, разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣстожительство и господина" (стран. 188). „Юрьевъ день, изъ всѣхъ неограниченныхъ правъ свободы, даровалъ поселянамъ худшую его сторону, безграничный произволъ бродяжничества" (стр. 218). „Вспомнивъ, продолжаетъ князь Черкасскій,— независимое состояніе русской волости, мы едва можемъ себѣ представить, что само собою, естественно, могло развиться подобное ограниченіе крестьянской свободы; такъ явно носитъ оно на себѣ печать искусственнаго, положительнаго изобрѣтенія!.. Ясно, что всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи свободы крестьянской могло быть лишь мѣрой полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей" (стран. 197 на обор.). Послѣ же того, какъ царь Борисъ Годуновъ укрѣпилъ крестьянъ на землѣ, въ Россіи продавали крестьянъ врознь, дочь отъ матери, сына отъ отца, какъ скотовъ (стран. 221 на обор.

и 222). Редакція Сборника прибавила къ этому, что „обычай продавать крестьянъ врознь возникъ только со времени Петра I-го“ (стран. 222 на оборотѣ),

V. Прочія статьи, помѣщенныя въ Сборникѣ.

Кромѣ того въ Сборникѣ находятся статьи: „Воспоминанія о Державинѣ“, соч. Сергѣя Аксакова (отца Константина и Ивана Аксаковыхъ); „Купало и Каляда“, соч. Шепинга; „Русское посольство въ Польшу въ 1673 и 1677 годахъ“, соч. Александра Попова; „Объ испытаніи англійскихъ и американскихъ машинъ“, соч. Кошелева. Въ этихъ статьяхъ нѣтъ ничего, что бы обращало на себя вниманіе въ политическомъ отношеніи.

Московскій цензурный комитетъ, находя, что въ статьяхъ Хомякова, Константина и Ивана Аксаковыхъ замѣтно какое-то недовольство настоящимъ нашимъ образованіемъ, образомъ жизни и даже учрежденіями правительства, и высказывается стремленіе выставить нашъ древній русскій бытъ въ преувеличенно лучшемъ видѣ, какъ заслуживающій безусловнаго во всѣхъ отношеніяхъ одобренія и подражанія,—полагаетъ, что означенныя статьи, какъ вредныя, по развиваемымъ въ нихъ началамъ несогласнымъ съ видами правительства, должны быть подвергнуты запрещенію порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о цензурѣ; статьи же прочихъ писателей, даже кн. Черкасскаго, за исключеніемъ только мѣстъ въ сочиненіи послѣдняго, гдѣ говорится о свободѣ крестьянъ и вольной общинѣ, могутъ быть напечатаны.

Справки.

1) Хомяковъ, отставной ротмистръ. Еще изъ свѣдѣній, получавшихся въ 1847 г., видно было, что Хомяковъ принадлежитъ къ московскимъ славянофиламъ; онъ, по отзыву генералъ-адъютанта гр. Закревскаго, человѣкъ весьма ученый и поэтъ; убѣжденія его болѣе умственныя, нежели душевныя; любитъ пренія и готовъ спорить за и противъ; занимается хозяйствомъ и въ Москвѣ живетъ только по зимамъ.

2) Константинъ Аксаковъ, магистръ Московскаго университета, живетъ въ Москвѣ при родителѣ своемъ. Въ 1846 г. онъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статью: „Семисотлѣтіе Москвы“. Въ этой статьѣ, сверхъ неумѣстныхъ доказательствъ о преимуществѣ Москвы, какъ столицы Имперіи передъ С.-Петербургомъ, высказывались вообще мысли, несообразныя съ монархическимъ правленіемъ. За эту статью и сочинителю и цензору сдѣлано было строгое замѣ-

чаніе. Въ то же время получено было свѣдѣніе, что Константинъ Аксаковъ особенно замѣтенъ между московскими славянофилами: онъ полагаетъ, что императоръ Петръ I-й унижалъ Россію въ собственномъ въ народномъ началѣ, отдѣливъ высшее сословіе отъ низшаго одеждою и наружностью; что русскіе земледѣльцы, мѣщане и купцы увидѣли нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, что поэтому самъ Аксаковъ въ 1848 году носилъ старинную русскую одежду и нѣсколько разъ отпускалъ бороду; что этотъ молодой человѣкъ не безъ ума и образованъ, добросовѣстенъ и хорошей нравственности, но его, какъ фанатика, трудно убѣдить въ ложности его мнѣній.

3) Иванъ Аксаковъ, нынѣ въ отставкѣ коллежскій совѣтникъ, воспитывался въ училищѣ Правовѣдѣнія. Въ 1849 году состоя на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ въ письмахъ къ отцу своему помѣстилъ славянофильскія идеи и сужденія о политическихъ дѣлахъ Западной Европы. Поэтому Иванъ Аксаковъ былъ арестованъ; но какъ изъ показанія его видны были, вмѣстѣ съ приверженностію къ русской старинѣ, и вообще русскія патріотическія чувства, то онъ по высочайшему повелѣнію былъ освобожденъ отъ ареста. Въ то же время, между бумагами Ивана Аксакова замѣчена была сочиненная имъ поэма, подъ названіемъ: „Бродяга“, глава 1-я, въ которой онъ описывалъ бродяжничество бѣглаго крѣпостнаго человѣка. Хотя въ этой поэмѣ не было ничего политическаго, но сочинителю предложенъ былъ вопросъ, почему онъ избралъ такой неприличный предметъ для своего стихотворенія; онъ же, несмотря на это, впослѣдствіи сочинилъ еще нѣсколько главъ этой поэмы и отрывки изъ нихъ напечаталъ въ 1-мъ томѣ „Московскаго Сборника“.

4) О князѣ Черкасскомъ въ 3-мъ отдѣленіи доселѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній.

5) Надъ Хомяковымъ, Константиномъ и Иваномъ Аксаковыми, помѣщенными въ спискѣ славянофиловъ, доставленномъ отъ генералъ-адъютанта гр. Закревскаго, въ іюлѣ 1852 г. учреждено секретное наблюденіе.

Сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ въ Архангельской ссылкѣ (1718—1727 г.г.).

(Изъ архивныхъ дѣлъ дальняго Сѣвера).

Въ концѣ XVII в. и въ особенности въ первой половинѣ XVIII в. побережье Бѣлаго моря и Сѣвернаго Ледовитаго океана съ Соловецкимъ монастыремъ и г. Архангельскомъ въ центрѣ служило обыкновеннымъ мѣстомъ ссылки многихъ государственныхъ дѣятелей Россіи того времени. Такъ, въ Пустомъ озерѣ (Пустозерскѣ), а затѣмъ въ Красногорскомъ монастырѣ Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, въ концѣ XVII в., мы находимъ князя Василія Васильевича Голицына, любимца царевны Софьи Алексѣевны [1]), а въ началѣ XVIII в.—князя Семена Щербатова, замѣшаннаго въ дѣлѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны, первой супруги Петра Великаго и несчастнаго сына ея Алексѣя Петровича [2]) и князя Ивана Григорьевича Долгорукаго; въ Соловецкомъ монастырѣ князя Василія Лукича Долгорукаго, одного изъ верховниковъ временъ воцаренія императрицы Анны Ивановны, Петра и сына его Ивана Толстыхъ, любимцевъ Петра Великаго; въ Кольскомъ острогѣ Степана (отчества его, къ сожалѣнію, не знаемъ) Лопухина, изъ семьи Лопухиныхъ, близкой

---

[1]) Изъ принадлежавшихъ Голицыну домашнихъ вещей сохранилось небольшое, очевидно дамское, складное зеркало съ инкрустаціей и двухглавыми орлами; оно хранится въ Древнехранилищѣ Архангельскаго церковно-археологическаго комитета.

[2]) Отъ кн. Щербатова сохранилось напрестольное евангеліе Виленской печати 1575 года, въ окладѣ, пожертвованное имъ въ одну изъ Пустозерскихъ церквей; хранится оно въ томъ же Древнехранилищѣ; на немъ имѣется собственноручная запись князя Щербатова.

къ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ—первой супругѣ Петра I-го. Въ г. Архангельскъ были сосланы многіе изъ малороссіянъ, какъ сторонники извѣстнаго гетмана Ивана Мазепы, наприм., Максимовичъ, генеральный эсаулъ и судья, Лохвицкій, протопопъ Рогачевскій и др., такъ и противники его, какъ-то Данило Забѣла. Здѣсь же находился въ ссылкѣ учитель царевича Алексѣя Петровича—Никифоръ Вяземскій (впрочемъ недолго, всего годъ), здѣсь же мы находимъ и сибирскаго царевича Василія Алексѣевича, правнука грознаго нѣкогда сибирскаго царя Кучума.

О большинствѣ попавшихъ въ Архангельскую ссылку лицъ не сохранилось въ мѣстныхъ архивахъ никакихъ слѣдовъ; время и пожары истребили ихъ. Только о нѣкоторыхъ изъ нихъ уцѣлѣли и то отрывочныя кое-какія указанія. Къ числу этихъ немногихъ лицъ относится и сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ.

Въ исторіи покоренія Сибири имя Кучума, послѣдняго сибирскаго царя, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Благодаря его энергіи и умѣнью ладить съ сосѣдями—ногайцами и татарами, основанное имъ новое Сибирское царство долго противостояло натиску русскихъ, долго боролось съ ними. И если русскіе въ концѣ-концовъ одолѣли царя Кучума, то благодаря только ружью, которымъ вооруженъ былъ отрядъ казаковъ, предводительствуемый Ермакомъ, а затѣмъ отряды русскихъ воеводъ, посланные ему въ помощь: оно сломило силу лука, которымъ вооружены были войска Кучума, и привело Сибирское царство „подъ высокую руку московскаго царя...“ Разбитый русскими войсками, слѣпой, больной Кучумъ долженъ былъ бросить свое царство и бѣжать къ помогавшимъ ему ногайцамъ, которые въ концѣ-концовъ и убили его. Семейство его было взято въ плѣнъ и отправлено въ Москву въ качествѣ военныхъ трофеевъ; титулъ его „царь сибирскій“ былъ присоединенъ къ титулу Московскаго царя наравнѣ съ титулами царствъ Казанскаго и Астраханскаго, а за сыновьями Кучума и ихъ потомками оставленъ былъ лишь титулъ „сибирскаго царевича“, послѣднимъ носителемъ котораго и былъ названный выше Василій Алексѣевичъ.

Поселенные въ Москвѣ сыновья Кучума, за исключеніемъ Ишима, бѣжавшаго въ Сибирь обратно, скоро обрусѣли, приняли христіанство и зажили жизнью московскихъ бояръ того времени. Благодаря своему титулу, связямъ и средствамъ, потомки Кучума заняли при дворѣ московскихъ царей довольно видное положеніе и пользовались почетомъ. Правнука его, Василія Алексѣевича, мы находимъ въ числѣ лицъ, близко стоявшихъ къ Петру I-му и принимавшихъ участіе въ его развлеченіяхъ. Такъ, въ началѣ 1715 года онъ, вмѣстѣ съ своей женой, принималъ участіе въ шутовской свадьбѣ князя-папы И. М.

Зотова: самъ сибирскій царевичъ въ докторскомъ костюмѣ того времени, въ охабнѣ и съ тулумбасами (въ родѣ литавръ) въ рукахъ, а жена его въ числѣ другихъ знатныхъ дамъ, въ польскомъ кунтушѣ (см. разсказъ Голикова объ этой свадьбѣ, помѣщенный въ книгѣ М. Н. Семевскаго „Слово и Дѣло“). Но когда возгорѣлась борьба между Петромъ Великимъ и сыномъ его Алексѣемъ Петровичемъ, сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ оказался въ числѣ сторонниковъ сына Петра: къ нему царевичъ адресовалъ нѣсколько писемъ, на него же впослѣдствіи указывалъ Алексѣй Петровичъ какъ на человѣка, которому извѣстна была переписка его, царевича, съ русскими, проживавшими за границей (напр. Макаровымъ); относительно его же близкій къ несчастному царевичу человѣкъ Иванъ Аѳанасьевъ при розыскѣ заявилъ, будто бы сибирскій царевичъ зналъ объ отъѣздѣ Алексѣя Петровича за границу, хвалилъ его за этотъ отъѣздъ, взялъ у несчастнаго Алексѣя Петровича на сохраненіе червонцы и утверждалъ, что духовникъ царевича протопопъ Егоръ повѣнчалъ царевича съ предметомъ его увлеченія Ефросиньей. Правда, при розыскѣ въ Тайной канцеляріи сибирскій царевичъ отвергъ сдѣланный на него оговоръ, заперся во всемъ; не сознался онъ ни въ чемъ и на дыбѣ (вискѣ) послѣ данныхъ ему 1-го и 3-го марта 1718 года 15 ударовъ. Но все-таки оговоръ Аѳанасьева и письма Алексѣя Петровича возымѣли свое дѣйствіе на сановниковъ, производившихъ разслѣдованіе дѣла царевича Алексѣя Петровича, и они, обсудивъ вину сибирскаго царевича, 16-го того же марта приговорили: въ виду того, что „Сибирскій царевичъ Василій съ 3-хъ пытокъ не винился во всемъ, что было написано на него, учинить его свободнымъ, а гдѣ ему жить, о томъ вел. государь укажетъ“. Въ виду такого приговора слѣдователей государь Петръ I-й 24-го марта 1718 года указалъ: „Сибирскаго царевича Василья Алексѣева сослать въ ссылку въ гор. Архангельскъ“. (Истор. царств. Петра В., Устрялова, т. VI, гл. VII) [1]). Когда сибирскій царевичъ прибылъ, во исполненіе этого царскаго повелѣнія, въ г. Архангельскъ, свѣдѣній не имѣемъ; но думаемъ, что въ томъ же 1718 году, такъ какъ въ то время не любили медлить исполненіемъ судебныхъ приговоровъ вообще, а царскихъ въ особенности. Въ 1722 году мы находимъ его въ Архангельскѣ уже осѣдлымъ человѣкомъ. Къ этому времени онъ пріобрѣлъ себѣ здѣсь домъ въ предѣлахъ Успенскаго прихода, обжился и, какъ ревностный прихожанинъ, сталъ принимать дѣятельное участіе въ

[1]) Въ статьѣ И. Веселовскаго „Сибирскіе—княж. родъ“, помѣщенной въ 58 кн. Энциклоп. словаря Брокгауза и Ефрона, сообщены свѣдѣнія о томъ, что спб. цар. Вас. Алексѣевичъ сосланъ былъ будто-бы въ Сибирь; но это невѣрно.

дѣлахъ прихода. Такъ, вмѣстѣ съ причтомъ и почетнѣйшими прихожанами Успенскаго прихода онъ хлопочетъ предъ мѣстнымъ архіереемъ объ освященіи обновленной Крестовоздвиженской церкви, принадлежавшей къ названному приходу, какъ это видно изъ бывшей въ нашемъ разсмотрѣніи копіи грамоты холмогорскаго и важскаго епископа Варнавы, отъ сентября 1722 г. (копія эта находится при дѣлахъ Успенской, г. Архангельска, церкви). Живя своимъ домомъ, сибирскій царевичъ имѣлъ при себѣ и своихъ людей; при немъ жила, очевидно, и его семья, по крайней мѣрѣ мы видимъ при немъ сына Якова. Жилъ царевичъ свободно, имѣлъ значительный кругъ знакомыхъ, которыхъ и посѣщалъ и которые, несомнѣнно, и его посѣщали.

Несмотря на тяжелое время, которое переживала Россія въ первой четверти XVIII в., въ г. Архангельскѣ жилось въ это время довольно привольно: праздновали именины, справляли свадебныя пирушки съ достаточнымъ возліяніемъ ренскаго и другихъ заморскихъ и незаморскихъ питій и т. п. Въ развлеченіяхъ, устраиваемыхъ мѣстными жителями, нерѣдко принимали участіе и опальные люди, проживавшіе въ то время въ г. Архангельскѣ и сосланные сюда въ ссылку [1]).

Въ 20-хъ годахъ XVIII в. въ г. Архангельскѣ въ числѣ другихъ чиновныхъ людей проживалъ нѣкій Филиппъ Власовъ, занимавшій должность, скромную по названію, но важную по своей сущности— секретаря Архангелогородской губернской канцеляріи — высшаго въ городѣ правительственнаго учрежденія. Благодаря своему служебному положенію и несомнѣнно личнымъ качествамъ, Власовъ пользовался въ мѣстномъ обществѣ извѣстностью и вліяніемъ. Въ Двинской лѣтописи (изданной Фокинымъ подъ редакціей Титова въ 1889 г.) имя его нѣсколько разъ упоминается на-ряду съ архіереями, губернаторами и др. важными лицами, проживавшими въ г. Архангельскѣ (стран. 150, 154, 160 и 165), и авторъ лѣтописи довольно подробно излагаетъ его служебную карьеру, отличавшуюся измѣнчивостью, какъ и многихъ другихъ общественныхъ дѣятелей того времени. 9-го января 1724 года, въ день празднованія памяти св. Филиппа, митрополита московскаго, пришлись именины Власова. По случаю такого событія у него собрались гости—мѣстный вице-губернаторъ, онъ же и начальникъ означенной выше канцеляріи Петръ Ефимовичъ Лодыженскій, первое лицо въ городѣ по своему положенію (губернаторы въ то время не жили въ Архангельскѣ), начальникъ мѣстнаго гарнизона

[1]) Объ одномъ подобномъ семейномъ пирѣ, съ угощеніемъ ссыльныхъ людей, мы говорили уже въ статьѣ своей: „Лохвицкій, протопопъ Иванъ Рогачевскій и Данило Забѣло въ Арханг. ссылкѣ“, помѣщенной въ іюньской кн. „Кіевской Старины“ за 1902 г.

подполковникъ Иванъ Стражинъ съ маіоромъ Петромъ Ярославовымъ, канцеляристъ той же губернской канцеляріи и ближайшій помощникъ именинника Власова Прокофій Гусаровъ, прапорщикъ мѣстнаго гарнизона Иванъ Золотиловъ, подъячій, онъ же и копіистъ, Алексѣй Едемскій, нѣсколько мѣстныхъ купцовъ—Семенъ Ивановъ Окуловъ, Иванъ Яковлевъ Клюевъ и пр. Пришелъ поздравить именинника и проживавшій въ то время въ г. Архангельскѣ сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ съ сыномъ своимъ Яковомъ въ сопровожденіи своего человѣка Семена Латышева. Послѣ плотнаго обѣда съ приличнымъ возліяніемъ, окончившагося въ сумеркахъ, вице-губернаторъ Лодыженскій уѣхалъ домой; прочіе же гости остались продолжать пиршество. Къ продолженію его между прочимъ послужило то обстоятельство, что одинъ изъ гостей, подполковникъ Стражинъ, въ тотъ день обвѣнчался (очевидно съ старой своей зазнобой) и по этому поводу настроенъ былъ радостно. По отъѣздѣ вице-губернатора Стражинъ велѣлъ подать ренскаго вина и большой бокалъ и, объявивъ гостямъ о своемъ бракосочетаніи, сталъ угощать ихъ виномъ. Ренское пришлось по вкусу гостямъ. Выпивъ по бокалу, а можетъ быть и по другому, хозяинъ Власовъ, а съ нимъ и гости его разошлись, сдѣлались „шумны“, какъ въ то время выражались. Стражинъ, Окуловъ и Власовъ, очевидно обладавшіе порядочными голосами и умѣвшіе пѣть, затянули разныя церковныя пѣснопѣнія, пропѣли между прочимъ: „кто Богъ велій, яко Богъ нашъ творяй чудеса“, а затѣмъ подполковникъ Стражинъ, какъ обладавшій повидимому сильнымъ голосомъ и болѣе другихъ знакомый съ церковнымъ уставомъ, взялся провозгласить многолѣтіе съ такъ называемымъ большимъ (т. е. полнымъ) царскимъ титуломъ, употребляемое по церковному уставу только два раза въ году—въ навечеріе Рождества Христова, да въ Благовѣщеніе, и вотъ, когда дошелъ онъ до перечисленія инородческихъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, находившійся тутъ же сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ, повидимому бывшій въ достаточной степени взвинченности отъ воспринятыхъ питій, заслышавъ слова „царь сибирскій“, неутерпѣлъ и крикнулъ: „это я и есть царь сибирскій“.—„Какой ты царь сибирскій“, возразилъ ему на это Стражинъ: „ты татаринъ!“ и при этомъ обозвалъ его дуракомъ.—Сибирскій царевичъ замѣтилъ Стражину, что онъ правнукъ Кучума, сибирскаго царя, что дѣдъ и отецъ его были тоже сибирскими царями. Изъ-за этого среди пировавшихъ поднялся большой шумъ и крикъ, кончившійся тѣмъ, что царевичъ, обругавъ подполковника Стражина неприличными словами, вышелъ изъ дома Власова на улицу. Хозяинъ и гости его были очень смущены происшедшимъ случаемъ, а когда винный угаръ прошелъ и они вспомнили про

грозную канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ съ знаменитымъ Ушаковымъ во главѣ, съ застѣнкомъ и битьемъ кнутомъ и батогами, то пришли въ окончательное уныніе. Да и было отъ чего!... Вѣдь въ присутствіи ихъ, публично, сибирскій царевичъ заявилъ претензію на одинъ изъ царскихъ титуловъ, назвался сибирскимъ царемъ, а они не дали ему надлежащаго отпора, выпустили изъ дома... Обсудивъ случившееся, Власовъ и Гусаровъ, какъ люди опытные въ дѣлопроизводствѣ тайной канцеляріи, исполнителями коей были въ Архангельскѣ, порѣшили донести о продерзостныхъ словахъ сибирскаго царевича Василія Алексѣевича Архангельской губернской канцеляріи. И вотъ на другой день—10-го января, сначала подполковникъ Стражинъ, а затѣмъ Ярославовъ, Власовъ и Гусаровъ входятъ въ означенную канцелярію съ „доношеніемъ“ о произошедшемъ наканунѣ въ домѣ Власова случаѣ. Всѣ четыре доношенія весьма сходны по содержанію, очевидно составлены при совмѣстномъ обсужденіи всѣхъ подавшихъ „доношеніе“; при чемъ въ поданныхъ доношеніяхъ умѣлою рукою смягчена была, на сколько возможно, пьяная обстановка дѣла. Изъ доносителей Власовъ, какъ хозяинъ помѣщенія, въ которомъ произошелъ непріятный инцидентъ, видимо настолько растерялся, что перепуталъ мѣсяцы и помѣтилъ свое доношеніе 10-мъ декабря 1724 года, вмѣсто 10-го января. На слѣдующій день 11-го января губернская канцелярія, съ вице-губернаторомъ Лодыженскимъ во главѣ, приступила къ провѣркѣ поданныхъ ей доношеній и подвергла допросу участвовавшихъ на пиру Власова гостей его. Всѣ они подтвердили доношеніе Стражина и др. за исключеніемъ, впрочемъ, человѣка царевича Латышева, который заявилъ, что при немъ царевичъ не называлъ ни себя, ни своихъ дѣда и отца сибирскимъ царемъ, а только сказалъ: „его (пра)дѣдъ былъ сибирскій царь“, да Золотилова, который отозвался, что во время происшествія онъ стоялъ на крыльцѣ дома Власова и потому, что говорилъ въ это время въ домѣ сибирскій царевичъ, не знаетъ; слышалъ лишь впослѣдствіи отъ Стражина, Ярославова, Власова и Гусарова, будто бы онъ называлъ себя сибирскимъ царемъ. 14-го января въ домъ сибирскаго царевича пріѣхалъ плацъ-маіоръ мѣстнаго гарнизона Мих. Ив. Салтыковъ и взялъ въ канцелярію для допроса сына царевича Якова. Что послѣдній показалъ въ губернской канцеляріи, не извѣстно. По возвращеніи изъ губернской канцеляріи сынъ сибирскаго царевича разсказалъ своему отцу, по какому поводу его требовали туда. Тогда царевичъ и съ своей стороны нашелъ нужнымъ изложить канцеляріи на письмѣ (тоже въ формѣ доношенія) о случившемся 9-го января въ домѣ Власова. Описавъ подробно то, что происходило тамъ въ означенное время вплоть до провозглашенія подполковникомъ Стражинымъ много-

лѣтія съ большимъ царскимъ титуломъ, царевичъ объяснилъ затѣмъ, что когда Стражинъ упомянулъ про царства Казанское, Астраханское и Сибирское, то онъ, царевичъ, „на то ево слово въ пьянствѣ своемъ молвилъ, что прадѣдъ его того царства сибирскова былъ царь сибирскій Кучумъ Алеичъ, а что въ доношеніяхъ (Стражина и др., содержаніе коихъ очевидно было ему сообщено чрезъ сына его Якова) написано, что онъ, царевичъ, нижайшій, будто отца своего и себя называлъ царемъ сибирскимъ, то за пьянствомъ сказать не помнитъ. А что они, подполковникъ Стражинъ и маіоръ Ярославовъ, и секретарь Власовъ и канцеляристъ Прокофей Гусаровъ въ доношеніяхъ своихъ пьянство утаили, а о томъ прапорщика Ивана Золотилова, Семена Окулова и Ивана Клюева допросить". Вице-губернаторъ Лодыженскій однако не нашелъ нужнымъ допрашивать означенныхъ лицъ, а все подлинное дѣло отослалъ съ нарочнымъ солдатомъ въ тайную канцелярію на ея разсмотрѣніе, постановивъ при этомъ содержать сибирскаго царевича Василья въ Архангельскѣ „на прежнемъ основаніи". Дѣло царевича отослано было изъ Архангельска 22-го января, а 12-го марта, съ почтой, а не съ нарочнымъ [1]) полученъ былъ въ Архангельскѣ указъ изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ за подписью грознаго въ то время генералъ-маіора Ушакова и др., отъ 18-го февраля, о томъ, что канцелярія, разсмотрѣвъ присланное вице-губернаторомъ архангелогородскимъ Лодыженскимъ дѣло о сибирскомъ царевичѣ, не нашла нужнымъ болѣе разслѣдовать его „понеже тѣ слова (сибирскаго „вича", какъ сказано въ указѣ, вмѣсто царевича) были при такой компаніи, въ которой извѣтчики и отвѣтчикъ были всѣ шумны (т. е. пьяны), гдѣ было и подполковнику Стражину при такомъ шумномъ случае неприличному многолѣтія упоминать не подлежало, чего и впредь продерзостныхъ словъ при компаніяхъ извѣтчикамъ и отвѣтчику весьма опасатца".

Получивъ такой милостивый указъ въ губернской канцеляріи, секретарь ея Филиппъ Власовъ, очевидно, съ большимъ удовольствіемъ сдѣлалъ на немъ надпись: „полученъ спочтой марта 12-го дня 1724 г., написать въ реэстръ", а канцеляристъ Гусаровъ съ такимъ же удовольствіемъ скрѣпилъ эту надпись, а также резолюцію вице-губернатора Лодыженскаго о записи въ протоколъ полученнаго указа и объ исполненіи по нему. Но болѣе всего радъ былъ такому благопріятному исходу дѣла, конечно, сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ... Только послѣ этого случая ему пришлось разстаться съ своимъ титуломъ „сибирскій царевичъ". По примѣру канцеляріи тайныхъ ро-

[1]) Въ то время всѣ важныя переписки, имѣвшія политическое значеніе, пересылали съ нарочнымъ, а обыкновенныя—почтой.

зыскныхъ дѣлъ его стали звать лишь вичемъ сибирскимъ и въ самомъ заголовкѣ дѣла о немъ въ словѣ „царевичъ“ первые два слога были выскоблены и оставленъ былъ только послѣдній слогъ „вичъ“. Сыну же его Якову и его нисходящимъ присвоенъ былъ уже княжескій титулъ, и потомки сибирскаго царевича стали называться только сибирскими князьями [1]).

Какъ долго послѣ этого случая прожилъ сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ въ Архангельскѣ, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что съ воцареніемъ императора Петра II, сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, во 2-й половинѣ 1727 года, онъ, какъ и другіе сторонники сего послѣдняго, получилъ свободу и выѣхалъ изъ Архангельска: въ бывшемъ въ нашемъ разсмотрѣніи рапортѣ причта Успенскаго г. Архангельска прихода и почетнѣйшихъ прихожанъ его, поданномъ въ ноябрѣ 1729 года мѣстному архіерею по поводу осмотра и оцѣнки хоромнаго строенія, принадлежавшаго бывшему діакону того же прихода Ив. Федорову, имени сибирскаго царевича, въ числѣ знатныхъ прихожанъ, уже мы не встрѣчаемъ [2]), очевидно къ этому времени онъ уѣхалъ изъ мѣста своей ссылки г. Архангельска.

Г. Б.

[1]) См. статью И. Веселовскаго „Сибирскіе—княж. родъ“, помѣщенную въ 58 кн. Энциклоп. словаря Брокгауза и Ефрона.

[2]) Списокъ этого рапорта, включенный въ архіерейскую грамоту 1729 г., находится при дѣлахъ Успенской г. Архангельска церкви.

Письмо графа Ростопчина къ императору Александру I-му съ доносомъ на Сперанскаго.

Ваше императорское величество всемилостивѣйшій государь!

Служа отечеству и престолу вашего величества слишкомъ тридцать лѣтъ къ удовольствію народа и монарха, имѣлъ я счастье пользоваться довѣренностью, и по достойномъ поведеніи за старостью и слабостью здоровья назадъ тому болѣе десяти лѣтъ, по желанію моему, я отставленъ отъ службы, и проживая въ столицѣ Москвѣ, я избранъ нынѣ къ вашему величеству депутатомъ, для представленія вамъ гибельнаго состоянія всего государства, и опасности, угрожающей собственной особѣ вашей отъ умышленной и почти уже совсѣмъ совершенной измѣны толпою, васъ окружающею. Государь! позвольте: по долгу сына отечества, избраннаго и удостоеннаго первѣйшимъ сословіемъ въ вѣрности къ престолу вашему, сказать откровенно и открыть бездну, предъ вами разкрытую, въ которую желаютъ свергнуть васъ, а кто именно есть слѣдующіе:

Осыпанный милостями вашего величества, изъ праха возведенный въ теченіе краткаго времени, вашъ секретарь Сперанскій съ Магницкимъ суть первыя лица, которыя, обольстивъ и склонивъ неистовыхъ умышленниковъ Мор.: М. Тр.: и Воль: го, Яблонскаго, Бцхевичева и прочихъ къ нимъ прикосновенныхъ, о коихъ по важности лично донесу вашему величеству, продали васъ съ сообщниками своими мнимому вашему союзнику, который успѣлъ въ желаніи своемъ, и чрезъ посредство ихъ, удалить войска ваши изъ всей Финляндіи и даже изъ самаго Петербурга, въ извѣстный вамъ край, чрезъ это открылъ себѣ самый благонадежный и свободный путь къ Петербургу. Уже разбойничья его шайка собрана въ Стральзундѣ, гдѣ производитъ успѣшную

постройку разнаго рода гребныхъ судовъ и прочихъ принадлежностей, по окончаніи коихъ намѣренъ, ни мало не мѣшкавъ, перебраться чрезъ заливъ моря и чрезъ рѣкъ на твердую землю. Трофеи его въ Шведской Помераніи развѣваются; туда привезена уже для него богато убранная карета, въ которой намѣренъ онъ вмѣстѣ съ своей императрицей проѣхать чрезъ Ригу прямо къ Петербургу. Разбойничья орда его, состоящая въ Стральзундѣ и Помераніи изъ 120 тысячъ войска, ожидаетъ ежеминутнаго повелѣнія двинуться на пагубу нашего отечества.

Государь! внемли гласу справедливости, которая происходитъ изъ единаго усердія къ отечеству и особѣ твоей, позволь приблизиться мнѣ къ столицѣ и прервать дѣйствіе, злоумышленное хищными звѣрьми, тебя окружающими: я знаю всѣ подробности, даже гдѣ хранится переписка Наполеона съ обнаженными злоумышленниками. Или избери орудіемъ для этого Александра Балашева, который хотя и участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, но принужденно, для узнанія истины, и первый открылъ это великое и ужасное дѣло письмомъ въ Москву отъ 23 февраля, изъ документовъ, кои отъ нихъ будутъ отобраны и вашему величеству представлены; вы усмотрите изъ нихъ ясно, что неистовое намѣреніе и дѣйствіе существуетъ болѣе четырехъ лѣтъ.

Ухищреніе, коимъ онъ хотѣлъ разстроить государство, озлобить противъ васъ народъ, и еще другіе важные случаи, отъ него происходящіе, изъ числа коихъ одинъ, и самый послѣдній, имѣю желаніе представить вашему величеству, есть слѣдующій: послѣднее обстоятельство вашего засѣданія въ верховномъ совѣтѣ, гдѣ представлена вамъ была выписка о новыхъ налогахъ, противъ которой вы сдѣлали возраженіе и не согласились ее утвердить, произнося:—что народъ вашъ и безъ того уже много претерпѣлъ въ прошедшее время, и если это еще допустить, то неминуемо должно ожидать народнаго противу себя озлобленія. На это секретарь вашъ Сперанскій первый подалъ голосъ въ опроверженіе, представя на видъ, что время и обстоятельства требуютъ пособія вашему кабинету для польской арміи, которая должна дѣйствовать оборонительно, и что это есть единственное средство, а если этого не дѣлать, то, во-первыхъ, нельзя приступить къ дѣлу, а во-вторыхъ—и успѣха ожидать невозможно, не имѣя достаточной на то суммы въ начинаніе обороны.

Усиленная армія въ Польскомъ краю, подъ видомъ опасенія напора на оный Бонапарте, въ подкрѣпленіе коей выслана какъ изъ столицы вашей вся гвардія, такъ и изъ Финляндіи почти все войско, доказываетъ умыслъ занять васъ обороной въ Польшѣ, а чрезъ Курляндію пропустить враговъ во внутренность безъ всякой препоны, не явно ли это обманъ? подъ видомъ патріотизма, онъ хотѣлъ озлобить противъ

особы вашей всѣ сословія и вынудить народъ произвесть великое и страшное требованіе, какъ случилось въ Италіи и въ Швейцаріи. Не онъ ли былъ орудіемъ въ прошедшее время, когда ваше величество, бывъ обмануты въ Тильзитѣ, заключили миръ, и миръ для Россіи самый невыгодный, бремя коего и тяжесть вы уже испытали, отъ котораго финансы ваши опустѣли, и способы къ исправленію ихъ изчезли. Чиновники, которые были при этомъ важномъ дѣлѣ, и могли съ пользою для государства быть употреблены, но чрезъ посредство его, подъ видомъ людей опасныхъ, были оклеветаны и удалены. Не удивляйся сему, монархъ! злато и брилліанты, доставленные ему чрезъ французскаго посланника, ослѣпили ему глаза и удалили отъ вѣрности къ отечеству и къ особѣ твоей.

И такъ, ваше величество! время заняться поправленіемъ монархіи и критическаго ея положенія, избрать людей къ сему дѣлу, есть искусство, коимъ одарена была августѣйшая ваша бабка, и по наслѣдству принадлежитъ и вамъ. Открытіе всѣхъ сихъ важныхъ происшествій служитъ къ спасенію вашего величества со всего государства отъ ига иновѣрца. Письмо сіе есть послѣднее, и если останется недѣйствительнымъ, тогда сыны отечества необходимостью себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать, какъ открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія.

Графъ Ростопчинъ и москвитяне.

17-го марта 1812 г.

Доносъ этотъ, по смыслу послѣднихъ словъ письма и по подписи, какъ будто-бы отъ всѣхъ московскихъ гражданъ, сильно подѣйствовалъ на Александра I, особенно въ такой моментъ, когда съ часу на часъ ожидали начала войны 1812 г. Государь въ первый разъ отъ вступленія своего на престолъ поступилъ деспотически, самовластно: безъ изслѣдованія доноса и безъ суда Сперанскій былъ арестованъ и сосланъ.

Время очень скоро и вполнѣ выяснило, что эта царская немилость была вызвана придворною интригою лицъ, завидовавшихъ быстрому возвышенію человѣка недворянскаго происхожденія и царской довѣренности къ сыну приходскаго священника. Главными двигателями этой интриги въ Петербургѣ были генералы Балашевъ и Армфельдъ, распустившіе слухъ объ измѣнѣ Сперанскаго: они доказывали, что всѣ его начертанія къ новымъ преобразованіямъ государственнаго управленія имѣли цѣлью произвести въ Россіи общее неудовольствіе противъ правительства и послѣ того—революцію. Они не знали тогда, что всѣ эти проекты были составлены по повелѣнію Александра I и лично имъ разсмотрѣны и поправлены.

Вѣсть объ измѣнѣ главнаго статсъ-секретаря передана была въ Москву, гдѣ нѣсколько слабоумныхъ стариковъ и легковѣрныхъ крикуновъ возопили о государственномъ преступленіи, хотя не имѣли никакихъ доказательствъ. Государь пожертвовалъ вѣрнымъ, способнымъ и преданнымъ слугою, по несправедливому навѣту, по гласу частнаго, а не общественнаго мнѣнія, точно такъ же, какъ черезъ десять лѣтъ удалилъ друга своего, князя А. Н. Голицына, по интригамъ высокомѣрнаго Фотія и государственнаго злодѣя Магницкаго, какъ назвалъ его Сперанскій, бывшій съ нимъ слишкомъ шестнадцать лѣтъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ...

По окончаніи отечественной войны Александръ I снова оказалъ милости Сперанскому, назначивъ его сперва губернаторомъ въ Пензу, а потомъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, откуда вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Императоръ Николай I отличалъ его особеннымъ вниманіемъ за главное его твореніе—за Сводъ или Собраніе законовъ.

Безпристрастная исторія Россіи со временемъ воздастъ всю справедливость Сперанскому. Люди скоро забываютъ и достоинства, и недостатки человѣка, но потомство сохранитъ къ его памяти благодарность за то, что онъ трудился для лучшей будущности своей страны и составилъ конституцію для Россіи, для всей имперіи. Сперанскій по своему характеру никогда не выразился бы такъ ясно и смѣло, если бы не былъ уполномоченъ отъ самого государя.

„Надо помнить, что трудъ этотъ былъ начатъ уже въ 1808 году, и поэтому должно признаться, что Сперанскій принадлежитъ къ числу самыхъ передовыхъ мужей своего времени не только въ Россіи, но и во всѣхъ государствахъ континентальной Европы“. Такъ выразился о немъ Н. И. Тургеневъ, который зналъ его лично, и говорилъ о его проектахъ преобразованія государства, что онъ слишкомъ много надѣялся на силу указовъ, на письменную регламентацію и формальности, что онъ крайне методически расположилъ весь трудъ свой, но не могъ ему дать души, по той простой причинѣ, что самъ не имѣлъ души. Во всѣхъ его опытахъ и вдохновеніяхъ ничто не обращается къ благороднымъ и сильнымъ порывамъ человѣческаго сердца, кои одни способны вызвать стремленіе къ добру, къ усовершенствованію.

Главные очерки конституціи, составленной Сперанскимъ, читатели найдутъ въ сочиненіи Н. И. Тургенева: „La Russie et les Russes“, Bruxelles, 1847 г. въ III томѣ, стран. 291—334. Тамъ же помѣщено оправдательное письмо Сперанскаго къ государю изъ Перми, изъ мѣста своей ссылки, отъ января мѣсяца 1813 года. Письмо это кончается слѣдующимъ упрекомъ: —„...между тѣмъ мнѣніе, распростра-

ненное повсюду о мнимыхъ моихъ сношеніяхъ съ Франціей, составляетъ теперь важнѣйшее и, смѣю сказать, единственное обвиненіе противъ меня. Только вы, государь, ваша любовь къ справедливости, должны оправдать меня въ этомъ отношеніи предъ народомъ, и дерзаю добавить, что предъ Богомъ вы обязаны это сдѣлать. Въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ сердцѣ вашемъ. Тайна, мною хранимая, принадлежитъ вамъ, а не мнѣ; слѣдственно, вы должны сказать всю правду. Финансовыя реформы, новые налоги, всѣ мѣры общественныя будутъ объяснены и одобрены со временемъ; но здѣсь, теперь, какъ могу я оправдаться, когда все остается еще и должно оставаться въ тайнѣ?..

„Нужно ли еще будетъ, государь! чтобы я также оправдывался противъ обвиненій моихъ враговъ относительно моихъ нравственныхъ правилъ, моихъ сношеній съ мартинистами и иллюминатами? Когда вы изъявили мнѣ желаніе свое узнать объ этихъ сектахъ, о мистическомъ ихъ направленіи, то я сообщилъ вамъ выводы моихъ разъисканій. Обстоятельства слишкомъ скоро прервали эти бесѣды, самыя сладостныя для сердца моего... Но я ссылаюсь на васъ самихъ, государь! слыхали ли вы когда-нибудь въ этихъ бесѣдахъ, чтобы я говорилъ о чемъ другомъ, а не о достоинствѣ человѣческой природы, о высокомъ призваніи человѣка, о законахъ всеобщей любви? Развѣ вы не слышали, какъ я утверждалъ, что только въ этихъ идеяхъ и чувствахъ нахожу единственные источники порядка, счастья и всего лучшаго и возвышеннаго?..

„Какъ возмездіе за всѣ претерпѣнныя горечи, какъ награду за всѣ труды мои, предпринятые и совершенные мною по вашему приказанію для вашей славы и для блага государства, какъ воздаяніе за чистоту моихъ дѣйствій и, наконецъ, въ память тѣхъ отношеній, въ коихъ единъ только Богъ былъ и останется свидѣтелемъ между вами и мною, я прошу единственно одной только милости: да будетъ мнѣ дозволено въ маленькомъ моемъ имѣніи, съ семействомъ моимъ, провести остатокъ жизни, которая, по истинѣ, преисполнена была только трудомъ и печалью... Прошу только для себя свободы и забвенія!“

Изъ воспоминаній о князѣ А. Ѳ. Орловѣ.

Будучи членомъ комитета по освобожденію крестьянъ С.-Петербургской губерніи и имѣя въ виду руководствоваться въ предстоявшихъ мнѣ, при разработкѣ этого вопроса, трудахъ священными словами въ Бозѣ почившаго государя и памятуя его волю, выраженную въ высочайшемъ рескриптѣ, и указанія, преподанныя дворянству, которыя должны были служить основаніемъ и руководствомъ при составленіи общаго, по сему предмету, положенія, я старался неукоснительно слѣдовать духу этихъ указаній, не отступая ни на шагъ отъ благихъ предначертаній царя-освободителя.

Каждое слово этого достопамятнаго и многознаменательнаго рескрипта было преисполнено мудростью, проникнуто желаніемъ сохранить уваженіе къ существовавшему, вѣками освященному государственному порядку, но въ то же время и желаніемъ улучшить и преобразовать его; оно дышало довѣріемъ къ дворянству, сочувствіемъ къ его стремленіямъ и любовью ко всему народу и служило выраженіемъ возвышенныхъ чувствъ, одушевлявшихъ монарха.

Весьма опредѣленно выраженныя, въ этомъ рескриптѣ, основныя начала ясно указывали на непреклонную волю его величества сохранить за помѣщиками право собственности на всю ихъ землю, съ оставленіемъ крестьянамъ усадебной ихъ осѣдлости, которую они должны были, въ теченіе опредѣленнаго срока, пріобрѣсти въ собственность, посредствомъ выкупа и съ предоставленіемъ, сверхъ того, въ ихъ пользованіе сообразнаго съ мѣстными условіями количества земли, за которую они должны были платить оброкъ или отбывать помѣщику работу, что въ свою очередь могло обезпечить ихъ бытъ

и дало бы имъ возможность выполнить передъ помѣщикомъ и правительствомъ свои обязательства.

Такимъ образомъ, право собственности помѣщика на всю его землю было ясно и безусловно выговорено, и вопросъ этотъ повидимому, не могъ подлежать никакимъ новымъ истолкованіямъ, а потому и не предстояло никакой надобности выдѣлять крестьянамъ землю и, обременяя ихъ выкупомъ, нарушать тѣмъ самымъ вышеупомянутое право и порождать столь вредную въ хозяйственномъ отношеніи чрезполосицу, неоднократно вызывавшую и понынѣ еще вызывающую частыя столкновенія между помѣщиками и крестьянами; насильственное же отчужденіе земли отъ владѣльца и таковое же навязываніе ея крестьянамъ несогласны были ни съ закономъ, ни со справедливостью, ни съ волею государя, а равно и съ самыми понятіями о свободѣ.

Между тѣмъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, руководствуясь неизвѣстными соображеніями, исказивъ духъ и самый смыслъ высочайшаго рескрипта, въ коемъ ясно высказано, что крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, т. е. нечто иное, какъ выкупъ права на постоянное водвореніе въ усадьбѣ, перешло предѣлы, начертанные царскою десницею, и въ отношеніяхъ своихъ, разосланныхъ комитетомъ, выяснило, что земля не должна быть предоставлена крестьянамъ въ пользованіе, а отдана, при неизмѣнномъ надѣлѣ отводимыхъ участковъ, въ распоряженіе міра, съ правомъ выкупа ея, въ извѣстный срокъ.

Право выкупа всегда предполагаетъ предшествующее право собственности, личное или наслѣдственное; на какомъ же основаніи предоставлялось крестьянину выкупать то, что ему никогда не принадлежало?

Подобный выводъ представляетъ юридическую безсмыслицу; если же предполагалось предоставить крестьянамъ право купли, то подобнаго права на опредѣленный предметъ не существовало и существовать не могло; право купли заключается единственно въ правѣ располагать своими денежными средствами; всякій можетъ покупать, но лишь то, что ему продаютъ.

Въ подобной сдѣлкѣ купля подчинена праву продажи, которое одно можетъ считаться безусловнымъ, ибо проистекаетъ непосредственно изъ права собственности; такимъ образомъ оцѣнка истолкованія высочайшаго рескрипта, сдѣланнаго министерствомъ, привела къ заключенію, что это истолкованіе даетъ поводъ къ явнымъ несообразностямъ и ведетъ къ несправедливости и нарушенію всѣхъ основныхъ и общепринятыхъ законовъ и понятій.

Между тѣмъ законодательство, дѣйствующее при правильныхъ

условіяхъ, при сложившемся вѣками государственномъ строѣ, не можетъ ссылаться на законъ, вызванный какой-нибудь временной необходимостью, иначе оно отрицало бы само себя и уступило бы мѣсто насилію и произволу.

Всякое правительство, желая провести какую-нибудь мѣру и въ то же время предвидя, что осуществленіе ея будетъ сопряжено съ пагубными треволненіями, обязано воздержаться отъ этой мѣры или изыскать средство къ устраненію могущихъ произойти отъ нея пагубныхъ послѣдствій; налагать же руку на то, что законъ признаетъ неотъемлемымъ и священнымъ, оно не въ правѣ; ставя себя въ такомъ случаѣ внѣ закона, оно тѣмъ самымъ призываетъ каждаго къ противодѣйствію и собственною рукою зажигаетъ пламя междоусобія.

Имѣя въ виду подобныя соображенія, основанныя на вышеизложенныхъ данныхъ, я составилъ записку, въ коей, идя въ уступкахъ даже далѣе того, что было указано въ высочайшемъ манифестѣ, я предлагалъ, не обременяя крестьянъ никакимъ выкупомъ, предоставить имъ усадебную осѣдлость безвозмездно, но съ непремѣннымъ условіемъ сохраненія въ неприкосновенности правъ собственности помѣщиковъ на всю ихъ землю, предоставляя крестьянамъ таковую въ опредѣленномъ размѣрѣ и лишь только во временное ихъ пользованіе, а затѣмъ для огражденія ихъ отъ произвола со стороны помѣщиковъ при назначеніи платы за аренду, при платежѣ оброка или отбываніи повинности работою, составить для каждой губерніи инвентарное положеніе и, согласно установленнымъ по таковому на извѣстныя работы цѣнамъ, опредѣлить норму, свыше которой помѣщикъ не имѣлъ бы права взыскивать съ крестьянина за произведенную имъ работу; если же крестьянинъ пожелалъ бы пользоваться бо́льшимъ, противъ означеннаго въ положеніи, количествомъ земли, или пріобрѣсти оную въ свое владѣніе, то предоставить условія аренды и купли обоюдному, миролюбивому соглашенію сторонъ.

Записка эта, переходя изъ рукъ въ руки, произвела нѣкоторую сенсацію и заслужила одобренія многихъ заинтересованныхъ въ этомъ высокопоставленныхъ лицъ, а равно дошла и до свѣдѣнія бывшаго шефа корпуса жандармовъ и предсѣдателя Государственнаго Совѣта, ген.-ад. кн. Алексѣя Ѳедоровича Орлова.

Встрѣтившись однажды со мною, онъ спросилъ меня объ этой запискѣ и о томъ, какого, собственно, вопроса она касается.

Я объяснилъ князю, что она касается вопроса объ освобожденіи крестьянъ и представляетъ нечто иное, какъ отчетъ моихъ трудовъ и дѣйствій, въ качествѣ члена комитета С.-Петербургской губерніи, и изложеніе моихъ мнѣній и взглядовъ, которые основаны на началахъ, изложенныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ дворянству;

*

вмѣстѣ съ тѣмъ я присовокупилъ, что такъ какъ эта записка составляетъ плодъ моихъ соображеній, едва-ли ошибочныхъ, но идущихъ въ разрѣзъ съ воззрѣніями и истолкованіями министерства, ставящими насъ, сколько мнѣ кажется, въ безвыходное положеніе, набрасывая на нашу шею петлю, которая, по моему мнѣнію, рано или поздно неминуемо должна задушить дворянство, то я прошу князя избавить меня отъ необходимости представить ему эту записку, прочтеніе коей отниметъ столь драгоцѣнное для него время, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ должно считать почти рѣшеннымъ, и самая записка, въ сущности, такъ слаба, что не заслуживаетъ даже вниманія его сіятельства.

„Напротивъ, возразилъ князь, насколько я слышалъ, записка эта дѣйствительно заключаетъ въ себѣ мнѣнія далеко не ошибочныя и не лишенныя интереса, а потому я прошу тебя непремѣнно доставить ее мнѣ“.

Послѣ столь настоятельнаго требованія, выраженнаго при томъ въ такихъ лестныхъ словахъ, я долженъ былъ подчиниться желанію князя и, переписавъ означенную записку, доставилъ ее къ нему на квартиру [1]).

Дня три спустя, я получилъ ее обратно съ жандармомъ, при собственноручномъ письмѣ князя Алексѣя Ѳедоровича, тщательно обернутомъ въ толстую, синюю бумагу, при чемъ большой конвертъ, въ которомъ была препровождена мною записка, не былъ, какъ мнѣ показалось, распечатанъ, изъ чего, точно такъ же, какъ изъ текста самаго письма, слѣдовало заключить, что князь ея не читалъ.

Письмо это, съ надписью: „Его высокоблагородію Сергѣю Михайловичу Борщову, отъ князя Орлова, въ собственныя руки“, было слѣдующаго содержанія:

10-го января 1858 года.

„Генералъ-адъютантъ, князь Орловъ, свидѣтельствуя свое почтеніе Сергѣю Михайловичу, честь имѣетъ его извѣстить, что по встрѣтившимся обстоятельствамъ и по служебнымъ обязанностямъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ читать бумаги, о которыхъ онъ ему вчерась говорилъ, а потому покорно просилъ опыя ему не присылать. Князь Орловъ“.

Подобный отзывъ, со стороны князя, показался мнѣ не только страннымъ, но и не соотвѣтствующимъ сущности дѣла, и мнѣ невольно показалось сомнительнымъ, какимъ образомъ, съ одной стороны, возвращая мнѣ записку, онъ просилъ меня таковую ему не

[1]) Князь жилъ въ то время на Мойкѣ, между Синимъ и Краснымъ мостами, въ д. Таля.

присылать, а съ другой—заявляетъ, что не считаетъ себя въ правѣ ее читать, изъ чего ясно слѣдовало заключить, что онъ вполнѣ ознакомился съ ея содержаніемъ, иначе онъ не могъ бы знать, въ правѣ онъ или не въ правѣ дѣлать; въ справедливости моихъ соображеній я убѣдился, осмотрѣвъ внимательно конвертъ, который оказался подпечатаннымъ.

Сколько ни думалъ я, сколько ни ломалъ себѣ голову, но никакъ не могъ понять, почему князь нашелъ нужнымъ отрицать, что ему извѣстно содержаніе означенной записки, а потому и отложилъ разрѣшеніе этого вопроса до первой съ нимъ встрѣчи; случай объясниться съ нимъ вскорѣ представился.

Будучи приглашенъ, нѣсколько дней спустя, на раутъ къ бывшему, въ то время, англійскому послу при нашемъ дворѣ, лорду Вудгаузу, проживавшему по Большой Итальянской улицѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ прежде Лазареву, я встрѣтился въ аванзалѣ съ пріѣхавшимъ туда же кн. Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ.

Увидѣвъ меня, онъ принялъ строгій видъ и, насупивъ брови, ускореннымъ шагомъ пошелъ прямо ко мнѣ; отвѣтивъ на мой поклонъ и желая оказать мнѣ своего рода дипломатическую ласку и дать мнѣ, вѣроятно, понять этимъ, что онъ читалъ мою записку, князь крѣпко взялъ меня за ухо.

Не мало удивленный столь страннымъ способомъ князя выражать свои мысли, я сказалъ ему:

„Ваше сіятельство, да вѣдь больно, за что же вы мнѣ уши деретe?“

Онъ многозначительно погрозилъ мнѣ пальцемъ, присовокупивъ: „смотри“.

„А, понимаю, возразилъ я, но прежде всего дозвольте мнѣ поблагодарить васъ, ваше сіятельство, и выразить вамъ искреннюю мою къ вамъ признательность за высокое вниманіе, оказанное мнѣ съ вашей стороны; я говорю о письмѣ, коимъ вы соблаговолили удостоить меня; прошу васъ повѣрить мнѣ, князь, что дорогой для меня автографъ этотъ останется, до конца жизни, при мнѣ, какъ память благосклоннаго ко мнѣ расположенія столь доблестнаго сановника, какъ ваше сіятельство; но простите меня великодушно, если я позволю себѣ замѣтить вамъ, что, положа руку на сердце, вы не можете не сознаться, что читали мою записку“.

— Нѣтъ, не читалъ, отвѣтилъ нѣсколько смущеннымъ тономъ князь.

„Такъ за что же, повторяю, вы мнѣ деретe уши, значитъ, знаетъ кошка, чье мясо съѣла, сказалъ я; доказательствомъ же этого можетъ служить, во-первыхъ, то, что возвращенный мнѣ конвертъ, съ

запиской, былъ дурно подпечатанъ, что̀ прямо бросилось мнѣ въ глаза, а во-вторыхъ, что, не зная содержанія записки, вы не могли находить себя не въ правѣ читать ее и кромѣ того, разумѣется, не удостоили бы меня оказанной вами сейчасъ ласки".

Не зная что возразить на мое замѣчаніе, князь видимо растерялся и сталъ въ тупикъ, въ недоумѣніи устремивъ на меня глаза. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, онъ произнесъ:

„Ахъ, какой ты хитрый! Да, признаюсь, читалъ, ты правъ, спасибо тебѣ, но ни гу-гу"; и, погрозивъ мнѣ при этомъ еще разъ пальцемъ, ласково пожалъ мнѣ руку и удалился.

Изъ приведеннаго мною разсказа не трудно убѣдиться, что кн. Алексѣй Ѳедоровичъ раздѣлялъ мнѣніе, выраженное въ моей запискѣ, и вполнѣ сочувствовалъ ему, но почему, несмотря на свое высокое служебное положеніе и на авторитетъ, коимъ онъ пользовался, князь не высказалъ своего мнѣнія прямо и откровенно и не исполнилъ священной, такъ сказать, обязанности, довести своевременно до свѣдѣнія въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя, объ искаженіи высочайшаго рескрипта истолкованіями министерства,—вопросъ довольно загадочный и трудно объяснимый.

Полковникъ **С. М. Борщовъ.**

Воспоминаніе о наводненіи.

Нигдѣ, кажется, на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ такого обычая знаменовать радостныя событія: попойками, спичами и разнаго рода угощеніями, какъ у насъ на Руси, хотя бы для этого пришлось нести въ закладъ завѣтныя вещи и платить жидовскіе проценты; какъ не отпраздновать именины жены, рожденіе сына или внука, свадьбы и другіе отрадные дни? Нельзя! А полученіе чинамѣста, или ордена, развѣ остается незамѣченнымъ между товарищами, знакомыми и друзьями, въ особенности когда являются къ вамъ съ поздравленіемъ и съ пожеланіями всѣхъ благъ,—не только земныхъ, но даже небесныхъ? На этотъ-то случай я хочу разсказать вамъ, читатель, мою исторію, когда получилъ я первый офицерскій чинъ, связанную съ роковымъ днемъ наводненія, бывшаго въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 года. Я служилъ тогда въ Сенатѣ, занимая штатное мѣсто повытчика, и находился подъ крылышкомъ дяди моего законовѣда оберъ-секретаря, у котораго я и жилъ; а знаетъ ли читатель, что это за птица повытчикъ, навѣрное нѣтъ? Это отдѣльный начальникъ, или, какъ нынѣ называется, столоначальникъ, или начальникъ стола. Имѣя средства пользоваться жизнію, я позволялъ себѣ и благородныя удовольствія, въ видѣ посѣщенія баловъ, маскарадовъ, театровъ и другихъ загородныхъ удовольствій въ компаніи съ прекраснымъ поломъ; это, какъ я слыхалъ, облагораживаетъ вкусъ, придаетъ лоскъ въ обществѣ молодому человѣку и дѣлаетъ его, какъ французы выражаются, galant-homme.

При полученіи мною перваго офицерскаго чина, который по формѣ объявленъ былъ мнѣ въ присутствіи Сената 6 ноября, я до того былъ обрадованъ, что пригласилъ, какъ водится, товарищей своихъ пожа-

ловать ко мнѣ на угощеніе въ нѣмецкій ресторанъ Гизе, куда также просилъ удостоить меня посѣщеніемъ своимъ и секретаря моего, какъ ближайшаго начальника, который любилъ и ласкалъ меня, имѣя, какъ мнѣ казалось, на меня виды, породнить меня съ своимъ семействомъ, но какъ сердце мое въ то время было не свободно и принадлежало одной премиленькой коломенской блондинкѣ, отъ которой я чуть было съ ума не сошелъ, то и принужденъ былъ лавировать. И вотъ по окончаніи присутствія я тотчасъ отправился въ ресторанъ и заказалъ на завтрашній день гастрономическій обѣдъ на шесть персонъ, съ трюфелями и шампиньонами; шампанское же, безъ котораго ни одинъ порядочный обѣдъ обойтись не можетъ, приказалъ для эффекта поставить на столъ въ вазахъ со льдомъ, и за все это по счету заплатилъ впередъ и деньги, добавивъ, сверхъ того, что-то на туалетную принадлежность прислугѣ, которая состояла изъ женскаго пола и летала при столѣ съ быстротою молніи. Все, казалось, было устроено какъ нельзя лучше: обѣдъ заказанъ, гости приглашены; хотѣлось даже сдѣлать сюрпризъ начальницѣ своей, привезти билетъ на ложу въ 3-мъ ярусѣ, но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Въ достопамятную для всѣхъ насъ ночь съ 6-го на 7-е ноября, съ вечера мы услышали какой-то чудовищный ревъ и свистъ съ Балтійскаго моря. Жители прибрежныхъ мѣстъ, заслышавъ грозу, по чувству самохраненія всю ночь не спали и находились въ тревожномъ состояніи. Я же напротивъ въ ту ночь спалъ особенно пріятно, будучи увѣренъ, что вода, которая начала прибывать въ Невѣ, ко мнѣ въ третій этажъ не доберется, но вотъ съ разсвѣтомъ дня, когда за сномъ вступаетъ въ свои права лѣнь и нѣга, обычныя избалованному сибирату, прислуга наша, по возвращеніи изъ булочной съ разнымъ печеньемъ къ чаю, доложила, что на дворѣ чуть-ли не свѣта преставленіе, что всю ночь стрѣляли пушки, а съ домовъ вѣтромъ срываетъ крыши, бросая по воздуху въ разныя стороны; по улицамъ шумъ, бѣготня, и народъ находится въ страшной тревогѣ и волненіи Но какъ у каждой головы есть свои думы и заботы, то мнѣ не было нужды знать, что тамъ дѣлается и совершается на дворѣ и на улицахъ; я думалъ объ обѣдѣ съ трюфелями, заглядывалъ мысленно и въ Коломну къ моей обворожительной феѣ, куда влекло меня сердце. Одно лишь меня огорчало, что фея моя, какъ замѣчать я началъ, обращала болѣе вниманіе на гвардейскіе двубортные мундиры, чѣмъ на мое подбитое бархатомъ альмавиво, въ которомъ я съ ней подъ ручку прогуливался на Крестовскомъ по воскресеньямъ; это меня до того тревожило, что я потерялъ аппетитъ, въ которомъ всегда отличался, впалъ въ безсонницу и даже въ какой-то лунатизмъ, конечно

по крышамъ я не ходилъ, и опасаться за меня было нечего, но частенько по ночамъ дѣлалъ экскурсіи, нанималъ извощика и разъѣзжалъ по улицамъ, въ особенности вертѣлся болѣе всего около Коломны и возвращался домой къ утру разбитый и усталый. Дѣла служебныя шли на умъ плохо, и секретарь частенько напоминалъ мнѣ о нихъ, въ особенности, когда наступалъ докладной день; тетушка моя замѣчала мое ненормальное состояніе и нерѣдко спрашивала, не боленъ ли я, или не огорченъ ли кѣмъ и чѣмъ? Дай Богъ ей царство небесное, она любила и берегла меня; это доказывалось и частовременными сюрпризами, въ видѣ цѣнныхъ подарковъ, которые она придумывала, и заглядываніемъ въ мою опочивальню, спокойно ли сплю я, и не тревожатъ ли меня любимыя ея кошечки, которыхъ при ней состояло на пансіонѣ съ полдюжины, если не больше.

Въ роковой день, 7-го ноября, послѣ утренняго чая и кофе съ разнымъ печеньемъ, я отправился на службу, передавъ тетушкѣ моей, у которой цѣловалъ ручки, чтобы меня не ждали къ обѣду, такъ какъ я отозванъ къ знакомымъ на именины (конечно, совралъ). Вышедши на проспектъ и замѣтивши сильный порывистый вѣтеръ, я взялъ перваго попавшагося извозчика, но, доѣхавши (отъ Тучкова моста) до угла Перваго кадетскаго корпуса, я увидалъ выступившую на проспектъ воду и поспѣшность экипажей, ѣхавшихъ по ней на Исаакіевскій мостъ, который поднятъ былъ такъ высоко, что представлялъ съ подъѣздовъ гору; съ быстротою молніи переѣхавши мостъ, на которомъ было много народу, мы съ извозчикомъ очутились у Сенатской лѣстницы. Въ это время напоромъ сильной воды мостъ затрещалъ, онъ сорванъ былъ съ якорей и пошелъ по волнамъ къ Дворцовой набережной, вмѣстѣ съ народомъ и экипажами, которые не успѣли переѣхать по немъ. Крикъ оставшихся на мосту людей, требовавшихъ спасенія, слышенъ былъ на далекомъ разстояніи; подобный крикъ происходилъ и по улицамъ, когда начало заливать нижніе подвальные этажи, въ которыхъ помѣщались торговыя заведенія: лабазы, мелочныя лавочки и винные погреба. Въ это время Исаакіевская площадь буквально представляла море, на которомъ вскорѣ показались лодки, высланныя изъ Адмиралтейства для спасенія людей, державшихся за фонарные столбы у набережной Невы и за водосточныя трубы; на одной изъ лодокъ, какъ впослѣдствіи разсказывали, разъѣзжалъ и спасалъ людей графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ. Тревога въ домахъ была страшная: кромѣ спасенія людей и имущества, нужно было спасать лошадей и коровъ, которыхъ тащили по водѣ изъ конюшенъ и вводили не только на лѣстницы, но даже въ комнаты втораго этажа, а съ этими упрямыми субъектами не легко было справиться. Смотря на всю эту картину, нельзя было не поду-

мать, что Господь прогнѣвался за грѣхи наши и посылаетъ на насъ кару небесную; одни лишь жители Песковъ и части Литейной, какъ впослѣдствіи узнали, будучи безгрѣшные, удостоены были милосердія не знать ни печали, ни воздыханія, не знать, какъ гибнетъ другая часть братіи на Петербургской и на Васильевской сторонѣ, въ особенности въ Чекушахъ и на Емельяновкѣ, гдѣ народъ спасался промокшій, прозябшій и голодный на крышахъ домовъ своихъ, пока разъяренная Нева въ сумерки не улеглась въ свою постель.

Много, какъ говорили въ то время, погибло и людей, и животныхъ, не говоря объ имуществѣ... Я видѣлъ собственными глазами, смотря изъ окна нашего сенатскаго заключенія, въ которомъ мы были заперты, какъ захваченные на Адмиралтейской площади, хлынувшей изъ Невы водой, экипажи: кареты, коляски и дрожки съ сѣдоками и, залитые до половины, выбивались изъ силъ, отыскивая убѣжище къ спасенію своему; пѣшеходамъ же въ низкихъ мѣстахъ приходилось плыть, а лодокъ для спасенія людей я замѣтилъ на площади только двѣ. Процесъ же, совершавшійся на Невѣ, былъ поражающій душу. По волнамъ неслись деревянные дома, сараи, хлѣва, на крышахъ которыхъ были люди, кричавшіе о поданіи помощи къ спасенію. Гальеты, барки и другія суда бросало въ разныя стороны и прибивало къ домамъ по набережной; а катившіяся съ моря по Невѣ громадныя волны разбивались съ страшнымъ шумомъ о каменныя стѣны зданій. Трудно изобразить картину ужаса и страха, которую суждено было мнѣ видѣть; да и никакое перо не въ состояніи описать всѣхъ эпизодовъ печальной катастрофы наводненія, которые совершались въ разныхъ мѣстахъ Петербурга, я разсказываю только то, чему былъ самъ свидѣтелемъ.

Подъ впечатлѣніемъ грустнаго настроенія мыслей, всѣ наши житейскія помышленія въ то время были забыты, думалось только о спасеніи грѣшной души; а тутъ на бѣду еще, съ ножомъ къ горлу приставать сталъ голодъ. „Погоди, говорю я, немножко, голубчикъ, вѣдь обѣдъ заказанъ, авось скоро поправимся“. Такъ нѣтъ, и слушать не хочетъ, заладилъ одно, да только. Посудите сами, многоуважаемый читатель, въ какомъ положеніи находился вашъ покорнѣйшій слуга: съ одной стороны грозило проглотить живьемъ разсвирѣпѣвшее чудовищное море, съ другой—голодъ, который, какъ говорится, не свой братъ, ничѣмъ не убаюкаешь. Я старался кое-какъ развлекать его, бѣгая въ сумерки со свѣчкой по лѣстницамъ сенатскимъ для наблюденія, прибываетъ ли вода по ступенькамъ или нѣтъ; но вотъ, часу въ 5-мъ вечера, къ неописанной радости нашей, замѣтили, что вода остановилась, и чрезъ нѣсколько времени пошла на убыль со ступенекъ съ такою быстротою, что и удержать было

нельзя, затѣмъ показалась и каменная мостовая. Всѣ мы забѣгали, засуетились, чтобы скорѣе улизнуть по домамъ изъ нашего заключенія. Въ это время голодъ мой какъ-будто немного и успокоился, но мнѣ отъ него пришлось еще долго страдать и переносить мученія. На Васильевскій островъ, гдѣ была моя резиденція, я попасть не могъ, такъ какъ, по темнотѣ ночи, переправъ чрезъ Неву никакихъ не существовало, оставалось одно: отправиться къ нѣмцу въ ресторанъ и, съ досады за неудачу моихъ фантазій, съѣсть весь обѣдъ за шестерыхъ; съ этимъ, кажется, согласенъ былъ и товарищъ мой, Гольдъ, у котораго шибко подвело бока. И вотъ мы выходимъ изъ воротъ сенатскихъ и держимъ курсъ прямо на Адмиралтейскій бульваръ, но на серединѣ площади сперва мы наткнулись на какой-то гальетъ, лежащій на боку, потомъ на бревна и дрова, нанесенныя водой и прибитыя къ самому бульвару, чрезъ которыя нужно было перелѣзать съ осторожностью, чтобы не сломать шеи или не раскварсить лба въ потьмахъ, такъ какъ въ этотъ вечеръ и фонарей на площади не зажигали. Выбравшись кой-какъ на бульваръ и шествуя съ осторожностью шагомъ, мы то и дѣло останавливались для отысканія галошъ, которые вязли въ размокшей глинѣ; но когда, противъ Невскаго проспекта, сошли съ бульвара на тротуаръ, то замѣтили кругомъ его огромную лужу воды, которая не успѣла еще найти себѣ мѣста; промочить же ноги, получить флюсъ, а быть можетъ что-нибудь и хуже, не имѣлось желанія, и потому рѣшили возвратиться лучше въ Сенатъ и тамъ провести ночь. Въ это время въ желудкѣ снова что-то заговорило, и я испугался за послѣдствія. Когда же возвратились мы въ Сенатъ, я тотчасъ обратился къ одному изъ курьеровъ нашихъ съ просьбою, говоря: „Голубчикъ дорогой, сдѣлай милость, спаси насъ, сбѣгай въ какой-нибудь трактиръ или хоть въ харчевню, достань что-нибудь поѣсть, мы умираемъ съ голоду“. „Помилуйте, сударь,—отвѣчалъ онъ,—послѣ такого страшнаго потопа, какой сами изволили видѣть, можно ли ожидать, чтобы трактиры были не заперты, да и пробраться по улицамъ нельзя, вездѣ завалено дровами и бревнами, а по низкимъ мѣстамъ стоятъ озера“. „Такъ нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь щей, хоть прошлогоднихъ, или каши“, говорилъ я.—„Нѣтъ,—отвѣчалъ курьеръ,—есть только хлѣбъ, а если угодно, такъ, пожалуй, и самоварчикъ могимъ поставить“. „Давай, любезный,—обрадовавшись такой находкѣ, сказали мы,—будемъ благодарны и за все заплатимъ“. Чрезъ полчаса у насъ на канцелярскомъ письменномъ столѣ дымился самоваръ со всѣми принадлежностями: сахаромъ, чаемъ и огромной мякушкой хлѣба, фунтовъ въ пятнадцать. Тутъ-то мы принялись уплетать, да такъ, что за ушами трещало, во всю жизнь мою я не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ въ то время; казалось бы,

чего больше, такъ нѣтъ, этотъ окаянный, избалованный желудокъ морду еще воротитъ, давай ему чего-нибудь получше изъ кухмистерской. Ну, да ладно, говорю ему, ублажать тебя я не стану, будь доволенъ и тѣмъ, что Богъ послалъ, и ложись спать, а тамъ, завтра, полакомишься, больно изнѣженъ. Не все коту масленица, бываетъ и великій постъ.

Подкрѣпивъ силы наши, мы закурили трабукосы американскіе, которые въ то время появились въ столицѣ и были въ модѣ у аристократовъ и франтовъ, и долго расхаживали по нашимъ заламъ; шутили, смѣялись о приключеніи дня, который выпалъ на нашу долю. Затѣмъ природа начала напоминать намъ о времени ко сну, который уже вступалъ въ свои права. Но на чемъ же лечь? Диванов и подушекъ не существовало, нужно было придумать, какъ устроить постели. И вотъ мы вынимаемъ изъ креселъ и стульевъ подушки волосяныя, кладемъ ихъ на канцелярскіе столы, ложимся на нихъ и накрываемся вмѣсто домашнихъ одѣялъ нашими бекешами съ бобровыми воротниками. Можно было подумать издали, что это лежатъ одинъ за другимъ на столахъ трупы, приготовленные въ анатомическомъ кабинетѣ на Выборгской сторонѣ для опытовъ. Не легко было намъ провести ночь на нашихъ импровизированныхъ постеляхъ; долго сначала вертѣлись мы, переворачиваясь съ боку на бокъ; но природа, наконецъ, взяла свое, и мы заснули съ храпомъ. Во снѣ мнѣ грезились видѣнія, то снился мнѣ обѣдъ мой въ ресторанѣ у нѣмца, то представлялся воображенію моему предметъ моей страсти, имѣвшій вредныя послѣдствія на мою мозговую оболочку. Но съ разсвѣтомъ дня я проснулся, долго шатался я по нашимъ канцелярскимъ заламъ и расправлялъ свои кости, которыя казались мнѣ изломанными. Наконецъ, одѣвшись и распростившись съ своими товарищами, я вышелъ на Сенатскую площадь и отправился домой. На дворѣ было свѣжо и морозно, но снѣгу еще не было. При переправѣ на появившемся ялботѣ чрезъ знакомую намъ Неву, которая привѣтливо встрѣтила меня, она какъ будто просила извиненія въ дерзости своей, надѣлавшей столько бѣдъ и несчастій петербургскимъ жителямъ, въ особенности бѣднымъ людямъ подвальныхъ этажей, сваливая при этомъ всю вину на Балтійское море. Но, добравшись до Малаго проспекта, гдѣ мы жили, я засталъ родныхъ моихъ за чаемъ, которые не мало тревожились за меня. Много и долго разсуждали мы о печальномъ событіи дня, о тревогѣ и суматохѣ въ домѣ при спасеніи изъ подвальныхъ помѣщеній имущества, толковали и о хозяйскомъ винномъ погребѣ, въ которомъ бутылочная жизнь сотерновъ и рейнвейновъ съ ароматическою влагою, какъ слабѣйшая тѣломъ, при столкновеніи въ водѣ съ шампанскими силами, погибла безвозвратно. Долго послѣ

этого продолжались работы по отливкѣ воды изъ подвальныхъ этажей и осушкѣ ихъ, не мало было и хлопотъ по очисткѣ улицъ и площадей, занесенныхъ досками, бревнами и барками, а сорванные на Невѣ мосты не сейчасъ были поставлены на свои мѣста, покуда не были исправлены поврежденія, и сообщенія производились на лодкахъ долго.

Затѣмъ безпокойство тетушки моей, что произошло на дачѣ ея въ Колтовской, вызвало ее вмѣстѣ со мною отправиться туда. У Тучкова моста мы переѣхали чрезъ Неву на лодкѣ, такъ какъ средняя часть его была разорвана наводненіемъ. Когда же очутились мы на Петербургской сторонѣ, то намъ представилась картина печальнаго вида. Мы остановились, долго смотрѣли и не узнавали знакомыхъ намъ улицъ, точно въ чужомъ мѣстѣ, не зная, куда направить путь: заборовъ и тротуаровъ какъ-будто не существовало, дома стояли какъ на полѣ особнякомъ, печальные, осиротѣлые. Мы кой-какъ съ трудомъ по огородамъ и кочкамъ замерзшимъ добрались до своей дачи, гдѣ нашли снаружи все то же, что видѣли у другихъ; но когда вошли въ комнаты, гдѣ оставалось и жило безъ платы одно бѣдное семейство, состоявшее изъ мужа и жены и спасавшейся на чердакѣ, то увидѣли, какъ жалобно выглядывали полы, печи, обои и мебель, поврежденные до того водой, что весною не было возможности переѣхать на дачу безъ капитальныхъ исправленій. Конечно, тетушка, по слабости нервовъ и по предстоящей тратѣ денегъ всплакнула немножко, потомъ долго охала и вздыхала. Я боялся, чтобы съ нею не сдѣлался какой-нибудь припадокъ, въ видѣ истерики или обморока, и совѣтовалъ ей побольше нюхать и втягивать въ себя какую-то аптекарскую соль въ граненомъ флакончикѣ съ цѣпочкой, который она прятала въ своемъ рабочемъ ридикюлѣ; но когда заглянула она въ свой любимый садикъ съ тропическими растеніями: малиной, крапивой, чертополохомъ и бесѣдкой изъ хмѣля, въ которой она въ часы отдыха попивала съ наслажденіемъ разъ шесть въ день кофеекъ, то не выдержала, ахнула и, какъ снопъ, повалилась на землю; много было мнѣ хлопотъ, покуда я вмѣстѣ съ жильцами привелъ ее въ чувство!

Трудно изобразить потери, понесенныя жителями Петербурга отъ наводненія, онѣ были громадны, неисчислимы; но время все изглаживаетъ, все переживается, все забывается, однѣ лишь лѣтописи впослѣдствіи за насъ, стариковъ, которыхъ, думаю, немного уже остается, будутъ говорить о томъ потомству нашему. Не могу не сказать при этомъ, что правительство наше, соболѣзнуя о несчастіи, постигшемъ бѣдный классъ народа, потерею имущества, тотчасъ распорядилось оказать денежное вспомоществованіе, которое и было выдаваемо по удостовѣренію градской полиціи и добросовѣстныхъ лицъ.

Вотъ вамъ, читатель, и наводненіе въ нашей прекрасной Сѣвер-

ной Пальмирѣ 7-го ноября 1824 года, заставившее меня въ день торжества моего, при полученіи перваго офицерскаго чина, ѣсть съ голоду черствый хлѣбъ, выпрошенный чуть не ради Христа у сенатскаго курьера, вмѣсто трюфелей и шампиньоновъ, и ночевать на голыхъ доскахъ, которыхъ до того въ жизнь мою я не зналъ. Существуютъ ли въ настоящее время въ Петербургѣ на домахъ знаки, показывающіе возвышеніе воды описываемаго мною наводненія, и есть ли въ частяхъ спасательныя лодки, которыя послѣ были устроены, мнѣ, какъ провинціалу, не извѣстно.

А. Романовскій.

Письмо Фотія къ императору Николаю I.

«Тайна», извѣщающая императора Николая Павловича о готовящейся въ Россіи революціи.

Благочестившій царь и великій государь!

Царь! Божіею премудростію, правдою, милостію и силою свыше осѣненный.

Радуйся и царствуй по Бозѣ!

Я твой вѣрноподданный; усердный сынъ богоспасаемаго нашего отечества, а твоего царства русскаго; служитель святыя православныя матери нашея Церкви; до крови и смерти моей преданъ престолу русскому; горитъ сердце мое ревностію по вѣрѣ святой нашей — кипитъ во мнѣ горячая святая русская кровь безъ всякой примѣси.

Итакъ по вѣрѣ святой и русской правдѣ нашей возвѣщу тебѣ, православный русскій нашъ государь-отецъ! Обѣщался я и клялся Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ тебѣ истинному и природному царю нашему служить и жить вѣрою и правдою, не по одной присягѣ моей вѣрной, но и по любви, по совѣсти нелицемѣрной и закону православному: по крайнему моему разумѣнію, силѣ моей и возможности все святое доброе, русское и праведное обѣщался я тебѣ, царю нашему и святой Церкви нашей, отъ вреда оборонять; какъ о томъ скоро увѣдаю—заблаговременно объявлять, сколько могу и умѣю; всякими мѣрами зло отвращать и не допускать, не имѣя въ томъ никакихъ видовъ для себя, дѣлать все другу не дружа и врагу не мстя. Вѣрую и исповѣдаю, что предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ во всемъ отвѣтъ дамъ.

Того ради десятое лѣто подвизаюся на полѣ брани противу тайныхъ обществъ и стою за святую вѣру нашу, Церковь Божію Христову, дорогое царство русское и за праведный престолъ его. Тайна беззa-

конія великая, страшная, на гибель всему русскому дѣется: спаси отечество, царство, Церковь Христову, огради вѣру святую. О! великій слуга Бога Вышняго! я возвѣщалъ о семъ царю праведнику, Александру Благословенному, а нынѣ возвѣщаю и тебѣ, какъ умѣю и могу по моей чистой совѣсти; Господу содѣйствующу, ты можешь дѣла Божіи вскорѣ исправить, аще восхощешь; время еще не ушло; мѣры взять нужно; годиною страшнаго искушенія угрожается. Перстъ Божій все тебѣ укажетъ: Господь силъ Сый, Святый, Великій и Праведный съ тобою! Подвизайся, о царю! Той десницею Своею въ крѣпости прославится на тебѣ, сокрушитъ враговъ и множествомъ силы Своея сотретъ супостатовъ. Лукъ сокрушитъ и сломитъ ихъ. Оружіе и щиты ихъ сожжетъ огнемъ: точію живи и царствуй по Бозѣ во Христѣ о Дусѣ Святѣ. Радуйся!

Обозрѣніе плана революціи, предначертаннаго отъ тайныхъ обществъ, въ 1815 году въ С.-Петербургѣ въ морской типографіи напечатаннаго и имѣющаго аки бы вскорѣ исполниться, съ прибавленіемъ къ тому актовъ революціонныхъ о началѣ, ходѣ и образованіи тайныхъ обществъ въ Россіи.

1826 г. въ „Русскомъ Инвалидѣ“ № 24 на страницѣ 96, 97 сказано:

„Слѣдственная коммиссія уже успѣла собрать многія достовѣрныя свѣдѣнія, объясняющія начало, ходъ и образованіе разныхъ тайныхъ обществъ“ и проч.

„Первая мысль о составленіи заговора родилась въ распаленномъ воображеніи нѣсколькихъ молодыхъ людей, обольщенныхъ пагубными примѣрами мятежниковъ“ и проч.

Достовѣрныя свѣдѣнія изъ актовъ.

Прежде, нежели правительство успѣло собрать достовѣрныя свѣдѣнія, помѣщенныя въ Инвалидѣ о тайныхъ обществахъ, — давно успѣли оныя открыть сами себя и свое начало, ходъ и образованіе въ Россіи.

Первая мысль о составленіи заговора, т. е. о преобразованіи всего государства и церкви, прежде, нежели въ Россіи родилась въ воспаленномъ воображеніи нѣсколькихъ молодыхъ людей, — было внѣ Россіи предначертано рѣшительно рано или поздно, но преобразовать государство и церковь въ ней и именно въ извѣстномъ обществѣ англійскихъ методистовъ, имѣющихъ нынѣ вліяніе на всѣ государства почти.

Смотри книги 2-й L'Angleterre et les Anglais, стран. 300, 301, 302. „Поб. пов." [1]), стран. 405, 378.

Оныхъ методистовъ для исполненія предначертаннаго плана изъ Англіи въ 1815 году, яко руководителей, подъ именемъ проповѣдниковъ считалось разосланныхъ въ Россію и прочія страны числомъ 1.657 человѣкъ. Книга 2-я стран. 288, тамъ же.

Изъ показаній ихъ явствуетъ:

1. Что для сего въ концѣ 1815 г. они предполагали, а въ началѣ 1816 уже начали заводить тайное общество, которое составлялось изъ многихъ отдѣленій и коего была цѣль двоякая: одна всѣмъ объявляемая—благотвореніе; другая настоящая, но извѣстная лишь небольшому числу членовъ, измѣненіе государственныхъ постановленій въ Россіи.

И такъ изъ самыхъ актовъ явствуетъ:

Что гораздо прежде, нежели въ концѣ 1815 года, образовалось тайное общество въ Россіи, уже повсюду дерзостно было опубликовано въ разныхъ видахъ, что измѣненіе государственныхъ постановленій въ Россіи нужно и непремѣнно оное будетъ. Чему весь планъ со всѣми подробностями предначертанъ въ тайныхъ обществахъ и напечатанъ въ 1815 году въ морской типографіи въ С.-Петербургѣ въ книгѣ „Побѣдная повѣсть", а именно:

1) Что восточная православная св. Церковь Христова въ Россіи есть аки бы не истинная, стран. 30, 34, и потому предположено уничтожить оную.

2) Что Западная Католическая Церковь не истинная, стран. 37, и потому предположено оную уничтожить.

3) Что Лютеранская и Кальвинская Церковь есть также не истинная, стран. 159, 160, и потому предположено оную уничтожить.

4) Что истинная есть какая-то „братская гернгутерская изъ меннонистовъ, піетистовъ, методистовъ и квакеровъ", стран. 45, 168, 169, и потому предположено оную распространить.

5) Что революція непремѣнно будетъ „чрезъ ложное просвѣщеніе; оная уже приходитъ и придетъ яко страшное искушеніе на всю вселенную, особливо чрезъ долговременную роскошь, охлажденіе къ вѣрѣ, желаніе вольности и свободы отъ всякихъ узъ, законовъ, дабы устроить новое царство, новое правленіе". Стран. 50, 51.

---

[1]) Мистическая книга „Побѣдная повѣсть" соч. Штиллинга. 1815 г.

6) Что для конечнаго совершенія таковаго заговора тайными обществами, кто-то по ихъ вкусу царь имѣетъ быть самозванецъ, нечаянный какой-то правитель. „Поб. пов.“, 58, 59, 60, 275, 277. Возз. 41.

7) Что вышеозначенное все бѣдствіе—судъ революціонный—будетъ именно въ Россійской имперіи: „Экономическое гражданское и общественное состояніе народа, имущество и образъ правительства, церковь, религія, коренное просвѣщеніе, духовенство, іерархія (которая уже чрезъ введеніе духовнаго министерства была нарушена), все въ ней потеряно будетъ и уничтожено“. Стран. 89, 90, 91.

8) Что какъ Змій (симъ названіемъ поносятъ карбонаріи господствующую Христову Церковь въ Россіи) крѣпко дѣржится самодержавной власти, а потому и препятствуетъ преобразованію; то для лучшаго переворота всего—необходимо будетъ введеніе конституціи и пріобученіе къ оной. Стран. 173, 174, 175, 185, 277.

9) Что для произведенія страшнаго преобразованія по всѣмъ частямъ, непремѣнно довлѣетъ быть и будетъ судъ страшный, т. е. кровопролитіе ужасное, невѣроятное, безпримѣрное, и что рушится тройственный союзъ. Стран. 222, 223.

10) Что всѣмъ наскучилъ ужасный деспотизмъ, угнетеніе и неограниченное самовластіе. Стран. 233, 234.

11) Что отъ самыхъ наукъ, просвѣщенія, политическихъ дѣлъ такія худыя и разстроенныя надѣлаются дѣла, что цари по необходимости должны будутъ сдѣлать всеобщій союзъ для отвращенія страшнаго потрясенія въ своихъ государствахъ. Стр. 235, 236.

12) Что тогда-то страшныя казни начнутся — и послѣдній судъ надъ христіанствомъ: гражданское состояніе, просвѣщеніе, духъ народный, господствующій вкусъ, роскошь, мода,—все будетъ въ орудіе казни. Стран. 237.

13) Что сіе потрясеніе—ярость—есть духъ революціонный, который взойдетъ на крайнюю степень буйства, и государственныя постановленія вездѣ потрясутся. Чего образчикъ показала революція во Франціи. Стран. 238, 239.

14) Что тогда морскія державы и другія сильныя и великія державы измѣнятся въ крѣпости своей, т. е. сила и знаменитость ихъ исчезнутъ. Стран. 240.

15) Что предначертанное страшное революціонное кровопролитное побоище такъ вожделѣнно и сладко мечтается быть карбонаріямъ—начальникамъ тайныхъ обществъ, что великою вечеріею Божіею названо. Стран. 281.

16) Что для отвращенія онаго страшнаго бѣдствія великій какой-то монархъ съ арміею своею и съ союзными царями, противу кого-то

ожидаемаго тайнаго самозванца, управителя тайныхъ сокпищъ, вооружится и ему устроена будетъ смерть и его арміи. Стран. 282, 274, 275, 278, 279, 281, 382 и 303.

Для приведенія всего въ исполненіе преобразованія, методисты, квакеры, гернгутеры, молаканы и прочіе въ Россію налетѣли, какъ саранча. Учебныя заведенія, книги, науки, юношество и все прочее къ тому нужное поспѣшили пріуготовить.

2) Что члены, знавшіе истинную цѣль сообщества, еще въ 1817 году разсуждали о средствахъ умертвить государя и проч., и одинъ изъ нихъ, не дожидаясь жеребья, долженствовавшаго назначить убійцу, самъ вызвался на злодѣйство.

Послѣ такихъ извѣстныхъ многихъ карбонарскихъ публикацій дивно ли, что всегда было цѣлію тайныхъ обществъ рано или поздно, своими или чужими руками, но истреблять царей и властей: гдѣ какъ скоро возникалъ страшный переворотъ, цари, власти, духовенство всегда были первою жертвою неистовства. Конечно, не безъизвѣстны были обстоятельства можетъ быть методистамъ касательно и покушенія на жизнь императора Александра въ семъ 1817 г.:

Ибо замѣчательно все то тѣмъ болѣе, что въ семъ 1817 году мая 17-го въ Лондонѣ въ ложѣ франкомасоновъ въ 13 годичномъ засѣданіи библейскаго великобританскаго общества, министръ секты методистовъ говорилъ рѣчь, что успѣхъ для реформы въ Россію введенъ чрезъ библейское общество, а потому и положено особенное обратить вниманіе и вліяніе на Россію при настоящихъ обстоятельствахъ чрезъ распространеніе библейскихъ обществъ; какъ видно изъ самаго акта. Extrait de la Feuille publiée chez Tiffling hughes imprimeurs, Grosuenor Ross chelsea, mai 1817. Treizième Anniversair de la Société biblique.

За симъ въ слѣдъ нахлынули въ Россію карбонаріи духовные и гражданскіе извнѣ; методисты, піетисты, квакеры подѣлали въ С.-Петербургѣ свои связи: восходятъ на каѳедру въ Россіи Феслеръ, Линдель, Госнеръ, Патерсонъ, Пинкертонъ, Криднеръ, Татаринова и вся сволочь; начались прибавляться секта къ сектѣ, расколъ къ расколу и общество къ обществу такъ быстро, что Россія уже начинаетъ стонать отъ нечестиваго нововведенія и грядущихъ ужасовъ. Въ „Инвалидѣ“ сказано, что 1817 года въ обществахъ тайныхъ (мелочныхъ) дѣлается заговоръ на жизнь Александра, и совершитель зло-

дѣйства самъ вызвался; а въ С.-Петербургѣ въ то же время, яко дѣло извѣстное, въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ издатель онаго, директоръ библейскаго общества, какъ бы зналъ о намѣреніи убить государя Александра и о томъ, что оное отложено до будущаго времени— публикуетъ сими словами: „Тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра ударить ножемъ,—да молится: Господи! даруй сердцу моему твое терпѣніе: будемъ, братья, ждать, пока Господь насъ на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на побіеніе Вааловыхъ жрецовъ“. Кн. 4. Стран. 44, 45, стран. 19, 20.

3) „Что 1818 года находя, что ихъ общества не довольно быстро распространяются“ и проч.

„Цѣль по-прежнему была двоякая: всѣ члены, кромѣ благотворительности, обязывались способствовать успѣхамъ просвѣщенія и улучшенія нравовъ“ и проч.

„Намѣреніе испровергнуть государственныя постановленія въ Россіи оставалось тайною начальниковъ“.

„Они старались къ тому пріуготовить умы, умножая число своихъ сообщниковъ и мало-по-малу открывая имъ свои мнѣнія и виды“.

Дабы быстрѣе все къ извѣстной цѣли шло, — въ сіе то несчастное время рождается министерство духовныхъ дѣлъ, соединенное съ просвѣщеніемъ; все сіе начинаетъ быть новое подъ предлогомъ просвѣщенія и исправленія нравовъ; потопляется Россія новымъ ученіемъ либеральнымъ и еретическимъ: начинается реформа по многимъ частямъ, и все къ перевороту направляется; печатается и разсылается книгъ безъ числа съ сего времени противу церкви, вѣры, престола и отечества; и всѣ оныя книги выходятъ въ свѣтъ подъ самыми прекрасными названіями.

Такимъ образомъ въ сіе время намѣреніе испровергнуть государственныя постановленія въ Россіи уже не было тайною начальниковъ; они надѣялись на свой успѣхъ во всемъ и на свои силы; всѣ чувствовали въ Россіи сію заразу; многіе даже знали, но неизвѣстно, почему правительство вниманія не обращало на ходъ ужасовъ по всѣмъ частямъ правленія: ибо карбонарскія мнѣнія и виды публично распространялись и съ дерзостію.

Въ сіе-то время издается та самая книга, которая во Франціи за два года революціи и для содѣйствія къ революціи въ 1790 году была напечатана; въ Россіи же въ 1820 году и для Россіи въ содѣйствіе революціи оная напечатана и во многихъ тысячахъ разослана въ самые отдаленные края Россіи и даже по церквамъ.

4) Что въ 1821 году и проч.

5) Взаимныя сношенія онымъ были покрыты глубочайшею тайною.

6) Что вслѣдъ за тѣми начальниками всѣхъ сихъ обществъ составленъ планъ для испроверженія существующаго порядка посредствомъ вооруженной силы.

Изъ оной книги карбонарской я здѣсь приведу нѣсколько строкъ, какіе ужасы страшные опубликованы въ ней чрезъ вооруженную силу всѣхъ, имѣющіе постигнуть въ годину страшнаго преобразованія и потрясенія всего въ Россіи.

„Се! тотъ, для кого (на семъ языкѣ разумѣется самозванецъ,— новый какой-то правитель въ Россіи) сотворено (поддѣлано) время, грядетъ собрать плодъ, и сами человѣки назнаменуютъ кончину послѣднихъ временъ (здѣсь разумѣются лѣта до 1836 года) тѣми понятіями, какія составили о Божествѣ сокрывающемся (т. е. понятіями о тысячелѣтнемъ царствованіи Христовомъ, аки бы имѣющемъ быть въ 1836 году) и вовлекаются въ революцію, ими самими уготовляемую, Книга „Воззв.“ [1]), стран. 41.

„Провидѣніе положитъ конецъ ихъ царствію (т. е. человѣковъ царей), и они погибнутъ. Стран. 49.

„Грозными судами (какъ во Франціи въ революцію) отомщена будетъ благость Божія (реформа), за презрѣніе къ ней погибнетъ всякъ, кто не явитъ себя человѣкомъ, по крайней мѣрѣ наклоннымъ къ принятію ея (т. е. реформы). Наипаче гнѣвъ Господень (т. е. господь карбонаріевъ) падетъ на такъ называемыхъ вождей и учителей. Стран. 50.

„Нынѣ же не то: времена измѣняются и дѣлаются благопріятнѣйшими (т. е. къ реформѣ), и религія вступаетъ въ новый періодъ. Стран. 57.

„Придетъ время, когда онъ явится во славѣ своей (т. е. инстинктъ— желаніе реформы) въ пришествіи своемъ, совершающемся въ Дусѣ. Стран. 81.

„То-есть. Когда „духъ революціонный, раззоривши Америку, разрушающій Европу и угрожающій Азіи, распространится по всей обитаемой землѣ. „Поб. пов.“. Стран. 50.

[1]) Мистическая книга „Воззваніе къ человѣкамъ и послѣдованіе внутреннему влеченію Духа Христова“. Госперъ. 1820 г.

„Се! тайна послѣднихъ временъ (т. е. годовъ, грядущихъ до 1836 года) тайна великая; т. е. молчите, скрывайте до времени все и дѣлайте дѣла свои.

8) Дѣлами предположенія для будущаго образованія государства и проч.

Между тѣмъ таковыми-то угрозами угрожаютъ тайныя общества святой церкви въ Россіи.

„Крѣпкіе вѣтры (т. е. свирѣпость революціи) отъ Духа Господня (т. е. отъ духа господъ карбонаріевъ), долженствующіе привесть все въ движеніе. Вотъ искушеніе для великой храмины религіи (т. е. нашей церкви).

„Устоятъ ли они противъ удара имъ уготовляемаго. „Воззв.“ стран. 115.

„Время явленія, время долженствующее измѣнить все въ мірѣ приспѣло, и обольщеніямъ положится конецъ. Стран. 15.

„Учители и вожди безразсудные, мнящіе быть въ безопасности, вскорѣ испытаютъ участь страшную и со всѣмъ ихъ искусствомъ, со всѣми предосторожностями не избавятся отъ нея. Стран. 124.

„Ихъ постигнетъ участь, какой не ожидаютъ, и тогда увидитъ вся земля, что это настоящіе слѣпцы, предъ глазами невидящіе рва, имъ уготовляемаго, и падающіе въ оный.

„Судъ сей совершится въ Царствіе Христово на землѣ, имѣющее продлиться тысячу лѣтъ (кое аки бы начнется съ 1836 года).

„Судъ ихъ начнется въ то время, какъ звѣрь и ложный пророкъ, т. е. главные вожди общества—гонители (цари аки бы и духовенство) взяты будутъ и брошены въ озеро огненное (т. е. на мученія и тиранства), за ними послѣдуютъ всѣ ихъ приверженцы“. „Воззв.“ стран. 133.

И всѣ ужасы предначертанные аки бы сбудутся въ 1836 году непремѣнно—говоритъ „Поб. пов.“.

Послѣ таковыхъ успѣховъ карбонарскихъ въ Россіи, какого можно было ожидать добра Россіи? Я считаю за ненужное болѣе открывать. Довольно уже и сего.

1826 года февраля 4-го дня.

А вручена императору Николаю Павловичу въ собственныя руки—февраля 5-го дня 1826 года.

Сообщилъ **А. А.**

Письмо новгородскаго и с.-петербургскаго митрополита Серафима къ императору Николаю I-му.

Ваше императорское величество! всемилостивѣйшій государь!

Отъ нѣкотораго времени въ военно-учебныхъ заведеніяхъ введены въ число учебныхъ дней слѣдующіе девять праздниковъ, съ древнѣйшихъ временъ церковію установленные и постоянно ею наблюдаемые, а именно: Срѣтеніе Господне 2 февраля, Преображеніе 6 августа, Воздвиженіе честнаго креста 14 сентября, Рождество Пресвятыя Богородицы 8 сентября, Покровъ 1-го октября, Введеніе во храмъ 21 ноября, день Казанскія чудотворныя иконы 22 октября, день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя Господня 29 августа, въ который, кромѣ особеннаго поста, совершается еще и поминовеніе о всѣхъ православныхъ воинахъ, за вѣру, царя и отечество животъ свой на брани положившихъ, и день преставленія св. Апостола и евангелиста Іоанна Богослова 26 сентября,—а по примѣру военно-учебныхъ заведеній, таковое обращеніе праздничныхъ дней въ обыкновенные учебные, сдѣлано въ Царскосельскомъ лицеѣ и, наконецъ, въ прошломъ 1837 году въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія.

По долгу моему нельзя мнѣ не принять во вниманіе, что многіе родители, желающіе, чтобъ дѣти ихъ воспитывались въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, не могутъ не безпокоиться, видя, что они во дни святые должны молитвою и церковнымъ торжествомъ жертвовать обыкновеннымъ учебнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ лучшее юношество отечества нашего, пріучаясь въ продолженіе образованія употреблять съ молодыхъ лѣтъ установленные церковію праздники

предпочтительно на обыкновенныя занятія, естественно должно дѣлаться равнодушнымъ къ требованіямъ религіи, а съ теченіемъ времени можетъ и совсѣмъ терять то драгоцѣнное къ обязанностямъ христіанскаго благочестія направленіе, которое отъ родителей передается дѣтямъ изъ рода въ родъ и составляетъ въ русскихъ сердцахъ надежнѣйшую опору государства, а потому со стороны правительства, неусыпно пекущагося о воспитаніи юношества для существенныхъ пользъ отечества, должно быть всемѣрно поддерживаемо и охраняемо. Сбереженіе въ году девяти дней на обыкновенные предметы образованія стоитъ ли того, чтобъ изъ таковой въ учебномъ устройствѣ экономіи отмѣнять древнія и священныя постановленія православной церкви?

Сверхъ сего чувство религіи, подавляемое въ самомъ нѣжномъ возрастѣ примѣромъ воспитанія, мало-по-малу должно ослабѣвать въ дѣтяхъ и съ теченіемъ времени превращаться въ совершенное равнодушіе. Большая часть изъ воспитывающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлаются впослѣдствіи сами начальниками внѣ училищъ; многіе, по званію своему, будутъ владѣльцами крестьянъ: тогда не ослабятъ ли они уваженія къ святымъ праздникамъ и между подчиненными, или подвластными себѣ? Не будутъ ли обязывать ихъ къ трудамъ и работамъ въ тѣ дни, которые св. церковь назначила всѣмъ чадамъ своимъ на молитву, на благочестивыя занятія и отдохновеніе? И не произведетъ ли это соблазна даже въ низшихъ сословіяхъ народа?

Принимая въ разсужденіе съ одной стороны то, что особенно нужно охранить неприкосновенными праздники Господни и Богородичны, поставляемые вселенскою церковію въ разрядъ великихъ праздниковъ, именно: Срѣтеніе Господне и Преображеніе, Воздвиженіе креста Его, Рождество и Введеніе Богоматери, а также и день чудотворныя иконы Казанскія, въ который россійская церковь празднуетъ Божіей Матери, какъ покровительницѣ сего царствующаго града; съ другой—въ особенности то, что если о должномъ наблюденіи означенныхъ праздничныхъ дней, опредѣленныхъ не только правилами церкви, но и издаваемою ежедневно отъ правительства росписью, войти самому мнѣ въ сношеніе съ главными начальниками воспитательныхъ заведеній, или, по долгу служенія моего, донести Св. Синоду на его разсужденіе; то какъ первое, такъ равно и второе, произвело бы въ публикѣ неминуемую огласку съ разнообразными на сіе толками, особливо между раскольниками, которые означенную отмѣну праздничныхъ дней въ важнѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не преминутъ обращать въ оправданіе удаленія своего отъ православной церкви; сверхъ сего предполагая, что означенная отмѣна праздничныхъ дней

могла перейдти въ другія, кромѣ здѣшней столицы, учебныя заведенія подобно тому, какъ перешла она въ училище правовѣдѣнія,—я, по предварительномъ съ пребывающими нынѣ въ столицѣ тремя преосвященными митрополитами [1]) частномъ совѣщаніи, и по единогласному всѣхъ ихъ отзыву о важности таковаго дѣла, осмѣливаюсь съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ представить все сіе непосредственно на высокомонаршее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе.

Всемилостивѣйшій государь! вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій Богомолецъ Серафимъ, митрополитъ новгород. и с.-петерб.

1838 года 5 марта. Сообщилъ А. А.

[1]) Филаретъ, митрополитъ московскій, Филаретъ, митроп. кіевскій и Іона бывшій грузинскій митрополитъ.

Воспоминаніе о князѣ Юріѣ Голицынѣ.

Въ 1903-мъ году въ журналѣ печатались воспоминанія г-жи Хвощинской объ отцѣ ея, князѣ Юріѣ Голицынѣ, извѣстномъ, въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, любителѣ хороваго пѣнія. Я хорошо помню князя и считалъ бы непростительнымъ не сказать нѣсколько словъ объ этомъ чрезвычайно симпатичномъ и оригинальномъ человѣкѣ. Въ то время я учился въ Воронежской духовной семинаріи. Семинаристы всегда были любителями пѣнія и вообще музыки. Когда пріѣзжали въ Воронежъ пѣвцы или пѣвицы, каждый семинаристъ отказываетъ себѣ во всемъ: сократитъ свою пищу, воздержится на нѣкоторое время отъ наложенія подметокъ подъ сапоги; но непремѣнно сбережетъ 50—60 к., чтобы пробраться на галлерею театра, хоть на два представленія.

Въ одно время по семинаріи гулко пронесся слухъ, что въ Воронежъ пріѣхалъ князь Юрій Голицынъ съ огромнымъ хоромъ, самъ будетъ дирижировать имъ и будетъ давать концерты. Князь остановился въ лучшей въ то время гостиницѣ Шванвича на Дворянской улицѣ, недалеко отъ семинаріи. Онъ занялъ цѣлые аппартаменты и тамъ репетировалъ предназначенныя для концертовъ пьесы. Мы пробовали проникнуть въ гостиницу, хотя бы на корридоръ; но впускать посторонних было строго воспрещено, поэтому мы стали ожидать извѣстій, когда и гдѣ князь Голицынъ будетъ давать концерты.

Регентъ семинарскаго хора сгоралъ отъ нетерпѣнія послушать хоръ князя Голицына и посмотрѣть, какъ князь подготовляетъ хоръ и дирижируетъ имъ.—Всѣ, кто бывалъ въ семинарской церкви, знали

регента и любили его. Нужно сказать, что Воронежская семинарія, въ то время была одною изъ самыхъ многолюдныхъ, такъ какъ къ ней относились двѣ эпархіи: воронежская и войска донскаго, которое въ то время не имѣло своей семинаріи. Поэтому и хоръ семинаріи былъ, можно сказать, эффектный: басы молодые, чистые, звонкіе, непорченные тенора, тенора заливные; а дѣтскіе голоса набраны изъ всѣхъ духовныхъ училищъ Воронежской губерніи. Въ числѣ почитателей регента былъ и буфетчикъ гостиницы Шванвича. Чрезъ этого буфетчика регенту удалось проникнуть въ корридоръ гостиницы, всѣ нумера котораго были заняты Голицынымъ и его хоромъ; а потомъ онъ пробрался въ самую залу, гдѣ происходили спѣвки, весь превратившись во вниманіе. Князь располагался обыкновенно такъ: онъ садился на высокомъ стулѣ; впереди стоялъ пюнитръ съ партитурой; сзади располагался хоръ, а на стѣнѣ противъ князя висѣло большое зеркало, въ которое онъ видѣлъ все, что происходило въ залѣ. Когда регентъ сидѣлъ смирно, притаившись гдѣ-нибудь, его нельзя было видѣть въ зеркалѣ. Но регенту захотѣлось посмотрѣть въ самыя ноты, по которымъ пѣли пѣвчіе, поэтому онъ перескакивалъ отъ басовъ къ тенорамъ и т. д.—Внезапно схватывается со стула вспылившій князь и грозно обращается къ регенту: кто ты, и кто пустилъ тебя сюда?—Я семинарскій регентъ; меня никто не пустилъ сюда; я самъ пришелъ, чтобы послушать вашъ хоръ и посмотрѣть, какъ вы имъ управляете.—Князь быстро, какъ говорится, остылъ.—Такъ вы, значитъ, любите музыку, спросилъ князь.—О, я очень люблю музыку, отвѣчалъ регентъ.—Какъ же вы находите мой хоръ и управленіе имъ?—Въ общемъ, конечно, все то, что вижу и слышу, восхитительно; но я не берусь быть цѣнителемъ вашего хора и управленія имъ: все это представляетъ такъ много особенностей, мною никогда не виданныхъ и неслышанныхъ, что я совершенно теряюсь.—Да, мой хоръ не похожъ на ваши хоры. Я много учился, дома и за границей, у лучшихъ музыкальныхъ знаменитостей. Это дѣло также идетъ впередъ; а вы, господа, отстали, хотя и владѣете прекрасными голосовыми средствами: я уже слушалъ ваши хоры. Приглашаю васъ быть на моихъ спѣвкахъ.—Само собою разумѣется, что счастье регента не имѣло предѣловъ.—Для входа на концерты князь давалъ регенту нѣсколько даровыхъ билетовъ для раздачи семинаристамъ—любителямъ пѣнія.

Долго князь Голицынъ былъ предметомъ восхищенія семинаристовъ. О хорѣ Голицына много говорили, спорили, горячились. Князь съ своимъ хоромъ пѣлъ обѣдни въ нѣсколькихъ воронежскихъ церквахъ. Семинаристы съ направленіемъ церковнымъ говорили: пѣніе хора князя Голицына, конечно, музыкально; но оно не гармо-

нируетъ съ нашими строгими православными церковными установленіями; оно прекрасно для театра; пожалуй, для костела; для нѣмецкой кирки; но не для православной церкви. Самъ князь Юрій, изысканно одѣтый, красивый, восторженный, съ дирижерскимъ жезломъ въ рукахъ (небольшая палочка) семинаристамъ—церковникамъ казался совершенно лишеннымъ духа православія. Но семинаристы съ направленіемъ, какъ обыкновенно тогда говорили, обще-человѣческимъ, насквозь проштудировавшіе Добролюбова, Бѣлинскаго et cetera и готовившіеся въ университеты, медико-хирургическую академію, педагогическій институтъ, въ службу военную и гражданскую, говорили: если пѣніе хора князя Голицына музыкально и изящно, то оно вполнѣ соотвѣтствуетъ задачамъ всякой христіанской церкви, а въ томъ числѣ и православной, имѣющей цѣлью поднятіе до возможной высоты, нравственной и эстетической, духа человѣческаго, погрязшаго въ тинѣ житейской суеты. Смотрѣть на православіе лишь съ точки зрѣнія лампаднаго масла—есть величайшій обскурантизмъ. Вѣковая привычка видѣть правителя хора церковнаго въ благообразномъ подрясникѣ, съ главою и бородою, умащенными елеемъ, обаче похищеннымъ со свѣтильниковъ, лишаетъ васъ возможности посмотрѣть не предубѣжденнымъ взглядомъ на такого дирижера, какъ князь Голицынъ и т. д. и т. д.

Во всякомъ случаѣ князь Голицынъ не остался безъ вліянія на музыкальное развитіе воронежскихъ любителей пѣнія.

Аттестаціи стараго времени.

(Изъ провинціальныхъ нравовъ былаго времени).

При скудномъ въ былое время образованіи, провинціальное чиновничество не отличалось особенно высокой нравственностью. Не говоря уже объ отдаленныхъ окраинахъ, и въ болѣе ближайшихъ къ центру губернскихъ городахъ взяточничество и лихоимство было обычнымъ явленіемъ. На счетъ обывателей и казны не брезговали наживаться даже губернаторы. Въ памяти саратовскихъ старожиловъ сохранился, напримѣръ, одинъ изъ начальниковъ этой губерніи начала прошлаго столѣтія Пан—зевъ, который, пріѣхавъ въ Саратовъ чуть не нищимъ, въ короткій срокъ нажилъ солидный капиталецъ. Въ мѣстности, называемой „Дубравой“, что нынѣ Большая и Малая Сергіевская улицы съ прилегающими частями, между Бабушкинымъ и Монастырскимъ взводами, въ то время представлявшей цвѣтущую рощу съ вѣковыми деревьями, губернаторъ облюбовалъ себѣ мѣстечко подъ дачу. Городъ охотно уступилъ ему его, конечно, безплатно. Его превосходительство „кликнулъ кличъ“, и потащили со всѣхъ сторонъ купцы и богатые мѣщане, кто лѣскомъ, кто камешками, кирпичемъ, желѣзомъ на стройку дачи „любезному“ и „милому“ губернатору. Пан—зевъ выстроилъ не дачу, а громадный двухъэтажный каменный домъ, занявшій цѣлый кварталъ. Когда, года два спустя, по его же ходатайству, открывалась въ Саратовѣ первая мужская гимназія, Пан—зевъ „предложилъ“ городу свою дачу подъ это учебное заведеніе; такъ какъ подходящихъ домовъ

въ то время еще не было, пришлось заплатить его превосходительству 60 тыс. руб... Такимъ же способомъ потомъ онъ построилъ еще „дачу“, „уступивъ“ ее за 120 т. руб. подъ Маріинскій институтъ, и на вырученныя деньги пріобрѣлъ въ окрестностяхъ богатое имѣніе, сдѣлавшись саратовскимъ помѣщикомъ.

Немудрено, конечно, послѣ того, что при такомъ губернаторѣ были такіе же и чиновники. „Каковъ—попъ, таковъ—приходъ“. Назначенному въ 1826 году саратовскимъ губернаторомъ, д. с. с. князю Алексѣю Борисовичу Голицыну, истому барину, человѣку честному, правдивому и строгоисполнительному, было поэтому жутко смотрѣть на окружающую среду подчиненныхъ, погрязшихъ въ порокахъ и невѣжествѣ. Началась переборка.

Должно быть, чиновничество было такъ плохо, что даже высшихъ представителей власти не устрашился Голицынъ рекомендовать съ дурной стороны передъ начальствомъ. Въ началѣ 1829 г. онъ представилъ въ Сенатъ формулярные списки, гдѣ въ графѣ „къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ“,— далъ такія курьезныя „аттестаціи“ [1]).

О вице-губернаторѣ колл. совѣт. Сырневѣ: „способности весьма хороши, но едва-ли употребленіе ихъ на пользу службы въ прошедшемъ 1828 году соотвѣтствовало цѣли оной“. Предсѣдатель палаты уголовнаго суда Шушеринъ былъ „и не способенъ, и недостоинъ“. А совѣтникъ той же палаты Ивановъ, „съ весьма ограниченными способностями и строптивому характеру, оказывается къ службѣ не надеженъ и для того не аттестуется“.

Князь, хотя мѣтко, но сдержанно, опредѣлялъ дарованія и нравственность высшихъ чиновъ. Такъ, по его мнѣнію, старшій совѣтникъ казенной палаты 8 класса Крискій „способности имѣлъ, но слишкомъ въ утонченномъ видѣ, къ чему, конечно, получилъ навыкъ, занимаясь дѣлами соляной операціи по Елтонскому озеру“. Другой совѣтникъ той же палаты Меркуловскій—„безъ способностей, запоемъ пьетъ, часто не трезвъ“. Депутатъ дворянства Вольскаго уѣзда титул. совѣт. Яковлевъ рекомендовался такъ: „послѣ родителя родоваго имѣнія почти не осталось, но, будучи трудолюбивымъ чиновникомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ пріобрѣсти большое количество душъ, частью на свое имя, частью на имя жены своей, но какъ способности весьма ограничены, то ни къ чему не аттестуется“.

Что же касается мелкихъ сошекъ, то о нихъ губернаторъ не стѣснялся въ выраженіяхъ и писалъ голую правду. Напримѣръ, секретаря Сердобскаго городоваго магистрата колл. регис. Тархова онъ назвалъ: „ябед-

[1]) Дѣло Саратов. учен. архив. коммиссіи 1829 г., № 1672.

никъ и мерзавецъ, да и отрѣшонъ не въ давнемъ времени отъ должности"; квартальный надзиратель гор. Балашова, поручикъ Зубовичъ — „мерзавецъ, находится подъ судомъ"; петровскій уѣздный стряпчій Березовскій—„безъ способностей и пустой человѣкъ"; сердобскій стряпчій Ячмирскій—„естественный ябедникъ"; аткарскій—Фроловъ — „ни къ чему не способенъ", и т. д. все въ этомъ родѣ. Изъ всѣхъ чиновниковъ оказался только одинъ—губернскій казначей Шараповъ—„добрый старикъ", хотя „безъ всякихъ способностей". Ну, точь въ точь гоголевскіе типы изъ „Мертвыхъ душъ"!

Однако герольдмейстеръ Званцовъ нашелъ неприличными такія аттестаціи, какъ составленныя въ противность существующихъ узаконеній, а больше надо думать, въ противность укоренившемуся обычаю прикрывать поступки служащихъ, — и „почелъ своимъ долгомъ донести" о томъ управляющему министерствомъ юстиціи князю А. А. Долгорукому для надлежащаго съ Голицына взысканія. Но князь не нашелъ нужнымъ вмѣшиваться въ это дѣло, предложивъ Званцову, если „формулярные списки какимъ-либо присутственнымъ мѣстомъ доставляются не въ надлежащей формѣ, докладывать о томъ Сенату для учиненія распоряженія на законномъ основаніи".

Къ сожалѣнію, изъ дальнѣйшей переписки не видно, что было сдѣлано саратовскому губернатору за высказанную имъ правду...

П. Юдинъ.

О неутвержденіи В. Н. Каразина въ должности.

Въ статьѣ Н. Ѳ. Дубровина „Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ“ [1]) между прочимъ упоминается о неутвержденіи Каразина предсѣдателемъ уголовной палаты.

Мы имѣемъ возможность сообщить нѣкоторыя подробности по этому дѣлу.

Въ 1828 году происходили въ Слободско-Украинской губерніи выборы чиновниковъ на гражданскія должности, при чемъ кандидатами въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда были избраны маіоры Михаилъ Бедрага и Иванъ Гиржевъ и статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ. 10-го ноября 1828 г. губернаторъ представилъ Правительствующему Сенату объ испрошеніи высочайшаго утвержденія одного изъ двухъ первыхъ въ означенной должности. 23-го февраля 1829 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату о назначеніи предсѣдателемъ маіора Гиржева. Когда Гиржеву былъ объявленъ высочайшій указъ и приглашеніе явиться къ должности, то онъ далъ письменный отзывъ, въ которомъ указалъ на невозможность, по старости и болѣзненному состоянію, принять на себя обязанности предсѣдателя и просилъ представить о томъ его величеству и его отъ должности уволить. Губернаторъ донесъ о такомъ случаѣ Правительствующему Сенату и представилъ формулярный списокъ третьяго кандидата, В. Н. Каразина. При чемъ, по отношенію къ Каразину,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г. № 4, стран. 7—9.

губернаторъ нашелъ нужнымъ сообщить Сенату, что изъ дѣлъ предмѣстниковъ его видно, что по высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи бывшаго начальника Главнаго штаба его императорскаго величества, отъ 10-го мая 1821 года, статскому совѣтнику Каразину назначено было непремѣнное мѣстопребываніе въ помѣстьи его тамошней губерніи, съ запрещеніемъ выѣзда изъ онаго и съ подтвержденіемъ о наблюденіи, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ будетъ самъ заниматься, и что по таковому же высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи начальника Главнаго штаба отъ 5-го ноября 1826 года, разрѣшено Каразину жить, гдѣ пожелаетъ, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ, однако жъ, С.-Петербурга, впредь до повелѣнія и съ тѣмъ, чтобъ воздержался отъ всякаго сужденія, до него не принадлежащаго. Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду, что избранные дворянствомъ чиновники и уволены могутъ быть лишь съ согласія дворянства же, вернулъ представленіе губернатору, съ предписаніемъ предложить дворянству, если оно согласно на увольненіе Гиржева, избрать къ представленному прежде кандидату Бедрагѣ другаго кандидата и затѣмъ представить Сенату для утвержденія. Относительно же Каразина Правительствующимъ Сенатомъ указывалось, что въ виду донесенія губернатора Правительствующій Сенатъ и не можетъ представить его кандидатомъ на высочайшее утвержденіе предсѣдателемъ въ палату уголовнаго суда, а полагаетъ поставить на видъ дворянскому собранію неумѣстность таковаго выбора".

Между тѣмъ В. Н. Каразинъ, интересуясь избраніемъ и узнавъ объ отправленіи въ Сенатъ его формулярнаго списка, писалъ 6-го іюля 1829 г. министру юстиціи:

„Получивъ списокъ съ таковаго же формулярнаго о службѣ моей, представленнаго въ Правительствующій Сенатъ отъ 22-го числа прошедшаго мѣсяца за подписаніемъ г-на слободско-украинскаго предводителя дворянства Времева, нашелъ я въ оном значительныя упущенія. Нисколько не обвиняя почтеннаго сего чиновника, тѣмъ не менѣе обязанностію моею, *какъ отца шестерыхъ сыновей*, поставляю дополнить упущенное предъ лицемъ вашего сіятельства и Августѣйшаго Государя Императора, которому необходимо изволите докладывать по поводу вступившаго обо мнѣ представленія...

„Въ четвертой графѣ подъ надписью *когда въ службу вступилъ* и пр. сказано *только*, что я *подалъ мысль* слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета. Но я, по прошествіи двадцати семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ молчалъ о участіи моемъ въ семъ дѣлѣ, долженъ *теперь*, въ семъ вѣроятно какъ первомъ, такъ и послѣднемъ случаѣ, сказать

истину: что, я былъ виновникомъ и главнымъ исполнителемъ сего государственнаго учрежденія, равно какъ и пожертвованій на оное, простиравшихся до шести сотъ осьмнадцати тысячъ рублей по тогдашнему курсу, что составило бы два милліона по нынѣшнему; что я не только уклонился въ то время отъ предложеннаго мнѣ всемилостивѣйшаго награжденія за мой подвигъ, но понесъ чувствительнѣйшія огорченія, самое состояніе мое разстроено въ конецъ (въ Правительствующемъ Сенатѣ извѣстно, что все мое имѣніе продается съ аукціона); что не взирая на это я, и въ отставку вышедъ, продолжалъ еще усердно заниматься дѣлами университета. Во всемъ этомъ я, если бъ настояла надобность, могъ бы представить множество доказательствъ, въ письмахъ ко мнѣ и обо мнѣ лицъ, не подозрительныхъ въ пристрастіи. Но дабы не затруднять правительство, беру смѣлость сослаться только на нынѣшняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, его сіятельство графа Виктора Павловича Кочубея, въ памяти коего (смѣю надѣяться) и въ бумагахъ сохранилось болѣе, нежели нужно для подтвержденія моего показанія. Ему же, яко управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, совершенно извѣстно, въ чемъ состояли „нескромныя представленія блаженной памяти Государю Императору“, о коихъ г. губернскій предводитель упоминаетъ въ формулярномъ спискѣ. Уповаю, что жертва, принесенная мной всѣмъ благосостояніемъ моимъ и многочисленнаго моего семейства Государю и Отечеству, будетъ имѣть свою цѣну теперь, когда событія оправдали мое дерзновеніе, и что наслѣдникъ Александра Благословеннаго обратитъ на послѣдокъ на меня достойный его взоръ, милости и правды!“

Имѣя въ виду, что формулярные списки составляются изъ документовъ о службѣ чиновниковъ, министромъ 22-го августа 1829 г. было предписано слободско-украинскому губернскому прокурору объявить Каразину, чтобы онъ имѣющіеся у него документы (по отношенію къ университету) представилъ мѣстному начальству для дополненія формулярнаго о службѣ его списка.

Когда сообщеніе министра было объявлено В. Н. Каразину, то онъ, 22-го сентября, вручилъ губернатору четыре свертка бумагъ и просилъ представить ихъ къ министру юстиціи, что̀ губернаторомъ и было 26-го сентября исполнено, а 2-го октября того же 1829 г. Каразинъ изъ Харькова послалъ новое письмо:

„Въ Кащелярію его высокопревосходительства, господина управляющаго министерствомъ юстиціи.

„Благоволите, милостивые государи, пріобщить къ бумагамъ уже доставленнымъ на имя его высокопревосходительства отъ слободско-украинскаго гражданскаго губернатора по дѣлу о пожертвованіи на

Харьковскій университетъ и четыре, при семъ прилагаемыя. Не имѣвъ ихъ тогда (подобно какъ и многихъ другихъ, кои бы могли служить доказательствами), я сейчасъ оныя получаю, по благосклонности г-на предводителя дворянства нашего уѣзда, изъ архива онаго: и по совѣту его превосходительства г-на губернатора имѣю честь представить непосредственно".

Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, возвращая губернатору представленныя имъ и В. Н. бумаги, въ отношеніи своемъ отъ 13-го ноября 1829 г. писалъ: „Прочитавъ оныя со вниманіемъ, я не могу не отдать полной справедливости усердію и дѣятельному участію, которыя оказалъ г. Каразинъ на пользу отечества въ учрежденіи Харьковскаго университета; но со всѣмъ тѣмъ находя не относящимся до меня исправленіе послужнаго его списка, представленнаго въ Правительствующій Сенатъ за подписаніемъ г. губернскаго предводителя дворянства, покорно прошу васъ, милостивый государь, сдѣлавъ по сношенію съ г. предводителемъ дворянства нужныя въ послужномъ спискѣ (Каразина) дополненія, представить оный отъ себя въ Правительствующій Сенатъ въ замѣнъ доставленнаго уже вами по случаю избранія г. Каразина въ число кандидатовъ на вакансію предсѣдателя уголовной палаты".

Въ январѣ 1830 года формуляръ В. Н. былъ дополненъ, согласно его домогательствамъ и желанію, но въ Сенатъ представленъ не былъ, въ виду послѣдованія уже указа, отъ 19-го сентября 1829 г., о неутвержденіи его въ должности предсѣдателя палаты.

Н. А. Мурзановъ.

Переписка Рунича съ Гречемъ и Краевскимъ по поводу похоронъ Сперанскаго.

Статья Рунича по поводу похоронъ была слѣдующаго содержанія:

Возвратясь изъ Невскаго монастыря, съ великолѣпнаго погребенія графа Михаила Михайловича Сперанскаго, я былъ полонъ двумя мыслями, которыя попеременно занимали все вниманіе, и моего верховнаго человѣческаго судьи,—моего разума. Въ наше время, разумъ окончательно разрѣшаетъ всѣ затрудненія и разсѣкаетъ однимъ мигомъ всѣ узлы. И мой хотѣлъ было однимъ ударомъ своей сѣчки разрубить на двое мое недоумѣніе, приписавъ явленіе, при которомъ я находился, счастію и случаю! Но я удержалъ его; не позволяя ему прекращать окончательно моихъ недоразумѣній, а призвавъ на помощь памяти моей факты, здравый смыслъ и разсудокъ, я утвердился въ мнѣніи, которое подкрѣпило сорокалѣтнее наблюденіе, что: происходившее, послѣ сорока лѣтъ, великолѣпное погребеніе графа Сперанскаго, не есть дѣло ни счастія, ни случая,—а естественное явленіе слѣдствій силы ума великаго, характера твердаго, способностей необыкновенныхъ!

Конечно, случай нуженъ, чтобъ возбудить силу! Но ex ungue Leonem! Какихъ ни производи возбужденій; какихъ ни подводи случаевъ; ничто всегда останется ничѣмъ! Впрочемъ, великіе геніи не подлежатъ суду современниковъ.

Слѣдуя постепенно за возвышеніемъ Михаила Михайловича, совершавшимся въ глазахъ моихъ, хотя я не имѣлъ чести принадлежать къ кругу близкихъ къ нему и не могу говорить о его моральныхъ

качествахъ, по имѣю въ рукахъ моихъ нѣсколько собственноручныхъ его писемъ къ покойному отцу моему, свидѣтельствующихъ чувства нѣжныя и самую искреннюю попечительность о присныхъ. Такихъ чувствъ не должно искать въ душахъ обыкновенныхъ.

Современникъ мой, по началу гражданской службы, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, около 1799 года, времени моего возвращенія изъ-за границы въ Россію, поступилъ въ гражданскую службу изъ учителей Невской академіи и въ незабвенный 1812 годъ былъ уже государственнымъ секретаремъ, Александровскимъ кавалеромъ, а въ 1839 году кончилъ жизнь графомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и Андреевскимъ кавалеромъ! Такъ, оставя сорокъ лѣтъ назадъ Невскую лавру, гдѣ обыкновенная сила слова и краснорѣчія его предвѣщали уже и способности необыкновенныя, развившіяся впослѣдствіи во всемъ блескѣ —онъ возвращаетъ нынѣ той же лаврѣ смертные остатки свои, которые предаются землѣ, въ присутствіи государя императора, какъ остатки государственнаго мужа, обязаннаго возвышеніемъ своимъ глубокой проницательности двухъ великихъ государей, силѣ ума своего и необыкновеннымъ своимъ дарованіямъ! Быстроту хода всегда полезнѣйшей и видной его службы всякъ усмотрѣть можетъ изъ послужнаго его списка.

Я пишу не некрологію сего незабвеннаго человѣка, но желаю сохранить нѣкоторые очерки жизни покойнаго для потомства. Что Карамзинъ сдѣлалъ для русской словесности; митрополиты: Платонъ и Михаилъ—для духовнаго краснорѣчія, то сдѣлалъ Сперанскій для правительственнаго слога: style de Barreau. До него и слогъ сей, и самый почеркъ были варварскіе; въ чемъ согласятся со мною всѣ, подобно мнѣ, начавшіе и продолжавшіе сорокъ лѣтъ назадъ гражданскую службу.

Русскіе не имѣютъ надобности искать великихъ именъ между скиѳами, греками и римлянами. Россія имѣла и великихъ государей, и великихъ государственныхъ людей! Исторія и потомство съ гордостію вспоминать будутъ: Великаго Петра, Екатерину и Александра Благословеннаго. Не дерзаю къ именамъ симъ присовокупить еще имени великаго,—но всѣ назовутъ его! Та же исторія и то же потомство никогда не забудутъ полководцевъ, прославившихся въ царствованіе дома Романовыхъ: Потемкина, Румянцева и Суворова;—знаменитыхъ государственныхъ мужей, начавшихъ гражданскую славу, достигающую апогея Россіи, Шувалова и Бецкаго; отцевъ россійскаго слога: Ломоносова, Державина и Карамзина: и та же исторія, и то же потомство, вспоминая съ благоговѣніемъ вѣнценоснаго благотворителя своего, благополучно царствующаго государя императора, и по имени, и по дѣламъ перваго, даровавшаго Россіи образованіе прочное и законы

положительные; благословляя царствованіе Николая, при взглядѣ на сводъ законовъ, къ благодарнымъ чувствамъ присовокупитъ, конечно, и чувства глубокаго уваженія къ памяти и естественнымъ заслугамъ Сперанскаго.

Дмитрій Руничъ.

Статья эта была послана Гречу въ „Сѣверную Пчелу“; Гречъ ее не принялъ и отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

15-го февраля 1839 г.

Милостивый государь, Дмитрій Павловичъ!

Получивъ сегодня, при почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства, статью о погребеніи графа М. М. Сперанскаго, долгомъ поставляю отвѣтствовать вамъ, что статья ваша въ „Сѣверной Пчелѣ“ напечатана быть не можетъ, потому что, вслѣдствіе принятыхъ журналами правилъ, одно частное лицо не можетъ судить о жизни и заслугахъ государственныхъ мужей отъ своего собственнаго имени; сверхъ того, біографія графа М. М. составляется по оставшимся отъ покойнаго документамъ, съ согласія родственниковъ и одобренія высшаго начальства, Ѳ. В. Булгаринымъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь пребыть и пр.

Гречъ.

На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ Рунича:

С.-Петербургъ, февраля 1839 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Если я не поспѣшилъ отвѣтомъ на письмо вашего превосходительства, не менѣе того, считаю долгомъ принести вамъ благодарность за скорое возвращеніе статьи моей: о погребеніи гр. Сперанскаго и особенно за увѣдомленіе, что она въ „Сѣверной Пчелѣ“ напечатана быть не можетъ потому, „что одно частное лицо не можетъ судить о жизни и заслугахъ государственныхъ мужей отъ своего собственнаго имени“. Эта мысль для меня новая! Прочитавъ въ 50 лѣтъ все историческое, что только прочтеннымъ быть заслуживаетъ, мнѣ никогда не встрѣчалось еще видѣть, чтобъ какой-нибудь писатель, знаменитый или подкупной подписывалъ, что по примѣру торговыхъ домовъ: такой-то и комп.! Я не сужу въ статьѣ моей государственнаго мужа, а написалъ ее для убѣжденія только сомнѣвающихся въ томъ, что достоинства личныя людей истинно геніальныхъ могутъ пропадать

безъ вѣсти въ Россіи, и въ живое доказательство, что они всегда обращали и обращаютъ на себя вниманіе и благоволеніе вѣнценосцевъ россійскихъ.

На самомъ погребеніи гр. Сперанскаго, когда я предварилъ васъ, что пришлю къ вамъ для „Сѣверной Пчелы“ статью, по случаю сего погребенія мною написанную, вы отозвались, что немедля препроводите ее къ графу Бенкендорфу, получивъ повелѣніе представлять на одобреніе все, что къ вамъ прислано будетъ, на счетъ дѣйствительно важной потери, которую понесла государственная служба. На другой день вы пишете: „что въ слѣдствіе принятаго журналами правила, одно частное лицо и проч.“

Высочайшая воля и распоряженіе уставленныхъ отъ нея властей,— для меня законъ, предъ которымъ благоговѣю! но правила журнальныя ни меня и никого не обязываютъ безусловнымъ соглашеніемъ съ тысячами мнѣній издателей журналовъ!—и я принимаю отказъ вашъ не выраженіемъ высочайшей воли, а просто явнымъ уклоненіемъ отъ напечатанія статьи моей, не сообразной съ видами вашей газеты; и не огорчаюсь, и не обижаюсь тѣмъ, ибо написалъ мысли мои, отъ которыхъ никто изъ людей благонамѣренныхъ не откажется, ни въ угодность родственниковъ гр. Сперанскаго, которыхъ и не знаю! Неужели ваше превосходительство думали, какъ ввелось нынѣ говорить, надуть меня?—Письмо—не юмористическая статья.

Что Ѳ. В. Булгаринъ взялся, съ согласія родственниковъ гр. Сперанскаго и одобренія высшаго начальства, составить біографію графа— это очень естественно; но это нисколько не помѣшаетъ статьѣ моей быть напечатанною въ другихъ журналахъ, не подвѣдомыхъ „Сѣверной Пчелѣ“. Сверхъ того, написанная мною статья о погребеніи гр. Сперанскаго войдетъ въ массу собранныхъ въ продолженіе болѣе полувѣка покойнымъ отцемъ моимъ и мною, за сто лѣтъ подлинныхъ фактовъ и документовъ, изъ которыхъ я составляю современныя, для исторіи послѣдняго столѣтія, записки; впрочемъ онѣ послѣ смерти только моей изданы въ свѣтъ будутъ.—Что пишется для исторіи, то въ согласіи родственниковъ, газетъ и журналовъ надобности не имѣетъ. Едва ли Тациты и Геренъ обращали вниманіе на родственныя отношенія! Вы согласитесь, что не всѣ и біографіи и некрологіи для исторіи годятся! Впрочемъ и вы правы: и газета— не исторія!

На счетъ живыхъ государственныхъ мужей никто произносить суда права не имѣетъ! но выводить послѣ смерти ихъ заключенія, въ пользу живыхъ, есть долгъ безпристрастнаго современника,

предпочитающаго пользу общую частной; самостоятельную истину—пристрастнымъ сужденіямъ; жертву совѣсти—куренію идоловъ! Біографій, некрологій и эпитафій я никогда писать не принимался. Ученымъ и книги въ руки!

Письмо ваше ко мнѣ и настоящее въ Отвѣтъ на ваше также не останутся безгласными, и они присоединятся къ матеріаламъ, которые войдутъ въ составъ современныхъ записокъ, о которыхъ я упомянулъ выше.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.

Испытавъ неудачу и Булгарина и Греча, Руничъ обратился къ Краевскому. Но и Краевскій отвѣчалъ отрицательно письмомъ слѣдующаго содержанія:

25-го февраля 1839 года.

Милостивый государь, Дмитрій Павловичъ!

Статью вашу я, тотчасъ послѣ свиданія съ вами, отправилъ къ г. цензору Лангеру, и дня черезъ три получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ безъ рѣшенія цензурнаго комитета дозволить напечатаніе сей статьи не можетъ. Я просилъ его представить статью въ цензурный комитетъ, онъ представилъ и вчера прислалъ мнѣ ее съ надписью, которую вы изволите увидѣть на полѣ самой статьи.

Возвращая при семъ самую статью, я весьма сожалѣю, что препятствія, отъ меня независящія, не дозволяютъ мнѣ исполнить ваше желаніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

А. Краевскій.

Послѣ петербургскихъ неудачъ Руничъ хотѣлъ напечатать статью въ Москвѣ, послалъ ее Полевому при слѣдующемъ письмѣ:

С.-Петербургъ, 4-го марта 1839 г.

Не имѣя чести лично быть вамъ извѣстнымъ и когда-либо находиться въ сношеніяхъ съ вами, по чувству искренняго уваженія къ безпристрастному суду вашему и истинно полезнѣйшимъ занятіямъ по части отечественной исторіи, какъ одинъ изъ давнѣйшихъ любителей русской словесности, около 1790 годовъ, печатавшій уже вмѣстѣ съ покойнымъ Карамзинымъ, плоды и моихъ занятій, препровождаю у сего къ свѣдѣнію вашему: 1) статью мою о погребеніи графа Сперанскаго; 2) письмо ко мнѣ г. Греча, отказавшагося помѣстить ее въ „Сѣверной Пчелѣ“; и 3) отвѣтъ мой ему.

И цензурный комитетъ не дозволилъ напечатаніе ея въ „Отече-

ственныхъ Запискахъ"! Тамъ трудъ мой не нашелъ мѣста ни въ одной современной газетѣ!

Вы увидите изъ моего письма къ г. Гречу, какія побужденія заставили меня въ кои-то вѣки взяться за перо, чтобъ написать нѣсколько строкъ, основанныхъ на безкорыстномъ уваженіи къ генію,—не по лицу, а къ лицу,—по генію! Если вы оправдаете сіе побужденіе, а статья, понятія и чувства мои найдутъ мѣсто въ историческихъ воспоминаніяхъ вашихъ, трудъ мой будетъ вознагражденъ!

Время и для умныхъ, и для глупыхъ! Исторія — для истины и потомства!

Искренно радуюсь, что встрѣтилъ случай изъявить вамъ, давно уже внушенное мнѣ сочиненіями вашими, нелестное къ вамъ уваженіе, съ которымъ постоянно пребыть честь имѣю вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Дмитрій Руничъ.

Написавъ это письмо, Руничъ однако не послалъ его; очевидно, онъ это сдѣлалъ вслѣдствіе нижеслѣдующаго письма къ нему священника Предтеченскаго:

2-го марта 1839 г.

Въ статьѣ вашей, если позволите сообщить вашему превосходительству и мое мнѣніе, дѣйствительно чего-то недостаетъ, чтобы можно было напечатать ее гдѣ-либо. Нужно пополнить и яснѣе высказать главную мысль, какую вы хотите выразить въ ней. А заглавіе я далъ бы ей такое: Мои мысли при погребеніи графа Сперанскаго. Впрочемъ и не поздно ли уже будетъ адресоваться съ нею къ Николаю Алексѣевичу Полевому? Такого рода статья тогда же должна бы быть напечатана.

Благодарю васъ за довѣренность вашу ко мнѣ. Уклончивые отзывы, или, лучше сказать, увертки гг. ученыхъ мнѣ показались очень интересны.

Съ полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, знаменской церкви іерей Іаковъ Предтеченскій.

Грамота, пожалованная моему предку Козьмѣ Минину.

Божіею милостію, Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи Самодержецъ, по своему царскому осмотрѣнію пожаловали есьмь думнаго своего дворянина Кузму Минича за ево Кузмину многую службу, какъ въ прошломъ въ 119 году Польскіи и Литовскіи люди Московское Государство разоръ и завладѣли и Московскаго Государства изъ городовъ бояре и воеводы собрався со всякими ратными людьми пришли подъ Москву,—Московское Государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищать, и подъ Москвою многое время стояли, и ратные люди отъ литовскаго разоренія скудости отъ Москвы разъѣхались, и онъ, Кузма, помянулъ Бога и Пречистую Богородицу, въ Нижнемъ Новѣгородѣ изъ понизовыхъ, изъ верховыхъ, изъ поморскихъ и со всѣхъ городовъ и ратныхъ всякихъ разоренныхъ людей подмогалъ, и ратные люди съ бояры и воеводы и съ нимъ Кузмою собрався—подъ Москву къ боярамъ же и воеводамъ, кои стояли подъ Москвою безотступно, на помощь пришли и Московское Государство очистили; и за ту его службу пожаловали есьмь ево Кузму и сына ево Нефедье въ Нижегородскомъ уѣздѣ изъ ево же помѣстья, что ему пожаловали есьмь напредь сего за Московское очищеніе селомъ Богородицкимъ, да къ селу же Богородскому припущено въ пашню пустошь Окуловская, пустошь Орлова, пустошь Зеновова, Дуброва да къ селу жъ Богородскому деревни: деревня Цепелева, деревня Высокая, деревня Осиновка, деревня Песочня, Коврово тожъ, деревня Бакланова, деревня Коростелева, де-

ревня Дикое-Ременье, а Новое-Ременье тожъ, что былъ Починокъ, деревня Демидово, деревня Выболово, и всего къ селу Богородскому девять деревень живущихъ, а по памяти изъ нижегородскія чети за приписью дьяка нашего Василья Семенова въ нижегородскихъ въ дозорныхъ книгахъ Василья Борисова да подъячаго Третьяка Абрамова лѣта 7096 году написано: въ селѣ Богородскомъ и въ деревняхъ пашни тысяча шестьсотъ тридцать четвертей и Кузмѣ и сыну ево по сей Нашей Царской жалованной грамотѣ владѣть тѣмъ селомъ Богородскимъ съ деревнями и съ пустошами и со всѣми угодьи въ вотчину имъ и ихъ женамъ и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ и въ родъ ихъ неподвижно и вольно имъ та вотчина по Нашему Царскому жалованью продати и заложити и по душѣ и въ приданое отдати и послѣ своего живота роду своему и племени отказати. Дана сія Наша грамота Нашего Государства въ Царствующемъ Градѣ Москвѣ лѣта 7123 Генваря въ 20-й, а подписалъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, дьякъ Миколай Никитинъ сынъ Новокщеновъ.

Назади написано тако:

Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи Самодержецъ.

Справилъ подъячій Васька Волковъ по Нижнему Ново-городу. подъ № 281.

Подъ № 26.

У той грамоты печать вислая на красномъ воску. Въ Боярской книгѣ 124 году по прочемъ значитъ: дворяне въ Думѣ, въ числѣ которыхъ явствуетъ Козма Мининъ подъ именемъ ево написано ему окладъ двѣсти рублевъ, а помѣстьемъ не верстать.

Въ книгѣ Московскаго Осаднаго Сидѣнья 126, 127 годовъ значитъ: стрянчіи были по полкамъ съ воеводами въ Москвѣ, въ числѣ которыхъ Нефедъ Козминъ сынъ Мининъ. Бывшей Печатной Конторы въ записной 7123 года книгѣ значитъ:

Февраля въ 23-й день Грамота жалованная закрѣпленная Красною печатью Думнаго Дворянина Козмы Минина, да сына Нефедья на Нижегородскую ево вотчину на село Богородское съ деревнями: на тысячу шестьсотъ на тридцать четвертей, за Московское очищеніе пошлинъ двадцати рублевъ двѣнадцати алтынъ трехъ денегъ по приказу Постельнаго и Намѣстника Константина Иваноча Михалкова не взято.

Письмо казака Платову [1]).

Отецъ ты нашъ, Матвѣй Ивановичъ. Давно мы отъ тебя, отца, грамотки не видѣли; ужъ не гнѣвенъ ли ты, родимый нашъ? Лишь пронеслась у насъ вѣсть веселая, что побѣдилъ ты, государь, рать силу невѣрную, что нестолько-то ихъ въ полонъ побралъ, сколько нанизалъ ихъ на наши Донскія копья булатныя, мы старики, государь, отъ той вѣсти ожили, и Спасу съ Пречистой поклонилися, за тебя и за дѣтей своихъ имъ помолилися. Даруй, Господи, побѣду Царю русскому, помогай Ты его воинству, намъ казакамъ дай потѣшиться въ полѣ чистомъ со злодѣями... Вотъ тебѣ, батюшка нашъ, Матвѣй Ивановичъ, наша теплая молитва; научило ей насъ сердце казацкое.

Государь ты нашъ. Есть у насъ горюшко, хоть не горе, а лишь смѣхъ одинъ. Нашъ Макаръ Ѳедоровичъ ѣздилъ съ Дона въ ближнюю губернію и привезъ намъ вѣсть, что въ какихъ-то бусурманскихъ бумагахъ писано, что дивится французъ, какъ мы, мужики вишь простые, съ бородами и въ кафтанахъ долгополыхъ, за всегда ему ребра пересчитываемъ. О, мои, дескать, люди умные, изо всѣхъ народовъ самый храбрый и великій, разумѣетъ-де и построить крѣпость и пріодѣться, передъ бабами задать выпляску, и мостъ навести, и въ цѣль стрѣлять.

---

[1]) Полученное во время кампаніи 1812 года письмо графомъ Матвѣемъ Ивановичемъ Платовымъ, атаманомъ войска Донскаго, отъ казака, Серединской станицы, Ермолая Гавриловича, съ Дона.

То-то, государь мой, пословица не даромъ есть: на всякаго мудреца есть много глупости. Съ крѣпостями да съ ихъ плясками не далеко залетятъ они. Мы, отецъ нашъ, и простой народъ, а бывали ужъ въ Турціи, были въ Пруссіи и въ Персіи, у Цесарца и въ Швейцаріи, а что Польша у насъ казаковъ на ладоночкѣ. Были мы и въ Тальянской землѣ; мы повидали ихъ болвановъ точеныхъ. Не защититъ васъ, окаянные, идолъ пакостный, если вы забыли Царя небеснаго. Мы съ бородками и долгополы, а Отцу Богу мы вѣруемъ; отъ Него намъ вѣдь и помощь-то. Какъ ударимъ мы на врага, думаешь, что это не ты, батюшка нашъ Матвѣй Ивановичъ, на борзомъ конѣ впереди летитъ, а что Самъ Богъ насъ на войну ведетъ. Ахъ, вы, глупые люди, неразумные. Ну чему же вы дивитесь намъ, что деремся мы безъ трусости? Эка притча. Мы деремся вѣдь и за домъ, и за дѣтей, за Царя и Вѣру православную. Вы деретесь за звѣздочку, за золото, да за Боба Королевича. Глянь-ко, французъ, какъ живемъ мы на святомъ Дону! у те волосы поднимутся. Будешь ты болтать дуракомъ однимъ, что загонишь Русь во холодную Сибирь. Проговаривалъ ты, что нельзя насъ, ни нашихъ обычаевъ ни въ какой умной землѣ терпѣть. Да земель-то вашихъ намъ ненадобно: намъ мила земля казацкая; широка, длинна земля русская. Вотъ сказалъ ты, французъ, правду истинную: не любы вамъ наши обычаи, что мы любимъ Царя, вѣру и отечество. Ты привыкъ видѣть только трусовъ, да измѣнниковъ; притупилось твое жало острое о тверду грудь закаленую.

Глянь-ка, извергъ, какъ живутъ у насъ. Лишь подымется парень на ноги, ужъ сидитъ онъ на конѣ борзомъ, ѣздитъ по полю забавляется и россійскою землею любуется. Ахъ, Ты, Господи, дай силы крѣпости на конѣ скакать, разгуляться, донскимъ копьямъ съ непріятелемъ поразвѣдаться, умереть за землю русскую. Придетъ время молодцу обабиться; дѣвки знаютъ парней всѣхъ по пальчикамъ: тотъ румянъ идетъ, какъ маковъ цвѣтъ, тотъ лишь поступью молодецкою четырехъ французовъ въ полонъ возьметъ; а подъ тѣмъ и конь его лихой словно какъ осиновый листъ дрожитъ; у того копье булатное и сѣделичко черкаское, и подпруга шелка яркаго. Наши дѣвки парней любятъ не на день и не на ночь одну, онѣ любятъ ихъ до гробовой доски. Придетъ время молодцу, по приказу Царя бѣлаго, собираться въ путь противъ изверговъ, нашъ казакъ того лишь только ждалъ. Молода жена коня его ведетъ, дѣти саблю и копье его тащатъ, а старикъ-то со старухою, Богъ избави, чтобъ заплакали. Заведутъ сына въ зеленый садъ, перекрестятъ его до Троицы, и дадутъ ему ангела хранителя. „Ты служи, сынъ, вѣрой и правдою; добывай себѣ ты почести, ты утѣшь насъ стариковъ сѣдыхъ“. У ста-

рухи все ужъ приготовлено: сшита сумочка изъ бархата, изъ того самаго, который мужъ ея сорвалъ съ плеча паши турецкаго, и повѣшена та сумочка на шелковомъ, тонкомъ поясѣ красной дѣвушки черкешенки. Старикъ, взявши горсть сырой земли, кладетъ въ сумочку бархатную, говоритъ сыну: „Вотъ тебѣ, сынъ, благословеніе, вотъ тебѣ земля Дона тихаго, съ ней живи и умирай на ней".

Не прогнѣвайся, отецъ нашъ, Матвѣй Ивановичъ, что пишу къ тебѣ такую рѣчь простую казацкую. Всѣ мы знаемъ, отецъ батюшка, что и ты изволишь носить на твоей груди богатырской корешки изъ твоего сада зеленаго. Корешки вѣдь съ Дона тихаго, а мы съ тобою тамъ родилися.

Эхъ! бывало въ чужой землѣ приключится немочь лютая; разведешь щепоть земли Дона батюшки въ водѣ свѣжей, выпьешь, какъ ни въ чемъ не былъ. А другаго морятъ разными кореньями да лѣкарствами: лѣчитъ насъ нашъ милый Донъ.—Вспомнишь мать, отца, дѣтей своихъ, хоть изъ мертвыхъ приподнимешься. Ахъ, бывало, напишешь грамотку на родимую сторону: „ты, отецъ мой, родной батюшка, ты родная моя матушка. Мнѣ не надо ни золота, ни серебра, надо мнѣ ваше благословеніе; вы, родимые, не шлите мнѣ казны златой, а пришлите мнѣ воды Донской; почерпните вы ее хоть въ скляночку, поклонитесь Дону милому". Смотришь, ужъ летитъ гонецъ, окунулся онъ въ водѣ донской, заросли раны тяжелыя, хоть опять берись за саблю острую. Вынимаетъ скляночку изъ торбы онъ: „вотъ, Иванъ, тебѣ благословеніе. Отецъ, мать и дѣти живы всѣ!" Не повѣришь и ушамъ своимъ, не повѣришь и глазамъ своимъ; чуть губами лишь приложишься къ святой водѣ Дона милаго, — ну иди теперь, супостатъ, сюда. Силенъ Донъ и силенъ русскій Богъ.

Вдругъ случится замиреніе — казаки наши на Донъ пошли; въ деревняхъ имъ поклоняются, въ городахъ имъ удивляются. А намъ, батюшка, вѣдь въ зачесть то. Вотъ и къ Дону приближаемся; пыль столбомъ и солнце скрылось, — только слышенъ стукъ саблей съ копьями. „Ѣдутъ, ѣдутъ наши станичники!" всѣ навстрѣчу, всѣ и старъ и младъ. Вотъ бывало и подъѣдемъ мы, не къ родителямъ, и не къ женамъ своимъ, а подъѣдемъ прежде къ храму Божьему. Тутъ стоятъ ужъ и старики то всѣ, съ булавами и съ хоругвями. Намъ поклонъ—и мы поклонъ. Въ церкви Божіей все устроено: въ потрахели и ужь въ ризахъ попъ, а дьяки стоятъ по клиросамъ, запоютъ: Тебе, Бога, хвалимъ. Мы ко Спасу и къ угодникамъ всѣ пойдемъ, да въ ноги имъ. Развернись казна отъ битвъ. Богу слава, ты, казна, Ему же въ даръ. А изъ церкви лишь домой идешь: ужъ стоитъ мой конь у паперти, его держитъ молода жена; какъ падетъ она коню на грудь, упадетъ предъ нимъ жена на землю: „ужъ спасибо тебѣ,

вѣрный конь дорогой, что донесъ ты домой хозяина. Тебѣ ѣсть овесъ изъ моихъ лишь рукъ, на рѣку водить тебя одной лишь мнѣ, не носить тебѣ узды ременныя, я сплету тебѣ, добрый конь, узду шелковую". Смотришь, дѣти ужь потѣшаются съ дротикомъ и съ булатной саблею, чистятъ ихъ, да чѣмъ же вѣдь? чистымъ донскимъ пескомъ. Ну, бывало, ахъ, отецъ ты нашъ! прослезимся, хоть и совѣстно.

Отъ чего же все это держится, отчего мы любимъ тихой Донъ? Ты, отецъ нашъ, ты нашъ батюшка, любишь Русь и любишь Донъ святой. Вѣдь мы вѣдаемъ все, что ты ни дѣлаешь; знаемъ мы, что пѣтъ ни гонца, ни посла отъ васъ, чтобъ ему ты не приказывалъ: „поклонись Дону Ивановичу; ты напейся за меня воды его; ты скажи, что казаки его всѣ служатъ вѣрою и правдою". А вѣдь это-то намъ, батюшка, слаще меда, слаще сахара.

Ну да какъ же не любить намъ нашу родину, не любить намъ Дона батюшки? Супостаты нечестивые! не дивитеся вы этому. Дорогаго у насъ много есть: намъ земля дороже золота, намъ вода вкуснѣе вашихъ винъ. Атаманъ у насъ нашъ казакъ донской, на землѣ нашей родился онъ, и въ водѣ нашей въ купелѣ былъ. Не подъ стать намъ ваши выдумки. Вы умнѣе насъ, ну такъ и быть люди умные. Вамъ мы не завидуемъ. Глянь-ко, что у насъ недавно приключилося: молодой казакъ привезъ дьявольскія стеклышки, что зовутъ у васъ кларнетами. Ну, на что намъ дрянь эта? И безъ стеколъ цѣлить въ васъ мы научены. Засадили мы парня этого въ темную,— пусть-ка смотритъ онъ въ стекло свое. Не ввози ты, молокососишко, къ намъ французскихъ злыхъ обычаевъ. А другаго было дернуло нарядиться въ ваше платьице кургузое: старики наши поосерчались, содрали съ молодца платье похабное, да досталось и плечамъ его. Ай, спасибо тебѣ, отецъ нашъ, Матвѣй Ивановичъ, что ты держишься старинушки. Помогай тебѣ, государь, Небесный Царь.—Ты нижи копьемъ заграницею, а щелчки давай молокососишкамъ, коль задумаютъ стариковъ насъ сѣдыхъ на французскій ладъ перестроивать.

Да я долго ужъ закалякался; у тебя, отецъ, дѣла куча есть: ты злодѣевъ бьешь, а насъ казаковъ твоихъ вѣрныхъ все милуешь: на чужой сторонѣ, у враговъ, города берешь, а у насъ на Дону ты строишь ихъ.

Такъ прости же, государь ты нашъ, отецъ родной,—будь здоровъ и люби ты насъ.

Затѣмъ писавый твой вѣрный слуга казакъ Ермолай Гавриловичъ низко кланяюсь.

Памяти Дмитрія Ильича Романовскаго.

Въ запискахъ-воспоминаніяхъ Н. Г. Залѣсова, въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1903 годъ, о Д. И. Романовскомъ и его дѣятельности въ Туркестанѣ говорится такъ:

„Пріѣхавъ въ Петербургъ, Романовскій не преминулъ заявить, что власть изъ Оренбурга стѣсняетъ и парализуетъ всѣ его дѣйствія на Сырѣ и что за двѣ тысячи верстъ управлять краемъ изъ Оренбурга нельзя, и потому сталъ настаивать на совершенномъ отдѣленіи Ташкента отъ Оренбурга или о сохраненіи къ послѣднему только номинальнаго подчиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выставилъ на видъ всю цѣлесообразность своихъ мѣропріятій по гражданскому устройству края, доказательствомъ чего служитъ пріѣхавшая съ нимъ мѣстная депутація, которая при представленіи государю заявила, что жители вполнѣ довольны управленіемъ Романовскаго и никого другаго не желаютъ. Надо сказать, что Крыжановскій при всѣхъ своихъ поѣздкахъ въ степь бралъ съ собой за переводчика учителя Неплюевской военной гимназіи Бекчурина, его же взялъ съ собой и теперь въ Петербургъ. Бекчуринъ этотъ, будучи знакомъ со всѣми депутаціями, вскорѣ узналъ отъ нихъ (а можетъ и самъ ихъ подучилъ), что они заявили государю о недовольствѣ на Романовскаго, но что слова ихъ передали наоборотъ, о чемъ какъ переводчикъ, такъ и самъ Романовскій знали заранѣе, ибо послѣднему они и прежде заявляли, что принесутъ государю жалобу на русское управленіе. Такого сообщенія было достаточно для Крыжановскаго, успѣвшаго довести о томъ до свѣдѣнія наслѣдника. Дѣйствительно, вскорѣ депутаты были потребо-

вапы къ его высочеству и черезъ переводчика Бекчурина заявили жалобы. Наслѣдникъ доложилъ объ этомъ государю. Романовскій былъ выставленъ обманщикомъ, и участь его была рѣшена. Была составлена особая коммиссія по новому устройству Туркестанской области и, несмотря на всѣ возраженія засѣдавшаго въ ней Крыжановскаго, коммиссія признала необходимымъ отдѣлить отъ Оренбурга Ташкентъ и образовать изъ послѣдняго Туркестанское генералъ-губернаторство, куда вскорѣ и былъ назначенъ Кауфманъ, незадолго передъ тѣмъ удаленный изъ Вильны".

Хорошо помню всѣ выдающіяся событія того времени, всѣхъ дѣятелей бывшей Туркестанской области и считаю себя обязаннымъ сказать въ защиту памяти Д. И. Романовскаго, что, если исторія съ переводомъ рѣчи депутатовъ во дворцѣ вѣрна, то это была или смѣлая интрига, или какое-то недоразумѣніе, а можетъ быть и то и другое вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли туземцы только-что присоединеннаго къ Россіи края осмѣлиться, по личному побужденію, жаловаться наслѣднику русскаго престола на какія-то притѣсненія отъ русскихъ за очень короткое время начальствованія въ Туркестанѣ Романовскаго. Этого не могло быть потому, что на самомъ дѣлѣ населеніе не только не испытывало никакихъ притѣсненій, но прямо благоденствовало послѣ жестокаго ханскаго режима и, что самое важное для туземцевъ, подати платило намъ самыя ничтожныя, въ особенности по сравненію съ податями и налогами ханскаго времени. Что это такъ было, каждый пойметъ хотя бы изъ того, что весь-то обширный Туркестанъ завоеванъ горстью русскихъ воиновъ (не болѣе четырехъ тысячъ) и этой горстью удерживался огромный край отъ Оренбурга до Ташкента безъ всякихъ попытокъ туземцевъ свергнуть владычество русскихъ.

Будь русское управленіе неудовлетворительнымъ, похожимъ на ханское управленіе, намъ не далось бы такъ легко завоеваніе среднеазіатскихъ ханствъ, и мы, конечно, испытали бы въ самомъ началѣ всяческія попытки кореннаго населенія освободиться отъ иновѣрныхъ пришельцевъ.

Каждый пойметъ, что въ теченіе одного лишь года начальствованія Романовскаго Туркестаномъ не могло произойти въ системѣ управленія такого крупнаго поворота, который напечатлѣлся бы дурно въ умахъ массъ и вызвалъ бы протестъ, не могло просто потому, что не было и людей для управленія населеніемъ, для исполненія переворота и не было бы времени генералу Романовскому, за постоянными военными экспедиціями, вводить какія-то новшества. Они и не вводились, смѣю увѣрить, впредь до изданія въ 1867 г. Положенія объ управленіи Туркестаномъ, которое совершенно разрушило, при К. П.

Кауфманѣ, весь укладъ жизни кочеваго населенія, и все-таки никакихъ протестовъ въ Туркестанѣ не вызвало.

Не могло быть даже частичнаго неудовольствія туземнаго населенія на управленіе Романовскаго, такъ какъ это управленіе было широко-гуманное и, повторяю, совершенно чуждое ломки быта населенія.

Д. И. Романовскій въ своей гуманности даже пересаливалъ, какъ припоминаю изъ эпизода осады нами крѣпости Ура-Тюбе. Отлично помню, что, когда, занимая позиціи, мы отпускали своихъ коней подкрѣпиться на полѣ сжатаго уже клевера, подскакивалъ адъютантъ генерала Романовскаго и передавалъ приказаніе начальника отряда щадить хозяйство туземцевъ, а солдатамъ запрещалось пользоваться виноградомъ изъ окрестныхъ садовъ осажденнаго нами города, штурмъ котораго обошелся намъ потерями очень дорого.

Таковъ былъ Д. И. Романовскій: весь благородство, гуманность, деликатность со всѣми, чисто-профессорская мягкость въ обращеніи, при обширномъ умѣ и знаніяхъ. Человѣкъ съ такими высокими качествами могъ не нравиться только двумъ-тремъ интриганамъ, но войска и населеніе высоко его цѣнили. Интрига могла зародиться въ попыткахъ партизановъ Михаила Григорьевича Черняева свергнуть Романовскаго и снова выдвинуть легендарнаго завоевателя Ташкента.

Не трудно было и разыграть интригу: стоило лишь шепнуть черезъ ловкаго переводчика туземцамъ-депутатамъ доложить, на вопросъ государя, что при Черняевѣ было лучше.

Пожалуй, для многихъ отдѣльныхъ личностей изъ туземцевъ и было лучше и по количеству наградъ, и по разнымъ привилегіямъ, которыя щедро давалъ Черняевъ. А каково было тогда вліяніе на туземцевъ переводчиковъ—это всѣмъ въ Туркестанѣ извѣстно. Никто иной, какъ услужливые переводчики, утвердили за Кауфманомъ титулъ полуцаря — Ярымъ-Падша, которымъ долго величали туземцы туркестанскаго генералъ-губернатора. Допускаю также, что и интриги-то не было, а просто вышло недоразумѣніе. Туземцы, въ особенности киргизы, любятъ говорить распространенно и витіевато. А въ числѣ депутатовъ былъ самый знатный киргизъ Ауліеатинскаго уѣзда маіоръ Худай-Бергень. Большой краснобай и смѣльчакъ, оказавшій намъ значительныя услуги, получившій, какъ и многіе сородичи его, сразу чинъ маіора, ордена, подарки отъ Черняева, участникъ военныхъ экспедицій, маіоръ Худай-Бергень могъ докладывать на вопросъ государя о блестящемъ времени такъ необычно смѣненнаго Черняева и по чувству признательности, и просто изъ желанія возвращенія снова въ Туркестанъ легендарнаго генерала.

А кто вспомнитъ, какъ ликовало все осѣдлое и кочевое населеніе

Туркестана, когда снова, черезъ 15 лѣтъ, прибылъ въ край Михаилъ Григорьевичъ въ качествѣ генералъ-губернатора, тотъ пойметъ, что если разсказанный Залѣсовымъ фактъ съ депутаціей во дворцѣ имѣлъ мѣсто, то его отнюдь нельзя ставить въ отвѣтственность въ чемъ-либо Д. И. Романовскому, такъ какъ это былъ искусный воинъ, просвѣщенный администраторъ, цѣнный начальникъ и человѣкъ.

Никому не слѣдуетъ забывать, что Романовскій первый пошатнулъ существенно могущество средне-азіатскихъ ханствъ, первый сталъ на порогѣ Самарканда и Коканда, разбивъ съ отрядомъ въ четыре тысячи туркестанскихъ воиновъ сорокатысячную бухарскую армію подъ Ирджаромъ, въ ста верстахъ отъ Ташкента, присоединивъ затѣмъ къ Имперіи, послѣ шестимѣсячныхъ военныхъ операцій, укрѣпленные города Ходжентъ, Ура-Тюбе, Джизакъ, Яны-Курганъ съ ихъ округами. И всего-то эти весьма важныя военныя операціи, это присоединеніе къ Имперіи трехъ богатыхъ округовъ, выполненныя съ горстью русскихъ воиновъ, обошлись государству не болѣе четверти милліона.

О такой цѣнной услугѣ государству туркестанскаго воинства говорятъ слѣдующіе приказы вождей ихъ, Черняева и Романовскаго:

1) Приказъ по войскамъ Туркестанской области, марта 27-го дня 1866 г. № 58. „По Высочайшему Государя Императора повелѣнію на мое мѣсто назначается генералъ-маіоръ Романовскій. Оставляя край, вами подъ моимъ начальствомъ созданный, считаю долгомъ выразить мою глубокую благодарность всѣмъ гг. офицерамъ и передать прощальное спасибо всѣмъ нижнимъ чинамъ. Генералъ-маіоръ Черняевъ“.

2) Приказъ по войскамъ Туркестанской области № 173, С.-Петербургъ, 14-го апрѣля 1867 года. „Оставляя должность военнаго губернатора Туркестанской области и командующаго въ оной войсками и разставаясь съ бывшими моими товарищами, прошу ихъ, всѣхъ и каждаго, принять мою усердную сердечную благодарность за совершенныя ими боевыя отличія, которыя доставили мнѣ столь много высокихъ царскихъ наградъ, а молодецкимъ нижнимъ чинамъ объявляю мое искреннее задушевное спасибо. Съ особеннымъ удовольствіемъ, съ гордостью всегда буду вспоминать о времени начальствованія моего храбрыми туркестанцами и буду считать себя совершенно счастливымъ, когда Богъ приведетъ еще разъ покомандовать такими же молодцами. Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, сотняхъ и батареяхъ“. Подписалъ свиты его величества генералъ-маіоръ Романовскій.

Даты этихъ двухъ приказовъ свидѣтельствуютъ, что генералъ Романовскій пробылъ фактически въ Туркестанѣ даже менѣе года и, ведя все время побѣдоносныя военныя экспедиціи, вовсе не имѣлъ времени вводить въ управленіе населеніемъ какіе-то новые и несимпатичные туземцамъ порядки. Населеніемъ же завѣдывало въ то время

военно-народное управленіе, формировавшееся исключительно изъ лучшихъ войсковыхъ офицеровъ, которымъ приходилось не только управлять, но и начальствовать отрядами.

Если не ошибаюсь, генералъ Романовскій, послѣ отозванія его изъ Туркестана, служилъ короткое время въ Казани начальникомъ окружнаго штаба, вышелъ въ отставку и вскорѣ умеръ.

Такъ окончилъ свою славную службу родинѣ Дмитрій Ильичъ Романовскій, оставивъ добрую, признательную память въ войскахъ и въ населеніи покореннаго края.

Г. Арендаренко.

Изъ архивныхъ мелочей.

Просьба партизана Сеславина о вознагражденіи его чиномъ (10 сентября 1820 г.). Приказомъ, отданнымъ въ Варшавѣ 17 авг. сего года, уволенъ я отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ. Оставляя военное поприще, я бы почелъ великою милостью, ежели бы угодно было Его Императорскому Величеству вмѣсто мундира пожаловать мнѣ слѣдующій чинъ. Въ послѣднемъ я находился семь лѣтъ [1]); семьдесятъ четыре дѣла, большихъ и малыхъ, съ непріятелемъ даютъ мнѣ право надѣяться на сію милость [2]).

Поздравительное письмо атамана Платова. Всемилостивѣйшій Государь. Промыслъ творчій и неизреченная благость Вашего Императорскаго Величества составляютъ благо и счастіе наше; всевышній Творецъ хранитъ драгоцѣннѣйшіе дни Августѣйшаго Помазанника своего, а мы подъ благотворнымъ скипетромъ Вашего Величества благоденствуемъ. И такъ, если чувствуемъ мы существованіе наше и наслаждаемся онымъ,то симъ обязаны Богу, Творцу Нашему, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, чадолюбивому отцу нашему. Сіи вѣрноподданническія чувствованія осмѣлился я излить предъ Авгу-

[1]) Л. Н. Сеславинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры 15-го сентября 1813 г.

[2]) На просьбу Сеславина 17-го сентября 1820 г. положена резолюція рукою кн. П. М. Волконскаго: „Высочайше повелѣно отвѣчать, что при увольненіи сихъ чиновъ не даютъ“.

стѣйшею особою Вашего Императорскаго Величества по случаю благополучнаго вступленія въ настоящій 1817 годъ, всеподданнѣйшее поздравленіе, съ коимъ, отъ себя и отъ всего войска донскаго, начальствованію моему Высочайшею довѣренностію Вашего Величества ввѣреннаго, имѣю счастіе съ благоговѣніемъ повергнуть предъ вами, Всемилостивѣйшій Государь, моля Творца вышняго о сохраненіи вожделѣннѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ дней Вашего Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго дома на множайшіе годы [1]).

1-го января 1817 г.

Просьба графа С. М. Воронцова объ увольненіи въ отставку. Рапортъ графа Воронцова князю Волконскому, 25 сентября 1819 г. Слабость здоровья и домашнія обстоятельства не позволяютъ мнѣ продолжать службу его императорскаго величества, почему я нахожусь принужденнымъ обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою исходатайствовать мнѣ всемилостивѣйшее увольненіе отъ оной.

Осмѣливаюсь также просить ваше сіятельство приложенное при семъ письмо [2]) на высочайшее имя вручить государю императору [3]).

Частное письмо графа Воронцова князю Волконскому 25-го сентября 1819 г. При семъ посылаю на имя ваше, любезный князь, рапортъ, въ коемъ прошусь въ отставку. Послѣдняя теперь моя просьба къ вамъ по службѣ есть, чтобъ вы сдѣлали милость поскорѣе исходатайствовали мною желаемое и вручили бы государю мое письмо. Много причинъ заставляютъ меня идти въ отставку. Вы сами знаете, что это не вдругъ мнѣ въ мысль пришло, ибо прошлаго года еще я сказалъ вамъ, что врядъ буду ли въ состояніи больше служить и съ тѣхъ поръ, еще болѣе въ семъ намѣреніи утвердившись, ждалъ только назначеннаго для отставокъ время. Осыпанъ столько время высочайшими милостями, ничто бы не могло оправдать

---

[1]) На вышеприведенныя донесенія Платовъ получилъ высочайшій рескриптъ отъ 20-го января 1817 г.: „графъ Матвѣй Ивановичъ! поздравленіе ваше съ днемъ моего рожденія и новымъ годомъ принимаю я доказательствомъ усердія вашего и заслугами украшеннаго храбраго донскаго войска, за что и изъявляю вамъ и всему донскому войску особенную мою признательность“.

[2]) Письма на имя его величества въ бумагахъ не нашлось.

[3]) На рапортъ положена резолюція рукою кн. Волконскаго: „Высочайшаго соизволенія не послѣдовало на увольненіе вовсе отъ службы, но позволяется быть въ отпуску, сколько дѣла его потребуютъ, 30-го октября 1819 г.“.

сіе мое намѣреніе, ежели бы не принужденнымъ находился какъ домашними обстоятельствами, такъ и тѣмъ, что чувствую, что впредь служба моя ни государю, ни мнѣ самому полезною быть не можетъ.

Мы сегодня же отселѣ ѣдемъ черезъ Вѣну и Лембергъ въ Бѣлую Церковь, къ графинѣ Браницкой. Сдѣлайте милость, адресуйте мнѣ приказъ о моей отставкѣ туда, я о семъ пишу Закревскому. Съ первымъ путемъ мы будемъ въ Петербургѣ, гдѣ жена моя, коли Богъ дастъ, намѣрена родить въ февралѣ мѣсяцѣ, и тогда лично буду васъ благодарить за стараніе ваше по сему моему прошенію, скорымъ исполненіемъ коего вы чувствительно меня одолжите.

Прощайте, любезный князь, вѣрьте истинной моей преданности.

Отвѣтное письмо кн. Волконскаго 12-го ноября 1819 г. По содержанію рапорта вашего сіятельства отъ 7-го октября, я докладывалъ Государю Императору, вручивъ и приложенное при ономъ письмо.

Его величество, не соизволяя на увольненіе васъ отъ службы, дозволяетъ быть въ отпуску столько времени, сколько дѣла ваши потребуютъ, о чемъ имѣя честь увѣдомить ваше сіятельство, включаю здѣсь пакетъ со вложеніемъ высочайшаго рескрипта на имя ваше, полученный отъ статсъ-секретаря графа Каподистріа для доставленія вашему сіятельству.

Высочайшій рескриптъ гр. Воронцову 9-го ноября 1812 г.[1]).

Господинъ генералъ-лейтенантъ графъ Воронцовъ. Князь Волконскій мнѣ представилъ ходатайство ваше, и я получилъ сопровождавшее его письмо. Ваше отечество воздаетъ вамъ справедливую признательность.

Въ мирное время вамъ удалось заставить иностранныя государства признать русское имя уважаемымъ и дорогимъ. Поэтому мои чувства по отношенію къ вамъ не безъизвѣстны. Я ставилъ задачей давать вамъ доказательства моихъ чувствъ во всѣхъ случаяхъ. Въ настоящее время представляется новый случай, и я спѣшу имъ воспользоваться. Я не могу согласиться на вашу, генералъ, отставку, о которой вы просите. Я желаю, чтобы вы лишній разъ узнали все значеніе, которое я придаю вашему присутствію въ спискахъ арміи. Займитесь вашими личными дѣлами и вашимъ здоровьемъ, насколько это будетъ потребно. Въ продолженіе мира, которымъ наслаждается Европа, вы не будете потревожены службою, но съ тѣмъ, чтобы Россія не пере-

[1]) Переводъ съ французскаго.

ставала васъ считать въ ряду своихъ храбрецовъ. Я признаюсь вамъ откровенно, зная, что вы всегда оправдывали мое довѣріе.

Высочайшее повелѣніе о службѣ во фронтѣ разжалованныхъ въ рядовые [1]). Государь императоръ, по представленію начальства о всемилостивѣйшемъ прощеніи разжалованнаго изъ коллежскихъ регистраторовъ въ рядовые батальоннаго писаря Шкляревскаго, съ возвращеніемъ ему офицерскаго чина и дворянскаго достоинства, резолюціею, собственноручно написанною, Высочайше повелѣть соизволилъ: „что оной Шкляревскій не можетъ ожидать прощенія, доколѣ не будетъ служить во фронтѣ; писарская служба не есть фронтовая; сіе и впредь правиломъ постановить, чтобъ разжалованныхъ никогда въ подобныя должности не употреблять, а всегда служить во фронтѣ рядовыми“.

Всеподданнѣйшая просьба барона Дибича [2]) **о разводѣ его съ женою.** (5-го января 1816 г.). Побуждаемый оказанною мнѣ несправедливостью, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ милосердію вашего императорскаго величества.

Вступивъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ во второй бракъ, единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пріобрѣсти себѣ при старости любви исполненную о мнѣ попечительницу, къ сожалѣнію, увидѣлъ я себя въ надеждѣ моей обманутымъ и уже поздно узналъ о недостойномъ предметѣ моего выбора. Вскорѣ дошедшіе до свѣдѣнія моего противозаконные и честь оскорбляющіе поступки жены моей, о коихъ полицейскіе журналы ясныя доказательства явить могутъ, а также дурное ея обращеніе со мною и жестокость къ людямъ своимъ довели меня, наконецъ, до того, что я рѣшился просить о разводѣ въ государственной юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, гдѣ и продолжалась о семъ тяжба три года. Не только не достигъ законнаго удовлетворенія, но и по опредѣленію оной коллегіи отъ 9-го ноября прошедшаго 1815 года, удаленъ я, 75-лѣтній старецъ, на два года отъ соучастія въ столѣ и брачномъ ложѣ съ женою и, сверхъ того, еще присуждено женѣ моей, во всемъ изобилующей, давать половину изъ всѣхъ моихъ окладовъ, кои я по милости вашего императорскаго величества получаю.

---

[1]) Циркуляръ инспекторскаго департамента военнаго министерства, іюль 1815 г.

[2]) Отца фельдмаршала И. И. Дибича.

На сіе отяготительное для меня рѣшеніе принесъ я жалобу аппелляціоннымъ порядкомъ Правительствующему Сенату, отъ справедливости коего и ожидаю удовлетворенія, но какъ между тѣмъ долженъ по тому рѣшенію уступить половину жалованья моего и даже столовыхъ денегъ женѣ моей, то и дерзаю просить себѣ защиты вашего императорскаго величества, основываясь на томъ, во-первыхъ, что по законамъ слѣдовало бы токмо располагать одною третьею частью моего жалованья, во-вторыхъ, что уже часть онаго назначена на уплату всемилостивѣйше пожалованной мнѣ заимообразно суммы, и въ третьихъ, что столовыя деньги, собственно мнѣ производящіяся, не принадлежатъ къ жалованью, коими бы также по справедливости располагать не слѣдовало.

Неужели старецъ, на службѣ посѣдѣвшій, при нанесенной ему несправедливости, которую токмо Сенатъ отвратить и исправить можетъ, и до разрѣшенія объ оной долженъ жертвовать половиною малозначущихъ своихъ доходовъ для недостойнаго и оставаться въ совершенной крайности?

Всемилостивѣйшій государь! Я припадаю къ стопамъ твоимъ и молю тебя, благоволи повелѣть до рѣшенія помянутой жалобы въ Правительствующемъ Сенатѣ производить мнѣ сполна жалованье и столовыя деньги, безъ вычета изъ оныхъ для жены моей присужденной ей части и во уваженіе глубокой старости моей разсмотрѣть 3-му департаменту Сената не въ очередь аппелляціонную жалобу мою.

Выдержка изъ письма начальника главнаго штаба его императорскаго величества о высочайшихъ замѣчаніяхъ при посѣщеніи Псковскаго приказа общественнаго призрѣнія [1]). 1) Гражданская больница хотя помѣщена въ строеніи изрядномъ, но оное весьма неопрятно и нечисто содержано, въ особенности нижній этажъ, гдѣ находятся умалишенные; строенія же на дворѣ, сей же больницѣ принадлежащія, въ совершенно неприличномъ видѣ, для караула нѣтъ особаго покоя и оный помѣщается вмѣстѣ съ арестантами, а сходно съ высочайшею волею непремѣнно должно быть особенное для караульныхъ помѣщеніе;

2) въ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія чистота и опрятность столь же мало соблюдаемы, какъ и въ городской больницѣ, и сверхъ того разбросанное ихъ помѣщеніе въ различныхъ зданіяхъ препятствуетъ надлежащему бдительному во всѣхъ отношеніяхъ надзору;

---

[1]) 31-го октября 1827 г.

3) городской тюремный замокъ довольно просторенъ и хорошо содержанъ;

4) въ рабочемъ домѣ къ крайнему неудовольствію его величество замѣтить изволилъ, что малолѣтніе арестанты содержатся безъ всякаго раздѣленія вмѣстѣ съ взрослыми арестантами.

Выговоръ за назначеніе ротнымъ командиромъ безъ высочайшаго разрѣшенія [1]). Его императорское величество дѣлаетъ выговоръ Оренбургскаго гарнизоннаго полка полковнику Малѣеву за самовольное назначеніе въ ротные командиры, не спросивъ на то прежде высочайшаго утвержденія и не представя къ инспектору.

Выговоръ за самовольную салютаціонную стрѣльбу [2]). Его императорское величество дѣлаетъ выговоръ генералъ-лейтенанту Гельвиху за позволеніе стрѣлять изъ орудій крѣпости св. Дмитрія во время даннаго ему обѣда.

Пожалованіе студенту офицерскаго чина [3]). Въ уваженіе заслугъ генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, внукъ его, студентъ князь Прозоровскій всемилостивѣйше жалуется не въ примѣръ другимъ въ подпоручики и опредѣляется въ свиту его императорскаго величества по квартирмейстерской части.

Исключеніе изъ «отличнаго корпуса гренадеровъ» [4]). По дошедшей жалобѣ на обиды, причиненныя нашими солдатами во французской деревнѣ Кресни, произведенное изысканіе открыло: 1) что 14-го іюля нижніе чины Малороссійскаго гренадерскаго полка безчинствовали въ лѣсу близъ той деревни и изъ взятыхъ для полка сего на другой день подводъ не возвращено жителямъ двухъ лошадей, чему виною подполковникъ Брантъ; 2) что 15-го іюля Фанагорійскаго гренадерскаго полка въ третьемъ батальонѣ допущено было своевольство и насиліе маіоромъ Станиславскимъ и капитаномъ Перовымъ. За таковые безпорядки дѣлается подполковнику Бранту строжайшій выговоръ со взысканіемъ съ него за недостающихъ двухъ лошадей

[1]) Высочайшій приказъ 2-го іюля 1802 г.
[2]) Высочайшій приказъ 24-го августа 1804 г.
[3]) Высочайшій приказъ 11-го ноября 1808 г.
[4]) Высочайшій приказъ 9-го ноября 1815 г.

денегъ, по таксѣ, во Франціи существующей, которыя и отослать дивизіонному командиру немедленно въ деревню Креспи, на удовлетвореніе жителей, кому лошади принадлежали; маіоръ же Станиславскій и капитанъ Перовъ арестуются на пять дней, что̀ уже и исполнено.

А какъ въ той самой деревнѣ жители отдаютъ всю похвалу доброму поведенію егерей 3-й гренадерской дивизіи, что̀ доказываетъ особенное попеченіе командующихъ полками, то за сіе объявляется благодарность командиру 26-го гренадерскаго егерскаго полка подполковнику Медвѣдеву и 29-го гренадерскаго егерскаго полка подполковнику Татаринову, равно и бригадному командиру генералъ-маіору Красовскому.

Поелику же Фанагорійскаго гренадерскаго полка маіоръ Станиславскій и капитанъ Перовъ не могутъ послѣ содѣяннаго ими проступка оставаться въ отличномъ корпусѣ гренадеровъ, то перевести обоихъ ихъ въ армейскіе полки, по назначенію главнокомандующаго арміею генералъ-фельдмаршала графа Барклая-де-Толли.

Высочайшій взглядъ на резервныя воинскія части[1]. Его императорское величество изволитъ дѣлать замѣчаніе, что усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ и трудами всякое войско можно довести до желаемаго совершенства, чему примѣромъ должны служить резервные батальоны 15-й дивизіи, которые были оставлены полками въ дурномъ положеніи, что̀ и поставляется на видъ всѣмъ резервнымъ баталіонамъ другихъ дивизій, и вообще дается на замѣчаніе, что резервные батальоны не должно считать заполошными командами, но, напротивъ того, должно ихъ почитать основаніемъ для каждаго полка; и сіе самое относится и до запасныхъ эскадроновъ кавалерійскихъ полковъ.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

С.-Петербургъ, 27-го октября 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и малороссійскій военный генералъ-губернаторъ Беклешовъ! Указомъ, Сенату нашему даннымъ отъ 19-го ноября, прошлаго 1796 года, пожаловали мы тайному со-

[1]) Приказъ 31-го октября 1815 г.

вѣтнику графу Ильинскому, состоящее въ бывшей Брацлавской губерніи, староство Улановское, съ тѣмъ, чтобы онъ учредился съ наслѣдниками Крашевскаго, эмфитіотическое право на то староство имѣющими. Изъ поданнаго однако же намъ вторично прошенія отъ графини Сираковской, къ малолѣтнему сыну ея сіе право по наслѣдству перешло, усматриваемъ мы, что графъ Ильинской не токмо не удовлетворяя справедливымъ ея требованіямъ, но и отрекаясь отъ разныхъ ей имъ самимъ учиненныхъ предложеній, тѣмъ отклоняется отъ исполненія воли нашей. Мы поручаемъ вамъ, по сношеніи съ нимъ, убѣдить его къ добровольному и немедленному съ графинею Сираковскою раздѣлу; но буде за всѣмъ тѣмъ не окажетъ къ тому податливости, то повелѣваемъ наложить на помянутое староство Улановское секвестръ, принять оное въ управленіе казенное и обратить сбираемые съ онаго доходы на удовлетвореніе претензіи, каковою, по справедливости и праву эмфитіотическому, наслѣдникъ Крашевскаго, сынъ графини Сираковской, имѣть можетъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Кіевѣ, 10-го ноября 1798 г.“.

Гатчино, 25-го августа 1798 г.

Господинъ черниговскій военный генералъ-губернаторъ Беклешовъ [1]). Получивъ благодарительное письмо отъ Летичевскаго епископа Сѣраковскаго, за повелѣніе наше производить ему ежегодно полное его жалованье, не захотѣли мы оставить безъ замѣчанія того, что сей, усердіемъ своимъ къ пользѣ нашей извѣстный епископъ, можетъ еще быть на служеніе наше полезнымъ; и поэтому повелѣваемъ вамъ, соображая средства его и обстоятельства настоящія, если случай къ тому представится, употребить онаго епископа Сѣраковскаго, по способностямъ его и усердію, на пользу дѣла нашего. Впротчемъ пребываемъ вамъ всегда благосклонны „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Кіевѣ, 8-го сентября 1798 г.“.

Петергофъ, 14-го іюля 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ! Шляхтичи Кветовской и Стренковской дѣлали доносы чрезъ шляхтича Хнепевскаго на подольскихъ помѣщиковъ Тршецецкихъ, отца и одного сына, въ злоумышленной ихъ перепискѣ съ поляками, во Франціи находящи-

[1]) Генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Малороссійской и Кіевской губерній.

мися, въ намѣреніи на возстановленіе Польши и въ томъ, что у сихъ Тршецецкихъ съ варшавской революціи еще заготовлены и спрятаны ружья и прочіе воинскіе снаряды; когда сіе до свѣдѣнія нашего дошло, повелѣли мы бывшему губернатору Янову, по изслѣдованіи дѣла сего, какъ Тршецецкихъ, такъ и доносителей, съ подлиннымъ производствомъ, прислать къ генералъ-прокурору. Теперь къ крайнему удивленію нашему, доносители сіи, явясь сюда, объявили, что не оконча порученнаго слѣдствія, всѣ, по дѣлу сему забранные, по смерти губернатора, распущены, а къ генералъ-прокурору никакого о производствѣ сего дѣла свѣдѣнія не доставлено. Поручая все сіе особенному вашему попеченію, повелѣваемъ: первое, истребовать къ себѣ дѣла и производителей онаго, приступить къ разсмотрѣнію и окончанію онаго, взявъ подъ стражу Хнепевскаго и Тршецецкихъ и тѣхъ, кого вы къ дѣлу сему причастными найдете; второе, кто причиною, что, не окончивъ дѣла, доносители и Тршецецкіе изъ-подъ стражи выпущены, о томъ насъ увѣдомить; третье, мѣсто, гдѣ у сихъ Тршецецкихъ спрятаны ружья и снаряды, отыскать, и тотчасъ отобрать оные; четвертое, ежели найдете вы нужнымъ сами на мѣсто слѣдствія ѣхать, сіе исполните. Пребываемъ впротчемъ вамъ благосклонный „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Кіевѣ, 8-го августа 1798 г.“.

Гатчина, 26-го августа 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ. Я препровождаю у сего къ вамъ, въ копіи, письмо канцлеромъ княземъ Безбородкомъ полученное, съ тѣмъ, чтобы вы не оставили употребить всевозможное съ вашей стороны наблюденіе за всѣмъ происходящимъ между неблагомыслящими людьми и стараніе о воздержаніи южнаго спокойствія. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Звенигородскѣ, 17-го сентября 1798 г.“.

31-го августа 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи, кіевскій и малороссійскій генералъ-губернаторъ Беклешовъ. Соображая постановленія въ конвенціи между нами и ихъ величествомъ императоромъ римскимъ и королемъ прусскимъ заключенной, о подданныхъ общихъ, или Sujets Mixtes въ земляхъ отъ бывшей республики Польской къ государствамъ нашимъ пріобрѣтенныхъ, съ тѣми осторожностями, каковыхъ сохраненіе порядка и спокойствія внутренняго требуетъ, признали мы за благо сдѣлать слѣдующія распоряженія: первое, вслѣдствіе

помянутой конвенціи до истеченія положеннаго въ ней срока паспорты на выѣздъ за границу съ возвращеніемъ давать такимъ только, которые имѣютъ недвижимое имѣнье въ австрійскомъ или прусскомъ владѣніи, а за которыми тамъ недвижимаго имѣнья не состоитъ, оные симъ правомъ пользоваться не должны; тѣ же, кои, бывъ въ означенныхъ владѣніяхъ, испомѣщены въ имперіи нашей, находившееся за ними имѣніе уже продали, хотя и могутъ получить паспорты для выѣзда за границу, но будучи однажды изъ нея выпущены, не должны болѣе въѣзжать въ оную инако, какъ и прочіе чужестранцы, то есть не испросивъ у насъ точнаго дозволенія; второе, сверхъ донесенія намъ о даваемыхъ паспортахъ, губернаторъ нашъ долженствуетъ сообщить пограничному губернатору или начальнику сосѣдней съ нами державы, въ которой области выѣзжій получилъ паспортъ, дабы за нимъ надлежащимъ образомъ наблюдаемо было, и въ случаѣ отлучки его далѣе изъ предѣловъ тоя державы, сообщено было нашему губернатору, обѣщая взаимно тому и съ нашей стороны соотвѣтствовать относительно сихъ общихъ подданныхъ; третье, буде получившій паспортъ, по извѣстіямъ, отправился далѣе областей союзниковъ нашихъ, таковаго имѣніе секвестровать и болѣе уже его не впускать въ предѣлы наши; а равнымъ образомъ поступать и со всѣми тѣми, кто, взявъ на срокъ паспорты за границу, не возвратится на оный. Если же кто уѣдетъ въ земли непріятеля или союзниковъ его, онаго и во вся за бѣглеца и измѣнника почесть и опубликовать и сверхъ конфискованія имѣнія, въ случаѣ поимки его, поступить съ нимъ по строгости законовъ, на подобныхъ преступниковъ изданныхъ; четвертое, что же принадлежитъ до переѣздовъ по торговлѣ и ремесламъ, въ томъ поступать по точной силѣ указа нашего отъ 28-го іюня сего года, Сенату даннаго, который, доставляя всевозможную удобность, обезпечиваетъ порядокъ и спокойствіе. Пребываемъ вамъ благосклонны „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Махновкѣ, 23-го сентября 1798 г.“.

Гатчино, 22-го сентября 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ. По дошедшимъ до меня извѣстіямъ, вижу я, что король прусскій имѣетъ намѣреніе сдѣлать покупку большаго числа лошадей въ Молдавіи и Валахіи, и хотя я полагаю, что Порта въ томъ ему попрепятствуетъ, но не менѣе того за нужное почитаю предписать вамъ отнюдь таковыхъ лошадей не пропускать чрезъ мои предѣлы. Пребывая вамъ благосклонный „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Кіевѣ, 10-го октября 1798 г.“.

Гатчино, 24-го сентября 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ. Изъ копіи указа моего, полковнику князу Горчакову даннаго, вы усмотрите, какъ вамъ надлежитъ поступить въ случаѣ присылки отъ него къ вамъ нѣсколькихъ людей для отправленія въ Сибирь не на работу, а на безъисходное пребываніе. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Кіевѣ, 10-го октября 1798 г.“.

Гатчино, сентябрь 1798 г.

Господинъ полковникъ князь Горчаковъ. Выключенныхъ изъ службы моей по инспекціи принца Конде военно-служащихъ, да и вообще тѣ иностранцы, пришедшіе въ мои предѣлы съ принцомъ Конде, по ихъ пожеланію самого принца, надлежало, по причинѣ дурнаго ихъ поведенія, выслать за границу и которыхъ австрійское начальство не впускаетъ въ предѣлы римско-императорскіе, повелѣваю отправить въ Сибирь, не яко осужденныхъ для употребленія къ работамъ, но яко людей, коихъ примѣръ можетъ быть вреденъ прочимъ,—на безъисходное пребываніе; которыхъ вы и отправите по лучшей удобности къ генераламъ-отъ-инфантеріи, графу Гудовичу или Беклешову; впрочемъ апробую учиненное вами относительно исправленія обоза и артиллеріи и пребываю вамъ благосклонный „Павелъ“.

С.-Петербургъ, 9-го октября 1798 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и малороссійской и кіевской генералъ-губернаторъ Беклешовъ! По управленію вашему въ Малороссійской и Кіевской губерніи гражданскою частью, поручаемъ въ главное ваше начальство и коммиссію, для заплаты долговъ князя Любомирскаго въ Кіевѣ учрежденную. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Кіевѣ, 27-го октября 1798 г.“.

Рескриптъ императрицы Екатерины II по поводу оффиціальныхъ реляцій. Долго ли намъ свѣтъ обманывать? Печатаете будто реляціи и будто ко мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ она переправлена [1]) всячески. Итакъ, одиножды на всегда, дабы сходнѣе было бы истиннѣ, приказываю я, что когда нельзя печатать реляціи слово отъ слова,

[1]) Въ подлинникѣ: „переплавена“.

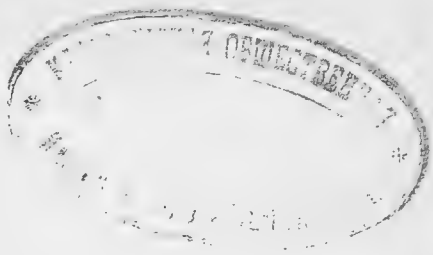
а только выпись исправленной дѣлаете, то имѣетъ иной печатать не подъ моимъ титуломъ, а просто экстрактомъ изъ полученныхъ извѣстій отъ такого-то генерала, ибо я не хочу, чтобъ мое имя было употреблено тутъ, гдѣ оно будетъ ложью, для того что такъ ко мнѣ писано не было.

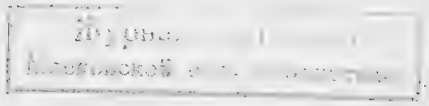
С.-Петербургъ, 12-го декабря 1798 г.

Указъ императора Павла I о принцессѣ де-Монако. Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи и военный генералъ-губернаторъ Беклешовъ! Усмотрѣвъ изъ представленія вашего, что изъ числа пожалованныхъ принцессѣ де-Монако тысячи сорока пяти душъ пятьдесятъ четыре прежде еще пожалованья выбыли въ мѣщанство и купечество, повелѣваемъ оставить ихъ въ семъ званіи, а принадлежащія къ тому имѣнію и особенно въ оброкъ отданныя всѣ хозяйственныя заведенія, какъ-то: корчмы, мельницы, желѣзный заводъ, сукновальню и дворовое хлѣбопашество отдать ей, во владѣніе по смерть съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе оброчнаго содержанія, въ коемъ они теперь состоятъ, принцессѣ де-Монако отдаваемы были доходы, въ казну съ нихъ поступающіе, а по истеченіи срока самыя статьи сіи изъ казеннаго оброку исключены и ей по смерть во владѣніе отданы были. Что же принадлежитъ до лѣсу, въ томъ имѣніи состоящаго: оный повелѣваемъ оставить на правѣ общаго въ разсужденіи казенныхъ лѣсовъ постановленіи. Пребываемъ вамъ благосклонны. „Павелъ“.

Помѣта: „Полученъ въ Кіевѣ, 29-го декабря 1798 г.“.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.





Дозв. ценз. Спб., 21 февраля 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Леонидъ Петровичъ

Блюммеръ.

Дневникъ П. Д. Рудакова о войнѣ въ Малой Азіи въ 1854—1855 годахъ [1]).

Александрополь, 6-го апрѣля. Саша проситъ присылать ему всѣ пригласительные билеты князя, но, къ счастью, у меня таковой былъ только одинъ, присланный оффиціальнымъ образомъ для перваго знакомства. Послѣ же, хотя я и нѣсколько разъ у князя обѣдалъ, то это было по личному его зову. „Приходи-ка, любезный Рудаковъ, ко мнѣ нынче отобѣдать“, говоритъ обыкновенно почтенный Василій Осипычъ, и тѣмъ дѣло кончается. Да!—это человѣкъ истинно заслуживающій любовь и всякое уваженіе. Онъ умѣетъ быть внимательнымъ къ своимъ подчиненнымъ и заботиться объ ихъ положеніи.

...Изъ оффиціальныхъ извѣстій трудно что-нибудь отгадать. Всѣ бродятъ будто во мракѣ. Пошли переговоры, а между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ приготовленія къ войнѣ принимаютъ огромнѣйшіе размѣры. Посмотримъ, что скажетъ лѣто. Въ Крыму и вообще въ Европѣ должны обозначиться настоящіе результаты. Наше дѣло — второстепенное. Здѣсь, кажется, большой работы ожидать нельзя. Впрочемъ, если не послѣдуетъ мира, конечно, пойдемъ брать Карсъ. Сдѣланы всѣ приготовленія для сбора отряда къ маю подъ Александрополь, куда ожидаемъ самого намѣстника.

Что Господу угодно послать впередъ—ожидаю съ вѣрой и покор-

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1905 г.

постью, благодаря вмѣстѣ съ тѣмъ милость Его теплой молитвой за прошлое.

Прошедшій годъ, сравнительно съ предшествовавшимъ ему, протекъ для меня очень пріятно. Вмѣсто тяжелѣйшаго зимняго похода, переполненнаго всевозможными трудностями и неудобствами, провелъ я минувшую зиму въ образованномъ обществѣ, въ хорошей квартирѣ, пользуясь всѣми удобствами жизни. Новый годъ встрѣтилъ весело, масляницу отправилъ также. Обрядъ христіанскій на Страстной недѣлѣ совершилъ какъ слѣдуетъ, съ благоговѣніемъ слушая благочестивую церковную службу, между тѣмъ какъ походомъ это сдѣлано было въ станицѣ однимъ днемъ, безъ всякаго приготовленія. Первый день Свѣтлаго праздника, встрѣченный въ Ларсѣ, чисто волчьемъ гнѣздѣ, былъ для меня самымъ тяжелымъ со времени выступленія. Тутъ мы проходили Дарьялское ущелье, тутъ мы познакомились въ первый разъ съ настоящими крутизнами и пропастями, и тутъ первый разъ я увидѣлъ, какъ мои нѣкогда прекрасныя лошади начисто отказались везти свои пушки. Не могу сказать, какъ это меня огорчило, теперь признаюсь вамъ откровенно — я горько заплакалъ. Да и вся Святая недѣля, проведенная въ перевалѣ чрезъ Квинамскій хребетъ, была для меня цѣпью непрерывныхъ мученій.

Нынѣшній же праздникъ я встрѣтилъ какъ слѣдуетъ по-христіански, выслушавъ заутреню и обѣдню въ походной церкви и разговѣвшись мирно въ кругу военнаго своего семейства между офицерами и солдатами 6-й легкой. Глядя на лошадокъ, сердце опять стало радоваться, почти всѣ онѣ совершенно поправились, на ученьяхъ играютъ и фыркаютъ, точно подъ Москвой. Оставшіеся въ живыхъ люди приняли опять бодрый и здоровый видъ. Убыль пополнилась молодцами, выбранными, по распоряженію начальства, мною самимъ изъ квартирующаго въ Ахалкалакахъ Рязанскаго полка. Такъ что если прибавить къ этому значительное улучшеніе въ моихъ экономическихъ средствахъ, то нельзя не сознаться, что если Господь иногда испытуетъ насъ, Онъ же бываетъ и милостивъ... Изъ Ахалкалакъ выѣхалъ я въ воскресенье на Ѳоминой и въ Александрополь прибылъ во вторникъ. Значитъ, провелъ 3 дня въ дорогѣ, путешествуя все верхомъ. Вещи же везли за мной двѣ нанятыхъ духоборскихъ повозки; своихъ лошадей пожалѣлъ, потому что верстъ 40 надобно было ѣхать по глубочайшему снѣгу, размягченному солнцемъ и потому опасному отъ безпрестанныхъ и глубокихъ просововъ. Въ Ахалкалакахъ весна. На 25 верстъ отъ нихъ дорога совершенно сухая и пыльная. Не доѣзжая Александрополя верстъ 30—то же самое, а по срединѣ на духоборской возвышенности—полная зима. Нечего сказать, мудрена сторонушка, въ которой живу теперь.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая, передъ общимъ сборомъ отряда, опять предполагаю съѣздить въ Ахалкалаки за своею батареею, корую начальство обѣщало на это лѣто присоединить къ общему составу корпуса. Мои офицеры и солдаты, не участвовавшіе прошлый годъ въ дѣлѣ, очень этимъ обижаются, и потому надобно поровнять ихъ съ другими. На мѣсто наше поставятъ кого-нибудь другаго.

5-го мая. Мы теперь приготовляемся къ выступленію за границу, съ завтрашняго дня отрядъ начинаетъ собираться и къ 20-му мая весь здѣсь будетъ. Числомъ противъ прошлогодняго увеличится тысячъ на десять. Поведетъ самъ намѣстникъ, котораго ждемъ на будущей недѣлѣ. Останется ли тутъ же Бебутовъ—еще не извѣстно. А крѣпко жаль добраго князя, если онъ насъ покинетъ. Мы всѣ его любимъ, а что-то еще покажетъ новый начальникъ. Я жду съ нетерпѣніемъ Назимова, который на-дняхъ долженъ возвратиться; хочется поскорѣе увидѣть свою батарею и привести ее самому, если потребуютъ. На счетъ того, гдѣ и какъ пробудетъ она лѣто — нѣтъ еще положительнаго приказанія...

По газетамъ промелькнула будто нѣкоторая надежда на миръ. Но теперь опять совершенно исчезаетъ. Рѣзня въ Крыму пошла съ такимъ ожесточеніемъ, подобнаго которому, кажется, не бывало въ мірѣ. Нашъ отрядъ начинаетъ собираться. Александрополь оживился и принялъ по-прошлогоднему военный видъ. Къ будущей почтѣ надѣюсь узнать, какое назначеніе дадутъ моей батареѣ, и тогда напишу положительно. Покамѣстъ же есть еще сколько-нибудь свободнаго времени, я составилъ небольшой очеркъ моимъ главнымъ задушевнымъ желаніямъ, который препровождаю по этой же почтѣ въ общемъ письмѣ къ Софьѣ. Надѣюсь, что вы и дѣти мои, въ случаѣ вѣчной разлуки, исполните все, о чемъ прошу, точно и добросовѣстно. Если Господь продлитъ вѣку, многое можно и перемѣнить, и обсудить лучшимъ образомъ. Если же болѣе не увидимся, то вы будете имѣть основанія, по которымъ вести дѣтей въ жизни ихъ, хотя и несовершенно подробныя, по крайней мѣрѣ близкія къ моимъ желаніямъ, правиламъ и постояннымъ намѣреніямъ.

24-го мая. Сію минуту возвратился съ Арпачая. Первая половина нашего отряда, сегодня, въ 8 час. утра, тронулась въ непріятельскіе предѣлы. Колонна состояла изъ бригады кавказскихъ гренадеровъ, съ ихъ артиллеріей, и двухъ драгунскихъ полковъ съ двумя донскими батареями, при нѣсколькихъ сотняхъ линейныхъ казаковъ. Войска собрались на берегу рѣчки къ 7 час. утра и, отслуживши въ присутствіи намѣстника и князя Бебутова напутственное молебствіе, грозно

*

тронулись за границу. Быстрыя воды Арпачая вспѣнились снова подъ колесами и конями воиновъ русскихъ, пѣхота переходила по мосту, артиллерія, конница и обозъ въ бродъ не очень глубокій, колесу по ступицу.

Намѣстникъ, съ княземъ и всею свитою своею, перешелъ пѣшкомъ на ту сторону рѣки, гдѣ, ставши на небольшомъ возвышеніи, пропустилъ мимо себя весь отрядъ. Порядокъ и вся обстановка выступленія совершенно сходны съ прошлогодними, но въ характерѣ его я замѣтилъ нѣкоторую разницу.

Прошлый годъ войска, утомленныя губительнымъ, полугодовымъ походомъ, носили на себѣ замѣтный отпечатокъ усталости. Выступая впередъ, въ числѣ съ небольшимъ 20.000, на другой же или на третій день ожидали встрѣтить 80.000 непріятеля и между тѣмъ духъ былъ необыкновенно веселый. Все кипѣло и пѣло!

Теперь же отрядъ, освѣженный доброю зимнею стоянкой съ совершенно пополненными рядами, отличается удивительнымъ порядкомъ и стройностью — какъ гвардейскій корпусъ на парадѣ. День такой же прекрасный, какъ и въ прошедшемъ году. Молебствіе совершилось обычнымъ порядкомъ, но я замѣтилъ, что большая часть солдатъ молились нынче гораздо съ бо́льшимъ усердіемъ, нежели прежде. Больше клали земныхъ поклоновъ и больше жертвовали на свѣчи денегъ. Видно, тяжелый опытъ лучше всякаго другаго наставника указываетъ человѣку путь, котораго слѣдуетъ ему держаться.

Тронулись съ мѣста стройно, съ музыкой, но безъ пѣсенъ и безъ всякихъ признаковъ особенной веселости. Послѣ завтра, оставивши небольшой гарнизонъ въ Александрополѣ, выступаютъ всѣ остальныя войска, въ томъ числѣ и вашъ покорнѣйшій слуга въ качествѣ командующаго 18-ю артиллерійскою бригадою. Батарея моя идетъ изъ Ахалкалакъ какимъ-то прямымъ путемъ и должна присоединиться къ отряду на походѣ. Но гдѣ и когда? Это военный секретъ, котораго ни за что не открываютъ, равно какъ и то, что намѣрены дѣлать вообще; знаемъ только, что злосчастные турки въ страшномъ трепетѣ жмутся гдѣ-то около Карса. Числомъ они, кажется, таки опять довольно поисправились, но духъ потеряли вовсе и врядъ-ли будутъ держаться противъ насъ въ полѣ. Впрочемъ силами своими человѣку тщеславиться не подобаетъ. На все есть опредѣленіе Божіе, что Его святой волѣ будетъ угодно, то и совершится; наше дѣло исполнять свой долгъ и надѣяться на милость Господню.

Вчерашній день добрѣйшій нашъ князь объѣзжалъ лагерь и со слезами на глазахъ прощался съ солдатами, желая имъ продолжать службу съ такой же славою, какую стяжали они подъ его начальствомъ. Нынче онъ провожалъ отрядъ за Арпачай вмѣстѣ съ намѣст-

никомъ. Третьяго дня давалъ онъ прощальный обѣдъ всѣмъ начальникамъ частей здѣшняго отряда; потомъ начальники частей давали ему обѣдъ и вчера обѣдали у намѣстника... 26-го числа, проводивши насъ, князь уѣзжаетъ въ Тифлисъ управлять всѣмъ краемъ на то время, которое главнокомандующій пробудетъ въ походѣ. А долго ли онъ пробудетъ? Вотъ задачи, покрытыя покамѣстъ непроницаемой тайной.

Отрядъ нашъ въ нынѣшнемъ году вдвое сильнѣе и много устроеннѣе прошлогодняго; много еще войска присоединится къ намъ на походѣ изъ разныхъ мѣстъ. Командуетъ имъ самъ намѣстникъ, облеченный властію царской и обладающій, по всеобщему убѣжденію, большими военными способностями; слѣдовательно, надеждъ на блестящіе успѣхи много, но, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ самонадѣянно предаваться имъ, основываясь на однихъ человѣческихъ разсчетахъ. Одинъ только Господь—истинный нашъ помощникъ, отъ Его милости и всемогущества зависитъ побѣда. Онъ даетъ твердость слабымъ и укрѣпляетъ десницу правыхъ. На Него надобно уповать защитникамъ православія.

25-го мая 6 час. вечера. Итакъ завтра по утру выступаемъ. Молитесь, чтобъ Господь благословилъ насъ успѣхомъ и сохранилъ невредимыми тѣхъ, кого Ему угодно оставить на этомъ свѣтѣ. Помоливши отъ глубины души самъ, пойду съ твердою вѣрою и упованіемъ на святое милосердіе. Хотѣлъ бы еще повидаться съ милыми моими крошками и со всѣми близкими сердцу. Но на это есть Провидѣніе, оно лучше нашего знаетъ, что для чего и какъ дѣлается. Кому опредѣлено, тотъ и останется живъ и вернется домой. А кому нѣтъ, то да будетъ воля Его святая!

Почта еще не пришла и нѣтъ никакого сомнѣнія, что я ни эполетъ, ни картинъ, ни чаю не получу. Но это все равно. Оставляю прикомандированному къ здѣшнему госпиталю нашему доктору Ротштейну довѣренность на полученіе всѣхъ моихъ писемъ и посылокъ. При оказіяхъ онъ все будетъ пересылать въ отрядъ ко мнѣ. Но только конечно ужъ теперь своевременныхъ и аккуратныхъ посланій не ждите. Богъ знаетъ, какимъ путемъ будетъ идти наша корреспонденція. Дѣтямъ посылаю мое благословеніе. Да сохранитъ ихъ Господь милосердый. Пусть помнятъ свято совѣты любящаго ихъ всѣмъ сердцемъ отца. Сестеръ всѣхъ прошу исполнить въ точности просьбы, изложенныя въ моемъ маленькомъ завѣщаніи и, въ случаѣ надобности, замѣнить добросовѣстно сиротамъ мѣсто отца ихъ. Племянниковъ и племянницъ прошу любить маленькихъ Рудаковыхъ такъ, какъ я любилъ ихъ всегда въ ихъ юности. Всѣмъ желаю наивозможнѣйшаго счастья.

Бивуакъ у Аджакъ-Кала. 1-го іюня. Согласно съ тѣмъ распоряженіемъ, какъ я вамъ писалъ, колонна наша, подъ личнымъ предводительствомъ намѣстника, 26-го числа выступила изъ подъ Александрополя и, сдѣлавъ три перехода, очутилась 28-го числа съ небольшимъ въ 20-ти верстахъ отъ Карса. Здѣсь уже ожидала насъ и первая колонна, пришедшая нѣсколькими часами раньше. Завтра должны присоединиться еще два отряда, ахалцыхскій и ахалкалакскій, съ которымъ прибудетъ моя батарея. Всего войска соберется болѣе 30.000, подобной русской арміи азіатская Турція въ своихъ предѣлахъ никогда не видывала. За то же османы ловко отъ насъ удираютъ. Допустивши насъ почти до самаго Карса, они до сихъ поръ не сдѣлали еще ни одного выстрѣла, бѣгутъ безъ оглядки и собираются подъ стѣнами и пушками города. Аванпосты наши стоятъ уже верстахъ въ 10-ти отъ крѣпости. Нашъ походъ вообще былъ очень легокъ и пріятенъ. Двигались небольшими переходами, безъ малѣйшаго изнуренія, съ полнымъ изобиліемъ фуража и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Не всегда удавалось сварить супу, но это, кажется, еще бѣда небольшая. Двухъ-дневный отдыхъ освѣжалъ совершенно солдатъ. Цѣлый день въ отрядѣ раздается неумолкаемое пѣнье съ бубнами и плясками. Главнокомандующій занимается дѣятельно осмотромъ мѣстности рекогносцировками.

Говорятъ, что завтрашній день пойдемъ впередъ, но куда и зачѣмъ—это покрыто непроницаемой тайной. Намѣстникъ всѣ свои распоряженія держитъ въ величайшемъ секретѣ, но дѣйствуетъ съ такою увѣренностью, что мы всѣ твердо убѣждены въ полномъ успѣхѣ его соображеній. Пользуясь отдыхомъ, бесѣдую съ вами. Говорятъ, что завтра курьеръ повезетъ всю корреспонденцію изъ отряда въ Александрополь. Прибывши сюда, я отъ васъ получилъ два большихъ письма, доставившихъ мнѣ цѣлое утро самое пріятное чтеніе... Листочки бумаги, вами написанные и недавно еще бывшіе въ Москвѣ, находятся теперь на скалистомъ, дикомъ берегу Карсъ-Чая, на которомъ стоитъ теперь нашъ отрядъ, и были читаны мною съ особеннымъ наслажденіемъ. Придется ли еще получить подобные и удастся ли отвѣчать на нихъ? Скоро, можетъ быть, загремятъ роковые раскаты и понесется къ облакамъ дымъ пороха, и земля упитается кровью, и много костей зароется въ землю далеко, очень далеко отъ родины. Кого успокоитъ Господь и кого сохранитъ въ живыхъ? Да будетъ Его святая воля. Мы проходили недалеко отъ Кюрукъ-Дара, гдѣ въ прошедшемъ году, 24-го іюня, было сраженіе, теперь тамъ совершенная тишина и равнины, вытоптанныя тогда людьми и лошадьми, покрыты самой яркой зеленью.

Аулъ Магороджикъ. 12-го іюня. Отрядъ нашъ выступилъ 6-го числа въ 5 час. утра съ позиціи, занимаемой имъ при Аджакъ-Кала, и, сдѣлавши около 35 верстъ, обошелъ кругомъ Карсъ и расположился почти на противоположной прежнему мѣсту сторонѣ. Цѣлый день двигались мы по плоской возвышенности, пересѣченной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврагами въ виду крѣпости. Погода стояла прекрасная. Въ зрительныя трубы ясно были видны городъ, крѣпость и вся турецкая армія, укрѣпленная значительными окопами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы приближались къ непріятелю верстъ на 8. Отрядъ двигался стройно и грозно, какъ на маневрахъ. Турки въ оцѣпенѣніи спрятались за своими окопами и съ трепетомъ ожидали страшной развязки совершавшагося передъ глазами ихъ изумительнаго явленія. Трубы со всѣхъ высотъ, прилегающихъ къ Карсу, и съ мечетей города были непрерывно направлены на наше войско. Вѣроятно, главные турецкіе начальники разсматривали насъ и терялись въ недоумѣніяхъ касательно нашихъ намѣреній. Самую значительную между ними роль играетъ англійскій генералъ Вилльямсъ, величающій себя коммиссаромъ ея британскаго величества и сдѣланный между тѣмъ пашею, чтобы дать ему больше власти надъ турками. Этотъ оберъ-подлецъ изъ своей подлѣйшей націи, говорятъ, бьетъ немилосердно бѣдныхъ турокъ и изнуряетъ самыми трудными работами, чтобы укрѣпить сколько можно сильнѣе городъ. Однако же, когда мы обходили его, несмотря на то, что турецкая армія равняется нашей и чуть-ли еще не больше ея, эти канальи не осмѣлились выслать ни одного башибузука, который бы хоть потревожилъ, по крайней мѣрѣ, наши боковые ведеты. Онъ вѣрно ждалъ, что мы бросимся прямо на укрѣпленія, и хотѣлъ угостить насъ губительнымъ огнемъ артиллеріи, которою изобильно уставлены его окопы. Но въ глупыхъ своихъ ожиданіяхъ, разумѣется, обманулся. Главнокомандующій нашъ дѣйствуетъ смѣло и рѣшительно, но съ большимъ разсчетомъ и, кажется, вовсе не намѣренъ проливать безъ нужды кровь солдатъ своихъ. Штурмъ Карса, довольно сильно укрѣпленнаго, конечно, стоилъ бы большой потери людей. Хотя солдаты и говорятъ единогласно: „Коли велятъ, такъ возьмемъ“,—но намѣстникъ войско свое жалѣетъ. Повидимому, онъ намѣренъ поставить турокъ въ критическое положеніе, не бравши Карса, а отрѣзавши сообщенія ихъ съ внутренностью края или выманивши какимъ-нибудь образомъ на сраженіе, что́ въ прошломъ году удалось князю Бебутову, но надобно сказать, что тогда они были вчетверо насъ сильнѣе, а теперь почти въ равныхъ силахъ.

Отрядъ нашъ расположенъ въ 10-ти верстахъ противъ Карса, прошедши мимо его съ лѣвой стороны и оставивши сзади себя алексан-

дропольскую дорогу и дорогу къ Тифлису совершенно открытыми. Не угодно ли г. коммиссару на просторѣ прогуляться и захватить Александрополь, отстоящій теперь отъ насъ слишкомъ въ 70-ти верстахъ, или Тифлисъ—въ 300. Тамъ войскъ нѣтъ почти—стоитъ только придти да взять; но на наше горе шельма къ этому никакой охоты не показываетъ. Онъ знаетъ, что ему стоитъ только высунуть изъ крѣпости противный свой носъ, тотчасъ же и будетъ за него пойманъ.

Такимъ образомъ съ правой стороны у насъ находится александропольская дорога, по которой каждую недѣлю ходятъ за разными потребностями оказіи подъ небольшимъ прикрытіемъ. А армяшки-духанщики, подстрекаемые выгодными оборотами, ѣздятъ и чаще безъ всякаго прикрытія. Съ лѣвой стороны, верстахъ въ двухъ, идетъ дорога изъ Карса въ Арзерумъ и вообще внутрь края. Эта дорога караулится летучимъ отрядомъ, состоящимъ подъ начальствомъ генерала Бакланова, давно извѣстнаго на Кавказѣ своею удалью и богатырствомъ. Баклановъ уже перехватилъ два транспорта, шедшіе въ Карсъ съ разными съѣстными припасами; изъ числа ихъ скотъ и рисовую крупу роздали порціями по всему отряду. Я имѣлъ удовольствіе кушать пловъ изъ очень хорошаго сарацинскаго пшена. Духъ въ войскахъ вообще отличный. Солдаты свято вѣруютъ въ правильность распоряженій главнокомандующаго и ничего столько не желаютъ, какъ скорѣйшей встрѣчи съ непріятелемъ.

Жаль только, что на бѣду нашу пошли проливные дожди, продолжающіеся уже четвертыя сутки. Не только солдаты, но и всѣ офицеры насквозь промокли, о грязи и говорить нечего—лошади стоятъ въ ней по колѣно, и часто выпадаютъ такіе промежутки, что безъ длинныхъ сапоговъ нельзя перейти изъ одной палатки въ другую. Нынѣшній день, благодаря Бога, небо прояснилось и всѣ ожили. Солдаты просушиваютъ свои палатки и одежду, поютъ и забавляются разными прибаутками.

Въ большой телескопъ, состоящій при отрядѣ и поставленный на возвышеніи подъ нарочно устроенной для этого палаткой, все видно, что дѣлается въ Карсѣ и въ окружающихъ его укрѣпленіяхъ. Можно отличить каждаго человѣка отдѣльно, форму и цвѣтъ одежды. Турецкіе окопы довольно значительны, пушекъ на нихъ много. Въ лагерѣ палатокъ огромное количество, но надобно думать, что большая часть ихъ поставлена только для надуванія публики, потому что людей вовсе почти незамѣтно. Въ теченіе недѣли, которую мы здѣсь стоимъ, между нашими аванпостами не было обмѣнено ни одного выстрѣла.

Вотъ вамъ подробный отчетъ о настоящемъ моемъ положеніи. Что будетъ впередъ, буду продолжать писать, если Господь сподобитъ это

исполнить. Въ Александрополѣ эполеты получены и по распоряженію моему тамъ оставлены. О чаѣ и картинахъ свѣдѣній не имѣю. Писемъ отъ васъ больше не было.

Лагерь у Каны-Хой. 20-го іюня. Вотъ мы опять на новой позиціи. 14-го числа главнокомандующій, взявши большую половину отряда, подступилъ къ Карсу съ небольшимъ версты на двѣ, двигаясь прямо по равнинѣ, шедшей отъ лагеря къ городу. Всѣ ожидали дѣла, но запуганные османы рѣшились, кажется, твердо сберегать свои правовѣрныя персоны въ окопахъ, окружающихъ городъ. Безъ выстрѣла подалась назадъ передовая ихъ цѣпь и расположилась на пространствѣ, обстрѣливаемомъ со всѣхъ сторонъ ихъ пушками. Повидимому, имъ очень хотѣлось заманить насъ къ себѣ на это тепленькое мѣстечко, да не на такихъ напали. Главнокомандующій, остановивъ отрядъ внѣ пушечнаго выстрѣла, болѣе часу осматривалъ со всею подробностью въ зрительную трубу всѣ укрѣпленія, замѣтилъ положительно, какъ они вооружены, и вывелъ довольно точныя опредѣленія о числѣ охраняющаго ихъ войска. Турки крѣпко прижались къ окопамъ. Въ мой бинокль очень хорошо можно было видѣть каждаго человѣка отдѣльно. Всѣ они стояли на своихъ мѣстахъ, почти неподвижно и вѣроятно ждали окончательнаго рѣшенія своей участи. Но ихъ часъ еще не пришелъ! Осмотрѣвши все, что было надобно, главнокомандующій приказалъ пустить на прощанье къ городу одинъ пушечный выстрѣлъ, которымъ, кажется, перекувырнуло какого-то злосчастнаго баши-бузука, гарцовавшаго въ полѣ, и отвелъ отрядъ на прежнее мѣсто въ лагерь. Тамъ мы простояли 15-ое число, а 16-го перешли на теперешнюю позицію, подавшись еще по направленію къ Арзеруму верстъ на 8, такъ что Карсъ, все еще ясно видимый, остался у насъ совершенно позади и дорожка въ Александрополь для г. Вилльямса совершенно очистилась. Не угодно ли прогуляться?

17-го числа намѣстникъ, взявши опять нѣсколько побольше половины отряда, отправился на какіе-то поиски по Арзерумской дорогѣ. Отрядъ его пошелъ налегкѣ, почти безъ палатокъ и съ самымъ ограниченнымъ числомъ повозокъ. Все оставлено въ лагерѣ въ одномъ общемъ вагенбургѣ, подъ прикрытіемъ оставшейся половины отряда, въ которой находится наша бригада. Итакъ, теперь вотъ ужъ третьи сутки стоимъ мы верстахъ въ 10 передъ городомъ и ждемъ, не рѣшатся ли пустоголовые дурни, поощренные разрѣшеніемъ нашего отряда, выкинуть какую-нибудь штучку. Но все идетъ по-прежнему, никто не выходитъ изъ города. Черезъ лазутчиковъ всякую ночь получаются извѣстія, что съ вечера турки къ чему-то готовятся и

хотятъ напасть на нашъ лагерь. Мы до разсвѣта ихъ ждемъ, но вотъ прошло уже три ночи, лунныхъ и свѣтлыхъ, самыхъ удобныхъ для нападенія, а никто не показывается. Теперь же и подавно ожидать, кажется, нечего, потому что скоро долженъ возвратиться намѣстникъ, о которомъ носятся слухи, что верстахъ въ 80 отсюдова онъ поймалъ какой-то турецкій отрядъ, шедшій на помощь къ Карсу, и совершенно его разсѣялъ; но это еще требуетъ подтвержденія.

21-го іюня. Вчера вечеромъ, командующій нашимъ отрядомъ, начальникъ 18-ой пѣхотной дивизіи, князь Гагаринъ получилъ отъ главнокомандующаго извѣстіе, что тотъ находится отсюдова верстахъ въ 80 за Саганъ-Лукскимъ хребтомъ, пересѣкающимъ Арзерумскую дорогу. Намѣстникъ турокъ, кажется, догнать не могъ; будучи увѣдомлены о его движеніи, они утекаютъ безъ оглядки въ Арзерумъ, оставивши на половинѣ дороги огромные запасы ячменя и хлѣба. Забравши все это и истребивши, чего взять нельзя, главнокомандующій дня черезъ три падѣется быть здѣсь. Дальнѣйшій планъ его дѣйствій неизвѣстенъ и всѣ намѣренія непроницаемы; но, по всѣмъ примѣтамъ, можно заключить, что онъ намѣренъ довести Карсъ до сдачи, безъ штурма. Онъ человѣкъ чрезвычайно строгій самъ къ себѣ, въ своей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ твердый въ правилахъ религіи. Дѣйствуя рѣшительно и отважно тамъ, гдѣ надобно,—проливать кровь своихъ подчиненныхъ безъ нужды онъ, повидимому, не намѣренъ.

Также вчера вечеромъ пріѣхалъ намѣстниковъ адъютантъ съ депешами изъ Крыма и нынче рано утромъ отправился къ его высоко-ству. Этотъ адъютантъ былъ очевидцемъ ужаснѣйшаго штурма, произведеннаго злодѣями противъ нашего, хранимаго Богомъ и защищаемаго православнымъ воинствомъ, Севастополя. Онъ разсказываетъ чудеса храбрости, оказываемыя нашимъ войскомъ, и описываетъ подробно огромную потерю, понесенную варварами. Результатъ для нашего оружія былъ блистательный. Но когда все это окончится и чѣмъ? Страшно подумать. Неужели еще мало пролито крови? неужели мало принесено жертвъ для утомленія ненасытнаго честолюбія подлаго племянника кровожаднаго дядюшки или для корыстныхъ видовъ какихъ-нибудь безсовѣстныхъ торгашей, управляющихъ кичливой Британіею? О туркахъ нечего говорить. Эти злосчастные бараны сами не знаютъ, какъ выпутаться изъ бѣды, въ которую попали по милости любезныхъ союзниковъ. Французы совершенно симпатизируютъ русскимъ, съ которыми во время перемирій, назначенныхъ для уборки убитыхъ и раненыхъ, сходятся истинными друзьями. Они дерутся изъ честолюбія, будучи вовлечены нечаянно въ схватку и не желая никакъ выдти изъ нея побѣжденными. А подлый властитель ихъ, звѣрствомъ

превосходящій дядюшку, хотя и не обладающій его воинскими качествами, пользуется бѣшенымъ самолюбіемъ своихъ подданныхъ и истребляетъ ихъ безъ всякаго милосердія—лишь бы самому крѣпче удержаться на тронѣ.

Вотъ барышники энгельманы—такъ это негодяи чистые, рады, что нашли себѣ глупцовъ, чьими руками бы жаръ загребать, да и мутятъ все вверхъ дномъ, въ надеждѣ уронить нашу честь и ослабить нашу торговлю для того, чтобъ впослѣдствіи выгоднѣе пользоваться барышами.

Вчера солдаты нашего отряда, извѣщенные объ удачномъ отраженіи штурма, цѣлый вечеръ кричали „ура“! и потомъ цѣлую ночь не спали, забавлялись пѣснями. Командиры поднесли имъ, на радости, по чарочкѣ, да вѣроятно многіе и сами горлышко себѣ помочили. А Карсъ, расположенный въ лощинѣ, много ниже нашей позиціи, утонулъ въ туманѣ и не показывалъ ни малѣйшаго признака жизни.

Завтра посылаю это письмо съ оказіей, отправляющейся навстрѣчу къ транспорту съ припасами, идущему изъ Александрополя. Мы у турокъ отбили уже нѣсколько провизій и захватили 3 почты на Арзерумской дорогѣ, но они къ сообщеніямъ нашимъ очень почтительны и чужихъ корреспонденцій, кажется, распечатывать не намѣрены,—должно быть изъ скромности.

Аулъ Текма. 12-го іюля. Нынѣшній разъ, кажется, есть возможность немножко побольше побесѣдовать съ вами. Нѣсколько дней совершеннаго отдыха и хорошей погоды дали возможность хорошенько оправиться и собраться съ мыслями. Въ положеніи нашего отряда со времени послѣдняго письма моего не произошло никакой перемѣны. Главныя силы, подъ личнымъ наблюденіемъ главнокомандующаго, стоятъ на одномъ мѣстѣ при Аулѣ Текма, на берегу Карсъ-Чая, рѣчки по здѣшнимъ мѣстамъ, скуднымъ хорошею водою, очень пріятной и живописной. Позиція вообще выбрана весьма удачно. Воздухъ здоровый и чистый, мѣстность сухая, въ водѣ изобиліе, не нуждаемся даже и въ лѣсѣ. Верстахъ въ 30 отъ насъ, по арзерумской дорогѣ, хребетъ Саганъ-Лукскій тѣшитъ зрѣніе огромнымъ сосновымъ лѣсомъ. А изъ ближайшихъ къ лагерю ауловъ добывается достаточное количество дровъ не только на варку пищи, но даже иногда и для топки бань, весьма хитро и удобно устраиваемыхъ изъ солдатскихъ палатокъ. Передъ глазами нашими чернѣется Карсъ, окаймленный со всѣхъ сторонъ бѣлыми рядами палатокъ. Не знаю, долго ли придется любоваться этою картиною. Но по всѣмъ признакамъ г. коммиссару со всѣми дурнями османами начинаетъ приходиться жутко. Летучіе наши отряды разъѣзжаютъ безпрестанно по окрестностямъ Карса и не до-

пускаютъ туда съѣстныхъ припасовъ. Всякій день выходитъ къ намъ по нѣсколько человѣкъ переметчиковъ. Въ томъ числѣ бываютъ и офицеры. Всѣ они показываютъ единогласно, что голодъ въ турецкой арміи начинаетъ дѣлаться ощутительнымъ и что войскамъ уменьшены даже порціи. Во время нашихъ налетовъ бываютъ иногда кавалерійскія схватки, такъ что уже набралось нѣсколько десятковъ плѣнныхъ, взятыхъ въ бою. А за все время нашего движенія едва-ли не побольше сотни дурней порублено. Съ нашей стороны также наберется, можетъ быть, человѣкъ пятокъ убитыми и десятка съ два ранеными, плѣнныхъ, разумѣется, нѣту. Но покамѣстъ работаетъ все кавалерія, преимущественно иррегулярная, т. е. казаки и милиція, ни одинъ еще штыкъ не обагрился кровію, и ни одно ядро русское не прогулялось по рядамъ непріятельскимъ. Что будетъ дальше, извѣстно одному Господу.

...Событія, имѣющія главное вліяніе на судьбу Россіи, совершаются теперь въ Крыму. Сердце замираетъ при чтеніи описаній неслыханныхъ доселѣ кровопролитій, происходящихъ подъ Севастополемъ. Сильна вѣра народа русскаго въ могущество Божіе и въ Его милосердіе, и потому надо надѣяться, что Господь не допуститъ погибнуть православію и восторжествовать поганымъ извергамъ, превосходящимъ въ злобѣ и ожесточеніи всѣ бывшіе до сихъ поръ примѣры въ исторіи.

Мы ждемъ здѣсь газетъ съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, чтобъ узнать поскорѣе, что есть въ Крыму новенькаго. Но почта приходитъ сюда не совсѣмъ аккуратно, соображаясь съ оказіями, и потому всѣ свѣдѣнія получаются поздно. Отъ васъ также давно нѣту писемъ. Чай и носки мнѣ доставили. Послѣдніе совершенно исправно, а въ первомъ, хотя ящичекъ порядочно и разломался, но свертки всѣ цѣлы и чай хорошо сохраненъ. Благодарю за аккуратное исполненіе моихъ порученій.

18-го іюля. Мы стоимъ на прежнемъ мѣстѣ, но завтра отрядъ раздѣляется на двое. Главнокомандующій съ одной половиною идетъ къ Арзеруму, который чуть-ли тутъ и не будетъ взятъ. Другая половина подъ начальствомъ ген.-лейт. Брюммера останется караулить Карсъ въ ожиданіи будущаго его паденія. Я остаюсь съ Брюммеромъ, при которомъ будетъ и вся артиллерія нашей бригады... Новый бригадный командиръ, назначенный вмѣсто Назимова, еще не пріѣхалъ, и я все бригадирствую. Должность не хитрая и не безпокойная, но все какъ-то скучно быть не на настоящемъ своемъ мѣстѣ.

24-го іюля. Лагерь при аулѣ Комацура подъ Карсомъ. Сегодня годовщина кровопролитной драмѣ, происходившей въ прошломъ году

при Кюрукъ-Дара. Вчера былъ я у всенощной, а нынче у обѣдни въ полевой корпусной церкви, разбитой по серединѣ нашего отряда. Тамъ помолился отъ глубины души Всевышнему, принеся теплую благодарность за сохраненіе въ прошломъ году и прося милостиваго покровительства въ будущемъ.

Теперешнее положеніе наше весьма хорошо. 19-го числа проводивъ главнокомандующаго, мы передвинулись версты на 2 ближе къ Карсу, такъ что стоимъ теперь почти подъ самыми подкрѣпленіями, но только внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Хлопочемъ о томъ, чтобъ не допускать къ осажденнымъ продовольствія. Сами же фуражируемъ у у нихъ подъ носомъ, забирая все, что нужно для отряда. Турки сидятъ за окопами плотно и мѣшать намъ не смѣютъ. Только на аванпостахъ и въ передовыхъ цѣпяхъ случаются иногда перестрѣлки, кончающіяся, по большей части, самыми пустыми результатами. Но за всѣмъ тѣмъ, каждое почти утро просыпаешься подъ звуками выстрѣловъ... Признаюсь, что меня начинаетъ одолѣвать здѣсь невыносимая тоска по родинѣ и по роднымъ сердцу. Если бы видѣлъ какую-нибудь возможность воротиться ч е с т н о — тотчасъ бы за нее ухватился. Да, дѣло это чрезвычайно мудрено, и его надобно хорошенько обдумать; впрочемъ, полагаюсь во всемъ на волю Божію и надежды не теряю.

26-го числа. Нынѣшній день въ молитвахъ своихъ я буду поминать вмѣстѣ съ 24-мъ числомъ. Пусть дѣлаютъ такъ и дѣти. Нынче Господу вновь угодно было показать надо мною милость свою. По утру вмѣстѣ съ командующимъ корпусомъ я былъ на рекогносцировкѣ очень близко отъ крѣпости. Отрядъ нашъ попалъ незамѣтнымъ образомъ подъ выстрѣлы скрытой крѣпостной батареи и былъ осыпанъ ядрами и гранатами. Полевыя орудія, по малости калибровъ, крѣпостнымъ отвѣчать не могутъ, и потому мы тотчасъ удалились. Дѣло это, по результатамъ своимъ, вѣроятно не будетъ поставлено въ число удачныхъ, и потому спасибо за него никто не получитъ. Но что касается до меня, то мнѣ пришлось испытать, на томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, опасность не меньше Кюрукъ-Дарской, снаряды летали черезъ голову и лопались подъ ногами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня оторвало ногу у подполковника, принявшаго Кубаркина батарею, который часа черезъ два и умеръ. Капитану генеральнаго штаба въ глазахъ моихъ снесло голову ядромъ. Одному генералу перешибло гранатою ногу, но не высоко, и потому надѣются, что, послѣ отрѣза у колѣна, онъ останется живъ. Были нѣкоторые и другіе казусы, но собственно за себя отъ глубины души долженъ благодарить Господа. Надѣюсь, что сдѣлаете также это и вы.

Отъ главнокомандующаго нѣсколько дней не имѣемъ извѣстія, но между жителями носятся слухи, что третьяго дня онъ расколотилъ Вали-пашу и пошелъ въ Арзерумъ. Дай Господи, чтобъ это было справедливо. Тогда можетъ быть и къ намъ поскорѣе возвратится. А то безъ него ужъ становится скучно. Отрядъ крѣпко желаетъ какой-нибудь работы. Надоѣло стоять, сложивши руки, и забавляться одни фуражирами. Карсъ торчитъ подъ нашимъ носомъ, какъ бѣльмо на глазу.

Лагерь подъ Карсомъ 8-го августа. Названіе разореннаго аула, около котораго теперь мы стоимъ, я не пишу, потому что позиціи наши мѣняются часто и всѣхъ тарабарскихъ прозвищъ не упомнишь.

30-го числа главнокомандующій возвратился изъ своего движенія къ Арзеруму. Вали-паша, стоявшій въ горахъ на весьма крѣпкой позиціи, сраженія не принялъ и улепетнулъ быстро къ Арзеруму, который очень хорошо укрѣпленъ и вооруженъ большой артиллеріей. Не располагая брать съ боя городъ, находящійся такъ далеко отъ нашей границы, между тѣмъ какъ самая главная крѣпость осталась позади, главнокомандующій возвратился и обложилъ тѣсно Карсъ со всѣхъ сторонъ, исключая александропольской, откудова гарнизонъ подвозовъ никакихъ получать не можетъ. Въ Карсѣ войска находится до 20.000 и тысячъ до 10-ти жителей, при нѣсколькихъ тысячахъ лошадей. Вся эта орда, никогда не ожидавшая попасть въ настоящее положеніе и слѣдовательно мало запасшаяся продовольствіемъ, конечно, скоро будетъ приведена въ гибельную крайность отъ голода. Конечно, они могли бы дѣлать вылазки по частямъ на расположенные въ разныхъ мѣстахъ около города отряды. Но объ этомъ, кажется, не смѣютъ и думать. На укрѣпленія свои и пушки они надѣются. Положеніе блокируемаго войска ужасно; но не очень-то весело и тѣмъ, которые его окружаютъ. Стоять въ бездѣйствіи на одномъ мѣстѣ и между тѣмъ быть всякую минуту готовымъ встрѣтить неизвѣстно на какомъ пунктѣ, доведеннаго до отчаянія непріятеля—скучно. Конечно, имѣя свободное сообщеніе съ Александрополемъ и со всѣмъ Карскимъ пашалыкомъ, мы ни въ чемъ не нуждаемся, но время наступило довольно тяжелое. Третью недѣлю стоятъ ужасныя жары, не облегчаемыя никакою тѣнью. На 30 верстъ въ окрестности нѣтъ не только ни одного деревца, но даже и прутика, къ счастью еще, что имѣемъ воду. Въ разныхъ мѣстахъ расположенія нашего отряда протекаетъ Карсъ-Чай, рѣченка скверная, въ родѣ нашей Данковки, но и той рады радёхоньки.

Богъ знаетъ, долго ли продолжится блокада, но, кажется, ранѣе октября или ноября нечего и думать о рѣшительныхъ результатахъ. Впереди предстоитъ много безпокойства и скуки. Все это тѣмъ болѣе

ощутительно, что постоянная бивачная жизнь доводитъ человѣка до какой-то апатіи, уничтожающей всякія постороннія мысли. Возьмешься за перо, такъ не знаешь, что говорить и, кажется, все прошлое такимъ далекимъ, что къ нему нѣтъ возможности когда-либо возвратиться. Отъ васъ писемъ давно нѣту. Газеты также получаются рѣдко. Что дѣлается съ Севастополемъ—не знаемъ. Между тѣмъ какъ и наша кампанія совершенно зависитъ отъ хода тамошнихъ дѣлъ.

24-го августа. Нынѣшній день минуло 3 мѣсяца, какъ отрядъ нашъ выступилъ изъ Александрополя. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, нѣкоторыхъ нѣтъ уже на свѣтѣ. Мы хозяйничаемъ въ Анатоліи какъ дома и поселились около Карса точно подъ Александрополемъ. Но рѣшительныхъ результатовъ покамѣстъ еще нѣтъ, и долго ли продолжится настоящее положеніе дѣлъ, не извѣстно. Повидимому, турокъ шибко началъ забирать голодъ. Бѣгаютъ изъ города безпрестанно, но безоружныхъ возвращаютъ назадъ. Вчерашній день около 2.000 регулярной конницы хотѣли прорваться къ Арзеруму, потому что въ Карсѣ лошадей кормить почти уже нечѣмъ. Для этого они вышли часовъ въ 10 вечера и устремились на одинъ изъ нашихъ блокирующихъ отрядовъ, помѣщенный въ горахъ, гдѣ думали его сломить и, пользуясь гористой мѣстностью, ускакать въ Арзерумъ. Но наша конница, по первой тревогѣ, бросилась со всѣхъ сторонъ на уходящихъ и хотя собралась гораздо въ меньшемъ противъ нихъ числѣ, а именно съ небольшимъ 1.000 человѣкъ, разбила ихъ совершенно. До 200 человѣкъ положено на мѣстѣ, больше 200 взято тутъ же въ плѣнъ, третья часть изъ этого раненыхъ, а остальныхъ разбѣжавшихся по горамъ подъ защитою темноты и теперь еще ловить продолжаютъ, такъ что покамѣстъ не извѣстно, сколькимъ проскользнуть удалось. У насъ убитъ только одинъ драгунъ и десятка съ два раненыхъ, а рѣзня была, говорятъ, страшная, и можно себѣ представить, что происходило ночью. Я видѣлъ раненыхъ турокъ. По большей части у нихъ разрублены головы, у нѣкоторыхъ очень глубоко. Въ числѣ ихъ попался и полковникъ, ведшій колонну, съ двумя ранами также въ голову и въ руку. При немъ взятъ 13-тилѣтній сынъ, получившій двѣ раны въ голову, но, къ счастью, не тяжелыя. Бѣднаго мальчика всѣ жалѣютъ.

Вотъ наши развлеченія,—единственныя въ настоящей жизни. На небольшія перестрѣлки, бывающія почти каждый день на аванпостахъ, никто не обращаетъ вниманія, кромѣ дѣйствующихъ лицъ. Всякое почти утро, просыпаясь, слышишь звуки: пафъ, пафъ—завернешь голову въ одѣяло, да и захрапишь слаще прежняго.

Досадно бываетъ, если явится какой-нибудь адъютантъ съ при-

казаніемъ отъ генерала вывести сію минуту впередъ такой-то дивизіонъ или такую-то батарею. Но подобные казусы случаются рѣдко. Утренній сонъ по большей части не возмутимъ... На-дняхъ пріѣзжаетъ настоящій бригадный командиръ, ген. Загорянскій, находящійся уже въ Александрополѣ. Этому я чрезвычайно радъ, потому что возвращусь къ батареѣ, съ которою былъ разлученъ болѣе полу-года. И теперь, какъ командующій бригадой, живу при отрядномъ штабѣ, а 6-ая легкая находится отъ меня больше нежели за версту. Долго ли могутъ продержаться турки—опредѣлить трудно. Впрочемъ, они ожидаютъ значительныхъ подкрѣпленій съ моря. Но, по всѣмъ признакамъ, придется намъ прихватить въ полѣ изрядную частичку зимы.

5-го сентября. Холода начали уже одолѣвать сильно, особенно по ночамъ, къ утру всегда бываетъ изрядный морозъ. Переходъ отъ нестерпимыхъ жаровъ къ ощутительному холоду совершился такъ быстро, что средины никто и не видалъ. Дай-то Богъ, чтобы выдержало здоровье, теперь оно важнѣе всего. 30-го августа было изрядное дѣльце. Частица нашего отряда, посланная на арзерумскую дорогу навстрѣчу туркамъ, намѣревавшимся пробраться для доставленія провіанта Карсу, встрѣтила османовъ неожиданно верстахъ въ 80 отсюда въ какомъ-то ущеліи и съ перваго натиска кавалеріи совершенно ихъ истребила. Многихъ положили на мѣстѣ. Нѣсколько десятковъ взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ довольно важный паша, а также 4 пушки. Все это, вѣроятно, будетъ описано подробно въ „Инвалидѣ“. Каждый день приводятъ съ разныхъ сторонъ плѣнныхъ. Сначала это всѣхъ насъ очень занимало, но люди ко всему привыкаютъ, и эти зрѣлища теперь на войска особеннаго вліянія не производятъ. Времена наступили такія, что самый эгоизмъ, сильнѣйшая страсть человѣка, потерялъ много силы своей. Являются случаи, гдѣ мы больше заботимся о другихъ, нежели о себѣ. Такъ, напримѣръ, Крымъ занимаетъ бóльшую часть изъ насъ больше, нежели собственныя наши дѣла. Но, къ сожалѣнію, оттудова утѣшительнаго ничего нѣту.

12-го сентября. Положеніе наше со времени послѣдняго письма моего нисколько не измѣнилось. Стоимъ на прежней позиціи и смотримъ во всѣ глаза на Карсъ, который также продолжаетъ сохранять упрямую свою физіономію. Каждый день слышимъ выстрѣлы, бываютъ даже пушечные съ укрѣпленій, когда наши смѣльчаки, линейные казаки, слишкомъ увлекаются въ преслѣдованіи турокъ, осмѣливающихся выходить изъ подъ своихъ выстрѣловъ для кормленія лошадей. Ежедневно почти видимъ плѣнныхъ, и цѣлыхъ, и порубленныхъ. Сами по ночамъ страшно зябнемъ, днемъ тѣшимся музыкой, солдатскими

пѣснями, плясками и играми. Бѣдняги со скуки сдѣлались совершенными дѣтьми, дурачатся и шалятъ, какъ маленькіе ребята. Самъ главнокомандующій присутствуетъ иногда на этихъ увеселеніяхъ. Вчера въ Эриванскомъ полку, намѣстникъ, позабавившись разными проказами, спросилъ у окружающихъ его солдатъ: „А что, ребята, вы, я думаю, соскучились—не хотите ли на штурмъ?". „Хотимъ, хотимъ", закричали съ восторгомъ сотни голосовъ. Всѣ жаждутъ штурма, на которомъ, конечно, должна лечь не одна тысяча. Но, повидимому, главнокомандующій его дѣлать не будетъ, а надѣется принудить Карсъ къ сдачѣ голодомъ. На этотъ предметъ у насъ ходятъ разные слухи; одни говорятъ, что у турокъ провіанта много, а другіе, что его осталось въ Карсѣ только на нѣсколько дней. Первый слухъ разглашаютъ, обыкновенно, плѣнные, взятые съ бою, а послѣдній перебѣжчики. Чѣмъ все это кончится, извѣстно одному Господу, но если еще долго простоять такъ придется, то, конечно, и мы всякаго горя натерпимся. Холодъ и теперь ужъ одолѣвать начинаетъ, а что будетъ, какъ пойдутъ снѣга и метели. Впрочемъ, глядя на главнокомандующаго, подверженнаго въ его лѣта одинакимъ со всѣми нами трудамъ и неудобствамъ, невольно молчишь и покоряешься своей участи. Только въ тѣ дни, которые чѣмъ-нибудь особенно напоминаютъ собою милую родину, болѣе обыкновеннаго предаешься грусти.

19-го сентября. Мы стоимъ по-прежнему кругомъ Карса, только испытали нѣкоторую неудачу. Если помните, что въ послѣднемъ письмѣ говорилъ вамъ, что 17-е число, день именинъ Софьи, ожидаю провести грустно. Это вѣрно сердце мое предчувствовало. Ночью пошли мы штурмовать Карсъ, но Богу не угодно было благословить успѣхомъ войско православное. Видно, еще велики грѣхи наши и не загладжены совершенно чистымъ покаяніемъ. Всѣ главные генералы, ведшіе колонны, были тяжело ранены съ первыхъ выстрѣловъ и много начальниковъ перебито, такъ что солдаты, оставшись безъ командировъ и попавши въ длинную цѣпь укрѣпленій, отчаянно обороняемыхъ турками, не умѣли сами распорядиться своими дѣйствіями и отступили назадъ, оставивъ нѣсколько укрѣпленій, взятыхъ было молодецки съ перваго разу. Крови съ обѣихъ сторонъ пролито много, а результатовъ никакихъ не вышло. Подлецы не осмѣлились даже преслѣдовать нашихъ дальше выстрѣловъ своихъ укрѣпленій. Меня Господь сохранилъ внѣ всякой опасности. Батареѣ моей пришлось все время стоять въ такомъ мѣстѣ, куда даже не долетали и выстрѣлы. Вотъ теперь уже два дня, какъ приводимъ въ порядокъ всѣ послѣдствія неудачи. Что будетъ дальше, не извѣстно, но мнѣ кажется, что мы скоро разойдемся по зимнимъ квартирамъ, потому что

голодомъ, кажется, принудить къ сдачѣ турокъ нельзя—провіанту у нихъ оказалось много. А про новый штурмъ, конечно, нельзя и думать.

Всѣ мои теперешнія письма не такъ подробны, какъ были иногда прежде. Но скажу вамъ, что до тѣхъ поръ, покамѣстъ не проведу нѣсколько дней подъ крышей, не буду въ состояніи хорошенько побесѣдовать съ вами. Мозгъ, растопленный сперва лѣтнимъ зноемъ, начинаетъ теперь мерзнуть.

1-го октября. Мы продолжаемъ по-прежнему хозяйничать въ окрестностяхъ Карса и не позволяемъ никому изъ его защитниковъ высунуться ни на одинъ шагъ въ поле, но они теперь знаютъ хорошо, что за своими громадными укрѣпленіями, хорошо вооруженными, они—недоступны. Не извѣстно, долго ли могутъ держаться противъ голода. Объ этомъ ходятъ разные слухи. Но по мѣрамъ, принимаемымъ главнокомандующимъ, надобно полагать, что онъ надѣется принудить турокъ къ сдачѣ голодомъ. По случаю приближающихся холодовъ велѣно рыть всѣмъ людямъ землянки. Я себѣ устроилъ довольно тепленькое помѣщеніе, въ родѣ собачьей конуры, куда и перехожу нынче на новоселье. Вотъ бывало иногда капризничаешь, что въ крестьянской избѣ стоять дурно, а теперь съ какимъ бы восхищеніемъ забрался въ какую-нибудь черненькую русскую хатку, да Богъ знаетъ, приведетъ ли когда судьба и вовсе въ ней побывать.

Весьма радуюсь, что вы всѣ живы и здоровы. Если встрѣчаю въ вашихъ письмахъ иногда и не совсѣмъ веселое, то стараюсь этимъ не смущаться, надѣясь на милость Божію. Повѣрьте, милые друзья, что никакія ваши преткновенія далеко не могутъ сравниться съ нашими. По нѣсколько дней сряду не знаешь иногда ни покоя, ни отдыха и сверхъ того каждую минуту долженъ быть готовъ предстать на судъ Божій.

Дѣтки письмами своими меня очень радуютъ. Посылаю имъ мое благословеніе, Марьѣ Сергѣевнѣ и Софьѣ приношу еще разъ глубочайшую признательность за попеченія о Сашѣ, а милаго сынка отъ глубины сердца обнимаю за его, повидимому, твердое намѣреніе вести себя хорошенько и прилежно учиться. Каточка также крѣпко цѣлую за то, что принимаетъ такое живое участіе въ дѣйствіяхъ брата, а меня утѣшаетъ различными разсказами о своемъ бытѣ. Меня, между прочимъ, она спрашиваетъ о Норманѣ. Этотъ витязь находится постоянно со мною и извѣстенъ почти всему отряду, но въ тѣ мѣста, гдѣ бываетъ пальба, ходить не любитъ и всегда при подобныхъ случаяхъ остается дома. О немъ я могъ бы разсказать нѣсколько анекдотовъ, но откладываю это до другаго болѣе удобнаго времени. Вся прислуга моя жива и довольно исправна.

10-го октября. Военныя наши обстоятельства находятся въ прежнемъ положеніи. Оцѣпляемъ Карсъ, повидимому, съ твердымъ намѣреніемъ заставить его сдаться отъ голода. Всѣмъ солдатамъ строются бараки, такъ что кругомъ Карса возникло, какъ будто волшебствомъ, совершенно новое поселеніе. Туркамъ, говорятъ, и теперь почти ужъ нечего ѣсть, а между тѣмъ они въ глазахъ нашихъ значительно усиливаютъ свои укрѣпленія. Кто кого переупрямитъ—не извѣстно. Можно представить себѣ одно. Когда выпадетъ снѣгъ, наступятъ морозы и метели—обѣимъ сторонамъ придется жутко. Впрочемъ, Богъ милостивъ и вѣроятно когда-нибудь окажетъ видимое покровительство вѣрному своему воинству. И на свѣтѣ все такъ создано, что гдѣ однимъ достается много труда и горя, тамъ другимъ ниспосылается радость и утѣшеніе. Такъ напримѣръ теперь, когда значительное число раненыхъ, оставшихся послѣ 17-го числа, еще испытываетъ тяжкія страданія, тѣ, которые получили за этотъ день награды, очень счастливы.

24-го октября. Чѣмъ больше мыкаю горе, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что здоровье—самое драгоцѣнное условіе въ нашей жизни. Безъ него не утѣшатъ насъ никакія земныя блага. Въ тѣ дни, въ которые чувствую себя хорошо, готовъ бы, кажется, былъ стоять еще цѣлый годъ подъ Карсомъ, при появленіи же какихъ-либо недуговъ, къ несчастью начинающихъ посѣщать меня ужъ довольно часто, невольная грусть овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ и видъ карсскихъ укрѣпленій дѣлается невыносимо тошенъ. А простоять передъ ними, кажется, придется еще довольно времени. Конечно, турки голодаютъ жестоко; лошадей своихъ почти уже всѣхъ переморили, да и самимъ не въ моготу приходится. Но мѣсяца два—три можетъ быть еще продержатся.

Мѣсяцы эти называются ноябрь и декабрь—въ климатѣ, едва-ли чѣмъ-нибудь уступающемъ нашему московскому. Можете судить, каково достанется и намъ, конечно, уже попріютившимся въ теплыхъ землянкахъ. Да все-таки морозъ подираетъ по кожѣ при мысли о предстоящихъ впереди удовольствіяхъ. Турки кромѣ голода терпятъ еще отъ холода. Отопленія къ нимъ доставить ни откуда невозможно, а находившіеся подъ крѣпостными выстрѣлами аулы они всѣ разобрали на дрова. Оставался одинъ, называемый Шарахъ, расположенный довольно близко къ нашимъ передовымъ постамъ, и потому турки долго не рѣшались его тронуть, однако жъ вынужденные крайностью на-дняхъ приступили къ этой операціи. Главнокомандующій, чтобы наказать ихъ за дерзость, 22-го числа этого мѣсяца, послалъ 8 баталіоновъ пѣхоты, драгунскій полкъ и 2 батареи, въ томъ числѣ

*

мою, и приказалъ аулъ сжечь. Можно сказать подъ самымъ носомъ у Вилліамса исполнили мы эту штуку, пробывши подъ сильнымъ огнемъ съ крѣпости болѣе часа. Отрядомъ командовалъ ген. Баклановъ, долго бывшій на Кавказѣ грозой черкесовъ, трепетавшихъ одного его имени. Весною прибывъ въ нашъ отрядъ по назначенію главнокомандующаго, Баклановъ успѣлъ въ теченіе лѣта совершить множество блестящихъ подвиговъ, при чемъ дѣйствія его ознаменовываются особеннымъ счастьемъ, видно, Господь его любитъ. Такъ случилось и теперь. Болѣе часу солдаты, осыпаемые выстрѣлами съ укрѣпленій, разоряли и зажигали аулъ. Ядра попадали въ колонны, составляющія прикрытіе, и за всѣмъ тѣмъ потеря наша ограничилась двумя ранеными. Ужъ подлинно, что это можно назвать чудомъ. Мы своими полевыми орудіями, по дальности разстоянія, на крѣпостныя отвѣчать не могли, и потому, зажегши аулъ, смирнехонько отошли восвояси. Въ то мѣсто, гдѣ я стоялъ съ батареей во время стрѣльбы, снарядовъ попадало немного, однако нѣкоторые пролетѣли надъ головой. Благодарю Создателя за спасеніе... Теперь у насъ попрежнему все мирно и тихо. Въ Карсѣ и около него никто не шевелится. Городъ и укрѣпленія, покрытыя палатками, точно вымерли. Но стоитъ подойти поближе какой-нибудь части войска — всѣ валы покроются солдатами. Казаки, человѣкъ по 5, иногда и по дюжинѣ, вразсыпную для потѣхи, рыскаютъ подъ самыми укрѣпленіями, но по нихъ рѣдко стрѣляютъ, потому что въ одного человѣка, особенно скачущаго, попасть изъ пушки почти что невозможно. Вообще линейные казаки дѣлаютъ здѣсь удивительно молодецкія проказы.

Вотъ вамъ подробное изображеніе нашего препровожденія времени и нашихъ развлеченій. Желалъ бы я посмотрѣть, какъ поправились бы они господамъ обитателямъ мирныхъ окрестностей Москвы, недовольнымъ своею участью, но живущимъ въ теплѣ и довольствѣ, ложащимся почивать и просыпающимся безъ малѣйшей тѣни тревоги. О! война—хорошая школа для мизантроповъ—особенно такая, какъ нынѣшняя.

4-го ноября. ...Здѣсь дѣла наши впередъ подвигаются мало. Солдаты всѣ помѣстились въ землянкахъ. До сихъ поръ время стояло хорошее, но со вчерашняго дня началъ перепадать снѣгъ, значительно усилившій холодъ. Я въ своей конуркѣ согрѣваюсь исправно. Туркамъ, повидимому, приходится плохо. Говорятъ, что и смертность у нихъ сильно начала проявляться. Жители безпрестанно пытаются выходить изъ города, но ихъ тотчасъ же туда возвращаютъ. Показываются иногда солдаты съ оружіемъ въ рукахъ, этихъ берутъ военноплѣнными. Всѣ показываютъ, что голодъ въ Карсѣ дѣлается невы-

носимъ, но за всѣмъ тѣмъ разбойникъ Вилліамсъ, который, конечно, столько же доволенъ смертностью турокъ, сколько и русскихъ (потому что англичане того только и желаютъ, чтобы мы другъ друга истребляли), крѣпко держитъ въ рукахъ гарнизонъ и кого поймаетъ въ желаніи намъ передаться, тотчасъ же разстрѣливаетъ или вѣшаетъ. А когда-то будетъ конецъ звѣрству этихъ изверговъ—Господь знаетъ. Только Катины именины, навѣрное, придется мнѣ провести подъ снѣгомъ, на чистомъ полѣ, въ землянкѣ. На счетъ подарка для этого дня я вамъ писалъ давно уже. Имѣю увѣдомленіе изъ Александрополя, что на почтѣ есть ко мнѣ посылка. Это, вѣроятно, носки. Скоро надѣюсь ихъ получить и очень кстати,—ногамъ приходится жутко.

15-го ноября. Наконецъ-то, по милости Божіей, могу я васъ порадовать утѣшительнымъ извѣстіемъ, которое, конечно, обрадуетъ всю Россію и нашего юнаго монарха, не имѣвшаго до сихъ поръ въ военномъ отношеніи ничего утѣшительнаго. Карсъ нашъ! или, можно сказать, почти что нашъ. Третьяго дня явился къ главнокомандующему самъ Вилліамсъ и объявилъ, что держаться долѣе онъ находитъ безчеловѣчнымъ поступкомъ, потому что въ гарнизонѣ его и между жителями ежедневно умираетъ съ голоду болѣе полутораста человѣкъ; помощи ни откудова онъ ожидать не можетъ, а въ поле турецкое войско, потерявшее всѣхъ лошадей, показаться не смѣетъ. А потому онъ сдаетъ городъ со всѣмъ гарнизономъ и военнымъ имуществомъ въ полную волю главнокомандующаго, полагаясь совершенно на его великодушіе.

Эпоха блистательная! Оплотъ всей Анатоліи, Карсъ, съ главными военными запасами цѣлаго края, имѣющій болѣе двухсотъ крѣпостныхъ орудій и до 15.000 гарнизона, доведенный благоразумными распоряженіями до крайности, сдается безъ выстрѣла. Подобныхъ примѣровъ мало встрѣчается въ исторіи.

Къ этому надобно прибавить, что если бы 17-го сентября не было несчастнаго штурма, мы бы во всю полугодовую кампанію и ста человѣкъ не потеряли. Но на все есть воля Божья, Ею опредѣляются судьбы наши.

Другой день уже власти заняты составленіемъ разныхъ условій, необходимыхъ при подобномъ случаѣ. Турки, доведенные до крайности, хотя и рѣшились положить оружіе, но когда дѣло пришло до исполненія, стало жаль такъ постыдно съ нимъ разстаться. Другія сутки въ Карсѣ идетъ страшная суматоха. Бунтуютъ особенно выходцы изъ разныхъ государствъ, покинувшіе свое отечество по политическимъ преступленіямъ, которые боятся, что ихъ выдадутъ своимъ правительствамъ—преимущественно поляки и венгерцы, да еще арабитан-

скіе полки—самые отчаянные изъ всей турецкой пѣхоты. Они-то во время штурма Карсъ и отстояли. Но, несмотря на все это, нынѣшній день всѣ условія, кажется, должны быть окончены и завтра назначено парадное вступленіе въ Карсъ. Какъ совершится эта необыкновенная по своей рѣдкости церемонія, опишу вамъ по слѣдующей почтѣ, теперешняя же отходитъ нынѣ вечеромъ и потому оставляю васъ въ ожиданіи.

Завтрашній день сдаются всѣ турецкія войска съ ихъ оружіемъ, пашами и офицерами, а нынче часу въ первомъ пріѣзжаетъ въ лагерь Вилліамсъ со всѣми англійскими офицерами, бывшими въ Карсѣ, и остается уже у насъ военно-плѣннымъ. Я совершенно помирился съ этимъ человѣкомъ, котораго воображалъ себѣ обыкновеннымъ англійскимъ бульдогомъ, надутымъ, толстымъ и рыжимъ. Но вышло совершенно напротивъ. Онъ имѣетъ самую пріятную военную физіономію—очень похожъ на портретъ князя Меншикова, только имѣетъ довольно большіе сѣдые усы. Станъ его прямъ, корпусъ худощавъ, ростъ выше средняго, а манеры и обращеніе весьма пріятны. Нація поставила его быть защитникомъ турокъ. Онъ исполнилъ волю ея самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Полгода сохранялъ въ превосходномъ порядкѣ всю армію, безъ него, конечно, давно бы уже погибшую. Отразилъ молодецкій штурмъ самымъ геройскимъ образомъ. Потомъ же, когда увидѣлъ, что его бросили на вѣрную погибель, безо всякой помощи, откровенно явился къ главнокомандующему и отдалъ себя въ полное его великодушіе. Признаюсь—мнѣ было грустно смотрѣть на этого бѣднаго старика, обладающаго самой почтенной наружностью, когда онъ расхаживалъ между нашими солдатами, смотрѣвшими на него, какъ на какую-нибудь птицу, у которой очень бы желали общипать почище всѣ перышки.

Сдачею Карса должно опредѣлиться наше зимнее положеніе. Нѣкоторыхъ оставятъ здѣсь, нѣкоторыхъ распустятъ по квартирамъ,—признаюсь, очень бы желалъ быть въ числѣ послѣднихъ. Но на то есть воля начальства. Во всякомъ случаѣ, ваши носочки, третьяго дня мною полученные, очень мнѣ пригодятся. Они превосходны и даже слишкомъ щеголеваты для оборваннаго солдата, живущаго чуть-чуть не въ собачьей конурѣ. Премного благодарю за аккуратное исполненіе просьбы моей. А вновь прошу выписать мнѣ на полгода „Инвалидъ“. Изъ Петербурга раньше февраля или марта не могу ждать резолюціи на мое убѣдительнѣйшее прошеніе и потому предполагаю забавляться хоть „Инвалидомъ“, составляющимъ единственное мое развлеченіе. На будущей почтѣ надѣюсь сообщить вамъ разныя подробности касательно предстоящаго намъ размѣщенія по зимнимъ квартирамъ—покамѣстъ прощайте.

Влади-Карсъ. 19-го ноября. Такъ приказалъ главнокомандующій называть мѣсто, на которомъ стоимъ мы около трехъ мѣсяцевъ и съ занятіемъ котораго рѣшено было паденіе Карса. 16-го числа, какъ я вамъ писалъ уже, согласно со сдѣланною предварительно Вилліамсомъ капитуляціею, карсскій гарнизонъ вышелъ изъ своихъ укрѣпленій, оставивъ въ нихъ все свое оружіе, и съ поникшими головами явился въ нашъ лагерь. Васифъ-паша м у ш и р ъ, т. е. ихъ главнокомандующій, еще пять пашей, Вилліамсъ съ нѣсколькими офицерами, всѣ турецкіе штабъ- и оберъ-офицеры сдались безусловно на волю главнокомандующаго.

Въ Карсъ же немедленно посланы были нѣсколько нашихъ баталіоновъ для занятія крѣпости и всего военнаго имущества, тамъ оставленнаго. До 150 пушекъ и около 13.000 ружей со всѣми снарядами забрали послѣ вышедшихъ турокъ.

На другой день я ѣздилъ въ Карсъ, осматривалъ городъ, крѣпость и укрѣпленныя высоты, облитыя 17-го сентября, въ день штурма, нашею кровью. Во всемъ этомъ много интереснаго, равно какъ и въ самой процессіи сдачи, но теперь по недосугу и страшнымъ хлопотамъ, описывать не имѣю времени, а разскажу вамъ все, пріѣхавъ въ Ахалкалаки и отдохнувши тамъ послѣ трудовъ, жестоко переносимыхъ мною ровно полгода.

Съ завтрашняго дня войска начинаютъ выступать отсюдова, оставивши небольшой гарнизонъ въ Карсѣ. Моей батареѣ назначены прошлогоднія зимнія квартиры, т. е. Ахалкалаки, и выступленіе послѣ завтра. Не могу дождаться этого вожделѣннаго дня и хотя бездна хлопотъ одолѣваетъ передъ выходомъ, переношу ихъ съ удовольствіемъ, предвидя временный конецъ своимъ бѣдствіямъ. Теперь вы отъ меня письма скоро не ждите, потому что походъ нашъ продолжится около 10-ти дней. Да изъ Ахалкалакъ вы, я думаю, помните, какъ медленно получались письма. Настоящее мое письмо, полагаю, должно придти къ вамъ передъ самымъ праздникомъ, съ которымъ васъ поздравляю, желая, чтобы будущій 1856-й годъ былъ встрѣченъ пріятно и проведенъ для всей Россіи счастливѣе нынѣшняго.

Александрополь, 24-го ноября. Въ теченіе полугода, первый разъ для именинъ любезной дочки моей, провожу день въ свѣтлой, теплой, сухой и просторной горницѣ. Батарея имѣетъ здѣсь дневку, а завтра слѣдуетъ дальше по маршруту къ Ахалкалакамъ, куда должна прибыть къ 29-го числа. Я пробуду здѣсь еще дня три, чтобъ дождаться почты. Не будетъ ли отъ васъ писемъ, и потомъ догоню батарею. Изъ отряда, оставшись тамъ на два дня для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ, пріѣхалъ я сюда также одинъ верхомъ, отъ чего меня жестоко

разломило, такъ что теперь насилу хожу. За то дорогою намечтался досыта — изъ Карса въ Александрополь дорога идетъ по мѣстамъ, третій годъ уже изобильно орошаемымъ человѣческой кровью. Съ одной стороны виднѣется долина Баяндурская, а возлѣ нея высоты Башъ-Кадыкъ-Лярскія, бывшія въ 1853 году театромъ двухъ кровопролитныхъ сраженій, 11-го и 19-го ноября; съ другой стороны возвышается гора Короялъ съ разореннымъ ауломъ Кюрукъ-Дара и равниною, очень хорошо мнѣ памятною по событіямъ прошлаго года. Но куда дѣвались сотни тысячъ войскъ, покрывавшія эти громадныя пространства? Тамъ теперь все тихо и пусто. Изрѣдка попадается полуразрушенное укрѣпленіе, поросшее травой, или небольшія насыпи, обозначающія мѣста зарытыхъ труповъ, человѣческихъ и лошадиныхъ. Около однихъ валяются остовы конскіе, около другихъ скелеты людскіе. Шакалы и волки хозяйничаютъ около полевыхъ кладбищъ, по изобилію жертвъ устроенныхъ не очень тщательно. Но больше всего поразило меня сравненіе настоящаго моего положенія съ прошедшимъ. Въ прошломъ году, когда я находился при Кюрукъ-Дара, весь горизонтъ былъ покрытъ цѣпью турецкихъ аванпостовъ, за которыми широко раскидывались палатки ихняго восьмидесятитысячнаго отряда. И горе постигало того неосторожнаго русскаго, который отдалялся на лишній десятокъ саженъ отъ передовой своей цѣпи. Теперь же я по этимъ самымъ мѣстамъ ѣхалъ одинъ одинешенекъ въ сопутствіи Нормана, точно изъ Кузнецова въ Шагарово, безпрестанно обгоняя или встрѣчая наши обозы, тянущіеся съ фуражемъ, провіантомъ и другими разными разностями. А если иногда попадались турки, то, по обыкновенію ихъ, прикладывали руку къ сердцу и низко кланялись. Вѣроятно, добрая лошадь моя, костюмъ и хорошее вооруженіе показывали имъ, что встрѣчаются съ какой-нибудь чиновною особою.

Да! во всемъ этомъ есть много интереснаго, много поэзіи...

Ахалкалаки, 3-го декабря. Вотъ Господь привелъ снова писать это тарабарское названіе, вполнѣ соотвѣтствующее мѣсту, имъ называемому. Крѣпость и городишко дѣйствительно очень поганенькіе. Но я мечталъ нихъ съ наслажденіемъ, и теперь, забравшись сюда, не могу еще опомниться отъ удовольствія... Четвертый день не выхожу никуда ни шагу и нѣжусь съ полнымъ комфортомъ въ своей теплой комнатѣ, похожей, если судить по-московски, на конюшню богатаго барина, но по-здѣшнему очень великолѣпной. Она суха, свѣтла, имѣетъ полъ, потолокъ и печку — принадлежности въ здѣшнихъ мѣстахъ очень рѣдкія. По ней можно ходить взадъ и впередъ, а ночью—спать, раздѣвшись по-христіански и не ожидая быть поднятымъ внезапно съ постели звуками барабана, или громкими

восклицаніями Богданова: Тревога! тревога!—какъ то нерѣдко случалось въ отрядѣ. Минувшія событія нынѣшняго лѣта представляются въ памяти моей какъ смутныя грёзы. И укрѣпленія, и пушки, и пѣхотинцы, и всадники, и громъ, и огонь, и облака пороховаго дыма, и окровавленные трупы, и стоны раненыхъ — составляютъ въ моемъ воображеніи какой-то неопредѣленный хаосъ, изъ котораго нѣкоторые эпизоды врѣзались въ памяти сильнѣе прочихъ, а нѣкоторые почти совершенно забылись.

16-го ноября — день сдачи Карса — стоитъ въ числѣ первыхъ. Я вамъ обѣщалъ описать его. Постараюсь теперь исполнить свое обѣщаніе сколько можно отчетливѣе.

Послѣ разныхъ предварительныхъ совѣщаній между нашимъ главнокомандующимъ, Вилліамсомъ, и турецкими пашами, продолжавшихся трое сутокъ и затрудняемыхъ гарнизономъ, горько чувствовшимъ свое постыдное положеніе, 16-го числа назначена была сдача. Турецкая армія, сложивши свое оружіе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто расположенъ былъ лагеремъ, и оставивши въ укрѣпленіяхъ пушки, въ 9 часовъ утра должна была выдти изъ Карса и отдаться безусловно въ руки наши. Къ этому времени мы выстроились на своихъ мѣстахъ передъ бараками, составивъ линію въ нѣсколько верстъ протяженія. Карсъ, со всѣми его укрѣпленными высотами, отстоящій отъ отряда верстъ на 6, былъ виденъ какъ на ладони. Глаза наши устремлены были нетерпѣливо на мѣсто, откудова должны были показаться турки. Но прошелъ часъ, и другой, минуло полдня, и никто не показывался, и ни въ городѣ, ни кругомъ его не было замѣтно ни малѣйшаго движенія. Мы уже начали думать, не перемѣнили ли османы своего намѣренія; но вотъ отъ одной изъ заставъ отдѣлилось небольшое темное пятнышко, которое начало понемногу все прибавляться, расширилось потомъ во всѣ стороны и покрыло наконецъ передъ городомъ все почти поле. Это были злостные плѣнники наши, оборванные, тощіе, нѣсколько дней почти-что не ѣвшіе, всѣ шли или, лучше сказать, тащились пѣшкомъ, кромѣ нѣсколькихъ штабъ-офицеровъ, сохранившихъ своихъ лошадей, и главныхъ пашей съ небольшою свитою. Впереди ѣхалъ Вилліамсъ и Васифъ-паша. Проѣхавъ съ версту, они отдѣлились отъ толпы съ нѣсколькими англійскими офицерами и отправились къ намѣстнику. Медленно двигались турки, какъ будто бы еще въ нерѣшимости, оглядываясь безпрестанно на грозные ряды своихъ укрѣпленій, уставленныхъ пушками. Стоитъ имъ только воротиться, взять въ руки ружья и приблизиться къ пушкамъ, и они опять сдѣлаются для насъ недоступны. Число ихъ равняется почти нашему, окопы прочны, оружія и огнестрѣльныхъ снарядовъ много—можетъ быть, такъ и думали изъ нихъ многіе.

Истощенные голодомъ, они потеряли и духъ, и тѣлесную крѣпость. Около 3-хъ часовъ тащились, на 6-ти верстахъ, растянутыя толпы. Въ 4-мъ часу по полудни главнокомандующій въ сопровожденіи Васифа-паши выѣхалъ навстрѣчу приближающимся плѣнникамъ. Вилліамсъ остался въ нашемъ лагерѣ, Керимъ-паша, слѣдовавшій впереди своего безоружнаго отряда, встрѣтилъ намѣстника, подалъ ему ключи отъ крѣпости и представилъ 12 главныхъ войсковыхъ знаменъ. Воздухъ огласился громкимъ „ура!“, долго не умолкавшимъ; злосчастные османы пришли въ окончательное оцѣпенѣніе. Ихъ тотчасъ начали разбирать по рукамъ, согласно съ прежде сдѣланнымъ распоряженіемъ, и повели къ котламъ, полнымъ горячею, вкусною кашицею, изобильною мясомъ, заблаговременно приготовленною отъ всѣхъ частей нашего отряда, на берегу Карсъ-Чая. Голодные оборванцы истребляли пищу съ ожесточеніемъ.

На ночь ихъ помѣстили всѣхъ вмѣстѣ подъ карауломъ, не вдалекѣ отъ отряда. На другой день главнокомандующій отпустилъ по домамъ тысячъ до пяти стариковъ, почти что неспособныхъ къ службѣ, а остальныхъ приказалъ отправлять ежедневно по частямъ въ Россію, гдѣ они, какъ онъ выразился въ своемъ приказѣ по войскамъ, должны свидѣтельствовать о нашихъ подвигахъ. Сдача Карса, судя по важности результатовъ, есть дѣйствительно событіе громадное. Тутъ истреблена окончательно Анатолійская армія, и всѣ главные военные запасы Азіатской Турціи достались въ наши руки. На другой день ѣздилъ я въ Карсъ посмотрѣть, что есть достопримѣчательнаго, и удивлялся множеству оружія, пороха и разныхъ военныхъ снарядовъ, оставленныхъ турками. Самый городъ, прилѣпленный къ высотамъ, не малъ, но грязенъ, теменъ и тѣсенъ. Крѣпость по мѣстоположенію—неприступна. Она возвышается на громадной скалѣ, въ которой большею частью высѣчена, и похожа вверху на орлиное гнѣздо. Но съ окрестныхъ высотъ можетъ быть обстрѣлена. Три отдѣльныя высоты, усѣянныя укрѣпленіями и составляющія главную защиту Карса, называются: Карадагская, Чекмахская и Шарахская, атакованная нами 17-го сентября и стоившая намъ такъ много крови. Я ее всю объѣхалъ, осматривая безнаказанно мѣста, гдѣ назадъ тому два мѣсяца легли тысячи храбрыхъ, смѣло взобравшихся на крутыя вершины. Да упокоитъ Господь души ихъ на лонѣ своей благодати. Славною смертію своей они вполнѣ стяжали себѣ вѣнецъ мученическій. Много между ними было и моихъ добрыхъ товарищей; съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю всегда объ ихъ памяти.

Описаніе Карсскаго штурма изображено подробно въ газетахъ. Если Господь приведетъ намъ видѣться, когда-нибудь я вамъ разскажу его съ точностью. 17-го числа батарея моя не попала подъ адскій

огонь турецкихъ окоповъ, но тѣмъ не менѣе, составляя резервъ, мы были свидѣтелями всего, происходившаго на Шарахскихъ высотахъ. А когда штурмующія колонны начали возвращаться въ безпорядкѣ назадъ, прикрыли ихъ отступленіе.

Въ настоящее время Карсъ, со всею окружающаго мѣстностью, заключаетъ въ себѣ много любопытнаго, но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ достаточно времени, чтобы все осмотрѣть. На это потребовалось бы нѣсколько сутокъ, а я могъ располагать только однимъ днемъ, потому что надобно было приготовить батарею къ выступленію въ Ахалкалаки. Обстоятельство это занимало меня больше всѣхъ турецкихъ достопримѣчательностей, признаться сказать, жестоко мнѣ надоѣвшихъ. Даю обѣщаніе сходить изъ Москвы пѣшкомъ къ Троицѣ, если Господь приведетъ раздѣлаться окончательно съ прекрасными мѣстами Анатоліи...

Приближается время полученія отвѣта на письмо мое изъ Петербурга. Ожидаю его со смутнымъ нетерпѣніемъ. Чѣмъ-то Господь благословитъ мое предпріятіе, къ которому я приступилъ не изъ одного каприза или непостоянства, а единственно потому, что не надѣюсь, въ состояніи ли будетъ здоровье мое вынести въ будущемъ году кампанію, подобную нынѣшней. Смерти отъ ядра, пули или сабли не боюсь, на это есть воля Божья, въ которую вѣрую крѣпко; но таскаться больному безсильнымъ свидѣтелемъ за дѣйствующими войсками—невыносимо горько. Нынѣшнее лѣто я имѣлъ нарывъ въ ухѣ, совершенно почти оглохъ... и нерѣдко выѣзжалъ въ строй полудвижущійся. Въ будущемъ году, можетъ быть, и этого сдѣлать буду не въ состояніи. За кампанію, кажется, представленъ къ кресту на шею, но можетъ ли это вознаградить совершенное разстройство здоровья? Конечно, я еще много счастливъ, что моей батареѣ досталась покойная зимняя стоянка, за что и благодарю Бога. Но каково же тѣмъ двумъ полкамъ и двумъ батареямъ, которымъ досталось зимовать во Влади-Карсѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ землянкахъ подъ Карсомъ. Въ самомъ городѣ поставить войска опасаются, какъ бы тамъ весной не открылась зараза отъ множества не глубоко зарытыхъ труповъ, лошадиныхъ и человѣческихъ. А баталіоны будутъ только ходить туда по очереди ежедневно въ караулъ. Доля не завидная! Избѣжавши ея теперь, нельзя надѣяться, что не подвергнешься ей послѣ.

Праздники надѣюсь встрѣтить тихо и мирно. Боюсь только, какъ бы не потребовали за чѣмъ-нибудь въ Александрополь, какъ это случилось въ прошломъ году...

21-го декабря. Я начинаю привыкать къ своему настоящему положенію. Лагерныя событія изглаживаются понемногу изъ памяти, и мирная жизнь становится дѣломъ обыкновеннымъ. Кажется, будто бы

и всегда надобно стоять на зимнихъ квартирахъ, а между тѣмъ время идетъ незамѣтно, и если не придетъ изъ Петербурга вожделѣнное извѣстіе, того и гляди, что пойдешь мыкать снова горе по отвратительной Анатоліи.

По всѣмъ вѣроятіямъ, около новаго года долженъ я получить письмо отъ Якимаха, но если не получу его, или получу съ отвѣтомъ неблагопріятнымъ, надобно думать, какъ бы принять какія-нибудь другія мѣры. Объ этомъ буду толковать съ вами въ слѣдующій разъ послѣ праздниковъ.

Покамѣстъ же готовлюсь встрѣтить грустно здѣсь дни, ожидаемые въ родимой Россіи съ большимъ нетерпѣніемъ и проводимые тамъ, по большей части, пріятно и радостно.

Одинъ дѣтскій портретъ здѣсь замѣняетъ мнѣ все близкое сердцу, покинутое страшно далеко и на безконечное время. Съ нимъ здороваюсь по утрамъ, прощаюсь вечеромъ и бесѣдую большую часть дня, благословляя крестнымъ знаменіемъ изображеніе ребятишекъ, которымъ теперь заочно его посылаю. Да принесетъ оно имъ всевозможное счастье, здоровье и послужитъ святою помощью для успѣховъ въ ученіи.

4-го января 1856 г. Два письма вашихъ № 1 и 2 вчерашній день я получилъ, вмѣстѣ съ радостнымъ для меня извѣстіемъ изъ Тифлиса, куда получена уже бумага о назначеніи моемъ командиромъ одной изъ мѣстныхъ батарей въ Петербургѣ.

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ такого скораго исполненія моей просьбы. Но добрый мой товарищъ, полковникъ Якимахъ[1]), занимающій важное мѣсто въ штабѣ инспектора артиллеріи, дремать не любитъ. Какъ скоро письмо мое получилъ, тотчасъ же и устроилъ по оному рѣшеніе.

Не знаю, каково предстоящее мнѣ новое мѣсто, но совершенно ужъ доволенъ тѣмъ, что могу окончательно распрощаться съ этимъ томнымъ Закавказьемъ, гдѣ, какъ и вездѣ, есть много хорошихъ людей, но что касается до службы, то такую несъ только тогда съ удовольствіемъ, когда находился подъ начальствомъ у почтеннѣйшаго князя Василья Осиповича.

Больше же всего въ настоящемъ случаѣ меня радуетъ возможность скораго свиданія съ вами. Въ концѣ этого, или въ началѣ будущаго мѣсяца, надѣюсь отсюдова выѣхать и къ марту быть уже въ Москвѣ. Трудно передать чувства, волнующія теперь душу мою, при выговорѣ этого слова. Но обо всемъ надѣюсь наговориться съ вами досыта при свиданіи. Покамѣстъ же стану ограничиваться короткими увѣдомленіями о дальнѣйшемъ ходѣ моихъ приготовленій къ отъѣзду.

---

[1]) Помощникъ начальника штаба генералъ-фельдцейхмейстера.

Записки Н. Г. Залѣсова [1]).

XXVII.

Возвращеніе въ Оренбургъ.—Послѣдняя тамъ служба и окончательный выѣздъ.—При штабѣ гвардіи.—Изданіе памятной книжки.—Командировка въ Финляндію.—Услуга Крыжановскому.—Красносельскій лагерь.—Пріѣздъ Вильгельма и персидскаго шаха.—Поступокъ со мною Крыжановскаго.—Назначеніе въ Вильну.—Столкновенія съ Самсоновымъ.—Генералъ Никитинъ.

Какъ разъ въ субботу передъ масляницей я возвратился въ Оренбургъ, обрадованный встрѣчею за станцію отъ города со старшею моей дочкой, тогда 12-лѣтней дѣвочкой, выѣхавшей ко мнѣ съ одною изъ нашихъ родственницъ. На другой день я разсказалъ Крыжановскому подробно объ исполненіи всѣхъ порученій и былъ имъ весьма обласканъ. На прощанье онъ сказалъ мнѣ:

— Какъ я радъ, какъ радъ, что вы возвратились, любезный Николай Гавриловичъ, я всѣ наряды войскъ въ степь и всѣ награды велѣлъ отложить до вашего пріѣзда, потому что не вѣрю вашему помощнику (полковникъ Христіани), да при томъ онъ такъ глупъ, что не въ состояніи ничего доложить.

Я принялся за работу съ прежнимъ рвеніемъ. Степь, вопреки донесеніямъ, оказывалась далеко не успокоенною; потребовалось вновь высылать отряды, ассигновать суммы.

Къ довершенію всего самъ Крыжановскій, нуждаясь въ деньгахъ, настаивалъ у правительства на необходимости личнаго обзора

[1]) См. ноябрь 1903 года.

степи и послѣ долгихъ отказовъ настоялъ таки на томъ, что ему разрѣшили поѣздку и дали на это 19.000 руб. сер.

Весною я подалъ въ отпускъ на 4 мѣсяца за границу и просилъ черезъ Крыжановскаго дать мнѣ пособіе изъ казачьихъ суммъ, по примѣру бывшихъ начальниковъ штабовъ, но отпускъ мнѣ разрѣшили, а пособія не дали, несмотря на то, что это былъ первый мой отпускъ за всю службу. Крыжановскому мой отпускъ очень не понравился, и онъ сталъ меня уговаривать отложить его, объясняя, что за отъѣздомъ въ степь ему положительно не на кого оставить край и что онъ сдастъ мнѣ должность командующаго войсками въ округѣ; я однако же не согласился на это и убѣдилъ Крыжановскаго не сдавать мнѣ этой должности, а поручить только предсѣдательство въ окружномъ совѣтѣ, давъ обѣщаніе до возвращенія его изъ степи не уѣзжать въ отпускъ.

Съ огромной свитой и взявши къ себѣ за начальника походнаго штаба зятя своего, подполковника Тилло, Крыжановскій тронулся въ путь, но какъ окружающіе его люди знали степь только по бумагамъ, то по моему настоянію онъ взялъ съ собою двухъ весьма опытныхъ людей: начальника оренбургскаго укрѣпленія полковника Яковлева и чиновника областнаго правленія Плотникова. Въ отсутствіе Крыжановскаго дѣла шли заведеннымъ порядкомъ; я именемъ его давалъ разрѣшенія, посылая къ нему каждую недѣлю нарочныхъ съ донесеніями о болѣе крупныхъ событіяхъ, а онъ присылалъ мнѣ постоянно весьма любезныя письма съ отчетомъ о всемъ имъ найденномъ въ степи. Въ это же время я началъ распродажу своего небогатаго имущества, напечатавъ ему списокъ. Продавъ небольшой свой домикъ за полцѣны, я живо сбылъ и всѣ другія вещи, такъ что къ возвращенію начальства въ началѣ іюля мѣсяца былъ совсѣмъ наготовѣ къ выѣзду. Крыжановскій, узнавъ на обратномъ пути о моихъ сборахъ, встрѣтился со мною довольно холодно, но послѣ небольшаго разговора вновь повелъ рѣчь о томъ, что онъ осенью поѣдетъ въ Петербургъ и что для меня, какъ небогатаго человѣка, будетъ, вѣроятно, очень хорошо получить аренду, о чемъ онъ имѣетъ въ виду непремѣнно хлопотать, что должность свою онъ тогда сдастъ мнѣ, почему и проситъ непремѣнно возвратиться къ октябрю мѣсяцу. Затѣмъ, сказавъ „до свиданія“, онъ распрощался со мною.

Сборы мои были коротки. Помолившись на могилѣ дѣтей, отслуживъ молебенъ и пообѣдавъ въ послѣдній разъ съ чинами моего штаба, я выѣхалъ изъ Оренбурга 16-го іюля, напутствуемый слезами сильно любившей меня сестры.

Съ грустью я разстался съ Оренбургомъ, много испыталъ я здѣсь горя, но за то здѣсь же протекли лучшіе годы моей молодости. Здѣсь

я воспитывался, здѣсь началъ службу бѣднымъ линейнымъ прапорщикомъ и черезъ 22 года кончалъ ее генераломъ и начальникомъ штаба округа, прослуживъ въ этотъ разъ въ Оренбургѣ съ лѣта 1856 по лѣто 1870 года—14 лѣтъ. Я изъѣздилъ вдоль и поперекъ весь край, зналъ отлично его топографію, жителей и всѣ особенности ихъ, зналъ всѣ дѣла и потому могъ приносить краю большую пользу, но, служака въ душѣ, я трудно мирился съ произволомъ главныхъ начальниковъ, особенно, когда онъ коснулся семейнаго моего очага. Съ чистою, безупречною совѣстью я покидалъ родной край и если служба въ немъ выдвинула меня впередъ, то въ свою очередь и я послужилъ ему вполнѣ добросовѣстно и принесъ посильную пользу. Пробѣгая дорогой въ Петербургъ мысленно всю свою службу въ краѣ и опуская мелкія работы, я невольно вспоминалъ, сколько терпѣливаго и смѣю сказать честнаго труда было положено мною на систематическое обозрѣніе Самарской губерніи, на походъ и ознакомленіе со степью и ханствами Хивою и Бухарою въ то время, когда мы еще не смѣли носу показать далѣе форта Перовскаго, на съемки Башкиріи и земель Оренбургскихъ и Уральскихъ казачьихъ войскъ и Киргизской степи, при самыхъ ничтожныхъ расходахъ казны, на переустройство Оренбургской кордонной линіи, давшее войску ежегодно 36.000 руб. сбереженія; мною же были составлены новые штаты военнаго управленія краемъ и степью при ген.-ад. Безакѣ, произведены розысканія по Оренбургской желѣзной дорогѣ, розысканія каменнаго угля, устройство Оренбургскаго юнкерскаго училища, Аральской флотиліи, не считая ежегодной почти въ послѣднее время формировки новыхъ войскъ для Туркестана и другихъ работъ. И во все это время пользуясь весьма часто неограниченною властью, въ распоряженіяхъ я не сдѣлалъ ни одного человѣка несчастнымъ и уѣхалъ изъ края только съ деньгами, полученными за распродажу вещей, да 500 руб., данными мнѣ на дорогу Крыжановскимъ изъ экстраординарныхъ суммъ. Но самою дорогою жертвою, которую я только могъ принести краю—это была смерть 3 моихъ дѣтей, похищенныхъ оренбургскими жарами, и наконецъ жертва моимъ здоровьемъ. Походы, разъѣзды и климатъ убили его совершенно, и я выѣхалъ изъ Оренбурга полуразвалиной, съ окончательно разбитыми силами, которыхъ уже не могли возстановить впослѣдствіи ни воды, ни петербургскіе и заграничные доктора.

Я велъ въ Оренбургѣ по преимуществу замкнутую жизнь служебную и семейную, званыхъ обѣдовъ и вечеровъ не любилъ, въ карты не игралъ и потому обширнаго знакомства не имѣлъ, но тѣмъ не менѣе обязанъ сказать, что и въ небольшомъ кружкѣ, въ которомъ я вращался, я нашелъ людей истинно добрыхъ и благородныхъ, па-

мять о которыхъ сохранится во мнѣ навсегда. Къ числу такихъ лицъ я долженъ отнести начальника инженеровъ Е. И. Биршерта, командира бригады генерала Федяя, начальника крѣпостной артиллеріи Найлавкова, дежурнаго штабъ-офицера маіора Холецкаго, такъ рано похищеннаго смертью и др. Считаю долгомъ помянуть также добромъ бывшихъ моихъ начальниковъ генераловъ Данзаса и Дандевиля, и почтеннаго секретаря штаба Г. Р. Семенова. Всѣ они были прекрасные, честные люди. Не могу также не вспомнить постояннаго нашего дачнаго мѣстопребыванія—казачьяго селенія Берды, знаменитой когда-то резиденціи Пугачева. Тамъ каждое лѣто въ крайней къ рѣкѣ Сакмарѣ избушкѣ я размѣщался съ своей семьей, и сколько пріятныхъ дней и въ особенности полныхъ нѣги оренбургскихъ вечеровъ провели мы въ кругу пріѣзжавшихъ къ намъ изъ города знакомыхъ. Тамъ иногда по цѣлымъ днямъ мы рыбачили съ удочкой и бреднемъ, гуляли, катались и бѣгали, какъ дѣти, проводя постоянно вечера на открытомъ воздухѣ. И что это были за чудные вечера, что за безоблачное вѣчно синее небо, подъ которымъ прямо передъ нами скользила быстрая Сакмара, окаймленная на противоположной сторонѣ густою зеленью рощи, какая ласкающая теплота распространялась въ воздухѣ послѣ заката солнца, какой миръ, тишина спускались въ это время на бѣдную деревушку, и какъ благодѣтельно дѣйствовали они на покой моей души. Только въ дни семейныхъ нашихъ праздниковъ, наша дачка оживлялась: пріѣзжала изъ города военная музыка, и любезные артиллеристы всегда появлялись къ намъ съ фейерверкомъ.

Но довольно будить дорогія воспоминанія, они болью отзываются въ моемъ сердцѣ и прошлаго не вернутъ.

Мы выѣхали изъ Оренбурга въ 11 часовъ и черезъ 20 минутъ были уже на Сакмарѣ; здѣсь я послѣдній разъ взглянулъ на городъ, на Маячную гору, гдѣ нерѣдко жилъ въ лагерѣ, поклонился церквамъ, и черезъ минуту густой лѣсъ скрылъ отъ меня навсегда все, что было дорого сердцу.

Черезъ полчаса мы были уже на первой станціи Чернорѣчьѣ. Здѣсь къ немалому изумленію я нашелъ прекрасно сервированный столъ и радушнаго хозяина. Сюрпризъ этотъ устроилъ почтенный начальникъ Оренбургскаго юнкерскаго училища лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ Котовъ, съ которымъ мы открывали училище и жили въ большомъ согласіи. Мы съ женою, поблагодаривъ добраго Котова за его любезность, черезъ полчаса ѣхали уже дальше.

Въ Бузулукѣ мы остановились ночевать и наняли одну изъ двухъ комнатъ станціи, въ другой же помѣстился еще раньше насъ проѣзжій изъ Ташкента офицеръ. Онъ пировалъ съ какимъ-то чиновни-

комъ, слышалось чоканье стакановъ, раздавались пѣсни. Я попросилъ черезъ смотрителя эту компанію не шумѣть въ уваженіе того, что рядомъ помѣщаются дамы и дѣти, но просьба осталась безъ вниманія. Покорившись несчастной необходимости терпѣть на станціяхъ всѣ невзгоды, я принялся за чай, когда дверь растворилась и изъ сосѣдней комнаты вышелъ въ разстегнутомъ сюртукѣ съ красной физіономіей офицеръ и прямо подошелъ ко мнѣ. Я былъ въ сюртукѣ безъ погонъ, подорожная моя не была еще предъявлена, а обстановка моей семьи ничѣмъ не давала знать о моемъ служебномъ положеніи.

— Вы откуда ѣдете?—обратился ко мнѣ офицеръ.

— Изъ Оренбурга

— Чортъ знаетъ, что у васъ тамъ за порядки! Просилъ денегъ на дорогу, да вашъ начальникъ штаба не далъ ни копѣйки.

— Вы лично просили?

— Вотъ пойду я къ нему... Онъ, говорятъ, меня сейчасъ выслалъ бы изъ города, а послѣ Ташкента, знаете, хотѣлось... Я докладную подавалъ.

— Вы гдѣ служите?

— Я въ интендантствѣ. А вы кто такой?

— Я начальникъ штаба Оренбургскаго округа.

Офицеръ оторопѣлъ и мгновенно исчезъ за дверью станціи; гдѣ онъ ночевалъ?—не знаю, но ночь мы провели совершенно покойно. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ просвѣтителей Ташкента, которые явились изъ Россіи для насажденія европейской цивилизаціи между дикими народами Средней Азіи. Эти цивилизаторы, по большей части фантазеры и негодяи, такъ мѣтко очерченные Щедринымъ въ его сатирѣ „господа Ташкентцы“, проѣздомъ черезъ Оренбургъ, всегда безобразничали и просили денегъ и конечно получали отказъ, а часто—самыя энергическія съ моей стороны побужденія, въ образѣ арестовъ или жандарма, къ немедленному выѣзду изъ города.

Переночевавъ затѣмъ въ Самарѣ, мы живо добрались на „Самолетѣ“ до Нижняго и затѣмъ, не останавливаясь въ Москвѣ, прибыли 26-го іюля въ 9 часовъ утра въ Петербургъ.

Еще изъ Оренбурга я списался съ Мозелемъ объ оставленіи его квартиры за мной и потому, переодѣвшись въ „Знаменской гостиницѣ“, тотчасъ же поѣхалъ на Васильевскій островъ и засталъ Мозеля выѣзжающимъ на желѣзную дорогу. Въ этотъ же день мы перебрались въ наше помѣщеніе, состоявшее изъ 4 маленькихъ комнатъ деревяннаго домика Александровскаго во 2 линіи напротивъ академіи. Дурно и тѣсно намъ было тутъ послѣ 14 комнатъ казеннаго дома въ

Оренбургѣ, а впослѣдствіи зимою мы всѣ переболѣли въ этой квартирѣ и чуть не замерзли, но что дѣлать? не имѣя средствъ, надо было обречь себя и на нужду, тѣмъ болѣе, что она приходила по собственной моей волѣ и если эта лачуга-квартира отзывалась такою сильною болью въ моемъ сердцѣ, то главнымъ образомъ изъ опасенія за здоровье дѣтей и въ особенности доброй моей жены, которая такъ безропотно согласилась промѣнять прежнюю привольную нашу жизнь на неизвѣстную будущность и скитальчество.

Устроившись на квартирѣ, первымъ моимъ дѣломъ было явиться начальству и хлопотать о пособіи на поѣздку за границу, изъ казачьихъ суммъ, по примѣру предшественника моего Левенгофа. Гейденъ принялъ меня любезно, но о какомъ-либо дальнѣйшемъ моемъ назначеніи ни полслова, сказавъ только: „живите здѣсь и отдыхайте". О пособіи нужно было хлопотать у тогдашняго начальника Главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ Карлгофа; я отправился къ нему на дачу въ Царское Село, но ничего не могъ добиться отъ этой развалины, выглядѣвшей уже тогда полуидіотомъ. Привелось остаться въ Петербургѣ.

Послѣ неустанной живой дѣятельности Оренбурга страшно тяжело и тоскливо показалось мнѣ настоящее бездѣлье. Затерянный въ громадномъ городѣ, безъ родныхъ и знакомыхъ, разъѣхавшихся по дачамъ, я сразу какъ-то почувствовалъ всю тяжесть одиночества и весь тотъ жосткій эгоизмъ, которымъ такъ рѣзко отличается столичная жизнь отъ провинціальной. Подошла осень, я сталъ хлопотать объ опредѣленіи старшей дочери въ Смольный монастырь, ѣздилъ въ 4-ое отдѣленіе, просилъ, но добился отъ тамошнихъ нѣмцевъ только того, что ее приняли на мой счетъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ кончился мой отпускъ, и въ Петербургъ пріѣхалъ Крыжановскій. Еще изъ Оренбурга онъ писалъ ко мнѣ, прося возвратиться съ тѣмъ, что онъ сдастъ мнѣ на время поѣздки свою должность, но я отклонилъ это желаніе и потому встрѣча наша была очень суха. 16-го ноября я былъ отчисленъ отъ должности начальника штаба и на другой день поѣхалъ откланяться Крыжановскому. Онъ просилъ меня указать ему на преемника, и я посовѣтовалъ избрать на мѣсто мое генерала Звѣрева, что̀ и было исполнено, а затѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что скоро послѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе на продажу башкирскихъ земель служившимъ въ Оренбургскомъ краѣ лицамъ и что я болѣе чѣмъ кто-нибудь имѣю право на такую землю и прежде всѣхъ получу ее. На вопросъ, не пожелаю ли я вновь когда-нибудь служить въ Оренбургскомъ краѣ, я отвѣчалъ, что можетъ быть, если поправлю свое здоровье и при томъ только въ должности наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска, что̀ Крыжановскій и обѣ-

щалъ съ удовольствіемъ исполнить, но впослѣдствіи, разумѣется, обманулъ и даже наклеветалъ на меня.

Отвратительная до крайности погода, а главное совершенное бездѣлье начало видимо гнести мое здоровье; тщетно я просилъ у Гейдена какого-нибудь назначенія или работы, онъ постоянно въ отвѣтъ на это улыбался и говорилъ: „вы живете въ Петербургѣ безъ службы, получаете все содержаніе и скучаете, да тысячи лицъ только и мечтаютъ о томъ положеніи, какъ ваше, удивляюсь, чего вамъ еще надо“.

На Рождество добрѣйшій Гейденъ выхлопоталъ мнѣ пособіе въ 1.500 руб. на поѣздку за границу, но эта милость мало утѣшила меня; нравственное мое состояніе было уже сильно потрясено. Съ осени еще заболѣла жена и болѣзнь ея принимала все болѣе и болѣе опасное положеніе; я платилъ огромныя деньги докторамъ, но толку не было; послѣ Рождества заболѣлъ опасно единственный мой сынъ, привелось опять тащить знаменитости. Наступили морозы, квартира оказалась до безобразія сырой и холодной, мы буквально мерзли день и ночь; все это, вмѣстѣ взятое, такъ подѣйствовало на меня, что наконецъ я и самъ слегъ, со мной сдѣлался сильный нервный припадокъ, отъ котораго я еле-еле поправился въ три мѣсяца. Не дай Богъ никому пережить такое время, какъ я тогда пережилъ, и только неисчерпаемая милость Божія спасла меня отъ сумасшествія. Въ веснѣ наконецъ мы стали мало по малу поправляться, сынъ выздоровѣлъ, жену спасъ профессоръ Горвицъ, но за то дочка моя въ Смольномъ сильно заболѣла, и я взялъ ее оттуда. Доктора гнали насъ на воды.

Я забылъ сказать, что еще передъ Рождествомъ, вслѣдствіе моихъ просьбъ о службѣ, графъ Гейденъ выхлопоталъ мнѣ прикомандированіе къ 37-й дивизіи, стоявшей въ Петербургѣ, но какъ тамъ я тоже не имѣлъ никакого дѣла, то бывшій тогда начальникъ штаба гвардіи графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, весьма милостиво ко мнѣ отнесшійся, съ разрѣшенія великаго князя Николая Николаевича, прикомандировалъ меня къ гвардейскому штабу.

Въ маѣ мѣсяцѣ я взялъ заграничный отпускъ на 28 дней, а добрый графъ Шуваловъ разрѣшилъ мнѣ жить въ отпуску въ Россіи до самой осени, и въ началѣ іюня мы отправились на Друскеникскія воды. Пробывъ около мѣсяца на водахъ, мы поѣхали въ Вѣну, откуда, по совѣту докторовъ, переѣхали для купанья въ Тріэстъ. Неимовѣрно жаркое лѣто скоро однакожъ погнало насъ назадъ, и черезъ мѣсяцъ мы опять были въ Друскеникахъ. Дачная сельская жизнь, путешествіе и хорошій воздухъ благодѣтельно подѣйствовали на всѣхъ насъ, и въ половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ. Я возобновилъ свою просьбу о работѣ, и графъ Гейденъ, по приказанію военнаго министра,

поручилъ мнѣ составленіе „Полевой памятной книжки для офицеровъ“. Богъ видитъ, какъ я обрадовался этой работѣ, она заняла мое свободное время и даже спасла мое здоровье отъ послѣдствій того глубокаго несчастія, которое я вскорѣ перенесъ, а именно: въ ноябрѣ мѣсяцѣ мой сынъ, возвратившись съ гулянья, почувствовалъ боль въ горлѣ, и на другой день его задушилъ крупъ.

Въ началѣ зимы я былъ назначенъ членомъ комитета по пересмотру штатовъ и устройству генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, образованнаго подъ предсѣдательствомъ генерала Непокойчицкаго. Въ комитетѣ участвовало около 14 генераловъ и съ первыхъ же засѣданій сдѣлалось яснымъ единогласное убѣжденіе всѣхъ членовъ о необходимости имѣть особаго начальника для генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, которыми теперь управлялъ начальникъ главнаго штаба. Какъ только это убѣжденіе выяснилось, такъ сейчасъ же засѣданія комитета прекратились и дѣло застряло; ясно было, что нашъ взглядъ не понравился.

Между тѣмъ работы по книжкѣ при помощи приглашенныхъ мною молодыхъ офицеровъ артиллерійскихъ и инженерныхъ шли успѣшно, а рисунки къ ней подготовлялъ почтенный нашъ граверъ Сѣряковъ, съ прекрасными качествами котораго, какъ человѣка, я имѣлъ тутъ случай близко познакомиться. Весною, когда уже трудъ мой началъ поступать въ печать, меня призвалъ къ себѣ графъ Гейденъ и предложилъ ѣхать по нашимъ крѣпостямъ для опредѣленія размѣра разныхъ интендантскихъ и другихъ складовъ, которые нужно держать въ нихъ на случай войны, или же принять на себя командировку по составленію стратегическаго обзора Финляндіи въ связи съ Балтійскимъ прибрежьемъ. Я отказался отъ перваго порученія и принялъ съ охотою второе, дававшее мнѣ возможность осмотрѣть Финляндію и работать въ сферѣ моей спеціальности, какъ офицера генеральнаго штаба.

Въ началѣ іюня я переѣхалъ на дачу въ Гельсингфорсъ и оттуда началъ свои экскурсіи по Финляндіи. Все лѣто я провелъ въ разъѣздахъ по новой для меня странѣ, дороги вездѣ были такъ хороши, что я съ женой и второй дочерью объѣхали край въ городскомъ экипажѣ; къ осени мы переплыли въ Ревель и оттуда въ сентябрѣ вернулись въ Петербургъ. Черезъ мѣсяцъ я подалъ свою работу графу Гейдену, присоединивъ къ ней особую секретную записку объ отношеніяхъ финляндцевъ къ Россіи, особенно такъ называемой шведской партіи. Графъ Гейденъ разблагодарилъ меня за работу и передалъ ее Милютину, но послѣднему, какъ оказалось, не совсѣмъ понравилось предложеніе мое упразднить Свеаборгъ, какъ не могущій въ данномъ видѣ (укрѣпленія его были выстроены шведами для

защиты отъ атаки съ сухаго пути и многіе острова вовсе не были укрѣплены) оградить Гельсингфорсъ отъ нападенія съ моря, но зато онъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ тому значенію, которое я придавалъ Выборгу, и къ тѣмъ недостаткамъ, которые выяснены были мною въ расположеніи Тронзундскихъ укрѣпленій и сухопутной обороны Выборга, проектированной Тотлебеномъ. Вслѣдъ за этой работой я сдалъ и книжку, за которую графъ Гейденъ меня не только разблагодарилъ, но и объявилъ, что военный министръ приказалъ представить меня къ лентѣ, взамѣнъ которой я однакожъ получилъ только монаршее благоволеніе по особой впрочемъ причинѣ, о которой скажу ниже.

Наступила осень, пошли толки о всесословной воинской повинности, о введеніи которой Д. А. Милютинъ давно уже настаивалъ у государя, но напрасно. Судьбѣ однако же угодно было, чтобы государь; принимая возвратившагося изъ-за границы Валуева, вступилъ съ нимъ, по этому предмету въ разговоръ, и когда Валуевъ подробно коснулся отбыванія воинской повинности въ иностранныхъ государствахъ и вполнѣ призналъ полезнымъ ввести ее и въ Россіи, тогда государь согласился, и дѣло было рѣшено. Составились разные редакціонные комитеты, и живо закипѣла работа, тѣмъ болѣе, что за такую реформу предстояло участникамъ ея получить хорошія награды. Но рядомъ съ реформой или, лучше сказать, подъ покровомъ ея затѣвалась и другая игра — напускалась шефомъ жандармовъ Шуваловымъ травля на военнаго министра съ цѣлью столкнуть его съ мѣста. Я близко зналъ ходъ этой интриги, ибо многое объ этомъ дѣлѣ слышалъ отъ графа Павла Шувалова, бывая у него каждую недѣлю за справками, а бывалъ я часто потому, что Шуваловъ предложилъ мнѣ, не пожелаю ли я занять гдѣ-нибудь мѣсто губернатора, и обѣщалъ въ такомъ случаѣ похлопотать у своего брата и Тимашева, на что, конечно, я согласился. Во главѣ интригующей партіи былъ поставленъ фельдмаршалъ Барятинскій, вызванный по случаю изданія законовъ о воинской повинности для совѣтовъ въ Петербургъ, но конечно душою интриги былъ шефъ. Не ограничиваясь Барятинскимъ, Шуваловы находились тогда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и къ германскому посланнику принцу Рейсу, какъ извѣстно, имѣвшему значительное вліяніе на государя и дѣйствовавшему именемъ императора Вильгельма. Въ сущности же говоря, вся эта партія, сама, можетъ быть, того не сознавая, работала по дудкѣ Бисмарка, боявшагося развитія военныхъ силъ Россіи и національнаго направленія ея политики. За свои услуги въ такомъ дѣлѣ Шуваловъ (шефъ) пользовался огромнымъ расположеніемъ Бисмарка, а черезъ него и императора Вильгельма, что въ свою очередь сильно поддерживало положеніе его при госу-

дарѣ, т. е. было совершенно на руку тому же Бисмарку. Главныя столкновенія этихъ партій съ Милютинымъ начались, конечно, на столбцахъ газетъ: „Русскій міръ“, редактируемой генераломъ Чернаевымъ, врагомъ Милютина, и „Голоса“, помѣщавшаго статьи и pro и contra: послѣднія писалъ подъ диктовку Барятинскаго генералъ Яковлевъ, дѣлопроизводитель комитета по устройству и образованію войскъ. Яковлеву за эту полемику было обѣщано мѣсто губернатора въ Польшѣ, но впослѣдствіи его, конечно, надули. Статьи для Милютина составлялъ Аничковъ и, кажется, Обручевъ, и потомъ нежданно негаданно въ эту полемику попалъ и я, какъ жертва искупленія.

Я сдалъ свою книжку, за которую графъ Гейденъ меня очень благодарилъ. Но въ одно прекрасное утро графъ Гейденъ прислалъ за мной фельдъегеря. Вхожу въ кабинетъ графа, и онъ озабоченно спрашиваетъ меня:

— Читали вы сегодняшній „Голосъ“?

— Нѣтъ еще.

— Прочтите, тамъ есть ссылка на вашу книжку, которую фельдмаршалъ (Барятинскій) носилъ къ государю, чтобы убѣдить его въ крайнемъ самовластіи военнаго министра, объяснивъ, что книга печатана въ военной типографіи и составлена лицомъ оффиціальнымъ.

— Что же отвѣчалъ на это военный министръ?

— Дмитрій Алексѣевичъ доложилъ государю, что изданіе книги— ваше частное дѣло, только вы и отвѣчаете за ея редакцію.

— Позвольте узнать, въ чемъ заключается моя вина?

— Какъ же вы, описывая военное управленіе, говорите: „высочайшая воля по предметамъ, относящимся до военно-сухопутныхъ силъ, приводится въ исполненіе военнымъ министерствомъ, которому подчинены войска, военныя управленія и военныя заведенія на всемъ пространствѣ имперіи“ [1]). Вамъ слѣдовало прежде всего сказать, что верховный предводитель арміи есть государь императоръ. Какъ могли вы допустить такой пропускъ?

— Помилуйте, ваше сіятельство, кто же изъ насъ военныхъ не знаетъ, что высшій начальникъ арміи есть государь, а какъ я всѣми мѣрами старался сократить объемъ книги, чтобы сдѣлать ее компактной, и избѣгалъ всѣхъ излишнихъ объясненій и даже приведенныя вами выраженія взялъ цѣликомъ изъ военно-статистическаго обозрѣнія Россіи Обручева, какъ изданія, уже пропущеннаго цензурой.

— Это васъ не извиняетъ: военно-статистическій сборникъ—сочиненіе ученое, предназначенное для высшихъ начальниковъ и офице-

[1]) Стран. 137 Полевой памятной книжки.

ровъ генеральнаго штаба, ваша же книжка назначается для всѣхъ офицеровъ, слѣдовательно, есть сочиненіе популярное.

— Потому-то я и составлялъ ее такъ, что она назначается для офицеровъ и для удобства справокъ должна быть какъ можно кратка.

— Объ этомъ теперь не будемъ говорить. Скажите мнѣ откровенно только одно. Излагая въ такой редакціи кругъ дѣйствій военнаго министерства, вы дѣйствительно, опуская о верховномъ командованіи государя надъ арміей, полагали, что это обстоятельство и безъ того всѣмъ извѣстно и писали такъ для краткости?

— Полагаю, ваше сіятельство, что другой мысли у меня не могло и быть никакой. Смѣю васъ увѣрить моимъ честнымъ словомъ.

— Хорошо, я такъ и доложу военному министру... Но зато теперь вы уже не можете разсчитывать на награду за ваши труды.

Тѣмъ кончился нашъ разговоръ. За всѣ работы по книжкѣ и въ Финляндіи я получилъ только монаршее благоволеніе и непріязнь Д. А. Милютина.

Отъ Гейдена я перешелъ къ графу Шувалову, чтобы потолковать о настоящемъ дѣлѣ. Графъ встрѣтилъ меня съ улыбкой.

— Что, батюшка, попались?

— Помилуйте, ваше сіятельство, чѣмъ же я виноватъ? Наконецъ нельзя изъ такихъ пустяковъ дѣлать чуть не государственное преступленіе.

— Это все фельдмаршалъ. Онъ показалъ государю и вашу книжку и нумеръ „Голоса“, въ которомъ о ней говорилось.

— Значитъ, въ глазахъ государя я одинъ и остался виноватымъ?

— Государь у насъ добрый. Наконецъ, васъ можетъ и Милютинъ оправдать, прибавилъ съ ироніей Шуваловъ.

— Это значитъ вышло въ чужомъ пиру похмѣлье?

— Понимайте, какъ хотите, но только не падайте духомъ, прибавилъ съ участіемъ графъ, Богъ дастъ, все поправится.

Такимъ образомъ со стороны противной Милютину партіи употреблялись всѣ средства, чтобы уронить его въ мнѣніи государя, и одно время Барятинскій, казалось, былъ близокъ къ своей цѣли: сдѣлаться при государѣ начальникомъ главнаго штаба въ родѣ Дибича и ограничить дѣятельность военнаго министерства только хозяйственными дѣлами. Барятинскій приглашалъ уже нѣкоторыхъ лицъ (какъ напримѣръ Альбединскаго) занять мѣста въ новомъ военномъ управленіи, но интрига его, какъ увидимъ, не удалась.

Осенью того же 1872 года графъ Гейденъ какъ-то разъ пригласилъ меня къ себѣ и далъ прочитать записку туркестанскаго генералъ-губернатора Кауфмана объ экспедиціи въ Хиву, требуя моего мнѣнія. Высказавъ тогда свои взгляды, я потомъ и позабылъ объ

этомъ дѣлѣ, однако же мѣсяца черезъ два получаю записку о назначеніи меня членомъ комитета по разсмотрѣнію туркестанскихъ предположеній, съ извѣстіемъ, что комитетъ долженъ на другой же день собраться въ квартирѣ военнаго министра Милютина. Въ назначенное время пріѣзжаю къ военному министру и застаю въ пріемной Крыжановскаго, который немедленно заключилъ меня въ объятія; на эту сцену вышелъ изъ кабинета Милютинъ и невольно улыбнулся, смотря на такія изліянія ласки бывшаго моего начальника. Дѣло однако же для меня было ясно, что не замедлилъ подтвердить и самъ Крыжановскій, когда мы опять остались одни. По запискѣ Кауфмана всю экспедицію предполагалось совершить войсками Туркестанскаго и Кавказскаго округовъ безъ всякаго участія со стороны Оренбурга. Крыжановскому, конечно, это было непріятно, и онъ въ виду будущихъ наградъ всѣми мѣрами настаивалъ, чтобы и его войска приняли участіе въ экспедиціи, но, не надѣясь на силу своихъ доводовъ, сталъ теперь умолять меня, чтобы я, изъ любви къ Оренбургу, поддержалъ его въ комитетѣ и тѣмъ оказалъ ему огромную услугу, что онъ любитъ меня, готовъ все для меня сдѣлать и прочее.

— Я читалъ уже проектъ генерала Кауфмана, сказалъ я Крыжановскому, и прежде вашей просьбы, Николай Андреевичъ, рѣшилъ, что безъ участія оренбургскихъ войскъ экспедиція будетъ рискованною, что, помимо всякихъ симпатій къ Оренбургу, и заявлю въ комитетѣ. Крыжановскій еще разъ меня облобызалъ, и мы отправились въ кабинетъ Милютина.

Въ комитетѣ участвовали Кауфманъ, Крыжановскій, графъ Гейденъ, начальникъ штаба Кавказскаго округа Свистуновъ, я и полковникъ Проценко (завѣдывающій азіатскими дѣлами въ главномъ штабѣ). Изъ первыхъ же переговоровъ стало видно, что Кауфманъ имѣетъ за собою, кромѣ меня и Крыжановскаго, голоса всѣхъ членовъ, не исключая и военнаго министра, но когда дѣло дошло до оффиціальныхъ объясненій и военный министръ предложилъ Крыжановскому первому высказать свои предположенія, то Николай Андреевичъ до такой степени растерялся и повелъ такую безсвязную школьническую рѣчь въ доказательство необходимости участія оренбургскихъ войскъ въ экспедиціи, что невольно вызвалъ улыбку на лицѣ Милютина. При этомъ всего досаднѣе было то, что, говоря нелѣпости, онъ часто въ подтвержденіе ихъ ссылался на меня, какъ на знатока Оренбургскаго края. Признаюсь, я дивился Крыжановскому: онъ былъ краснобай, и всѣ мѣстныя условія на столько хорошо ему были извѣстны, что онъ могъ разсуждать о нихъ съ полнымъ авторитетомъ.

За Крыжановскимъ повелъ рѣчь Кауфманъ, онъ смѣло, ясно изложилъ свои предположенія, спорилъ съ военнымъ министромъ, отно-

сился съ ироніей къ словамъ Крыжановскаго и рѣшительно опровергалъ необходимость участія оренбургскихъ войскъ. Послѣ Кауфмана говорили Гейденъ, ограничившійся лишь общими замѣчаніями на счетъ возможности успѣха экспедиціи, и Свистуновъ, очень рельефно и толково изложившій, какую помощь можетъ оказать экспедиціи Кавказскій округъ.

Очередь дошла наконецъ и до меня.

Я указалъ на картѣ предположенное направленіе войскъ Кауфмана и Кавказскаго округа и доложилъ комитету, что всѣ свѣдѣнія о путяхъ основаны на разспросныхъ данныхъ, а потому болѣе или менѣе гадательны, при чемъ войскамъ Кауфмана, чтобы подойти къ Хивѣ, предстоитъ еще переправиться черезъ такую рѣку, какъ Аму-Дарья, гдѣ при самомъ даже ничтожномъ сопротивленіи непріятеля можно встрѣтить громадныя затрудненія. Какъ человѣкъ, лично бывшій въ тѣхъ мѣстахъ, я сказалъ, что войска встрѣтятъ страшныя затрудненія въ довольствіи и водѣ и могутъ легко погибнуть (что̀ потомъ едва не оправдалось на отрядахъ Кауфмана и Кавказскаго округа), что для движенія оренбургскихъ войскъ мы имѣемъ вполнѣ изслѣдованный и надежный путь, по которому отрядъ навѣрное дойдетъ до Хивы, обстоятельство, особенно важное въ томъ случаѣ, если по изложеннымъ мною причинамъ войскамъ Туркестана и Кавказа не удастся добраться до столицы ханства, почему полагаю, что движеніе со стороны Оренбурга рѣшительно необходимо, даже въ тѣхъ видахъ, чтобы не усиливать существующаго въ Средней Азіи мнѣнія о недоступности Хивы въ случаѣ задержки другихъ отрядовъ и не кончить экспедиціи столь же плачевнымъ образомъ, какъ Перовскій въ 1839 году.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, лицо военнаго министра дѣлалось серьезнѣе, а Крыжановскій сталъ расцвѣтать; по окончаніи же рѣчи Милютинъ, обратясь къ Кауфману, сказалъ:

— Что вы возразите на это, Константинъ Петровичъ? спросилъ военный министръ. Я придаю особое значеніе мнѣнію генерала Залѣсова. Это единственный человѣкъ, который бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ и можетъ судить о нихъ не по наслышкѣ. Дорога, имъ указанная, дѣйствительно изслѣдована, снята и описана. Онъ самъ ходилъ по ней. Ваши же свѣдѣнія о путяхъ, равно и Кавказа, основаны только на разспросахъ. Богъ знаетъ, въ какой степени они вѣрны. Наконецъ, и переправа черезъ Аму-Дарью меня очень смущаетъ.

Кауфманъ отвѣчалъ, что разспросамъ своимъ онъ вѣритъ, что имъ будутъ приняты всѣ мѣры на счетъ случайностей и что хотя онъ остался при прежнемъ убѣжденіи, что для наказанія Хивы совершенно довольно и однихъ туркестанскихъ войскъ, но, не желая подвергать

даже и малѣйшему сомнѣнію успѣхъ предложенной имъ экспедиціи, онъ не возстаетъ болѣе противу посылки отряда изъ Оренбурга.

Такъ кончилось это дѣло. Крыжановскій былъ обезпеченъ насчетъ разныхъ предстоящихъ ему по экспедиціи денежныхъ расходовъ, что̀ при его стѣсненныхъ обстоятельствахъ было ему на руку, а близкіе его и родные получили возможность украситься разными боевыми наградами.

Возвращаясь отъ министра, Крыжановскій пошелъ со мною пѣшкомъ до своей квартиры, спрашивая, кого бы выбрать ему начальникомъ отряда, приглашалъ къ себѣ и вообще не зналъ, какъ благодарить меня, но, зная истинное значеніе этой дружбы, я отнесся совершенно хладнокровно ко всѣмъ его изліяніямъ.

Въ продолженіе зимы я время отъ времени продолжалъ заходить къ графу Шувалову, чтобы навѣдаться о моемъ губернаторствѣ; онъ предложилъ мнѣ съѣздить къ Тимашеву. Отправясь въ Морскую, я въ большой пріемной министра встрѣтилъ нѣсколькихъ губернаторовъ, а у косяка двери, ведущей въ кабинетъ, неизмѣннаго Молчалина—Макова въ такомъ же неизмѣнномъ форменномъ фракѣ и сѣренькихъ шароварахъ съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ такъ мизерно, гадливо выглядывалъ, что даже курьеръ, стоявшій у дверей кабинета, и тотъ считалъ себя какъ будто вправѣ третировать его по-товарищески и, вызывая губернаторовъ къ министру, словами: „министръ проситъ такого-то губернатора“, когда очередь дошла до Макова, сказалъ: „Левъ Савичъ, васъ зовутъ“. И этотъ Молчалинъ ворочалъ тогда всѣмъ министерствомъ, а впослѣдствіи, въ самое трудное время, былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, котораго въ Олонецкой губерніи крестьяне встрѣчали, танцуя передъ нимъ лансье; правда и то, что сила Макова отчасти основывалась и на нѣкоторыхъ бывшихъ когда-то интимныхъ отношеніяхъ къ государю.

Тимашевъ, котораго я помнилъ еще конно-гвардейскимъ офицерикомъ, принялъ меня любезно и предложилъ современемъ занять мѣсто въ одной изъ польскихъ губерній, но когда я ему откровенно замѣтилъ, что не симпатизирую полякамъ, тогда онъ отвѣтилъ, что въ русской губерніи мнѣ будетъ трудно, ибо тамъ требуются отъ губернатора большіе расходы. Затѣмъ онъ съ министерскою важностью началъ развивать передо мною взгляды свои на Польшу, при чемъ я не могъ безъ внутренняго смѣха слушать этого по уму и свѣдѣніямъ болѣе чѣмъ заурядnаго министра, вполнѣ зависѣвшаго отъ Шувалова (шефа) и Макова и способнаго лишь на одну скульптуру. Въ данное время очистилось мѣсто рязанскаго губернатора, женатаго на фрейлинѣ графинѣ Гендриковой. Шуваловъ давно уже предупреждалъ меня объ этомъ мѣстѣ, говоря, что жена губернатора бомбар-

дируетъ шефа жандармовъ просьбами о поддержкѣ ея мужа, но что, несмотря на это, мужъ ея будетъ все-таки смѣненъ. Основываясь на этомъ я попросилъ Тимашева о Рязани, но онъ не согласился и оставилъ во мнѣ надежду только на польскія губерніи. Вскорѣ въ Рязань былъ назначенъ Абаза, имѣвшій конечно болѣе правъ на полученіе этой должности.

Подходила весна, приближалась развязка интриги Барятинскаго, Шуваловъ сталъ чаще и чаще мнѣ говорить, что проекты Милютина и Обручева по военной реформѣ и повинности, хоть и очень хороши, но что государь положительно ихъ не понимаетъ. Такъ наступилъ день 25-го марта, Благовѣщенія,—полковой праздникъ лейбъ-гвардіи коннаго полка. Я поѣхалъ въ манежъ на парадъ вмѣстѣ съ Махотинымъ, помощникомъ Шувалова. Барятинскій къ параду не явился, на лицѣ Шувалова было смущеніе. Пріѣхалъ государь и видимо не въ духѣ, такъ что, несмотря на блестящій видъ полка, онъ разбранилъ его командира, графа Протасова, досталось и великому князю Николаю Николаевичу. Начался молебенъ, и я увидѣлъ, какъ Шуваловъ сталъ безпрерывно подбѣгать къ Д. А. Милютину, почтительно прикладывая руку къ козырьку; военный министръ сіялъ, всѣ съ умиленіемъ съ нимъ кланялись. Дѣло объяснилось; въ это утро государь рѣшилъ споръ между Милютинымъ и Барятинскимъ: система Милютина взялъ верхъ. Барятинскій вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга.

Къ веснѣ 1873 года Шуваловъ мнѣ посовѣтовалъ попрактиковать въ Красносельскомъ лагерѣ, на что я и согласился, нанявъ на лагерь дачу у священника противъ церкви.

Весной этого же года была торжественная встрѣча въ Петербургѣ императора Вильгельма и персидскаго шаха. Были парады, угощенія, императоръ щедрою рукою раздавалъ ордена, а Бисмаркъ, Мольтке и К° объѣдались нашей прекрасной земляникой до такой степени, что было трудно достать эту ягоду въ лавкахъ. Шахъ явился, навѣсивъ на себя всѣ свои брилліанты. Ему очень понравилась тогдашняя цесаревна, и онъ сильно за ней ухаживалъ, не мало возбуждая смѣха въ придворной свитѣ.

Я участвовалъ въ парадахъ, данныхъ Вильгельму и шаху. Для Вильгельма вызвали въ Петербургъ всѣ его полки: Гренадерскій, Драгунскій и Калужскій пѣхотный. На парадѣ государь салютовалъ своему дядѣ, дядя—племяннику. Шахъ на парадѣ явился на своемъ конѣ-карликѣ, государь везъ его со станціи желѣзной дороги въ особомъ шарабанѣ безъ кучера, такъ какъ этикетъ не позволялъ, чтобы кто-нибудь сидѣлъ задомъ къ шаху. Онъ былъ очень скроменъ на раздачу своего Льва и Солнца.

Послѣ всѣхъ этихъ тревогъ мы перешли въ лагерь и съ іюня

начались у насъ ученья, смотры и, наконецъ, маневры. Я все время бился съ лошадью и никакъ не могъ съ нею устроиться. На малыхъ маневрахъ мнѣ довелось дѣйствовать противъ генерала Гельфрейха, по окончаніи маневра великій князь велѣлъ намъ подать другъ другу руки и поцѣловаться. Вскорѣ я участвовалъ на ночныхъ маневрахъ и, скакавъ на бѣшеной уральской лошади, упалъ и повредилъ ногу, что заставило меня слечь, отказаться отъ большихъ маневровъ и переѣхать въ городъ. За службу въ лагерѣ великій князь былъ столь милостивъ, что представилъ меня къ наградѣ, и мнѣ дали старшинство въ линѣ со дня производства.

Въ августѣ мѣсяцѣ я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 7-й дивизіи и хотя этимъ назначеніемъ былъ разжалованъ (послѣ мѣста начальника штаба округа) изъ поповъ въ дьяконы, но бѣдному человѣку нечего было разбирать, тѣмъ болѣе, что добрый графъ Гейденъ позволилъ мнѣ прожить зиму въ Петербургѣ и лѣтомъ слѣдующаго года съѣздить на воды въ Старую Руссу, т. е. отправиться въ бригаду почти черезъ годъ послѣ назначенія. Въ концѣ 1873 года я былъ назначенъ въ комитетъ по привлеченію башкиръ къ воинской повинности; мы имѣли нѣсколько засѣданій, результатомъ которыхъ было образованіе Башкирскаго эскадрона, а нынѣ полка, а въ маѣ 1874 года, распродавъ всю свою мебель, отправился я на лѣто въ Старую Руссу.

Не помню, весной этого или прошлаго года я какъ-то разъ зашелъ къ графу Шувалову навѣдаться о мѣстѣ губернатора. Павелъ Андреевичъ по обыкновенію встрѣтилъ меня очень любезно, но сказалъ, что онъ на-дняхъ два раза заѣзжалъ къ своему брату, и къ удивленію шефъ жандармовъ его не принялъ, будучи занятъ весьма важнымъ дѣломъ. Дѣло это вскорѣ разъяснилось.

. . . . . .

. . . . . .

Пробывъ два мѣсяца въ Руссѣ, мы возвратились въ Петербургъ. Въ это время столь ненавистный публикѣ шефъ жандармовъ Шуваловъ былъ уволенъ, и на его мѣсто назначили Потапова изъ Вильны, куда былъ посланъ Альбединскій.

Остановясь не надолго въ Петербургѣ, я еще разъ поѣхалъ къ Шувалову въ Красносельскій лагерь, чтобы окончательно узнать отъ него о моемъ губернаторствѣ. Шувалова я нашелъ въ мрачномъ настроеніи духа, смѣна брата на него очень подѣйствовала, онъ сѣтовалъ на придворныя интриги, съ горечью говорилъ, что на другой же день по смѣнѣ братъ его началъ получать разные колкіе запросы по разнымъ дѣламъ отъ такихъ министровъ, которые наканунѣ еще считали закономъ всякое слово, сказанное шефомъ.

Возвратясь на станцію, я долженъ былъ ждать здѣсь около часа приходящаго изъ Гатчины поѣзда.

15-го августа мы выѣхали черезъ Варшаву въ Кѣльцы, но въ Радомѣ жена моя опять сильно разболѣлась, и мы кое-какъ дотащились до мѣста. Мнѣ отвели квартиру въ гостиницѣ, пока отстроивался домъ одного русскаго купца, куда я потомъ и перешелъ.

Маленькій, чистенькій городокъ Кѣльцы скорѣе напоминалъ дачу, чѣмъ губернскій городъ; 7-й дивизіей тогда командовалъ генералъ Сарачинскій, извѣстный храбрецъ. Назначенный на это мѣсто по родству съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ Коцебу, онъ, кромѣ лагеря, и не видалъ своей дивизіи, живя постоянно въ Варшавѣ, а если и пріѣзжалъ въ свой штабъ, то только для того, чтобы поиграть въ карты, съ кѣмъ попало.

Въ Кѣльцахъ я усердно занялся службою, но сразу увидѣлъ, что при всемъ стараніи ничего изъ этого не выйдетъ при тѣхъ ничтожныхъ правахъ, которыми пользовались бригадные командиры. Разъ убѣдившись въ этомъ, оставаться въ Кѣльцахъ при моей жаждѣ дѣятельности я уже не могъ и, пробывъ тамъ до января, поѣхалъ въ Петербургъ.

Поѣздку мою ускорило еще и письмо Клугина, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что открылось мѣсто атамана Оренбургскаго казачьяго войска и что графъ Гейденъ хлопочетъ о предоставленіи его мнѣ. Пріѣхавъ съ частью семьи въ Петербургъ, я сдѣлалъ оплошность, что заѣхалъ сначала къ графу Шувалову попросить его замолвить словечко обо мнѣ Макову, а затѣмъ явился уже къ Гейдену, что̀ послѣднему не понравилось. И доложивъ начальнику главнаго штаба о положеніи бригаднаго командира, я прямо объявилъ, что въ бригаду ни за что не поѣду. Такое рѣзкое заявленіе раздражило Гейдена; онъ вспылилъ и сказалъ, что никакого мѣста и содержанія больше мнѣ не дастъ, но такова была доброта этого человѣка, что черезъ день онъ самъ же мнѣ передалъ, что будетъ просить за меня Тимашева. Дѣло казалось было устроено, Тимашевъ заявилъ военному министру, что выбираетъ меня, но послѣдній посовѣтовалъ ему спросить еще согласія на мое назначеніе генералъ-губернатора Крыжановскаго. Зная, что Крыжановскій давно обѣщалъ мнѣ это мѣсто и, какъ оказалось по справкѣ въ главномъ штабѣ, спустя два года по выѣздѣ моемъ изъ Оренбурга оффиціально просилъ министра назначить меня атаманомъ, я былъ почти увѣренъ, что мое назначеніе состоится. Прошло нѣсколько дней, явилась сначала телеграмма, а потомъ и письмо Крыжановскаго къ военному министру, гдѣ почтенный Николай Андреевичъ просилъ назначить вмѣсто меня атаманомъ Зенгбуша и, не ограничиваясь этимъ, описывалъ самыми черными

красками и мой болѣзненный, неуживчивый характеръ, и незнаніе дѣлъ, и говорилъ о какихъ-то обстоятельствахъ, не позволяющихъ мнѣ служить въ краѣ. Такая низость со стороны Крыжановскаго взбудоражила не только меня, но и всѣхъ честныхъ людей въ главномъ штабѣ. Немедленно былъ составленъ докладъ военному министру на основаніи всѣхъ имѣвшихся въ штабѣ заявленій и писемъ Крыжановскаго о моей отличной 14-лѣтней службѣ въ краѣ, о моихъ нравственныхъ качествахъ, къ которому были приложены и всѣ подлинные отзывы Крыжановскаго. Милютинъ положилъ резолюцію, что во избѣжаніе столкновеній моихъ съ генералъ-губернаторомъ, что̀ неминуемо бы произошло при назначеніи моемъ вопреки его желанія, онъ не считаетъ удобнымъ предоставлять мнѣ мѣсто атамана, но что я при моихъ отличныхъ способностяхъ, лично ему извѣстныхъ, всегда могу разсчитывать на полученіе соотвѣтствующаго мѣста въ Россіи. То же самое повторилъ мнѣ Д. А. Милютинъ при личномъ свиданіи у себя въ кабинетѣ, добавивъ: „Я затрудняюсь назвать поступокъ съ вами Крыжановскаго и удивляюсь малой серьезности человѣка, у котораго на одной недѣлѣ семь пятницъ, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ ко мнѣ кромѣ общихъ возраженій онъ не приводитъ противъ васъ никакого факта. Будьте увѣрены, мы васъ не оставимъ такъ, а теперь пока живите спокойно“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора я былъ отчисленъ отъ должности командира бригады, а спустя полгода былъ прикомандированъ къ военно-ученому комитету и, кромѣ того, назначенъ членомъ главнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Независимо отъ оффиціальныхъ занятій я занялся и частною работою у добраго моего пріятеля редактора „Военнаго Сборника“ Лаврентьева, помогая ему въ трудахъ по редакціи. Въ военно-ученомъ комитетѣ я работалъ подъ руководствомъ генерала Обручева и занимался составленіемъ плана войны на случай разрыва съ Австріей, ибо тогда уже началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, а въ статистическомъ комитетѣ спорилъ часто съ предсѣдателемъ его, который, подобравъ безголовыхъ членовъ, проводилъ въ комитетѣ безпрекословно все, что ему приходило въ голову относительно статистическихъ работъ въ Россіи, главнымъ же образомъ то, чтобы ему поручили то или другое изслѣдованіе въ Россіи, особенно въ подмосковныхъ губерніяхъ, гдѣ у него были помѣстья, а слѣдовательно и выдали прогоны на разъѣзды.

Весною 1876 года я поѣхалъ на морскія купанья и поселился на все лѣто съ семьею въ Ревелѣ. Тамъ живя около Екатерингальскаго парка, я съ любопытствомъ слѣдилъ за развивавшейся борьбой на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствіями Черняева въ Сербіи и от-

правкой туда нашихъ добровольцевъ. Энтузіазмъ къ славянамъ даже въ этомъ по преимуществу нѣмецкомъ городѣ все болѣе и болѣе разгорался.

Въ половинѣ августа мы вернулись въ Петербургъ, и спустя недѣлю или двѣ за мной пріѣхалъ фельдъегерь отъ графа Гейдена.

— Гдѣ вы пропадаете? что васъ нельзя сыскать? — встрѣтилъ меня графъ.

— Жилъ съ вашего разрѣшенія въ Ревелѣ, а на-дняхъ возвратился въ Петербургъ.

— Я телеграфировалъ ревельскому губернскому воинскому начальнику, но онъ отвѣчалъ, что васъ нѣтъ въ Ревелѣ. Пожалуйста, запишите вашу квартиру. Я васъ звалъ, чтобы предупредить, что вы предназначены въ дѣйствующую армію начальникомъ 33-й дивизіи, списки на утвержденіе пошли уже въ Ливадію. Вы—человѣкъ бывалый въ походахъ и дѣлахъ, поэтому я васъ выбралъ.

Мнѣ оставалось только благодарить графа и поторопиться домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

Дней чрезъ десять графъ вновь призвалъ меня и объявилъ, что списки возвращены изъ Ливадіи, но съ перемѣнами и, между прочимъ, въ 33-ю дивизію назначенъ генералъ Тимофеевъ, а я въ 27-ю въ Вильну.

— Не горюйте, прибавилъ графъ, дѣло можетъ дойти и до васъ Тимофеева же государь избралъ, вѣроятно, потому, что онъ его знаетъ съ молодыхъ лѣтъ, когда они вмѣстѣ бывали у Паткуля, тогдашняго командира Павловскаго полка.

Такимъ образомъ, вмѣсто дѣйствующей арміи я попалъ въ Литовскій край подъ команду генералъ-адъютанта Альбединскаго. Сборы мои были недолги. Въ половинѣ ноября я явился къ Альбединскому въ гостиницѣ „Демутъ“ и встрѣтилъ въ немъ браваго стараго гусара, принявшаго меня весьма любезно, а 21-го числа съ старшей дочерью выѣхалъ изъ Петербурга.

Вагоны были запружены ѣхавшими въ Кишиневъ интендантскими чиновниками и топографами, и всѣ эти храбрые воины не пропускали ни одной станціи, чтобы не сходить въ Сербію; такъ они называли буфеты, въ которыхъ все время нагружались водкой.

Альбединскаго я уже засталъ въ Вильнѣ и въ первый же воскресный день, когда у него бывали пріемы, явился къ нему и познакомился съ его супругой, урожденной княжной Долгоруковой. И хозяинъ, и хозяйка встрѣтили меня крайне привѣтливо, съ тою деликатностью, которая вообще характеризуетъ людей высшаго круга, получившихъ порядочное воспитаніе.

Еще въ Петербургѣ до меня доходили слухи, что предмѣстникъ

мой баронъ К—ръ очень запуталъ свои денежныя дѣла, но по прибытіи въ Вильну я тотчасъ же узналъ, что долги барона очень близко касаются дивизіи. Я началъ осмотръ ротъ. Во всѣхъ полкахъ я нашелъ полный наружный порядокъ, щегольство даже въ одеждѣ, но когда я разстегнулъ мундиры у людей, открылъ тюфяки и посмотрѣлъ, что лежитъ подъ подушками и подъ нарами, то большей грязи, вони, всякой мерзости рѣдко можно было встрѣтить въ послѣднемъ кабакѣ.

О такомъ безобразіи я немедленно доложилъ Альбединскому и принялся оздоровлять людей и казармы. Строгія приказанія, частые, внезапные наѣзды, выговоры полковымъ командирамъ, которымъ я не подавалъ руки, произвели гвалтъ. На меня посыпались обвиненія въ излишней строгости, въ пренебреженіи къ частнымъ начальникамъ. Заѣхалъ ко мнѣ начальникъ штаба округа генералъ Казимирскій, пустая, выжившая изъ ума личность, съ тонкимъ намекомъ на мое обращеніе, давая понять, что все это непріятно командующему войсками. Дѣло видимо пошло на интриги, но я ихъ кончилъ разомъ. На другой же день я поѣхалъ къ Альбединскому и, повторивъ ему еще разъ о долгахъ К—ра и порядкахъ въ полкахъ, заявилъ, что къ К—ру я ни за что не поѣду, что пока служу, не допущу, чтобы люди жили въ грязи и морились голодомъ и что буду подавать полковому командиру руку только тогда, когда онъ своею честною дѣятельностью будетъ этого заслуживать. Къ чести Альбединскаго я долженъ сказать, что онъ внимательно меня выслушалъ и, признавъ доводы мои уважительными, поблагодарилъ меня, сказавъ: „всегда такъ дѣйствуйте“. Эта поддержка сразу прекратила всѣ нашептыванія, и дѣло пошло успѣшно. У солдатъ явились чистые тюфяки, подушки, бѣлье, въ казармахъ опрятность, хорошая пища.

Затѣмъ я обратилъ вниманіе на хозяйство полковъ, которымъ полковые командиры при К—рѣ распоряжались безконтрольно. Подвергнувъ смѣты хозяйственныхъ распоряженій строгому просмотру, я предписалъ полкамъ распоряжаться только въ предѣлахъ помянутыхъ смѣтъ, всю же затѣмъ экономію въ деньгахъ отобралъ въ свое распоряженіе и образовалъ въ полкахъ оборотные капиталы. Они дали мнѣ возможность постоянно улучшать бытъ солдатъ и офицеровъ. На нихъ были заведены въ полкахъ умывальники, желѣзныя кровати, кухонная и столовая мѣдная посуда, чайная; улучшалось довольствіе людей, поддерживалось дивизіонное собраніе, бывшее въ долгахъ, выдавались пособія бѣднымъ офицерамъ, выстроились конюшни, цейхгаузы и кухни въ лагерѣ и проч. Все это не нравилось полковымъ командирамъ, они роптали вслухъ, но я не обращалъ никакого вниманія и шелъ своею дорогою.

Отъ внутренняго быта полковъ слѣдовалъ переходъ къ ихъ строе-

вому и научному образованію. Обученіе нижнихъ чиновъ, благодаря заботамъ Альбединскаго, было поставлено въ округѣ, на основаніи строгой системы, но нельзя было сказать того же объ образованіи офицеровъ. Здѣсь я употребилъ уже свой личный трудъ, занимаясь два раза въ недѣлю съ офицерами самъ и измѣнивъ совершенно методъ занятій. Я сталъ въ роль противника и заставилъ офицеровъ баталіонными группами рѣшать противъ меня тактическія задачи на планѣ, при чемъ присутствовали всѣ другіе офицеры; я привлекъ къ этимъ занятіямъ безусловно всѣхъ ротныхъ командировъ, чего до сихъ поръ не было, всѣ занятія сталъ вести изустно, отбросивъ вовсе письменныя работы, изгналъ военную игру и впослѣдствіи ввелъ въ употребленіе вмѣсто плановъ раскрашенныя доски, которыя всѣ могли видѣть и которыя потомъ вошли въ употребленіе почти повсюду.

Рядомъ съ этими мѣрами было обращено строгое вниманіе на нравственную сторону солдатъ и офицеровъ. Повсемѣстное введеніе солдатскихъ чайныхъ сразу уменьшило процентъ пьяницъ, а отсюда и преступленій. Выгонъ изъ службы нѣсколькихъ негодныхъ офицеровъ далъ острастку другимъ, а запрещеніе въ офицерскомъ собраніи азартныхъ игръ показало офицерамъ, что и такая профессія не безопасна. Съ цѣлью доставить развлеченіе офицерамъ, я обратилъ вниманіе на ихъ библіотеки и собраніе. Первыя были пересмотрѣны, а второе выпутано изъ долговъ. Офицерское собраніе находилось подъ управленіемъ полковника Панютина, занимало грязное помѣщеніе въ казармахъ и не имѣло никакихъ средствъ. Я сталъ каждый разъ самъ посѣщать вечера собранія, привозя туда дочь, изгналъ изъ него разныхъ арфистокъ, содержанокъ и проч., оплатилъ долги изъ полковыхъ суммъ и постоянно требовалъ отъ офицеровъ строгаго благоприличія; полковника же Панютина, любившаго по своей славянской широкой натурѣ тратить деньги и свои, и чужія, я пригласилъ къ самой строгой экономіи.

На Рождество я объѣхалъ загородныя роты, вводя тамъ тѣ же порядки, несмотря на явное противодѣйствіе во всемъ командира 106 полка полковника Коммиссарова, а засимъ представилъ самый подробный отчетъ Альбединскому о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ, указавъ съ полною откровенностью на нѣкоторыя сдѣланныя мною ошибки. Петръ Павловичъ прочиталъ мою записку, облобызалъ меня, просилъ такъ и впредь дѣйствовать и съ тѣхъ поръ до самаго отъѣзда изъ Вильны удостоивалъ меня самаго полнаго довѣрія и теплой дружбы.

Служебныя занятія и жизнь въ Вильнѣ пошли обычнымъ порядкомъ. Къ веснѣ 1877 г. все мое семейство переѣхало въ Вильну, и мы поселились на дачѣ Распопова. Къ веснѣ же состоялось назначе-

ніе моего корпуснаго командира генералъ-лейтенанта С—ва, дотолѣ командовавшаго 25-ю дивизіею.

Старый преображенецъ, порядочный деспотъ по манерѣ царствованія Николая I-го, врагъ всякихъ нововведеній въ тактикѣ, С—овъ не могъ сойтись со мной, а долгая привычка слушать во всемъ полковыхъ командировъ, которые, конечно, были мною недовольны, и нашептыванія со стороны Панютина сразу поставили насъ съ С—овымъ въ самыя натянутыя отношенія.

Въ то время, когда слѣдовало только учить новобранцевъ, С—овъ сталъ дѣлать дивизіи смотры и церемоніалы—я протестовалъ; по примѣру 25-й дивизіи онъ потребовалъ, чтобы у него постоянно на дворѣ стояла четверка полковыхъ лошадей для его разъѣздовъ; я ихъ не далъ, какъ незаконное требованіе; въ его глазахъ Панютинъ, какъ бывшій преображенецъ, былъ примѣрный офицеръ и игралъ съ нимъ въ карты, по моему же мнѣнію Панютинъ былъ вертопрахъ. Придирки дошли до того, что С—овъ сталъ учить меня, какъ я долженъ подходить къ фронту, какъ здороваться съ людьми, какую имѣть при этомъ улыбку на лицѣ—я отвѣчалъ смѣхомъ на эти замѣчанія, объяснивъ, что, прослужа 28 лѣтъ офицеромъ въ строю, и самъ знаю, какъ вести себя. Наконецъ, непріязнь ко мнѣ достигла такой степени, что командиръ корпуса дошелъ до мелочей и сталъ ѣздить жаловаться на меня Альбединскому, что я не такъ стою передъ нимъ, не такъ кланяюсь, не такъ держу руки, сталъ пугать меня, что удалитъ отъ командованія дивизіей, дополняя все это, по поводу того же Панютина, самыми незаконными ко мнѣ предписаніями, на которыя я отвѣчалъ вѣжливыми, но самыми уничтожающими его рапортами.

При такой борьбѣ все отшатнулось отъ меня въ Вильнѣ, по польской привычкѣ, вошедшей въ натуру и здѣшнихъ русскихъ людей, почитать только силу, а силу, конечно, всѣ предполагали на сторонѣ начальника, т. е. С—ова. Полковые и бригадные командиры неохотно стали исполнять мои приказанія. Начальникъ штаба моего полковникъ Дроздовичъ съ испугу отказался подписывать рапорты мои къ С—ову, даже посторонняя военная публика и та какъ бы стала сторониться отъ меня, выжидая, что скажетъ командующій войсками. Альбединскій, однако же, взглянулъ на дѣло иначе; мои труды были у него передъ глазами, всю переписку свою съ С—овымъ я представилъ ему черезъ начальника окружнаго штаба и ни одного столкновенія не оставлялъ безъ того, чтобы лично не доложить ему объ этомъ; все, что онъ съ своей стороны нашелъ нужнымъ мнѣ замѣтить—это была просьба быть какъ можно осторожнѣе съ С—овымъ. На требованіе С—ова удалить меня отъ командованія

дивизіею Альбединскій не согласился, отвѣтивъ, что законъ даетъ это право и самому корпусному командиру. Переписку мою съ С—овымъ было приказано отправить въ военное министерство, тогда какъ С—овъ послалъ на меня доносъ прямо къ министру, находившемуся съ государемъ въ Турціи.

Въ ноябрѣ 77 года государь возвращался въ Россію черезъ Вильну; съ нимъ ѣхалъ и Милютинъ. Дивизія моя была расположена шпалерами около станціи желѣзной дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ сытымъ видомъ людей, прекрасною одеждою и разблагодарилъ Альбединскаго, а тотъ меня. Въ то время, когда государь оставался на виленской станціи, куда выѣхала къ нему навстрѣчу супруга Альбединскаго съ дѣтьми, Милютинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я получилъ странное письмо отъ С—ова и переговорилъ уже съ Петромъ Павловичемъ, который вполнѣ доволенъ вашей службой; благодарю васъ; служите по-прежнему и ничѣмъ не тревожьтесь.

Такъ кончилась эта исторія, и вскорѣ С—овъ былъ отчисленъ отъ должности корпуснаго командира; еще ранѣе его, въ началѣ осени, ушелъ и Панютинъ, получивъ полкъ въ дѣйствующей арміи. Передъ отъѣздомъ Панютинъ роздалъ въ долгъ своимъ офицерамъ около 600 руб. казенныхъ денегъ, на которыя эти бѣдняки устроили ему и женѣ его прощальный обѣдъ и поднесли какую-то серебряную вещь въ подарокъ. Вотъ съ какими людьми судьба привела мнѣ служить и бороться.

Между тѣмъ война шла своимъ чередомъ; мы пекли сухари, посылали на укомплектованіе офицеровъ и людей и болѣли сердцемъ за наѣздъ Гурко за Балканы и за Плевно. Большинство секретовъ главной квартиры я имѣлъ случай узнавать заранѣе и вотъ какимъ образомъ. Телеграфное управленіе въ Вильнѣ считало своимъ долгомъ всѣ нешифрованныя телеграммы, идущія изъ арміи въ Петербургъ, принимать на свою ленту и изъ угодливости подносить ихъ генералъ-губернатору. А какъ рѣдкій день проходилъ, чтобы главнокомандующій не посылалъ телеграммъ Ч—ой, въ которыхъ зачастую излагалъ съ свойственной ему откровенностью и свои военные планы, то, благодаря этому, Альбединскій зналъ заранѣе о нападеніяхъ на Плевну, печальномъ положеніи арміи и даже зимнемъ походѣ на Балканы и, по личному ко мнѣ довѣрію, свѣдѣнія эти передавалъ мнѣ, горюя о такой простоватости, которая, конечно, доходила до свѣдѣнія нашихъ враговъ.

На мѣсто С—ова командиромъ 2-го корпуса былъ назначенъ начальникъ штаба Виленскаго округа, генералъ Никитинъ, въ началѣ кампаніи ѣздившій формировать сербскую армію, а затѣмъ командо-

вавшій войсками, собранными на австрійской границѣ. Это былъ старый штабный чиновникъ, искусный въ интригахъ, но вовсе не знавшій строя и при томъ безъ всякаго характера, а какъ при этомъ онъ былъ страшный лѣнтяй, то мнѣ никто не мѣшалъ управлять дивизіею по моему усмотрѣнію.

Въ 1878 году, лѣтомъ, я поѣхалъ на купанье въ Либаву, но тамъ получилъ отъ начальника штаба Звѣрева письмо, что по высочайшему повелѣнію для осмотра моей дивизіи пріѣзжаетъ генералъ-адъютантъ Драгомировъ и Альбединскій проситъ меня вернуться въ Вильну.

Мои отношенія къ Драгомірову въ то время не были хороши вслѣдствіе весьма рѣзкихъ съ моей стороны нападковъ въ печати на его черезчуръ оригинальныя идеи объ образованіи солдата. Альбединскій зналъ объ этомъ и, когда пріѣхалъ Драгомировъ и остановился у него во дворцѣ, самъ повелъ меня къ нему для представленія. Встрѣтились мы, однако же, весьма любезно. Драгомировъ осмотрѣлъ дивизію во всей подробности, изслѣдовалъ весь методъ моего обученія и остался имъ вполнѣ доволенъ. Послѣ маневровъ онъ пришелъ въ такой восторгъ, что заплакалъ и публично заявилъ Альбединскому, что онъ не можетъ даже выразить всего удовольствія, доставленнаго ему превосходнымъ обученіемъ войскъ.

На бывшемъ, вслѣдъ за этими маневрами, обѣдѣ во 2-й бригадѣ, когда я предложилъ тостъ за здоровье 14-й и 27-й дивизій, Драгомировъ опять заплакалъ, расцѣловался со мною, и мы перешли на ты.

Послѣ обѣда Альбединскій тоже расцѣловалъ меня, разблагодарилъ за труды и, усѣвшись со мной и Никитинымъ на диванчикѣ, сказалъ:

— Благодарю васъ, Николай Гавриловичъ, вы мой истинный другъ. Вотъ говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ, что васъ любитъ очень моя жена, что потому и я къ вамъ отношусь благосклонно, но кто васъ ближе узнаетъ и узнаетъ вашу службу, тотъ невольно васъ полюбитъ и будетъ уважать ваши труды. Александръ Павловичъ,— добавилъ онъ, обращаясь къ Никитину,—намъ всѣ говорили, что Николай Гавриловичъ человѣкъ раздражительный, что съ нимъ нельзя служить по его неуживчивости, а вотъ видите, какъ у насъ съ нимъ все идетъ хорошо и въ какомъ прекрасномъ состояніи его дивизія.

Вечеромъ Драгомировъ смотрѣлъ тактическія занятія офицеровъ и пришелъ въ восторгъ отъ моего метода, заявивъ Альбединскому, что онъ ему и въ голову не приходилъ и онъ даже не воображалъ встрѣтить что-либо подобное.

Такъ кончились смотры, о результатѣ которыхъ Драгомировъ донесъ въ Ливадію государю, послѣдствіемъ чего было письмо Милютина къ Альбединскому, въ которомъ государь разблагодарилъ Аль-

бединскаго и меня, а копію съ донесенія Драгомірова о состояніи 27-й дивизіи приказалъ разослать въ назиданіе ко всѣмъ командующимъ войсками въ округахъ.

Въ августѣ 1878 г. я былъ произведенъ внѣ правилъ въ генералъ-лейтенанты, а въ январѣ 1879 года, въ бытность мою въ Петербургѣ, государь встрѣтилъ меня очень любезно, благодарилъ за занятія въ дивизіи, сказавъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени лично посмотрѣть ее. Слова государя я тотчасъ же телеграфировалъ Альбединскому, который остался этимъ очень доволенъ.

Помимо чисто фронтовыхъ занятій, вниманіе мое было обращено главнымъ образомъ на переустройство лагеря и дивизіоннаго офицерскаго собранія. Первый, воздвигнутый предмѣстникомъ моимъ Криденеромъ, состоялъ изъ землянокъ, бывшихъ по своей сырости источникомъ сильной болѣзненности, а второе помѣщалось въ низенькихъ мрачныхъ казарменныхъ комнатахъ, перегороженныхъ досками. Передѣлки эти требовали, однако же, большихъ денегъ, и только мои добрыя отношенія къ Альбединскому и постоянныя предъ нимъ ходатайства могли привести къ тому, что на переустройство лагеря самими войсками мнѣ дали 34 т. р., а на собраніе 18 т. руб., возложивъ, однако же, передѣлку послѣдняго на инженеровъ.

Войска на отпущенныя деньги передѣлали всѣ землянки на крестьянскіе домики, провели водопроводъ, выстроили особое помѣщеніе для начальника дивизіи и его штаба и произвели много другихъ работъ, а инженеры на 18 т. р. сломали только потолокъ и нѣкоторые столбы въ бывшей залѣ собранія и выписали для него люстры. Добрая треть этихъ денегъ легла въ карманы строителей.

XXVIII.

Санъ-Стефанскій договоръ и Берлинскій конгрессъ.—Графъ П. А. Шуваловъ.—Его карьера.—Вліяніе Бисмарка.—Перемѣна виленскаго генералъ-губернатора.—Назначеніе графа Тотлебена.—Морганатическій бракъ.—Супруга Альбединскаго.—Ея благородный характеръ.—Нигилисты.—Катастрофа 1-го марта.—Перемѣна высшей администраціи.—Скобелевъ и его рѣчь.

Увлекшись разсказомъ объ устройствѣ дивизіи, я опустилъ передать о другихъ обстоятельствахъ, интересовавшихъ тогда русскій кружокъ въ Вильнѣ.

Въ предшествовавшихъ описаніяхъ я упоминалъ о моемъ знакомствѣ и службѣ съ бывшимъ посломъ нашимъ въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевымъ. Съ своей стороны Альбединскіе мнѣ разсказывали, что и они находятся въ добрыхъ отношеніяхъ съ Игнатьевымъ

и что послѣдній, проѣзжая съ женою Вильну, каждый разъ обѣдаетъ у нихъ. Въ концѣ войны, однако же, эти добрыя отношенія къ Игнатьеву стали переходить у Альбединскихъ въ натянутыя, особенно послѣ каждаго проѣзда черезъ Вильну графа Шувалова, посла нашего въ Лондонѣ, большаго пріятеля Альбединскаго, къ которому послѣдній всегда выѣзжалъ навстрѣчу на станцію. Стали подвергаться критикѣ и Санъ-Стефанскій договоръ Игнатьева, и его поѣздка въ Австрію, и поѣздка въ Парижъ и Лондонъ.

Разными происками Игнатьева оттерли отъ двора, а главное, отъ руководящей дипломатической роли, которая всецѣло перешла къ Шувалову. Заѣздилъ послѣдній изъ Лондона въ Петербургъ и обратно черезъ Вильну, и начали рости слухи, что мы погибаемъ, что вся Европа противъ насъ, что только усердіе Шувалова и его связи въ Лондонѣ могутъ спасти Россію, и потому надо безусловно согласиться на то, что выхлопочетъ Шуваловъ у Биконсфильда, какъ бы это ни было горько для насъ.

Первыя двѣ поѣздки въ Петербургъ Шувалова, вполнѣ осѣдланнаго и одураченнаго Биконсфильдомъ, не удались, однако же, и царь, поддерживаемый Милютинымъ, не соглашался на большія уступки, но когда Шуваловъ поѣхалъ въ третій разъ, побывавъ предварительно у Бисмарка, который тоже выдѣлывалъ изъ него, что хотѣлъ, тогда царь сдался.

Я помню этотъ послѣдній проѣздъ Шувалова изъ Петербурга въ Берлинъ. Я нарочно пошелъ на станцію желѣзной дороги, чтобы посмотрѣть на графа. Онъ гордо вышелъ изъ вагона и направился въ царскіе покои, гдѣ ожидалъ его Альбединскій. Когда ушелъ поѣздъ, то на мой вопросъ: ну, что сказалъ графъ? Альбединскій мнѣ отвѣчалъ: „Что, графъ? Онъ не то, что прежде, королемъ теперь ѣдетъ, онъ получилъ отъ государя carte blanche дѣйствовать на конгрессѣ, какъ признаетъ возможнымъ“.

При такихъ-то условіяхъ, т. е. при совершенномъ подчиненіи Бисмарку, Биконсфильду, Андраши, бѣдненькаго знаніемъ русскаго народа нашего жандармскаго либерала графа Шувалова и при полномъ уничиженіи передъ Европою и собственномъ самооплеваніи подобныхъ же Шувалову русскихъ европейцевъ вродѣ графа Валуева и другихъ, обмороченный, если не страхомъ, то ложнымъ подчиненіемъ авторитетамъ той же Европы, нашъ добрый, но сбитый съ толку тѣми же доморощенными либералами государь далъ согласіе на злосчастный и постыдный для Россіи Берлинскій трактатъ.

Послѣ этого трактата Альбединскому стало какъ-то совѣстно, и даже Вильна, которая иллюминовалась при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, только подъ натискомъ полиціи зажгла кое-гдѣ

свѣчки при празднованіи берлинскаго мира. Недовольство берлинскимъ трактатомъ было всеобщее, за исключеніемъ нашей либеральной партіи, и въ числѣ причинъ, доведшихъ до катастрофы 1-го марта, злосчастный трактатъ этотъ игралъ немаловажную роль.

Весною 1879 года я собрался за границу, чтобы доставить старшимъ дочерямъ возможность проѣхаться по Европѣ съ научною цѣлью, да и самому посовѣтоваться съ медиками. У меня были уже взяты заграничные билеты, и я предварительно только поѣхалъ въ Либаву покупаться; но не успѣлъ пробыть здѣсь и двухъ недѣль, какъ получилъ извѣстіе изъ Вильны, что въ августѣ мѣсяцѣ пріѣзжаетъ туда государь и дѣлаетъ смотръ войскамъ. Привелось измѣнить всѣ предположенія и скакать обратно въ Вильну.

Въ это время и печать и общество были страшно возбуждены противъ Бисмарка за берлинскій трактатъ, въ свою очередь и послѣдній не оставался въ долгу и, какъ честный маклеръ, отдѣлывалъ Россію; къ этому присоединились личныя размолвки Бисмарка съ княземъ Горчаковымъ, и отношенія наши къ Германіи вдругъ стали очень натянутыми. Государь ѣхалъ на смотръ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ возможности борьбы съ Германіей и былъ невесело настроенъ.

Возвратясь въ Вильну, я осмотрѣлъ въ подробности дивизію, исправилъ ея обмундировку, занялся строемъ, и въ началѣ августа она была готова къ смотру.

Пріѣхавшему въ Вильну Драгомірову такъ же, какъ и Альбединскому, хотѣлось показать государю методъ обученія въ дивизіи, для чего и приготовлена была особая рота, сформированная изъ людей всѣхъ полковъ. Съ своей стороны корпусный командиръ Никитинъ сталъ пороть горячку и потерялъ голову, я, однако же, не измѣнялъ распоряженій по дивизіи, дабы не запутать войска, и не обращалъ вниманія на ежеминутныя приказанія Никитина.

Дней за пять до пріѣзда государя Альбединскій осмотрѣлъ войска въ Динабургѣ и Гроднѣ и, какъ говорили, не совсѣмъ остался ими доволенъ. Наступилъ день и моего смотра; съѣхалось на него все генеральство изъ Гродно, Ковно, Динабурга и Вильны взглянуть, какъ, они выражались не безъ ироніи, на образцовую дивизію.

Въ жаркій день состоялся смотръ Альбединскаго. Людей своихъ я вывелъ за полчаса. Никитинъ, который командовалъ всѣми войсками, съ самаго пріѣзда началъ отдавать мнѣ приказанія и придираться, но я не обращалъ на это вниманія. Въ $1^1/_2$ часа по полудни пріѣхалъ Альбединскій, и начался объѣздъ войскъ. Дивизію я вывелъ во вторыхъ мундирахъ, но они казались какъ новые; выровнена была дивизія прекрасно, люди смотрѣли сыто и весело. Начался церемоніалъ. Никитинъ, стоя около Альбединскаго, безпрерывно вслухъ

дѣлалъ мнѣ замѣчанія, что то не такъ, другое не такъ, а между тѣмъ люди проходили такими молодцами, что все, что стояло за Альбединскимъ изъ постороннихъ генераловъ, громко выражало свое удовольствіе, многіе же старые служаки подъѣзжали ко мнѣ, пожимали мнѣ руки и удивлялись. Самъ Альбединскій пришелъ наконецъ въ восторгъ и, громкимъ голосомъ обратясь къ начальнику штаба Звѣреву, крикнулъ: „Николай Яковлевичъ! Каковы молодцы! встрѣчали ли вы что-нибудь подобное?—Я ничего подобнаго и въ гвардіи не видалъ“. Когда же прошла послѣдняя рота, онъ со слезами на глазахъ, сидя на конѣ такъ же, какъ и я, обнялъ меня и расцѣловалъ при всѣхъ. Никитинъ смолкъ, затѣмъ началось ученье роты, которая представилась также безукоризненно. По окончаніи смотра командующій войсками еще разъ разблагодарилъ и расцѣловалъ меня.

16-го августа передъ вечеромъ пріѣхалъ въ Вильну государь въ предшествіи нѣсколькихъ царскихъ поѣздовъ, такъ что въ сущности никто не зналъ, въ какомъ именно поѣздѣ онъ находится. Мы встрѣтили его во дворцѣ при почетномъ караулѣ. Сказавъ каждому нѣсколько словъ, государь удалился въ свои покои, а затѣмъ по иллюминованнымъ улицамъ отправился на дачу къ супругѣ Альбединскаго въ Звѣринецъ. Возвратясь около полуночи во дворецъ, государь непріятно былъ пораженъ повсемѣстною темнотою, ибо кто-то изъ надзирателей газа распорядился его погасить, что, при тогдашнихъ покушеніяхъ на государя, не могло его не встревожить.

Въ 9 часовъ утра 17-го августа состоялсясмотръ. Погода въ это утро дождливая съ пріѣздомъ государь разъяснилась, и взошло солнышко. Объѣхавъ дивизію, государь вполнѣ остался доволенъ видомъ, выправкой людей и одеждой. Послѣ же церемоніала очень благодарилъ меня, расхвалилъ полки, особенно Уфимскій. Смотръ роты окончился тоже прекрасно, и затѣмъ государь, сопровождаемый Альбединскимъ, поѣхалъ прямо на станцію желѣзной дороги и далѣе въ Гродно. Никакихъ наградъ и никому не было; всѣ были изумлены сдержанностью государя, несмотря на прекрасный смотръ, но все это впослѣдствіи объяснилось крайнею натянутостью отношеній къ Пруссіи, и лицо государя прояснилось не ранѣе какъ послѣ поѣздки его изъ Варшавы въ Александрово на свиданіе съ императоромъ Вильгельмомъ.

Впослѣдствіи, при проѣздѣ черезъ Брестъ на югѣ онъ очень благодарилъ Альбединскаго, а когда въ январѣ 1880 г. я представлялся ему въ Петербургѣ, то государь въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свою благодарность, дважды протягивалъ руку, пожелавъ, чтобы и на будущее время мы въ Виленскомъ округѣ слѣдовали всегда такому прекрасному направленію въ образованіи людей и офицеровъ.

Въ настоящихъ запискахъ мнѣ не рѣдко приходится упоминать о гр. П. Андр. Шуваловѣ. Нелишнимъ считаю привести о немъ нѣсколько подробностей, отецъ гр. Шувалова былъ оберъ-гофмаршаломъ двора Николая I. Какъ всѣ Шуваловы, онъ былъ честолюбивъ, искателенъ и вкрадчивъ. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ, чтобы упрочить свое положеніе при Александрѣ I, задумалъ жениться на побочной дочери государя отъ извѣстной М. Ант. Нарышкиной (рожд. кн. Четвертинской), и только смерть невѣсты помѣшала его намѣренію. Когда не удался этотъ проектъ, онъ исканіе связей промѣнялъ на богатство и женился на вдовѣ фаворита Екатерина II князя Зубова, простой виленской шляхтянкѣ—Валентиновичъ, которая однако же принесла ему болѣе милліона приданнаго и польско-католическія тенденціи.

Сыновья этого-то Шувалова, Петръ и Павелъ, росли и воспитывались съ сыновьями императора Николая и тѣмъ главнымъ образомъ были обязаны быстрой своей карьерѣ. Графъ Петръ былъ въ особенности приближенъ къ наслѣднику, впослѣдствіи императору Александру II, какъ товарищъ вмѣстѣ съ кн. Барятинскимъ. При поѣздкѣ въ Парижъ для заключенія мира, гр. Орловъ, зная вкусы императрицы Евгеніи, взялъ къ себѣ въ свиту трехъ самыхъ красивыхъ флигель-адъютантовъ Шувалова, Альбединскаго и Левашова, дабы черезъ нихъ вліять на всемогущую тогда красавицу императрицу Евгенію, а черезъ нее конечно и на Люи Наполеона. Сколько извѣстно, изъ нихъ наиболѣе счастливымъ оказался Альбединскій, но, позволивъ себѣ по просьбѣ Евгеніи на придворномъ балу закостюмироваться вмѣстѣ съ нею въ парѣ въ польскій костюмъ и протанцовавъ мазурку, онъ вскорѣ былъ переведенъ изъ Парижа. Сдѣланный по заключеніи мира оберъ-полицеймейстеромъ Петербурга, а затѣмъ и генералъ-губернаторомъ остзейскихъ провинцій Петръ Шуваловъ, послѣ покушенія Каракозова, занялъ мѣсто шефа жандармовъ и съ того времени явился всемогущимъ фаворитомъ во всѣхъ дѣлахъ внутренней, а отчасти и внѣшней политики къ горю и посрамленію бѣдной Россіи. Посадивъ на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ безголоваго Тимашева, а юстиціи гр. Палена и держа въ рукахъ генералъ-губернаторовъ, онъ сталъ громадною силою въ Россіи. Доведя до самаго тонкаго совершенства запугиваніе добраго императора красными призраками революціи и возможностію повторенія исторіи Каракозова съ одной стороны, а съ другой сводничая царю и прикрывая всѣ его любовныя похожденія, Шуваловъ достигъ того, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ едва-ли чье-либо назначеніе на высшія должности послѣдовало безъ предварительной его, Шувалова, аттестаціи. И надо удивляться, какъ въ эту пору съумѣли сохранить нѣкоторую долю самостоятельности даже такіе министры, какъ Милютинъ и Горчаковъ.

Напитанный тенденціями своей матери, Шуваловъ съ тѣмъ ложнымъ либерализмомъ, который такъ легко прививается къ нашей аристократіи, повелъ польское дѣло и вмѣсто твердой національной политики явилась на нашихъ западныхъ окраинахъ политика примиренія, ухаживанія за панами и бичеваніе всего русскаго, всего того, за сохраненіе чего мы только-что пролили потоки нашей крови. На мѣстѣ Муравьева и Кауфмана въ Западномъ краѣ явился совершенно отупѣвшій Потаповъ, на мѣстѣ умнаго энергичнаго Безака, спасеннаго отъ опалы только смертію, возсѣлъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ. Поляки вздохнули свободно, и русское дѣло въ Литвѣ и отчасти на Подолѣ пошло быстро вспять. Во внѣшней политикѣ мы униженно послѣдовали во всемъ за Бисмаркомъ, который, какъ я уже говорилъ выше, черезъ князя Рейса ворочалъ Шуваловымъ какъ пѣшкой.

Не составляетъ тоже тайны, что кампанія наша въ Турціи 77—78 гг. помимо славянофильскихъ вліяній на императрицу главнымъ образомъ была подготовлена Бисмаркомъ. Страшась постоянно за союзъ Россіи съ Франціей, ловко играя на достоинствѣ Россіи, требовавшемъ возвращенія части Бессарабіи, уступленной по Парижскому трактату, Бисмаркъ незамѣтно прочищалъ путь къ столкновенію Россіи съ Турціей, видя въ этомъ, какъ это и оказалось впослѣдствіи, радикальное средство къ обезсиленію сѣверной сосѣдки.

Если до сихъ поръ еще гадательно, кто первый возбудилъ волненія въ Босніи и кто интриговалъ потомъ въ Сербіи, то достаточно уже выяснено, что Россіи даны были увѣренія, что нерасположенная къ ней Румынія не только безъ протеста пропуститъ черезъ свои земли русскую армію, но даже присоединитъ къ русскимъ и свои войска. Не даромъ же король румынскій служилъ поручикомъ въ прусскихъ войскахъ; онъ былъ очень хорошо выдрессированъ, чтобы осмѣлиться ослушаться Бисмарка. Была науськана на этотъ тонъ и всегда злобная къ намъ Австрія, хотя конечно и не безъ нѣкоторой подачки: предоставить ея вліянію впослѣдствіи бѣдную Сербію и устройство дѣлъ въ Босніи. Такъ заманивалась по свободной дорогѣ Россія на Балканскій полуостровъ съ мечтами объ освобожденіи христіанъ, что̀ очень льстило покойному государю, съ надеждой на образованіе преданнаго намъ большаго Болгарскаго государства, а тамъ вдали какъ бы въ туманѣ показывались по временамъ кресты Константинопольскихъ церквей, рисовался Босфорскій проливъ съ возможностію сдѣлать Черное море моремъ русскимъ. Искушеніе было слишкомъ велико и не для одного добросердечнаго государя, какъ Александръ II, безусловно вѣрившаго вдобавокъ въ честность намѣренія своего дяди императора Вильгельма (едва-ли впрочемъ и сознававшаго всю тонкость интриги Бисмарка). Шувалова впрочемъ пе-

редъ войной уже не было въ Петербургѣ и въ то время, когда Швейницъ, Вернеръ и другіе ловко натравливали государя на Турцію, онъ не менѣе полезно для Бисмарка работалъ въ Лондонѣ, сдерживая Израэли и Салисбюри, могшихъ своей неумѣренной горячностью испортить все дѣло, т. е. удержать государя отъ войны. Какими пріемами и обѣщаніями онъ умиротворялъ тогда англійскихъ государственныхъ людей, показали послѣдствія, когда мы, побѣдоносно дойдя до воротъ беззащитнаго Константинополя, не осмѣлились войти туда, а затѣмъ подписали, какъ виноватые, злосчастный Берлинскій трактатъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ войны, я слышалъ, какъ вел. кн. Николай Николаевичъ едва не со слезами говорилъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ понять, какимъ образомъ не дошла до него въ свое время телеграмма государя, сдѣлавшаяся тотчасъ извѣстной въ Лондонѣ, съ приказаніемъ занять Константинополь, что̀ потомъ было отмѣнено. Ни одинъ генералъ-губернаторъ, являясь въ Петербургъ, не рѣшался представиться къ государю, не побывавъ предварительно у Шувалова и не выслушавъ его взглядовъ или наставленій. Даже публика, особенно служащіе въ разныхъ министерствахъ, произносили фамилію его не иначе, какъ шепотомъ. Всѣ, кто почему-либо были недовольны своимъ министерствомъ или начальствомъ или наконецъ семейною жизнью, всѣ обращались съ просьбами къ Шувалову, какъ высшему и окончательному рѣшителю судебъ. Такъ и Черняевъ, разссорившись съ Д. А. Милютинымъ, счелъ возможнымъ обратиться къ тому же Шувалову съ жалобою, и его жалобы были доложены государю. Когда умеръ гр. Бергъ, Шувалову очень хотѣлось посадить въ Варшаву кого-либо изъ своихъ приближенныхъ, онъ же въ особомъ комитетѣ у государя настаивалъ, чтобы холмскіе уніаты были оставлены въ покоѣ и чтобы имъ была предоставлена свобода окатоличиваться и ополячиваться, и только благодаря Милютину былъ назначенъ въ Варшаву Коцебу, а уніаты впослѣдствіи склонены къ принятію православія. Этотъ же Шуваловъ, какъ самый близкій къ государю человѣкъ, былъ посланъ въ Лондонъ, для успокоенія англичанъ, взбудоражившихся при извѣстіи о походѣ Кауфмана на Хиву. Не видя возможности бороться съ возроставшимъ вліяніемъ на государя Трепова, Шуваловъ вошелъ съ нимъ въ дружбу и такимъ образомъ вдвоемъ окончательно стали опутывать царя. Единственный противовѣсъ своему вліянію встрѣчалъ Шуваловъ со стороны наслѣдника, когда послѣдній сталъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, но прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ удалось цесаревичу удалить этого господина отъ государя, а именно въ 72 или 73 году, когда Шуваловъ былъ назначенъ наконецъ посломъ въ Лондонъ.

Къ веснѣ 80 г. стали ходить слухи о переводѣ Альбединскаго

въ Варшаву на мѣсто Коцебу. Я освѣдомился по этому случаю у Петра Павловича, но онъ отвѣтилъ уклончиво, а черезъ нѣсколько дней подарилъ мнѣ свой портретъ съ надписью въ знакъ дружбы, что́ уже мнѣ показало, что онъ оставляетъ Вильну. Назначеніе его однако же состоялось не безъ интригъ. Дѣло въ томъ, что мѣсто въ Варшавѣ государь обѣщалъ еще во время войны Тотлебену, повторялъ потомъ это обѣщаніе нѣсколько разъ, и въ данное время Тотлебенъ даже былъ вызванъ въ Петербургъ съ прямою цѣлію посылки въ Варшаву. Но желаніе Альбединскаго попасть на мѣсто Коцебу, дружба его съ Лорисъ-Меликовымъ и Валуевымъ и поддержка, оказанная ему Д. А. Милютинымъ, то есть всѣми тогда вліятельными лицами, не терпѣвшими Тотлебена и считавшими его сумасбродомъ, переломили государя и онъ, хотя съ большимъ трудомъ, но объявилъ Тотлебену, что по особымъ политическимъ соображеніямъ вынужденъ вмѣсто Варшавы послать его въ Вильну, что по близости его имѣнія къ Вильнѣ (Кейданы) вѣроятно его устроитъ. Тотлебенъ отвѣчалъ, что онъ какъ солдатъ готовъ служить вездѣ, гдѣ прикажетъ государь, даже хоть командовать бригадой.

Съ этого времени Тотлебенъ и Альбединскій сдѣлались окончательно врагами. Вскорѣ послѣ Пасхи скончалась императрица Марія Александровна. Альбединскаго стали безпрерывно вызывать въ Петербургъ. Сначала все это прикрывалось новымъ его назначеніемъ въ Варшаву, а потомъ все заговорило, что онъ былъ въ числѣ свидѣтелей при совершеніи морганатическаго брака государя съ княжной Долгорукой.

Свадьба эта не была особой неожиданностью для людей, близко стоявшихъ ко двору.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года я выдалъ разомъ обѣихъ старшихъ дочерей замужъ, старшую за офицера Оренбургскаго полка Длусскаго, а вторую за офицера же Уфимскаго полка Апухтина и затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, окончивъ проводы Альбединскаго, которому войска поднесли великолѣпный серебряный альбомъ и стипендію, отправился въ Либаву, куда раньше сего переѣхала на лѣто Александра Сергѣевна Альбединская съ дѣтьми и вскорѣ прибылъ изъ Варшавы и Петръ Павловичъ. Здѣсь, не стѣсняясь оффиціальнымъ положеніемъ, эти добрые люди принимали насъ весьма радушно и также за просто бывали у насъ. Свадьба государя, какъ мнѣ показалось, не осталась безъ вліянія на Александру Сергѣевну, и она какъ-то еще больше опустилась и постарѣла, тогда какъ онъ былъ бодръ и смотрѣлъ впередъ весело и увѣренно. Теперь разставшись съ этими всегда добрыми, по крайней мѣрѣ ко мнѣ, людьми, позволю сказать о нихъ нѣсколько словъ. Кто былъ отецъ Альбединскаго, не знаю, слышалъ

только отъ него, что онъ воспитывался въ Москвѣ у своей бабушки княгини Багратіонъ, а затѣмъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, откуда и поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Альбединскій былъ замѣчательно хорошъ; черты его лица въ изящномъ видѣ напоминали Грузію. Въ бытность мою въ академіи онъ славился побѣдами надъ женщинами, въ томъ числѣ и надъ извѣстной тогда поэтессой граф. Растопчиной, отъ которой онъ имѣлъ мальчика, впослѣдствіи усыновленнаго покойнымъ государемъ съ фамиліей Альбединскаго. Женщины, кутежи, долги не покидали его, но все это не удовлетворяло честолюбія молодаго офицера, ему хотѣлось выйти на болѣе широкую дорогу, быть ближе ко двору. Въ то время гремѣла въ Питерѣ своимъ значеніемъ извѣстная фаворитка министра двора графа Адлерберга, знаменитая Мина Ивановна; около нея вертѣлась гвардейская молодежь, ища всякой благостыни. Мина преспокойно приставляла рога своему министру и дѣлала изъ него что хотѣла. Красавецъ Альбединскій не замедлилъ вступить съ нею въ связь и, какъ тогда говорили, черезъ это попалъ въ флигель-адъютанты. Въ крымскую войну онъ состоялъ при Меншиковѣ въ Севастополѣ и получилъ чинъ полковника, послѣ же войны былъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ и сошелся съ императрицею Евгеніей такъ близко, что Наполеонъ конфиденціально просилъ убрать его. Въ чинѣ уже генерала Альбединскій опять явился при дворѣ, запутанный окончательно въ долги, но съ тѣмъ же честолюбіемъ. Надо было выбраться изъ грустнаго положенія во что бы то ни стало, и опять ему помогла въ этомъ женщина.

Сколько помню, въ началѣ 60-хъ уже годовъ я разъ какъ-то, сидя у генерала Безака, прочиталъ въ „Инвалидѣ“, что Альбединскій получилъ л.-гв. гусарскій полкъ, и на выраженное по этому случаю изумленіе, Безакъ мнѣ замѣтилъ, что вы удивляетесь? Альбединскому самъ государь сказалъ: я даю полкъ, чтобы ты поправилъ свои обстоятельства, и при этомъ Безакъ какъ-то двусмысленно улыбнулся, а затѣмъ мѣсто начальника штаба гвардіи, званіе генералъ-адъютанта и наконецъ послѣ каракозовской исторіи, мѣсто остзейскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Рижскаго округа. Карьера была сдѣлана быстро.

Александра Сергѣевна Долгорукая въ молодые годы была замѣчательной красавицей въ чисто русскомъ вкусѣ. Совершенная блондинка, прекраснаго роста, она обладала тою представительностію кровной аристократки, которая невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе всякаго мужчины, если же къ этому добавить необыкновенно сильный и бойкій умъ, заразительную веселость, смѣшанную съ особой, ей присущей граціею и нѣкоторымъ кокетствомъ, то смѣло

можно сказать, что она могла произвести сильное впечатлѣніе на всякаго. Если бы Александра Сергѣевна рѣшилась передать когда-нибудь бумагѣ свою тогдашнюю интимную жизнь, то многое, многое изъ благой дѣятельности покойнаго государя, въ началѣ его царствованія, явилось бы въ новомъ свѣтѣ, немалая доля котораго конечно принадлежала бы княжнѣ Долгорукой. Но къ чести Александры Сергѣевны надо сказать, что несмотря на свое положеніе она никогда не выставляла его на показъ и держала себя съ такимъ умомъ и тактомъ, что даже самый придирчивый человѣкъ не могъ бы замѣтить какого-либо ея вліянія на государственныя и служебныя дѣла. Заслуга, въ которой ей не отказывали никогда даже самые ярые ея враги и ненавистники.

Дочь небогатой семьи князей Долгорукихъ (мать ея урожденная графиня Апраксина) то есть не богатыхъ, какъ она сама мнѣ разсказывала, въ смыслѣ совершенно разоренныхъ, хотя и значительныхъ ихъ помѣстій, она, кромѣ изученія языковъ, не получила никакого серьезнаго, систематическаго образованія и какъ вольное дитя природы съ самыхъ юныхъ лѣтъ пополняла свои знанія только чтеніемъ, но зато безъ всякаго надзора и разбора, читая, по ея словамъ, въ 13—14 лѣтъ рѣшительно все, то есть и философскія теоріи Канта, Гегеля и т. п., и французскіе романы, не исключая произведеній Поль-де-Кока.

Я не знаю, когда именно она обратила на себя вниманіе государя, но помню множество подробностей изъ отношеній ея къ государю, переданныхъ мнѣ разными лицами и особенно во время похода моего въ 1858 году въ Хиву и Бухару сожителемъ моимъ по походной палаткѣ лейтенантомъ Можайскимъ. Можайскій имѣлъ возможность близко и незамѣтно наблюдать за этою связью во время переѣздовъ по Балтійскому морю царской фамиліи изъ Кронштадта въ Штетинъ въ 1856 или 57 году на какой-то яхтѣ, на которой Можайскій состоялъ старшимъ офицеромъ. Связь эта затѣмъ обратилась въ самую горячую дружбу, которую до самой смерти выказывалъ къ ней покойный государь. Пріѣзжая въ Вильну, онъ ѣздилъ постоянно къ ней на дачу, игралъ съ дѣтьми и вообще проводилъ у нея время, какъ въ родной семьѣ. Въ свою очередь Александра Сергѣевна при разговорахъ со мною съ видимымъ благоговѣніемъ вспоминала душевную доброту государя, часто намекая, что его истинныя намѣренія мало цѣнятся въ Россіи и что вообще этого человѣка мало знаютъ. Несмотря на такія отношенія, поддаваясь съ лѣтами, все болѣе и болѣе религіозному настроенію и ища въ религіи разъясненія тѣхъ сомнѣній, которыя волновали видимо ея душу, Александра Сергѣевна нерѣдко въ дружескомъ разговорѣ со мною старалась разъяснить

правильность вѣрованій нашего православнаго исповѣданія и убѣдиться въ милосердіи Божіемъ. Разъ во время такого разговора она спросила меня неожиданно: А будетъ ли Богъ столь милосердъ, чтобы принять полное раскаяніе и простить грѣхъ, можетъ быть невольный, но сдѣланный во имя блага и добра? Я успокоилъ ее сколько могъ, хотя видимо она не совсѣмъ довѣряла моимъ доводамъ, и затѣмъ никогда уже не возобновляла подобнаго разговора.

Проникшись вполнѣ интересами своего мужа, она слѣдила ежеминутно за всею его дѣятельностію, направляла ее, не подавая видимо никакого знака своего надъ нимъ руководительства, а напротивъ старалась передъ другими угодить ему во всякой мелочи, подчиниться всѣмъ его часто весьма поверхностнымъ сужденіямъ и даже выказывать родъ нѣкотораго страха передъ нимъ. По всей вѣроятности она его нисколько не стѣсняла во всѣхъ его любовныхъ похожденіяхъ, особенно при постоянныхъ страданіяхъ своихъ нервовъ и потери движенія ногъ. Только одно, что она рѣзко и положительно выдѣлила изъ его вліянія и исключительно взяла къ себѣ,—это воспитаніе дѣтей, и въ этотъ міръ самъ Альбединскій не смѣлъ такъ сказать совать носа. Она также ввела строжайшую экономію въ домѣ, одѣвалась дома въ ситцевыя платья, покрыла всѣ долги мужа и въ то время, когда я ихъ зналъ, Альбединскіе имѣли уже около 300 тысячъ капитала.

Назначеніе Тотлебена въ Вильну, конечно, не могло быть особенно ему пріятно послѣ званія главнокомандующаго, и главнымъ виновникомъ такой перестановки разумѣется онъ считалъ Альбединскаго. Отсюда само собой слѣдовало и нерасположеніе его ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя были близки къ его предмѣстнику, въ томъ числѣ и ко мнѣ. Я помнилъ Тотлебена еще со времени кампаніи 53 года, когда онъ въ чинѣ подполковника, состоя при Шильдерѣ, часто забѣгалъ къ намъ въ штабъ въ Букарештѣ, за разными справками. Съ тѣхъ поръ много утекло воды, и, конечно, онъ встрѣтилъ меня какъ незнакомаго.

Сынъ бѣднаго остзейскаго купца, Тотлебенъ всею своею карьерою обязанъ личной своей храбрости и можно сказать геніальнымъ сапернымъ способностямъ; далѣе этого онъ не шелъ и во всѣхъ другихъ служебныхъ положеніяхъ, особенно по гражданской части, равно и въ частной жизни былъ человѣкомъ самаго заурядnаго разбора. Женившись на дочери одного второстепеннаго нѣмецкаго банкира въ Петербургѣ, онъ взялъ за женою около 800 т. р., затѣмъ пріобрѣтя на льготныхъ условіяхъ имѣніе графовъ Чапскихъ—Кейданы, сдѣлался землевладѣльцемъ Западнаго края. Многіе инженеры мнѣ разсказывали, что устройство въ Кейданахъ громаднаго дворца и парка было имъ тотчасъ же возложено на инженерныхъ офицеровъ, которые подъ

видомъ казенной командировки жили тамъ и строили при помощи солдатъ саперъ, за что̀ конечно и сдѣлали быструю карьеру. Подробности объ этомъ въ особенности я слышалъ отъ весьма молодаго тогда инженернаго генерала Фролова (начальника инженеровъ въ Финляндіи, а потомъ на Кавказѣ). Служа въ Вильнѣ, Тотлебенъ проводилъ почти все время въ Кейданахъ за исключеніемъ зимы.

Къ осени 1880 г. прибылъ въ Виленскій округъ великій князь Николай Николаевичъ для осмотра войскъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ присутствіи его состоялись у насъ въ окрестностяхъ Новыхъ Трокъ большіе маневры. Я былъ на сторонѣ барона Деллингсгаузена, командира 3-го корпуса, и командовалъ особымъ отрядомъ. За эти маневры мнѣ объявили высочайшую благодарность.

Наступила зима. Приближалось время моей обыкновенной поѣздки въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы мои путешествія туда всегда совпадали почему-то съ какою-либо катастрофой въ этомъ городѣ со стороны соціалистической партіи. Такъ послѣдовалъ выстрѣлъ Засуличъ въ Трепова, а на другую зиму, годъ 25-лѣтія царствованія государя, которому особенно въ годъ юбилея, соціалисты грозили смертію,—взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Странное наступило время: какая-то темная партія, ничтожная по числу, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ Россіи, дѣйствовала почти въ явь, печатала безнаказанно свои прокламаціи и держала въ страхѣ все правительство и какое правительство, въ полномъ смыслѣ самодержавное, не встрѣчавшее для проявленія своей власти никакихъ препонъ. Вся тогдашняя да и послѣдующая печать старалась изъ всѣхъ силъ выяснить причины такого явленія и, къ сожалѣнію, кончала тѣмъ, что обвиняла попеременно то правительство, то общество, то свою же собратію журналистовъ, не открывъ въ сущности ничего и не выработавъ никакого положительнаго рецепта противъ точившей Россію язвы. Несомнѣнно, однако же, было то, что покушеніе Каракозова, произведя огромный переворотъ въ направленіи дѣятельности государя, было одной изъ важныхъ причинъ появленія партіи недовольныхъ, служившихъ впрочемъ первоначально орудіемъ нашихъ эмигрантовъ и иноземныхъ соціалистовъ. Собственно покушеніе Каракозова не могло и представлять чего-либо особеннаго: всѣ великіе перевороты въ жизни народовъ, несмотря на всю ихъ благодѣтельность, никогда почти не проходили даромъ для ихъ виновниковъ. Такъ вышло и у насъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, такъ случилось впослѣдствіи и съ Линкольномъ, но важна была та обстановка, которою со времени покушенія окружилъ себя государь, важна была та правительственная дѣятельность, которая возъимѣла съ той поры силу. Я говорилъ уже о появленіи въ главѣ правительства

графа Шувалова и о той остановки въ реформаторской дѣятельности императора Александра II, которая, возбудивъ въ началѣ массу самыхъ горячихъ ожиданій, снизошла потомъ на полный произволъ шефа жандармовъ—человѣка, пренебрегавшаго всѣмъ національнымъ, преклонявшагося передъ всѣми иностранными авторитетами и въ то же время старавшагося передъ публикою (ссылаюсь на всѣхъ просителей, массою тогда валившихъ къ Шувалову) показать себя человѣкомъ въ высшей степени либеральнымъ, прогрессивнымъ. Невольно отсюда дѣлался выводъ, что если, несмотря на всю гуманность такого всемогущаго человѣка, какъ Шуваловъ, Россія не идетъ по пути реформъ, то значитъ виноватъ въ этомъ уже одинъ царь, онъ деспотъ. А между тѣмъ этого деспота этотъ же Шуваловъ запугивалъ и отстранялъ отъ народа. Потворствуя мелкимъ страстямъ государя, Шуваловъ въ то же время во всемъ другомъ дѣйствовалъ въ чисто личныхъ цѣляхъ, завершивъ свою государственную дѣятельность постыднымъ, окончательно уронившимъ достоинство государя, берлинскимъ трактатомъ. Безпристрастная исторія въ свое время раскроетъ вполнѣ и оцѣнитъ всю систему дѣйствій этого фаворита, и, конечно, не малая доля вины за катастрофу 1-го марта 1881 года должна пасть на его голову.

Въ январѣ 1881 года я по обыкновенію представлялся государю въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ выглядѣлъ свѣжо и бодро, но при пріемѣ какъ будто чѣмъ-то былъ озабоченъ. Въ Петербургѣ казалось все было тихо, всѣ разсчитывали на гуманность и дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, говорили даже, что уже онъ очень бережетъ государя, держитъ его взаперти, не допуская даже выѣзжать на разводы, что лишеніе воздуха вредно дѣйствуетъ на здоровье государя, что соціалисты совсѣмъ почти истреблены, а съ ожидаемыми реформами (свобода прессы, созывъ выборныхъ людей изъ провинціи послѣ ревизіи сенаторовъ и даже дарованіе конституціи) и окончательно прекратятся всѣ ихъ дѣйствія, и тогда миръ и свобода вполнѣ наступятъ у насъ. Болтали также, что подъ напоромъ напускаемаго со всѣхъ сторонъ на государя страха, онъ утратилъ и послѣднюю силу воли и что если и сохраняетъ еще нѣкоторую дозу царскаго достоинства и власти, то лишь благодаря своей морганатической супругѣ, постоянно его ободряющей и поддерживающей. При такихъ вѣяніяхъ я возвратился въ концѣ января въ Вильну, но какое-то зловѣщее предчувствіе по примѣру прошлыхъ лѣтъ о томъ, что вскорѣ что-то страшное должно совершиться въ Петербургѣ,—не давало мнѣ покою.

1-го марта въ воскресенье на первой недѣлѣ поста я пошелъ въ оперетку, которую давали въ пользу учениковъ реальной гимназіи. Театръ былъ полонъ, шла „Перикола“. Послѣ перваго акта губернаторъ

всталъ въ ложѣ своей и, обратясь къ публикѣ, объявилъ, что государь скончался и что поэтому онъ закрываетъ спектакль. Всѣ были поражены какъ громомъ, и только спустя нѣсколько минутъ публика начала выходить изъ театра, но уже на лѣстницѣ слышались разсказы, что государь убитъ злодѣйскимъ образомъ. На другой день стали извѣстны и всѣ подробности катастрофы. Такъ погибъ одинъ изъ самыхъ добрыхъ и свободолюбивыхъ государей Россіи, котораго весь порокъ состоялъ въ недостаточной силѣ характера.

Наступило томительное ожиданіе, чѣмъ заявитъ себя новое царствованіе. Носились слухи, что новый государь держится чисто русскаго направленія, что онъ экономенъ и не любитъ нѣмцевъ. Вскорѣ дворъ заперся въ Гатчинѣ, а затѣмъ пошли и перемѣны въ личномъ составѣ: возвысились Воронцовъ-Дашковъ, Побѣдоносцевъ, Рихтеръ; пошелъ въ гору и Катковъ. У Д. А. Милютина тотчасъ же вышло недоразумѣніе съ государемъ; послѣдній приказалъ состоявшихъ при немъ какъ при наслѣдникѣ лицъ назначить флигель и генералъ-адъютантами, а Милютинъ включилъ въ это число и тѣхъ, которые состояли при государѣ по званію командующаго войсками Петербургскаго округа, такимъ образомъ и Галлъ, и другіе попали тоже въ свиту. Выплыла наружу хищническая продажа земель въ Оренбургскомъ краѣ, и полетѣлъ министръ государственныхъ имуществъ князь Ливенъ. Не сошлись въ воззрѣніяхъ съ новымъ государемъ Абаза, Лорисъ-Меликовъ, Милютинъ и добровольно подали въ отставку, послѣдній дождался только исполненія своего 20-лѣтняго юбилея по управленію военнымъ министерствомъ. Мѣсто Д. А. Милютина занялъ Ванновскій, человѣкъ весьма обыкновенныхъ способностей, знающій хорошо хозяйство войскъ, экономный, но безъ всякаго государственнаго взгляда, что̀ необходимо для военнаго министра такой обширной державы, какъ Россія. По своей копотливости и мелочности Ванновскій носилъ въ арміи кличку „командира 64 ротъ“ (по счету ротъ въ дивизіи), такъ какъ, командуя дивизіею, постоянно путался лично въ дѣла каждой роты. Мѣсто Лорисъ-Меликова занялъ Игнатьевъ чисто русскаго, московскаго направленія человѣкъ, со всѣми недостатками и качествами русскаго ума. Во главѣ финансовъ въ замѣнъ Абазы сталъ профессоръ Кіевскаго университета Бунге, а министра двора Адлерберга замѣнилъ Воронцовъ-Дашковъ.

Въ то же время продолжались розыски заговорщиковъ, и кромѣ казненныхъ убійцъ покойнаго государя было обнаружено много и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и морской офицеръ Сухановъ.

Начались сокращенія расходовъ. Ванновскій, испросивъ прежде всего прибавки къ своему содержанію 6 т. р. кромѣ 10 т. на подъемъ при переѣздѣ въ Петербургъ, усердно сталъ обрѣзывать военное

вѣдомство. Первый ударъ палъ на мѣстныя войска, и вскорѣ вмѣсто прекрасно приноровленныхъ для мобилизаціи резервныхъ баталіоновъ получились раздробленныя части, которыя въ случаѣ войны, особенно на западѣ, сильно отдалятъ готовность нашу для дѣйствій. Эта реформа дала возможность увеличить, хотя въ ничтожной самой мѣрѣ, содержаніе маленькихъ офицеровъ. За этими сокращеніями пошли и другія, такія же безцвѣтныя урѣзки. Наконецъ заговорили о реформѣ всего военно-административнаго строя, созданнаго съ такими усиліями Милютинымъ. Все военное министерство измѣнило вскорѣ своихъ представителей: ушли Гейденъ, Баранцевъ, Философовъ, Исаковъ и Мордвиновъ; явились Обручевъ, Софіано, Имеретинскій, Махотинъ и Яфимовичъ.

Осенью 1881 года мы маневрировали: 27 дивизія противъ 28—я противъ Квитницкаго. На мою долю пала защита Вильны и, признаюсь, я ее исполнилъ весьма недурно, хотя и отступилъ отъ традиціонаго мнѣнія нашихъ виленскихъ стратеговъ, то-есть отъ обороны р. Вакаи и Понарскихъ высотъ.

Зимою 1882 года я по обыкновенію поѣхалъ въ Петербургъ. Ванновскій встрѣтилъ меня довольно сухо, спросилъ, почемъ въ ротахъ покупаютъ капусту, и, сказавъ нѣсколько любезностей относительно моихъ занятій съ дивизіей, отпустилъ. Въ Гатчинѣ при представленіи государю насъ угостили чаемъ и завтракомъ и доставили во дворецъ со станціи въ придворныхъ экипажахъ. Новый государь принималъ очень просто и любезно.

Въ это время Петербургъ былъ полонъ слуховъ о скандалахъ и т. п.

По возвращеніи въ Вильну, я поѣхалъ къ дочери въ Варшаву и завернулъ въ Альбединскимъ. Они по-прежнему приняли меня радушно, но Петръ Павловичъ очень измѣнился. Онъ совершенно упалъ духомъ, сталъ боязливъ, апатиченъ, жаловался на Петербургъ, на отсутствіе оттуда всякихъ указаній, на безпрерывныя пререканія съ министрами и т. п. Видно, что пора его значенія прошла, не стало его благодѣтеля государя, ушли друзья министры, повѣяло народнымъ направленіемъ вмѣсто столь любезнаго ему Шуваловскаго либерализма. Александра Сергѣевна осталась неизмѣнной.

Пора моего прибытія въ Варшаву совпала съ проѣздомъ Скобелева изъ Парижа въ Петербургъ. Вся пресса гремѣла тогда знаменитою его рѣчью къ сербскимъ студентамъ въ Парижѣ. „Голосъ“, органъ либераловъ, мѣшалъ съ грязью Скобелева, задавая постоянно вопросъ: „а что скажутъ за Эйдкуненомъ“. Газеты народнаго направленія славили Скобелева, также какъ и вся армія, кромѣ нѣмцевъ. Тотлебенъ рвалъ на себѣ волосы отъ злости, что русскій позволилъ себѣ

такую дерзость противъ нѣмцевъ, проклиналъ Скобелева, котораго ненавидѣлъ всѣми силами души, то же дѣлали и всѣ его приближенные. Альбединскій, забывши, казалось, прежніе свои восторги отъ Скобелева, отзывался также о немъ съ большою желчью. Онъ мнѣ разсказалъ, что Скобелевъ прибылъ въ Варшаву почти одновременно съ Орловымъ, посломъ нашимъ въ Парижѣ, которому поручено было выпроводить Скобелева въ Россію и при томъ, во избѣжаніе оскорбленій со стороны нѣмцевъ, направить его черезъ Петербургъ, на что̀ Скобелевъ и согласился. Но къ удивленію всѣхъ Скобелевъ, измѣнивъ свой маршрутъ, явился въ Варшавѣ. Альбединскій съ нимъ не видался, но поручилъ полиціи слѣдить за нимъ въ Варшавѣ, донеся въ то же время телеграммою въ Петербургъ объ остановкѣ Скобелева и испрашивая указаній, что ему съ нимъ дѣлать. Между тѣмъ Скобелевъ побывалъ въ цитадели у бывшаго своего полковаго командира Панютина, говорилъ съ офицерами, посѣтилъ кофейную и держалъ тамъ рѣчь къ нѣкоторымъ польскимъ литераторамъ, а вечера проводилъ въ разныхъ домахъ, возвращаясь оттуда въ 6 ч. утра въ весьма растрепанномъ видѣ. Такъ доносила ежедневно Альбединскому полиція, а онъ посылалъ телеграммы къ Ванновскому, испрашивая, что дѣлать, но не получилъ никакого отвѣта, наконецъ на третій день пребыванія въ Варшавѣ, когда Альбединскій рѣшился уже съ помощію жандармовъ выслать своею властью Скобелева, послѣдній уѣхалъ самъ; при чемъ отдано было негласное приказаніе по войскамъ отнюдь не провожать его на станцію.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, конечно, сейчасъ же отреклось отъ всякой отвѣтственности за рѣчи Скобелева, и такимъ образомъ былъ заглушенъ единственный мужественный русскій голосъ, рѣшившійся честно, безъ униженія и трусости, высказать свой взглядъ.

Л. П. БЛЮММЕРЪ.

(Біографическій очеркъ).

Шестидесятые годы всецѣло успѣли уже отойти для насъ въ область исторіи; лица и событія того времени становятся предметами объективно-научнаго историческаго изученія. Названная эпоха выставила много оригинальныхъ личностей, привлекающихъ вниманіе изслѣдователя, какъ своеобразностью характера и убѣжденій, такъ и причудливостью своей судьбы. Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ лицъ 60-хъ годовъ, безспорно, является тотъ, кому посвященъ нашъ очеркъ,—Л. П. Блюммеръ, бывшій то журналистомъ, то эмигрантомъ-революціонеромъ, то ссыльнымъ, то беллетристомъ, то публицистомъ, то наконецъ, адвокатомъ и дѣльцомъ-практикомъ.

При составленіи біографическаго очерка Л. П. Блюммера я пользовался, помимо данныхъ, выбранныхъ мною изъ различныхъ печатныхъ матеріаловъ, еще и многими неизданными источниками, также воспоминаніями его родныхъ и краткою рукописной біографіею. Кромѣ того, намъ были предоставлены: копія портрета Л. П. Блюммера и различные документы, какъ-то: университетскій его дипломъ, метрическое свидѣтельство, свидѣтельство объ его смерти. Рукописная біографія восполняется автобіографіею самого Л. П. Блюммера, составленною имъ незадолго до смерти, весною 1888 г. для С. А. Венгерова и помѣщенною послѣднимъ въ его „Критико-біографическомъ Словарѣ“, т. III, стран. 441—443; къ этой автобіографіи присоединены замѣчанія (стран. 443—444) самого Венгерова, который лично зналъ Л. П. Блюммера. Отмѣтимъ еще некрологъ въ „Историческомъ

Вѣстникѣ“ за 1888 г., августъ, т. 33, стран. 426—427, гдѣ интересны замѣтки о послѣднихъ дняхъ Блюммера; указанія же о начальной эпохѣ его жизни неточны.

Родъ Блюммеровъ происходилъ изъ Ирландіи, гдѣ ихъ называли О-Блюммеръ, а по другимъ извѣстіямъ,—изъ Швейцарскаго кантона Гларуса. Выходцы этого рода поселились въ Германіи, а потомъ въ Польшѣ. Изъ Польши Блюммеры перешли въ Россію. Одинъ изъ Блюммеровъ служилъ при Петрѣ Великомъ инструкторомъ артиллеріи въ чинѣ полковника. Родной дѣдъ Леонида Петровича былъ адъютантомъ у Косцюшки. Двоюродный дѣдъ былъ убитъ въ Варшавѣ повстанцами во время мятежа, 29-го ноября 1830 года, въ чинѣ бригаднаго генерала: это былъ особенною храбростью прославившійся Игнацій-Александръ Блюммеръ; онъ родился въ австрійской Галиціи и началъ службу въ польскихъ войскахъ въ 1790 г., сражался въ польскомъ легіонѣ въ Италіи, получилъ чинъ капитана на полѣ битвы при Леньяно, былъ въ Константинополѣ, потомъ при подавленіи возстанія негровъ на островѣ Санъ-Доминго, гдѣ съ 112 поляками прорвался черезъ три тысячи негровъ, за что̀ получилъ чинъ подполковника. Въ 1806 г. онъ вернулся въ Польшу и былъ назначенъ командиромъ 5-го пѣхотнаго полка. Въ 1812—13 годахъ сражался противъ Россіи и Австріи и получилъ крестъ Почетнаго Легіона. Послѣ березинской переправы Игнацій Блюммеръ привелъ въ Оршу отрядъ въ 300 человѣкъ, имена коихъ были потомъ вышиты на знамени. Съ 1818 до 1830 года онъ служилъ въ русскихъ рядахъ.

Леонидъ Петровичъ Блюммеръ, по его собственному показанію, родился въ Еникале Таврической губерніи 25-го декабря 1840 г. Но показаніе это, кажется, не совсѣмъ точно: метрическая выписка (изъ книги портоваго города Керчи Свято-Троицкой церкви за 1841 г., № 1) свидѣтельствуетъ, что онъ родился 26-го декабря 1840 г. и крещенъ 4-го января 1841 г. протоіереемъ Николаемъ Михайлопуло, при чемъ воспріемниками были: дежурный штабъ-офицеръ при управленіи Черноморской береговой линіи, состоящій по арміи маіоръ Дм. Ив. Миргородскій и жена надворнаго совѣтника Анна Гавриловна Новикова.

Отецъ Леонида Блюммера былъ военный, изъ тамбовскихъ дворянъ, Петръ Августиновичъ Блюммеръ, женатый на рыбинской дворянкѣ Аннѣ Васильевнѣ, урожденной Быстрицкой. Оба родителя были православные. Въ моментъ рожденія сына Леонида Петръ Августовичъ служилъ подпоручикомъ въ черноморскомъ линейномъ баталіонѣ № 3, стоявшемъ въ Керчи-Еникале.

Леонидъ былъ уже третьимъ ребенкомъ. Старше его были двѣ дочери.

Маленькій Леонидъ превосходилъ всѣхъ своихъ собратій и сверст-

никовъ раннимъ развитіемъ ума и характеромъ горячимъ и настойчивымъ. Но онъ же былъ и страшный, невыносимый шалунъ, изъ-за котораго отцу не разъ приходилось мѣнять квартиры; домохозяева не могли мириться съ проказами Леонида. Съ теченіемъ времени шаловливость поулеглась, а энергія обратилась на другіе предметы, прежде всего, на ученье. Дѣтство свое Леонидъ Петровичъ провелъ на Кавказѣ; начальное образованіе онъ проходилъ въ какомъ-то казенномъ пансіонѣ въ гор. Анапѣ, откуда мальчикъ перешелъ потомъ въ Симферопольскую гимназію въ 1850 г.; затѣмъ онъ перевелся во 2-ю Харьковскую гимназію. Самъ Леонидъ Петровичъ указываетъ на войну, какъ на причину перехода въ другую гимназію. Но дѣло было иначе. Надъ семьею Леонида Петровича стряслась большая бѣда: глава семьи, отецъ, растратилъ казенныя деньги и по суду, какъ тогда водилось, попалъ подъ солдатскій ранецъ, т. е. былъ разжалованъ въ рядовые.

Семья состояла уже, кромѣ отца и матери, изъ восьми человѣкъ дѣтей, изъ коихъ никто еще не былъ вполнѣ трудоспособенъ. Юному Леониду не только надобно было заработывать на пропитаніе и право ученія для самого себя, но даже пришлось стать опорою и кормильцемъ семьи: съ 13 лѣтъ Леонидъ уже сталъ жить самостоятельно, безъ семьи, въ Харьковѣ. Благодаря своимъ, изъ ряду вонъ выходящимъ способностямъ, Леонидъ учился блестяще и шелъ возлѣ первыхъ учениковъ. Онъ былъ въ состояніи помогать своимъ товарищамъ въ приготовленіи заданнаго, за что̀ ихъ родители платили ему, а также давалъ уроки уже со 2-го класса. Этимъ скуднымъ заработкомъ пропитывалась многочисленная семья. Въ концѣ-концовъ Леониду не пришлось-таки окончить гимназію: онъ вышелъ изъ 7-го класса. Въ 1856 г. онъ уже былъ сельскимъ учителемъ въ деревнѣ въ Полтавской губерніи. Отсюда онъ пытался увеличить свой заработокъ перомъ, посылая корреспонденціи и выходя такимъ образомъ на литературную дорогу. Но за это время матеріальное положеніе семьи опять поправилось и даже, сравнительно съ прежнимъ, возросло. На войнѣ отецъ его принималъ участіе въ сраженіяхъ и своею храбростью не только заслужилъ себѣ прощеніе и возстановленіе въ прежнемъ званіи, но даже успѣлъ повыситься, такъ что въ концѣ службы имѣлъ чинъ подполковника. Эта перемѣна въ положеніи семьи дала возможность юношѣ Леониду продолжить свое образованіе. Въ слѣдующемъ 1857 году онъ уже перебрался въ Петербургъ, выдержалъ университетскій экзаменъ и поступилъ въ число студентовъ по восточному факультету, по китайско-манджурскому отдѣленію.

Литературою Л. П. началъ заниматься очень рано, съ 15 лѣтъ. Съ 1856 г. онъ посылалъ корреспонденціи изъ села Крутояровки,

Полтавской губерніи, Константиноградскаго уѣзда — въ „Одесскій Вѣстникъ“, издававшійся профессорами Богдановскимъ и Георгіевскимъ. Перебравшись въ слѣдующемъ году въ Петербургъ и поступивъ въ студенты, Л. П. расширилъ свою дѣятельность. Онъ издалъ книжки: 1) „Хохлацкі співкі“ подъ псевдонимомъ Крутоярченко (по имени села); 2) Чему могутъ служить лубочныя картинки? Замѣтки по поводу современнаго вопроса о народной грамотности и народномъ образованіи. Спб. 1859 (16 стран. въ 8°); 3) Рецензія на стихотворенія Никитина (изд. 1859 г.) и на его же поэму „Кулакъ“ (изд. 1858 г.), оттискъ изъ „Сѣверной Пчелы“. 1861. Въ то же время онъ сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ: въ преобразованной „Сѣверной Пчелѣ“ (гдѣ велъ отдѣлъ „Письма о русской журналистикѣ“), въ „Иллюстраціи“ Зотова, „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Очкина, „Книжномъ Вѣстникѣ“, „Искрѣ“, „Свѣтописи“, „Свѣточѣ“, гдѣ помѣстилъ статью „Бѣлинскій предъ лицомъ западниковъ и славянофиловъ“ (1861 г., кн. I, стран. 23—38) и проч. Особенно оригинальны взгляды Блюммера на лубочныя картинки: онъ видѣлъ въ нихъ прекрасное средство къ распространенію въ народѣ всевозможныхъ человѣческихъ идей, грамотности и знакомства съ произведеніями русской поэзіи. Кромѣ указанной выше брошюрки (оттиска изъ „Свѣтописи“ за 1859 г., № 3, стран. 71—75), онъ помѣстилъ еще въ „Свѣточѣ“ за 1860 г., № 5, стран. 24—35, статью на ту же тему: „Современныя лубочныя картинки“. Къ этому же времени относится сотрудничество Блюммера въ „Остзейскомъ Вѣстникѣ“ Александра Иверсена (см. Ч. Вѣтринскій, „Первая русская газета въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1895 г. іюль, т. 61, стран. 156). Эта первая русская газета въ нѣмецкомъ краѣ, нынѣ великая библіографическая рѣдкость, выходила съ января по 4 апрѣля 1859 г. Было напечатано, сообщаетъ Вѣтринскій, нѣсколько собственныхъ корреспонденцій изъ Петербурга, подписанныхъ „Леонидъ Недоумко“ и составленныхъ въ обычномъ немного наивномъ, радужномъ тонѣ какимъ-нибудь студентомъ. Авторъ ихъ заявлялъ себя сторонникомъ прогресса и реальнаго направленія, при чемъ высказывался, какъ за органъ наиболѣе разумный, за „Экономическій Указатель“ Вернадскаго, отстаивавшій въ ту пору споровъ объ общинѣ частное землевладѣніе; Недоумко писалъ въ „Остзейскій Вѣстникъ“ о женскомъ вопросѣ, о воскресныхъ школахъ, о лекціяхъ университетскихъ профессоровъ и т. д. Въ свою очередь Иверсенъ, редакторъ, въ № 27 помѣстилъ большое открытое письмо къ „Леониду П—вичу Бл—ру въ С.-Петербургъ“; это, предполагаетъ Вѣтринскій, и есть упомянутый собственный корреспондентъ, получившій, быть можетъ, „письмо“ вмѣсто гонорара. Письмо цѣликомъ состоитъ изъ

горькихъ жалобъ на печальное положеніе въ Остзейскомъ краѣ русской газеты среди процвѣтающихъ нѣмецкихъ.

Въ Петербургъ Л. П. попалъ въ очень горячее время. Послѣ крымской войны, обнаружившей много неприглядныхъ сторонъ прошлаго, правительство было склонно къ самымъ широкимъ реформамъ и само приглашало общество на помощь. Но нѣкоторыя нетерпѣливыя головы все-таки находили прогрессъ недостаточно быстрымъ, недостаточно радикальнымъ и затѣвали приняться за дѣло по-своему... Подготовлялась почва для тайныхъ заговоровъ. Л. П. со всею живостью своей натуры ринулся въ борьбу и примкнулъ къ крайнимъ элементамъ. Сначала, впрочемъ, онъ ищетъ возможности работать легальными путями, напр., помощью литературы, издаетъ брошюрки по фольклору и народной этнографіи и т. д. Пребываніе въ малороссійской деревнѣ познакомило Леонида Петровича съ крестьянской жизнью и вселило въ него интересъ къ простому народу.

На восточной мудрости Блюммеръ пробылъ недолго—и черезъ годъ вышелъ изъ студентовъ. Нѣкоторое время онъ, кажется, пробылъ у родныхъ внѣ университета, а потомъ задумалъ перейти въ Московскій университетъ уже по другому факультету—по юридическому, и при томъ прямо на III курсъ. Родители отговаривали Л. П—ча отъ такого труднаго шага, тѣмъ болѣе, что ихъ сынъ и не готовился къ экзамену. Но Л. П. съ своимъ обычнымъ упорствомъ настоялъ на своемъ, поѣхалъ въ Москву и къ полному изумленію родителей, ожидавшихъ, что ихъ сынъ провалится, получили отъ Леонида вѣсть, что онъ выдержалъ экзаменъ и точно принятъ на III курсъ, какъ добивался. Впрочемъ, и здѣсь штудіи Блюммера, повидимому, не шли правильнымъ путемъ, а кандидатскій экзаменъ онъ держалъ экстерномъ. Изъ копіи аттестата мы видимъ, что Л. П. отъ совѣта университета допущенъ, согласно прошенія въ юридическій факультетъ, къ испытанію на степень кандидата правъ и за оказанные имъ отличные успѣхи съ разрѣшенія попечителя Московскаго учебнаго округа 24-го октября утвержденъ. Аттестатъ имѣетъ № 2511 и отъ 30-го октября 1861 г. подписанъ ректоромъ университета, тайнымъ совѣтникомъ Аркадіемъ Альфонскимъ, деканомъ юридическаго факультета, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Сергѣемъ Баршевымъ и секретаремъ совѣта Алексѣемъ Жигаревымъ. Затѣмъ подписанный аттестатъ былъ затерянъ, и 23-го декабря 1870 г. выдана копія за № 3132 за подписью ректора, тайнаго совѣтника Сергѣя Баршева.

Степень кандидата правъ, пріобрѣтенная Блюммеромъ, не могла пока ему ни къ чему послужить. Онъ черезчуръ далеко зашелъ въ своихъ революціонныхъ сношеніяхъ и стремленіяхъ—и ему оставалось одно: своевременно бѣжать за границу, что̀ онъ и сдѣлалъ.

За границей Блюммеръ не остался празднымъ: онъ фигурируетъ въ роли редактора-издателя различныхъ революціонныхъ органовъ, которыхъ онъ предпринималъ одинъ за другимъ три.

Въ 1862 г. онъ основалъ въ Берлинѣ „Свободное Слово“, русскій политическій органъ, издаваемый подъ редакціею Л. П. Блюммера. Вышло всего 3 выпуска, составляющихъ 1 томъ въ 590 стран. въ 8°. Программа предполагаемаго изданія возбудила интересъ А. И. Герцена, который въ своемъ „Колоколѣ“ отъ 1-го марта 1862 г., № 124, стран. 1036 находилъ, что программа написана въ духѣ примирительномъ, прогрессивномъ и независимомъ. Успѣхъ такого органа, писалъ Герценъ, намъ кажется несомнѣннымъ. По выходѣ 1-го № Герценъ въ № 157, отъ 1-го марта 1863 г. (черезъ годъ), стран. 1308, писалъ, что эта книжка составлена хорошо, и опять предсказывалъ большой успѣхъ предпріятію г. Блюммера—„Свободному Слову“.

Въ свою очередь Блюммеръ состоялъ сотрудникомъ Герцена, однимъ изъ его „звонарей“, какъ тогда острили. Въ „Колоколѣ“ отъ 15-го января 1862 г., №№ 119 и 120, стран. 996—997 онъ помѣстилъ письмо-корреспонденцію о студенческихъ волненіяхъ [1]), а въ № 134 отъ 22-го мая 1862 г., стран. 1115, онъ увѣдомилъ, что у него на квартирѣ, въ редакціи „Свободнаго Слова“ подъ видомъ розыска прусскими полицейскими какихъ-то воровъ побывали русскіе сыщики. Но мало-по-малу доброе согласіе между Герценомъ и Блюммеромъ разстроилось. Блюммеръ примкнулъ къ тѣмъ, которые самого Герцена считали—старичишкой отсталымъ и недостаточно революціоннымъ.

О содержаніи и духѣ блюммеровскаго „Свободнаго Слова“ мы можемъ судить лишь по книжкѣ базельскаго профессора А. Туна (Geschichte der revolutionaren Bewegungen in Russland, 1883 г.), который въ „библіографіи“ (стран. 363) характеризуетъ „Свободное Слово“ (издателя онъ неправильно называетъ вездѣ Блюмнеромъ, Blumner), какъ собраніе брошюръ радикально-политическаго содержанія; въ томъ числѣ есть нѣсколько прокламацій, и одна кровожадная—„Къ Молодой Россіи“. Въ текстѣ Тунъ сообщаетъ (стран. 20),

---

[1]) Въ № 112, стран. 940 отъ 15-го ноября 1861 г. сообщалось вздорное извѣстіе о студенткахъ Петербургскаго университета, якобы двѣ изъ нихъ Корсини и Блюммеръ (очевидно, сестра Л. П—ча) были посажены въ крѣпость, а третья—Богданова—наказана розгами. Потомъ это извѣстіе и опровергалось. Какъ видно изъ книги В. В. Стасова „Н. В. Стасова“, Спб., 1899, стран. 158 и 486, обѣ сестры Корсини и Богданова были въ 1860 г. допущены въ университетъ на правахъ вольнослушательницъ. Марья Арсеньевна Богданова вышла потомъ замужъ за Быкова и была преподавательницею.

что „Свободное Слово“ стало органомъ „центральнаго революціоннаго комитета“; послѣдній заявилъ, что „Колоколъ“ Герцена не можетъ болѣе считаться эхомъ партіи, ибо Герценъ возлагаетъ слишкомъ много надеждъ на царя. Въ этой прокламаціи, составленной, кажется, не самимъ Блюммеромъ, впервые пускается въ ходъ ужасное слово: „цареубійство“. Все это было симптомомъ времени, ибо было писано въ апрѣлѣ 1862 г., а въ маѣ того же года произошелъ уже извѣстный пожаръ Апраксина двора.

Послѣ прекращенія „Свободнаго Слова“, изданіе котораго переносилось потомъ въ Брюссель, Блюммеръ начинаетъ новый органъ въ Берлинѣ же, газету „Вѣсть“, а затѣмъ въ 1864 году перебирается въ Дрезденъ, гдѣ издаетъ газету „Европеецъ“, котораго вышло всего 3 нумера.

Разошедшись съ Герценомъ, Блюммеръ разссорился и съ другимъ видныимъ представителемъ русской эмиграціи того времени, а именно съ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, по свѣтскому прозвищу Le bankal или „ноги — колесомъ“, какъ его когда-то называли въ Петербургѣ. П. В. Долгорукій, одинъ изъ первыхъ по времени и большихъ знатоковъ генеалогіи русскихъ дворянъ, выпустилъ подъ псевдонимомъ Almagro французскую брошюру о главнѣйшихъ русскихъ фамиліяхъ, и между другими коснулся рода Воронцовыхъ. Долгорукій былъ человѣкъ желчный и не всегда справедливый. Самъ императоръ Александръ II [1]), сравнивая его съ Герценомъ, отдаетъ предпочтеніе послѣднему, говоря, что, хоть Герценъ постоянно бранится, но по крайней мѣрѣ, иногда что-либо предлагаетъ и дѣльное, между тѣмъ князь Долгорукій только бранится. Князь Воронцовъ завелъ съ княземъ Долгорукимъ судебный процессъ въ Парижѣ и выигралъ его. Дѣло Воронцовыхъ съ Долгорукимъ надѣлало большаго шуму и въ Россіи, и за границей. Это дѣло весьма любопытно. Суть своихъ обвиненій кн. П. Долгорукій повторяетъ въ I т. своихъ „Мемуаровъ“, стран. 500—502. По его мнѣнію, были прежде настоящіе Воронцовы, происходившіе отъ Афрека — варяга и Симона (Якуна Слѣпого). Въ XIV — XVI вѣкахъ представители этого рода занимали высокія мѣста при дворѣ великихъ князей московскихъ. Отъ нихъ пошли Аксаковы, Башмаковы, Исленьтьевы, Соловцовы, Вельяминовы, Воронцовы-Вельяминовы. Родъ бояръ Воронцовыхъ угасъ въ 1587 г., какъ засвидѣтельствовано въ Бархатной книгѣ. Нынѣшніе же Воронцовы, по мнѣнію кн. Долгорукаго, происходятъ отъ появившагося во второй половинѣ XVII столѣтія рода стрѣлецкаго полковника Дмитрія Лукьяновича изъ деревни

[1]) „Русская Старина“, за 1891 г., іюнь, т. 70, стран. 725.

Воронцово. У Дмитрія было два двоюродные брата, Елизаръ и Гавріилъ Николаевичи. У послѣдняго былъ сынъ Иларіонъ, а у Иларіона нѣсколько сыновей, въ томъ числѣ Михаилъ, другъ императрицы Елизаветы, возведенный въ графы Священной Имперіи. Не имѣя мужскаго потомства, Михаилъ Иларіоновичъ пожелалъ передать титулъ дѣтямъ своихъ братьевъ Ивана и Романа.

Приговоръ парижскаго суда не угомонилъ Долгорукаго, и онъ въ 1862 г. написалъ брошюру, изданную въ Лондонѣ анонимно: La verité sur le procès du prince Pièrre Dolgoroukow par un Russe. Распространеніе этой брошюры, на которой не было имени типографщика, вызвало два новыхъ процесса [1]), въ Парижѣ и Брюсселѣ, какъ противъ автора, такъ и противъ книгопродавца. Процессы были вчинены по жалобѣ графа Петра Шувалова. Князь П. В. Долгорукій благоразумно скрылся, и брюссельскій трибуналъ заочно приговорилъ его къ шести недѣлямъ тюрьмы, а книгопродавца оправдалъ.

По поводу процесса Долгорукаго вышло въ свѣтъ нѣсколько брошюръ, напр., Procès en diffamation du prince Simon Woronzow, Paris, 1862 и др. Въ томъ числѣ Блюммеръ, какъ юристъ, издалъ „Разборъ гражданскаго процесса кн. П. В. Долгорукаго съ кн. Воронцовымъ“ [2]).

Раздраженный князь П. В. Долгорукій не остался въ долгу и оклеветалъ Леонида Петровича въ своемъ журнальчикѣ...

О заграничной Блюммера дѣятельности въ качествѣ „революціоннаго“ журналиста составилось, говоритъ Венгеровъ, весьма двусмысленное представленіе. Оно нашло себѣ даже печатное выраженіе въ брюссельскомъ „Листкѣ“ кн. Долгорукаго 1863 г. въ статьѣ „Одиссея Леонида Петровича Блюммера“. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось ознакомиться съ изданіями Блюммера. Насколько, однако, мы психологически понимаемъ типъ Блюммера, продолжаетъ Венгеровъ, сложившееся мнѣніе о годахъ его проживанія за границею гораздо хуже того, что было въ дѣйствительности. Ни на что п р о д о л ж и т е л ь н о дурное этотъ легкомысленный журиръ не былъ способенъ“ (стран. 444). Изъ какого источника проистекало это невыгодное представленіе о Блюммерѣ, мы видѣли.

Постепенный разрывъ съ эмигрантами не былъ, конечно, дѣломъ случайнымъ. Отчасти этому способствовало и непостоянство натуры Блюммера. Главнымъ же образомъ дѣйствовали, разумѣется, большая житейская опытность и прояснение, отрезвленіе взглядовъ. Процессъ

---

[1]) „Современная Лѣтопись“ за 1863 г., № 8, мартъ, стран. 9—11, корреспонденція С. М.

[2]) Du procès Dolgoroukow par L. P. Blummer, Брюссель и Остенде, 1863, стран. 20.

отрезвленія, должно быть, совершался въ Блюммерѣ тѣмъ скорѣе, что онъ былъ несомнѣнно человѣкъ очень умный. Онъ не могъ не видѣть фальшивости положенія русскаго эмигранта за границею, положенія, подъ тяжестью котораго пали такіе сильные люди, какъ Герценъ и Огаревъ. Не могъ Блюммеръ, какъ человѣкъ высоко-даровитый, не убѣдиться въ совершенной безплодности революціонной пропаганды съ помощью печатаемыхъ за границею на русскомъ языкѣ памфлетиковъ, не могъ не убѣдиться въ полной непримѣнимости идей западно-европейской революціи къ русскому, православному народу. При томъ, многое на Западѣ, что казалось столь красивымъ изъ-за русскаго рубежа, по ту сторону границы оказалось вовсе не такъ привлекательнымъ, а подчасъ производило и прямо отталкивающее впечатлѣніе. Итакъ, нечего удивляться, что Леонидъ Петровичъ разочаровался въ революціи, что онъ сталъ смотрѣть на вещи болѣе трезво и болѣе согласно съ дѣйствительностью. Одно событіе въ его жизни окончательно оторвало его отъ эмиграціи.

Въ Парижѣ Леонидъ Петровичъ завязалъ знакомство, имѣвшее большое значеніе въ его жизни. Въ столицѣ Франціи находилась въ то время семья генералъ-маіора С. Дочь этого генерала, Варвара Александровна, влюбилась въ Блюммера; она ему тоже понравилась, и молодые люди рѣшили вступить въ бракъ. Приближался конецъ сезона; С. собирались ѣхать на родину, и влюбленной парочкѣ приходилось разставаться. Эмигранту Блюммеру нельзя было слѣдовать за своею избранницею въ Петербургъ. Л. П. сдѣлалъ формальное предложеніе и получилъ отъ отца невѣсты отказъ въ рукѣ дочери. Но на сторонѣ молодаго человѣка были и сама дѣвушка, и ея мать, которой женихъ пришелся очень по душѣ. Варвара Александровна объявила, что замужъ она ни за кого не пойдетъ, кромѣ, какъ за Леонида Петровича. Волей-неволей генералъ принужденъ былъ уступить настоятельнымъ просьбамъ жены и дочери: онъ далъ слово выдать свою дочь за Блюммера, если тому удастся оправдать себя въ глазахъ правительства. Послѣ этого семья генерала уѣхала въ Петербургъ.

Оставшись одинъ, Л. П. думалъ недолго. По своей врожденной смѣлости и, слѣдуя совѣту парижскаго посланника, князя Н. А. Орлова, Блюммеръ рѣшилъ поѣхать въ Россію и предать себя въ руки полиціи. Моментъ былъ, правда, очень серьезный и далеко неблагопріятный для возвращенія: еще длилась диктатура М. Н. Муравьева послѣ 4-го апрѣля 1864 года. Но Блюммеръ надѣялся на связи своего будущаго тестя и на своего дядю. Въ 1865 г. Л. П. возвратился въ отечество.

Разумѣется, тотчасъ же по возвращеніи много-нагрѣшившій эмигрантъ, редакторъ-издатель революціонныхъ органовъ, былъ посаженъ

въ Петропавловскую крѣпость. Началось слѣдствіе и судъ. На допросахъ, даже предъ грознымъ лицомъ всесильнаго Муравьева, Л. П. по свидѣтельству его родныхъ, велъ себя смѣло, съ молодымъ задоромъ, почти съ оттѣнкомъ дерзости. Характеренъ слѣдующій эпизодъ. Какъ-то въ крѣпости, одинъ изъ слѣдователей, не замѣчая Блюммера, сказалъ своимъ прочимъ коллегамъ, что всѣмъ членамъ революціонной партіи, по его мнѣнію, просто надо бы камень на шею, да и спустить ихъ въ воду. Блюммеръ немедленно подалъ реплику: „А что, если бы этотъ камень надѣть вамъ?"—„То есть какъ это?" въ недоумѣніи спросилъ его жандармъ: „что это значитъ?"—„Да то, что, не разобравши вины, не надѣваютъ камень на шею и не топятъ!"

Въ результатѣ всѣхъ разслѣдованій Сенатъ зачелъ Блюммеру добровольную явку, но все-таки приговорилъ его, послѣ полуторагодичнаго сидѣнія въ крѣпости, къ 10-ти годамъ каторжныхъ работъ. По высочайшей конфирмаціи судьба подсудимаго была смягчена весьма значительно: его только лишили всѣхъ правъ состоянія и отправили въ ссылку на поселеніе въ Тобольскъ. Въ ссылкѣ Л. П. пробылъ 4 года, пока въ 1870 году онъ не былъ помилованъ и возстановленъ въ первобытномъ состояніи.

Въ ссылкѣ Л. П. не пропалъ. Онъ устроился и даже очень хорошо, получивъ мѣсто главноуполномоченнаго по золотымъ пріискамъ одной компаніи и „изъ бѣдной квартирки на гнилой Ушкуйкѣ переселился въ большіе аппартаменты, купилъ чуть не цѣлую библіотеку, завелъ серебро, лакеевъ и камердинеровъ",—„словомъ, недавній бѣднякъ,—говоритъ онъ,—я вкусилъ основное благополучіе зажиточнаго холостяка". По своей службѣ ему приходилось дѣлать большіе разъѣзды; онъ побывалъ въ Абакакской тайгѣ, на Питу и у Байкала. Окружающая его среда была совершенно особымъ и своеобразнымъ міромъ, ничуть не похожимъ на жизнь европейско-русскую и на бытъ заграничныхъ революціонеровъ. Л. П. сдѣлалъ на Алтаѣ богатыя наблюденія, позволившія ему потомъ сдѣлаться правдивымъ бытописателемъ-историкомъ сибирской жизни. Но эта же среда наложила на 26-ти-лѣтняго юношу неизгладимую и тяжелую печать, расшатала его нравственные устои и заложила въ него стремленія къ тѣмъ поступкамъ, которые потомъ въ значительной степени омрачили образъ Л. П. Блюммера въ послѣдніе годы его жизни.

Въ литературномъ отношеніи пребываніе въ Сибири было довольно производительнымъ: здѣсь Л. П. написалъ свой большой романъ и нѣсколько малыхъ разсказовъ, какъ, напр., „Наша барышня".

Варвара Александровна все время оставалась въ Петербургѣ его вѣрною и неутѣшной невѣстою. Она поддерживала съ женихомъ переписку и неустанно хлопотала о немъ въ смыслѣ облегченія его участи.

Хорошее поведеніе сосланнаго и хлопоты вліятельныхъ лицъ привели къ тому, что уже черезъ три года разрѣшено было Блюммеру возвратиться въ Россію съ воспрещеніемъ въѣзда въ Петербургъ. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ снято было и это воспрещеніе. Въ 1871 г. Л. П. Блюммеръ вступилъ, наконецъ, послѣ долгихъ испытаній въ давно желанный бракъ со своею невѣстой.

Какъ бы ни казалось намъ психологически удивительнымъ, но этотъ бракъ по любви, съ женщиною, доказавшей свою вѣрность многими годами ожиданія, хлопотъ, оказался несчастнымъ и непродолжительнымъ. Л. П. быстро разочаровался въ своей женѣ—и дѣло окончилось, и при томъ очень скоро—разводомъ!

По своемъ возвращеніи въ Россію, Л. П. жилъ сначала въ концѣ 1870 г. въ Воронежѣ (на Тычкѣ, въ домѣ матери); потомъ онъ перебрался въ Саратовъ.

Литературная дѣятельность Блюммера послѣ ссылки возобновилась съ прежнею силою. Еще въ ссылкѣ издалъ онъ брошюру „Папство и Россія“. По возвращеніи въ Россію изъ Сибири, онъ напечаталъ въ журналѣ „Заря“ В. В. Кашпирева за 1871 г. первую часть своего романа „Около золота“. Сверхъ того, будучи въ Воронежѣ, онъ принималъ участіе въ редактированіи мѣстной газеты „Донъ“. Переѣхавъ въ Саратовъ, онъ участвовалъ въ тамошнихъ газетахъ „Листкѣ“ и „Дневникѣ“, потомъ въ 1884 г. издавалъ газету „Волга“; подъ его редакціей вышло всего 20 №№, послѣ которыхъ она подверглась запрещенію. Бывая за границею, Л. П. писалъ оттуда письма-корреспонденціи въ „Голосъ“ и въ „Русскій Инвалидъ“. Въ 1884—1885 годахъ Блюммеръ принималъ участіе въ редакціи „Судебной Газеты“. Въ 1886 г. онъ переиздалъ свой романъ въ неоконченномъ видѣ изъ „Зари“ подъ заглавіемъ „На Алтаѣ“, а въ 1887 г. вышелъ его сборникъ разсказовъ, озаглавленный „Безъ слѣда“.

Саратову суждено было стать для Л. П. Блюммера второю родиной. Сначала его пригласили туда вести одно дѣло. Л. П. пріѣхалъ въ Саратовъ и дѣло выигралъ. Городъ ему очень понравился, выигранное дѣло создало ему популярность, и онъ быстро вошелъ въ моду, такъ что въ иной годъ заработывалъ даже до 50 тысячъ рублей. Богатыя средства давали ему возможность не стѣсняться, и онъ для отдыха совершалъ большія поѣздки и путешествія, посѣщая то Кавказъ, то Крымъ, то Сибирь; неоднократно побывалъ онъ опять за границею, въ Бельгіи, Франціи и Германіи. Связи съ Саратовомъ окрѣпли еще болѣе, когда въ 1874 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью саратовскаго купца, Александрою Васильевною Маминой. Въ Саратовѣ же онъ попытался издавать вышеупомянутую „Волгу“, перекупленную имъ у прокурора Юренева. Газета пріобрѣла колос-

сальный успѣхъ: въ 22 дня у газеты было уже 2.000 подписчиковъ. Успѣхъ объясняется необычайною бойкостью пера Леонида Петровича и смѣлостью его обличеній. Разумѣется, дѣло окончилось запрещеніемъ. Еще ранѣе изданія газеты Блюммеру пришла мысль завести въ Саратовѣ конку. Но для разрѣшенія ея пришлось хлопотать довольно долго. Въ концѣ-концовъ разрѣшеніе было получено, Л. П. открылъ конныя желѣзныя дороги въ Саратовѣ и въ Самарѣ. Другой его проектъ былъ ввести въ Саратовѣ электрическое освѣщеніе. Но этой идеѣ его не суждено было осуществиться за смертью самого Леонида Петровича...

О послѣднемъ періодѣ дѣятельности Блюммера г. Венгеровъ выражается такъ: „Покойный Блюммеръ, съ которымъ намъ приходилось сталкиваться, былъ безспорно. талантливый человѣкъ. Ему все давалось очень легко. Къ тому же, чуть дѣло не спорилось, жовіальный саратовскій адвокатъ-литераторъ, всѣмъ своимъ физическимъ и нравственнымъ существомъ такъ и напоминавшій Фальстафа, тотчасъ же его бросалъ.

Но именно это-то поверхностное отношеніе и нежеланіе поработать сколько-нибудь серьезно, въ связи съ отсутствіемъ нравственныхъ устоевъ привели къ тому, что изъ талантливости Блюммера ничего не вышло. Какъ адвокатъ, онъ быстро создалъ себѣ въ Саратовѣ репутацію. И дѣйствительно, онъ говорилъ весьма бойко, былъ находчивъ,—и въ общемъ увѣренная, громкая рѣчь его при извѣстныхъ условіяхъ должна была производить впечатлѣніе. Но въ сущность дѣла онъ вникалъ мало и непосредственно юридическими доводами аргументировалъ рѣдко. На самыя дѣла онъ былъ всего менѣе разборчивъ, и въ результатѣ у него образовалась такого рода практика, что адвокатствовалъ онъ въ званіи „кандидата правъ“, а въ присяжные повѣренные попасть не могъ.

Изъ Саратова Блюммеръ завелъ сношенія съ уфимскими дѣльцами по пресловутой покупкѣ башкирскихъ земель. Здѣсь въ одномъ изъ уѣздовъ въ 1883 г. онъ былъ даже избранъ въ почетные мировые судьи.

Уфимская дѣятельность Блюммера нашла себѣ строгаго судью въ лицѣ извѣстнаго обличителя башкирскихъ хищеній, Н. В. Ремезова, печатавшаго свои корреспонденціи въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ и другихъ газетахъ за 1882—84 годы. Статьи эти собраны въ книгѣ „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Быль въ сказочной странѣ“. Мы пользовались II изданіемъ, М. 1889, см. стран. 61—62 (Этюдъ „Дешевле пареной рѣпы“ — „О покупкѣ земель Уфатанынской дачи Бирскаго уѣзда“).

Вотъ что сообщаетъ г. Ремезовъ: „Земельный банкъ выслалъ

своего довѣреннаго на дачу, уплатилъ исправно всѣ подати и недоимки въ земство, такъ какъ Уткинъ со времени пріобрѣтенія дачи отъ башкиръ ничего не платилъ, а для очищенія по покупкѣ, по жалобамъ башкиръ, выслалъ въ Уфу своего адвоката Блюммера, расходуя ежегодно болѣе 10 тысячъ рублей и не получая ни копейки дохода.

„Живетъ Блюммеръ въ Уфѣ два года, хороводится съ членами палаты, а дѣло что-то туго подвигается... ѣздилъ онъ, впрочемъ, и въ Петербургъ лѣтомъ 1882 г., тоже, вѣроятно, хлопотать, но результатовъ еще не слышно.

„Мимоходомъ замѣчу и о Блюммерѣ: замѣчательный адвокатъ! Защищалъ онъ, напримѣръ, скопцовъ, взялъ съ нихъ приличный кушъ, и скопцы послѣ его защиты отправились въ обѣтованныя для нихъ мѣста Сибири и Кавказа. Теперь Блюммеръ составляетъ въ Уфѣ какъ бы центръ юридическихъ знаній, вокругъ котораго концентрируются всѣ скупщики башкирскихъ земель, у которыхъ покупки были „нечисты“... тутъ Бунаковъ, и Уткинъ, и Фокъ и т. п. Адвокатъ беретъ, конечно, солидные куши денегъ, живетъ весьма роскошно, по-уфимски, играетъ въ карты; за зеленымъ его столомъ можно часто встрѣтить одного члена соединенной палаты, Лаппо, живущаго не по своимъ средствамъ. Впрочемъ, это объясняется чистыми выигрышами,—фортуна стала къ нему передомъ“.

Однако, скопческій процессъ для Блюммера не прошелъ даромъ,—совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ его исключилъ изъ своего состава.

По мнѣнію г-на Ремезова, Блюммеръ былъ безусловно талантливый человѣкъ, съ большими знаніями, и въ Саратовѣ принималъ большое участіе въ мѣстной прессѣ. Онъ и въ Уфѣ вздумалъ тоже было издавать газету и просилъ разрѣшенія. На запросъ министра губернатору Щепкину, послѣдній далъ неблагопріятный отзывъ, и какъ думается, не столько изъ нежеланія имѣть въ Уфѣ газету, сколько изъ-за тѣхъ нечистоплотныхъ рукъ, которыми она стала бы составляться. Не успѣлъ этотъ отзывъ еще достигнуть своего назначенія, какъ Блюммеръ, основываясь на немъ, подалъ на Щепкина жалобу. По слѣдствію оказалось, что отзывъ былъ задержанъ на 5 дней почтовымъ чиновникомъ С., котораго, конечно, и удалили.

Этотъ инцидентъ г. Блюммеръ Щепкину не простилъ, и какъ только забралъ въ свои руки Саратовскую „Волгу“, такъ началъ подпускать маленькія статеечки вродѣ такого, напримѣръ, содержанія: „мы слышали, что бывшій уфимскій губернаторъ, столь извѣстный Саратову Н. П. Щепкинъ, на мотивъ сатиры Щедрина о „помпадурахъ“ сочиняетъ комедію подъ названіемъ „Доносчику первый кнутъ“.

Утверждаютъ, что авторскія способности г. Щепкина, судя по его статьямъ въ „Русскомъ Курьерѣ“ и въ „Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ“ изъ недюжинныхъ. Охотно вѣримъ“ („Волга“, № 619).

Кто писалъ въ „Русскомъ Курьерѣ“, я не знаю, говоритъ Ремезовъ, ну, а въ казанскихъ газетахъ почти всѣ статьи о хищеніяхъ башкирскихъ земель выходили изъ-подъ моего пера и еще начались до пріѣзда въ Уфу г. Щепкина. Къ чему ужъ тутъ была пущена такая утка, это знаетъ г. Блюммеръ и присные, такъ какъ сей „аблакатъ“, не успѣвши прибыть въ Уфу, сталъ уже чистокровнымъ „пашимъ“. И деньги же ему валило—страсть!..

Иначе относится къ Блюммеру авторъ некролога въ „Историческомъ Вѣстникѣ“: „Блюммеръ сотрудничалъ въ одесскихъ и саратовскихъ газетахъ, бросаясь въ то же время отъ золотопромышленности къ адвокатурѣ, отъ адвокатуры къ промышленному предпринимательству и т. д. Все это онъ мѣнялъ, но перо писателя держалъ въ своихъ рукахъ неизмѣнно до самой смерти... Не было простора этому человѣку, чтобы развернуться. При иныхъ обстоятельствахъ изъ Блюммера вышелъ бы человѣкъ не только общественнаго, но общегосударственнаго значенія, а у насъ изъ него не вышло ничего цѣльнаго—ни журналиста, ни адвоката, ни просто крупнаго промышленника. Была только личность, полная ума и способности, которой могло бы хватить на какое угодно дѣло... Силы въ немъ было много, но она была подорвана, а онъ напрягалъ ее безъ всякой пощады—и не въ мѣру натянутая струна лопнула“...

Внутренняя неудовлетворенность и кипучая дѣятельность подорвали организмъ Блюммера:

„Не могли пройти ему даромъ безсонныя ночи и работа, которой онъ предавался иногда недѣлями, не давая себѣ отдыха. Въ редакціи „Волги“ онъ выказывалъ почти невѣроятную энергію, приходилъ въ редакцію въ 10 часовъ утра и писалъ статьи для слѣдующаго № газеты, писалъ и возвратившись откуда-нибудь въ 2—3 часа ночи.

„Иногда утомленіе отъ такихъ усилій бывало у него настолько велико, что онъ засыпалъ въ своемъ креслѣ за письменнымъ столомъ и, отдохнувъ полчаса, продолжалъ начатую статью, которая выходила блестящей, умной, увлекательной. Не обходилось, конечно, безъ возбудительныхъ средствъ. На дѣлѣ саратовско-симбирскаго банка, слушавшемся въ Тамбовѣ, за годъ до смерти Блюммера, съ нимъ нѣсколько разъ дѣлалось дурно. Его защитительная рѣчь (онъ защищалъ Алфимова) прерывалась раза 3 или 4. Въ отдѣльной комнатѣ онъ долженъ былъ нюхать спиртъ, смачивать холодной водой голову. Конечно, ему было не до защиты, и рѣчь его вышла слабой, хотя начало ея замѣчательно. Сердце давало себя знать, и мучила одышка,

а онъ скакалъ за границу, организовывалъ компаніи для постройки конножелѣзныхъ дорогъ, для устройства канализаціи, для заведенія правильнаго пароходства по Дону!"...

Леонидъ Петровичъ скончался 47 лѣтъ, отъ разрыва сердца (или отъ послѣдствій солнечнаго удара), 26 мая 1888 г., сидя въ гостяхъ, въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на городскомъ Преображенскомъ кладбищѣ, въ Воскресенскомъ отдѣлѣ, I отдѣленіе, № могилы 83. Хоронилъ его родной братъ, инженеръ-механикъ Августинъ Петровичъ Блюммеръ [1]).

Смерть застала его наканунѣ изданія большой газеты въ Петербургѣ, задуманной, по мысли Блюммера, компаніею товарищей; газета должна была выходить съ конца того же года. Это была обширная мысль. Газета предполагалась въ двухъ изданіяхъ, утреннемъ и вечернемъ, по плану новыхъ американскихъ газетъ, на черной бумагѣ бѣлымъ шрифтомъ. Ассигновалось на изданіе до 90 тыс. въ годъ.

Кромѣ „Историческаго Вѣстника", некрологи Блюммера были еще помѣщены въ провинціальныхъ изданіяхъ за 1888 годъ, „Смоленскомъ Вѣстникѣ", „Самарской газетѣ" (№ 121) и „Саратовскомъ листкѣ" (№ 114).

Не желая вступать въ общую оцѣнку дѣятельности Леонида Петровича Блюммера, скажемъ лишь нѣсколько словъ о главнѣйшихъ его литературныхъ произведеніяхъ.

Литературная дѣятельность Леонида Петровича была весьма обширна. Онъ написалъ всего болѣе 2.000 статей и стихотвореній, изъ которыхъ имѣютъ полную подпись автора немногія. Обыкновенно Л. П. прибѣгалъ или къ псевдонимамъ, или къ иниціаламъ. Такъ онъ подписывался: Крутоярченко, Крутоярскій, Леонидъ Ссыльный, Леонидъ Книжникъ, Леонардъ Недоумко, Любимовъ, Максимъ Сизой, Вѣринъ и т. д., либо литерами: №№ Л. Б., Б., К. Нѣкоторыя статьи Блюммеръ писалъ и на иностранныхъ языкахъ; другія его статьи переводились за границею, какъ напр., его брошюра Die polnischen Ereignisse im Jahre 1861.

Особенно любопытною для характеристики политическихъ воззрѣній Блюммера является его книжка „Папство и Россія". Историческій фельетонъ Леонида Ссыльнаго, СПБ., 1867, появившаяся въ трудную для автора эпоху, въ самомъ началѣ его ссылки. Она посвящена „всепочтенному отцу Николаю Бѣлороссову, священнику Брюссельской домовой церкви князя Н. А. Орлова въ память прошлаго отъ искренно-признательнаго автора", и является перепечаткою одной его

[1]) Авторъ брошюры—„Нефтяное топливо", СПБ., 1888, 21 страница.

прежней газетной статьи, напечатанной подъ псевдонимомъ „Илья Любимовъ“.

Брошюра представляетъ собою пересказъ важнѣйшаго содержанія изъ книги графа Д. А. Толстаго, Le catholicisme romain en Russie, 2 тома, Парижъ, 1863.

Тогда еще не существовало русскаго перевода ея. Удивляясь такому отсутствію и считая значеніе этой книги для русской литературы важнымъ, Л. П. нашелъ нужнымъ издать свой старый фельетонъ, вышедшій три года тому назадъ (стран. 11), такъ какъ „особенныя обстоятельства“ (т. е. ссылка) не позволяютъ ему лично приняться за переводъ книги. Замѣтимъ, что графъ Д. А. Толстой былъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Синода. Книгѣ Толстаго авторъ противопоставляетъ книгу князя Питциніоса, Le romanisme, вышедшую въ Парижѣ 1860 г. Питциніосъ вдался въ реторику и полемику, а потому у него вышелъ памфлетъ (стран. 2). Толстой пошелъ болѣе скромною дорогой, онъ хотѣлъ только собрать факты, но его трудами широко можетъ пользоваться каждый публицистъ (стран. 3). Блюммеръ говоритъ о себѣ (стран. 4), что и онъ имѣлъ случай заняться нѣсколько пристально папствомъ. Термины „романизмъ“, „папскій католицизмъ“, „папство“ авторъ противопоставляетъ „католичеству“.

Намъ нѣтъ (стран. 6) дѣла, по мнѣнію Блюммера, до католичества, отличающагося отъ насъ filioque, азимитами и безбрачіемъ духовенства; это споръ богослововъ, споръ давно исчерпанный. Романизмъ (стран. 7), говоря словами Питциніоса, состоитъ въ духѣ эгоистическаго, деспотическаго, безстыднаго, произвольнаго и насильственнаго господства; романизмъ сдѣлалъ изъ папства всемірную политическую секту, вводящую въ каждый государственный организмъ двоевластіе. Эпиграфомъ брошюры поставлено: je régnerai par la force, je régnerai sans pudeur.

Общіе выводы, которые Блюммеръ дѣлаетъ изъ матеріала книги Толстаго (стран. 109—111), таковы: система романизма состоитъ въ стремленіи ко всеобщему, безусловному владычеству; для нея религія есть только средство; она достигаетъ своей цѣли или посредствомъ силы, или съ помощью происковъ. Государственная жизнь и романизмъ немыслимы вмѣстѣ. Русскій народъ имѣетъ отвращеніе къ романизму; это отвращеніе — и инстинктивное, и сознательное, что̀ доказано всею русскою исторіею. Исторія не есть сборникъ фантазій, построенныхъ больнымъ умомъ. Больше, чѣмъ что-либо, исторія указала намъ, что существуетъ провидѣніе, которое люди почти осязаютъ, потому что любятъ его и чтутъ въ лицѣ великаго міроваго Искупителя. Вспоминая затѣмъ о видѣніи Валтасара, Блюммеръ такого же

владыку, святотатственно сравнивающагося себя съ Богомъ, воплотившимся въ слово, видитъ въ Римѣ и полагаетъ, что рука провидѣнія уже начертала для него роковыя слова. „Не Россіи ли быть Даніиломъ?“ заключаетъ вопросомъ Блюммеръ.

Мы можемъ удобно провѣрить отзывъ Блюммера. О томъ же трудѣ Толстаго имѣется другой отзывъ, принадлежащій извѣстному нашему историку, недавно скончавшемуся В. А. Бильбасову („Исторія Екатерины II“, т. XII, ч. 2. стран. 380—381):

„Большой трудъ въ 2 томахъ, въ 1876 г. переведенный на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Римскій католицизмъ въ Россіи“, можетъ служить образцомъ „историческихъ изслѣдованій“, печатаемыхъ для интересовъ, чуждыхъ наукѣ, и имѣющихъ личныя цѣли автора, говоритъ г. Бильбасовъ. Нѣкоторую цѣну имѣютъ приложенія, если они вѣрно переданы: авторъ никогда не указываетъ источника и поэтому не можетъ быть провѣренъ.—Отношеніе автора къ источникамъ совершенно ненаучное. Приводитъ ли онъ интересное мѣсто изъ ноты, указываетъ ли на измѣненіе епископской присяги, онъ никогда не называетъ источника; о нѣкоторыхъ актахъ онъ умалчиваетъ, заставляя предполагать, что они остались ему неизвѣстными; онъ никогда не подвергаетъ исторической критикѣ ни документовъ, ни современныхъ записокъ, ни позднѣйшихъ сочиненій, которыми, впрочемъ, мало и интересуется. VII глава представляется не историческимъ изслѣдованіемъ, а чиновничьей отпиской по дѣлу о католицизмѣ въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II. При ближайшемъ изслѣдованіи тѣхъ же вопросовъ они представляются совершенно въ иномъ свѣтѣ“ и т. д.

О литературномъ дарованіи, манерѣ письма, способѣ работы и достоинствѣ беллетристическихъ трудовъ Леонида Петровича г. Венгеровъ произноситъ слѣдующее сужденіе:

„Та же поверхностная бойкость составляетъ отличительную черту Блюммера, какъ литератора. Онъ писалъ опять-таки очень „легко“, видалъ и переиспытывалъ на своемъ вѣку не мало,—и при большей литературной добросовѣстности, если бы онъ обработывалъ свои вещи болѣе тщательно и описывалъ бы то, что дѣйствительно видѣлъ или чувствовалъ, онъ бы могъ оставить послѣ себя нѣчто цѣнное. Но такъ какъ именно способности къ тщательной и добросовѣстной работѣ Блюммеру всего больше и недоставало, то онъ дальше самой грубой, подчасъ совершенно лубочной „занимательности“, не пошелъ. Крупнѣйшее въ литературномъ наслѣдіи Блюммера „На Алтаѣ“ („Около Золота“ тожъ) задуманъ и мѣстами намѣченъ весьма любопытно и хорошо; встрѣчаются страницы и хорошо написанныя въ стилистическомъ отношеніи, и полныя драматизма, и, наконецъ, весьма инте-

ресныя въ бытовомъ отношеніи. Но дальше контуровъ и первыхъ штриховъ дѣло не пошло, и въ общемъ размашистый романъ является какою-то сплошной рокамболевщиной".

Этотъ приговоръ намъ кажется одностороннимъ и не совсѣмъ справедливымъ.

Еще несправедливѣе является совсѣмъ некомпетентный отзывъ неизвѣстнаго составителя о Блюммерѣ въ „Большой энциклопедіи" Мейера (т. III, стран. 338). Составитель, очевидно, знакомъ только съ венгеровской статьей, а отъ себя прибавилъ лишь нѣсколько словъ—и при томъ совершенно не впопадъ, вродѣ того, что „русская эмиграція (?) относилась къ дѣятельности Блюммера подозрительно", и будто „беллетристическія произведенія его отличались посредственностью и не обратили на себя вниманія ни критики, ни публики". Мы видѣли выше, кто изъ эмигрантовъ пытался набросить тѣнь на Блюммера, и за что именно: не всѣ эмигранты, а князь П. В. Долгорукій, неудачно конкуррировавшій съ Блюммеромъ по изданію журналовъ и обличенный Блюммеромъ въ попыткѣ литературнаго шантажа. Что же касается невниманія публики и критики къ беллетристическимъ опытамъ Блюммера, то это одно обстоятельство, конечно, не доказываетъ еще ихъ „посредственности". Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, нужно было прочесть ихъ самому, а не ограничиваться рефератомъ чужой статьи.

Главнымъ литературнымъ произведеніемъ Леонида Петровича является его романъ „Около Золота" или „На Алтаѣ". Внѣшняя судьба этого романа очень характерна для Блюммера. Написана 1 часть „Около Золота" въ Сибири, горячо, живо, по широкому плану, и отпечатана въ „Зарѣ" за 1871 годъ. Продолжать романъ было уже некогда. Въ теченіе 20 лѣтъ написать слѣдующія части авторъ такъ и не собрался. Другія заботы, другіе интересы совершенно овладѣли имъ, закружили его—и дѣло стало! Черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія все та же 1 часть подъ другимъ заглавіемъ перепечатана вторымъ изданіемъ—и безъ продолженія. Нѣтъ сомнѣнія, что для окончанія романа автору достало бы и умѣнья, и силъ, и матеріала изъ наблюденій и собственнаго опыта... но все было „какъ-то недосужно",—и романъ остался не оконченнымъ. Читателю сообщается только планъ дальнѣйшаго. Каждая часть должна была составлять нѣчто цѣльное и самостоятельное. 1 ч. рисуетъ жизнь Сибири 30-хъ годовъ на Алтаѣ, во второй на сценѣ должны были быть 40-е года за Енисеемъ; въ III-ей предполагалось мѣсто дѣйствія—Томскъ 60-хъ годовъ, а въ IV-ой—Иркутскъ семидесятыхъ. Такимъ образомъ романъ долженъ былъ широко обнять и значительное пространство времени, и громадный районъ до сихъ поръ мало описанной страны. „Мы имѣемъ

основаніе надѣяться", сказано въ предисловіи, „что трудъ г. Блюммера будетъ въ настоящее время доведенъ до конца и потому печатаемъ I часть новымъ отдѣльнымъ изданіемъ". Романъ посвященъ Юліи Васильевнѣ Буткѣевой и носитъ эпиграфъ:

Tutto e vero verissimo,
Lettore mio carissimo.

Эпиграфъ вѣрно выражаетъ сущность дѣла. Блюммеръ картинно и бойко воспроизвелъ то, что̀ ему приходилось видѣть и наблюдать самому, и что́ приходилось слышать объ ужасахъ прошлыхъ временъ отъ другихъ. „Рокамболевщиной" могъ показаться романъ Блюммера г. Венгерову только потому, что онъ самъ не живалъ на мѣстѣ, въ Сибири и не освѣдомленъ о томъ, что творилось тамъ, сравнительно еще въ недавнюю пору. Правдивость изображеній жизни на алтайскихъ заводахъ и въ Барнаулѣ г. Венгеровъ могъ бы провѣрить хоть отчасти по произведеніямъ Мамина-Сибиряка и Рѣшетникова, изображавшихъ сходные нравы и бытъ на уральскихъ горныхъ заводахъ и въ Екатеринбургѣ. И при этомъ сравненіи читатель невольно отдастъ въ чисто литературномъ отношеніи предпочтеніе изображеніямъ Блюммера, превосходящаго названныхъ авторовъ и по картинности языка, и по легкости стиля. Упреки стилистическаго характера къ Блюммеру неприложимы: онъ въ совершенствѣ владѣлъ литературной формою и, очевидно, писалъ шутя. Но за то остается въ полной силѣ другой упрекъ: отсутствіе терпѣнія дать законченное произведеніе. Замыселъ Блюммера былъ обширный: онъ хотѣлъ дать полную картину жизни и горной аристократіи, прожигающей жизнь, и вороватыхъ, развращенныхъ уѣздныхъ чиновниковъ, и крестьянъ-старовѣровъ, и заводскихъ рабочихъ, и ихъ безпощадныхъ мучителей—урядниковъ. Отдѣльныя фигуры обрисованы ярко, колоритно—но общая картина не дописана... Особенно хорошъ главный герой романа, молодой горный инженеръ Лука Иринарховичъ Ястребовъ, сначала либеральный писатель, потомъ подъ вліяніемъ среды казнокрадовъ, доходящій до величайшихъ подлостей и злодѣйствъ по отношенію къ подчиненнымъ ему рабочимъ, которыхъ онъ обираетъ и истязуетъ въ стачкѣ съ мелкими чинами-урядниками. Кровь льется въ романѣ; но еще больше проливалось ея реально—на заводахъ при добываніи „естественныхъ богатствъ" Сибири изъ горныхъ нѣдръ.

Романъ Блюммера былъ встрѣченъ несправедливою и недоброжелательною рецензіею В. Н. въ „Вѣстникѣ Европы" (1885 года, іюль, Литературное Обозрѣніе, стран. 429—432). Произведеніе опредѣляется, какъ „областной" романъ, а этотъ родъ романа относится де къ „смѣшаннымъ" родамъ литературы. Двѣ разныя задачи имѣетъ предъ

собою областной романистъ: 1) собственно психологическую, изображеніе характеровъ и т. д., и 2) заботу о передачѣ мѣстнаго колорита, о вѣрномъ изображеніи особенностей обычаевъ, нравовъ, самой рѣчи. Ровная выдержанность обѣихъ сторонъ задачи встрѣчается весьма рѣдко. Замыселъ романа Блюммера любопытенъ. Но исполненіе не совсѣмъ удовлетворитъ тѣхъ, кто вздумалъ бы прилагать къ роману мѣрку художественности: о ней здѣсь нѣтъ и помину! Авторъ, видимо, присмотрѣлся къ сибирской жизни, къ сибирской природѣ, онъ умѣетъ разсказывать, но романъ остается все-таки разсказомъ бывалаго человѣка, не лишеннымъ извѣстнаго интереса, но никакъ не художественнымъ произведеніемъ. У читателя не остается цѣльнаго впечатлѣнія. Не найдется здѣсь и разработки характеровъ. Вся изображаемая жизнь состоитъ изъ пьянства, взяточничества, разврата, грабежа и т. д. Романъ долженъ объяснить, какъ, откуда брался этотъ складъ жизни, показать тотъ общій фонъ, на которомъ выростали подобныя явленія. Безъ этого романъ превращается въ рядъ фельетонныхъ картинокъ, наскоро набросанныхъ, и въ концѣ концовъ не оставляющихъ никакого впечатлѣнія о томъ, что же такое Алтай, и почему такъ жилось тамъ. Описаніе алтайскаго пейзажа вышло обрывочно и смутно, хотя авторъ, видимо, желалъ сдѣлать его яркимъ. Въ погонѣ за мѣстнымъ колоритомъ въ языкѣ, авторъ забылъ всякую мѣрку: дѣйствующія лица, особенно изъ народа, говорятъ языкомъ, часто совершенно невразумительнымъ. Приведя нѣсколько образчиковъ сибирскаго нарѣчія, рецензентъ восклицаетъ: „ужасно“! Этимъ восклицаніемъ и заканчивается рецензія:

Изъ газетъ на романъ Блюммера отозвалась газета „Донъ“, помѣстившая въ № 52 за 1870 годъ о немъ статью подъ заглавіемъ „Интересная литературная новость“. О второмъ изданіи былъ помѣщенъ отзывъ въ „Гражданинѣ“ за 1885 г., № 72.

Къ роману примыкаетъ Сборникъ разсказовъ, вышедшій въ 1887 году подъ заглавіемъ „Безъ слѣда“ и содержащій въ себѣ 4 разсказа. Изъ нихъ два: „Фальшивая бумажка“ и „Слуга“ относятся опять къ сибирской жизни. Въ первомъ разсказѣ изображенъ довольно частый прежде въ Сибири случай убійства пассажира, ѣхавшаго не съ почтовыми, а съ вольными ямщиками, „дружками“. Еврей-сѣдокъ везъ изъ Лондона 4 ватныхъ балахона съ фальшивыми бумажками и спѣшилъ спасать своего сына отъ торговой несостоятельности. Старикъ имѣлъ неосторожность показать у одного изъ „дружковъ“ вещи съ фальшивыми каменьями, на которые позарилась дочь хозяина; она подговариваетъ своего любовника, работника, убить пассажира по дорогѣ. Старикъ пропалъ безъ вѣсти, а сынъ проситъ губернатора принять мѣры къ его розысканію. Посылается на розы-

ски полицейскій дока (типъ, очень хорошо обрисованный), который какъ разъ попадаетъ на свадьбу разбогатѣвшихъ убійцъ и раскрываетъ дѣло, присваивая, однако, фальшивыя бумажки себѣ.

Разсказъ „Слуга“ посвященъ „вопросу о возможности“ нравственнаго перерожденія человѣка силою сердечнаго къ нему отношенія (стран. 82) и носитъ въ себѣ многія автобіографическія черты жизни автора изъ той эпохи, когда онъ служилъ на мѣстѣ управляющаго золотыми пріисками (стран. 95). „Слуга“ есть спившійся отставной полицеймейстеръ, нанимающійся къ автору въ лакеи. Онъ оказываетъ большія услуги своему господину, когда тотъ (стран. 101) заболѣлъ черною оспой, и отъ него отступились всѣ знакомые, даже самъ докторъ. Служба лакея прекращается потому, что авторъ покидаетъ городъ и уѣзжаетъ по службѣ въ тайгу, дабы не казаться страшнымъ отъ слѣдовъ болѣзни, сдѣлавшей его физіономію неузнаваемою. По возвращеніи авторъ узнаетъ, что его „слуга“ опять запилъ, и пишетъ ему громовое письмо, которое сильно повліяло; лакей-полицеймейстеръ дѣлается учителемъ.

Слабѣе другихъ разсказъ „Наша барышня“, изображающій встрѣчу на одномъ изъ черноморскихъ пароходовъ съ оригинальною барышнею, которая сама себя рекомендуетъ, какъ типъ. Этому типу она даетъ такое опредѣленіе (стран. 85—86): „Есть между нами, женщинами, злополучный видъ особей, которымъ суждено жить и умереть „нашими барышнями“... Ихъ замужество—дѣйствительное несчастіе и для нихъ самихъ, и для мужчинъ, связывающихъ съ ними свою судьбу. „Наша барышня“—ни хозяйка, ни самка, ни кукла; она—ни барыня, ни горничная. Чтобы быть хозяйкою,—она недостаточно мелочна и вынослива, для самки—слишкомъ брезглива, для куклы—болѣе, чѣмъ слѣдуетъ содержательна. Она не властолюбива—и поэтому не барыня; она независима—и поэтому не горничная... Попытки обрѣсти себѣ „любимаго человѣка“ обыкновенно неудачны и кончаются при этомъ катастрофами; то сами „наши барышни“ сойдутъ „въ обрывъ“, или Богъ вѣдаетъ куда, то мужчину доведутъ до каторги“.

Всѣхъ удачнѣе въ коллекціи разсказъ „Мой грѣхъ“. Мѣсто дѣйствія—окрестности Уфы, гдѣ часто Блюммеръ бывалъ по дѣламъ. Разсказъ развиваетъ психологическую тему и не поддается краткой передачѣ. Основной мотивъ: заблудившійся охотникъ-интеллигентъ, желая помочь страдающему человѣку, родящей крестьянкѣ, вызываетъ акушерку и нечаянно совершаетъ страшное преступленіе: утопилъ эту акушерку въ колодцѣ. Затѣмъ по здравомъ обсужденіи скрываетъ свой грѣхъ и торопится покинуть Уфу. По дорогѣ на пароходѣ онъ узнаетъ, что смерть дѣвушки отнесена къ „эпидеміи

самоубійствъ"—у интеллигентовъ; а по мнѣнію народа акушерку кинулъ въ воду „нечистый", чему нашлись даже очевидцы (стран. 153). Разсказъ написанъ такъ образно и съ такою экспрессіею, что вся картина нечаяннаго, но страшнаго убійства, какъ живая, встаетъ предъ читателемъ какимъ-то удушливымъ кошмаромъ. Читатель какъ бы слышитъ подлинную исповѣдь случайнаго преступника и готовъ повѣрить автору, ведущему повѣсть отъ своего имени, что онъ все это лично продѣлалъ въ дѣйствительности; такъ естественно и горячо оно передано...

Сборникъ „Безъ слѣда" былъ встрѣченъ гаерскою рецензіею „Сѣвернаго Вѣстника" (за 1887 г., кн. 12, Новыя книги, стран. 121—122). Если г. Блюммеръ, говорится въ рецензіи, желалъ намекнуть этимъ заглавіемъ на вѣроятную судьбу своихъ произведеній, то, отдавая полную справедливость скромности автора, мы можемъ сказать ему съ увѣренностью, что онъ не ошибается. Разсказы Блюммера относитъ критикъ къ разряду „затычекъ". У нихъ паспортная физіономія. Не умны эти повѣсти и не глупы, не интересны, но и зѣвоты не наводятъ; изяществомъ внѣшней формы не блещутъ, но и съ синтаксисомъ не враждуютъ; особыхъ тенденцій не имѣютъ, а общее направленіе ихъ—умѣренное, сѣрое, чистое. Любой журналъ, какова бы ни была его программа, можетъ ихъ печатать,—но печатаютъ ихъ лишь по настоятельному требованію метранпажей. Для метранпажей, это—чистый кладъ; можно дѣлать съ ними что угодно, хвостъ поставить на мѣсто головы или обратно, или сердцевину вынуть—все равно; сколько требуется страницъ, столько и выйдетъ. Отъ лежанія въ портфелѣ редакціи ничего такія повѣсти не теряютъ: онѣ одинаково умѣстны и теперь, и въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина. „Наша барышня" похожа и на Миньону, и на Кукшину. Приведенъ въ рецензіи и анекдотъ о редакторѣ газеты, державшемъ на затычку неразбираемый наборъ статейки „Еще ребенокъ, съѣденный свиньею". Въ книжкѣ Блюммера 4 ребенка, то бишь 4 разсказа и т. д. въ томъ же тонѣ. Пристрастное отношеніе къ Блюммеру сквозитъ въ каждой строкѣ рецензіи.

Изучая произведенія Блюммера въ ихъ совокупности, нельзя не придти къ заключенію, что онъ обладалъ большимъ дарованіемъ, и что онъ былъ предназначенъ занять видное мѣсто въ русской литературѣ, въ качествѣ ли беллетриста, или критика-публициста. Но для этого нужно было всецѣло отдаться одному дѣлу, нужно было посвятить себя одной литературѣ. Этого и не могъ сдѣлать Леонидъ Петровичъ. Ему вредило чрезвычайное богатство и разнообразіе способностей, съ одной стороны,—отсутствіе твердаго характера—съ другой. Куда бы онъ ни повернулся,—все давалось ему легко, играючи,

вездѣ онъ занималъ выдающееся мѣсто—безъ труда. Но не трудясь нельзя и привыкнуть трудиться, нельзя полюбить трудъ ради самаго труда. Блюммеръ же трудился надъ дѣломъ только, пока оно ему нравилось; но этотъ интересъ обыкновенно былъ недолговѣченъ—и Блюммеръ беззаботно переходилъ къ другому дѣлу, овладѣвшему его интересомъ теперь, въ данную минуту, и опять-таки играючи овладѣвалъ имъ. Стойкости, неуклонности, постоянства въ его характерѣ не было...

Люди шестидесятыхъ годовъ вообще какъ-то скоро перегорѣли, оставивъ по себѣ сравнительно немного. Въ этомъ отношеніи имъ не чета—люди сороковыхъ годовъ. Но и среди шестидесятниковъ Л. П. Блюммеръ, судя по его выдающимся дарованіямъ, оставилъ особенно немного. Имя его немного говоритъ новому поколѣнію, и большія дарованія его, какъ оказалось, были промѣнены на чечевичную похлебку...

Проф. **Евгеній Бобровъ**.

Графъ Д. А. Толстой въ Казани.

(По личнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ старожиловъ).

Основанная въ Казани въ 1758 году въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны старѣйшая русская гимназія, служившая долгое время единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія для обширнаго сѣверо-восточнаго края и выдѣлившая изъ себя въ 1804 году въ царствованіе Александра I Казанскій университетъ, за два года до столѣтія своего существованія удостоилась принимать въ своихъ стѣнахъ министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго, высочайшій рескриптъ о назначеніи котораго на постъ министра состоялся 13-го мая 1866 г., а въ сентябрѣ того же года графъ, возвращаясь изъ своей поѣздки по Волгѣ, гдѣ онъ ревизовалъ гимназіи и другія учебныя заведенія въ Астрахани, Саратовѣ, Самарѣ и Симбирскѣ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Казань, гдѣ особенно много вниманія удѣлилъ древнѣйшей русской гимназіи, носящей теперь, послѣ столѣтняго юбилея въ 1868 г., названіе „Императорской первой гимназіи“.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ начальству учебнаго округа сдѣлалось извѣстнымъ о готовящемся пріѣздѣ важнаго и страшнаго въ тѣ времена гостя. Университетъ, гимназіи и все начальство округа во главѣ съ попечителемъ П. Д. Шестаковымъ дѣятельно и спѣшно готовились

къ пріему министра; вездѣ чистилось, красилось, подновлялось. Первая гимназія особенно прилагала старанія, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и представиться во всемъ блескѣ. Своими обширными зданіями, выходящими на четыре улицы, гимназія занимаетъ почти цѣлый кварталъ съ главнымъ входомъ съ одной изъ лучшихъ улицъ города Покровской, съ особою недомовою церковью Воздвиженской, присоединенной къ гимназіи по распоряженію Николая I въ бытность его въ Казани, больницею, пансіонатомъ, помѣщеніями начальствующихъ и служащихъ и прекраснымъ старинным садомъ, расположеннымъ прямо противъ первокласснаго Богородицкаго женскаго монастыря, изъ котораго въ 1904 г. было произведено надѣлавшее шуму по всей Россіи похищеніе чудотворныхъ иконъ. Директоръ гимназіи Г. И. Крелленбергъ, очень добрый, справедливый и оставившій по себѣ благодарную память воспитанниковъ, былъ крайне педантиченъ и вникалъ во всѣ мелочи самъ; теперь, готовясь ко встрѣчѣ, онъ не зналъ покоя и неотлучно пребывалъ въ гимназіи, наблюдая лично за ремонтомъ.

Къ началу учебнаго года все почти было готово; начался обычный экзаменъ пріемныхъ; потомъ открылись классы, и гимназическая жизнь пошла своимъ чередомъ. За годъ передъ этимъ назначенный новый учитель греческаго языка В. Н. Матвѣевъ свирѣпствовалъ, ставилъ единицы, бранился, кричалъ, а иногда и тыкалъ пальцемъ въ лобъ ученика для вразумленія. Тоже вновь назначенный законоучитель свящ. Переверзевъ былъ яркой противоположностью перваго и съ первыхъ же уроковъ съумѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи учащихся.

Прошелъ августъ, и вотъ, наконецъ, 3-го сентября въ субботу утромъ на пароходѣ прибылъ въ Казань графъ Толстой, сопровождаемый попечителемъ и встрѣченный за семь верстъ отъ города, на Устьѣ, всѣмъ учебнымъ начальствомъ, откуда онъ въ коляскѣ и проѣхалъ прямо въ городъ въ приготовленное для него помѣщеніе въ померахъ Комэнена, на Воскресенской улицѣ, неподалеку отъ университета. На слѣдующій день, въ воскресенье въ 12 ч., былъ назначенъ въ университетѣ пріемъ профессоровъ и преподавателей, а послѣ этого осмотръ библіотеки, кабинетовъ и лабораторій. Попечитель округа заблаговременно послалъ всѣмъ профессорамъ предупрежденіе, что согласно циркуляра министра всѣ имѣющіе представляться его сіятельству должны обрить бороды. Закипѣла работа, и пали къ стопамъ графа сѣдыя и несѣдыя украшенія почтенныхъ представителей университетской науки, явившихся передъ министромъ безъ этого гонимаго признака вольнодумства. Только одинъ извѣстный профессоръ химіи (впослѣдствіи академикъ) А. М. Бутлеровъ не подчинился

этому распоряженію и представляться не пошелъ. Немного времени употреблено было на знакомство съ профессорами и на осмотръ обширныхъ зданій университета, и уже въ два часа Толстой отправился въ 1-ю гимназію, гдѣ попечитель представилъ ему собранныхъ здѣсь въ актовомъ залѣ учителей обѣихъ казанскихъ гимназій, съ которыми графъ бесѣдовалъ гораздо долѣе и пространнѣе, чѣмъ въ университетѣ, разспрашивалъ каждаго о его предметѣ и о томъ, какъ идетъ преподаваніе, при чемъ особенное вниманіе удѣлилъ учителямъ русскаго языка и словесности, рекомендуя обращать главное вниманіе на заучиваніе воспитанниками русской грамматики.

На слѣдующій день Толстой снова пріѣхалъ въ 1-ю гимназію въ сопровожденіи попечителя въ 9 час. утра и посѣтилъ уроки латинскаго языка учителя Перловскаго, французскаго—Девица, Закона Божія—свящ. Переверзева, русской словесности—Шеффера и русскаго языка—Владимірова, составителя исторической записки объ этой гимназіи, „Введеніе“ въ которую авторъ и поднесъ графу во время осмотра имъ актоваго зала.

Въ 4-й классъ, во время урока русскаго языка, когда воспитанникамъ продиктована была какая-то статья, а къ классной доскѣ для разбора былъ вызванъ лучшій первый ученикъ Сергѣевъ, стеклянная дверь безшумно отворилась и вошелъ въ сопровожденіи цѣлой свиты министръ въ вицмундирномъ фракѣ со звѣздами на груди и съ камергерскимъ ключомъ на спинѣ. Высокая, длинная, сухая фигура графа медленно окинула вытянувшихся въ струнку учениковъ своимъ стекляннымъ сухимъ взглядомъ и безъ слова привѣтствія, безъ улыбки приказала сѣсть и сама помѣстилась на одной изъ переднихъ партъ рядомъ съ постѣснившимися гимназистами; сзади размѣстилась по чинамъ свита.

— Продолжайте урокъ! кинулъ графъ, и ученикъ Сергѣевъ бойко, внятно, толково сталъ дѣлать у доски грамматическій разборъ; нѣсколько разъ министръ прерывалъ его, задавалъ вопросы какимъ-то сухимъ сдавленнымъ голосомъ; потомъ потребовалъ диктовку другихъ учениковъ и особенно внимательно просмотрѣлъ тетрадь башкира Кутлеметова. Сорокъ минутъ пробылъ онъ въ классѣ и, кивнувъ головой, медленной, осанистой походкой удалился. Владиміровъ, весь блѣдный, 40 мин. дрожавшій за свою участь (онъ былъ многосемейный и страшный бѣднякъ), въ изнеможеніи опустился на первую попавшуюся парту и отъ волненія не могъ говорить.

Въ классѣ была полная тишина, и слышны были лишь жужжаніе мухъ да тяжелое дыханіе учителя... Такъ кончился урокъ. Получилось тяжелое, давящее впечатлѣніе, сохранившееся и въ преподавателяхъ, и въ гимназистахъ на долгое время, на всю жизнь. Ни

выговоровъ, ни окриковъ не было, а все же было какъ-то жутко, холодно отъ стекляннаго взгляда начальства.

Изъ нашей гимназіи графъ поѣхалъ въ университетъ и посѣтилъ тамъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ.

По вечерамъ ежедневно съ 8 час. къ его сіятельству по очереди приглашались для собесѣдованія окружный инспекторъ Сахаровъ, директоры и инспекторы гимназій, а также нѣкоторые изъ профессоровъ.

8-го сентября въ день Рождества Богородицы онъ отстоялъ обѣдню въ церкви 1-й гимназіи и, по окончаніи службы, снова посѣтилъ гимназію, обошелъ спальни и столовыя пансіоната, заглянулъ въ пустовавшую больницу и прошелся съ помощникомъ попечителя Н. по гимназическому саду.

Въ качествѣ оберъ-прокурора Синода Толстой имѣлъ въ виду обревизовать и учебныя заведенія духовнаго вѣдомства, а въ томъ числѣ и Казанскую духовную академію.

Архіепископомъ былъ въ то время Антоній, докторъ богословія, авторъ извѣстнаго курса догматическаго богословія, пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свою строго-аскетическую жизнь и прямой, честный образъ дѣйствій. Еще до коренной ломки системы образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и введенія повальнаго классицизма оберъ-прокуроръ предпринялъ рядъ мѣръ для измѣненія существовавшаго строя въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства, при чемъ главную роль въ этомъ измѣненіи играла система подтягиванія, усиленіе дисциплины и наблюденіе за религіозно-нравственною благонадежностію учащихъ и учащихся. Архіепископъ Антоній былъ однимъ изъ первыхъ, возставшихъ противъ этой реформаторской дѣятельности всесильнаго оберъ-прокурора, и написалъ въ Синодъ отзывъ, убѣдительно доказавъ всю непригодность и зловредность предполагаемой реформы. Вслѣдствіе этого инцидента отношенія между ними сильно обострились, и Толстой не посѣтилъ архіепископа, а тотъ въ свою очередь не счелъ нужнымъ явиться къ нему.

Графъ пріѣхалъ въ академію неожиданно; ректора Иннокентія не было; его встрѣтилъ растерявшійся инспекторъ студентовъ, и Толстой, посѣтивъ лекцію нѣмецкаго языка Митропольскаго, гдѣ остался сильно недоволенъ и самимъ преподаваніемъ и поведеніемъ студентовъ, наскоро осмотрѣвъ академію, уѣхалъ разсерженный. Явившагося къ нему на другой день съ объясненіями ректора Иннокентія онъ не принялъ. Пребываніе графа въ Казани затянулось и тяжелымъ кошмаромъ давило все учебное начальство. Но всему бываетъ конецъ. Наступилъ конецъ и его пребыванію въ нашемъ городѣ.

10-го сентября утромъ на Волжской пристани для проводовъ его были собраны и построены въ шеренги ученики обѣихъ мѣстныхъ гимназій, директоры, инспекторы, преподаватели; пріѣхали и нѣкоторые профессоры.

Какъ обыкновенно водится, всѣ собрались гораздо раньше, чѣмъ слѣдовало, и многимъ гимназистамъ, пришедшимъ на проводы за семь верстъ пѣшкомъ, пришлось долго ожидать, и томиться на пескѣ. Сопровождаемый высшимъ начальствомъ округа, подъѣхалъ графъ и направился на пристань. Въ это время изъ колонны гимназистовъ 1-й гимназіи выступилъ ученикъ 6-го класса Соколовъ, славившійся какъ чтецъ и декламаторъ, и, обращаясь къ министру, произнесъ составленную ареопагомъ учителей и одобренную цензурою попечителя рѣчь слѣдующаго содержанія: „Безмолвно, съ полною чувства душою, мы имѣли счастіе взирать на ваше сіятельство въ то время, какъ вы, къ сожалѣнію, не на долго появились въ стѣнахъ нашей столѣтней гимназіи. Мы узнали о томъ долгомъ и трудномъ пути, совершить который предприняли вы съ единственною цѣлію свято исполнить многотрудный подвигъ, возложенный на ваше сіятельство обожаемымъ монархомъ нашимъ. Да благословитъ Господь каждый шагъ жизни вашей, каждый помыслъ вашъ, которые, твердо вѣримъ мы, стремятся ко благу русскихъ дѣтей,—такое искреннее желаніе сердца, дозвольте мнѣ, ваше сіятельство, почтительнѣйше выразить отъ лица всѣхъ моихъ товарищей. Соблаговолите же, сіятельнѣйшій графъ, принять милостиво этотъ видимый знакъ сердечныхъ пожеланій, которыя пусть сочувствуютъ вамъ всегда и вездѣ“. При послѣднихъ словахъ директоръ гимназіи Г. И. Крелленбергъ (лютеранинъ) поднесъ отъ всѣхъ чиновъ и воспитанниковъ гимназіи икону св. князя Александра Невскаго. Благосклонно принявши икону, графъ прослѣдовалъ на пароходъ, а гимназисты пѣли „Боже, Царя храни“ и кричали „ура!“. Министръ вмѣстѣ съ попечителемъ отбылъ въ Нижній.

Въ гимназическомъ отчетѣ за 1866 г. по поводу пріѣзда Толстаго было сказано: „гимназія, осчастливленная посѣщеніемъ и высокимъ вниманіемъ его сіятельства графа Д. А. Толстаго, возобновилась религіозно-нравственнымъ направленіемъ какъ въ учебной, такъ и воспитательной частяхъ ея. На религіозное воспитаніе учащихся обращено особенно-строгое вниманіе. Ученики основательно знакомятся съ догматами религіи и обрядами церкви, и при преподаваніи обращается болѣе вниманія на развитіе душевныхъ свойствъ, чѣмъ умственныхъ способностей. Посты соблюдаются строго...“ и т. д. все въ этомъ же родѣ.

Такъ закончилось и отозвалось на древнѣйшей русской гимназіи

посѣщеніе именитаго гостя, которому суждено было совершить не только коренной переворотъ въ судьбахъ русскаго просвѣщенія, отразившійся самымъ неблагопріятнымъ образомъ на многіе и долгіе годы на русскомъ юношествѣ, затормозившее его развитіе, но послѣ въ качествѣ главы и руководителя уже другаго вѣдомства, оставившаго по себѣ печальную и грустную память на страницахъ нашей внутренней исторіи, которая со временемъ несомнѣнно съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ реформамъ графа Д. А. Толстаго, произведетъ имъ надлежащую оцѣнку и отведетъ ему, какъ историческому дѣятелю, заслуженное мѣсто.

Сергѣй Манассеинъ.

Восточная политика Наполеона.

VII [1]).

Императоръ Александръ принялъ ближе всего къ сердцу поданную ему Наполеономъ, въ письмѣ отъ 2-го февраля, надежду на предстоящее паденіе Оттоманской имперіи. Перспектива отдаленной экспедиціи въ Индію соблазняла его гораздо менѣе; воображеніе не влекло его по слѣдамъ Наполеона въ глубь Азіи. Поэтому канцлеръ гр. Румянцевъ приступилъ къ переговорамъ съ Коленкуромъ только относительно раздѣла Турціи.

Въ этомъ сказалась разница въ желаніяхъ, воодушевлявшихъ союзниковъ. Тогда какъ въ глазахъ Наполеона Константинополь былъ не болѣе какъ этапный пунктъ на пути въ Индію, для Александра онъ представлялся единственной и конечной цѣлью, и царь, не имѣя еще яснаго представленія о миссіи Россіи въ Азіи, прислушивался разсѣянно къ мечтамъ своего союзника объ Индѣ и Евфратѣ.

Питая подобныя надежды, могъ ли Александръ заключить миръ съ Турціей? Напротивъ, онъ хотѣлъ оставить вопросъ о мирѣ открытымъ, чтобы рѣшить его со временемъ согласно со своимъ желаніемъ и извлечь такимъ образомъ возможно большую пользу изъ союза съ Наполеономъ.

Миръ съ Турціей могъ разрушить эти надежды, могъ лишить Россію тѣхъ выгодъ, коихъ Александръ ожидалъ отъ тильзитскаго договора, поэтому онъ хотѣлъ возобновить военныя дѣйствія, разсчи-

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1905 г.

тывая увлечь Наполеона, тайные помыслы котораго не были ему извѣстны. Но Александръ ошибся, полагая, что Наполеонъ былъ готовъ раздѣлить Турцію. Вмѣстѣ съ нимъ ошибалась вся Европа, такъ же точно, какъ и турки. Въ этомъ случаѣ между союзниками существовало недоразумѣніе, значеніе котораго не было понято современниками и даже историками.

Несмотря на перемиріе, заключенное съ Турціей, русскіе обнаруживали намѣреніе перейти въ наступленіе на Дунаѣ; генералъ Прозоровскій не выказывалъ ни малѣйшаго желанія эвакуировать Молдавію, а главный штабъ русской арміи все еще находился въ Яссахъ, гдѣ „обѣды смѣнялись балами“ [1]).

Въ Сербіи военныя дѣйствія временно прекратились, но сербы разсчитывали на возобновленіе ихъ весною; готовились къ нимъ и видимо хотѣли согласовать свои дѣйствія съ движеніемъ русскихъ войскъ.

Одинъ изъ французскихъ агентовъ, находившійся въ Виддинѣ, внимательно слѣдилъ за сношеніями сербовъ съ русскими и сообщилъ своему правительству обстоятельныя данныя о роли, которую игралъ при этомъ русскій агентъ Родофиникинъ, посланный въ Сербію во время заключенія перемирія въ Слободзеѣ. Онъ руководилъ всѣми дѣйствіями сербовъ, конхъ петербургское правительство какъ бы приняло подъ свое покровительство.

Офицеры русскаго штаба, находившіеся въ Валахіи, въ Крайовѣ, говорили съ гордостью, что имъ поручено поддержать Сербію, если турки нападутъ на нее; при русскихъ генералахъ состояли сербскіе уполномоченные, а при начальникахъ сербскихъ войскъ — русскіе агенты. Изъ Валахіи въ Сербію то и дѣло посылались транспорты оружія и военныхъ снарядовъ.

По свидѣтельству французскаго консула Мерьяжа, 8-го апрѣля, прибыло въ Крайову русское подкрѣпленіе численностью до 3.000 чел., которые стали подготовлять лодки для переправы черезъ Дунай. Узнавъ объ этомъ, Мерьяжъ обратился къ генералу Исаеву съ просьбою не допускать столкновеній между его войсками и турками, на что̀ генералъ отвѣчалъ въ успокоительномъ тонѣ, но жаловался при этомъ на поведеніе турокъ, которые въ числѣ 1.500 чел. перешли Дрину, заняли Соколъ и другія старинныя укрѣпленія, сооруженныя сербами; этимъ русскіе какъ бы заявляли о своемъ намѣреніи обезпечить независимость Сербіи и не допустить посягательствъ на нее турокъ.

Въ Константинополѣ у русскихъ было не мало сторонниковъ, ко-

[1]) Письмо французскаго консула Ламара—Шампаньи, 11-го января 1808 г.

торые проявляли все большую и большую дѣятельность по мѣрѣ того, какъ падало вліяніе Франціи. Почти всѣ греки—т. е. болѣе четвертой части населенія Константинополя—были преданы Россіи какъ ея единовѣрцы, ненавидѣвшіе французовъ католиковъ, убѣжденные въ томъ, что Наполеонъ былъ главнымъ препятствіемъ къ паденію Турецкой имперіи; это было естественнымъ послѣдствіемъ агитаціи, вызванной между православными подданными Порты „греческимъ проектомъ“ Екатерины II. У русскаго правительства были друзья даже среди членовъ дивана и среди всесильныхъ министровъ султана, которые, зная слабость Порты, считали опаснымъ бороться съ могущественной сосѣдней державой и полагали необходимымъ придти съ нею къ соглашенію, чтобы отнять у нея такимъ образомъ всякій поводъ къ вмѣшательству; нѣкоторые изъ этихъ сановниковъ не остались также безчувственны къ подаркамъ, полученнымъ ими тайно изъ Петербурга. Подъ вліяніемъ разочарованія, вызваннаго въ Константинополѣ тильзитскимъ договоромъ, турки стали относиться враждебно къ Франціи, пришли, весьма естественно, къ убѣжденію, что таинственные проекты Наполеона были опасны для ихъ отечества, и утратили всякое довѣріе къ нему. Самымъ вліятельнымъ изъ недруговъ Франціи былъ рейсъ-эффенди, который приписывалъ французскому правительству весьма злостныя намѣренія.

Зная это, русскіе не отказывались отъ своихъ плановъ, ловко съумѣли воспользоваться послѣдствіями тильзитскаго договора и шагъ за шагомъ отвоевывали обратно политическія преимущества, утраченныя ими съ пріѣздомъ въ Константинополь Себастіани.

Въ то время какъ Наполеонъ занялъ Португалію и готовился присоединить къ своей имперіи Испанію, русскіе не выводили своихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи, распространяли свое вліяніе до самаго Босфора и, вполнѣ понимая выгоды своего положенія, не спѣшили заключать мира, а такъ какъ перемиріе не было ратификовано царемъ, то это давало имъ возможность совершать передвиженіе войскъ и подвозить подкрѣпленія.

Въ Парижѣ Толстой до конца 1807 года отказывался приступить къ конференціи о мирѣ, подъ предлогомъ, что онъ еще не получилъ надлежащихъ полномочій изъ Петербурга.

Турецкій посланникъ, Мухибъ-эффенди жаловался на это Шампаньи, укоряя французское правительство въ томъ, что оно не предлагало своего посредничества, обѣщаннаго по тильзитскому договору. 13-го января 1808 г. Шампаньи объявилъ турецкому посланнику, что графъ Толстой получилъ, наконецъ, полномочія для веденія переговоровъ о мирѣ при посредничествѣ Франціи. 14-го числа посланники собрались у Шампаньи, и переговоры начались. Сообщая объ

этомъ Себастіани и поручая ему обнадежить турецкое правительство насчетъ предстоящаго мира, Шампаньи намекнулъ на то, что переговоры затянутся вѣроятно долго по причинѣ дальности разстояній, и предлагалъ на обсужденіе турецкихъ властей вопросъ: что сдѣлаетъ Порта, ежели русскіе захотятъ удержать Молдавію и Валахію? Возобновитъ ли она войну и долго ли она будетъ въ состояніи продолжить ее?

Само собой разумѣется, что эти заявленія и вопросы произвели въ Константинополѣ самое удручающее впечатлѣніе. Порта могла принять эти вопросы косвенно за предложеніе отказаться отъ занятыхъ Россіей провинцій, и турецкое правительство естественно не могло болѣе довѣрять обѣщаніямъ обезпечить независимость и неприкосновенность Турецкой имперіи, которыя Себастіани далъ ему отъ имени своего монарха.

Въ той же депешѣ Шампаньи жаловался на поведеніе Али-паши и спрашивалъ, въ состояніи ли Порта заставить его повиноваться. „Истинный источникъ тревоги оттоманской Порты находится не столько въ настроеніи ея сосѣдей, сколько въ ея собственной слабости, писалъ министръ. Ей не приходится жаловаться на честолюбіе другихъ, она должна улучшить свое управленіе и заставить уважать свою власть внутри государства“.

Это было вполнѣ справедливо, тѣмъ не менѣе Порта имѣла полное основаніе тревожиться.

Наконецъ, 22-го января, Наполеонъ написалъ султану собственноручное письмо, коимъ онъ извѣщалъ его о началѣ переговоровъ съ Россіей, выражалъ пожеланія относительно скорѣйшаго ея примиренія съ Портой и предлагалъ султану дѣйствовать вмѣстѣ съ прочими державами Европы противъ англичанъ.

Какъ бы въ поясненіе къ этому письму, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ Себастіани, что „хотя императоръ и сдѣлалъ петербургскому кабинету представленіе относительно продолжающейся оккупаціи Молдавіи и Валахіи, но это пришлось сдѣлать съ тою осторожностью, съ какою надлежитъ относиться къ союзнику, что онъ не имѣетъ права предписывать державамъ условій мира, но постарается, въ качествѣ посредника сблизить ихъ и по возможности согласовать ихъ противуположные, на первый взглядъ, интересы“.

Шампаньи привосокуплялъ, какъ бы умывая руки: „императоръ сдѣлалъ уже со своей стороны очень много, облегчивъ начало переговоровъ, его письмо къ султану есть новое доказательство участія, которое онъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ. Но императоръ желаетъ, чтобы это письмо не было предано гласности, и если обычай дозволяетъ вамъ не представлять султану письма императора лично, то

лучше воздержитесь отъ этого; чѣмъ менѣе этому будетъ придано торжественности и гласности, тѣмъ болѣе это будетъ соотвѣтствовать намѣреніямъ императора, который желаетъ, по нѣкоторымъ причинамъ, чтобы объ этомъ письмѣ знали какъ можно менѣе; остерегайтесь однако умалить его значеніе въ глазахъ Порты".

Порученіе, возложенное на Себастіани, было не изъ пріятныхъ. Очевидно, Наполеонъ и его дипломаты были въ затрудненіи, такъ какъ приходилось успокоивать одновременно Россію и Порту. 22-го января Наполеонъ послалъ секретное письмо султану; 2-го февраля онъ писалъ уже извѣстное намъ, не менѣе секретное, письмо царю. Разумѣется, нельзя сравнивать краснорѣчивое письмо отъ 2-го февраля съ банальными фразами письма къ султану; ясно, что императоръ болѣе дорожилъ въ то время дружбою Россіи, нежели Порты; но во всякомъ случаѣ онъ старался удержать ту и другую, а это было не легко.

23-го января Толстой и Мухибъ-эффенди отправились къ Шампаньи, чтобы обмѣняться полномочіями.

Въ полномочіяхъ, представленныхъ Мухибомъ, упоминалось о перемиріи, заключенномъ въ Слободзеѣ. Толстой протестовалъ противъ этого, заявивъ, что такъ какъ перемиріе не было ратификовано, то оно не имѣло оффиціальнаго значенія, на что̀ турецкій посланникъ возразилъ, что перемиріе подписано русскимъ генераломъ и что, во всякомъ случаѣ, это обстоятельство не должно задержать хода переговоровъ. На это Толстой возразилъ, что ему необходимо, во всякомъ случаѣ, получить новыя инструкціи своего правительства, и просилъ отложить переговоры. Мухибъ жаловался на задержку, обвинялъ русскаго уполномоченнаго и заявилъ о своей готовности подписать какой бы то ни было договоръ, Шампаньи—посредникъ—молчалъ.

Турецкій посланникъ поспѣшилъ извѣстить свое правительство о происшедшемъ. Порта теряла всякое терпѣніе и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раздражалась. Было ясно, что Россія уклонялась отъ заключенія мира, точно такъ же, какъ и отъ перемирія; можно было ожидать въ скоромъ времени возобновленія непріязненныхъ дѣйствій; это сильно тревожило турецкое правительство, такъ какъ оно не было готово оказать серьезное сопротивленіе. Было ясно, что Наполеонъ не хотѣлъ защитить его и гарантировать долѣе цѣлость и независимость имперіи; поневолѣ приходилось убѣдиться, что Франція и Россія дѣйствовали заодно, и что ими были приняты въ этомъ смыслѣ извѣстныя рѣшенія во время тильзитскаго свиданія, что раздѣлъ Турціи былъ дѣломъ рѣшеннымъ, и союзники только выжидали для этого удобнаго момента—наступленія весны и обманывали Порту

цѣлые полгода, чтобы она не имѣла повода искать покровительства въ иномъ мѣстѣ; поэтому турки со страхомъ ожидали весны; воображеніе, по обыкновенію, преувеличивало опасность.

Какъ разъ въ это время русскій канцлеръ Румянцевъ и французскій посланникъ въ Петербургѣ, Коленкуръ, обсуждали вопросъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи.

Императоръ Александръ прочелъ письмо Наполеона отъ 2-го февраля 1808 г. съ нескрываемымъ удовольствіемъ; ему было пріятно убѣдиться послѣ столькихъ тревогъ, что Наполеонъ рѣшилъ предпринять совмѣстно съ нимъ походъ въ Индію, а тѣмъ болѣе, что предварительно долженъ былъ совершиться раздѣлъ Оттоманской имперіи. И онъ выразилъ желаніе приступить вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ немедленно къ обсужденію вопроса о раздѣлѣ Турціи, на что̀ Коленкуромъ были получены спеціальныя инструкціи.

Разумѣется, было бы крайне любопытно знать въ точности, что именно говорилось въ этихъ инструкціяхъ, такъ какъ намѣренія Наполеона выразились въ нихъ, конечно, несравненно яснѣе, нежели въ его краснорѣчивомъ письмѣ къ императору Александру. Къ сожалѣнію, изъ писемъ, полученныхъ Коленкуромъ отъ Наполеона во время его миссіи въ Петербургѣ, извѣстны весьма немногія. Возможно, какъ предполагаетъ Татищевъ, что они были сожжены, по повелѣнію Наполеона, въ Вильно, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1812 г., чтобы они не достались въ руки русскихъ. Если это такъ, то можно думать, что инструкціи были менѣе благопріятны для Россіи, нежели чувства, высказанныя въ письмѣ отъ 2-го февраля.

Начиная съ 2-го и по 12-е марта 1808 г. въ Петербургѣ происходили почти ежедневно собесѣдованія между Коленкуромъ и канцлеромъ Румянцевымъ или между Коленкуромъ и самимъ императоромъ Александромъ I. Сущность этихъ бесѣдъ извѣстна изъ обстоятельныхъ донесеній, которыя посылались Коленкуромъ Наполеону; съ самаго начала было рѣшено, что во время этихъ переговоровъ не только ничего не будетъ рѣшено окончательно, но даже ничего не будетъ предрѣшено и что настоящіе переговоры будутъ происходить при личномъ свиданіи монарховъ. Съ русской стороны дѣлались неоднократно попытки закрѣпить письменно нѣкоторые пункты, относительно коихъ обѣ стороны видимо были согласны, но Коленкуръ упорно отказывался заключить какое бы то ни было соглашеніе. Во время этихъ любопытныхъ бесѣдъ, которыя отнюдь не имѣли характера дипломатическихъ переговоровъ и напоминали скорѣе всего бесѣды, происходившія въ Тильзитѣ, Коленкуръ, такъ же точно, какъ Наполеонъ, старался подкупить Александра обольстительными рѣчами.

Сначала было рѣшено, что о Константинополѣ не будетъ рѣчи и

что если султанъ будетъ изгнанъ изъ своей столицы, то Константинополь будетъ объявленъ вольнымъ городомъ и составитъ какъ бы маленькое нейтральное государство. Но затѣмъ Коленкуръ и Румянцевъ начали дѣлежъ Турціи, строили всевозможные планы и предположенія; это былъ своего рода академическій диспутъ, во время котораго собесѣдники выказали бездну остроумія. Коленкуръ какъ будто забавлялся, между тѣмъ какъ Румянцевъ обсуждалъ вопросъ серьезнѣе.

Вспоминая то, что было говорено въ Тильзитѣ, канцлеръ заявилъ о правахъ Россіи на Молдавію, Валахію и Болгарію; Коленкуръ не возражалъ противъ этого, но тотчасъ заявилъ о желаніи Франціи получить на свою долю Албанію, Грецію и Кандію. Нѣкоторое разногласіе возникло относительно Сербіи, которую Россія хотѣла присвоить себѣ, а Франція хотѣла отдать Австріи. Тогда Румянцевъ предложилъ, чтобы Сербія была предоставлена одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, а онъ женился бы на русской великой княжнѣ, которую сербы приняли бы съ распростертыми объятіями, какъ православную принцессу.

Коленкуръ выслушалъ это предложеніе съ большимъ вниманіемъ и сказалъ:

„Я присоединяюсь къ вашему мнѣнію; впрочемъ, вамъ извѣстно, что не въ моей власти на что-либо соглашаться или въ чемъ-либо отказать вамъ“.

Поощренный этими словами, канцлеръ заявилъ, что Россія хотѣла бы владѣть Константинополемъ.

„Какое это будетъ положеніе! Почти въ двухъ частяхъ свѣта!—воскликнулъ Коленкуръ.—Съ этой мыслію нужно освоиться прежде, нежели дерзнуть обсуждать ее!“

Но, два или три дня спустя, оказывается, онъ уже настолько освоился съ нею, что согласился съ тѣмъ, что Константинополь дѣйствительно могъ прекрасно отойти къ Россіи, замѣтивъ только, что въ такомъ случаѣ Франція должна получить соотвѣтственную компенсацію, напр., Дарданеллы. Румянцевъ на это не соглашался: Константинополь безъ Дарданеллъ не имѣлъ бы смысла,—говорилъ онъ. Владѣя Дарданеллами, Франція могла снова закрыть русскимъ доступъ въ Средиземное море.

Французское правительство именно это и имѣло въ виду. Въ этомъ заключалась вся сущность вопроса; онъ былъ неразрѣшимъ; это одно доказываетъ, какъ праздны были бесѣды, происходившія въ Петербургѣ.

На послѣднемъ совѣщаніи, 12-го марта 1808 г., была сдѣлана сводка взглядовъ и мнѣній, высказанныхъ русскимъ канцлеромъ и французскимъ посланникомъ.

Коленкуръ подтвердилъ при этомъ императору Александру, что онъ хотѣлъ только „обмѣняться мыслями".

— Мнѣ неизвѣстны намѣренія императора,—сказалъ онъ.—Я не могу ничего обѣщать, ничего отказать, не могу сказать ничего положительнаго. Мнѣ поручено только намекнуть на возможность придти къ соглашенію. Ежели я сказалъ во время переговоровъ слишкомъ много или слишкомъ мало, то я прошу ваше величество обвинить во всемъ одного меня, такъ какъ мнѣ не дано императоромъ никакихъ инструкцій помимо того, что изложено въ его письмѣ къ вашему величеству.

Это было отступленіемъ по всѣмъ пунктамъ.

Такъ какъ миссія Коленкура заключалась лишь въ томъ, чтобы вывѣдать мысли могущественной союзницы Франціи, то онъ счелъ безполезнымъ долѣе продолжать переговоры.

Русское правительство ожидало съ нетерпѣніемъ, какъ выскажется Франція о переговорахъ, происходившихъ въ Петербургѣ, и хотѣло ускорить свиданіе монарховъ, на которомъ вопросъ о Турціи долженъ былъ обсуждаться во всей подробности.

Однако, Наполеонъ не счелъ нужнымъ высказаться. По словамъ Талейрана, онъ рѣшилъ ничего не предпринимать въ Европѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ покончены дѣла въ Испаніи. Очевидно, всѣ его проекты о походѣ въ Индію и о раздѣлѣ Оттоманской имперіи были не болѣе, какъ фантастическіе призраки, вызванные имъ съ цѣлью отвлечь вниманіе Россіи.

Въ то время, какъ изъ Петербурга было получено донесеніе Коленкура о происходившихъ переговорахъ, Наполеонъ не думалъ, чтобы Испанія могла отвлечь на долго его вниманіе отъ Востока; онъ не предвидѣлъ, что ему суждено было встрѣтить за Пиренеями серьезныя препятствія. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему удалось отвлечь Россію заманчивыми переговорами и помѣшать возобновленію ея военныхъ дѣйствій съ Портой. Въ ожиданіи предстоявшаго свиданія царь не могъ предпринять ничего рѣшительнаго на Востокѣ и былъ вынужденъ отложить военныя дѣйствія на Дунаѣ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ письмо Наполеона принесло его автору всѣ плоды, какихъ онъ ожидалъ отъ него.

Александръ не понималъ, въ чемъ дѣло, и въ зависимости отъ вѣстей, получаемыхъ изъ Франціи, переходилъ отъ восторга къ величайшей тревогѣ; онъ выходилъ изъ себя по поводу того, что онъ не былъ въ состояніи уловить причудливыхъ мыслей своего „союзника", въ то же время онъ увлекался фантастичными проектами, которые Наполеонъ рисовалъ ему, и не зналъ, на чемъ остановиться.

Порта, со своей стороны, волновалась по поводу того, что ея не-

прикосновенность не была ничѣмъ обезпечена, что она могла ежеминутно подвергнуться нападенію со стороны Россіи; она не знала, отъ кого обороняться, не могла рѣшить, былъ ли Наполеонъ ея преданнымъ другомъ или самымъ заклятымъ ея врагомъ, и могла ли она довѣриться ему или должна была бояться его.

Сознавая свою слабость въ военномъ отношеніи, турецкое правительство желало заключить миръ съ Россіей и надѣялось, что это ему удастся при посредничествѣ Франціи, а Наполеонъ, поддерживая въ Россіи надежду на раздѣлъ Турціи, разумѣется, не могъ желать этого мира.

Такимъ образомъ, по отношенію къ Портѣ, французская политика была направлена въ теченіе зимы 1807—1808 года къ тому, чтобы заставить эту державу вооружиться терпѣніемъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ она побуждала ее дѣйствовать энергично противъ Англіи.

Но турецкіе сановники понимали, что только одна Англія сдерживала могущество Наполеона на Средиземномъ морѣ и на Востокѣ, поэтому, не отзываясь на предложенія лондонскаго правительства о заключеніи союза, они не отвѣчали ему однако рѣзкимъ отказомъ, и англійскіе дипломатическіе агенты съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближались съ константинопольскимъ кабинетомъ. Турки, видя, что Наполеонъ рѣшилъ не исполнять своихъ обѣщаній, приходили въ отчаяніе; народныя страсти разгорались, янычары угрожали произвести новый переворотъ. Рейсъ-эффенди открыто высказывалъ свое враждебное отношеніе къ Франціи и къ честолюбивымъ замысламъ Наполеона.

Французамъ, проживавшимъ въ Константинополѣ, угрожала опасность отъ взрыва магометанскаго фанатизма.

Съ наступленіемъ 1808 г. Наполеону пришлось оставить на время свои думы о Востокѣ и обратить все свое вниманіе на Испанію. Онъ не разсчитывалъ встрѣтить тутъ тѣхъ препятствій, на какія онъ натолкнулся, и надѣялся покончить съ Испаніей также быстро и легко, какъ съ Неаполемъ въ 1806 г., и полагалъ, что, владѣя Испаніей, онъ будетъ имѣть болѣе обширную операціонную базу для осуществленія своихъ плановъ на Средиземномъ морѣ, гдѣ ему было необходимо получить полную свободу дѣйствій.

29-го января 1808 г., за три дня до того, какъ было написано знаменитое письмо, вызвавшее, въ первый моментъ, восторгъ Александра I, Шампаньи писалъ Коленкуру: „Императоръ желаетъ, чтобы дѣла остались въ томъ положеніи, какъ было рѣшено въ Тильзитѣ... Отказаться отъ Молдавіи и Валахіи и совершить раздѣлъ Турціи значило бы заплатить за союзъ съ Россіей слишкомъ дорогой цѣною. Постарайтесь доказать (кому слѣдуетъ), что было бы выгоднѣе отсро-

чить эту мѣру, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не удастся побороть владычества англичанъ на Средиземномъ морѣ, ибо это дало бы имъ возможность захватить самую лучшую долю турецкаго наслѣдства".

Не допустить Россію перешагнуть за Дунай, отвлекая ея вниманіе грандіозными проектами, и оттѣснить въ то же время англичанъ съ береговъ Средиземнаго моря — такова была цѣль, поставленная себѣ Наполеономъ въ его восточной политикѣ для того, чтобы обезпечить Франціи преобладающее вліяніе на Востокѣ.

Для достиженія этой двоякой цѣли было необходимо отвлечь русскія силы отъ Балканскаго полуострова; поэтому императоръ французовъ посовѣтовалъ Александру приступить къ завоеванію Финляндіи, обѣщавъ ему свое содѣйствіе.

Дѣйствительно, какъ только въ Финляндію двинулось 20.000-е русское войско, Бернадотту было приказано идти въ Швецію. Но по всей вѣроятности онъ получилъ одновременно секретное предписаніе не спѣшить, такъ какъ онъ не воспользовался зимнимъ временемъ, чтобы перейти Бельтъ, и, съ наступленіемъ весны, его войско осталось на нѣмецкомъ берегу. Такимъ образомъ вся тяжесть войны пала на Россію, вслѣдствіе чего она была вынуждена двинуть противъ Финляндіи часть войскъ, предназначавшихся для Молдавской арміи. Это создало для русскаго правительства затрудненія, которыя очень тревожили его.

Царь жаловался Коленкуру, ссылаясь на то, что Наполеонъ обѣщалъ ему свое дѣятельное содѣйствіе. Посланникъ оправдывалъ свое правительство, какъ умѣлъ и стараясь поддержать дружелюбное отношеніе царя къ Франціи. Онъ самъ страдалъ отъ сознанія, что императоръ могъ подумать, будто онъ обманулъ русское правительство. Желая доказать царю свое чистосердечіе, Коленкуръ воспользовался опытностью, пріобрѣтенною имъ въ рядахъ Наполеоновской арміи, и далъ царю кое-какіе совѣты относительно военныхъ дѣйствій въ Финляндіи и этимъ доказалъ, что онъ искренно желалъ успѣха русскому оружію.

Александръ былъ тронутъ, а Наполеонъ сдѣлалъ своему посланнику рѣзкое замѣчаніе:

„Не забывайте, писалъ разгнѣванный императоръ Коленкуру, что вы должны быть, прежде всего, французомъ!"

Впрочемъ, Наполеонъ постарался загладить выговоръ, давъ вскорѣ своему посланнику титулъ герцога Виченскаго.

Цѣль Наполеона все же была достигнута: завоеваніе Финляндіи затянулось долѣе, чѣмъ предполагали, удержавъ Россію вмѣстѣ съ тѣмъ отъ активныхъ дѣйствій на ближнемъ Востокѣ. Кромѣ того,

Наполеонъ разсчитывалъ, что вступленіе русскихъ въ Финляндію отвлечетъ вниманіе англичанъ на сѣверъ и вызоветъ, быть можетъ, столкновеніе между лондонскимъ и петербургскимъ кабинетами; но этотъ разсчетъ не оправдался, хотя англичане все же послали въ Балтійское море нѣсколько судовъ и генералъ Мооръ былъ отозванъ изъ Сициліи. Получивъ это извѣстіе, Наполеонъ приказалъ какъ можно поспѣшнѣе снарядить французскій флотъ для посылки его въ Средиземное море, а самъ собирался осенью перейти Альпы, чтобы совершить вторично походъ въ Египетъ. Но полученныя имъ въ іюлѣ мѣсяцѣ извѣстія о неудачахъ, испытанныхъ его войсками въ Испаніи, гдѣ французскій генералъ Дюпонъ сдался 23-го іюля 1808 г. съ 8.000 чел. въ Байленѣ на капитуляцію испанцамъ, заставило его отказаться отъ этого плана и поспѣшить на Пиренейскій полуостровъ, гдѣ его престижу впервые былъ нанесенъ жестокій ударъ.

Не трудно было свергнуть съ престола Карла IV и Фердинанда VII, но не такъ легко оказалось побороть испанскій народъ, возставшій противъ иноземнаго владычества. Въ этомъ отношеніи Байленская капитуляція была не только пораженіемъ французскихъ войскъ, это былъ ударъ, нанесенный всей Наполеоновской Франціи. Если принять во вниманіе, что это пораженіе заставило Наполеона отказаться на время отъ восточныхъ проектовъ и что ему уже никогда не суждено было осуществить ихъ, то станетъ понятно все историческое значеніе этого событія.

Капитуляція Байлена нанесла Наполеону ударъ въ самое сердце. Пришлось задержать во французскихъ портахъ готовившіяся къ отплытію суда, отозвать изъ Германіи часть великой арміи, отозвать гарнизоны, оставшіеся въ прусскихъ крѣпостяхъ. И такъ какъ можно было опасаться, что капитуляція Байлена окрылитъ надеждами всѣхъ враговъ Франціи, то пришлось сдѣлать уступки Россіи, чтобы она сдерживала этихъ враговъ.

Наполеонъ не хотѣлъ показать вида, что, дѣйствуя такъ, онъ повинуется необходимости; 5-го августа, когда извѣстіе о Байленской капитуляціи еще не могло быть получено въ Петербургѣ, онъ поспѣшилъ отправить къ Коленкуру курьера, извѣщая его о своемъ рѣшеніи отозвать войска изъ Пруссіи. Онъ хотѣлъ показать, что это рѣшеніе принято имъ до капитуляціи, тогда какъ въ дѣйствительности оно было его ближайшимъ послѣдствіемъ.

Въ критическіе моменты Наполеонъ умѣлъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Такъ и этотъ разъ, предвидя опасность, онъ рѣшилъ ускорить свиданіе съ императоромъ Александромъ, о коемъ было условлено нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Александръ не заставилъ себя долго ждать; онъ отправился въ Эрфуртъ, чтобы восполь-

зоваться обстоятельствами и заставить заплатить какъ можно дороже за то, что въ немъ нуждались; его собственные интересы заставляли его спѣшить, пока у Наполеона были связаны руки въ Испаніи.

При этихъ условіяхъ Наполеону было трудно уклониться отъ исполненія какихъ бы то ни было требованій, предъявленныхъ ему царемъ, однако ему удалось отдѣлаться довольно легко. Онъ рѣшилъ уступить относительно Молдавіи и Валахіи, чтобы отсрочить этой цѣною раздѣлъ Оттоманской имперіи. Но, къ удивленію Наполеона, въ Эрфуртѣ царь выразилъ только желаніе получить княжества, отказавшись отъ мысли о раздѣлѣ Турціи.

Это объясняется тѣмъ, что Александръ уже сталъ опасаться раздѣла Турціи совмѣстно съ Наполеономъ, предвидя, что Франціи придется отдать при дѣлежѣ слишкомъ большую долю и вдобавокъ имѣть ее сосѣдкой. Изъ бесѣдъ съ Коленкуромъ царь убѣдился, что ему не удастся получить Константинополь и что Наполеонъ какъ будто только искалъ случая основаться въ этой столицѣ. Между тѣмъ интересы Россіи требовали быть какъ можно ближе къ Константинополю, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дать Франціи подвинуться къ Мраморному морю.

Такимъ образомъ въ Эрфуртѣ императоры могли легко придти къ соглашенію, по крайней мѣрѣ, относительно Восточнаго вопроса. Въ первыхъ статьяхъ заключеннаго договора было заявлено о намѣреніи императоровъ обезпечить всеобщій миръ, вступивъ для этого въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ. Въ основу мирныхъ переговоровъ рѣшено было положить принципъ сохраненія сдѣланныхъ ими пріобрѣтеній. Царь обязался признать непремѣннымъ условіемъ мира, чтобы новый порядокъ вещей, установленный Франціей въ Испаніи, былъ признанъ Англіей. Наполеонъ, съ своей стороны, обязался считать непремѣннымъ условіемъ мира признаніе Англіей присоединенія къ Россійской имперіи Финляндіи, Молдавіи и Валахіи.

Относительно Финляндіи въ договоръ не было включено никакихъ особенныхъ условій; что же касается княжествъ, то была сдѣлана весьма существенная и любопытная оговорка, а именно, Наполеонъ потребовалъ, чтобы Россія выждала исхода переговоровъ съ лондонскимъ кабинетомъ прежде, нежели заявить Турціи о своемъ твердомъ намѣреніи сохранить Молдавію и Валахію; Порта все еще разсчитывала на то, что Франція гарантируетъ ея неприкосновенность; узнавъ, что Франція покинула ее, она могла броситься въ объятія Англіи, которая, по словамъ Наполеона, заключитъ съ нею союзъ, найдетъ въ ея владѣніяхъ готовый рынокъ для своихъ произведеній и проникнетъ въ Черное море; тогда труднѣе будетъ заключить миръ и война можетъ окончиться къ невыгодѣ Россіи. Сви-

даніе въ Эрфуртѣ имѣло цѣлью подготовить заключеніе мира, заявленіе же о присоединеніи княжествъ къ Россіи только отдалило бы достиженіе этой цѣли.

Царь съ этимъ не согласился. Онъ болѣе не довѣрялъ Наполеону, опасаясь, что онъ снова проведетъ его. Онъ подозрѣвалъ, что Наполеонъ хотѣлъ отложить обсужденіе вопроса о княжествахъ до заключенія общаго мира, т. е. на неопредѣленное время. Александръ I разсердился, и Румянцевъ заявилъ Шампаньи:

„Мы не можемъ согласиться на продолженіе того положенія вещей, которое длится вотъ уже цѣлый годъ; оно не согласуется съ нашими интересами; а мы пріѣхали сюда именно для того, чтобы заявить, что мы не желаемъ долѣе терпѣть его“.

Русскій императоръ потребовалъ, чтобы вопросъ о княжествахъ былъ рѣшенъ немедленно. Наполеонъ уступилъ, согласившись признать верховныя права Россіи на княжества, которыя были присоединены къ Россіи вплоть до Дуная (ст. 8).

Впрочемъ, Наполеонъ сдѣлалъ еще одну попытку спасти критическое положеніе, въ какомъ французская политика находилась въ Константинополѣ, предложивъ Александру принять оговорку, что: „Портѣ не будетъ сообщено о намѣреніяхъ Россіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстно, какое впечатлѣніе произвели предложенія державъ на Англію“.

Русское правительство рѣшительно отказалось принять подобную оговорку. Александръ согласился только на словахъ „не заявлять о своихъ требованіяхъ и не двигать войскъ до 1-го января 1809 г.“.

Такимъ образомъ онъ обязался хранить рѣшеніе, принятое относительно княжествъ, въ глубочайшей тайнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ начать въ Константинополѣ переговоры, чтобы добиться, если будетъ возможно, добровольной уступки княжествъ Турціей. Франція отказалась отъ посредничества, и обѣ договаривающіяся стороны обязались обезпечить неприкосновенность прочихъ владѣній Оттоманской имперіи.

Наполеонъ вышелъ и этотъ разъ изъ затруднительнаго положенія побѣдителемъ; онъ дѣйствовалъ въ Эрфуртѣ весьма искусно, несравненно искуснѣе Александра; уступая ему Молдавію и Валахію, онъ этимъ только призналъ фактъ, совершившійся уже за годъ передъ тѣмъ и который отнюдь не увеличивалъ могущества Россіи, ибо ей приходилось еще завоевывать княжества силою оружія, а это могло повести къ продолжительной и безполезной войнѣ съ Турціей. Къ тому же, права Россіи на княжества были признаны „тайно“, Портѣ объ этомъ не было сообщено, по-прежнему она считала для себя выгоднымъ сохранить дружбу Наполеона и отвергнуть предло-

женія, дѣлаемыя Англіей. Все это давало Наполеону возможность выиграть время, а онъ считалъ годовую отсрочку достаточною, чтобы покончить съ возстаніемъ въ Испаніи, и полагалъ, что у него будутъ вскорѣ развязаны руки для дѣйствій на Востокѣ.

Но въ Испаніи Наполеонъ встрѣтилъ препятствія, какихъ онъ совершенно не ожидалъ. Онъ одержалъ побѣду надъ испанскимъ войскомъ, но ему не удалось подчинить себѣ испанскій народъ. Событія увлекли его, и онъ не могъ уже руководить ими по своей волѣ, какъ въ 1806 году.

Между тѣмъ въ Турціи разыгрались въ это время важныя событія, коими Наполеонъ, занятый въ Испаніи, не могъ воспользоваться.

VIII.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1808 г. въ Константинополѣ совершился снова переворотъ. На престолъ вступилъ Махмудъ II.

Среди турецкаго населенія разнесся слухъ, будто въ кровавыхъ событіяхъ, коими сопровождался этотъ переворотъ, принимало видное участіе французское правительство; говорили даже, будто Себастіани, покинувъ Константинополь, доѣхалъ только до Адріанополя, откуда онъ руководилъ всѣмъ дѣломъ.

Переворотъ этотъ не внесъ успокоеніе въ Турцію. Въ началѣ августа французскій посланникъ доносилъ своему правительству о сильномъ броженіи умовъ среди янычаръ, предсказывалъ самыя кровавыя событія и обсуждалъ необходимыя мѣры предосторожности для защиты христіанскихъ подданныхъ султана, которымъ могла угрожать опасность отъ взрыва мусульманскаго фанатизма.

И, дѣйствительно, въ исходѣ сентября вспыхнуло возстаніе, обагрившее Константинополь потоками крови.

Въ то же время населеніе Турціи было взволновано слухами о томъ, что переговоры, происходившіе въ Парижѣ, были прерваны, а также тревожными вѣстями о свиданіи въ Эрфуртѣ. Все это было выгодно англичанамъ, коихъ вліяніе въ Константинополѣ замѣтно усилилось въ исходѣ 1808 г., а 5-го января 1809 г. между Англіей и Турціей былъ заключенъ договоръ, коимъ впервые было формально признано за Турціей право закрывать Босфоръ и Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ націй.

Этотъ договоръ не повлекъ за собою разрыва между Франціей и

Турціей, и не помѣшалъ даже возобновленію слѣдующей весною непріязненныхъ дѣйствій съ Россіей, но онъ возстановилъ миролюбивыя отношенія между лондонскимъ и константинопольскимъ дворами и былъ первымъ серьезнымъ ударомъ, нанесеннымъ континентальной системѣ.

Въ началѣ 1809 года Наполеоновской имперіи угрожала со всѣхъ сторонъ опасность. Счастье было поколеблено.

Но Наполеонъ заставилъ счастье еще разъ обернуться въ его сторону, одержавъ подъ Ваграмомъ блистательную побѣду надъ австрійцами.

Договоръ, заключенный 14-го октября 1809 г. въ Вѣнѣ, свидѣтельствуетъ, что Восточный вопросъ не утратилъ тогда еще значенія въ глазахъ Наполеона. Ибо онъ не только выговорилъ себѣ у Австріи западную Галицію, которая была присоединена къ великому герцогству Варшавскому, но также Броунау, Зальцбургъ и округъ Инна, которые были отданы королю Баварскому и тѣмъ самымъ включены въ Рейнскій союзъ; кромѣ того были присоединены непосредственно къ Французской имперіи всѣ юго-западныя провинціи Австріи, которыя образовали вмѣстѣ съ Далмаціей Иллирійскія провинціи.

Это была компенсація, полученная Наполеономъ за тѣ преимущества, какія русское правительство получало на нижнемъ теченіи Дуная, по договору, заключенному въ Эрфуртѣ, возстановившая на Балканскомъ полуостровѣ равновѣсіе между Франціей и Россіей.

Счастье какъ будто снова улыбнулось Наполеону. Побѣда подъ Ваграмомъ могла имѣть для него такія же выгодныя послѣдствія, какъ Аустерлицъ, однако послѣ Вѣнскаго договора его владычество не распространялось далѣе на востокъ.

Если бросить взглядъ на политическую карту Европы, каковой она представлялась въ тотъ моментъ, то картина получается весьма внушительная, въ особенности если включить въ нее всѣ государства, находившіяся, прямо или косвенно, подъ владычествомъ Наполеона, начиная отъ великаго герцогства Варшавскаго и Рейнской конфедераціи на сѣверъ до Италіи и Иллирійскихъ провинцій на югъ.

При видѣ этого апогея территоріальнаго величія Наполеоновской имперіи, невольно является вопросъ, какова была цѣль этой необычайной политики? ради чего велись эти нескончаемыя войны, чѣмъ можно объяснить эту ненасытную жажду пріобрѣтеній?

Это осталось тайною Наполеона, которую многочисленные изслѣдователи, изучавшіе его эпоху, тщетно старались проникнуть. Извѣстный французскій историкъ Эмиль Буржуа искалъ ея разъясненія въ Восточномъ вопросѣ, утверждая на основаніи изученныхъ имъ доку-

ментовъ, что Наполеонъ былъ постоянно занятъ мыслью о раздѣлѣ Турціи совмѣстно съ одной Россіей или съ Россіей и Австріей.

Между тѣмъ на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ можно скорѣе утверждать, что онъ употреблялъ все свое стараніе къ тому, чтобы не допустить этого раздѣла.

Однимъ желаніемъ раздѣлить Оттоманскую имперію нѣтъ возможности объяснить восточную политику Наполеона во всей ея совокупности, ибо въ такомъ случаѣ какая была цѣль образованія Рейнскаго союза, къ чему было присоединять къ Франціи Испанію и Португалію, къ чему было стараться уничтожить Пруссію? Послѣдняя въ особенности не стояла у него на пути къ Востоку.

Составить себѣ нѣкоторое понятіе о цѣляхъ, коими руководился Наполеонъ, можно, лишь тщательно взвѣсивъ и сопоставивъ факты и постаравшись выяснить, какого мнѣнія были о Наполеонѣ современники и что они думали о его планахъ.

Въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ императору, услугами коихъ онъ пользовался и коимъ поручалъ составленіе записокъ о политическомъ положеніи Европы, были люди, которые стремились гораздо болѣе заслужить одобреніе императора, нежели высказать свое личное мнѣніе; поэтому ихъ отзывы даютъ возможность составить себѣ понятіе о его собственныхъ мысляхъ.

Подготовительными работами въ дипломатическихъ сношеніяхъ французскаго правительства завѣдывалъ съ Тайлераномъ Готривъ (Hauterive), директоръ политическаго департамента французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Когда ему нужно было получить точныя свѣдѣнія относительно восточныхъ дѣлъ, онъ обратился къ бывшему, въ 1802 году, секретарю турецкаго посольства Кодрику, „который предалъ свое посольство, служа Франціи“, какъ значится на обложкѣ представленныхъ имъ донесеній. Въ 1806 году Кодрикъ составилъ рядъ важныхъ записокъ о Востокѣ, темы для которыхъ намѣчались французскимъ правительствомъ. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1-е „Военное положеніе Европейской Турціи и преимущественно Греціи“; 2-е „Политическое и военное могущество янинскаго паши, Пассевана-Оглу и сербовъ“; 3-е „Имѣется ли въ Европейской Турціи, кромѣ янинскаго паши, другой вліятельный полумятежный, полупокорный человѣкъ?“ 4-е „Вліяніе Россіи на Грецію и Іоническіе острова; какъ оно возникло и какими средствами поддерживается?“ 5-е „Какъ дѣйствуютъ въ настоящее время русскіе агенты, съ цѣлью распространить вліяніе Россіи и сдѣлать его болѣе плодотворнымъ“ и т. д.

Къ этимъ статьямъ Кодрикъ приложилъ написанную по его собственному побужденію записку, подъ заглавіемъ: „Средства, коими

располагаетъ Франція, послѣ достопамятной побѣды подъ Аустерлицомъ, для того, чтобы извлечь изъ своихъ сношеній съ Россіей крупныя политическія и торговыя выгоды".

Записка эта въ высшей степени любопытна: Она была прочитана Наполеономъ и одобрена Готривомъ, который согласился со всѣми ея выводами. Въ этомъ документѣ, который бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на императорскую политику, Кодрикъ высказываетъ мысль, что побѣда подъ Аустерлицомъ „дала въ руки величайшаго героя самое вѣрное средство, чтобы удалить изъ южной Европы русскія силы, уничтожить преобладающее вліяніе Россіи на континентѣ и воздвигнуть преграду между этой державою и остальной Европой".

Надобно замѣтить, что даже послѣ Тильзитскаго мира всѣхъ политическихъ дѣятелей, окружавшихъ Наполеона, за исключеніемъ, быть можетъ, одного Коленкура, преслѣдовала мысль о необходимости отбросить Россію въ Азію, воздвигнувъ преграду между нею и остальной Европою. Въ этомъ заключалась, повидимому, вся сущность, весь смыслъ Восточной политики Наполеона. Кодрикъ полагалъ, что Турецкая имперія была въ то время слишкомъ слаба, чтобы служить оплотомъ противъ Россіи: „это государство близкое къ погибели, писалъ онъ, у него нѣтъ арміи, нѣтъ денежныхъ средствъ, ни федеративной системы, сообразной съ его положеніемъ и интересами".

Вслѣдствіе этого Оттоманская имперія представляетъ собою полное ничтожество въ политической системѣ Европы, но ничтожество опасное, такъ какъ вокругъ него сосредочиваются самые существенные интересы европейскихъ державъ и такъ какъ въ Турціи вспыхиваютъ нерѣдко яркія искры, разжигающія въ Европѣ всепожирающее пламя войны. Поэтому о ней не слѣдуетъ забывать, если хотятъ возстановить въ Европѣ всеобщее равновѣсіе. „Я далекъ отъ мысли, продолжаетъ Кодрикъ, о раздѣлѣ Оттоманской имперіи; уничтожить ее значило бы раздѣлить ея владѣнія, а раздѣлъ этой имперіи нарушилъ бы равновѣсіе Европы и повлекъ бы за собою только чрезмѣрное увеличеніе Россіи".

Буквально то же самое высказалъ Наполеонъ въ своей бесѣдѣ съ Меттернихомъ 26-го января 1808 г.

„Чтобы предупредить катастрофу, читаемъ въ вышеупомянутой запискѣ въ заключеніе, нельзя ни предоставить Оттоманскую имперію ея печальной участи, ни поддерживать ее въ томъ состояніи, въ какомъ она находится въ настоящее время, ибо въ томъ и въ другомъ случаѣ ея гибель неизбѣжна; и она подпадетъ неминуемо подъ власть Россіи... Для того, чтобы предупредить паденіе этой имперіи, надобно позаботиться объ ея внутреннемъ устройствѣ, но для того, чтобы устроить ее, необходимо преобразовать систему ея

управленія. Слава этого преобразованія можетъ быть дѣломъ творческаго генія величайшаго изъ героевъ".

„При этомъ необходимо принять во вниманіе, что причины неустройства Турецкой имперіи заключались въ „разнохарактерности составляющихъ ее элементовъ", въ ея „географическомъ раздѣленіи на европейскія и азіатскія владѣнія, въ ея политическомъ раздѣленіи на двѣ народности, изъ коихъ одна господствующая, а другая подвластная, одна угнетающая, а другая—всегда готовая возстать на защиту своихъ правъ". Въ запискѣ предлагалось для преобразованія Турціи два средства.

Одно изъ нихъ заключалось въ томъ, чтобы раздѣлить Турецкую имперію на двѣ части, азіатскую и европейскую; первую подъ главенствомъ султана, а вторую—монарха христіанина; присоединить къ Франціи Египетъ, организовать варварійскія владѣнія подъ властью одного бея: все это подъ главенствомъ императора французовъ.

Въ награду за услугу, оказанную Франціей, умиротвореніемъ и возрожденіемъ Турціи, султанъ долженъ былъ возобновить прежнія капитуляціи, и тогда прежнее преобладающее торговое и нравственное вліяніе Франціи на Востокѣ было бы возстановлено на долго.

Этотъ проектъ долженъ былъ понравиться Наполеону, такъ какъ онъ согласовался съ существующимъ положеніемъ вещей и давалъ ему возможность воспользоваться распаденіемъ Оттоманской имперіи, а главное онъ противоставлялся планамъ, которые Россія преслѣдовала относительно Турціи, начиная съ царствованія Екатерины II-й. Россія хотѣла освободить греческихъ подданныхъ изъ подъ власти султана, Франція освободила бы всѣхъ христіанскихъ подданныхъ султана, взявъ ихъ подъ свое высокое покровительство.

Пріѣхавъ въ Константинополь, Себастіани писалъ Талейрану, что онъ готовъ содѣйствовать соединенію греческой и латинской церквей; „это дѣло возможное, о которомъ императору слѣдовало бы подумать, писалъ онъ, и которое было бы прекраснымъ средствомъ, чтобы изгнать русскихъ съ Востока" [1]).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Талейранъ писалъ Готриву изъ Варшавы: „я не думаю, чтобы какая-либо сила могла спасти Оттоманскую имперію; по моему мнѣнію, она погибла; остается только вопросъ, какая часть ея достанется Франціи при раздѣлѣ, который долженъ неизбѣжно (это слово подчеркнуто Талейраномъ) совершиться не сегодня—завтра", а нѣсколько дней спустя, 31-го января 1807 года, онъ писалъ Готриву, что, желая упрочить миръ, „Наполеонъ намѣренъ поддержать существованіе Турецкой имперіи, дабы

[1]) Себастіани Талейрану 10-го октября 1806.

другіе не обогатились на счетъ ея останковъ и усилившись не сдѣлались опасными для своихъ сосѣдей". Необходимо, чтобы Россія обязалась воздерживаться впредь отъ всякихъ посягательствъ на земли, граничащія съ нею съ юга, каковыя начались тридцать лѣтъ тому назадъ и продолжаются по сей часъ, и признала бы независимость и цѣлость Оттоманской имперіи".

Надобно однако замѣтить, что всѣ вышеприведенныя соображенія были высказаны до заключенія тильзитскаго договора, съ которымъ, по утвержденію самого Наполеона, измѣнилась вся его политическая система. Дѣйствительно, его политика измѣнилась по отношенію къ Россіи, съ которой онъ намѣревался поддерживать впредь дружескія отношенія: что касается Турціи, то она измѣнилась только для вида, а не по существу, и эта внѣшняя перемѣна имѣла цѣлью именно упроченіе новыхъ отношеній, возникшихъ съ Россіей.

Если бы Наполеонъ былъ на самомъ дѣлѣ расположенъ въ то время раздѣлить Турцію между Франціей и Россіей, то онъ не постарался бы включить въ тильзитскій договоръ статьи, по смыслу которыхъ всѣ русскія суда должны были удалиться въ Черное и Балтійское моря и русскіе теряли всѣ занятыя ими позиціи на Средиземномъ морѣ и на Іоническихъ островахъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1808 г., во время свиданія въ Эрфуртѣ, въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ особенно нуждался въ союзѣ съ Россіей и боялся, что ему придется принести ради этого союза серьезныя жертвы, онъ обратился къ графу Готриву съ просьбою составить новую записку о современномъ положеніи дѣлъ. Результатомъ этого явился объемистый трудъ подъ заглавіемъ: „О проектѣ союза между двумя великими континентальными державами съ цѣлью принудить Англію къ заключенію мира".

Записка начинается пространнымъ разсужденіемъ о характерѣ англійской и русской политики, стремящейся, по разнымъ причинамъ безгранично увеличивать свои владѣнія. „Россія—держава изолированная, говорится въ запискѣ, такъ какъ она мало доступна для иностранцевъ; но, по самому положенію своему, она склонна къ воинственной и завоевательной политикѣ.

„Разумѣется, ее можетъ связывать съ прочими государствами общность интересовъ, но эти интересы бываютъ только случайные, второстепенные и временные; не будучи связана тѣми непрочными и случайными узами, каковыя она заключаетъ, Россія всегда будетъ отказываться отъ нихъ и мѣнять своихъ союзниковъ, смотря по обстоятельствамъ или даже смотря по перемѣнѣ въ личныхъ взглядахъ и вкусахъ ея монарховъ. Россіи нѣтъ надобности въ ея друзьяхъ и союзникахъ для того, чтобы защитить свои границы; ея агрессив-

ная политика вызвана исключительно ея личными интересами. Она занимаетъ огромную и дикую страну. Правительство, за послѣднія сто лѣтъ, стремится цивилизовать ее; такъ какъ ея нравы могутъ измѣниться только постепенно, то правительство устремилось къ завоеванію сосѣднихъ странъ съ болѣе цивилизованнымъ населеніемъ. Въ этомъ направленіи, коимъ руководятся всѣ мѣропріятія внѣшней политики русскаго правительства, оно будетъ постоянно имѣть успѣхъ; ибо держава, стремящаяся къ завоеваніямъ, всегда достигаетъ, рано или поздно, своихъ цѣлей. Для такого государства неудачи имѣютъ только временное значеніе, ибо онѣ только отсрочиваютъ выполненіе его плановъ. Такъ, сѣверные народы овладѣли Римской имперіей, такимъ же образомъ цивилизованная Европа будетъ современемъ поглощена Россіей, если ее не защититъ отъ этого сильная, предусмотрительная и мудрая политика".

Допустивъ возможность распаденія Оттоманской имперіи, графъ Готривъ обсуждаетъ возможныя послѣдствія этого событія: „Вслѣдствіе раздѣла Турціи, Россія неизбѣжно сдѣлается морскою державою; пріобрѣтетъ флотъ, длинное побережье, много приморскихъ городовъ, гаваней, портовъ и населеніе, состоящее изъ 150.000 моряковъ. Внутреннія моря, недоступныя иностранцамъ, обезпечатъ русскому флоту надежное убѣжище, гдѣ Россія можетъ строить и вооружать суда и обучать приморское населеніе мало извѣстному ему искусству мореплаванія и военныхъ дѣйствій на морѣ.

„Какъ бы ни были распредѣлены послѣ раздѣла отдѣльныя части Турецкой имперіи, весьма вѣроятно, что доля, полученная Россіей, будетъ настолько велика, что, вступивъ во владѣніе ею, она получитъ на Балканскомъ полуостровѣ преобладающее вліяніе и полную возможность присоединить къ своей части постепенно и земли, которыя отойдутъ къ другимъ державамъ, участницамъ раздѣла; и если обстоятельства будутъ ей благопріятствовать, то Россія, владычица Сѣвера и Востока, очутится уже не у преддверія Европы, а въ самыхъ ея нѣдрахъ; а это можетъ повести за собою ослабленіе Франціи, и Россія будетъ угрожать не только Турціи, но также Австріи, Италіи, а затѣмъ и Южной Франціи и Испаніи".

Совершивъ раздѣлъ Турціи, державамъ придется вступить во владѣніе доставшимися на ихъ долю землями; это, по мнѣнію Готрива, было бы легко для Россіи и сопряжено, напротивъ, съ большими трудностями для Франціи. „Россія готова къ походу. У нея имѣется 60.000 человѣкъ на Дунаѣ или по близости оттуда. Ей стоитъ только перейти Дунай и Балканы, и она будетъ у воротъ Константинополя. Она имѣетъ въ тылу запасные магазины Польши и Молдавіи, а слѣва море, гдѣ флотъ можетъ поддержать ея военныя сухопутныя дѣйствія

и снабжать войска провіантомъ. Россія вступитъ въ страну, которая ей извѣстна, гдѣ она воевала въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, побѣждала турокъ, побивала ихъ войско и не разъ разрушала ихъ крѣпости. Россія будетъ вести войну одна, за свой счетъ. У нея нѣтъ ни сосѣдей, ни союзниковъ, интересы которыхъ ей пришлось бы имѣть въ виду при заключеніи мира, ей не съ кѣмъ считаться, обсуждая результаты предполагаемой кампаніи".

Развивая свою мысль, авторъ статьи доказывалъ, что положеніе Франціи было бы, въ случаѣ раздѣла Турціи, совсѣмъ обратное, вслѣдствіе ея отдаленности отъ Турціи, неприступныхъ горъ и ущелій, которыя она встрѣтитъ на своемъ пути, отсутствіе средствъ для прокормленія войска, отсутствіе приморскихъ пунктовъ, откуда можно было бы содѣйствовать успѣху экспедиціи и т. д.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Готривъ приходитъ къ заключенію, что съ раздѣломъ Турціи слѣдовало повременить, приступивъ къ нему при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Мы уже знаемъ, каковы были результаты эрфуртскаго свиданія. Въ конвенціи, заключенной императорами, не было рѣчи о раздѣлѣ Турціи, и Наполеонъ принесъ Россіи, которая была въ то время еще нужна ему, лишь самыя ничтожныя жертвы. Онъ предоставилъ рѣшеніе восточнаго вопроса будущему и обезпечилъ еще разъ почти полную неприкосновенность Турецкой имперіи.

Наканунѣ переговоровъ въ Эрфуртѣ, Наполеонъ говорилъ Талейрану: „Что касается восточнаго вопроса, то съ нимъ спѣшить не слѣдуетъ. Постарайтесь особенно настаивать на этомъ, такъ какъ графъ Румянцевъ принимается за дѣло горячо. Скажите, что нужно во всемъ сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ, что нужно вести дѣло такъ, чтобы Европа, не опасаясь нашего соединеннаго могущества, видѣла съ удовольствіемъ осуществленіе задуманнаго нами великаго плана. Обезпеченіе правъ прибрежныхъ державъ, хорошо понятые интересы континента, семь милліоновъ грековъ, коимъ будетъ возвращена свобода и т. д.—вотъ прекрасное поле дѣятельности для филантропіи. Предоставляю вамъ въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій; но я хочу только, чтобы эта филантропія была дѣломъ далекаго будущаго. Прощайте".

На основаніи этихъ фактовъ и вышеизложенныхъ мнѣній нельзя сказать опредѣленно, въ чемъ именно заключалась восточная политика Наполеона; можно говорить только приблизительно, сопоставляя совершившіеся факты.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ смотрѣлъ на Россію, какъ на страну варварскую, чуждую Европѣ, которую судьба повелѣвала ему удержать вдали отъ цивилизованнаго міра. Таково было мнѣніе

многихъ современниковъ; то же самое высказалъ, какъ мы видѣли, графъ Готривъ въ своей запискѣ.

Справедливость этого мнѣнія подтверждается посланіемъ Наполеона Сенату изъ Варшавы отъ 29-го января 1807 г.: „Мы повелѣли представить на благоусмотрѣніе Сената донесеніе нашего министра иностранныхъ дѣлъ касательно опасностей, угрожающихъ со стороны Оттоманской Порты...—писалъ Наполеонъ Сенату.—Никто не можетъ предугадать, какую продолжительную войну пришлось бы вести со временемъ, чтобы вознаградить бѣдствія, которыя могли бы произойти отъ утраты владычества надъ Константинополемъ.

„Мы оставили бы нашимъ потомкамъ въ наслѣдіе на долгіе годы войну и всѣ связанныя съ нею бѣдствія.

„Если бы возстановленная греческая тіара возсіяла въ полномъ блескѣ отъ береговъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, то наша страна подверглась бы нападенію толпы фанатиковъ и варваровъ. Если бы въ этой запоздалой борьбѣ погибла цивилизованная Европа, то преступное равнодушіе, выказанное нами въ виду этой возможности вызвало бы справедливое нареканіе со стороны потомства и было бы позоромъ въ глазахъ исторіи“.

Послѣ свиданія въ Тильзитѣ, Наполеонъ заговорилъ безспорно въ другомъ тонѣ; императоры обмѣнялись увѣреніями въ самой искренней дружбѣ. Но Наполеонъ заключалъ Александра въ свои объятія только для того, чтобы лучше сдерживать его. Своими ласковыми рѣчами онъ добился въ сущности того, чего онъ хотѣлъ: приниженія Пруссіи и удаленія русскихъ судовъ изъ Средиземнаго моря. Онъ не пожертвовалъ ради союза съ Александромъ даже идеей о цѣлости Оттоманской имперіи, ибо царь обѣщалъ очистить княжества.

Итакъ, тщательно сопоставляя всѣ факты, приходимъ невольно къ заключенію, что хотя Наполеонъ часто говорилъ о раздѣлѣ Турціи, но онъ ничѣмъ не содѣйствовалъ ему, напротивъ того, въ дѣйствительности онъ задержалъ русскихъ на пути къ Византіи. Весьма сомнительно, чтобы императоръ французовъ имѣлъ когда-либо серьезное намѣреніе согласиться на раздѣлъ Турціи.

Такъ какъ всѣ считали въ то время Турцію погибшей и смотрѣли на перевороты, происходившіе въ этой странѣ, какъ на предвѣстники ея разложенія, то интересно знать, что же думалъ сдѣлать съ нею Наполеонъ?

Онъ думалъ такъ или иначе взять Турцію себѣ цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, большую ея часть, включить ее, подъ какимъ бы то ни было видомъ, въ свою монархію и, принявъ титулъ императора, явиться въ полномъ смыслѣ слова императоромъ восточной и западной имперіи.

Для того, чтобы возстановить имперію Карла Великаго, Наполеону пришлось побѣдить Австрію и Пруссію; въ результатѣ онъ получилъ господство надъ Германіей и Италіей. Нѣсколькими побѣдами Наполеонъ не только довелъ свою монархію до размѣровъ имперіи Карла Великаго, но даже превзошелъ ихъ,—а онъ любилъ, какъ извѣстно, называть себя наслѣдникомъ великаго императора.

Естественно, что его прельщала мысль овладѣть также восточной имперіей. Со стороны Турціи онъ не могъ ожидать серьезнаго противодѣйствія, она представлялась легкою добычею.

Въ настоящее время понятіе объ императорскомъ титулѣ существенно измѣнилось; во времена Наполеона, по понятіямъ тогдашняго общества, на свѣтѣ могъ быть только одинъ императоръ, т. е. единственный монархъ, стоявшій выше всѣхъ другихъ монарховъ. Такова была классическая традиція, унаслѣдованная отъ Римской имперіи. Наполеонъ хотѣлъ воплотить въ своемъ лицѣ власть древнихъ императоровъ. Подобно Карлу Великому, онъ распространилъ свое могущество до Адріатическаго и Іоническаго морей, сдѣлался покровителемъ Рейнскаго союза, отодвинулъ границу его до Эльбы, принизилъ Пруссію, дерзнувшую стать на пути его честолюбивыхъ замысловъ, возстановилъ Польшу подъ названіемъ великаго герцогства Варшавскаго.

Подобно римскому императору, онъ хотѣлъ властвовать надъ Средиземнымъ моремъ, бывшимъ нѣкогда римскимъ озеромъ „mare nostrum“, и поэтому ему было необходимо утвердить свое владычество на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ хотѣлъ обладать Константинополемъ, ибо только тогда онъ былъ бы императоромъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Вступая вторично въ бракъ, онъ искалъ руки русской великой княжны, мечтая быть можетъ при этомъ соединить подъ своимъ скипетромъ православныхъ христіанъ и присвоить себѣ историческія права русскихъ царей на святую Софію. Получивъ отказъ, онъ женился на дочери императора австрійскаго и былъ доволенъ, когда въ день его бракосочетанія Меттернихъ провозгласилъ тостъ „за здоровье римскаго императора“.

Могъ ли Наполеонъ, при этихъ условіяхъ, лелѣять мысль о раздѣлѣ Оттоманской имперіи съ Россіей? По его понятіямъ Турція, какъ восточная имперія, была его собственностью, его личнымъ достояніемъ. Могъ ли онъ заключить искренній и прочный союзъ съ царемъ, который также мечталъ быть восточнымъ императоромъ?

И дѣйствительно во времена Наполеона не существовало франко-русскаго союза въ истинномъ смыслѣ этого слова; существовало только франко-русское соглашеніе, которое Наполеонъ старался со-

четать франко-турецкимъ и франко-персидскимъ союзомъ. Наполеонъ всѣми силами старался отдалить Россію отъ Константинополя, старался поднять Турцію и преобразовать ее, въ ожиданіи того момента, когда явилась бы возможность рѣшить ея участь окончательно; онъ поддерживалъ въ то же время союзъ съ Россіей до тѣхъ поръ, пока имъ не было довершено созиданіе имперіи, дабы имѣть возможность раздавить Австрію, которая не хотѣла стать въ положеніе вассала новой имперіи; когда же, по его мнѣнію, все было наконецъ готово для осуществленія его цѣли, онъ поднялъ всю цивилизованную Европу противъ русскихъ варваровъ и радовался тому, что всѣ народы Европы шли подъ его предводительствомъ на Востокъ, чтобы оттѣснить русскихъ варваровъ въ Азію.

Римскіе императоры точно также считали своей миссіей сдерживать варварство и покровительствовать цивилизаціи. Если бы Наполеонъ одержалъ побѣду надъ Россіей, восточный вопросъ навѣрное былъ бы рѣшенъ имъ окончательно. Рокъ, который, по убѣжденію Наполеона, избралъ его для выполненія своихъ предначертаній, далъ бы въ его руки вмѣстѣ съ Константинополемъ весь Востокъ, т. е. всю восточную имперію.

Наканунѣ похода въ Россію Наполеонъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уменьшить ея вліяніе на Сербію, поддерживалъ сношенія съ Кара-Георгіемъ, посылалъ своихъ агентовъ въ Сенъ-Жанъ-д'Акръ и Египетъ, подготовляя на Востокѣ почву на случай пораженія русскихъ, не предвидя, что онъ самъ могъ понести пораженіе.

Занятая вопросами обще-европейской политики и готовясь къ войнѣ съ Наполеономъ, Россія поспѣшила заключить, въ 1812 г., съ Турціей Бухарестскій миръ, чтобы посвятить всѣ свои силы на борьбу съ Наполеономъ. Турціи по этому мирному договору она возвратила Молдавію и Валахію. Такимъ образомъ, походъ Наполеона въ Россію спасъ косвенно цѣлость Турецкой имперіи, и этимъ было выполнено обѣщаніе, данное нѣкогда Наполеономъ своему другу Селиму III.

Дѣятели 1850-хъ годовъ.

Изъ записокъ Попова.

Ѳ. Брокъ и Е. И. Ламанскій. Говорятъ, что графъ Канкринъ предназначалъ на свое мѣсто Вронченку съ тою цѣлію, чтобы преемникъ не затмилъ его; а тайный совѣтникъ Брокъ такъ управлялъ министерствомъ финансовъ, что нынѣ и о графѣ Вронченкѣ вспоминаютъ, какъ о хорошемъ министрѣ.

Брокъ, предшествовавшею службою (въ Государственномъ Совѣтѣ), нисколько не приготовилъ себя къ финансовой части, которая есть особая наука, обширная и трудная. Только тотъ постигаетъ ее, кто имѣетъ страсть къ ней и изучилъ ее теоретически. Тутъ одно знаніе должности на практикѣ не поможетъ. Сверхъ того, министру финансовъ надобно знать подробно всѣ нужды и средства государства: торговлю, промышленность, согласны ли онѣ съ потребностями народа, съ положеніемъ имперіи и съ отношеніями къ другимъ державамъ; ему надобно слѣдить за своевременнымъ ходомъ финансовыхъ дѣлъ и учрежденій въ иностранныхъ земляхъ. Въ наше время науки и всѣ ряды знаній измѣняются и быстро совершенствуются, такъ что кто нейдетъ впередъ, тотъ отстаетъ, и по части управленія финансами что при графѣ Канкринѣ было хорошо, то нынѣ безполезно или можетъ вести къ государственному разстройству.

Управленіе Брока министерствомъ финансовъ называютъ канцелярскимъ упражненіемъ, которое состоитъ только изъ отписки бумагъ и изъ распоряженій, дѣлаемыхъ по прежнимъ примѣрамъ. Какъ было при графахъ: Вронченкѣ, Канкринѣ и даже Гурьевѣ, такъ продолжается и нынѣ. Брокъ даже отвергаетъ случаи, которые могли бы

повести ввѣренное ему министерство къ усовершенствованію. При немъ служилъ коллежскій совѣтникъ Ламанскій, сынъ директора кредитной канцеляріи. Сначала отъ своего отца, а потомъ собственнымъ изученіемъ онъ пріобрѣлъ глубокія свѣдѣнія въ финансовой наукѣ и сдѣлался извѣстенъ ученому свѣту. Желая еще болѣе усовершенствоваться, онъ просилъ министра финансовъ отправить его за границу по дѣламъ службы, не требуя пособія и никакой исключительной милости. При этомъ, объяснивъ недостатки нашихъ кредитныхъ учрежденій, онъ обѣщалъ собрать за границею свѣдѣнія, которыя принесутъ пользу Россіи. Тайный совѣтникъ Брокъ и не зналъ, что подъ его начальствомъ служитъ столь даровитый чиновникъ, а выслушавъ его просьбу, не постигъ важности предложенія и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что русскимъ по финансовой части нечему учиться у иностранцевъ.

Ламанскій долженъ былъ оставить службу. Какъ онъ былъ еще секретаремъ Русскаго Географическаго общества, то мысли свои о путешествіи высказалъ въ этомъ обществѣ, которое, черезъ бывшаго тогда вице-предсѣдателя Муравьева, доложило обо всемъ предсѣдателю своему, великому князю Константину Николаевичу. Его высочество, принявъ это представленіе съ тѣмъ сочувствіемъ, съ которымъ встрѣчаетъ каждое полезное начинаніе, исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе: отправить Ламанскаго, для ученыхъ работъ, за границу на полтора года, съ выдачею ему изъ государственнаго казначейства на путевыя издержки 3.975 рублей.

Русское Географическое общество поручило ему: ознакомить ученыя учрежденія между собою, узнать самые способы ихъ дѣйствій, устройства и образы исполненія ученыхъ работъ; а потомъ присоединило къ этому обязанность изучить финансовыя заграничныя учрежденія. Такимъ образомъ заботу объ улучшеніи въ Россіи финансовой части, вмѣсто министра финансовъ, приняли на себя его императорское высочество генералъ-адмиралъ и частное ученое общество.

Это происходило въ исходѣ 1856 года. Слѣдующій годъ начался статьями противъ русскихъ финансовыхъ постановленій. Членъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гагемейстеръ, въ первой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1857 годъ, напечаталъ статью: „Взглядъ на промышленность и торговлю Россіи“, а въ слѣдующихъ двухъ книжкахъ того же вѣстника явилась статья Ламанскаго, подъ названіемъ: „Современное положеніе кредитныхъ учрежденій“.

Гагемейстеръ, въ статьѣ своей, доказываетъ ошибочность финансовой системы, существующей у насъ со времени министерства графа Канкрина, по которой правительство старалось развивать внутреннюю

промышленность, и съ этою цѣлію само заводило мануфактуры, учреждало техническія училища и дѣлало разныя другія пожертвованія, а для поощренія этой промышленности затрудняло или вовсе запрещало ввозъ многихъ иностранныхъ товаровъ. Несмотря на это, промышленность у насъ почти не улучшалась; казенныя мануфактуры приносятъ только убытки; товары частныхъ производителей ниже достоинствомъ и выше цѣною иностранныхъ, потому что трудъ, не возбуждаемый соревнованіемъ, обходится дороже и менѣе производителенъ труда свободнаго. Главное же, у насъ не устранили сначала препятствій, затрудняющихъ промышленность и торговлю: у насъ не было познаній, кредита, капиталовъ и удобныхъ путей сообщенія. Русскимъ былъ преграждаемъ выѣздъ за границу; иностраннымъ учителямъ, мастерамъ и рабочимъ затруднительно было пріѣзжать въ Россію. „Неизбѣжное слѣдствіе охранительной системы—пишетъ Гагемейстеръ, есть уединеніе государствъ, затрудненіе или перерывъ сношеній между сосѣдями, а это не можетъ не оказывать чувствительнаго вліянія на политическія ихъ отношенія и бываетъ нерѣдко причиною непреодолимой народной вражды, оканчивающейся кровопролитною войною. Еще вреднѣе то, что промышленное отчужденіе нерѣдко дѣлается и умственнымъ". Далѣе онъ излагаетъ, что кредита у насъ нѣтъ по неудовлетворительности существующихъ на этотъ предметъ законовъ: ибо, въ случаѣ взысканія съ должника, судебная защита неблагопадежна, люди служащіе не подвергаются аресту, а сдѣлки, по которымъ выговаривается болѣе 6 процентовъ, считаются незаконными. Отъ недостатка же кредита мало находится въ промышленномъ обращеніи капиталовъ. Правительству прежде всего надобно уничтожить эти препятствія, а также устроить удобные пути сообщенія, и только тогда внутренняя промышленность и торговля будутъ развиваться и процвѣтать.

Въ статьѣ Ламанскаго обозрѣваются различныя кредитныя учрежденія, но при этомъ приводятся въ сравненіе съ ними и русскія. Въ послѣднія 10 или 15 лѣтъ прежніе депозитные банки (принимающіе вклады и выдающіе деньги въ займы подъ проценты) совершенно измѣнились въ иностранныхъ государствахъ. Нынѣ собственно депозитныхъ банковъ тамъ остается весьма мало, и обороты какъ государственныхъ, такъ и открываемыхъ частными лицами банковъ приспособляются къ разнымъ промышленнымъ предпріятіямъ. Одни изъ нихъ производятъ учетъ векселей; другіе выдаютъ ссуды подъ залогъ акцій и облигацій разныхъ кампаній, преимущественно желѣзныхъ дорогъ; третьи — подъ залогъ поземельной собственности, на добытіе и обработку металловъ, на проведеніе каналовъ, постройку зданій и тому подобное. Изъ этихъ банковъ, называемые подвижнымъ

кредитомъ (crédit mobilier) не рѣдко отъ одного предпріятія, мало выгоднаго, переходятъ другому, болѣе полезному. Нѣкоторые изъ нихъ по примѣру депозитныхъ банковъ выпускаютъ въ обращеніе свои билеты, и оттого умножается оборотный капиталъ. Дѣйствуя на пользу промышленности и торговли, банки въ Сѣверной Америкѣ, въ Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи достигли необыкновеннаго развитія. Съ ихъ помощію окрѣпъ частный кредитъ и кредитъ самихъ правительствъ. Компаніи на акціяхъ возникаютъ повсюду. Для нихъ капиталы, собираемые посредствомъ акцій, становятся недостаточными, и они прибѣгаютъ къ помощи банковъ. Всѣ измѣненія послѣдняго времени, въ устройствѣ банковъ, имѣли преимущественно это направленіе, такъ что нынѣ бытіе промышленныхъ компаній обусловливается развитіемъ кредитныхъ установленій, приспособленныхъ къ тѣмъ или другимъ предпріятіямъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ продолжительное, нѣкоторыя въ столѣтнее существованіе, они ни въ чемъ не измѣнились. При недостаткѣ кредита въ обществѣ, въ эти учрежденія стекаются всѣ наши деньги, касса банковъ все болѣе и болѣе увеличивается и отвлекаетъ капиталы отъ производительнаго обращенія. Явленіе это, продолжая возрастать, угрожаетъ банкамъ невозможностію платить проценты. Пора бы и у насъ преобразовать кредитныя учрежденія, по примѣру иностранныхъ, и дозволить частныя кредитныя общества съ спеціальною цѣлью. При совмѣстничествѣ такихъ банковъ, духъ спекуляцій будетъ умѣряться взаимнымъ дѣйствіемъ спроса и разсчетливостію капиталистовъ. Тогда не встрѣчалось бы надобности и въ ручательствахъ правительства.

Большая часть выводовъ первой изъ этихъ статей Гагемейстера суть не что иное, какъ ученое оправданіе того, что правительство наше, въ послѣдніе три года, уже совершило для успѣховъ промышленности и торговли. Оно дозволило иностранцамъ свободный въѣздъ въ наши предѣлы и русскимъ — выѣздъ за границу; допустило частныхъ лицъ и иностранцевъ, на акціонерномъ способѣ, къ устройству желѣзныхъ дорогъ и издало новый тарифъ, облегчающій привозъ иностранныхъ товаровъ. Все это совершилось по личному усмотрѣнію вашего императорскаго величества, и если при исполненіи высочайшей воли были поданы полезные совѣты, то честь этого приписываютъ покойному Тенгоборгскому, а не министру финансовъ.

Въ августѣ 1857 г. уменьшены и проценты на капиталы, вносимые въ кредитныя учрежденія, съ цѣлію вызвать эти капиталы въ промышленное обращеніе. Но надобно желать, чтобы съ этимъ вмѣстѣ, согласно мнѣнію Гагемейстера, улучшенъ былъ существующій порядокъ по взысканію долговъ съ частныхъ лицъ, для поддер-

жанія общественнаго кредита. У насъ кредита почти нѣтъ: кому бы ни отдали деньги въ заемъ, онѣ навѣрное пропадутъ; компаніямъ на акціяхъ также не довѣряютъ: ибо многія изъ нихъ собирали деньги и не состоялись; нынѣ одна компанія желѣзныхъ дорогъ пользуется довѣріемъ, и то потому, что 5 процентовъ обезпечены правительствомъ.

Повелѣніе объ уменьшеніи процентовъ упало тяжестію своею на бѣдныхъ, которые, потерявъ четверть процента, лишились на столько же средствъ къ существованію; а для торговли и промышленности, при недостаткѣ кредита, едва ли принесетъ пользу. „Доселѣ мало вынимаютъ денегъ изъ банковъ, и капиталы будутъ по-прежнему стремиться въ эти учрежденія, какъ въ единственное вѣрное хранилище. Новый законъ уподобляютъ одноколкѣ, у которой одно колесо подмазали, а другое едва вертится. Уменьшивъ проценты, необходимо должно постановить, чтобы всякій должникъ, какъ поступаютъ въ иностранныхъ государствахъ, несмотря ни на званіе, ни на службу, если онъ по первому требованію не платитъ денегъ, былъ подвергаемъ личному аресту, и чтобы какъ отобраніе имѣнія у должника, такъ и судныя дѣла по спорнымъ претензіямъ производились по самому упрощенному порядку, безъ наималѣйшаго промедленія. Доколѣ не будетъ утвержденъ кредитъ, не могутъ цвѣсти торговля и промышленность, и только онъ, объ руку съ уменьшеніемъ процентовъ, въ состояніи выдвинуть въ оборотъ таящіеся въ сундукахъ или безплодно лежащіе въ кредитныхъ учрежденіяхъ капиталы.

Равнымъ образомъ и въ ученой статьѣ Ламанскаго заключается много свѣдѣній и мыслей, которыя небезполезны для соображеній о кредитныхъ учрежденіяхъ въ Россіи; но тайный совѣтникъ Брокъ, прочитавъ эту статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ то же время относился къ министру народнаго просвѣщенія, чтобы подобныя сочиненія на будущее время не были печатаемы безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ министерствѣ финансовъ. Онъ испросилъ себѣ еще право цензуровать журналъ „Экономическій указатель“. Вслѣдствіе этого пропускаются однѣ тѣ статьи, которыя написаны въ правилахъ или въ видахъ министерства финансовъ. Такимъ образомъ недостатки или ошибки нашей финансовой системы не только не будутъ исправляться многосторонними учеными сужденіями, но будутъ вкореняться глубже и глубже въ нашемъ управленіи.

Этого мало, министръ финансовъ избѣгаетъ всякаго сближенія съ учеными и отказывается отъ содѣйствія успѣхамъ наукъ. Русское Географическое общество, желая воспользоваться объявленною десятою ревизіей, просило его назначить одного изъ членовъ общества въ составъ коммиссіи, которая учреждена для начертанія правилъ о

народной переписи, чтобы, вмѣстѣ съ ревизскими, собрать и статистическія, самыя вѣрныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ имперіи, по племенамъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ и тому подобное. Такъ дѣлается во всѣхъ образованныхъ государствахъ; а нашъ министръ призналъ это неудобоисполнимымъ.

Такое отчужденіе тайнаго совѣтника Брока отъ пріобрѣтенія познаній поставило противъ него ученыхъ какъ бы въ непріязненное положеніе. Въ „Сынѣ Отечества“ (№ 32) напечатанъ былъ разсказъ: „Ночь судьбы“, въ которомъ подъ видомъ продажи опіума на Востокѣ описана исторія нашихъ винныхъ откуповъ. Тутъ изображены продажа вина отъ правительства, при графѣ Гурьевѣ, откупная система, при графѣ Канкринѣ, почти исключительная отдача откуповъ одному, Кокореву, при графѣ Вронченкѣ, незнаніе финансовой части нынѣшняго министра, руководимаго тѣмъ же Кокоревымъ. Это не ученая статья, а шутка, въ которой, подъ восточными сказаніями, едва можно догадываться о подлинномъ смыслѣ, но тайный совѣтникъ Брокъ не замедлилъ отнестись съ жалобою къ министру народнаго просвѣщенія, и сочинителю статьи Сеньковскому сдѣлано строгое внушеніе.

Брокъ ни въ комъ не поселилъ довѣрія къ себѣ; общественное мнѣніе не на его сторонѣ; подчиненные, несмотря на то, что онъ добрый человѣкъ, не уважаютъ его. Нѣсколько разъ были распространяемы слухи о его смѣнѣ. Еще въ 1855 году, къ министерскому дому кѣмъ-то присланы были ломовые извощики, которымъ данъ былъ и задатокъ, для перевозки имущества Брока на частную квартиру, по случаю будто-бы увольненія его отъ должности; и съ трудомъ убѣдили ихъ, что министръ не уволенъ и не имѣетъ надобности переѣзжать изъ казеннаго дома. Въ 1856 и 1857 годахъ возобновлялись подобные слухи. На его мѣсто предназначали то ген.-ад. Чевкина, то сенатора Княжевича, то даже адмирала князя Меншикова. Это показываетъ, что многіе желаютъ и какъ-бы ждутъ перемѣны министра финансовъ.

Н. Н. Анненковъ. Для генералъ-адъютанта Анненкова счетная часть была новымъ предметомъ. Но онъ любознателенъ и не стыдится быть ученикомъ. Съ самаго вступленія въ должность государственнаго контролера, онъ началъ вникать во всѣ подробности заведеннаго порядка, старался выразумѣть доклады, ему представляемые, требуетъ въ поясненіе законы и справки изъ дѣлъ прежняго времени, охотно выслушиваетъ совѣты и не оставляетъ никакого предмета до тѣхъ поръ, пока не пойметъ его ясно и опредѣлительно.

Нѣтъ сомнѣнія, что Анненковъ сдѣлается знатокомъ контрольной

части; но до того времени хлопотливость его тяжела для подчиненныхъ. Независимо отъ текущаго дѣлопроизводства, они должны составлять множество обширныхъ записокъ и справокъ, собственно для генералъ-контролера, который, сверхъ того, отнимаетъ у директоровъ по нѣсколько часовъ въ день на поясненіе ему этихъ записокъ. При томъ же, онъ всякую бумагу, какого бы содержанія она ни была, считаетъ важною и требуетъ, чтобы все было исполняемо немедленно. Отъ этого управленіе контролемъ, прежде спокойное, превратилось въ самое суетливое, и служба въ немъ сдѣлалась чрезвычайно трудною.

Анненковъ всегда былъ педантомъ и труженикомъ по службѣ. Контрольное учрежденіе, въ которомъ много времени тратится на безплодныя занятія, согласуется съ его склонностями. Большая часть повѣрокъ въ контролѣ, послѣ продолжительныхъ вычисленій и исправленія множества ошибокъ, оканчивается результатомъ: вѣрно. Если откроется на кого-либо начетъ, то возникаетъ огромная переписка, по которой оказывается, что виновные умерли или не имѣютъ никакого состоянія, и опять все оканчивается испрошеніемъ разрѣшенія: сложить взысканіе со счетовъ. Иногда, послѣ многолѣтней переписки, продаютъ имѣніе виновныхъ и выручается нѣсколько сотъ рублей, тогда какъ начетъ выведенъ милліонный!

Впрочемъ, несмотря на эту безплодность результатовъ, высшій контроль необходимъ въ системѣ государственныхъ учрежденій. Онъ существуетъ и въ Англіи, и во Франціи, и во всѣхъ образованныхъ странахъ. Польза отъ него та, что онъ составляетъ грозу для другихъ вѣдомствъ. Въ этомъ отношеніи, по словамъ чиновниковъ государственнаго контроля, и „въ хлопотливости Анненкова не все водотолченіе“. Онъ поднимаетъ контроль отъ дремоты, въ которую эта часть впадала въ послѣдніе годы управленія престарѣлаго Хитрово, и изъ которой не могла высвободиться въ кратковременное управленіе графа Кушелева-Безбородко. При Анненковѣ контроль быстрѣе обнаруживаетъ невѣрности въ отчетахъ и открываетъ неправильныя рѣшенія дѣлъ прежняго времени, а это заставитъ прочія управленія быть осмотрительнѣе и строже къ самимъ себѣ, по расходованію казенными суммами.

М. Н. Муравьевъ. Генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ одаренъ замѣчательнымъ умомъ. Въ школѣ отца своего „училищѣ колоновожатыхъ“, онъ пріобрѣлъ обширныя познанія и 17 лѣтъ преподавалъ высшую математику, а 19 лѣтъ былъ экзаминаторомъ свитскихъ офицеровъ. Въ огромной памяти его доселѣ сохраняются познанія молодости. Въ сентябрѣ 1857 года проѣзжая черезъ Москву, онъ былъ на экзаменѣ въ Межевомъ училищѣ и, поправляя учениковъ, самъ

писалъ на доскѣ выкладки изъ высшей математики и во всѣхъ наукахъ показалъ столь глубокія свѣдѣнія, что на экзаменѣ не ученики и не преподаватели, а онъ былъ предметомъ удивленія. Не менѣе извѣстны ему и разные роды гражданской службы: онъ былъ вице-губернаторомъ, губернаторомъ въ двухъ губерніяхъ, директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ, сенаторомъ и начальникомъ межеваго корпуса. Такимъ образомъ, почти обѣ части гражданской службы ему извѣстны практически, и въ немъ соединяется все, что только можно требовать отъ министра.

Сверхъ того, онъ имѣетъ силу воли, качество тоже важное въ главномъ начальникѣ; но, къ сожалѣнію, она проявляется въ формахъ чрезвычайно суровыхъ и доходитъ до безпощадности. Съ подчиненными онъ обходится невыносимо грубо, а тѣхъ, которые имѣли несчастіе не понравиться ему, гонитъ безъ всякаго снисхожденія. Въ октябрѣ 1857 года изъ этихъ гонимыхъ умерло трое, не случайно, но оттого, что они рѣшительнымъ гнѣвомъ министра приведены были въ отчаяніе. Чиновники эти были дѣйствительно не высокихъ способностей; но обыкновенно въ такихъ случаяхъ предлагаютъ оставить службу, и малоспособность не такой недостатокъ, чтобъ преслѣдовать за это, какъ за преступленіе. Иногда же причина гоненія министра заключается только въ томъ, что онъ желаетъ очистить мѣсто для кого-либо изъ лицъ, ему извѣстныхъ. Замѣчаютъ однако же, что опредѣленные имъ, большею частью изъ фамильныхъ и богатыхъ, всѣ они люди честные.

Обращаясь грубо съ подчиненными, Муравьевъ столько же неосторожень и въ заочныхъ отзывахъ о постороннихъ лицахъ, даже имѣющихъ право на уваженіе. Напримѣръ, получивъ рекомендательное письмо отъ извѣстнаго генерала Ермолова объ опредѣленіи кого-то въ министерство государственныхъ имуществъ, онъ сказалъ: „Оставить; Ермоловъ и для себя никогда не находилъ людей умныхъ, онъ и теперь окруженъ только дураками“. По такому же письму генерала Дубельта сказалъ: „Оставить, этотъ теперь ничего не значитъ“; на просьбѣ одного статскаго совѣтника, желавшаго служить по его министерству, написалъ: „я его знаю; дураковъ мнѣ не надобно“. Такъ онъ отзывается не при однихъ довѣренныхъ лицахъ, но и при всякомъ чиновникѣ изъ числа являющихся къ нему съ докладами. Вообще въ немъ нѣтъ никакого уваженія къ людямъ.

Доселѣ преобразованія его относятся только до замѣны однихъ и до опредѣленія другихъ чиновниковъ; все прочее остается по-прежнему. Министерство государственныхъ имуществъ учреждено для крестьянъ, а не они существуютъ для него, и крестьяне — главная цѣль, на которую должно быть обращено вниманіе министра, тѣмъ

болѣе, что они, по общимъ, единогласнымъ отзывамъ, находятся въ незавидномъ положеніи. Вслѣдствіе этого министерство имѣетъ въ своемъ составѣ много людей способныхъ и опытныхъ; не опредѣленіемъ новыхъ, но лучшимъ направленіемъ старыхъ, всего удобнѣе бы устроить новый порядокъ къ благосостоянію крестьянъ. Быть можетъ, министръ еще всматривается и не приступаетъ къ главнымъ измѣненіямъ изъ осторожности. Близкіе подчиненные его, зная обширность его способностей и практическихъ свѣдѣній, увѣрены, что онъ совершитъ много полезнаго и по улучшенію быта крестьянъ.

Замѣтили еще, что новый министръ не столько безкорыстенъ, какъ его предмѣстникъ. Графъ Киселевъ всегда держалъ себя благородно и высоко: отправляясь для обзора своего вѣдомства, хотя бы въ десять или пятнадцать губерній, онъ требовалъ изъ государственнаго казначейства не болѣе 600 руб. сер.; все издерживаемое свыше этой суммы онъ относилъ на свой счетъ.

Н. Н. Муравьевъ. На министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева смотрятъ, по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ, какъ на человѣка отсталаго. Когда старшій братъ его, нижегородскій военный губернаторъ А. Н. Муравьевъ, взявшись за это дѣло энергически, склонилъ нижегородскихъ дворянъ къ ходатайству объ учрежденіи у нихъ губернскаго комитета, М. Н. Муравьевъ былъ очень недоволенъ имъ. Онъ написалъ къ старшему брату письмо, въ которомъ, между упреками, напомнилъ ему, что онъ опять берется за прежнія идеи, за которыя нѣкогда пострадалъ. А. Н. Муравьевъ до 1819 года, бывъ членомъ тайныхъ обществъ, особенно думалъ о личной свободѣ крѣпостныхъ людей, и, по приговору Верховнаго уголовнаго суда, былъ высланъ на службу въ Иркутскъ. На это то М. Н. Муравьевъ намекнулъ брату своему и послѣ того прекратилъ съ нимъ переписку.

Конфиденціальная записка, составленная генералъ-адъютантомъ графомъ Ридигеромъ, въ августѣ 1855 г.

Классы и сословія С.-Петербурга не отличаются отъ таковыхъ другихъ европейскихъ столицъ; но здѣсь встрѣчаются нѣкоторые элементы, которыхъ въ такомъ размѣрѣ нельзя встрѣтить въ другихъ столицахъ и вообще въ государствахъ. Въ настоящее время всѣ страсти этихъ классовъ, отъ многоразличныхъ причинъ, болѣе или менѣе напряжены, а нѣкоторыя изъ нихъ и подстрекаемы врагами могущества Россіи, что было бы безразсудно отрицать.

У насъ, какъ и вездѣ, есть классъ сановниковъ, изъ коихъ—одни пользуются большею, а другіе меньшею довѣренностію высшаго правительства. Независимо ихъ взаимныхъ столкновеній въ мнѣніяхъ, зависти и часто гласнаго осужденія всѣхъ вообще правительственныхъ мѣръ—не ихъ вѣдомства, колеблютъ довѣріе къ правительству въ слушающихъ и въ особенности въ молодыхъ и незрѣлыхъ умахъ, а отъ этихъ зло развивается и на низшіе слои. Самъ же собою въ личности, классъ этотъ, за малыми исключеніями не опасенъ, кромѣ какъ самоуправнымъ дѣйствіемъ своимъ въ кругу, предоставленномъ его управленію; онъ вреденъ потому, что увеличиваетъ число недовольныхъ.

Отставные военные и гражданскіе чиновники, въ настоящее время, обращаютъ на себя вниманіе. Многіе изъ нихъ, испытавъ жесточайшую несправедливость, доведенные до крайности и будучи разсѣяны на всемъ пространствѣ, гласно ропщутъ и показываютъ негодованіе свое въ кругу болѣе или менѣе недовольныхъ другихъ классовъ, которые видятъ иногда дѣйствительныя заслуги этихъ ветерановъ военныхъ и гражданскихъ, снабженныхъ при увольненіи своемъ отличными свидѣтельствами, и часто обремененные семействомъ, питаются

по нищетѣ своей однимъ подаяніемъ, потому именно, что по капризу, или по какимъ-либо личнымъ видамъ начальника, ввергнуты въ это положеніе. Обстоятельство сіе имѣетъ необъяснимое вліяніе не только на тѣхъ, которые уже волнуемы какими-либо страстями и могутъ сдѣлаться еще болѣе вредными, но и производитъ непріятное впечатлѣніе на другихъ, до того можетъ быть и не разсуждавшихъ о будущности, которая можетъ ожидать ихъ на томъ или другомъ поприщахъ, послѣ десятковъ лѣтъ службы, послѣ ранъ, послѣ потери здоровья и т. п., или даже въ домашнемъ быту своемъ—въ помѣстьѣ. Другіе же, оставивъ службу по какимъ-либо побудительнымъ причинамъ и имѣя состояніе, обходятся безъ вспомоществованія. Изъ нихъ нѣкоторые возвышенныхъ чиновъ, пользовавшихся прежде извѣстностью, едва-ли еще не болѣе первыхъ заслуживаютъ вниманія относительно существующаго порядка. Основываясь на прежнихъ войнахъ, на занимавшихся ими должностяхъ и заслугахъ, вселяютъ въ слушателяхъ негодованіе, отъ нихъ распространяющееся и далѣе; тѣмъ болѣе это важно, что они всегда имѣютъ, на сторонѣ своей, всѣхъ служившихъ когда-то съ ними и пр.

Относительно дворянъ-помѣщиковъ, то можно почти безошибочно сказать, съ малыми только изъятіями, что тѣ, которые владѣютъ помѣстьями, не обремененными долгами, служатъ истинною подпорой высшей существующей власти. Всякая утопія, всякая пропаганда едва-ли можетъ коснуться ихъ; они враги всякой могущей произойти перемѣны въ обычномъ порядкѣ вещей. Этого нельзя сказать о дворянахъ, коихъ помѣстья отягощены долгами; эти дворяне-помѣщики, по естественному свойству человѣка стремиться къ лучшему, могутъ преклонить слухъ къ зловреднымъ внушеніямъ. Это однако же отнюдь не мѣшаетъ имъ въ свое время жертвовать жизнью противъ врага отечества. Предметъ, о которомъ можно было бы сказать многое.

Купечество наше включаетъ множество подраздѣленій по разнымъ отношеніямъ и длинно было бы говорить объ этомъ. Замѣчу только, что многія изъ этихъ подраздѣленій имѣютъ полное вліяніе на сословіе мѣщанъ и, такъ называемыхъ, фабричныхъ: крестьянъ, извозчиковъ и т. п., вліяніе это различно у православныхъ, иноземныхъ, и въ особенности оно вредно въ настоящее время у купцовъ и фабрикантовъ-раскольниковъ [1]).

Поляки и уроженцы западныхъ губерній католическаго исповѣ-

---

[1]) Нельзя умолчать о множествѣ евреевъ здѣсь, какъ безвыходно живущихъ подъ разными предлогами, такъ и безпрерывно пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Для хорошо устроенной тайной полиціи это драгоцѣнный источ-

данія находятся на службѣ по всѣмъ вѣдомствамъ и занимаются частными и другими дѣлами. Людямъ этимъ, по моему убѣжденію, приписываютъ болѣе зловредности относительно къ мысли о возстановленіи своей самобытности. Они насъ ненавидятъ даже и не на основаніи историческихъ воспоминаній, а просто отъ мѣстныхъ, часто самыхъ ужасныхъ притѣсненій правителей, которые болѣе и болѣе отдаляютъ ихъ отъ единства съ главою всѣхъ славянскихъ племенъ; примѣровъ здѣсь не нужно—они слишкомъ явны. Люди эти, разсѣянные во всѣхъ слояхъ обществъ, ищутъ всегда вредить существующему порядку вещей изъ естественнаго побужденія къ мести. Принявшись ловко за нихъ, они безсознательно будутъ содѣйствовать видамъ правительства—я знаю это по опыту. Одно духовенство ихъ, и чаще въ высшихъ степеняхъ, есть самая зловредная пропаганда, питающая въ народѣ злобу противу насъ. Это отличительная черта духа католицизма всѣхъ временъ—а отъ того шаткость всѣхъ католическихъ державъ. Выборъ безпристрастный въ духовенство, наблюденіе, которое бы, оно знало, что существуетъ, было бы достаточнымъ къ обузданію поляковъ, живущихъ здѣсь въ С.-Петербургѣ и вообще внѣ отечества своего, въ которомъ однѣ эти мѣры конечно были бы недостаточны.

Иностранцы разныхъ сословій и вступившіе въ наше подданство при началѣ настоящей войны есть сословіе, требующее, по крайней мѣрѣ, здѣсь въ С.-Петербургѣ, особеннаго и самаго бдительнаго вниманія. Большая часть неблагонамѣренныхъ слуховъ распускаются ими—съ особенною ли цѣлію, или просто по болтовнѣ, когда собираются по дѣламъ своихъ торговыхъ сношеній, а несравненно чаще подъ видомъ ихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ нелѣпые слухи выходятъ отъ нихъ и распространяются въ слояхъ народа. Здѣсь одно средство: противодѣйствовать противоположными слухами и тѣмъ успокоивать народъ.

Изъ учебныхъ заведеній здѣсь должна обращать вниманіе едва-ли только не одна медико-хирургическая академія, въ которой есть многочисленный сбродъ вольнослушающихъ, почти безъ всякаго надзора живущихъ на частныхъ квартирахъ. Онъ составленъ преимущественно изъ поляковъ и русскихъ изъ духовнаго званія и частію изъ нѣмцевъ и жидовъ. Первые, по общему засвидѣтельствованію, лучшіе ученики, но поведенія вольнаго, часто позволяющіе себѣ такіе поступки, которые въ настоящее время въ особенности, должны бы

пикъ—къ почерпанію свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ; но такъ, чтобъ они не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Я знаю это на опытѣ въ продолженіе многихъ порученій такого рода: въ 1813—1815, 1827—1830 и наконецъ съ 1841 по 1852 годъ.

зорко быть наблюдаемы. Я не говорю здѣсь о профессорахъ вообще: каждый изъ нихъ уже обозначился и такъ конечно извѣстенъ правительству.

Такъ называемыя воспаленныя воображенія, напитанныя утопіями за границею, и здѣсь, посредствомъ безчисленнаго множества у насъ запрещаемыхъ книгъ, принадлежатъ ко всѣмъ почти классамъ. Они силятся доказывать выгоды или неудобства того или другаго рода правительства; часто краснорѣчіемъ своимъ развертываютъ вредныя понятія въ людяхъ, которые до того времени не постигали многаго. Собственно же сами они вообще не заслуживаютъ никакого вниманія, и кромѣ вышеупоминаемаго крикуны эти не въ силахъ ничего произвести важнаго въ мнѣніяхъ основательно недовольныхъ. Толкуя только изъ книгъ о законодательствѣ и переобразованіи правительствъ, они, не имѣя ни заслугъ, ни опытовъ, чужды истиннымъ причинамъ негодованія тѣхъ, которые имѣютъ на своей сторонѣ заслуги и опытность [1]), а потому и презираются сими послѣдними.

Духовенство наше какъ и вездѣ имѣетъ сильное вліяніе на массу народа. Излишне приводить этому здѣсь примѣры послѣдняго времени. У насъ же классъ этотъ раздѣленъ на исповѣданія: православное, католическое, лютеранское, армянское, еврейское, магометанское и др. Въ 1808 году мы видѣли вліяніе пасторовъ въ Финляндіи; въ 1812—нашихъ священниковъ въ Россіи и польскихъ ксензовъ—въ 1831 году. Нѣтъ мѣры зоркости, которая была бы достаточна относительно лицъ, этотъ классъ составляющихъ. Я не буду говорить ни о пасторахъ разныхъ сектъ, ни о ксендзахъ разныхъ орденовъ, особенно враждебныхъ правительству, ни о раввинахъ и муллахъ; но обращу вниманіе только на нашихъ священниковъ, изучившихъ богословіе съ точки философической, а потому проникнуты съ юныхъ лѣтъ болѣе или менѣе западомъ... Вліяніе такихъ священниковъ на народъ конечно уже не таково, какъ это было въ 1812 году. Предметъ этотъ, по особенной важности своей, требуетъ пространнаго развитія.

Нынѣшніе крестьяне во всѣхъ совершенно отношеніяхъ уже не тѣ, которыми они были въ 1812 году; была бы грубая ошибка сливать идею о тѣхъ и другихъ въ одно. Здѣсь излишне доказывать это.

Въ С.-Петербургѣ есть наконецъ сбродъ людей, который хотя

---

[1]) Хорошо устроенная тайная полиція очень легко наблюдаетъ за ними, и въ случаѣ какихъ-либо поясненій, не только что можетъ ихъ заставлять выговариваться, но и ловкимъ образомъ содѣлать ихъ своими агентами, которые, не подозрѣвая того, будутъ съ успѣхомъ дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ, которыя имъ будетъ давать умный агентъ. Такъ дѣйствовали во Франціи въ разныя эпохи и такъ отчасти здѣсь—въ дѣлѣ Петрашевскаго.

и встрѣчается въ другихъ столицахъ, но въ несравненно меньшемъ размѣрѣ, а при томъ не такъ разнообразенъ, какъ здѣсь. Въ С.-Петербургѣ находится отъ 15-ти до 20-ти тыс., а можетъ быть гораздо болѣе народа, почти денно и нощно пребывающаго въ гостиницахъ, трактирахъ, ресторацiяхъ, харчевняхъ всѣхъ разрядовъ, въ такъ называемыхъ заведенiяхъ, кафе-ресторанахъ съ бильярдами, ренсковыхъ погребахъ, съ правомъ распивочной продажи, портерныхъ, штофныхъ и табачныхъ лавочкахъ, водочныхъ магазинахъ, кабакахъ, публичныхъ домахъ, многочисленныхъ картежныхъ сборищахъ и т. п.

Классъ этотъ состоитъ изъ различныхъ сословiй, а именно: изъ выключенныхъ изъ службы и отставныхъ чиновниковъ—сомнительнаго поведенiя, нерадивыхъ и часто неспособныхъ къ гражданскимъ служебнымъ занятiямъ; изъ купцовъ и купеческихъ дѣтей и такъ называемыхъ проторговавшихся; изъ иностранцевъ и поляковъ, изъ мѣщанъ, изъ вольноотпущенныхъ, изъ дворовыхъ и другихъ крѣпостныхъ людей, изъ военныхъ дезертировъ и другихъ бѣглыхъ, даже преступниковъ, снабженныхъ фальшивыми видами, а многихъ и вовсе безъ оныхъ.

Всѣ они большею частiю ведутъ жизнь праздную и, привыкнувъ къ оной, весьма естественно, для существованiя своего, прибѣгаютъ къ разнымъ противозаконнымъ дѣйствiямъ, обращающимся наконецъ въ промыселъ воровства и мошенничества всѣхъ родовъ; дѣланiю всякихъ фальшивыхъ денегъ и документовъ, составленiю ябедническихъ прошенiй, картежному шулерству и другимъ обманамъ. Многiе изъ нихъ опредѣляются въ сидѣльцы, прикащики, въ лакеи, повара, дворники и тому под. должности, съ цѣлiю—красть или высматривать для содѣйствiя потомъ товарищамъ своимъ къ кражамъ, а вслѣдствiе этого и мѣняютъ безпрерывно мѣста [1]). Изъ нихъ большая часть неоднократно находилась по воровству подъ слѣдствiемъ и судомъ, но, несмотря на это обстоятельство, оставлялись почти всегда, по недостатку доказательствъ, въ одномъ лишь подозрѣнiи!

Весь этотъ классъ, вредный для спокойствiя столицы во всякое время, нынѣ долженъ обращать на себя еще болѣе вниманiя.

У насъ нѣтъ положительнаго закона, который бы могъ безусловно класть преграду разгулью этого класса, равно и быстрому увеличенiю онаго. Одна административная власть можетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать; но и она что можетъ сдѣлать? Выслать за городъ, или на мѣсто родины, откуда высланные тотчасъ возвращаются опять въ

---

[1]) Весьма замѣчательно, что содержащiеся подъ арестомъ за воровство находились большею частiю въ услуженiи въ помянутыхъ должностяхъ.

столицу, но уже подъ другими именами и съ другими видами, всегда фальшивыми, или направляются въ другое мѣсто. Во всякомъ случаѣ классъ этотъ вреденъ вездѣ, начиная отъ столицы—до селенія, а въ этомъ послѣднемъ иногда еще вреднѣе.

Въ настоящее время болѣе энергическая мѣра, въ отношеніи этихъ людей, съ цѣлію очистить сколь возможно отъ нихъ столицу, неудобна по многимъ причинамъ, а между тѣмъ предусмотрительность необходимо требуетъ ихъ уменьшенія [1]).

Раскольники, составляющіе многіе толки, секты и ереси, въ настоящее время, какъ никогда болѣе, обращаютъ на себя вниманіе по множеству причинъ. Два главныхъ ихъ раздѣленія: одно чисто религіозное, до сего бывшее безвреднымъ, и другое—основанное на пророчествахъ людей, являющихся изъ среды ихъ самихъ. Эта вторая община была всегда, а нынѣ въ особенности есть величайшее зло, разлитое по всему пространству государства. Одни изъ этихъ сектъ, ересей и толковъ не признаютъ государя и законныхъ властей, другіе проповѣдуютъ, что есть другой законный царь, скрывающійся до поры до времени, и что ударъ колокола Успенскаго собора дастъ знать общему сосредоточенію его дѣтей, для возстановленія разрушенной соборной церкви. Какъ ни нелѣпо это мнѣніе, но свойство русскаго народа вѣрить въ подобныя бредни имѣетъ свое значеніе. Не ходя слишкомъ далеко, не упоминая напримѣръ о томъ несчастномъ времени, когда то же самое имя, которое сконцы почитаютъ живымъ и безсмертнымъ, было присвоено простымъ казакомъ, и народъ увлекся вслѣдъ за нимъ мятежными волнами, и нашлись даже священники, которые потому только не исполнили безусловное приказаніе самозванца поминать на ектеніяхъ супругу его благовѣрную государыню императрицу Устинью Никифоровну, что не имѣли на то указа изъ Сунода! Укажемъ изъ весьма недавнихъ событій на движеніе, произведенное въ Волжскихъ губерніяхъ слухомъ о дозволеніи будто бы помѣщичьимъ крестьянамъ переселиться на Сыръ-Дарью; при чемъ примѣшано было имя въ Бозѣ усопшаго великаго князя Константина Павловича. Народъ русскій, по врожденному ему религіозному благоговѣнію къ особамъ августѣйшаго дома, склоненъ принимать о нихъ всякіе разсказы, какъ бы они ни были чудесны и неимовѣрны, и именно никакъ не удостовѣряется въ ихъ кончинѣ, а всегда любитъ предполагать ихъ живыми—только скрывшимися по какимъ-либо обстоятельствамъ. Эта увѣренность въ массахъ обыкновенно спитъ, но только до поры до времени. Изувѣрство, особенно

---

[1]) Я воздерживаюсь объяснять мое мнѣніе о возможности избавиться отъ этихъ людей не безъ пользы правительству.

въ рукахъ неблагонамѣренности, можетъ разбудить ее и направить къ произведенію важныхъ безпорядковъ. Одна мысль, что живетъ еще другой царь, и царь истинный, законный,—есть искра, которой никакъ нельзя допускать таиться въ народѣ. Здѣсь должно замѣтить еще расположеніе нашего народа къ преклоненію слуха къ пророчествамъ, въ особенности если оныя сложены въ народномъ духѣ. Не распространена ли сумасбродная молва между многими сектаторами, а отъ нихъ и въ части народа, — что императоры Петръ III и Александръ I еще живы. Огромное дѣло, произведенное въ Новороссійскомъ краѣ очень недавно, доказываетъ распространеніе этого мнѣнія и внѣ предѣловъ помянутаго края, и обнаруживаетъ, что императоръ Петръ III прислалъ уже намѣстника своего для управленія народомъ—до его прибытія.

Не видѣли ли мы въ 1847 году, на основаніи слуховъ же, почти поголовное движеніе всей Витебской губерніи къ Петербургу, остановленное уже на половинѣ пути подъ Порховомъ, при посредствѣ благовременнаго и рѣшительнаго дѣйствія вооруженной силы—обстоятельство, показывающее вмѣстѣ, какъ легко производить подобныя увлеченія въ толпахъ, ибо въ то же самое время такія же движенія обнаружились еще въ трехъ губерніяхъ—Воронежской, Курской и Саратовской [1]). Давно ли въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ думали видѣть въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Павловича? Здѣсь не мѣсто приводить очень недавніе еще примѣры вліянія и дѣйствія подобнаго обаянія. Въ С.-Петербургѣ, разсадникѣ этихъ бредней, съ 1843 по 1852 годъ положена была преграда, но съ того времени зло это начало быстро развиваться, и сказанія и пророчества опять стали распространяться. Удивленіе усиливается, когда видишь, что это сумасбродство раздѣляется между возвышенными и даже просвѣщенными лицами, пророчествующими въ тайныхъ собраніяхъ своихъ, что свидѣтельствуется фактами съ 1816 по 1852 годъ, когда обращалось на это вниманіе. Здѣсь можно было бы сказать многое. Замѣчу только, что̀ изувѣрскія пророчества скопцевъ начали находить опять въ народѣ свои жертвы. Съ 1852 года появились новые скопцы; по народной молвѣ учредились молельни, появились учители, рѣзаки и т. д. Хлысты развиваются въ сильныхъ размѣрахъ и т. д. Обѣ ереси эти не имѣютъ ничего общаго съ христіанскою религіей: онѣ основаны на пророчествѣ и ожидаютъ блаженства въ настоящей жизни. Не менѣе обращаетъ на себя внима-

[1]) Примѣч. іюля 1856 г. Нынѣ движеніе въ Малороссійскихъ губерніяхъ и къ нимъ прилегающихъ не доказываетъ ли, какъ легко русскій поселянинъ преклоняется къ слухамъ, какъ бы они ни были нелѣпы. Двигатели должны быть непремѣнно.

ніе и секта поклонниковъ Наполеону. Она въ 1821 году появилась въ одно почти время между католиками въ Бѣлостокѣ и русскими—во Псковѣ. Наконецъ въ 1846 году была уже въ большихъ размѣрахъ открыта въ Москвѣ и слѣдима до 1851 года. Поклонники эти утверждаютъ, что Наполеонъ—живъ и явится въ Россію вмѣстѣ съ императоромъ Петромъ III для предводительства арміею и проч. Настоящія событія не будутъ ли питать ее? [1]). Я сказалъ выше, что чистые религіозные раскольники до сего времени были безвредны въ политическомъ значеніи; но нынѣ это сдѣлалось совершенно одинаковымъ, и въ настоящее время они едва-ли не требуютъ особенно благоразумныхъ правительственныхъ мѣръ. Цѣль ихъ ясно обозначалась письмомъ пойманнаго, по распоряженію графа Перовскаго, въ 1847 г. русскаго раскольничьяго изъ Австріи лже-архимандрита Геронтія, прибывшаго въ Москву съ особенною цѣлію, обнаружившеюся еще болѣе слѣдствіемъ, произведеннымъ по высочайшему повелѣнію. Стремленіе получить духовное вліяніе изъ Австріи на многочисленнѣйшую и зажиточнѣйшую массу нашего народонаселенія не ослабѣваетъ, но съ каждымъ днемъ усиливается. Посвященные въ Австріи лжепопы наводняютъ Россію, достигая до Кавказа, а главное—Сибири, и теперь въ Москвѣ и ея окрестностяхъ есть два такіе лжеархіерея съ нѣсколькими своими попами; они извѣстны правительству, и оно, въ продолженіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ищетъ ихъ; но, по многимъ причинамъ, безъ успѣха. Здѣсь не нужно говорить о важности этого предмета, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, а слѣдовало бы обратить особенное вниманіе [2]) именно только на этихъ выходцевъ безъ всякаго стѣсненія раскольниковъ: должно искать корня зла, не подвергая истязаніямъ тѣхъ, которые, естественно, не укажутъ на своихъ духовныхъ лицъ: благоразумныя мѣры правительства будутъ достаточны, не шевеля массъ, изъять изъ нихъ ядъ. Дѣйствія послѣднихъ трехъ лѣтъ образовали у насъ раскольниковъ—скрытныхъ, чего до сихъ поръ не было; показавъ видъ присоединенія, чтобъ избѣгнуть гоненій, они образовали у себя многія тайныя молельни и такимъ образомъ, уклонившись надзора мѣстной полиціи, получили большій просторъ къ своимъ дѣйствіямъ, прикрываясь наружнымъ присоединеніемъ къ благословенной или единовѣрческой церкви. Здѣсь

---

[1]) Примѣч. іюля 1856 г. Въ настоящее время это еще болѣе важно.

[2]) Австрія не легко отстанетъ отъ достиженія этихъ закулисныхъ покуда видовъ. Въ особой запискѣ о раскольникахъ въ мартѣ сего года—предметъ этотъ пространно разсмотрѣнъ.

Примѣч. іюля 1856 г. Съ отдѣленіемъ Придунайской Бессарабіи несомнѣнно возстановится злѣйшій монастырь ихъ въ Кислицѣ и повлечетъ удобно изъ Россіи раскольниковъ.

нельзя не замѣтить, что въ настоящую эпоху, когда всѣ сословія, составляющія великую семью Россіи, стремятся на ея защиту и тѣломъ и имуществомъ, только одни раскольники остаются равнодушными; ни одинъ изъ нихъ не изъявилъ готовности быть охотникомъ наряду православныхъ и другихъ исповѣданій. Въ пожертвованіяхъ, на которыя они были такъ щедры въ 1812 году и въ послѣдующіе во время бѣдствій отъ голода и холеры, нынѣ сдѣлались къ тому вовсе чуждыми. Нельзя наконецъ не замѣтить, что въ послѣднія 15 лѣтъ западная Европа обратила особенное свое вниманіе на наши расколы многими своими періодическими изданіями, а въ 1851 году Бюловъ посвятилъ въ сочиненіи своемъ длинную главу, въ которой онъ именно говоритъ, что расколъ нашъ. родившійся вмѣстѣ съ домомъ Романова, составляетъ естественную оппозицію и главѣ государства, и религіи; что онъ болѣе и болѣе усиливается, и, подобно волкану, подрываетъ могущество и т. д. Конечно, вздоръ этотъ падаетъ предъ истиною исторіи, но онъ не можетъ не одушевлять самонадѣянности раскольниковъ, изъ коихъ многіе знаютъ языки, и единовѣрцы ихъ во множествѣ, не говоря о Турціи, населяютъ Пруссію и Австрію [1]).

При заключеніи о раскольникахъ нельзя умолчать о славянофилахъ. Длинно было бы говорить о странности ихъ появленія въ Россіи, гдѣ народность, т. е. славянскій элементъ, ничѣмъ не угрожается (уже одною числительностію своею въ 40 мил.), подобно какъ въ Австріи, гдѣ онъ угрожался католицизмомъ, лютеранизмомъ и огерманизированіемъ, т. е. слитіемъ въ одну форму. Здѣсь замѣчу только, что наши славянофилы и раскольники стремятся къ одной цѣли—старинѣ. Первые составляютъ общество людей извѣстныхъ или своимъ происхожденіемъ, или своею ученостію; они стремятся возстановить старые обычаи, языкъ, даже одежду; всѣ сочиненія ихъ дышутъ этимъ духомъ. Другіе многочисленны, зажиточны, многіе даже чрезвычайно богаты, грубы и невѣжественны, стремятся къ возстановленію прежнихъ церковныхъ обрядовъ. Между славянофилами и раскольниками бываютъ разглагольствованія насчетъ религіи, публично, при стеченіи народа, въ Кремлѣ на Красной площади, въ извѣстные

---

[1]) Объѣздъ всѣхъ губерній, въ особенности сибирскихъ, необходимъ, чтобъ получить полное понятіе о нравственномъ состояніи оныхъ. Но для сего нужно употребить одного человѣка, конечно способнаго и вкрадчиваго, иначе—нѣтъ возможности для правительства получить ясное понятіе объ общей картинѣ, потому что оно будетъ лишено возможности сравненія: ибо, каждый человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ благонамѣренъ и способенъ—имѣетъ свою точку зрѣнія. Въ такихъ случаяхъ лучше посылать одного за другимъ, но не иначе, какъ для общаго начертанія; графъ Перовскій предполагалъ это сдѣлать.

дни года; а самые эти споры, конечно никогда не увѣнчивающіеся убѣжденіемъ раскольниковъ въ ихъ заблужденіяхъ, служатъ взаимнымъ сближеніемъ, и многіе изъ нихъ знакомы, посѣщая другъ друга. Можетъ быть, славянофилы не имѣютъ никакой злонамѣренной цѣли и въ случаѣ какихъ-либо обстоятельствъ и не будутъ руководить массы раскольниковъ, но въ настоящее время, по моему мнѣнію, они разъединяютъ единство великой семьи, возставая противъ всѣхъ вѣрноподданныхъ не чисто славянскаго происхожденія и не исповѣдующихъ православіе, но раздѣляющіе одинаковыя съ ними опасности при защитѣ государства и одинаково жертвуя своимъ достояніемъ; словомъ, наравнѣ съ самыми рьяными славянами. Такое дѣйствіе славянофиловъ питаетъ взаимную, до сихъ поръ еще только тайную вражду, и зло, отъ сего произойти могущее, неисчислимо.

Таковы элементы столицы и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Въ этихъ слояхъ народонаселенія распускаются толки, которыхъ не желательно бы видѣть распространеніе. Успѣхи видимы, ибо очень часто встрѣчаются люди, которые, при полученіи извѣстій изъ арміи, какъ бы радуются о неудачахъ и, не смѣя положительно высказаться, показываютъ явную недовѣрчивость къ обнародываемымъ у насъ извѣстіямъ, давая болѣе вѣры получаемымъ изъ-за границы. Эта пропаганда должна имѣть свой источникъ. Я не говорю о нѣкоторыхъ другихъ классахъ, въ которыхъ часто встрѣчается нестерпимое равнодушіе ко всему тому, что должно бы было быть такъ близко къ сердцу каждаго русскаго въ настоящее время: въ особенности обращаютъ на себя слухи—въ народѣ, которые никакъ не могли сами родиться въ головѣ простаго русскаго человѣка. Конечно, скажутъ, что это вздоръ, болтовня; но если этотъ вздоръ укоренится и не будетъ разсѣиваемъ противоположнымъ, то какія могутъ быть отъ сего послѣдствія. Въ 1812 году грамотность не такъ была распространена въ народѣ, какъ нынѣ, но не менѣе того выходили собственно для него, за самую ничтожную цѣну мелкія, доступныя ему, печатныя книжечки, листки, каррикатуры, которые веселому характеру русскаго народа служили пищею къ остротамъ и заглушили то, что могло быть ему внушаемо людьми зловредными. Нынѣ ничего подобнаго нѣтъ (какъ это говорятъ, что это несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи!!..), а если что и является въ этомъ родѣ, то, по цѣнѣ, недоступной для простолюдиновъ. Народъ, сдѣлавшись нынѣ пограмотнѣе, спѣшитъ въ харчевню, въ чайныя рестораціи и тамъ читаетъ въ газетахъ политическія извѣстія, слушаетъ толкованія людей, можетъ быть и не совсѣмъ благонамѣренныхъ (а въ газетахъ проскакиваютъ такія вещи, которыхъ не желательно бы видѣть продолженія). Словомъ, народъ не имѣетъ пищи для остротъ и выходокъ природнаго своего характера. Не рас-

пространяюсь о семъ болѣе. Усыпляются тѣмъ, что дворянство и народъ (исключая раскольниковъ) спѣшитъ въ ополченіе. Это такъ: каждый русскій, на призывъ своего государя, готовъ на защиту; но это самоотверженіе толкуется иначе: глухая молва говоритъ, что дворянству будетъ прощенъ, или, по крайней мѣрѣ, отсроченъ безъ процентовъ, долгъ опекунскаго совѣта, а народу—что онъ будетъ, по распущеніи ополченія, свободнымъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ начинались уже безпорядки на этомъ основаніи. Повторяю, что по моему убѣжденію не подлежитъ никакому сомнѣнію, что есть люди, старающіеся поколебать могущество Россіи внутри ея. Они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, не упуская даже самыхъ ничтожныхъ, самыхъ безтолковыхъ.

Такъ приготовленные умы могутъ ли остаться спокойными и по окончаніи этой борьбы? Послѣ войны 1812—1815 года мы видимъ результатомъ замыслы, гласно уже обнаружившіеся въ 1825 году; послѣ Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, Севастополь, Старая Русса, С.-Петербургъ, Тула и др. были позорищемъ безпорядковъ. Образовалось возмущеніе Польши; послѣ укрощенія онаго явилось множество поклонниковъ различнымъ западнымъ утопіямъ, изъ которыхъ образовались различныя общества въ Малороссіи, Кіевѣ, Вильнѣ, и въ 1848 году графъ Перовскій напалъ на слѣдъ тайнаго общества и, по совѣщаніи съ графомъ Орловымъ, первый сдѣлалъ распоряженіе о наблюденіи за онымъ, съ такою тайною, что въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ она была для всѣхъ непроницаемою. Изъ найденныхъ бумагъ видно было, что общество это существовало уже въ 1843 году и находилось подъ управленіемъ Спѣшнева; главными дѣятелями онаго были: Петрашевскій, Монбеле и Дебу. Въ сущности же оно оказалось опаснѣе бывшаго заговора въ 1825 году, гдѣ исключительно принимали участіе только дворяне и преимущественно военные, такъ что другіе классы вовсе были чужды онаго. Между тѣмъ какъ этотъ заговоръ включалъ въ себѣ безъ изъятія всѣ сословія: здѣсь, возлѣ гвардейскихъ офицеровъ и начальниковъ отдѣленій министерства иностранныхъ дѣлъ, находились художники, купцы, ремесленники, мѣщане, лавочники и т. п. Агенты находились во многихъ губерніяхъ; своя типографія, своя библіотека, учрежденныя собранія, а главное—дѣйствіе посредствомъ учителей на юное поколѣніе; взятые курсы со множествомъ замѣчательныхъ бумагъ—указываютъ о зловредности пропаганды. Обстоятельства 1849 года, требовавшія смягченія взгляда на это дѣло и на дѣйствіе многихъ изъ рьяныхъ членовъ, подлежавшихъ законной отвѣтственности; но не менѣе того сентенція 21 человѣка къ разстрѣлянію, обнародованная во всѣхъ газетахъ, доказываетъ важность этого заговора, ибо при

каждомъ прописанъ былъ проступокъ. Преступно думать, смѣло могу сказать, чтобъ закваска эта до сихъ поръ не таилась въ сотняхъ сообщниковъ этого заговора. Посѣянныя сѣмена идей дадутъ плодъ, если правительство не поспѣшитъ предусмотрительно обратить своего вниманія, какъ собственно на нихъ самихъ, такъ и на ихъ (покудова подъ рукой) дѣйствія. Пропаганда Запада проникла въ нашъ бытъ; ея единоземцы разсѣяны на всемъ пространствѣ; безразсудно было бы отрицать, чтобы между ними не было агентовъ, подготовляющихъ умы нелѣпыми обаяніями. Мы видимъ примѣры тому: это дѣлалъ Ледюкъ въ Финляндіи и на Аландскихъ островахъ, и жители оныхъ не оправдали нашихъ ожиданій. Едва непріятель сдѣлалъ высадку, какъ аландцы остались не только-что равнодушными, но и оказывали непріятелю угодливость, которой очень могли бы избѣжать. Шкипера на союзномъ флотѣ въ прошломъ году были многіе финляндцы, а въ настоящемъ ихъ конечно еще болѣе. Англійская политика, не имѣющая ничего святаго, какъ показываетъ исторія, не отстаетъ отъ достиженія своей цѣли. Для нея всѣ пути позволительны—послѣ неудачъ въ открытой борьбѣ она не затрудняется прибѣгать къ самымъ адскимъ мѣрамъ. Мы видимъ это на каждомъ шагу. Въ 1853 году, по выѣздѣ князя Меншикова изъ Константинополя, французскіе агенты посольства: Лонжевиль и Бертоми объѣзжали Восточную Болгарію и части придунайскихъ княжествъ; въ то же время два англійскихъ чиновника посольства объѣзжали западную часть этого края; они, съ содѣйствія греческаго духовенства и съ помощію мѣстныхъ властей, отбирали отъ болгаръ подписи и сдѣлали сильный переворотъ въ умахъ ихъ, а безъ соучастія болгаръ каждая наша война въ тѣхъ мѣстахъ не можетъ быть успѣшна. Агенты эти достигли покуда до того, что въ 1854 году уже два конные полка изъ болгаръ содержали передовую цѣпь турокъ, вовсе не способныхъ къ этому роду слу́жбы, а болгаре не многимъ уступятъ казакамъ. Кетли, англійскій консулъ въ Керчи, приготовилъ татаръ [1]), которые за мѣсяцъ предъ измѣной присягали намъ въ вѣрноподданствѣ и тѣмъ успокоили нашу бдительность, тогда какъ пять-шесть коноводовъ изъ нихъ могли бы быть удалены изъ края не въ видѣ наказанія, но такъ, какъ мудрый императоръ Александръ I сдѣлалъ это съ коноводами Виленской губерніи въ 1812 г. Что же изъ всего этого вытекаетъ? Конечно, то, что необходима благоразумная бдительность въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ нашего государства, въ которыя непріятель можетъ проникнуть. Усыпленіе, основанное на

[1]) Отецъ и братъ этого Кетли—здѣсь въ С.-Петербургѣ. Неужели дѣйствія керченскаго Кетли были тайною для мѣстныхъ властей.

словѣ: все благополучно, здѣсь имѣть мѣста не можетъ; къ несчастію, примѣры противоположнаго мы встрѣчаемъ въ событіяхъ... Неужели хорошо устроенная тайная полиція, распредѣленная на всемъ пространствѣ государства, не могла предусмотрѣть и отклонить многіе безпорядки прежде, нежели они обнаружились между крестьянами въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ разныхъ губерній? Безпорядки эти вдругъ не могли возникнуть на разныхъ конечностяхъ, на одномъ и томъ же основаніи!

Молодые наши офицеры, образованные въ военно-учебныхъ заведеніяхъ съ истинно отеческимъ попеченіемъ, въ глазахъ общаго нашего отца, будучи разосланы по полкамъ, не утвердившіеся еще въ святости своихъ обязанностей, неоспоримо должны быть подвержены соблазну: 1825 и 1849 годы, къ несчастію, доказываютъ это; нашлись же изъ нихъ такіе, которые, забывъ все, чѣмъ они обязаны; все, что должно было быть для нихъ свято, — предались обаяніямъ зловредныхъ утопій созидать лучшее. Это начинается всегда разсужденіемъ о неправильномъ дѣйствіи начальника, о его способностяхъ, а тамъ далѣе и далѣе. Люди ограниченные, или не вникающіе въ сущность столь важнаго предмета, говорятъ, что это духъ времени, что противъ этого нѣтъ преградъ, что человѣческая сила не остановитъ его и т. п. По моему убѣжденію, это не имѣетъ добросовѣстнаго основанія. Кадеты, образованные въ глазахъ монарха и достойныхъ ближайшихъ руководителей, вливающихъ въ нихъ высокія правила нравственности и священныхъ обязанностей, снабженные всѣмъ, въ роскошномъ помѣщеніи, вдругъ, съ производствомъ въ офицеры, переносятся на всѣ лишенія, въ кругъ людей, на квартирахъ, не въ уровень съ своимъ образованіемъ, съ своими, повторяю, не утвердившимися еще правилами; они, естественно, не могутъ устоять противъ соблазна, если не охраняемы свыше лицомъ, умѣвшимъ внушить имъ къ себѣ уваженіе и довѣренность, не говорю о корпусныхъ и дивизіонныхъ начальникахъ; но святая обязанность эта ближе всего лежитъ на полковыхъ начальникахъ, которые должны быть отцами этихъ молодыхъ офицеровъ, перенесшихся съ быстротою, столь разительно измѣнившею ихъ бытъ во всѣхъ совершенно отношеніяхъ.

Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ я составилъ себѣ понятіе, что всякій заговоръ рождается въ головѣ одного, или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ тоже весьма немногихъ. Но для приведенія въ дѣйствіе своихъ преступныхъ замысловъ, сами заговорщики всегда безсильны; имъ нужна физическая сила, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противоборствѣ съ правительствомъ. При этомъ главные двигатели заговора имѣютъ правиломъ,—сами оставаясь невидимыми, искать разными путями и всегда

пропагандою возбуждать всѣ классы къ негодованію на правительство, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду. Находясь же на должностяхъ, они ищутъ всю возможность къ несправедливымъ самоуправствамъ, къ безнаказаннымъ притѣсненіямъ; возбуждать ропотъ въ чиновникахъ, которые, оставляя службу, распространяютъ оный на существующій порядокъ вещей. Такимъ образомъ, слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобъ произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидя, что онъ принимаетъ характеръ серьезный, согласно съ тою степенью, которую тщеславіе ихъ себѣ предначертало. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ въ началѣ дѣйствія свои стремленіемъ ввести, будто бы, порядокъ въ происшедшей анархіи, ими же самими подъ рукою произведенной и раздуваемой, и такимъ образомъ, вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои, и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. И такъ, сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями физическая сила, которую составляетъ низшій классъ въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы, и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенію буйства съ цѣлью грабежа, наживы, личнаго мщенія и даже съ одною мыслью воспользоваться и насладиться хотя минутнымъ только безначаліемъ. По принятому въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному, правилу, настоящіе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ мѣстѣ кровопролитія, оставляются не наказанными, хотя они и были главнымъ орудіемъ безпорядка, совершеннаго массами. Ихъ извиняютъ тѣмъ, что они завлекали другихъ, сами бывъ увлечены ложными убѣжденіями, фанатизмомъ, молодостью, страстями, обстоятельствами жизни и т. п. Но если это такъ, то какимъ же образомъ отнять возможность къ посѣянію въ массахъ вредныхъ сѣмянъ, которыя рано или поздно, но неотмѣнно должны дать плодъ и произвести безпорядокъ? Я всегда думалъ и теперь увѣренъ, что разгонять всѣми мѣрами скопляющихся грозу прежде, чѣмъ она успѣетъ разразиться, есть единственное средство отвратить пагубныя ея послѣдствія. Лица, на коихъ возложена эта важная часть, въ особенности въ настоящее время должны охранять верховную власть и не доводить ее до необходимости наказывать, когда преступленіе уже обнаруживается своимъ плодомъ. Эти мѣры всегда производятъ непріятное впечатлѣніе на народъ.

Русскій народъ свято чтитъ своихъ законныхъ государей; каждый

изъ нихъ есть, въ его понятіи—земной богъ; но нынѣ, независимо этого врожденнаго чувства, онъ любитъ своего царя, какъ человѣка, за душевную доброту, содѣлавшеюся извѣстной съ давняго времени. Чтимость эта распространяется и вообще на особъ августѣйшаго дома. Направить народъ прямо къ измѣнѣ противъ государя нѣтъ никакой возможности; эта мысль не сродна съ русскимъ. У насъ не только что въ народѣ безъ исключенія, но и въ возвышенныхъ классахъ есть врожденное господствующее убѣжденіе, что всякая несправедливость, всякое притѣсненіе — не вѣдомы царю, а потому у каждаго изъ насъ на языкѣ: „если бы зналъ о томъ государь“! Этимъ мы отличаемся отъ всѣхъ другихъ народовъ, у которыхъ всѣ волненія направляются прямо противъ главы правительства, а у насъ—напротивъ, онъ почитается источникомъ добра и ненавистникомъ зла и несправедливости; вотъ незыблемое до сихъ поръ основаніе могущества нашего государства, которое обязано охраняться отъ попытокъ, направленныхъ на разрушеніе онаго. Негодованіе же нашего народа всегда направлялось противъ министровъ и другихъ правителей, которыхъ всегда и теперь почитаютъ за своихъ притѣснителей, дѣйствующихъ вопреки воли государя (царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ, говоритъ народъ). Мы видимъ разительный тому примѣръ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича; возставшій народъ потребовалъ собственной расправы надъ Морозовымъ, Траханіотовымъ и Плещеевымъ, и тогда трудно обуздать его [1]). Имѣя же расположеніе преклонять слухъ ко всевозможнымъ нелѣпостямъ, нынѣ, ловко въ его народномъ духѣ распускаемымъ, нѣтъ ничего легче, какъ подвигнуть массу къ безпорядку, если она не охраняема отечески отъ людей, распускающихъ оныя.

Русскій народъ, какъ говоритъ наша пословица, не гонится за тычкомъ; ему нужно только открыть возможность приносить жалобу, когда онъ притѣсняемъ, обкрадываемъ и т. п. Начальникъ, принимающій просителей ласково и всегда доступный, если бы и не удовлетворилъ, правда, часто странныя жалобы, не огорчаетъ просителя, онъ остается довольнымъ, какъ бы сбросивъ съ души какую-либо тяжесть. Управленіе графа Перовскаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ служитъ торжественнымъ тому доказательствомъ. Каждый зналъ, что можетъ принести во всякое время дня и ночи свою жалобу, не терпящую отлагательства въ исполненіи; каждый былъ увѣренъ, что ни одно противозаконіе не будетъ оставлено имъ безъ всякаго вниманія по какимъ-либо отношеніямъ. Это успокоивало массы, а потому не дѣлало недовольныхъ на правительство. Предметъ, который, по

[1]) Такъ въ новгородскихъ поселеніяхъ требовали гр. Аракчеева.

важности результатовъ своихъ, обращаетъ на себя вниманіе, въ особенности же въ настоящее время...

Плоды успѣховъ—возрастанія нѣкоторыхъ бѣдствій, отчасти видны были изъ дѣла Спѣшнева или Петрашевскаго, въ немъ выведено было нѣсколько обстоятельствъ, доказывающихъ это возрастаніе; такъ напримѣръ случаевъ убійства помѣщиковъ своими крестьянами, въ 1846 г., было 12, а въ 1848—18. Случаевъ неповиновенія крестьянъ массами въ 1846 году было 27, а въ 1848—45 (изъ нихъ въ казенныхъ селеніяхъ въ первый годъ только 2, а въ послѣдній 4). Одинаково замѣчательно и изумительно ежегодное увеличеніе прогрессіи наказываемыхъ здѣсь въ столицѣ, въ съѣзжихъ домахъ за грубость, буйство, неповиновеніе и т. п. дворовыхъ людей, посылаемыхъ ихъ господами. Наконецъ пожаровъ: въ 1846 году въ городахъ было 92, въ селеніяхъ—6.496, а въ 1848—въ городахъ—109, въ селеніяхъ—10.312. Обнаруженныхъ поджоговъ въ селеніяхъ въ 1846 году было 84, а въ 1848 — 102. Обстоятельство это невольно ведетъ какъ бы къ заключенію о существованіи у насъ пропаганды пауперизма. Не извѣстна мнѣ прогрессія послѣдующихъ годовъ, она, конечно, не уменьшалась [1]). Все это невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Во всякомъ случаѣ должно искать противоядія, которое можно противопоставить этому губительному злу, чтобы парализовать его разрушительное дѣйствіе. За 20 или 10 лѣтъ можно было удовольствоваться тѣмъ, чтобы, напавши на корень зла, подрѣзать его, и тѣмъ все бы затушилось, уничтожилось. Теперь корень этотъ, какъ видно, разросся крѣпко; ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собою весь воздухъ общественной жизни. Нынѣ корень зла состоитъ въ идеяхъ, и я полагаю, что съ идеями должно бороться не иначе, какъ также идеями, противопоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, преобращая самую литературу въ орудіе, разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія, или, лучше сказать, сумасбродства. Тогда утопіи лицъ, ищущихъ распространять зловредныя ученія, уничтожатся сами собою, частью же правительство найдетъ возможность содѣлать ихъ самихъ орудіемъ того направленія, которое оно признаетъ за благо обозначить. Для этой борьбы, которую я считаю единственнымъ спасительнымъ

---

[1]) Примѣчаніе. Іюля 1856 г. Въ короткое время въ окрестностяхъ С.-Петербурга было три покушенія на помѣщиковъ. Земская власть не открыла виновныхъ. И не только что тянетъ дѣло, но освободила подозрѣвавшихся въ покушеніи. Это поощряетъ другихъ; ибо какъ бы даетъ понимать народу, что правительство смотритъ на это изъ-подъ руки. Одно изъ таковыхъ покушеній подробностями своими требовало бы ловкаго слѣдователя...

средствомъ, мнѣ кажется нужнымъ извлечь изъ самаго опыта вѣрныя и положительныя указанія, какъ вести ее съ успѣхомъ.

Въ обыкновенное время, наши учрежденія тайнаго надзора, пожалуй, могли бы почитаться достаточными. Въ настоящее же время эти старыя учрежденія, по многимъ причинамъ, едва-ли не окажутся на опытѣ недостаточными уже по одной гласности своей. Во всякомъ случаѣ, если можно выразиться сравненіемъ, то тайная, нынѣ существующая полиція, подобно пожарной командѣ, стоитъ на стражѣ государства; она должна смотрѣть, не развлекаясь ничѣмъ, чтобы, при малѣйшемъ опасномъ признакѣ, подать вѣсть и двинуть мѣры правительства для потушенія пожара.

Но не всегда пожаръ обнаруживается вспышкою пламени, не всегда даже обозначается и дымомъ: часто тлѣетъ онъ малою искрою гдѣнибудь внутри зданія, и тогда можно было бы его затоптать ногой, если бы эта искра была примѣчена заблаговременно; или нѣтъ даже еще и искры, но въ домѣ господствуетъ крайняя неосторожность при обращеніи съ огнемъ, или собрано множество удобовоспламеняемыхъ матеріаловъ, иногда безъ намѣренія, а иногда и съ злымъ умысломъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ поджечь. Отъ пожарной команды, какъ устроена у насъ тайная полиція, трудно и требовать, чтобы она занималась раскрытіемъ и предотвращеніемъ всѣхъ подобныхъ случаевъ, въ настоящее время подготовляющихъ пожары. Мѣры, употребляемыя ею, слишкомъ извѣстны;—къ нимъ уже пріобыкли [1]).

Въ настоящее время тяжкихъ испытаній внѣшняя и внутренняя безопасность государства ввѣрена охраненію военнаго начальства. Естественно, что оно должно имѣть и свою военную полицію независимо той, которая существуетъ въ обыкновенное время. Бываютъ такіе случаи, которые не должны запаздывать и однимъ часомъ, чтобы военный министръ, у котораго сосредоточиваются всѣ отрасли управленія военными силами государства, не былъ извѣщенъ для принятія противу нихъ подлежащихъ мѣръ. Одно уже обезпеченіе арміи всѣмъ необходимымъ, исполняемымъ на огромномъ пространствѣ государства—требуетъ собственнаго его глаза, независимаго отъ

[1]) Во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ, особенное вниманіе было употреблено на образованіе тюремной тайной полиціи, подобно какъ нѣкогда она существовала при Фуше. Послѣ долгихъ усилій она была, чрезъ три года, доведена до такого совершенства, что во многихъ открытіяхъ, до которыхъ III-е отдѣленіе не могло достигнуть, достигалась—въ нѣсколько дней; примѣровъ бездна. Точно тоже насчетъ женщинъ свободной жизни: многія изъ нихъ въ разныхъ случаяхъ были употребляемы съ незамѣнимою пользою. Но въ 1852 году однимъ ударомъ все было разрушено, и, конечно, нужно опять долгое время, чтобъ возстановить это; по многимъ же причинамъ я могу думать, что это уже невозможно.

*

взгляда тѣхъ вѣдомствъ, которыя доводятъ до него путемъ оффиціальнымъ дѣйствія подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Генералъ-полиціймейстеръ военнаго министерства, установленный на время настоящихъ событій, разъѣзжая по мѣстамъ заготовленій, могъ бы оказать пользу не только сохраненіемъ огромныхъ суммъ, нынѣ, по молвѣ народной, расхищенныхъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, о которыхъ здѣсь, по обширности взгляда, не упоминаю. Замѣчу только, что эта военная полиція, будучи учреждена на прочномъ основаніи и въ составѣ людей практическихъ, пользующихся народнымъ довѣріемъ, обративъ вниманіе на все, будетъ содержать свое начальство въ полной извѣстности обо всемъ и чрезъ то изощрять наблюдательность, и, облегчая тайную полицію, уже существующую, будетъ давать ей вѣрное направленіе, указывая, гдѣ ей должно особенно присматриваться и прислушиваться. Не говорю уже о томъ, что, на основаніи доставляемыхъ военною полиціею свѣдѣній, правительство получаетъ всю возможность заблаговременно измѣнять и исправлять то, что требуетъ перемѣны и исправленія, и такимъ образомъ разбивать и отымать средства ко всѣмъ потрясеніямъ, которыя бы злоумышленники могли ласкаться надеждою привести въ дѣйствіе. Такой полиціи легче, чѣмъ всѣмъ другимъ, собирать свѣдѣнія не только что изъ непріятельскихъ армій и областей ихъ, прилегающихъ къ границамъ нашимъ, но и проникать гораздо далѣе.

Военная полиція должна имѣть первымъ основнымъ правиломъ— ничего не утаивать отъ главы правительства, какъ бы обстоятельство въ началѣ и ни казалось ничтожнымъ [1]); ибо она одна только въ силахъ исцѣлять язвы: чѣмъ язва свѣжѣе, тѣмъ исцѣленіе оной легче; если же выждать, когда она приметъ характеръ болѣе серьезный и обнаружатся уже явленія опасныя, тогда для исцѣленія нужно будетъ прибѣгать къ средствамъ героическимъ, которыхъ употребленіе не всегда можетъ увѣнчаться успѣхомъ безъ общаго потрясенія цѣлаго организма.

---

[1]) Дѣло, напримѣръ, Спѣшнева или Петрашевскаго началось по даннымъ, совершенно маловажнымъ.

Всеподданнѣйшая записка Каменскаго 1850 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Подъ священною, благодатною сѣнію самодержавія, счастливая Россія процвѣтаетъ государственнымъ и политическимъ величіемъ. Иноземцы съ глубокимъ прискорбіемъ взираютъ на ея благоденствіе: имъ завидно, что держава вашего императорскаго величества, этотъ грозный для нихъ колоссъ сѣвера, болѣе и болѣе возвышается, между тѣмъ, какъ ихъ страны, потрясаемыя невѣріемъ, безначаліемъ, суемудріемъ, клонятся къ упадку и совершенному разрушенію. Человѣчество содрогается при видѣ бѣдствій и неистовствъ, совершающихся на западѣ Европы. Но корень зла—смѣю ли выразить мое мнѣніе?—не въ духѣ времени, не въ естественномъ ходѣ вещей, какъ утверждаютъ лжеучители и ихъ послѣдователи, увлеченные мишурнымъ блескомъ обманчивыхъ теорій: онъ таится въ избыткѣ умозрительнаго образованія, въ пагубномъ стремленіи къ сліянію всѣхъ сословій, однимъ словомъ, въ томъ мнимомъ успѣхѣ гражданственности, который въ новѣйшее время наименовали „прогрессомъ“.

Благословляя въ числѣ милліоновъ вѣрноподданныхъ державную десницу, дарующую всѣмъ намъ русскимъ и спокойствіе, и благоденствіе, и неувядаемую славу, могу ли хоть на единый мигъ усумниться въ долговѣчномъ процвѣтаніи могущественнѣйшаго изъ царствъ міра? Но желанія пламеннаго усердія безпредѣльны, какъ вѣчность, и я, проникнутый до глубины души чувствомъ преданности къ священному престолу обожаемыхъ вѣнценосцевъ, пріемлю смѣлость съ благоговѣніемъ повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества мысли мои о народномъ просвѣщеніи и о главныхъ сословіяхъ въ Россіи.

Эти мысли, почерпнутыя мною изъ опыта и наблюденій многолѣтней службы, составляютъ внутреннія мои убѣжденія. Я почту себя на вершинѣ счастія, если онѣ, удостоенныя всемилостивѣйшаго воззрѣнія, признаны будутъ въ чемъ-либо полезными для возлюбленнаго отечества. Но если предположенія мои окажутся неудовлетворительными и несоотвѣтственными высокимъ видамъ государственнаго управленія, мнѣ невѣдомымъ, не вмѣните мнѣ въ вину, всемилостивѣйшій государь, усердія моего. Единственнымъ побужденіемъ къ изложенію этихъ мыслей была безпредѣльная преданность моя къ августѣйшему престолу и отечеству, коимъ посвящены навѣки всѣ труды мои и помышленія, и вся жизнь моя.

Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Александръ Каменскій.

11-го февраля, 1850 года.

Статья первая. Мысли о народномъ просвѣщеніи и главныхъ сословіяхъ въ Россіи.

Краткій очеркъ развитія учебной части въ Россіи.—Соображенія о дальнѣйшемъ направленіи народнаго образованія.—Предположенія: объ учебныхъ заведеніяхъ вообще; о преподавателяхъ, преподаваніи и программахъ наукъ; о распредѣленіи сословій въ училищахъ; о правахъ и принадлежностяхъ обучающагося юношества; о закрытыхъ училищахъ, пансіонахъ и гувернерахъ; о книгахъ и журналахъ; о цензурѣ.

Достославное царствованіе императора Петра Великаго составляетъ въ лѣтописяхъ Россіи эпоху по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Съ его времени началось и постепенное развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Учрежденіемъ морскихъ и военныхъ школъ, училищъ въ городахъ, вызовомъ ученыхъ иностранцевъ и отправленіемъ русскихъ для образованія въ Европу,—Петръ Великій разсѣялъ первоначально мракъ невѣжества и внушилъ подданнымъ своимъ стремленіе къ ученію и наукамъ. Преемники его постоянно продолжали начатое дѣло: при императрицахъ Екатеринѣ I-й, Аннѣ и Елисаветѣ учреждены Академія наукъ, шляхетные корпуса—сухопутный и морской, университетъ въ Москвѣ и Академія художествъ.

Царствованіе Екатерины II-й ознаменовано учрежденіемъ между прочимъ артиллерійскаго, инженернаго и горнаго корпусовъ и Россійской академіи; а съ основаніемъ коммиссіи народныхъ училищъ открыты гимназіи, уѣздныя приходскія училища, и народное воспитаніе приведено въ обширную систему. Не менѣе того, въ царство-

ваніе ея, высшее образованіе было достояніемъ только немногихъ лицъ, посвящавшихъ себя ученому поприщу, или предназначавшихся по рожденію своему къ занятію важнѣйшихъ должностей въ государствѣ. При блаженныя памяти императорѣ Павлѣ Петровичѣ открыты между прочимъ: земледѣльческое училище и Дерптскій университетъ.

Съ самаго воцаренія Александра Благословеннаго послѣдовало учрежденіе университетовъ въ Харьковѣ, Казани, С.-Петербургѣ; основаны потомъ лицеи и многія другія училища. Юношеству, окончившему курсъ ученія, присвоены разныя премущества. Изданъ замѣчательный указъ 1809 года о производствѣ гражданскихъ чиновниковъ въ 8-й и 5-й классы, не иначе какъ по учебнымъ аттестатамъ или по испытанію въ наукахъ.

Въ нынѣшнее достославное и всеобъемлющее царствованіе народное воспитаніе явило новую дѣятельную жизнь, и просвѣщеніе разлилось по всему лицу обширной Россіи. Кромѣ основанія многихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ военной академіи, университета св. Владиміра, училища правовѣдѣнія и кадетскихъ корпусовъ въ разныхъ губернскихъ городахъ, молодымъ людямъ, окончившимъ полный курсъ наукъ, дарованы еще новыя права, какъ при выпускѣ ихъ изъ заведеній, такъ и во время службы по гражданской части. Чтобы съ достовѣрною точностію изобразить, до какой степени усилилось въ послѣднее время общее стремленіе къ образованію, достаточно упомянуть, что въ 1848 году въ 2.190 учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія обучалось 115.442 воспитанника и что съ 1836 по 1847 годъ, въ теченіе 10 лѣтъ, выпущено изъ однихъ университетовъ около 4.000 молодыхъ людей, окончившихъ полный курсъ ученія. Общее же число воспитанниковъ, выбывшихъ въ 1848 году изъ гимназическихъ и уѣздныхъ училищъ, по окончаніи въ нихъ ученія съ аттестатами, простиралось свыше 15 тыс. человѣкъ. Кромѣ того, въ 1847 году числилось до 2.490 училищъ для дѣтей казенныхъ поселянъ [1]) и въ 1848 году въ этихъ училищахъ число учащихся возросло до 125.165 человѣкъ, т. е. на 111 крестьянъ приходилось по одному учащемуся.

При взглядѣ на это быстрое развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ и просвѣщенія, которое дѣйствительно носитъ печать общенароднаго, какъ по множеству сельскихъ и приходскихъ училищъ, такъ и по допущенію даже податнаго состоянія къ слушанію

---

[1]) До учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, этихъ училищъ было только семь.

курсовъ не только въ среднихъ, но и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, невольно возникаютъ слѣдующія разсужденія:

Во 1-хъ, необходимо ли для блага Россіи дальнѣйшее распространеніе просвѣщенія и не настала ли пора положить нѣкоторые предѣлы разливу, который началъ наводнять государство людьми высшаго умозрительнаго или, такъ сказать, западнаго образованія, сверхъ дѣйствительной въ нихъ потребности для службы?

Во 2-хъ, полезно ли допущеніе всѣхъ вообще народныхъ сословій къ совмѣстному образованію въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, особливо высшихъ?

и въ 3-хъ, нужно ли въ настоящее время сохраненіе всѣхъ преимуществъ, коими такъ щедро надѣлены воспитанники учебныхъ заведеній, при вступленіи въ гражданскую службу и во время прохожденія оной?

Изложенные три вопроса могутъ служить предметомъ обширныхъ изслѣдованій, но, не осмѣливаясь входить въ подробности, я ограничусь немногими практическими соображеніями: а) въ нынѣшнее время нѣтъ ни одного административнаго и судебнаго мѣста, особливо въ столицахъ, гдѣ бы не томилось весьма значительное число вышедшаго изъ училищъ юношества въ праздности и тщетномъ ожиданіи штатныхъ должностей. Пріобрѣтенныя молодыми людьми ученыя степени и съ ними права, обѣщая имъ большія выгоды по службѣ, отвлекаютъ ихъ только отъ тѣхъ занятій, къ коимъ многіе изъ нихъ имѣли бы дѣйствительно истинное призваніе. Съ прогрессивнымъ распространеніемъ просвѣщенія, эти неудобства будутъ возрастать годъ отъ года отъ увеличенія числа искателей гражданской службы; б) на опытѣ дознано, что купеческое сословіе и люди податнаго состоянія почти никогда не достигаютъ благополучія отъ воспитанія несообразнаго ихъ званію, кругу занятій и обязанностямъ. Отставъ отъ своего сословія, они большею частію не оправдываютъ ожиданій на служебномъ поприщѣ. При томъ совмѣстное воспитаніе людей различныхъ состояній, нарушая всѣ условія нашихъ нравовъ и понятій, вредно въ отношеніи административномъ. Нынѣшніе безпорядки Западной Европы рѣзко свидѣтельствуютъ, до какой степени гибельно общенародное образованіе, не соотвѣтствующее быту низшихъ классовъ общества; и в) по окончаніи наукъ, юноша лѣтъ 17 или 18, награжденный чаще по покровительству, нежели по способностямъ, 10-мъ или 9-мъ классомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, со школьной скамьи, безъ опыта, безъ надлежащаго сознанія важности своихъ обязанностей, переходитъ прямо за судейскій столъ, рѣшать участь дѣлъ о чести и достояніи согражданъ. Потомъ, лѣтъ черезъ 8 или 9 не болѣе, не старѣе 26—27-лѣтняго возраста, онъ уже 5-го класса, т. е. въ чинѣ,

въ которомъ можетъ быть назначенъ оберъ-прокуроромъ, директоромъ департамента министерства, начальникомъ губерніи. Такіе быстрые успѣхи по службѣ, предоставляемые почти цѣлымъ выпускамъ юношей высшихъ учебныхъ заведеній, естественно внушаютъ имъ необыкновенную самонадѣянность, равнодушіе къ обязанностямъ и пренебреженіе подчиненности. Эта молодежь, съ рѣдкими исключеніями, предается опасной мечтательности и не знаетъ предѣловъ своимъ притязаніямъ, Подобныя преимущества, составляя непомѣрное поощреніе для наукъ, унижаютъ достоинство службы и послѣдствіями своими могутъ быть пагубны для самихъ юношей, воспользовавшихся ими.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, подкрѣпленныхъ опытами и практическими данными, я пріемлю смѣлость полагать, что для дальнѣйшаго отправленія народнаго просвѣщенія въ Россіи были бы истинно-полезными слѣдующія мѣры:

1. Можно было бы приступить къ постепенному преобразованію училищъ и даже къ закрытію нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно: а) сельскія и приходскія школы оставить только въ немногихъ значительнѣйшихъ посадахъ и селеніяхъ, единственно для подготовленія грамотныхъ людей къ письмоводству по части государственныхъ имуществъ. Часть этихъ школъ обратить въ чисто техническія для ремеслъ и земледѣлія, въ коихъ крестьянскіе мальчики, въ зимнюю пору, по воскреснымъ днямъ, обучались бы наглядно разнымъ мастерствамъ и издѣлію необходимыхъ машинъ и земледѣльческихъ орудій. Нѣкоторыя же изъ сельскихъ школъ посвятить исключительно для образованія ветеринарныхъ врачей и фельдшеровъ, ибо въ этихъ людяхъ до сихъ поръ ощущается повсемѣстный недостатокъ; б) оставивъ въ нынѣшнемъ числѣ уѣздныя училища и губернскія гимназіи, упразднить нѣкоторыя высшія заведенія, особливо въ столицахъ, гдѣ имѣется по нѣсколько таковыхъ училищъ; и в) равномѣрно упразднить дворянскіе институты, какъ излишніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ гимназіи; на томъ же основаніи закрыть конвикты, пансіоны и другія заведенія, состоящія при университетахъ и гимназіяхъ.

2) Изъ упраздненныхъ училищъ достойнѣйшихъ преподавателей и наставниковъ полезно было бы размѣстить въ остающіяся заведенія и сверхъ того, для приготовленія на будущее время благомыслящихъ и способныхъ воспитателей юношества, распространить Педагогическій институтъ въ С.-Петербургѣ. При чемъ главному учебному начальству поручить строжайшее наблюденіе за образованіемъ помянутыхъ воспитателей въ правительственныхъ видахъ, чистѣйшей нравственности и благомыслія.

3) Комплектъ учащихся во всѣхъ заведеніяхъ вообще можно бы постепенно уменьшить до опредѣленной мѣры.

4) Полезно было бы обратить особенное вниманіе на программы учебныхъ заведеній. Въ нихъ исключить даже по высшимъ училищамъ отвлеченные и философскіе предметы, которые, не представляя никакой существенной пользы для практической жизни или для службы, располагаютъ умы къ одному вредному суемудрію. Затѣмъ, по сокращеніи вообще программъ наукъ для гимназій и уѣздныхъ училищъ, ослабить преподаваніе французскаго и нѣмецкаго языковъ, усугубивъ вниманіе на тщательнѣйшее изученіе отечественнаго. Только въ университетахъ и высшихъ училищахъ сохранить полный курсъ употребительнѣйшихъ европейскихъ языковъ.

5. Необходимо обратить особенное вниманіе на то, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божія и науки о должностяхъ человѣка, какъ христіанина и вѣрноподданнаго, возлагаемо было на свѣдущихъ и испытанныхъ духовныхъ лицъ и чтобы это преподаваніе заключало въ себѣ всю чистоту догматовъ православной церкви безъ высокопарныхъ и отвлеченныхъ толкованій. Курсъ по симъ важнымъ предметамъ установить во всѣхъ училищахъ однообразный и проходить его не по писаннымъ тетрадямъ, какъ это иногда водится, но по печатнымъ учебникамъ, тщательно пересмотрѣннымъ и соображеннымъ Святѣйшимъ Синодомъ совмѣстно съ министерствомъ просвѣщенія.

6. Въ число наукъ для обученія въ высшихъ гимназическихъ классахъ можно включить агрономію, сельское хозяйство, технологію, химію и другіе подобные предметы, полезные въ приложеніи къ практикѣ.

7. Полезно было бы поручить главному правленію училищъ заняться тщательнѣйшимъ составленіемъ и изданіемъ по разнымъ наукамъ и предметамъ учебныхъ книгъ, въ которыхъ до сихъ поръ ощущается большой недостатокъ. При чемъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы всѣ учебники написаны были съ возможною ясностію, добросовѣстностію, благомысліемъ и имѣли цѣлію знакомить учащихся наиболѣе съ ихъ обязанностями и со всѣмъ тѣмъ, что относится къ отечественной пользѣ.

8. Расположивъ учебные предметы въ систематической послѣдовательности, какъ-то: оставивъ въ приходскихъ школахъ только преподаваніе русской грамоты; сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, и развивая учебную программу по мѣрѣ перехода къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, распредѣлить обученіе разныхъ сословій по заведеніямъ: крестьянскаго и мѣщанскаго въ сельскихъ и приходскихъ школахъ и въ практическихъ, ремесленныхъ

классахъ, купечества—въ уѣздныхъ и коммерческихъ училищахъ и только дворянства—въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Духовенству же предоставить воспитаніе въ однихъ духовныхъ училищахъ.

9. Права и преимущества, присвоенныя учебнымъ заведеніямъ, можно бы сократить въ слѣдующемъ размѣрѣ: а) воспитанниковъ, окончившихъ учебный курсъ въ университетахъ и другихъ высшихъ заведеніяхъ, выпускать съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ и опредѣлять въ службу не 12-мъ, но 14-мъ классомъ; б) только двумъ и не болѣе какъ тремъ отличнѣйшимъ студентамъ дозволять продолженіе курса для держанія не прежде, какъ по прошествіи двухъ лѣтъ, экзамена въ кандидаты и удостоенныхъ сего званія принимать въ службу не 10-мъ, но 12-мъ классомъ; в) учениковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, зачислять на службу на прежнемъ основаніи, предпочтительно предъ тѣми, которые не получили сего образованія, а также помѣщать ихъ на штатныя мѣста преимущественно предъ сими послѣдними; г) для привлеченія образованныхъ людей на службу въ губерніи, сохранять нынѣ существующее постановленіе: чтобы всѣ обучавшіеся молодые люди поступали въ службу первоначально на нѣсколько лѣтъ въ губернскія (и даже уѣздныя) присутственныя мѣста, сокращая имъ за то годомъ срокъ выслуги на первый слѣдующій чинъ; д) только университетскимъ кандидатамъ и двумъ отличнѣйшимъ изъ каждаго выпуска воспитанникамъ другихъ высшихъ заведеній предоставить право поступленія на службу прямо въ столицахъ.

10. Молодыхъ людей, поступающихъ на службу изъ учебныхъ заведеній, хотя бы изъ высшихъ, опредѣлить сначала въ самыя младшія должности и потомъ, перемѣщая ихъ на высшія ваканціи, не нарушать порядка постепенности должностей и отнюдь не спѣшить этимъ повышеніемъ.

11. Продолженіе учебнаго курса для полученія степеней магистровъ и докторовъ предоставлять только тѣмъ воспитанникамъ, которые исключительно посвящаютъ себя ученой части, либо занятію должностей преподавателей и наставниковъ, присвоивъ симъ степенямъ 10-й и 9-й классы.

12. Молодымъ людямъ, находящимся еще въ училищахъ, не предоставлять мундировъ, треугольныхъ шляпъ и шпагъ, составляющихъ принадлежность службы. Вмѣсто того, можно бы одѣть ихъ въ форменные сюртуки и круглыя фуражки. Студентамъ, продолжающимъ курсъ для полученія степени кандидата, дать для отличія выпушки или петлицы.

13. Закрытыя учебныя заведенія явили хорошія послѣдствія въ

Западномъ краѣ; но могутъ ли они принести ту же пользу въ великороссійскихъ губерніяхъ? Не въ нѣдрахъ ли семейства пріобрѣтаетъ юноша болѣе привязанности къ вѣрѣ предковъ и преданности къ престолу? Отлученный въ теченіе многихъ лѣтъ отъ родителей и родныхъ, не охладѣваетъ ли онъ вообще въ своихъ къ нимъ чувствахъ, поддерживающихъ и самую любовь къ отечеству? По мнѣнію моему, повсемѣстное учрежденіе закрытыхъ училищъ требуетъ особенныхъ соображеній. Можно бы оставить въ училищахъ безотлучно тѣхъ только воспитанниковъ, которые не имѣютъ въ городѣ родителей или ближайшихъ родныхъ, принимающихъ въ нихъ живое участіе. Вообще разузнаніе какъ этихъ, такъ и другихъ обстоятельствъ, касающихся частной жизни воспитанниковъ, относится непосредственно къ обязанностямъ училищнаго начальства.

14. Полезно было бы имѣть въ виду постепенное сокращеніе какъ въ столицахъ, такъ и въ прочихъ городахъ, числа частныхъ пансіоновъ. По весьма многимъ опытамъ дознано, что въ этихъ заведеніяхъ пріобрѣтаются большею частію одни поверхностныя познанія въ наукахъ, безъ всякой системы; нравственное образованіе оставляется въ совершенномъ пренебреженіи, и въ сердцахъ юношей нерѣдко посѣваются сѣмена чужеземнаго вольнодумства. Содержаніе частныхъ пансіоновъ рѣшительно воспретить иностранцамъ, хотя бы они изъявляли желаніе на принятіе русскаго подданства. Оставшіеся затѣмъ пансіоны подчинить строжайшему надзору учебнаго начальства.

15. Весьма полезно было бы постановить ненарушимымъ закономъ, чтобы въ гувернеры или дядьки для дѣтей, русскими подданными не были принимаемы иностранцы. Что важнѣе первыхъ правилъ вѣры, преданности къ престолу, любви ко всему отечественному и родному? Можетъ ли внушить эти священныя чувства чужеземный пришлецъ, нерѣдко извергнутый своею страною, напитанный невѣріемъ, безнравственностью и часто враждою и пренебреженіемъ ко всему нашему русскому? Неужели мы, русскіе, для блага роднаго края, для семейнаго счастія, не въ состояніи пожертвовать малодушнымъ тщеславіемъ безошибочнаго французскаго произношенія!

16. Министерству просвѣщенія можно бы озаботиться: о распространеніи чтенія книгъ по части точныхъ наукъ и общеполезныхъ свѣдѣній; объ ограниченіи ввоза иностранныхъ безнравственныхъ романовъ и сочиненій по предметамъ отвлеченнымъ и философскимъ. Полезно было бы сократить по возможности выписку иностранныхъ политическихъ газетъ и журналовъ, въ коихъ, несмотря на безпрестанныя вырѣзки статей, не пропущенныхъ цензурою, проскальзываютъ

вольнодумныя и рѣзкія сужденія заграничныхъ публицистовъ [1]). Сказанное сокращеніе выписки иностранныхъ журналовъ имѣло бы въ особенности полезныя послѣдствія для внутреннихъ областей Россіи; ибо съ нѣкоторыхъ поръ эти изданія начали проникать туда въ весьма значительномъ количествѣ, вѣроятно по причинѣ большаго пониженія подписной цѣны на оныя.

17. Не менѣе постояннаго и бдительнаго надзора цензуры требуютъ и русскіе журналы и газеты. Въ нихъ слѣдуетъ строжайше воспретить помѣщеніе излишнихъ сужденій и толковъ о политикѣ и нынѣшнихъ нелѣпыхъ теоріяхъ европейской идеологіи. Истинно-русскимъ читателямъ и на умъ не пришло бы существованіе этихъ сумасбродныхъ идей, если бы онѣ не были имъ сообщаемы въ нашихъ журналахъ. Политическія извѣстія, заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ, должны быть передаваемы тоже съ надлежащею осмотрительностію, и нѣкоторыя изъ нихъ безъ лишнихъ подробностей, единственно для сохраненія исторической послѣдовательности въ происшествіяхъ; въ этихъ статьяхъ не слѣдуетъ допускать пустословія, которое, подъ личиною усердія и добросовѣстности, нерѣдко дозволяетъ себѣ вредные намеки, оговорки и не менѣе вредныя недомолвки. При разрѣшеніи новыхъ изданій, по части русскихъ политическихъ газетъ и журналовъ, необходимо обращать особенное вниманіе на образъ мыслей и нравственныя качества издателей и даже на ихъ національное происхожденіе.

18. Установивъ строжайшія правила для цензуры книгъ и въ особенности журналовъ, опредѣлять въ цензора людей опытныхъ, внимательныхъ и извѣданной благонадежности. Поощряя ихъ за усердную дѣятельность лестными наградами, подвергать за упущенія строжайшему взысканію. Съ этою цѣлью ввести въ Уложеніе о наказаніяхъ новыя статьи взысканій за нарушеніе цензурнаго устава, особливо по части газетъ и журналовъ.

Статья вторая. О главныхъ сословіяхъ въ Россіи.

О направленіи сословій.—Обязанности и права дворянства.—Служба дворянъ и власть ихъ надъ крестьянами.—Чины въ Россіи.—Можно ли ихъ замѣнить должностями?—О быстротѣ валовыхъ повышеній.—Владѣніе крестьянами.—Мѣры для привлеченія дворянства къ личному управленію имѣній.—Назначеніе духовенства.—Недостатокъ образованныхъ людей въ семъ сословіи.—Вредное стремленіе духовныхъ лицъ къ переходу во дворянство.—Важность обязанностей сельскихъ священниковъ.—Необходимость ближайшаго наблюденія за

---

[1]) Потеря почтоваго дохода отъ сокращенія выписки этихъ изданій можетъ быть вознаграждена изъ другихъ источниковъ.

ними.—Изданіе для нихъ руководства.—О монашествѣ.—Права и обязанности промышленнаго сословія.—Преграждение купечеству перехода во дворянство.—Одежда и наружный видъ купцовъ и мѣщанъ.—Различіе занятій дворянства и промышленныхъ сословій.—Назначеніе крестьянъ.—Крѣпостное состояніе въ Россіи вовсе не такъ жалко, какъ полагаютъ иностранцы.—Благодѣтствіе крестьянъ у добрыхъ помѣщиковъ.—Ихъ взаимныя соотношенія.—Мѣры, которыя могутъ быть предприняты съ пользою въ отношеніи крестьянъ.—Перечень предположеній.—Заключеніе.

Каждое изъ народныхъ сословій, какъ-то: дворянство, духовенство, состояніе торговое или промышленное и состояніе крестьянское имѣетъ въ государственномъ составѣ собственное свое предназначеніе, права свои и обязанности. Всѣ эти сословія, слѣдуя по особымъ направленіямъ, указаннымъ имъ основными законами, должны совокупными силами стремиться къ поддержанію благосостоянія отечества. Но эта высокая цѣль тогда только вполнѣ достигнется, когда каждое сословіе, вращаясь исключительно въ кругу свойственныхъ ему занятій и сохраняя привязанность къ состоянію своихъ предковъ, не будетъ помышлять о переходѣ изъ онаго въ другое. Соблюденіемъ сего важнаго правила утвердится взаимное согласіе между сословіями и миролюбныя ихъ соотношенія послужатъ ручательствомъ общественнаго блага и спокойствія.

Примѣняясь къ сему коренному правилу, я осмѣливаюсь изложить здѣсь нѣкоторыя мысли мои о каждомъ сословіи отдѣльно.

А. Дворянство. Предназначеніе русскаго дворянства есть вѣрная служба августѣйшему престолу на военномъ и гражданскомъ поприщѣ и усердное содѣйствіе по службѣ мудрому правительству во всѣхъ его видахъ и предначертаніяхъ. За эту службу дворянство пользуется различными почестями, отличіями, наградами и сверхъ того владѣетъ крестьянами, имѣя священную обязанность блюсти за ихъ благосостояніемъ.

Эти основныя принадлежности дворянскаго состоянія естественно возбуждаютъ въ нынѣшнее время слѣдующія разсужденія:

1. Какъ главное поощреніе службы дворянъ составляютъ чины, то необходима ли лѣстница чиновъ въ Россіи? Они неоднократно подвергались осужденію иностранцевъ, именовавшихъ благословенное отечество наше 14-ти класснымъ царствомъ; но это враждебное порицаніе завистниковъ величія Россіи не служитъ ли уже свидѣтельствомъ о пользѣ учрежденія Великаго Петра? Пусть иностранцы осуждаютъ наши чины, русская народная поговорка: „чинъ чина почитай!“. И это безпрестанно повторяемое на святой Руси правило, выражающее почтеніе къ степенямъ, жалуемымъ монархами, достаточно удостовѣряетъ, что чинопочитаніе глубоко запечатлѣно въ сердцѣ русскаго

парода и исключаетъ у насъ, къ истинному благополучію, всякія нелѣпыя бредни новѣйшихъ европейскихъ теорій. При томъ чины, подобно орденскимъ знакамъ, составляя цѣль пламеннаго соревнованія служащихъ, доставляютъ вычеты въ пользу государственной казны и замѣняютъ денежныя награды. Слѣдственно, они нѣкоторымъ образомъ выгодны и въ финансовомъ отношеніи, представляя налогъ, коему охотно подчиняется всякій изъ награждаемыхъ.

2. Замѣна чиновъ или классовъ постепенностію должностей послужила бы нарушеніемъ основнаго учрежденія, способствующаго охраненію порядка, и едва-ли бы имѣла ожидаемыя послѣдствія. Если нынѣ, при существованіи чиновъ, неопытная и самонадѣянная молодежь имѣетъ возможность по краткости сроковъ, опредѣленныхъ для выслуги, достигать въ нѣсколько лѣтъ должностей значительныхъ, то повышенія эти не будутъ ли еще быстрѣе, когда вмѣсто чиновъ установятся должности, коихъ число въ половину менѣе. По мнѣнію моему, лѣстница чиновъ полезна уже тѣмъ, что она даетъ людямъ, пріобрѣвшимъ многолѣтнею службою опытъ и навыкъ къ трудамъ, нѣкоторое преимущество въ полученіи штатныхъ мѣстъ предъ молодежью безъ всякихъ практическихъ свѣдѣній. Конечно, для удержанія тѣхъ же 14-ти степеней на служебномъ поприщѣ, можно увеличить число должностей, но достаточно ли этой одной причины для измѣненія порядка чинопроизводства, существующаго уже около полутора вѣка въ Россіи; подобныя перемѣны въ нравственныхъ наградахъ не ослабляютъ ли ихъ значенія? Итакъ, признавая пользу чиноначалія, я смѣю полагать, что необходимо было бы возвысить значеніе чиновъ распространеніемъ ихъ сроковъ, какъ для обыкновенной, такъ и для отличной выслуги. При распредѣленіи этихъ сроковъ, полезно бы имѣть въ виду, чтобы производство съ 14-го по 8-й классъ шло медленнѣе, т. е. сроки были бы продолжительнѣе: это самое умѣрило бы порывы самонадѣянной молодости и дало бы начальствамъ болѣе времени ближе ознакомиться со способностями своихъ подчиненныхъ. Производство отъ 8-го до 5-го класса могло бы идти нѣсколько скорѣе, однако всё въ такой мѣрѣ, чтобы чинъ 5-го класса, предоставляющій право на занятіе значительныхъ должностей по судебной и административной части, достигаемъ былъ въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ не ранѣе 35-ти и 40-лѣтняго возраста. Для людей, одаренныхъ геніальными и необыкновенными способностями, могутъ быть допускаемы изъятія, но столь же рѣдкія, сколь рѣдки подобные люди. Эти повышенія внѣ всякихъ правилъ должны служить особеннымъ поощреніемъ и, такъ сказать, указаніемъ правительству чиновниковъ, соединяющихъ высшія способности ума съ чистымъ благонамѣреннымъ образомъ мыслей: въ нихъ бы правительство видѣло

людей, способныхъ къ занятію впослѣдствіи съ пользою важнѣйшихъ въ государствѣ должностей. Представленія къ подобнымъ наградамъ должны быть дѣлаемы начальниками съ величайшею осмотрительностью и подъ особенною ихъ отвѣтственностью.

3. Упомянувъ о классахъ и должностяхъ, не могу здѣсь умолчать, что преимущества учебныхъ заведеній и валовыя производства въ чины по сокращеннымъ срокамъ выслуги выдвинули въ послѣднее десятилѣтіе весьма значительное число молодыхъ людей 25 — 26-ти лѣтняго возраста, безъ практическихъ свѣдѣній, въ ряды предсѣдателей палатъ (высшихъ судей!), прокуроровъ (блюстителей правосудія!), а также оберъ-секретарей и начальниковъ отдѣленій, т. е. на мѣста, отъ коихъ по бо́льшей части зависитъ участь дѣлъ. Могутъ ли эти молодые люди, при всемъ усердіи и благонамѣренности, выполнить въ точности возложенныя на нихъ обязанности и въ состояніи ли они внушить подчиненнымъ и согражданамъ то уваженіе, которое снискивается практическимъ знаніемъ дѣла и нѣкоторыми лѣтами. При дальнѣйшей быстротѣ повышеній, эти люди, лѣтъ черезъ пять-шесть, могутъ стать на первомъ планѣ гражданской службы. Здѣсь невольно рождается недоумѣніе, нужна ли для высшей правительственной сферы, особливо въ нынѣшнюю эпоху, такая масса юныхъ, неопытныхъ, самонадѣянныхъ силъ? Не полезнѣе ли дать время этой юности созрѣть, уму молодыхъ людей обогатиться опытомъ, пылкости ихъ нѣсколько простынуть и успокоиться?

4. Дворянство, кромѣ служебныхъ наградъ, пользуется еще, какъ упомянуто выше, важнымъ преимуществомъ предъ другими сословіями: правомъ на владѣніе крестьянами; но это самое право налагаетъ на дворянство разныя многотрудныя обязанности и составляетъ вторую его службу не менѣе важную, не менѣе государственную. Заботясь о благосостояніи крестьянъ своихъ и слѣдя за ихъ нравственною жизнію, наблюдая за тишиною и благочиніемъ въ имѣніи и пріемля попеченіе о своевременномъ выполненіи повинностей по требованіямъ правительства, владѣлецъ не является ли снова усерднымъ слугою и вѣрноподданнымъ царя и отечества? Не есть ли онъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ сподвижникомъ правительства въ достиженіи общественнаго блага и спокойствія. Эта служба дворянъ тѣмъ усерднѣе, что, заботясь о крестьянахъ своихъ, они пекутся о собственной пользѣ, тѣмъ безкорыстнѣе въ отношеніи правительства, что за хлопоты и труды управленія не получаютъ и не желаютъ отъ казны никакого возмездія. Взирая съ этой точки на истинное значеніе совѣстливаго и благомыслящаго помѣщика, желательно, чтобы дворяне имѣли болѣе влеченія къ сельской жизни, чтобы они изучали науку земледѣлія и хозяйства, и не стремились вообще къ службѣ въ столицахъ, въ отда-

леніе отъ своихъ помѣстій. Если случаются злоупотребленія власти надъ крестьянами, то оныя происходятъ рѣдко отъ владѣльцевъ, которые болѣе или менѣе понимаютъ, что собственное ихъ благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ; но чаще отъ наемныхъ прикащиковъ и арендныхъ содержателей, предпочитающихъ личныя свои выгоды пользѣ крестьянъ, заочно ввѣренныхъ ихъ управленію. Считая привлеченіе дворянъ къ сельской жизни полезнѣйшею мѣрою для улучшенія быта крестьянъ, я полагаю, что слѣдующія предположенія, приведенныя въ дѣйствіе, будутъ много способствовать къ достиженію этой цѣли: а) съ уменьшеніемъ служебныхъ преимуществъ, дарованныхъ обучающемуся юношеству, часть дворянъ конечно займется приспособленіемъ себя къ сельскому хозяйству. б) По предоставленію службѣ по выборамъ болѣе правъ и выгодъ, дворяне станутъ предпочитать этотъ родъ службы и, находясь вблизи своихъ имѣній, естественно обратятся къ управленію ими. в) Замѣчено, что дворяне уклоняются отъ деревенской жизни еще для того, чтобы избавиться отъ столкновеній и непріятнаго сношенія съ земскою полиціею. Для устраненія этого неудобства, полезно бы улучшить личный составъ земской полиціи, замѣщая должности становыхъ, засѣдателей, исправниковъ по выборамъ дворянства или людьми образованными и стараясь возвысить эти должности въ общемъ мнѣніи, присвоивъ онымъ лучшее содержаніе и нѣкоторыя служебныя преимущества.

Б. Духовенство. Духовному сословію предлежитъ служеніе алтарю церкви и нравственное блюденіе за житіемъ православныхъ. Отсюда проистекаютъ обязанности духовенства: быть образцемъ благочестія высокой нравственности и безукоризненной чистоты дѣйствій; воздаяніемъ ему служитъ стяжаніе общаго уваженія христіанъ.

Соображая назначеніе духовенства, возникаетъ невольное недоумѣніе, отчего большая часть его, несмотря на нынѣшнее развитіе просвѣщенія въ Россіи и на всѣ мѣры духовнаго начальника, находится до сихъ поръ на самой низкой ступени образованности. Между духовными лицами губернскихъ и уѣздныхъ городовъ еще можно встрѣтить людей истинно просвѣщенныхъ, но сельскіе священники особливо въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи невѣжествомъ своимъ превосходятъ всякое вѣроятіе. А что можетъ быть важнѣе обязанностей сельскаго священника—этого пастыря душъ многочисленнѣйшаго народнаго класса крестьянъ и ближайшаго руководителя ихъ въ нравственной жизни? Въ чемъ же искать причины такого невѣжества? Безъ сомнѣнія, не столько въ недостаткѣ духовныхъ училищъ, ибо оныя учреждены повсемѣстно, сколько въ томъ, что способнѣйшіе изъ людей духовнаго званія употребляютъ всѣ происки къ переходу изъ своего

сословія во дворянство. Иные изъ нихъ, по окончаніи курса въ академіяхъ или семинаріяхъ, опредѣляются въ гражданскую службу; другіе, не окончивъ еще онаго, перемѣщаются изъ духовныхъ въ свѣтскія училища и преимущественно по части медицинской.

Въ отвращеніе подобныхъ переходовъ на будущее время, полезно было бы постановить неизмѣннымъ правиломъ: чтобы лица духовнаго происхожденія готовили себя единственно „для духовнаго поприща и ни подъ какимъ предлогомъ не поступали въ военную или гражданскую службу, для которой дворянское сословіе доставляетъ государству достойныхъ чиновниковъ свыше дѣйствительной даже потребности". Съ тѣмъ вмѣстѣ воспретить духовенству помѣщать дѣтей своихъ въ свѣтскія училища, ибо этимъ самымъ нарушается цѣль учрежденія духовныхъ учебныхъ заведеній. Въ случаѣ же недостатка сихъ послѣднихъ, умножить число ихъ или распространить существующія по мѣрѣ надобности.

При недостаткѣ образованія, нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ, коснѣя постоянно въ грубомъ сообществѣ крестьянъ и вдали отъ надзора епархіальнаго начальства, сами иногда предаются разврату страстей къ величайшему соблазну прихожанъ; почему, я бы полагалъ необходимымъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность епархіальнымъ начальствамъ совершать ежегодные объѣзды сельскихъ приходовъ для наблюденія за житіемъ священниковъ. Сверхъ того командировать по временамъ съ этою же цѣлію изъ столицы благонадежныхъ чиновниковъ Святѣйшаго Синода, но безъ огласки и подъ особыми предлогами.

Какъ въ лицѣ сельскаго священника сочетаются обязанности духовнаго пастыря и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, помощника мѣстнымъ властямъ и помѣщику; то по мнѣнію моему слѣдовало бы наблюдать, чтобы въ священники селъ и деревень назначаемы были достойнѣйшія изъ духовныхъ лицъ и зрѣлыхъ лѣтъ, не менѣе 30-ти лѣтняго возраста. Поощреніемъ для нихъ къ занятію этихъ мѣстъ могутъ быть: спокойствіе и дешевизна скромной сельской жизни; назначенное въ недавнемъ времени отъ казны содержаніе; пользованіе частію церковнаго сбора и дозволенною платою за совершеніе требъ. Впрочемъ для бо̀льшаго поощренія достойнѣйшихъ сельскихъ священниковъ, можно усилить мѣры вознагражденія, если это по усмотрѣнію правительства признано будетъ справедливымъ.

Замѣчено, что сельскіе священники, предаваясь излишне несвойственнымъ имъ полевымъ работамъ, нерѣдко уклоняются отъ должнаго выполненія настоящихъ своихъ обязанностей и, употребляя для помянутыхъ работъ крестьянъ, оказываютъ инымъ изъ нихъ потворство, другимъ недоброхотство, по мѣрѣ ихъ услугъ. Для отвращенія сего

на будущее время, полезнѣе было бы обратить церковныя земли въ казенное или помѣщичье владѣніе, назначивъ за то священникамъ ежегодно извѣстную частицу хлѣба по количеству урожая. Но для доставленія священникамъ нѣкотораго занятія въ свободное время, предоставить имъ право имѣть отъ одной до трехъ десятинъ земли для разведенія сада, огородовъ, пасѣки.

По случаю нерѣдкихъ раздоровъ между священниками и сельскими властями или помѣщиками, вмѣнить въ обязанность епархіальному начальству прекращать безъ отлагательства и миролюбиво подобныя недоразумѣнія и даже смѣщать священниковъ на другіе менѣе значительные приходы, если они неоднократно замѣчены будутъ въ подобныхъ ссорахъ.

Для поясненія сельскимъ священникамъ ихъ обязаностей, полезно было бы издавать для нихъ краткое руководство отъ Святѣйшаго Синода. Кромѣ прочихъ обязанностей, постановить имъ главнымъ правиломъ внушать при всякомъ удобномъ случаѣ крестьянамъ безпрекословное повиновеніе властямъ, согласіе въ семейной жизни, трудолюбіе и трезвость; а владѣльцамъ при тайной исповѣди—снисхожденіе и любовь къ подвластнымъ.

Это сословіе, посвящающее себя молитвамъ и воздержанію, должно внушать къ себѣ уваженіе житіемъ своимъ и примѣрами благочестія поддерживать святость церкви.

Изложивъ мысли мои о бѣломъ духовенствѣ, не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, относящемся къ монашествующимъ. На основаніи IX т. Св. Зак. ст. 240, дозволено постригать въ монашество мужчинъ въ 30, а женщинъ въ 40 лѣтъ отъ рожденія. Не преждевременно ли такое постриженіе въ тѣ годы, въ которые оба пола могутъ быть еще полезными для общества. Между юными иноками много тунеядцевъ, которые въ отшельнической жизни видятъ не подвигъ трудный христіанства, но праздное, беззаботное существованіе: обуреваемые страстями молодости, они иногда водворяютъ въ стѣнахъ святой обители многіе пороки свѣтской жизни. Итакъ полезно было бы отдалить на будущее время сроки постриженія въ монашество: для мужчинъ до 60, для женщинъ до 50 лѣтъ отъ рода. Допустить рѣдкія изъятія для роковыхъ несчастій въ жизни, для тяжкихъ немощей тѣлесныхъ.

В. Состояніе торговое или промышленное. Предназначеніе сего сословія составляютъ торговля и разные промыслы; обязанности его—добросовѣстность въ дѣлахъ и точность въ разсчетахъ; преимущества: коммерческія и промышленныя выгоды.

Это сословіе, пользуясь значеніемъ и уваженіемъ по количеству

торговаго капитала и степени кредита, должно обращать вниманіе свое единственно на коммерческія дѣла, не развлекаясь честолюбивыми видами дворянской службы. Поэтому для собственной пользы торговаго сословія необходимо преградить всѣ пути къ переходу во дворянство. За честность торговли, за пожертвованія и услуги государству, купцы и мѣщане могутъ быть поощряемы наградами, свойственными ихъ состоянію, какъ-то: шитыми кафтанами, медалями, почетными званіями и т. п., но отнюдь не орденами и гражданскими чинами. Даже для наружнаго отличія торговаго сословія отъ дворянъ, полезно было бы постановить, чтобы купцы и мѣщане не брили бородъ и носили прежнее одѣяніе, нынѣ болѣе и болѣе ими оставляемое. Условія одежды и вообще наружнаго вида имѣютъ болѣе нравственнаго вліянія, нежели сколько предполагать можно: довольно привести въ примѣръ странную особенность бородъ, являвшуюся въ разныя примѣчательныя эпохи исторіи, либо замѣтное измѣненіе нравовъ евреевъ въ Западной Россіи, вслѣдствіе еще недавняго преобразованія между прочимъ ихъ одежды.

Ничто не поселяетъ столько неудовольствій между сословіями, какъ вмѣшательство одного изъ нихъ въ несвойственныя ему занятія другаго сословія и взаимное нарушеніе правъ и выгодъ. Въ этомъ собственно слѣдуетъ искать главной причины упадка уваженія низшихъ состояній къ дворянству, которое, вмѣсто управленія населенными своими имѣніями, предалось съ нѣкоторыхъ поръ откупамъ, подрядамъ и другимъ занятіямъ, свойственнымъ промышленнымъ сословіямъ. Для поддержанія согласія и надлежащихъ соотношеній между дворянскимъ и промышленнымъ состояніями, необходимо отдѣлить рѣзкою чертою ихъ дѣла и интересы. Предоставивъ дворянамъ, по силѣ основныхъ законовъ, государственную службу, владѣніе и управленіе всякаго рода имуществами, въ томъ числѣ населенными, учрежденіе въ имѣніяхъ мануфактуръ и разныхъ заводовъ съ приписными къ нимъ фабричными крестьянами и другія занятія, свойственныя дворянскому достоинству, по силѣ всемилостивѣйше дарованныхъ дворянамъ правъ, воспретить имъ однако всякое участіе въ торговыхъ оборотахъ, требующихъ приписки въ гильдію. Купечеству же и мѣщанству присвоить службу общественную, владѣніе всякимъ ненаселеннымъ имуществомъ, устройствомъ фабрикъ и заводовъ, на коихъ крестьяне работаютъ по найму, и напослѣдокъ всѣ дѣла, предпріятія, торговыя и промышленныя, по мѣрѣ ихъ капиталовъ и сообразно существующимъ на то правиламъ.

Г. Сословіе крестьянъ. Предназначеніе сословія крестьянъ состоитъ главнѣйше въ воздѣлываніи полей, производствѣ различныхъ

работъ, особливо по строительной части и въ мелкой промышленности, какъ-то: извозѣ, мелочной торговлѣ и т. п. На обязанности крестьянъ лежитъ выполненіе свойственныхъ имъ повинностей и безпрекословное повиновеніе установленнымъ надъ ними властямъ и своимъ владѣльцамъ; преимущества крестьянъ—право на покровительство и попеченіе сказанныхъ властей и владѣльцевъ.

Не касаясь поселянъ удѣльныхъ, казенныхъ и другихъ наименованій, состоящихъ въ ближайшемъ вѣдѣніи самого правительства, я упомяну здѣсь только о крестьянахъ владѣльческихъ.

Иностранные писатели и журналисты, распространяясь въ неосновательныхъ сужденіяхъ о нашемъ отечествѣ, имъ вовсе неизвѣстномъ, нерѣдко изображали быть помѣщичьихъ крестьянъ въ самыхъ черныхъ краскахъ, представляя ихъ въ какой-то томительной неволѣ, почти неграми. Можетъ ли быть что-нибудь превратнѣе этихъ односторонніхъ понятій! Вникнувъ подробно въ отдѣльныя черты и особенности каждаго состоянія въ Россіи, мы видимъ въ обязанностяхъ и правахъ сословій необыкновенную уравнительность. На святой Руси, всѣ состоянія, благословляя мудрые уставы монарховъ своихъ, наслаждаются благополучіемъ и законною свободою, разумѣя подъ ея именемъ не развратъ нравовъ, невѣріе и необузданность произвола, но спокойное пользованіе собственностью, всѣми правами своего состоянія и справедливою во всякомъ случаѣ защитою правительства. Это можно видѣть при сравненіи даже двухъ совершенно различныхъ классовъ дворянства съ крестьянскимъ или владѣльца съ его подвластнымъ. Безспорно, что трудъ земледѣльца—трудъ тяжелый; но каждый крестьянинъ съ семействомъ своимъ имѣетъ надежный кровъ, одежду и всегдашній кусокъ насущнаго хлѣба. Выполняя урочную работу для помѣщика или уплативъ ему оброкъ, онъ спокоенъ духомъ, бодръ тѣломъ и имѣетъ всегда довольно времени для собственныхъ занятій и промысловъ. Владѣлецъ же, пріобрѣтая трудами крестьянъ средства жизни, въ той степени, въ какой они конечно сами ихъ не имѣютъ, и тратя достатокъ свой, по необходимымъ условіямъ свѣта, часто не достигаетъ благополучія. Кромѣ служебныхъ трудовъ, онъ имѣетъ тьму заботъ по управленію имѣнія. Ему надлежитъ принимать безпрестанныя мѣры къ поддержанію благосостоянія крестьянъ: онъ ихъ судья, защитникъ, посредникъ, ходатай. Сколько разъ случается ему, не получивъ съ имѣнія дохода, вносить за крестьянъ своихъ подати и недоимки. Сколько разъ во время неурожаевъ и другихъ бѣдствій предлежитъ владѣльцу кормить крестьянъ изъ собственнаго запаса, удѣлять имъ отъ послѣднихъ сѣмянъ для посѣва, весьма часто безвозвратно и не требуя отъ нихъ за это никакого возмездія. Вѣрно, русскій мужичекъ никогда не

умретъ отъ голода, не лишитъ себя жизни съ горя отъ нищеты, какъ это часто случается въ просвѣщенныхъ странахъ Западной Европы, съ пролетаріями въ Парижѣ и Лондонѣ, съ поселянами въ Ирландіи. Если средства владѣльца оскудѣютъ, тогда благодѣтельное правительство поспѣшаетъ на помощь къ нему и его крестьянамъ. Итакъ, крѣпостное состояніе въ Россіи, развѣ по тому только несчастливо, что не пользуется мнимою европейскою свободою, способствующею развращенію людей, рожденныхъ въ сословіи, требующемъ руководства, и устремляющею ихъ по большей части къ неистовствамъ и грабежу. Это состояніе, пугающее воображеніе иноземцевъ, излишне заботливыхъ о благѣ Россіи, представляетъ нерѣдко, по привычкѣ крестьянъ къ владѣльцу, или по чувствамъ ихъ признательности за его попеченіе—союзъ отца съ дѣтьми. Добрые крестьяне, принадлежа долгое время одному и тому же дворянскому роду, не могутъ даже въ понятіяхъ своихъ отдѣлить себя отъ ихъ владѣльцевъ. Бывали неоднократно примѣры, даже въ недавнемъ времени, что крестьяне отказывались отъ свободы, которую предлагалъ имъ владѣлецъ. Подобныя чувства истинной привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ должны быть поддерживаемы; ибо въ нихъ заключается лучшее ручательство общественнаго спокойствія. При томъ, гдѣ обрѣсти правительству достаточное число благонадежныхъ чиновниковъ для повсемѣстнаго управленія имѣніями? Не обратятся ли многіе изъ нихъ впослѣдствіи въ тѣхъ же временныхъ арендныхъ владѣльцевъ, которые, угнетая крестьянъ, помышлять будутъ только объ извлеченіи собственныхъ выгодъ.

Изобразивъ безпристрастнымъ перомъ настоящее положеніе крестьянъ у владѣльцевъ добросовѣстныхъ и благоразумныхъ, я не могу умолчать, что, въ поношеніе имени дворянъ, встрѣчаются между ними люди, которые, поступая съ крестьянами какъ съ безсловесными существами, считаютъ всѣ средства дозволенными для насыщенія своего любостяжанія. Примѣры эти къ счастью рѣдки и могутъ считаться изъятіемъ, тѣмъ не менѣе мѣстныя власти должны имѣть хотя тайное, но неослабное наблюденіе за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами. Въ особенности предводители дворянства, соблюдая свято мудрыя наставленія начертанныя въ высочайшемъ рескриптѣ 1826 года, обязаны вникать въ образъ жизни всѣхъ вообще владѣльцевъ, не ограничиваясь, какъ это бываетъ, однимъ именнымъ ихъ спискомъ.

Разсматривая крѣпостное состояніе въ Россіи въ настоящемъ видѣ, я бы полагалъ полезнымъ для общаго блага и спокойствія оставить нынѣшнія соотношенія владѣльцевъ и крестьянъ въ ихъ силѣ безъ измѣненія, принявъ однако на будущее время слѣдующія правила

1) Всѣми правительственными мѣрами стремиться къ отклоненію частыхъ переходовъ населенныхъ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія, ибо чѣмъ долѣе крестьяне остаются во владѣніи одного и того же дворянскаго рода, тѣмъ болѣе утверждается взаимное сочувствіе между ними и ихъ владѣльцами. Къ числу помянутыхъ мѣръ отнести можно между прочимъ облегченіе выкупа имѣній со стороны родственниковъ и однородцевъ; установленіе недѣлимости мелкихъ имѣній до нѣкоторой степени; увеличеніе льготъ по ссудамъ, производимымъ подъ залогъ населенныхъ имѣній съ учрежденіемъ ближайшаго за оными надзора дворянскихъ опекъ и т. д.

2) Имѣть постоянною цѣлью привлеченіе дворянъ къ личному управленію имѣніями и къ водворенію въ оныхъ. Ничто такъ не разстраиваетъ состояніе поселянъ, какъ роскошное существованіе владѣльцевъ въ большихъ городахъ, особливо въ столицахъ, гдѣ дороговизна на всѣ почти предметы первыхъ потребностей въ послѣдніе годы необыкновенно увеличилась. Съ переселеніемъ владѣльцевъ въ деревни, издержки ихъ для жизни значительно уменьшатся и къ тому же они, проживая въ сельскихъ усадьбахъ своихъ, окруженные со всѣхъ сторонъ крестьянами, по многимъ уваженіямъ будутъ въ отношеніи ихъ снисходительнѣе, осторожнѣе и справедливѣе. Сокращеніе служебныхъ преимуществъ, присвоенныхъ обучающемуся юношеству, и возвышеніе службы по выборамъ послужило бы, какъ мною уже выше изъяснено, одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ привлеченія дворянъ къ личному управленію имѣніями.

3) Уроки полевыхъ работъ и особливо количество взимаемыхъ съ крестьянъ оброковъ у разныхъ владѣльцевъ такъ разнообразны, что для уравненія оныхъ, по справедливости и мѣстнымъ обстоятельствамъ, необходимо учредить особые губернскіе комитеты [1]). Справедливыя облегченія крестьянскихъ повинностей по соображеніямъ помянутыхъ комитетовъ должны быть приведены въ дѣйствіе самими владѣльцами, подъ видомъ собственнаго снисхожденія, но непремѣнно къ опредѣленному правительствомъ сроку.

4) Дозволить крестьянамъ пріобрѣтать, съ вѣдома и согласія владѣльца, на имя его или на собственное свое, разное имущество, за исключеніемъ пахотныхъ полей и вообще земли въ селахъ и деревняхъ. При чемъ возложить на предводителей дворянства постоянное секретное наблюденіе, чтобы владѣльцы отнюдь не притѣсняли такихъ зажиточныхъ крестьянъ изъ видовъ корысти, подъ опасеніемъ взятія въ опеку имѣнія.

[1]) Эти комитеты должны быть секретные и состоять изъ начальниковъ губерній, предводителей дворянства и нѣсколькихъ благонадежныхъ владѣльцевъ.

5) Для развитія полезной дѣятельности помѣщичьихъ крестьянъ, облегчить сколь возможно форму и порядокъ временной записки ихъ, съ разрѣшенія владѣльцевъ, въ мѣщане и купеческія гильдіи для производства разныхъ промысловъ.

6) Обратить особенное вниманіе на сокращеніе класса дворовыхъ людей переводомъ ихъ въ число землепашцевъ или оброчныхъ крестьянъ. Эта мѣра имѣла бы многія хорошія послѣдствія: а) Владѣльцы избавились бы отъ тягостной обузы, которую къ раззоренію своему содержатъ изъ тщеславія или прихоти, а бо́льшею частью по заведенному издавна порядку, б) праздная дворня обратилась бы въ полезныхъ земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ она нынѣ, питая порочныя склонности, составляетъ одно изъ самыхъ вредныхъ сословій городскаго и сельскаго населенія; рѣдко случаются въ большихъ городахъ покражи и шалости, въ которыхъ не были бы замѣшаны дворовые люди; наконецъ в) съ уменьшеніемъ дворни, сократятся и поводы къ неудовольствіямъ крестьянъ на владѣльцевъ; ибо если бываютъ примѣры дурнаго обращенія излишне взыскательныхъ владѣльцевъ, то это безъ сомнѣнія должно случаться чаще съ дворовыми служителями, безпрестанно находящимися на глазахъ у своихъ господъ.

7) Подтверждать отъ времени до времени предводителямъ дворянства циркулярными предписаніями имѣть неослабное, но секретное паблюденіе за обращеніемъ съ крестьянами владѣльцевъ, находящихся въ ихъ вѣдѣніи, и въ особенности за тѣми изъ нихъ, которые были уже замѣчены въ излишне строгихъ поступкахъ. Если кто изъ владѣльцевъ обвиняемъ будетъ въ злоупотребленіи власти своей надъ крестьянами и это подтвердится несомнѣнными доказательствами и достовѣрнымъ, но секретнымъ дознаніемъ, произведеннымъ посредствомъ полицейскихъ чиновниковъ, тогда сказанному помѣщику сдѣлать строгое внушеніе, безъ огласки, вызвавъ его въ уѣздный городъ; въ случаѣ же повторенія впослѣдствіи жестокихъ поступковъ, производить формальное уже изслѣдованіе и подвергать помѣщика по мѣрѣ вины его наказанію, а имѣніе его отбирать въ опеку. Формальное изслѣдованіе о жестокихъ поступкахъ помѣщиковъ должно быть производимо безъ всякаго участія предводителей, которые, какъ лица отвѣтственныя по подобнымъ дѣламъ, сами должны подлежать взысканію въ той степени, въ какой признано будетъ упущеніе ихъ въ возложенномъ на нихъ за помѣщиками надзорѣ.

8) Съ другой стороны полезно было бы издавать по временамъ подтвердительныя предписанія о безпрекословномъ повиновеніи крестьянъ установленнымъ властямъ и владѣльцамъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строжайшихъ наказаній, и

9) Равномѣрно подтверждать мѣстнымъ начальствамъ о строжайшемъ наблюденіи за злонамѣренными людьми, разсѣвающими ложные слухи о разныхъ мнимыхъ предположеніяхъ правительства касательно крестьянъ и умышляющими возмущать ихъ противъ владѣльцевъ.

При изложеніи нынѣшней записки, я имѣлъ намѣреніе изобразить въ легкомъ очеркѣ одни предположенія мои о направленіи народнаго образованія и главныхъ сословій въ Россіи; но, увлекаясь обиліемъ предмета и чувствованій, я невольно къ этимъ предположеніямъ присовокуплялъ мысли второстепенныя, которыя, возникая изъ нихъ сами собою, казались мнѣ необходимымъ ихъ дополненіемъ; ошибаясь можетъ быть въ ожиданіи отъ этихъ мыслей нѣкоторой пользы, я не могъ воздержаться отъ включенія ихъ въ записку. Но чтобы возстановить отдѣльно сущность главныхъ предположеній, я осмѣливаюсь повторить здѣсь вкратцѣ перечень предлагаемыхъ мною основныхъ мѣръ:

во 1-хъ, ограничить дальнѣйшій разливъ въ Россіи европейскаго общенароднаго просвѣщенія;

во 2-хъ, ослабивъ умозрительное и многостороннее воспитаніе, дать оному направленіе спеціальное и практическое;

въ 3-хъ, отмѣнить совмѣстное обученіе разныхъ сословій въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ;

въ 4-хъ, удалить на будущее время не только по части просвѣщенія, но и по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія всякое вліяніе иноземнаго прогресса [1]);

въ 5-хъ, утвердивъ направленіе сословій по назначенію, указанному имъ коренными законами, упрочить тѣмъ самымъ между ними согласіе и союзъ, основанный на чувствахъ взаимнаго уваженія и довѣрія;

и въ 6-хъ, улучшить положеніе крѣпостнаго состоянія безъ нарушенія нынѣшнихъ соотношеній владѣльцевъ и крестьянъ.

Всѣ эти предположенія имѣютъ одну цѣль: утвержденіе истинно-нравственнаго воспитанія — сего краеугольнаго камня гражданскаго общества, и упроченіе союза государственныхъ сословій — этихъ составныхъ частей правительственнаго зданія.

Воспитаніе и гражданственность суть два начала, которыя, возникая одно изъ другаго, нераздѣльны между собою: утвержденныя на правахъ вѣры, преданности къ престолу и взаимномъ согласіи сограждан, они олицетворяютъ собою величественный храмъ народной

---

[1]) Въ отношеніи отвлеченныхъ предметовъ.

славы и могущества, храмъ, коего священною главою и крестомъ—самодержавный царь, помазанникъ Божій, и православная вѣра предковъ!

Да возвышается отъ нынѣ во вѣки вѣковъ этотъ дивный храмъ величія и благоденствія отечества нашего и да будетъ святая Русь, въ примѣръ иноплеменнымъ народамъ—образцемъ нравственно-благочестиваго воспитанія, взаимной любви и согласія сословій и общей ихъ неколебимой преданности и вѣрности богоподобнымъ, возлюбленнымъ царямъ нашимъ!

По восшествіи на престолъ императора Александра II Каменскимъ была подана государю слѣдующая записка:

Всеподданнѣйшая записка, составленная мною въ началѣ 1850 года и поднесенная на всемилостивѣйшее воззрѣніе въ Бозѣ почивающаго августѣйшаго родителя вашего императорскаго величества, касалась между прочимъ вопросовъ, которые въ тогдашнюю эпоху представляли особый современный интересъ, какъ напримѣръ: о направленіи народнаго просвѣщенія въ Россіи, о чинопроизводствѣ и т. п. Не менѣе того, вся записка, заключая рядъ послѣдовательныхъ идей и предположеній, основанныхъ на твердыхъ убѣжденіяхъ многолѣтняго опыта, и понынѣ, смѣю думать, не утратила общаго своего значенія. Я полагалъ, что благочестиво-нравственное образованіе служитъ краеугольнымъ камнемъ государственнаго благосостоянія, что народное просвѣщеніе должно имѣть направленіе болѣе практическое и спеціальное, нежели умозрительное, что совмѣстное обученіе разныхъ сословій народныхъ ведетъ только къ вредному и несвойственному нашему русскому быту сліянію. Затѣмъ, признавая взаимное уваженіе и довѣріе народныхъ сословій не менѣе надежнымъ залогомъ общественнаго блага и спокойствія, я находилъ, что для утвержденія пріязненныхъ отношеній и согласія между сословіями полезно было бы, чтобы каждое изъ нихъ вращалось исключительно въ кругу свойственныхъ ему занятій, сохраняя привязанность къ состоянію своихъ отцовъ и не помышляя о переходѣ изъ онаго. Чтобы достигнуть вѣрнѣе этой важной цѣли въ общественномъ благоустройствѣ, смѣю думать, необходимо, стремясь къ возможному скрѣпленію союза сословій, отклонять все то, что могло бы нарушить ихъ соотношенія. Дарованіе одному сословію новыхъ преимуществъ и льготъ на счетъ другаго способно только поселять непримиримую вражду между ними. Въ этихъ видахъ сословіе владѣльческихъ крестьянъ, какъ многочисленнѣйшее въ составѣ государственномъ, заслуживаетъ ближайшаго вниманія правительства. Измѣненіемъ коренныхъ соотношеній владѣль-

цевъ съ ихъ крестьянами неминуемо поколебался бы священный союзъ, коимъ наиболѣе поддерживается правительственное зданіе. Если бы однако ослабленіе сего союза признавалось необходимымъ для облегченія впослѣдствіи перехода къ эмансипаціи крѣпостнаго сословія, то не подлежитъ ли самымъ подробнымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ вопросъ: нуженъ ли дѣйствительно этотъ переходъ для благоденствія государственнаго и для блага самихъ крестьянъ и слѣдуетъ ли таковый переходъ полагать неизбѣжнымъ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей? Въ мечтательныхъ теоріяхъ западныхъ софистовъ, съ давнихъ поръ, повторяются мнѣнія о возрастахъ государствъ, о неизбѣжныхъ эпохахъ ихъ возвышенія и паденія, и затѣмъ политическіе перевороты и общія измѣненія въ гражданственномъ бытѣ объясняются естественнымъ ходомъ событій и духомъ времени. Въ мірѣ дѣйствительности оказывается нерѣдко противное: мало ли въ исторіи примѣровъ изнеможенія юныхъ и процвѣтанія древнихъ монархій; не являетъ ли она рѣзкихъ доказательствъ, что ходъ естественныхъ событій, и такъ именуемый духъ времени — въ рукахъ правительства. Приведу современный примѣръ Франціи 1848 года: казалось, всѣ связи общественнаго ея зданія расторгались, всѣ основы гражданской жизни подвергались общему потрясенію; она, по мнимой дряхлости политическаго своего состава, по вымышленному духу времени, быстро клонилась къ конечному разрушенію; но изъ хаоса народныхъ смутъ неожиданно возникло монархическое начало, которое силою неколебимой воли и дальновидности обдуманной системы, укротивъ изступленіе народныхъ страстей, остановило естественный потокъ событій, и изнемогающая повидимому отъ страсти держава воспрянула со всей бодростію юной жизни. Послѣ того есть ли поводъ къ сомнѣнію, что таинственный духъ времени слѣпо покорствуетъ могущественной волѣ правительства. И нынѣшнее возстановленіе Франціи могло бы почесться надежнымъ, если бы подъ пепломъ прежнихъ волненій не таились еще раскаленные угли пожара, подготовленнаго политическими партіями, лжеученіями прошедшаго столѣтія и нынѣшнимъ общенароднымъ умозрительнымъ образованіемъ [1]).

[1]) Изъ судебныхъ производствъ о тайныхъ политическихъ обществахъ, безпрерывно открываемыхъ во Франціи, видно, что большая часть злоумышленниковъ принадлежитъ къ низшимъ слоямъ населенія, или такъ сказать къ классу разночинцевъ, получившихъ умозрительное образованіе свыше состоянія. Напримѣръ, изъ дѣла, производившагося въ Страсбургскомъ уголовномъ судѣ въ мартѣ сего года, обнаружилось, что шайка возмутителей состояла изъ портныхъ, сапожниковъ и другихъ ремесленниковъ, которые были судимы за сочиненіе и распространеніе прокламацій противъ правительства. Печальныя послѣдствія обученія разночинцевъ умозрительнымъ наукамъ въ высшихъ училищахъ, вмѣсто изученія ихъ мастерствамъ въ ремесленныхъ школахъ!

Не находя достаточныхъ убѣжденій въ необходимости и неизбѣжности перехода въ Россіи крѣпостнаго сословія къ эмансипаціи, обращаюсь къ непреложной истинѣ, что сохраняющаяся еще доселѣ у насъ система внутренняго благоустройства имѣетъ важныя преимущества предъ организаціею иностранныхъ государствъ, не взирая на пресловутый ихъ прогрессъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого мнѣнія считаю сознаніе двухъ современныхъ и благомыслящихъ писателей Франціи. Одинъ изъ нихъ—ученый наблюдатель Ле-Плай, въ замѣчательномъ, въ самомъ недавнемъ времени изданномъ, сочиненіи о рабочемъ классѣ въ Европѣ [1]), изобразивъ съ достовѣрностію, по собраннымъ имъ на мѣстѣ даннымъ, типы сего класса въ разныхъ европейскихъ странахъ, въ томъ числѣ Россіи, съ особеннымъ сочувствіемъ отзывается о патріархальности и благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ въ нашемъ отечествѣ. Мнѣ было весьма отрадно видѣть, что безпристрастный писатель запада, отвергнувъ наконецъ вѣковыя предубѣжденія своихъ единоземцевъ и взглянувъ вѣрно на бытъ крѣпостныхъ людей въ Россіи, повторилъ многое изъ выраженнаго мною, за шесть лѣтъ предъ симъ, въ подносимой нынѣ всеподданнѣйшей запискѣ. Ле-Плай въ сословіи помѣщичьихъ крестьянъ вовсе не видитъ тягостнаго рабства, которое доселѣ такъ утвердительно приписывалось имъ всѣми вообще заграничными писателями и публицистами. Напротивъ того, Ле-Плай находитъ, что эти крестьяне имѣютъ всѣ способы и возможность пользоваться благосостояніемъ и пользуются имъ дѣйствительно, что они обезпечены въ существованіи своемъ, и надежное ручательство въ этой увѣренности заключается въ покровительствѣ и пособіи помѣщиковъ (patronage), оказываемыхъ крестьянамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ и при общенародныхъ бѣдствіяхъ, а также въ высшемъ наблюденіи правительства за выполненіемъ помѣщиками ихъ обязанностей въ отношеніи имъ подвластныхъ. Воздавая справедливость патріархальности семейнаго союза у крестьянъ, единодушію ихъ въ артельной общинѣ, мірской ихъ расправѣ и круговой помощи въ спѣшныхъ полевыхъ работахъ, Ле-Плай признаетъ разныя преимущества въ общественной организаціи Россіи и подаетъ соотечественникамъ своимъ совѣтъ позаимствовать у насъ многое, для отвращенія на будущее время такъ часто повторяющихся во Франціи политическихъ замѣшательствъ и переворотовъ.

По новости взгляда и правильности непривычныхъ сужденій, Ле-Плай обратилъ на себя особенное вниманіе Европы и подвергся по-

---

[1]) Les ouvriers européens par M. Le-Play, 1855. Un volume in folio, sorti des presses de l'imprimerie Impériale.

рицаніямъ ея демагоговъ; по знаменитый экономистъ нынѣшняго времени Мишель Шевалье, при разборѣ сочиненія Ле-Плая, несмотря на приверженность свою къ либеральнымъ идеямъ, не могъ не согласиться съ нимъ во многомъ и въ особенности въ томъ, что крѣпостное сословіе въ Россіи обладаетъ замѣчательнымъ ручательствомъ въ благосостояніи и самомъ довольствѣ жизни, каковымъ пользуется рабочій классъ въ западныхъ краяхъ, гдѣ, благодаря просвѣщенію, преобладаетъ система безпомощной индивидуальности. Убѣждаясь изъ монографій Ле-Плая, что русскій крестьянинъ огражденъ отъ нищеты и недостатка, постигающихъ такъ часто цѣлыя области свободныхъ странъ Европы, что увѣренность въ его благосостояніи дѣйствительно происходитъ отъ покровительства и помощи владѣльца, по внушенію собственныхъ его чувствъ и по наблюденію правительства, Шевалье, съ своей стороны, приписываетъ Россіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ отношеніи мірской расправы и дружелюбія въ артельныхъ общинахъ, неоспоримое превосходство предъ образованною Франціею. Затѣмъ Шевалье не можетъ скрыть сожалѣнія, что хотя формы общественнаго благоустройства Россіи представляютъ много поучительнаго и достойнаго подражанія для западныхъ государствъ, но условія просвѣщеннаго быта сихъ послѣднихъ такъ далеко уклонились отъ общаго порядка вещей, что почти нѣтъ возможности къ позаимствованію ими полезныхъ указаній. Въ заключеніе, онъ между прочимъ присовокупляетъ, что возстановленіе въ общественной жизни Франціи, въ защиту слабому и въ помощь неимущему, могущественныхъ рычаговъ помѣщичьей власти (patronage), общественной іерархіи и общиннаго или артельнаго сожитія (association) было бы почтено явнымъ посягательствомъ противъ такъ именуемыхъ имъ „великихъ“ началъ зловѣщаго 1789 года.

Увлекаясь приведеніемъ съ излишнею, можетъ быть, подробностію добросовѣстныхъ мнѣній двухъ глубокомысленныхъ иностранныхъ писателей о Россіи, безпристрастно признающихъ во многомъ преимущества общественнаго ея благоустройства, я имѣлъ въ виду, что эти отзывы иноземцевъ могутъ послужить лучшимъ убѣжденіемъ къ сохраненію у насъ порядка, уже существующаго и временемъ освященнаго. Смѣю къ сему присовокупить, что условія нравственной жизни Россіи должны быть завѣтными сокровищами, свято сохраняемыми для общаго государственнаго блага. Эти преимущества, коими обладаетъ доселѣ возлюбленное наше отечество, давно растрачены на Западѣ въ неистовствѣ народнаго упоенія и никакою цѣною не могутъ быть выкуплены, въ особенности во Франціи; писатели ея сами съ невольнымъ чувствомъ горести отзываются, что условія русскаго быта несовмѣстны съ анархическими началами.

Послѣ сего торжественнаго сознанія иноземныхъ мыслителей, которые такъ рѣдко воздаютъ Россіи должное и которые при всемъ томъ постоянно пользуются особеннымъ довѣріемъ русскихъ, можетъ ли оставаться еще какое-либо сомнѣніе въ благотворности отечественныхъ нашихъ установленій? Слѣдуетъ ли продолжать попытки къ потрясенію оныхъ и ко введенію несвойственныхъ Россіи чужестранныхъ формъ и условій? Есть ли основаніе полагать, что при замѣнѣ владѣльцевъ, пекущихся о кровной родовой собственности— казенными и временными управляющими, возвысится благосостояніе крестьянъ? Гдѣ обрѣсти правительству постоянно усердныхъ и благонадежныхъ людей для повсемѣстнаго управленія имѣніями при ихъ многочисленности? Оправдались ли опыты предпринятыхъ въ послѣднее время мѣръ въ видахъ переходнаго состоянія владѣльческихъ крестьянъ? Послѣ изданія указа о выкупѣ крестьянами заложенныхъ имѣній и въ слѣдствіе предположеній о вводѣ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ инвентарей, надлежало прибѣгать къ пояснительнымъ и успокоительнымъ циркулярамъ. Эти поясненія къ прекращенію толковъ народныхъ не свидѣтельствуютъ ли о недостиженіи предположенной цѣли и о вредѣ полумѣръ. Толки распространяются съ необыкновенною быстротою и постепенно преувеличиваютъ нелѣпые слухи; за толками почти всегда слѣдуютъ волненія и безпокойства.

Въ подносимой нынѣ всеподданнѣйшей запискѣ моей 1850 года, въ статьѣ о владѣльческихъ крестьянахъ въ Россіи изображено истинное ихъ положеніе и тѣ средства, которыя могли бы еще съ пользою послужить къ возвышенію нынѣшняго ихъ благосостоянія.

Въ заключеніе сего слабаго очерка вѣрноподданническихъ искреннихъ моихъ убѣжденій, да будетъ всемилостивѣйше дозволено мнѣ всеподданнѣйше присовокупить, что блаженныя памяти августѣйшіе дѣдъ и родитель вашего императорскаго величества, въ попечительной заботливости о благоденствіи и спокойствіи государственномъ, соизволили въ началѣ ихъ царствованій издать манифесты о высочайшемъ утвержденіи прежнихъ соотношеній двухъ главнѣйшихъ въ государствѣ сословій дворянства и крестьянъ и о внушеніи послѣднимъ безпрекословнаго повиновенія законнымъ ихъ владѣльцамъ. Эти высочайшія постановленія, свойственныя священнымъ началамъ самодержавія и народному быту Россіи, болѣе полу-вѣка продолжаютъ поддерживать величіе и спокойствіе возлюбленнаго нашего отечества. Если въ это время и происходили иногда частные случаи волненій въ крѣпостномъ сословіи, то они возникали не столько отъ злоупотребленія помѣщичьей власти, сколько отъ распространенія въ народѣ злонамѣренными людьми слуховъ о мнимыхъ предположеніяхъ правительства касательно коренныхъ соотношеній крестьянъ съ ихъ

владѣльцами и отъ изданія по временамъ постановленій, кои иногда сами служили нѣкоторымъ поводомъ къ различнымъ толкованіямъ.

Въ слѣдъ затѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1856 г. Каменскій снова подалъ всеподданнѣйшую записку слѣдующаго содержанія:

Ваше императорское величество! всемилостивѣйшій государь!

Въ началѣ 1850 года, въ то время, когда волненіе политическихъ партій и народныхъ страстей на Западѣ стало мало по малу успокоиваться, я имѣлъ счастіе поднести въ Бозѣ почивающему августѣйшему родителю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшую записку: „о направленіи народнаго просвѣщенія и о главныхъ сословіяхъ въ Россіи“. Незабвенный государь, по величію души своей, оцѣнивъ искренность многолѣтнихъ моихъ убѣжденій и усердія, повелѣлъ бывшему шефу жандармовъ генералъ-адъютанту князю Орлову объявить мнѣ, что его величество, по прочтеніи съ особеннымъ удовольствіемъ записки моей, изъявляетъ мнѣ за трудъ мой всемилостивѣйшую благодарность. При чемъ я былъ удостоенъ высочайшаго порученія развить съ большею подробностію мысли мои о просвѣщеніи, а также о состояніи помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи.

Нынѣ, при новой эпохѣ достопамятныхъ событій, когда бранные громы кровопролитной войны умолкли и ваше императорское величество, по божественной благости души и внушенію дальновидной мудрости, даровали возлюбленному отечеству благодатный миръ и вожделѣнное успокоеніе, а затѣмъ изволили обратить царственное вниманіе на внутреннее его благоустройство, я пріемлю дерзновеніе повергнуть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ подножію священнаго престола краткій очеркъ мыслей моихъ объ одномъ изъ современныхъ вопросовъ—крѣпостномъ сословіи въ Россіи. Какъ этотъ очеркъ служитъ нѣкоторымъ образомъ дополненіемъ къ запискѣ, представленной блаженныя памяти августѣйшему родителю вашему, то вмѣстѣ съ симъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести и самую записку на милостивое воззрѣніе вашего императорскаго величества.

Всемилостивѣйшій государь! Если мысли и предположенія мои ошибочны и неудовлетворительны, не вмѣните мнѣ въ вину, по благости вашей, вѣрноподданническаго усердія. Единственною и постоянною цѣлію самыхъ пламенныхъ моихъ желаній была всегда и во всю жизнь мою пребудетъ: польза службы безпредѣльно и неизреченно обожаемому государю.

Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Александръ Каменскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ. 20-го ноября 1856 года; жительство имѣю: Лит. ч, 4-го квартала, въ д. Лонгинова.

На запискѣ этой государь собственноручно карандашомъ написалъ: „Благодарить за благонамѣренныя мысли“.

За резолюціею государя было написано шефомъ жандармовъ „Высочайшая воля сія исполнена мною лично“ 27-го ноября.

Наконецъ, послѣдняя всеподданнѣйшая записка касается лично самого Каменскаго, приносящаго жалобу на Клейнмихеля, не вознаградившаго его за долговременную службу. Въ этой жалобѣ онъ говоритъ:

Въ февралѣ 1850 года, вслѣдъ за тѣмъ, когда я имѣлъ счастіе удостоиться изъявленія всемилостивѣйшей благодарности блаженныя памяти государя императора за поднесенную мною записку: „о направленіи народнаго просвѣщенія и о главныхъ сословіяхъ въ Россіи“,—бывшій главноуправляющій путями сообщенія предложилъ мнѣ мѣсто директора департамента желѣзныхъ дорогъ. Опасаясь спеціальности этой части и отвѣтственности по совершенно чуждымъ для меня подряднымъ операціямъ, я отказывался отъ принятія сего предложенія, но графъ Клейнмихель предоставилъ мнѣ нѣсколько дней на размышленіе и, не дождавшись моего отвѣта, испросилъ высочайшее повелѣніе о назначеніи меня въ помянутую должность. Послѣ чего мнѣ оставалось только посвятить всѣ мои усилія и средства, чтобы оправдать оказанное мнѣ довѣріе.

Не дозволяя себѣ судить, въ какой мѣрѣ успѣлъ я въ моемъ пламенномъ стремленіи, осмѣливаюсь доложить, что озаренный всемилостивѣйшимъ вниманіемъ и проникнутый глубоко святостью присяги, я не щадилъ трудовъ моихъ, и по управленію департаментомъ въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ со всею добросовѣстностію и по мѣрѣ моего разумѣнія, постоянно, до самой сдачи онаго, пользовался особеннымъ одобреніемъ главноуправляющаго; въ чемъ свидѣтельствуютъ препровожденные къ статсъ-секретарю Танѣеву послужные мои списки, въ коихъ графъ Клейнмихель за оба года моего директорства аттестовалъ меня: „вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ способенъ и достоинъ“.

Оставаясь директоромъ до открытія Николаевской дороги, я почувствовалъ совершенное разстройство здоровья отъ напряженныхъ трудовъ и обращался къ бывшему главноуправляющему тремя формальными прошеніями о предоставленіи мнѣ другой, менѣе тягостной должности, или объ увольненіи меня по домашнимъ обстоятельствамъ вовсе отъ службы.

Это добросовѣстное уклоненіе отъ отвѣтственныхъ обязанностей, которыя превзошли разстроенныя мои силы, навлекло на меня рядъ незаслуженныхъ гоненій.

Несмотря на сдачу мною въ 1852 году, предъ 28-дневнымъ от-

пускомъ моимъ, департамента на законномъ основаніи, я около года и двухъ мѣсяцевъ не былъ увольняемъ ни отъ должности, ни отъ службы. Чрезъ что понесъ въ семейныхъ дѣлахъ моихъ невознаградимую потерю значительнаго наслѣдства, о которомъ вынужденъ вести теперь разорительную тяжбу.

При удержаніи меня безъ всякой законной причины на службѣ, остановлено было у меня вопреки 966-й ст. III т. св. зак. все мое содержаніе за $8^1/_2$ мѣсяцевъ. Что при ограниченномъ моемъ состояніи съ семействомъ было крайне для меня чувствительно. На основаніи законовъ, даже подсудимымъ производится половинное содержаніе.

Съ увольненіемъ меня отъ директорства, я надѣялся по общему порядку службы и по примѣру предмѣстника моего получить мѣсто члена совѣта главнаго управленія; но я былъ смѣщенъ на младшую должность, въ число состоящихъ при главноуправляющемъ съ сокращеніемъ содержанія до 1.500 руб., т. е. менѣе оклада начальниковъ отдѣленій департамента, бывшаго въ моемъ управленіи. Это назначеніе было для меня тѣмъ обиднѣе, что данное мнѣ мѣсто, въ уставѣ о пенсіяхъ, отнесено къ низшему разряду противъ прежняго директорскаго.

По оставленіи департамента я имѣлъ постоянныя порученія и занятія по званію члена нѣсколькихъ комитетовъ и коммиссій; но въ продолженіе $5^1/_2$ лѣтъ былъ лишенъ графомъ Клейнмихелемъ всякаго по службѣ поощренія. Въ это время сверстники мои удостоены были орденами св. Станислава и св. Анны 1-ыхъ степеней; а изъ состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ начальниковъ отдѣленій нѣкоторые заняли должности выше моей нынѣшней.

Всѣмъ этимъ несправедливымъ гоненіямъ я подвергся единственно за то, что по разстройству здоровья и другимъ причинамъ не могъ и не желалъ оставаться директоромъ департамента. Несмотря на одобрительныя аттестаціи обо мнѣ графа Клейнмихеля до послѣднихъ дней его управленія, онъ задерживалъ ходъ моей службы и не увольнялъ въ отставку, чтобы оставлять меня вѣчно въ безнадежной и горестной зависимости.

Не имѣя ни покровительства, ни связей, поддерживаемый единственно чистою совѣстію и долговременною безукоризненною службою, дерзаю умолять о всемилостивѣйшемъ повелѣніи удостовѣриться въ сущей истинѣ словъ моихъ и обратить правосудное вниманіе на претерпѣнныя мною стѣсненія.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Каменскій.

Ипполитъ Завалишинъ въ Сибири

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири доставилъ рѣшеніе Тобольскаго губернскаго суда о находящемся въ Курганѣ поселенцѣ, изъ государственныхъ преступниковъ, Ипполитѣ Завалишинѣ [1]), который за ябедничество и дерскіе поступки подвергнутъ суду и содержится въ Курганскомъ острогѣ.

Обстоятельства этого дѣла суть слѣдующія:

По отзывамъ генерала-отъ-инфантеріи Гасфорта и находящагося въ Тобольской губерніи полковника Колена, Завалишинъ съ 1848 года, т. е. съ самаго перевода его изъ Восточной Сибири въ Курганъ, занимался сочиненіемъ, отъ себя и отъ другихъ лицъ, жалобъ и доносовъ, наполненныхъ дерзкими и оскорбительными выраженіями противъ мѣстныхъ властей. Онъ обратилъ это занятіе какъ бы въ ремесло и, находя въ томъ пищу для своего корыстолюбія, особенно увлекалъ своими неблагонамѣренными совѣтами и обѣщаніями крестьянъ, которые, по простотѣ своей, довѣряли ему. Между прочимъ, онъ возбудилъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній въ Курганскій округъ къ жалобамъ на неудобство будто бы отведенныхъ имъ мѣстъ и на притѣсненія мѣстнаго начальства. При сочиненіи жалобъ онъ часто, безъ вѣдома просителей, включалъ ложные извѣты, проникнутые духомъ ябедничества и клеветы, и тѣмъ нарушалъ общественное спокойствіе. Кромѣ того, онъ гласно, и при томъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, порицалъ дѣйствія полиціи, оказывалъ неуваженіе къ мѣстной власти и вообще во всѣхъ поступкахъ проявлялъ характеръ безпокойный, дерзкій и необузданный.

Для удержанія Завалишина отъ такихъ поступковъ, было внушаемо ему, чтобы онъ жилъ скромно и соотвѣтственно своему положенію; но внушенія не имѣли никакого успѣха. Поэтому въ 1854 году признано было необходимымъ произвести надъ нимъ формальное слѣдствіе, по окончаніи котораго въ апрѣлѣ 1855 года, согласно журналу совѣта главнаго управленія Западной Сибири, онъ преданъ суду,

[1]) Родной братъ декабриста Дмитрія Завалишина.

съ заключеніемъ въ тюремный замокъ. При этомъ прекращено и производившееся ему, какъ политическому поселенцу, пособіе отъ казны.

Но Завалишинъ, и содержась въ острогѣ, не переставалъ дѣйствовать въ духѣ ябедничества. Будучи лишенъ возможности посылать доносы отъ себя, онъ употреблялъ для этого жену свою и тещу, вдову бергера Сутурина. Имъ, когда онѣ посѣщали его въ замкѣ, онъ передавалъ ябедническія записки на лоскуткахъ бумаги. Изъ этихъ записокъ составляла жалобы и ябедническія просьбы особенно Сутурина, о которой особое дѣло находится въ разсмотрѣніи у тобольскаго гражданскаго губернатора.

Сутурина нѣсколько разъ представляла прошенія свои и въ 3-е отдѣленіе. Доказывая, что зять ея подвергнутъ суду невинно, по просьбамъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые ненавидятъ его за обличеніе ихъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, она писала, что зять ея, напротивъ того, заслуживалъ бы за это награды; что генералъ-губернаторъ Западной Сибири, прочитавъ его донесеніе, объявилъ ему благодарность и уже вызывалъ его въ Омскъ, но недоброжелательствующія лица успѣли отклонить это, и тѣ чиновники, которыхъ зять ея обличалъ въ лихоимствѣ, несправедливо обвинили его самого въ ябедничествѣ и довели его до нынѣшняго положенія.

Въ одной изъ просьбъ своихъ Сутурина помѣстила многія выраженія самого зятя ея. Оправдывая себя во всемъ, Завалишинъ объяснялъ, что враги его не только безвинно содержатъ его слишкомъ два года въ тюрьмѣ и судятъ, сами не зная за что, но препятствуютъ ему писать оправданія на высочайшее имя или высшему правительству; что въ продолженіе всего заключенія его въ тюрьмѣ, онъ не былъ ни разу ни о чемъ спрошенъ, сидитъ безъ слѣдствія и суда, а между тѣмъ увѣряютъ его, что слѣдствіе производится правильно и что судъ продолжается по формѣ; что между тѣмъ онъ доведенъ ненавистниками своими до того, что его исключили изъ милостей манифеста 26-го августа 1856 года, тогда какъ онъ былъ достоинъ награды и участія всякаго благомыслящаго человѣка, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ виду не личныя выгоды, а благо народа. „Стыдно правительству“—присовокупилъ Завалишинъ—„закрывать глаза предъ очевидностію зла, не хотятъ видѣть, что язва лихоимства заразила всѣ степени службы, что неправда зыблетъ небеса, что законъ безсиленъ, что деньги — Богъ всего и что все позволительно въ Россіи тому, кто откупиться можетъ! Стыдно правительству допускать преслѣдовать человѣка, который, для общаго блага, говоритъ правду и вѣруетъ въ совѣсть больше, нежели въ золотаго тельца! Не молчать теперь надо, когда ропотъ народа возстаетъ явно, когда чиновники распинаютъ ежедневно мужика и мѣщанина на крестѣ взяточничества,

когда всѣ и всѣми недовольны... Я прошу не дворянства 26-го августа, не солнца родины, не наградъ и поощреній, прошу одной милости — позволить мнѣ написать правду не дѣла моего лично (это не стоитъ вниманія!), а дѣла настоящаго общаго зла, которое погубитъ всѣхъ насъ".

Сутурина просила о переслѣдованіи дѣла, при жандармскомъ штабъ-офицерѣ, а потомъ о производствѣ надъ зятемъ ея военнаго суда. Просьбы эти были препровождаемы къ генералу-отъ-инфантеріи Гасфорту, который, дѣло признавая ихъ новыми ябедами, отзывался, что нѣтъ никакой причины выводить дѣло изъ установленнаго порядка, тѣмъ болѣе, что въ Сибири находится много злонамѣренныхъ ябедниковъ, подобныхъ Завалишину, и если по просьбамъ ихъ назначать особыя коммиссіи, то должно будетъ употребить большую часть чиновниковъ только на одно это безъ всякой пользы для правительства.

Въ маѣ 1856 года и сестра Завалишина, дочь умершаго генералъ-маіора, обращалась со всеподданнѣйшею просьбою къ государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ, ходатайствуя о покровительствѣ и облегченіи участи ея брату. Въ слѣдствіе этой просьбы, переданной въ 3-е отдѣленіе оберъ-гофмейстеромъ графомъ Олсуфьевымъ, сдѣлано было распоряженіе, чтобы судебный приговоръ о Завалишинѣ, прежде исполненія, препровожденъ былъ въ Петербургъ для представленія на высочайшее воззрѣніе.

Изъ доставленнаго рѣшенія Тобольскаго окружнаго суда видно, что Завалишинъ признанъ виновнымъ въ ябедничествѣ, въ подстрекательствѣ другихъ къ несправедливымъ жалобамъ, въ дерзостяхъ противъ начальства, въ буйствѣ и пьянствѣ, а также навлекъ на себя подозрѣніе въ похищеніи у одного курганскаго купца 50 руб. сереб. По законамъ, слѣдовало бы его, за все это, подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ и даже тѣлесному наказанію; но какъ преступленія совершены имъ до манифестовъ 27-го марта 1855 и 26-го августа 1856 года, то судъ опредѣлилъ: объявивъ ему даруемое манифестами прощеніе, внушить ему, чтобы восчувствовалъ таковое монаршее милосердіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ судъ, принимая во вниманіе вредное вліяніе Завалишина на жителей Кургана, призналъ невозможнымъ оставлять его на жительствѣ въ этомъ городѣ.

Тобольскій гражданскій губернаторъ и генералъ-губернаторъ Западной Сибири признаютъ это опредѣленіе согласнымъ съ законами. Первый изъ нихъ полагаетъ: выселить Завалишина въ Восточную Сибирь или удалить въ Нарымскій край, либо въ Пельгинское отдѣленіе, Турганскаго округа, Тобольской губерніи; второй—назначаетъ для удаленія его Пелымское отдѣленіе, какъ менѣе населенное въ сравненіи съ прочими мѣстами Западной Сибири.

Къ этому генералъ-отъ-инфантеріи Гасфортъ присовокупилъ, что

если Завалишину будетъ, по монаршему милосердію, оказано еще какое-либо снисхожденіе, то во всякомъ случаѣ онъ просилъ бы милости удалить означеннаго поселенца изъ Курганскаго округа, съ запрещеніемъ ему вообще имѣть пребываніе въ городахъ и многолюдныхъ мѣстахъ Западной Сибири, такъ какъ этотъ вредный для общественнаго спокойствія человѣкъ, пріобрѣвшій своими дерзкими ябедами даже нѣкоторую извѣстность въ цѣломъ краѣ, никогда не измѣнитъ своихъ наклонностей мутить народъ и употреблять во зло способности, дарованныя ему природою.

Справки. Въ 1826 году Ипполитъ Завалишинъ, изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища, за предосудительные поступки, былъ разжалованъ въ рядовые и отправленъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ. Тамъ онъ составилъ тайное общество, съ цѣлью измѣнить въ Россіи образъ правленія, и за это въ 1827 году, по лишеніи дворянства, сосланъ былъ въ Сибирь, въ каторжную работу. Въ 1842 году оканчивался срокъ бытности его въ работѣ, но онъ, по неодобрительному поведенію, былъ оставленъ тамъ, и вскорѣ послѣ того, за дерзость противъ горнаго офицера, употребленъ былъ, скованнымъ, въ тяжелую работу въ продолженіе одного мѣсяца. Въ 1843 году его перевели на поселеніе въ Верхнеудинскъ, Иркутской губерніи. Здѣсь съ 1848 году, за дерзость противъ городничаго, онъ былъ по суду приговоренъ къ наказанію розгами, и хотя, по полученіи здѣсь донесенія объ этомъ, послано было высочайшее повелѣніе замѣнить тѣлесное наказаніе заключеніемъ виновнаго въ тюрьму на двѣ недѣли, но приговоръ надъ Завалишинымъ уже былъ исполненъ. Въ 1848 году жалобы разныхъ начальниковъ Восточной Сибири на Завалишина и его жалобы на упомянутыхъ начальниковъ до того умножились, что признано было необходимымъ разъединить ихъ, и онъ перемѣщенъ былъ въ Западную Сибирь, въ Курганъ.

Ипполитъ Завалишинъ одинъ изъ всѣхъ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ 1826 и 1827 годахъ, доводилъ себя до тѣлеснаго наказанія.

Въ день священнаго коронованія, изъ упомянутыхъ преступниковъ, только онъ же и Выгодовскій исключены были изъ числа помилованныхъ.

Соображеніе. Рѣшеніе Тобольскаго губернскаго суда совершенно согласно съ законами, а мнѣніе генералъ-губернатора Западной Сибири—съ мѣстными обстоятельствами, и потому было бы можно утвердить то и другое.

Отголоски Пугачевскаго бунта.

(По архивнымъ матеріаламъ).

I.

Съ давняго времени, въ силу извѣстныхъ историческихъ причинъ, отдаленныя окраины Русскаго государства служили мѣстомъ, куда стекались всѣ не хотѣвшіе мириться съ тогдашнимъ суровымъ порядкомъ, всѣ, коихъ за разные подвиги ждала плаха или далекая ссылка послѣ жестокой расправы. Излюбленнымъ убѣжищемъ такихъ бѣглецовъ служили привольное Запорожье, вершины притоковъ Дона и Волги и другія мѣста, гдѣ ускользали они отъ грознаго правительственнаго ока, гдѣ мѣстной власти съ трудомъ удавалось поддерживать свой слабый престижъ.

Этотъ безпокойный элементъ, переполняя недоступные притоны, не склоненъ былъ къ трудовой жизни и работу на большой дорогѣ считалъ чуть-ли не почетнымъ занятіемъ, издавна у насъ воспѣтымъ народной поэзіей.

Не признавая надъ собою власти, бѣглецы охотно подчинялись вліянію лихихъ атамановъ, героевъ подобной профессіи. И стоило обыкновенно среди этой безпокойной толпы появиться отважному человѣку и заявить о готовности вести ее на какое-нибудь смѣлое до сумасбродства предпріятіе, чтобы она пошла за нимъ. Если откровенное приглашеніе къ простому разбою находило повсюду охотный откликъ, то нечего и говорить о предпріятіи, прикрытомъ какимъ-либо въ глазахъ ихъ предлогомъ. Послѣднее, удовлетворяя стремленію къ грабежу, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя, повидимому, заглушало проблески совѣсти, подчасъ о себѣ все-таки напоминавшей.

Въ 1707 году, напримѣръ, по притокамъ Дона и Днѣпра раздался кличъ смѣлаго человѣка: „Атаманы-молодцы, добрые охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю славно походить, сладко попить и поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на черныя вершины самарскія“! (притокъ Днѣпра). И этихъ „добрыхъ охотниковъ“ набралось тогда столько, что Булавинъ, побивъ заразъ царское войско, взялъ приступомъ Черкасы.

Онъ надѣлалъ не мало хлопотъ Петру Великому. Съ движеніемъ этимъ, совпавшимъ съ сѣверною войною, справились съ трудомъ и не сразу. Въ концѣ Булавинъ, видя неминуемую гибель, застрѣлился. Противъ такого финала Булавинъ, какъ и другіе ему подобные атаманы, ничего не имѣли, такъ какъ цѣли своей онъ достигнулъ— „славно погулялъ, сладко попилъ и поѣлъ“.

Почти все царствованіе императрицы Екатерины II-й ознаменовалось цѣлымъ рядомъ народныхъ волненій, однородныхъ по своему характеру и какъ бы имѣвшихъ какую-то внутренную связь между собою.

Среди этихъ движеній выдѣляется по своей грандіозности бунтъ Пугачевскій, въ теченіе двухъ лѣтъ колебавшій престолъ, бунтъ, который едва-едва подавили. Но Пугачевъ не былъ первымъ самозваннымъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, не былъ и послѣднимъ. Изъ цѣлаго ряда самозванцевъ онъ блисталъ лишь звѣздою первой величины. Не въ одну шальную голову почему-то лѣзла упорно тогда мысль „похитить столь великое имя императора Петра III“. Пугачевъ былъ счастливѣе ихъ всѣхъ. Все тогда сложилось для него благопріятно, — настроеніе назрѣло, плотина подъ напоромъ народной волны прорвалась. Обстоятельства, не бывшія въ зависимости отъ него и его способностей, толкали Пугачева впередъ. Благодаря этому, ему и удалось долѣе другихъ погулять, и едва не „тряхнуть матушкой-Москвой“.

Вскорѣ послѣ воцаренія императрицы Екатерины II-й (1762 года 6-го іюня) въ разныхъ мѣстахъ государства начали появляться самозванцы. Въ народѣ пошли кѣмъ-то пущенные слухи, что императоръ Петръ III-й не умеръ, что онъ, счастливо избѣжавъ всѣхъ опасностей, блуждаетъ подъ чужимъ именемъ по окраинамъ своихъ владѣній—„объявляется“ нѣкоторымъ и ждетъ, когда посадятъ его „батюшку“ на прародительскій престолъ вѣрноподданные. А таковыми онъ считалъ преимущественно казаковъ, простой народъ и особенно старообрядцевъ.

Упорство, съ которымъ ходили подобные слухи въ разныхъ от-

даленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ и одновременно, достойно удивленія.

Такъ, въ 1763 году, среди населенія Оренбургской губерніи пошли слухи, что императоръ живъ и скрывается у яицкихъ казаковъ. Слухи эти передавались другъ другу не въ тайнѣ, а получили полную огласку до того, что въ дер. Чесноковкѣ (въ 18 верстахъ отъ г. Уфы) попъ и дьячекъ служили даже благодарственный молебенъ о чудесномъ спасеніи императора отъ смерти [1]).

Населеніе по Уралу, состоявшее изъ инородцевъ и казаковъ, охотно вѣрило подобнымъ „разглашеніямъ“, служившимъ имъ предлогомъ выйти изъ повиновенія, къ чему они были склонны по многимъ причинамъ. Къ этому ихъ побуждали представители власти, своими поборами и безчеловѣчнымъ обращеніемъ доводившіе народъ до послѣдней крайности. Волненія происходили, главнымъ образомъ, отъ этой причины и имѣли своею единственною цѣлью выбиться изъ подъ гнета.

Первый самозванецъ не имѣлъ успѣха на Яикѣ. Появленіе подобныхъ ему „разгласителей“ не прекращалось вплоть до Пугачева. Каждый изъ нихъ, сѣя смуту, подготовлялъ лишь почву. И вѣра въ то, что живъ императоръ, крѣпла въ народѣ.

Но не на одномъ только Яикѣ были такіе слухи. Далеко отъ Оренбургскаго края и одновременно ходили они, хотя и не въ такой опредѣленной формѣ. Въ началѣ, напримѣръ, 1765 года Яготинскій сотникъ Полтавскаго полка Ѳедоръ Славотинскій подалъ въ Переяславскую полковую канцелярію „покорный рапортъ“. Въ немъ онъ докладывалъ о появленіи въ деревняхъ его сотни „нѣкоего бродяги, именовавшаго себя непринадлежащимъ именемъ“. Чрезъ деревни проходила какая-то гусарская команда, человѣкъ въ 15; при ней былъ вахмистръ. Сотникъ доносилъ, что въ народѣ пошелъ такой слухъ: „бывшій государь третій императоръ Петръ Ѳеодоровичъ (о коемъ публиковано, что умре) въ живыхъ точно, не умре и нынѣ ѣдетъ въ Кіевъ“—„разсматривать Малую Россію“ съ этою гусарскою командою подъ видомъ вахмистра [2]). Далѣе изъ дѣла оказалось, что подобные слухи та же гусарская команда, проѣзжая чрезъ тѣ же мѣста, распускала и раньше еще, именно лѣтомъ 1764 года, т. е., чрезъ два года уже послѣ смерти Петра III.

По поводу этого началось дѣло „хотя прямо ложное, но важное, дабы не допустить простому народу (долѣе) легкомысленное и самое непотребное о семъ дѣлѣ разглашеніе“. Производилось строжайшее

---

[1]) Къ исторіи пугачевщины. „Рус. Арх.“, 96 г. № 4.

[2]) Военно-ученый архивъ, I № 62 а.

слѣдствіе, допрашивались явившіеся причастными „въ важнѣйшемъ всевысочайшемъ ея императорскаго величества интересѣ“. Имѣлись подробныя примѣты самозванца; но, какъ кажется, ему удалось ускользнуть изъ рукъ правосудія. Этотъ невѣдомый гусарскій вахмистръ, надѣлавшій не мало шума и причинившій много хлопотъ властямъ, повидимому, былъ одного изъ слободскихъ гусарскихъ полковъ. Въ этомъ краѣ онъ былъ первымъ „предтечею“ Пугачева.

Послѣ расправы съ Емелькой „на болотѣ“ въ Москвѣ, которую онъ тряхнуть собирался, правительство всѣми мѣрами старалось изгладить изъ памяти народа ужасныя событія послѣднихъ лѣтъ. Но корни разрослись глубоко, вырвать трудно ихъ было. Жили еще тысячи сообщниковъ, а между ними и ближайшіе помощники Пугачева—Чумаковъ, Пустобаевъ, Твороговъ, Ѳедуловъ. Пошли новыя волненія, явились новые „разгласители“. Первыми изъ нихъ были эти же пугачевскіе „генералы“. Начали говорить, что вмѣсто Пугачева былъ казненъ другой, а самъ онъ спасся. Для лицъ, знавшихъ самозванца, сочинено было, что Пугачевъ не былъ настоящимъ императоромъ Петромъ III, а „дѣйствовалъ отъ него фельдмаршаломъ“, „былъ посланникомъ“, а что самъ императоръ благополучно спасся и странствуетъ нынѣ по разнымъ мѣстамъ [1]).

Длинная вереница самозванцевъ-неудачниковъ, расправы съ ними и „приличныя увѣщеванія“ причастнымъ лицамъ не устрашили искателей приключеній и не образумили народъ. Все еще находились легкомысленные люди, вѣрившіе въ появлявшихся время отъ времени Петровъ Ѳеодоровичей. Но самозванцы все болѣе и болѣе мельчали. Особенно достоинъ удивленія по своей великой наивности одинъ изъ послѣднихъ представителей пугачевщины, объявившійся въ нѣдрахъ далекой Сибири. За Пугачевымъ гонялись наши выдающіеся полководцы, правительству съ немалымъ трудомъ удалось задавить принявшій небывалые размѣры бунтъ, самъ Пугачевъ плахою расплатился за кровавый свой путь къ Москвѣ; а его подражатель и соратникъ оказался даже недостойнымъ и плахи, хотя въ то время не надо было для того совершать особенно выдающихся подвиговъ. Послѣдній „пугачъ“ былъ такъ жалокъ и наивенъ, что въ глазахъ правительства заслужилъ лишь того, чтобы попасть въ сумасшедшій домъ. Самозванецъ этотъ ничего особеннаго не совершилъ, особенной смуты не учинилъ, и дѣло это интересно лишь, какъ образецъ безразсуднаго риска головой.

Въ 1786 году до свѣдѣнія военнаго начальства дошло отъ рекрута Сибирскаго драгунскаго полка Низамаева о пошедшихъ въ на-

[1]) Московское отдѣленіе архива главн. штаба, оп. 193, св. 45.

родѣ слухахъ, что живъ императоръ [1]). Слухи эти распускалъ крестьянинъ Ялуторовскаго округа, Верхъ-Сурской слободы, Хрипуновъ (онъ же и Головенко), говоря при томъ, что онъ и есть этотъ чудомъ спасшійся императоръ. Командиръ Сибирскаго корпуса генералъ-маіоръ Огаревъ приказалъ искать этого разгласителя. Въ военную коллегію съ нарочнымъ курьеромъ полетѣлъ отъ Огарева рапортъ, въ коемъ онъ доносилъ, что въ округахъ Тобольскаго намѣстничества—Ишимскомъ, Ялуторовскомъ и Куринскомъ появилось „важное разглашеніе о бывшемъ императорѣ Петрѣ III, будто онъ живъ“. Рядомъ съ этимъ Огаревъ, какъ бы въ успокоеніе прибавлялъ, что „изо всѣхъ обстоятельствъ не видится никакого сумнительнаго случая“ [2]). „Дабы же отъ такого вреднаго разглашенія въ простомъ народѣ не произошло какой колеблемости“, онъ поручилъ генералъ-маіору Федцову вести по этому дѣлу формальное слѣдствіе. Оно началось въ крѣпости св. Петра [3]) со всею обычною тогда процедурой, „престрастіями“ и безконечной перепиской. Но, благодаря тому, что вели его люди военные, производилось оно съ необыкновенною быстротою, что̀ не было въ духѣ того времени. Самозванный императоръ былъ такъ простъ, что сразу же попался. Его схватили и доставили въ крѣпость св. Петра.

Взялись за Хрипунова. Онъ съ первыхъ же словъ оговорилъ многихъ лицъ. Это было тогда въ обыкновеніи и выгодно, такъ какъ, затягивая дѣло до безконечности, давало иногда „колодникамъ“ возможность благополучно убѣгать изъ острога. Особенно тянуть дѣло было удобно въ Сибири при тамошнихъ грандіозныхъ разстояніяхъ. Огаревъ, напр., былъ начальникомъ сибирскихъ линій (кромѣ Оренбургской), а онѣ тянулись болѣе чѣмъ на 2.300 верстъ. Слѣдствіе начало доходить „обо всѣхъ его, Хрипунова, обращеніяхъ“. Чѣмъ дольше оно велось, тѣмъ большее число крестьянъ оговаривалъ Хрипуновъ, жительствовавшихъ въ округахъ Тобольскаго намѣстничества и Колыванской губерніи, „коимъ разглашалъ онъ о бывшемъ императорѣ, будто оный живъ“. Хрипуновъ, между прочимъ, показалъ, что не самъ онъ додумался взять на себя „столь высокое имя“, а что нѣкоторыя изъ указанныхъ имъ лицъ въ Барнаульскомъ вѣдомствѣ

[1]) Судное дѣло о Хрипуновѣ. Моск. архивъ, 194 оп. къ св. № 10.

[2]) Тѣмъ не менѣе Огаревъ, хотя и не придавалъ дѣлу особеннаго значенія, все-таки нашелъ необходимымъ ввести воинскія команды въ названные округа Тобольскаго намѣстничества, „гдѣ оный разгласитель производилъ свои ложныя разглашенія“. Онъ распорядился расквартированный въ Тюмени и Ялуторовскѣ Ширванскій пѣхотный полкъ подвинуть ближе къ линіи и расположить командами въ округахъ (Моск. арх. 194, № 199).

[3]) Кр. св. Петра (Тобольской губ., Ишимскаго уѣзда по Ишимской линіи) лежитъ на лѣвомъ берегу р. Ишима, впадающаго въ р. Иртышъ.

побуждали его къ возмущенію и совѣтовали выступить въ роли самозванца. Многихъ изъ оговоренныхъ Хрипуновымъ взяли и подвергнули допросу, но многихъ пришлось требовать издалека и ждать. Объ открывшемся дѣлѣ увѣдомили правителей тѣхъ губерній, гдѣ ходили всѣ эти „сумнительные слухи“, для усиленія надзора за крестьянами. Слѣдствіе, въ ожиданіи присылки изъ-за сотенъ верстъ свидѣтелей, пришлось на время пріостановить. Къ тому же предсѣдатель его генералъ-маіоръ Федцовъ уѣхалъ по болѣзни на два мѣсяца въ Петербургъ. Дальнѣйшее производство Огаревъ поручилъ командиру Сибирскаго драгунскаго полка полковнику Боуверу.

Когда были присланы нужные свидѣтели, изъ ихъ показаній выяснилось, что Хрипуновъ не только разглашалъ, но и „хотѣлъ похитить себѣ столь великое имя государя Петра III и подъ названіемъ и при помощи согласныхъ ему людей производить свои злодѣянія образомъ и дѣломъ, какъ предъ симъ злодѣйство происходило, въ которомъ былъ онъ, Хрипуновъ, у злодѣя (Пугачева) атаманомъ, но въ томъ своемъ дерзкомъ предпріятіи не успѣлъ“.

Шатаясь по деревнямъ Колыванской губерніи для заработковъ, говорили свидѣтели, Хрипуновъ „внушалъ простымъ людямъ выдуманную ложь“ и говорилъ, что „онъ Петръ“. Среди крестьянъ самозванецъ подыскалъ себѣ двухъ „подобныхъ себѣ невѣждъ“ дѣятельныхъ помощниковъ—Борцова и Пургина. Первый изъ нихъ взялся составлять „царскіе указы“, приглашавшіе народъ собраться вокругъ ихъ законнаго государя; послѣдній подписывалъ эти указы. Хрипуновъ, атаманившій въ шайкахъ Пугачева и знакомый съ бывшими тамъ порядками, то же пытался завести и у себя; „но всѣ его замыслы ни въ которомъ мѣстѣ не возымѣли настоящаго дѣйствія“, такъ какъ все это онъ дѣлалъ ужъ очень наивно. Онъ задумалъ набрать себѣ среди бродягъ и бѣглыхъ шайку въ 500 человѣкъ (бо́льшаго почему-то и не желалъ).

Въ то время въ Сибири, среди ея населенія, не мало было подходящаго для того матеріала. Тамъ съ давнихъ поръ въ вершинахъ притоковъ р. Бухтормы недалеко отъ китайскихъ форпостовъ, въ почти непроходимыхъ горахъ укрывались многія сотни русскихъ бѣглецовъ, поселившихся здѣсь „за камнями“ въ концѣ XVII вѣка. Неоднократно сибирское начальство стремилось разорить свитыя ими въ ущельяхъ гнѣзда и вернуть въ русскіе предѣлы, но силою съ ними ничего не могли подѣлать по причинѣ непроходимыхъ, загроможденныхъ камнями горныхъ проходовъ. Преслѣдованія эти заставляли только бѣглецовъ уходить дальше, въ еще болѣе недоступныя мѣста [1]). Мѣст-

[1]) Моск. арх., оп. 1899 св. 34 II. Бѣглецы эти, благодаря гуманнымъ и благоразумнымъ мѣрамъ командира Сибирскаго корпуса ген.-л. Штрандмана,

ныя дебри и тайги также переполнены были толпами бѣглыхъ изъ остроговъ. Далѣе, на заводахъ работали конторщики и такіе же бѣглые колодники; въ сибирскихъ войскахъ множество было солдатъ, отданныхъ за пороки въ службу помѣщиками, „за продерзости“ и присланныхъ изъ Россіи за разныя преступленія. Близость Китайской границы не мало могла также способствовать. Въ прилежащихъ степяхъ кочевали калмыки, киргизъ-кайсаки; особенно эти послѣдніе постоянно прорывались чрезъ наши сторожевыя линіи, захватывали въ плѣнъ жителей, угоняли скотъ и табуны лошадей. Эти безпокойные наши и китайскіе номинальные подданные и „двоеданцы“, за которыми не легко было гоняться по ихъ безконечнымъ степямъ, охотно бы помогли всякому разгласителю, въ надеждѣ при общей суматохѣ пограбить. Но Хрипуновъ не за свое дѣло взялся, хотя до нѣкоторой степени долженъ былъ напрактиковаться въ дѣлѣ самозванства, атаманивъ у Пугачева. Но онъ былъ скроменъ, почему-то хотѣлъ набрать шайку только въ 500 человѣкъ. По всѣмъ видимостямъ, его подбили взять на себя роль самозванца.

Въ видѣ приманки Хрипуновъ обѣщалъ крестьянамъ Ялуторовскаго округа, что, когда онъ воцарится, „не будетъ государственныхъ податей на девять лѣтъ“. Этотъ соблазнъ, несмотря на то, что личность самозванца не внушала особеннаго довѣрія, возымѣлъ однако нѣкое дѣйствіе и „тѣмъ болѣе подалъ поводъ простымъ людямъ имѣть вѣроятіе“. Слѣдствіе собрало много уликъ противъ Хрипунова. Всѣ его соумышленники, поощряемые „пристрастіемъ“, выкладывали все, что о немъ знали. На послѣдокъ, „когда ничего не могло содѣлаться по намѣреніямъ таковыхъ злыхъ и вредныхъ общему благу людей, онъ, Хрипуновъ, во всемъ не вдругъ сознался, оговоривъ однихъ въ томъ, что слушали о его „разглашеніяхъ“, а другихъ въ соучастіи „злова дѣла“. Это „не вдругъ“ свидѣтельствуетъ о способѣ допроса, развязавшемъ ему понемногу языкъ.

Слѣдствіе еще не было окончено—изъ Колыванской губерніи все еще не были присланы крестьяне. Между ними особенно интересны были эти помощники Хрипунова—Борцовъ и Пургинъ. Но съ присылкою ихъ „за крѣпкою стражею“, слѣдствіе закончилось. Два главные соучастника на допросахъ не сознались, но, по всѣмъ обстоятельствамъ, слѣдователямъ было ясно, что они были причастны къ дѣлу именно въ той мѣрѣ, какъ показывалъ Хрипуновъ. Далѣе выяснилось участіе и еще одного лица, драгуна Сибирскаго драгунскаго

снова перешли въ русское подданство, будучи помилованы Екатериною II, въ 1791 г., поселены они были по р. Бухтормѣ, текущей въ прекрасной плодородной долинѣ, огражденной цѣпями Алтайскихъ горъ (Рапортъ Штрандмана фельд. Салтыкову).

полка Никифора Гавриловскаго. Онъ оказался виновнымъ не только въ томъ, что, слыша отъ Хрипунова разглашеніе, не донесъ начальству, но что хотѣлъ бѣжать съ Хрипуновымъ въ набранное якобы ими скопище, находящееся за китайской границею въ киргизъ-кайсацкихъ степяхъ. Гавриловскій пытался даже склонить къ побѣгу многихъ своихъ товарищей драгунъ и солдатъ гарнизона крѣпости св. Петра. Но на первыхъ же порахъ, благодаря доносу рекрута Незамаева, начальству стало извѣстно о появленіи слуховъ о самозванцѣ; оно приняло мѣры и въ самомъ началѣ пресѣкло могущее возникнуть среди нижнихъ чиновъ броженіе.

Когда слѣдствіе было окончено, Огаревъ препроводилъ дѣло въ военную коллегію, а всѣхъ забранныхъ крестьянъ разослалъ по намѣстничествамъ „къ гражданскому осужденію“. Относительно же Хрипунова онъ запросилъ, отправить ли его также въ намѣстничество, или, какъ главнаго виновника, продолжать содержать подъ стражею въ крѣпости.

На свое доношеніе Огаревъ довольно скоро получилъ отъ генералъ-прокурора А. А. Вяземскаго „повелѣніе“, въ коемъ объявлялъ ему резолюцію императрицы Екатерины отправить Хрипунова подъ стражею изъ крѣпости св. Петра въ тобольское намѣстническое правленіе для „исправленія дерзкаго и развращеннаго его нраву“ и посадить тамъ въ рабочій или смирительный домъ. Причастныхъ къ дѣлу нижнихъ чиновъ и казаковъ приказано было освободить изъ-подъ стражи и „по учиненіи подтвержденія“, чтобы на будущее время ни въ чемъ не попадались, водворить по-прежнему на службу въ свои части. Эта неожиданная резолюція мотивировалась такъ: „всѣ его, Хрипунова, замыслы ни въ которомъ мѣстѣ не возымѣли настоящаго дѣйствія, не только въ его намѣреніи, но и въ продолженіи лживыхъ разглашеніевъ; какъ онъ пойманъ и по поимкѣ взятъ подъ крѣпкую стражу, тогда и простымъ людямъ, тѣмъ, кои отъ него выдуманную ложь слышали, пресѣкся поводъ вѣрить его разглашенію, и всякой узналъ о вымышленномъ имъ ложномъ внушеніи; но что тѣ крестьяне слышали отъ него, Хрипунова, таковое ложное разглашеніе и нигдѣ не извѣщали, за то къ осужденію по законамъ отправлены въ тобольское намѣстничество“.

И далѣе: „подражая высочайшему ея императорскаго величества материнскому милосердію, какъ уже всего зла начальникъ Хрипуновъ отъ тяжкаго наказанія избавленъ, то, сходно съ тѣмъ, и другія лица причастныя тому отъ всякаго наказанія избавлены“. Поплатился отчасти драгунъ Гавриловскій—полкъ отъ себя учинилъ ему внушеніе шпицрутенами. Его приказано было отдать подъ надзоръ надежнаго эскадроннаго командира, коему строго слѣдить за нимъ и никуда отъ команды не отпускать.

Но скоро означенное рѣшеніе было отчасти измѣнено и по слѣдующимъ обстоятельствамъ: князь Вяземскій получилъ рапортъ отъ генералъ-маіора Федцова, касавшійся этого дѣла, гдѣ онъ представлялъ его въ томъ истинномъ свѣтѣ наивности, какъ это въ дѣйствительности и было. Вяземскій доложилъ государынѣ, и результатомъ того было повелѣніе посадить Хрипунова вмѣсто смирительнаго или рабочаго дома, „какъ поврежденнаго въ умѣ“, въ домъ сумасшедшихъ. Донося въ военную коллегію о полученіи этого послѣдняго повелѣнія, неожидавшій такого конца и недоумѣвавшій Огаревъ писалъ, что ему неизвѣстно, кому и что доносилъ Федцовъ. И, такъ какъ послѣдній слѣдствія не окончилъ, то ему „никакой надобности не состояло“ что-либо сообщать „въ главныя правительства“. По запросу Огарева, самъ Федцовъ ему донесъ, что ничего по этому дѣлу и никуда онъ не писалъ. Это обстоятельство такъ и осталось невыясненнымъ.

Хрипуновъ былъ посаженъ на всю свою жизнь въ Тобольскѣ въ сумасшедшемъ домѣ, въ особенно сдѣланномъ для него отдѣленіи, и содержался онъ тамъ „подъ крѣпкою воинскою стражею“. Къ нему приказано было ни подъ какимъ видомъ никогда никого не допускать.

Вице-адмиралъ Бойль и преосвященный Варлаамъ, епископъ архангельскій.

(Эпизодъ изъ исторіи русско-турецкой войны 1853—1856 гг).

Пятидесятая годовщина русско-турецкой войны (1853—1856 гг.) даетъ намъ поводъ вспомнить, на основаніи, главнымъ образомъ, оффиціальнаго документа [1]), одинъ эпизодъ изъ ея исторіи, не оглашенный еще историческою печатью. Мы разумѣемъ столкновеніе архангельскаго преосвященнаго Варлаама (Успенскаго) съ вице-адмираломъ Бойлемъ.

Какъ извѣстно, во время Крымской войны противъ Россіи выступило нѣсколько державъ, которыя, желая ослабить ее, выслали свой флотъ во всѣ русскія моря. Окруженъ былъ непріятельскими кораблями и весь сѣверъ Россіи. Бѣлое море занято было сплошь непріятельскимъ флотомъ, свободно разгуливавшимъ по нему, грабившимъ монастыри и церкви на островахъ его и грозившимъ даже предать полному разрушенію знаменитую Соловецкую обитель...

Въ Архангельскѣ начальникомъ губерніи въ это время состоялъ вице-адмиралъ Бойль, епископомъ же былъ извѣстный преосвященный Варлаамъ. Послѣдній, всегда вообще, подозрительно относившійся къ свѣтскимъ сановникамъ и не любившій ихъ за презрительное отношеніе къ церкви и духовенству, въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, и не безъ основанія, особенно чутко присматривался къ дѣятельности архангельскаго губернатора. Ему казалось, что Бойль,

[1]) Док. Синод. архива 1854 г., № 3110.

англичанинъ по происхожденію, покровительствуетъ англійскому флоту, доставляетъ ему припасы, не оказываетъ ему должнаго сопротивленія, не охраняетъ, въ ущербъ русскимъ, ихъ святынь и проч. На этой-то почвѣ и возникла исторія между преосвященнымъ Варлаамомъ и Бойлемъ, грозившая весьма печально окончиться для перваго, и сравнительно благополучно окончившаяся [1]) только благодаря личному вмѣшательству въ нее самого государя.

Зерномъ дѣла, разсказать о которомъ намѣрены мы въ настоящемъ очеркѣ, послужило письмо—донесеніе военному министру начальника Сѣвернаго края, военнаго губернатора, вице-адмирала Романа Платоновича Бойля. „Преосвященный Варлаамъ, писалъ онъ между прочимъ, какъ мнѣ извѣстно изъ моихъ съ нимъ разговоровъ, разстраиваетъ себя тѣмъ, что, предаваясь напрасной и непомѣрной боязни непріятельскаго нападенія, вѣритъ происходящимъ отъ этого страха тревожнымъ снамъ и вступаетъ въ открытую бесѣду о настоящихъ политическихъ дѣлахъ съ людьми до такой степени боязливыми и такъ же мало понимающими военное и морское дѣло, какъ и самъ преосвященный. Въ этихъ бесѣдахъ епископъ Варлаамъ и съ своей стороны высказываетъ свои ни на чемъ не основанныя опасенія и даже въ произносимыхъ въ церквахъ проповѣдяхъ, увлекаясь сими ошибочными убѣжденіями, бываетъ такъ неосторожень, что словами своими не ободряетъ слушателей, какъ бы слѣдовало пастырю, но напротивъ приводитъ въ уныніе и внушаетъ недовѣріе къ начальству, какъ передано мнѣ объ этомъ нѣкоторыми почетнѣйшими лицами Архангельска, заслуживающими полное довѣріе. Я всѣми мѣрами стараюсь урезонить и успокоить преосвященнаго, прошу его чаще видѣться со мною, и самъ бываю у него, при чемъ объясняю ему, какія мѣры приняты къ защитѣ края отъ непріятеля, и какъ эти мѣры надежны. Но все это для него недостаточно, и главная причина его сокрушенія заключается въ томъ. что находящійся при одномъ изъ устьевъ рѣки Двины Никольскій монастырь, котораго онъ настоятелемъ, не защищенъ гарнизономъ и орудіями, между тѣмъ какъ этотъ монастырь защищенъ самою природою, да и по бѣдности своей, можно быть увѣреннымъ, не привлечетъ непріятеля, и вообще укрѣпляетъ находящіеся на берегахъ Бѣлаго моря монастыри, въ которыхъ по два человѣка монаховъ было бы совершенно безполезно“...

О содержаніи приведеннаго письма вице-адмирала Бойля военный

---

[1]) Преосвященный Варлаамъ переведенъ былъ въ Пензу.

министръ нашелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія государя императора, который повелѣлъ принять немедленно мѣры „къ устраненію того вреднаго вліянія, которое опасенія преосвященнаго Варлаама могутъ имѣть на умы жителей".

Святѣйшій Синодъ, извѣщенный о волѣ государя, 27-го августа 1854 года командируетъ въ Архангельскъ присутствовавшаго въ то время въ Синодѣ преосвященнаго Аркадія [1]), архіепископа олонецкаго—съ тѣмъ, чтобы онъ, вникнувъ въ это дѣло, сдѣлалъ должное вразумленіе и наставленіе преосвященному Варлааму, если таковую мѣру признаетъ онъ достаточною по мѣстнымъ обстоятельствамъ, въ противномъ же случаѣ самъ вступилъ въ управленіе епархіею впредь до особаго повелѣнія. Командированіе преосвященнаго Аркадія въ Архангельскъ произвесть подъ видомъ обозрѣнія имъ своей собственной Олонецкой епархіи и вообще все это дѣло сохранять въ полной тайнѣ.

Въ другой бумагѣ, переданной архіепископу Аркадію на случай, если дѣло окажется дѣйствительно важнымъ и однихъ внушеній для Варлаама будетъ недостаточно, говорилось, чтобы преосвященный Варлаамъ немедленно сдалъ епархію, а самъ прибылъ бы въ С.-Петербургъ.

Въ первой половинѣ сентября преосвященный Аркадій былъ уже на мѣстѣ въ Архангельскѣ, а 17-го числа рапортовалъ Синоду о первыхъ результатахъ своей поѣздки. Въ продолженіе цѣлой недѣли (съ 10—17), пишетъ онъ, между прочимъ, каждодневно и неоднократно бесѣдовалъ я съ преосвященнымъ Варлаамомъ—келейно, четыре раза видѣлся съ вице-адмираломъ Бойлемъ, два раза—съ гражданскимъ губернаторомъ и управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, по разу съ вице-губернаторомъ и другими чиновниками. Послѣ всѣхъ бесѣдъ прихожу къ заключенію, что причиною недоразумѣнія между преосвященнымъ Варлаамомъ и вице-адмираломъ Бойлемъ послужило слѣдующее: а) вице-адмиралъ Бойль не обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ увѣдомлялъ преосвященнаго, хотя этого и желалъ послѣдній; б) на нѣкоторыя требованія свои — защитить мѣста епархіальнаго управленія, преосвященный Варлаамъ не полу-

[1]) Аркадій (Ѳедоровъ), сынъ дьячка Владимірской губерніи, род. въ 1784 г. Съ 1807 — 1829 г. проходилъ различныя должности на педагогическомъ поприщѣ. Съ 1829 г. епископъ (а съ 1833—архіепископъ) оренбургскій, пермскій и олонецкій. Скончался на покоѣ въ Александро-Свирскомъ монастырѣ 1870 г., принявъ незадолго до своей смерти схиму. Извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ противораскольническій дѣятель. См. іером. (нынѣ архим.) Веніаминъ: „Аркадій, архим. олонецкій, какъ дѣятель противъ раскола". Петрозаводскъ. 1901 г. и „Христ. Чтеніе" за 1882—1891 гг.

чалъ удовлетворенія отъ военнаго губернатора и в) вице-адмиралъ Бойль, по происхожденію англичанинъ, принадлежитъ къ церкви англиканской, а не православной.

Относительно своей вѣры въ сны преосвященный Варлаамъ высказалъ архіепископу Аркадію, что онъ мало того, что вѣритъ имъ, но „издавна ведетъ даже запись, имѣя нѣсколько замѣчательныхъ для него сновъ и въ настоящее время о нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилъ и съ другими“... Что же касается проповѣдей, то онъ говорилъ такія „на сочиненіе которыхъ употреблялъ не болѣе часовъ двухъ предъ самою литургіею, которую совершать готовился, въ таковыхъ, столь поспѣшно составляемыхъ проповѣдяхъ, могли прокрадываться мысли и выраженія, дававшія людямъ предубѣжденнымъ поводъ недоразумѣвать о нѣкоторыхъ лицахъ и должностныхъ распоряженіяхъ ихъ“...

На предложеніе архіепископа Аркадія преосвященному Варлааму примириться съ Бойлемъ, первый отвѣтилъ отказомъ, говоря, что онъ никогда миролюбивыхъ отношеній съ нимъ не нарушалъ, да и не намѣренъ нарушать ихъ и впредь. Съ своей же стороны даетъ обѣщаніе: а) о своихъ снахъ не говорить болѣе съ другими; б) проповѣди сочинять осмотрительнѣе и в) въ разговорахъ быть осторожнѣе. „Но, добавляетъ преосвященный Аркадій, обѣщаніе только словесное, которое, при остающемся въ немъ недовѣріи къ г. военному губернатору Бойлю, признать за неизмѣнное, вполнѣ успокоительное нельзя“.

Въ тотъ же день вторично преосвященный Аркадій доноситъ Синоду, что онъ, согласно его волѣ, вступилъ уже во временное управленіе Архангельскою епархіею, такъ какъ не думаетъ, чтобы его наставленія преосвященному Варлааму имѣли успѣхъ. „При твердой своей волѣ, пишетъ онъ, Варлаамъ крѣпко увѣренъ въ своей правотѣ по настоящему объ немъ дѣлу; жалуясь, что якобы военный и гражданскій губернаторы не оказываютъ ему, преосвященному, должнаго уваженія... и не отлагая своего къ нимъ недовѣрія,—ничѣмъ не обезпечиваетъ, что онъ, преосвященный, мое ему наставленіе относительно должнаго дѣйствованія при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ края, соблюдетъ вполнѣ“...

Изъ двухъ рапортовъ преосвящ. Варлаама отъ 16-го и 18-го сентября о полученіи синодальныхъ указовъ и о немедленномъ прибытіи его въ С.-Петербургъ („коль скоро, замѣчаетъ онъ въ послѣднемъ рапортѣ, всеблагій Господь поддержитъ мое здоровье при истинно тревожныхъ для меня обстоятельствахъ“...), а также рапорта преосвящ. Аркадія отъ 25-го сентября о сдачѣ преосвящ. Варлаамомъ всего имущества, видно, что послѣдній въ концѣ сентября отправился уже въ С.-Петербургъ. Преосвященный же Аркадій въ отсутствіе обвиняемаго началъ

производить подробное слѣдствіе по порученному ему дѣлу. Съ результатами, добытыми архіереемъ Аркадіемъ при разборѣ дѣла, мы знакомимся по его рапорту въ Синодъ отъ 3-го ноября 1854 года.

Когда же началась распря в.-адмирала Бойля съ преосвящ. Варлаамомъ, какъ развивалась она и кто изъ нихъ былъ правъ, кто виноватъ? Рапортъ преосвящ. Аркадія и даетъ намъ, хотя не всегда безпристрастный и точный, отвѣтъ на всѣ эти вопросы...

Еще въ концѣ февраля 1854 г. военный губернаторъ Бойль увѣдомилъ преосвящ. Варлаама, что весь приморскій край Архангельской губерніи объявленъ на военномъ положеніи, и просилъ его сдѣлать распоряженія о сохраненіи церковнаго имущества на случай нападенія враговъ.

Соотвѣтствующія распоряженія Варлаамомъ были немедленно сдѣланы, скоро стали приходить и рапорты отъ настоятелей монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей объ исполненіи распоряженій начальства. Но въ точности исполнить указъ Варлаама о сохраненіи имущества нѣкоторые настоятели монастырей и церквей не могли. Многіе опасались вывозить церковныя вещи безъ охраны и просили стражу. Преосвящ. Варлаамъ видимо былъ согласенъ съ ними и 13-го апрѣля просилъ Бойля принять мѣры къ сохраненію Крестнаго монастыря, а главное—Соловецкой обители, да и вообще поставить въ обязанность всѣмъ городскимъ и сельскимъ управленіямъ прибрежныхъ мѣстъ не отказывать въ случаѣ дѣйствительной опасности церквамъ и причтамъ въ содѣйствіи по охраненію церковныхъ имуществъ и въ перевозкѣ ихъ въ безопасныя мѣста. Для защиты же Соловецкаго монастыря, по мнѣнію архипастыря, слѣдовало отправить туда восемь пушекъ шестифунтоваго калибра.

Всѣ предположенія преосвящ. Варлаама о защитѣ церковнаго имущества Синодомъ были утверждены, при чемъ ему было предписано находиться въ непрерывныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ военнымъ губернаторомъ и „по его указаніямъ дѣйствовать, какъ въ отношеніи сохраненія имущества, такъ и во внушеніи духовенству и паствѣ, чтобы они, уповая на помощь Божію, исполняли въ точности распоряженія начальства“.

Боясь впасть своими распоряженіями въ какую-либо ошибку, преосвящ. Варлаамъ предварительно спрашиваетъ в.-адмирала Бойля, возможно ли провести его распоряженія и не нужно ли какъ-либо ихъ видоизмѣнить; въ заключеніе же убѣдительно проситъ его—немедленно извѣщать „о всѣхъ обстоятельствахъ, кои могутъ развиваться по епархіи, иногда и неожиданно и непредвидѣнно при состояніи оной на военномъ положеніи“.

Въ своей отвѣтной преосвящ. Варлааму бумагѣ (15-го апрѣля)

вице-адмиралъ Бойль писалъ, что для избѣжанія народной паники онъ не считаетъ удобнымъ дозволить перевозку изъ монастырей всего имущества. По его мнѣнію, достаточно только перевезти „тѣ вещи и манускрипты, которые по древности своей, цѣнности и другимъ причинамъ заслуживаютъ названія драгоцѣнныхъ“. Но такъ какъ вещей, подобныхъ указаннымъ, найдется очень немного, то при перевозкѣ ихъ вполнѣ возможно соблюдать полную тайну и осторожность. Если же допустить гласную перевозку церковныхъ вещей, не составляющихъ большой цѣнности, то примѣръ этотъ можетъ заставить и всѣхъ жителей и крестьянъ прибѣгнуть къ сбереженію своего имущества, что „несомнѣнно повлечетъ за собою большіе безпорядки, страхъ между жителями и упадокъ общественнаго духа въ пользу непріятеля“...

Прошло два мѣсяца съ того дня, какъ преосвящ. Варлаамъ получилъ послѣднее отъ в.-адмирала Бойля увѣдомленіе о военныхъ дѣлахъ. Военный губернаторъ упорно молчалъ, а между тѣмъ до нашего архипастыря стали доходить тревожные слухи, что непріятельскій флотъ находится уже въ Бѣломъ морѣ, забираетъ ладьи, идущія изъ Архангельска, опустошаетъ приморскія селенія и храмы. Испуганный всѣми этими извѣстіями, преосвящ. Варлаамъ снова (15-го іюня) убѣдительно проситъ Бойля увѣдомлять его о ходѣ дѣла, чтобы успѣть во́-время принять надлежащія мѣры къ охраненію храмовъ и церковнаго имущества. Нужны ему точныя свѣдѣнія и для того, чтобы „судя по важности грабительства и опустошеній“ доносить о всемъ этомъ въ Синодъ, а особенно для того, что „кромѣ вещественныхъ оборонительныхъ мѣръ, можетъ быть, нужно прибѣгнуть и къ невещественнымъ средствамъ, посылаемымъ отъ міра духовнаго за постъ и молитву молящихся и имѣющихъ молиться“.

Получивъ успокоительное извѣстіе отъ Бойля, преосвящ. Варлаамъ донесъ на основаніи его въ Синодъ о ходѣ дѣлъ, замѣчая въ концѣ рапорта, что „со времени появленія непріятеля около береговъ Архангельской епархіи и дѣйствій его враждебныхъ къ бѣднымъ поморамъ, о чемъ не мало уже дошло вѣрныхъ слуховъ, усилены, хотя частью, постъ и молитвы ко Всемощному тѣми, кои знаютъ силу этихъ средствъ, и что, можетъ быть, вслѣдствіе исканія сей-то помощи, четверо уже сутокъ сряду дуетъ сильный и бурный сѣверо-западный вѣтеръ, который, какъ полагаютъ, не указалъ борющимся (далѣе слово не разобрано)... добраго пристанища при берегахъ города Архангельска, а понудилъ ихъ... открейсировать въ море подальше отъ города, дабы фрегатамъ ихъ не сѣсть на мель“.

Успокоенный на малое время добрыми вѣстями отъ военнаго губернатора, преосвящ. Варлаамъ снова 25-го іюня былъ встревоженъ

рапортомъ настоятеля Николаевскаго Корельскаго монастыря іером. Ѳеофана, въ которомъ онъ доносилъ, что въ устьѣ р. Молокурьи „явился корабль или машина съ шлюпками, не доѣзжая до монастыря 2-хъ верстъ". На рапортѣ іером. Ѳеофана преосвящ. Варлаамъ наложилъ резолюцію слѣдующаго содержанія: „поручить или протоіерею собора, или ключарю теперь же отправиться съ симъ рапортомъ къ г. военному губернатору и отъ моего имени узнать, чей это корабль и со шлюпками, приближавшійся къ монастырю на двѣ версты? нашъ ли пароходъ куда посланный и ладьи, или непріятельскій? И во всякомъ случаѣ просить защиты и спасенія монастырю, если не ушло еще время подать ее св. обители, и буде сочтетъ его превосходительство нужнымъ, то увѣдомить меня и форменно о его намѣреніи отдать помощь св. обители".

Какой отвѣтъ данъ былъ Бойлемъ, точно не извѣстно—его бумаги на имя преосвящ. Варлаама въ дѣлѣ нѣтъ. Сохранилась только обширная резолюція архипастыря отъ 28-го іюня 1854 года. „Въ уясненіе сего, пишетъ преосвящ. Варлаамъ, и поступившаго изъ Николаевскаго монастыря отъ 25-го іюня за № 53 передается памяти, впредь до потребнаго времени, слѣдующее: 25-го іюня послѣ божественной литургіи мною совершаемой и молебна, при выходѣ изъ церкви гг. гражданскій губернаторъ и комендантъ баронъ Соловьевъ объявили мнѣ, что непріятель пошелъ, какъ пронесся слухъ, къ Николаевскому устью, но что этотъ слухъ оказывается ложнымъ; услышавъ сіе и признавая неизлишнимъ въ такой торжественный день быть у г. военнаго губернатора для узнанія сущности извѣстій прямо отъ него, я, взявши съ собою двухъ оо. архимандритовъ и каѳедральнаго протоіерея, отправился въ квартиру г. военнаго губернатора. По прибытіи въ домъ его превосходительства супруга его, при разговорѣ о врагѣ, завѣряла, что вѣсть была ложная и что фрегаты даже совсѣмъ отошли въ море и съ того мѣста, гдѣ стояли; чрезъ нѣсколько времени прибылъ въ домъ самъ военный губернаторъ. Опять рѣчь о врагѣ и объ отходѣ въ Николаевское устье, при коемъ стоитъ монастырь, и онъ отвергъ слухъ и присовокупилъ, что однако же послалъ туда и лодки съ пушками и пароходъ съ полковникомъ и штабъ-офицеромъ своимъ... подать въ случаѣ нужды помощь всюду, а вмѣстѣ и монастырю; при чемъ присовокупилъ, что когда ему ввѣрена защита, то онъ и дѣлаетъ свое дѣло. Съ симъ успокоительнымъ отвѣтомъ онъ и отпустилъ меня изъ своей квартиры. На утро въ 9-мъ часу по полуночи, предъ обѣднею и моимъ отъѣздомъ въ соборъ, получается изъ монастыря рапортъ о появленіи тамъ только въ двухъ верстахъ вражескаго корабля. Тотъ же рапортъ въ подлинникѣ и съ данною резолюціею я посылаю къ г. военному губернатору съ ключаремъ собора узнать сущность

дѣла и вновь просить помощь подать монастырю. Къ прискорбію и удивленію моему получается отзывъ, прописанный въ семъ рапортѣ, никакъ несогласный съ завѣреніемъ, лично даннымъ 25-го іюня, и вполнѣ отрицательный въ оказаніи какого бы то ни было пособія монастырю. Послѣ обѣдни и молебна 26-го іюня я счелъ нужнымъ видѣться съ гражданскимъ губернаторомъ; сей при самомъ входѣ въ домъ, зачалъ завѣрять опять, что слухъ о врагѣ ложный; но я въ опроверженіе показалъ рапортъ изъ монастыря, послѣ чего онъ нѣсколько замялся и какъ бы недоумѣвалъ—особенно когда я объявилъ ему отзывъ г. военнаго губернатора и отказъ подать какую бы то ни было помощь монастырю. Въ продолженіе разговора онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ г. управляющему палатою государственныхъ имуществъ для испрошенія у него помощи. Заѣхавъ въ домъ собора, гдѣ помѣщается и палата, я чрезъ протоіерея просилъ управляющаго въ его квартиру; сей, повидимому, готовъ былъ оказать помощь чрезъ своихъ крестьянъ, но сказалъ, что безъ согласія военнаго губернатора ему сдѣлать этого нельзя, и что долженъ видѣться съ нимъ, кое-что и еще говорилъ о характерѣ военнаго губернатора, что онъ своенравенъ, что его не вдругъ можно уговорить, и что онъ едва упросилъ его сдѣлать батарею близъ села Мудьгоги, на которой могли бы быть хотя одни мужики безъ солдатъ и проч. и проч. „Святитель и угодникъ Христовъ Николай послѣ сего самъ защити свою обитель!“ „Оба монастыря и Крестный и Николаевскій, писалъ архипастырь въ другомъ мѣстѣ, не имѣютъ никакой защиты, несмотря на то, что при Николаевскомъ въ первую войну съ Англіей была устроена батарея, но въ настоящее время, при устроеніи 5 или 6 батарей, не сочли за нужное даже возобновить. Если оба эти монастыри избѣгнутъ или разоренія или сожженія, то это должно будетъ приписать или пощадѣ только врага или одной силѣ Божіей свыше“.

Время шло. Непріятель, хотя и не наносилъ большаго вреда обителямъ и храмамъ Поморья, но нерѣдко, все-таки, безпокоилъ ихъ своими внезапными посѣщеніями, отбирая при этомъ болѣе или менѣе цѣнныя вещи. Такъ побывалъ онъ въ Крестномъ монастырѣ (гдѣ, вѣроятно, въ насмѣшку заставилъ братію отслужить молебенъ), въ селеніи Ковдѣ и друг. Ущербъ, который несли отъ непріятеля церкви и монастыри, заставляетъ преосвященнаго Варлаама снова винить свѣтское начальство въ плохой защитѣ церковнаго имущества. „...Не могу понять, пишетъ онъ, между прочимъ, почему это начальство на всѣ требованія для церквей съ соблюденіемъ ихъ выгодъ, смотритъ безъ участія, такъ какъ дѣла сіи ни ихъ самихъ, ни ихъ сельскихъ обществъ не касались. Непонятное направленіе просвѣщенія нынѣшняго времени, о коемъ повидимому столь много заботятся“!!!

Военный губернаторъ, желая ли оправдать самого себя или дѣйствительно имѣя основанія, на жалобу Варлаама отвѣчаетъ также жалобой на духовенство, которое совершенно не заботится, по его словамъ, о сохраненіи церковнаго имущества. Оно еще до прихода непріятеля въ Ковду, напримѣръ, удалилось въ лѣсъ, оставивши церковное имущество на произволъ судьбы, а священникъ Керженской церкви даже воспользовался приглашеніемъ непріятеля на его пароходъ, гдѣ его хорошо угощали и подарили бутылку вина...

Жалоба военнаго губернатора вынудила преосвященнаго Варлаама снова подтвердить духовенству и братіи монастырей, чтобы они, во все время пока врагъ будетъ угрожать цѣлости храмовъ, „уповая всегда преимущественно на помощь Божію въ непрестающей молитвѣ, по ученію апостола, держали постъ сколько возможно по силамъ и неослабно и безъ упущенія ходили къ общественнымъ службамъ, отъ церкви и монастыря отнюдь никуда не отлучались на долгое время, а особенно при нашествіи врага, при самомъ вторженіи его, сами были кротки, молчаливы, не вздорливы и сколько возможно будетъ просили пощады святынѣ и св. мѣстамъ, не входя однако же ни въ какія другія съ ними сношенія и сдѣлки. Воспламененіе, чего да избавитъ Богъ, отъ огнестрѣльныхъ орудій его тотчасъ же старались бы гасить всѣми силами и для сего всюду имѣли бы въ запасѣ воду и сосуды въ достаточномъ количествѣ (резол. на рап. іером. Ѳеофана, намѣстника Николаевскаго монастыря)“ . . . . . .

Кто же правъ, кто виноватъ, повторяемъ, въ этомъ дѣлѣ? Преосвященный ли Варлаамъ, ревностный охранитель интересовъ церкви или, чуждый ихъ, англичанинъ Бойль?

Дать положительный отвѣтъ на вопросъ въ настоящее время, когда всесторонне нѣтъ возможности разсмотрѣть факты, хотя и недавнихъ, но уже прошлыхъ лѣтъ, совершенно невозможно. Преосвященный Аркадій, разбиравшій это дѣло и дѣйствовавшій „хитро, тонко и съ искусствомъ опытнаго дѣльца“ (Сборникъ Императ. Русскаго Ист. Общ., т. 113, стран. 151. Спб. 1902 г.), во всемъ обвиняетъ епископа Варлаама. Онъ указываетъ и на то, что преосвященный Варлаамъ не сдѣлалъ должныхъ распоряженій по епархіи, не держался порядка сношеній съ военнымъ губернаторомъ, указаннаго Синодомъ, требованія свои къ гражданскому начальству доводилъ до чрезмѣрности, не сохранялъ военной тайны и проч. и проч. Есть даже обвиненіе нашего архипастыря въ томъ, что онъ дѣлалъ

наставленія духовенству и паствѣ нравственнаго характера (см. в.) безъ сношенія съ главнымъ начальникомъ края...

Совершенно иной отзывъ объ этомъ дѣлѣ далъ, нынѣ уже скончавшійся о. протоіерей Т—ъ, сослуживецъ преосвящ. Варлаама, его ближайшій сотрудникъ по епархіальнымъ дѣламъ. „Правъ, тысячу разъ правъ былъ, говорилъ намъ своеобразнымъ языкомъ почтенный старецъ, преосвящ. Варлаамъ. За истину стоялъ онъ, за нее же едва не погибъ. Ревнивый къ церкви Божіей, онъ былъ и не было лести въ его устахъ... Плохо велъ себя Аркадій, некакъ пастырь истинный... Врагъ (въ лицѣ Бойля) прельстилъ его, грѣхъ взялъ онъ на душу“... „Охъ, грѣхи, грѣхи, много грѣховъ“ закончилъ старецъ свою рѣчь и заплакалъ... Намъ не хотѣлось тогда, не хочется и теперь, когда вспоминаемъ слова почившаго старца, вѣрить, что онъ говорилъ пристрастно — до того искренно были они произнесены... а слезы—слезы 80 лѣтняго старца о своемъ бывшемъ, очевидно, уважаемомъ и свергнутомъ несправедливо врагами, начальникѣ... Неужели можно не вѣрить и имъ?!.

То обстоятельство, что преосвящ. Варлаамъ, послѣ личнаго доклада о своемъ дѣлѣ государю императору Николаю первому, былъ совершенно имъ оправданъ, а рапортъ преосвящ. Аркадія положенъ Синодомъ подъ сукно, говорятъ, кажется, намъ также за правдивость словъ о. протоіерея Т—а, слѣдовательно — и преосвящ. Варлаама...

С. Артоболевскій.

Эпиграммы и эпитафіи И. А. Крылова.

Мнѣ приходилось говорить о рукописяхъ И. А. Крылова, найденныхъ среди бумагъ А. Н. Оленина. Я указывалъ, что въ нихъ есть нѣсколько произведеній нашего баснописца, еще ненапечатанныхъ, какъ напр., шуточныя басни [1]). Но послѣдними не исчерпывается ненапечатанный матеріалъ. Среди оленинскихъ рукописей есть нѣсколько мелкихъ стихотвореній Крылова—эпитафій и эпиграммъ, также до сихъ поръ не появлявшихся въ печати. Это двустишія и четырехстишія, съ очень небольшимъ литературнымъ значеніемъ. Большинство изъ нихъ, какъ и напечатанныя раньше басни, принадлежатъ къ категоріи шуточныхъ произведеній. Относительно нѣкоторыхъ эпиграммъ трудно и даже почти невозможно сказать, на кого онѣ написаны. Не щадилъ въ эпиграммахъ Иванъ Андреевичъ и себя. Общеизвѣстная, колоссальная лѣнь и не менѣе общеизвѣстная тучность баснописца и для него самого служили мишенью для шутокъ,—шутокъ, конечно, добродушныхъ, не задѣвавшихъ его самолюбія.

Большій интересъ изъ данныхъ эпиграммъ и эпитафій имѣютъ, конечно, тѣ, въ которыхъ Крыловъ касается дѣятелей достопамятнаго 1812 года,—въ особенности Наполеона. Русская художественная литература съ самаго начала возвышенія Наполеона стала къ нему въ недружелюбныя отношенія. Начало такому направленію литературы было положено еще „пѣвцомъ Фелицы“—Державинымъ, въ стихотвореніи „На новый 1798 годъ“ [2]). Чѣмъ дальше, тѣмъ страсти все болѣе разгорались. Особенно ярко антинаполеоновское направленіе въ литературѣ сказалось съ 1804 года: пресса старалась иронизировать надъ Наполеономъ [3]); наши журналы не только не признавали за

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 года, мартъ, стран. 553—556.

[2]) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Грота. 2-е академическое изданіе, Спб. 1869 г., т. II, стран. 22—23.

[3]) Н. К. Грунскій „Наполеонъ I въ русской художественной литературѣ“, „Русскій Филол. Вѣстникъ“ за 1899 г. Цитирую по отдѣльному оттиску, стран. 11.

Наполеономъ какихъ-либо достоинствъ, но энергично старались заклеймить всякую попытку къ его восхваленію [1]); изыскивались всѣ мѣры, чтобы представить Наполеона въ самыхъ мрачныхъ краскахъ [2]); въ нашей литературѣ того періода утвердились за Наполеономъ названія: клеветника, льстеца, самохвала, тирана, упивающагося кровію людей [3]). Это направленіе, то ослабѣвая, то усиливаясь, продолжалось почти до смерти Наполеона. Новое поколѣніе, новыя литературныя силы относились къ Наполеону уже не такъ жестоко; настало время (съ 1820-хъ годовъ) болѣе спокойной, болѣе безпристрастной оцѣнки дѣятельности и личности французскаго императора. Начало новому взгляду и новому направленію было положено отчасти В. А. Жуковскимъ и, главнымъ образомъ, А. С. Пушкинымъ. Что касается Крылова, то онъ въ общемъ ходѣ наполеоновской литературы занимаетъ какъ бы особое мѣсто. По тому, что имъ было высказано въ басняхъ, онъ не можетъ быть причисленъ ни къ тому, ни къ другому направленію. Въ его произведеніяхъ,—говоритъ изслѣдователь нашей литературы о Наполеонѣ,—подъ аллегорическимъ покровомъ была всегда прекрасная оцѣнка текущихъ событій и явленій. Крыловъ, хотя иронизировалъ надъ нѣкоторыми, какъ того требовали современныя условія, но, въ противоположность Растопчину и К°, никогда не выходилъ изъ своего философскаго спокойствія и не былъ жестокъ до слѣпоты [4]). Если судить объ отношеніяхъ къ Наполеону Крылова по его баснямъ, въ которыхъ онъ касался Наполеона [5]), то, дѣйствительно, нельзя съ этимъ мнѣніемъ не согласиться. Крыловъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ былъ очень остороженъ на словахъ, исключая изъ нихъ все, что такъ или иначе могло быть принято за намекъ на извѣстную личность [6]); но картина совершенно мѣняется, когда мы прочтемъ его эпитафію и эпиграмму на Наполеона. Объ объективности баснописца здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи. Отрицательный взглядъ на Наполеона развитъ до крайнихъ предѣловъ. Наполеонъ—узурпаторъ престола, врагъ Бога и человѣчества, обагрившій кровію полъ-свѣта и разорившій всѣ состоянія. Этого мало. Крыловъ въ своемъ отрицательномъ взглядѣ пошелъ даже дальше „боевыхъ поэтовъ 1812 года“ въ родѣ Растопчина. Онъ бросаетъ тѣнь на самое рожденіе Наполеона и на

[1]) Ibid., стран. 13.
[2]) Ibid., стран. 14.
[3]) Ibid., стран. 13.
[4]) Ibid., стран. 45.
[5]) Басни: Волкъ на псарнѣ, Двѣ бочки, Ворона и курица.
[6]) Крыловъ даже ни разу не употребилъ имени Наполеона. Исключеніемъ является первоначальная редакція басни „Клеветникъ и змѣя“. См. Кеневичъ, библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ И. А. Крылова, стран. 132—133.

нравственную чистоту его матери: Наполеонъ является приплодомъ любви Марбёфовой съ Летиціей.

Печатаемыя эпитафіи и эпиграммы (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ) написаны всѣ на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги, наклеенныхъ на двухъ листахъ, по четыре на каждомъ. На одномъ листѣ помѣщены: 1) Игнашку чтобъ зарыть... 2) Общая надгробная; 3) Здѣсь бѣдная на вѣкъ... 4) Ѣстъ Ѳедька... На другомъ: 1) Для добраго Крылова... 2) Убогій этотъ домъ... 3) Нѣмецкая эпиграмма [1]); 4) Любви Марбефовой.

Кромѣ того, еще два небольшихъ стихотворенія—эпитафія Наполеону и эпиграмма на французскаго маршала Нея,—написаны непосредственно послѣ басни „Обозъ“ на томъ же листѣ.

I.

Игнашку чтобъ зарыть, немного хлопотали:
Покрыли фартукомъ и пудрой заметали.
А чтобы знали всѣ, кого сразилъ здѣсь рокъ,
То въ кучу пудрину воткнули гребешокъ [2]).

II.

Общая надгробная.

Прохожій, посмотри:—вотъ, у сего пригорка
Лѣнивецъ схороненъ, а подлѣ тараторка [3]).

III.

Здѣсь бѣдная на вѣкъ сокрыта тараторка— [4])
Скончалась отъ насморка.

IV.

Ѣстъ Ѳедька съ водкой рѣдьку.
Ѣстъ водка съ рѣдькой Ѳедьку [5]).

---

[1]) Нѣмецкую эпиграмму, какъ не принадлежащую Крылову, мы не печатаемъ. Она написана на донесеніе графа Витгенштейна о его побѣдѣ надъ Викторомъ при Березинѣ. Крыловъ, какъ видно изъ приписки, перевелъ эту эпиграмму, но переводъ не сохранился.

[2]) Подъ этой эпитафіей была нарисована Крыловымъ и иллюстрація къ ней—высокій, худой человѣкъ лежитъ, засыпанный кучей пудры, видны лишь голова и ноги. Въ кучу воткнутъ гребешокъ.

[3]) Рукою В. А. Олениной съ боковъ этой надгробной помѣчено: лѣнивецъ—И. А. Крыловъ; тараторка—М. П. Сумарокова. (О ней см. въ дополнит. біограф. извѣстіи о Крыловѣ. Я. К. Грота. Сборникъ статей, читан. въ отд. русск. яз. и словесности, т. VI, стран. 29—41.

[4]) М. П. Сумарокова.

[5]) Внизу подписано: „Пріютино, 16-го августа 1825 г. Составлено и написано для шутки И. А. Крыловымъ“.

V.

Для добраго Крылова [1])
Потребенъ камень намъ не менѣе Петрова [2]),
И снизу положить—не сверху—монументъ,
Но ахъ! Кулибина ужъ нѣтъ!

VI.

Убогій этотъ домъ Василій Климычъ Зловъ
Съ большимъ раченьемъ
Своимъ построилъ пждивеньемъ,
И пищіе въ дому его же всѣ трудовъ [3]).

VII.

Любви Марбёфовой съ Летиціей приплодъ [4])
Досель былъ Геростратъ, сталъ нынѣ скороходъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ, русскую страну Господь спасая,
Кутузовымъ смѣнить благоволилъ Барклая...
А чтобы русскій носъ не слишкомъ поднималъ,
Богъ адмирала [5]) далъ.

VIII.

Эпитафія.

Подъ камнемъ симъ лежитъ прегнусный корсиканецъ,
Врагъ человѣчества, врагъ Бога, самозванецъ,
Который кровію полсвѣта обагрилъ,
Всѣ состоянія разстроилъ, разорилъ,
А наконецъ и самъ для смертныхъ всѣхъ въ отраду
Открылъ себѣ онъ путь черезъ Россію къ аду.

IX.

Эпиграмма.

Французскій маршалъ Ней
Въ Можайскѣ принцемъ возвеличенъ.
И прежде былъ Можайскъ отмѣченъ
Породою свиней.

Сообщилъ **Л. Ильинскій.**

---

[1]) Первоначально: „Чтобы покрыть Крылова“.

[2]) Камень подъ монументомъ Петра Великаго въ Петербургѣ.

[3]) Вверху, надъ этой эпиграммой, рукою В. А. Оленпной написано: „Крыловымъ переведено то же, что на слѣдующемъ листѣ“. Надпись темная и, едва ли, она попала по назначенію. По всей вѣроятности, ее нужно отнести къ какой-нибудь другой эпиграммѣ, можетъ быть, утерянной. То, что на слѣдующемъ листѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, по содержанію совершенно не соотвѣтствуетъ данной эпиграммѣ. Съ другой стороны, содержаніе нѣмецкой эпиграммы не соотвѣтствуетъ ни одной изъ данныхъ. Нумеръ, стоящій надъ второй изъ приведенныхъ эпиграммъ (см. примѣчаніе), говоритъ за то, что было еще нѣсколько. Надпись, по всей вѣроятности, и относилась къ одной изъ утерянныхъ.

[4]) Маркизъ Марбефъ—губернаторъ Корсики, жившій въ домѣ Карла Бонапарта въ Аяччіо. Летиція—мать Наполеона.

[5]) Адмиралъ Чичаговъ.

„Медальщики“.

Эпизодъ изъ аграрныхъ движеній.

I.

Послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля 1861 года, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили безпорядки или вслѣдствіе неправильнаго пониманія манифеста или вслѣдствіе разочарованія въ ожиданіяхъ, которыя были порождены предстоявшимъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Отголоски этихъ событій неожиданно проявились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ совершенно нельзя было ожидать и гдѣ крѣпостныхъ не было. Мы имѣемъ въ виду событія, извѣстныя подъ именемъ движенія „медальщиковъ“, въ Маракулинской волости, Слободскаго уѣзда, Вятской губерніи. Тамъ никогда крѣпостныхъ крестьянъ не было, а только государственные. Волость находится въ сѣверной части Слободскаго уѣзда. Большая часть занята казенными лѣсами. Крестьяне хотя занимаются землепашествомъ, но хлѣбъ родится плохо, земля худаго качества и около лѣсовъ озими часто вымокаютъ. Большинству крестьянъ никогда не доставало своего хлѣба и многимъ приходилось заботиться о заработкахъ. Нѣкоторые работали въ лѣсахъ, но большинство маракулинцевъ, или „мулинцевъ“, какъ ихъ обыкновенно называютъ по приходскому ихъ селу Мулину, куда они приходомъ, издавна привыкло къ выжиганію угля въ горныхъ заводахъ Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ. Обыкновенно послѣ окончанія полевыхъ работъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ „мулинцы“ отправляются цѣлыми толпами въ Климковскій, Кирсинскій и Песковскій заводы на работу; ихъ можно отличить по костюму: всѣ обшиваютъ верхнюю одежду бѣлымъ холстомъ, какъ вотяки или черемисы, хотя среди „мулинцевъ“ нѣтъ инородцевъ. Изъ каждой семьи идутъ по нѣсколько взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, а дома остаются только тѣ, кому нельзя отлучиться по нездоровью и дряхлости, а также женщины, имѣющія малолѣтнихъ дѣтей. Нѣсколько разъ въ теченіе рабочаго періода приходятъ „му-

линцы“ домой: къ 8-му ноября, къ Рождеству, масляной, Пасхѣ; совсѣмъ возвращаются они къ весеннему посѣву. Каждая семья заработываетъ средствъ на содержаніе на весь годъ и на уплату податей. Если бы не эти заработки, то невозможно было бы существовать одною землею, которая родитъ плохо и не окупаетъ податей. Какъ часто бываетъ, живущіе въ лѣсахъ крестьяне отличаются особенною неразвитостью; маракулинскіе крестьяне также малоразвиты. Въ особенности были они такими въ шестидесятыхъ годахъ, когда школъ не было и населеніе поголовно было безграмотно. Очень естественно, что въ такой средѣ самыя нелѣпые разсказы принимались на вѣру.

II.

11-го октября 1867 года, за № 1729, слободской исправникъ сообщилъ Маракулинскому волостному правленію, что вятскій губернаторъ, признавъ нужнымъ состоявшаго въ г. Яранскѣ подъ надзоромъ полиціи крестьянина Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, села Бездны, Петра Чегодаева перевесть подъ надзоръ полиціи въ Слободской уѣздъ и, назначивъ мѣстомъ жительства его Маракулинскую волость, предписалъ исправнику, по прибытіи Чегодаева, водворить его въ одномъ изъ селеній, отдавъ подъ строгій надзоръ волостнаго старшины; вслѣдствіе чего, препровождая Чегодаева, исправникъ предписывалъ правленію распорядиться о помѣщеніи Чегодаева въ такое селеніе, въ которомъ у зажиточныхъ крестьянъ могъ бы онъ, посредствомъ заработковъ, имѣть средства къ жизни. Чегодаевъ былъ уже тогда старикъ; поселили его въ дер. Маракулинской, гдѣ было нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ. Чегодаевъ былъ сосланъ за участіе въ извѣстныхъ Бездненскихъ безпорядкахъ, которые пришлось усмирять войсками. Вскорѣ послѣ Чегодаева въ Маракулинскую волость прислали подъ надзоръ полиціи еще крестьянъ Симбирской губерніи, Карсунскаго уѣзда, села Манырова, Степана Ѳедорова и Ивана Анисимова Смолиныхъ. Они были сосланы за безпорядки, произведенные вмѣстѣ съ односельцами въ удѣльномъ имѣніи при взысканіи выкупныхъ платежей. Смолинымъ также назначили жить въ дер. Маракулинской, при чемъ Иванъ Смолинъ поселился на квартирѣ у вдовы Натальи Варѳоломеевой Сычевой, съ которою вскорѣ вступилъ въ любовную связь. У Сычевой былъ сынъ Дмитрій 18 лѣтъ, съ которымъ Смолинъ скоро подружился и сталъ ему проповѣдывать, что не нужно обработывать землю, скоро пріѣдутъ чиновники и тѣхъ, кто обработываетъ землю, заставятъ выкупать ее за большія деньги, срокъ на выкупъ назначатъ два-три года; не выкупившихъ будутъ

бить кнутомъ; а кто не обработываетъ землю, того выкупать не заставятъ и податей платить не будутъ. Если станешь заниматься землей, то будешь не царскій, а министерскій; государь не будетъ надъ тобою властвовать, а отдастъ министру; бери только одну одворицу. Если же чиновники станутъ заставлять брать землю и будутъ пороть розгами, то надо купить медаль, изданную въ память тысячелѣтія Россіи, и показать чиновникамъ, тогда не станутъ наказывать; эта медаль избавляетъ отъ тѣлеснаго наказанія.

Слова Ивана Смолина подтверждали Степанъ Смолинъ и Чегодаевъ. Проповѣдь произвела сильное впечатлѣніе на Сычева, и онъ сдѣлался усерднымъ послѣдователемъ новыхъ пророковъ. Сычевъ старался знакомить Чегодаева и Смолиныхъ съ крестьянами, устраивались тайныя собранія, куда пріѣзжали нѣкоторые, закрывшись пологами, чтобы избѣжать встрѣчъ со знакомыми и разспросовъ. Когда набралось нѣсколько послѣдователей, то трое: Дмитрій Сычевъ, Матвѣй Исуповъ и Егоръ Рычковъ отправились въ Петербургъ и купили кошель вышепомянутыхъ медалей, штукъ сорокъ-пятьдесятъ. Покупку произвели въ улицѣ у Пяти угловъ, въ третьемъ этажѣ какого-то дома, гдѣ чеканили медали. Получивши медали, крестьяне не стали обработывать землю и отказывались платить подати. Начальство, конечно, встревожилось. Начались экзекуціи. Становой приставъ сталъ чаще собирать волостной судъ, и послѣдній усердно приговаривалъ къ розгамъ, такъ напримѣръ крестьянинъ Данилъ Дементьевъ Исуповъ въ 1868 году въ теченіе только двѣнадцати дней по рѣшеніямъ суда былъ наказанъ три раза: 12-го декабря 20-ью, 21-го декабря 20-ью и 24-го декабря 18-ью ударами. Когда сѣкли, то медали клали въ головы. Послѣ экзекуцій многіе одумались и принялись за обработку земли. Однако къ 1-му января 1874 года медальщиковъ оставалось еще 90 душъ, за которыми накопилось недоимки 3.315 руб. 3 коп., при чемъ за нѣкоторыми дворами было по 200 руб. По обнаруженіи дурнаго вліянія Чегодаева и Смолиныхъ, ихъ удалили изъ Маракулинской волости, а Дмитрій Сычевъ въ 1869 году скрылся неизвѣстно куда; о розыскѣ его дѣлались публикаціи, но онъ такъ и остался нерозысканнымъ. Говорили потомъ, что видѣли его въ Сибири вмѣстѣ съ сосланными туда Чегодаевымъ и Смолиными. Относительно нѣкоторыхъ медельщиковъ экзекуціи не достигли цѣли, и они упорно отказывались обработывать землю и платить подати. Поэтому 20-го февраля 1874 года Маракулинское сельское общество постановило приговоръ, изъ котораго видно, что крестьяне „Рычковъ 57 лѣтъ, Олинъ 41 года, Исуповъ 25 лѣтъ и Сычевъ 59 лѣтъ, несмотря на многократныя требованія, подати и недоимку прежнихъ лѣтъ нисколько не уплачивали, такъ что всей недоимки съ окладомъ 1874 года состояло

за ними 669 руб. 32 коп. Маракулинское сельское общество находило, что эти крестьяне, называя себя медальщиками по невнятію изданной за тысячелѣтіе Россіи медали, допустили накопленіе недоимки не по какимъ-либо несчастнымъ случаямъ, а собственно отъ лѣности и праздношатательности, а тѣмъ болѣе и чрезъ подстрекательство къ общему благу мнимаго толкованія о изданной за тысячелѣтіе народной медали. Къ уплатѣ этими крестьянами недоимки сельскій сходъ и волостной судъ принимали мѣры. Именно: Рычковъ въ 1872 году былъ наказанъ 11 ударами розогъ и кромѣ того было обращено въ продажу съ торговъ его имѣніе. По отношенію къ Олину никакихъ мѣръ „по уклончивости его и частовременныхъ самовольныхъ отлучкахъ изъ жительства“ не было принято. Исуповъ былъ наказанъ розгами: въ декабрѣ 1868 г. три раза 20 ударами, затѣмъ еще 20-ю, и 18-ю, въ февралѣ 1870 г. 20-ю ударами и въ мартѣ того же года 18-ю ударами. Сычевъ въ маѣ 1868 г. былъ наказанъ 10-ю ударами розогъ. Но мѣры эти для нихъ остались тщетными, и Маракулинское общество, „съ общаго и никѣмъ непринужденнаго согласія“ приговорило „въ страхъ и примѣръ прочимъ“ принять еще исправительную мѣру, именно: за преклонностію лѣтъ крестьянина Рычкова—сына его Ѳедора 33 (лѣтъ), крестьянъ Олина и Исупова и за преклонностію лѣтъ крестьянина Сычева—сына его Петра (29 лѣтъ), за неплатежъ податей и недоимки, отдать въ арестантское отдѣленіе на 6 мѣсяцевъ, такъ какъ они недостатковъ тѣлесныхъ къ труду не имѣютъ. Расходы на сопровожденіе этихъ крестьянъ къ мѣсту назначенія сельское общество принимало на себя, заимствуя ихъ изъ мірскаго капитала, „но съ тѣмъ, чтобы заработанная ими сумма, кромѣ требуемаго ими на содержаніе количества, была обращаема въ волостное правленіе на пополненіе позаимствованныхъ изъ мірскаго капитала на сопровожденіе ихъ и на уплату податей недоимки. Въ случаѣ если и эта мѣра не имѣла бы успѣха, то общество оставляло за собою право составить новый приговоръ о ссылкѣ вышеозначенныхъ крестьянъ, съ ихъ семействами, въ Сибирь. Мировой посредникъ Трапицынъ, въ маѣ 1874 года, возвратилъ этотъ приговоръ Маракулинскому обществу для исправленія и пересоставленія; между прочимъ онъ писалъ, что если общество будетъ согласно выслать медальщиковъ въ Сибирь на свой счетъ, то объ этомъ постановило бы приговоръ. Согласно указаніямъ Трапицына тремя сельскими обществами были составлены соотвѣтствующіе приговоры, и 32 человѣка „медальщиковъ“ въ концѣ 1875 года были сосланы въ Сибирь на поселеніе.

Н. Шубинъ.

Докладъ генералъ-аудиторіата по дѣлу о князѣ Горчаковѣ 2-омъ.

(1809 г.).

На докладъ 18-го сентября 1809 г. положена собственноручная резолюція императоромъ Александромъ I: „быть по мнѣнію генералъ-аудиторіата".

Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ 2-ой сужденъ арестованный и по суду оказалось:

Въ именныхъ высочайшихъ вашего императорскаго величества указахъ, данныхъ минувшаго іюля въ 8-й день генералъ-главнокомандующему князю Голицыну и литовскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову, изображено: въ первомъ, генералу князю Голицыну:—„изъ доставленной вами копіи съ отвѣта генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2-го на письмо, имъ полученное отъ эрцъ-герцога Фердинанда, видѣли вы собственное его выраженіе весьма ясное насчетъ желанія его о соединеніи войскъ нашихъ съ австрійскими, когда не только по всѣмъ существующимъ законамъ, но и по общему разсужденію всякому служащему генералу невозможно никогда позволить себѣ сдѣлать болѣе инаго отвѣта въ подобныхъ случаяхъ къ чиновнику иностранной державы, какъ увѣдомить о полученіи извѣстія, при томъ, что оное представлено отъ него подлинникомъ къ высшему начальству. Считая сей проступокъ изъ важнѣйшихъ противу порядка службы, предписываю вамъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2-го, арестовавъ, отправить въ Вильну къ литовскому военному губернатору генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову, коему дано повелѣніе: судить его военнымъ судомъ". Во второмъ, генералу Голенищеву-Кутузову: „Военный министръ доставитъ вамъ всю переписку по случаю полученнаго генералъ-лейтенантомъ княземъ Горчаковымъ 2-мъ отъ эрцъ-герцога Фердинанда письма и сдѣланное имъ на оное, отвѣта котораго онъ безъ позволенія правительства

сдѣлать не могъ, кольми же паче въ смыслѣ изъявляющемъ ему свое желаніе на соединеніе съ корпусомъ ввѣренныхъ ему войскъ. По важности преступленія сего приказалъ я главнокомандующему арміею генералу-отъ-инфантеріи князю Голенищеву-Кутузову, арестовавъ его, отправить къ вамъ въ Вильну. А вамъ предписываю произвести надъ нимъ, генералъ-лейтенантомъ княземъ Горчаковымъ 2-мъ, военный судъ; назначая васъ въ семъ судѣ презусомъ, буду ожидать и скорѣйшаго оному окончанія".

А вслѣдъ сего упоминаемый военный министръ при отношеніи къ нему генералу и препроводилъ при особомъ реестрѣ бумаги, составляющія ту переписку; и при семъ изъяснялъ, что всевысочайше повелѣно присовокупить къ составу сего дѣла (для примѣра подсудимому) донесеніе на высочайшее имя генерала Римскаго-Корсакова отъ 10-го минувшаго марта, при коемъ представилъ онъ прямо вашему императорскому величеству полученное имъ также письмо отъ эрцъ-герцога Фердинанда, не дѣлавъ ему никакихъ на оное отвѣтовъ, которое донесеніе вмѣстѣ съ означеннымъ письмомъ въ копіи доставлено къ нему жъ, генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову, и пріобщено къ дѣлу; а между тѣмъ августа 1-го числа и генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ 2-й въ Вильну доставленъ арестованный.

Въ вышеупомянутыхъ же письмахъ, заключающихъ ту переписку, значится:

Въ письмѣ его королевскаго высочества эрцъ-герцога Фердинанда изъ Варшавы отъ 30-го апрѣля новаго стиля къ генералъ-лейтенанту князю Горчакову:

„Мой любезный князь! я пользуюсь случаемъ курьера, переѣзжающаго чрезъ Брестъ, дабы вамъ сообщить успѣхи, которые имѣли наши арміи въ Италіи и въ Германіи и которыхъ подробности вы найдете въ приложенныхъ при семъ бюллетеняхъ.

Знавъ вашъ образъ мыслей въ разсужденіи дѣла, которое есть дѣломъ цѣлой Европы и за которую русскія арміи сражались недавно столь храбро, я увѣренъ, что вы берете участіе въ приключеніяхъ, которыя, какъ и надѣюсь, будутъ имѣть вліяніе на общее мнѣніе правительствъ.

Я очень радъ находиться въ вашемъ сосѣдствѣ и искренно желаю видѣть наступленіе времени, въ которое бы наши храбрыя войска вновь могли соединиться на полѣ славы.

Примите, князь, удостовѣреніе почтенія, съ которымъ пребываю вамъ благосклонный Фердинандъ".

Въ письмѣ генералъ-лейтенанта князя Горчакова изъ Бреста отъ 21-го апрѣля (3-го мая) или 22-го апрѣля (4-го мая), адресованномъ его королевскому высочеству эрцъ-герцогу Фердинанду:

„Съ величайшею ревностью я поспѣшаю благодарить ваше императорское высочество за лестное письмо, которымъ меня почтить изволили, и поздравить васъ съ славными успѣхами, которые имѣла армія его императорскаго величества вашего августѣйшаго зятя, и въ особенности съ тѣми успѣхами, которые вы сами имѣли, еще и въ качествѣ моей собственной особы, осыпанной милостями его величества императора и его высочества палатина венгерскаго, я желаю (je fais des voeux) благополучія дому августѣйшему.

Желательно бы было, чтобы наши храбрыя войска были соединены на полѣ чести. Я желаю и ожидаю съ нетерпѣніемъ время, гдѣ я могъ бы присоединиться къ вашему высочеству съ корпусомъ, которымъ имѣю честь командовать.

Удостойте принять чувства высочайшаго уваженія и глубокаго почтенія, съ которымъ я честь имѣю быть вашего императорскаго высочества всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга князь Андрей Горчаковъ".

А въ рапортѣ онъ, князь Горчаковъ, при которомъ по высочайшей волѣ представилъ къ главнокомандующему арміею генералу-отъ-инфантеріи князю Голицыну упомянутыя письма, касательно содержанія письма своего къ эрцъ-герцогу Фердинанду изъяснялъ, что хотя онъ съ онаго копіи, какъ полагалъ въ то время сію переписку текущимъ дѣломъ, и не оставилъ, но помнитъ все то, что онъ писалъ, которое въ представленной отъ него выше сего изъясненной точно сходно съ оригиналомъ, и ежели бы случилось хотя и сличеніе, то нималѣйше не усумнится въ точномъ изъясненіи смысла, развѣ только чего не упомнитъ въ произношеніи словъ; но касательно смысла и образа мыслей удостовѣряетъ, что онѣ точно таковы, какъ и въ оригинальномъ; не упомянувъ единственно настоящаго числа его отвѣта, утвердительно онаго назначить не можетъ, а писанъ онъ былъ въ одно изъ двухъ чиселъ, выставленныхъ на представленномъ имъ отвѣтѣ. При чемъ еще пояснилъ, что въ оскорбленіи толико его утомившемъ, онъ съ духомъ своего патріотизма утвердительно основанъ въ томъ, что онъ изъ высочайшей воли ни на минуту даже мысленно не выходилъ, ссылаясь на всю 18-ю дивизію, въ его командѣ состоящую; что послѣ публикованнаго съ австрійцами разрыва, онъ именно внушалъ солдатамъ и вообще всякому военному чину, что толикою же славою оружіе вашего императорскаго величества возблистать должно надъ австрійцами, какъ и повсюду.

Въ коммиссіи жъ военнаго суда отвѣтствовалъ слѣдующее: что переписка его съ командующимъ австрійскимъ корпусомъ войскъ эрцъ-герцогомъ Фердинандомъ заключаетъ одинъ его отвѣтъ, на полученное имъ отъ него письмо; сей отвѣтъ рѣшился онъ написать, по-

*

тому что объ разрывѣ между Россіею и Австріею не было ему извѣстно, а посему и счелъ онъ за должную учтивость написать отвѣтъ къ особѣ, подданной такой державы, которая была дружественная Россіи; а что же долженъ онъ былъ тогда Австрію считать дружественною державою Россіи, то на сіе представилъ коммиссіи военнаго суда въ доказательство слѣдующее: письмо эрцъ-герцога получено 20-го, а отвѣтствіе его къ нему послано 21-го апрѣля нашего стиля; о прекращеніи же Россійской Имперіи съ Австріею дипломатическихъ сношеній объявлено въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ только 22-го того же апрѣля, изъ коихъ читалъ онъ о томъ въ Брестѣ-Литовскомъ двумя недѣлями того позже. Не донесъ онъ командѣ о полученіи вышеупомянутаго письма, потому что счелъ оное не оффиціальнымъ, а партикулярнымъ; какъ изъ дѣла видно, доставленіе его къ нему состоялось не съ нарочнымъ, но съ проѣзжающимъ курьеромъ. Что принадлежитъ до помѣщенія имъ словъ о нетерпѣливомъ ожиданіи времени присоединиться съ командою, ему ввѣренною, къ эрцъ-герцогу, то оное выраженіе помѣщено къ единственному привѣтствію, имѣя въ виду одно понятіе и одинъ смыслъ, что пишетъ отвѣтъ къ подданному дружественной державы Россіи, безъ всякаго умысла, который бы могъ относиться вреднымъ ко благу отечества и собственной его чести; въ доказательство того представилъ, что лишь узналъ онъ о прекращеніи дипломатическихъ отношеній съ Австріею и когда повелѣно было вступать въ австрійскіе предѣлы 18-й дивизіи, коей онъ имѣлъ честь тогда командовать, то дѣлалъ онъ внушенія солдатамъ и вообще всѣмъ воинскимъ чинамъ означенной дивизіи, къ подвигамъ противъ австрійцевъ, свойственнымъ россіянамъ, а симъ приводитъ къ удостовѣренію, что даже и мысленно ни на минуту не отходилъ отъ воли вашего императорскаго величества. Отъ императора австрійскаго получилъ онъ въ 1799 году, во время кампаніи россійскихъ войскъ соединенно съ австрійскими въ Италіи, орденъ Маріи Терезіи третьяго класса, а отъ его высочества палатина венгерскаго, благосклонные отзывы, лично въ Санктпетербургѣ въ томъ же году, и при проѣздѣ его чрезъ Москву въ 1803 году при маневрахъ. Кромѣ же вышеизъясненнаго письма его подобныхъ и никакихъ переписокъ не имѣлъ онъ и ни отъ кого отъ австрійскихъ подданныхъ не получалъ. Все вышеписанное объяснилъ онъ по самой сущей истинѣ и долгу чести.

Хотя жъ противу сего касательно ссылки его, князя Горчакова, на командуемую имъ дивизію коммиссія военнаго суда опредѣлила отнестись главнокомандующему арміею генералу-отъ-инфантеріи князю Голицыну, дабы приказалъ отобрать отъ генералъ-маіора графа Ламберта свѣдѣніе о говоренныхъ имъ словахъ, но какъ оная между

тѣмъ августа 27-го числа получила высочайшее повелѣніе, объявленное военнымъ министромъ на имя президента генерала-отъ-инфантеріи Голенищева-Кутузова, въ коемъ изображено: что ваше императорское величество, полагая, что, по производящемуся надъ генералъ-лейтенантомъ княземъ Горчаковымъ 2-мъ судному дѣлу не нужно имѣть никакихъ справокъ, высочайше повелѣть соизволили сообщить ему, генералу-отъ-инфантеріи, чтобы оное дѣло приведено было къ скорѣйшему окончанію, то, на основаніи онаго, коммиссія и заключила, не ожидая посланной къ главнокомандующему арміею справки, дѣло сіе окончить. Когда же оная получится, то отправленіе оной къ разсмотрѣнію въ генералъ-аудиторіатъ предоставить президенту сей коммиссіи, которая однакожъ еще не получена.

По истребованному отъ государственной военной коммиссіи по инспекторской экспедиціи формулярному списку значится: въ службу вступилъ онъ съ 1781 года и, проходя чинами по порядку, нынѣ же въ настоящемъ чинѣ съ 1800 года, въ походахъ и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ находился подъ начальствомъ покойнаго генералиссимуса князя италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, въ штрафахъ не бывалъ, за подвиги противу непріятеля имѣетъ ордена св. Александра Невскаго и св. Анны перваго класса, кои (какъ по отвѣтамъ его видно) украшены алмазами, св. Іоанна Іерусалимскаго; иностранные отъ австрійскаго императора, Маріи Терезіи 3 класса, отъ королей: сардинскаго—орденъ Маврикія и Лазаря первой степени, отъ баварскаго—орденъ св. Губерта и Золотаго Льва, прусскаго—орденъ Достоинствъ; отъ роду имѣетъ 30 лѣтъ.

Сентенція. Коммиссія военнаго суда, соображаясь со всѣми вышеписанными обстоятельствами, находитъ, что въ перепискѣ сей нѣтъ ни малѣйшаго умысла, клонящагося къ измѣнѣ, и что оная, дѣйствительно, сдѣлана прежде опубликованія о прекращеніи съ Австріею дипломатическихъ сношеній, какъ видно о семъ изъ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ въ № 33 отъ 22-го апрѣля мѣсяца; воинскаго жъ сухопутнаго устава въ 128 артикулѣ хотя сказано: „да не дерзаютъ о воинскихъ дѣлахъ, о войскѣ и крѣпости что писать, ниже съ другими корреспондовать“, но по словамъ толкованія, подъ симъ артикуломъ изображеннаго, относится къ случаю военныхъ дѣйствій, когда армія противу непріятеля, а вышеизъясненная переписка произошла въ мирное время, то сему закону подсудимый и не подвергается. Но въ томъ же уставѣ въ 10 главѣ, между прочимъ, изображено: „при арміи невольно что главнаго учинить безъ позволенія и ордера командующаго вышняго генерала“. Сей законъ преступилъ подсудимый, не донеся о семъ своему главнокомандующему; но на сей случай за-

конами какого именно наказаніе полагать не означается, то коммиссія руководствуется Морскаго устава книги 5-й 145-мъ артикуломъ, въ коемъ сказано: „всѣ преступленія, которыя учинятся такія, о коихъ въ артикулахъ точныхъ примѣровъ нѣтъ и такіе съ генеральной консиліи, какъ за благо изобрѣтено будетъ, вершить и наказывать". На основаніи чего присутствующіе мнѣніемъ своимъ согласно приговорили подсудимому генералъ-лейтенанту князю Горчакову 2-му, несмотря на значительность его чина за оплошность его въ разсужденіи переписки съ командующимъ австрійскими войсками и невмѣстныя въ письмѣ его выраженіи, кои отъ него произошли, хотя неумышленно и безъ вреднаго намѣренія, но въ противность воинскаго устава 10 главы, выше сего выписаннаго, наказать арестомъ на столько времени, сколько высочайше благоугодно будетъ, со внесеніемъ бытія подъ судомъ и арестомъ въ формулярной списокъ. Впрочемъ, предаетъ все сіе на высочайшее вашего императорскаго величества благосоизволеніе, а послѣ таковой оплошности надеженъ ли впредь подсудимый заступать при войскѣ мѣста, особой довѣренности требующія, разсуждать о семъ не есть дѣло коммиссіи.

Генералъ-аудиторіатъ по дѣлу сему заключаетъ, что отвѣтъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2-го на письмо, полученное имъ отъ командующаго австрійскимъ корпусомъ эрцъ-герцога Фердинанда, хотя и почтенъ партикулярнымъ, но генералу, а паче при войскахъ состоящему, ни въ какомъ случаѣ не дозволительно изъявлять свое желаніе самому собою на присоединеніе къ какой-либо сторонъ воюющихъ, для сего, что со стороны сей не долженъ смѣть никто оказывать свое произволеніе, ибо оное отъ одного только государя зависитъ. Впрочемъ, всякому генералу должно быть вѣдомо, что въ войскѣ подобныя симъ изъясненіямъ дѣла весьма воспрещаются. Относительно жъ того, что имъ сіе писано прежде опубликованія о прекращеніи съ Австріею дипломатическихъ сношеній, то какъ обѣ державы воюющія были тогда въ равномъ дружествѣ съ Россіею, слѣдовательно, и болѣе онъ не долженъ былъ писать, не только брать явно одного сторону противу другаго изъявленіемъ желанія быть присоединеннымъ, каковыя привѣтствія съ подобными выраженіями, хотя конечно и безъ всякаго умыслу, но однако жъ еще могутъ иногда имѣть невыгодныя вліянія на дѣла государственныя, а посему таковой отвѣтъ письмомъ его весьма противенъ, болѣе жъ еще тогда, когда ему извѣстно было и сіе: что держава, которая была въ войнѣ съ австрійцами, оная съ Россіею и въ дружбѣ и союзѣ. Почему и находитъ, сколько поступокъ его подсудимаго генералъ-лейтенанта небреженіемъ своей обязанности не приличенъ носимому имъ званію, равнымъ образомъ, видимо и не

исполненіе по воинскому уставу, гдѣ сказано: „ибо командующій высокій генералъ душѣ человѣческой въ тѣлѣ уподобляется; зане въ немъ безъ души ничто не двигнется, тако и при арміи не вольно, что главнаго учинить безъ повелѣнія и ордера командующаго вышняго генерала“. По каковымъ соображеніямъ, хотя военный судъ, по основанію Морскаго устава 5 книги 145 артикула приговорилъ его, князя Горчакова, съ генеральной консиліи, къ арестованію, сколько высочайше благоугодно будетъ, но по елику воинскаго 35 артикула въ толкованіи узаконено: „если же никакого наказанія въ указѣ противъ преступника не включено, но указъ безъ объявленія онаго токмо выданъ, то тогда поступаетъ судья въ наказаніи преступленія потому, какъ въ 27 и 28 артикулахъ упомянуто“. То на основаніи сего и полагаетъ, что онъ, князь Горчаковъ, подвергается къ написанію по разумѣнію онаго въ рядовые; но какъ въ изданныхъ правилахъ генералъ-аудиторіату въ 22 статьѣ узаконено: „Генералъ-аудиторіатъ, полагая мнѣніе къ наказанію преступившаго, не ослабляетъ силы закона, но, разсматривая причины, вовлекшія въ преступленіе умышленное или не умышленное, пріемлетъ во уваженіе прежнія заслуги, безупречную жизнь и доброе поведеніе, и, въ преступленіяхъ не столь важныхъ суровость наказанія согласно съ законами смягча, предоставляетъ участь подсудимаго милосердію императорскаго величества“. Руководствуясь симъ и пріемля во уваженіе прежнюю его, князя Горчакова, отличную службу, за которую всемилостивѣйше удостоенъ знаками разныхъ россійскихъ и иностранныхъ орденовъ и полученныхъ имъ въ сраженіяхъ ранъ, осмѣливается всеподданнѣйше представить: не благоугодно ли будетъ высочайше повелѣть: отставя его отъ всѣхъ службъ, никогда въ оныя не опредѣлять и запретить въѣздъ въ обѣ столицы. Впрочемъ предаетъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоизволеніе.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

По поводу „Записокъ стараго актера“.

Въ „Русской Старинѣ“ (январь и февраль с. г.) помѣщены „Записки стараго актера П. Р.“ о прошломъ императорскихъ Московскихъ театровъ. Въ нихъ авторъ говоритъ больше объ администраціи, но попутно кидаетъ замѣчанія о крупныхъ артистахъ и удѣляетъ значительное мѣсто характеристикѣ незабвеннаго артиста Ивана Васильевича Самарина, какъ человѣка и преподавателя. Для всѣхъ близко знавшихъ Ивана Васильевича и безпристрастныхъ людей, сказанное авторомъ является по меньшей мѣрѣ страннымъ, чего во имя простой справедливости рѣшительно нельзя оставить безъ возраженія. Очевидно память, во многомъ, измѣнила автору „Записокъ“, и онъ не продумалъ, не достаточно взвѣсилъ, что писалъ, иначе многаго бы не допустилъ.

Бываютъ періоды въ исторіи развитія общаго просвѣщенія, и въ частности искусства, такого значенія и цѣнности, что требуютъ особаго уваженія къ памяти причастныхъ имъ лицъ. Для насъ, русскихъ, таковы въ первомъ смыслѣ 40-е годы XIX вѣка и „Щепкинское время“ въ исторіи театра. И. В. Самаринъ, какъ талантъ и дѣятель, въ исторіи русскаго театра имѣетъ свое мѣсто и весьма крупное значеніе, чего не станетъ отвергать никто, знающій эту исторію (талантъ его отмѣтилъ еще Бѣлинскій). Какъ артистъ онъ воспитался въ школѣ М. С. Щепкина и былъ достойнѣйшимъ продолжателемъ его завѣтовъ, а какъ человѣкъ выросъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ извѣстнаго кружка „людей 40-хъ годовъ“ и съ многими изъ его членовъ былъ близокъ. А они не приближали къ себѣ людей безличныхъ, и близкое общеніе съ ними, образовывая умъ, вырабатывало взгляды опредѣленные. И въ своемъ дѣлѣ Иванъ Васильевичъ имѣлъ взгляды и сужденія опредѣленные и неизмѣнные, въ чемъ вѣроятно приходилось не разъ убѣждаться и автору „Записокъ“. Очень жаль, что авторъ такъ голословно укоряетъ Ивана Васильевича въ неимѣніи

своего мнѣнія (и не ясно, о чемъ собственно?) и въ преклоненіи передъ авторитетами. Если и преклонялся Иванъ Васильевичъ, то авторитетами для него были: Щепкинъ, Герценъ, Станкевичъ, Е. Коршъ, Бѣлинскій, Грановскій, Кетчеръ. А Николай Христофоровичъ Кетчеръ, цѣнившійся этими его современниками за трезвый, глубокій умъ, высокую честность и силу характера, былъ другомъ Самарина до смерти.

Разсказывая объ управленіи Московскими театрами Л. Ф. Львова (стран. 394 и 395), авторъ въ началѣ главы говоритъ, что къ Львову стали забѣгать „всѣ ловкіе люди“, пользоваться его добродушіемъ и довѣрчивостью и устроивать свои дѣлишки. А за тѣмъ немного дальше, въ этой же главѣ, сообщаетъ, что Львовъ, совѣтуясь о реформѣ школы преимущественно съ Иваномъ Васильевичемъ, назначилъ его учителемъ драматическаго класса съ содержаніемъ въ тысячу рублей въ годъ, и при этомъ авторъ отмѣчаетъ въ скобкахъ, что прежній учитель Дмитревскій получалъ триста рублей. Странный пріемъ сопоставленія двухъ этихъ цифръ безъ объясненій, изъ чего простой выводъ—указаніе на „ловкость“ и корыстность Ивана Васильевича.

Авторъ „Записокъ“ долго зналъ Ивана Васильевича, и самъ говоритъ, что потомъ былъ близокъ съ нимъ (подружился), служа въ консерваторіи, и, несомнѣнно, могъ хорошо знать и зналъ, сколь „ловокъ“ былъ Иванъ Васильевичъ въ устройствѣ жизненныхъ дѣлъ. Вотъ два дѣйствительныхъ факта.

На службѣ въ Императорскихъ театрахъ, чтобы получить пенсію опредѣленнаго размѣра, было правило, чтобы она была „записана“ въ этомъ размѣрѣ за три года до выслуги срока въ 20 лѣтъ, а Самаринъ, будучи на первомъ положеніи, неся весь репертуаръ своего амплуа, и забылъ объ этомъ; за два уже только года ему напомнилъ чиновникъ, что полной пенсіи онъ не получитъ, и только послѣ особыхъ, усиленныхъ хлопотъ пенсію по первому разряду Самарину опредѣлили. Въ 70-хъ годахъ Иванъ Васильевичъ ѣздилъ лѣтомъ на гастроли въ Озерки, подъ Петербургомъ, за условленный гонораръ, за 5—6 спектаклей, около полутора тысячъ рублей. Гастролей этихъ давно ожидали любители театра, много разъ просили Ивана Васильевича пріѣхать въ Петербургъ, и онъ имѣлъ, конечно, грандіозный успѣхъ. Первый выходъ его былъ въ „Фамусовѣ“. Самаринъ одѣвается и волнуется точно дебютантъ; выходитъ антрепренеръ и предлагаетъ получить за этотъ выходъ впередъ; Иванъ Васильевичъ проситъ отдать послѣ, — теперь онъ не можетъ-де этимъ заниматься. Послѣ же спектакля антрепренеръ уплатить забылъ; въ слѣдующіе вечера то же. Гастроли окончились. Самаринъ не получилъ ничего—просили подождать, вышлютъ. И чтобы вернуться въ Москву Иванъ

Васильевичъ на дорогу запялъ (едва-ли не у А. А. Потѣхина), а антрепренеръ такъ и не собрался выслать условленный гонораръ.

Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ совсѣмъ не обладалъ умѣньемъ устраивать практическія дѣла и мало о нихъ заботился.

Все это вѣроятно автору извѣстно. Не можетъ быть ему невѣдомо и то, какъ Иванъ Васильевичъ негласно помогалъ, и долгое время, даже семьямъ товарищей, и всегда отзывался на всякое обращеніе къ нему за помощью. И сколькихъ доброта Ивана Васильевича спасала и поддерживала въ трудные дни жизни!

Дальше авторъ упрекаетъ Ивана Васильевича (стран. 398) въ увлеченіяхъ и ошибкахъ какъ преподавателя, и, приводя лишь одинъ фактъ, категорически судитъ и утверждаетъ вообще, что Иванъ Васильевичъ дѣлалъ „рядъ непростительныхъ ошибокъ“. Болѣе или менѣе полной оцѣнки преподаванія Ивана Васильевича нѣтъ, указываются однѣ ошибки. Но вѣрности своихъ сужденій авторъ ничѣмъ не доказываетъ, а это нужно бы доказать, не ограничиваясь ироническимъ замѣчаніемъ объ одномъ фактѣ, что „талантъ не проявилъ и признака жизни“. Авторъ самъ занимался преподаваніемъ, знаетъ сущность и всѣ подробности театральнаго дѣла, и конечно хорошо понимаетъ, что „учитель“ не можетъ быть вообще отвѣтственъ за то, что таланты его учениковъ не проявили жизни. Учитель въ школѣ — не администраторъ театра. Театральная карьера обусловлена борьбой съ многочисленными практическими обстоятельствами и условіями, на что́ не у всякаго хватитъ умѣнья, характера, воли, да и здоровья. А это все не зависитъ отъ учителя.

Иванъ Васильевичъ, за короткое время работы въ театральной школѣ, воспиталъ такихъ артистовъ, какъ Г. Н. Ѳедотова и Н. А. Никулина,—заслуга, кажется, достаточная! И затѣмъ въ консерваторіи и частно, прямо и косвенно, образовалъ не мало полезныхъ дѣятелей сцены. Преподавательскій же авторитетъ Ивана Васильевича достаточно опредѣляется и такимъ фактомъ, что С. В. Шумскій свою дочь, для ученья и опредѣленія ея способностей, передалъ въ консерваторію Ивану Васильевичу. А надо знать и характеръ и высоту артистическаго авторитета самого С. В. Шумскаго!

Вотъ и о С. В. Шумскомъ, бросая краткую фразу, будто бы выражающую преклоненіе передъ нимъ, авторъ „Записокъ“ подробно сообщаетъ крайне неблаговидный фактъ. И ничего больше, никакихъ объясненій!? Если у автора, по его словамъ, „нѣтъ гражданской доблести“ говорить всю правду, чтобы убѣдить читателя, то должно быть мужество не порочить бездоказательно великое имя.

С. В. Шумскій и И. В. Самаринъ—это двѣ блестящія снѣговыя возвышенности въ небольшомъ сравнительно рядѣ великихъ вершинъ

на равнинѣ русскаго театра! Слава и гордость его прошлаго! Отъ людей, близко знавшихъ выдающихся артистовъ „Щепкинской эпохи“ Московскаго театра, хотѣлось бы воспоминаній болѣе опредѣленныхъ, безпристрастныхъ и справедливыхъ.

Въ натурѣ актеровъ, въ ихъ взаимоотношеніяхъ много страстности,—излишняго соревнованія, умаленіе безпристрастія, — когда они работаютъ на сценѣ, это свойства и особенность профессіи: живутъ въ своихъ твореніяхъ, пока творятъ, а опустился занавѣсъ — ничего осязательнаго не осталось. Но авторъ „Записокъ“, умудренный почтеннымъ возрастомъ и успокоенный жизнью на отдыхѣ, могъ бы уже побѣдить эти свойства и дать спокойную, справедливую оцѣнку видѣннаго и пережитаго. Да и показать примѣръ, что полезно вспоминать мудрые совѣты дѣдушки Крылова:

„Когда таланты судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно, и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты“.

И. В. Самаринъ былъ прекрасный сценическій педагогъ своего времени, но прежде всего актеръ-художникъ высокаго таланта, со всегда горѣвшей искрой священнаго огня! Все, что на сценѣ онъ предъ нами создавалъ, было всегда согрѣто глубокимъ чувствомъ, высоко-художественно, увлекательно и поразительно по жизненной правдѣ и силѣ! И за 50 лѣтъ служенія театру Иванъ Васильевичъ все росъ и поднимался въ высоту. Училъ и въ школѣ, и живымъ примѣромъ творчества на сценѣ! О немъ почему-то забыли многіе, кто ему былъ обязанъ въ началѣ своей, нынѣ блестящей, карьеры, а было бы справедливо вспомнить. Онъ былъ человѣкъ, и у него были недостатки, — натура артистическая, — увлекался, бывалъ вспыльчивъ, настойчивъ, но, успокоившись, самъ въ этомъ искренно сознавался и не упускалъ случая все загладить, примирить.

Да, многимъ лицамъ есть чѣмъ добрымъ вспомнить Ивана Васильевича Самарина.

Ив. Булдинъ.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Испанія XVIII вѣка [1]).

Состояніе Испаніи послѣ Утрехтскаго мира.—Испанское духовенство свѣтское и монашеское.—Духовныя процессіи.—Народныя суевѣрія.—Испанское дворянство.—Придворная жизнь испанскихъ королей.—Расточительность дворянъ.—Мадридъ въ XVIII вѣкѣ.—Бой быковъ.—Характеристика испанскаго народа.

Утрехтскій миръ, заключенный 11-го апрѣля 1713 г. и положившій конецъ войнѣ за испанское наслѣдство, имѣлъ въ дипломатической исторіи Европы не менѣе важное значеніе, какъ Вестфальскій миръ.

Король испанскій, Филиппъ V, послѣ двѣнадцатилѣтней геройской борьбы, былъ вынужденъ отказаться отъ значительной части своихъ владѣній въ пользу своихъ враговъ, которые, пользуясь внутренней слабостью Испаніи, заявили, по смерти бездѣтнаго Карла II († 1700 г.), притязанія на его наслѣдство, основываясь на своемъ родствѣ съ династіей испанскихъ Габсбурговъ.

По Утрехтскому миру Бельгія, Миланъ, Неаполь и Сардинія отошли къ Австріи; герцогъ Савойскій былъ признанъ королемъ Сициліи; Англія получила только о. Минорку и Гибралтаръ, но потеря этой крѣпости была самымъ тяжкимъ ударомъ, нанесеннымъ испанскому самолюбію.

Цѣною этихъ жертвъ Филиппъ V сохранилъ испанскую корону и колоніи въ Вестъ-Индіи.

Несмотря на столь крупныя потери, владѣнія испанскаго короля составляли еще обширнѣйшую монархію въ мірѣ; но численность ея населенія далеко не соотвѣтствовала ея протяженію.

Послѣ Утрехтскаго мира, численность населенія еще болѣе умень-

[1]) L'Espagne de l'ancien régime. G. Desdevises du Dezert. Paris. 1897.

шилась и благосостояніе его упало; обнищавшіе сельскіе жители устремились въ города.

Испанское правительство понимало, что уменьшеніе народонаселенія угрожало странѣ страшною опасностью и могло сдѣлаться источникомъ ея слабости; поэтому оно всячески боролось съ этимъ зломъ, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ мѣрамъ законодательнаго и полицейскаго характера.

Но законодательство бываетъ безсильно, когда ему приходится вступать въ борьбу съ нравами.

Одною изъ главныхъ причинъ быстраго уменьшенія народонаселенія было то обстоятельство, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ въ Испаніи заключалось менѣе всего браковъ. Приростъ населенія задерживался также страшными эпидеміями, которыя свирѣпствовали въ странѣ въ теченіе всего XVIII вѣка, плохими гигіеническими условіями, въ которыхъ жилъ народъ, и почти непрерывными войнами, которыя правительству пришлось вести, отстаивая цѣлость испанскихъ владѣній въ границахъ, установленныхъ Утрехтскимъ мирнымъ договоромъ.

Испанія, страна по преимуществу католическая, изобиловала церквами и монастырями. Католицизмъ составлялъ не только государственную, но, такъ сказать, народную религію Испаніи, внѣ которой для испанца не было спасенія. Поэтому церковь занимала тамъ всегда совершенно исключительное положеніе, и духовенство пользовалось преобладающимъ вліяніемъ и огромнымъ значеніемъ.

Но помимо весьма значительнаго числа свѣтскаго духовенства, коего насчитывали, въ исходѣ XVIII вѣка, до семидесяти слишкомъ тысячъ, въ Испаніи было 69 монашескихъ орденовъ и болѣе трехъ тысячъ монастырей, въ которыхъ обитало свыше 132 тыс. монашествующихъ лицъ обоего пола.

Въ самыхъ маленькихъ городахъ и даже мѣстечкахъ было по нѣсколько церквей; такъ, напр., въ Ольмедо, жалкомъ городишкѣ съ 2 тысячами жителей, было семь церквей и семь монастырей. Въ Валладолидѣ, съ населеніемъ въ 21 тыс., было 46 монастырей и 14 приходскихъ церквей. Монахи и монахини, коихъ насчитывали въ этомъ городѣ 1.258 чел., составляли болѣе двадцатой части его населенія. Въ Бургосѣ на 9 тысячъ жителей было 14 приходскихъ церквей, 22 мужскихъ монастыря, 20 женскихъ обителей, 7 скитовъ и т. д.

Въ самыхъ пустынныхъ уединенныхъ мѣстахъ, даже прямо въ полѣ, стояли часовни, гдѣ богослуженіе совершалось не регулярно, а только по большимъ праздникамъ, иной разъ даже не болѣе одного раза въ годъ; такихъ уединенныхъ маленькихъ церквей насчитывали слишкомъ 22 тысячи.

Доходы испанской церкви были столь значительны, что не существовало никакой соразмѣрности между богатымъ духовенствомъ и обнищавшимъ народомъ; но и среди духовенства доходы распредѣлялись крайно неравномѣрно, и между тѣмъ, какъ нѣкоторые прелаты были милліонеры, существовало множество несчастныхъ священниковъ, доходъ которыхъ былъ весьма ограниченъ, и которые считались самыми бѣдными людьми своего прихода.

По испанскимъ законамъ духовенство долгое время не имѣло права пріобрѣтать недвижимаго имущества; вообще, правительство стремилось законодательнымъ путемъ помѣшать накопленію богатствъ въ рукахъ духовенства и въ особенности монастырей. Начиная съ X и по XVI столѣтіе короли и кортесы принимали всевозможныя мѣры къ тому, чтобы плохо понятое благочестіе не явилось причиною разоренія народа; но это мудрое правило не соблюдалось. Въ самыхъ старинныхъ хроникахъ восхваляются короли, благодѣтельствовавшіе монастырямъ.

Самая настойчивость, съ какою кастильскіе кортесы запрещали духовенству пріобрѣтеніе недвижимаго имущества, доказываетъ, что эти пріобрѣтенія становились все болѣе и болѣе значительны.

Въ исходѣ XVI вѣка численность монастырей и доходы бѣлаго духовенства стали расти съ поразительной быстротою; а число испанскихъ монастырей въ теченіе 50 лѣтъ удвоилось.

О томъ, какъ велики были ихъ доходы, можно судить по оффиціальнымъ даннымъ, собраннымъ въ концѣ царствованія Карла III (около 1788 г.), согласно коимъ, духовенство владѣло въ то время въ двадцати двухъ провинціяхъ кастильской короны такимъ количествомъ недвижимаго имущества и скота, что его доходы исчислялись въ 359.806.000 реаловъ, въ то время, какъ общая цифра доходовъ Испаніи опредѣлялась въ 564.621.000 реалъ.

Въ число этихъ доходовъ входили суммы, которыя получались отъ требъ. Духовенство совершало ежегодно 13.433.186 обѣдень, что приносило ему 53.732.744 реала. Милліонъ крестинъ давали 15.000.000 реаловъ, 250.000 вѣнчаній приносили 7.500.000 реал., милліонъ похоронъ—60.000.000 реал. Похороны совершались съ такой роскошью, что покойникъ могъ бы прожить цѣлый годъ на тѣ деньги, которыя расходовались на его погребеніе.

Такимъ образомъ, испанское духовенство было однимъ изъ богатѣйшихъ; особенно колоссальны были доходы монастырей и монашествующихъ лицъ; между ними славился въ особенности своимъ богатствомъ архіепископъ Толедскій.

Хотя среди испанскаго духовенства было, въ XVIII вѣкѣ, нѣсколько выдающихся писателей и ученыхъ, но огромное большинство

духовныхъ лицъ было весьма мало образовано; ибо несмотря на существованіе въ странѣ университетовъ и довольно большаго числа семинарій вся система образованія была поставлена такъ неудовлетворительно, что не могла дать хорошихъ плодовъ.

Нѣсколько тощихъ латинскихъ книжечекъ, заученныхъ наизусть, но плохо понятыхъ и плохо усвоенныхъ, составляли весь запасъ знаній самыхъ ученыхъ духовныхъ лицъ тѣхъ изъ нихъ, которые прошли съ успѣхомъ курсъ семинаріи и университета; можно судить по этому, что знали остальные. Почти никто изъ нихъ не имѣлъ даже самыхъ смутныхъ понятій объ астрономіи, естественной исторіи, географіи, исторіи новѣйшихъ временъ.

Крайнимъ невѣжествомъ испанскаго духовенства, которое долгое время было ярымъ противникомъ всякаго прогресса, объясняется его суевѣріе и фанатизмъ, доходившіе до крайнихъ предѣловъ. Имъ же объясняется страшное безвкусіе, какимъ отличалось убранство церквей, и грубость, съ какою были обставлены религіозныя церемоніи, напоминавшія на порогѣ девятнадцатаго вѣка самыя грубыя средневѣковыя мистеріи.

Церковныя процессіи, которыя были для Испаніи настоящими національными празднествами, совершались по всякому поводу; ихъ устраивало каждое монашествующее братство. Особенно торжественно справлялся праздникъ Божьяго Тѣла, въ которомъ принимали участіе король и гранды. Городъ Барцелона истратилъ, напримѣръ, въ 1793 году на этотъ праздникъ 17.627 реаловъ.

Врожденная любовь испанцевъ къ театру побуждала духовенство придавать всякой церковной процессіи размѣры живописнаго театральнаго шествія. На носилкахъ несли деревянныя или картонныя раскрашенныя и роскошно разодѣтыя фигуры, изображавшія въѣздъ Іисуса въ Іерусалимъ, входъ во храмъ Богородицы, бѣгство въ Египетъ, Іисуса на Голгоѳѣ и т. п.

За носилками тянулась длинная вереница „кающихся“, которые били себя въ грудь въ знакъ покаянія. Возлѣ нихъ шли римскіе воины, назареяне въ своихъ длинныхъ одѣяніяхъ, которыя волочились по землѣ, пѣшія и конныя маски несли разныя изображенія, нарисованныя на холстѣ и картонѣ. На страстной недѣлѣ, возлѣ церквей выставлялись носилки съ изображеніемъ страстей Господнихъ, и онѣ тутъ же пояснялись священниками, которые драматизировали свой разсказъ елико возможно.

„Невольно кажется“, говоритъ одинъ французскій путешественникъ, будто они все видѣли и все слышали сами, такъ подробно описываютъ они наружность Ирода, Понтія Пилата, ликъ Пресвятой Дѣвы и т. д.

Въ Валенціи, въ день св. Викентія, воздвигался ежегодно на большой площади театръ, гдѣ, при помощи маріонетокъ, изображались чудеса, совершенныя этимъ святымъ. Въ 1779 г. изображалось воскрешеніе св. Викентіемъ ребенка, который былъ изрубленъ на куски.

Всѣ эти проявленія грубаго суевѣрія были естественнымъ послѣдствіемъ невѣжества и плохо понятой вѣры.

„Вѣра есть самая совершенная истина; человѣкъ не можетъ ничего прибавить къ ней и ничего убавить отъ нея. Поэтому слѣдуетъ остерегаться всякихъ новшествъ“ — таковъ былъ взглядъ испанскаго духовенства.

Сообразно съ этимъ, сочиненія французскихъ философовъ, распространившіяся въ исходѣ XVIII вѣка, долгое время считались въ Испаніи запретнымъ плодомъ и не допускались за Пиренеи, проникая туда только контрабандой. Руссо предупреждали, что онъ можетъ въѣхать въ Испанію не иначе, какъ отрекшись отъ своихъ сочиненій. На Вольтера смотрѣли какъ на какое-то чудовище, и его сторонниковъ считали самыми развратными, испорченными людьми, а ихъ сочиненія—безполезнымъ хламомъ. „Къ чему служатъ эти философскія кропотливыя измышленія, стремящіяся выдумать новаго Бога вмѣсто того, который явился на Синайской горѣ, былъ распятъ на Голгоѳѣ и сошелъ огненными языками на апостоловъ?“ говорили испанскіе духовные писатели.

Они проклинали не только сочиненія философовъ, но самый философскій духъ, господствовавшій во Франціи; и боялись его до такой степени, что даже духовныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ этой страны, подозрѣвали въ ереси. Французскіе священники, эмигрировавшіе въ Испанію во время Террора, были въ сильномъ подозрѣніи; ихъ заставляли произносить строгую присягу и назначали имъ опредѣленное мѣстожительство, при чемъ указывали, какимъ путемъ ѣхать туда; и въ случаѣ малѣйшаго отступленія отъ этихъ правилъ виновныхъ подвергали суровому наказанію. Пребываніе въ Мадридѣ имъ было воспрещено, ихъ распредѣляли небольшими группами по монастырямъ, гдѣ имъ предоставлялось право только служить обѣдни и исповѣдывать другъ друга, но запрещалось исповѣдывать испанцевъ, произносить проповѣди, учить дѣтей; за ними былъ учрежденъ самый обидный надзоръ, доходившій до шпіонства; испанское правительство считало своей обязанностью не только слѣдить за ихъ поведеніемъ, но даже за ихъ частными разговорами.

Въ странѣ, гдѣ человѣческая мысль была до такой степени порабощена, изъ наукъ могло развиваться нормально только одно богословіе, хотя нѣкоторыя духовныя лица и занимались исторіей, и писали историческія сочиненія, но они по большей части только записывали

факты, не умѣя ни сопоставить, ни освѣтить ихъ, ни указать причины, коими они были вызваны, ни самую зависимость фактовъ и вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Какъ видимъ, богословскій методъ примѣнялся и къ изученію исторіи, и вдобавокъ все, что было написано добрымъ католикомъ, считалось непреложной истиной.

Примѣромъ того, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходило суевѣріе, можетъ служить слѣдующій фактъ.

„Въ концѣ XVIII вѣка, жена одного крестьянина въ Вилларъ-дель-Агвила вообразила, что Іисусъ Христосъ воплотился въ ней и что она превратилась въ живую гостію (облатку, какія употребляются при причастіи въ католической церкви). Разсказу этой помѣшанной повѣрили не только крестьяне, но и сельскій священникъ, другой священникъ и два монаха, которые стали поклоняться ей: ее повели въ торжественной процессіи въ церковь, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, кадили ей какъ Святымъ дарамъ и повергались передъ нею ницъ; этотъ скандалъ прекратился только тогда, когда „святая“ и ея поклонники были задержаны“.

Можно было бы исписать цѣлые томы разсказами о подобныхъ чудесахъ, коимъ народъ слѣпо вѣрилъ.

Поклоненіе Іисусу породило въ испанскихъ монастыряхъ цѣлый идолопоклонническій культъ. У каждой монахини былъ свой „младенецъ Іисусъ“ изъ воска, съ которымъ она забавлялась какъ съ куклой, наряжала его то священникомъ, то ученымъ докторомъ съ традиціоннымъ парикомъ и тростью въ рукахъ, то же самое происходило и въ мужскихъ монастыряхъ. Въ одной изъ церквей г. Пампеллуны хранятся до сихъ поръ остатки такого, сдѣланнаго изъ воска „младенца Іисуса“, принадлежавшаго монаху Juan de Jesus San Joaquin который жилъ въ царствованіе Филиппа VI. Трудно себѣ представить, сколько чудесъ совершилось при посредствѣ этого младенца изъ воска.

Всѣ эти чудотворныя изображенія были далеки отъ совершенства, хотя между ними попадались иногда истинно художественныя произведенія; напримѣръ, въ музеѣ Святаго Креста (Santa Cruz) въ Валладолидѣ есть статуя Іуды; онъ сдѣланъ какъ живой съ такимъ звѣрскимъ выраженіемъ лица, что его нельзя было выставлять на показъ публикѣ, ибо, при видѣ его, толпа приходила въ ярость и готова была растерзать его. Но рядомъ съ художественными произведеніями скульптуры, въ томъ же музеѣ Santa Cruz находятся вещи прямо отвратительныя по своему безобразію. Въ одной нишѣ, напр., стоитъ Богородица: ея лицо обрамлено плоеннымъ кисейнымъ капюшономъ, широкая юбка напоминаетъ колоколъ, руки торчатъ по обѣ стороны туловища подобно обручамъ, снятымъ съ бочки. На животѣ у матери стоитъ младенецъ Іисусъ, на которомъ надѣты красные

чулки, короткіе штаны, куртка въ талью, длинный плащъ, открытый спереди, на головѣ корона, въ рукѣ скипетръ; надъ статуей устроенъ балдахинъ, болѣе узкій, нежели юбка Богоматери. Нельзя представить себѣ ничего смѣшнѣе и уродливѣе.

Монастырскій образъ жизни самъ по себѣ можетъ пошатнуть душевное равновѣсіе человѣка, а монахи, изнуренные постомъ и безсонницей, возбужденные молитвой, прибѣгали еще къ побочнымъ средствамъ, чтобы довести себя до умоизступленія. Они бичевали себя желѣзными цѣпями, надѣвали на лобъ терновые вѣнцы, носили огромный деревянный крестъ, длиною въ 6 футъ, который одинъ человѣкъ съ трудомъ могъ поднять и острые края котораго впивались въ тѣло,—спали въ гробахъ рядомъ со скелетами.

Загипнотизированные мыслью о смерти и спасеніи души, они представляли себѣ міръ огромнымъ торжищемъ, гдѣ дьяволъ излавливалъ себѣ жертвы. Видя во всемъ и вездѣ одинъ грѣхъ и козни злаго духа, они только и помышляли о борьбѣ, о наказаніяхъ, кострахъ и заражали народъ своимъ фанатизмомъ.

При такихъ взглядахъ женщина считалась, конечно, существомъ бѣсовскимъ, исчадіемъ ада, и духовенство увѣщевало истинныхъ сыновъ церкви не смотрѣть женщинѣ въ лицо, не говорить съ ней иначе, какъ прижимая къ груди крестъ, усаженный желѣзными остріями, чтобы побороть искушеніе физической болью.

Всѣ тѣ, коихъ подозрѣвали въ противодѣйствіи церкви или кои держали себя независимо по отношенію къ ней, изгонялись изъ Испаніи.

Франмасоны подвергались гоненію наравнѣ съ еретиками. На ихъ счетъ распространялись самыя нелѣпыя легенды.

Еще большимъ преслѣдованіямъ подвергались евреи. Ни одинъ еврей не могъ жить въ Испаніи безъ особаго разрѣшенія инквизиціи. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ не позволялось жить даже потомкамъ евреевъ, къ которымъ испанцы относились вообще съ презрѣніемъ.

Многіе испанскіе простолюдины считали ихъ какою-то особой породою людей „съ хвостами, на подобіе обезьянъ“.

На дурномъ счету были и французы, коихъ считали еретиками и атеистами; „относительно ихъ также распространялись самыя нелѣпыя басни, въ родѣ того, напримѣръ, что они ѣдятъ маленькихъ дѣтей“.

При существованіи подобныхъ взглядовъ весьма естественно, что французскія книги и идеи подвергались гоненію. Инквизиція публиковала время отъ времени списокъ запрещенныхъ книгъ. За книгопродавцами строго слѣдили и ихъ подвергали суровымъ карамъ за малѣйшее нарушеніе правилъ. Въ Валладолидѣ два книгопродавца

были приговорены въ 1799 году, за продажу запрещенныхъ книгъ, къ уплатѣ большаго штрафа и къ заточенію на два мѣсяца въ тюрьму; имъ было запрещено заниматься въ теченіе двухъ лѣтъ торговлею, и они были изгнаны на два года изъ Испаніи, съ запрещеніемъ, по пріѣздѣ обратно, жить въ окрестностяхъ Валладолида, Мадрида и прочихъ королевскихъ резиденцій.

Строгому наказанію подвергались также лица, читавшія запрещенныя книги. Въ 1726 году магистръ Кампилло былъ обвиненъ въ чтеніи книгъ, запрещенныхъ духовной цензурой, и едва избѣгнулъ наказанія; маркизъ де-Наррось, хваставшій тѣмъ, что онъ читалъ Руссо, Вольтера, Монтескье, Мирабо, Гольбаха, былъ приговоренъ инквизиціей къ секретному покаянію и не подвергся болѣе тяжкому наказанію только потому, что онъ былъ человѣкъ придворный. Обыкновенному смертному не избѣжать бы тюрьмы.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ всемогущества испанскаго духовенства служитъ исторія борьбы между церковью и государствомъ, которая продолжалась весь XVIII вѣкъ. Короли изъ дома Бурбоновъ опасались огромной власти, присвоенной себѣ церковью, и всячески старались ограничивать ея независимость и завладѣть хотя частью ея богатствъ, хотя они преслѣдовали эту цѣль съ удивительнымъ терпѣніемъ и настойчивостью, но имъ не удалось достигнуть ея въ теченіе цѣлаго вѣка.

Вводя въ Испанію инквизицію, Фердинандъ католикъ († 1516), разсчитывалъ имѣть въ ней послушное орудіе для достиженія своихъ цѣлей: упроченія государственнаго единства Испаніи и увеличенія государственныхъ доходовъ путемъ конфискаціи имущества осужденныхъ, но это грозное тайное судилище пріобрѣло весьма скоро огромное политическое значеніе и стало грозою для самихъ королей, которые трепетали передъ нимъ.

Результаты истребительной дѣятельности инквизиціи въ періодъ съ 1481 до 1498 года, т. е. всего за 17 лѣтъ, когда великимъ инквизиторомъ состоялъ Торквемада, выражаются слѣдующими цифрами: около 8.800 человѣкъ было сожжено на кострѣ, 90,000 человѣкъ подверглось конфискаціи имущества и церковнымъ наказаніямъ, кромѣ того, были сожжены изображенія, въ видѣ чучелъ или портретовъ, 6.500 человѣкъ, спасшихся отъ казни посредствомъ бѣгства или смерти.

Это повергло страну въ панику, такъ какъ жертвы, намѣченныя этимъ грознымъ трибуналомъ, не могли ускользнуть изъ его рукъ; ихъ не могло спасти ни высокое положеніе въ церкви и государствѣ, ни слава ученаго или художника; преслѣдованія, мотивомъ котораго, кромѣ религіознаго фанатизма и корыстолюбія, бывала нерѣдко лич-

ная месть инквизиторовъ, не избѣгали даже такія высокопоставленныя лица, какъ архіепископъ Карранси, кардиналъ Цезарь Борджіа и другъ.

Особенно гибельно было вліяніе инквизиціи на умственное развитіе Испаніи въ то время, когда ей удалось, вмѣстѣ съ іезуитскимъ орденомъ, захватить въ свои руки цензуру книгъ.

Въ XVII вѣкѣ число жертвъ инквизиціи стало постепенно уменьшаться и къ концу XVIII вѣка, когда восторжествовали идеи религіозной вѣротерпимости, она потеряла всякую силу и значеніе.

Съ восемнадцатымъ вѣкомъ окончилась также преобладающая роль аристократіи.

Нѣтъ народа въ мірѣ, который придавалъ больше значенія происхожденію, знатности рода и этикету, какъ испанцы.

Всякій испанецъ считалъ себя въ правѣ гордиться предками; это былъ предразсудокъ общій для всѣхъ; тѣ, кои не могли похвастать дворянствомъ, хвастались своей законнорожденностью (limpieza de sangre) или называли себя старыми христіанами (cristiano viejo), давая этимъ понять, что они происходили не отъ еврея и не отъ крещенаго мавра.

Простой дворянинъ назывался гидальго, т. е. человѣкъ, обладающій имуществомъ, но первоначальное значеніе этого слова давно забыто, отъ него сохранилось только понятіе, что гидальго живетъ своими средствами и не работаетъ; разорившись, онъ проситъ подаяніе, но считаетъ трудъ для себя унизительнымъ.

Привилегіи, коими пользовались издавна испанскіе дворяне, были безчисленны. Самый незначительный дворянчикъ изображалъ надъ дверьми своего дома гербъ, не терпѣлъ, чтобы въ разговорѣ съ нимъ опускали частичку „Донъ“, хвасталъ своими предками и связями. Кастильскіе титулованные дворяне пользовались правомъ имѣть у себя портретъ короля подъ балдахиномъ, являться въ торжественные дни ко двору и цѣловать королю и королевѣ руку.

Привилегіи, коими пользовались испанскіе гранды, соотвѣтствовали по своему разнообразію и блеску ихъ высокому положенію. „Король называлъ ихъ своими „кузенами“; папа разрѣшалъ имъ садиться въ своемъ присутствіи. Въ Мадридѣ они имѣли право впрягать въ экипажъ четверку лошадей или муловъ, а когда они шли пѣшкомъ, то ихъ сопровождало четверо слугъ съ факелами. Принимая гостей, они сидѣли на креслѣ подъ балдахиномъ, носили герцогскую корону, не имѣя герцогскаго титула, могли имѣть герольдмейстера и жезлоносцевъ. Когда грандъ пріѣзжалъ въ какой-нибудь гарнизонный городъ, то у его дверей должны были ставить роту солдатъ съ офицерами и знаменщикомъ. Жены грандовъ имѣли доступъ

въ покои королевы, которая вставала съ мѣста, чтобы привѣтствовать ихъ. Наконецъ, испанскій грандъ не могъ быть арестованъ иначе какъ по письменному повелѣнію короля и пользовался правомъ покрывать голову въ его присутствіи.

Право стоять передъ королемъ съ покрытой головою (el cubrirse) считалось грандами внѣшнимъ знакомъ ихъ достоинства, хотя этимъ пользовались также кардиналы, папскій нунцій, архіепископы, генералы Доминиканскаго и Францисканскаго орденовъ, посланники коронованныхъ особъ и кавалеры Золотаго руна.

Съ теченіемъ времени, когда гранды раздѣлились на три класса, сообразно съ этимъ соблюдались градаціи и въ пользованіи ими вышеупомянутыми прерогативами.

Грандамъ перваго класса король приказывалъ надѣть шляпу прежде, чѣмъ они начинали говорить съ нимъ; гранды втораго класса получали такое приказаніе уже послѣ того, какъ они заговорятъ, и выслушивали отвѣтъ короля съ покрытой головой; гранды третьяго класса могли покрыть голову, только уже выслушавъ отвѣтъ короля.

Но такъ какъ эти различія казались многимъ оскорбительными, то ихъ мало по малу перестали соблюдать, и гранды накрывались шляпой только послѣ того, какъ король произносилъ cubrios (накройтесь); этотъ знакъ отличія считался одною изъ ихъ наивысшихъ привилегій.

Гранды, принадлежавшіе къ стариннымъ фамиліямъ, говорили другъ другу ты, какъ братья.

Но титулъ даже въ Испаніи имѣлъ мало значенія, если онъ не совмѣщался съ богатствомъ. Благодаря феодальнымъ правамъ, маіоратамъ и придворнымъ должностямъ, дворянство сохранило кое-какія средства, и старшіе члены знатныхъ фамилій были гарантированы отъ разоренія.

Въ странѣ, гдѣ придавалось такое огромное значеніе знатности рода и богатству, дворъ былъ, разумѣется, окруженъ великолѣпіемъ, на первый взглядъ онъ дѣйствительно поражалъ богатствомъ и величіемъ.

Придворная жизнь слагается вездѣ соотвѣтственно вкусамъ короля. Онъ даетъ тонъ придворнымъ. Короли изъ дома Бурбоновъ, царствовавшіе въ Испаніи въ XVIII-мъ вѣкѣ, были домосѣды, любившіе тихую мѣщанскую семейную жизнь, монотонность которой ихъ не тяготила. Таковы были Филиппъ V, Фердинандъ VI, Карлъ III и Карлъ IV. Трудно себѣ представить что-либо болѣе однообразное, болѣе угнетающее, нежели образъ жизни при дворѣ этихъ королей, который ничѣмъ не напоминалъ блестящей придворной жизни Вѣны, Бер-

лина и даже Петербурга. Жизнь при испанскомъ дворѣ напоминала своей правильностью и однообразіемъ тѣ нѣмецкіе часы, гдѣ одни и тѣ же автоматы исполняютъ изо дня въ день въ одинъ и тотъ же часъ одни и тѣ же тѣлодвиженія и поклоны. Каждый день съ неумолимой правильностью вслѣдъ за обѣдней начинался докладъ, затѣмъ слѣдовали: обѣдъ, охота, ужинъ, игра въ карты; почти никогда не бывало танцевъ, банкета, спектаклей. Изрѣдка лишь бывали оффиціальныя празднества и торжественные baise-main, во время которыхъ придворные и сановники, одѣтые въ парадныхъ платьяхъ, проходили попарно мимо короля, королевы и инфантовъ, цѣлуя каждому руку; по окончаніи церемоніи всякій возвращался къ себѣ, а король отправлялся на охоту. Ничего подобнаго изящному Версальскому двору, гдѣ царило постоянное оживленіе и веселье. При испанскомъ дворѣ не было никакой умственной жизни, не велось никакихъ разговоровъ, никто не интересовался искусствами, не блисталъ умомъ. Дворъ стоялъ въ сторонѣ отъ начавшагося въ странѣ движенія къ возрожденію, которое онъ не въ состояніи былъ понять и направить.

Король Фердинандъ VI и его супруга, королева Варвара, были люди не веселаго нрава; они стремились только жить спокойно и старались, чтобы ихъ не затронули европейскія событія; они любили зрѣлища и дѣлили время и деньги между церковью и театромъ. По крайней мѣрѣ въ это царствованіе давались великолѣпныя оперныя представленія; но эти спектакли имѣли видъ чего-то совершающагося по командѣ; на нихъ не было веселья. Королева боялась разориться, король боялся дѣлъ и, овдовѣвъ, сталъ бояться смерти; эта боязнь дошла до того, что онъ умеръ отъ страха, отказываясь отъ пищи, отъ лѣкарства и отъ самаго обыкновеннаго ухода.

По сравненію съ нимъ Карлъ III былъ настоящій геній; несмотря на строгую религіозность, онъ не остался въ сторонѣ отъ просвѣтительныхъ стремленій вѣка и старался поднять Испанію до уровня другихъ державъ. Дворецъ сдѣлался при немъ уютнымъ, гостепріимнымъ домомъ; но онъ довольно скоро лишился жены, и съ ея кончиною придворная жизнь снова застыла. Король былъ пунктуаленъ до мелочности; онъ выработалъ извѣстныя правила жизни и строго подчинялся имъ, какъ монахъ; каждый день, почти механически повторялись одни и тѣ же занятія и даже развлеченія, не вызывая въ немъ повидимому скуки. Весьма скромный въ отношеніи одежды, ненавидѣвшій театръ и музыку, Карлъ III имѣлъ только одну страсть—охоту, и, занимая одинъ изъ величайшихъ престоловъ Европы, жилъ какъ простой дворянинъ. Его сынъ, Карлъ IV, свыкнувшійся съ дѣтства съ подобнымъ образомъ жизни, не понималъ иныхъ удовольствій.

„Зимою и лѣтомъ, какова бы ни была погода, записалъ онъ въ своихъ мемуарахъ, позавтракавъ и отслушавъ обѣдню, я охотился до часа дня затѣмъ, отобѣдавъ, отправлялся снова на охоту и возвращался только къ вечеру. Вечеромъ мнѣ докладывали о томъ, какъ идутъ дѣла, и я ложился спать съ тѣмъ, чтобы приняться за то же самое на слѣдующій день, если только какая-нибудь важная церемонія не задерживала меня дома".

Когда припадки подагры заставили его отказаться отъ охоты, онъ проводилъ цѣлые часы на конюшнѣ, осматривая лошадей, бесѣдовалъ съ конюхами, боролся съ ними; собиралъ коллекцію часовъ, игралъ на скрипкѣ. Онъ ненавидѣлъ театръ изъ патріотизма и изъ ненависти къ французскимъ модамъ.

Королева, „нимфоманка Марія-Луиза" вела на взглядъ такую же правильную жизнь, какъ король, ея супругъ. Чувственныя излишества были для нея какъ бы тайнымъ спортомъ, который ничѣмъ не нарушалъ внѣшняго благообразія королевской жизни. Но такъ какъ ей надобно было постоянно опасаться взрыва королевскаго гнѣва, то она наполнила Мадридъ и дворъ шпіонами, которые состояли у нея на жалованіи и предупреждали доносы, удаляя всѣхъ лицъ, навѣта коихъ королева опасалась. Терроризованный дворъ имѣлъ мрачный видъ.

Тезоименитства короля и королевы, и принца и принцессы Астурійскихъ, съ неизбѣжнымъ и скучнѣйшимъ baise-main только давали поводъ къ интригамъ среди царедворцевъ. Король останавливалъ иногда мимоходомъ кого-нибудь изъ министровъ или посланниковъ, чтобы сказать ему нѣсколько любезныхъ словъ, и придворные тотчасъ отмѣчали, что король поклонился особенно любезно той или другой дамѣ, улыбнулся тому или другому министру, критиковалъ туалеты дамъ; привычный царедворецъ различалъ съ перваго взгляда, насколько многочисленно собраніе по сравненію съ предъидущимъ годомъ; умѣлъ сразу оцѣнить, кто отсутствовалъ, кто былъ на пріемѣ.

Если не случалось какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, въ родѣ свадьбы, крестинъ, торжественнаго въѣзда въ Мадридъ новаго короля и т. п., то жизнь при дворѣ шла однообразно и безсодержательно, придворные такъ же точно, какъ и король долго не умѣли веселиться. Ихъ квартиры, если не считать гостиной и парадная входа, были плохо убраны и меблированы безъ вкуса; во всѣхъ углахъ висѣли паутины, стояли мышеловки. Самую большую роскошь въ домѣ составляла толпа ненужныхъ, оборванныхъ и бездѣльныхъ слугъ. „Прислуга постилала цѣлыхъ два часа постель, которая оказывалась плохо сдѣланной, ее нельзя было послать съ письмомъ или съ какимъ-нибудь порученіемъ, ибо она не умѣла его исполнить".

Испанскіе гидальго поражали своимъ невѣжествомъ. Извѣстный герцогъ Альба любилъ разсказывать о подвигахъ своихъ предковъ, но не имѣлъ понятія о томъ, гдѣ они одерживали побѣды. Про герцога Медина Чели, оберъ-егермейстера короля Карла III, англійскій посланникъ говорилъ, что его „было бы напрасно спрашивать о томъ, гдѣ лежитъ Англія".

Глупость и необщительность испанскихъ дворянъ поражала Сенъ-Симона: „испанцы, говоритъ онъ, не сходятся никогда другъ у друга за обѣдомъ и почти не посѣщаютъ другъ друга. Еще неохотнѣе сближаются они съ иностранцами. Сходясь, они просиживаютъ иногда часами, не разговаривая".

Но если гидальго былъ богатъ, то его расточительность не имѣла предѣловъ. Патино, министръ Филиппа V, славившійся своимъ гостепріимствомъ и двери котораго были открыты для всѣхъ, никогда не требовалъ у своего управляющаго отчета въ истраченныхъ деньгахъ и даже въ завѣщаніи запретилъ требовать у него этого отчета; въ знакъ своей признательности онъ даже оставилъ ему перстень.

Герцогъ Аркосъ, посланный Карломъ III въ Неаполь, чтобы присутствовать въ качествѣ его представителя на крестинахъ старшей дочери короля обѣихъ Сицилій, истратилъ на эту поѣздку четыре милліона реаловъ; когда онъ уѣзжалъ изъ Неаполя, то лаццарони провожали его экипажъ до первой станціи.

Во время бракосочетанія инфанта дона Габріэля съ донной Маріей португальской, въ 1785 г., испанскимъ посланникомъ въ Лиссабонѣ былъ графъ Фернанъ Нуньецъ. Онъ далъ въ честь новобрачныхъ роскошный праздникъ. Ужинъ былъ сервированъ на 331 человѣкъ. Столовый приборъ былъ привезенъ изъ Парижа. Въ люстрахъ и канделябрахъ горѣло 3.500 восковыхъ свѣчей.

Подобные чрезвычайные расходы нарушали равновѣсіе бюджета самыхъ состоятельныхъ людей. Въ 1793 г. герцогъ Медина Чели задолжалъ французскимъ ювелирамъ въ Мадридѣ 1.650.000 реаловъ, герцогъ де-Фріасъ былъ долженъ 160.000 реаловъ, Николай Лючіано и Агвиларъ были должны 176.000 реаловъ, маркизъ Сантіаго — 40.000 реаловъ.

Страшный упадокъ, до какого дошла испанская аристократія въ концѣ XVIII-го вѣка, былъ справедливымъ наказаніемъ за ея духовное ничтожество. Еще болѣе невѣжественная, чѣмъ духовенство, кичившаяся своими призрачными правами, поглощенная рутиной, она питала глубокое и совершенно безпричинное отвращеніе ко всякому новшеству, ко всякой реформѣ; она ненавидѣла начавшееся повсюду революціонное движеніе, подобно тому, какъ духовенство ненавидѣло ереси, но не съумѣло проявить въ своей ненависти той дикой энер-

гіи, какую выказало духовенство въ борьбѣ съ еретиками. Духовенство было побѣждено только послѣ семидесяти лѣтъ упорной, жестокой борьбы, а аристократія не пыталась даже вступать въ открытую борьбу съ ненавистными ей новыми вѣяніями, занесенными изъ Франціи.

Все, что было въ Испаніи лучшаго, жизненнаго, сосредоточивалось въ городахъ.

Мадридъ, избранный столицею Испанскаго королевства только благодаря своему центральному положенію, былъ долгое время не болѣе какъ административнымъ центромъ; политическое первенство долго оспаривалось у него другими городами: Сарагоссой, Барцелоной, Валенціей и Севиллой, — бывшими столицами древнихъ королевствъ Пиренейскаго полуострова. Гордые своимъ прошлымъ, своими роскошными памятниками искусства, Сарагосса кичилась своимъ аристократизмомъ, Барцелона — своей промышленностью, Валенція была богаче Мадрида, Севилья—красивѣе и веселѣе.

И, дѣйствительно, Мадридъ, несмотря на всѣ заботы испанскихъ королей объ его украшеніи, и на преувеличенныя похвалы, которыя расточали ему кастильскіе поэты, былъ еще въ половинѣ XVIII-го вѣка некрасивымъ, плохо построеннымъ и плохо содержаннымъ городомъ.

Самые красивые дома походили на мрачныя крѣпости, множество домовъ имѣло самый жалкій, неказистый видъ. Причина этого явленія довольно любопытна.

Когда Филиппъ II перенесъ, въ 1560 г., свою столицу въ Мадридъ, онъ приказалъ размѣстить своихъ придворныхъ у наиболѣе достаточныхъ лицъ города. Это обязательство превратилось съ теченіемъ времени въ 50%-й налогъ со стоимости дома, который взимался, впрочемъ, только съ наиболѣе красивыхъ зданій.

Владѣтели маіоратовъ и монастыри, коимъ принадлежала большая часть городской земли въ Мадридѣ, стараясь уклониться отъ уплаты этого налога, придумали строить вмѣсто красивыхъ домовъ огромныя лачуги, прозванныя „casa a la malicia“ (дома съ хитростью); еще въ 1800 г. такихъ домовъ было двѣ трети изо всѣхъ частныхъ зданій въ Мадридѣ.

Улицы испанской столицы были узкія, извилистыя, темныя, своею грязью возбуждавшія безконечныя насмѣшки; большая часть представляла собою не что иное, какъ стокъ нечистотъ; онѣ были вымощены маленькими остроконечными камешками, которые тщательно укладывались остріемъ вверхъ. Возлѣ домовъ не было ни водосточныхъ трубъ, ни канавъ, всякіе отбросы и помои выливались на улицу, при чемъ кричали: „aqua va!“, предупреждая прохожихъ; посреди улицы накоплялись груды нечистотъ, которыя метельщики убирали всего два раза въ недѣлю. При первомъ дождѣ, зловонная пыль, покры-

вавшая землю, превращалась въ невылазную грязь, въ которой тонули пѣшеходы, забрызгиваемые съ ногъ до головы проѣзжавшими мимо крестьянскими телѣгами и каретами важныхъ господъ. Настоящими хозяевами мадридскихъ улицъ были поросята, которые откармливались въ монастырѣ св. Антонія. Эти животныя, находившіяся подъ покровительствомъ двора и кастильской палаты, свободно бродили по улицамъ, разрывали мостовую, копошились въ грязи, или, охваченныя внезапно паническимъ страхомъ, бѣгали, хрюкая, вскачь по жидкой грязи и едва не сбивали съ ногъ прохожихъ.

По вечерамъ было небезопасно выходить на улицу безъ провожатаго или безъ носилокъ, не будучи вооруженнымъ; нерѣдко находили трупы убитыхъ людей передъ самыми дверями дворцовой тюрьмы. Улицы освѣщались только лампадками, мерцавшими кое-гдѣ передъ образами Божіей Матери, да убогими фонариками, которые домовладѣльцы подвѣшивали къ балконамъ перваго этажа.

Мадридъ очень страдалъ отъ недостатка воды. При малѣйшемъ пожарѣ выгорали цѣлые кварталы, такъ какъ ручные насосы, употреблявшіеся для тушенія пожара, оказывались всегда въ неисправности.

Только при Карлѣ III, вступившемъ на престолъ въ 1759 году, было приказано вымостить улицы, освѣтить ихъ фонарями, были сооружены водопроводы, начали воздвигать грандіозныя зданія.

Карлъ III, едва не разорившій Мадридъ, такъ какъ онъ хотѣлъ перенести свое мѣстопребываніе въ Севилью, обезпечилъ окончательно благосостояніе столицы, основавъ въ ней крупныя ученыя учрежденія, королевскую семинарію для дворянъ, королевскую коллегію, обсерваторію, ботаническій садъ, естественно-историческій музей.

Но, несмотря на всѣ эти улучшенія, Мадридъ еще при его пріемникѣ былъ грязнымъ городомъ, жители котораго чувствовали себя далеко не безопасно. Въ концѣ XVIII вѣка въ немъ появилось, однако, не мало прекрасныхъ зданій, хотя причудливая фантазія испанцевъ все-таки не дала возможности придать ему внѣшній видъ европейскаго города.

За глинобитной стѣною, сооруженной вокругъ Мадрида, домовладѣльцы строились безъ всякаго плана и порядка, сообразуясь единственно со своей фантазіей, своими средствами и капризомъ, вслѣдствіе чего дома были нагромождены въ самомъ живописномъ забавномъ безпорядкѣ.

Улицы круто лѣпились по склону холмовъ и во время ливней превращались въ бурные потоки. Нѣкоторые переулки были узки, какъ тропинки, другіе имѣли воронкообразный видъ, двѣ трети города были заняты домами грандовъ и монастырскими зданіями, дворцы

стояли рядомъ съ лачугами; деревянныя и глиняныя постройки обезображивали лучшіе кварталы города.

Житель Мадрида проводилъ большую часть дня внѣ дома; въ противоположность высшему классу, который только умѣлъ скучать, средній и простой классъ любилъ веселье, шумныя празднества, многолюдныя собранія.

Тщетно былъ изданъ рядъ указовъ (1769—1789), коими воспрещались маскарады въ рождественскій сочельникъ, конфетти во время карнавала, фейерверки, петарды, стрѣльба изъ ружей; тщетно воспрещалось молодымъ дѣвушкамъ появляться на улицѣ въ костюмѣ „царицы мая“ и т. п., мадридцы не обращали вниманія на эти многочисленные указы и неудержимо стремились къ забавамъ, не обращая вниманія на запреты строгихъ судей и полицейскихъ.

Единственно, что королямъ удалось добиться этими запретительными указами—была нѣкоторая доля лицемѣрія, но нравственность отъ этого ни мало не улучшилась.

Народъ, не въ примѣръ высшему классу, обожалъ театръ, и правительство было вынуждено удовлетворить этому національному вкусу, несмотря на то, что противъ театральныхъ представленій возставали гражданскія и духовныя власти. Филиппъ V, уже 19 сентября 1725 г., разрѣшилъ давать комедіи, „исполняемыя съ должнымъ приличіемъ и скромностью“. И хотя впослѣдствіи неоднократно дѣлались попытки запретить театры, но противъ желаній народа трудно идти даже неограниченному монарху; поэтому театръ не только продолжалъ существовать, вопреки оппозиціи двора и церкви, но къ концу XVIII вѣка онъ окончательно освободился отъ вліянія духовенства и сдѣлался чисто свѣтскимъ учрежденіемъ.

Въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Мадридѣ еще не было особыхъ театральныхъ залъ; представленія давались во дворахъ гостиницъ; пьесы были отвратительныя, актеры еще того хуже, и шумливые неблаговоспитанные зрители устраивали скандалы.

Первый постоянный театръ былъ выстроенъ, въ 1708 г., италіанцемъ Бартоли; пять лѣтъ спустя онъ перешелъ въ вѣдѣніе города 31-го мая 1737 г. появился указъ, коимъ повелѣвалось передать этотъ театръ компаніи, ставившей италіанскія оперы. Королева пожелала слушать оперу и завладѣла единственнымъ театромъ, существовавшимъ въ Мадридѣ. Тогда любители драматическихъ представленій построили новый театръ.

Внѣшній видъ театральнаго зала долго носилъ въ Испаніи отпечатокъ своего народнаго происхожденія и походилъ на толкучку. Мужчины сидѣли въ шляпахъ, курили въ антрактахъ сигары и трубки. Мало по малу это измѣнилось, но публика все же держала себя очень

свободно, и испанскій театръ не имѣлъ такого холоднаго, натянутаго вида, какой представляютъ театральныя залы другихъ странъ.

Какъ ни были новы и любопытны эти спектакли, занесенные изъ-за границы, все-таки въ глазахъ истиннаго испанца ничто не могло сравниться съ великолѣпнымъ боемъ быковъ (toros de muerte).

Къ несчастью для народа короли изъ дома Бурбоновъ были противъ этого зрѣлища еще болѣе, нежели противъ спектаклей и маскарадовъ. Они разрѣшали ихъ только въ особенно торжественные праздники, и любители сильныхъ ощущеній должны были довольствоваться въ обыкновенное время пѣтушиными боями.

Бой быковъ долгое время считался аристократической забавой. Въ 1680 г., во время празднествъ, происходившихъ по случаю бракосочетанія Карла II, герцогъ Медина Сидоніа, маркизъ Камараса, графы Ривадавіа и Кенигсмаркъ вели бой быковъ верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ. Сенъ-Симонъ называетъ въ числѣ извѣстнѣйшихъ торреро его времени, графа д'Аркоса, оберъ-шталмейстера Филиппа V.

Презрѣніе, съ какимъ относился къ этому зрѣлищу король, отбило мало по малу у аристократіи желаніе принимать въ нихъ участіе, и въ торреро шли только люди изъ народа, для которыхъ бой быковъ сдѣлался исключительнымъ ремесломъ.

Въ 1773 г. въ Испаніи насчитывали всего четыре постоянныхъ амфитеатра: въ Мадридѣ, Аранжуецѣ, Гренадѣ и Севильѣ. Но въ каждомъ городѣ была обширная площадь, предназначенная для боя быковъ. Ее обносили заборомъ, владѣльцы сосѣднихъ домовъ, прилегавшихъ къ площади, уступали зрителямъ свои балконы втораго и третьяго этажа, и такимъ образомъ получался довольно удобный циркъ.

Появленіе на улицахъ объявленія о боѣ быковъ вызывало восторгъ среди населенія. Министръ Кампилло говорилъ, что жители Сарагоссы готовы снять съ себя послѣднюю рубашку, чтобы быть на боѣ быковъ. Существовала поговорка, что „если бы въ раю происходили бои быковъ, то всѣ гвипускойцы сдѣлались бы святыми, чтобы видѣть ихъ".

Быки доставлялись изъ Андалузіи, Кастильи или Наварры. Когда быковъ приводили въ какой-нибудь городъ, то это было поводомъ къ всеобщему веселью. Навстрѣчу имъ выходила несмѣтная толпа, молодые люди сопровождали ихъ верхами, женщины стояли въ окнахъ, махали платками, мантильями. Въ циркѣ мѣста доходили до бѣшеныхъ цѣнъ.

Несмотря на огромную популярность этого кроваваго зрѣлища, оно было воспрещено во всемъ королевствѣ, указомъ отъ 10-го февраля 1805 г., арены цирка открылись снова лишь по повелѣнію короля Іосифа Бонапарта (1808 г.).

Жажда удовольствій, обуявшая испанскій народъ, не находила себѣ достаточной пищи. Боя быковъ, театра и маскарадовъ не могло быть каждый день, а такъ какъ простолюдина не удерживала дома любовь къ домашнему очагу, то онъ проводилъ всѣ свои досуги въ тавернѣ за азартными играми. Надобно однако замѣтить, что пьянство было въ Испаніи явленіемъ довольно рѣдкимъ. Азартныя игры, несмотря на всѣ запретительные противъ нихъ указы, дѣлали несравненно болѣе жертвъ, нежели пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ.

При всеобщей жаждѣ къ всякаго рода увеселеніямъ и зрѣлищамъ, которая охватила испанскій народъ во второй половинѣ XVIII вѣка, оставалось мало времени для умственной жизни; однако духъ времени сказался и на мадридскомъ обществѣ, и несмотря на инквизицію, несмотря на суровое преслѣдованіе печатнаго слова, французскіе философы и экономисты находили въ Испаніи усердныхъ читателей и послѣдователей; мало по малу новыя вѣянія охватили просвѣщенные классы и когда обстоятельства позволили наконецъ народу возвысить свой голосъ, то его первый крикъ былъ возгласомъ свободы, его первымъ дѣломъ было провозглашеніе конституціи (1812 г.), съ введеніемъ которой окончилось существованіе въ Испаніи стараго режима.

Къ несчастью для страны ея крестьянское населеніе было еще проникнуто фанатизмомъ, такъ какъ высшій, болѣе образованный классъ ничего не сдѣлалъ для его просвѣщенія. Нѣсколько землевладѣльцевъ-филантроповъ, нѣсколько епископовъ-благотворителей основывали то тамъ, то тутъ школу, образцовыя фермы, мастерскія, но эти отдѣльныя просвѣтительныя попытки не могли сдѣлать ничего существеннаго для прогресса массы народа. Испанскій крестьянинъ пребывалъ по-прежнему въ невѣжествѣ и нищетѣ.

Но эти милліоны людей, коснѣвшіе въ невѣжествѣ вслѣдствіе преступнаго равнодушія достаточныхъ классовъ, были одарены отъ природы прекрасными качествами. Трезвые и выносливые, они умѣли, по образному выраженію, „превращать камень въ хлѣбъ“ и прокормиться на самой неблагодарной почвѣ. По врожденной честности и нравственнымъ качествамъ, они стояли выше богатыхъ и образованныхъ классовъ Испаніи и несмотря на свое невѣжество выказывали подчасъ много здраваго смысла и хитрости.

Народная поэзія испанцевъ—одна изъ самыхъ богатыхъ, деревенскія пѣсни, повѣрья и поговорки представляютъ прелестную смѣсь чувства и ироніи, выраженную въ замѣчательно образныхъ выраженіяхъ.

Презираемый высшимъ классомъ, испанскій народъ встрѣчалъ сим-

патію только со стороны священниковъ и въ особенности со стороны монаховъ, которые были такъ же бѣдны, какъ онъ, такъ же невѣжественны и суевѣрны, говорили понятнымъ народу языкомъ, согрѣвали его душу, разсказывая ему о чудесахъ.

Народъ стремился къ тому, кто умѣлъ понимать его и, если онъ погрязъ въ грубомъ невѣжествѣ, то въ этомъ надобно винить тѣхъ, кто имѣли возможность развить его умственно, но не заботились объ этомъ.

Вся исторія Испаніи въ XIX вѣкѣ была яркой иллюстраціей этой жизни, образовавшейся между просвѣщеннымъ и либеральнымъ меньшинствомъ и народной массой, оставшейся на той же степени развитія, на какой она находилась въ средніе вѣка.

Московск...

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1905 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Записки П. Н. Глѣбова	1—42
II.	Записки стараго актера	43—58
III.	Записки А. М. Линдена	108—143
IV.	Императоръ Александръ I, послѣ занятія Москвы (изъ записокъ Попова).	241—273
V.	Изъ воспоминаній о князѣ А. Ѳ. Орловѣ. С. М. Борщова.	417—422
VI.	Воспоминаніе о наводненіи 1824 г. А. Романовскаго.	423—430
VII.	Воспоминаніе о князѣ Юріѣ Голицынѣ . . .	442—444
VIII.	Записки Н. Г. Залѣсова.	509—548
IX.	Графъ Д. А. Толстой въ Казани (по личнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ старожиловъ). Сергѣя Манассеина.	572—577
X.	Дѣятели 1850 года (изъ записокъ Попова). .	602—610

Портреты.

I. Портретъ Павла Дмитріевича Рудакова. (При 5-й книгѣ).

II. Портретъ Леонида Петровича Блюммера. (При 6-й книгѣ).

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Восточная политика Наполеона I.	59—73, 305—323, 578—601
II.	И. З. Суриковъ (1841—1880) въ семьѣ своихъ литературныхъ преемниковъ. А. И. Яцимирскаго	74—107
III.	Икотники и кликуши. И. С. Бѣляева. . .	144—164
IV.	Изъ жизни императора Николая Павловича.	165—174
V.	Какъ иногда возникали переселенія. А. А. Лебедева.	175—191
VI.	Письма П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому	192—199
VII.	Изъ архива Ѳ. В. Булгарина. Сообщилъ Н. К. Пиксановъ.	200—216
VIII.	Изъ архивныхъ мелочей. Сообщ. М. Соколовскій.	217—239, 469—480
IX.	Дневникъ П. Д. Рудакова о войнѣ въ Малой Азіи въ 1854—55 г. В. Корсаковой.	274—304, 481—508
X.	Одинъ изъ дѣятелей Екатерининской эпохи. Н. Столпянскаго	324—341

		стран.
XI.	Русская печать на Прибалтійской окраинѣ. Гаральда	342—373
XII.	Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола.	374—391
XIII.	Аксаковы и цензура 1852 г.	392—403
XIV.	Сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ въ Архангельской ссылкѣ (1718—1727 гг.) Г. Б.	404—411
XV.	Письмо графа Ростопчина къ императору Александру I съ доносомъ на Сперанскаго.	412—416
XVI.	Письмо Фотія къ императору Николаю I. Сообщ. А. А.	431—438
XVII.	Письмо новгородскаго и с.-петербургскаго митрополита Серафима къ императору Николаю I. Сообщ. А. А.	439—441
XVIII.	Аттестація стараго времени. П. Юдина	445—447
XIX.	О неутвержденіи В. Н. Каразина въ должности. Н. А. Мурзанова	448—451
XX.	Переписка Рунича и Краевскаго по поводу похоронъ Сперанскаго	452—457
XXI.	Грамота, пожалованная моему предку Кузьмѣ Минину	458—459
XXII.	Письмо казака Платову	460—463
XXIII.	Памяти Дмитрія Ильича Романовскаго. Г. Арендаренко	464—468
XXIV.	Л. П. Блюммеръ (біографическій очеркъ). Проф. Евг. Боброва	549—571
XXV.	Конфиденціальная записка, составленная генералъ-адъютантомъ Ридигеромъ въ августѣ 1855 г.	611—628
XXVI.	Всеподданнѣйшая записка Каменскаго 1850 г.	629—657
XXVII.	Ипполитъ Завалишинъ въ Сибири.	658—661
XXVIII.	Отголоски Пугачевскаго бунта	662—671
XXIX.	Вице-адмиралъ Бойль и преосвященный Варлаамъ, епископъ архангельскій. С. Артоболевскаго.	672—681
XXX.	Эпиграммы и эпитафіи И. А. Крылова. Сообщ. Л. Ильинскій.	682—685
XXXI.	Медальщики. Н. Шубина	686—689
XXXII.	Докладъ генералъ-аудиторіата по дѣлу о князѣ Горчаковѣ 2-мъ. Сообщ. М. Соколовскій.	690—696
XXXIII.	По поводу записокъ стараго актера. И. Булдина.	697—700
XXXIV.	Историческіе и бытовые очерки западной старины	701—718

Библіографическій листокъ.

1. Е. П. Трефильевъ. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Царствованіе императора Павла Перваго. — Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. О законодательствѣ Анны Іоанновны. Опытъ систематическаго изложенія. Соч. А. С. Парамонова. — Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ майской книги).

3. 1801—1901. Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи. Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ. Тифлисъ 1904 г. — Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюньской книги).